ВСЕВОЛОД МАРТЫНЕНКО

Пойнтер

Собачий Глаз
Белое солнце Пойнтера
Пойнтер в гору не пойдет

ВСЕВОЛОД МАРТЫНЕНКО

Пойнтер

Собачий Глаз
Белое солнце Пойнтера
Пойнтер в гору не пойдет

Пойнтер

Собачий Глаз

Белое солнце Пойнтера

Пойнтер в гору не пойдет

Ленинградское издательство
2012

ББК 84.445
М29

Оформление обложки *Н. Зубкова*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Мартыненко В.

М29 **Пойнтер:** Собачий глаз. Белое солнце Пойнтера. Пойнтер в гору не пойдет. — СПб.: «Ленинградское издательство», 2012. — 992 с.

ISBN 978-5-9942-0984-4

Это мир, где все в руках у надменных Дневных и Ночных Властителей — долгоживущих эльфов.

Джек Пойнтер, по прозвищу Собачий Глаз, ветеран войны, по рождению — простой смертный, а по статусу — эльфийский Ночной Властитель, даже не надеется, что проведет остаток дней своих в любви и покое...

Думаешь, оставил все беды в прошлом, спрятал их в болотах и джунглях далеко и надолго? У судьбы свое мнение на этот счет, а отвечать на ее вызов придется в пещерах и ледяных горах, где властвуют суровые обычаи, скрываются чудовища и таится древнее зло.

А если тебя назначают военным атташе в другое государство – ни в коем случае не считай, что это непыльная должность на задворках мироздания, нечто вроде почетной ссылки, ведь завтра тебя могут убить.

Но если терять больше нечего, а жизнь твоя и твоих близких и так поставлена на кон – почему бы не попытаться взять главный приз в этой игре, установив СВОИ правила?

ББК 84.445

ISBN 978-5-9942-0984-4

© Мартыненко В., 2012
© «Ленинградское издательство», 2012

Собачий
Глаз

1. Храм Победивших Богов
2. Управление Штурмполиции
3. Пруды Переливчатых Медуз
4. Больница Дерха-подвижника
5. Площадь Умиротворения
6. Площадь Дилижансов
7. Гатуканское кладбище
8. Ипподром

A. Ворота Забвения
B. Ворота Успеха
C. Ворота Печали
D. Ворота Сожаления
E. Ворота Надежды

С благодарностью:
Ольге Златогорской — за формирование облика персонажа;
Павлу Воронцову — за глубокое видение мира;
Наталье Мазовой — за виртуозную шлифовку стиля.
А еще Наталье с Ольгой отдельное спасибо — за то, что без них эта история вообще не появилась бы...

Часть первая

ПОТРОШИТЕЛЬ ПОЙНТЕР

1
Собачий Глаз

...Никому не открывай
Наших самых страшных тайн,
Никому не говори, как мы умрем...[1]

Секс у всех человекоподобных рас, населяющих Анарисс, принципиально схож. Различается только чистота простыней. По крайней мере, с этим у меня все было в порядке. Да и со всем остальным тоже — во всяком случае, для затраченной суммы. До того самого момента, когда в спинку кровати прямо перед моим лицом вонзилась короткая оперенная стрела.

Я рефлекторно попытался перекатиться за кровать, чтобы оказаться напротив окна и выхода на галерею, но не сумел сразу отцепить завизжавшую девицу. Хорошо хоть правая рука осталась свободна и теперь лихорадочно шарила под подушкой. Пружинный стреломет не так силен, как арбалет, но до противоположной крыши достанет. А именно там, в слуховом оконце, маячила пара фигур в черном, орудующих «козьими ногами» своих стрелометов. Эх, дотянуться бы до ставней...

Проститутка наконец заткнулась и обмякла, а я выпутал стреломет из простыни. Лязгнул спуск верхнего ствола, и одна

[1] Здесь и далее — А. Васильев. «Бонни и Клайд».

из черных фигур перевалилась через край окошка и закувыркалась по крыше к карнизу. Со вторым пришлось повозиться: он успел выстрелить и снова взвести арбалет, а я — впустую опорожнить два ствола стреломета. Но последняя, четвертая стрела отбросила его в темноту чердака.

Каюсь, первым делом я озаботился перезарядить стреломет, а уже потом поинтересовался самочувствием наемной куклы, попутно выбираясь из ее цепких объятий.

И только теперь понял, отчего девица так спокойна. Полускрытые золочеными ресницами глаза уже затянуло мутью, а между зазывно приотворенных губ, как дразнящий острый язычок, высунулся наконечник стрелометного болта.

Демоны неудач! Теперь с адвокатами публичного дома хлопот не оберешься. В городском праве главенствуют две презумпции: «Виновен выживший» и «Рядом с трупом можно обнаружить только убийцу».

От этих размышлений меня оторвала очередная стрела, распоровшая подушку. По комнате закружились перья. То ли очухался подраненный, то ли нападающих оказалось больше двух. И желания отправить меня за Последнюю Завесу у них не убывало.

Терять было нечего. Волоча на себе девицу, я дотянулся до стола и хлопнул ладонью по заказному амулету борделя. Несколько тупых толчков в труп известили о том, что стрелы у нападающих отнюдь не на исходе. Но я уже ввалился в открывшийся на стене фиолетовый зев возвратного портала, прорвав телом пленку световой рекламы.

По ту сторону оказался тесноватый, но чистый офис. Пара жирных охранников с дубинками и кастетами, гример, он же по совместительству фельдшер, в сером — на мой, не различающий цвета взгляд — халате. И разумеется, дюжина готовых к отправке девиц, до жути одинаковых в своем металлическом блеске.

Куклы, неотличимые от убитой товарки. Волосы вызолочены «ведьминым чаем», лица и фигуры подправлены на один и тот же манер простеньким заклятием не из дорогих. Да еще наложена несложная поведенческая программка проститутки — только покорность и секс-техника. С такой не пожуль-

ничаешь — сделав, что положено, заклятая все равно вырубится, а если задержать, вызовет охранника.

Глотки девиц перехвачены золочеными ошейниками легального контракта. На них, видимо, и навязаны заклятия. Сними ошейник — и снова перед тобой деревенская простушка, хлопающая коровьими ресницами: как это она здесь оказалась? Ведь только что была в приемной приличной фирмы, предоставляющей работу девушкам для оказания приятных услуг...

Правда, половина эффекта от усилий оформителей пропала для меня из-за отсутствия цветного зрения. Я видел просто полустертый металлический блеск на волосах, грубоватые украшения и блестки на коже. Впрочем, времени разглядывать их у меня все равно не было.

Быстрее всех на мое появление отреагировал медик. Он икнул и сполз по стене, закатив глаза. Охранники начали медленно вздыматься из-за конторки, постепенно осознавая происходящее. Девицы же не принимали никакого участия в событиях, сомнамбулически сидя рядком на длинной скамье. Вероятно, под заклятием они реагировали только на коды вызова или временного освобождения.

Видимо, от неожиданности меня тоже замкнуло, ибо я не нашел ничего лучше, чем дрожащим голосом сказать: «Спокойно! Совершено нападение!» Охранники едва не закивали: как же, нападение, ясное дело. Только они не уразумели, что нападение совершено на меня. Девица, утыканная стрелами, как еж иголками, и стреломет у меня в руках не способствовали пониманию. А времени объясняться как-то уже не было.

Сообразив это, я швырнул мертвую в охранника потолще и наставил стреломет на другого. Толстяка прямо-таки смело, а его напарник резко затормозил. Но еще сильнее он начал тормозить, услыхав мой крик:

— Штаны снимай! Всё снимай!!!

Дрожащими руками охранник принялся расстегивать ремень. Толстяк закопошился под убитой проституткой, застывшей, как сломанная кукла. Пришлось всадить стрелу в пол перед самым его носом, и он снова затих, словно мышь под веником.

— Сапоги тоже снимай! — подстегнул я второго. Без обуви даже по мощеной улице не очень-то побегаешь, а мне, похоже, придется немало побегать, пока ситуация не прояснится.

Кстати, неплохо бы кое-что предпринять для ее прояснения. Есть у меня где надо один корешок. Фронтовой друг.

Выхватив одежду из рук вышибалы, я затряс того за плечо:

— Скажи Лансу... сержанту Лансу из Штурмполиции... что на Пойнтера напали. Убить кто-то хочет... Очень хочет! Ее — тоже они!!! — я мотнул головой на труп девицы.

Он мелко закивал, скосил глаза на стволы стреломета, пляшущие у него под носом, и отрубился вслед за медбратом. Я плюнул в сердцах, но зато смог более-менее спокойно одеться, понадеявшись на благоразумие толстяка.

Как оказалось, зря. Пока я натягивал штаны и обувь, тот дотянулся до раковины ближней связи. По лестнице загрохотали сапоги.

Две стрелы в притолоку на десяток секунд охладили пыл охранников. Они умело распорядились временем, во второй раз двинувшись на приступ под прикрытием дубового стола из соседнего офиса.

Но и я не терял времени попусту: перезарядил стреломет, выдернув стрелу из настила, заехал сапогом в рожу толстяку и, обеспечив таким образом тылы, пошел на прорыв.

Охранники просачивались в помещение по краям стола, как тараканы. Похоже, у кого-то из них тоже был стреломет, потому что одна из девиц судорожно всписнула и скорчилась, зажимая бок.

Этих-то за что! Я рванул ошейник ближайшей проститутки — заклятие разрядом кольнуло пальцы. Та резко прибавила в весе на полдюжины фунтов и в возрасте на целую дюжину лет, осоловело хлопнула ресницами, оглянулась и испустила оглушительный визг. На пару секунд все застыло в немой сцене.

Мне хватило этого времени как раз на то, чтобы пробежать вдоль скамьи, срывая ошейники. Спустя мгновение визг удесятерился. Мигом обретя разнообразие, золоченые куклы заметались во всех направлениях, снося по пути охранников и рикошетируя от стен и ударов дубинок. Про меня все както забыли. Оно и к лучшему.

Через стол, торчком вставший в дверях, удалось перемахнуть одним прыжком с опорой на руку. По ту сторону как раз кстати случился еще один вышибала. Приземлившись ему на спину — только ребра хрустнули, — я скатился вниз по лест-

нице, словно файрбол из катапульты, миновал приемную с дорогой ухоженной секретаршей и выскочил на улицу.

Остановился я только через пару кварталов — провертеть стрелой новые дырки в ремне. Все-таки и меньший охранник был куда жирнее меня. Зато кошелек на его поясе оказался значительно толще моего собственного. Содержимое тянуло на три с лишним золотых, да все полуунциями и четвертаками.

Моя военная специальность — программирование кадавров — не слишком-то сытно кормит на гражданке. А на ветеранскую пенсию, четверть меканской унции в месяц, в Анариссе можно прожить два дня. Полторы сотни золотых на полную регенерацию зрения да двести восемьдесят на пластику лица этак не накопишь. Зато иногда выпадает лишний золотой за наладку ценного кадавра. Он и идет в дело в первый же свободный день, как сегодня...

На ближайшем перекрестке я опять поймал в кармане юркую руку разносчика. Вывернул наружу, разжал ладонь. Обычный рекламный спам — амулеты фаст-фуда, сезонных распродаж, лекарей и публичных домов. Ну уж нет, хватит мне на сегодня всех этих радостей. Особенно последней разновидности...

С утра-то в моем кармане нашлись сразу три заказных амулета борделей: дешевый, в шесть унций, от «Все, что изволите», и два по полному золотому от «Совершенства» и «Лесной лужайки».

Первый я, не раздумывая, кинул в окно. На лекарства потом больше уйдет. А выбрать из двух других оказалось труднее. На прилагательное «эльфийский» самими эльфами наложен коммерческий запрет. Весьма жестко соблюдаемый. Так что желающим приходится обходиться намеками, ассоциациями — из чего стиль заведений тем не менее вполне ясен. Правда, в «Совершенстве» сквозил еще и садомазохистский акцент...

Решившись, я потер ребром золотого амулет «Лесной лужайки». Монета наполовину ушла в оправу, а на стене фиолетовым контуром замерцал портал, пробежала рябью световая реклама, и из стены выступила заказанная девица. Когда она отработает, монету вгоняют в амулет до конца, и портал открывается вновь, чтобы вернуть проститутку.

Дальнейшее уже известно...

Забытый за мрачными воспоминаниями разносчик задергался, выкручивая руку из моей лапищи.

— Ты чего, дяденька? Я в своем праве, не из кармана, а в карман! — возмутился мальчонка. — Законная работа!!!

Ага. Только навыки те же, что у карманника. Но вот такой-то мне сейчас и нужен.

— Пол-унции заработать хочешь?

— Кто ж не хочет! — шмыгнул носом разносчик. — Если без грязи и мокрятины!

— Все чисто, — заверил я. — Сержанта Ланса знаешь?

— Обезьянью Лапу? Кто не знает!

— Его самого. Передай, что Пойнтер ждет в шесть на обычном месте. Усвоил?

— Как же! Собачий Глаз... — ухмыльнулся он, но тут же поправился: — Пойнтер, в шесть, на обычном месте.

Я дал ему подзатыльник и вытащил полуунцию с осьмушкой из кошелька. Малый, не удивившись, распределил их обычным образом: полуунцию за щеку, осьмушку в свой кошель. И отчалил — только пятки засверкали.

Это теперь меня зовут Джек Догай Пойнтер. Или Пойнтер-Собачий Глаз. Раньше это было не смешно. До войны, когда у меня имелись оба глаза, и ни один из них не был собачьим...

Так что теперь не смешно только мне. Пойнтер — не кличка, а клановое имя. Впрочем, где теперь тот клан... Там же, где мои собственные глаза и прочие прелести довоенной жизни.

Государственная страховка возвратила мне зрение — в минимально необходимом объеме, без всякой претензии. Черно-белая плоская картинка все же лучше, чем ничего. Армейские маги знают свое дело. Но армейские бухгалтеры свое дело знают еще туже. Недовольные без больших денег или сильной протекции, случалось, лишались и того, что получили, — уже без всякой надежды на компенсацию. Ну и ладно — собачий глаз на полуизжеванной физиономии не так плох, как обезьянья лапа вместо руки или, того хуже, какая-нибудь часть от мертвяка, бесчувственная и вечно сочащаяся сукровицей.

Вот только собакам в глаза я теперь не смотрю. То ли стыдно, то ли боюсь, что за своего примут. С меня и людей хватит. Не говоря уже о прочих человекоподобных.

Нет, все не так плохо. Если б не женщины. До войны на меня, сопляка, ноль внимания, а теперь чего уж ждать... Но решать эту проблему деньгами после сегодняшнего зарекусь навек! И вообще начну новую жизнь в ореоле святости. Так, что ни один околоточный не привяжется.

Хотя насчет полиции теперь, пусть относительно, можно быть спокойным. Ланс не спустит гончих, не поговорив со мной неофициально. Это ему повезло на обезьяньи лапы. Хорошо хоть не на задние.

Домой наведываться, впрочем, рановато. Оставшиеся убийцы в черном, конечно, давно разбежались, а вот костоломы из борделя вполне могут устроить засаду по наводке амулета. Ладно, просто прогуляюсь до шести по городу, будто ничего не случилось. День остается свободным, а кошелек оттягивает нечаянная премия за умело проведенную боевую операцию.

Вон, солнышко светит... Полдень уже.

На горгулью этажом выше, хлопая перепонками, уселся крикун и противным фальцетом заорал дневные новости:

— Объявлен в розыск опасный преступник! Сексуальный маньяк, убийца проституток, Потрошитель Пойнтер!!! Прослушайте ориентировку примет лиходея!..

Я рефлекторно вжал голову в плечи. Еще не хватало! Поискал взглядом камень, но вовремя спохватился: крикуны увертливы и злопамятны, а гадят и плюются очень метко. Да еще вполне способны поделиться моими приметами в редакционном крикунятнике, пока наборщики вдалбливают им очередные новости и рекламу.

Мельком все-таки глянул наверх. Перепонки у крикуна черно-желтые, полосами. Значит, от «Городского Герольда». Серьезное издание. Не «Ночной Забавник» или «Щебетун» какой-нибудь. Сразу главный калибр масс-медиа. С чего бы это за меня так взялись? Или до Ланса не дошло?

На улице после такого оповещения светиться не стоило. В харчевнях фаст-фуда — и того пуще, до стойки не успею дойти, как повинтят. Так что надо бы зависнуть где-то поблизости от намеченного места встречи. Либо не отсвечивать совсем, либо затеряться среди людей, не расположенных слушать крикунов и ловить объявленных в розыск лиходеев.

Знаю такое место! В храме Победивших Богов сегодня вынос Седьмой Реликвии, так что и толчея будет, и до меня никакого дела. При случае и затаиться можно, если с улицы обложат. Да и о праве убежища можно будет вспомнить попозже, когда меня примутся извлекать отсюда. Из полицейских я доверяю только Лансу, остальным в лапы, пусть и не обезьяньи, лучше не попадаться.

Жаль, не удастся спокойно поесть. Ладно, поймаю еще рассыльного, отправлю к ближайшему лотку за анариссбургером. Гадость изрядная, зато без отравы, в отличие от шурум-бурума, которым торгуют огры с гор.

Храм Победивших Богов напоминал копну или улей, составленный из многогранных, сужающихся кверху ярусов, взгроможденных один на другой — так, что углы следующего приходились на грани предыдущего. Весь он был утыкан статуэтками или башенками, произраставшими из этих углов. Спереди сие великолепие рассекала арка главных врат, сзади, насколько мне известно, главный витраж, а по бокам — притворы в том же стиле.

Паперть чумными мухами обсели разнокалиберные нищеброды. Любимцы дорассветных властей, гвардия Хозяина Нищих. Может быть, я особенно не выношу их из-за своего увечья, оставляющего нехилый шанс пополнить в конце концов это войско. Не знаю, кого уж победили Победившие Боги, но если судить по этим вот образчикам — именно нас, грешных...

Продравшись сквозь лес цепких рук, лишь для вида отводимых шипастыми посохами храмовой стражи, я вошел в арку главных врат. Внутри воздух уже дошел до полупрозрачности от дыма благовоний. Седьмую Реликвию должны были вот-вот вынести.

Интересно, что это будет? Меч Повторной Жизни? Нет, это, кажется, Третья Реликвия. Или Зерцало Видения? Это вроде бы пятая... или шестая? Да чего гадать, сейчас уже объявят, а потом и продемонстрируют.

Но еще до появления реликвии я увидел нечто, полностью поразившее мое воображение. И прямо противоположное по характеру всем храмам и реликвиям на свете, от аскетических до тантрических. Потому что такому не молятся.

Такое провожают охранительным жестом, в крайнем случае — призывают на головы врагов.

Даже мое зрение выхватило ее из толпы молящихся. Черный — откуда-то я знал, что именно черный, а не темно-синий, шоколадный или вишневый — шелковый плащ с капюшоном. Под плащом — тягучие блики хромовой кожи, обтягивающей гибкую фигуру от шеи до пят. А под капюшоном, тем же нестерпимо-глянцевым блеском — густые иссиня-черные волосы, плотно обнимающие лоб и скулы лаковым футляром, прежде чем пролиться на плечи сверкающим потоком. Пепельная кожа, серебряные губы, темные глаза без белков.

Это не бордельная подделка. Натуральная черная жемчужина. Темная эльфь высокого рода, ночная погибель. Возвышается над толпой на полторы головы, я ей по плечо буду. Такие в Анариссе просто не селятся. Даже их бастарды от иных рас владеют поместьями. Городские власти — их приказчики.

Что интересно — остальные, похоже, ее в упор не видят. Завидую. Мне бы сейчас такую невидимость.

Впрочем, нынче здесь не заметили бы даже четвероногого слона, не говоря уже об обычном, шестиногом. Потому что реликвия наконец-то явила себя народу. Ритмично и медленно приседающие при каждом шаге служки изумительной толщины и бородатости, вдобавок еще и в поперечно-полосатых ризах, вынесли паланкин с ларцом.

Водрузив ларь на алтарь, они отстегнули дно паланкина и в том же темпе удалили его со сцены. Жрецы с двух сторон подступили к алтарю и, снимая крышку ковчега, возгласили: «Се Седьмое из Явленных, Зеница Благословения, Фиал Света!»

Сокровище ларца оказалось сферической бутылочкой в мой кулак размером, сделанной из тусклого и очень толстого стекла. Довольно грубого литья металлический прибор на коротком горлышке и такая же массивная пробка. Содержимое не просматривалось, да и было ли оно? За давностью лет неизвестно.

Удовлетворив любопытство относительно реликвии, я снова завертел головой в поисках темноэльфийской дивы. Она определенно куда-то подевалась — во всяком случае, не обнаруживалась с первого взгляда. Снова обернуться к алта-

рю меня заставил единодушный, можно сказать, громовой вздох.

Реликвии на алтаре не было. Зато что-то, весьма напоминающее ее весом и размерами, оттягивало мне карман. Странно. Телепортация — отработанные и надежные чары, осечки с адресацией не дают. Выходит, я и был адресатом?

Вытаскивать фиал из кармана при всех было как-то глупо, сам же я телепосыльными чарами не владею. Так что в лучшем случае теперь предстояло втихую выкинуть реликвию где-нибудь в укромном уголке, за колонной. В худшем же — выбираться из храма и сплавлять фиал там.

Последнее мне, впрочем, не светило. Потому что светило у меня из кармана. Мерцая, наружу плотными лучами вырывалось золотое сияние. Не просто так, конечно, а после того, как низкий, тягучий женский голос где-то позади меня выкрикнул: «Фиакриссе!»

Пока я вертел головой, пытаясь найти закричавшую, вокруг все отпрянули. Теперь меня окружало кольцо, шепчущее и размашисто осеняющее себя охранительными знаками. Я шаг вправо — и оно вправо, я влево — и оно влево. От паперти, раскачиваясь над головами паствы, плыли шипастые посохи монастырской стражи.

Плохо дело. Не так плохо, как будет спустя полминуты, когда меня поймают, но уже кардинально нехорошо. Отступая, я уперся спиной в колонну, машинально ухватился отведенной назад рукой за какой-то выступ и, потеряв всякое соображение, полез вверх по ростра м.

Колонны храма, по счастью, оказались не только увешаны священными трофеями, но и соединены цепями. На них раскачивались здоровенные курильницы. Мне они помехой не стали. Зато стражники, размахивая посохами, гулко лупили в медные брюшки курильниц, пока я метался меж колоннами, как сбрендивший паук в паутине. Народ внизу шарахался, волнами плещась о стены и прибоем разбиваясь об алтарь. Жрецы возглашали. Стражники богохульствовали. Все остальные просто вопили кто во что горазд. Не слышно было лишь одного голоса.

Того самого, что заставил вспыхнуть священный фиал.

Рассчитывать прыжки с одним глазом трудновато, так что в конце концов я оказался на главном кадиле над алтарем,

без возможности пробиться к выходу. Зато напротив огромнейшего витража.

Стражники тоже осознали прелесть моего положения и дружно полезли на алтарь. Жрецы вяло протестовали и для вида пытались стаскивать их за полы стихарей. Но мне это уже не помогало. Отпихиваясь от посохов, я все сильней раскачивал кадило. Так можно было продержаться еще пару минут.

Я оттолкнулся изо всех сил и прыгнул, когда кадило замерло в крайней точке размаха. Вряд ли это было осознанным решением, но успех сие действие принесло — пролетев сквозь витраж, я вырвался наружу в облаке разноцветных осколков и сжался, ожидая неминуемого удара.

Вместо мгновенного падения получилось какое-то удивительно долгое пересыпание и переваливание сквозь солому и жерди с оттенком куриных перьев и самих кур. Святые отцы, на мою удачу, любят хорошо питаться. Весь склон за храмом застроили птичниками.

Второй удачей было то, что фиал погас, хоть и остался цел. Видимо, он работает в полную силу только на освященной земле.

Не знаю почему, но я не избавился от реликвии тут же. Все равно уже засветился, а вещь полезная. Если, конечно, знать, как обращаться. Но это я уже вроде бы усвоил.

Еще бы мне времени, чтобы пораскинуть мозгами! Насчет желающих спровадить меня за Последнюю Завесу. Один раз это могла быть и случайность, но два подряд — уже тенденция, однако. Кому я вообще сдался? Не заказчик же, недовольный наладкой кадавра, воспылал местью! Свидетелем чего бы то ни было экстраординарного я тоже стать не удосужился. И клановых долгов на мне нет.

Да еще эта шести-с-половиной-футовая чернушечка высоких кровей... Заклятие на фиал — ее дело, точно. Хотя на крыше ее, по-моему, не было. Или все же была? Те, что орудовали там, как раз носили черное, и видел я не всех.

Ладно, пора уже на место. Ланс, как правило, ждать не расположен.

На кладбище было как всегда на кладбище. То есть шумно и многолюдно. Несколько похоронных процессий затеря-

лись в ораве пришлых, разбавленной теми из местных обитателей, кто был в состоянии покинуть могилы самостоятельно.

Понимаю, если б это был Приснодень или один из еженедельных поминальников, но сегодня же вторник! Так что наплыв народа все-таки несколько превышал среднестатистический. Да еще как раз на Военном Мемориале, налево от Эльфийских Гробниц, разорялись какие-то деятели, голоса которых из-за раковин-мегафонов напоминали крикунячьи.

А, понятно, это же митинг морталистов. Синюшнорубашечники во главе со своим партайтодтфарером Рейнгольдом Нохлисом.

Основой их политической программы стал постулат, что жизнь ограничена во времени и несовершенна. В отличие от смерти, лишенной всех перечисленных недостатков и являющейся состоянием, которого человеку не следует избегать. Напротив, следует стремиться к нему. Материальные потребности мертвых понижены, а духовные удовлетворены. Подразумевалось, что, придя к власти, морталисты сведут все население Анарисса к чаемому состоянию, и проблемы города решатся сами собой.

В доказательство морталисты таскали на митинги и шествия специально подобранную и выдрессированную команду Счастливых Зомби. Нарумяненные и причесанные мертвяки умильно скалились запавшими ртами, демонстрируя преимущества загробного существования. Особой гордостью движения была семья, в полном составе угоревшая в позапрошлый Приснодень на поминках по деду. Чинно выступая от мала до велика, она являла собой пример совершенства и умиротворенности смерти. Правда, деток вышколить до конца так и не удалось — малыши в оборочках с бантиками то и дело норовили покусать зрителей за ноги.

Само собой, вожди и функционеры движения не торопились за Последнюю Завесу, аргументируя свое нежелание политической необходимостью и трудностями в подготовке кадров.

Вот только угораздило же их устроить митинг как раз на нашем с Лансом обычном месте! А может, и к лучшему. В толпе затеряться едва ли не проще, чем на отшибе.

В толпу я втерся неглубоко, где-то на треть расстояния до трибуны. Она на Военном Мемориале, к сожалению, имеет-

ся — прямо перед Стеной Имен, что и привлекает сюда всякую политиканствующую шваль. Слушать их мерзко, но Ланса пока что не видать, а делать все равно нечего.

Сегодня при Нохлисе отсвечивала еще пара то ли активистов, то ли спонсоров: суховатый дедушка отставного вида в мундирчике, с лысиной, проступающей едва ли не прямо из белого пуха бороды, и дородная дама в оборках, с болонкой на руках и чем-то, напоминающим эту же болонку, на голове. Что милого им было в ускорении и так подступающей смерти, решительно непонятно.

Мертвовод Нохлис уже оттарабанил начальную часть выступления, обличающую пороки жизни, и теперь картинно обращался ко всем сторонам света, будто бы в поисках универсального рецепта преодоления сих неотторжимых ее черт:

— Где же, где? Лишь Родная Земля дает ответ нашим чаяньям! Лишь ее нам положено поровну после очищающего таинства Смерти! — Перегнувшись через оградку трибуны, он ткнул куда-то вниз указующим перстом.

И словно снизу, из самой глуби, кто-то глухо ответил ему:

— Земля разделена лишь между червями и лишь червям дает ответ!

Это считалось невозможным, но вот же — Нохлис заткнулся. Только собачонка на руках дородной спонсорши пару раз тявкнула в наступившей тишине. От Эльфийских Гробниц за стену Мемориала простроилась черным шелком памятная мне накидка.

Оказалось, что все это — лишь прелюдия к ожидаемой катастрофе. В оглушительном безмолвии знакомый по храму глубокий женский голос отчетливо произнес:

— Мортиде санато канис!!!

Ожидание жути не замедлило осуществиться. Первой жертвой стала болонка — интеллигентного вида зомби выдернул ее из рук активистки партии и в секунду разорвал в клочья. Старуха сама завыла не хуже псины, колотя кулачками по пустой иссохшей груди ходячего трупа. С другой стороны в него тыкал тросточкой отставной дедок.

Следующими погибли кладбищенские дворняги. Счастливые Зомби и местные обитатели, даже самые безобидные, за полминуты деловито распотрошили собак. Особенно усердствовало образцово-показательное семейство. Породистый

доберман похоронного агента держался целую минуту, размотав в прах пару младших деток и дедулю. Но и он не устоял.

А затем наступил мой черед. Собачий глаз притягивал мертвяков как магнит. Нервы не выдержали — я впустую потратил обе оставшихся стрелы, проделав пару дыр в ближайшем зомби. Рукоятка стреломета разнесла ему грудную клетку, но и сама сломалась. Озираясь вокруг в поисках чего-либо достаточно прочного, увесистого и не приделанного намертво, я все еще надеялся продержаться дольше добермана.

Рука наткнулась в кармане на фиал. Ну что ж, все тяжелей удар будет.

Результат превзошел все ожидания. От несильного тычка издырявленный зомби задымился, обуглился и рассыпался черным прахом. Следующий удар сорвал с плеч голову мамаши образцового семейства. Пылая пышной прической, та улетела за Эльфийские Гробницы. Безголовое тело тут же изошло на золу.

Каждое прикосновение стоило мертвякам потери, но все-таки их было слишком много, и все новые лезли наверх из могил и склепов. На свет выползали даже те, кто не показывался последнюю тысячу лет. Через пару минут я вертелся на куче золы в центре плотного кольца зомби шириной ярдов в пятнадцать, отмахиваясь от подступающих мертвяков.

Люди сбились на открытых участках, с ужасом глядя, как изо всех щелей выбираются неупокоенные подкрепления. Вдалеке показались кирасы и шлемы полицейского патруля. Вот только шансов дождаться его у меня становилось все меньше. Даже с помощью фиала.

Ну что же, пропадать — так с фейерверком. Как там в храме заклинала эта черная стервь? Припоминаю...

Набрав побольше воздуха в легкие, я обеими руками поднял фиал над головой и во весь голос проорал:

— Фиакриссе! — И от себя еще добавил по памяти формулу усиления: — Константон Либерате!!!

Вспышка шарахнула такая, что даже с закрытым глазом я на несколько секунд утратил зрение. Когда способность видеть вернулась, кольцевые волны света разбегались от меня, как круги на воде, отражались от стен кладбища и, дробясь, возвращались обратно. Зомби на их пути истаивали прахом. Ослепленные люди терли веки и рыдали в три ручья.

— Это провокация властей! — заверещал на трибуне Военного Мемориала Нохлис, с красными глазами и распухшим носом, попеременно указуя то на меня, то на полицейских. — Они спустили на нас уголовника! Это же Потрошитель Пойнтер!!!

Доведенной до крайнего градуса толпе только этого и не хватало. Ничего не видя перед собой, люди заметались во все стороны одновременно. Кладбище превратилось в бурлящее море истерики. Не вопили только мертвецы, потому что неупокоенных не осталось до самого горизонта и на дюжину ярдов вглубь.

Морталистов можно было понять. Я пустил прахом все их многолетние усилия. Причем в буквальном смысле.

С чувством выполненного долга, аккуратно пристроив мерцающий фиал на портик невысокого склепа, я оглянулся. Ланс барахтался в людском потоке уже в трех дюжинах ярдов отсюда. Я помахал ему. И тут снова увидел, как за стеной Мемориала мелькнул отблеск черного шелка. Ткнув рукой в ту сторону, я проорал, пытаясь перекрыть шум толпы:

— Это она, Ланс! Черная тварь! Высокородная! Держи ее!

Ланс продолжал переть на меня, словно не слыша. И трое полицейских тоже, заходя с флангов. Выражение их лиц мне что-то очень не понравилось. Ага, как же —Потрошитель Пойнтер, сексуальный маньяк, святотатец и политический террорист.

Еще и дергается...

Я обреченно вздохнул. На кладбище мне теперь делать нечего. Да и в городе по большому счету тоже. Только надо бы пересидеть где-то, пока шумиха уляжется, прежде чем делать ноги за городскую стену.

Самым дальним углом от кладбища были военные склады. Среди них хватало заброшенных. Городское отребье на охраняемую территорию не проникает, но мне легко позволит пролезть старая армейская закалка. Это единственный шанс залечь на дно, хотя бы на некоторое время. Знакомств среди дорассветных властей у меня нет, а без них одиночку, да еще нарушителя конвенции, как пить дать продадут дневным властям. Чтобы хоть отчасти компенсировать потери в контролируемом заведении.

Склад попался вполне приличный. С целой кровлей, несбитыми воротами и без особой магической грязи от старых оружейных артефактов. Противопожарная система цела — все балки обвиты жгутами твердой воды.

Даже какая-то полезная мелочь по углам завалялась. Нашелся и ремешок — оплести сломанную рукоять стреломета, и время, чтобы заняться этим. А заодно обдумать сложившееся положение.

Похоже, в Анариссе мне больше не жить никогда. Если Ланс не поверил, никому ничего уже не докажешь. Из города-то выберусь, слепым прикинувшись, а дальше? По дальним хуторам батрачить, не задерживаясь дольше сезона?

Да, перспектива... Лучше уж в горах поселиться, браконьерствовать помаленьку, менять шкурки на дальних базарах. Может, и золота намыть удастся или жилу магического кристалла найти — тогда образуются деньги на замену физиономии и глаз.

В это верилось меньше, но так думать было приятнее.

Почему-то уже было совсем не интересно, с чего это на меня ополчился весь город. Во главе с духовной и мирской властью, политической оппозицией, организованной преступностью и темными эльфами вдобавок. Или только одной темной эльфью? На что я ей-то, владетельной повелительнице ночи, сдался? Глупость какая-то!

Как ни странно, как раз на последний вопрос я мог бы получить ответ. По крайней мере, имел шанс получить. Причем непосредственно от самой черной дивы.

Потому что именно она стояла передо мной, вороша носком сапожка слежавшуюся солому на полу. Полы шелкового плаща струились, раскачиваясь. Секунду назад тут еще никого не было.

— Как ты меня нашла? — не сумел я сдержать вопрос, обалдев от внезапности.

— Как всегда. Заклятие-клеймо прицельного луча, — отмахнулась она, как от чего-то несущественного.

— К-какого? — продолжал тормозить я.

— Такого! — раздраженно бросила эльфь. Выпростав из-под плаща красивый витой жезл, она направила его на мою свободную руку и щелкнула каким-то кристаллом на рукояти. На кисти засияла иероглифическая метка. Я дернулся убрать руку, но метка на коже никуда не делась.

— Вторая у тебя между лопаток, — серолицая наморщила носик. — Кобель!

Ага. Значит, на крыше она тоже была. Точнее, именно она и была на крыше. С самого начала. То есть с нее-то все и началось. Ясно. То есть — ничего не понимаю!

— На нас пал жребий, — на лице черной дивы отразилось презрение к моим умственным усилиям. — Ты — добыча, я — твой Охотник. У меня три чистых попытки. Все три неудачные, так что, — ее совершенная мордашка брезгливо скривилась, — теперь я должна убить тебя своими руками. Или...

— Что — «или»? — безразлично, по инерции спросил я, ни на что уже не надеясь. Мир для меня замер. Такие не бросаются словами. Впрочем, сложить лапки и покорно принимать смерть я не собирался. Она же не знает, что мой стреломет пуст.

Почуяв напряжение, ночная тварь извлекла из складок черного шелка свой стреломет. Как будто теперь что-то могло меня остановить.

Хотя это оружие стоило внимания — вороненой стали шестиствольный пружинник в добрых полтора фута длиной. Страшная вещь, сильнее обычного арбалета, слабее только снайперского дальнобоя. В двух верхних стволах бронебойные жала, в средних — зазубренные болты, в нижних — пучки надсеченных игл.

— Впрочем, формально я обязана сделать предложение. Но ты же откажешься. Такие, как ты, обычно играют в честь и представления о благородстве. Без всякого понимания того и другого!..

Эльфь еще не закончила последнюю фразу, а я уже скользнул влево, одновременно выцеливая ее пустыми стволами. Черная автоматически уклонилась, теряя время и с трудом доворачивая стреломет от себя.

Даже будь у меня стрелы, пара дыр в плаще ее не остановит. Но я добивался другого. Поднырнув под тяжелые стволы, я отбил стреломет вверх. Два раза лязгнул спуск, и на нас хлынула вода из перебитого жгута противопожарки. Под тяжелыми струями мы долгих полдюжины секунд фехтовали на стрелометах, нанося удары и пытаясь достать друг друга на короткой дистанции. Спуск ее чудовища прозвенел еще один раз, зазубренный болт ободрал мне бок. Пару раз уда-

лось чувствительно достать черную тычком ствола своего стреломета. Но это было ошибкой. Она поняла, что стрел у меня нет. И шансов тоже.

Я не рассчитал. Обычно женщина на четверть слабее мужчины того же роста и веса, что и она. Но эта-то — на столько же крупнее! И не в пример лучше натренирована.

С виду без малейших усилий отшвырнув меня на пару ярдов, черная встряхнулась, сбрасывая брызги с плаща и волос, и как ни в чем не бывало продолжила, все же сбиваясь иногда с дыхания:

— Ты, пес! Разве способен такой понять азарт охотника? Еще приносить добычу, быть исполнителем — сгодился бы... Живуч, вот и все достоинства...

Смахнув ладонью воду с лица, я облизнул губы. Завеса редеющих струй все еще отделяла нас от всего остального мира. Как оказалось, на последних комплиментах серолицая стервь не закончила:

— Хочешь услышать предложение по полной форме? Что же, слушай. Трижды устояв, ты признан достойным и можешь стать одним из нас... Нет, ну глупость какая! — Она содрогнулась от омерзения. — Одним из гонящей стаи... Не добычей, но хищником, чья страсть и жизнь — охота...

Заставить ее, что ли, повторить формулировочку без посторонних включений? Все равно пристрелит. Однако от моих колебаний эльфийской диве малость полегчало.

— Ну отвечай же! Я жду! — Она нетерпеливо притопнула и капризно встряхнула мокрой гривой, как чистокровная кобыла.

Стволы ее чудовищного стреломета, впрочем, не дрогнули. И тянуть время уже не имело смысла. На весах — жизнь в закрытом клубе обеспеченных мерзавцев и психопатов или быстрая смерть, хорошо знакомая по фронту и не несущая никаких иллюзий, связанных с честью. Хорошо быть тем, кто без сожаления выберет одно из двух...

В кристалле прицела полицейского снайпера, в полутьме склада, среди льющейся воды застыли две фигуры: повыше и пониже. Вот фигура пониже выпустила из рук стреломет, покачнулась... Снайпер плавно выжал спуск арбалетного шнеллера. Щелчок, короткий свист, глухой удар.

Ответив, я взглянул ей в лицо. Изо рта издевательски, как высунутый язык, торчало оперение арбалетного болта.

Медленно-медленно, ломаясь в суставах, как брошенная марионетка, моя черная дива, ночная тварь, осела на колени и завалилась на бок, выронив оружие. Перебегая за балками, к нам осторожно приближались полицейские штурмовики. Я отстраненно ждал следующей стрелы для себя. А дождался Ланса. Носком сапога он осторожно откинул в сторону ее жуткий стреломет... И полез обниматься!

Вокруг грузно топотали полицейские штурмового отряда, в шлемах с забралами и кирасах, обвешанных бандольерами со снаряжением. Невнятно бубнили пристегнутые к ремням раковины дальней связи. Ланс хлопал меня по плечу своей обезьяньей лапой и орал в ухо: «Никто не верил, что ты ни при чем, а я таки доказал! Сели на частоту ее жезла, проследили до самых ворот...» Мортьеры в колпаках с прорезями для глаз волокли огромный просмоленный мешок с телом.

Все налаживалось, мир сдвигался с мертвой точки. Вокруг снова были люди, принимающие меня как своего, одного из многих, а не как загнанного зверя. Моя одноглазая морда кривилась в слабой беспомощной улыбке.

И никто не знал, что уже поздно. Уже ничего не исправишь, и я не один из них, не равный, имеющий такое же право на свою и чужую жизнь и смерть.

Ведь я согласился. Я сказал ей: «Да». Теперь я тоже Охотник.

2
Подтверждение

...В этой книге между строк
Спрятан настоящий бог,
Он смеется, он любуется тобой...

Он лишь проступил из тьмы, словно не мог окончательно оторваться от нее. Сделал шаг вперед, воздвигаясь над столом во весь свой семифутовый рост — раньше я думал, что потолки здесь ниже. И накрыл гигантской ладонью мой стреломет, до которого все равно не получилось бы дотянуться.

В последний момент мне как-то удалось подхватить падающую кружку с пивом. Однако с челюстью этот номер не прошел — она отвалилась по полной программе. Если после вчерашнего я решил завязать с девочками по вызову, то после сегодняшнего, похоже, придется покончить и с алкоголем. Или только с пивом, так как от чего-нибудь покрепче я бы сейчас весьма не отказался.

Если бы не лишних полфута роста ночного гостя и тонкие усы, сомкнутые с бородкой клинышком, можно было бы решить, что это явился призвать меня к ответу призрак эльфи-охотницы, сделавшей из моего вчерашнего дня один сплошной кошмар в аду, пораженном сумасшествием. Во всяком случае, черный шелк плаща, эбеновое мерцание кожаного костюма и антрацитовый глянец волос были те же. А черты серокожего точеного лица отличались лишь мужественностью и отпечатком возраста...

Первые же слова Ночного Властителя подтвердили худшие мои опасения:

— Смерть Охотника не освобождает Добычу. Только самого Охотника.

— Не вижу здесь Добычи. Не предлагай зеркало, там тоже не увижу. И дело не в этом, — я щелкнул себя по повязке на пустой глазнице.

— А в чем же?

— В одном предложении. Знаешь, из тех, что делаются после трех промахов. На которое я ответил согласием, — этаким надо хамить с изяществом, чтобы дожить до следующей реплики. — Так что приветствую, коллега.

— Кто подтвердит твои слова? — Льда в тоне ничуть не убавилось.

— Да уж не штурмполисмены. Разве что сама предложившая.

— Меня бы это удовлетворило, — ответил темный эльф, едва улыбнувшись самыми уголками губ, будто поймав меня на слове.

Почуяв, что уже прошла пара минут, а моя жизнь еще не закончена, я позволил себе малость нарастить напор.

— Так чего проще? Найми медиума. Или вообще забери тело, вызови некроманта из приличной фирмы и вперед. Показания зомби даже в суде принимают, — последнее, кстати, сущая правда.

Вот только поглядел бы я на того, кто отправится в суд с делом типа нашего. Хотя владетельным, вроде моего гостя, никакой процесс не страшен, предмет сделки выглядел бы для судейских несколько неубедительно.

Но эльфа мои слова не убедили совсем по другой причине.

— Разве ты не знаешь? После задействования Фиала Света на десятки лиг в округе долгие годы не может быть поднят ни один мертвец. К тому же это вовсе не то, чего я хочу для нее.

А чего же он тогда хочет? Сноб высокородный, не нравится ему так, как всем. В символометрии царских путей нет. Хотя...

Ожидания из разряда худших оправдались в очередной раз:

— Сумел получить одну из Семи Реликвий, сумеешь похитить и другую. Какую именно, объяснять не надо?

Да уж я понял, что Его высокомерие не зеркало мне предлагать явился. Вот только не мешало бы прояснить кое-что.

— Слово фиала — «Фиакриссе». Дай мне Слово Меча Повторной Жизни.

— «Репаре, Ресуме, Рестаурато», — перед тем как ответить, темноэльфийский властитель мгновение поколебался. — Догадываешься, почему три?

Я кивнул. Это уже из области моих профессиональных знаний. Кадавры — подобия живых существ, упрощенные и из иных материалов, но принцип перезапуска на три точки у них тот же, что и у живых.

— Плата совершения обычная.

Это я, к сожалению, тоже понял. Кому-то из полицейских или заключенных поблизости от морга в участке основательно не повезет. Нет чтобы туда некстати занесло Нохлиса или кого-нибудь из его команды!

— Срок исполнения — сутки, — продолжал эльф.

— Э, я раньше утра в храм не полезу, — возмутился я. — С пьяных-то глаз!

— Твое время — твое дело. Трать как хочешь. — Высокородный чуть скривил губы то ли в усмешке, то ли в гримасе. — Но о сроке помни.

— Что же сам не сделаешь, раз так спешно? — Я продолжал молоть языком, от выпитого слегка утратив соображение и чувство меры.

— Нашему роду Победившие Боги приносят несчастья. —

Он снова скривился. — Как всякий удачливый вор обокраденному. Хирра всего лишь зашла в храм — и уже мертва.

— Хирра — это которая? Та, что меня гоняла? — продолжал нести я.

Опьянение удвоило ощущение того, что я все еще жив. Так что меру вежливости в разговоре с высокородным я давно утратил. Правда, закончил свой монолог я даже с некоторым сочувствием:

— Да, девочка была что надо. Какой идиот ее только в охотники пристроил! Целее бы дома была!

Взгляд эльфа показался мне тяжелее всех виденных в жизни надгробий. От глины на братских могилах Вест-Мекана до мегалитов тесайрских Заброшенных гробниц.

— Хирра — моя дочь. И это я сделал ее Охотником, — сказал он, как отрезал.

— Так же, как она меня? Или для владетельных есть более аристократический способ? — сразу сбавить тон не удалось. Не в моем это характере.

— Другого способа нет.

Умолкнув, эльфийский властитель отступил обратно во тьму, которая привела его сюда. Которая его породила и, надеюсь, поглотит когда-нибудь, разрази Судьба всех высокородных обоего пола, невзирая на родственные связи! Оставил-таки за собой последнее слово!!!

Как выяснилось утром, до кровати я все-таки добрался. И остаток пива добил, невзирая на все зароки. Сапоги вот не снял, но это уже детали.

Гораздо хуже было то, что все вчерашнее не являлось пьяным бредом. Стало быть, нужно отправляться в храм, где после предыдущего визита никто не ждет меня с распростертыми объятиями.

Что ж, это все-таки лучше, чем сидеть, наливаясь пивом лишь для того, чтобы каждое мгновение не ощущать себя сволочью. Жуткой тварью в человеческом обличье.

Для разнообразия можно этой сволочью побыть. Отработать, так сказать, аванс в виде собственной жизни, длящейся уже на сутки дольше, чем могла бы при ином раскладе. Всего-то надо было сказать «нет» в ответ на столь щедрое предложение. Или просто оказаться не столь увертливым немного пораньше...

Вся беда в том, что я не люблю и не умею умирать. А уж не хочу-то как!!!

Храм после вчерашнего оказался временно закрыт для посещения. Как выяснилось, в основном ради ремонта. Ладно, витраж, кадило и курильницы — это я, отпираться нечего. Но вот кто развалил ограду паперти и посшибал статуйки с нижнего яруса, решительно не представляю. Народ так ломанулся, что камень не выдержал, так, что ли? Или высокородный покривил душой и уже учинил с утречка попытку штурма?

Последнее вряд ли. Тогда бы еще и охрана стояла, с парой станковых колесных стрелометов и магом из армейского резерва. А тут только каменщики и прочие штукатуры пока видны. Витражные мастера, ясно, все внутри, по месту основных разрушений.

Вот каменщики мне идею и подали. Они от пыли и мусора со сводов головные повязки носят. Вроде обычной банданы, только ниже ноздрей. Против глаз в них окошки из прозрачной легкой ткани, против носа — вата в редкой сетке. Ну и сверху все их знаки каменщицкие вышиты: циркули там, наугольники.

Ритуал вручения повязки этой в цеху просто охренительный: вопросы, ответы, знаки. Кайлом над головой махают и мастерком поддают по заднице. Но саму тряпку можно прикупить в любых торговых рядах с мелким стройинвентарем.

Из каменщиков больше половины носит старую армейскую униформу — как и я. Поверх только ременная сбруя, вроде штурмового ранца речных саперов. С поясными сумками, страховочными кольцами и петлями для инструментов, в том числе за плечами. И рукавицы, конечно.

В общем, через полчаса я обзавелся всем необходимым реквизитом. И еще кое-какими полезными в предстоящем деле мелочами. Приладил составляющие на место и даже повертелся перед зеркалом в универлавке на распродаже.

И хорошо, что повертелся. Ибо понял, что не так. Пришлось там же купить еще иголку, нитку и дорогую, с яшмовой чечевицей, пуговицу. Специально попросил коричневую. Как собачий глаз.

Пришил ее, облачился по новой. Все. Теперь комар носа не подточит. И каменщики как раз с обеда потянулись. Если с ними подойти, никто и не заметит.

Обычно растаскиванием завалов и выносом мусора на стройках занимаются мелкие зеленые гоблины — лопоухоносатые твари с исчезающе малыми лбом и подбородком, ростом в два-три фута. Ходят в набедренных повязках из тряпья или крысиных шкурок. Нанимаются на вес, потому что считать их никто не станет. Самые нечеловекоподобные из разумных. На территорию храма они не допускаются, будучи признаны нечистыми.

Так что первую пару часов после обеда мне пришлось провести на гоблинской работе, к храму особенно не приблизившись. Затем стало полегче — вместе с полудюжиной прочих бородатый десятник перебросил меня под своды, переносить леса для витражников. Пока что вся пробитая мной стеклянная стена была наполовину разобрана, а проем на ее месте забран дощатым щитом. Снятые панели были разложены вокруг алтаря на козлах.

Бородач выдал рабочее задание сложной комбинацией жестов. Он скреб себя желтыми ногтями по оттянутой щеке и коже на горле, чесал нос тремя ритуальными способами и засовывал мизинцы за уши.

Я, как и все, согласно пощелкал себя по кадыку средним пальцем правой руки — еще помню что-то из их тайного языка. Но париться с расшифровкой послания не стал, просто делал то же, что и остальные. По моему, кое-кто из них тоже не вникал в замысел десятника, а просто трудился в соответствии с имеющимися навыками и потребностью.

Леса стояли также вокруг нескольких колонн. Крепления в них расшатались во время моих вчерашних прыжков, так что сейчас цепи сняли. Лишь свежие пятна раствора темнели вокруг массивных колец. Туда-то мне и надо. На лесах за колонной есть шанс спрятаться до закрытия храма. А уж тогда наступит мое время...

С самого верхнего яруса лесов открылось то, что не было видно с цепей, расположенных ниже. Часть колонн была фальшивой! С потолком они не соединялись, зато имели наверху довольно просторные площадки. Шансы пересидеть до того, как храм опустеет, стремительно повышались. Хорошо бы и дальше так.

Выбрав фальшивую колонну потолще, я подпрыгнул, подтянулся за резной верх капители, перекинул тело через

край — и чуть не ухнул в каменный колодец. Из экономии колонну сделали пустотелой! Хорошо хоть удалось уцепиться за окаймлявшие капитель завитушки резьбы. Повиснув внутри пустого каменного столба, я перевел дух, подтянулся снова и спрыгнул обратно на леса. Кажется, никто ничего не заметил.

Меня пробила дрожь. Вот так и находят закономерную гибель похитители реликвий...

Попытка оказалась не столь катастрофической, но все же неудачной. Впрочем, саму идею бросать не стоило. Надо только найти колонну поменьше. Вроде вон той, в стороне от центра. Пустотелой она уж точно не будет.

Наверху этой колонны оказалась не дыра и не площадка, а углубление, наполовину заполненное пылью, так что скрываться было довольно удобно. Хотя и не слишком чисто. Главное, чтобы не приспичило чихнуть не вовремя. Сбрасывать излишки пыли вниз я не решился, не желая вызвать законный интерес: откуда еще на головы сыплется нежданное благословение? Лучше уж понадеяться на фильтр под ноздрями ритуальной повязки каменщика...

За этими приключениями остаток времени до конца рабочего дня прошел незаметно. Толстый служка в поперечнополосатой ризе вышел к алтарю и прогудел, словно шмель, на которого он и был похож:

— Закат! Истекает пора честных дел! Пора вратам закрыться!!!

Насчет честных дел — это он в точку. Да и насчет всего остального тоже. Давно пора. А то мне до полуночи не управиться.

Каменщики потянулись к выходу. Бородатый десятник повертел головой в поисках потерявшегося. Но подниматься на леса ему было лень, а снизу ничего не видно. Тогда он посчитал работников по головам — результаты сошлись. Сколько было, столько и осталось. Никого лишнего...

Врата за рабочими захлопнулись. Однако храм не сразу перешел на ночной образ жизни. Пара служек еще полчаса подметала мелкий строительный мусор, перекрикиваясь через весь зал. Жалобы на непотребство и нечестие в храме перемежались последними городскими сплетнями. Про себя я тоже узнал много нового.

Особенно понравилась мне версия, что я — древнейший из всех умрун, наперво попавший Победившим Богам под горячую руку. Полных семь тысяч лет томился, бедненький, под Великой Печатью в огрских горах, вырвался на свободу в ознаменование грядущей Мировой Погибели и теперь вот истребляю всех прочих мертвяков в порядке конкуренции. Как доем последнего — примусь за живых...

Неплохая идея. Если вышеупомянутые живые не перестанут меня доставать, надо будет всерьез задуматься над таким вариантом развития событий. Тем более что к умруну я сейчас по статусу ближе всего, а то, что жив, — досадное недоразумение. Для некоторых. Не для меня, конечно...

Наконец блуждающие огни светильников скрылись в одной из боковых арок. На всякий случай выждав еще почти бесконечные пять минут, я покинул свое убежище. Хорошо, что леса на ночь не убирали. В темноте прыгать по цепям я бы не решился, тут и промахнуться можно.

Самое время вспомнить еще про одно полезное приобретение. Спрыгнув на леса, минут пять я стряхивал с себя пыль и лишь после этого снял оказавшуюся весьма полезной сетчатую повязку каменщиков. Теперь она только помешала бы — купленную в лавке колбочку на шнурке с заклятым на усиление света фонарным жуком лучше надеть на голову. Тогда руки свободны будут.

Пара крупинок сахара из запаса в крышке фонаря, брошенных в колбочку, заставили жука засиять. И как такого здорового загнали в узенькое горлышко колбы? Наверное, этих насекомых прямо внутри выращивают...

Выносили Реликвию откуда-то из-за алтаря. Процессия тогда почти полный круг сделала, против солнца. Значит, где-то позади алтаря найдется и вход в сокровищницу. Молиться Победившим Богам, чтобы он оказался не на запоре, было как-то неудобно. Поскольку именно им как раз и полагалось быть против моих поползновений.

Но, видимо, аккурат в этот момент означенные боги отвернулись от своего земного дома, потому что мои надежды полностью оправдались. Лестница за алтарем не закрывалась и вела явно куда-то вниз от основных помещений храма.

Коридор за лестницей должен был перекрываться решеткой, однако по чьему-то разгильдяйству она была не то что

не заперта, но даже не закрыта. Причем мне даже отсюда было слышно, по чьему именно.

— Разливай, не тяни! — Голос говорившего прерывался от нетерпения.

— Сейчас, сейчас, не гони... — медленно тянул второй. — Под руку не бубни...

— Упаси Победившие! — встрепенулся еще один. — А то прольет!!!

Бульканье отсчитывало долю каждого. Парни не жмутся, начали прямо с пяти «булек» на рыло. Жертвенный ром, дармовой. Чего ж его жалеть! Ясное дело, не так хлещут — разбавляют. Подслащенным отваром из меканского ореха Ко с листьями Ко. Причем, что характерно, орехи и листья — не с одного дерева, а зовутся одинаково. Впрочем, демоны их разберут, что это значит. Может быть, всего-навсего — «редкая гадость».

В другое время я разозлился бы на этих церковных прихлебал, но сейчас их порок оказался мне на руку. Проем поста храмовых стражников удалось миновать, почти не таясь, только прикрыв ладонью жука-фонарника на лбу. В такой ответственный момент охране было не до похитителей реликвий. И понять ее было можно. Стражникам предстояли здоровенная бочка храмового рома, вмурованная в стену, прозрачный бурдюк отвара КоКо, три каравая и окорок. Это не говоря о сыре. Если что и могло выдать меня, то это был голодный вой в желудке.

Так что опасный участок пришлось преодолеть побыстрее. Хорошо, что за кордегардией коридор сворачивал. Прямо за поворотом я растянул на липкой ленте изолирующую завесу, загодя свернутую в одном из карманов строительного жилета. Теперь заклятая прозрачная клеенка не пропустит ни звука, ни вспышки. В любой лавке эту штуковину можно купить ярдами — Анарисс город шумный. И огни в нем кое-где не гаснут до утра...

Сейчас-то и начнутся дела посложнее. Без ловушек даже такая нелепая система охраны не обойдется. А проверять все самолично — у меня не так много лишних конечностей. Да и голова только одна.

Вот тут в ход и пойдет кое-что из моего рабочего арсенала. Мяч-тестер. Штука довольно дорогая и мне, по идее, не

положенная. Но на войне каптенармусы списывают эти полезные магические приборчики сотнями — поди докажи, что пробный шар угодил кому-нибудь в карман, а не в минулягушку или «мясорубку».

Для наладчика кадавров это незаменимый инструмент. Не до всякой активной точки можно дотянуться с земли, особенно у горнопроходческих машин. А лазить по разладившемуся кадавру — занятие не из самых безопасных. Помнится, Тома Три Тарелки неисправный трубоукладчик завязал узлом. Будучи, по идее, намертво отключенным. Да и обычная фермерская косилка — противник не из приятных, если ей под нож попал самородный магический кристалл или просто в мозгах помутнение случилось...

С тестером все проще. Заклинаешь мячику характеристику воздействия, кидаешь, и готово — в точке попадания удар, электроразряд, прогрев или охлаждение любой силы, в пределах техпаспорта прибора. А также вспышка или поглощение света, слышимый или неслышный звук. В общем, любое прямое или магическое воздействие на выбор. Причем все вышеперечисленное можно и отключить, в том числе упругость, массу и инерцию. Тогда мячик просто зависает в точке или дрейфует по потокам воздействия, помогая отследить их движение.

В общем, однозначно полезная вещь. Повозившись с настройками, я подобрал усилие вертикального удара в шаг человека, а бокового — в толчок рукой. Задал режим «каучукового шнура», чтобы после удара тестер возвращался в руку. И двинулся вперед, отстукивая плитки пола перед собой в манере завзятого баскетболиста. Время от времени я проверял и стены на уровне от бедра до плеча. Прыгающий от моей руки к полу и стенам шар слегка светился, при ударе вспыхивая чуть сильнее. Такое движение задавало ритм, заставляя пританцовывать в такт ему. Я поймал себя на том, что напеваю «Анарского крикуна», притопывая на припеве.

Словно не сегодня в темном коридоре под храмом, а полтора десятка лет назад, на задворках нашего квартала, стучу мячом о мостовую... Обычно в баскетбол сражались клановые против ребят из других кланов, но в нашем квартале было всех помаленьку, и чисто клановую команду собрать не удавалось ни разу. Поэтому играли просто двор на двор. Ланс и тогда был классным игроком. Даже без обезьяньих лап...

Совсем отключился, разве что не заснул на ходу. Непорядок. Резко оборвав мелодию, я с особым вниманием обстучал сужающийся впереди коридор. И не зря.

Первая ловушка была простой и безыскусной. На ударшаг под арку из ее стен мгновенно вылетели навстречу друг другу и медленно уползли назад острые лезвия — как раз, чтобы пронзить виски и сердце незадачливого пришельца. В том случае, конечно, если тот эльфийского семифутового роста.

Несколько раз проверив реакцию ловушки, иных результатов я не добился и миновал ее, просто пригнувшись. Простовато для сокровищницы, содержащей величайшие магические ценности Анарисса. Ну да не мне на это жаловаться.

Однако проверять коридор перед собой стал еще тщательнее. Следующие ловушки были посерьезнее — магические, огненные и даже одна трехступенчатая, где первая естественная реакция надежно подводила под очередной удар. Но все они были настроены не под мой рост, не под мой шаг, не под мой ритм. А под чей тогда? Понятно сразу, словно кто-то настойчиво пытается втолковать: эльфам здесь не место. Не жаждут их тут видеть. Особенно темных — светлые-то еще крупнее...

Под эту мысль коридор наконец кончился. Впереди был только вход в сокровищницу. Дошел-таки...

Оп-па! Перед самой дверью я с силой шмякнул мячиком об пол, а сам сделал полный оборот на каблуке, восхищенный собственной ловкостью и удачей. Это меня и спасло.

За спиной беззвучно сверкнуло, отблесками превратив коридор в сплетенный из бликов колодец. Если бы вспышка пришлась в лицо, с моим и так неважным зрением пришлось бы распрощаться навсегда. И так проморгался только спустя пару минут. От мячика, по идее, должна была остаться только горстка пепла.

Однако он висел в воздухе, медленно вращаясь, чуть выше моей головы, без видимых повреждений, только с полностью сброшенной программой, перезагруженный в ноль. Последняя ловушка тоже оказалась настроена против магии, а не простого воровства. Похоже, и в самом деле никого, кроме эльфов, в этой сокровищнице просто не ждали. Причем именно Ночных. Примечательный факт. Впрочем, простовата защита оказалась. За три тысячи лет с момента постройки хра-

ма прогресс шагнул вперед, невзирая даже на исконный эльфийский консерватизм.

Ладно, главное — ничто больше не отделяет меня от цели. Дверь не в счет. На этот случай в запасе есть простейшая воровская примочка — переносная дыра. Даже целая стопка восьмидюймовых дыр, для надежности обернутых вощеной бумагой. Пока они не активированы, это безопасно.

Осторожно обстучав вновь перезапущенным мячиком дверь, я развернул первую дыру, растянул ее слегка и шлепком налепил на замок. По глянцевой черной поверхности пробежала рябь, и дыра сработала, став сквозным провалом в филенке толщиной в добрый фут. Хорошо, что я не поторопился и не обработал вначале петли, а то эту громадину вовек бы не провернуть. И так пришлось навалиться всем телом и изрядно попыхтеть. Чтобы понять — а дверь-то открывается на себя.

С некоторой опаской засунув руку в свежепроделанную дыру, потянул за край. Теперь дело пошло куда легче. Даже петли не заскрипели.

Вот она, сокровищница храма Победивших Богов.

Памятные мне носилки стояли, прислоненные к стене направо от входа. Ну да мне они ни к чему, как-нибудь вытащу нужную Реликвию. Это же меч, а не осадная баллиста...

Наособицу стоящих ларцов оказалось шесть, а не семь. Но значения этому я не придал. Может быть, какие-то реликвии обитают в ларцах попарно. Тех же Фиалов Света в самый маленький ларь три дюжины насыпать можно. А вот тот, подлиннее, наверное, и содержит Меч Повторной Жизни.

Ошибка. В открытом ларце оказался какой-то жезл — вроде эльфийского, только намного больше. Свет, идущий от заклятой подушки, на которой он лежал, не давал рассмотреть подробнее. Я потянулся поднести Реликвию поближе к лицу, но жезл словно оттолкнул мою руку. Не враждебно, а со спокойным достоинством: мол, не время фамильярничать.

И правильно. Не за тем пришел. Надеюсь, правда, что Меч окажется не столь разборчив в знакомствах. Фиалу же я вроде понравился...

Искомая Реликвия оказалась во втором из длинных ларцов. Зря беспокоился: под Мечом подушка не светилась и рук он не отталкивал. Вполне классический полуторник, даже не особо украшенный, просто строгий и изящный, как любая

эльфийская работа. Лишь несколько самоцветов украшали эфес, слегка мерцая. Было даже неясно, собственное это сияние или отраженное: если свет от фиала был плотным и теплым, как солнечный, то камни на рукояти Меча отбрасывали холодные мертвенные блики. Скорее всего, синие.

Недолго им сверкать во тьме коридора. Плотно замотав Реликвию в холстину, я пристроил его в гнезда для тяжелого инструмента на спине строительной сбруи. Получилось вполне похоже на связку кирки с ломиком. Вот и хорошо. Форсить, как почетный меченосец на шествии в Приснодень, мне совершенно незачем.

Две дюжины шагов назад по коридору, даже со всеми ухищрениями против ловушек, показались мгновенными по сравнению с дорогой туда. Фонарника я предусмотрительно сунул в карман. Липкая лента отходила от кладки с легким треском, который изолирующая клеенка уже не скрывала. Но стражников в коридор позвал отнюдь не этот тихий звук, а вполне естественная потребность. После такого количества выпитого — чему удивляться!

Первый стражник, не отвлекаясь, затрусил вверх по лестнице. А вот второй, зараза, решил потянуться и размять шейные позвонки. Мотая головой, он меня и увидел. Хрюкнул от ужаса, сложился как-то и на четвереньках рванул обратно в кордегардию.

На его месте я бы тоже испугался, когда на тебя из тьмы, защищенной ловушками и магией, вызверяется этакое лихо одноглазое.

Впрочем, своим бегством храмовый предоставил мне шанс. Со всех ног — мимо арки сторожевого поста. Там как раз началось активное шевеление. Еще секунда, и весь караул двинет следом. Не задумываясь, я выхватил из стопки в кармане одну из оставшихся дыр и блином метнул ее над головами поднимающейся стражи.

Черный восьмидюймовый круг плашмя впечатался в днище бочонка. Знакомая мне рябь возвестила, что дыра сработала. Вырвавшаяся струя рома смыла стражника перед бочкой и, расплескавшись, окатила остальных. Возмущенные вопли перешли в бульканье.

На лестнице завозился, пытаясь развернуться, тот стражник, что направился по нужде. Исключительной толщины

мужик, ему это немалого труда стоило. Остановись храмовый на сем, шансов скрыться у меня не осталось бы — своей тушей он начисто перекрывал проход. Но, на мое счастье, стражник двинулся вниз как раз тогда, когда я добрался до лестницы. Я бросился ему под ноги где-то посередине пролета, и толстяк кубарем полетел вниз — аккурат на остальных, преодолевших к тому времени ромовый потоп. Как шар в кегли пришел. Весьма увесистый шар в пошатывающиеся и благоухающие ромом кегли.

Впрочем, это задержало их ненадолго. Я еще петлял между козлами с подготовленными к реставрации фрагментами витража, когда охрана вырвалась из-за алтаря, словно пробка из бутылки. Точнее, из бочки. С ромом.

Плюнув на условности, я сусликом запрыгал прямо по козлам. Витражи с жалобным звоном разлетались под моими ногами. Следом по осколкам с хрустом перли стражники.

Из боковой арки высунулся какой-то служка с фонарем-гнилушкой, глянул на меня и, вспискнув, втянулся обратно. Потрошитель Пойнтер из рассказанных давеча страшилок, семитысячелетний древнейший умрун, встреченный лицом к лицу, оказался слишком тяжким испытанием для его нервов.

Уже на бегу я принялся метать оставшиеся у меня дыры, целясь в замок и петли калитки в решетчатых вратах храма. Последний черный блин я влепил в нее с пары шагов, чувствуя затылком дыхание нагоняющего стражника — едва ли не того, толстенного. И, не рассуждая, всем телом бросился на решетку.

Результат превзошел все ожидания. Калитка вылетела, плашмя рухнув на паперть, и заскользила вниз по лестнице, как огрские сани с горы. Вцепившись в нее, я доехал до самого низа, кувырком слетел на мостовую и бочком, по-крабьи, рванул к полуразобранной еще ограде.

А там мой и без того уже потрепанный рассудок ожидало главное потрясение. В проеме внешней решетки полотнищем ожившей тьмы воздвигся Ночной Властитель, протянул ко мне огромную руку в хромовой перчатке и оглушительным, как показалось, голосом потребовал:

— Меч! Дай мне Меч!!!

Жуткий шестиствольник во второй его руке был недвусмысленно наставлен мне в лоб.

Окончательно утратив соображение, я тихонько взвыл и рванул обратно. Навстречу поспевающей следом страже. Уже во второй раз за эту ночь им пришлось сыграть роль кеглей. Несмотря на значительно меньшую массу, с ролью шара я справился прекрасно, за счет набранной с перепугу скорости. Ну да ничего. Охране еще предстояла встреча с темным эльфом, который, призвав на мою голову гнев всех демонов мира, волей-неволей кинулся за мной. И все предрассудки насчет Победивших Богов ему не помешали.

Желанием продолжить наш с ним разговор я не горел. Оттого, наверное, и полез на стену храма, цепляясь за лепнину и перебираясь с уступа на уступ. Под ноги все время подворачивались брошенные крикуньи гнезда и закаменевший помет. Источники всего этого мусора, храмовые крикуны, просыпаясь, закурлыкали где-то чуть выше.

Залезть удалось уже довольно высоко, когда стало ясно, что безопасности эта акробатика мне не принесла. Из арки слухового окна чуть выше опять выступил устрашающий черный силуэт. Он что, всей тьмы повелитель, каждой тени хозяин?

Переводя дыхание, я прижался спиной к уступу галереи. Внизу стражники, раздобыв фонари, пытались разобраться, куда делся похититель и кто еще свалился им на головы минуту назад. Властитель вновь обратился ко мне:

— Отдай Меч, кому сказано!

— Такого уговора не было, — ответил я, все еще задыхаясь. — Я дело начал, я и закончу!

Лицо темного эльфа исказилось в брезгливой усмешке.

— Ты что же, думал, что я доверю свою дочь какому-то городскому проходимцу?

Ах, вот как все повернулось. Где твоя честь, эльф? Видимо, там же, где родительская любовь. И все прочие нормальные чувства. Впрочем, вслух я этого не сказал, потому что все еще слишком хотел жить. Если только это бывает — слишком.

Между тем у нашего разговора появились новые нежелательные свидетели. И не храмовые стражники. Те так и не разобрались, куда мы делись, и теперь, судя по метанию фонарных гнилушек, методично прочесывали двор во всех направлениях. Хотя на стене храма в свете взошедших лун и я,

и темноэльфийский Властитель были отлично видны. Уж больно оба мы не походили ни на статуи святых подвижников, ни на апсар с аватарами.

Нет, законное недовольство проявили истинные хозяева стен и кровли храма — крикуны. Шипя и ругаясь, перемежая брань отрывками заученных проповедей, они подбирались все ближе. Зубастые пасти угрожающе щелкали над самым ухом, кожистые крылья поднимали ветер.

Вот тут я и совершил ошибку. Спасительную, как оказалось впоследствии. То есть отмахнулся от особо назойливого крикуна, рявкнув: «Пшел вон!»

Вся поверхность храма словно взорвалась криками и хлопаньем крыльев. Ночной Властитель, запахнувшись плащом, отступил назад в арку. Вопящие твари срывались с уступов и статуй, застилая свет лун. Гвалт стоял жуткий, но в нем все отчетливее проявлялась главная нота.

— Потрошитель Пойнтер!!! Презренный похититель реликвии!!! — орали крикуны, взлетая. Удивительно в тему.

Не знаю, на что я надеялся, хватаясь за задние лапы пары наиболее крупных тварей, мелькнувших у меня перед носом. Все равно другого пути, кроме как вниз с карниза галерейки, не оставалось. Последнее, что я увидел, обернувшись через плечо, была донельзя удивленная физиономия темного эльфа, смотревшего мне вслед. Он даже не пытался стрелять. От обалдения, наверное...

Дальнейшее скрыли от меня крикуньи крылья. Пара, за ноги которой я держался, ощутимо проваливались под моим весом. Но через ограду они меня таки перенесли. Незаметно — по крайней мере, для стражников. Властитель-то мог отслеживать меня по дочкиной метке. Как же я раньше не догадался!

Значит, в любой момент он может меня настигнуть, шагнув из тьмы навстречу. Я нервно завертел головой. Придется держаться освещенных улиц и поскорее добираться до Лансова участка штурмполиции. А то все перспективы подтвержденного статуса Охотника не спасут от отцовского самоуправства темного эльфа. Тот упорный, от своего не отступит.

Вот только одного он за собой не заметил — того, что заступил на освященную землю. Результатов, как я понимаю, ждать недолго. Лишь бы у меня времени хватило...

Вверх по Храмовой, петляя от фонаря к фонарю и поминутно озираясь, я добирался десяток минут. Но то ли способность прыгать из тени в тень у темного эльфа была ограничена по дальности, то ли что-то его отвлекло. Например, храмовая стража. В общем, погоня пока не проявлялась ни с той, ни с другой стороны.

И все равно в каждом шорохе мне слышался шелест черного шелкового плаща, в каждой тени, пробегающей по одной из лун, чудился прыжок настигающего Охотника. Поэтому компании подвыпивших огров, вываливших из первой же таверны на углу, я только обрадовался. В другое время, да еще трезвыми, они бы мне и даром не сдались. Такое счастье меньше, чем сломанными ребрами или ключицей, не обходится.

Без присмотра десятника из своих двенадцатифутовые громилы с гор ни с кем особо не церемонятся. Небогатые подрядчики, которым не по карману левитирующие заклятия, обычно нанимают огров для тяжелых работ. Задиристость и горячий нрав гастарбайтеров полностью искупаются физической силой. Вот только под руку им лучше не попадаться...

Эти, правда, уже упились до полного добродушия. Скоро начнут обниматься с фонарными столбами и клясться в вечной любви мостовой. Но пока еще на ногах стоят уверенно, даже пытаются что-то петь. Тихо и проникновенно — на свой, огрский манер. То есть чуть громче груженного булыжниками фургона по брусчатке, но все же тише камнепада в родных горах.

При таком раскладе затесавшегося в компанию чужака-маломерка они попросту не заметят. Особенно такого же работягу из каменщиков — на стройке уже примелькался, вот и не заметили, как прибился выпить на дармовщинку. А скупостью, в отличие от драчливости, огры не страдают. Как и хорошей памятью на лица. Но и тут лучше перестараться, чем недоработать.

Подумав, я снова нацепил повязку, чтобы не выходить из образа. После вчерашнего мои приметы все еще на слуху, невзирая на отмену поисковой ориентировки.

Огры пополнения, как я и ожидал, не заметили. Зато заметил Ночной Властитель и не сумел сдержать своего раздражения. Дурные предчувствия меня не обманули — он и в самом деле следовал за мной в тенях. Теперь он на мгновение

выступил из очередной арки, пытаясь перехватить меня, но увидел, что опоздал, и лишь сжал кулак, сверкнув лаковым хромом перчатки. Крайне выразительно.

Что ему раньше мешало, интересно? Или после эпизода с крикунами он ожидал от меня любой выходки и предпочитал отслеживать передвижение, не пытаясь спугнуть? Чтобы подловить со стопроцентной надежностью.

Эк он меня зауважал. Я бы загордился, не будь так напуган.

Так или иначе, но пока темноэльфийский Властитель не предпринимал попыток добраться до меня. Понять его можно — мало кто отважится в одиночку выйти на добрую полудюжину огров. Добрыми они перестанут быть тут же, даже упившись в полный блеск...

Вот только надолго ли нам по пути? Обычно огры не заканчивают своих гулянок на пороге полицейского участка. Как-то это не в их стиле. Хотя пока что общее направление движения компании совпадало с тем, какое было мне нужно. Только траектория отличалась некоторой извилистостью...

Огры как раз завели что-то знакомое. То ли «Джимми-холостяк», то ли гимн Заклятых рейнджеров. В их исполнении нетрудно спутать. Нет, мелодия заунывная, без боевитости. Кажется, все-таки «Сиротка Минни».

У Минни был дракончик,
Совсем ручной, совсем ручной,
В деревне всех прикончил,
И скучно ей одной!

Огр, в ногах у которого я путался, хлопнул меня по плечу, так что рука вмиг занемела. И гаркнул:

— Подпевай!

— И-и ску-учно ей одной! — дрожащим голосом пискнул я, надеясь, что не слишком возмущаю слух присутствующих. Лучше бы просто рот открывал без звука. Не так уж огры ненаблюдательны оказались, как я погляжу. Не пришлось бы раньше времени разойтись в стороны, на радость владетельному эльфу. И хорошо, если без особых потерь. Но тут, похоже, сама Судьба решила сделать мне подарок.

На перекрестке открылось крайне воодушевляющее зрелище. Встреча великих сил, так сказать. К одному из угловых

столбиков с двух сходящихся улиц приткнулись тележка ночного сосисочника и полицейский возок.

Трепетная любовь стражей порядка к горячим сосискам давно стала притчей во языцех. Раньше они их с бататовым пюре наворачивали, но после одной обидной дразнилки лет двадцать назад перешли на гороховое.

В таком разрезе моя дальнейшая судьба выглядела куда оптимистичнее. Судя по номерам на бортах возка, наряд как раз из Лансова участка. Надо только измыслить способ упасть полицейским на хвост не в качестве обвиняемого. Обыск с Третьей Реликвией в свертке за плечами как-то не входил в мои планы. Да еще не мешало бы побыстрее сдвинуть их с места. Сосисок у лоточника и до рассвета хватить может...

Впрочем, со всем этим вполне могли помочь те же огры. Помимо своей воли и с определенными потерями для себя. Увы, выбирать не приходится. Простите, ребята, но благодарность — это то самое, чего сегодня я не могу себе позволить. Хоть и обязан вам жизнью. Так уж сложилось.

Левому огру, подпрыгнув, я обоими каблуками врезал по башмаку, а правого просто со всей силы толкнул плечом куда-то чуть выше колена. И тут же быстренько отскочил чуть в сторону и назад. Хотя огры и медлительны, но заводятся они с полпинка. В данном случае это оказалось весьма полезно: на целый пинок по огрским меркам меня все равно не хватило бы.

Пара первых ударов уже прошла мимо адресатов, приобщив к кругу заинтересованных лиц всю компанию. Кажется, один из невинно обиженных своротил в конце траектории угловой столбик перекрестка. Несомненно, полицейские проявили интерес к представлению. Во всяком случае, сосиски с пюре они дожевывали куда интенсивнее. Один даже вместе с бумажной тарелочкой.

Тут и наступило время для моего неповторимого выхода. Вывалившись из толпы горных, я зигзагами заковылял к лотку и повозке, припадая по очереди на обе ноги и просительно протягивая перед собой одну руку:

— Помогите! Спасите! Убивают! — Вопль получился первостатейный, без излишней мужественности в голосе.

Тут главное — не конкретизировать призыв обращением к полиции. Полисмены этого сразу пугаются и еще долго ос-

таются настороже. Лучше дать им самим дозреть до идеи о человеческой взаимопомощи.

Пожалуй, я был слишком плохого мнения о патрулях штурмовой полиции. Подгонять события не понадобилось, скорость реагирования у Лансовых парней оказалась вполне достаточной. В пару секунд оказались на необходимой дистанции, закинули меня за бронированные спины и принялись за работу. Горным недолго осталось прохлаждаться на свободе.

Церемониться стражи порядка не стали, сразу разрядив по паре стволов стрелометов в мягкие места препирающимся. Меньшее огров все равно не достало бы. А так они отвлеклись от своего времяпрепровождения и занялись занозами и поиском их источника. Обнаружив же в качестве такового наряд штурмполиции, преисполнились смирения. Со штурмовиками в Анариссе никто не ссорится. Себе дороже.

Один из полицейских деловито ощупал меня с головы до ног — не для обыска, а в поисках повреждений. Хотя содержимое карманов и кошеля тоже проинспектировал, не без пользы для себя и без большой обиды для меня. Какой жмот пожалеет полдюжины унций за спасение жизни и здоровья!

Ущерба тому и другому не обнаружилось. Полицейский хлопнул меня по плечу и поставил диагноз:

— Счастливы твои боги, парень! Помяли тебя несильно, к утру очухаешься...

В ответ я только жалко трясся и благодарственно поскуливал, старательно поддерживая образ незадачливого работяги, некстати попавшего в серьезную переделку. Главное, конечно, не переиграть...

— Что же сам не отмахался? Вон, за спиной инструмент серьезный, — усмехнувшись, всадил в самую точку другой полисмен.

У меня внутри так все и захолонуло. Неужто Меч Повторной Жизни опознали? Хотя я так его замотал, что от обычной связки ломика с киркой Реликвию не отличишь. Нет, это они шутят так. Служилым людям полагается...

— Мы, каменщики, люди мирные! На дюжину огров с одним кайлом бросаться непривычны! — плаксиво принялся оправдываться я. Воровато оглянулся и сдобрил реплику крайней нецензурщиной: — Не гномы какие-нибудь!

Полицейским ответ понравился. Они даже хохотнули,

надевая упряжь на последнего огра. Теперь можно было и ехать.

В полицейскую повозку всегда запрягают пойманных лиходеев. Сами полисмены и потерпевшие, неспособные к самостоятельному передвижению, едут в кузове. А легкораненым и свидетелям позволяется бежать рядом, держась за поручни, до самых ворот присутствия. Вот почему никто не любит быть свидетелем. Обычно дежурство полицейских продолжается до тех пор, пока наряд не наловит лиходеев на обратную дорогу до участка. На место же отбывания их доставляют отпускаемые на свободу.

Хотя с моим статусом ясности не было — свидетель я или потерпевший, — полисмены разрешили мне ехать с ними, в возке. Не иначе, из благодарности за обильный урожай пойманных, положивший конец дежурству. Да и время темное, никого, значит, и урона их престижу никакого.

Я и за пробежку до Лансова участка в такой компании был бы благодарен, а между двумя жесткими боками в кирасах вообще чувствовал себя у Судьбы за пазухой. За спиной крепкая стенка возка, а от стрелы спереди прикрывают могучие загривки пойманных. Да и хотел бы я посмотреть на того, кто захочет выйти в лобовую на патруль штурмполиции в полном оснащении, спешащий с дежурства. Будь это хоть трижды Ночной Властитель...

У ворот кордегардии, пока огров выпрягали, я все еще старался держаться в толпе. В прямой видимости темный эльф не попадался, но присутствие его отчетливо ощущалось. Словно шорох черного шелка на грани слышимости, пробивающийся сквозь скрип, лязг и грубую речь полицейских и пойманных.

Последние больше всего потрепали нервы: чтобы полная упряжка огров смогла протиснуться по коридору участка, пришлось делить ее пополам и выстраивать гуськом. Громадины вяло скулили и оправдывались виноватыми басами профундо. Наконец их отформатировали под размер внутренних помещений и утрамбовали в арку входа. Следом торопливо втянулся я — оставаться под стрелами темноэльфийского Властителя никак не хотелось. Да и надо бы уже

приложить усилия к тому, чтобы выйти на фронтового друга, по возможности минуя административные формальности.

Удачная полоса пока что продолжалась. У решетчатой двери одного из казематов по дороге стоял Ланс собственной персоной, с внушительной коробкой пончиков в одной лапе и стопкой картонных стаканчиков в другой. Страсть полицейских к кофе превосходит даже их же склонность к сосискам. Самодельные кофеварки на тлеющих файрболах малого калибра стоят в любом закутке. Делают их те же умельцы из ветеранов. Кто в меканских топях выжил, везде обогреться сумеет...

— Господин лейтенант, хай-сэр! — Просительно сложив руки на груди, дабы никто не подумал чего дурного, я заторопился к Лансу, не узнавшему меня в каменщицком прикиде. — Разрешите обратиться по личному...

— Разрешаю, — сурово оборвал мой фронтовой друг. — Проходи.

И отворил решетчатую дверь допросной. Что ж, уже лучше, чем ничего. Вот он как с посторонними. Скала. Хотя ростом всего на дюйм выше меня. Штурмполисмены, которые привели меня, не возражали. Начальству виднее, как обойтись со странным пострадавшим.

Ланс указал мне на скамью по одну сторону стола, а сам с лязгом плюхнулся напротив. Брякнула о кирасу штатная полицейская сбруя — кобуры для стрелометов, подсумки с болтами и иглами, раковина дальней связи, ну и пара его личных прибамбасов, по фронтовой привычке. Лично мне известно назначение только одной штуковины, похожей на толстый автокарандаш. Это оружие последнего шанса — одноствольный слипган, одиночная пружинная трубка от стреломета с приделанным простеньким спуском.

Выждав, пока доставившие меня отойдут, я стянул с лица надоевшую повязку. Выражение грозного лейтенанта штурмовой полиции сразу поменялось.

— Пойнтер! Старый пес! Ну ты даешь... — Он даже привстал. — Ты что же по-простому не зашел?!

— По-простому не получилось как-то... — Я запнулся, размышляя, как представить ситуацию. С одной стороны, Ланс мой друг, с другой — страж порядка. Причем самый честный из известных мне лично. То есть ничего не делает против бук-

вы закона, если это противоречит духу такового. Совсем-то без мухлежа ни одно дело до суда не доведешь...

Пока я молчал, он гостеприимно придвинул к моему краю стола коробку с пончиками и налил картонный стаканчик кофе. Сам не ожидал, что вцеплюсь в еду с таким остервенением. О да, это каменщики обедали, а я тогда для себя сбрую подбирал...

Лишь покончив с последним пончиком и обжегшись кофе, я смог вернуться к осмысленному общению, впрочем, не ставшему более легким даже на сытое (хотя бы относительно) брюхо.

— Слушай, Ланс... Серьезно поговорить надо.

— Так говори! — приятель широко всплеснул обезьяньими лапами. — Кто мешает?

— Тут такое дело... — Я замялся, подбирая слова. — Надо бы совсем втихую. Чтобы даже вошь последняя не подслушала.

— Что ж, раз такое дело... Морг подойдет? Магозащита полная, оттуда никто и ничто наружу не просочится.

— Подойдет, подойдет! — заторопился я, радуясь нежданной удаче. — Кстати, черная все еще там?

— Куда она денется! — хохотнул Ланс. — Разве что встанет и сама уйдет!

Он и не предполагал, насколько близок к истине. Или, по крайней мере, к наиболее желательному для меня развитию событий. Надеюсь, что папе с дочуркой при воссоединении после столь трагической разлуки будет не до меня. Хотя бы до следующего розыгрыша жребия Охотников. Теперь осталось только уломать фронтового друга, чтобы он разрешил мне провернуть эту весьма противозаконную комбинацию.

За этими размышлениями мы как раз подошли к массивной стальной плите в самом конце коридора, инкрустированной магически заряженным серебром. Знаки и слова заклятий были глубоко врезаны в сталь. Ланс долгих полминуты возился с амулетами, пока на плите не проявились петли, ручка и замочная скважина, затем еще столько же времени лязгал ключами...

Полицейский морг — единственное место участка, в котором всегда тепло, уютно и хорошо пахнет. Наложенное заклятие не только защищает, но и хранит содержимое от разло-

жения, причем практически вечно. Магия такого разряда стоит немало, но здесь власть предержащие, словно по иронии, постарались для себя самих. Во всяком случае, сейчас морг с полным комфортом занимала, если можно так сказать, одна-единственная обитательница.

На прозекторском столе, обитом свинцом, темная эльфь вытянулась во весь свой немалый рост — едва поместилась. Ее длинная грива смоляным полотнищем свисала с края столешницы почти до самого пола. С убитой не сняли кожаный костюм, лишь извлекли стрелу, пробившую основание черепа. Хотя вскрытие не делали точно. Странный компромисс между преклонением перед высшим классом и полицейской прижимистостью.

Шелковый плащ мертвой дивы висел на крюке, который был вбит слишком низко для него, так что полы стелились по полу. Другие вещи и оружие остались на хранении в местном артефактории. Нелишняя предосторожность.

Широкий край столешницы остановил меня. Ланс обошел стол с другой стороны, встал в изголовье и фамильярно хлопнул лапой по свинцовой обивке:

— Вот она. Первая ласточка, так сказать.

— А что, будут и другие? — осторожно поинтересовался я.

— В точку, Пойнтер, в точку! — Он сделался каким-то неестественно веселым. — Этаких тут целая компания подобралась.

Неприятные предчувствия, которые я считаю неотъемлемой частью своей жизни, зашевелились как никогда. Если полиция вышла на Охотников, деваться мне совсем уже некуда. Старый приятель меж тем не унимался:

— Главное, название себе присвоили — «Охотничий Клуб»! Они, значит, охотники, а мы все — дичь.

Вот тут меня достало по-настоящему. Это конец. Теперь все равно, оживет или нет высокородная дочка владетельного папаши. Не те, так другие достанут. Для Собачьего Глаза Пойнтера не осталось ни одной щели в этом городе, да и за его пределами.

— Давно на них дело завели? — для порядка поинтересовался я.

Ланс осекся. И, осторожно подбирая слова, уже куда тише проговорил:

— Дела-то никакого и нет, считай... Одиночное покушение на убийство, — кивнул он на мертвую эльфь. — Только скоро таких вот дел будет побольше...

— Это как же? — Я ничего не понимал. — Откуда тогда все это? В смысле, насчет Охотничьего Клуба? Без расследования...

— Тут такая ситуация... — еще больше насупился Ланс. — На меня Нохлис вышел.

— Мертвовод? Этот-то здесь при чем?! — Мое непонимание достигло предела.

— Он, понимаешь ли, попался Охотникам на мушку. Но выдержал какое-то их вступительное испытание и перешел из дичи в хищники.

Что-то начало проясняться. Но все равно этого недоставало для того, чтобы успокоиться. Однако это был отнюдь не конец рассказа.

— Ты же знаешь Нохлиса: сколько ни дай, все мало. Ему хоть Небесный Город Итархин на тарелочке поднеси, все равно добавки попросит. Решил и в Охотничьем Клубе что-нибудь выгадать. И ведь получилось у засранца! Чтобы себя от охотничков обезопасить, заложил их мне в частном порядке. Козырь в рукаве ему понадобился! До поры до времени все в тайне, зато Мертвовод подписался оказывать кое-какие услуги...

У меня отлегло от сердца. По крайней мере, вся полиция и городской гарнизон на мой след не встанут. А со старым приятелем можно договориться. В крайнем случае, буду у него вторым агентом в Охотничьем Клубе. На пару с Нохлисом, как ни противно...

Да только чем я сейчас лучше? Мне же еще у Ланса выпрашивать жизнь какого-то негодяя в обмен на эльфийскую диву. Хорошо, что в участке всегда найдется такой, которого лучше придушить, не доводя до суда. Вроде меня...

Но лейтенант полиции по кличке Обезьянья Лапа на сказанном не остановился.

— Он в их списки залез — кого-то из своих, кто разбирается, пустил подправить этот лохотрон. Хотел так своих политических противников подставлять. Теперь дичью можно назначить любого...

— Добычей, — поправил я фронтового друга.

— Что? — встрепенулся тот.

— Они называют это Добычей. Не дичью, а Добычей, — устало повторил я. — И кто меня подставил? Нохлис?

— Нет, — теперь Ланс замолчал надолго. — Я.

Два этих слова звонко ударили мне по ушам, словно медные тарелки военного оркестра. Меня будто ватой обложили: слышать, двигаться, дышать стало равно трудно...

— Погоди! — предварил он все попытки перебить себя. — Ты же самый лучший из нас, уцелевших в Мекане! Самый живучий! Ты выкрутился — я знал, что выкрутишься, и выкрутился. Когда страхуют, предупреждают, то расслабляешься — и все, конец. А ты выжил! И дал мне уложить тварь! Самую страшную из них! — Ланс со злобой ткнул мертвую кулаком в скулу.

Одеревеневшее тело не шелохнулось. Меня же от трупа отличала только формальная принадлежность к живым. Слова бывшего друга падали в пустоту, забившую меня до отказа:

— Нохлис показывал мне списки Охотников. Они все для меня недосягаемы. Эльфийские властители, миллионщики, магистратские... Или такие из дорассветных, к которым либо не подберешься, либо и подойти-то страшно. Даже мне... А достать хочется! Чтобы хлебнули, твари, перед смертью!

Как он был прав, как мог я быть с ним всей душой! Если бы услышал все это секундой раньше событий вчерашнего утра.

— Мы гнили заживо в топях Вест-Мекана, глотали изменяющий туман воинов-жрецов Тесайра, рвали глотки штурмовым кадаврам, как псы. А эти переставляли флажки на карте да алыми шнурочками провешивали на графиках курс унции к золотому. Считали барыши и обмывали контракты. А теперь еще принялись убивать нас ради забавы!

Медленно-медленно я спустил с плеча сверток с Реликвией. Я не собирался пускать Меч Повторной Жизни в ход — просто больше не мог переносить еще и эту тяжесть, давящую на плечи. Только рука как-то сама легла на рукоять...

Ланс, видимо, почувствовал что-то в моем молчании, но стреломет не вытащил и вообще не делал попыток как-либо защититься. Он доверял мне так же, как я должен был доверять ему. Как мы всегда доверяли друг другу. Только заговорил быстрее и сбивчивее:

— Наших, проверенных, еще много. Мортимер Четыре Фаланги, Костлявый Патерсон, Джинго... Вся Меканская бригада, закаленные бойцы. Перемелем владетельную шваль, как болотных умрунов! Пусть пройдут тот же путь!

Еще кто-то должен пройти мой путь... Нет уж, хватит. Рука стиснула рукоять уже осознанно. Ланс же не слышал и не видел ничего, зайдясь в ярости:

— Они должны страдать и умирать, как мы!!!

Ему было невдомек, что время слов для меня прошло. Осталась только цель, на которую я был направлен, и ее цена. А человека, которому я верил, больше не существовало.

Немыслимо долгий и красивый удар с шагом и доворотом снес Лансу голову. Меч словно замер в фонтане крови, наливаясь изнутри жутким светом. Казалось, стальные кристаллы отделяются друг от друга прожилками сияния и тают в нем, как зерна.

Неся клинок на вытянутых руках, словно полную чашу, я повернулся к прозекторскому столу, повернул меч острием вниз и со всей силы вонзил в низ живота ночной властительницы.

— Репаро!

Меч без сопротивления прошел сквозь ее тазовые кости и свинцовую обшивку стола. Молнии рванулись от краев разреза, молотя жгутами по стенам и оплетая нас. Мертвое тело выгнулось, скользя по лезвию, и опало, когда молнии угасли.

Я выдернул клинок, сделал шаг вправо и теперь вогнал его в солнечное сплетение темноэльфийской дивы.

— Ресумо!

Грудина разошлась так же легко, только теперь потоки мертвенного свечения словно выплеснулись из места удара, стекая по телу на стол и дальше на пол. Волны сияния захлестнули меня по колено. Мертвая билась на столе, словно рыба, выброшенная на берег.

Струи света иссякли так же неожиданно. Извлекая меч, я заметил, что он безжалостно распорол лаковый хром костюма, но оставил нетронутой пепельную плоть эльфи. Лишь серебряные ромбики шириной в клинок старыми шрамами отпечатались на коже, проглядывая сквозь глянцевую шерстку на лобке и деля пополам расстояние меж грудей.

От этой ли игривой несообразности или от моей вечной тяги к отсебятине, но третья часть заклятия пошла в дело не-

сколько подправленной. Вбивая меч по самую крестовину в лоб девушки, я крикнул:

— Рестаурато санем альтире!!! — И сам упал переносицей на навершие рукояти.

Восстановить, возвышая очищением.

Сфера мертвенного света окружила ее голову, вздулась, охватывая мои руки на мече, и неожиданно тяжело ударила в лицо, вминая пустую глазницу, сдавливая шрамы. Будто твердыми валиками прокатилась по вискам и гулко отдала в затылок, покидая череп.

Следующая сферическая волна оказалась еще более чувствительной, а потом они пошли одна за другой, со все более малыми промежутками. Не знаю, что творилось с оживляемой, а я, чего уж тут стыдиться, отплясывал, как деревянная марионетка под заклятием уличного шарманщика.

Когда все это кончилось, я не понял. Лишь вытянул меч из темноэльфийского твердого черепа и отбросил, как ненужную безделушку, — видимо, на труп Ланса, потому что не звякнуло.

Лоб моего Охотника украсился тем же серебряным вытянутым ромбиком от самых бровей до линии роста волос. Ничего, под челкой не видно будет. Я протянул руку и растрепал эту самую челку, прикрывая шрам.

И тут она открыла глаза.

3
Рокировка

...Ты красива, словно взмах
Волшебной палочки в руках
Незнакомки из забытого мной сна...

Медленно-медленно, не делая резких движений, я убрал руку со лба оживленной и отступил на шаг. Она села, опершись на руки, и потянулась.

Это добило остатки кожаного костюма. Теперь он состоял из пары рукавов и пары штанин, кое-как соединенных лохмотьями лакового хрома. Осознав это, темная эльфь подтянула колени к подбородку и обхватила их руками. И лишь

после этого соизволила обратить внимание на меня. Без прежнего омерзения, но и без симпатии.

Теперь серокожая смотрела в мою сторону с какой-то опаской. Но не потому, что оказалась практически нагишом, — разница в размерах и здоровье по-прежнему позволяла ей завязать меня узлом без излишних усилий. Причина была какая-то другая.

— Чего испугалась? — Раздражение требовало выхода. — Я со вчерашнего дня страшнее не стал!

Не один я искал повод сорваться. У высокородной тоже нашлось что сказать:

— Стал! Теперь ты Охотник! Ты убиваешь для забавы!

Ничего себе разворот...

— Как ты сама и твой отец? И кто, по-твоему, сделал меня Охотником?

Полуголая дива уткнулась носом в сведенные вместе колени. Видимо, основным приобретением вследствие очищения у нее стала совесть. Как девственность у старой шлюхи. Сколько она сама-то развлекалась? Сотню лет? Или больше?

— Я не хочу быть Охотником! Это... Это мерзко!!! — на миг в ней мелькнула прежняя брезгливость.

— Как будто я хочу, — устало отозвался я. — Да только кто же нас спрашивает...

Все-таки на свете существует градус высокомерия, сопоставимый с абсолютным нулем в алхимии. Крайний. Именно с ним темная эльфь повернулась ко мне, бросая:

— Отпускаю тебя. На вечные времена.

— Я тебя тоже отпускаю. На вечные времена, если от этого полегчает, — вздохнул я. — Только Охотника освобождает одна смерть. Так ведь?

— Откуда ты знаешь? — она вскинулась с неподдельным любопытством.

— Пока ты тут отдыхала, ко мне твой папенька наведался. По метке нашел. И подрядил вернуть тебя в мир живых. Твоя жизнь — гарантия моей.

Тут только до меня дошло.

— А ведь ты и правда больше не Охотник, — сказал я серокожей уже куда теплее. —Тебя-то смерть освободила! — Искреннюю радость в ее глазах не хотелось остужать, но я

все-таки добавил: — Если, конечно, у твоего отца и других членов Охотничьего Клуба не противоположная точка зрения.

— Это уже ничего не значит, — похоже, эльфи были Меканские топи по колено. — Я все равно больше не буду!

— А мне как быть? — угрюмо буркнул я, отворачиваясь. — Я-то для новой жизни не возрождался!

— Ты уверен? — высокородная как-то странно на меня посмотрела и неожиданно сменила тему: — Почему ты до сих пор носишь повязку?

— А тебе непонятно? Что ж, смотри, если хочешь, — и я стянул ставшую привычной за четыре последних года полосу ткани.

Вот только смотреть пришлось мне.

Потому что у меня снова были два глаза. И ни один из них не собачий. Вид серой эльфи на свинцовом столе, в черной коже и с угольной гривой, не давал понять этого раньше. Но сейчас та же картинка рывком обрела объем, а настенная гнилушка дневного света справа явственно замерцала фиолетовым сквозь обычный зеленоватый. Скоро перегорит, наверное...

Лунная Богиня и все прелести ее! Жизненной силы Ланса хватило на исцеление нас обоих! Ну спасибо, дружище. За одно это простил бы, если б можно было. Да еще сэкономил четыреста двадцать золотых, которых у меня никогда не будет... Я ощупал ставшую ровной правую половину лица.

— В старину Меч поднимал целую армию павших за одну жертвенную жизнь. Если только жертва была добровольной, — пояснила серокожая.

О Лансе этого не скажешь, но и мы с моей черной дивой — не армия павших. Я вот вообще живой был. Что до ритуала, что после.

Пока я приходил в себя, Хирра спустила ноги со стола и встала. Критически оглядела себя, ободрала остатки костюма, оставшись в одних сапожках и длинных перчатках. Брезгливо обтерлась белой изнанкой чистой части лохмотьев. И повелительно указала:

— Подай плащ.

Видимо, я еще не отошел от ступора, потому что, вместо того чтобы огрызнуться, снял шелк со стены и накинул ей на плечи. Для этого, правда, пришлось поднять руки выше головы.

Что ж, позиции прояснены, можно подумать о том, как выбираться отсюда. И что делать дальше двум экс-Охотникам, самовольно освободившим себя от правил Клуба.

Со мной одним хлопот не было бы — с двумя глазами и целой рожей я без следа затеряюсь среди таких же середнячков-никчемушников славного города Анарисса. Разве что с кадаврами придется завязать или хотя бы из наладчиков в сборщики перейти. Да... Тоже не здорово.

А вот у высокородной положение откровенно пиковое. Если хоть треть того, что я слышал об эльфах вообще и темных в частности, соответствует истине, то папочка ренегатства ей явно не спустит.

Похоже, серокожая пришла к близким выводам. Потому что, задрапировавшись в черный шелк, обернулась ко мне:

— Что дальше?

Мне ужасно не хотелось говорить то, что я собирался сказать. Но время насилия над своей совестью прошло. Да и до сих пор оно всегда выходило мне боком. Хотя бы разок, для разнообразия, надо попробовать по-честному.

— Получается так, что нам с тобой и Охотничьему Клубу места на одной земле нет. Либо мы, либо они.

— Так, — как-то безучастно согласилась эльфь.

— И быть нам притом надо вместе, чтобы хоть какой-то шанс был, — продолжил я. — Друг за друга против всех. К высоким клятвам, увы, не способен...

— Сама знаю, что не способен. Но тут и Низкой клятвы хватит, — перебила меня она. — Повторяй за мной.

Хирра подобрала Меч Повторной Жизни, уперла острием в пол между нами и положила мою руку на рукоять поверх своей. Затем опять свою и снова мою. Как в розыгрыше на кулачках.

— Се Низкая клятва.

— Низкая клятва, — эхом отозвался я.

— Даю зарок следовать и не избегать.

— Зарок следовать и не избегать, — я едва поспевал за ней.

— Тому, что сохранит жизнь и приумножит силу соклятого.

Это оттарабанить было уже сложнее, но я справился, правда, не совсем понимая, для чего ввязался в еще один ритуал на могущественной Реликвии.

— Если же содею иное, — она опять сделала паузу на по-

втор. — Не подниматься мне ниже земли и не знать ни дня, ни ночи!

Как только я проговорил последние слова, из рукояти Меча вверх и вниз ударили синие лучи, превратившиеся в столб ультрамаринового сияния, которое охватило всю Реликвию и наши руки на ней. Свет бился в пол и потолок, расплескиваясь язычками, словно пламя о днище чайника.

Когда он погас, на наших запястьях еще несколько секунд перебегали синими искрами браслеты остаточного свечения. Хирра с интересом уставилась на мои руки. Такое впечатление, что увиденное удивило ее.

— Ты, похоже, и к Высокой клятве способен, — задумчиво прокомментировала темноэльфийская дива свое замешательство. — Но вообще-то я имела в виду то, как нам уйти отсюда незамеченными.

Вот так всегда! Раз в жизни решился на благородство, и то попал впросак. Делать нечего. «Не подниматься ниже земли и не знать ни дня, ни ночи» как-то очень не хочется...

— Я-то переоденусь полицейским, — конкретная задача несколько отвлекла от мрачных размышлений. — А вот что с тобой делать...

Да... Вынести шести-с-половиной-футовую девицу из морга под мышкой, замотав в плащ, кто-то другой, может быть, и сумел бы. Не вызывая подозрений в распространении некрофилии среди чинов штурмовой полиции. Так что желательно выводить эльфь своим ходом. Только вот в качестве кого?

— Внешность поменять можешь?

— Без жезла — нет, — кратко ответила серокожая. — А его только отцу под роспись выдадут.

А вот это уже идея.

Гнилушка дневного света не перегорела с первого щелчка по колбе. Но я оказался упорнее и настойчиво позвякивал ногтями по стеклу светильника, вызывая все новые и новые фиолетовые вспышки.

Хирру это, похоже, начинало бесить. Но высокомерие не давало ей одернуть меня. Она лишь демонстративно отвернулась в другую сторону.

Наконец я добился своего — гнилушка вспыхнула особенно ярко и с тихим хлопком погасла. Стекло изнутри затянул дымок. Я вырвал колбу из настенного крепления и осторож-

но разбил о край стола. Перегоревшая гнилушка невесомой черной ватой вывалилась на свинцовую обивку.

Темноэльфийская дива уже давно заинтересовалась моими действиями. А когда я растер половину гнилушки в пыль, а вторую размял, добавив воды из ведра под столом, снизошла до вопроса:

— Для чего это?

— Для тебя, — я не собирался долго объяснять. — Подставляй морду. И не дергайся!

К моему удивлению, она выполнила команду без дальнейших пререканий. Похоже, помимо реморализации Меч еще поменял ей элементы динамической личности. То ли переставил потоки местами, то ли поменял их цвет на противоположный. Причем скорее второе. Была Оэт-Пинт, а стала, судя по всему, Пэт-Оинт. Так что там теперь не высокомерие, а стеснительность. Тех же сногсшибательных размеров!

Хорошо все-таки разбираться в кадаврах. Это почти то же самое, что в людях.

За этими размышлениями я и не заметил, как закончил работу с физиономией эльфи. Теперь при скудном освещении ее вполне можно было спутать с папочкой. Во всяком случае, бородка с усами мне однозначно удались, а жесткие линии у глаз могли напугать кого угодно.

— Голосок у тебя и так не слишком высокий, но попробуй все-таки еще пониже. И похолоднее, — попросил я уже мягче.

— Вот так? — баритон с режущим ледяным оттенком едва не заставил меня подпрыгнуть.

— Отлично! Теперь слушай. Ты — твой отец, пришедший опознать тело. Заберешь тебя, то есть себя... тьфу, то есть труп позднее. Я сопровождаю тебя от участка. Получишь жезл — снимешь с меня метки. Да, еще — прибери под плащ оружие и Реликвию!

Высокородная кивнула. Провела ладонью в футе от лица, оставляя в воздухе след медленно тающей зеркальной пленки, полюбовалась отражением, подправила пару незаметных мне деталей и кивнула еще раз, вполне удовлетворенная результатом.

Тем временем я уже закончил стягивать с Ланса портупею и кирасу. Шлем был прицеплен к поясу — не надо было искать по углам, в отличие от головы.

Темноэльфийская дива уже нетерпеливо притопывала у двери, входя в образ. Меч Повторной Жизни и полицейский стреломет легко укрылись в складках черного шелка, а их тяжесть придала некоторую грубость движениям.

Устроив на столе останки старого друга, я еще немного постоял, прежде чем надеть полицейский шлем с забралом. Ланс не раз спасал мне жизнь в топях Мекана, как и я ему. Но вчера он подставил меня и выдернул из-под удара лишь в последнюю секунду. А я убил его. Не за это — за то, что он хотел продолжать в том же духе с другими нашими. И за то, что считал себя вправе делать это без спроса. Заставлять людей платить несоразмерную цену за их же благо — истинное или мнимое. Не терплю таких людей, начиная с Нохлиса.

И все же, определенно, что-то кончилось с этой смертью. Во мне самом.

Натворили мы тут дел. Если бы не надежная магическая защита помещения, сюда уже давно сбежалась бы половина полицейского участка. Потому что вторая половина разбежалась бы в ужасе, как тараканы.

И то, когда дверь морга открылась, магсигнализация по всему участку мигнула и взвизгнула. Но обошлось. В повседневном гвалте и неразберихе участка и не такое проходит незамеченным. Зарешеченные помещения по обе стороны коридора то и дело взрывались криками — дознаватели орали на пойманных, те надрывались в ответ, и все это разбавлялось монотонным бубнежем адвокатов. По коридорам сновали мелкие служебные гоблины с пухлыми папками дел и мешками улик.

Изредка попадался башнеподобный штурмполицейский, подчеркнуто уважительно отдающий честь своему невысокому лейтенанту. Я небрежно козырял в ответ, не без труда имитируя размашистое движение обезьяньей лапы. Под затемненным прозрачным забралом шлема разницу в лицах угадать было трудно.

Разок, правда, ситуация едва не вышла из-под контроля. Орава зеленых гоблинов волокла по коридору здоровенный сейф, обмотанный сотней футов бечевки и обвешанный доброй дюжиной печатей. Один из углов сейфа был смят и окро-

вавлен, так что железный шкаф выступал сейчас не в собственном качестве, а в виде орудия преступления. Совсем огры расшалились... Если только зеленокожая мелкота не пристукнула кого-нибудь этим сейфом на выходе из артефактория.

Под тяжестью улики гоблины мотались от одной стены к другой. Миновать их без потерь не представлялось возможным. Завидев начальство, зеленявки метнулись в сторону. Мы с высокородной вовремя проскользнули вперед, прежде чем их качнуло обратно. И то край шелковой полы едва удалось спасти. Но если бы плащ распахнулся, то приключившийся конфуз явно превышал бы размерами сейф и все деяния, совершенные его посредством.

Дальнейшая дорога — как раз к артефакторию — прошла без сучка и задоринки. На местных канцелярских крыс фигура «Ночного Властителя» произвела неизгладимое впечатление. Книгу для росписи об опознании подали с поклоном.

Подпись была не маленькая — каллиграфическим размахом на полстраницы. Я мельком выхватил из нее лишь притязание «Ау Стийорр» и едва не присвистнул: оказывается, моя подопечная в родстве с одним из Тринадцати Семейств, которые держат Анарисс...

— Жезл и амулеты? — с запредельным высокомерием бросила она баском инспектору артефактория.

— Отправлены в поместье с нарочным, еще днем, — подобострастно согнулся полицейский чиновник.

Кривая колея! Только этого нам не хватало. Так уже все хорошо складывалось! Ночному Властителю пришлось лишь величаво кивнуть в ответ. В таком случае хоть урву кус напоследок.

— Тогда дайте-ка еще один штурмовой стреломет, — сунул я полицейский жетон-амулет в окошко выдачи. — С полным комплектом.

Еще дюжина стволов и тридцать шесть болтов или пучков надсеченных игл при ожидаемом раскладе лишними не окажутся. Хорошо, что страсть Ланса к глухим рукавам и перчаткам не дает различить нас. А один стреломет на него уже записан. Только бы не поинтересовались его нынешним местонахождением. Описать таковое цензурно я бы не смог.

Стреломет выдали без всяких проволочек. И боекомплект удачный — не только иглы. Хоть это хорошо.

Больше нам тут делать нечего. Я коротко кивнул «Ночному Властителю» на выход. Хирра еле заметно опустила в ответ ресницы, развернулась и величественно проследовала в ворота, брезгливо отстранившись от какого-то пьяного бедолаги, которого двое полицейских волокли из повозки в «крикунятник». В других участках эту клетку именуют «обезьянником», но попробовал бы кто употребить это словцо при Лансе...

К моему удивлению, сам высокородный на выходе из участка нас не караулил. Я даже стянул перчатку с руки, желая проверить, как там сияющий иероглиф-метка. И следа не осталось! Похоже, Меч Повторной Жизни убрал не только повреждения, но и вообще всю внешнюю магию на нас обоих. На такую удачу даже нельзя было рассчитывать!

На мой щенячий восторг эльфь лишь кивнула, не выходя из роли. Так мы и шли, поодаль друг от друга, но все же нерасторжимо связанные общей целью — сильнее, чем клятвой.

Полицейский участок остался уже в полудюжине кварталов позади, а мы все печатали шаг — до самой площади Умиротворения. Наконец темноэльфийская дива начала морщиться и дергать физиономией. Подсыхающий грим явно мешал ей.

— Вон фонтан. Умойся, если хочешь, — мотнул я головой на центральное сооружение площади.

Высокородная восприняла мое предложение как-то странно: пристроила на столб ограждения плащ и оружейную сбрую, скинула сапоги с перчатками и прыгнула в фонтан.

Сам бы я купаться ни за что не полез. Холодна водичка — с гор. Особенно ночью. Но Хирра плескалась в фонтане, растираясь и взвизгивая, разбрасывая каскады брызг в площадную пыль. Эльфь кружилась, подставляясь под струи, смывая сажу с лица и память о смерти с тела. В свете всех трех лун ее кожа и волосы светились серебром.

Привлеченный столь поздним шумом, на один из балконов выполз дедок в халате и колпаке, со свечной гнилушкой, ночным горшком и явным желанием покарать полночных хулиганов. Впрочем, открывшееся зрелище настолько потрясло его, что вместо заготовленной отповеди дед плюнул на свечку, надел ночной горшок себе на голову и, мелко семеня, отправился восвояси. В его возрасте эротические кошмары с

участием темных эльфов, резвящихся под надзором полиции, явно противопоказаны.

Пока серокожая завершала омовение, у меня впервые появилось время обдумать действия на ближайшее будущее. На свободе нам гулять невозбранно лишь до тех пор, пока полицейским не понадобится морг. На жетоне-то маячок я уже от греха расколотил, еще на полпути к фонтану. Теперь эта бляшка бесполезна, одна видимость — ни подмогу вызвать, ни просигналить. Зато и нас по ней никто не найдет.

Если кто и запомнил, что я к Лансу заходил, то мои приметы уже потеряли всякий смысл. А искать высокородную в живом виде никому и в голову не придет. Плюс утром приложим некоторые усилия к повышению ее неузнаваемости. Может быть, выбраться из города еще сумеем легально...

Тогда же и займемся всерьез Охотничьим Клубом. Если владетельный папочка не объявится раньше. Но что-то подсказывало мне — этого не случится. Значит, нам самим придется нанести ему визит.

Если Анарисс не идет на Мекан, то Мекан приходит в Анарисс.

Предрассветную тишину и темноту впереди бесцеремонно распирал остров света и шума. На пожар не похоже — слишком мирная суета. Если погоня за нами, так ей не впереди быть полагается, а позади. В засаде же вообще обычно сидят тихо. Что тогда это может быть?

А, понятно. От площади Умиротворения нас весьма удачно занесло в Кампусы. Район относительно спокойный, только шумный — студенты, как проклятые, дня и ночи не разбирают. Да и ниже земли, то есть в погребок какой-нибудь, здесь попасть легче легкого. Вот, значит, какова расплата за нарушение клятвы — быть вечным студиозусом до скончания дней!

Тут найдется, где перекантоваться до утра. На странные компании в Кампусах особого внимания не обращают, а штурмполисмен — не околоточный, чтобы стать объектом студенческих шуток. И торговые ряды недалеко, но это уже позже...

Мы были слишком заметной парочкой, чтобы снимать комнату на ночь, но сесть вместе за столик может кто угодно. Ниже земли лезть пока не хотелось, так что мы забрались

только под навес ночного кафе под открытым небом. Пара осьмушек унции за напитки, и хозяин потерял к нам интерес.

То ли Хирре смертный сон в зачет пошел, то ли у темных эльфов запас прочности больше, но она просидела за столиком, кутаясь в плащ, с высоким стаканом какого-то горького коктейля все то время, пока я дрых, уронив голову на руки, после своей кружки пива.

Чем хорошо подобное место для сна — это тем, что кофе в постель способны подать даже раньше, чем ты проснешься. Что-то в этом роде и проделала высокородная в полдесятого утра, заказав для меня кофе по-хисахски, с холодной водой. Правда, насладиться классическим рецептом мне не удалось. Эльфь просто подняла мою голову за край шлема, выплеснула воду в лицо, а обжигающий кофе залила в открывшийся рот. После чего мило улыбнулась и сказала: «Доброе утро!»

Пробормотав что-то в ответ обожженным языком, я вынужден был согласиться. Утро и в самом деле доброе — мы всё еще живы, на что еще вчера шансы были минимальные у обоих. Точнее, у нее просто отрицательные, а у меня исчезающе малые.

Проснувшись окончательно, я понял, что еще до выяснения отношений с владетельным отцом и Охотничьим Клубом в полном составе впереди маячит дело, не терпящее отлагательства. И вряд ли менее тяжкое, чем вышеперечисленные.

Одеть эльфийскую диву на три золотых — нехилая задача. Хорошо хоть, что у эльфов есть только размер, без различия полноты и роста. Точнее, их размер привязан к росту.

Размышлять на данную тему меня заставило мрачное предчувствие, что сама заняться закупкой гардероба высокородная вряд ли сумеет. Однако надежда еще теплилась в моем вопросе:

— Ты в лавке готового платья хоть раз была?

— Нет. Что не шили специально на меня, то привозили в замок по каталогам, — понимающе отозвалась темноэльфийская дива.

— Понятно. — Чтобы мои тоскливые предчувствия, и не оправдались! Такого не бывает. — Тогда жди здесь...

Полицейские шмотки я скинул тут же при ней и отправился в набег налегке, в своем старом, военном.

Выбрать в торговых рядах обширную и чистую, но не слишком дорогую лавку «с чужого плеча» оказалось нетрудно. А вот для того, чтобы объяснить потребность в женской одежде иной расы, пришлось разыграть целый спектакль.

Наглой походочкой доверенного слуги я ввалился в лавку, озираясь и прицокивая языком. Наметил лоховатого приказчика с карьеристским душком и облокотился на его стойку. Тот немедленно обозначил поклевку:

— Чем могу служить?

Я наклонился к прилавку как можно ниже, оскалился и доверительно вполголоса сообщил:

— Моя высокородная госпожа загуляла... Знаешь эти игорные дома на Высокой набережной? Да так, что осталась и без денег, и без одежды...

— Если без денег, то ничем не могу помочь, — вытянулось лицо приказчика.

— Не суетись, уважаемый, она не догадалась вовремя заглянуть в мой карман, — самым наглым образом ухмыльнулся я. — А там на такой случай всегда кое-что найдется. Немного, правда, — пара золотых полуунциями, да еще мелочь...

Такое «немного» торгаша раззадорило. Наживка заглочена, теперь главное — поточнее сформулировать требования.

— Нужен костюм для верховой езды, подходящий эльфийской леди шести с половиной футов. Не новый, разумеется, но приличный... И белье тоже. Мне ж еще доставлять ее к владетельному супругу!

— Понимаю, конечно, — закивал приказчик. — Как раз случайно есть именно то, что надо. Костюм для Апрельского выезда, полный комплект с бельем в тон. Совсем новый, только пара пуговок потеряна и слегка шов разошелся, но это поправимо. Всего за два с четвертью сам зашью и упакую!

Труднее всего было изобразить припадок немотивированной жадности. Передоверив секцию мальчишке-паковщику, торгаш удалился в подсобку и всего через пару минут возник с внушительным, но легким пакетом, внутри которого что-то нежно шуршало. Я искренне понадеялся, что два золотых и три унции ушли не за какое-нибудь барахло.

Развернув пакет, Хирра едва не зашипела. Тут и моего скромного разумения хватило понять, какого же я дал маху. В разговоре с приказчиком я не уточнил цвет эльфи! И теперь у нее в руках переливался отделанный золотым шелком, изжелта-зеленый, точнее, цвета лайма, верховой костюм Лесной Леди!

— Может быть, поменять? — неубедительно промямлил я.

— Время дорого! — отрезала высокородная.

Пока я снова натягивал полицейскую кирасу и сбрую, она успела сходить в туалет кафе и переодеться. Обтягивающие брючки, расширяющиеся вниз от колена, и узкий камзольчик с широкими же вниз от локтя рукавами. В разрезах от локтя и колена клубятся изумрудные кружева, как и в вырезе до самого горла. Не так уж все и плохо, особенно с черными сапожками, перчатками и угольной гривой. Черного даже многовато.

Последнее навело меня еще на одну мысль:

— Слушай, вот еще... Ты бы прибрала волосы как-нибудь, а то уж очень приметная грива.

— Деньги остались?

— Вот, — наученный горьким опытом покупки костюма, я безропотно отсчитал ей последний золотой. Пол-унции осьмушками и ртутными статирами все же зажал на всякий случай.

Ждать высокородную пришлось почти полчаса. А еще говорила, что времени нет. Зато эффект при появлении оказался просто сногсшибателен. Совет как-то прибрать волосы Хирра восприняла не менее нетривиально, чем предложение умыться у фонтана.

Нет, челка и завитки под скулами остались те же. А вот все остальное было безжалостно срезано. Спереди под самую челюсть, сзади — и того выше, с трогательной прядкой-коготком с затылка на шею. Но это было еще не все. Лошадиная доза «ведьминых сливок» превратила ее прическу в немыслимо сверкающий серебряный шлем, а брови — в стальные лезвия.

— Инорожденные Ночи бывают только двух мастей: черной и белой, — пояснила высокородная свое преображение.

Окончательно добила она меня, нанеся последний штрих прямо на моих глазах — надев накрахмаленную для сохранения объема салатовую кружевную маску с узкими прорезями

для глаз и подковкой вырезанную над губами, которая держалась на ушных петлях, как очки. После этого сказать что-либо о цвете ее кожи не представлялось возможным.

Да... Вот теперь нас действительно никто не сумеет опознать. И не заметить тоже. Кажется, с идеей легального прорыва через городские ворота приходится расстаться окончательно. Кстати, а что бы мы делали за этими воротами? Месторасположение замка владетельного папочки я так и не удосужился выяснить. Но сомневаюсь, что к нему ходят рейсовые омнибусы, даже семисотых маршрутов. Разве что дилижансы...

Было самое время разобраться с этим вопросом.

— Ваш замок хоть далеко от города?

— Нет, — легкомысленно махнула рукой эльфь. — Лиг двадцать. Минут сорок верхами.

— А если пешком? — ехидно уточнил я. — На верхи у нас как-то денег уже не набирается.

— И не надо. Любого зверя я и без жезла уведу. Это наш родовой талант.

— Откуда? — на почве врожденной скупости меня заел пессимизм. — Из военных конюшен или из наемных? А может быть, из депо омнибусов?

— С ипподрома.

Вот тут она меня уела. Охрана на ипподроме не хуже, но заточена против замышляющих испортить скакуна, а не верхокрадов. Если при тебе нет зелья или амулета, вредного для здоровья, сторожевые контуры на входе в стойла и не пикнут. А Меч Повторной Жизни к опасным для самочувствия вещам уж точно не относится. Скорее наоборот.

Замотав Реликвию в черный шелк плаща и перевязав моей строительной сбруей, Хирра повесила ее за плечо. Оба полицейских стреломета я приладил себе под мышки, рукоятками и складными упорами вперед, а свою стрелялку отдал ей. Высокородная и ее непринужденно пристроила под ремень, стягивающий сверток с Мечом.

Держись, Анарисский ипподром. Мы уже идем.

Расставшись при входе с четвертью унции на двоих и разыграв интермедию «госпожа и охранник», мы медленно продвигались сквозь толпу к ближайшему проходу к стойлам.

Совершенно не к месту я снова ощутил голод. Особенно если учесть, что без опаски на ипподроме можно есть только пиццу. Туда хоть видно, что положили.

По счастью, как раз пиццей, и весьма неплохой, торговали у служебных входов. Одного взгляда на Хирру хватило, чтобы понять — она тоже смотрит в сторону лотка с неподдельным интересом. Со второго же взгляда стало ясно, что половинкой даже самого большого пирога дело не обойдется, учитывая размеры эльфи.

Дюжина статиров за выдающийся экземпляр с ветчиной перекочевала к лоточнику лишь для того, чтобы худшие ожидания в очередной раз оправдались — мне досталась всего пара клинышков, остальное темноэльфийская дива захватила себе, сложила стопкой и принялась с изрядной скоростью уничтожать. В конце концов, первый завтрак после полного перерождения.

Знай об этом лоточник, сделал бы себе рекламу по высшему разряду: «Наша пицца — первое, что вам нужно в новой жизни!» Хихикнув, я чуть не подавился.

Когда я догрыз корочку и отряхнул руки, высокородная давно уже справилась со своей порцией.

— Ну, пошли, что ли... — глубоко вздохнув, подстегнул я скорее сам себя.

Авторитет штурмполиции в Анариссе велик, так что лишних вопросов на входе и далее мне не задавали. Скорее беспокоиться приходилось за темноэльфийскую диву. Но, к величайшему моему удивлению, как раз она-то и оказалась тут совершенно уместной.

В своем нелепом наряде Хирра ничуть не выделялась из толпы жокеев. Даже размерами, потому что наездники беговых слонов, например, чаще всего бывают оградами, а те ниже десяти футов не встречаются. Парочка эльфей в легкомысленных костюмчиках в общей мешанине тоже мелькала, и оба раза высокородная старательно отворачивалась и прятала лицо в серебряных прядях. Причем явно не из соображений конспирации, а исключительно ради сохранения личного престижа. Как будто кто ее узнает, в маске-то!

Указатели на конюшнях мелькали перед глазами. Панцирные слизни? Нет, не сюда. Беговые слоны? И не сюда тоже... А, вот — гекопарды!

С этими зверями преодолеть городскую стену проблемой не будет. Да и дальше тоже. Гекопард — одновременно самый вездеходный и почти что самый быстрый скакун. Во всяком случае, именно он используется в гонках по вертикальной стене и потолку. Да и служителей в этой части конюшен не просматривалось, что было нам только на руку.

Стойла гекопардов напоминали исполинский винный погреб — наверное, из-за того, что держали их в гигантских лежачих бочках с днищами, забранными брусовой решеткой. В принципе, теплокровным шестиногим ящерам в пятнистой шерсти все равно, где расслабляться между заездами — на дне, на боку или на потолке бочки. Несколько штук зависли на решетках, некоторые даже вниз головой.

Видимо, сходство с винным погребом пришло на ум не мне одному, поскольку таблички с именами скакунов напоминали этикетки дорогих вин: «Трэйрский Игристый», «Белый Акаван», «Шипучий Токкур». На бочке рослой норовистой белой самочки с сине-зелеными кольцами вообще значилось: «Столовая Белая №5». Спорю, ее высокородная и выберет.

Ага, так оно и есть. А мне глянулся медовый в алых пятнах «Шипучий...». Не такой здоровенный, как остальные, да мне больше и не надо. В отличие от некоторых.

Подманить и вывести зверя оказалось непростой задачей. Я все еще телепался у решетки, когда Хирра уже заканчивала седлать своего.

— Помочь? — Она намотала поводья на столб геконовязи.

Оставалось лишь благодарно кивнуть в ответ. Темноэльфийская дива по пояс просунулась в клетку. Я и представить себе не мог, что ее низкий голос способен на такие мурлычущие, ласковые интонации. С первого же звука зверь заструился к ней с потолка и распластался у ног медово-алым ковриком, лишь покачивая в такт словам тянущейся к лицу эльфи головой. Та взяла его узкую морду обеими руками и потерлась носом о нос. Гекопард перевернулся кверху лапами.

— Погладь его за ушами, — тихонько сказала высокородная.

Я бы рад, только где же у него уши? Точнее, которое из того, что торчит из башки, является ушами?

Оказалось, уши как раз не торчат. То, что торчит, — это горловые складки в бархатной шерстке. Их тоже пришлось

чесать. В общем, через минуту я уже вовсю возился с довольной зверюгой, щекоча жесткую шерсть. А через пару минут седлал вполне покорного и спокойного гекопарда.

Привязные ремни на седлах с высокими луками были весьма не лишними, если учесть манеру передвижения избранных скакунов. Только когда я затянул поясную и обе бедренные петли, три контрольных страза на седле сменили цвет на зеленый и захват освободил повод. Естественно, Хирра к тому времени уже описала пару пробных сальто по конюшне.

Увидев, что я готов, высокородная не стала тратить время зря — одним прыжком соскочила с потолка и оглушительно свистнула. Оба гекопарда рванули с места в карьер.

Конюшни остались позади за несколько секунд. Управлять зверем было не труднее, чем любым другим верховым. Надо только помнить, что, к примеру, влево — это влево, на левую стену, на потолок и, совершив полную бочку, обратно на пол. Я бы пожалел о завтраке, если бы у меня имелось время. Эльфи же узоры гекопардовых траекторий были нипочем — видимо, она привычная к таким скачкам.

Трудность состояла лишь в том, что выход из конюшен куда-либо, кроме как на поля и арены, не просматривался.

Сначала нас вынесло на главное поле. На нем как раз проходил решающий забег на рысях благородных классических животных — рогачей. Стройные, тонконогие и тонкорогие, они были попарно запряжены в изящные одноколесные повозки-«качели» с треугольным сиденьицем и тормозными упорами для ног на оси. Возничих или всадниц — с таким способом посадки не разберешь, в общем, жокеев — подбирали из самых невысоких девушек, не больше пяти футов ростом и восьмидесяти фунтов весом, для контраста между мощью скакунов и легкостью тех, кто ими управляет. Эльфийские наездницы здесь не годятся — при всем их изяществе они слишком крупны. Они выступают там, где требуется не только точность и красота, но и немалая сила: на верховых и упряжных эпиорнисах, на радужных ящерах или, как в нашем случае, на гекопардах.

Мы с высокородной ворвались в это чинно-рысистое благолепие, как пара шутих в сарай во время фейерверка на Приснодень. Рогачи шарахнулись от шестилапых зверей, сшибаясь боками и путаясь упряжью с колокольцами и бубенцами.

Несколько рысаков столкнулись витыми рогами или зацепились ими за ограждение. Расфуфыренные, как эльфийские дивы, девчонки с визгом прыснули во все стороны, слетая с седел повозок, — только мелькали широкие, до земли, рукава с вырезными краями да ломались легкие кнутики. Треск и звон стоял, как от огра в посудной лавке.

Наши гекопарды носились по ограждениям, отталкиваясь в прыжке от столбов, поддерживающих навесы, но выбраться за пределы трибун не могли. Ткань тента была слишком слаба для них, а зацепиться за край и вымахнуть наружу никак не удавалось. Первой это поняла темная эльфь и, оставив бесплодные попытки, направила своего зверя в зев одного из переходов. Делать нечего, пришлось нырять следом. Изумленный гвалт главного поля остался позади, затихая с каждым прыжком моего скакуна. Впереди виднелся выход. Хорошо хоть не в конюшни, а на одну из малых арен.

Удача нам не улыбнулась, потому что на арене этой, словно для контраста, соревновались зеленые гоблины верхом на поросятах. И те, и другие для разнообразия были раскрашены во все цвета радуги психоделическими узорами. Об их количестве лучше и не говорить — волны гоблинов на море поросят. Они просто фонтанами разлетались из-под лап гекопардов, пока те не вырвались на оперативный простор. А визгу было вчетверо больше, чем в предыдущем случае.

К сожалению, и тут кровля была устроена так же, как на главном поле. Мы нырнули в очередной переход. Кто-то в нем шарахался и пытался залечь, так что большую часть пути звери проделали по потолку. Приближалась следующая арена.

Едва ли не зажмурившись, я ждал худшего. Только бы не беговые слоны! Затопчут ведь. Или, того хуже, панцирные слизни. На такой скорости гекопард пройдет насквозь через пару-другую этих созданий, не заметив хрупкого панциря. Может быть, Хирре купание в слизи и пойдет на пользу — остынет малость, но лично мне что-то не хотелось проверять это за компанию.

На сей раз судьба вняла моим мольбам. Это оказалась как раз арена для гекопардов, к тому же совершенно пустая — исполинская корзина, сплетенная из редких металлических прутьев и сужающаяся кверху до небольшого, ярдов пятьдесят, отверстия. Обычно и оно бывает перекры-

то сеткой, но сейчас, для чистки или за иной надобностью, крышку сняли.

Звери в несколько прыжков достигли выхода — и вот мы на свободе! Растопырив лапы, плашмя, чтобы не прорвать тент, гекопарды съехали до края трибун и уже увереннее перебрались на внешнюю стену. Спустя пару секунд их лапы глухо ударили в мостовую между шестым и седьмым главными входами.

— Куда теперь? — крикнул я высокородной.

— К воротам Уходящей Печали! — отозвалась эльфь, разворачивая свою «Белую».

К Печальным так к Печальным. Ей лучше знать дорогу к замку владетельного папочки. На наших зверях досмотр проблемы не составит, это легально я пошел бы из Анариса через Торговые...

Гекопарды и в городе не особенно церемонились при выборе пути. Дома ниже трех этажей преодолевались в пару прыжков, а когда застройка пошла ровнее, мы и вовсе перебрались на крыши. Так что городскую стену я, можно считать, и не заметил. Просто с одного из домов звери длинным прыжком перенеслись на кровлю сторожевой башенки, а дальше — несколько секунд пути вертикально вниз, прыжок, и Анарисс начинает удаляться скачками где-то за спиной.

Тревогу никто объявить не озаботился, ибо время не военное. Да и вообще городскую стражу можно понять — если у кого-то хватает денег на то, чтобы покинуть город столь оригинальным способом, то он может позволить себе любые причуды. Таким не следует надоедать...

Оказалось, что по кронам деревьев гекопарды способны передвигаться не хуже, чем по плотным поверхностям. Наверное, дело было в скорости — так болотные ящерицы бегают по воде. По крайней мере, больше прыжков и переворотов не было. Неровный ковер верхушек леса стелился под лапы скакунам. Я слегка расслабился и откинулся назад...

Внезапно Хирра, не сбавляя аллюра, завозилась на седле, распутывая сверток, перекинутый из-за плеча. Плащ вырвался у нее из рук и черным лоскутом унесся куда-то назад и вниз. Освобожденный Меч Повторной Жизни сверкнул на солнце гранями клинка, обновленного вчерашним ритуалом. Серокожая подняла реликвию как можно выше, разбрасывая зай-

чики отражений по скалам и кронам, и широким размахом опустила, сделав полный круг. Петля синего сияния, мерцая, осталась позади.

Теперь темноэльфийская дива неслась во весь опор, держа Меч горизонтально и всем телом отклонившись в противоположную сторону. Волнистая полоса голубого свечения стелилась за клинком параллельно рельефу. От неожиданности я онемел. Но эльфь сама, не дожидаясь вопроса, прокричала, когда изгиб холма сблизил наших скакунов:

— Он не пил ветра три тысячи лет! Пусть насытится вволю!

А скальные пики с замками Властителей приближались от горизонта, словно прыжками, быстрее и быстрее. Овраги, то и дело прорезающие бешено несущуюся зелень под нами, становились все глубже. И все больше похожи на пропасти. Звери уже не могли преодолеть их в два-три прыжка, как раньше.

Один из пиков рос быстрее и становился все внушительнее, занимая уже четверть горизонта впереди. Судя по всему, нашей целью было сверкающее сооружение из черного камня и металла текучей формы, вцепившееся когтями фундамента в плоть скалы и царапающее небо перепончатыми крыльями башен. Облаков не было, а то они плескались бы у его стен, как море.

Спуск в очередную пропасть как-то незаметно перешел в подъем к черному замку. Почти вертикальную скальную стену гекопарды брали даже легче, чем древесные кроны. Это их стихия — звери-то горные. Вскоре мы были под самыми стенами замка, со стороны, противоположной главному входу. В вышине над нами выступали обзорная галерея и причал для воздушных кораблей.

Остановились, переводя дух. Хирра опять приладила Меч Повторной Жизни в ременную сбрую за спиной. Я проверил стрелометы и пачки боекомплекта — не вылетело ли что-нибудь во время безумной скачки. От быстрой смены давления шумело в висках.

Надо бы уточнить диспозицию перед решающим броском. Кое-какая заготовка для нее у меня имелась.

— Спрячься у себя. Переоденешься, в конце концов. Там тебя искать никто не додумается. А я попробую переговорить с твоим отцом. Сумеешь пробраться в свои покои незамеченной?

— Конечно. Слуг нет, а завесы настроены на меня так же, как и на него, — пока высокородная не возражала.

— Тогда дай стреломет.

Она без колебаний протянула мне оружие.

— Хочу иметь побольше аргументов при разговоре с Владетельным... — пояснил я извиняющимся тоном.

— Не поможет, — печально покачала головой Хирра. — Отец либо станет говорить с тобой, либо нет. Сколько бы стволов ему ни угрожало.

— Тогда оставь себе, — я отвел ее руку с четырехствольником. — Спокойнее буду.

Она хотела что-то сказать, но передумала. Развернула гекопарда и в несколько прыжков взвилась по стене до одной ей известного окна.

А мне теперь предстояло в одиночку штурмовать замок с парадного входа. Ладно, шанс перезарядить стрелометы у меня так или иначе оставался. И еще имелся Лансов одноствольник без рукояти.

Словно белка по стволу, мой рыжий гекопард обежал скальное основание замка и вымахнул на подъемный мост. Еще пара прыжков, и прямо передо мной выросли высокие и узкие ворота. Стучать не понадобилось — створки и без того уже медленно открывались.

Откуда-то из-под сводов надвратной башни торжественно прогремело:

— Кто ты и что ищешь в замке Стийорр?

— Ищу хозяина. А кто я — решать ему.

Сразу раскрывать все карты не стоит. Лучше иметь дело с внутренними охранными системами замка, чем с противоосадными устройствами. Пусть сначала пригласят войти.

— По какому поводу тебе понадобился Властитель?

— По делу его дочери.

— За телом выслан фамильный катафалк. Полиции больше нет до нее дела.

— Тела нет в участке. И незачем посылать катафалк за живой.

Тон гремящего голоса разительно изменился:

— Проходи. Прямо, вверх по большой лестнице, направо. Дверь, открытая в коридор, — одиннадцатая Коллекционная.

Оставалось следовать указанному маршруту. Гекопарда я

догадался привязать у ворот к удобному столбу. Зверь тут же запрыгнул на стену и прикорнул на ней, изогнувшись наискось. До меня, кстати, как никогда вовремя дошло, что раз это замок Стийорр, то владетельный папочка и есть один из тринадцати, правящих Анариссом.

Спустя пяток минут я пожалел, что оставил скакуна внизу. Коридор все длился, огибая замок, а открытой двери видно не было. Более того, мне казалось, что по мере моего продвижения замок проворачивается подо мной назад. Солнце не меняло своего положения в стрельчатых окнах.

Наконец, одна из арок напротив очередного окна оказалась не замкнута наглухо створками дверей из черного дерева. Зал с добрую четверть площади был обрамлен бесчисленными стеллажами до самого потолка с узкими просветами между ними. В паре последних проемов были прорублены высокие окна, выходящие во внутренний двор или световой колодец. Кроме изящной кованой стремянки на шаровых катках, в комнате была лишь пара кресел. В одном из них и находился хозяин замка.

При дневном свете сидящий Ночной Властитель не казался меньше ростом или менее страшен. Шаг за шагом я терял всю свою решимость. Но отступать было не просто некуда. Любая уступка вела в никуда.

Мне сесть высокородный, само собой, не предложил, но сам воздвигся во все свои семь футов спокойного превосходства.

— Лейтенант, если не ошибаюсь?

— Ошибаешься, — мои перчатки полетели на пол.

— Кто же тогда? Уж не Собачий Глаз Пойнтер же! — Властитель еще шутить изволили.

— Именно Пойнтер, только уже не Собачий Глаз, — я снял шлем и пригладил мокрый от пота ежик волос. — Как видишь, Меч Повторной Жизни работает.

— Вижу.

Чем хороши эльфы, так это полнейшей непробиваемостью. Секунды не прошло, как сориентировался:

— Моя дочь действительно жива?

— Не изволь беспокоиться. Меня только краем зацепило, а ей полной мерой досталось. Живехонька.

Раскрывать нынешние настроения его дочурки я не стал.

Неизвестно, как разговор кончится. Пусть у нее лишний шанс будет, чтобы хоть не сразу охоту на отступницу объявили.

На сей раз высокородный задумался надолго. Секунды на три. Затем кивнул мне, соглашаясь:

— Ты выполнил условия, Охотник. Где Хирра?

Вот как запел. И ведь теперь сдержит слово, даже когда получит доченьку свою драгоценную. Потому что я доказал. Подтвердил, так сказать, статус. Потому и разговор другой пошел.

Да только и я теперь другой.

— Э, нет. Не хочу быть ни Охотником, ни Добычей. И сейчас условия буду ставить я.

— Какие? — Тратить время на формальности типа возмущения Ночной Властитель не стал.

— Полное прекращение деятельности и роспуск Охотничьего Клуба. На явке с повинной не настаиваю!

Выговорив последнее, я усмехнулся. И зачем-то нахлобучил шлем обратно. Наверное, чтобы не быть оглушенным волной тоски и сожаления, исходящей от его ответных слов.

— Невозможно. Проси другого.

— Это твое последнее слово? — Стрелометы выпорхнули из наплечной сбруи мне в руки.

— Последнее, — печально покачал головой темный эльф. — Существование Охотничьего Клуба важнее моей жизни.

Он отступил в тень и растаял, на мгновение став плоским силуэтом. Я тут же крутанулся на месте, озираясь. Только это и спасло меня от трех стрел, прилетевших с разных сторон почти одновременно.

Болотные умруны! У папаши та же склонность к зазубренным болтам, что и у дочки. Наследственность, видно.

Подняв стволы своих стрелометов почти до плеч, я медленно закружил по залу, словно в танце с невидимым партнером. Невидимке приходилось туго, поскольку через каждые несколько шагов надо было еще и резко прыгать в сторону. Еще пара стрел звякнула о Лансову кирасу — я вовремя присел на очередном повороте.

Вечно так продолжаться не могло. Рано или поздно темноэльфийский властитель просчитает алгоритм уклонения и подловит меня. Надо было использовать свой шанс.

Я не стал ждать, гадая, откуда он появится в следующий раз, как игрок в «Гоблина в норе», а просто с максимальной скоростью опорожнил по всем темным уголкам обе дюжины стволов пары полицейских штурмовых стрелометов. На таком расстоянии пучки надсеченных плоских игл разошлись нешироко.

Из пяти мест одновременно послышался глухой дробный удар и стон, из трех почти синхронно выпали полупрозрачные тени, изрешеченные иглами. Спустя секунду две из них истаяли, а одна уплотнилась и обрела реальность.

Отбросив полицейские поливалки, я вытащил Лансов запасной слипган. Всего один ствол, но сейчас, если что, этого хватит. И осторожно-осторожно, по дуге справа налево, стал приближаться к упавшему.

Можно было не беспокоиться. Под конец высокородный перехитрил сам себя, собрав в тенях почти весь урожай шоковых дротиков. Казалось, что он с головы до пят пророс стальной щетиной. Многие иглы обломились по насечке, но еще больше, наверное, сломалось уже внутри, разбившись о кости. Любое другое живое существо было бы трижды мертво от подобных ран.

Этот же оставался жив и все еще способен прикончить меня. Но почему-то предпочел опустить излюбленный в его семействе вороненый шестиствольник. Совсем не бросил, однако обозначил некоторое нежелание пускать в ход чудовищный стреломет.

И на том спасибо. Правда, приближался я к нему все равно под прямым углом справа, чтобы было труднее довернуть стволы в мою сторону.

Опираясь плечами о стену, владетельный эльф полулежал на драгоценном ковре, который медленно набухал багровым. С трудом повернув голову — струйки крови от игл, пробивших скулы, терялись в усах и бородке, — умирающий Властитель сам обратился ко мне.

— Прошу об одном. Не убивай мою дочь... вот так... — Хрип прерывал его фразы кровавыми пузырями.

— Я вообще не намерен убивать ее. За ее жизнь слишком дорого заплачено, — хотя бы это я мог ему обещать.

Темный эльф вздохнул с облегчением, насколько ему позволили надсеченные иглы в легких. И, видимо из благодарности, решил поделиться напоследок:

— Охотничий Клуб создал я. В день, когда Хирра появилась на свет и цветок ее судьбы раскрылся... — Теперь он говорил быстро, не обращая внимания на кровь, бегущую из углов рта. — Когда она стала подростком, дело уже набрало обороты. Я испытывал дочь в полную силу, не удерживая руки, но она трижды ускользнула от гибели и получила право на Охоту. Смерть была для нее единственной альтернативой.

— Но зачем? — Такой оригинальный вариант родительской любви у меня в голове как-то не укладывался. Даже для темных эльфов.

— Вы, люди, подвержены лишь болезням тела и разума, но при этом имеете наглость именовать себя душевнобольными. Мы, Инорожденные, свободны от болезней тела — их заменяют нам умственные хвори. Поэтому легкое сумасшествие эльфа так же обычно, как ваш насморк. Но лишь мы знаем по-настоящему, что такое нездоровье души. Сколиоз судьбы, несварение реальности, злокачественная опухоль истины. Хирра абсолютно нормальна психически, умна и талантлива. Здоровая девочка. Но душевно... Единственным способом сохранить ее и держать хоть в каких-то рамках был Охотничий Клуб. Иначе еще до совершеннолетия она вырезала бы весь город, не говоря уже о родичах. Оттого-то в доме и нет слуг. Таких, как она, принято убивать прежде, чем они утопят в крови целый мир. Но я не смог. Других детей у меня уже нет и никогда больше не будет. А моя последняя дочь больна Волчьей Жаждой. Неизлечимо, с рождения.

— Уже нет, — мне все стало ясно, но ничуть не полегчало.

— Что?

— Меч Повторной Жизни исцелил ее полностью. «Рестаурато санем альтире».

Смысла играть больше не было. Я уже никого не спасаю, скрывая правду.

— Сейчас Хирра в своих покоях. Переодевается, блеск наводит. Что там еще хорошие девочки делают в такой ситуации... А об убийствах больше и думать не хочет. Это вообще была ее идея — закрыть Охотничий Клуб...

Ирония происходящего дошла до нас обоих. У высокородного впервые не нашлось что ответить. А я лишь невесело усмехнулся:

— Победившие Боги достали тебя. Но ты хотя бы можешь

умереть счастливым. Если вам, Инорожденным, такое доступно.

— Доступно, — выдохнул он, закрывая глаза. Вдоха не последовало.

Демоны всего негодного! Что умел владетельный папенька, так это оставлять за собой последнее слово.

По коридору я тащился, волоча кирасу и стрелометы за ремни в опущенных руках. Было как-то все равно, что скрежет и грохот металла разгоняют тишину по темным углам, из которых больше никогда не выступит тенью хозяин замка.

Еще вчера мне было бы не просто все равно, а даже приятно отправить за Последнюю Завесу любого владетельного. Особенно этого. А теперь... Не будь мы теми, кем сделала нас судьба, могли бы... пусть не стать друзьями, но, по крайней мере, уважать друг друга.

Безумие! С позавчерашнего утра я только и делаю, что убиваю тех, с кем мог бы провести рядом всю жизнь, не опасаясь удара в спину. Разве что слишком грубой шутки, как в случае с Лансом. Такие разные и соединенные лишь смертью от моей руки, да еще виной перед теми, кто им доверял, теперь оба они, Высокородный и Ланс, ответили за свое. Расплатились сполна. И не мне их судить.

Только один раз из трех я сумел повернуть судьбу обратно, исправив даже больше, чем хотел. Хирра. Кто мы теперь друг другу, после того, как я освободил ее от всего, что составляло ее прежнюю жизнь? Клятва ведь уже исполнена...

О нет, лишь наполовину. Остается еще сам Охотничий Клуб, существование которого теперь не только опасно, но и совершенно бессмысленно. И наша с ней расплата — покончить с этой химерой, лишенной головы, но от того не менее жуткой. Смерть отца высокородной при всей ее случайности и ненужности означает начало, объявление войны. Вот только захочет ли моя черная тварь, ночная погибель, темноэльфийская дива иметь со мной дело после этой смерти...

Хирра ждала меня у парадной лестницы замка. Не с Мечом Повторной Жизни, чтобы заплатить судьбе моей жизнью за возвращение отцовской, не вооруженная до зубов ради мщения — лишь с моим стрелометом рукоятью вниз в опу-

щенной руке. И не клятва удерживала ее, а переродившаяся заново душа.

Она переоделась в собственное — серо-серебристые брюки, расширяющиеся от бедра, и того же цвета рубашку с широкими от самого плеча рукавами. Смыла «ведьмины сливки», заклятием восстановила длину волос. Стала как-то проще и в то же время еще точней и отточеннее...

Все эти детали я отмечал, чтобы подольше оттянуть неминуемый момент, когда надо будет что-то сказать. Что?

Одно было ясно. О том, что Охотничий Клуб существовал ради нее одной, Хирра узнать не должна. А значит, и о том, что ее отец умер по ошибке, из-за стечения обстоятельств — тоже.

Выбора не оставалось. Я тщательно подобрал слова, чтобы не искалечить ее новорожденную совесть:

— Он не стал разговаривать. Я не смог сохранить ему жизнь.

В ответ я ожидал всего — проклятий, холодного презрения, стрелы в глотку. Только не этого. Не того, что темная эльфь высоких кровей, отца которой я убил полчаса назад, молча ткнется мне в грудь лицом, как обычная девчонка.

Для того чтобы тихо расплакаться мне в плечо, ей пришлось упасть на колени.

4
Ночь зеленых свечей

...Мы лежим на облаках.
А внизу течет река —
Нам вернули наши пули все сполна...

Они собрались по первому зову. Немного подивившись назначенному месту, — еще позавчера я бы тоже удивился, получив приглашение в замок Ночного Властителя. Но мальчишки-разносчики назвали каждого по полному имени и фронтовой кличке. Передали адрес и закончили послание фразой: «Топи Мекана зовут». И они явились, как явился бы я.

Мы приняли их в кабинете — зале, чуть большем, чем придел ратуши. Главный трапезный зал был занят — там лежал

на столе головой к востоку убитый мною хозяин замка, ожидая погребения под заклятием нетленности. А за моей спиной, готовая на все ради нашей общей цели, стояла его единственная дочь, темная эльфь высокого рода. Возвышаясь надо мной на добрый фут, она производила бы внушительное впечатление, даже не будь вооружена.

Пятеро вошедших обступили ближний к нам край стола — двое справа, трое слева. Жилистые фигуры в обтрепанных мундирах, обветренные лица, шрамы и трансплантанты. Бывалые вояки, соль Меканской Бригады. В этом строю очень не хватало меня самого, прежнего. И Ланса.

— А скажи-ка, мил человек, зачем ты нас от дел оторвал? — с фермерской ехидцей подкатился с вопросом Берт Коровий Дядюшка. — Да и назовись, кто сам таков. А то что-то я не припоминаю, прости старика, твоей физиономии на Тесайрском фронте!

— Ты меня таким и не видал, Дядюшка, — в том же тоне ответил я. — Ты еще коровам хвосты крутил, когда я двумя глазами на свет глядел!

— Пойнтер, ты? — с недоверием откликнулся Джинго. — Разбогател, что ли, так, что не узнать?

Имя прозвучало, значит, полдела сделано. Теперь они меня признают, несмотря на здоровые глаза и гладкое лицо.

— Не переставляй поговорку с ног на руки, Джинго. Это ты меня сначала не узнал, а уж потом я разбогатею, если повезет. Правда, пока так выходит, что скорее за Последнюю Завесу схожу, как вот она, — я кивнул через плечо на темноэльфийскую диву.

Сказать, что их любопытство было вежливым, значит сильно погрешить против истины. Парни вылупились на нее, как младенцы на ярмарочного фигляра. Хирра недовольно фыркнула мне в спину. Любопытствующие опасливо отпрянули.

Молчание нарушил опять Берт.

— Что-то, прости старика, высокородная барышня на мертвяка не слишком схожа.

— Да и как ты рожу без денег поправил, тоже интересно, — встрял Мортимер Четыре Фаланги.

— Способ простой, — я вытащил из-за спины Меч Повторной Жизни. — Признаете эту цацку?

И положил Реликвию на стол перед ними. Точно так же, как недавно к эльфи, носы всей компании потянулись к клинку. Сперва доперло до Дьякона Джека — он и прозвище свое получил за религиозность:

— Оборони тебя боги, Пойнтер! Это же Третья Реликвия!

Пока доходило до остальных, он припомнил еще кое-что:

— Постой, говорили, что ты Седьмую спер и Гатуканское кладбище разгромил!

— Эту тоже, — успокоил я однополчанина. — И нам еще Пятую брать, если я ничего не путаю.

От такого святотатства Дьякон был готов отрубиться и сползти под стол. Остальные оказались не в лучшем состоянии. Лично я после такого усомнился бы в собственной вменяемости. Только Мортимер продолжал гнуть свою линию:

— Так как насчет поправки увечий?

— Да запросто, — отвечаю. — Попроси хоть кого взять меч и перезагрузить тебя на три точки с полным сбросом. Слова я скажу.

Физиономии вокруг стола понимающе заухмылялись. На фронте все, кроме рейнджеров под заклятием, имели отношение к боевым кадаврам. Тут я их и добил.

— Вот только перед этим надо голову кому-нибудь срубить. Как я Лансу давеча.

Лица ветеранов сурово вытянулись.

— Ты говори, да не заговаривайся, Собачий Глаз, — веско уронил Костлявый Патерсон, до сих пор молчавший, как рыба. — Что у вас там с Лансом вышло?

— То и вышло, что он меня втемную подписал мышом под смертью бегать. Чтобы вот ее замочить, — я опять мотнул головой на серолицую за плечом. — И через то на прочих охотников до чужих жизней выйти. По наводке Нохлиса-Мертвовода.

При этом имени все пятеро недовольно заворчали. Похоже, хотя бы дослушают меня до конца.

— Ланс и вас всех хотел на линию поставить. Чтобы Охотничьему Клубу зубы обломать о старую фронтовую кость.

— Дело ясное, что дело темное, — оборвал мои излияния Патерсон, подняв вверх трехпалую клешню. — Ты давай по порядку излагай.

События трех предшествующих суток уместились в де-

сяток минут обстоятельного рассказа. Парни надолго притихли. Первым молчание решился нарушить Костлявый. Пожевал губами, сглотнул, достал трубку и, обстоятельно набивая ее ядреной огрской махоркой, спросил:

— Так что ж теперь? — и раскурил, пыхнув едким дымом.

Что-то часто стали ко мне обращаться с подобными вопросами. Дескать, решай, а мы в сторонке постоим, посмотрим. Но Патерсон, по крайней мере, ни под какую клятву не подведет. Хватит с меня клятв пока...

— С Охотничьим Клубом надо кончать. И дело это наше, больше некому. Ланс был прав. Хотя бы в этом.

— Этой мерзости больше не должно быть! — резко подтвердила мои слова Хирра. Даже слишком резко, на мой вкус. Ребят аж передернуло. И следующие слова Костлявого Патерсона прозвучали не менее жестко:

— Чем ты сам теперь лучше Ланса?

— Тем, что озвучил все это. — Право на такой ответ я заслужил немалой ценой. — Любой из вас может отказаться, в обиде не буду.

— А что! — неожиданно пришел мне на помощь Морт. — Дело того стоит! Заодно и себе кое-что поправим! Голов-то богатеньким поганцам на дармовщинку нарубить можно будет — на всю Меканскую Бригаду!

Лучше бы он промолчал. Уж больно скользкая это тема. Как объяснить им, что сила Меча не стоит цены, которую за нее платят, когда впереди столько дармовых жизней Охотников? Попробую с другого конца зайти.

— Меч придется вернуть. Еще до начала операции. Иначе в Храм не пройти, после двух похищений там сейчас стража на ушах танцует!

— Ага, значит, тебе можно, а нам — обломись? — не слезал со своего рогача Четыре Фаланги. — Прав Джинго, высоковато ты занесся!

— Не гони, Морти, — одернул приятеля Берт. — И правда, Пойнтер, нехорошо выходит...

— Деньги на восстановительные операции получат все выжившие. Семьям погибших — премии, — я полуобернулся к Хирре, требуя согласия.

Она как-то странно посмотрела на меня, но подтвердила:

— Деньги будут у всех. Сколько понадобится.

— Выживших? — цепко глянул на меня Патерсон. — Значит, выживших...

Увядший было Мортимер приободрился. Но Костлявый тут же срезал его на лету под самый корень:

— А хоть бы и так. Не наша это вещь, Реликвия. Неверная. Я бы дареной жизнью жить не смог. Тебя, Пойнтер, судить не стану, то твоей да Лансовой совести дело. И высокородную барышню тоже — не ее воля была. А нам лучше от Меча того подальше держаться.

Дьякон Джек быстро-быстро закивал в знак согласия. Будь в его власти, он даже не дышал бы в сторону реликвии. Из чувства глубокого благоговения.

— Как насчет оружия? — с привычной расчетливостью селянина справился Коровий Дядюшка. — На таких, как охотнички эти, боюсь, наших заначек не хватит. Если они хоть в треть ее зброи снаряжены...

И кивнул на Хирру. Навешано на ней, действительно, было куда больше, чем даже в звездный час ее последней охоты. Ну так полноправный Охотник — противник посильнее, чем загнанный в угол горожанин. Получилось, что темной эльфи и выпало отвечать:

— Оружия тоже будет достаточно. Моя игровая комната к вашим услугам. — На непонимающие взгляды парней она смущенно хлопнула себя кончиками пальцев по губам, хихикнула и поправилась: — Можете называть ее арсеналом. Разницы никакой.

— О, тогда повоюем! — оживился Джинго. — Если там все игрушки на такой манер... — И взглядом обшарил высокородную с ног до головы. На мой вкус, слишком подробно. Вообще похоже, что носительница снаряжения занимала его куда больше, чем все ее оружейные прибамбасы, как бы изящны и смертоносны те ни были.

Мне-то какое дело? Но что-то неожиданно кольнуло, словно между мной и темноэльфийской дивой протянулась незримая нить, прикосновение к которой постороннего отзывалось неприятным чувством. Наверное, это клятва так действует...

— Так чего мы ждем? — оборвал я собственные размышления, снова закидывая за спину Меч Повторной Жизни. — Пойдем разбираться в этих игрушках!

Парни вопросительно глянули на Костлявого, но тот первым шагнул от стола к выходу, выбив трубку в ладонь. Значит, решение принято. Так даже лучше, без клятв и вовсе без слов. По-нашему, по-мекански. Как через край окопа, полного болотной жижи, — навстречу тесайрскому штурмовому кадавру, уже в десятке ярдов загребающему глину тремя парами ходовых лап. С одним файрболом, заклятым на удар...

Охотничьему Клубу конец. Мы взялись за дело.

Комната для игр хорошей эльфийской девочки располагалась на пару ярусов выше в закатном секторе внешнего круга замка. Что значит этот адрес, я так и не понял, но по коридорам и лестницам пришлось отшагать порядочно. Зал был поменьше главного и кабинета, но скорее за счет высоты — всего-то полдюжины ярдов. Да еще окружен весь, кроме оконной части, галереей со стеллажами и сейфами. По сравнению с остальными помещениями замка игровая казалась даже уютной.

Арсенал не арсенал, но тренировочный зал — уж точно. Какому-нибудь офицеру Заклятых рейнджеров здесь бы понравилось.

Посередине пола располагался фехтовальный круг с фантомным спарринг-партнером. Три круглые мишени, заклятые на автовозврат стрел, как в офицерском тире, скрывались в глубине комнаты, а напротив, у окна, медленно текла «бесконечная дорожка» с плоскими силуэтами, меняющими позы. За ней колыхалось марево уловителя. Разумно. Чтобы стекла при каждом промахе не менять.

Для отработки силовых поединков фулл-контакта в углу до поры до времени бесстрастно вытянулся тренировочный кадавр-манекен. И кое-что в этом самом углу меня убило наповал.

Изжелта-зеленый костюм для верховой езды вместе с салатовой кружевной маской уже заняли здесь почетное место, будучи натянуты на этот самый манекен и пришпилены к нему доброй дюжиной зазубренных болтов. Совершенный в городе ляп открылся для меня как-то по-новому. Кажется, эльфи воспринимают путаницу в своих цветах как страшное оскорбление.

Виновато глянув в сторону Хирры, я попытался выказать все возможное раскаяние. Но она только пожала плечами и махнула рукой: дескать, проехали.

Парни меж тем восторженно разбредались по залу и галерее, самозабвенно роясь в содержимом стеллажей. Похоже, здесь действительно можно было полностью снарядить пару взводов тех же рейнджеров. А уж пограничников вообще целую роту...

Я тоже с осторожностью взял с полки прихотливо переплетенный клубок, туго свитый из упругой стальной проволоки. Между витками проглядывали скрытые в глубине жала четырехлучевых колючек. «Осиное гнездо», пружинная бомба с ядом или парализующим зельем на концах многочисленных игл. Опасная штуковина. Жаль, не пригодится — наша цель точечная, не площадная.

Среди лязгающих боевым металлом и перекликающихся соратников мы с высокородной внезапно остались одни на краю фехтовального круга. Спарринг-фантом не в счет: почуяв нас, он отсалютовал палашом, но, не увидев ответного салюта, приглашающего к поединку, снова замер, вложив клинок в ножны.

— Теперь здесь пустовато будет, — уронил я, имея в виду, что парни серьезно выметут запасы. Но Хирра поняла мои слова по-своему.

— Время этих игр прошло для меня безвозвратно, и здешние воспоминания хранить ни к чему. Придется обустраивать другую комнату.

— Переворачивать страницу жизни? — понимающе полуспросил я.

— Наверное... Одно ясно — я уже не та, что до предела изнуряла себя в этом зале, ожидая, когда чья-то смерть даст передышку, опустошит, даст расслабиться...

— Очередь в Клубе редко подходила? — Тут сочувствие изобразить было труднее.

— О да. Я же не одна такая была. В Клубе подобрались те, для кого убивать было жизненной потребностью. Кроме отца. Понятия не имею, зачем ему был нужен Охотничий Клуб. Он редко выходил на тропу, как-то по обязанности.

Я-то знал, зачем. Но сказать об этом ей никогда не смогу.

— Другие просто не держались, — продолжала Хирра. — Кроме... Кроме Нохлиса. Этот червяк, прости уж, по живуче-

сти тебе сто очков вперед даст. А убивает, не задумываясь, по одному намеку.

— Нашла с кем сравнивать!

Ничего. Теперь Нохлису несдобровать. Ни закон, ни брезгливость больше не защищают его в моих глазах. Это уже не пакостник, злобный дурак, опасный своими бреднями, а враг, не делающий различия между словом и делом рук своих. Убить такого — обязанность каждого, кто причисляет себя к разумным.

На этом разговор и вместе с ним хрупкое уединение закончились. По одному, словно насытившиеся псы обглоданную тушу, парни покидали стеллажи с оружием и подходили к нам с высокородной.

— Если ты такая мастерица, как тут Собачий Глаз распинался, мы с тобой на пару всех охотничков расщелкаем! — задорно подмигнул Джинго темной эльфи, лязгая «козьей ногой» стреломета. — Без остальных обойдемся!

— Нет, — Хирра оборвала его мгновенно, не дожидаясь возмущенного ворчания прочих.

— Что так? Боишься или брезгуешь? — завелся с пол-оборота нахал.

— Я больше не буду убивать. Никогда, — голос ее был напряжен. Как-то удивительно выглядело это заявление из уст Ночной шести с половиной футов ростом, обвешанной оружием, заряженным не на один десяток смертей.

— Зачем тогда все это? — я кивнул на ее снаряжение.

— Для тех, кто не знает о моем решении, — нелогично, но еще более отчаянно продолжила эльфь.

— Не парься, барышня, — встрял в разговор Коровий Дядюшка. — Не можешь убивать — просто побеждай.

— Но ведь тогда придется ранить, причинять вред! — возмутилась эльфь. — Без этого не победишь!

— Не всегда, — покачал головой Берт. — А некоторым полежать да полечиться только на пользу. Заставляет переосмыслить, так сказать...

Не знаю, убедил ли он Хирру, но задуматься явно заставил. Не ожидал от него. Скорей уж от Костлявого. Но тот сказал бы такое только своему, да и то трижды поразмыслив и взвесив. И лишь тогда, когда не обойтись без капитальной прочистки мозгов...

Первая ступень подготовки на этом закончилась, можно было переходить ко второй. Для чего опять пришлось прогуляться по замку, теперь уже в полном снаряжении. Ничего, вниз — не вверх. Доки располагались в скальном основании замка. Может, какой флайбот обнаружится среди полезных вещей — нашим планам немалая подмога будет.

Воздушных кораблей в хозяйстве оказалось целых два — помянутый ныне покойным Властителем семейный катафалк и второй, побольше. Парадно-боевой монстр для торжественных выездов. В деле он не был лет семьсот, и приводить его в рабочее состояние даже всей нашей командой пришлось бы не меньше полугода. Да и хорош бы он был над Анариссом — вооруженный от киля до клотика двухсотъярдовый повод для гражданской войны и передела собственности...

Так что придется катафалку поработать на живых, прежде чем долг призовет его сослужить последнюю службу бывшему хозяину. Автопилот как раз привел корабль назад из бесплодного рейса в полицейский участок.

Катафалк оказался пятидесятифутовой летающей лодкой традиционного траурного белого цвета, отделанной серебром, с возвышением для гроба посередине и приподнятой галерейкой для сопровождающих на корме. Под настилом галерейки скрывалось тяговое отделение и второй пост управления со стационарным кадавром-автопилотом.

В общем, штуковина более красивая, чем удобная. Будем надеяться, что для наших нужд ее возможностей хватит. Настало время поделиться подробностями плана.

Охотничий Клуб был не настолько заформализованной организацией, чтобы иметь список членов и вывешивать его в общественных местах. Хирра призналась, что даже она не знала всех. Однако больше двух дюжин Охотников в Клубе никогда не состояло. Одни приходили, выдержав испытание, другие, не столь удачливые, погибали от рук Добычи. Наиболее точное представление о составе своего эскадрона смерти имел владетельный папочка, но унес свое знание за Последнюю Завесу.

К тому же одно дело — знать, даже поименно, всех, кто запятнал себя кровью, а другое — найти их в Анариссе. Причем настолько быстро, чтобы Охотники не сумели связаться между собой и организовать отпор. Да еще заниматься этим

предстоит людям, в высших кругах никогда не вращавшимся и в лицо намеченных к устранению негодяев не видавшим!

Вот тут и пригодилась бы, по словам Хирры, Пятая Реликвия. Зерцало Видения. Найти и обозначить с его помощью полноправных членов Охотничьего Клуба было бы легче легкого. Наемные загонщики никого не интересовали — обычные дорассветные невысокого разряда. Некоторые Охотники считали шиком убирать и их, либо подставлять обезумевшей от погони жертве. Но нашей целью эти пешки не были. Победившие Боги им судьи, как и прочим рядовым лиходеям...

На сей раз к храму Победивших Богов я подъехал торжественно и обстоятельно. В полной форме штурм-полицейского, с открытым забралом, в сопровождении двух «агентов в штатском», вооруженных двенадцатиствольными стрелометами. Джинго и Мортимер, самые отчаянные парни. Не Дьякона Джека же с собой на дело брать! Он бы одним благоговением все дело провалил. А то еще решил бы покаяться в самый неподходящий момент. В таком походе лучше уж не святоши, а сорвиголовы.

Все трое — верхом на недорогих рогачах, которых полиция вполне может себе позволить для ответственного выезда. А за городскими стенами на летучем катафалке дежурит Хирра, на случай, если скакуны не вынесут. К самому-то храму ей лучше не соваться.

У меня вместо тяжелого вооружения имелся в наличии сверток алого шелка, перевитый золотой лентой. Меч Повторной Жизни приличные люди просто так по улицам не носят и тем более не таскают через плечо на строительной сбруе.

В общем, официальная версия гласила, что Реликвия обнаружена благодаря усилиям штурмовой полиции и возвращается на место под особым конвоем до самой сокровищницы.

Поперечно-полосатая братия жрецов восприняла весть с радостным гудением — как есть улей! Поначалу провожать в сокровищницу чудесно возвращенную Реликвию наладились едва ли не все присутствующие, что решительно не годилось. На наше счастье, тут на шум случились высшие храмовые

чины. Седобородый архижрец с мелковатым с виду прихлебалой — ключарем.

Перед столь высоким иерархом держать Меч завернутым было невместно, и я бережно распутал алый шелк и золотые шнуры, открывая эфес. Архижрец удовлетворенно улыбнулся и величаво отвесил низкий поклон Реликвии в моих руках. Я почтительно поклонился в ответ, снова укрывая Меч Повторной Жизни драгоценной тканью.

Старикан вполне оперативно ввел общий восторг в русло дисциплины, разогнав кого проветривать ризы для благодарственного молебна, а кого и резать кур для праздничной трапезы — предварительно троекратно очистившись и в процессе неблагочестивого деяния отворачивая голову от дела рук своих. Наиболее благочестивым предлагалось еще и зажмуриться. Благочестивых сих оставалось только пожалеть. Навоюют они там супротив кур, с закрытыми-то глазами...

Предполагалось, что, отстояв моление, полицейские тоже смогут присоединиться к благодарственной обжираловке. Будь мы настоящими штурмполисменами, не преминули бы. А так придется обойтись. Жалко даже. Не привык я к сытой жизни. Некогда привыкать было...

Разогнав команду по реям, атаман, то есть архижрец, величавым взмахом широкого рукава указал дорогу за алтарь:

— Пожалуйте, чада...

Кажется, дело пошло. По лестнице за алтарь мы ссыпались вполне пристойно, стараясь потише громыхать снаряжением. Храм все-таки, не таверна. Оробение само собой находит, даже если не за благословением явился, а за самой что ни на есть анафемой. А после этого грабежа ничего, кроме анафемы, нам всем уже не полагается. Мне-то не впервой, а парни присмирели. Их еще «Презренными Похитителями» крикуны с паперти не честили.

Широкая спина архижреца, вся в золотом шитье, внезапно перегородила проход. Ага, кордегардию миновали, впереди коридор с ловушками. Ромовый дух тут еще не выветрился — как же, целый бочонок! Похоже, за вчерашнее стражникам вставили фитиль исключительной толщины. Вон как на нас вызверились, несмотря на присутствие самого главного.

Интересно, как со здешними препонами обойдется хозяин? Любопытство просто заедает. И в то же время надо быть

посдержанней — ни к чему выказывать осведомленность, а то придется перейти к насильственной фазе куда раньше, и на этот раз изолирующей завесой воспользоваться не удастся.

Старикан действовал просто и уверенно: механические ловушки запирал тонкими, как отмычки, ключами, просовывая их в незаметные щели между камнями кладки, магические дезактивировал амулетами. Это хорошо — дорога назад оставалась чистой. Возиться с ключами или проскальзывать сквозь капканы под огнем стражи мне не улыбалось.

Трехступенчатая ловушка отключалась не только перечисленными способами, но еще и средней сложности заклятием. А перед самой дверью седобородый бубнил себе под нос добрую пару минут. Легко я позавчера отделался...

Замок в двери почти уже проявился — действие переносной дыры недолговечно. Но тяжеленная створка пока оставалась открытой и так. Представить себе взаимодействие вполне реального ключа с полупризрачным замком, похоже, трудно было не только мне.

Копаться в ларцах, выясняя, где скрывается искомая Реликвия, было бы как-то подозрительно. Да и времени на это храмовый иерарх не дал бы. Поэтому пришлось действовать тоньше:

— Просветите, отче, раз уж к случаю пришлось.

— Что тебе, чадо? — благожелательно оборотился ко мне архижрец.

— Какая Реликвия где обретается? — изобразил я туповатого служаку. — А то все ларцы на один лад, порядка не видно. Порядок же должен быть!

— Отчего же ему не быть? — покачал головой пастырь. — Не усерден ты в вере, а то знал бы.

— Где уж... Все служба... — мне оставалось только покаянно развести руками.

— С божьими подмогами и служба не в службу, а в радость. — Без наставительной интонации не получается обойтись ни у одного жреца. — Ладно уж, смотри, чадо...

Начал он, на мою удачу, с конца. То есть с Фиала Света. За ним, точнее перед ним, оказалась Пекторалъ Полета — массивная крылатая фиговина на цепи из плоских звеньев. А сразу после летательной Реликвии обнаружилась искомая. В самом здоровом ларе с раскладными стенками.

Вот это был сюрприз. Зерцало Видения оказалось огромной чашей — даже не в тазик, в тележное колесо! Очень изящной, несмотря на размеры, из цельного кристалла, похожего на зеленый нефрит или берилл. И без малейших признаков ручек. Кроме как на носилках, упереть такую громадину было явно затруднительно.

— Благодарствую, отче, достаточно, — прервал я разве-щавшегося архижреца, скидывая сверток с Мечом ему на руки. — Кантуйте лохань, парни!

От обалдения высший пастырь обеими руками прижал к груди вновь обретенную Реликвию. Возражать он и не думал, но на всякий случай стреломет под нос я ему сунул. Морт и Джинго, кряхтя, ворочали Зерцало на постаменте. Я им не завидовал. Наконец парни догадались перевернуть тяжеленную чашу, чтобы тащить ее за края, как носилки. Мешать им в этом было бы настоящим святотатством. Так что из сокровищницы мы с архижрецом вывалились следом за отчаянно пыхтящими парнями.

Понимая обстановку, мимо кордегардии они проскочили валкой трусцой, оставив мне, многогрешному, разбираться с высунувшими удивленные рожи стражниками. Охрану я успокоил просто: подождал, пока те ринутся к двери, и со всей силой толкнул им навстречу увесистого высшего иерарха. Миновав по стеночке образовавшуюся кучу-малу, я в три прыжка достиг лестницы, где принялся подталкивать в спину Мортимера, тяжко сопящего под грузом Реликвии на предпоследней ступеньке.

С моей ли помощью, или исключительно попустительством Победивших Богов, но он наконец одолел остаток пролета, и мы вырвались на оперативный простор. Между алтарем и вратами храма никого не было, поэтому половину пути удалось миновать незамеченными. А затем из-за алтарного возвышения выплеснулся фонтан храмовых стражников, на котором, как хисахский ездок на прибойной доске, балансировал архижрец. Возмущенные вопли братии огласили своды строения.

Полуобернувшись на бегу, я разрядил два ствола стреломета, целясь поверх голов. И как всегда, удивительно удачно: оба болта вошли в единственный живой фрагмент главного витража. То ли после моих предыдущих набегов уцелел, то

ли уже восстановить успели. Как бы то ни было, витраж разлетелся вдребезги. Осколки цветного стекла осыпали стражу, заставив ее залечь от неожиданности. Несколько здоровяков повалились друг на друга поленницей, архижрец соскользнул с гребня внезапно иссякшей волны и кубарем покатился по плитам.

Воспользовавшись заминкой, мы вылетели из врат. На паперти нас поджидала главная неприятность. Вовсе не нищие, которые, почуяв, что пахнет жареным, весьма споро порскнули во все стороны: безногие — на скрытых заклятием невидимости ногах, слепые — с исключительной точностью находя дорогу переклятыми в малозаметные места глазами.

Куда опаснее для нас оказалась выщербленная столетиями лестница. Знаменитая шутка про суслика, который в гору бежит торчком, а с горы — кувырком, оказалась как раз впору похитителям особо увесистой Реликвии. Уже в самом низу парни не удержали тяжеленную чашу. То ли Джинго, спрыгивая, рванул за край, то ли Морт споткнулся на последней ступеньке.

Так или иначе, они повалились один на другого. Зерцало встало на ребро, пару раз качнулось и довольно споро покатилось под уклон улицы. Я перепрыгнул через копошащихся на ступенях парней и устремился следом, проорав на ходу:

— На рогачей, и ходу! Моего прихватите!

Из врат храма вырвались до предела накаленные злобой стражники в своих поперечно-полосатых желто-черных ризах, словно осы из гнезда. Скакуны бесновались у храмовой коновязи. Мортимер первым запрыгнул на своего.

Догнать Реликвию удалось лишь через полквартала. Как и положено священному сокровищу, Зерцало величаво катилось, постепенно ускоряя ход. Только пару раз оно несерьезно подпрыгнуло на выбоинах мостовой.

Если остановить тяжеленную чашу, то мне в одиночку с ней уже не справиться. А Джинго с Мортом что-то замешкались, видимо, сдерживая стражников. Оставалось только бежать рядом с Реликвией, придерживая и направляя ее за край. Таким порядком я обогнал пару мальчишек с обручами и прутиками.

Увидев тяжело пыхтящего штурмполицейского при полном параде, самозабвенно предающегося занятию, сходному

с их собственным, дети открыли рты и опустили прутики. Обручи обоих, пару раз крутанувшись, легли в пыль. Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы Зерцало Истины не присоединилось к детским игрушкам.

Свободной рукой мне наконец удалось выпростать из полицейской сбруи раковину дальней связи — один из зубцов чуть не обломился. Задыхаясь на бегу, я вызвал Хирру:

— Срочно ко мне! На Вторую Храмовую!

— К самому храму? — тут же отозвалась высокородная.

— Нет! Вниз, к воротам Сожаления! — Опасения понятны, к вотчине Победивших ей лучше не приближаться. — На угол Форест-лейн!

Таким аллюром через пару минут я как раз там и буду. Если никто до того не нагонит. Или не остановит.

На бегу я оглянулся — обод чаши вильнул в пыли. За мной — никого, кроме приходящих в себя пацанят. Случайные прохожие вертели головой, не пытаясь вмешаться в происходящее.

Храмовой стражи и парней тоже видно не было. Наверное, одни всё еще гонялись за другими. Поймать себя каким-то разъевшимся святошам ветераны Меканских Бригад не дадут, так что за них я мог быть спокоен. В отличие от себя самого...

На меня упала быстро движущаяся тень. Как нельзя вовремя. Задрав голову, я увидел белое брюхо катафалка, разворачивающегося над домом, чтобы вписаться в улицу. Над бортом развевалась черная грива Хирры, глядящей вниз. Молодец, быстро добралась. Сунув раковину в карман, я осторожно обеими руками притормозил обод чаши.

Развернувшись поперек улицы, тяжеленная чаша налегла краем мне на ребра. Удержать ее неподвижной было куда труднее. Но летающая лодка уже опускалась на мостовую. Вот только как мы с высокородной затащим чашу на борт?

Оказалось, очень просто. Несмотря на излечение Мечом Повторной Жизни, полную форму я пока не набрал. Эльфь все еще была сильнее меня. Чуть самого не подняла следом за реликвией, едва я успел отпустить край.

Когда я забрался на борт, она уже пыталась пристроить Зерцало на возвышение для гроба. Хоть это в одиночку у нее не получилось, зато с моей помощью управились. Золоченой

цепью мы принайтовали расширяющееся основание чаши к крепежным кольцам. Теперь не сорвется даже при резком вираже.

— Что теперь?

— Нужна вода! — озабоченно бросила Хирра.

— А мне вот гекопард нужен, — всем что-то необходимо, кроме покойников, к радости Нохлиса. — И ствол посерьезней.

— По дороге заброшу к остальным, — отмахнулась она. — Скакуны и оружие у них.

Поняв, что лучше не отвлекать высокородную, я опять вытащил раковину дальней связи. С парнями, как я и думал, все оказалось в порядке. Рогачей они бросили со стражниками на хвостах, а сами были уже на полпути к месту сбора.

Темная эльфь меж тем, запустив автопилота, деловито вертела огромную чашу в цепях, пристраивая поудобнее, и бормотала под нос:

— Так... Из прудов Переливчатых Медуз не пойдет... С площади Умиротворения тоже, тут не камень нужен... Анар нечист, все стихии смешаны, и думать нечего... А, вот: фонтан на площади Сожаления!

Сложное это дело — подобрать субстанцию по Реликвии. И по задаче вдобавок. Это даже я понимаю — не всякий кадавр запускается, если в базовых стихиях ошибку дашь. А иной и заработает, да лучше бы вовсе сдох. Берди Передразник на этом погорел в самом прямом смысле слова, когда поленился заземлить пса-кадавра пожарников. В шкварки спекся, всем депо от стены отскребали...

Отключив автопилота щелчком по лбу, Хирра круто забрала в сторону над Миллер-стрит, к площади Сожаления, ориентируясь на высокие шпили больницы Дерха-подвижника. Их и с земли за несколько кварталов видно, а уж над крышами — до самой городской стены. Памятное для меня место, и не по-доброму памятное, но про фонтан тамошний дурного слова сказать не могу.

Помню, как вышел тогда из ворот, спустился по лестнице — день солнечный, яркий, а мне все теперь серое. И плоское вдобавок, как картинка в самой дешевой книжке. Только движется. Пока совсем не видел, на что-то надеялся, а тут — все, решено дело. Присел на край фонтанного бассейна, брызги от струи, с высоты бегущей, обдали. Уже посвежело. Опо-

лоснул лицо — и как-то вовсе полегчало. Привычнее стало, терпеть можно.

Так что выбор высокородной нельзя не одобрить. Пока я в воспоминаниях блуждал, как раз долетели. Не опуская лодку, Хирра подвела ее вплотную к колонне фонтана, подставляя чашу точно под одну из четырех струй, восточную, кажется. Ага, восточную, на смерть и печаль заклинать...

Руками она кружила над Зерцалом, сплетая сложный узор. Повинуясь ее пальцам, вода без брызг широкой спиралью укладывалась на дно, обдавая края чаши. Помню, она уже играла с водяной пленкой в морге полицейского участка. Стало быть, это и есть одна из ее личных способностей — у любого эльфа их две. Одна посильнее, другая послабее, по ведущим аспектам симвотипа. Второй, слабый, но более опасный талант у высокородной должен быть связан с огнем. Хотя, с учетом того, что у нее каналы цветами поменялись при возрождении, раньше это был дар обращения с живым. Переучиваться придется, все навыки полетят...

Закончив, темная эльфь повернулась ко мне:

— Хочешь, вместе произнесем Слово?

Мгновение подумав, я кивнул.

— Знаешь, какое? — Она хотела быть уверена.

— Догадываюсь, — я поднял руку, широко раздвинув указательный и средний палец, прижав к ладони остальные.

Теперь понимающе кивнула Хирра. Хотя лучше этот знак получился бы у Мортимера — у него теперь пальцы длиннее. Зеваки на площади как раз слегка осмелели, чтобы выбраться из-за углов и фонарных столбов, когда мы с высокородной в один голос произнесли:

— Визио!

Над чашей медленно поднялось травянисто-зеленое сияние, крохотное зарево, в котором скользили неясные тени. Пока реликвии не задано, кого показать и обозначить, случайные образы всплывают и тонут в ней, повинуясь лишь Судьбе. Иные маги часами способны следить за ненастроенными видящими артефактами, а затем толковать мелькнувшие откровения. Как правило, весьма однообразно: в духе наступления Мировой Погибели. По-моему, сие зависит не от образов, а от магов. Эти мрачные толстячки способны нагадать погибель и по стрекозиным крыльям...

От взметнувшегося столба зеленого света праздношатающиеся опять попрятались кто куда, но нас их переживания не интересовали. Сияние осело, Хирра снова стала к штурвалу, а я остался у Зерцала, опасливо придерживая огромную чашу за край и поминутно ожидая, что при недостаточно плавном маневре вода выплеснется прямо мне в рожу.

Зря волновался: заклятая субстанция не шелохнулась, даже когда высокородная заложила крутой вираж, поворачивая обратно к городской стене. В полумиле за чертой города, на неприметной полянке ждали наши. Да еще шесть запряженных гекопардов со стрелометами и арбалетами в седельных кобурах. Молниемет Хирре было не состряпать. Его даже не всякий армейский маг заклясть может, куда там обычной эльфи, даже при жезле! А готовой в хозяйстве такую вещь не держат. Во избежание.

На «Осиные гнезда» и огневые шары позарился не я один, но нам с Костлявым удалось отговорить любителей большого шума от использования карманной файрболлерии. У нас тут не бунт Суганихи Кровавого, а приличное смертоубийство, без излишеств...

Через стену разогнавшаяся лодка перемахнула еще легче, чем давеча гекопард, — только зубцы и башенки мелькнули под днищем. Я оглянулся. Ветер отбрасывал назад угольную гриву темноэльфийской дивы, трепал, как короткий вымпел. Лоб ее был перехвачен собранной из плоских звеньев лентой, скрывающей шрам от Меча Повторной Жизни. За штурвалом высокородная смотрелась на своем месте. В бой с ней я бы пошел.

Да, собственно, уже и иду. Просто магии в этом сражении чуть больше, чем я привык, а кадавров — меньше. Один автопилот, да и тот сейчас отключен. Впервые Низкая клятва показала мне себя с приятной стороны. Или хотя бы с надежной и открытой.

За этими мыслями я и не заметил, как летучий катафалк достиг полянки. Мортимер и Джинго, изрядно запыхавшиеся, были уже здесь. Остальные давно наготове, только гекопарды еще не отвязаны, так и сидят на стволе и ветвях дуба, на сучья которого накинуты их поводья. Закат золотит короткую шерстку, звери довольно жмурятся, некоторые дремлют. Всего лишь вечер дня, когда мы собрались в кабинете замка Стийорр...

Борт лодки поравнялся с кроной дерева, листва пошла вверх, и вот мы уже зависли в футе над землей. Не дожидаясь приглашения, парни запрыгнули на планшир и собрались вокруг возвышения для гроба, не без опаски, но и не показывая страх в открытую. Еще бы нам, ветеранам Меканских Бригад, пасовать перед магией! Только Дьякон Джек то и дело размашисто обмахивался охранительным жестом. Впрочем, в деле и он не подкачает.

Хирра отдала якоря, чтобы катафалк не снесло, и прошла к нам. Теперь заклятие над чашей она читала в одиночку. Мне эти три с лишним десятка слов и не потянуть, точную наводку я всегда только с листа читал. А эльфи ничего — отбарабанила без запинки, как простой самозапуск тестовой программы.

Поверхность воды потемнела, на ней проступил вид города с высоты, словно с борта летучего корабля. А затем в этой темноте, словно пузырьки со дна чаши, стали всплывать зеленые огоньки. Охотники. Один, два... Полторы дюжины. Точно. По трое на каждого. И того с лихвой хватит.

Под пальцами темноэльфийской дивы то один, то другой огонек рос, заполняя собой всю чашу. Они превращались в светящиеся изображения магистратских, дорассветных, цеховиков-миллионщиков. И эльфов.

Вопреки моим опасениям, Властителей среди Охотников оказалось только двое: сама Хирра и ее отец, покойный ныне Владетельный ау Стийорр. У него хватило ума набирать статистов для дочуркиных игр не из равных себе. Трое городских Инорожденных среднего достатка (в десятки тысяч годового дохода), правда, имелись в наличии, чтобы ей совсем уж одиноко не было.

Вот и хорошо. А то до Властителей, даже наплевав на все законы и вооружившись, как заклятые рейнджеры, наша команда все равно не доберется. Пришлось бы раскручивать маховики на карманном крейсере Стийорров и брать замки штурмом. В общем, полновесный переворот устраивать. Но у тех в запасе тоже кое-что нашлось бы...

Перечень Охотников завершился. Еще пару минут мы спорили, разбирая, кого кому, меняясь кандидатурами, чтобы каждому опасностей поровну. Как-то я упустил, кому достался Нохлис. Неважно, ему все равно не уйти.

Наконец и с этим закончили. Я думал, что команду начи-

нать отдаст Патерсон — привык по Мекану. Но все, и он в том числе, ждали слов от меня.

Эх... Набрав побольше воздуха, я начал:

— Раковины у всех на один канал закляты? — Парни и темная эльфь кивнули. — По выходе на позицию даем сигнал, и Хирра врубает подсветку, чтобы обозначить гада. Бьем по опасности: сначала эльфов и дорассветных, потом магистратских, в последнюю очередь всех прочих!

И первым соскочил с борта лодки, свистом подзывая Шипучего с ветви дуба, на которой дремал гекопард. Остальные седлали своих, когда я затягивал привязные ремни. Высокородная подняла катафалк и развернула носом к городу.

Ну, понеслись...

Мой первый Охотник умер быстро, даже не заметив смерти. Стрела в лоб отправила за Последнюю Завесу светлого эльфа, обернувшегося от зеркала, в котором тот с недоумением рассматривал окружившее его изумрудное свечение. От созерцания собственной персоны в зеленых тонах его отвлекло шумное дыхание моего гекопарда, взлетевшего по стене к самому окну, и скрип рамы, расходящейся под цепкими лапами.

С остальными так просто не сладишь. Прижав на раковине дальней связи врезанную в тонкую оправу жемчужину общего канала, я вызвал Хирру:

— Один есть! Как остальные?

— У Патерсона и Джинго по одному, остальные еще в пути, — отозвалась темноэльфийская дива.

— Давай ориентировку на следующего. — Азарт вступал в свои права.

— Корявый Генри Декстер, дорассветный, из воротил, с охранниками на пустующем ярусе склада своего магазина. — Эльфь чуть помедлила, проясняя местоположение. — На Третьей Цеховой, универлавка «Озарение».

— А, знаю. Многоэтажный корпус с тремя подъездами, — как раз поблизости я обзаводился сбруей для первого рейда в Храм.

— Пятый этаж, предпоследний, — не тратя лишних слов, уточнила Хирра.

— Понял, «отмашка».

— Что?

— Конец связи, значит, — пояснил я. Конечно, откуда ей знать кодовое слово окончания переговоров?

— А-а...

Дослушивать я не стал и отпустил жемчужину, уходя с канала. Гекопард уже одолел полпути до универлавки. Громадина, наскоро выстроенная на скупленной земле, неприятно вырывалась из ряда старых строений. На украшения Корявый не тратился, с успехом перенося свое прозвище на принадлежащую ему собственность.

Пятый этаж возвышался над карнизами соседних домов. Я осторожно перевел Шипучего на стену и заглянул внутрь.

Охранники дорассветного свое дело знали, окружив его плотным кольцом и выставив стрелометы. Обозначив Охотника слишком рано, Хирра спугнула его. Хорошо хоть сбежать не попробовал — стоит за спинами своих «псов», полыхая, как зеленый факел, и орет на собеседника по раковине дальней связи. Видно, счел происходящее провокацией конкурентов по дорассветным делам.

Да, подобраться к Декстеру будет непросто. Стоит выйти на огневую позицию, как охрана нашпигует болтами если не меня, то гекопарда. А мне, кроме него, еще одного убирать, и сменного зверя не предвидится.

Хотя есть одна идея. Из тактики воздушных кораблей в Мекане, когда те становятся в круг над наземной целью и начинают долбить с одного борта файрболами, молниями и болтами колесных стрелометов в центр круга, который относительно этого борта неподвижен. Такое может помочь — применительно к гекопарду.

Не теряя времени даром, я послал Шипучего сквозь окно. Первые болты охранников ушли в молоко, а дальше им уже не удавалось прицелиться — гекопард несся по стене, рыская из стороны в сторону, болты ложились то у бока, то вообще за хвостом. На пол и потолок он почти не сходил, а углы преодолевал прыжком.

Запрокинув голову, я вытянул над ней руки со стрелометами и каждый раз, когда в просвете между «псами» показывалось зеленое сияние, всаживал в эту щель пару болтов. Охранники так и не поняли, когда их клиент рухнул на пол тя-

желой грудой, утыканный полутора дюжинами коротких стрел.

С разгону вылетев сквозь окно, я с той же бешеной скоростью пронесся до конца улицы и только там, остановив тяжело дышащего гекопарда, перезарядил опустевшие стрелометы и нашарил раковину в ременной петле на груди.

— Второго взял! Пришлось повозиться, но уже все!

— Поздравляю, — Хирра не нашла лучшей формулировки.

— Кто у нас напоследок? — Еще немного, и Охотничьему Клубу конец!

— Джейкоб Синестриан, цеховой старшина с регистрацией, отдельный кабинет ресторации «У старого повара», — как вышколенная диспетчерша, мгновенно выдала эльфь. Близко цель легла — ресторан всего в трех кварталах отсюда. Не бедный район, объекты здесь засели плотно.

— Через две минуты буду. Вот тогда его и засвети. Нечего спугивать гада раньше времени!

— Поняла, через две минуты обозначу. — Она помолчала пару секунд и добавила: — У Джинго тоже двое. Ему нужна наводка, так что «отмашка».

— Понял, «отмашка».

Еще до того, как я отнял раковину от уха, в ней уже опять шумел океан. Не знаю, специально такой нейтральный фон подбирают при настройке или это естественное свойство раковин. Гекопард как раз вымахнул на крышу дома напротив ресторации и одним прыжком перемахнул через улицу — только огни рекламы мелькнули под брюхом.

Ломиться через главный вход не имело смысла. Охранники ресторана вышколены по первому классу, и на них моя кираса впечатления не произведет, даже вкупе с исправным жетоном и ордером на арест. Тут сам прокурор с постановлением и комендантским взводом не пройдет — спокойствие клиента превыше всего. Особенно когда нельзя уверенно сказать, все еще дорассветный это клиент или уже вполне цеховой. Регистрацию-то и купить можно, пара сотен тысяч золотых для таких не проблема.

Так что лучший путь к намеченной цели пролегал через кухню. С заднего двора, от мусорных баков — обычно дверь там не закрывается никогда, во всяком случае, до конца работы заведения. А «Старый Повар» закрывался только к утру,

когда клиентов развозили по домам кадавры-кучера, вроде автопилота на катафалке. Особым шиком считается и в повозку запрячь скакунов-кадавров, чтобы ни одно живое существо не досаждало хозяину экипажа в его высоких размышлениях, куда отправиться, проспавшись. Или на чем сделать еще пару миллионов, чтобы с полным правом продолжать подобный образ жизни.

Мой Шипучий легко сбежал вниз по стене, пару раз лязгнув водосточной трубой. Запах надежно вывел на ход с кухни. Двустворчатая дверь оказалась достаточно велика, чтобы пропустить гекопарда. Широкая грудь зверя раздвинула створки, и на меня рывком обрушился кухонный гвалт.

Нельзя сказать, что на местный персонал я произвел меньшее впечатление. Все замерли, образовав самую массовую немую сцену из когда-либо виденных мной. Усатые рожи поваров, блиноподобные — поварят и лощеные хари официантов застыли в беззвучном изумлении. Только кастрюли и сковородки продолжали шкворчать и булькать. Готовящиеся блюда не хотели замечать вторжение чужака. Это было ниже их достоинства. А туши скота и дичи для этого были слишком хладнокровны.

В общем, все, кто мог, повернулись к верховой фигуре штурмполисмена, окутанной уличными испарениями и подсвеченной в спину отсветами зажигающихся уже фонарей.

— Специальное задание! — проорал я, подняв забрало. — Всем оставаться на местах, персонал вне опасности! — Не хватало еще, чтобы они разбежались, как термиты. — Как попасть в кабинеты?

Навстречу из рядов обслуги был суетливо выдвинут жидкобородый старичок в поварском колпаке едва ли не выше его самого. На «Старого Повара» с вывески ресторации он не тянул, однако необходимым авторитетом явно пользовался.

— Подъемники, хай-сэр капитан, — закланялся старый гриб, указывая в глубину зала. — Кухонные лифты, хай-сэр... — С перепугу, считая, что кашу маслом, то есть лестью, не испортишь, повар завысил звание на ступень. Ланс был только лейтенантом...

Дальнюю стену и углы действительно обрамляли какие-то плоские платформы на цепях. При каждом имелись еще и вороты для подъема блюд к столу клиентов, о склонности к

уединению которых я недавно размышлял. Осталось выяснить, который из лифтов вознесет меня к зажившемуся на свете Охотнику.

— В каком кабинете Синестриан?

— В пятом, хай-сэр капитан. — Похоже, старикашку заклинило на звании. — Пожалуйте за мной...

Ориентацию в собственном хозяйстве, в отличие от способности разбираться в полицейских шевронах, дедок не утратил, довольно споро направившись ко второму с края подъемнику. Повинуясь поводьям, Шипучий затрусил между разделочными столами и плитами, принюхиваясь к содержимому посуды. Слава богам, ипподромное воспитание не позволяло ему перехватить по дороге кусок-другой. Запрыгнув на предложенный лифт, я заставил гекопарда лечь, извлек стреломет, снял его с предохранителя и махнул рукой: «Поднимайте!»

Поварята завертели ворот, и платформа медленно поехала вверх. Створки над головой расходились постепенно, до поры до времени скрывая меня от пирующих. Наконец панели опустились по бокам платформы, и перед подгулявшей компанией предстало главное блюдо вечера — я в кирасе и шлеме штурмполицейского, верхом на прижавшемся к центру подъемного стола медово-алом гекопарде.

Впрочем, присутствующие к тому моменту были уже в таком градусе, что просто ничего не заметили. Двое — нувориш-Охотник в фиолетовом камзоле и какой-то из его гостей — тыкали друг в друга пальцем и вяло спорили:

— Т-ты уже допился д-до зел-леных демонов! В-вон, светишься, как г-гнилушка в лесном борд-деле!

— Эт-то ты допился! Т-тебе и к-кажется, чт-то я свечусь! А й-я ни х-хрена н-не свечусь!!!

Сей плодотворный диалог прервали три мои стрелы, ушедшие по самое оперение в фиолетовую парчу, расшитую золотом. Подстреленный с нескрываемым любопытством уставился на черенки, а его собеседник завертел головой, пытаясь обнаружить причину заминки в разговоре. Наконец, как ни трудно это было в таком состоянии, он углядел меня, вытянул трясущуюся руку с выставленным пальцем и каким-то полухрипом выдохнул:

— Вв-о!

Прочие сориентировались куда быстрее. Но немая сцена не успела прорваться гвалтом. Гекопард скакнул на центральный плафон — я видел лишь запрокинутые к потолку рожи. Фиолетовый торжественно свалился мордой вниз, до упора вгоняя стрелы в уже мертвое тело, и взгляды опустились за ним. А мой гекопард уже вынесся сквозь частый решетчатый переплет окна, разметав фонтаном тонкие планки и стекла.

В три прыжка перенесясь через тот же дом напротив, я снова вызвал Хирру:

— Сделал третьего! Как дела у остальных?

— Все по двое, Дьякон и Патерсон всех, — с готовностью отозвалась она.

— Не ожидал от Джека! Отлично! — Вроде дело на мази.

— Не совсем, — печально ответила эльфь. — Джинго сделал двоих, но третий его убил.

— Кто? — я не мог представить, чтобы нахал Джинго погиб от руки оставленного напоследок захудалого негодяя.

— Нохлис. — В ее голосе было все.

Умруны болотные! Демоны неудач и их голые хвосты! Гномы... Гномы под горой!!! Никто из парней не оценил опасности Нохлиса. Во всяком случае, Джинго не раскусил его так, как мы с высокородной. Партайтодтфарера по-любому в начало списка ставить надо было...

— Его уже взял кто-то? — Теперь уж я Нохлиса не упущу.

— Патерсон, когда своих закончил, — охладила мой пыл темная эльфь.

— Ладно... — Остыть было трудновато.

— Погоди! — оборвала меня высокородная. — Патерсон ранен, уходит с тропы!!!

— Тогда он мой! — Надеюсь, моя удача стоила Костлявому не слишком дорого.

— Кампусы, пятая линия, — с готовностью отозвалась она.

Ах ты... Это на другой стороне города — даже на гекопарде добираться минут десять. Быстрее только на флайботе. Если Хирра поблизости, может, подбросит?

— Ты где?

— Над тобой, — кратко ответила эльфь.

Я задрал голову. Над ночным Анариссом серебряным призраком реял семейный катафалк дома Стийорр. Зерцало Видения, принайтованное цепями к возвышению для гроба, си-

яло и разбрасывало во все стороны зеленые молнии. Над ним черным олицетворением ужаса застыла Хирра, прижавшая к губам раковину дальней связи. Зрелище такое, что не удивлюсь, если к утру количество заик в городе утроится.

В общем, средства наведения и диспетчерская служба у нас на высоте. А теперь пришла пора ей поработать и средством доставки подразделений быстрого развертывания.

Взбежав по стене, Шипучий замер на гребне крыши, словно прихотливое украшение. Хирра опустила летающую лодку пониже. Не дожидаясь, я послал гекопарда в прыжок. Тот достал до борта, ухватился цепкими лапами и втянул гибкое тело на палубу. Без слов поняв меня, темноэльфийская дива развернула катафалк в сторону Кампусов.

Один стреломет я оставил снаряженным болтами, другой перезарядил пучками игл. Если бы не посторонние, и «Осиных гнезд» с молниями и файрболами на Нохлиса не пожалел. Да что там файрболы — Небесный Город Итархин на него уронил бы с удовольствием, будь такая возможность!

Пока мы летели, оставшиеся на темной глади Зерцала огоньки гасли один за другим. Парни свое дело знали. Оставалось лишь одно зеленое пятнышко, и это к нему мы летели во весь опор.

Зарево немеркнущих огней, отличающее Кампусы, стремительно приближалось. Трудновато будет найти тут зеленое сияние негодяя, это он неплохо рассчитал. Ладно, не впервой, справлюсь...

— Здесь, — коротко бросила высокородная, заложив вираж.

Перегнувшись через борт, я высматривал место, куда удобнее спрыгнуть Шипучему. И чуть не пропустил совсем уже другим голосом сказанное Хиррой:

— Удачи.

Она смотрела на меня совсем не так, как все эти дни. Разве что кроме того раза, когда плакала у меня на плече после смерти отца...

— Я исполню нашу клятву... — Что еще я мог сказать?

И рывком махнул через борт, целясь на крышу одного из колледжей. Может быть, послышалось, но эльфийская дива растерянно хихикнула и не менее ошарашенно уронила: «Вот дурак...» Если так, то эльфы явно прогрессируют в своем от-

ношении к клятвам. Еще тысяч пять лет, и научатся воспринимать их с юмором...

Так или иначе, катафалк, не сходя с виража, ушел над крышами в сторону ворот Предосторожности. Выискивать Мертвовода среди бесчисленных фонарей, светильников и окон студенческого района мне предстояло в одиночку. Вроде парням уже не нужна наводка, но неплохо было бы подобрать Патерсона...

Словно в ответ на эту мою мысль, летающая лодка нырнула вниз. Обратно она всплыла, неся гекопарда с пустым седлом и человеческую фигуру, привалившуюся к возвышению для гроба. Хоть не лежит, и то хорошо. Теперь за Костлявого можно не беспокоиться.

Внизу справа мелькнуло изумрудное свечение. Не рассуждая, я пустил Шипучего по стене. Только чтобы убедиться, что реклама «Зеленого Огра» способна завлечь не только домохозяйку или оголодавшего студента. Светящиеся стручки в лапах зеленокожего здоровяка закачались, когда я со всей силы натянул поводья, пытаясь остановить гекопарда. Несколько банок овощных консервов все-таки упали с прилавка и покатились под уклон.

Лоточник не успел сказать ни слова, как я уже снова был на гребне кровли. Только тогда снизу донеслись возмущенные вопли, в основном сводящиеся к призывам всевозможных несчастий на головы ездоков по крышам. Как будто на разнесчастный лоток их ополчилось несметное количество. Кому, кроме меня, тут сейчас отираться?

Но я и в самом деле был уже не один над ночными Кампусами. На соседней кровле, на фоне зеленой луны, вырисовывался еще один силуэт всадника на гекопарде. Неужели кто-то из парней решил подстраховать?

Помахав рукой, я потянулся к раковине дальней связи. Заметив это, верховой развернул зверя и исчез, нырнув вниз. Что-то неладно. Надо бы посмотреть, в чем дело. На всякий случай.

С крыши, которую мгновение назад украшал силуэт всадника, открывалась улочка потемней вдоль заднего двора колледжа. И по ней быстро удалялось пятно зеленого света. Слишком быстро для пешехода. Слишком быстро даже для всадника на любом животном, кроме гекопарда. Собственно, гибкая спина зверя и мелькала в отблесках сияния.

Демоны, демоны и еще раз демоны! Всех мыслимых несчастий и неудач! Нохлис забрал гекопарда у Джинго! Это осложняет задачу минимум вдвое...

В такой ситуации не бывает излишней торопливости. И жалости тоже. Конечно, будет просто отлично, если первая же стрела угодит Мертвоводу в затылок. Но надо быть реалистом и сначала попытаться спишить негодяя. Гекопард — мишень более крупная.

Это я додумывал уже в конце той самой улочки, сворачивая за угол вслед за зеленым свечением. К счастью, Нохлис держался в седле менее умело, и расстояние между нами сокращалось. Почаще бы еще поворачивал, на виражах скорость теряется легче всего. Словно услышав, Мертвовод, как по заказу, принялся петлять. То ли не мог решиться, куда лучше свернуть, то ли боковые проулки были для него узковаты. На крышу он больше не лез, резонно полагая, что там его будет видно на лигу окрест.

Наконец между нами осталось всего три десятка ярдов. Тут как раз слева открылась улочка пошире, и Нохлис замешкался, разворачивая зверя. Расстояние еще сократилось. Второго такого шанса могло и не представиться. Вытянув руку над холкой своего гекопарда, я разрядил стволы стреломета так быстро, как только мог нажимать на спусковой крючок.

Расчет был верен. В Мертвовода я так и не попал, зато его скакуна завалил. Зверь завизжал, закружился, пытаясь вырвать стрелы из бока. Я резко двинул Шипучего вперед, но Нохлис змеей выскользнул из привязных ремней. Одну петлю разомкнул, одну разрезал.

Теперь раненый гекопард стал преградой между нами. Он бился, закрывая телом проход. Перепрыгнуть было невозможно: узкую улочку перекрывал навес из полосатой ткани. Мертвовод удирал между лавками на четвереньках, то и дело ныряя под стойки.

Раздражение от заминки резануло по живому. Из-за этой мрази приходится тратить время на милосердие! Стрелометный болт за ухо успокоил раненого зверя навсегда. Распластавшись, Шипучий проскользнул над телом собрата, едва не задев торчащие из его бока оперения стрел.

Нохлис маячил зеленым пятном далеко впереди. Внезапно изумрудное сияние метнулось в сторону и исчезло. Свер-

нул в проулок или проскользнул в незакрытую дверь. Второе хуже: придется обходить по стенам, а то и спешиться.

Так я и знал. В грубую каменную кладку стены глубоко врезался дверной проем, перекрытый пологой аркой. В него и пеший с трудом протиснешься, а уж верхом... Разве что на тесайрской ездовой змее, излюбленном скакуне воинов-жрецов.

Склонившись с седла, я заглянул под арку. На мое счастье, сразу за дверью вверх уходила кривоватая и шаткая даже на вид лестница. Не сквозной проход, и то хлеб.

Взяв чуть в сторону, гекопард протиснулся в щель между полотнищами навеса. Ткань затрещала, цепляясь за седло и мою кирасу. Если бы не привязные ремни, так бы и остался висеть на лоскутьях полосатого полога. Отмахнувшись, я зарычал. Кровь стучала в висках.

Над навесом света почти не было. В остервенении я и не заметил, как погоня увела нас из Кампусов. Куда? Неважно! Важно только, где скрывается Нохлис!

Этажом выше сдвоенное окно с хлипкой деревянной перемычкой оказалось достаточно широким для Шипучего. Только щепки от витой колонны и косых решеток полетели.

Внутри было светло не только от зеленого свечения Мертвовода. Тот был удивлен не менее меня, вылетев в небольшой зальчик, до отказа набитый игроками! Захудалый, а то и вовсе нелицензированный игорный дом, если судить по непрезентабельному входу. Впрочем, это могла быть и задняя дверь. Теперь хоть ясно, куда нас занесло — Высокая набережная. Пусть не сама, но задворки Азартного Прииска.

Дверь за Нохлисом затворил могучий огр-вышибала, так что пути назад у него теперь не было. Фишки с игрового стола полетели во все стороны из-под лап гекопарда. Стол затрещал. Из-под него порскнули проигравшие и девицы, ублажавшие шулеров. И тут Мертвовод змеей нырнул под столешницу. Рыча, я развернул Шипучего на месте резким рывком поводьев. Зверь впервые оправдал свою кличку, недовольно зашипев на грубого седока.

Поздно. Партайтодтфарер уже рыбкой нырнул в окно. Ножки стола наконец не выдержали, и в облаке трухи столешница просела, перекосившись. Гекопард зашипел во второй раз. Похоже, мое бешенство передалось и ему. Во мне уже

не осталось ничего, кроме единственного жгучего желания — настичь, убить, растоптать!

Следом за Нохлисом из окна вылетели мы с Шипучим, как единое целое. Под нами Мертвовод скатывался с полосатого полога на землю. Оттолкнувшись лапами от противоположной стены, гекопард ринулся вниз. Но зеленого пятна среди фонарей лоточников уже не было. Презренная добыча вновь ускользнула!

Добыча... Я чуть не натянул поводья на полном скаку. Вот как все повернулось...

Вот что, оказывается, чувствует Охотник.

Изумрудный свет мелькнул в переулке справа, отвлекая от недоброго озарения. Все эти антимонии — потом! Сначала — Нохлис! Убить! Уничтожить! Смести с лица земли!!!

Переулок уводил к реке, к более дорогим кварталам Высокой набережной. С каждым прыжком Шипучего сверкающая огнями улица становилась ближе. Спорю, туда Мертвовод и направился. Вновь затеряться фонарем среди фонарей. Тусклой коптилкой!

Одного он не учел. Азартный Прииск освещает себя только теплым светом — желтым, оранжевым, красным, чтобы у клиента и мысли не возникло, что здесь его ждет что-нибудь, кроме золота. Расчет примитивный, но действенный. И порождающий привычку к стилю. Стало быть, здешние завсегдатаи должны среагировать на любое отличие. Как вон та толпа у входа ближайшего казино. Не там ли ждет позеленевшая бронза моего выигрыша...

После того как мой гекопард расшвырял зевак в стороны, смятение на входе никак не уменьшилось. Ну да мне, чую, обратно не отсюда уходить. Охрана казино не вход блокирует, а рассеяна в зале и заточена против шулеров и грабителей, а не против тяжелой кавалерии. Или в кирасе и верхом на Шипучем я на тяжелую кавалерию не тяну?

Скоро узнаем. Пока на охрану стоит понадеяться — нынче Нохлис слишком приметная фигура, чтобы не вызвать интереса у вышибал. Так и есть. Вот он зеленеется перед двумя хлыщами в алых жилетках поверх золотых рубах.

Мое явление в зале заинтересовало их еще больше. Мертвовод же, не оборачиваясь, понял, в чем дело, и слизнем скользнул между алыми боками вышибал. Знает шакал, чьи кости глодал...

— Стой и умри!!! — взревел я, теряя терпение.

Естественно, Нохлис не подчинился. Только шустрее полез на богато изукрашенную колонну. Неприятно напоминая меня самого в храме и делая еще более мерзким поворот ситуации, в которой роль Охотника исполняю я. Сейчас он за все мне ответит!

Пригнувшись под брюхом гекопарда, охрана и посетители пропускали всадника над собой. Кто мог, попрятался под столы, не дожидаясь проигрыша. В том числе под самый главный, гордость заведения, с рулеткой диаметром в человеческий рост.

Партайтодтфарер, лезший к люстре, увидев клацающие под ногами челюсти моего зверя, сорвался и кувырком прокатился по главному столу. Пирамиды фишек рассыпались под телом мерзавца. Наконец, шатаясь, он встал и, оглушенно оглядываясь, обернулся ко мне.

— Т-ты? — В безумно выпученных зенках мелькнуло узнавание.

Надо же, как я ему досадил, если и в нынешнем виде признал! Приятно даже. Сначала прикончил его мертвяков, а теперь до самого добрался. Отвечать Мертвоводу было ниже моего достоинства. Я просто поднял стреломет и разрядил в него все двенадцать стволов. Надсеченные иглы изрешетили мразь.

— Ч-чем ты лучше? — выдавил, пошатываясь, Нохлис и рухнул затылком вперед — прямо на диск рулетки. Центральный шпиль пробил его насквозь. Так что моих слов Мертвовод слышать не мог уже никак. Но ответить на это было необходимо. Хотя бы себе самому, за все — за согласие стать Охотником, за опьянение погони, за торжество убийства.

— Не я лучше. Ты хуже.

Труп безмолвно и медленно вращался на рулетке. Удача не придет к таким ни на красном, ни на черном. Ни на зеро. Ибо Судьба выставит преграду — пусть даже такую шаткую, как я. Чтобы остановить. И избавить всех прочих от того, чего не должно быть в мире.

Гекопард молнией скользнул к открытым для вентиляции створкам прозрачной крыши. Где-то внизу оживал истеричным гомоном переполненный зал. Больше мне было нечего здесь делать.

Рассвет заливал городскую стену мягким, но ясным светом. В отличие от пыльного вечернего, он был не таким теплым. Да и утро жарким никто бы не назвал — теплынь нахлынет на Анарисс позже, к полудню. Все было кончено еще пару часов назад. Больше никто в этом городе не выйдет на тропу, никто не станет Добычей. Охотничий Клуб прекратил свое существование навсегда.

И главное — для меня. Пусть с Мертвоводом и пришлось повозиться больше, чем с тремя остальными, вместе взятыми, не в том было коренное отличие между ним и прочими. Те трое — обычная солдатская работа. Конечно, не такая, какая обычно выпадает на долю наладчика боевых кадавров. Скорее так работают рейнджеры под заклятием.

А Нохлис, пусть ненадолго, сделал меня Охотником. Настоящим.

Что ж, теперь я, по крайней мере, знаю, от чего отказался. Чего лишил полторы дюжины помешанных на опьянении погони и поединка с равной по силе дичью. И от чего излечил Хирру. Мою черную тварь, ночную погибель, темноэльфийскую диву...

Словно на зов, летающая лодка всплыла над зубцами городской стены. Рассветное солнце обдало борта и палубу, украшения на носу и корме, саму высокородную у штурвала. Длинным прыжком гекопард преодолел разделяющее нас расстояние.

— Доброе утро, — как ни в чем не бывало приветствовала меня эльфь.

— Доброе... — На этот раз хотя бы без кофе с водой мне в физиономию. И без дорожек слез на ее лице, как в утро после смерти ее владетельного папеньки. Новый день — новая судьба. Настало время всему смениться в очередной раз...

Отстегнув привязные ремни, я соскочил с седла. Обмотал повод Шипучего вокруг высокого форштевня. Снял шлем, а затем и кирасу со сбруей — пустые стрелометы брякнули о металл. И шагнул к шканцам, с которых спускалась Хирра, обходя уже пустующее возвышение для гроба. Надеюсь, Зерцало Видения отправилось на свое место.

— Кто возвращает Реликвию? — Не то чтобы я не был уверен, но лучше убедиться.

— Дьякон Джек. Скажет, что подкинули. Говорит, он в Храме на хорошем счету, ему поверят...

Джеку и кости в руки. Со жрецами он на дружеской ноге. Подкинули ему, видите ли... От истины это заявление отличается не слишком сильно. Как и легенда, подготовленная для возможного следствия. Если оно окажется достаточно расторопно, чтобы выйти на тех, у кого ее можно потребовать.

Это была магическая эпидемия Охотничьего Бешенства, заставляющего убивать без разбора. Зеленое свечение — основной внешний симптом на поздней стадии. Властитель ау Стийорр обнаружил опасность и нанял ветеранов для срочного проведения санации, но сам заразился и погиб, убив перед тем Ланса. История с «убитой» дочерью властителя — фальшивка, чтобы выйти на контакт с исполнителями. Реликвии были нужны для обнаружения и поиска зараженных. Времени проводить все по официальным каналам не было, поскольку эпидемия могла распространиться. Лечение пока не найдено.

Достаточное объяснение для городских властей. Тем более если подкрепить его золотом Стийорров. Оговорена была и такая возможность. Да, кстати, о денежном вопросе...

— С парнями бы расплатиться. — Надо все успеть, пока судьба не развела нас с высокородной в стороны так же, как свела.

— Уже. Наличные положены в банк на именные счета. По тысяче золотых на каждого. Сестрам Джинго — три тысячи. Патерсону две, плюс оплата исцеления у магов больницы сострадательного Саина, — с готовностью отчиталась эльфь.

Что ж, парни не из тех, кому вход в банк заказан, все люди степенные. Так что выплата из рук в руки не обязательна. Во всяком случае, сумма и так вдвое превышает необходимую на регенерацию собственных тканей. Да и целители Костлявому достались из самых лучших, у каких обычно лечатся городские эльфы и человеческой крови отпрыски владетельных родов.

А сестрички непутевого Джинго разом превратились в завидных невест. За таким приданым не только наемный работник с постоянным контрактом, но и лавочник средней руки приударить не прочь. На внешность-то Энджи, Элли и Энни и раньше жаловаться не приходилось. Ныне покойный их братец Эдди по прозвищу Джинго тоже был смазлив. Только имя свое не любил...

Тянуть время, перебирая воспоминания, бессмысленно. Дело сделано. Значит, все уже. Жутковатая наша сказка с трупами и реликвиями закончилась, и для меня ничуть не в меньшей степени, чем для Джинго. Пора и честь знать.

— Что же, владетельная госпожа... — начал я. Надо же хоть что-то сказать на прощание...

— Кто? Я? — почему-то усмехнулась Хирра. — Наследство отца должен был получить тот, кто убьет его. Без мести и судебного преследования. Это из-за Клуба, когда я была Добычей и могла убить его, защищаясь. С тех пор завещание не менялось. Так что теперь ты у нас владетельный господин.

У меня не нашлось никакой вразумительной реакции на это заявление. Инициатива так и осталась у серокожей дивы.

— Не выгонишь меня из поместья? — Она довольно чувствительно толкнула меня бедром в бок. Хорошо хоть не в плечо.

— А как со всякими формальностями вроде свадьбы? У вас с этим строго? — засомневался я в поисках подвоха.

— Вообще-то Низкая клятва, которую мы дали, составляет основу брака. Так что по ортодоксальному канону мы уже женаты, — добила меня эльфь.

От изумления я выдал вслух то, что думал:

— А я думал, мы расстанемся навсегда...

— Расстанемся, — кивнула она. — Лет через шестьдесят. Ты будешь приятным воспоминанием. Куда лучше, чем всё предыдущее...

А это мы еще посмотрим, насчет шестидесяти-то лет. В храме Победивших Богов еще целых четыре неопробованных реликвии. Какая-нибудь да поможет.

Да и не вечно этим богам быть победителями!

Часть вторая
ПОГРАНИЧНЫЙ ПЕС ПОЙНТЕР

1
Авансы поют романсы

...Скоро, скоро наши зерна упадут
В неведомую землю, в остывшие ладони,
Скоро, скоро скорый поезд увезет
Того, кто вечно ищет,
Да к той, что и не ждет уже...

Секс у всех человекоподобных рас, населяющих Анарисс, принципиально схож. Но есть и весьма приятные различия. Темную эльфь, к примеру, отличают изрядный рост и физическая сила, позволяющие немало смелых экспериментов. Слава Судьбе, после памятных нам обоим событий теперь я хотя бы не рискую получить стрелу в спинку кровати.

Зато от звонка в дверь, раздавшегося в самый решающий момент, не застрахован никто. Надо поинтересоваться, выпускают ли в сверхбольших размерах таблички: «Номер для новобрачных. Просьба не беспокоить». Специально для ворот замков Властителей. Последнее для меня особо актуально.

Я казус. То есть нонсенс. В смысле, феномен. Ночной Властитель человеческой крови. Не Инорожденный Ночи, а простой смертный.

Хотя с последним уже можно и поспорить. Оживление темной эльфи при помощи Меча Повторной Жизни зацепило краем и меня. Так что теперь современная наука затрудняется, к кому меня отнести в смысле расовой принадлежности.

Нет, внешне я так и остался тощим жилистым парнем пяти с половиной футов, с несколько собачьей физиономией. Но

вот некоторые новообретенные свойства и способности ставят в тупик не только меня.

Впрочем, найдутся желающие поспорить и с первой частью определения. То есть с законностью наследования владений и титула. Именно поэтому до сего момента никто не спешил наносить нам визиты. Не знаю, что тому больше виной — мое происхождение или способ вступления в права. Убийство прежнего Властителя, совмещенное с женитьбой на его дочери, должно шокировать, не так ли?

Меня извиняет только то, что последний факт произошел несколько раньше первого. И оба — не по моей воле. Сожалею при этом я лишь об одном из двух событий. Легко понять, о каком именно, хотя именно оно, а не брак, сделало меня тем, кто я теперь есть. Владетельному папочке моей высокородной, завещавшему все свое имущество и титул тому, кто отправит его за Последнюю Завесу, еще жить бы да жить — какие были его годы, без малого девятьсот!

Но Судьба и Победившие Боги предпочли по полной спросить с него за ошибки и полумеры в главном вопросе жизни. Избрав своим орудием меня. За отсутствием более подходящих средств...

Кто и за что решил спросить с самого орудия Судьбы и богов, да еще в самый неподходящий момент, мне только предстояло выяснить. Слуг по известной причине тут уже лет триста не держали. По мне, так и вовсе незачем допускать в дом каких-то чужаков, чтобы по залам шлялись и за обедом над душой стояли. Держать замок в чистоте с помощью заклятий не в пример проще. И готовить себе так же можно, без особого труда...

— Откроешь? — поинтересовалась Хирра, разочарованно отстраняясь.

Сейчас я впервые был готов пожалеть об отсутствии прислуги. В данной ситуации ее ощутимо не хватало. Даже выстройся вся она сейчас под дверями спальни, подглядывая за нами и комментируя зрелище, тем лучше — не пришлось бы ждать, пока явятся по звонку.

— Ага. Только накину что-нибудь... — обреченно подтвердил я.

Не перечить же высокородной супруге. Ей все одно одеваться в полтора раза дольше, даже при серьезной необхо-

димости. Армейских зачетов на скорость темноэльфийская дива не сдавала, в болотах Мекана под воющим на излете файрболом спросонья штаны не натягивала. Хотя ходят эльфи как раз преимущественно в штанах, в отличие от женщин иных рас. Платья, юбки и тому подобные балахоны у них исключительно для парадных случаев.

Но парада тут явно не предвиделось. Да и спешить моей высокородной, в отличие от меня, было решительно незачем. Прекрасно осознавая сей факт, Хирра не делала попыток ставить рекорды в одевании на скорость.

Колокол в надвратной башне замолк аккурат тогда, когда я одолел половину парадной лестницы. Язык ему оборвали, что ли? Все равно смесь любопытства с раздражением погнали меня дальше, тем более что после короткого перерыва звон сменился гулким стуком в металлические ворота. Настойчивый гость пожаловал, без стеснения. Будто демон копытом лупит!

В три дюжины прыжков я одолел шестидесятиярдовый, изрядный по городским меркам внутренний дворик. Не думая о безопасности, раздраженно рванул рычаг открывающего ворота механизма. Створки, словно чувствуя мое настроение, довольно споро разбежались в стороны. Это не двери внутренних общих помещений, что сами распахнуться готовы. Тут, как в личных покоях, имеется в наличии оборонительная функция. Каковую я бы с удовольствием, невзирая на все законы гостеприимства, применил против того, кто разбушевался там, снаружи.

Демон не демон, а насчет копыта ошибки не было. Угадал. На мосту, так и не опустив ногу после очередного удара, застыл упряжный кадавр, одновременно походящий на рогача и гекопарда. Причем отчего-то ездовой зверь, сделанный из семи металлов, движимых пятью стихиями, немного смахивал еще и на здоровенного суслика. Наверное, уши сходство придавали.

Из его пасти свисал оборванный шнур гостевого колокола. Так что и здесь промашки не случилось. За взбитым хвостом из цветного шелка виднелся еще один такой же кадавр, запряженный цугом в узкую, наподобие портшеза, одноместную карету для городских визитов. Кучер над передним из двух широких катков тоже оказался кадавром, даже не цель-

ным, а только верхней его половиной, насаженной для экономии места прямо на поворотную ось колеса. Зачем он был нужен, при такой-то инициативности скакунов, было как-то непонятно. Для форса, не иначе...

Увидав, что преграда движению исчезла, экипаж двинулся дальше — прямо на меня, не сочтя хозяина замка достойным препятствием. Спорить по этому поводу с парой длинных тонн металла, резного дерева и слоновой кости как-то не хотелось. Я лишь отпрыгнул поспешно в сторонку, пока не помогли с места сдвинуться.

Описав красивую дугу по дворику, карета остановилась напротив парадного входа. Я едва успел добежать туда же следом. Обходил экипаж уже сзади, чтобы лишний раз не попадаться скакунам под ноги. Впрочем, там тоже немало всего торчало — серебряные раструбы валторн, дульца флейт, барабанчики и тарелки нависали над задним колесом, словно букет безумного цветочника. Целый кадаврооркестр для услаждения слуха путешествующей особы. Подай карета назад, на что-нибудь из этого я уж точно нанизался бы.

Однако от данного бедствия Судьба миловала. Так что позицию чуть в сторонке, между каретой и створками дверей, я успел занять как нельзя вовремя. Ровнехонько к торжественному выходу.

Дверца экипажа распахнулась сама собой, и для начала на свет явилась ножка в золоченом сапожке со стразами и остро отточенным стилетом девятидюймового каблука. Размер ноги при всем ее женственном изяществе также был побольше моего собственного.

Телосложение эльфов отличается еще и тем, что при высоте на четверть больше человеческой они сохраняют пропорции среднего роста. Оттого вторая раса детей Перводракона и Первофеникса, конечно, исключительно изящна и тонка, но тем не менее весьма массивна в сравнении с людьми. При всей своей красоте и совершенстве Инорожденные, вне зависимости от пола, не просто высоки или крупны — они огромны. Так что, судя по сапожку, прибыла именно эльфь высокого рода. Начало многообещающее...

Продолжения, правда, пришлось малость подождать. Очевидно, владелица столь пафосной обуви предполагала, что дюжина грумов и камердинеров кинется помогать ей поки-

нуть транспортное средство. Каюсь, поначалу мне это попросту как-то не пришло в голову. А надо было, хотя бы из вежливости. Даже несмотря на явно самодовольную демонстративность жеста гостьи.

Поздно. Так и не дождавшись подмоги, нежданная посетительница выбралась наружу самостоятельно. Не без грациозности и с весьма заметным раздражением. Но не это заставило меня пораженно качнуться, самому с трудом удерживая равновесие, словно балансируя на хлипкой подножке кареты.

Пожаловавшая кого угодно сбила бы с катушек. Не говоря уж про меня, к светским визитам в среде Властителей совсем непривычного. Если точнее, это вообще был мой первый опыт такого рода. И вот же — сразу главным калибром шарахнуло. Как тысячефунтовым файрболом из баллисты резерва главного командования, которую на позиции дюжина быков вывозит. Или пара осадных кадавров-антропоморфов вручную выкатывает.

То, что посетительница оказалась Инорожденной, как раз не удивило. Кого еще в замке Ночного Властителя ждать с парадного входа! Курьеры и прочие поставщики расходных материалов втихую у нижних порталов разгружаются, почта сама собой проявляется в приемной — телепосыльные чары для неживой мелочи на такую дальность безвредны и недороги.

Так что больше вроде и некому. В гости к высокородным только такие же и ездят. Да еще магистратские, лакеи их. То есть наши. То есть мои теперь...

Гостья на магистратского чина никак не походила — без малого семифутовая светлокожая бледно-золотая блондинка с богато вьющейся гривой. Вот кому бы пошел памятный мне теперь на всю жизнь брючный костюмчик цвета лайма с зелено-золотой отделкой.

Приблизительно такой наряд на ней и был, только скорее в бирюзу отливал. Еще и попышней к тому же, не для верховой езды — ткани жалеть да об удобстве думать незачем. Золотого шитья и вовсе ушло преизрядно, на дюжину генералов хватит. Как есть голубая ель в лучах заката, королева лесная...

Лесная и есть. На таежных склонах Альтийских гор такого богатства немерено, только тамошние стоеросины сами не

ходят и не говорят. А в остальном не отличишь. Так же голову задирать приходится, чтобы вершину увидать. Сама-то не поклонится и насчет разговора тоже себя не уронит. Даже сомнение берет — а вправду, умеет ли? Может, в самом деле из дерева сделана, лесина длинномерная...

Или просто от гордыни своей так задубела. Это же Инорожденная Дня, долгоживущая сестра Победивших Богов. Светлоэльфийская дива! Вот уж кого я не ждал увидеть в замке Ночного Властителя. Тем более в нашем с высокородной.

Светлую эльфь с темной не спутаешь даже ночью в глухом переулке, будучи мертвецки пьяным. Если вообще встретишь, конечно? — обычно эльфийские дивы по таким местам с типами в подобном состоянии не знаются. А так их и с закрытыми глазами различить можно. Просто внутри ощущение разное от присутствия сестер Дня и Ночи. Как на берегу бурливого лесного ручейка или у спокойной пещерной речки, к примеру.

Так вот, от этой не просто бегучей утренней водичкой несло. Тут были пороги, буруны и водовороты. С плеском и пеной. Водопад целый.

Впрочем, Хирра тоже тот еще омут. Справится. И все-таки отношения темных со светлыми я себе как-то иначе представлял. Без того, чтобы они запросто на чашку чая друг к другу по утрам захаживали.

Так раньше я и сам в замке Властителя не жил, и о нравах Инорожденных имел самые общие представления. Может быть, подобные визиты как раз в порядке вещей.

Лесная меж тем соизволила-таки обратить на меня высочайшее внимание. Не глядя, швырнула чуть не в лицо небрежно стянутые с рук перчатки и бросила следом:

— Доложи хозяевам, что высокородная ау Риер ау Сниотта, уари Инерс, ждет приема, — с этими словами нежданная гостья широким шагом направилась от входа к дверям в холл.

Экипаж так же самостоятельно, как и его хозяйка, двинулся по направлению к гаражному порталу. Похоже, расположение покоев в замке он знал получше меня. Или просто планировка жилищ у Властителей разнообразием не отличается. Как следствие приверженности правилам хорошего тона, которыми меня никогда излишне не обременяли...

Оттого рефлекторно пойманные прямо перед физиономией перчатки я просто выкинул, перебросив через плечо на брусчатку двора. И вразвалочку отправился за светлоэльфийской дивой, прикидывая, как бы поставить ее на место, не перейдя грани, за которой придется просто поубивать друг друга.

Нет, к следующему разу обязательно постараюсь освоить памятный мне фокус покойного владетельного папочки моей высокородной. Это который с открыванием дверей прямо из кабинета. Не говоря о том, что сие всяко удобнее, так еще и безопасно. Хоть не затопчут гости дорогие походя...

Долго догонять агрессоршу не пришлось. Уже на парадной лестнице, ведущей в верхний холл, она столкнулась со второй линией сопротивления, на порядок более основательной и эффективной. В лице моей женушки, как можно догадаться.

Молодчина Хирра! Успела привести себя в порядок как нельзя вовремя и легко достигла того, чего мне самому никак не удавалось: обратить на себя внимание высокородной гостьи. Хотя бы в силу собственной высокородности того же калибра, видимой не вооруженным магией глазом. Темпы наступления визитерши резко упали, оно преобразовалось в сложные позиционные маневры. Проще говоря, эльфийские дивы учтиво раскланялись и мелодично обменялись ни к чему не обязывающими приветствиями, процент яда в которых не позволял использовать таковые в лекарственных целях.

Правда, допускаю, что это мне лишь показалось. Не настолько хорошо я знаю кеннэ, чтобы судить однозначно. Тем более что однозначность — качество, этому языку изначально не слишком присущее. Совсем-то ничего в староэльфийском наречии, живя в Анариссе, не понимать невозможно, особенно если занимаешься маготехникой. Кеннэ ничуть не сложней, чем Кобольд или Пси, не говоря уже о Пси 2^{+}, а языки программирования кадавров и сложней бывают.

Впрочем, посетительнице это, похоже, в голову не приходило, и она с завидным упрямством продолжала игнорировать мое наличие так же, как привыкла у себя в замке в упор не видеть слуг, а в городе — приказчиков и клерков человеческой крови. В таком случае, если обстоятельства принудят светлую эльфь остаться в нашем с Хиррой, а формально моем

и только моем замке подольше, ее ожидает неслабый сюрприз.

Судьба этому, похоже, не препятствовала. Во всяком случае, взаимное словесное маневрирование хозяйки и гостьи завершилось приглашением на... на ланч, кажется, если я правильно рассчитал время. То есть для обеспеченного горожанина-человека это был бы второй завтрак, а чем он придется эльфям разных цветов, я и гадать не брался. Ранним пташкам светлым, вполне возможно, чем-то вроде пятичасового чая, а темному эльфу, ортодоксально приверженному канону почитания Ночи, — поздним легким ужином, «полночником» на манер полдника.

Моя высокородная, правда, никаких канонов не придерживается, и режим существования у нас с ней общий. Притом совершенно безумный и ни к какому из расовых стандартов особо не тяготеющий. Кавардак, словом...

Может быть, мне снова показалось, но приглашение со стороны Хирры при этом выглядело несколько вынужденным. Семейная оборона трещала по швам и подавалась под победоносным напором Дня. Ничего, у нас в стакане найдется меченая кость, чтобы побить его ставки.

Все еще молча, не встревая, я поплелся следом за эльфийскими дивами в ближайшую в это время дня к холлу малую трапезную. Как раз закусочную, перекусочную, в общем, именно полдничную по сути своей. То есть предназначенную исключительно для того, чтобы кто-то из хозяев или гостей мог перехватить что-то съедобное в промежутке между официальными приемами пищи, не обременяя себя излишней компанией в виде положенной свиты и сопутствующими церемониями.

Сообразно назначению, зальчик был уютный, небольшой — всего-то с городской двор средних размеров, на котором всей местной ребятне удобно играть в баскетбол. Клан на клан, квартал на квартал. Как мне самому в детстве...

По мановению руки моей супруги стол оказался в изобилии накрыт едой и напитками в соответствии со временем дня. Дежурное заклятие извлекло все это из-под спуда долговременного хранения, освободив от «нетленных» чар наподобие тех, под которыми отправляются за Последнюю Завесу Инорожденные и прочие городские богачи. Кому как, а у меня это

вызывало не слишком приятные размышления, и пробовать с этого стола отчего-то не хотелось ни куска. Лучше уж магия быстрого приготовления, хотя и у нее есть противники...

У эльфийских див предрассудков против стола и царившего на нем изобилия не было. Гостья уселась первой, дипломатично, на первый взгляд, выбрав место по правую руку от самого высокого стула у торца столешницы. Так садится почетный гость при хозяине, когда тот одинок. Или хозяйка...

Себя высокородная ау Риер полагала принадлежащей к первой категории, оттого и заняла стул, причитающийся при живом мне самой Хирре. А когда та, не показав раздражения, направилась не во главу стола, а к противоположному сиденью, попыталась вяло изобразить непонимание происходящего.

Вот тут и настало время поставить на место светлоэльфийскую нахалку. Не в прямом, так хотя бы в переносном смысле. Хотя может быть, если хватит совести, она еще пересядет с извинением.

Мой выход. Стараясь двигаться как можно более непринужденно, я обошел длиннющую столешницу и плюхнулся на мини-трон во главе стола. Хирра почтительно приподнялась с полупоклоном, как полагается законной супруге при появлении мужа и господина. Гостья резко развернулась, поочередно оглядывая нас с женой, словно пыталась понять, что означает этот странный розыгрыш.

Тянуть паузу было ни к чему, поэтому на достаточно пристойном, как надеюсь, кеннэ я приступил к представлениям:

— Хирра, урожденная ау Стийорр, ау Хройх, уари Фусс, моя супруга, — так, теперь и самому можно, если дыхания хватит. — Джек Собачий Глаз Пойнтер, владетельный ау Стийорр, ау Хройх, уарс Фусс на трех реликвиях.

Усраться можно. Когда я услышал это впервые, мне поплохело так, что я всерьез задумался, не отправиться ли ниже земли, чтобы не знать ни дня, ни ночи, в соответствии с Низкой клятвой. Может быть, со временем привыкну, а пока от полного титулования рожа сама собой начинает кривиться.

Впрочем, по сравнению с тем, как перекосило высокородную ау Риер, я, наверное, еще неплохо смотрелся. Совладав с первым порывом бешенства пополам с отвращением, она старательно принудила себя вернуться к позволительному для вежливой гостьи удивлению.

Вот только было в этом удивлении что-то нарочитое. Слишком уж тщательно отыграно все — и пораженно поднятые брови, и недоуменно приоткрытые ядовито-розовые губы, и румянец возмущения на бледных щеках. Вообще-то Инорожденные отзываются на все куда непосредственнее нас. Реакции тела у них на порядок сильнее человеческих и управлению поддаются труднее. Отсюда и пресловутая эльфийская невозмутимость — полная блокировка этих самых реакций.

А когда такими порывами пытаются управлять либо имитировать их, это очень хорошо видно. Как в данном случае. Так что, похоже, пренебрежительное отношение высокородной ау Риер с самого начала было не обычным безразличием к низкорожденному, а рассчитанным оскорблением. Провокацией...

Довести до конца этот неприятный вывод я не успел — Лесная нанесла главный удар. И не по мне — по Хирре. Крупным калибром, заклятым против промаха, как файрбол высокой точности.

— Как ты можешь... За одним столом с убийцей эльфов! С виновником смерти твоего отца!

Что характерно, данная реплика прозвучала уже не на кеннэ. Видно, была заранее заготовлена специально для неотесанного узурпатора Властительского трона и отработана без поправки на мою внезапно вскрывшуюся способность общаться на староэльфийском. Стало быть, знала. Ни к чему эти игры дурацкие, все изначально просчитано.

Стоит взять на заметку и впредь ловить Инорожденную стерву на домашних заготовках. А еще не лишним будет отметить порядок обвинений. Сначала шел «убийца эльфов». Во множественном числе. Надо понимать, самый страшный мой грех в ее глазах — светлоэльфийский Охотник, первый, отправленный мной за Последнюю Завесу...

Хотя нет. Первой из членов Охотничьего Клуба была Хирра. И единственной, кому удалось вернуться обратно силой Меча Повторной Жизни. О чем лично мне жалеть не приходится...

Она и ответила обнаглевшей сестре Дня. Да так, что у меня чуть уши фунтиком не завернулись. Если надо, с эльфей слетает вся благовоспитанность и утонченность. А в точности и доходчивости выражений кучера омнибусов, кондукторы

междугородних дилижансов и речные грузчики уступают высокородным по определению. Лично я с ходу понял в услышанном лишь около трети. Да и то крепко задумался: неужто анатомия, генеалогия и теология, вместе взятые, даже теоретически могут допускать такое?

То, что высказала в ответ гостья, наконец дорвавшаяся до планового скандала, было не столь четко, но на порядок более грязно. Как-то наособицу физиологично и гнилостно. Желания запомнить и повторять наиболее эффектные обороты не возникало.

Десятой доли того, что сказали друг другу эти двое, мужчине любой расы хватило бы, чтобы обзавестись веским поводом стереть обидчика с карт Судьбы раз и навсегда. Отправить за Последнюю Завесу безоговорочно и, пожалуй, даже не излишне быстро. Хорошо, что эльфийские дивы за свой базар отвечают лишь личными именами, сохраняемыми и после прихода совершеннолетия, а не списками владетельных притязаний, как их мужья, сыновья и братья, лишающиеся детского имени в триста лет.

Но все равно я опасливо привстал, готовясь перехватить инициативу в случае необходимости. Только небольшой Войны Сил в отдельно взятом замке мне тут не хватало. С превращением оного в аналог горы Дройн, что, собственно, и произошло с владением одной темной эльфи и ее муженька в оригинальном случае...

Опасения опасениями, но повлиять на развитие конфликта было не в моих силах. Благовоспитанные эльфийские дивы давно уже не сидели чинно — обе вскочили, упираясь ладонями в край разделяющего их стола, и, ничуть не стесняясь, в полный голос орали друг на друга. Гривы той и другой вздыбились, словно шерсть сердитых кошек. Вот-вот искры полетят, как от «герисской банки».

Меня так и подмывало заорать что-то вроде: «А вот не подеретесь!», но я сдержался. Не исключено, что к лучшему, поскольку они вцепились-таки друг другу в глотки. Прямо через столешницу. Прокатились по столу, сметая десерт и вина, и сверзились на пол, попутно сломав пару стульев.

Разнимать двух без малого семифутовых женщин эльфийской крови, каждая из которых по отдельности способна сложить меня вчетверо и завязать бантиком, — нет уж, увольте.

Классический способ разливания кошек водой тоже не сработал. Я выплеснул на них все, что подвернулось под руку, но эффекта не получил никакого. Эльфи успешно выкатились за дверь обеденной залы и теперь громили холл. Поспевать за ними, одновременно выдумывая способ прекратить безобразие, стало трудно — мешали завалы сломанной мебели.

Когда они выбрались к парадной лестнице, терпение мое лопнуло. Придется пустить в ход кое-что из новообретенных возможностей, тех, которые любому Инорожденному полагаются с рождения, а мне достались благодаря Мечу Повторной Жизни. Выдохнув до звона в голове, я нешироко развел руки в стороны и хлопнул в ладоши.

Дерущихся сдуло с верхней площадки и чувствительно приложило о ступеньки где-то в середине двадцатиярдового пролета. Дальше они уже кувыркались сами и на нижней площадке наконец разлетелись в стороны, но тут же вскочили на четвереньки, негромко урча и определенно собираясь повторно броситься друг на друга.

Неправда, что хлопок одной ладонью нельзя услышать. Это смотря как хлопнуть. Очень быстрым закручивающим движением я свел кончики пальцев с основанием кисти. Вышел щелчок вроде того, что издают кастаньеты, хотя и менее громкий. Зато между противницами закрутился вихрь, хлестко бьющий по глазам и режущий холодом лица.

— Эй, хватит! Кошки драные!!!

Эльфийские дивы наконец соизволили отвлечься друг от друга и обратить внимание на меня. Для Лесной произошедшее было немалым откровением.

Видимо, это и позволило сравнительно вежливо выставить высокородную гостью за дверь. Следующий хлопок обеими ладонями просто выдул ее во дворик, к подъемному мосту замка, где та и осталась ожидать, когда подадут экипаж, и размышлять над итогами своего поведения, фыркая и механически пытаясь слизнуть прилипшие к губам пряди.

Мне предстояла задача посложнее — успокоить разбушевавшуюся и расстроенную Хирру. Хорошо хоть, что двери затворились сами собой, милосердно скрыв все еще не убравшийся повод к этому расстройству. Максимально незаметно я постарался запереть вход, чтобы разборка ненароком не возобновилась. Теперь хоть кадавр ездовой, хоть его владе-

лица створки копытами лягай, не откроется. На всякий случай еще и блокировку наружного звука врубил. Если, конечно, символ отсеченного уха правильно понял. Впрочем, если и неправильно, жалеть о том не стану.

Так ей и надо, мерзавке. За сегодняшний день я должен был утратить последние крохи пиетета перед Инорожденными, если бы изначально хоть как-то им сострадал. Такие вот итоги общения. Впрочем, для коренного анарисца, столичного жителя, ничего нового в этом нет. Эльфы здесь, независимо от цвета, никогда не упустят случая показать себя во всей красе. Все в порядке вещей. Только главный вывод никак из головы не идет: получается, отношения между Днем и Ночью я представлял себе совершенно правильно. Предварительные церемонии не в счет.

Моя высокородная уже перестала методично бить об пол и стены все, что не успела разнести в куски на пару с охамевшей гостьей. Добрый знак. Если она еще прекратит повторять сквозь зубы все оскорбления и обзывательства, в изобилии вылитые на нее светлой эльфью, и все высказанные и не высказанные варианты своих ответов...

Хочешь не хочешь, придется вступать в этот бой с тенью третьим-лишним. Хотя бы для того, чтобы конфликт этот не затянулся на дюжину-другую лет, насколько я представляю себе темпы эльфийской отходчивости в приложении к Хиррину темпераменту. Для начала придется уцепиться за имеющиеся реплики, чтобы помягче в разговор войти. Нечего еще и собственными инициативами раздражать.

Самым примирительным тоном, на какой способен, я попробовал сгладить наиболее понятные из прозвучавших слов:

— Да ладно, сказала эта дура высокородная, что, хотя зоофилию молва приписывает им, светлым, она рада, что ты пусть в этом пытаешься преодолеть разделяющую вас с ней пропасть, — на что здесь обижаться? И насчет того, что ты за ней обноски подбираешь, тоже вранье. Один раз только я и ошибся с этими тряпками, прости уж...

Результат оказался не то чтобы совсем противоположен ожидаемому, но и в полной безнадежности не оставлял. Жена переключила внимание с теперь уже воображаемой собеседницы на меня, многогрешного, однако при этом хотя бы малость сбавила тон. Так, огладила парой ласковых за все хоро-

шее в своей жизни, проистекающее от замужества вообще и конкретного исполнителя роли супруга в частности.

Радуясь прогрессу, я продолжил отвлекающие маневры.

— Ты ведь тоже ей не льстила. — Самое время сбить ее вопросом. — Кстати, что такое «шаугвахль», и еще вот это — «вахсу пшуйр»?

— Тебе это знать незачем, — надулась Хирра.

Не то чтобы совсем уж незачем. Да и о смысле выражений этих я вполне себе догадываюсь. Вот только применить их у меня самого раньше за всю жизнь повода не было. Даже в отношении самой Хирры, когда она самым серьезным образом собиралась меня прикончить. Ибо моя высокородная, даже будучи Охотником, до повадок сей твари не опускалась...

Ладно. Главное, жена хоть немного успокоилась. Настолько даже, что обратила внимание на свой внешний вид. Тут потери не такие уж большие. Правда, кружевную рубашку с бриджами придется выкинуть, точнее то, что от них осталось. Жалеть-то почти совсем нечего. Что стрижку покороче сделать придется, тоже не велика беда — волосы у эльфей отрастают быстро. Едва ли не скорее, чем заживают синяки и царапины. К тому же золотистых клочьев вокруг раскидано куда больше, чем черных.

А все остальное вообще на раз отмывается.

Придя, наверное, к таким же выводам, Хирра поспешно ретировалась в направлении ближайшей купальни. Недалеко, всего полквартала посолонь, если считать на городские мерки. Вытряхнуть из гривы и смести с остальных частей тела остатки закусок она и не пыталась. Для того, чтобы мне работы по уборке поля битвы не прибавить? Нет, вряд ли. Сейчас моя супруга на такое благородство не способна.

Но сам я отскребать все вручную тоже не нанимался. Хватит на сегодня дурацкой работы, вроде открывания дверей. Если уж это простое действие так кончилось, то уборка меньше, чем Мировой Погибелью, не обойдется. Лучше активировать заклятие очищения, стандартную опцию в эльфийском замке. Все, что не внесено в опись, — на мусорный двор, все, что включено без особых примечаний по сохранению аутентичности, — обновить, остальное восстановить без изменений или вовсе лишний раз не трогать без нужды. Кажется, так должно получиться...

Хрустальный шар консоли управления подозрительно легко отозвался на прикосновения, задавшие зоны зачистки. Все никак не привыкну, что теперь мне не нужно перстней усиления. Воодушевленный этим маленьким достижением, я, особо не задумываясь, хлопнул по метке исполнения, горящей на вершине шара...

В ушах противно свистнуло, глотку сжало перепадом давления, а все, что ниже, чувствительно приложилось о закаменелый мусор. Сверху посыпались более легкие ошметки всякой дряни. При всем их удобстве, телепосыльные чары в передвижении на небольшое расстояние даже без подобных дополнений не слишком приятны. Ощущение и так ни с чем не спутаешь. Где-то далеко, в туманной выси с наветренной стороны, виднелись каменный столб основания и шпили башен внешнего контура замка. К северо-востоку, полумилей выше по склону. Вот, значит, где у нас домашнее место захоронения отходов...

Хорошо, что мусорный двор владения Стийорр не оборудован самодействующим испепелителем или еще какой-нибудь новомодной ассенизационной снастью. Да и выбраться со своей персональной свалки, похоже, будет сравнительно просто. Стенка грубой чернокаменной кладки не выше обычной городской, взберусь без труда. Только теперь чиститься придется не одной Хирре...

На будущее же стоит запомнить, что нежеланные гости у нас тоже автоматически удаляются заклятием вместе с остальной грязью. И зарегистрироваться, наконец, в качестве авторизованного пользователя на центральном посту замка во избежание таких вот ситуаций. Показать всему и всем, кто здесь хозяин. Хоть одна выгода от нештатного приключения — впредь буду знать, как от высокородной ау Риер при случае избавиться, коли нужда возникнет.

А необходимость подобная еще явно случится. Так что самое место и время подумать о будущем, чтобы в качестве результата не оказаться на свалке бесповоротно и окончательно. Эльфы упорны, и если им какая блажь в ум встряла, не отвяжутся. Сегодня была лишь репетиция грядущих неприятностей. Пристрелка, недолет-перелет. Какой файрбол у Судьбы на меня заготовлен, еще не ясно, но что-то подсказывает — этим дело не кончится...

На закате следующего дня незваная гостья заявилась снова, но уже не одна, а в составе целой делегации. Видимо, чтобы выкинули не сразу. Да еще на воздушном корабле, причалившем не к воротам, а непосредственно к донжону. Так что прием происходил уже в самой парадной зале, в виду семейного алтаря, занимавшего нишу на возвышении у алькова внутренней стены.

Высадив вереницу пришельцев на балкон, корабль отошел в сторону и завис над соседним пиком — наверное, для оказания поддержки с воздуха в случае необходимости.

Моя высокородная вышла встречать дорогих гостей, а я занял стратегическую позицию у подножия семейной святыни. Кроме жены, в светлом проеме балконных ворот отпечатались еще пять незнакомых силуэтов. Трое мужчин и две женщины. Все до единого эльфы, только ритуальные плащи колышутся в такт шагам. Ну что ж, пять эльфов и ни одного адвоката — значит, дела еще не слишком плохи.

Пятеро подходили, минуя наклонные полосы вечернего света, проявлявшего то одни, то другие их черты. Наконец все остановились напротив меня в последнем луче перед алтарем. Пришлось сделать шаг им навстречу, чтобы выйти из тени. Хирра заняла позицию за моим плечом. При нашем соотношении размеров оно и к лучшему, что место Инорожденной жены не перед мужем, а то мне пришлось бы подскакивать, желая разглядеть гостей.

Они того стоили. Кроме вчерашней завитой стервы в очередной ее цирковой ливрее, присутствовало двое мужчин в одинаково формальных костюмах со строгими портфелями — темный и светлый, равно замороженные собственным величием до неразличимости. Самомнение у эльфов, похоже, самое слабое место. Во всяком случае, что, кроме него, может сделать похожими, как близнецы — нет, как оттиски разной краской с одной печати — серокожего черноволосого Ночного Властителя и бледного золотогривого Дневного!

Пожалуй, я поторопился обрадоваться отсутствию адвокатов. Эти двое ничем не лучше. Летучие акулы Хисахского моря...

Но окончательно меня добила совсем уж несусветная парочка. Каюсь, поначалу больше внимания я обратил на девушку.

Она была крохотной по меркам своего народа — всего на полфута выше меня. С медово сверкающей копной прямых волос и удивительно смуглой, почти как кофейное зерно, кожей, в отличие от темноэльфийской, не холодного, а теплого оттенка. Под плащом — коротенькое платьице с лоскутным подолом и рукавами. И живая, как ртуть. За те секунды, которые я разглядывал ее, она успела сменить три весьма соблазнительные позы, хихикнуть и зажать губками пышный локон, упавший на лицо поверх челки.

Только после этого до меня дошло, что передо мной девчонка-подросток. Лет двухсот всего, уже вполне созревшая, хотя расти еще сотню лет будет. И озорная до неприличия. При взгляде на нее становилось понятно, откуда идут байки о проказливых эльфах. Из тех мест, где плотность Инорожденных-тинейджеров на квадратную лигу давно превысила критическую массу...

Ее спутник в свободном светлом костюме, которого я поначалу принял за еще одного Ночного, оказался даже необычнее. Кожа его была куда темнее, чем у всех присутствующих, но из-за того же теплого оттенка разительно отличалась от темного серебра Инорожденных Ночи. Волосы странного гостя сперва показались мне попросту белыми, но, как и усы, спускающиеся ниже челюсти наподобие моржовых клыков, были по-настоящему седыми!

Кроме того, этот Инорожденный сутулился. А если бы распрямился, то возвышался бы над остальными еще на фут!

Старый эльф... До сего дня я считал это словосочетание бессмысленным. Сколько же ему, если обычный срок жизни для этой расы — тысячелетия?

Видимо, этот вопрос явственно читался сзади у меня по ушам, ибо до меня донесся осторожный шепот Хирры:

— Пять тысяч лет...

Да... В голову не шло ничего умного, кроме мысли о том, что если девчонка приходится старику родственницей, то к вхождению в полный возраст вытянется до семи футов с лишним. Выше всех мужчин своей расы. Хорошо, что я этого не застану...

Надеюсь, в силу исключительно естественных причин. Потому что искать спасения от эльфьего самодурства за Последней Завесой меня может вынудить разве что эльфийское

же правосудие. Знакомство с коим, похоже, предстоит мне в самое ближайшее время. Дурные предчувствия много чего со мной проделывали, но чтобы обманули — такого еще не бывало!

Не подвели и в этот раз. Закончилась вступительно-приветственная часть, в которой по мере сил приняли участие все посетители, включая вчерашнюю гостью. Та, ничем не смущаясь, отплясала все положенные реверансы, будто и не летела вчера с лестницы с изрядно драной задницей. А что ей — стыд глаза не выест, чай, не «ведьмин студень». Как Хирра ее терпит сегодня, сутки спустя после всего, не понимаю.

Перегруппировавшись, силы вторжения выделили из своих рядов главное атакующее подразделение. В этом качестве, как и предполагалось, выступили не высокородная ау Риер и не дед с девчонкой, а двое неразличимо похожих Инорожденных в официально-серых тройках, самого сутяжного облика — даже на неискушенный взгляд. Титулование обоих, равно как и прочих незнакомцев, я пропустил, задумавшись. Быстро переглянувшись, дабы определиться с очередностью выступлений, эльфы приступили к делу. Начал темный, видимо, из уважения к Ночной принадлежности хозяев замка.

— По объявлению высокородной Леах ау Риер, ау Сниотта, уари Инерс, слушается спор о признании Джека Пойнтера по прозванию Собачий Глаз Властителем Стийорра, равно как иных владений и титулов, и ответственности поименованного за смерть прежнего обладателя владений и титулов.

Вот ради чего она вчера в замок приперлась, стукачка накрученная! Мало я ее с лестницы спустил, надо было вообще за подъемный мост закинуть!

— Мы прибыли подтвердить или опровергнуть, — подхватил инициативу ее собрат по цвету, приступая к исполнению своей партии, — притязания поименованного и дочери прежнего Властителя Стийорра.

Еще и Хирру приплели! Как бы не пришлось нам сегодня ночевать в городе. Точнее, ей в городе, а мне — хорошо, если в тюрьме. Неизвестно, какие меры приняты у эльфов по отношению к неоправданно притязавшим на владения и титулы. Не исключено, что медленное вываривание в разведенном «ведьмином студне». Или «Колесо Судьбы» — магически ква-

лифицированная казнь с разъятием на составляющие органы в соответствии со случайным выбором гадательной рулетки.

На мою удачу, перед тем как приступить к прояснению этого вопроса, высокородные сутяги представились повторно, уже в официальном своем качестве.

— В качестве Арбитра Дня свои услуги предлагает Властитель ау Риггор ау Гуотт, уарс Койг, — это светлый, стало быть.

— Властитель ау Тиорр ау Ойирр, уарс Тнарр, Арбитр Ночи, к вашим услугам, — темный.

Хотя бы в формуле знакомства День и Ночь оказались не столь схожи. Скорее, зеркально противоположны в порядке слов. И на том спасибо, а то неудобно было как-то без всех этих титулов. По-свойски слишком. Теперь же все честь по чести. Заодно и странную парочку, старика с девчонкой, прояснили, словно тем лень самим представляться заново.

— От Древнейшей Крови наблюдателем с правом вето присутствует Властитель ау Ирийорр, с сопровождающей пра-пра-пра... — перечисление поколений затянулось на дюжину секунд, — правнучкой Келлой ау Ирийорр!

Ничего себе... О том, что до разделения долгоживущей расы на День и Ночь были какие-то другие эльфы, догадаться не так уж сложно. Даже если не сдавать краткий курс истории Концерна на унтер-офицерских курсах. В конце концов, старик на пару тысячелетий старше самой Войны Сил, и считать не надо. Древнейшая Кровь, значит. Понятно. Вполне в порядке вещей. Но что эти самые Древнейшие не только еще где-то есть, но и прямо сейчас ко мне в гости пожаловали — просто в голове не укладывается!

Видно, почуяв мое замешательство, медово-кофейная многоправнучка доисторического деда хихикнула с пониманием, совсем не обидно, и тут же ободряюще улыбнулась, глядя мне прямо в глаза. Если бы не официальность момента, небось, еще подошла бы и по руке погладила, успокаивая.

Поняв это, я лишь сильнее смутился. Даже покосился с опаской на Хирру и на Древнейшего родича игривой эльфочки — не заметили ли? Моя высокородная предпочла никак не реагировать, а многопрадед усмехнулся не менее одобрительно, чем внучка, отделенная от него многими поколения-

ми. Хотя не уверен — не мастер я читать эмоции, особенно у эльфов...

Из-за расстройства чувств я едва не пропустил вопрос светлого:

— Подтверждаете ли вы, Джек Пойнтер, свое согласие с составом арбитража?

— Да, подтверждаю. — А что мне еще делать-то?

Арбитры совершенно синхронно кивнули с ясно видимым удовлетворением. Не наигрались за сколько-то сотен лет, все еще находят удовольствие в процедурах. Или на эту должность специально подбирают таких дотошных?

Следом за мной на тот же вопрос ответила Хирра, разве что с большим достоинством в силу воспитания... и возможной привычки. Ее добрачные склонности никак не исключали знакомства с правосудием. Она же и перехватила инициативу.

— Известно ли Арбитрам завещание моего отца, Владетельного ау Стийорр? — в свою очередь обратилась она с вопросом к профессионалам расследования и приговора.

— Да, оно было заверено Арбитрами Дня и Ночи наряду с иными документами дома Стийорр, — судя по всему, для них переход хода в игре был в порядке вещей и обычного течения дел не нарушал.

Добрый знак. Значит, хотя бы выслушают. Это вам не магистратские суды, где без лицензии слова не скажи. Отсидеть же семь лет на жесткой скамье юридического факультета бурсы ради получения этой важной бумажки, на мой вкус, немногим лучше, чем столько же — в городской темнице по приговору.

Моя высокородная меж тем продолжала вести контрподкоп:

— Известны ли Арбитрам обстоятельства смерти моего отца, Владетельного ау Стийорр, и сопутствующие тому события с моим и Пойнтера участием?

— Да, из отчета, предоставленного вами Арбитрам, который косвенно подтвержден данными городских служб и властей, а также жрецами храма Победивших Богов, — тут все формальности тоже оказались соблюдены.

Пришла пора для кульминационного вопроса, главного удара по судебному агрессору, летящему в атаку без помех.

— Что, в таком случае, составляет суть вашего визита?

— Испытание Венцом Доказательств.

Что, еще одна реликвия? Нет, судя по реакции присутствующих, это не особенная редкость. Стандартное магическое оборудование, вроде того же эльфийского жезла, только заточенное под судебные задачи. Впрочем, когда акулы обвинения всерьез возьмутся за дело, мне от этого легче не станет.

Не дожидаясь особого приглашения, эльфийские сутяги приступили к извлечению и настройке своего правоохранительного оборудования. Сам Венец оказался в кожаном нутре портфеля темного Арбитра. Ничего особенного — серебряный обруч пятиканального плетения с туманно-серыми активационными самоцветами по ободу в узлах передачи с внешнего потока на внутренний. Разве что муар по камням странный, крестом во тьму из света. А так вполне стандартный прибор обращения к тороидально-вихревым потокам психики. В учебке, на военцелительском отделении, похожие были. Да и в любом госпитале, вроде Сострадательного Саина, такого добра навалом. Кадаврам для отладки нужно нечто в том же роде, только погрубее и воедино не собранное. Это у естественно разумных и подразумных тварей все компактно сделано, слава Творцу...

Свободно парящий в воздухе столик-подставка для ценного оборудования, выточенный зацело из древесного капа в фут диаметром и снабженный подъемным диском наподобие миниатюрного флайбота, сыскался в портфеле у светлого. Раскрутив контрольные огоньки, столик завис на высоте где-то моей груди. Арбитрам чуть выше пупа, а многопрадеду Древнейшему так ровно по пояс.

С ним сравнивать высоту полета подставки пришлось оттого, что, настроив Венец, эльфийские сутяги предъявили результат своих усилий именно старикану. Тот особо возиться с прибором не стал, только махнул над столиком здоровенной, как корневище молодого деревца, темной лапой. От этого по самоцветам обруча с торопливой готовностью пробежали огни, желтые и фиолетовые вперемешку — цветов Даройха, темного бога-покровителя судебного преследования, хозяина одной из младших лун-близнецов. Иначе говоря, цветов лжи и правды, обвинения и оправдания.

Вот, значит, в чем будет состоять испытание! Венец без прикрас и оговорок покажет, ложь или истина в словах того, кто будет давать под ним показания. Сильная магия. И простая. Обойти ее тоже просто, но и сила изрядная потребуется.

Надо всего-то не произнести ни единого слова неправды...

Вопреки моим предположениям, сначала хранитель венца направился с ним не к своей единокровнице Хирре, а ко мне. Что ж, по тяжести вины и честь. На дочь покойного Властителя ложится лишь малая доля ответственности за произошедшее, как по правде, так и по представленной властям версии. Так что все путем, с кого надо начинают.

Уважительно склонившись, я подставил голову под обруч, сверкающий серебром и тускло поблескивающий пепельными самоцветами.

Какой холодный! Словно все правосудие разом, включая леденящий металл кандалов, решеток и пыточных инструментов. В висках закололо, короткая боль сжала череп, словно Венец решил сжаться, чтобы схватить преступника покрепче, не дожидаясь даже первого вопроса следователей, адвокатов и судей в одном лице. Но тут же все и кончилось, отпустило. Не веря себе и прислушиваясь к ощущениям, я чуть не пропустил этот самый первый вопрос:

— Джек Пойнтер, прозванный Собачьим Глазом, поклялись ли вы Низкой клятвой с присутствующей здесь Хиррой ау Стийорр, ау Хройх, уарени Фусс на трех Реликвиях?

Вот так, без калибровки, без дополнительной личностной настройки и стандартных тестов на неопределенность типа: «Перестали ли вы пить джин по утрам?» Сразу рогача за бороду ухватили. Пришлось и отвечать с ходу, как есть.

— Да, — а как же!

Желание зажмуриться в ожидании немедленной кары, пусть даже незаслуженной, оказалось очень трудно пересилить. Однако получилось. Хуже было то, что из всех присутствующих я один не мог видеть, как принял эту безусловную истину Венец Доказательств. Приходилось догадываться по опосредованной реакции.

Моя высокородная улыбнулась, и этого было достаточно. Получилось. После этого ни раздраженная гримаса светлоэльфийской дивы, ни деланое равнодушие Арбитров, ни доброжелательный нейтралитет многопрадеда с его медовой

смуглянкой ничего не добавили. Как с меня сняли обруч, я даже не заметил. Но Хирра шагнула вперед, чтобы в свою очередь принять первое из испытаний, и это вынудило вернуться к реальности.

Все то время, пока она выслушивала тот же вопрос и давала на него тот же самый ответ, я, казалось, пропустил без единого удара сердца. Лишь когда фиолетовый огонь истины наполнил все до единого самоцветы Венца, удалось перевести дух.

Я улыбнулся жене, как мог, чтобы ожидание не мучило ее слишком долго. Но Хирра была совершенно безмятежна, уверенная как в своей правоте, так и в силе отстоять ее. Ее взгляд словно делился этим со мной, наполняя той же уверенностью.

— Низкая клятва, заключающая брак между Джеком Пойнтером по прозванию Собачий Глаз и Хиррой, высокородной ау Стийорр, ау Хройх, уари Фусс на трех Реликвиях, признается и подтверждается, — четким хором вынесли свой первый вердикт Арбитры, посовещавшись лишь для виду.

Неплохое начало. Вот так бы все и шло дальше, без запинки, как шахтная вагонетка по дубовому рельсу. Арбитры пока никакого недовольства ситуацией тоже не выказывают, но им по должности беспристрастность положена. А что Леах фальшивой улыбкой щерится и щурится со злости, так это от дурного характера. Не хуже других знает, стерва светлоэльфийская, что главные разборки еще впереди, и шанс восторжествовать никуда еще не делся.

Следующий вопрос несколько удивил меня по форме:

— Что вы, супруги перед Судьбой, богами Дня, Ночи и шестью расами Детей Отца и Матери, хотите сообщить достойному суду в разъяснение обстоятельств объявленного дела?

Это даже не презумпция невиновности с поправкой об отсутствии необходимости давать показания против себя! Все слухи о снисходительности правосудия к Властителям оказались бледнее реальности. Теперь-то яснее ясного, отчего возмездие и наказание столь редко настигает Инорожденных в Анариссе, где правит их закон.

Все так, да только Венец Доказательств придавал легкомысленности эльфийского судебного расследования совершенно особый привкус, который нам с Хиррой теперь предстояло распробовать всерьез.

Чтобы лишний раз не возиться с магическим прибором, первой стала давать показания моя высокородная.

— Отец был убит в соответствии с условиями завещания. Он напал первым, зная, что противник вооружен. Согласно его воле, судебного преследования и объявления мести не воспоследовало, а его имущество, титул и обязательства перешли к убившему.

— О да! А потом ты быстренько выскочила замуж за убийцу, — встряла с ядовитым смешком Леах.

Арбитры уставились на нее с явным неодобрением. Не столько за желание уколоть подследственную, сколько с голодным недовольством льва, у которого гиена рвет из-под носа законную добычу. Но делать нечего — вопрос прозвучал и при всей своей незаконности имел смысл. Светлому Арбитру, как представителю заявительницы, пришлось волей-неволей повторить его, придав необходимую весомость.

— Низкая клятва между нами была заключена более чем за двенадцать часов до смерти отца. В момент ее совершения никто из нас не замышлял убийства! — холодно парировала Хирра.

Камни на венце остались фиолетовыми. Ни одно из ее слов не было ложью. Эльфийские сутяги с завидной синхронностью кивнули, признавая ответы моей высокородной вступившими в силу. Инорожденная Дня фыркнула, как норовистый рогач, но тоже смолчала. Древнейшие же выказывали к ходу процесса полное безразличие, выглядящее очень естественно.

Хранитель Венца освободил от серебряного обруча мою жену и подступил ко мне. Инстинктивно я опять склонил голову, хотя разница в росте позволяла темному эльфу возложить на меня магический прибор, не поднимая рук выше своих плеч. Ничуть не нагревшееся заклятое серебро вновь охолодило мне лоб и виски.

Теперь испытание предстояло мне. Дело посложнее, поскольку надо одновременно не противоречить версии моей высокородной и ни в коем случае не выдать истинного хода событий. Так что формулировочки придется подбивать почетче... Ах да, еще такая мелочь — каждое слово должно быть правдой.

— Властитель Стийорр напал на меня первым. До его смерти и более чем сутки спустя я не знал о его завещании.

В момент совершения Низкой клятвы я не замышлял убить отца соклянавшейся со мной.

Цвета камней я не видел, но, судя по досадливо вытянувшейся физиономии завитой стервы и легкой улыбке Хирры, они остались такими же фиолетовыми. Желтизна лжи таилась совсем не в сказанных словах.

— А-а... — замялась в поисках вопроса светлоэльфийская дива.

То, что она не принимала меня всерьез, сыграло с ней дурную шутку. Заготовок против меня у эльфи не имелось. Равно как и терпения у Арбитров, которых она один раз уже вынудила пойти у нее на поводу.

— Достаточно, — в один голос прервали они Инорожденную Дня. — Обстоятельства прояснены. Больше вопросов нет.

Сестра Победивших Богов умолкла на полузвуке, словно заткнутая пробкой альтийская шипучка. Только печатей на губах, как на горлышке бутыли, не хватало. Однако печати ждать себя не заставили, правда, явившись на свет в несколько иных целях.

Венец с меня снимал все тот же темный. Светлый в этот момент раскатывал извлеченный из футляра свиток с увесистыми сургучными дисками казенных клейм. Оба они приложили ладони к пергаменту, оставляя выжженные значки. Затем свиток сцапал многопрадед, смачно хлопнув по нему огромной лапой. Дедовой внучке и Леах не предложили. Хирра аж дымок из-под ладони пустила. Настала моя очередь.

К этому моменту я уже почти уговорил себя, что не случится ничего страшного, если у меня не выйдет этот эльфийский фокус. Поставлю подпись, как умею. Но под моей ладонью полыхнуло так же, как и под рукой моей высокородной, а дыма даже побольше вышло. Видимо, это было свойство пергамента, а не руки. Или Меч Повторной Жизни изменил меня еще сильнее, чем уже обнаружилось...

Свиток скатали, и темный Арбитр возгласил:

— Сим вы, Джек Пойнтер по прозванию Собачий Глаз, признаетесь Владетельным ау Стийорр, ау Хройх, уарсом Фусс... — тут он замялся.

— На трех Реликвиях! — неожиданно твердо закончил за него эльфийский дед.

Светлый Арбитр с поклоном, особо низким из-за полуторафутовой разницы в росте, подал мне документ. Хирра тут же приняла его у меня и поместила на верхнюю полочку семейного алтаря. Она хоть знала, что делать со всем этим.

— Сказанное более не может быть оспорено, — меж тем продолжил темный Арбитр. Наверное, специально для завитой стервы, которая с досады пошла алыми пятнами и явственно зашипела. Сами судейские были настолько холодны, насколько это возможно, а дедовой внучке взрослые игры были абсолютно по фигу. Наиболее доброжелательно на меня смотрел сам дед. Вне зависимости от того, списать ли это на маразм или на знание прецедентов...

Но это было еще не все в разделе торжественной части. Светлый Арбитр перехватил инициативу:

— И сим вы также признаетесь со всеми вольностями и правами, долгом и обязанностями, одним из нас... — Тут эльф опять замялся, но на этот раз деду не пришлось его поправлять. — Инорожденным в Мече!

Несмотря на всю торжественность, я все же рефлекторно дернулся.

В некоторых районах славного города Анарисса мужчина, которого публично назовут «эльфом», обязан незамедлительно раскроить минимум три черепа вокруг себя, не вникая в степень виновности подвернувшихся. Тот, кто пренебрегает подобной условностью, рискует весьма быстро очутиться в борделе на любителя, под заклятием, которое сделает его оч-чень симпатичным. И сговорчивым.

Здесь, разумеется, другое дело. Инорожденный в Мече... Ладно уж, пускай, если им так легче. Хоть кадавром зовите, только в бой не гоните. А такое ощущение, что именно это дорогие гости и намерены сделать...

Дурные предчувствия — такая вещь, которая еще никогда меня не обманывала. Не в первый раз за сегодня об этом вспоминаю. Вот и здесь все пошло по накатанной колее, без траты лишнего времени на переход от торжественной части к деловой. Приняв достаточно удрученный для своей цели вид, светлоэльфийский арбитр посетовал:

— Как с равным, мы вынуждены обсудить с вами финансовые и организационные затруднения, возникшие у структуры, к которой мы все имеем честь принадлежать.

Надеюсь, это не завуалированная попытка поставить меня на бабки. Или на общак. Что хуже, не знаю, но летальным исходом чревато примерно в равной степени. Дальнейшее, впрочем, в некоторой степени разъяснило ситуацию.

— Собственность Концерна Тринадцати в одном из пограничных районов подверглась опасности. Доходы от поставок биомагического сырья и исполнения контракта по обустройству приграничной полосы не достигают планового уровня. Индекс Фею-Джойнта по всей провинции падает!

— Могу лишь выразить сожаление, — до меня еще не дошло. — Но как эти безусловно важные показатели связаны с моими скромными возможностями?

— Необходима инспекция. Объединенная, от акционеров-Инорожденных как Дня, так и Ночи. Исполнение вашего общественного долга вполне может начаться с участия в данном мероприятии, — тоном заботливого учителя, поправляющего отличника, запнувшегося на экзаменах перед попечителем школы, объяснил темный Арбитр.

— Разумеется, вы вправе отказаться. Тогда мы подыщем другое занятие, не столь почетное и обременительное... — встрял светлый.

Ну-ну. Знакомое предложение. Напоминает обычную капральскую уловку: «А кто тут не хочет батат чистить? Тех нужники ждут не дождутся!» Так вот, не дождутся. Ни за что не дождутся хлыщи высокородные, чтобы Пойнтер поддался на такую простую подначку.

— Разумеется, почту за честь возложить на себя столь важную миссию. — Тут мне в голову пришло еще кое-что. — Позволено ли мне будет узнать, кто разделит ее со мной?

Вопрос не застал высокородных судейских врасплох. Обычная эльфийская непробиваемость сочеталась здесь с изрядным профессионализмом. Так что, похоже, ответ у них был заготовлен уже давно.

— От Инорожденных Дня целесообразно будет направить высокородную Леах. Как развившую исключительную общественную активность. — Может быть, мне в очередной раз показалось, но в голосе темного Арбитра прозвучала довольно издевательская нотка.

— Согласен. Высокородной ау Риер давно пора проявить в деле свои выдающиеся задатки, — неожиданно присоеди-

нился светлый арбитр. С не меньшим, на мой взгляд, ехидством.

Ага. В переводе на общедоступный это означает: «Доносчику — первый прут». Или Лесная и до меня надоела тут всем хуже скипидарной вони, и немало пострадавших обрадуется поводу сбыть ее подальше?

Арбитры еще немного посовещались между собой, и темный изрек:

— Полагаем, что полутора суток на сборы вполне хватит. Инспекция срочная, ехать придется верхами, лишнего и слуг с собой не брать.

При последних словах общественно активную светлую эльфь перекосило, как фальшивого паралитика на паперти храма Победивших Богов. Похоже, я перестал быть основной мишенью. Во всяком случае, этот удар точно направлен именно на нее.

— Так что отбытие от ворот Забвения послезавтра в полдень, — это они едва ли не хором выдали.

А вот тут рикошетом зацепило и меня. «Кто от Забвения Ворот в Мекан, в поход уйдет, тот будет бит, убит, забыт, тот точно пропадет...» Ворота Забвения памятны всем, кому пришлось побывать в топях Мекана и на равнинах Тесайра. Болотные умруны, эпиорнисовая кавалерия Мага-Императора Теса Вечного. И боевые кадавры, клятая пропасть боевых кадавров, вполне исправных и сломанных напрочь, с заклятиями-ловушками, спрятанными под броней отступающим противником...

Одна из этих ловушек стоила мне моих прежних глаз и дала намертво приклеившуюся кличку, вошедшую ныне в официальное титулование Ночного Властителя.

С тех пор я не то чтобы стал намного осторожнее, но научился хоть немного думать о последствиях. И сейчас самое время сделать кое-что, дабы малость обезопасить жену на время своего отбытия. Особенно если учесть изрядные шансы не вернуться из поездки. Мекан так просто не отпускает, неважно, война или мир на дворе. А Низкая клятва собственность супругов не объединяет. Она — лишь договор о взаимном непричинении вреда...

— Прежде чем неотложные дела заставят меня покинуть владение Стийорр, я хочу совершить Высокую клятву со сво-

ей женой, высокородной Хиррой! — Кроме слов согласия, от меня теперь мало что ожидали, и оттого сказанное застало всех врасплох.

Кроме самой моей супруги, конечно. Она уже привыкла за недолгие месяцы замужества к полной непредсказуемости моих вывертов. Не говоря уже о событиях, которые привели к этому браку...

Да и что делать в столь торжественных случаях, моя высокородная знала лучше. Вот и сейчас невозмутимо, будто заранее отрепетировав, она направилась к алькову за алтарем и распахнула в нем створки окна, выходящего во внутренний дворик. Четырехчасовая ветвь Семейного Древа как раз была на подходе. Точнее, внутренний контур замка, поворачиваясь сообразно времени дня, подвел алтарный выступ к ветви окаменевшей секвойи, что высилась в центре внутреннего дворика.

У светлых эльфов в замках стоят живые деревья, у темных — такие вот, превращенные в камень. И у тех, и у других они богато украшены драгоценностями, искусно покрыты резными или тисненными по живой древесине узорами. Собственно, Семейное Древо — главная родовая реликвия. Алтарь лишь опосредует обращение к ней, содержа в себе землю из-под корней и заключенный в хрустальную сферу черенок.

Лучшей реликвии для столь важного соклятия не отыскать. Конечно, есть еще храмовая семерка, да кто ж меня теперь к ней подпустит!

Не знаю, что на меня нашло, но во всеуслышанье прозвучало:

— Клятва будет совершена на Семейном Древе. Если, конечно, у присутствующих не найдется при себе более сильных артефактов, способствующих соклятию.

— Найдется, найдется, — закопошился дед, опуская огромную кисть в немалую же поясную сумку. — У меня в хозяйстве завсегда пара полезных камушков отыщется.

Он сделал шаг вперед, раскрыл ладонь над передней полкой алтаря и отступил назад. На гладкой поверхности остались два асимметричных угольно-черных камня размером с индюшачье яйцо, граненых и являющихся зеркальной копией друг друга.

Я оглянулся, пытаясь по лицам понять, что это — безобидная шутка выжившего из ума старика или нечто худшее?

На лицах этих застыл священный ужас. Даже Хирра полуоткрыла рот от обалдения. Все присутствующие, кроме меня, уставились на каменные груши со смесью обожания и страха.

— Зерна Истины! — казалось, это был общий выдох.

Все они — Ночные, Дневные, Древнейшие, вне зависимости от цвета или его отсутствия — опознали непонятный магический артефакт с первого взгляда. Что, эти штуковины посильнее Семи Реликвий будут?

Ответ не заставил себя ждать.

— Восьмая Реликвия! Не запятнанная Войной Сил! Единственная, не павшая во власть людей! — казалось, Леах сейчас взорвется, но бешенство ее мгновенно перекипело в полное бессилие. — Этому...

Вот, значит, как. Судьба своего не упустит, что загадаешь, тем и отметит. Лишь бы справиться с ее подарочком. Теперь общее остолбенение перешло на меня, прочие же стали потихоньку от него освобождаться. Первой, к чести нашей семьи, отошла от шока Хирра.

Моя высокородная решительно протянула руку над алтарем. Делать нечего, оставалось только повторить то же самое, как и при первом соклятии. Но теперь текст давно уже втайне затверженной клятвы вел я.

— Се Высокая клятва!

— Высокая клятва... — отозвалась жена.

Радужно-переливчатое свечение окутало Восьмую Реликвию и наши руки над ней. Мерцающей струйкой оно потянулось к хрусталю, укрывающему черный черенок с металлизированными платиной листочками, перекинулось на вплывшую в окно ветвь Семейного Древа, обтянув ее, а затем и весь ствол муаровыми узорами света.

Следующие слова шли уже не так легко.

— Даю зарок во всем и всегда делить судьбу и владение соклянающейся со мной.

— Со мной... — затихли эхом слова моей высокородной.

— Если же содею иное, не опуститься мне выше неба и не знать ни жизни, ни смерти! — Включенное в текст проклятие нарушителю было столь же малопонятно и угрожающе, как и в прошлый раз.

Все время, пока мы произносили слова клятвы, камни на алтаре ярче и ярче наливались изнутри радужным сиянием,

и теперь оно прорвалось вовне, разбегаясь неровными волнами по залу, плещась о стены и выхлестываясь в окна. Радужные блики скользили по лицам, неожиданно меняя их выражения. Старика они на мгновение сделали молодым, завитую стерву — по-настоящему симпатичной, но тут же и страшной, как чудовище. Одинаковые Арбитры на мимолетный миг стали неимоверно разными, а лицо Хирры отозвалось неожиданной теплотой и мягкостью. Дедова внучка, напротив, на долю секунды стала такой же грозной, как моя высокородная в худшие времена. Но не злой.

Интересно, что увидели они на моей физиономии?

Как и в случае с Низкой клятвой, дело закончилось светящимися браслетами из искр на наших с Хиррой руках. Может быть, мне померещилось, но пара искорок сверкнула также у дедушки с внучкой.

Впрочем, после фокуса Древнейшего с Зернами Истины я уже ничему удивляться не стал. Похоже, этот эльфийский род посильней всех остальных Инорожденных будет, что Дневных, что Ночных, вместе взятых. Раз то, что остальные только вплотную сделать могут, эти двое на расстоянии берут без скидки на пол и возраст — что старый, что малая.

Осознав сие, я перетрусил уже всерьез. Получается, что парочке Древнейшей Крови наши обходные маневры на испытании были как на ладони видны. Отчего же они смолчали? Из непонятной благотворительности, что ли? Или Древнейшие с иными эльфами в таких контрах, что Дню с Ночью и не снились? По крайней мере, нынешним Дню и Ночи...

Одни вопросы! Внучка еще туда-сюда, по молодости лет могла и не словить. А вот на ее многопрадеда я уставился в полной оторопи с изрядной примесью опаски. Не стараясь уже, чтобы не заметил, — куда тут спрячешься!

Тот не преминул усилить произведенное впечатление. Со свойственной ему манерой шутливого добродушия эльфийский дедушка осчастливил меня, а заодно и всех прочих, довольно невразумительным заявлением, которое лишь началось как обычное подбадривание.

— Не тушуйся, малый! Лет через полтораста я буду Келлу, — тут он звонко хлопнул медовую смуглянку по круглой попке, — пристраивать младшей женой в хорошую семью. Вот тогда попотеешь. В старшие-то она не годится, легка слишком...

Присутствующие скривились, как от несмешной шутки. Оглянувшись, я обнаружил на лице Хирры весьма странное выражение. Сам же я так и стоял дурак дураком. При всем желании списать услышанное на маразм мне показалось, что старик говорил очень серьезно...

На этой странной ноте вся церемония, прием и прочие мероприятия как-то скомкались и стремительно покатились к завершению. Дедова внучка упорхнула едва ли не раньше всех. Ускакала на одной ножке по пятнам света, падающим из частых переплетов высоких окон, словно городская девчонка по квадратам классиков, расчерченным в уличной пыли, одним махом взлетела на шканцы флайбота и лишь оттуда послала воздушный поцелуй на прощанье. И теперь уже не почудилось — горячим воздухом в щеку меня толкнуло вполне отчетливо.

Многопрадед деловито-запросто сгреб с нашего семейного алтаря в поясную сумку последнюю из Реликвий, оставшуюся во власти эльфов, махнул рукой на прощание и пошел себе. Арбитры торопливо, как игрушечные болванчики, откланялись, пятясь к выходу и незаметно озираясь. Кажется, оба никак не могли решить, к чему и к кому здесь не стоит поворачиваться спиной...

Вконец подавленную Леах, похоже, теперь надо было попросту кантовать к выходу. Как бочку, ногами катить без малейшего ущерба. Что-то подобное Арбитры с ней и проделали, правда, со свойственными Инорожденным изяществом и предупредительностью, сообразив, что самостоятельно покинуть замок высокородная ау Риер не сможет при всем желании.

Когда воздушный корабль отчалил от балкона, я повернулся к Хирре и неожиданно для самого себя спросил:

— Что этот дед имел в виду, когда говорил о замужестве своей многоправнучки?

— Ничего страшного, не обращай внимания. Он не всерьез, — задумчиво и как-то невпопад, хотя совершенно в тему, ответила первая и единственная пока супруга.

— Да нет, это я насчет старших и младших жен, — произвел я поправку на ветер. — У эльфов что, полигамия?

— Многобрачие. Сколько Низких клятв между разнополыми партнерами, столько и сторон в браке. Старшинство по

времени соклятия. — До моей высокородной дошла суть вопроса, и она торопливо утолила неуместную любознательность мужа и господина.

— И сколько же максимально? — Меня уже заклинило, любопытство не давало остановить расспросы.

— Раньше до двухсот пятидесяти шести доходило. Но это давно было, еще при Хтангской династии, — так же торопливо-походя, думая о своем, проинформировала жена. — Сейчас больше дюжины редко случается.

Дюжина, значит. Таких вот, как моя высокородная. Еще какая-нибудь светлая эльфь. Или, упаси Судьба, Древнейшая — дедова внучка. Этого Собачьему Глазу Пойнтеру, теперь уже хотя бы и на трех, нет, четырех реликвиях темноэльфийскому уарсу, хватит по самое «не могу»!

Опять почудилось, что при этой мысли вдруг шевельнулся на щеке горячий отпечаток губ медовой смуглянки. Словно охотничья метка, клеймо будущей добычи. Ну уж нет, хватит с меня! Обойдусь без дальнейших дурных предчувствий. В свете последних откровений больше ничего нового узнавать о себе, многогрешном, да и об Инорожденных в целом как-то уже не хотелось.

Будь они хоть Дня, хоть Ночи, хоть самой что ни на есть Древнейшей крови!

2
Собаки запасная нога

...Скоро, скоро он узнает, где чужие, где свои.
Он не отбрасывает тени,
Он идет, как лед, через ручьи,
Он не нашел себе другую, он влюбился в ведьму
И ушел на дно, камнем на дно,
Он вылетел за ней в трубу
И крикнул ей: «Моя любовь!»...

Чтобы я еще когда-нибудь куда-нибудь поехал с эльфийской дивой высоких кровей... Разумеется, кроме моей высокородной. Она хотя бы не будет все три дня пути повторять одну и ту же несмешную шутку.

Ну вот, снова эта завитая стерва вылетела на своем рогаче вперед, задорно оглядываясь: «Попробуй догони!» Словно мне делать больше нечего, кроме как всю дорогу до меканского Та-Ханха за ней гоняться. То ли она этого не понимает, то ли не хочет понять — до сих пор не уразумею.

Нахлестывая рогача стеком, с развевающимися зелеными рукавами и гривой, которая теперь сделалась огненно-медной, Лесная Леди скрылась за поворотом. Никак не привыкну к ее новому обличью. Первый шок высокородная ау Риер обеспечила еще до отбытия, прямо у ворот Забвения, скинув капюшон изумрудного плаща. Не знаю, сколько она извела «ведьминого меда», но результат был потрясающий.

— Тебе же нравятся девки-дешевки? — мурлыкнула она, накручивая на палец прядку, сверкающую полированной медью. — Рыжие-бесстыжие...

Тут Лесная дала маху. И насчет цены, и насчет цвета. Рыжий, наряду с пепельным, я всегда считал одним из самых благородных. А дешевкой вообще надо родиться. Ей это вполне удалось, тут и стараться нечего. Да и кого она вообще имела в виду? Моя Хирра от рождения темноволоса, как почти всякая Сестра Ночи...

Неужто дедову внучку?! Это уже просто смешно. Оттого, правда, не менее противно. По крайней мере, в исполнении светлоэльфийской стервы.

Дожидаться, пока я приду в себя после столь многообещающего аванса, Леах не стала — рванула с места в карьер, проскочив под длинной, как туннель, аркой ворот Забвения, будто за ней демоны гнались. Только искры полетели из-под копыт рогача, нахлестываемого стеком, отчетливо мерцая в послеполуденной четкой тени ворот.

Волей-неволей пришлось отправляться следом, смазав всю торжественность момента. Полутьма ворот накрыла меня пологом забвения лишь на несколько долгих секунд, чтобы очень скоро выпустить вновь. Но настроение испортилось уже необратимо. Все дурные предчувствия зашевелились в своих норах, где задремали в последние полгода счастливого брака. Лесная на этот счет оказалась исключительным в своем роде талантом.

Некстати вспомнились слова покойного, моими стараниями, тестя. Насчет того, что у эльфов сумасшествие — нечто

вроде насморка. Он был крупным специалистом в этом вопросе. Не по своей, правда, воле...

Ну так лечиться нужно!!!

И если б это был единственный закидон Инорожденной! Особенно умиляло в прямолинейной, как таран, светлой эльфи стремление выглядеть загадочной. Ее симвотип невооруженным глазом виден — Осе-Плог. По «Школе клинков» он именуется «Двуручник» или «Кабаний меч» — из-за тяжеловесного, прямого напора обладателей данного симвотипа. От таких можно только увернуться, отразить их не получится. А остановить можно, лишь раз за разом подсовывая под удар все более массивные и твердые препятствия, пока «Двуручник» не отупеет окончательно и не опустится без сил.

Хотя очень может быть, что она «Фламберг», то есть Осе-Пэт. Большой разницы с первого взгляда не видно. Первый аспект симвотипа, Камень, у нее настолько силен, что какая за ним идет рабочая функция, не вдруг и разберешь. Тем более что по самой сути высокородной функция эта у нее никак не рабочая, а скорее саботажная. В крайнем случае — провокационная.

Сам-то я — Олог-Пинт. Или если через «клинки» — «Топор». Мастер рубить сплеча, если не перебьют топорище. Так что надо быть поосторожнее...

И не мне одному. При разгильдяйстве такого калибра даже хваленое эльфийское везение не поможет выбраться из Мекана целой и невредимой. Правда, пока что всерьез беспокоиться рановато. Ничего с ней не случится, тракт еще безопасный, кое-где даже мощенный. В тех местах, где до человеческого жилья далеко, а потому воровать камни невыгодно.

Обычно все заскоки высокородной кончаются ничем. Через пол-лиги высокородная Леах ау Риер обнаруживается на обочине, сидя в тени какого-нибудь дерева с поводом рогача в руке. Хоть бы попастись его отпускала, что ли...

Ничего, покуда эльфь в самовольной отлучке, можно вспомнить хоть о чем-то приятном во всей этой истории. Про спешную, но оттого не менее увлекательную подготовку ко второй моей экспедиции в Мекан, на сей раз, в отличие от прошлого, хотя бы номинально добровольной.

С моей высокородной, к примеру, толком попрощаться не пришлось, словно после Высокой клятвы все уже было решено и прощено друг другу перед дальней дорогой. На ула-

живание впрок дел телесных у нас осталась целая ночь. Но о ней пока что рано вспоминать. Я еще и не отошел-то окончательно от этой ночки...

Зато в светлое время суток пришлось проявить активность иного рода. Полтора дня судорожной спешки малость искупало лишь одно — возможность прошвырнуться по оружейно-охотничьим лавкам в поисках необходимого в пути и на месте снаряжения. Конечно, на заказ все доставили бы быстрей, да и ноги лишний раз бить не надо перед дальней дорогой. Хирра так и советовала, но я отказался.

Не доверяю я этой их эльфьей торговле по каталогам. Мне дай вещь своими руками пощупать, прежде чем денежки за нее отсчитаю. Своим ли потом или чужой кровью добытые — неважно...

Заодно и обсудить с ценителями-профессионалами, хозяевами лавок, последние новинки — удовольствие немалое. Особенно если учесть, что одним из оружейных торговцев, с денег, перепавших ему за нашу акцию против Охотничьего Клуба, заделался Костлявый Патерсон. Чтобы самолично отслеживать потоки снабжения профессиональных стрелков потребным им оборудованием, так, что ли?

Как оказалось, не в последнюю очередь и из подобных соображений. Вволю почесали языки, едва ли не во вред делу. У него в результате я и затарился, перебрав все варианты амуниции и оружия.

Эльфийские шестиствольники для моей руки слишком тяжелы, а полицейские штурмовые блок-флейты на дюжину стрел довольно неудобны. О гоблинских и огрских машинках и задумываться смешно. Поэтому я сделал то, о чем давно мечтал, но только теперь смог себе позволить — взял пару восьмиствольных офицерских стрелометов. Четыре длинных верхних трубки — под болты, четыре нижних, покороче — под пучки надсеченных игл. С тройным боезапасом, наборами запасных пружин и инструментами.

Ну и в придачу, чтобы не нарушать общий стиль, прихватил офицерский штурмовой комплект для влажных джунглей. Попрочнее и поудобнее привычного мне солдатского, но, в принципе, такой же. Сетчатый жилет, обшитый тесьмой по краям и несущими ремнями на местах крепления остальной сбруи. Комбинезон до подмышек на широких лямках, стачан-

ный зацело с высокими сапогами, со всеми карманами выше пояса. И несколько наборов трикотажных футболок и свитеров с кожаными наплечниками, налокотниками и манжетами. Форменная треуголка мне ни к чему, привык к обычной полусетчатой бандане.

Да, и еще — абордажный тесак речных саперов. Жуткая зазубренная штука в локоть длиной, с лезвием, загнувшимся вниз хищным клювом.

Дальнобойный арбалет с оптикой мне подбирала в домашнем арсенале Хирра, она в них лучше разбирается. Не торцовый метатель, вроде тайрисской модели, а поперечный, на старинный лад, с тетивным луком вместо продольной метательной пластины...

Всплывать к реальности из глубины приятных мыслей не хотелось, но было пора, как оказалось. Недолгий отдых от общества высокородной завершился слишком быстро. На сей раз ситуация разнообразием не отличалась. Пол-лиги спустя Леах традиционно обнаружилась на обочине, причем в весьма живописной позе. Вольготно так разлеглась. Да и что не расслабиться на мягком-то и даже пушистом?

Вот только для отдохновения непутевая эльфь выбрала ловчую листовую подушку меканской меховянки, здоровенную, как одеяло, и вдобавок с виду уютную, словно махровое полотенце. Не чаял увидать сие исчадие растительного царства раньше, чем через полсотни миль, а вот же, смотри-ка, куда забралось. Не иначе как специально ради высокородной ау Риер. Ей в науку и назидание, мне на удачу.

Особой опасности для без малого семифутовой эльфийской дивы плотоядное растение не представляло. Как-никак, ни на суслика, ни на мелкого крылана она не похожа, да и вообще будет раз в десять покрупнее основной добычи меховянки. Надо сказать, что растительного хищника прозвали этим словом не за собственную пушистость, а за то, что диету его составляют существа, обладающие мехом, пухом или хотя бы перьями. Не любит меховянка отчего-то лягушек с жабами, змей, ящериц и прочих мелких дракончиков, хотя среди вышеперечисленных попадаются весьма упитанные особи. И вовсе не обязательно ядовитые.

Впрочем, какое мне дело до кулинарных вкусов плотоядного растения? Важнее то, что ловит оно свою мохнатую до-

бычу на крохотные крючочки, усеивающие длинный и прочный ворс листа. И отцепиться от них почти невозможно — известно, что полоски вываренной меховянки используют в качестве весьма прочной застежки. Так что светлой эльфи теперь предстоит немало потрудиться, чтобы освободить волосы и одежду. С весьма неочевидным итогом трудов.

Может быть, хоть это послужит ей уроком...

Предчувствуя долгую возню, я спрыгнул с гекопарда, закинул повод на ветку вполне безопасного деревца и присел на корточки напротив высокородной, выбрав местечко с обзором получше. А то меховянка, как любой растительный живоед из Мекана, при неудачном исходе охоты вполне способна удрать, перебирая мясистыми побегами, словно щупальцами — вроде речной каракатицы. Хотя у нее там не мускулы, как у моллюска, а водяные и воздушные пузыри под давлением упругих волокон. Надолго не хватит, но если тварь оторвется от погони и сумеет куда-то забиться, возни с освобождением ее добычи будет едва ли не вчетверо больше...

— Что, долго собрался рассиживаться? — тут же взвилась эльфь, словно не сама только что устроила незапланированный привал.

— Не дольше тебя. — Мне стоило немалых усилий не выпустить наружу ехидную усмешку. Можно подумать, это зависит исключительно от меня!

— Так в чем тогда дело? — Леах попыталась привстать.

Не тут-то было. Ворс держал крепко, и тяжелый полог листа потянулся за ней следом, сковывая движения. К чести светлоэльфийской дивы, о том, что дела пошли не так, она догадалась практически сразу же. Повертела еще головой, пытаясь разглядеть, что ее держит, но только окончательно рассыпала гриву по цепкому листу. Ловчий ворс тут же прихватил крутые завитки, с силой запрокинув непутевую башку Леах. После этого высокородная уже целеустремленно принялась выдираться из объятий хищного растения.

Меховянка почуяла дрыганье и, подчиняясь охотничьему инстинкту, поначалу попыталась скататься в рулон. Но не тут-то было: здоровенная эльфь складываться вчетверо не пожелала. У нее шарниры не в том месте оказались, то есть суставы. Прямым напором такую добычу не утихомиришь. Наоборот, трепыхание Инорожденной усилилось на порядок.

В ответ мохнатое серое одеяло растения тоже заколыхалось с удвоенной интенсивностью. Сплошная эскалация конфликта — если не налицо, так на все остальные части тела. Особенно на ту, на которую высокородная ау Риер оказалась мастерицей сыскать себе приключений.

Правда, в результате столкновение интересов охотника и его потенциального трофея зашло в окончательный тупик. Причем одна из сторон, что похвально, все-таки оказалась способна осознать безвыходность своего положения. Это я не о меховянке, к сожалению, а о Леах.

— Так и будешь глазеть?! — сквозь зубы прошипела она, извиваясь почем зря.

— Не я же сюда по своей воле влез, — рассудительно, как показалось, ответил я.

— Оно меня уже жрет! — не слышала доводов разума светлоэльфийская дива.

— Ну не то чтобы совсем жрет, — приподнимаясь, пробормотал я. — Так, покусывает чуть-чуть...

Ситуация уже действительно требовала вмешательства. Пара минут сокрушительной возни позволила высокородной почти полностью завернуться в ловчий лист. Только нос наружу торчал да пара медненых прядок отсвечивала. Немалый талант на такое потребен. Этак, чего доброго, меховянка на полном серьезе примется ее переваривать, не помышляя о бегстве.

Обойдя исполинский, вяло шевелящийся кулек, я примерился к черенку ловчего листа толщиной в ногу человека и потянул из ножен саперный тесак. Теперь рассечь бы зловредную кочерыжку с одного удара хоть наполовину. А то, даже будучи ранен, растительный хищник задаст работы надолго...

Видно, своей медлительностью и самоуверенностью я все сглазил. Или до меховянки с запозданием дошло-таки, что эта добыча ей не по крючкам. С резкими щелчками лопающихся от натуги пузырьков растительный хищник стартовал, споро унося зеленую плоть от расправы. Первый же прыжок с ходу забросил его на крону ближнего вяза, а далее по сплетению ветвей повлекли инерция и тяжесть, удвоенная весом трепыхучей эльфи.

Демонясь, я запрыгнул обратно на Шипучего. Рогач Леах

забился на привязи, мешая сразу отправиться следом за похитителем своей хозяйки. Вот же не вовремя!

Острые концы рогов мелькнули в опасной близости от брюха прыгнувшего гекопарда. Никакой скакун, кроме этого, на вертикальный обход препятствия не способен. Да и на погоню по кронам деревьев тоже. За что и ценю...

Колыхание ветвей в трех десятках ярдов впереди указало на нынешнее местонахождение высокородной. Меховянка пока держала темп, Шипучий слишком медленно сокращал расстояние между нами. К тому же лес постепенно сменялся джунглями, длинным языком вклинившимися в более-менее привычную для здешних мест природу. Лианы оплетали вперемешку местные и меканские деревья, кое-где уже и пальмы просвечивали.

Значит, вот откуда здесь растительный хищник! Иногда Мекан забрасывает свои ползучие побеги в глубь иных ландшафтов, пробуя соседей на слабину — полдюжины лиг зарастает экзотической зеленью и наполняется неудержимо буйствующей живностью болот, богатых на дикую магию. Но чтобы на полсотни миль — такого еще не бывало!

Похоже, на тесайрском рубеже случился действительно нехилый непорядок, если даже здесь джунгли такую силу взяли. Меховянка целеустремленно перла в глубь этого растительного прорыва, словно надеясь на помощь зеленой родни. И не без основания, надо сказать. Продираться сквозь путаницу ветвей, лиан и перистых опахал тропической листвы становилось все труднее. Хорошо хоть от серьезных меканских ловушек на пути Судьба пока миловала.

Впрочем, откуда бы им тут взяться — грунт не тот, стойкий, опять же холодновато еще малость для по-настоящему опасных исчадий болот. Под пологом джунглей от напора жизни и ее распада всегда теплее градусов на пяток, чем хоть на лигу в сторону. Словно весь Мекан целиком — огромная живая тварь со своим странным метаболизмом. Кто в него ни сунься, переварит или врастит в себя, перекроив на свой лад. Даже мы, солдаты, всю войну просидевшие за периметром укрепленных лагерей, хорошо знаем это.

Будем надеяться, что ни первый, ни второй исход контакта с местной Жизнью высокородной пока не грозит. Тем более что меховянка, похоже, притомилась и сбавила темп. За-

пас воздуха и жидкости в ходовых карманах иссяк, напор нагнетающих волокон ослаб. Еще немного, и можно будет голыми руками брать. Хотя тесаком оно все же способнее...

Почуяв близкий упадок сил, растительный хищник вяло попытался забиться в сплетение корней бродячего мангра, но, получив рефлекторный пинок от последнего, откатился прямо под ноги спрыгнувшему на землю гекопарду. Не ожидая дальнейших сюрпризов, я спешился и вытащил клинок из ножен.

Впрочем, сдаваться без боя и делиться добычей меховянка не собиралась. Будь моя воля, с радостью оставил бы Лесную ей на прокорм, но нельзя. Придется невинной болотной твари поплатиться нынешней жизнью за эльфийскую безалаберность. Потом-то, почитай, из каждого второго куска новое растение выйдет, но карьера данного конкретного растительного хищника в его нынешнем виде сейчас закончится.

Обойдя грозно выставленные корневые псевдоподии, я примерился к основанию ловчего листа. На попытку вновь развернуть в мою сторону шипастые побеги у меховянки запалу уже не хватило. Весь дух вон вышел, причем на редкость неприятный. Одно название, что воздух, а так газы растительно-желудочные. Такие вот цветочки-былиночки в Мекане произрастают, с соответствующим запашком!

Наконец, пробившись сквозь все еще подергивающиеся щупальца, я с маху перерубил плоть растения. Из культи вяло закапал едко-зеленый пищеварительный сок. Вовремя, стало быть. А то бы меховянка насладилась-таки уникальным обедом. Впрочем, от светлоэльфийской стервы у нее если не изжога, так несварение могло содеяться. И нестояние тычинок с пестиками, или что там у растений за размножение отвечает, в качестве специального приза...

В общем, я одним махом избавил растительного хищника от всех вышеназванных проблем. Отсек согрешивший член, прямо и по-жречески решительно. Милосердие, стало быть, проявил заодно с твердостью духа. Есть повод гордиться собой.

Мне бы кто так помог. И желательно без членовредительства...

Во всяком случае, Судьба не спешила с дарами и послаблениями. Пришлось мне самому потратить немало сил на из-

бавление высокородной ау Риер от последствий ее необдуманного пикника. Причем большая часть времени была убита не на само раскраивание мясисто-ворсистого листа меховянки, а на обеспечение необходимой для этого неподвижности взбалмошной эльфи. К словам в своем истерическом помрачении она, похоже, не особо прислушивалась — на полминуты замирала, но затем в самый неожиданный момент начинала барахтаться вновь. Демонясь, я едва успевал отдергивать тесак от ее собственной плоти.

Дать бы Лесной по башке рукоятью, живо успокоится. Но нельзя, увы. И так едва сдерживаюсь. Хорошо, Судьба пока что миловала Леах от порезов. Однако о целости своего костюмчика светлоэльфийская дуреха может отныне только сожалеть, равно как и о роскоши прически. И то, и другое свисало теперь неопрятными лохмотьями. Причем если одежду можно сменить, то вычесывать цепкие крючки из гривы придется долго.

Но это уже ее собственная проблема... за которую Лесная взялась даже раньше, чем завершила переодевание. Оставалось лишь деликатно отвернуться, когда эльфь принялась за свирепое вычесывание мусора из копны волос, усевшись нагишом враскорячку. Инорожденные и стыдливость — понятия малосовместимые...

С искушением помогало бороться лишь непрестанное сквернословие объекта моего эротического любопытства, при всей изощренности несколько монотонное, как и само ее занятие. Хорошо, что последнее кончилось малость раньше, чем мое мужское терпение. Осталось вытерпеть только экспедицию Леах к своему рогачу за сменной одежкой — действо не менее провокационно-балаганного свойства, чем предшествующее.

Теперь своеобразию облика Лесной оставалось только поражаться. После окончательного освобождения от ворса меховянки грива высокородной приобрела модно-выщипанный вид. Типа махровой хризантемы, только пока не окончательно шарообразная — длинных прядок еще изрядно осталось.

Такими темпами она к концу экспедиции до моего ежика дойдет. А то и вовсе наголо обкатается, до самых родовых татуировок. Интересно, тотем у Риеров растительный или звериный? Впрочем, это последний вопрос, которым стоит зада-

ваться в моем положении. И если бы в царящей впереди неизвестности оставался только он один...

Отправляться в помянутую неизвестность уже ничто не мешало. Рогач, гекопард и сам я — все хоть немного, да отдохнули. А эльфь никто не заставлял утруждать себя сверх меры. Сама же и обеспечила себе все это безобразие. Лишь бы произошедшее ей хоть чуть-чуть уроком послужило...

Ага, как же. Словно издеваясь, в ознаменование конца нашего нечаянного привала Инорожденная Дня еще и запела. От полного довольства собой, видимо.

В отличие от низкого контральто Хирры, у Леах обнаружилось полноценное сопрано, в которое она, правда, при желании могла подпустить хрипотцы. Но режущих интонаций это не смягчало.

Вытерпев на протяжении следующей полудюжины лиг пару слезливо-лицемерных баллад в крайне манерном исполнении светлоэльфийской дивы, я решил прервать сие испытание крепости духа хоть каким-то разговором. Тему для него подобрать было несложно. Кто прежде всего интересен даже не столь отпетому себялюбцу, как высокородная? Он сам, любимый и единственный. Или сама, как в данном случае. А применительно к родовой спеси Инорожденных — еще и генеалогическое древо означенного семейства. Вот о нем, как бы невзначай, я и подкинул вопросик Лесной.

— У Властителей порядок имен означает притязания на владения, так? — с деланным простодушием вклинился я в короткую передышку, последовавшую за балладой. — А у див эльфийских как? В смысле, вот ты — ау Риер, ау Сниотта. Это что означает?

Эльфь клюнула незамедлительно, извергнув вместо назревавшей уже очередной песни краткую и, к счастью, не мелодическую реплику:

— Первое имя родовое, второе — брачное.

— Замужняя, стало быть, — закивал я с деланым пониманием.

— Вдова, — все еще кратко, но с видимой охотой бросила та.

— Соболезную. — Я привычным жестом достал двумя пальцами край банданы.

В ответ Лесная заливисто расхохоталась, запрокинув голову. Не прекращая смеяться, она согнулась, выронила по-

вод и уткнулась в гриву остановившегося рогача. Хохот перешел во взвизги и похрюкивание. Не понимая, я придержал гекопарда.

— Властитель ау Сниотта умер за сто сорок семь лет до моего рождения! — соизволила свысока бросить Леах, отсмеявшись.

— Как же... — изумление мое разве что из ушей не полезло. Хорошо, что светлая эльфь в припадке высокомерия этого не заметила, иначе из общей стервозности запросто могла бы замучить любопытством. А так, в запале хвастовства, все с ходу выдала, без запинки:

— Семейство Сниотта за приемлемую цену предоставляет матримониальные услуги своих покойных членов. Они род знатный, но не богатый, и всегда готовы обеспечить приличное вдовство за сравнительно небольшие деньги.

Нет, чего-то в этой жизни я не понимаю. Зачем такие сложности? Высокородная с ее внешностью и доходом и так отбоя от женихов знать не должна! При желании богатейший выбор могла бы себе обеспечить. Жила бы за каким-нибудь Властителем, как за защитным заклятием, никаких бед не знала бы, и дурью маяться тоже не имела бы необходимости. Ни сутяжничать по соседским замкам, ни в Мекан мотаться...

— А что же просто... ну, замуж? — Сдержать недоумение не удалось.

— Зачем? — с готовностью отозвалась эльфь. — Чтобы в придачу к независимости, которую дает замужество, получить еще и слюнявого идиота вроде тебя?

Утерла. И слюни, и сопли вместе с носом под самый корень. Во всей красе оказала себя высокородная, если кому еще не ясно было.

Хорошо хоть, что этот разговор все же отвадил Леах от пения. В остаток этого дня своей высокопарной тягомотины она больше не заводила. И вперед, как прежде, больше не заезжала — то ли надоело, то ли и вправду случай с меховянкой впрок пошел. Хоть так утихомирил дурной нрав Инорожденной...

Наутро, правда, все началось по новой. Без пения, правда, но опять со скачками. Едва самоставящийся шатер самосвер-

нулся — его на заднюю луку седла, сама в седло, и поминай как звали. Хорошо, что я раньше проснулся, успел свое одеяло у костра свернуть и в седельную сумку убрать. Палатку-то разбивать ради одной ночевки без дождя и гнуса ни к чему.

Это светлоэльфийская дива у нас привержена обязательному комфорту без соотнесения с необходимостью. И притом еще более ярая сторонница полной свободы действий для себя, ни с кем прочим не считаясь. Вчерашнее ей ничуть не на пользу оказалось, всей науки на половину суток хватило. Смешно, конечно, было надеяться на большее. Заклятого Лунная Богиня исправит!

Утренняя прохлада давно уже сменилась полуденной жарой. Солнце перевалило на вторую половину дневного пути. Верховые звери все это время исправно отмахивали мили. Растительность вокруг окончательно переменилась на меканский манер. Если я правильно понимаю, сегодня ввечеру уже точно до места доедем. А то и раньше.

Карту-самоказку при высокородной несолидно как-то вытаскивать. Дескать, ветеран, можно сказать, старожил здешний, а заблудился. Хотя тут, на верхней излучине Таругской петли, стоять нам никогда не приходилось. Да и вообще здесь боевых действий почему-то почти не велось. Разведки, налеты, рейды, а линию фронта так толком и не выстроили. Биомагические ресурсы, из-за которых все заварилось, кишмя кишат, того и гляди, задавят ненароком — какая уж тут война...

Так что дурить и съезжать с дороги можно невозбранно. Проверено, мин нет.

Любопытство и самого уже заело. Решено, как только Леах в следующий раз отлучку организует, сверюсь с картой. Полезная вещь, положение путника все время огоньком показывает. Можно и цель наметить, тогда она маршрут укажет по трем опциям: «Удобство», «Безопасность» и «Скорость». Забавнее всего, когда все три разом заклинаешь — путь огненной змейкой иногда по полминуты вьется, во все стороны хлещет, пока не устоится в самом общем виде.

Долго ждать не пришлось. Только само ощущение такого ожидания оказалось в новинку. Будто сам себе навредить хочешь с нетерпением. Но когда Инорожденная в очередной раз рванула за поворот, я мгновенно испытал облегчение. Все на место встало.

За картой долго лазить не пришлось, но взглянуть на нее так и не вышло. Ибо в тот самый момент, когда я стал разворачивать пергамент, с дороги впереди донесся женский вопль. Не иначе, что-то принялось за высокородную ау Риер куда круче, чем меховянка, так что та с ходу поняла, что с ней творится.

Пришпорив Шипучего, я в ту же секунду метнулся следом. Гекопард, вписываясь в поворот, по-кошачьи отпихнулся лапами от древесных стволов, только листва полетела с трясущихся крон. Да и дальше половину пути по веткам проделал. В седле мотало с такой силой, что стреломет вытащить я так и не смог.

Но далеко таким аллюром нестись не пришлось. Да и оружие не нужно было. Инорожденная Дня оказалась в целости и сохранности, и никакой угрозы ее жизни, здоровью и достоянию даже не предвиделось. Стояла как вкопанная посреди дороги, разинув рот, и все. Впрочем, следом я и сам едва челюсть не отвесил — такая картина с этого места открывалась.

Рука со все еще зажатой в ней картой сама собой скользнула в поле зрения. Пергамент развернулся.

Алая точка, обозначающая положение самой карты в пространстве, почти наползла на жирно помеченный еще дома конечный пункт путешествия. Провинция Таруг, сектор юг-3-запад, пограничко-освоительный лагерь Концерна.

Он это и был. От горизонта до горизонта, как сперва показалось, и здоровенный, словно Заброшенные гробницы Тесайра на картинке в школьном учебнике. Будто не людьми для людей строенный, даже не оградами для огров. Совсем какими-то гигантами футов тридцати ростом, не меньше. Это если по воротам судить, над которыми болтается табличка в три моих роста с надписью: «Одержание — здесь!»

Кем... одержание? И главное, кого? Или имеется в виду, что всяк, кто по ту сторону ворот сунется по приказу ли, по своей ли воле, — одержимый?! Ну и юмор у местных...

Но вопль высокородной ау Риер вызвало не само зрелище нелепо-титанически застроенной территории, а то, что на ней в изобилии присутствовали здешние строители и обитатели. Они величаво бродили меж завалами и огромными сарай-ангарами, поднимая облака злой и жаркой послеполуден-

ной пыли и, словно для пущего эффекта, разбавляя эту муть многочисленными дымами. Словно в логове какого-нибудь абсолютного зла из пропагандистских поделок времен Войны Сил, когда обе стороны друг друга примерно таким образом для своих представляли...

Для кого-то непривычного вид и вправду ужасающий. Если не знать, что именно так и никак иначе выглядят осадные кадавры-антропоморфы в работе. А у меня, как-никак, это знание профессиональное. Вот чего я сам никогда не видал, так это плоды их трудов. На фронте-то любые кадавры чаще применяются для разрушения. А горнопроходческие и строительные мирного применения совсем иначе выглядят. Ничуть на человека не похожи.

Здесь же не спутаешь — в дымном мареве тяжело ворочались огромные силуэты трех с лишним дюжин осадных кадавров. Вроде привычное зрелище, но в чем-то и наотличку. Уж больно живо двигались чудовищные подобия человеческих фигур из семи металлов, приводимых в действие пятью стихиями. Не в том смысле, что быстро, а в том, что слишком индивидуально, каждый на свой лад. У меня-то глаз наметан, приводные алгоритмы кадавров наперечет знаю.

Я вытащил из чехла на поясе друзу кристаллов монокуляра, желая получше разглядеть необычных осадников, покрутил кольца настройки, насаженные на главную оптическую ось. Фигуры скачком приблизились в поле зрения. Клочья тумана ползли по броне, открывая в разрывах вмятины, ржавчину и медную зелень.

Да нет, ничего особенного. Кадавры как кадавры. Не из новеньких, но вполне исправные. Вот только вместо лицевых панелей с самоцветами цепей ориентации какие-то странные щитки, все в решетчатых забралах и лючках. Ну-ка, что за модификация такая? Раньше видеть не приходилось, да и в наставлениях по материальной части такого не было. По нематериальной, впрочем, тоже...

Подкрутив наводку еще на пару витков узора, я снова поднес кристалл к глазам. Теперь щитки оказались как на ладони — каждый пруток решетки, каждая маркировочная руна. Сейчас разберемся, что за новую разновидность маготехники измыслили столичные специалисты для освоения болотного рубежа.

Неожиданно среди ржавчины и тусклого блеска потертой брони в поле зрения вплыла перекошенная рожа. Человеческая. В шрамах и ожогах, с серебряными катетерами, уходящими в набухшие вены, а по краям, похоже, натянутая на раму, как бубен цизальтинского шамана. При всем том физиономия, несомненно, живая, хоть и с нездоровой мертвенной прозеленью. Не, точно по эту сторону Последней Завесы. Вон как выражается — даром, что не слышно ничего, по губам узнаю «большой меканский загиб».

Сперва до меня не дошло, кто это. Привычка подсунула не слишком убедительное объяснение: мол, забрался под броню техник-приколист и рожу пропитую в люк высунул. Внутри работающего кадавра дышится отнюдь не легко — технический ихор штука едкая и духовитая, да и перегретое масло запах имеет, мягко скажем, не кухонный... Но сквозь это убаюкивающе-ложное знание отчетливо проступила догадка. А синяя четверка и пара буквенных рун быстрого опознания на броне кадавра не оставили сомнений в ее правильности.

Вот, стало быть, кто встретился мне на задворках топей, в самом глухом углу. Четвертая Отдельная КадБригада «Оррей-Гайт». Ярость Мекана. Железные парни...

Это была секретная часть. Мы никогда не видели их, но всегда узнавали, где прошли бойцы Четвертой Отдельной. Там не оставалось ничего целого, включая верхний слой почвы.

И вот что они такое — те, кому даже армейские маги-трансплантаторы не в силах уже помочь. Кадавризированные организмы — искалеченные огрызки, заживо, точнее, посмертно сращенные с исполинскими боевыми кадаврами. КадОрги...

Цель нашей с Леах инспекции предстала теперь в совершенно ином свете. Ярость Мекана, железный ужас болот... Что же здесь творится, если даже они не справляются?!

Вопль высокородной, похоже, не остался незамеченным по ту сторону ворот. Двое полуживых тридцатифутовых гигантов отделились от громады лагеря и с явственным ржавым визжащим скрипом направились в нашу сторону. С каждым шагом человекоподобные фигуры вырастали. Рогач Леах попятился. Она не могла удержать его.

Делать нечего — я выехал вперед и стал дожидаться парламентеров. Не доходя до нервно топчущегося гекопарда, оба остановились и начали со скрипом наклоняться.

— Слушай, парень! — тихонько пророкотал гулким, словно из бочки, голосом тот, что стоял поближе. — Мы тут ожидаем инспекцию. Двоих от ГенСовета Концерна. Так что попроси свою высокородную леди найти другое место для прогулок.

Я поманил их наклониться еще ниже. Широко ухмыльнувшись, показал большим пальцем через плечо на эльфь, затем ткнул себя в грудь. И заговорщицким шепотом, слышным даже на другой стороне болота, сообщил:

— Мы и есть инспекция.

Оба кадорга, как по команде, выпрямились и отдали честь, каждый в свою сторону, выпалив одновременно:

— Простите, хай-мэм, но почему вы одна, только с проводником?

— Извините, господин офицер, но зачем вы взяли с собой вашу даму?

Если бы они столкнулись и обрушились на землю, эффект был бы немногим больше. В первый и последний раз мы со светлоэльфийской дивой проявили полное единодушие, в один голос заорав:

— МЫ И ЕСТЬ ИНСПЕКЦИЯ!!!

На железных служак этот вопль произвел впечатление почище лобового тарана. Так же вразнобой, как и до этого, кадавризированные организмы попытались извиниться:

— Простите, хай-мэм, хай-сэр!

— Прощения прошу, хай-сэр, хай-мэм!

Поняв, что разнобоем только добавили обиды, железные парни сконфузились окончательно. Оправдаться не пытались, смиренно ожидая высочайшей нахлобучки. Но у нас со светлой эльфью уже не хватало ни слов, ни дыхания на крик.

Так что не дождутся. Лучше не доводить до крайностей. И так зачин дела уже удался, ничего не скажешь. Только начальственной грозы вконец ошалевшим кадоргам еще и не хватало. Как бы от перегрева вразнос не пошли, чини их потом...

— Представьтесь, — предложил я куда тише и официальней, опережая уже набиравшую воздуха для вопля высокородную ау Риер.

— Премьер-капрал Конрад Зарецки! Убит при осаде Та-Ханха, восстановлен после девяти минут клинической смерти! Степень биологической адекватности двадцать восемь процентов! Трансплантационная операция недоступна! — выпалил кадорг повыше, с корпусом, напоминающим брюкву хвостиком вниз, серии «Хет».

Собственно, его-то физиономию я и разглядел в монокуляр несколько минут назад. У второго столь явственный признак принадлежности к когда-то живым отсутствовал. Его щиток-забрало был глухим, с нарисованной на нем, словно детской рукой, незамысловатой рожицей — круг с двумя точками глаз и широкой дугой рта.

— Раптор Ноль Восемь! Убит при штурме Ар-Тесайсы, восстановлен после двадцати четырех минут клинической смерти! Личностная идентификация утрачена, биологическая адекватность семнадцать процентов! Трансплантационная операция недоступна! — Этот покоренастее, «Каф-400», и похож на ту же брюкву, но хвостиком вверх.

Ясно... Вот, значит, откуда. Знатные места. Редко какая Меканская война без осады Та-Ханха обходится. Как и без штурма Ар-Тесайсы — пятую сотню лет подряд город этот отстраивается на свежих головешках. То мы подданных Мага-Императора оттуда гоним, то они нас освободительным походом сметают. Как не надоест, в толк не возьму.

Впрочем, генералам да политикам, будь они эльфийской или человеческой крови, причин для бойни искать не надо, только поводы. Появись у мелких зеленых гоблинов кто покрупнее тим-лидера, и то сразу какую-нибудь мясорубку учинил бы. Чтобы не задумывались зеленявки о своем житье-бытье перед лицом непосредственной опасности. Пока-то их вожаки по масштабам выше взводного не выходят. И на том Судьбе спасибо...

Кстати, надо бы поинтересоваться, кто здесь всем заправляет. С кого за дело спрашивать, кому за неурядицы отдуваться, раз уж сверзилась на него, злосчастного, такая вот инспекция, как мы с высокородной.

Леах, к моему несказанному удивлению, посетила та же идея. И высказать ее она сподобилась даже раньше меня. В силу отсутствия тормозов, видимо. Что у светлоэльфийской дивы на уме, то и на языке, я уже давно это заметил.

— Проводите меня к офицеру! — блистательно проигнорировала высокородная нашу с ней инспекционную общность.

— Так это... — замялся кадавризированный капрал. — Нет у нас офицеров, хай-леди.

— Тогда к любому начальнику! — Терпение эльфь умела терять мгновенно.

— Так... — Кадорг смутился еще больше, явно робея перед ней. — Получается, я тут за главного...

Вот это номер! КадБригада по организации повыше полка, а по боевой силе с хорошую дивизию будет, хотя по численности боевых единиц едва пары взводов достигает. И все это на капрала навалено... Понятно, отчего тут все вперекосяк идет. Никто из Инорожденных, да и просто цивильных чистоплюев-чиновников в грязи меканской мараться не захотел — вот и результат.

Если так, с задачей инспекции справиться будет нетрудно. Правда, мое воинское звание немногим выше, зато титул Властителя покруче любого генеральского будет. Должна же от него быть хоть какая-то польза, кроме сытой жизни!

Тем более нас тут двое с этими титулами. Поначальствуем малость, все и развеется. Высокородная-то не так пуста, как на первый взгляд кажется, раз здешней иерархией догадалась поинтересоваться.

Рано я обрадовался.

— Тогда примите скакуна и займитесь моим багажом! — Эльфь заботили вопросы отнюдь не бюрократические. — Отнесите в штаб, комендатуру, факторию... что у вас тут есть?

— Осмелюсь доложить, хай-мэм, ничего такого нет, — покаянно прогрохотал поставленный на дивизию капрал. — Нам ни к чему просто...

— Так я и знала! — Леах пожала плечами с видом мученицы. — Тогда хоть проводите к месту почище, шатер разбить. С вами тут вконец одичаешь, как бродячий альтиец!

Вот про горы Альтийские ей бы лучше помолчать. Конрад Зарецки по имени как раз из трансальтийских кланов, пусть и замиренных, в нашем подданстве — иначе как бы он в армию попал? Бродят по горам и шатры разбивают, наоборот, цизальтинцы из Союза племен, но все равно обидно звучит. Два народа Нагорья только с гномами, не к слову те будь

помянуты, одинаково дружны, а между собой искони враждуют. Спутать их — двойное оскорбление...

Капрал насупился, поджал губы, но Инорожденной Дня показать недовольство в полный рост не решился. Или не захотел — неважно. Но на память себе заметку явно сделал. Альтийцы злопамятны, по какую бы сторону гор ни родились, и уж что-что, а считаться обидами умеют.

— Пожалуйте, хай-джентри, — теперь он подчеркнуто обращался к нам обоим, во множественном числе. — Чего в достатке, из того и заплатки...

Последнюю фразу высокородная ау Риер, на наше с ним счастье, уже не расслышала — рванула с места в карьер, не дожидаясь провожатого. То ли рогач отошел малость от страха, то ли, наоборот, едва не понес. Не все ли равно?

Волей-неволей пришлось плестись у нее в хвосте. И мне, и кадоргам, которые переставляли ноги с гулким лязгом. Второй из них, Раптор, похоже, все это время с трудом подавлял неуместные смешки. Возможно, так кажется из-за рожицы, намалеванной на его броне. Или это у него ходовой алхимический котел барахлит, давление потихоньку травит?

Ладно, проехали. От придури Леах париться — себе дороже выйдет. Хотя обустроиться на новом месте — затея небесполезная. Раз уж Судьба решила придержать нас тут для своих надобностей...

Место, избранное для нашего временного поселения, было хорошо тем, что с него открывалась панорама как самого лагеря, так и ближних его окрестностей — песчаных отмелей, трясин, языками заползавших за периметр, и, само собой, джунглей. Фронта работ, так сказать. Сейчас, впрочем, пустующего — день-то уже склонился к вечеру. Ладно, время заняться работой еще будет, а пока освоиться не мешало бы. Присмотреться.

Лагерь, заваленный мусором, хламом и обломками шасси всевозможных кадавров, производил впечатление бурной наполненности жизнью. Никто без дела не сидел, хотя рабочий день закончился, по обычаю, в четыре часа пополудни. Вот только жизнь эта выглядела как-то наособицу дико и непонятно.

Дело тут было даже не в размерах местных обитателей, хотя с лязгом проплывающие над головой массивные фигуры кадоргов, конечно, задавали тон происходящему. Скорее диким казался спектр избранных ими занятий. От вполне ясных и необходимых, вроде мелкого саморемонта и маготехобслуживания, до совершенно неуместных. По крайней мере, непредставимых в исполнении тридцатифутовых осадников.

Хорошо, если дело ограничивалось игрой в карты размером фута два на два. Или там в кости, вытесанные из валунов. На щелчок. От каждого броска по земле шел глухой гул, от расплаты проигравшего — лязг и звон, будто молотом по медному котлу. Как и от игры в кулачки, когда полдюжины кадоргов по очереди лупили в спину сверхтяжелому «Хох-750», а когда тот поворачивался, выставляли перед собой лапы с отогнутым противолежащим пальцем. При этом не у всех кисти были человекоподобными, и клешни в таком раскладе смотрелись особенно своеобразно.

В беспорядочный грохот и лязг исподволь вплелся более однообразный глухой шум, перемежающийся какими-то пронзительными звуками. Источник их согбенной громадой приближался от стены джунглей.

Поначалу, да еще сквозь гонимое массивным силуэтом облако пыли, вообще непонятно было, что это. Но, приглядевшись, все-таки удалось понять — тоже сверхтяжелый осадник, просто передвигающийся на четвереньках наподобие штурмового зооморфа. То и дело он приостанавливался и размеренно бил в почву раскрытой ладонью передней лапы. При этом кадорг монотонно и визгливо напевал что-то истертым фальцетом, никак не вяжущимся с громадой новообретенного тела.

Остановившись поблизости, всего в дюжине ярдов от меня, он вдруг уселся, задрал голову, как пес, воющий на все три луны разом, и более-менее связно выдал целую строфу. На сей раз мне удалось разобрать слова:

Нет, не схоронена она под темной сенью вод,
Не знает водорослей дна, не по волне плывет...

Песенка про сошедшую с ума невесту хисахского принца-мстителя здесь, в меканской болотной глуши, звучала не-

мыслимо жутко. Особенно если принять во внимание тонкости исполнения. Слава Судьбе, хоть лица поющего я не видел.

Меж тем кадорг снова склонился к земле, похлопал по ней лапищей и прислушался. Понятное дело, никто не отозвался — глухой гул от удара, и все. Разочарование ищущего не знало пределов. Испустив длинный стон, он пополз дальше, то и дело останавливаясь, чтобы постучаться в землю, не принявшую его по смерти...

Этого зрелища мне хватило с избытком, но им дело не кончилось. Мимо проплыла какая-то темная масса поменьше, подгоняя себя ритмичным: «Бу-у... Бу-у... Бу-у...» С несколько удаленного рассмотрения это оказалось саперное шасси ростом всего-то футов в тринадцать. Перед собой гигант неуклюжими пинками гнал трехфутовый шар, сплетенный из прута, словно детский мяч, и обтянутый цельной кабаньей шкурой — только лохмотья травяной набивки из прорех торчат.

За вяло перекатывающимся мячом, быстро перебирая лапами, семенила целая стая военно-полевых мышей, длинных, как шестиногие сосиски, и с шерстью, траченной сине-зелеными водорослями. Прямо на ходу они ныряли в дыры и вновь выпрыгивали наружу, деловито таская туда-сюда куски пищи, ветошь и слепых мышат. Подвижность импровизированного гнездовища мышей, похоже, не смущала. Как и бывшего огра в саперном шасси — обитаемость мяча.

Если до сего момента у меня имелись сомнения в душевном здоровье местных обитателей, то эта череда картин с гарантией превратила их в уверенность. Странно, как от этих кадоргов вообще удается добиться производительного труда. Они же тут все сумасшедшие, как эльфы весной!

Хотя это еще как сказать. Не приметив меня, почтительно отступившего в тень полуразобранного корпуса осадника с дороги саперно-мышиной процессии, двое кадоргов задорно обсуждали свои планы.

— Кого следующим пустим? — Это тот, что поглуше.

— После Большого Бу? Не знаю даже... — Второй, потоньше и поехиднее.

Ага. Значит, Большой Бу — это тот, с мячиком. А все, что я видел, — представление в стиле «Ужасных трансзодиакаль-

ных островов», которое хисахские моряки обычно разыгрывают перед новичками, впервые пересекающими плоскость Зодиака в море. Та же манера преподносить безобидные шуточки в виде крайнего ужаса. Вот только в данном случае с безобидностью как бы не через край шутники хватили...

— Может, довольно с него уже? — засомневался первый в необходимости продолжения спектакля.

— Да ты что! Только-только дело пошло! Этот хоть смотрит, а эльфь, зараза, в упор никого не замечает, хоть топчи ее. В шатер забилась... — пытался другой переубедить сообщника, захлебываясь смешком.

Само собой, я был согласен с первым. И верно, хватит. Как меня самого до сих пор не стоптали, понятия не имею, а уж в однозначно безопасном исходе всего представления тем более не уверен. Посему развлечение местной публики за мой счет придется свернуть в срочном порядке, пока кто-нибудь не пострадал. А то у меня в запасе тоже файрбол сыщется заместо той шутихи...

Как можно более непринужденно я выступил на закатный свет, в поле видимости посмертно кадавризированных шутников. Одним из них оказался поклонник классических хисахских пиес о принцах-мстителях, а вторым — вот сюрприз-то! — Раптор 08 с нарисованной на броне задорной рожицей.

Реакция заметивших меня кадоргов тоже различалась. Тот, что распевал трогательные песенки, от неожиданности даже отшатнулся. Но потом справился с собой, приставил раскрытые клешни рук к тому месту головы, где у человека были бы уши, и визгливо прокричал «Ку-ку!» — после чего развернулся и отправился восвояси. Мол, сумасшедший, что возьмешь...

Не в пример ему, Раптор по моей роже с ходу понял, что самодеятельность вскрылась, извиняющимся жестом развел лапищи в стороны и пояснил:

— У нас тут не все вменяемые... — Более низкий голос выдал в нем противника продолжения дурацкого веселья. — А у Джеми к тому же был трудный день...

Ну да. А у всех остальных, видимо, легче некуда.

После сего откровения пришлось по-другому взглянуть на Зарецки и его командные функции. Организационные способности здесь потребны, и немалые, привычка и подход. Так

что со своей миссией без капрала-кадорга нам не справиться — все расползется под руками в зло забавляющуюся или безумно хихикающую массу. Безликую, аморфную, страшную...

Да нет, не безликую. У некоторых кадавризированных, как у Зарецки, лица все-таки оставались. Иные пострашнее моего давешнего, до знакомства с Мечом Повторной Жизни, иные — совсем чистые, без следа смерти и оживления в новом качестве. У других — металлические маски с живыми глазами в прорезях. А кое у кого и того не осталось. Самоцветы цепей ориентации на лобовой броне под решетчатым забралом, как у обычного кадавра. Одно звание, что бывший человек, огр или халфлинг.

Не эльф же...

Впрочем, мелких зеленых гоблинов среди посмертно кадавризированных организмов тоже не было. Так что баланс соблюдался без крайностей социальной и расовой иерархии.

Зато зеленявки в изобилии крутились в лагере. Вся техническая обслуга на них и прочие мелкие работы, в которые без малого десятиярдовому осаднику самому входить несподручно. Гоблины без стеснения сновали по всем строениям и самим кадоргам, словно термиты по валежнику.

Их собственные постройки, по идее, должны были обретаться в дальнем конце лагеря, почти примыкающем к джунглям. Там, где на угол сходит хлипкий вал периметра, негусто затянутый колючими плетями заграждения.

Колючка Бруно в меканской сырости толком расти не хочет. Стелется, ползет волнами, ветвится не к месту. Это ей не родное Нагорье, где цизальтийские колдуны издавна, со времен того самого великого шамана всего Союза племен — Бруно Сломанного Слова — заклинают упрямое и цепкое растение в тугую спираль живой изгороди. Здесь-то одна гниль да морось, ветер — и тот сырой, как тесайрская портянка. У подданных Мага-Императора по бедности до производства носков руки никак не дойдут. Так и шагают по болотам, если не на босу ногу, то тряпьем негодным замотавшись...

В общем, все тут не слава Судьбе. Ну да лагерь-то не военный, освоительский. С некоторыми послаблениями режима смириться можно. Хотя джунгли тут, на Таругской петле, — противник посильней, чем Империя Людей, и спуску

при случае точно так же не дадут. Хорошо хоть контрольную полосу за периметром раскорчевали и в порядке держат. Если слабым раствором дефера, мертвящего зелья, каждый день не опрыскивать, враз зарастет.

Ладно, не все же местным обитателям в трудах пребывать. Отдохнуть тоже нужно. Да и мне с дороги малость очухаться не помешает. Время-то уже к закату. Вон, кое-где уже костерки занялись, как на всяком биваке положено. Хотя в пище у основного местного контингента особой надобности нет, насколько я понимаю. Только прижизненную привычку так просто не перебьешь. Тут что-то посильнее смерти нужно...

К одному из костерков невдалеке от шатра Леах, кадорги у которого смотрелись понормальнее прочих, я и присоседился. Все тихо, чинно, только один из осадников, в корпусе серии «Ламех», все раскачивается без устали, монотонно. Так мало ли какая тому причина? Может, цепи обратной связи в резонанс вошли, вот и пробил тремор на все тело, захочешь — не остановишься. Надо будет с утречка посмотреть, наладить или хоть тесты прогнать обстоятельно, без спешки.

Оповещенные негласной фронтовой связью, старожилы к присутствию чужака отнеслись без особого удивления. И правильно, сейчас хорошо бы без церемоний. Одно звание мое, что инспектор, а сам-то давно ли из тех же служак, войной покарябанных. Правда, не до такой степени, чтобы переселяться в тело из семи металлов, движимых пятью стихиями. За что Судьбе, конечно, благодарность особая...

Разговор у костерка шел спокойный, привычный, ни к чему не обязывающий. Случаи из местной жизни, военной да нынешней, которые у всех на один манер. Только про то, что до Мекана, — ни слова, как отрезано. Не каждый помнит то, что с ним раньше было, а прочие поддерживают молчаливый сговор из сочувствия. К чему хвалиться перед другими тем, чего уже не попробуешь, — прежней жизнью!

К тому же не знаю, как насчет жратвы, а с выпивкой у тутошних все в порядке оказалось. Каждый нашел, куда залить. Если потрохов вовсе не осталось — напрямик в тракт жизнеобеспечения. Туда, правда, только чистый алкоголь можно, либо с водой и сахаром. Вкуса не распробуешь. Хотя вкус этот у большинства разновидностей тяжелого, на многие градусы спиртного таков, что сие даже к лучшему.

Своеобычная чарка и меня не миновала. Не одна даже, каюсь. А что еще делать-то? Палатку поодаль от плаца, напротив шатра высокородной, еще загодя поставил. Других занятий ввечеру на новом месте не сыскалось. Отчего бы не выпить, после дальней дороги да в не самой неприятной компании?

Чарку за чаркой — так и проводили солнышко за тесайрский горизонт, Магу-Императору и его подданным лишний час светить, чтоб у них там не нашлось ни выпивки, ни закуски ко времени! Шатер высокородной озарился изнутри мягким сиянием переносной гнилушки, превратившись в задумчиво колышущийся под вечерним ветерком язык изумрудного шелкового пламени. Хорошо, однако, как не в Мекане, право слово...

Не меня одного отпустило. Всем выпивка сердце размочила малость. И, как водится, после такого умягчения душа у ребят песни попросила. А своей душе противиться — последнее дело. Вот и запели железные парни, у кого хоть какой голос в сохранности оказался. Да не что-нибудь — «Ворота Забвения», меканский марш, первые строки которого мне на память пришли тут же, как о поездке этой речь зашла.

Душевно завели, с чувством и проникновением. Не грех и подтянуть. Правда, поначалу на какое-то время собственные воспоминания захлестнули меня, перехватив глотку. Оттого первую строфу я пропустил и включился уже со второй:

> И ни во сне, ни наяву уж не отпустит топь,
> Тех, кто Анарисс покидал под барабанов дробь.
> Кому на час, кому на век достанет славы тут,
> Когда следы его сапог травою зарастут...

На этом, к сожалению, наше совместное исполнение закончилось. Потому что высокородная стерва вылетела из своего шатра, молотя жезлом по какой-то курильнице и визжа так, что уши закладывало:

— Прекратите! Немедленно! Это! Безобразие! Я! Отдыхаю!

Кадорги, как по команде, вскочили, отдавая честь.

— Да, хай-мэм! Так точно, хай-мэм! — ответил нестройный хор.

Большинство сразу же кинулись в темноту, изображая трудовую деятельность. Остальные вскоре последовали их примеру, и у костра остался я один. Ненадолго, конечно, — что делать у огня в одиночку, на ночь глядя? Так что спустя не более получаса пришлось отправиться на боковую с чувством глубокого разочарования. Какую песню испортила, дура...

Наутро я проснулся от неожиданной тишины. В лагере кадоргов, круглосуточно наполненном более или менее тихим лязгом, сие весьма нетипично и наводит на неприятные размышления.

Молниеносно, как в учебке под счет капрала, я натянул комбез с сапогами, жилет, рассовал по местам стрелометы с тесаком и файрболлом вылетел из палатки. Вовремя, как оказалось. Причина к беспокойству наличествовала, и не маленькая. Без малого семи футов роста...

То, что эльфийские дивы начисто лишены стыдливости, я усвоил еще по моей высокородной. Да и происшествие с меховянкой могло бы дать пищу для размышлений. Но Леах и тут побила все мыслимые рекорды и парочку немыслимых вдобавок. Даже я, при всей испорченности и определенном опыте, не смог представить себе, ЧТО она отколет.

Аккурат посередке лагеря, под водяной цистерной на высоких опорах, высокородная ау Риер принимала утреннюю ванну. Когда я подоспел, тугая струя как раз уносила последние хлопья ароматной пены с обнаженного тела эльфи. Вода ручьями разбегалась у нее из-под ног и впитывалась во влажный песок, не доходя до стальных лап парней из Четвертой Отдельной.

Кадорги на почтительном, ярдов сорок, удалении обступили это изумительное зрелище математически правильной окружностью и застыли абсолютно неподвижно. Не удивлюсь, если кое-кто вообще перестал дышать, тем более что не все в этом нуждались изначально. Около половины присутствующих смотрели на происходящее со смесью невыразимой тоски и желания, остальные — просто с неподдельным интересом. Даже утрата самоидентификации, включая видовую и половую, ничего не могла поделать с любопытством.

Мой внутренний монолог по данному поводу состоял из одних «гномов» в сложных сочетаниях с более слабой нецен-

зурщиной. Наконец Леах завершила омовение и потянулась за полотенцем. Я облегченно перевел дух.

Как выяснилось, зря. Изящным движением — этого у эльфи не отнимешь — она замотала в махровое полотнище волосы, соорудив импровизированный тюрбан, и так направилась к своему шатру. Под лязг суставов и ржавый скрип выворачиваемых шей всей Отдельной Четвертой КадБригады «Оррей-Гайт». Из незавернутого крана цистерны звонко срывались последние капли...

До шатра высокородной оставалось шагов десять, когда на дороге ей попался я. Лесная качнула головой в невинно-издевательском поклоне — как только тюрбан не развалился! — и остановилась вплотную, обдавая влажным жаром.

— Пожалела бы парней! — с трудом вычленилось у меня нечто произносимое из потока непрерывно проглатываемых ругательств.

— А что им сделается? Они ведь железные! — Леах кокетливо поправила полотенце на волосах. — Тут мне только тебя опасаться надо...

Идиотка!!! Она не поняла! Или притворяется? Как я не взорвался, самому не ясно. Остановило лишь то, что орать, обращаясь к ее соскам, было как-то нелепо. А выше я не дотягивался.

Покуда я заглатывал четырнадцатиэтажное крупнокаменное ругательство с балконами и мансардой, возведенное гномами и на гномах же методом выворачивания наизнанку за богоотвод, высокородная изящной походочкой скрылась за входным пологом своего временного жилища. Ни шеста ему, ни колышков на семь ярдов в болото!

От всего виденного и невысказанного ощутимо запершило в горле. У кого бы попросить напиться в запутанном, как полевой алхимкомплекс, лагере? Повертев головой в поисках кого-нибудь из вчерашних знакомцев, одного обнаружил сразу же. Не того, с кем жаждал бы обсудить происшедшее, но не мне выбирать. Облизнув пересохшие губы, я обратился к замершему поблизости кадавризированному организму:

— Будь добр, Раптор, найди где-нибудь водички. А то аж глотку перехватило от этой...

Кадорг сочувственно закивал с явным пониманием. Но тут же с еще большим сочувствием подмигнул заслонкой.

Значит, понял меня не так правильно, как показалось. Или еще правильнее, чем я сам себе могу признаться...

После этой пантомимы ответ его меня огорошил.

— Осмелюсь доложить, воды в лагере нет.

— Как нет? Что же там тогда? — я мотнул головой в сторону быстро высыхающей лужи вокруг цистерн.

— Это была вся питьевая вода. Месячный запас. Новую привезут через три недели.

— Как же... — досказать вопрос у меня не получилось.

— Хай-мэм приказать изволили.

Раньше мне казалось, что «нет слов» — книжное выражение. В реальной жизни слова всегда найдутся, даже в некотором избытке. Но тут я впервые столкнулся с положением, когда никаких слов не оказалось нигде. Ни внутри, ни поблизости. Даже «гномы» все попрятались или разбежались в ужасе. Ощущение было, как у рыбы, выдернутой из воды ловчим заклятием. Только рыба хватает ртом воздух в поисках воды, а я — в надежде найти хоть какое-то звукосочетание, пригодное для выражения бешенства, охватившего весь мой организм.

Спасение пришло не со стороны позорно дезертировавших крепких выражений, а из скучноватого лагеря канцеляризмов.

— Впредь до исполнения все инициативы высокородной ау Риер согласовывать со мной! — Похоже, изрекая сие, я сам лязгал почище несмазанного кадавра.

— Так точно, хай-сэр! Есть все придури хай-мэм не исполнять, а вам докладывать! — с явным облегчением отозвался Раптор.

Кадорг, конечно, несколько поменял формулировку приказа, но на его месте я бы тоже не сдержался. Отчего я на своем-то не смог выразиться круче, самому все еще непонятно. А Раптору такую вольность можно списать на побочное действие утраты самоидентификации. Чем он, похоже, весьма успешно пользуется.

Мне же, пока проблема с водой не будет решена, придется утешиться кое-чем покрепче из собственной фляги. Не помешает в любом случае. Тем более что проблему восстановления питьевых запасов, судя по всему, решать придется тоже мне...

Спустя всего полдюжины часов с результатов нашего с кадоргами совместного труда можно было уже снимать пробу. Ржавый дистиллят-первач сошел, и водичка потекла чистая, как слеза дракона. Все-таки сдюжили.

Навыки-то одни — что для самогоноварения, ремесла, весьма уважаемого на тесайрском фронте, что для иной, безопасной возгонки. Разве что масштабы иные — гнать спиртное цистернами здесь никто и в страшном сне не задавался. Никакой браги на то не хватит, даже бамбуковой...

Если принять во внимание ситуацию, опреснитель получился неплохой. Правда, тут из воды потребно удалять не соль, а муть всякую, которую даже фильтры не берут, но технология в общем и целом та же. В самодельном стабилизирующем венце из магосплавной проволоки файрбол тлел три часа. Потом надо было загонять в установку новый туманный шарик и активировать его искрой. А после каждой остановки котла из запасного корпуса кадавра серии «Мем-450» приходилось вычищать наваристый отстой болотной жижи. Ее тут же сливали в самую крупную из луж, подальше от места забора относительно чистой воды.

Зато змеевик под морозометом вел себя идеально. Когда я объяснил, что требуется, капрал Зарецки просто намотал трубу на руку, а затем растянул моток в спираль требуемой длины. Остальное сварили за пару часов, так что к ужину вода у нас снова будет. Даже на вечернюю ванну высокородной ау Риер, место для которой оборудовали между старыми станинами дока, обшитыми гофрированной жестью. Так все-таки обзор более ограничен, и смятение в умах примет меньший масштаб.

После подобных трудовых подвигов завязать разговор, чтобы продвинуться к цели приезда и хоть как-то войти в обстановку, было уже проще.

— Неплохо поработали!

— И то верно... — довольно пророкотал Конрад.

— Каждый день бы так, и сверху бы никаких чистоплюев с инспекциями не присылали! — Похоже, я озвучил его тайные мысли.

— Как-то так... — уже осторожнее согласился капрал.

Хорошо, что разубеждать не стал, лебезить, как положено нижнему чину с вышестоящим. Добрый знак. Может, и наладится разговор.

— Ну от нас с тобой да Раптора, как вижу, меньшего ждать позорно, — словно не замечая, продолжил я. — А как прочие? Сдюжат, если надо будет поднапрячься?

Капрал, похоже, решил быть до конца честен. Раскрыл все карты и ответил, как есть, по существу.

— Из сорока двух на дюжину где-то положиться можно. Их на тройки поставил, пара еще в запасе. У остальных тараканы в голове... И немаленькие.

Ага, насмотрелся я на таких вчера. Видно, действительно от подвинутых кровлей парней толку добиться трудновато.

— Это которые без личностной? — понимающе, как думалось, поддакнул я.

— Да нет, — жутковато усмехнулся Зарецки. — Наоборот по большей части... Кто себя не помнит, тому и с ума сходить особо незачем. Раптор вообще в заместителях у меня ходит. Если бы не безличностность, то и командование потянул бы.

Несколько оторопелое мое молчание кадорг расценил как недоверие к нему самому. Было отчего так подумать: у нынешнего-то исполнителя обязанностей комбригады личность в целости и сохранности.

— Что, прикидываешь, на какую сторону у меня крышку котелка свезло? — Зарецки усмехнулся малость погрустнее. — Не боись, мой пунктик не внутри, а снаружи. Вон он бежит...

За россыпями ящиков замелькал загривок приземистого штурмового шасси Mk.IV. Не первый раз уже его вижу, да все поодаль держится, а тут прямо сюда пожаловал.

Странно. Здесь все на антропоморфных шасси — хоть какое сходство с телом разумного существа. А в шкуре штурмовика бегать — хуже, чем оборотнем перекинуться, с двух ног на четыре. Это уже не пунктик, поднимай выше. Вчерашний «Большой Бу» по сравнению с таким — образец нормы.

В ожидании свободно бегающего безумия капрала Зарецки я бессознательно подобрался, в случае чего готовый побыстрому сделать ноги. Легкий-то он легкий, этот разведочный кадавр, а все поболее рогача будет. Правда, поменее слона, да что мне в той разнице, если под ноги ему подвернусь. Или в стальную пасть...

Лихорадочно пытаясь поймать взгляд глаз над этой пастью, я окончательно перетрусил. Не человеческие это глаза были. Совсем.

Собачьи глаза. Как у меня самого не так давно. Только оба. И от роду. Не псих — пес это, кадавризированный наподобие остальных бойцов Четвертой Отдельной.

Отлегло. Хотя непонятно, кому понадобилось тратить на собаку драгоценные биомагические снадобья и недешевое шасси штурмового кадавра? Но мое недоумение относительно одного кадавризированного организма поспешил разъяснить другой.

— Капитана нашего пес, Харм. Хотел хозяина из «ведьмина студня» вытащить, да только сам по ноздри вляпался. Верх черепа да хребет остались, остальное в синюю слизь истаяло. На нем военцелители из «Саина» сращивание с кадавром в полевых условиях и проверили. Разумного сразу взять посовестились, тоже ведь под Судьбой ходят... — Зарецки гулко потрепал по загривку четвероногого кадорга. — С тех пор на бронзовых лапах бегает. При мне вот. Один я из его знакомцев остался...

Пес, подобравшись пониже, опустил голову чуть не до земли. И внезапно ткнулся мне в колени своим живым носом. Рассчитал, как разница в высоте с человеком поменялась, умница. Тут-то все металлические, как он сам, к кому приласкаешься?

Машинально я потрепал собаку по бело-рыжему коротко-шерстному загривку. Харм заскулил довольно и поднял на меня круглые глаза. Не смог я собачий взгляд выдержать, отвернулся. Разумные-то по своему уму под смертью ходят, а пса-то кто же под такую судьбу подвел?

По большому счету не годится собаке шестиногое тело штурмового Mk. IV. Вон, средние лапы как попало болтаются, от левой вообще огрызок остался. Да и длинноват корпус, отсек боевой нагрузки теперь лишний.

Ну-ка... Солнце над горизонтом еще высоко, часа три в запасе есть. Инструменты тоже все наготове. Хоть часть вины полного разума перед неполным снимется. А то не по себе мне как-то от пса недоделанного. Что от моих умений зависит, то поправлю.

Зарецки идея понравилась. Еще и Раптора позвал, чтобы побыстрее дело шло. Болевые шины — цепи обратной связи и силовые приводы — отключили сразу, а то, как бы спокоен ни был пес, не дастся. И мучить попусту животину нечего.

В общем, за пару часов закончили. Секцию корпуса с покалеченной ногой тут же кинули к другому кадавренному хламу, а целую лапу я торжественно вручил Зарецки, как запаску к любимцу. То есть просто хлопнул по ней ладонью: владей, дескать. Своротить бронзовую ножищу у меня сил не хватило бы.

Капрал торжественно принайтовал запчасть в предназначенное для всякого ЗИПа гнездо на корме шасси разведочного кадавра. Опорная площадка ноги торчала сзади, как куцый хвост.

Ну вот, порядок. Теперь пес как пес. Любо-дорого посмотреть. А то прямо свиноматка какая-то получалась перед самой кладкой яиц, долгопузая да корявая!

Приведенный в действие Харм серьезно обнюхал не так давно принадлежавший ему кусок металлической плоти. Фыркнул, повернулся к обломкам задом и демонстративно зарыл их задними лапами. После чего запрыгал, как щенок, — выше колена хозяина с приятелем. Примерно в два моих роста каждый скачок.

О сделанном я не жалел, но оказаться подальше от веселящихся кадоргов — парня и его собаки — захотел явственно. Капрал Зарецки как-то почуял это, а может, и вправду заигрался с псом. В общем, оба, тяжеловесно резвясь, двинулись куда-то за периметр, где попросторнее и места для игр больше. Полноразумный кадорг едва успел напоследок махнуть рукой и пророкотать что-то благодарственное. Так что мы с Раптором довольно быстро остались одни.

— Сегодня день хороший был, — ни к селу ни к городу брякнул кадорг. — Ветреный.

— И что с того? — не отойдя еще от увиденного, грубовато переспросил я.

— Москитов сносит, — лаконично ответил тот.

В Мекане москиты — это серьезно. Тут они всякие, на любой вкус и размер. Бывают комары как комары. Бывают очень комары. А еще бывают совсем уж комары. Окончательные.

Не про тех ли самых Раптор помянул? Глянув на кадорга, я заметил, как тот коротко кивнул, наклоном корпуса обозначив жест, недоступный ему по отсутствию шеи. Не дожидаясь уточняющего вопроса.

Значит, общий для любого меканского фронтовика ход мыслей у нас с ним вровень себя оказал. Самые те москиты, которые дальше некуда. Меры защиты против них тоже требуются изрядные — брезент не меньше пары слоев, да на рожу что-нибудь вроде рыцарского забрала. То-то я смотрю, всяк здесь, у кого хоть клочок живой шкуры наружу торчит, на броне откидные заслонки приделал. Сетки, решетки, дырчатые пластины всякие от алхимической, а то и просто кухонной утвари. Еще удивлялся, какая радость смотреть на небо в клеточку. Теперь не удивляюсь.

— Хай-мэм предупредить бы еще... — замялся в явственных сомнениях Раптор. — Не знаю только, как подступиться к высокородной.

— Это да, — согласился я.

Тут, если и надо, лучше бы в стороне держаться. А попусту теребить Инорожденную и вовсе никому не посоветую. Да она сама кого хочешь достанет, и без всякого повода. Сейчас, к примеру, тоже легка на помине оказалась. Ишь как торопится, не иначе, новая придурь взыграла неизвестно в какой части тела.

— А где здесь колодец? Или хоть колонка... — Причина неурочного явления Лесной вполне прояснилась из ее вопроса.

Оказалось, не придурь к нам ее пригнала, а самая что ни на есть рациональная потребность. В той самой воде, которую мы с такими усилиями обеспечили после ее утренней эскапады. Похоже, ужин себе в оседлых, а не походных условиях высокородная пожелала приготовить поосновательнее. Надоело заклятыми на нетление готовыми кушаньями пробавляться.

Вряд ли, конечно, она собралась самостоятельно заняться кулинарией. Заклятия да походную кухню-самобранку задействует, и довольно с белоручки эльфийской будет. Но вода для сего процесса необходима не менее, чем для простой варки. А дальний от опреснителя, опорожненный давеча резервуар еще не наполнился, и выжать из него хоть каплю было бы весьма затруднительно.

— Колодец? Какой колодец может быть в болоте?! — с деланным непониманием переспросил ехидный кадорг. — Нет тут колодцев-колонок, хай-мэм...

— Как? — ошарашенно начала въезжать эльфь. — А где ж вы тогда воду берете?

Вместо ответа уже я молчаливым жестом указал на водокачку. Мол, что есть, тому и рады. А на нет и спросу нет. Уж кому-кому, а высокородной состояние водяных запасов должно быть известно лучше иных. Особенно сегодня...

Похоже, до Леах дошли масштабы сотворенного утром. Во всяком случае, с недоверчивым страхом в глазах и серебряным бидончиком в руке она смотрелась даже в чем-то трогательно.

— Но там же кончилась... — с нарастающей истерикой в голосе продемонстрировала светлоэльфийская дива скорость соображения. — Что теперь пить?!

Очень хотелось сказать — ту жидкость, что ей в голову ударяет систематически. Не знаю уж, как смолчать сумел. И, судя по всему, соблазн озвучить данную мысль посетил не одного меня. Раптор в попытке сдержаться от натуги аж всеми сочленениями ржаво заскрипел.

От этой пантомимы с высокородной ау Риер чуть удар не сделался. Очень уж убедительно выглядели наши с кадоргом мучения. В ее интерпретации они явно предвещали неминучую гибель от жажды, и не только нашу, но и ее бесценной персоны. И видать, картина сия нарисовалась перед ее внутренним взором до дрожи реалистично.

Можно было с ней и дальше поиграть, дожав до полного осознания своей дурости. Только не хотелось. Добродушие какое-то нашло после успешной результативной работы. Хватит с нее и такого перепуга — если с него не осознает, видимо, ничем не пробьешь. Да и не надо. Теперь с эльфи и так никто здесь взгляда не спустит, потому особых последствий от ее самодурства впредь не ожидается.

— Может быть, это подойдет? — Изобразив на лице и в голосе все мыслимое сомнение, я подставил кружку под змеевик опреснителя и отвернул вентиль.

— Не побрезгуйте, хай-леди, — поддержал игру Раптор. — Уж чем привыкли тут, в глуши, пробавляться...

После такой прелюдии высокородная с ужасом посмотрела на прозрачный дистиллят в емкости, ожидая обрести если не девяностошестиградусный спирт, так щелок пополам с «ведьминым студнем». Но кружку в белы ручки взяла и отхлебнула покорно, как жертва на боевом алтаре времен Войны Сил — ритуальный яд. Сглотнула, выдохнула, зажмурив-

шись и ожидая, что из губ вырвется облачко пламени, затем ошарашенно распахнула глаза и захлопала ресницами.

— Это же вода!

Нехилая догадливость, скажем прямо...

— Где-то в чем-то да, — в рифму подтвердил кадорг озарение эльфи.

— Как же?.. — в полной прострации кивнула та на громаду опреснителя.

— Алхимию знать надо, — уже совсем добродушно пробормотал я. — Гнать можно не только выпивку, была бы нужда.

Узнав, что проблемы с водой нет, Инорожденная Дня мгновенно воспряла духом и достигла прежнего уровня самоуверенности. Во всяком случае, ни слова благодарности от нее никто из нас не дождался — ни я, ни непосредственные исполнители проекта, кадорги.

— Не понимаю, как вообще можно было такое сделать! — изрекла светлоэльфийская дуреха, обозрев предмет нашей гордости, опреснитель. Приободрившись, мы с Раптором приняли было искреннее удивление высокородной за похвалу. Пусть куцую, как крикуний хвост, но все-таки. Оказалось, напрасно.

— Без приказа, инструкций, обучения... — внесла ясность эльфь, продолжив изумляться. — Как только можно суметь!

Как-как.:. Так, как все в Мекане делается, — крепко и на совесть. Если дожить до следующего дня хочется. Любой, кто тесайрский фронт прошел, знает, насколько важно иметь чистую воду в гиблом болоте. У каждого, конечно, свой способ: флай-флот, пехота, файрболерия — все изощряются. Особенно мы, маготехники, на весь Мекан признанные умельцы. А эта дурища высокородная даже не поинтересовалась моей армейской специализацией. Воинствующая некомпетентность!

Казалось, достичь большего уже невозможно. Однако недооценивать возможности Лесной в этой области не стоило. Разом утратив интерес к дальнейшему разговору, едва выяснилось, что запросы ее будут удовлетворены, эльфь заспешила восвояси. Однако на прощание, уже вполоборота, бросила, неопределенно помахав в воздухе ручкой:

— Это вообще странно...

Надо было, конечно, сдержаться, не задавать резонного вопроса: «Что странно?» Но разговорчик этот, предшествую-

щий ему день, двое суток пути, да и вообще все время, прошедшее от знакомства с Инорожденной стервой, терпимости мне не добавили. А ответ на вырвавшийся вопрос и вовсе оказался последней каплей в чаше сей.

— Странно видеть, что человек способен на осмысленную и полезную деятельность без руководства эльфов! — это Леах пробормотала уже на ходу, позвякивая полным бидончиком. Брякнула, как само собой разумеющееся, не особо даже вдаваясь в смысл своих слов.

От такого я просто онемел. Не так, конечно, как при ее утреннем купании, но тоже изрядно. Раптор тоже затих самым подозрительным образом. Лишь ходовым котлом побулькивал, но и то как-то особо деликатно.

На мгновение мне стала близка и понятна негасимая ненависть тесайрцев к Инорожденным. Глубинная. Всепронизывающая.

Ну-ну. Вот как, стало быть. Это вместо мало-мальского чувства вины и минимальной же благодарности. Что ж, в ответ светлая эльфь может рассчитывать на столь же внимательное отношение. И благожелательное вдобавок. Особенно в области крайне полезного и поучительного для нее грядущего знакомства с меканскими москитами. Которому теперь, смею надеяться, никто из присутствующих препятствовать не будет — солидарность кадорга в этом вопросе я чуял спинным мозгом.

Нет, это ж надо: «...способен на осмысленную и полезную деятельность без руководства эльфов!!!»

Да я вообще на многое способен. Особенно без руководства эльфов.

И не только я...

Наутро из палатки было страшно даже нос высунуть. Ожидание москитов портило нервы хуже самого налета. В недвижном воздухе уже мерещился комариный звон. Как перед атакой, когда пронизывающая жуть по костям ползает.

Однако часок спокойной жизни нам еще был отпущен. Высокородной — на очередное купание, мне — на завтрак и подготовку гостевой ложи перед предстоящим шоу. По счастью, к месту на броне новых владельцев была приспособлена

еще не вся дырчатая утварь с местной кухни. Хотя даже Харм щеголял в откидном, на невесть откуда взявшейся оконной петле, длинном сотейнике над мордой.

На мою долю достался дуршлаг, напоминающий мушиный глаз, — латунное полушарие фута полтора в диаметре, с двумя крючками-рожками напротив рукояти. Не иначе, у фермера какого из хозяйства свистнутый немилосердно. Ладно, вареному коню в зубы не смотрят, как бы круто он ни был сварен. Главное, проблема с обозрением была решена.

Брезента от палаток и тентов тут было в изобилии, так что укрытие получилось на славу. Теперь главное — держаться от него невдалеке, чтобы налет врасплох не застиг.

День постепенно растапливался к полуденной духоте, разгорался жаром. Этак скоро неизвестно, что хуже будет: москитов терпеть или прятаться от них. Пришлось запасенный брезент от армейской палатки загодя полить водой для охлаждения. И для большей герметичности заодно. А комары все не летели.

Что они себе воображают? Давно пора прилететь, эльфийскую стерву проучить, пока она еще чего-нибудь не отчудила. Вон как внимательно в кромку джунглей из-под руки вглядывается, явно что-то замышляет...

Невольно я проследил направление взгляда Инорожденной до объекта, вызвавшего ее интерес. Таковым оказалось облачко, нависшее над самыми кронами дальних пальм и, похоже, движущееся прямо сюда. От прочего марева, в изобилии струящегося над сырой меканской землей, оно отличалось особой плотностью и каким-то жемчужным мерцанием. Движимый странным наитием, я потянул монокуляр из чехла на поясе.

Так и есть! Они это. Самые что ни на есть. Смерчем вьются, эскадрильями заходят, оставляя теплокровным смертным всей воли на один укус. Со всех сил я кинулся закапываться в сырой прохладный брезент.

У высокородной на правильные действия не хватило ни времени, ни опыта. Утратив любопытство, она упустила оставшееся для должной реакций подлетное время. Когда я приладил дуршлаг напротив лица, первая крылатая тварь уже вилась над завитками медненой гривы.

Не понимая, откуда слышится надсадное, на истошной ноте крайнего форсажа, зудение, непутевая эльфь завертела

головой. Так и крутилась, пока не столкнулась с источником звука нос к носу. Точнее, к шестидюймовому хоботку, отточенному и чуть загнутому, как сапожное шило. Москит ей достался подходящий по калибру — с мерцающими крыльями, усами-антеннами и голенастыми ногами занимающий целиком кубический фут.

От подобного зрелища Инорожденную Дня, похоже, охватил гипнотический транс. Чем еще объяснить, что светлоэльфийская дуреха начала визжать и метаться не раньше, чем суперкомар всеми своими когтями вцепился ей в подбородок и запустил жало в нижнюю губу?!

К тому времени вокруг Лесной вилось уже с дюжину крылатых агрессоров. Как по команде, они бросились на заранее облюбованные части тела жертвы. Высокородная взвыла на разные голоса, меняя высоту тона при каждом новом укусе. Но ее вопли потерялись в гуле основной массы суперкомариной эскадры. Тысячи сверкающих крылышек, казалось, перемалывают воздух в непригодную для дыхания труху. Это был уже не звон — набат.

Сам я давно сидел, обмотавшись в три слоя армейской палаткой, и наблюдал за происходящим сквозь свой дуршлаг. Без малого семь футов высококлассной светлоэльфийской истерики, с визгом мечущейся по лагерю, снося по пути все, что не закреплено и менее двухсот фунтов весом, — на это стоило посмотреть.

Москиты настигали Лесную повсюду. Стрекоча крыльями размахом в добрый фут, они то и дело чувствительно доставали ее острыми шестидюймовыми хоботками. Особенно страдал задик, туго обтянутый зеленым шелком. Каждый удачный укол заставлял высокородную прихотливо менять траекторию.

Наконец то ли поле разрушений на суше оказалось исчерпано, то ли до светлоэльфийской дивы дошло-таки, где следует искать спасения. Так или иначе, но, достигнув ближнего ко мне края болота, она красивым прыжком вразлапку нырнула в самый большой бочаг, взметнув фонтан липкой жижи. Грязь и отстой из опреснителя там еще с вечера были старательно размешаны клешней Раптора 08, видимо, не без надежды на подобный исход. И, что характерно, без всякого руководства и направляющей деятельности со стороны ка-

ких бы то ни было эльфов. Даже новопроизведенных, вроде меня.

Такая сообразительность высокородной была достойна аплодисментов. Выпростав руки из брезента, я захлопал в ладоши. Результат был предсказуем — тучу насекомых мгновенно сдуло. Те из суперкомаров, что не разбились о стволы деревьев, опасались теперь даже кончик носа высунуть с опушки.

Тем временем Лесная решила вынырнуть для разведки. Кое-как проморгалась и, не обнаружив москитов, воздвиглась из болота во весь свой немалый рост. Ее бы немного подсушить, и можно ставить хоть на площадь вместо статуи, хоть у борделя в качестве рекламы особо грязных развлечений...

А вот подрывать берег лужи Раптору не стоило. Перебор вышел. После третьей попытки раз за разом срывавшаяся Леах полезла вверх на четвереньках уже в полном озверении, озираясь вокруг в поисках виновников или хотя бы тех, на ком можно сорваться. Я порадовался, что под брезентом, за забралом дуршлага в таком качестве совершенно неопознаваем. Зато парни из Четвертой Отдельной отнюдь не собирались отыгрывать роль немых статистов.

Вся КадБригада в один голос хохотала над барахтающейся у них под ногами глиняной фигуркой. Словно сотня железных бочек с горы катилась. Взбешенный визг светлоэльфийской дивы, потрясающей сжатыми кулаками, на этом фоне был совершенно не слышен. Спустя пару минут это дошло и до нее самой.

Выпрямившись, как палка, оставляя за собой широкий грязевой след, высокородная ау Риер направилась к своей импровизированной купальне — ждать, когда вода наберется заново после утреннего транжирства. Совершенно деревянным, едва ли не строевым шагом она прошла сквозь ряды кадоргов, при этом не поднимая глаз от земли и не пытаясь уже поставить на место нечаянных зрителей.

И правильно. Гневно-осуждающие взгляды у глиняных кукол обычно не получаются. Необходимое для этого выражение лица надежно скрывает грязевая маска. Так что нечего щериться и пучить глаза попусту. Да и суперкомариные укусы уже давали себя знать — на ходу эльфь ежилась и нервно передергивалась.

Весь остаток дня, даже отмывшись, получившая урок стерва шмыгала по лагерю тихо, как мышка, под смешки железных парней. Занавес над представлением опустил лишь милосердно наступивший вечер. Да и то лишь для зрителей, а не для примадонны: в шелковом шатре до рассвета не гас свет и метались причудливо сплетенные тени. Можно было даже посочувствовать — сейчас у светлоэльфийской дивы чесалось абсолютно все.

А почесать было некому.

3
Время собирать неприятности

...Знают только сосны и янтарная смола,
Как в высоких травах заплетаются тела,
Моя любовь, ты моя любовь,
Ты спроси у флейты из сухого тростника,
Что на дне своем скрывает мутная река,
Моя любовь, ты моя любовь...

Вынужденное безделье, заполняемое только авралами, в изобилии поставляемыми Лесной, надоело окончательно. Настала пора брать инициативу в свои руки, покуда Леах после сеанса грязевразумления по углам тыкается. Заняться чем-нибудь полезным если не для инспекции в целом, так хоть для Концерна в частности.

Например, исполнить то, что еще в первый вечер на новом месте в голову пришло, — обозреть местный контингент профессиональным взглядом, а где необходимо и возможно, неполадки поправить. А то с самопочинкой у кадоргов, чую, дело туговато обстоит. Совсем захирели без присмотра, болезные, и мелкие зеленые гоблины им тут не подмога. Если сегодня всех не сдюжу, назавтра продолжить можно будет. Как раз пара часов до начала работ остается, чтобы дело это запустить, а там по одному, по паре и со смены снимать можно будет.

Начинать, понятно, следует с капрала Зарецки. И по ранжиру, и по обстоятельствам правильно будет. Над КадБригадой поставлен, а моим умениям свидетелем был и с опресни-

телем, и с Хармом. Знает, что допустить до себя можно, плохого не сделаю.

С псом вообще как нельзя лучше вышло. Тут я просто отличился. Вроде как выполнил негласное правило обращения с кадоргами — издалека заходить. Уж всяко не хуже живорезов из «Сострадательного Саина». На собаке попрактиковался, можно к хозяину переходить. А за ним и прочие потянутся...

Конрад обнаружился все у той же водокачки, где с явным неудовольствием взирал на обильно загадившие плац следы омовения высокородной. Видно было, что в противовес остальным альтийцам благородного искусства мести мастер-капрал не одобряет. Однако и сам убирать за неряхой не настроен. Что ж, найду и чем отвлечь командира КадБригады от размышлений, и кого припрячь к устранению последствий недавнего безобразия. Меня-то он по-любому в этом не задействует...

— Регламент давно проходил? — бросил я вопрос вместо приветствия.

Кадорг задумался, шевеля губами в подсчете недель. По всему получалось, что все сроки маготехобслуживания у него затянуты вдвое, а то и втрое против положенных. Совсем себя запустил, непорядок.

— Так... недосуг все, — осознав это, замялся Зарецки.

— Понятно, — перебил я. — Хочешь, займемся?

— И то дело. Давно пора! — Капралу идея понравилась.

С готовностью он присел и согнул лапищу в локте, отставив ладонь ступенькой — словно лестницу выстроил к технологическому входу в корпус. Иного приглашения и не надо, для знающего наладчика это верный сигнал к началу работ...

Не откладывая дело в длинный ящик, я подхватил сумку с рабочими амулетами, затянул потуже инструментальный пояс и полез по подставленной руке к люку доступа персонала. Стоило оказаться внутри, как кадорг выпрямился по стойке «смирно» и законтрил тормоза на суставах, чтобы не натворить лишнего при прогоне тестов по цепям управления. И питание от ходового котла ко всему, кроме жизнеобеспечения, отрубил сам. Молодец.

Если б только он так же помог с определением неисправностей! Но тут капрал молчал, как тесайрский пленный на допросе. Хорошо хоть эльфов при том не проклинал, как те

обычно делают вместо ответа на каждый вопрос. Мялся лишь да говорил «терпимо» или «не особенно». Приходилось все вытягивать самому из хрустальных шаров да самоцветов контрольных панелей. Слава Судьбе, опыта на то хватало...

Тем более что список алхимических и механических хворей у него набрался порядочный. С виду и не скажешь — молодцом держится, расслабляться себе не позволяет. Но таких молчунов недуги исподтишка точат. Лучше бы уж жаловался, как это заведено у людей, да и вообще любых разумных — рассуждать о своих болестях с особым энтузиазмом. Так, что соломинка в глазу не бревном, а цельной башней покажется.

Да уж, вправду есть чем заняться у Зарецки. Тестовые прогоны показали многие из привычных неполадок плюс пару магических расстройств, которые встретишь не во всяком наставлении по материальной и нематериальной частям. Наладчики со стажем о таких былины складывают. Так что будет мне теперь время профессионализм показать, а заодно и выведать кое-что.

Насчет цели нашей с высокородной инспекции. А то за кутерьмой первой пары дней как-то ничего яснее не стало. Этак здесь на неделю завязнуть можно, а там и вовсе поселиться. Меканские топи цепки и попросту никого не отпустят, если удалось прихватить на чем-то. В мои же планы повторно тут завязнуть никак не входит. В конце-то концов, у меня дома жена...

Для того чтобы залезть капралу в душу, пришлось забраться ему в самые потроха. Точнее, как раз между ходовым котлом и ретортой жизнеобеспечения. Тесновато, конечно, зато располагает к откровенности — как место, так и занятие. Тройной обогреватель у капрала давно уже барахлил, на соседние чакры тоже наводка шла. Ему-то наладить все недосуг было, да и неудобно. Все равно, что у самого себя с помощью зеркала аппендицит вырезать. Или хрустальный шарик вместо пилюли заглотить, желая посмотреть, что в кишках делается...

Так что процедура обоим пользительна оказалась — Зарецки для здоровья, так сказать, телесного, а мне для душевного. Под позвякивание инструментов и шорох амулетов разговор как-то сам собой пошел.

— Слушай, ты где так наловчился? — Обращаться на «вы» к засевшему в брюхе ремонтнику для кадорга невместно ста-

ло, будь я хоть трижды инспектор, к тому же непонятным образом эльфийского достоинства. Весь вчерашний день в обращениях путался, на полуслове осекаясь, после того как в мой статус вник, а тут определился. И то дело. Не со своим же, меканцем, в церемонии играться.

— Так я ж одно звание, что высокородный, — поделился я наболевшим. — А сам все тот же капрал войск магподдержки в запасе. Последнюю войну от звонка до без полугода, с ранением. Маготехник второго класса.

— А-а... — протянул, вникая, Зарецки. — А как же так?

— Да вот так!

Слово за слово, изложил я ему свою историю от первой стрелы в спинку кровати и до самого отбытия сюда, в инспекцию переклятую, надеясь, что доверия в общение это подбавит больше, чем зависти. После чего счел себя вправе осторожно поинтересоваться в ответ:

— Сам-то из Тайрисса?

— Ага, — покладисто бухнул Конрад. — А что, акцент заметно?

— Имя тамошнее, с Альтийских гор. — Обрадованный тем, как идет разговор и спорится работа, я, не думая, продолжил вопросом: — У тебя родители оба трансальтийцы были?

Хотел похвалиться знанием мест да обычаев, а вышло, что за живое задел. Хоть и сразу заметил, что о невозвратном прошлом ни один кадорг ни слова. Как-то теперь среагирует на зацепку капрал, официально погибший, от всей жизни Последней Завесой не хуже мертвяка отгороженный?

— Отец только. — Совсем было обошлось, да тут его последние слова вопроса догнали. — Почему были? И сейчас есть. Мать. За меня теперь почетную пенсию получает. По смерти кормильца...

Ну вот, поговорили по душам. Теперь только бы выбраться без урона из неживой утробы премьер-капрала. А то знавал я наладчиков, которых сбрендившие осадники ненароком в себе морили. У Зарецки теперь вполне достаточно причин повторить со мной этот нехитрый фокус.

На мгновение отпустив тормоза, кадорг и в самом деле тяжело заворочался — переступил с ноги на ногу, должно быть. Но этим дело и ограничилось. Переоценил я обидчивость посмертно живого. Или отходчивость недооценил.

— Твои-то как? — в ответ поинтересовался он. — Порадовались, небось, за сынка?

Вот тут он меня нежданно для себя самого на место поставил. За глупый вопросик умным отомстил. Того не желая, да в самую точку.

— Клановый я... — Вздох удержать не удалось. — В городе это совсем не то, что у вас в горах. Скорее, банда наследственная. Как говорится, отец — клан, мать — кухонный казан, братья-сестры — гвозди востры... Да и тех теперь не сыщешь. Сгинул клан в войну, кто жив — затерялись... И как бы еще приняли такого, в эльфы затесавшегося... Лучше уж людей не бередить, если хоть какая своя жизнь сложилась.

На один манер в чем-то у нас история получилась. И в суть капрала-кадорга я после этого как-то лучше вник. Когда наново живешь, старое хоть и помнится, да не каждое мгновение. Не пропадает никуда, но и не жжет неотступно.

— Это точно! — неожиданно понимающе подбодрил меня Зарецки. — Вроде как в офицеры выйти, когда ни родные тебе не свои, ни высокородные.

— Ты оттого на курсы и не поступил? — озарило меня. — А то способности командные-то видны...

— Да нет, — покаянно как-то объяснил он. — Я вообще по призыву, не своим умом пошел... В премьер-капралы выбился, а дальше ходу не было, даже пока в своем теле обретался. Только по должности до «мастера» дорос.

А, ясно... Тут Конрад прав. Офицерское звание старослужащим недоступно. Человеку вообще надо вольноопределяющимся службу начинать, по своей воле в армию идти в надежде на чин. Да еще деньги на патент офицерский иметь приличные. Так что особый прогресс Зарецки и вправду уже недоступен, даже если бы не кадавризация.

Но и унтерское сословие имеет свои карьерные вершины, повыше иных офицерских. Мастер-капрал — только первая из них, в масштабах полка. Квартирмейстерской службы капральство, если по полной форме. А там горизонты и пошире открываются.

Так что стоит капрала-кадорга уже дивизионного уровня настроить на этот, куда более жизнерадостный лад. В рамках вполне доступной ему и в нынешнем виде-звании карьеры.

— Еще капралом армии походишь! Да что там армии —

капралом рода войск! — уверил я ветерана, споро закручивая последние барашки на люке шестой чакры.

— Это каких же таких войск? — неожиданно всерьез переспросил меня Зарецки.

— Ну, этих... Кадавризированных частей, — как само собой разумеющееся, бодро сморозил я.

То есть еще не понял, что именно сморозил, а не просто сболтнул, как в прошлый раз. Потенциальный капрал национального масштаба надолго замолчал и снова глухо заворочался. А потом еще более глухо пророкотал внутрь себя, так что у меня чуть уши не заложило:

— Да хоть бы вовсе тех войск не было! Остаток процентов биоадекватности за то готов отдать! Все двадцать восемь, как есть!

На это сказать нечего было. Урыл мастер-капрал чужака, на месте закопал, так что и сапоги из меканской грязи не торчат. И откуда только взялось у меня бодрячество это эльфийское? Привязалось, видать, незаметно, как запах. А не надо бы так-то. Соизмерять следует свой задор с реальным положением дел.

— Прости, если что... — осторожно подал я голос. — Судьбу дорогой не обернешь, хотя та тоже лентой вьется...

— Ладно, проскакали, — донеслось в ответ снаружи. — У всякого понимание свое.

— Однако дело делать все равно надо, на неурядицы такие не сбрасывая, — не удержал я бередившее душу.

И верно поступил, как оказалось. Настоящий разговор, ради которого все было затеяно, только теперь и начался:

— Не скажи, неурядицы всякие бывают... — Зарецки тяжело вздохнул. — Вот, инспекция твоя — с чего, думаешь? А с того, что при всем нашем усердии уперлись мы тут во что-то хуже, чем рогач в новые ворота. Слушай вот...

Из рассказанного капралом сразу выяснилось, что понимание проблемы у нас сходное. Не в кадоргах суть. Прежде, при всех своих странностях и таком же беспорядке, норму освоения КадБригада давала без труда. Как вышли на песчаные отмели болотного острова, на краю которого нынче лагерь приткнулся, так думали, вовсе легко дальше пойдет.

А оказалось наоборот. Размеренное и тяжелое, как поступь осадника, наступление освоителей на топь именно тут и за-

вязло. Казалось, джунгли каждый раз отбрасывают натиск разума — когда на шаг, на полшага, когда лишь на ладонь, а когда и на двухдневную выработку назад!

Остров словно оборонялся, ведя войну по всем правилам, с засадами и отвлекающими маневрами, притом без всякого внешнего участия, как человеческого, так и кадавренного. В общем, списать заминку на тесайрские козни не получалось. Во всем происходящем не было ни следа привычной магии одной из разумных рас. Зато неразумной и непривычной — столько, что удивление берет. Будто природное колдовство всего Мекана свилось в тугой узел, чтобы освоителей наотмашь хлестнуть.

— Да ты сам увидишь, — подытожил мастер-капрал. — Сегодня приметь, где вечером встали, а завтра сравнишь...

— И то верно, — кивнул я головой, хотя знал, что Зарецки этого не увидать. — Вешек на каждую дюжину ярдов наставить надо, чтобы вообще без ошибки было!

— Сделаю... А еще остров этот проверить не худо бы, — добавил Конрад совсем доверительно. — Сам бы сходил, да руки все не доходят. К тому же тяжел я, без гати не везде пройду. А больше послать некого — кто надежен, тоже нелегки все, а кто пройдет, вроде Бу, те не в себе. Вот, Харма отправил бы, да как он расскажет?

— Так давай я схожу! — пришла на ум та же идея. — Как раз с Хармом, для страховки!

— Давай, — с явным облегчением согласился кадорг. — Спасибо. Тебе-то и способнее, и нужнее, и понять больше сумеешь. Да и по совести вернее, чем кого из моих отправлять.

— Ага, — признал я его правоту. — И правда, так способнее будет.

И по совести, и по пользе делу. На последние слова Зарецки обиды не было. Тут суть не в желании выставить чужака под удар, в неизвестное. Просто у капрала-кадорга самая главная черточка правильного командира к случаю проявилась. Не дело это — других, за кого ответ держишь, слать туда, куда сам не пошел бы при крайней нужде.

Кто бы это офицерам высокородным в меканскую войну объяснил... Или тем из человеческих, а то и иной крови, у которых жажда выслужиться пуще эльфийского задора да дури...

На этом как-то разговору нашему разом край пришел. И маготехосмотру тоже. Закрутив понадежней многочисленные лючки и заглушки, я полез наружу.

Оказалось, что за время, проведенное мною в утробе капрала, все кадорги собрались вокруг нас и теперь с любопытством следили за неуверенными поначалу движениями и шагами своего командира. Зарецки опробовал перенастроенное тело, постепенно входя во вкус. Воздух с гудением рвался под его размашистыми движениями. Лучшей рекламы и придумать было невозможно.

— Порядок, — вынес мастер-капрал оценку моим трудам. — Благодарствую! Как с завода, новенький!

Остальные, словно того и ждали, загалдели в один голос, выясняя, за кого я примусь следующим.

— В очередь, сукины дети, в очередь! Не напирайте! — пришлось даже рявкнуть Конраду, одергивая свою братию. Попотчевал он подчиненных едва ли не дословной цитатой из книжки про сумасшедшего эльфа-целителя, который на таинственном трансзодиакальном острове делал новых людей из собак и прочей животины на пару с ассистентом-трансальтийцем.

С собаками, точнее, с одним-единственным псом Хармом, я, помнится, разобрался еще вчера. Настала пора пациентов разумных, впрочем, организованных едва ли лучше собачьей своры. Хорошо хоть с вожаком им повезло. Но и то, покуда подоспевший Раптор не отвлек кадоргов парой прибауток, метко осадив самых рьяных кандидатов на починку, капрал едва справлялся.

За день удалось осилить ремонт всей КадБригады. Правда, провозился дотемна и умотался до полного остолбенения. Так что на следующее утро основательно проспал, пропустив начало очередного приступа светлоэльфийской деятельности. Собственно, и проснулся-то лишь от гвалта кадоргов, перемежаемого пронзительным визгом высокородной.

По ее милости через день приходится вскакивать и одеваться, как по боевой тревоге! К тому времени, как я добрался до плаца, собрание на нем вступило в крайний градус. Лесная на импровизированной трибуне шаманила, словно кан-

дидат перед выборами. Только крикунов не хватало с партийными лозунгами. При всей ныне обретенной потрепанности пафосу эльфь нагнала, как три луны разом — волну приливную. Будто не она вчера по лагерю глиняной куклой бегала, поминутно скребясь, словно вшивая. Нет на дрянь стыда...

А чего еще ждать было? Добро долго не живет. Весь воспитательный эффект от вчерашнего покусания суперкомарами с последующим грязелечением уже на нет сошел. Малиновые бугры-волдыри от укусов еще видны, медь на волосах от здешней болотной жижи наполовину в зелень перелиняла малахитовыми разводами, да толку-то! Даже в столь потраченном виде светлоэльфийская дива не утратила внутреннего позыва к социальной активности.

— Это не лес. Это живая гниль, исполинская плесень, воплощенное зло! То, что растет здесь, не имеет права называться деревьями! — распиналась Лесная не хуже покойника Нохлиса, похоже, обвиняя во всех бедах непосредственно меканские топи. Что от истины было недалеко, но при этом как-то неконкретно и слишком уж неуважительно. Во всяком случае, для того, чтобы призывать к сколько-нибудь осмысленным действиям со всей ответственностью и пониманием последствий.

С последними словами высокородная ау Риер сбежала с пустотелой скорлупы корпуса сверхтяжелого осадника по его же бывшей ноге, приставленной сбоку, и устремилась за периметр лагеря в направлении вчерашней выработки. Кадорги, на удивление, покорно побрели за ней. Да и я следом потопал, чтобы окончательно не упустить нить происходящего.

Достигнув лагерного периметра, колонна освоителей отчего-то замедлила темп продвижения, так что догнать их труда не составило, Леах даже вылетела вперед за общий строй в силу никуда не годной способности к торможению. Моральной более, чем физической, но и последней тоже.

Волей-неволей и я выбрался за ней на передний край. Не перекрикиваться же через головы тридцатифутовых гигантов в попытке распределить компетенцию. В смысле, качать права и пытаться усмирить неуместную вспышку взрывного эльфьего темперамента. А придется ведь — на самотек ее инициативы пускать никак нельзя. Хорошим они еще ни разу не кончились...

Так, кого ждем? На этот риторический вопрос Судьба преподнесла ответ скорый и недвусмысленный.

— Поберегись!!!

Позади раздался рокочущий гул и бульканье, и подоспели несколько отсутствующих осадников, толкая перед собой огромные баллоны, меченные синей и тремя белыми полосами накрест.

Завидев эту тару, я едва на столб ограждения не полез. Не со страху — с разумной осторожности. Случись во внутренней оболочке этих бочонков прореха... кадоргам-то что, они неживые, пусть и только снаружи, а мне верный конец. Или такое увечье, после которого кадавризация окажется единственным выходом.

Округлые бока баллонов проплывали мимо в опасной близости от меня. Рокот ударов по выбоинам и густой плеск содержимого доносились с неприятной четкостью. Демоны дурной погибели! Только этой мерзости тут не хватало!!!

Леах что, вконец сбрендила после давешнего купания?! Не может же она не понимать — в случае чего ей не лучше придется! Однако решилась же. Видимо, не на шутку в раж вошла, раз посмела изъять со склада такое жуткое оружие, как биоактивный растворитель. В мирное время его допустимо применять только под расписку и с точной дозировкой. А тут кадорги, как выпивку на разгульном пиру, выкатили цельные, опечатанные штампом алхимзавода бочки с «ведьминым студнем».

Да, спорить нечего — сильнее «голубой гибели» только стратегический светосброс. Ничто живое во всем мире не устоит перед биорастворителем. Применять его без хорошей войны в качестве оправдания — себе дороже, чистое безумие. Однако для меня данное сумасшествие станет неплохим поводом привязаться к высокородной на предмет разбазаривания и нецелевого расхода жуткого зелья.

Авось удастся загнать обратно инициативу Инорожденной вместе с баллонами смертельно опасной голубой слизи, словно хисахскому факиру, играющему на блок-флейте — ручного дракончика назад в корзинку. Вот только факир из меня сейчас никакой. От «разумной осторожности» коленки едва друг о друга не стучат и зуб на зуб не попадает. А уж слова на язык не идут и подавно. Но отступать-то некуда!

Огибая по широкой дуге смертоносные бочки, я нагнал сумасбродную эльфь, загородил ей дорогу и вытянулся во весь рост — стойка «смирно» лучший способ унять дрожь в коленях. Тут же нашелся способ превозмочь собственную бессловесность. Как и позавчера, на подмогу пришел канцелярский слог.

— По какому праву ты распоряжаешься личным составом и оборудованием?

Ответа я дожидался с запалом заведомого победителя, готового гнать и не спускать.

Но, в отличие от эпизода с запасами воды, сегодня у Инорожденной нашелся рациональный аргумент. Со ссылкой на устав инспекционных мероприятий, который я удосужился-таки просмотреть перед дорогой. Что удивительно, она, как выяснилось, тоже не пренебрегла сим документом. Совершенно против своего обыкновения — хотя полностью в струе общей зловредности...

— В соответствии с пунктом вторым раздела «О допустимых действиях», — с неприкрытым самодовольством отчеканила эльфь, — любой из инспекторов может однократно отдать необсуждаемый и неотменимый приказ! Причем до его исполнения никто иной не имеет права противодействовать или отдавать противоположные и саботирующие указания!

Крыть мне было явственно нечем. Вот уж действительно, и составители уставов не все предусмотреть способны. Инициативных дурищ на несвойственных им должностях, к примеру...

— Это болото нуждается в волевом импульсе! — меж тем продолжала Леах. — Да-да, я не о топях, а о лагере этом закисшем! Единственное, чего здесь всем не хватает для исправной работы, — хорошего пинка, чтобы забегали! И я его обеспечу!

Кадорги вновь недовольно загалдели вполголоса, глухо, словно обвал в глубокой шахте. Но перечить высокородной не решились — не тот калибр. Та, все же почуяв раздражение потенциальных исполнителей необсуждаемого и неотменяемого, слегка сменила тон, перейдя на более воодушевляющие резоны.

— В каждом деле есть главное слово, решение, которое может все правильно повернуть! И раз тут никто на него не

способен, — тут она явственно покосилась в мою сторону, — приходится все решать самой!

Финальную ноту зараза эльфийская верно выбрала. Еще и потупилась скромно, сделавшись на миг неуловимо трогательной. Кадорги, падкие на девичью слабость и демонстративную стойкость хрупкой — в сравнении с ними — эльфи, мгновенно размякли. Теперь они были готовы за ней хоть куда. Хоть на Мирового Землезмея с заступом...

Лесная поняла, что обстановка окончательно переломлена в ее пользу. Картинно махнув рукой в направлении кромки деревьев, она застыла в величественной, по своему разумению, позе и проорала:

— У меня есть право на необсуждаемый приказ! И этот приказ — вперед!

Тяжеловесные туши осадников затрусили мимо нее и меня в указанном направлении, катя смертоносные баллоны. Как заклятая шарманщиком марионетка, светлоэльфийская провокаторша мерно вопила в качающиеся спины лозунг за лозунгом, не снижая волевого напора:

— Дружно! Храбро! Вперед! Одержать стихию мощью разума! Все — на одержание!!! С вами — Сила! С вами — Воля! С вами — Победа!!! — Ее скандирование удивительно точно вплеталось в ритм тяжелой поступи кадоргов.

Быстро, однако, освоила Инорожденная пропагандистский лексикон. В том числе сугубо местный, если судить по непонятной доселе надписи на воротах лагеря. Вот, значит, в каком смысле «одержание»... Хоть от сердца отлегло. Представлять здесь кого бы то ни было одержимым в полную силу как-то по определению не хотелось. Даже саму высокородную, как к ней ни относись в конце концов...

Хотя аккурат теперь Четвертую Отдельную КадБригаду можно было в известной степени считать одержимой. Одной-единственной социально активной светлой эльфью, которой не пойми в какую часть тела ударило стремление проявить себя. За чужой счет, разумеется.

Оставалось только ждать последствий, с не слишком могучим упованием, что их масштаб окажется преодолимым. Хоть молись Деве-Радуге, богине всех надежд. Хотя кто такая одна из четырех божеств Дня по сравнению со своей смертной сестрой? Да еще укрепленной в собственных намерени-

ях правом неоспоримого приказа. Эльфийская бюрократия по нынешним временам будет посильней эльфийских же богов. Если кто ею одержим, так просто не справишься. И как изгнать этот враждебный дух, до сих пор никому на ум не приходило.

А я... Что я? Ничего не могу поделать до исполнения этого массового позыва к самоубийству. Там посмотрим, что удастся спасти и как самому выкрутиться...

Нечего зря голову ломать. Раз не в моей власти коренным образом повлиять на ситуацию, подыщу хотя бы для себя местечко побезопаснее, насколько это вообще возможно здесь и сейчас. Время есть, пока КадБригада на рубеж выходит. А пока остается лишь тащиться следом за стеной громадных спин, в облаке пыли от топочущих ног, которым любой слон позавидует.

— Ста-ановись! — донесся от самой кромки джунглей командный визг светлоэльфийской дивы.

Тридцатифутовые человекоподобные фигуры развернулись в неровную цепь как раз по ширине частично подтопленного перешейка, отделявшего ту зону острова, на которой располагался лагерь, от еще не освоенной. На другой стороне в изобилии виднелись остатки предыдущих попыток штурма — насыпи явно искусственного происхождения и завалы рукотворного хлама.

Среди них-то и отыскалась подходящая позиция для стороннего наблюдателя. Не до такой степени в стороне от предполагаемого участка одержания, как хотелось бы, зато на небольшом возвышении. Этакий курганчик, на котором возвышалась разлапистая тренога какого-то малознакомого метателя. Хоть «ведьмин студень» сюда не затечет, и то страху меньше.

Не теряя времени, я подобрался поближе к намеченному укрытию, заодно получив возможность подробно рассмотреть неизвестную боевую машинку.

Это оказался спаренный колесный стреломет. Какая-то помесь армейского болтового с полицейской сосискометалкой. Только вместо литых из каучука упругих «сосисок» приспособленный под непрерывное извержение пучков надсеченных плоских игл в пять дюймов длиной и полдюйма шириной. Да еще с колбами дефера, мертвящего зелья, над обоими лотками.

Так... Что-то еще помню из армейских навыков. Отвести боевой упор, раскрутить качающейся педалью маховик. Спуск на правой рукояти — установка боевого упора в положение «огонь», на левой — сцепление селектора питания. Если выжать обе, метательный стакан получит порцию игл, а боевая планка сорвется с упора, ударив его в донце. И так — каждый оборот маховика, пока не кончатся иглы или не поступит команда прекратить огонь.

Ну, команду я здесь и сам себе могу подать. Однако непривычной системы метатель. Тесайрский, что ли? Трофейный, видимо. Боевой сувенир типа вражеского амулета или там губной гармошки. Для кадорга-то тяжелый станковый стреломет — что-то вроде одной из этих штуковин, по размеру аккурат приходится. Как для меня, к примеру, клинок трофейный — крис Мангровой Дельты или крюкортик Воина-Жреца. Красивая вещь и завидная добыча. Настоящий знак боевого отличия, символ памяти о минувших сражениях. Тогда ясно, чего они его с собой таскают и перед самым вражьим логовом выставляют красоваться. По привычке, хотя враг сменился уже давным-давно...

Только привычки любого противника здесь не меняются. Будь то люди Тесайра, будь то сами топи Мекана. Спуску солдатской душе давать не склонны ни те, ни другие.

Вот и сейчас джунгли обеспечили всем нам отнюдь не вдохновляющее зрелище. Вешки, с вечера выставленные Зарецки по нашей с ним договоренности, Мекан поглотил до последней, вернувшись на отвоеванную вчера землю непроходимыми зарослями.

Кадорги неуверенно топтались у кромки подступивших обратно джунглей, не зная, что теперь делать. За ночь от вчерашней расчистки не осталось и следа. Будто не дюжина часов прошла, а столько же сезонов — пни, стволы брошенные сгнили, новые поднялись в прежний рост, лишайники, мхи да лианы переплели и укрыли все плотной сетью. Как не здесь я вчера по вырубке прохаживался. Силен Мекан...

Единственной, на кого столь явная демонстрация мощи топей не возымела требуемого эффекта, оказалась Леах. Светлая эльфь прохаживалась туда-сюда за строем, как гиена за решеткой зоосада — хищно, монотонно, неостановимо, словно гипнотизируя джунгли и подчиненных своим напором.

Наверное, ей казалось, что так она напоминает полководца перед битвой... книжного и перед книжным же побоищем. Ерунда. Настоящие генералы накануне основательной бойни забиваются поглубже в блиндаж и торчат там, отставив зады, над оперативными столами и хрустальными шарами, заклятыми на связь и разведку. Высокородная в такой позиции выглядела бы соблазнительно, не спорю. Вот только меня в ее исполнении уже абсолютно ничего не заводило. Опаска да отвращение все пересилили. С гиенами постельных танцев не пляшут, будь у них хоть трижды течка...

Уразумев, что на сегодня от кадавризированных организмов боевого порыва ждать не приходится, Инорожденная Дня решила подбодрить их личным примером — извлекла откуда-то более-менее подходящий к ее размерам топор и просочилась сквозь строй к самой кромке зеленки. И где только нашла эту стальную игрушку чуть меньше моего роста?

А, ясно, откуда инструмент — следом за ней плелся Большой Бу, в первый еще день виденный с мячом, обжитым военно-полевыми мышами. Тот самый, которому при кадавризации досталось шасси самого мелкого антропоморфа, саперного. Всего-то размером с крупного огра, каковым он и был при жизни.

Из-за этого забывший себя кадорг оказался в Четвертой Отдельной на роли кого-то вроде полкового воспитанника и со временем приобрел некоторые инфантильные черты, в критических ситуациях выходившие за пределы вменяемости. Вот и сейчас он увязался за высокородной ау Риер, плаксивым басом приговаривая: «Бу-у! Отдай, тетенька! Топорик казенный! Бу-у!»

С вяловатым интересом железные парни наблюдали за хай-леди, собравшейся замарать белы ручки работой, — неужто в самом деле решится? Отступать та не собиралась, и тяжеленный огрский саперный топор ничуть не был помехой ее порыву. Вывернув зазубренную махину над головой, Инорожденная Дня врубилась в ближайший ничем не повинный ствол. По броне впавшего в детство кадорга прозвенели щепки, лесина обреченно затряслась. Решилась-таки. Тормозов ей Судьба при раздаче пожалела, видимо...

Удар за ударом поочередно отдавался глухим эхом то от стены джунглей, то от строя КадБригады. Личный состав взи-

рал на происходящее во все большем замешательстве. Зрелище того стоило. Лесная, наотмашь рубящая дерево, — это что-то... Даже мне стало невместно.

Большой Бу бестолково топтался за спиной Леах, поминутно уворачиваясь от ее неловких замахов. Топором она орудовала азартно, но неумело, по-бабьи. Но все же справилась как-то и, навалившись всем телом на топорище, налегла на ствол, провисший в лианной сетке. Дерево качнулось и начало-таки заваливаться в глубь джунглей, пока не рухнуло с треском. Эльфь торжествующе обернулась, воодушевленная достижением.

Ответный ход Мекана не заставил себя ждать. Откуда-то из самой гущи зарослей с нарастающим хрустом и гулом вывалился здоровенный, с осадника толщиной, подгнивший ствол, пролетел в дюйме от высокородной и со всего маху пришел на кумпол Большому Бу. Тот только руками успел взмахнуть, как ныряльщик перед прыжком. И все. Конец пришел тридцати шести процентам его биоадекватности, так некстати впавшим в детство...

По неровному строю Четвертой Отдельной прокатился глухой лязгающий ропот. Как ни странно, именно смерть собрата оказалась тем, что заставило остальных забыть об осторожности. В бой их погнал не безумный приказ светлоэльфийской стервы, а вполне законное чувство мести за своего. Всей толпой ломанулись, высокородную едва не стоптали.

Впрочем, у той после удара возмездия наблюдалась некоторая прострация. Так что стремительно переваливающиеся туши кадоргов Леах пропустила мимо себя, лишь отрешенно покачиваясь, словно водоросль какая под течением быстрой горной речки.

В воздух полетели зеленые клочья и пальмовая щепа, засияли синим струи «ведьминого студня», заставляющие все живое расплываться в слизь. КадБригада крепко взялась за дело, вгрызаясь в стену джунглей наподобие исполинской цепной пилы, где вместо зубьев — тридцатифутовые гиганты из семи металлов, движимых пятью стихиями. Заточенные специально под разрушение укреплений в условиях противодействия вооруженного противника всеми способами, включая магические. В общем, кто на дороге встанет, тому не позавидуешь.

Поначалу все шло почти успешно. Заросли от такого неистового напора вроде как оторопели и с ответными действиями замешкались. То есть стояли под ударом, словно обычный бурьян на заднем дворе у фермера, решившего совладать с ним посредством косы, серпа и сучкоруба. Но бывалого меканского ветерана лживым спокойствием зеленки не обманешь. Слишком часто на моей памяти доверившиеся ей расплачивались жестоко и неожиданно...

Сейчас я тоже не смог бы с уверенностью сказать, когда топи исторгли противодействующую силу. Гуще ли стали тучи насекомых над сотрясаемыми удар за ударом кронами пальм, суматошнее ли метания существ, потревоженных одержанием, — не поймешь. Только не заметить набирающее силу глухое недовольство джунглей с какого-то момента стало уже невозможно.

Раскачивание ветвей под секущими лезвиями приобрело свой, самостоятельный ритм. Свежие побеги и листья заплясали, на глазах отрастая взамен отсеченных. Выплескивающиеся из лиственной тени стаи живых тварей обрели единство, расчетливо ударяя в кажущиеся слабыми места строя. Будь там кто другой вместо мертворожденных осадников — смяли бы, не заметив. Даже двенадцатифутовых огров с джунглерубами в половину их роста и в полном саперном доспехе, герметизированном магически от воздействия биоактивной среды.

От насекомых и мелкоптичья нектарососного, тучами вьющегося над побоищем, малость напрягшись, я выставил ветровой щит — что-то вроде вихря вокруг себя, любимого, дабы отсечь любую попытку испробовать жало или клюв на беззащитном, в отличие от корпуса кадорга, теле. Раньше не пробовал, только знал, что такая защита в ходу у Инорожденных соответствующих символипов. Но Мекан по особой нужде чему хочешь научит. И чему не хочешь, тоже...

Наземная мелочь пока что обтекала стороной курганчик со стрелометом, на котором я пристроился. Тех же, кто посерьезнее, до поры сдерживали железные парни. Ненадолго, конечно. Зверье перло, как тесайрцы под Та-Ханхом. Не остановишь. Только убить можно, да всех не убьешь.

Так что вскоре следует ждать зубасто-когтистых гостей и по мою душу. К тому же еще, небось, шипастых, колючих и

панцирных. Или все это вместе, как тесайрский дивнобраз-крохобор, который термитов на липкий язык берет, а во всех остальных, кого завидит, иглы ядовитые мечет, как заправ-ский стрелометчик. Удивительно покладистая и дружелюбная скотина. Образец местного гостеприимства!

Ну вот, дождался. Напророчил маг себе смертной жути... Между стволами замелькали приметные продольно-полоса-тые шкурки. Целое море оранжево-черных спин на уровне моего колена. Похоже, оправдались самые мрачные мои пред-чувствия. Так и есть. Стремминги.

Поодиночке вечно трясущаяся полосатая тварь с огром-ной пастью и хилым тельцем совсем не опасна. Какой спрос с грызуна, пусть даже меканского, с резцами в ладонь челове-ка? Вот только порода эта поодиночке не ходит. А собравшись в стаю-рой под несколько сотен числом, отчего-то испытыва-ет странную тягу к перемене мест. И если на пастьбе всеяд-ной мелкоте по определению ни до чего дела нет, то в дороге то же безразличие принимает куда более опасные формы. В корне несовместимые с существованием любого препят-ствия на пути роя.

Проще говоря, все, что стремминг не в состоянии с ходу перелезть или перепрыгнуть, он подгрызает. Один — сосенку или ногу человека. Двигаясь же в количестве сотен — два-дцатифутовый в обхвате баодед, все шесть ног слона по оче-реди или одновременно, да вообще все что угодно, кроме кам-ня и металла. Единственный способ спастись — забраться на валун или железный шест, подпрыгнув, уцепиться за лиану повыше или улететь. Залечь, конечно, тоже можно, но, во-пер-вых, нет гарантии, что стремминг не вздумает попробовать на зуб свежую падаль под ногами. А во-вторых, движущийся рой, жрущий все сьедобное по дороге, оставляет за собой бо-гатый след из непрерывно извергаемого дерьма.

Как дым из печи, валом из них прет. Не случайно на выг-рызенных в чащобе просеках подрост поднимается споро да дружно. Только на следующий сезон, когда перегниет эта от-рава и запах выветрится. На пути к спасению, конечно, указ-чиков не сыщешь, да жить каждому хочется, и все-таки луч-ше обойтись без последнего способа...

Причем какого демона стремминго в срывает с насижен-ных мест, никто не знает. Говорят, оттого это, что меканские

лесные духи на них в кости играют. Кто победит, тот и забирает стадо.

Но это не так уж важно. Главное — не попадаться на дороге у обезумевших грызунов. Чего нам, похоже, избежать будет очень и очень трудно.

Стремминги выплеснулись из-за стены джунглей. Ударили в ноги кадоргам — скрежет резцов по металлу был слышен даже отсюда. До самых колен осадников допрыгивают, а это повыше моих глаз будет. Хорошо, что подобия живых существ из семи металлов, движимых пятью стихиями, грызунам роевым не по зубам. Но и сдержать напор тварей кадорги оказались неспособны. Полосатые спины уже мелькали за строем антропоморфов.

Вот тут дело пошло всерьез. Я лихорадочно заработал ногой, раскручивая маховик колесного стреломета. Руки сами собой пробежали по стопорам и передачам, напоследок синхронно открутив вентили колб с мертвящим зельем над обоими лотками. Указатель оборотов колеса как раз поднялся в положение готовности к стрельбе.

Вовремя — обтекая кадоргов, поток стремминго грозил нахлынуть на меня. Здоровенные, в ладонь, резцы грызунов недвусмысленно намекали на исход столкновения. Ничего, отобьемся. Против таких надсеченные иглы, дефером политые, — самое оно. Врассыпную бьют, на месте кончают.

Застучали метательные планки, и в накатывающую волну грызунов ударили снопы зеленых искр. Каждая из них разбивалась на стальные осколки о любое препятствие — кость, зуб, просто оказавшийся рядом корень. Мертвенно светящееся зелье разъедало плоть за доли секунды. Стремминги заверещали всей оравой и попытались отхлынуть. Но не тут-то было — задние напирали, средние пятились, передние бились в агонии, разлагаясь заживо. Перед импровизированной позицией поднялся живой вал из визжащих тушек. Может, показалось с перепугу, но кое-где он достигал моего роста, что никак не радовало. Лотки стреломета суматошно метались с фланга на фланг. Надсеченные иглы в мертвящем зелье струями зеленого свечения подпирали беснующуюся живую плотину, не давая ей прорваться.

На мгновение я понял, что чувствует тесайрский стрелометчик-смертник, прикованный к своему метателю. Ох, зря

расчетам этих смертников не выдают огневую снасть карманного калибра. Чтобы подорвать себя не могли, что ли? Или тех, кто оставляет их на обреченной позиции...

Ничего, в отличие от них, у нас найдется чем переломить ситуацию. А то всей жизни бы мне, как тому тесайрцу — покуда в коробах установки хватит стрел, а в колбах дефера.

Торопливо я вытащил из подсумка пару фунтовых файрболов. Чиркнул шаром сгущенного горючего тумана по кресалу на наплечном ремне, примерился к броску. Разгорающаяся огневая снасть привычно припекла пальцы, как на тесайрском фронте, в Мекане.

Да я и есть в самом что ни на есть Мекане! А что напротив не стрелки болотные, не Воины-Жрецы, так разницы никакой. Сбрендившие «биомагические ресурсы», до которых Анарисс с Тесайром в равной степени жадны, искрошат меня в фарш в лучшем виде, с острой приправой из самих себя.

Удивительно, сколько всего можно передумать, пока файрбол к цели летит. Ну вот, долетел. Жахнуло — только клочки да щепки засвистели. Надо бы ему вдогонку еще добавить. Между первой и второй перерывчик небольшой...

Жахнуло еще разок. Где рукой махнул, там улица, где ногой ступил — переулочек, как тесайрцы поговаривают о своем Маге-Императоре, в былинах воспетом. А чем я хуже? С хорошим-то файрболом я и против самого Теса Вечного готов, не приведи Судьба, конечно. А приведет, так выстою. Он всего лишь человек!

Эк развоевался. Умерить запал надо, а то до добра не доведет. Опять эльфье высокомерие поперло, как в разговоре с Зарецки. От Лесной нахватался, что ли? Или, не исключено, опять последствия Меча Повторной Жизни сказываются. В качестве довеска к иным благоприобретенным способностям.

Может быть, их попробовать? Среда приложения как раз подходящая для магии рабочей функции. Зелени вокруг сколько хочешь. Если удастся силу топей саму с собой столкнуть, у всего этого безумного предприятия появится шанс.

Я внутренне собрался, пытаясь отрешиться от боевой лихорадки и почуять потоки силы растений. Ого, сколько их тут! Не потоки — водопады горные, прилив с отливом, водоворот Ротеро! Отделить пару струек и подозвать поближе оказалось плевым делом. Зеленый частокол ростков

выплеснулся из-под земли с воодушевляющей готовностью. Что бы с ними такое полезное проделать? Плетень защитный для начала, что ли...

Цепкие побеги с готовностью окружили стрелометную позицию, на глазах сплетаясь и крепчая. Теперь осталось только развернуть все эти шипы и колючки вовне, направляя против внешних атак. Ну-ка, попробуем...

Не тут-то было. Подчиняться мне вызванные силы, как в классическом анекдоте про ученика мага и метлу, и не собирались. Зелень поднималась все выше, стягивая ощетинившееся остриями кольцо вокруг опор треноги стреломета. От этого на плетеном сиденье лафета становилось все неуютнее. Да что там неуютнее — откровенно жутковато. Не до рефлексии, в общем, тут уже драпать надо!

Забравшись на станину, я оттолкнулся что было силы и ломанулся сквозь сеть колючих побегов. Едва успел — ткань комбеза и куртки продрало порядочно, кое-где и до шкуры шипы достали. Откатившись на более-менее чистое место, я лишь успел мельком увидать, как терновый клубок сомкнулся над брошенным метателем, стягиваясь все более туго. Только станина хрустнула да лапы треноги задрались нелепо. Остатки мертвящего зелья из расколотой колбы ненадолго сдержали напор зеленки, но взамен почерневших и растекшихся вонючей слизью побегов тут же поднялись новые. На самых верхних, заматеревших уже колючках гордо реяли полоски камуфляжной ткани из моей рейнджерской куртки.

Ладно, сам цел — и на том Судьбе спасибо. Встал, отряхнулся малость, осмотрелся. Кстати, о Леах вспомнил. Как там главная виновница всего этого смертоносного бардака? Не довелось ли ей стремминговым дерьмом умыться, а то и чем похуже, вроде собственной крови...

Высокородная обнаружилась в сравнительной безопасности. Да что там в сравнительной — в полной, если такая вообще возможна в самом сердце меканских топей. Нашла себе стерва светлоэльфийская надежное местечко — на сгибе руки Зарецки. И устроилась там поудобнее, опасливо подобрав ноги и вцепившись обеими руками в щиток бицепса осадника. Как только запрыгнула на такую высоту! Даже с ее ростом и силой Инорожденной — задача нешуточная. Чего только страх не сделает...

Капрал-кадорг был вынужден одновременно командовать прочими и защищать психованную эльфь, отмахиваясь от наседающих болотных тварей одной лишь свободной рукой. Видно было, что дается это ему все тяжелее. Если бы не Харм, прикрывающий ноги, не знаю, как Зарецки удержал бы напор джунглей.

Пес-кадорг умело стаптывал побеги бешеной «зеленки», а шальных стреммингов отбивал на лету — просто выхватывал из воздуха пастью и отбрасывал в стороны уже неподвижные, измятые тушки. Так их, а то распрыгались, как блохи на прожарке обмундирования. Как бы только нам всем этак не запрыгать!

Казалось, хуже быть уже не может. А если и может, то для этого что-то уж совсем жуткое случиться должно. Катастрофического масштаба. Явление богов Ночи средь бела дня или наоборот.

Хватило же совсем пустяка. Одной только долгоживущей смертной сестры Победивших богов и всей дурости ее.

Взвизгнув по-особому истошно, так что стало слышно даже сквозь гвалт одержания, Леах подпрыгнула на своем насесте, задергалась вся, как кадавр со сбитой настройкой, замельтешила конечностями, рванула вверх и, словно сумасшедшая белка по стволу, взлетела на самую вершину корпуса кадорга.

Безопаснее ей там показалось, что ли?

Так или иначе, но в результате Лесная засела на голове Зарецки наподобие плотной повязки, напрочь закрывая тому обзор.

Кадорг зашатался, поводя вокруг себя руками, словно внезапно ослепший человек, только в полдюжины раз больше. Стволы пальм под его лапами ломались, как зубочистки, неуверенные шаги крушили пни и подлесок, лианы рвались о колени. Зверье с перепугу поначалу метнулось прочь веером.

Ненадолго. Меканские джунгли чутки на слабину. Из бурелома, словно невзначай, медленно вывалилось здоровенное бревно, поменьше того, что Большого Бу прикончило, но все одно любому кадоргу достаточное. Нежно и незаметно оно легло под ноги капралу, придавив опорные площадки бронзовых лап.

Зарецки к тому времени сообразил, что именно послужило причиной дезориентации, и принялся бережно отдирать Инорожденную Дня от лицевого забрала. Эльфь цеплялась изо всех сил, выла, вертела головой и пыталась кусаться. Как при всем этом он умудрился не повредить ее стальными когтями — не понимаю.

— Шаугвахль! Аш-шуйр вахль!!! — Надеюсь, я правильно разобрался в корнях и выкрикнул именно то, что думал.

— Кровавая сука! Бешеная кровавая сука! — ответно прогудело, как в бочку, над моей головой.

Перевод довольно верный. Правда, «вахль» — не совсем «сука», а самка боевой гиены-убийцы. То есть по большому счету именно кровавая сука... Неужто Раптор кеннэ выучил?

Наконец обезумевшую вконец высокородную удалось отделить. В воздухе она вяло обвисла, словно ветошь. Капрал огляделся и восстановил равновесие.

Но было уже поздно. Целая связка стволов, сплетенная воедино бесчисленными лианами, легла за спиной кадорга, всей тяжестью наваливаясь ему под колени. Зарецки зашатался, словно обезьян-прямоход, пойманный за ноги в ловушку из бревен. Харм заметался вокруг, грызя лианы, пытаясь оттащить стволы. Тщетно. Джунгли неумолимо ставили капрала на колени.

Поняв, что самому уже не вырваться, Конрад оглянулся. Затравленно, как мне показалось. Но на самом деле капрал просто искал место помягче и побезопаснее. Не для себя — для стервы светлоэльфийской.

Найдя подходящее, он со всего размаха отправил высокородную в полет. Та пошла невысоко и без особых финтов. Летела, как плыла по-собачьи, так и приземлилась на кучу пальмовых крон, сваленных кадоргами в здоровенный сноп. Самое тихое место во всей этой заварухе. Ни стреммингов, ни горчичных слизней. Только мелочь всякая, не слишком кусачая, да и та от шлепка сверху порскнула из кучи во все стороны.

Зарецки досталось иное. Раскачиваясь на подгибающихся ногах, кадорг принимал на себя волну за волной бросаемых джунглями тварей. Стреммингы, безлапые квакши, шлангоносы — все, кто способен сбиваться в стаи, и те, от кого подобного ждать не приходится. Харма этот потоп просто смыл,

снес, отбросив едва ли не к нам с Раптором. Свой последний бой командир КадБригады принимал в одиночку, без верного помощника.

Долгие секунды казалось, что вот-вот Зарецки выправится и сбросит погребающие его под собой джунгли. Но природа сильнее любой магии разумных. Кадорг медленно, незаметно поначалу, начал клониться вперед. Оплетающие его лианы затрещали, зверье метнулось прочь из-под рушащейся туши осадника.

Тяжкий грохот, треск и плеск возвестили о падении на долгие лиги вокруг. Лицевым забралом капрал пришел как раз в сияющую голубым лужу «ведьминого студня».

Чем началась для Конрада Зарецки карьера кадавризированного организма, тем и закончилась. Оставшиеся ему двадцать восемь процентов биологической адекватности бесследно растворились, окончательно истекая в живую бесконечность Мекана.

«И ни во сне, ни наяву уж не отпустит топь...»

Все.

Казалось, все затихло. Не от уважения к смерти — тесайрский фронт от такого отучает сразу и навсегда, — а от масштабности потери, размера катастрофы. Которую распоследняя здешняя тварь не разумом — чутьем возьмет. Самая распоследняя...

Кроме высокородной.

Из трясущейся кучи пальмового листа неуместно доносились возмущенно-недовольные вопли. Опасное зверье потихоньку обживало безопасный оазис, одержанный разрушительной мощью разума, и надо бы прибрать оттуда Леах ау Риер ау Сниотта, уари Инерс. Это если по правилам. А если по совести...

Единственное, чего мне хотелось сделать по-настоящему, — это одним ударом тесака снести голову проклятой мрази.

Однако жизни наши друг на друга в этом походе записаны. Хочешь не хочешь, а спасай. Как оправдаться, если светлоэльфийская стервь найдет судьбу свою неминучую не при участии моем, так хоть в присутствии, еще не придумалось. Так что, скрепя сердце, пришлось указующе вытянуть руку в сторону пальмового стога и скомандовать:

— Харм, апорт!

Пес посмотрел на меня укоризненно, но не шевельнулся. Пришлось повторить приказ.

— Апорт!!!

Только тогда он поднялся и, набирая ход, потрусил исполнять.

Самое время. Стог уже изрядно осел и потихоньку подавался под атакой меканских тварей и всепожирающего биорастворителя. Еще немного, и все можно будет спокойно списать на несчастный случай. Но нет — возмущенный визг эльфи возвестил об удачном завершении по крайней мере первого этапа спасательной экспедиции. Из пальмовых листьев показалась голова пса с болтающейся в зубах фигуркой Инорожденной.

Харм в три прыжка вынесся из гущи одержания и швырнул поноску к моим ногам, как негодную падаль. Каковой, если вдуматься, высокородная Леах ау Риер и была все без малого пять сотен лет своей жизни. Светлая эльфь возмущенно встрепенулась, очухиваясь, но пес тут же припечатал ее меж лопаток стальной лапой. Не в полную силу — хребет не сломал, хотя стоило бы. Так, только вода болотная чавкнула.

Не знаю, как четвероногий кадорг угадывал, когда Инорожденная Дня открывала рот не для вдоха, а для злобной тирады, но именно в такие моменты он с абсолютной точностью взрыкивал и усиливал нажим, снова и снова окуная эльфь в лужу. Поэтому все взвизги и выкрики мерзавки завершались скорым и неотвратимым «плюх!».

Наконец высокородная заткнулась. Должно быть, вдоволь нахлебалась болотной жижи. И поделом — в сравнении с ее выражениями лужа куда чище смотрится. Хоть рот от всей этой грязи прополощет.

— Фу, Харм! — нехотя отозвал я пса. — Фу! Хватит!

Кадорг медленно убрал лапу и отошел в сторону, утробно рыча на одной ноте. Леах проводила его опасливым взглядом через плечо. И не зря. Поверить, что урок пошел светлоэльфийской дряни впрок, пес не мог, поэтому оставался настороже.

Добрую дюжину секунд она только шумно сопела, приподнявшись на локте. Молча. Затем отвернулась и принялась подыматься на ноги. Отворотил физиономию и я, занятый дезактивацией едва сдерживаемого песчаными отмелями

«ведьминого студня». Все внимание ушло на соответствующее заклятие. Как-то не ждал я уже от Инорожденной дальнейших пакостей. Норма за день и так перевыполнена — на пару лет вперед, не меньше.

Напрасно успокоился, как оказалось. Этот кладезь неиссякаем. Хорошо, что Харм успел несерьезно, совсем по-щенячьи взвизгнуть. Тут не захочешь — обернешься.

Вовремя. Не отряхнув толком ошметья лиан и грязь, Леах вытащила из-за пояса свой магический жезл и запалила на нем даже с виду нехорошее заклятие. Оранжево-зеленое свечение оттенка высшей тошнотворности. Как оно скажется на кадорге, в сторону которого жезл был весьма недвусмысленно направлен, я предсказать не брался. А узнать на собственном опыте и примере ни в чем не повинного пса и вовсе не был намерен.

— Не сметь!!! — одним прыжком я оказался между Хармом и Инорожденной, занесшей магический жезл. — Только попробуй!

— Что тогда? — прошипела взбешенная до предела женщина эльфийской крови.

Отвечать мне не потребовалось. Под судорожно сжатыми пальцами сам собой закрутился жгут бешено вращающегося воздуха, словно бич, выбивающий из болотного ковра клочья мха и грязные брызги. Лицо свело не хуже руки, кожа на скулах натянулась до боли, аж задеревенела. Так, наверное, ощерился, что кадоргу с его стальной пастью до моего оскала далеко будет.

Беснующуюся эльфь зрелище, похоже, проняло. Причем не знаю, что ее убедило больше — смерч в моей руке или моя перекошенная рожа. Так или иначе, ощерившись в ответ и согнувшись, будто перед прыжком на добычу, жезл свой Леах все-таки отвела в сторону — медленно-медленно, широким дуговым жестом. Заклятие, правда, с него не сняла, оставив наготове.

И то хлеб. Если не ошибаюсь, сие означает явную готовность к переговорам. Эмоции и прочая шелуха не в счет. Так начнем, не мешкая.

— Зачем же так с собачкой, а? — По уличной, клановой привычке серьезные разборки всегда с ернического тона начинать привык.

— Отойди! — Невозможность мгновенно исполнить свой замысел эльфь не остановила.

— Не, не выйдет. — Тянуть время, пока та не остынет, вряд ли осмысленно, но все-таки...

— Пес-ссс! Ос-сскорбил меня! — соизволила дойти до объяснений высокородная.

Уже лучше. Значит, точно договоримся. Осталось только найти условия, на которых договор удовлетворит нас обоих. Ну и Харма, разумеется. Желательно целиком, а не частями. На фиг мне кадорг, разнесенный на части заклятием?

Целый, конечно, тоже даром не сдался, но так хоть справедливо будет. Не дело за собственную глупость и злобу других наказывать. Хотя это как раз в эльфийских традициях. Причем именно у Инорожденных Дня. Ночные, те причину искать вовсе не приучены.

— Ну не так уж, чтобы очень... — Оттяну гнев высокородной на себя, тут не помешает.

— Не тебе с-судить! — зашипела она в ответ.

Увы, не вышло сбить стервь с толку. Попробуем иначе. На совесть надавим, хотя какая тут совесть... Одно самомнение с завистью пополам. И все-таки надо попытаться.

Отвлекая внимание эльфи, я повел свободной рукой вдоль поредевшего строя кадоргов. Отступившие с горем пополам железные парни сгрудились ярдах в двадцати от нас, милосердно скрывая за собой беснующиеся джунгли и безжизненные остовы погибших. И нельзя сказать, чтобы вид у выживших был особо дружелюбный.

— Пес тебя оттуда вытащил! Прибьешь его — кто тогда за тебя встанет?!

Следуя моему жесту, Леах обвела взглядом строй отдельной КадБригады Оррей-Гайт и то, что не слишком надежно за ним скрывалось. Ее перекошенное злобой лицо постепенно поменяло выражение. Не то чтобы эльфь раскаивалась или хотя бы успокоилась. Скорее сквозь маску бешенства проступили непривычные прежде для высокородной черты страха и бессилия. Не знаю, что именно она разглядела в напряженных фигурах кадавризированных посмертно солдат, но зрелища этого хватило с лихвой. Я понял, что могу выпустить воздух, скрученный в смертельное оружие, из уже изрядно уставшей руки.

Таким образом, к достижению договоренности мы теперь были не в пример ближе. Во всяком случае, инициативу проявляла сама высокородная.

— Пока эта тварь гуляет без привязи, с места не сдвинусь! — Голос эльфи звенел на пределе.

Да хоть бы она на том месте и корни пустила, мне-то что. Но общая миролюбивость посыла ясна. Правда, кто еще тут тварь, если посмотреть. И Леах на привязи лично я увидел бы с куда большим удовольствием...

— Ладно, ладно, только заклятие загаси, — в свою очередь примирительно выставил ладони я.

Светлоэльфийская стервь только головой мотнула. На подобные уступки она еще не была готова. Все же и такой прогресс в переговорах следует уважать.

— Слышали, что хай-леди сказала? — проорал я, махнув рукой кадоргам. — Поищите для пса веревочку!

Никто не сдвинулся с места. Пауза нависла слишком многозначительная. Обведя взглядом строй, я понял, что ошибся в формулировке требования.

— Парни! Ну я вас прошу! Поспособствуйте!

Шеренга заколебалась. Кто-то сдвинулся первым — кажется, Раптор. Кадорги побрели к лагерю в поисках подходящей цепи или каната. Последними с места снялись мы с высокородной и Хармом. Они по краям, я посередке, чтобы чего не вышло... Таким порядком и втянулись в главные ворота периметра.

Не знаю, откуда в хозяйстве бригады взялась якорная цепь от воздушного линкора, но ничем иным нагромождение ржавых звеньев — каждое толщиной в мое туловище — оказаться просто не могло. Высокородная не успокоилась, пока Харм не был посажен на эту цепь заместо якоря. Или самого линкора — это уж как посмотреть. Свою мощь и надежность верный друг любого разумного показал в бою. Спасая, между прочим, никчемную жизнь мерзавки.

Но хай-леди ау Риер к разумным, судя по всему, не относилась. Только увидав пса прикованным к опорам ближней к опреснителю цистерны, которую в лагере успели прозвать «водокачкой», светлая эльфь погасила тлеющее наготове заклятие и убрала разряженный жезл за пояс. Оглянулась при этом как-то затравленно и быстро-быстро убралась в свой

шатер, не опускаясь до объяснений и отчета о выполнении своего неотменимого и необсуждаемого приказа...

Вот так и завершилось бесславное одержание топей Мекана силами разума. Заодно с остатком жизней четверых кадавризированных посмертно организмов, включая Большого Бу и премьер-капрала Конрада Зарецки. И вместе с нашими с ним совместными планами по осмысленному и безопасному выяснению причин данного безобразия...

У костров вечером никто не собирался. В глаза друг другу взглянуть боялись, похоже. Да и мне, по совести, тоже разбор полетов устраивать не хотелось ни с кем. Про высокородную и говорить нечего — та едва заклятие невидимости на свой шатер не наложила. Огня не зажигала точно. Хоть до завтра утихла, пакость злотворная. На большее я уже не надеялся.

На самом деле в вынужденной изоляции имелось зерно пользы. Несколько свободных часов в своей палатке давали некоторый шанс связаться с домом. Точнее, с Арбитрами или ГенСоветом Концерна. С кем угодно, кто сумеет найти управу на социально-активную жизненную позицию хай-леди Леах ау Риер ау Сниотта, уари Инерс.

А если удастся пробиться, то и с Хиррой пообщаться можно будет. Отмякнуть сердцем после сегодняшнего. Правда, именно она напоследок перед отбытием и предупредила меня, что поговорить, скорее всего, не удастся. Ни одна раковина дальней связи ни сюда, ни отсюда, с Таругской петли, не достает. Даже лучшие, хисахские, глохнут, как пустышки никчемные. «Зона неисходимости и сомнительного приема» — так это называется.

Ничего, раковины раковинами, а в запасе еще хрустальный шар имеется. Инспекторам положено, Инорожденным позволительно. А так как я теперь и то, и другое, пусть не по своей воле, то и у меня в наличии данный предмет имеется. Конечно, надежды мало — магия связи для хрустальных сфер та же, что и для раковин, только канал пошире, чтобы изображение пропускать. Только визионерские да предикторские опции у шаров этих совсем наотличку.

Так что гарантий срабатывания никаких. Но чем Судьба не шутит, может быть, и пробьюсь. Хотя бы для того, чтобы

выяснить, на кого теперь оставить Четвертую Отдельную КадБригаду...

Шар, в отличие от раковины, исторгавшей только прерывистый шум, разгорелся коннект-сиянием сразу, устойчиво и надежно. Однако показывать то, что положено, не хотел упорно, хоть пальцы о хрусталь сотри, гоняя огоньки активных точек по округлому брюшку сферы. То есть вообще-то нечто определенное магический прибор демонстрировал, вот только понять, что это и откуда, у меня не всегда разумения хватало.

Наиболее близкой и понятной оказалась картинка, выданная на запрос к Светлому Арбитру. Во всяком случае, какие-то Инорожденные Дня проявились. Правда, в карнавальных костюмах, напоминающих доспехи времен Войны Сил, и в количестве, по нынешним временам попросту непредставимом. Целое шествие, молчаливое и мрачное, до полка числом, на смешных мохнатых, двуногих верховых животных, которым я и названия-то не знаю.

Во главе процессии ехал сухой и напряженный, словно палку проглотил, зрелых лет светлый эльф в маршальских регалиях, следом за которым двигалась четверка — трое той же крови и огр в полной штурмовой броне. Старший из троицы был в сардельку пьян и на голове имел измятый пыльный цилиндр, средний донельзя, даже для эльфа, смазлив, но при том брит наголо, словно жрец, а младший как из кусков скроен — весь в сетке шрамов, хотя до совершеннолетия ему оставалось не меньше сотни лет.

Успев еще подивиться, кому понадобилось устраивать бал-маскарад в местности, подозрительно напоминающей хисахскую Девственную Пустыню, я пропустил момент, когда ситуация в шаре коренным образом поменялась. Что-то свистнуло, грохнуло, как хороший файрбол, и все затянуло густым клочковатым дымом. Ничего не стало видно, зато звуков теперь было в избытке. Чинное, почти беззвучное благолепие движущейся колонны сменилось диким шумом и гвалтом.

Сильно искаженный голос, неистово демонясь, орал на аристократически-правильном кеннэ о нападении с воздуха механического дракона с неподвижными крыльями. Командные вопли перемежались свистом стрел, разрывами файрболов и каким-то частым грохотом.

Чушь какая-то. Искусственные летающие создания невозможны — приводные тяги кадавра слишком медлительны, чтобы заставить мертворожденную тварь уверенно держаться в воздухе. Случись иначе, Тесайр с его успехами в кадаврострoении имел бы превосходство в воздухе, чего нет, отродясь не было, и надеюсь, никогда не будет.

Так или иначе, никакого дракона, живого или мертворожденного, я не разглядел. А в шаре полыхнуло, хрустнуло, и по его поверхности изнутри зазмеились прихотливые трещины. Испугавшись, что ценной игрушке пришел конец, я испытал немалое облегчение, когда стало ясно, что и это всего лишь образ, выхваченный хрустальной сферой невесть откуда. Или из невесть когда?

На подобную мысль натолкнул результат последней попытки установить связь. Перепробовав все способы обращения по официальным каналам, уже на всякий случай я попробовал вызвать Хирру. Против ожидания, шар с готовностью показал смутно знакомый интерьер несомненно темноэльфийского замка. Даже совершенно конкретного замка — владение Стийорр теперь я ни с чем не спутаю. Хотя бы по вазам из твердой воды, к которым Стийорры, похоже, питали неиссушимую страсть со времен Хтангской династии. Вот только именно этого помещения что-то не припомню. Впрочем, не во всех залах я побывать успел за полгода после спешно стрясшейся женитьбы и вступления в права Властителя.

Тем более что эта уютная, всего в пол-ангара, комнатка оказалась совсем необычной. Ее наполняла мебель весьма странных пропорций. Будто на человека или даже халфлинга, а может, и вовсе на мелкого зеленого гоблина. Хотя сработано все добротно, в своеобычно-текучем темноэльфийском стиле. Стены укутаны декоративной паутиной, пуфики в виде мохнатых плюшевых пауков и сверкающих лаком кожаных скорпионов усеяли серебристого ворса ковер. Фигурки прочих разумных существ и чудовищ были расставлены в странном порядке на низеньких столиках, а в углу просто свалены кучей. И еще везде какие-то черные и серебряные сферы — матовые, сверкающие или затейливо сшитые из полосок змеиной, крокодильей, а то и драконьей кожи.

Тут до меня дошло. Мячи это. Кукольная мебель, мячики, игрушки... Вот как выглядит детская будущего Ночного Вла-

стителя. Или, точнее, будущей темноэльфийской дивы — хозяйка помещения обнаружилась, повернув к себе хрустальный шар на подставке. Наверное, тоже что-то интересное увидала.

Совершенно детская пепельная мордашка при росте с меня нынешнего. Пышная челка и два угольно-черных хвостика, туго перехваченных серебряными бантами. Пижамка насыщенно-серого — телесного для ее расы — цвета. Мягкие тапочки в виде меховых пауков. Так, наверное, могла бы выглядеть моя высокородная лет в пятьдесят-семьдесят. То есть восемь-девять на человеческий счет.

Да нет, никакого сходства, кроме общерасовых признаков. Ни жесткой хищности Хирры-охотницы, ни непреклонной мягкости ее же нынешней. Обычная маленькая янгледи, эльфийская капризуля, которой нечем себя занять в огромной детской. Вот и играется с дорогим магическим прибором, который не всякий городской маг может себе позволить. Цеховик разве что.

Применение сфере из драгоценного хрусталя, как выяснилось, малышка нашла не слишком оригинальное. Продолжая поворачивать шар, она зашевелила губами, и из неведомой дали и давности до меня донеслись незатейливые слова гадания на будущего жениха:

— Явись, явись, Судьбой обернись!

Простенький заговор, известный всем девчонкам в мире. Сестрички, кузины и малолетние тетки в клане, помнится, все глаза проглядывали, забившись по укромным уголкам и вертя дешевые стеклянные шарики в такт нехитрому ритму заклятия. Особенно часто под лестницами собирались. Мы, мальчишки, сыпали на них мусор, лили воду между ступеней и скидывали крысят. Напакостить магически у нас тогда ни запала, ни умения не хватало. А здорово было бы, наверное, показать малолетним томным дурехам какое-нибудь страшилище!

Вроде меня нынешнего. Третий день не брит, грязью торфяной зарос да копотью. Камуфляжная куртка в дырах, черная армейская бандана по-пиратски сбилась на сторону. Как есть чучело болотное. То-то визгу было бы...

Однако оценить эффект подобной шутки мне предстояло теперь, а не в давние детские годы. Похоже, странная связь

между Меканским рубежом и невесть какой давности замком Стийорр оказалась двусторонней, и на очередном витке сферы мы с малолетней гадальщицей столкнулись глаза в глаза. Видимо, образ мой проявился в полной красе и несомненном величии. Такого хорошим девочкам любой расы и сословия каждый день не показывают. Так что впечатление от увиденного было, судя по всему, неизгладимое. Узрев в хрустале столь экзотичную физиономию, темная эльфочка испустила оглушительный вопль.

Даже через время и расстояние, разделявшее нас, сила звукового удара оказалась нешуточной. Чисто рефлекторно я прижал ладони к ушам, зажмурился и распахнул рот, будто при аркналете, когда разгорающиеся файрболы рычат, гудят и воют на исходе траектории. Словом, скривился, как Приснодед на непослушного младенца. Отчего, разумеется, красивее не стал. Даже наоборот, надо думать.

Эльфочка подпрыгнула, как напуганная кошка, казалось, оттолкнувшись от ковра всем телом сразу, зашипела — тоже совсем по-кошачьи — и злобно пнула ногой хрустальный шар. Без толку — моя жуткая рожа из него не пропадала. Уже всерьез испугавшись, малышка скривила серую мордочку в плаксивой гримасе и в голос заревела: «Па-а-па!!!»

Означенный папочка в долю секунды проявился из тени, падающей от витой колонны, и был мне несомненно знаком. Без малого две с половиной сотни лет не слишком изменили ныне покойного моими стараниями Властителя ау Стийорр.

Вот уж действительно зона неисходимости и сомнительного приема. Странны дела твои, Судьба...

Шар разорвал связь так же стремительно, как и обеспечил. Призраки прошлого без следа растаяли в прозрачном хрустале. Неизвестная янгледи взаправду оказалась моей высокородной, несмотря на все отсутствие сходства. А чего я, собственно, ждал? Ее нынешний симвотип не имеет никакого отношения к тому, что был в детстве. Различия между ними сильнее, чем разница между расами, народами, семьями. Так что, сменив структуру личности, моя высокородная совершила полное перерождение. Как взрослое насекомое из гусеницы через куколку.

Ничего себе гадание на суженого-ряженого обеспечила себе Хирра в несознательном возрасте! Главное, очень эффек-

тивное — стопроцентное попадание в результат. Как стратегический светосброс в собственный эпицентр. Никогда не промахивается.

Поневоле задумаешься над силой случайных совпадений или, напротив, над неодолимой мощью жесткой предопределенности, неважно, подтверждением чему из этого оказалось произошедшее. Сложно читать знаки предстоящих или минувших событий, и не всегда ясно видимый смысл оказывается единственным и главным. А у случая с предопределенностью в мире одна хозяйка, не считаться с которой бессмысленно.

На самом деле вывод из всего этого был один: спорить с Судьбой не имеет смысла. Что Хирре с ее гаданием, что мне со своими попытками наладить связь. Однако это вовсе не значит, что надо вообще руки опустить. Еще попрыгаем, как тот дракончик в крынке со сметаной. Теперь такого дракончика, засунувшего заднюю лапу в пасть, рисуют на горловинах кувшинов — в назидание прочим, считающим, что именно они попали в самое безвыходное положение...

Первым из возможных прыжков должна была стать разведывательная экспедиция в сердце болотного острова, задуманная с ныне окончательно, на все остававшиеся двадцать восемь процентов, покойным Зарецки. Надеюсь, безумная атака, спровоцированная высокородной ау Риер, не слишком глубоко перебаламутила джунгли. Если, как обычно, враждебность местной Жизни достигает предела у периметра лагеря — остается только успешно выбраться за этот периметр.

Жалко, конечно, что теперь Харма с собой для страховки не прихватишь. Светлоэльфийская стерва явно начнет с утра крутиться вокруг «водокачки», ожидая повода отомстить четвероногому кадоргу. Надо будет попросить Раптора присмотреть за псом в мое отсутствие, чтобы чего нехорошего мерзавка не учинила.

Впрочем, одну службу Харм мне сослужит, даже оставаясь на месте, — отвлечет Инорожденную шпионку от моего похода. А то только ее мне не хватало в экспедиции, и без того не слишком безопасной. Участие этакой способной помощницы способно до основания сокрушить любой замысел даже без постороннего вмешательства.

Поутру все прошло без заминки. Даже подозрительно. Раптор с готовностью согласился подежурить при привязанном Харме. Его и самого, похоже, тянуло на пару с псом помянуть прежнего его хозяина и своего командира. Без лишних глаз, включая мои собственные, которые теперь по одному только прозванию собачьи...

Высокородная тоже, к счастью, по дороге не попалась. Тут я, правда, успокоил себя перестраховкой — в путь собрался малость пораньше, чем она обычно глазоньки продрать изволит. Хоть бы и сутки теперь провалялась, тварь такая, только порадуюсь лени эльфийской.

До самого периметра добрался бодро, а там все-таки сбавил темп. После того, что мы тут учудили всей КадБригадой меньше суток назад, по спине морозцем гуляла вполне понятная опаска, и к кромке «зеленки» я подходил этак осторожненько, готовясь в любой момент дать деру.

Но обошлось. Ни лист, ни веточка на мое приближение лишний раз не шелохнулись. Как положено под ветром слегка шелестеть да раскачиваться, так и шуршали помаленьку. Гуляй — не хочу, словно в парке поместья эльфийского. Без страха и злобы, без дурного беспокойства.

Силен Мекан, да отходчив. Будто не вчера в овощное рагу с мясным приварком все тут крошили. Не без моего участия, кстати. А вот же — вход опять свободен. Правда, только если живого в тебе больше, чем мертвого. Кадоргов-то уж не пустит, на них у местной флоры с фауной условный рефлекс выработался. Кроме Харма, конечно. Пес, он и есть пес, хоть из семи металлов, движимых пятью стихиями, сделан. Большей частью, во всяком случае.

Эх, его бы прихватить... Да чего уж теперь жалеть. Высокородную не переупрямишь, а отходчивостью эльфы никогда не страдали. Она у них пропорциональна сроку жизни. То есть через пару сотен лет Леах может сменить гнев на милость. Вот только никто из прочих этого счастливого момента не застанет. Ни мы с Хармом, ни Четвертая Отдельная КадБригада, ни остров этот болотный. Топь его раньше возьмет...

Хотя, возможно, и не прав я. Мекан вечен. Что ему острова и топи, что эльфи сумасбродные с их капризами. Всех переживет, всех перестоит вода стоялая. Болото было, есть и

будет... есть. Всех сожрет, без остатка счавкает своим необъятным хлебалом.

Вот ведь как повернул! Негоже с такими мыслями на дело отправляться. Да и правило старое — присесть на дорожку — забывать не следует. Авось настрой переменится, дурь тоскливая в землю уйдет, как заряд «герисской банки».

Помогло. Лесная тень, укрыв от пологих солнечных лучей, спросонья режущих глаза, прояснила голову, или свежесть утренняя, которая и в распоследнем болоте хоть на час дневной жар и ночную хмарь пересиливает. Отпустило.

Тем более что остров песчаный, с извилистыми пляжами и шелестящей пальмовой листвой, — это уже не топи. Куда больше способствует хорошему самочувствию. Тут не заметишь, как втянешься, войдешь в легкий да спокойный местный ритм. Время совсем иначе пойдет — часы за минуты, мгновения за часы. Обо всем забываешь, бесцельно бродя по безопасным в сравнении с прочим Меканом тропам.

Так и пробродил я до полудня, а то и часом-другим дольше, ничуть о том не жалея. Знал бы, что искать, иначе бы шел. А так все правильно, Судьба сама на место приведет. Или не допустит до него, если так вернее по ее разумению.

Здесь ко всему со вниманием подходить надо. Что к Судьбе и знакам ее, что к сугубо местным приметам. Мекан умения их читать и самому не слишком уж выставляться наперекор местным порядкам завсегда требует.

Конечно, житель я городской, и до рейнджера под заклятием растворения в «зеленке» мне по-любому далековато. Только спесью записного аборигена улиц я никогда не страдал. Пусть за своего здесь не сойду, но и чужаком высокомерным да брезгливым никогда выглядеть не буду.

Такие обычно напуганы до полусмерти, вот и кривят лицо на меканское буйство жизни. Как Леах нынче. Ей-то, Лесной Сестре, чего здесь бояться? Не пойму я все-таки этих эльфов. Или женщин. А то и вовсе тех и других разом.

Нет, у меня самого отношения с любым лесом другие. Чуть со стороны, без панибратства и попыток казаться своим. Но уважительные. Да и как иначе, когда в меканских топях все по справедливости, по фронтовому закону. «Каждому — свое», как исстари на воротах казарм пишут. К примеру, те же термиты мертвый сухостой понемногу стачивают, на грибницу в

своих громадных башнях переводят, а муравьи на живых деревьях тлей пасут да нектар сосут.

Так и обе эльфийских расы. Что Ночные, мастера с неживым обходиться, что Дневные, повелители всего живущего. Одни, как термиты, что угодно сделать могут с камнем, металлом и нежитью, отданной во власть Лунной богини. Другие, наоборот, силой самого Солнечного Бога по-муравьиному способны вылепить все, что нужно, из живой материи. На одно только и те, и другие мастера — громоздить общественные институты наподобие насекомьих гнезд. Один Концерн Тринадцати чего стоит...

А вот Леах, похоже, из совсем уж неправильных муравьев. Вроде каждому в Мекане и Тесайре крепко памятных «красных легионеров», которым живое, неживое — все едино. Что попадется по дороге колонне легиона, то и сожрут. Или хоть перемелют в труху, если совсем несъедобный предмет подвернется. Причем к последнему действию у светлоэльфийской стервы просто исключительные способности!

Ну вот, накликал... Легка на помине. Сквозь папоротник ломится так, будто вовсе не эльфь лесная, а кадавр разлаженный. Теперь хоть ясно, отчего так. «Легионерам» стесняться некого, их самих все живое и неживое страшиться должно.

Жутко захотелось присесть, пригнуться пониже под особенно большим перистым листом. Переждать, пока эту напасть мимо пронесет. Да только не поможет. Не так уж я ростом мал, всего лишь на полтора фута ниже Инорожденной. К тому же не пристало бывалому парню из Меканских Бригад от светлоэльфийской дурищи по кустам прятаться. И самое главное, поздно. Заметила уже — вон как целенаправленно рассекает в мою сторону. Умудрилась, однако, на след встать, наверняка без заклятия не обошлось.

Делать нечего, я выпрямился во весь свой невеликий рост, как какой-нибудь плакатный герой на бруствере под частым дождем стрел. Приметив меня, высокородная залыбилась довольно, замахала ручкой и рванула навстречу с удвоенной скоростью.

Достигнув своей цели, она, правда, не стала особо разоряться на предмет того, что ее, видите ли, оставили одну с целым лагерем кадаризированных недоброжелателей и злокозненным псом. Только амулетик некрупный из-за пазухи

вытащила, помахала им почти перед моим носом и бросила снисходительно:

— Думал, от меня так просто отделаться?

Так и знал, что без магии дело не обошлось. Специальную снасть для того не поленилась заклясть, хотя могла бы обойтись стандартными функциями магического жезла, как Хирра когда-то. Видно, всерьез у светлой эльфи нужда в моем обществе засвербила.

В остальном, напротив, все было тихо и чинно. Когда я двинулся дальше, Леах пристроилась рядом без словечка, словно чуть опоздала к назначенной встрече и теперь радуется, все-таки успев к крайнему сроку. Я и не знал, что сказать, что сделать. Она, видно, тоже. Так и зашагали, словно парочка в полном согласии, разве что не под руку.

С эльфийской дивой прогулка, понятно, совсем иначе пошла. Словно прикрылся малость лес, доселе распахнутый, на формальный тон разговор перевел. Даром что по прозванию Лесная эта сестра Победивших Богов, суть-то от Жизни местной не утаишь.

Впрочем, даже на Леах местная размеренность и отсутствие напряга, похоже, подействовали облагораживающе. Почитай, целый час уже вместе бродим, а все никаких пакостей. Разве что притомились оба слегка от пешего хода, и на одной из полянок, пересыпанной желтой россыпью ягод, подольше задержались, не сговариваясь — какой между нами может быть сговор?

Хотя чем Судьба не шутит, может, и вразумила природа местная взбалмошную эльфь. Основания так думать имелись: Высокородная держалась, словно сама не своя. Тихая стала какая-то, задумчивая. На лес как бы любуется, на сплетение ветвей и лиан, а ко мне все больше спиной. Только оглядывается то и дело через плечо, как рогачья кобылка в упряжи, остатками гривы встряхивает и молчит загадочно.

С загадочностью, впрочем, у нее изначально не срослось. То есть сквозь любую попытку таинственно выглядеть с прямолинейностью тарана проглядывает какая-нибудь каверза. Или потребность, к удовлетворению которой светлоэльфийская белоручка жаждет приставить того, кто найдется. А тут

совсем непонятно. Такой Леах на недолгой памяти нашего знакомства я ни разу не припомню. И что подобное ее поведение означает, в толк взять не могу.

Минут пять длится это молчаливое любование. Уже и надоедать ягодная полянка начинает, даром что хороша. Однако не на пикник же мы сюда пришли! Пора и честь знать, дальше отправляться в поисках причин того, что творится на острове средь болот...

Лирическое затишье закончилось совершенно внезапно.

— Не понимаю! — обиженно-удивленным тоном, также ранее никогда мной не слыханным, высказала Лесная в никуда то, что накопилось у нее на душе за час молчания.

К чему бы это она? Что пробило неколебимое самодовольство Инорожденной?! Аж самому интересно стало. Настолько, что даже попытался честно ответить на последовавший за тем вопрос эльфи. Всерьез задумался, когда неожиданно прозвучало:

— Чего тебе надо?!

А чего мне, действительно, надо?

Ладно, пока в клане был — понятно. Себя поставить среди пацанов в компании, отличиться наиболее дерзкой проказой и никогда не попадаться. Тут все сполна получил.

В армии, в Мекане, тоже ясно. Все как у всех: оказаться от начальства подальше, к котлу поближе, а главное, конечно, выжить. Желательно в целости и сохранности. С последним, правда, не то чтобы получилось. Но оно и к лучшему, как теперь поглядеть.

А уж после... Работу постоянную, чтобы платили прилично и с души от нее не воротило. И девчонку с пониманием, без дурного жеманства. Домовитую, если на всю жизнь с ней сложится...

По тому времени вовсе из невозможных мечты. А вот поди ж ты, как оправдались. Работа у меня теперь на всю жизнь, Ночным Властителем — чем плохо? Дом, то есть замок, прилагается, на оплату только полный кретин будет жаловаться, и само по себе занятие интересное. Пока, во всяком случае, чрезмерно не напрягает. А насчет девчонки... Вон, жена есть. Аж темная эльфь высокого рода. Уж чего-чего, а понимания у Хирры в достатке, и о жеманстве ей думать совершенно ни к чему. С ее-то биографией.

Про детей пока не загадывал, да и рановато еще. Что мне, что моей высокородной. Правда, ей все же придется поторопиться — просто по причине разной продолжительности наших с ней жизней. Ну да это не тот случай, чтобы переживать особо. Дети всегда случаются сами и вовремя. Таково мое мужское мнение.

Вот и получается, что ничего мне по большому счету уже и не нужно. Особенно лишних приключений на разные части тела. Только боюсь, Лесной этого не понять...

Ее мои несвоевременные озарения и без того не слишком беспокоили. Даже сумей я высказать их в наиболее доступной и не слишком оскорбительной (если такое вообще возможно) форме. Ибо позыв ко всему этому разбирательству, оказывается, взыграл у хай-леди ау Риер во вполне определенном месте.

— Не притворяйся, что не хочется! — пролила свет на происходящее следующая же ее реплика. — Неделю без бабы!

И далее о моих сексуальных потребностях и привычках, причем совсем уже непечатно. Разве что без упоминания гномов. В конце концов, даже светлоэльфийской наглости воспитанием какой-то предел положен.

Что касается воздержания — не сидела высокородная под обстрелом в траншее ту же самую неделю, в недалекой отсюда местности, когда с напряга, перепуга и недосыпа все ниже пояса напрочь отсыхает, даром что вода в окопе едва ли не по глотку стоит. С тех пор у меня на Мекан рефлекс такой, в том смысле, что и думать про плотский голод забываю. Это ей неделя, видно, нелегко далась, вот и ударила дурная кровь в башку.

Вот, значит, в каком смысле «чего надо»! Уж этого не нужно никаким образом. Особенно от нее. Во всяком случае теперь, после того, как высокородная во всей красе себя показала. В начале знакомства, если б не Низкая клятва, может, и повелся бы на светлоэльфийскую стать.

Нынче же, при всем совершенстве внешности Инорожденной, она не была способна вызвать у меня ни малейших положительных чувств. Словно молодая самка гиены — сильна, живуча, плодовита, на все готова, а как-то не хочется. Лучше объяснить не сумею, но иначе на это дело смотреть уже не могу.

И винить в перемене моих взглядов Лесной некого. Сама обеспечила. Меньше чем за неделю натворила столько, сколько иным на три жизни хватит, от мелких помех чужому бытию до изрядного калибра подлостей, с бытием этим никак не совместимых. Кто она после этого, эльфь или гнусная тварь? Гиена? Да что там, по всему гиена и есть. Вахль зловонная!

Видно, все эти сомнения и, главное, вывод из них чересчур явственно отразились у меня на роже. Особенно вывод. Потому что Леах, не сдержав бешеного эльфьего темперамента, бросилась на меня с рычанием, которому любая вахль, то есть гиена, позавидовала бы!

От неожиданности увернуться я не сумел. Только руки выставил, чтобы когти ее наманикюренные удержать подальше от глаз. Не люблю я как-то, когда в опасной близости от них всякая острая дрянь болтается, тем более с таким явным намерением. Новые глаза могу себе позволить, когда захочу, сколько угодно раз подряд, а все по старой памяти берегусь.

Отцепиться от здоровенной эльфи никак не удавалось. Чуть вовсе не заломала с ходу, как горный медведь цизальтинца. Все-таки добрых полтора фута разницы дают себя знать. Против эльфа-мужчины того же роста и веса я и пары секунд не продержался бы. А тут хоть и с трудом, но все же устоял.

Хуже всего было то, что, не преуспев в стремлении к членовредительству, Инорожденная Дня постепенно вернулась к первоначальному настроению с настойчивостью пьяного солдата в борделе. А то и в захваченной деревеньке — были на фронте такие любители, что с нашей, что с тесайрской стороны.

При всей серьезности положения отчего-то мне было более смешно, чем по-настоящему страшно. Как в дурной анекдот попал. Скажи мне кто совсем недавно, что я буду руками и ногами отбиваться от без малого семифутовой светлой эльфи, желающей меня изнасиловать, я бы плюнул тому идиоту в рожу.

Проделывать сие в отношении самой Леах как-то не хотелось. Да и не помогло бы. А вот смех удержать не удалось. Поймав себя на предшествующей мысли, я внезапно для самого себя заржал, как рогач, которому под хвост шлея попа-

ла. То есть, в моем случае, не совсем под хвост и уж точно не шлея, но от того не легче.

Высокородная в своем полном остервенении и это поняла однобоко. Иначе бы не спросила хрипло, задыхаясь и грозя сорваться на визг:

— Что, не нравлюсь? Или недостаточно хороша для такого, как ты?

Ответа не было. Еще бы не хороша! Посмотрел бы дракон на себя глазами добычи — несомненно страстью воспылал бы. Только не любовной. Жаль, сейчас ей этого не втолкуешь — Лесная обезумела окончательно и была не способна осознать, что со своими обкорнанными волосами, расчесами, ожогами и, главное, бешеной маской лица стала не просто страшной, а чудовищной.

Я понял, что уже видел эту жуткую харю. В радужном сиянии Последней Реликвии в час соклятия. Вот как оно себя оправдывает...

А еще уразумел, что озверевшую эльфь ни уговорами, ни силой урезонить не получится. Значит, придется призвать на помощь то, что прежде было мне недоступно, да и нынче не всегда покорно. Аспектную магию симвотипа, свойства личности, простирающиеся вовне, призывая и подчиняя любые силы, обладающие сродством с ними.

Ветер может остановить и отбросить, но не способен удержать. Да и представить себе, как с помощью этой силы для начала хотя бы разделить нас с Леах, я попросту не смог. Значит, остается надежда только на рабочую функцию.

Прислушаться к сути трав посреди отчаянной потасовки казалось почти невозможно. Однако получилось — необходимость и не такое заставит проделать. Тем более что сам остров помогал войти в соответствующее состояние.

Здесь не рубеж безумного штурма, потоки зеленой силы спокойные и незлобивые. Можно брать их без опаски, помня о снисхождении местной мощи к живым. Если б не это снисхождение, Леах давно бы уже показывала свою наглость по ту сторону Последней Завесы.

Стараясь не слишком расслабляться и успокаиваться, чтобы высокородная не справилась со своей задачей раньше, чем на нее управа найдется, я позвал на помощь. Расти, травка, большая и маленькая. Неправда, что трава на другой стороне гуще. Эта травка на моей стороне...

Лесная в упор не замечала, что стебли на лужайке, где мы барахтаемся, неуклонно становятся выше и плотнее и все настойчивее обвиваются вокруг нее. Чтобы облегчить им задачу, я перекатился эльфью вниз и в меру скромных сил на несколько секунд придержал высокородную, оседлав ее. Светлоэльфийская стерва восприняла происходящее как долгожданную и неминуемую победу своих чар, и малость расслабилась.

— Любишь сверху? — снова завела она свою пошлятину. — Так бы сразу и сказал, и нечего кобениться...

Как раз тут я удостоверился, что трава свое дело сделала, и резким прыжком соскочил с этой бешеной кобылки. Та рванулась было следом, но резко увязла.

Без меня процесс пошел даже быстрее, и спустя дюжину секунд посреди импровизированного газона извивался семифутовый зеленый кокон. Крепко стянутая по рукам и ногам дива визжала и ругалась так, что я всерьез опасался, как бы все травяное великолепие, включая лес в пределах слышимости, не завяло. От таких-то выражений!

На счастье, очередная порция побегов, оплетая голову, захлестнула ей рот и стянула челюсти. Трава прорастала прямо сквозь завитки ее волос. Ох, и замучается же эльфь вечером вычесывать сено из башки...

— Охолони немного, — буркнул я в ответ на возмущенное мычание, малость отдышался и добавил, чтобы успокоить: — Через пару часов все засохнет и рассыплется. Не трепыхайся.

Получается, что управляемое, но безопасное мое умение оказалось полезнее непокорного боевого навыка. Пускай поостынет до вечера. И на Инорожденную «легионершу» укорот нашелся. Унасекомилась.

Отчего-то вспомнились еще и Древнейшие эльфы — дед с шаловливой многоправнучкой. Эти вообще ни на термитов, ни на муравьев не смахивают. Разве что на каких-нибудь крылатых. Тех же пчел, к примеру. А то и на ос — это уж как посмотреть. Опасны настолько же, насколько совершенны. Так что, скорее всего, Древнейшие ближе к черным пчелам Нагорья, у которых жало гладкое, как осиное, — хоть сотню раз уязвить могут без всякого вреда для себя.

Зато и нагорный каштановый мед, приторно-горький, жгучий, как вино, ценится выше всего...

4
Великий Все

Теперь ты знаешь, почему огонь
Похож на рыжую лису,
Но если ты хотела спрятать это дерево,
То спрячь его в лесу,
И никому не доверяй ключи от дома,
Не клянись на молоке
Ни сердцем, ни рукой,
И я хочу надеяться на то,
Что ты останешься со мной...

До лагеря я добрался только перед самым закатом. Солнце уже цеплялось за верхушки пальм за расчищенной полосой. По-моему, с утра они стали выше раза в полтора. Или подступили обратно к лагерю настолько же близко.

А может быть, мне просто так кажется от общей непрухи. В любом случае видеть никого не хотелось. Даже Харма. Поэтому за периметр я полез не через привычный чекпойнт, а сквозь захудалый лаз на дальнем крае лагеря, между свалкой запчастей и какими-то земляными кучами изрядных размеров. Этак с фермерский сарай или там с пару междугородних дилижансов яруса в три, у которых только колеса в два моих роста.

При ближайшем рассмотрении кучи оказались только сверху покрытыми глиной, а в основе своей плетеными. Из вареных прутьев, по-видимому — необработанная меканская зелень проросла бы уже на следующий день. Вокруг же самих куч, у круглых, в пару футов, дыр и просто у меня под ногами сновали мелкие зеленые гоблины. Демонова уйма гоблинов, если честно сказать. Понятия не имел, что их столько в лагере...

Что самое непонятное, на меня вся эта орда — ноль внимания. Не сказать, чтобы фунт презрения, но и того подобострастия, которое зеленявки обычно демонстрируют каждому человеку, ни следа. Просто как нет меня: обойти обойдут, но взглянуть лишний раз им влом. Спасибо, хоть с пути не спихивают для легкости.

Немного любопытства оказалось как раз тем, что требовалось для выхода из полного остолбенения. По крайней мере,

в частичное. Глухой звон в ушах сохранился, но сквозь него уже прорывался какой-то внешний поток, совершенно непохожий на обычный гоблинский галдеж. Скорее уж на гудение пчел в ульях — стояли мы на учениях как-то недалеко от пасеки. Помнится, неделю все, кроме Берта, чесались, попробовав добраться до дармового медка.

Ассоциация получилась не из приятных. Зеленые гоблины и без того слишком похожи на общественных насекомых. Они теплокровные, но не млекопитающие. Отличить самцов от самок практически невозможно. По-моему, все рабочие особи вообще стерильны, а какие еще типы особей способен производить этот вид, я предпочитал не задумываться...

Кто-то очень вовремя подергал меня за штаны. А то неизвестно, до каких еще умозаключений я мог дойти.

— Клюкать пойдешь? — с некоторой бесцеремонностью поинтересовался гоблин.

Хорошо, что вообще спросить удосужился. После всего прочего не удивился бы, если б он попросту пристроил меня носом в корыто. Молча.

Впрочем, если мелкота в сие понятие тот же смысл вкладывает, то как раз сейчас клюкнуть не помешает. Даже очень не помешает. Перед дальнейшими сеансами общения с Лесной. Что-то не верилось, что небольшой отдых в тени на травке существенно повлияет на ее моральный облик.

— Пойду! — Я разве что рукой не махнул отчаянно, соглашаясь на неизведанное.

Зеленокожий, впрочем, воспринял согласие вышестоящего как должное. Хотя это днем я им вышестоящий, а ночью, выходит, никто и звать никак. Оно и к лучшему. Сутки напролет тащить груз ответственности за уже сотворенное и еще только подступающее безобразие мне решительно не хотелось. Тем более тащить его на предполагаемое застолье.

Гоблин без стеснения отвернулся и пошел к ближайшей дыре, ведущей внутрь самого большого строения. Решиться следовать за ним оказалось на удивление легко. А вот проникнуть в святая святых шедевра архитектуры зеленявок — куда труднее. Дыра оказалась немногим больше меня самого, застрять не застрянешь, но и в рост не пройдешь, как ни согнись. Поначалу я попробовал присесть на корточки, но и такая попытка сохранить человеческое достоинство перед хо-

зяевами дома окончилась неудачей. Пришлось-таки опустился на четвереньки.

Так я и вполз под своды исполинского однообъемного купола, лишенного каких-либо поддерживающих колонн и конструкций. Несущая оболочка, столь неопрятная снаружи, изнутри выглядела пугающе четкой и аккуратной. На свежий взгляд интерьер гоблинского обиталища поражал своей регулярностью, и поражал неприятно. Уж на что ко всему привык, но тут растерялся малость...

Не то чтобы я прежде в гоблинятнике не был. Мы, клановые пацаны, и не в такие демоновы прорвы на спор лазили. Не всем и обратно-то выбраться удавалось. Ну так канализация даже взрослого огра сжует без остатка, не то что мальчишку человеческой крови. Ремонтные бригады туда без пары бочек «ведьминого студня» да огневого тумана не суются.

Так что гоблинятники — это для новичков. Правда, туда мы забирались днем, когда все рабочие особи с тим-лидерами на подрядах, а самки в спячке. Храп и запустение. Сейчас совсем другой расклад.

Да и одно дело — городской, цивилизованный, можно сказать, гоблинятник, в котором проглядывают отдельные черты склада там или казармы. И совсем другое — гоблинятник меканский, дикий, в чем-то даже первозданный, не искаженный всепроникающим влиянием многорасового Анарисса.

Купол, обычно с трудом втискиваемый среди прямоугольных городских стен, здесь в полную силу затягивал взгляд опрокинутым водоворотом спирального плетения ярусов. Наискось пересеченные несущими поперечинами, горизонтали образовывали в толще стены бесчисленные норы-гнезда, отчасти уже заполненные обитателями. В плетеных коробах-инкубаторах у подножия купола зрели кожистые увесистые яйца наподобие свиных.

Некстати вспомнились байки о том, что простакам на анарисских рынках зачастую продают их вместо супоросых. И еще хорошо, если невезучему покупателю яйца на выведение поросят нужны. Гоблин вне роя вылупиться в полном разуме не может и попросту быстро дохнет. Хуже тем, кто снедь к обеду берет...

Оставалось надеяться, что на закусь к таинственному «клюканию» не яичница.

Да нет, не должно бы. Пусть зеленокожие и склонны к каннибализму, но только к посмертному. Правда, опять же поговаривают, что доминирующие самки поедают стерильные яйца товарок, не вышедших в стадию имаго. Но тут чего не знаю, того не знаю. И надеюсь в подробностях не узнать!

Небо в центральном продухе потемнело окончательно, лишь в западных проемах еще теплился закат, но добавить света был уже не в силах. Скорее наоборот. Тем заметнее вступало в права собственное освещение гоблинятника. Склизкие гроздья грибов по стенам, днем неприметно-серые, налились желто-зеленым сиянием.

Этот ли, другой какой неприметный для меня сигнал послужил причиной начала застолья, но именно с переменой света в зал пожаловала процессия. Иначе и не назовешь шествие, словно в насмешку исключительно походившее на вынос какой-нибудь Реликвии в Храме Победивших Богов.

Торжественно, как жрецы, зеленявки длинной вереницей втекали внутрь своего обиталища. Каждый что-нибудь нес — бурдюк, плошку или что-то еще. В тишине, внезапно наступившей после всеобщего галдежа, их немое движение смотрелось довольно устрашающе. Да и дурашливые обычно физиономии стали торжественны и мрачны.

Стайка гоблинят метнулась наперерез процессии к возвышению в центре зала. Каждый тащил свернутую циновку, причем все они казались куда чище иных, виденных здесь раньше. Когда рулоны развернулись, оказалось, что полотнища вдобавок изукрашены несложным узором — повторяя рисунок свода, на них закручивались спирали из бурых и грязно-зеленых ломаных линий.

От дальней стены другая группа зеленокожих потащила навстречу шествию что-то массивное. Эти были, наоборот, рослые, под четыре фута, и несколько менее торжественные из-за увесистости груза, пока что скрытого под рогожей. Да и двигались мелкие громилы куда быстрее, торопясь успеть к возвышению раньше процессии.

В момент, когда носильщики достигли своей цели, гоблинята сдернули с их ноши грубую ткань. Возвышение посреди гоблинятника, застеленное циновками, увенчалось главной утварью грядущего пира.

Что я там прикидывал на тему того, что зеленокожие меня

и носом в корыто пристроить не постесняются? Ошибки не случилось. Именно что в корыто. Здоровенное, побольше поилки для рогачей, но поменьше слоновьей.

В один голос весь гоблинятник возопил: «Клю-ка!!!» — с ударением на первый слог. Чуть уши не заложило после предшествующей тишины. Хорошо, не дала дернуться фронтовая привычка к внезапным аркналетам и сигналам об их начале. Всеобщий вопль, ритмично повторяясь, слился в единое: «Клю-ка! Клю-ка! Клю-ка!»

Наконец историческая встреча выпивки с тарой состоялась. В корыто под нарастающее скандирование почти одновременно слили содержимое всех бурдюков. Мутноватая, но все-таки прозрачная желто-бурая жидкость выглядела не слишком привлекательно, но и явного отторжения не вызывала. Как, впрочем, и ассоциаций с выпивкой, невзирая на вполне различимую ноту спиртного в запахе. Скорее в наличии было сходство с наваристым бульоном, особенно из-за разнесшегося по всему помещению крепкого грибного духа.

Какой-то гоблин, явно не тот, что зазвал сюда, но со сходными манерами, толкнул меня в бок, пламенея экстазом в глазах.

— Наши боги грядут, как и твой Бог Людей! — едва перекричал он затихающее славословие, уже почти перешедшее в обычный гоблинский гвалт. — Так мы чтим их! Ты поймешь, человек!!!

Не знал, что можно так доверительно и трогательно орать...

За этим нежданным откровением скандирование сошло на нет. Да и вся торжественная часть, похоже, завершилась. Котлы и противни с закусью воспоследовали в изобилии уже без всяких церемоний, но ароматы жарева из тех же грибов, составляющего основу закуси, так и не смогли пересилить запах «клюкаловки». Он перебивал все и настойчиво звал испить из своего источника.

В едином порыве весь гоблинятник рванул к посуде. По стенам, из ячеек плетеных сот, вниз головами, как белки по стволам или термиты по былинкам, поползли скрывавшиеся в них доселе обитатели. Никто в стороне не остался, только головенки совсем уж мелких, с кошку, гоблинят, не допущенных по возрасту к выпивке, торчали в темных устьях нор, сверкая любопытными бусинками глаз.

Меня общий поток тоже подхватил. Кто-то сунул в руку порционную плошку, а прутик грибного шашлыка я и сам удосужился подхватить. В суете разбора закуси ключевой момент первой пробы незнакомой выпивки как-то смялся. Походя, между другими, я зачерпнул плошкой из котла пойло, выглядевшее безобидным отваром, желая залить во рту пыл не обделенных пряностями и толком не остывших жареных грибов.

Градусы в напитке оказались куда значительнее, чем казалось по запаху. В голове с ходу приятно зашумело, а по желудку разлилось приятное ощущение сытости, едва ли не сильнее, чем от съестного. Опыт знакомства с продуктом гоблинского винокурения вдохновлял. Или все-таки пивоварения?

А, неважно. Хоть грибоквашения, как, скорее всего, и было на самом деле. В общем, результата перегонки грибной браги в смеси с наваром того же продукта. И не одного сорта, похоже, брались грибки — в противовес общей простоте гоблинского бытия вкус напитка оказался тонок и сложен, с не сразу читаемыми особенностями. Чтобы распробовать их все, требовалось повторить опыт.

И я повторил. Не единожды — в чем тут каяться. Похоже, спиртное было не основным и не главным действующим элементом в этом продукте. Пусть человеческий метаболизм от гоблинского и наотличку, но для оценки эффекта общности хватило.

Казалось, что светильники на стенах прихотливо меняют свой цвет, складываясь в захватывающе четкие узоры. Цветная сеть огней то медленно кружилась, то неслась стремительным вихрем света, то скачками меняла конфигурацию. Все окружающее тоже расплывалось, приближаясь и отдаляясь частями по прихотливым законам. Похоже, именно их, законы эти, и отражали спиральные лабиринты на циновках!

Появление гоблиних, основательно отличавшихся пропорциями от иных представителей своей расы, я поначалу принял за очередную игру зрения. Признаком взрослых самок-имаго служит весьма заметная тучность. Это при общем для всех зеленявок не более чем трех-с-половиной-футовом росте...

Но, как любое здоровое и уверенное в себе существо, впечатления уродства весьма откровенно женственные зелено-

кожие колобки не производили, даже невзирая на отсутствие молочных желез и причесок. Скорее наоборот.

При всей комичности облика дородные безволосые дамы поражали своей властностью. Куда там эльфям высокородным. Над теми какой-никакой, а закон стоит, мораль и предрассудки общественные, вроде тех же итогов Войны Сил. Эти же — сами закон, жизнь, смерть и право на продолжение рода для любого в сообществе, а потому отказа в чем бы то ни было знать не привыкли.

И под их юрисдикцию я сам забрался. На четвереньках, бегом, со скотской готовностью. Никто не гнал. Так что нечего теперь трястись и дергаться.

На мое счастье или наоборот, на беду, настроение у гобликих было не из разряда «карать и миловать». Напротив, подход обещал быть весьма неформальным. Проще говоря, зеленокожие дамы ввечеру пребывали в весьма игривом расположении духа. Насколько серьезно, судить не берусь.

Отчего-то в их исполнении такое поведение чрезмерной опаски не вызывало. Скорее забавно, чем отталкивающе. Поэтому первую же трехфутовую пышечку, из ниоткуда образовавшуюся у меня под боком с явственно читающимися намерениями, я без всякой задней мысли ласково потрепал по загривку.

— Ми-илый... — мурлыкнула гобликиха, зажмурившись от удовольствия и мгновенно разомлевая. — Еще!!!

Отчего ж не повторить, раз приятно. Потрепал ее еще разок. Не думаю, что это было такой уж ошибкой. Или что все пошло бы по-другому, поступи я иначе. К тому же эта зеленявка оказалась далеко не единственной. Словно пузыри в закипающем котле, кругленькие бабенки ненароком возникали вокруг во все большем количестве, терлись, ворковали и явственно примерялись взглядами попеременно ко мне и к пустующим между инкубационными коробами, мягко выстеленным гнездовьям.

Пытаясь отогнать от себя осознание очередной назревающей проблемы, я зачерпнул еще порцию грибного питья. Это оказалось то ли ошибкой, то ли спасением — как посмотреть.

Неправда, что бывают межрасовые сексуальные предубеждения. Бывает много света и мало «клюкаловки». Гобликихи, глядевшие на меня масляными глазками, после очередного глотка показались вполне симпатичными.

— У-ти, зелененькие... — не сдержал я доброжелательного бормотания, вызвав в рядах соблазнительниц неподдельный восторг.

Эх, не с того краю высокородная зашла. Подпои она меня поосновательнее, может, и сумела бы склонить к нарушению Высокой клятвы...

Образ беснующейся Леах, вызванный услужливой памятью, оказал на меня благотворное воздействие. Даже несколько отрезвляющее, насколько сие вообще было возможно. В результате я отдал себе некоторый отчет в происходящем и даже вяло попытался уклониться от гоблинячьих нежностей.

— Ж-женатый я, д-девочки... К-как есть ж-женат!

Образ Хирры, представший перед моим внутренним взором, отчего-то совсем не был осуждающим, скорее источал любопытство — как-то выкрутишься, муженек?

Увы, зеленявки женского пола имели превосходство не только в числе, но и в массе каждой отдельной представительницы. Медленно, но верно, с убаюкивающим воркованием гоблинихи тянули меня от общественной поилки в уютный гнездовой уголок. Общее обалдение, сексуальное любопытство и пьяный задор были мне абсолютно не в помощь...

Из последних сил выпрямившись в полный рост, я попытался дать решительный отпор. Зеленокожие колобки раскатились было в стороны от пошатывающейся фигуры, но тут же приготовились предпринять не менее решительный штурм. Едва ли не друг по другу карабкались, настойчиво оттирая в укромный уголок...

Так и не знаю, удалось ли пышнотелым зеленокожим прелестницам то, что столь рьяно пыталась проделать Лесная. Ибо в тот момент, когда гоблинихи окончательно оттеснили меня от корыта с клюкаловом, я попросту и без затей отрубился. Словно лишь регулярные глотки немудреного спиртогрибного зелья без капли магии и держали меня доселе в мире существ, обладающих волей и разумом.

Пришел в себя я уже за пределами гоблинятника. Видимо, малость очухался от сырого ночного воздуха в слегка изумленном и весьма изрядно помятом виде. И обнаружил себя едва ли не прямо у входа в шатер высокородной. Будто мне

ее за день с лихвой не хватило, чтобы по ночам еще общения жаждать! Тем более в состоянии столь непотребном, что отпор страсти ли, ненависти Инорожденной не смогу дать никаким способом. Гоблинские самки на меня, что ли, столь легкомысленно повлияли?

На счастье, свет в шатре зеленого шелка не горел. То ли отсыпалась хай-леди ау Риер после сегодняшнего, то ли вовсе домой еще не пришла, предпочитая развеяться на сон грядущий. В любом случае беспокоиться за нее не хотелось. Пусть хоть всю ночь шляется, мне-то что!

Однако не всем это было столь же безразлично. Во всяком случае, темной массой заворочавшемуся во тьме Раптору 08 — однозначно нет. Запалив габаритные гнилушки, чтобы не перепугать меня окончательно, кадорг попытался подступиться с соответствующим вопросом. Как будто от меня сейчас можно добиться вразумительного ответа! Хоть кому, хоть Победившим Богам с их аватарами, хоть Побежденным с демонами...

Язык отказывался повиноваться даже для того, чтобы высказать все это. Выходил только хрип, сип и какое-то шипение. Единственным, что мало-помалу передавалось от меня Раптору неведомым внесловесным путем, было мое полное изумление. На мой взгляд, оно явственно отражалось на рисованной у него на забрале рожице, черты которой кривились и плясали у меня перед глазами.

Кадорг, как заботливая нянька, пытался оградить мой шатающийся и раскачивающийся организм от вполне возможного падения, заходя то с одной, то с другой стороны. Или это он у меня от выпитого не только в глазах, но и во всем теле двоился? А может быть, в таком состоянии я принимал за его заботу все столкновения с окрестными предметами и деталями рельефа.

В конце концов, изнемогая от жажды пролить свет на свою житейскую ситуацию и проистекающее из нее отношение к хай-леди ау Риер, я оказался способен лишь на три кратких фразы, обращенных во множественном числе ко всему, что столь бережно меня окружало.

— Й-я с х-хоб-блинами п-пил! В-в-в х-хоб-блин-нятнике! И-и х-хде в-ваша с-сучка выс-сокород-дная, з-знать н-не знаю!!!

Надо понимать, от такого Раптор охренел окончательно, ибо более не препятствовал мне в дальнейших действиях. Последние не отличались разнообразием. Я икнул, обошел зеленый шатер — не столько кругом, сколько неровной многолучевой звездой или чем-то вроде гоблинской магической спирали, — и справил малую нужду на его заднюю стенку.

После чего с чувством выполненного долга завалился спать. Как выяснилось впоследствии, не сходя с места. Разве что на пару шагов в сторону меня еще хватило.

С утра голову ломило не просто сильно — кадавренно. Во всю осадную мощь. От грибной основы гоблинского самогона тоже наблюдались своеобразные последствия. Или от закуси того же происхождения. Хорошо, успел добежать до отхожего места, а то высокородная по возвращении застала бы свое обиталище в совсем уж прискорбном виде. Ей и так без стирки шатра не обойтись.

Пива в лагере, понятное дело, не было по определению. Кадавризированные организмы его в свой искусственно симулированный метаболизм ввести не в состоянии никоим способом, вот и в хозяйстве не имеют. И еще неизвестно, что доливают в свою выпивку для компенсации особенностей этого самого метаболизма. Хорошо, если только древесный спирт и легкие фракции возгонки каменной смолы — от всего этого хоть последствия известны.

Да и вообще старое меканское правило — только свое пить или от проверенного самогонщика — никто не отменял. То, что вчера с гоблинами я это правило позабыл, силу его только подтверждает.

От одной мысли о «клюкаловке», любезной сердцу зеленявок, позывы к опорожнению всех внутренностей всеми путями неуклонно возобновлялись. Более же ничего годного к опохмелке на сотню-другую миль в округе не присутствовало, включая личные запасы. Содержимое фляжки экономить надо было! Да что уж теперь-то...

В условиях даже относительно мирного сосуществования с Леах обойтись без регулярного промывания мозгов спиртным никак не получалось. Вот и подобралась заначка незаметно, без следа и сожаления. До поры до времени, конечно.

Теперь поздно страдать о впустую растраченном альтийском джине. Проблему с похмельем решать надо. Неотложно. Подручными средствами. Ну-ка, что у нас в наличии из спиртосодержащих субстанций технического назначения?

Так... Негусто. Даже из имеющегося кое-что отпадает. К примеру, черный жирный технический гуталин для обработки кожаных элементов конструкции кадавра. Всем хорош, и с градусом расстается легко, но для разделения фракций нужен грубый ноздреватый огрский ржаной хлеб, который на те же пару сотен миль в округе сыскать в равной степени затруднительно. А так на меканском жарком солнышке быстро бы готова была выпивка с закуской в одном лице.

Правда, по нынешнему моему желудочному состоянию это тоже не проканает. Значит, и жалеть нечего. Тут нужна жидкость желательно с максимально нейтральным вкусом и запахом. Не полировальный эликсир, в ведре воды разболтанный, а что почище. И покрепче.

Остается одна возможность. Антифриз. Спиртоглицериновый, как по заказу. Должен быть пусть не в изобилии, но определенно. Если, конечно, никто еще раньше не сыскал применение ценному ресурсу. Альтернатив быть не может — по штату антифриз положен, значит, есть. Хотя на хрена он в меканской влажной жаре нужен, чины снабжения ответить не сумеют при всей необходимости А что теперь его малость поменьше будет, тоже не их забота. Испарился, блин. Вымерз!

Тем более что специфика приготовления необходимого напитка скоро сделает это заявление истиной.

Одержимый появившейся наконец целью существования, я помахал рукой кадоргу, пребывавшему неподалеку в каком-то ожидании. На мое счастье, это оказался Раптор 08. Ему к общению со мной не привыкать, хоть поймет, что к чему.

Подойдя, кадавризированный организм что-то забубнил. Но в своем нынешнем состоянии я воспринять сказанное не мог. Даже смысл одного слова извне в голове не помещался, а соединить два и вовсе было совершенно невозможно. Поэтому я лишь снова замахал рукой, перебивая непостижимый ныне для меня монолог подчиненного.

— При... не-си ан-ти-фриз, — произнес я, не знаю уж, насколько членораздельно, но очень старательно. — И... мо-розо-мет. Пнл? — На полноценное «понял» духу уже не хватало.

Раптор «пнл!». Во всяком случае, симпатичную канистрочку с голубой полосой наискось и тележку с баллонами, шлангами и раструбом приволок весьма оперативно, не тратя времени на рассуждения о том, зачем начальству с утра столь несообразные друг с другом и с местным климатом магия и алхимия. Или это мои похмельные нелады со временем не позволили адекватно оценить срок его отсутствия...

Вяло оживившись, я принялся готовиться к производственному процессу. Запустил морозомет, пристроил напротив него котелок, отвинтил крышку канистры. И принялся натужно, с трудом озираться в поисках еще одного совершенно необходимого ингредиента грядущей выгонки — куска металла подлиннее и почище.

С этим мне повезло не так, как с первыми тремя составляющими самодельного алхимреактора. Все железяки в радиусе досягаемости были покрыты толстым слоем грязи, гнили и плесени. Некоторые уже лишайником поросли, вьюнком и грибами... подольше бы мне о тех грибах не вспоминать! В таковом качестве для моих целей они решительно не годились. Антисанитарии предстоящий процесс не терпит, равно как и мой организм, доселе никоим образом не кадавризированный. И впредь, надеюсь, тоже...

Кстати, о кадоргах. Подходящий металлический предмет как раз находился вблизи одного из них. То есть даже неотъемлемо ему принадлежал. И с чистотой, по крайней мере на первый взгляд, тут было все в порядке.

С трудом махнув рукой, я подозвал топчущегося поодаль Раптора, ухватил за любовно отполированный бронебойный шип на правой лапе и потянул за него вниз, к котелку. Будь я малость более вменяем, поостерегся бы столь панибратски обращаться с четырьмя футами отточенной клинковой стали. Но и так обошлось. Кадорг бережно, как заправская нянька, следовал за моими неуклюжими с бодуна движениями. Даже дно котелка не пропорол, что совсем удивительно. Поцарапал слегка, не без этого, но без совсем уж летальных последствий.

Воодушевившись достигнутыми успехами, я уже куда более споро развернул к согнувшемуся Раптору раструб морозомета и запустил накачку. Кадорг стоически терпел, покуда голубые струи алхимического холода выстуживали чуть

загнутый коготь до необходимого градуса. А что ему, к боевым поверхностям цепи обратной связи не подведены. Хоть в металл расплавленный суй, хоть под кузнечный молот. И все равно стойкость тот проявил похвальную.

Наконец по стальной глади фиолетовыми разводами поползли инеистые дорожки. Почитай, готово, можно приступать к основному процессу.

Осторожно, насколько позволяло мое состояние, все еще мелко дрожащими руками я наклонил канистрочку с антифризом над промороженным шипом. Слегка-слегка, чтобы смесь отравы с желанным алкоголем не хлынула через край слишком сильно.

Струйки жидкости побежали по морозной глади, набухая ледяными жилками. Как воск на свечном огарке — тоненькие потеки то и дело взрываются застывшими каплями. Но часть неумолимо продолжала течь дальше, все больше легчая и голубея. Она-то мне и была нужна!

Канистра опустела, а котелок наполнился. Леденяще холодный, так что лучше пристроить его на раскаленный кожух морозомета, чтобы прогрелось малость, а то горло простужу к демонам гоблинячьим. Где-то две трети изначального объема жидкости превратились в необходимый продукт. Можно надеяться, что окончательно — во всяком случае, запах на это указывал недвусмысленно. Градус набран основательный. Надо бы чем-то смягчить...

Из аварийного сухпайка, болтавшегося в одном из карманов пятнистой рейнджерской куртки, вылущилась упаковочка с тростниковым сахаром. Рукоятью тесака я раскрошил в котелке ноздреватые бурые кубики и разболтал лезвием, как лопаткой. В теплом спиртяге сахар разошелся более-менее пристойно. Теперь можно снова перетащить котелок на раструб морозомета, чтобы остыло малость.

Вот теперь готово. Можно снимать пробу.

Под заинтересованным взглядом Раптора я выдохнул и осторожненько отхлебнул обжигающе-сладкой жидкости. Пламя полилось по глотке, истребляя всю заразу предшествующей ночи, разошлось в желудке огневым туманом файрбола. И рвануло. По мозгам, по рукам-ногам до кончиков пальцев, едва ли не дымом из ушей и ноздрей. Разом выжгло грибную похмельную немочь. На долю секунды я прислушался к

себе, проверяя, все ли на месте после огневого налета на внутренности, и с удовольствием оценивая результаты.

О! Махом звук включился. И цвет с контрастом, как в дешевом хрустальном шаре после хорошего заклятия обновления. Великое дело — стопочка вовремя. Так, конечно, и втянуться можно, но сейчас требовалось. Лишних суток на отсутствие собственного присутствия, тем более столь некомфортное, у меня как-то нету.

Да и Раптор продолжал гундосить с завидной целеустремленностью. Надо, стало быть, что-то болезному. Очень надо. Слава Судьбе, теперь я способен воспринимать смысл его слов, а не только факт раздражающе-настойчивого гудения.

— Это... Насчет хай-мэм... чтоб ей пусто было на все точки... — прорвались первые осмысленные фразы из басового рокота кадорга.

Нельзя сказать, что они меня порадовали. Скорее наоборот.

— Ну что она там еще отчебучила? — лениво было поинтересовался я, утирая выступивший на физиономии пот, но тут же забеспокоился всерьез: — С Хармом что-то?!

— А? Чего? — запнулся несколько озадаченный Раптор.

Ход моих мыслей сбил кадорга с его собственных. Даже порадоваться толком возвращению собеседника в стан разумных существ ему в полной мере не удалось. Впрочем, кадавризированный организм довольно быстро справился со ступором. Живо уяснив направление интересов внезапно реанимировавшегося начальства, Раптор успокоил мои опасения в полной мере.

— Нет. Что ему сделается! Сидит, не воет даже. Я бы выл... А вот высокородная пропала. Так и нет ее со вчерашнего.

Понятно... Почему только меня это не удивляет? В отличие, скажем, от образного описания страданий неполноразумного кадавризированного организма, сделанного организмом полноразумным.

Представив, как осадный кадорг завывает, сидя на линкорной цепи у водокачки, я смог только резко помотать головой, так, что мозги заболтались в звонкой пустоте. Хорошо хоть ноющая боль не вернулась. Слишком уж яркая картинка вышла. Реалистичная такая, в подробностях. Нет, чтобы я еще когда-нибудь грибов гоблинских хоть понюхал — не бывать тому!

А вот еще глотнуть спасительного эликсира лишним не будет. Да и невольному помощнику в перегонке выделить порцию нужно. Чтобы не глядел так прочувствованно.

Отпив, сколько влезло без вреда для здоровья, я поднял котелок над головой, предлагая Раптору. Тот сразу все понял и без излишних церемоний осторожно принял тару, которая в его бронзовой лапе смотрелась подобием наперстка. Удержал, не пролил, донес до заменяющего голову вздутия на бронекорпусе. Ну, как ему придется мой рецепт?

Кадорг залил внутрь себя изрядную порцию напитка. Что примечательно, не под забрало, а в какой-то из многочисленных лючков на головной панели. Помолчал немного, выпустил из-под решетки облачко синего пламени и блаженно пророкотал:

— Ангидр-р-рид!

— Дегидрат, — добродушно поправил я малообразованного подчиненного и неожиданно сам для себя подвел итог: — Коктейль «Кадорг»!

— Точно... — одноименный магически протезированный организм с лязгом хлопнул себя лапищей по колену. — Как есть ядр-р-реный!

Тут мы с ним достигли полного единодушия. Только от моего удара по ноге такого гула, словно от железной бочки, набитой колоколами калибром поменьше, на все джунгли не пошло. Лишь бы теперь Раптор от избытка чувств меня по плечу похлопать не вздумал. Тогда ему за Леах самому отправляться надо будет, за отсутствием иных кандидатур.

Впрочем, пронесло. Обошлись без лишнего панибратства с летальными последствиями. На выпивку меканские ветераны стойки, будь они даже лишь на семнадцать процентов по эту сторону Последней Завесы. Однако от своей доли наши тоже никогда не откажутся — котелок стараниями кадорга почти совсем опустел. Ладно, на пару глотков хватит, а больше мне вообще-то уже и не надо. Но и этих, напоследок, тоже упускать не стоит. Я решительно опрокинул импровизированную чарку над распахнутым ртом. Крошки сахара прозвенели по краю посуды и захрустели на зубах. Остатки сладки...

— Главное, память прочищает. — Новая порция выпитого неожиданно настроила Раптора на откровенный лад. — Важное я вспомнил... Имя... Джеф Трамп!

Чье имя? Свое, не иначе! Ну Раптор дает! То есть Джеф Трамп... И каких демонов поросячьих он сейчас это вспомнил — раньше градуса в местном пойле не хватало, что ли?! Не поймешь...

И как вовремя вскрылся сей факт в свете погибели Зарецки! Как нельзя вовремя. И как можно — тоже.

— Так за это надо еще выпить! — воодушевился я и тут же огорчился: — Жаль, кончилось...

Кадорг как-то мрачно сгорбился, если тридцать футов металла и алхимических приборов, составляющих ныне его тело, можно описать таким образом. Словно не доставило ему радости столь важное озарение.

— Разве что за упокой... — подтвердил мое впечатление новопоименованный. — Невеселая это память...

Уже завораживает не по-хорошему. Но это оказалось не все, что нужно было высказать Трампу, более привычному мне под кличкой Раптор. Не знаю уж как, но даже по не слишком человеческой фигуре осадного кадавра стало видно, что слова эти даются ему с огромным трудом, рвутся из самой глубины, расталкивая обыденные мысли и устоявшиеся привычки.

— Слушай, командир, ты со мной по-хорошему, и я... — На этом он надолго замолк, но все же, пересилив себя, продолжил: — Не я Джеф Трамп.

— А ты... — в голову ничего, кроме естественного вопроса: «Кто же?», само собой, не шло.

— Так и не помню, — виновато развел лапами кадорг, отвечая на этот, даже недовысказанный, но вполне явственный вопрос. — Трампа-то как облупленного знаю, а тут по-прежнему.

— Что ж звал? — этот вопрос уже удалось выговорить целиком. — Не боишься, что тот за имя даже из-за Последней Завесы спросить придет?

Хотя ответ, похоже, я и так знаю. Не придет рядовой Джефферсон Трамп, ни за именем своим, ни за ответом. Как многие уже никогда не выйдут из меканских топей. Даже мертвяками болотными...

— Сгинул он. Без следа. В «ведьмин студень» угодил, плашмя лег, со всего маху. Недолго барахтался... — подтвердил силу моего чутья кадорг.

Опять, как получается, Раптор. Зачем только мне это? Неважно же, кто он, главное — на своем месте. Доверие, конечно, ценю, но...

И это еще не все, как выяснилось. Откровения продолжились, да в таком ключе, какого я совсем не ожидал. Вытянув очередную паузу, как подбитого осадника из болотной трясины, тяжкую и долгую, кадорг дошел до главного.

— Не о том спрашиваешь... О том спроси, почему именно Джефа помню. Под Ар-Тесайсой, как он, многие пропадом пропали. И не одного из них в лицах представить могу, так что мать не отличит. В нынешнем-то виде...

— Друг был? — предположение из напрашивающихся.

— Да не сказать... Наоборот скорей... Словом, я Трампа в «ведьмин студень» и пристроил.

Вот, тебе, покойничек, и Приснодень... Под трибунал, что ли, захотел? Смертную казнь на все оставшиеся семнадцать процентов? Так дважды за одно не убьешь, а Мекан с него уже сполна спросил. До утраты личностной адекватности. Или каторжные работы в порядке послабления желает испробовать? Тут и правда — кадоргам в здешних топях куда хуже, чем государственным заключенным в Тайрисских копях. Все одно не понимаю. Может, дальше дойдет?

Повинная кадавризированного организма меж тем не прекращалась.

— Да и сам с ним заодно кувыркнулся. Себя со злости не помнил, а его не отпускал. Чтобы наверняка. Хуже тесайрца дикого. Так с тех пор и пошло, с той злобы. Себя не помню, а Джефа — как родного... Вот и все.

Монолог дался Раптору нелегко, зато прояснил многое. Видно, сам он назначил себе такое. Хуже казни и каторги. До потери себя, до памяти лишь о том, у кого отобрал больше, чем у самого осталось. Такое наружу выпустить, в слова облечь не каждый решится. Но меж нами, меканскими парнями, желтизны лживой быть не должно, по какую сторону Последней Завесы большей своей частью ни обретайся. Как только дать понять это без высоких слов, на которые никто из нас, многогрешных, не способен?

Разве что так...

— Дело прошлое. Прикинь, позавидовал бы тебе Трамп или нет...

Раптор покаянно кивнул, наклонившись всем корпусом. Видно, не раз себе то же говорил. Только одно дело, когда сам оправдываешься перед безмолвным судией, и совсем другое — когда те же слова от стороннего человека слышать доводится. Совсем по-иному ложится на душу тот же смысл.

Кадорга, похоже, отпустило малость. Да и у меня в голове прояснилось, что не могло не радовать. Как-то на этом закончились наши посиделки, прямо скажем, несколько неожиданно. Раптор побрел куда-то, да и я собираться принялся.

Впрочем, нет худа без добра. Видно, такой встряски напоследок и недоставало... для некоторого протрезвления, как ни посмотри. Теперь я был готов двинуться куда угодно в одиночку, даже без поддержки КадБригады и воздушного сопровождения. К любым демонам свинячьим, мороженым, в хисахскую пустыню, в жерло горы Дройн! Да хоть к гномам под гору!

Тут я, пожалуй, уже малость зарапортовался. Вряд ли мне даже за целую жизнь доведется побывать во всех перечисленных местах и ситуациях. Но общее направление порыва ясно. Вперед, за высокородной!

Лишь бы не вслед за ней. Что-то из разряда редко подводящих меня дурных предчувствий подсказывало — лучше бы никому дорогу эту не повторять. Ничего там нет хорошего...

Но упиваться предчувствиями — последнее дело. Лучше заняться чем-то осмысленным. Харма, к примеру, отпустить, а то уже наверняка извелся на цепи под водяным баком. Даже стыдно стало, что со вчерашнего дня вызволить пса времени не нашлось. Впрочем, тогда еще было неочевидно, что высокородная пропадом пропала и воспрепятствовать освобождению Харма не сумеет.

На полдороге к водокачке, правда, выяснилось, что с идеей этой я малость опоздал. Раптору в голову, или где у него там некадавризированные проценты организма располагаются, она пораньше моего пришла. Видимо, в силу отсутствия похмельного синдрома. Да ему и способнее с цепью здоровенной возиться. Мне и одного звена не своротить, все равно кого-то из кадоргов позвать бы пришлось. Так что все правильно.

Пес, против ожидания, настороженности моим состоянием не показал. Обычно не любит зверье чужих да пьяных, а я

нынче и то, и другое в некоторой степени и в одном лице. Но обошлось. Видно, уже за своего я Харму. А блюсти строгость насчет пьянства в лагере кадоргов, каждодневно заливающих повседневность спиртным, — себе дороже. Притерпелся пес. Наверное, мог бы — сам бы пил, не просыхая.

Впрочем, обретенная свобода привела его в состояние совершенно щенячьего восторга. Как меня — выпитое с утречка. Чуть сам не прыгал, как Харм. И деревяшки, куски мусора подходящей формы, чтобы ловить, кидал ему в изобилии. Пусть порадуется. Так и двинулись на пару к периметру, резвясь по пути.

Вот только там, а точнее, чуть подальше, нас обоих поджидало столкновение с суровой реальностью. Меня даже в меньшей степени, нежели Харма, потому что когда я подошел к зарослям, зарастившим все позавчерашние раны, они не шелохнулись. Так, шелестели слегка под ветром, не сильнее обычного.

Иное пришлось на долю пса-кадорга. Словно порыв ветра прошел по перистым листьям пальм, да и по обычной листве и веткам. Харм опасливо остановился, я тоже встал, наблюдая, как из земли на глазах вылезает толстый корень, преграждая дорогу псу из семи металлов, движимых пятью стихиями. Живность в чаще завозилась пооживленнее, шумок пошел нехороший.

В общем, сегодня реакция джунглей была откровенно нелицеприятной. Недвусмысленно указывала, что каким бы то ни было кадоргам, даже четвероногим, на болотном острове отныне делать нечего.

Харм звериным своим чутьем и сам это уразумел — заворчал глухо, пятясь от кромки леса. В исполнении даже урезанного на пару футов шасси разведочного кадавра серии Mk.VI выглядело это жутковато. Мощный и малоуязвимый зооморф отступает в страхе. А мне вот туда идти, хочешь не хочешь. В одиночку, как теперь выходит...

— Гулять, Харм, гулять. Вольно... — успокаивая, отпустил я пса.

Тот с видимым облегчением кинулся обратно в лагерь. Чуть ли не под водокачку, которая ему теперь, почитай, милее свободы лесной стала. По дороге, правда, пару раз оглянулся, словно говоря: «Пойдем отсюда! Пойдем, нечего здесь де-

лать!» Но ни остановиться, ни вернуться назад духу у пса не хватило. Инстинкт самосохранения сильнее оказался.

И правильно. Ему-то действительно нечего. А мне вот очень даже есть чего. И все равно заботу собачью я оценил. Кому иному бы такое внимание к чужой судьбе...

Ладно. Благими пожеланиями дело не поправишь, только дорогу к Лунной Богине себе вымостишь. Надо отправляться. Зеленка уже успокоилась после ухода Харма, так что самая пора, пока солнце на полдень не пошло.

Перед дорогой, как вчера, опять в тени присел, чтобы глаза привыкли, да и вообще настроиться. Так и сидел, лениво переводя взгляд с листка на листок, покуда не зацепился им на невысокое, в мой рост, и какое-то хилое деревце. Живое еще, но такое неприглядное, что его в любое дело пусти — жалко не будет.

Причем я даже знаю, на что именно его пустить. Когда понял это, всю опаску как рукой сняло. С ходу повеселел. Ибо придумал, как обзавестись спутником, даже более полезным, чем Харм, — в том плане, что его потерять не обидно. Остальные выгоды те же, что от пса-кадорга, и даже больше: все-таки будет у попутчика этого две ноги, а не четыре лапы, и сходные с человеком габариты. А значит, и ловушки на прямоходящего легче обнаружатся. Какую-то из них высокородная явно не миновала, раз до сих пор не вернулась. Так что мне подстраховаться прямой резон.

Все необходимое для исполнения задуманного у меня было либо при себе, либо вокруг в изобилии. В кармане сыскался моток бечевки и связка простеньких оживляющих амулетов — без претензии, на сутки-двое. Этого с избытком хватит для сооружения недолговечного, но вполне работоспособного кадавра-буратино. Крепкий еще хворост отлично подойдет для несущей конструкции, а проводку управляющего сигнала обеспечит живая древесина, кора и луб. Для чего потребно хоть какое, но дерево.

Вот это, хиловатое, и подойдет. Все одно к смене сезонов либо лиана его забьет, либо синяя гниль съест. Тут, правда, не перестараться с жалостью надо, чтобы жизненной силы растения на самопального кадавра хватило. Пускай отведенные деревцу полгода за дюжину часов выгорят, лишь бы все это время он споро ноги переставлял.

Непорядок, конечно, тратить так живое растение, но иначе, одним хворостом да сухостоем, не обойтись. Хоть что-то должно быть, не полностью утратившее силу пятой стихии. Здесь же не лаборатория мага-оживителя, не витализаторный цех кадавростроительного завода. Концентрированное зелье взять неоткуда, заклясть необходимую стихию некому. Будем надеяться, джунгли окажутся не в обиде за такое заимствование.

С опаской я примерился тесаком к растению. Осторожненько надрезал кору — меканские джунгли молчали. Никакой реакции. Обошлось. Значит, можно.

Пара ударов клинка сняла стволик с корня. Комель тут и не нужен, слишком башковитый буратино мне ни к чему. За него амулет думать будет. А то, помнится, Берди Передразник однажды в спешке взял деревце с тремя капами и чагой, так у наскоро скрученного кадавра аккурат на минном поле началось раздвоение личности. Множественное, с внутренним конфликтом и непрерывной экзистенцией. Проще говоря, рвало его какими-то деревянными соплями. Не Берди, конечно, — хотя лучше бы его. Сбрендивший буратино такую джигу отплясывал среди скачущих на два ярда вверх минлягушек, что мы едва отлежались, укрываясь чем попало от брызг мертвящего зелья. Сам же он, что примечательно, остался целехонек и еще долго колготился, до рассвета почти. Только как Главная Луна под уклон пошла, разорвался надвое и сразу утих. В стороны разошелся спокойненько — правая нога в одну, левая в другую.

Моему творению подобная судьба не угрожает. Вон какой ствол ровный, ветки, опять же, одна к одной. Под неспешный перебор воспоминаний я закончил пластать кору и древесину на тонкие плети, которым суждено стать цепями управления грядущего буратино. Споро разобрал живые, истекающие соком волокна по сучковатым конечностям кадавра, прихватив где обрывком бечевки, где зазубренным шипом колючки Бруно.

Разъял амулет на несущую и управляющую части. Вторую в карман спрятал, а первую приспособил на место деревянного лица. Привычными движениями активировал спящую магию, отошел в сторонку и присел, ожидая, когда заклятие сделает свою работу. Ну и чтобы пробуждающееся от небытия существо не ушибло ненароком.

Проверенный амулет не подвел. Деревянное подобие человеческой фигуры вяло зашевелилось, пробуя обретенное тело. Сколько раз делал, а каждый раз отчего-то радуюсь, когда искусственное существо обретает подобие жизни. За что и люблю свою работу. Так и не менял профессию до последнего, до трона Властителя. Хоть нелегко иногда приходилось, и порой на деревянных плясунов без содрогания смотреть не мог.

Нехитрое ремесло буратинщика каждый наладчик кадавров знает. Вот только ходят трансальтийские шарманщики или те, кто лишь изображает уроженца Альтийских гор, со своими деревянными куклами под тем же Хозяином Нищих. Что никак развитию карьеры не способствует. Скорее завершению, в качестве живой собственности работодателя.

Ладно, эти страхи давно позади. А впереди — поход в глубь болотного острова на пару с новообретенным попутчиком. Вон, разогрелся уже, встал, на месте топчется. Как бы в нетерпении. Чудак деревянный! Знал бы, куда пойдет, не торопился бы так...

За сутки, прошедшие со вчерашнего дня, остров словно переменился. Если по правилам, то следовало бы начать поиски с той полянки, на которой я оставил Леах. Вот только найти ее с ходу все никак не удавалось. Особенно если учесть, что заявились туда мы с высокородной, двигаясь куда глаза глядят, а улепетывал оттуда я и вовсе в некотором помрачении.

Кадавра-ходуна я настроил в режиме опережения. Это когда он, куда бы я ни повернул, обязательно передо мной пройдет ярдах в семи-восьми. И наготове перехват управления повесил, чтобы при случае буратино все мои движения повторял с поправкой на рельеф под ногами или даже без оного. Так-то спокойнее будет, а если смотреть, куда ноги ставишь, и вовсе безопасно. Во всяком случае, ни одной мины или ловушки, способной различить одинаково движущееся животное и растение, я лично не знаю.

Предосторожности оказались отнюдь не лишними. Не прошло и пары часов осторожного кружения по лесу в попытках различить приметы вчерашнего маршрута, как обна-

ружились следы весьма сильного и опасного магического воздействия. В виде, приличествующем скорее учебному пособию, нежели трофею недавней или давней, не скажешь с уверенностью, войны.

На старой, уже почти заросшей просеке, обозначавшей направление падения, лежал тесайрский воздушный разведчик. Не высотно-стратегический, теплокровный, а фронтовой, из той же генетической линии, что их перехватчики. Ящерной породы, дактиль какой-то, проще говоря.

Красиво смотрится. Как в армейском музее военной селекции и трансляции наследственных признаков. Будто парализующим заклятием его в полете накрыло — так и упал, как сухой лист, плашмя. И сгнил, не меняя положения, в каком застигла смерть. Что уже как-то странновато смотрится. Когда мясо с костей сходит, удержать форму скелету не суждено.

А тут обтянутые полуистлевшими перепонками крылья дактиля распростерты на весу, хвост изогнут, и голова повернута в навечно остановленном вираже. Пилот чуть склонился в седле и поднес к очкам друзу кристаллов дальней оптики, другой рукой твердо удерживая поводья воздушного разведчика. Время не пощадило скелеты, оплело все сеткой лишайника и лиан, но нарушить порядок костей не сумели даже минувшие годы.

Осторожно, не делая лишних движений, я извлек собственный монокуляр и мячик тестера магии. Сначала подробно осмотрел скелеты и лишь потом послал светящийся шар, настроенный на обнаружение магии, в пробный полет. Ничего. На всякий случай обстучал вернувшимся без изъяна тестером самые приметные места костяков. Никакого результата. Что бы ни отправило тесайрского разведчика за Последнюю Завесу, здесь и сейчас оно не присутствовало. Обычный меканский фон, разве что с усиленной Жизнью, как на всем этом острове. Но ведь что-то же сотворило с крылатым ящером то, что я теперь вижу!

Как выяснилось, неведомая магия срастила его скелет воедино, до последней мелкой косточки. И скелет пилота тоже. Позвонки, ребра, мослы и мосталыги стали монолитом, цельной скульптурой наподобие огрской резной статуэтки из китового бивня. Такого заклятия даже тесайрские Воины-

Жрецы не знают. Уж на что искусны вернейшие из подданных Мага-Императора в деле магического членовредительства...

Опасливо осматриваясь, я подобрался к спаянным скелетам поближе. Точно, накрепко срослись — ни собственный вес, ни масса давно сгнившей плоти их не разъединили. От удара при падении и то не разошлись.

И ладно, если бы кости просто срослись. А то ведь переплелись, втекли друг в друга прихотливо разросшимися выступами. Что творилось при этом с ныне благополучно истлевшей плотью летучей твари и ее всадника, я предпочел не задумываться. Дай-то Судьба, ветки, пронзившие тела, достаточно быстро прикончили тесайрца и дактиля. Негоже излишне мучиться даже такой твари, как наследственно измененный крылатый ящер.

По направлению остатков просеки и позвоночника дактиля я примерно прикинул, откуда тот когда-то спланировал. Как по «компасу» из мертвеца, что оставляют на трансзодиакальных островах хисахские пираты, если верить книжкам. В ту сторону отправляться никак не стоило, но отчего-то я знал, что именно туда мне и надо. Если есть здесь средоточие опасной магии, то именно в него-то светлоэльфийская дива и угодила в соответствии с врожденным талантом самой главной затычки во всех бочках.

Далеко идти не пришлось, хотя из-за всех предосторожностей недолгий этот путь оказался едва ли не тяжелее всей предыдущей дороги. Я выставил кадавра на максимально разумную дистанцию, да еще то и дело тестером пришпоривал, чтобы проверить, не подсела ли на него какая сторонняя магия. Со стороны, наверное, гляделось, будто я его понукаю постоянными толчками в спину.

Впрочем, окружающей природе не меньше доставалось, так что все по справедливости. Мяч-тестер так и летал, обстукивая все подозрительные места, как когда-то в коридоре сокровищницы Храма Победивших Богов. Хоть «Анарского Крикуна» снова запевай.

Впрочем, одно отличие от давешней ситуации все же имелось. На сей раз не тестеру суждено было найти главную опасность похода. Ее, как оказалось, можно различить и не вооруженным магией глазом. Между стволами впереди замая-

чил водяной блеск, подсвеченный каким-то сиянием, и ходун вывел меня в котловину, в центре которой оказалось немыслимой красоты крохотное лесное озерцо.

Ни прудом, ни лужей язык его назвать не поворачивался, хотя видал я и то, и другое значительно больших размеров. Слишком чиста вода, слишком совершенным узором валунов, песка и растений обрамлена зеркальная гладь. И слишком сильна магия этого прекрасного и грозного места.

Из самой середки водяного зеркала вертикально в зенит бил бирюзово-голубоватый луч. В высоте, над кронами деревьев, почтительно обступивших сияющую ось котловины на вежливой дистанции, луч истаивал до неуловимой прозрачности. Со стороны и не заметишь, если не знать. Цвета живящего и мертвящего зелий не случайно схожи, только одно в чистую синеву, другое в гнойную желтизну уходит. На фоне неба животворное до непереносимого предела сияние терялось бесследно уже ярдах в пятидесяти от земли.

Вот что, похоже, пересек в полете, не заметив, тесайрский разведчик. Передозировка жизненной силы и не такое может проделать с костями и плотью любых существ. Даже если существо не из рожденных, а из сотворенных чужой волей, вроде простенького кадавра-буратино. Пока я в остолбенении застыл на полдороге к берегу, ходунчик бодро достиг края озерца и ступил в воду.

Отчего-то тут же, без приказа с моей стороны, он остановился. Подергался, словно пытаясь переступить с ноги на ногу, и застыл вовсе, изогнувшись напоследок в блаженной судороге. Не было в этом движении ни боли, ни страха, неизвестного искусственному подобию разумного существа. Наоборот, будто потянулся человек, сбрасывая усталость, накопившуюся за всю жизнь, да так и замер на пике удовольствия.

Уже догадываясь, что произошло, я потащил из чехла друзу кристаллов оптики, чтобы приглядеться получше, не подбираясь слишком близко. Подкрутил кольца наводки на максимальное увеличение. Так и есть. Пустил корни мой буратино.

Врос, как стоял. Уже заплыли свежей корой бечевки, ломаные и резаные ветки соединились в неразрывное целое — что с того, что от разных деревьев взяты? Такая вот прививка получилась, любой селекционер позавидует. Что

военный, что цивильный, из тех, которые оформляют живыми оградами и павильонами замки светлых эльфов, Дневных Властителей.

Напоследок подмигнув дешевым полудрагоценным камнем основной схемы, ушел в плоть стремительно толстеющего ствола мой амулет-оживитель. Кажется, кто-то из великих жрецов древности, чуть ли не тесайрец по происхождению, сказал, что из неживого живое сделать просто, а по-настоящему трудно из живого сделать еще более живое. Прозрачное озерцо в сердце болотного острова с легкостью переплюнуло все мои достижения в этом искусстве. Причем без помощи сторонней магии.

Вместо хворостяного ходунчика на берегу, уходя в воду раздвоенным корневищем, встало вполне здоровое деревце много краше того, что я перевел на расходного деревянного кадавра. Так что и жалеть не о чем — Мекан дал, Мекан и взял. Все по природному закону.

Вот только, пожалуй, на островке этом вообще и у тенистого озерца в частности закон этот приходит в средоточие своей силы. Причем отсрочки исполнения и пересмотра своего приговора не терпит.

Поняв, куда забрел по недомыслию, я зябко передернул плечами. Но опрометью прочь не кинулся — в таком месте держать себя надо уважительно. А бегущего везде вдогонку бьют, не только в сердце меканских болот. Закон и без законников закон, попадаться нельзя ни в коем случае, тем более в таком, как этот, когда скрыть ничего не удастся. Единственный способ не угодить под его зеленую метлу — не творить того, что он запрещает.

Место Силы Закона Жизни. Средоточие мощи одной из пяти Стихий. Вот во что ничтоже сумняшеся уперся облеченный в форму Четвертой Отдельной КадБригады одержательский пыл Концерна Тринадцати, всепобеждающая экспансия разума многорасового Анарисса. А мне, стало быть, предстоит разруливать свару между ними, как меж парой барж в узкой протоке. Так, чтобы ни та, ни другая о берег или друг о друга борта в труху не растерли. Примирять интересы и обустраивать рубежи во взаимоотношениях природы и общества. Выступать арбитром в конфликте сил Добра с силами Разума, ежели можно так выразиться.

Выразиться хотелось и покрепче. Но тишина в зале суда прежде всего. Даже если своды его сплетены из ветвей, которых никогда не касалась рука разумного. К тому же неизвестно, как среагируют судебные приставы на не к месту помянутых гномов с их топорами. Последние-то и в лесорубном разрезе понимать можно, что здесь особо не в дугу встанет...

Надо бы перерыв в заседании затребовать, пока с котелка крышку не снесло под напором осознания масштаба и ответственности. В соседний какой-нибудь кабинет откочевать, дух перевести. А там бы и вовсе обратно, потихоньку, чтобы у местного всеведения до меня руки не дошли. Высокороднуюто искать, похоже, особого смысла уже не имеет.

Осторожненько, обдумывая заранее каждый шаг, без единого звука и лишнего вздоха я ретировался из величественного и опасного места, а перевалив через гребень котловины, прибавил ходу. Не побежал, конечно, но драпать принялся вполне определенно. Темп сдерживали только требования безопасности: не хватало только влипнуть во что-нибудь простенькое после того, как, почитай, уже совсем ноги унес.

Таким вот аллюром я и вылетел на ту самую вчерашнюю полянку. Оказывается, дальним краем за бамбуковой рощицей она как раз к озерной котловине прилегает. Вот ведь, а дорогу сюда вчера и сегодня никак не спутаешь. Дух лесной тогда водил, что ли? Хотя не исключено, что на этом островке расположение мест вообще не является постоянным.

С прошедшего дня основательно поменялся не только рельеф, но и колер растительного ковра луговины. Но этому, по крайней мере, нашлось объяснение попроще.

Мунберри, или луникa. Созревая, пестрые ягоды проходят все цвета лун — от Близнецов до Главной. Незрелая луника желта, как Даройх в зените, и годна лишь на протраву ткани перед окраской. На пороге зрелости ягода, обретая алый цвет восходящего Аройха, просто и незатейливо сладка. В полную силу тонкого и пикантного вкуса луника входит, делаясь фиолетовой, словно Даройх, катящийся к горизонту. Синий цвет его брата, клонящегося к закату, переводит лесную снедь в разряд лечебных. Но когда шары ягод вздуются, перебродив, затянутые серебристым восковым налетом, под стать сиянию старшей сестры обоих близнецов, — лишь яд получится из них...

Сейчас вся поляна была усеяна алыми брызгами, за одну ночь сменив цвет с бесполезного золота на кровавую россыпь внезапной спелости. Кое-где и фиолетовые мазки дробно рассыпаются в багряном море, как вчера, намеком, красные искры. Раздолье, ешь — не хочу. Вот только пробовать нежданно созревшую ягоду как-то нет никакого желания.

Да и та ли это вообще поляна? Кроме цвета луненики, со вчерашнего дня в ней основательно поменялось еще кое-что. Причем не так, чтобы это можно было объяснить внезапно-одновременным переходом к спелости капризных теплолюбивых ягод. Деревья за одну ночь на пустом месте, как раз с того края, где я Леах оставил, не вырастают. А те, что сами перейти на него способны, совсем иначе выглядят.

Тут же все обыденно. Меканский клен или что-то в этом роде — листья те же, но ствол по-иному скручен, да и кора чуть другая. А вдобавок к нему и вовсе бесхитростная осина-листотряска, что без ветра шелестит беспокойно дни и ночи напролет. По высоте да обхвату стволов не один десяток лет обоим сравнялся, хотя до эльфийского долголетия деревьям этим еще далеко. Да и не живут лесные простолюдины столько, сколько высокородным отпущено.

Впрочем, после сегодняшней трансформации ходунчика я уже ничему не удивлюсь, пойди хоть целый лес войной на эльфий замок, не то что пара стволов приблудных. Та самая полянка, как есть та. Получается, вчера мы с высокородной совсем чуть-чуть до места не дошли. Оно и к лучшему, правда. А то оба могли не вернуться — с ее-то напором да темпераментом и мне бы, как пить дать, сполна досталось.

Без особой опаски я подошел к деревьям, желая передохнуть малость да подумать, где еще можно искать пропавшую эльфь. У озера-то ни следа не обнаружилось — ни самой ее, ни цепочки, ни тряпочки!

Цепочки... Как раз обрывок памятной мне цепочки поискового амулета проступал из осиновой коры почти прямо напротив моих глаз. Ну разве немногим повыше. Сам амулет, наполовину заплывший лубом, обнаружился там же, чуть в стороне. Присмотревшись, я заметил и не видные с ходу пряжки и пуговицы, вросшие в кору ствола и ветвей, нити золотого шитья, оплетающие даже самые тонкие прутики. Шелковые-то нитки без следа ушли в древесную плоть...

Изгибы которой мучительно мне что-то напоминали. Не пропорциями — дерево ничем не походило на женскую фигуру — ритмом, темпераментом остановленного осиной движения. Да еще золотистый, со ржавью отлив малахитовой листвы выглядел как-то знакомо.

— Осина-осина, гнилая сердцевина... — пробормотал я себе под нос.

Стало как-то не по-хорошему, с особой пронзительностью ясно: нечего больше искать высокородную ау Риер в этом симпатичном лесочке. Все. Считай, нашлась уже, если мои традиционно дурные предчувствия оправданны хоть в малой своей доле...

Третий раз за недолгую нашу с ней инспекцию у меня не нашлось слов по поводу случившегося. Даже среди канцелярщины, прежде помогавшей выходить из положения. Случай другой. Что тут можно сказать...

Разве что те две последние строчки из «Ворот Забвения», которые ныне, по всему видать, покойная Леах не дала допеть парням из Четвертой Отдельной в самый первый вечер нашего с ней здесь присутствия.

Мекан воздаст по вере всем, и всем сравняет счет,
Кто будет вечно глух и нем в глуши его болот...

Эхо последних слов рассыпалось меж стволов бамбуковой рощи на дальнем конце полянки. Оказывается, я все это еще и вслух выдал. При этом звук собственного голоса неприятно поразил — скрипучий, печальный и злой одновременно. Совсем не мой какой-то. Захотелось немедленно исправить впечатление, добавив что-нибудь пободрее. Но в голову ничего не шло, поэтому я лишь пожал плечами, обращаясь к соседнему дереву:

— Вот так-то...

Получилось, правда, еще хуже — сдавленно, едва ли не со всхлипом. Как-то не чуял я в себе подобного сострадания к светлоэльфийской дурехе, а вот поди ж ты... Разве что не всплакнул над могилкой. Тут бы и остановиться, не искушая далее Судьбу, но меня уже понесло.

— Что ж ее, малахольную, в Мекан потянуло? Сидела бы дома, не мужа с детками, так слуг до ручки доводила, раз та-

кая вся из себя крутая и независимая. Так нет же, понадобилось сутяжничать, по соседям шляться...

Странноватая поминальная речь, но о мертвых — либо правду, либо ничего. Как-то разом выложил все, что накипело за эту нелепую экспедицию, и все, что открылось сегодня у озерца средоточия Жизни. С полным своим непониманием, что же делать дальше и как в одиночку отвечать за то, что все мы тут с собой и друг с другом сделали.

Клен, к которому я все это время обращался, сочувственно затряс листвой, закивал кроной, будто соглашаясь с каждым словом. Пара разлапистых листьев даже легла мне на плечи, как успокаивающие ладони. В тоскливом помрачении я принял это как должное и, продолжая, положил руку на корявую ветку, как на дружеское плечо.

Конечно, разговаривать с деревом — последняя стадия. Но я уже дошел до точки. Или начало проявляться легкое сумасшествие, приличествующее Инорожденному. В конце концов, почему бы Властителю ау Стийорр не обратиться к меканскому клену за сочувствием? Вполне в порядке вещей, в пределах среднеэльфийской нормы бытового безумия. Ничего особенного. Это если сам обращаешься к дереву.

А вот когда это дерево начинает отвечать...

Скрипом-шелестом, вздохами ветерка в листве, складывающимися в едва различимые слова, но отвечать. Причем удивительно в тему. Не просто ругань скрипучая про дурость высокородной, а самая что ни на есть суть ухвачена. Тут уже надо всерьез задуматься о нормах присутствия и утраты разума, присущих разным расам. Или о том, что все это — на самом деле. Дерево разговаривает. И точка.

Очень медленно я убрал руку с корявой ветки. Еще неизвестно, за что я тут ухватился. Сучки тоже разные бывают.

— Не надо страха... Тебе здесь ничего не грозит... — по-своему понял мое движение внезапный собеседник.

И на том спасибо. Хотя лучше, конечно, если бы и вменяемость моя под вопрос не ставилась. Посредством испытания этим вот разговорчиком...

— Быстрая Сестра негармонична... Несколько дюжин лет под корой помогут ей обрести равновесие... Неторопливая смена сезонов способствует этому... — продолжил откровения клен.

Вот это да! Получается, в случившемся с высокородной нет ничего необратимого! Скажи кто еще вчера, что подобная новость способна переменить мое настроение к лучшему, — не поверил бы.

— И сколько дюжин? Хотя бы примерно? — живо поинтересовался я.

— Скажем, пять... — не заставил ждать себя ответ. — Хорошее число и для нас, Стоящих, и для вас, Подвижных...

— Да, пожалуй... — нельзя не согласиться. Шесть десятков лет для наделенной более чем тысячелетним веком Инорожденной Дня — величина ничтожная. А мне этого срока вполне хватит, чтобы вполне насладиться жизнью и отправиться за Последнюю Завесу в мире и спокойствии, не ожидая мщения взбалмошной эльфи.

Или набрать такое количество бонусов, что месть эта, равно как и срок человеческой жизни, сделаются пренебрежимо малы в сравнении с обретенными возможностями...

К тому же чем Судьба не шутит, может, Леах и в самом деле за время природно-магической процедуры гармонизируется вплоть до полной вменяемости и морального равновесия. Вследствие здорового образа жизни, правда, несколько малоподвижного. И впредь не доставит проблем ни мне, ни кому-то другому. Чего только не бывает...

Я и сам все стремительнее приходил в норму, совершенно не нуждаясь для того в аналогичных мероприятиях. Словно уловив эту мою мысль, клен — собеседник — неизвестно кто или что такое — кажется, улыбнулся.

— Извини, тебе мы пока не в состоянии предложить что-то в этом роде...

— Спасибо, я уж как-нибудь... — понимающе усмехнулся я в ответ.

Сейчас это стало бы исключительно не ко времени. Да и бесконечным запасом лет, в отличие от светлоэльфийской дивы, я не обладаю. Одно только звание мое, что Инорожденный в Мече, да кое-какие новые способности. В полный размер это звание еще оправдать надо, а тогда и думать уже, какие средства позволительны для приведения себя в порядок.

Сочтя изначальные церемонии знакомства исполненными, мой растительный собеседник позволил себе обратиться с просьбой:

— Пожалуйста, пройди обратно к озеру... Тебе там будет так же безопасно, а мне легче говорить... И видеть... Здесь слишком мало глаз...

Надо понимать, и те насекомьи. Никого сложнее вокруг нет. Значит, верно я угадал, что не клен ведет беседу, а нечто большее. Хотя тут еще как сказать...

— Да пожалуйста, — пожал я плечами. — Самому-то не трудно следом поспеть будет?

— Я уже там... — явственно рассмеялся он скрипучим смешком, подтверждая мои мысли. — И здесь... И везде на острове... Я — Все... Все для Стоящих Живых.... Как ваши Породители, Змей и Птица, — Все для Подвижных...

Так вот оно что! Вот кого потревожил освоительский зуд разума!

Этакий Великий Все. Третий компонент к паре первосуществ, мужскому и женскому началам, овеществленных в Перводраконе и Первофениксе.

Первозверь, Первоптица и Перводрево. А в том, что растеньице это с добрый остров размером, ничего особенного. Наоборот, при его невеликой подвижности огромный размер — выгода немалая. Не всякий заметит в силу различия масштабов, а кто найдет, куда бить, одним ударом всего не накроет.

«Великий Все живет везде и знает обо всем...» Теперь слова одной из великих жриц-пророчиц древности стали вполне понятны.

К слову, и мощь его в состоянии настигнуть кого угодно не только на острове, если я правильно понимаю магические законы квадрата массы и расстояния. Так что стоит отбросить остатки недоверия. Надо было бы — давно бы уже в землю врос, и шага сделать не успев.

Тогда конечно. Хоть и похожи сучки на глаза — один почти на месте, другой вместо уха — а видеть ими посланец Великого Всего не в состоянии. И бесконечный поток образов, стекающийся к нему от тех живых тварей, что обладают глазами, сразу воедино тоже свести не может. Как я не в силах полноценно управлять полученной недавно способностью, имеющей отношение к пятой стихии. Вот и получается, что издалека, со стороны Перводрево и его контактные побеги просто не способны различить и понять многое, доступное таким существам, как мы. И наоборот.

Зато при более близком знакомстве всеобъемлющий поток Жизни, наделенный странным видом самосознания, узнает нас так глубоко, как сами мы себя не знаем и за всю жизнь узнать не сможем. Дай Судьба, и не узнаем...

Без возражений и страха я проделал обратный путь к лесному озеру, обошел берег, любуясь красотой сочетания живого с неживым и выбирая место для общения. Присел в тени буратинного дерева. Идиллия...

— Спасибо за подарок... — Теперь голос Великого Всего действительно доносился со всех сторон. — Ты помог ему обрести большую, чем прежде, Жизнь...

— Такой бы подарок кому другому! — вспомнил я железных парней Четвертой Отдельной КадБригады Оррей-Гайт. Обычных солдат, посмертно превращенных в чудеса кадаризации и маготехники. Большая, нежели прежде, доля Жизни очень пошла бы на пользу остаткам их процентов биоадекватности, тлеющим под броней.

— Так в чем дело? — удивился Великий Все. — Пусть приходят... Для каждого найдется шанс возродиться в новом теле... Или успокоиться, растворившись в живом...

Ах да, так и не могу привыкнуть, что он слышит не просто слова и мысли, а голос сердца. И сердцу напрямую отвечает. Тогда и правда, значит, недолго осталось кадоргам влачить нынешнее существование. А Концерн...

Других освоителей пришлет. Обычных, контрактников. Или каторжников — все едино. КадБригада-то одна была, и до новой войны следующей не предвидится. Вот только столкнутся они с той же нерушимой магической твердыней Перводрева.

Переупрямить эльфийскую бюрократию, заставив отказаться от лакомого куска биомагических ресурсов, невозможно. И пытаться не стоит — в худшем случае это кончится войной с одним из Первосуществ. Что, по моему разумению, всяко хуже любой Меканской и едва ли не в полную мощь Войны Сил отлиться способно.

Эх, если бы только убрать остров с дороги! Уперлись бы по договору в тесайрскую границу, и все. Подданные Мага-Императора по своей отсталости и бедности до здешних мест не доберутся еще лет триста, если не пятьсот. А там и еще что-нибудь придумать можно будет...

Вообще полезно бы Великому Всему научиться распознавать массовую хозяйственную деятельность разумных и найти способ уклоняться от нее, при этом не лишая отдельных существ шанса приобщиться к его первозданной магии. А то раньше или позже маготехнический прогресс позволит разобрать его по крохам, как я давеча деревце!

— Достань свой указатель места... — неожиданно прозвучал голос Перводрева с какой-то смесью гордости, благодарности и снисходительности.

Указатель места?! А, это он про карту-самоказку. Не понимая, я полез в подсумок за заклятым пергаментом. Развернул его и на некоторое время тупо уставился на рисунок, на котором алая точка местонахождения решительно не совпадала со ставшими уже привычными очертаниями Таругской петли. Та осталась много дальше к юго-западу.

Ну конечно, Великий Все вновь прочел то, что я лишь собирался сказать, и, очевидно, принял план к исполнению. Сомневаться, что средства исполнить задуманное у него есть, теперь не приходилось. Причем настолько мягко, в отличие от привычных чар телепосыла, что и заметить ничего не удалось.

Отлично! Здорово! Просто прекрасно!!!

Вот только теперь мне две сотни миль до одних только тесайрских кордонов шагать, если я верно масштаб карты в расстояние перевел. Да еще четверть столько до старой дислокации лагеря. То есть лагерь-то и сейчас там, а вот я уже здесь...

О переходе через саму границу и задумываться не хотелось. Подставляться в качестве плавучей мишени по очереди рьяным погранцам Мага-Императора, а затем отечественному Корпусу Стражи как-то не было ни малейшего желания.

Как домой доберусь? И как теперь кадоргам добраться до места последнего шанса на новую жизнь?!

— За один шаг... — прозвучало ответом на не заданный вслух, но сжигающий все внутри вопрос. — Остров на прежнем месте, а я здесь... Кто выйдет к тамошнему озеру, сможет попасть сюда, и наоборот...

Тогда совсем другое дело. Меня небыстро, но все-таки отпустило. Тщательнее впредь думать надо. В формулировках поточнее быть. А лучше и вовсе отправляться до дому, пока дорога свободна. Пока не пришло в голову что-нибудь

настолько полезное, что даже Великий Все с последствиями не справится.

То, что надо было исправить, уже сделано. Пора и честь знать.

— До свидания... — согласился с этой мыслью один из Первосуществ. — Всегда буду рад встрече...

По большому счету я тоже. Пусть даже столь нечеловеческий собеседник вызывает страх и чувство собственной неуместности, но положительные стороны перевешивают. Если при его помощи с неполадками в себе можно разобраться так же лихо, как с обстоятельствами, почитавшимися за непреодолимые.

Но это я уже додумывал, сделав свой шаг с берега озера Великого Всего. На берег точь-в-точь такого же, но лишенного духовной и магической мощи.

Хотя как сказать... Может, показалось, что расслышал прощальный вздох-улыбку в плеске крохотной волны, а может, и нет. На всякий случай, обернувшись, я махнул рукой в ответ, прежде чем отправиться восвояси под пологими лучами клонящегося к закату солнца.

Проходя полянкой, на которой обрела временное успокоение высокородная ау Риер, в прощальный жест я вложил уже совсем иное — облегчение с иронией пополам, плюс совсем немножечко сочувствия. Поделом ей. По крайней мере, некоторое время пакостей от Лесной ожидать не придется. Особенно теперь, когда ее плоть прихотливо переплетена с древесными волокнами и надежно укрыта корой.

Как ни странно, именно теперь, когда все со светлоэльфийской стервой прояснилось окончательно и бесповоротно, я успокоился. Столь же окончательно и бесповоротно. Нет на мне больше ни ответственности за судьбу высокородной, ни вины за случившееся с ней. Как отрезало — финалом разговора на той же самой полянке.

Собственно, после вчерашнего я имел полное право не то что в лесу ее кинуть, а и прирезать собственноручно. И дело тут не в том, что эльфь напала первая и без причины, даже не в дурацкой попытке изнасиловать меня, грешного. Хотя когда женщина настолько крупнее и сильнее мужчины, как в нашем с ней случае, опасность уже не столь смехотворна. Покалечила бы, и думать нечего.

Но это все обстоятельства вторичные, сопутствующие. Главное в другом, и любой суд эльфийского Анарисса признает это без малейшего сомнения. Хоть под Венцом Доказательств все излагай.

Леах потеряла лицо, а это у Инорожденных — преступление окончательное.

Ну и Судьба с ней, а она — со своей судьбой. Этот вопрос всяко уже не в моей компетенции. Мне еще разбираться с кадоргами и их дальнейшими формами существования, с интересами Концерна по эту сторону границы и островом уже по другую, и мало ли еще с чем, вроде номинальной должности командира КадБригады.

Ладно, такие вещи в пути, да еще на сон грядущий, решать не следует. А то на следующий день сам удивишься, до чего дошел на тяжелую ввечеру голову. Хорошо, если переделать еще не поздно будет.

Нет, демоны с ней, с КадБригадой. Подождет. Переживет еще немного под моим суматошным командованием, раз до сих пор уцелела. Завтра все, завтра. Утро вечера на ночь старше, авось что в голову и придет.

Закат сменился рассветом, да и еще пара-другая часов прошла в неспешной дреме. Утро выдалось свежее, с легким ветерком, гарантирующим от налета любых комаров. Что «супер», что обычного гнуса. И никто до утра этого лишними вопросами меня не беспокоил. Так что и выспаться толком удалось, едва ли не впервые с начала инспекции этой, и все вчерашнее как следует в голове уложить.

А когда надо — ни минутой раньше, ни секундой позже, — и тот, кто надо, под руку подвернулся. То есть Раптор. У него способность к соответствию вообще весьма неплохо развита. В том числе к командованию КадБригадой. Жаль, напрямую воспользоваться ей нельзя...

Без слов, лишь кивнув друг другу, мы выбрались к периметру, где паслись рогач Леах и мой Шипучий. Собственно, Раптор и присматривал за ними все это время — без приказа даже, по собственному разумению. Видно, из фермеров он все-таки. Себя не помнит, а навык остался. Так что в первый же вечер верховые звери ему доверены были. У нас-то с хай-леди

ау Риер в процессе непрерывных разборок все одно руки до них не доходили.

Самоставящийся шатер высокородной я свернул одним коротеньким заклятием, со своей палаткой провозился немногим дольше. А больше здесь и нет ничего такого, что с собой забирать.

Покуда я приторачивал к седлам вьюки одеял и тентов, разговор не особо клеился. Пришлось отложить до тех пор, пока на дорожку не присядем. Присели. И опять, не сговариваясь, задрали головы вверх. Точнее, я задрал, а Раптор просто откинулся назад, насколько шарниры и центр тяжести позволяли, чтобы на спину не кувыркнуться.

Высоко в небе над нами призрачной искрой сверкнул тесайрский разведчик. Почти не хлопая крыльями, он плыл в бескрайней синеве, оставляя за собой серебристый след выдохнутого пара.

— На стимуляторах идет. Вон как пыхтит! — первым нарушил молчание кадорг.

— Вольно ж ему... — недовольно буркнул я.

— Этак пару часов попыхтишь — и легкие наружу, — поделился выводами Раптор.

— По ту сторону Анара с этим легче. Нового вырастят, — все так же сердясь не пойми на что, ответил я.

— А пилот? — не унимался он.

— И пилота тоже!

Раптор немного помолчал. Вроде как вздохнул, если бы имел такую возможность. И подвел итог тихонько, словно бочку сорокаведерную перекатил по настилу:

— Будто у нас иначе...

Оставалось только кивнуть, соглашаясь. Не мне и не ему против этого возражать. Даже не высокородной ау Риер, по нынешним-то временам — сладких ей снов под корой на все пять дюжин лет. Так что все сказанное остается в пределах общих мест. Что скажешь, когда нечего сказать...

Почему люди всегда говорят ни о чем? Даже если один из них кадавризированный организм, а второй... эльф. В некотором роде. Хотя, конечно, Инорожденный из меня тот еще. Впрочем, как и из Раптора — кадорг...

А ведь найдутся и поважнее темы для обсуждения. Столь важные, что, пожалуй, только с ним здесь и можно поделить-

ся, после давешних-то откровений. Если даже не поймет, хотя бы не отмахнется, как от небыли. Сам бы я точно не поверил, скажи мне кто-то про болотный остров да про Великого Все...

И все равно как-нибудь издалека зайти надо. Не с бухты-барахты, обстоятельно. Может быть, вообще от противного, не так, как на деле было, чтобы Раптор сам подковырку искал и правде, как ни странна та окажется, только обрадовался бы.

А это мысль! Заодно, кстати, обкатаю на верном слушателе версию отсутствия высокородной, которую предложу по возвращении Арбитрам.

Чтобы было не обидно, излагать я начал с оговорки:

— Хочешь послушать, что буду докладывать наверх про вчерашнее?

Кадорг, разумеется, качнул корпусом, вроде как кивая. Уж эту его манеру я выучил. Кому не захочется развязку узнать, после всех-то треволнений! Надеюсь, правда, что важное «докладывать наверх» не даст кадавризированному организму принять все нижесказанное за чистую монету. Не для солдат, по ту или иную сторону Последней Завесы, эта история, а для самых что ни на есть высокородных. Оттого и начать сей рассказ пришлось высоким штилем.

— Дневная Сестра решила посвятить ближайшее время самосовершенствованию и поправке здоровья.

Далее складное вранье потекло как нельзя лучше. Главное, в сугубо эльфийском стиле — пространно и с легкой ноткой безумия. Только финальную фразу удержать в каноне не удалось.

— Шалашик себе сплела, — я усмехнулся, вспомнив осиновые прутья. — Тенистый...

Раптор, сообразно ожиданиям, повествование сие воспринял на редкость бесчувственно, точно показывая, что фальшь чует, но молчит из вежливости... С которой пора уже кончать, дабы в ущерб делу не шла.

Теперь уже я держал паузу до последнего. И лишь прополоскав молчание на ветру, словно выстиранную простынку, позволил себе бросить:

— Ну как, гладко?

— Гладко, — согласился кадорг.

— Тогда слушай, как на самом деле.

События самого длинного дня моей меканской инспекции улеглись в дюжину, не больше, минут неторопливого рас-

сказа. Все в них уместилось — от реальной участи высокородной до истинной сущности болотного острова. И того, что обещает он личному составу КадБригады Оррей-Гайт.

— Уж последи, чтобы все разом не рванули, — напоследок попросил я ее новоявленного командующего. — Хотя бы год, пару лет потяните, кому здоровье позволит...

— Обещаю... — помолчав, ответил кадорг. — Кому трудно будет, кому легко... Кто вообще не решится. Годы здесь в помощь, не во вред. Жаль, Конрад не дожил...

— Что и говорить! — Трудно не согласиться.

Самое трудное, почитай, с души сбросил. Теперь еще решить бы, на кого оставлю бригаду по гибели Зарецки и своему отбытию. Хотя это можно обмозговать на пару с самим Раптором. Лучше всего на этом месте смотрелся бы он сам, да куда тут без личностной идентификации. Не положено назначать на воинские должности существ не в здравом уме и полной памяти. А то в армии давно уже не осталось бы никого, кроме зомби и клинических идиотов. Отчего, между нами говоря, эффективность ее никак не изменится.

Да, в общем-то, все равно, кто будет командовать формально. На Раптора, по сути, часть оставляю, кого бы ни пришлось номинально утвердить. Зарецки, покойник, со мной согласился бы. Он сам сходным образом пользовался способностями заместителя.

Это я и выдал в нескольких словах лишенному личностной идентификации кадоргу, надеясь на полное взаимопонимание и встречную инициативу. А нарвался на долгое молчание, за которым последовал официальный тон:

— Разрешите доложить, хай-сэр?

— Докладывай... — Не поняв, я не сразу настроился на тот же лад. — Только о чем?

— О восстановлении личностной идентификации! — отбарабанил тот. — Рядовой первого класса Джефферсон Трамп в вашем распоряжении, хай-сэр!

Вот как, значит, повернул... Что ж, может быть, отмолит таким образом давний грех перед Судьбой. Отживет самое трудное и важное время не жизни даже — посмертной каторги не за себя, а за того парня. Переведет добрую славу и добрую память возвращенных к жизни на единственно памятное имя.

— Так что готов к принятию части! — Напоследок Раптор, то есть теперь уже Трамп, как-то неуверенно замялся. — Если доверите, конечно...

Что ж, я ему не судья. Отчего бы и не доверить — упускать возможность, данную нам обоим Судьбой, грех ничуть не меньший. Моего скромного звания хватит, чтобы поставить рядового первого класса на командование подразделением ему по силам. Даже с присвоением внеочередного звания — временно, до утверждения вышестоящим офицером.

Поэтому суб-капрал Трамп получит в распоряжение бригаду Оррей-Гайт, до особых распоряжений. Каковые вряд ли последуют. А если и произойдут по блажи какого-нибудь штабного сморчка, то будут недвусмысленно пресечены одним из членов Совета Концерна Тринадцати. То есть мной же. Мекан своих не сдает.

Вместо ответа я произвел над кадоргом молниеносное повышение в звании и назначение на должность, потратив на почетный ритуал если и не одно слово, то немногим больше.

— Суб-капрал, отставить антимонии! Будьте любезны приступить к исполнению возложенных на вас обязанностей! — И лязгу в голосе, как от всей КадБригады разом.

Так и надо. Не сползая ни в слезливое сюсюканье, ни в ханжеский осуждающий тон. Одну эту манеру вести понастоящему серьезные дела у эльфов перенять стоило. Чтобы все сказать, ничего не говоря. Или говоря между слов совсем не то, что слышится в словах.

Только не одни высокородные в такой манере дела обделывать умеют. Из каких бы ни был нынешний командир Четвертой Отдельной, а искусство это он знал в совершенстве. Или, по крайней мере, настолько, чтобы одной фразой ответить мне разом по всем слоям темы:

— Так точно, хай-сэр инспектор!

Верно выбрал звание, проходимец. А то рапорт одного капрала другому, на шаг ранжира выше, смотрелся бы несерьезно. Инспектор в таком раскладе куда солиднее звучит. И вдобавок ни слова против истины. Как и в моем обращении к новопроизведенному суб-капралу...

Значит, понял безымянный кадорг. Принял имя, звание и должность, теперь понесет с честью. Не ошибся я в выборе и

со спокойным сердцем могу отбыть домой. Все теперь тут, на дальнем болотном рубеже, путем пойдет.

Разве что еще одно дело осталось. Харм. Ему-то не расскажешь о том, что может сделать Перводрево для любого кадавризированного организма. А сам не поймет, за предательство посчитает, если отвести его на болотный остров. Могучее тело кадавра не удержать, когда джунгли потянут к нему зеленые щупальца побегов. Пусть исцеляющих, пусть несущих новое рождение — псу этого не объяснишь. Закрыт этот путь для существа, не обладающего полным разумом.

Хозяина заботливого у него теперь тоже нет. А остальным кадоргам при всем их грубоватом добродушии не удержать остаток жизни, тлеющий в кадавризированном на добрых девяносто процентов собачьем теле. Без ухода за глазами и кожей, а также еженедельного маготехосмотра шасси Харм долго не протянет. Паразиты меканские, ядреные, замучат, алхимические контуры очистки крови разрегулируются, и сгниет пес заживо. Лучше уж быстрая смерть...

Вот только пристрелить его ни у кого тут рука не поднимется. У высокородной стервы поднялась бы, да где теперь та стерва? Я один знаю, где, да еще Раптор-Трамп. Но даже будь она в состоянии исполнить приговор четвероногому кадоргу, не дали бы мы этого сотворить. Зря, что ли, спасал я его от беснующейся эльфи в день одержания? Так что же делать?

Словно почуяв не собачьим нюхом, а душевным тонким чутьем, что решается его судьба, Харм появился из-за ангара, в котором скрылся новый командир КадБригады. Медленно, словно нехотя, пес-кадорг направился ко мне. Нет, не нехотя, а словно опасаясь чего-то, отворачиваясь демонстративно то в одну, то в другую сторону, но все время поглядывая на цель своего похода. А заметив мой взгляд, Харм и вовсе припал на передние лапы и пополз, поскуливая виновато-заискивающе.

В исполнении легкого разведочного зооморфа серии Мк.IV это смотрелось дико, хоть и укорочено теперь шасси кадавра за счет средней пары лап и отделения боевой нагрузки. На пса оно теперь походило куда больше, чем, к примеру, на слона — за счет той же повадки. Но не настолько, чтобы совсем забыть о его происхождении и назначении искусственного подобия звериного тела.

Испугаться я не успел, пусть и страшновато все это выглядело. Природная незлобивость Харма успокоила, да и явно мирные его намерения читались невооруженным глазом. Но вот удивления сдержать не удалось. Уж больно необычно было поведение кадавризированного посмертно пса.

— Харм! Хармушка, хороший песик... Ну что с тобой?! — сбивчиво забормотал я, повинуясь скорее беспокойству за него, чем любопытству. Мой гекопард и рогач Леах, навьюченные в дальний путь, тоже заволновались.

Четвероногий кадорг, скуля, продолжал подползать все ближе, пока не уперся живым мягким носом в заботливо выставленную навстречу ему ладонь. Остановился, запрокинул голову, приникнув стальной нижней челюстью к бронзовым лапам. И поднял на меня полные слез глаза. Просящие, казалось, не взглядом — словами: «Не оставляй! Не бросай меня здесь!!! Одного...»

Не могу я выдержать взгляд собачьих глаз в упор — с тех времен, когда сам смотрел на мир одним-единственным таким глазом. И никогда не смогу. Не найдется, что ли, в огромном темноэльфийском замке конурки для пса из семи металлов, движимых пятью стихиями! Маготехобслуживание ему я и сам делать могу, есть уже опыт. А если Хирра снизойдет хоть раз по загривку потрепать, так и живой части польза будет немалая.

Решено. И нечего попусту мучить собаку ожиданием. Пусть скорее, как брошенную деревянную тарелку, ловит долгожданную команду.

— Домой!

Пес недоверчиво приподнялся, вникая в смысл сказанного, так что пришлось повторить:

— Слышишь, Харм? Домой!!!

Радостно взвизгнув, кадорг вывернулся из-под руки, подпрыгнул едва ли не выше моего роста, с лязгом приземлился на все четыре лапы и принялся носиться вокруг меня неровными кругами — только фонтаны сорванного дерна вверх летели. То и дело он забегал вперед, к дороге, ведущей прочь из Мекана, и оглядывался, проверяя: не передумал ли новый хозяин? Идет ли уже за ним?

Чтобы не разочаровывать пса, я и в самом деле поскорее забрался в седло гекопарда. Пристегнулся всеми тремя рем-

нями, а длинный повод рогача высокородной ау Риер намотал на луку седла. Обернулся в последний раз на затихший в рассветном мареве лагерь Четвертой Отдельной КадБригады Оррей-Гайт и на подсвеченную лучами восходящего солнца кромку вековечных меканских джунглей, в сердце которых таится блуждающий остров Перводрева...

Что там городила Леах про самое важное слово, главный, необсуждаемый и неотменяемый приказ, что всю жизнь поворачивает на новый, лучший лад? Нечего и пытаться было высокородной угадать пароль, открывающий сокровищницу Судьбы. Даже знай она его теперь, ближайшие пять дюжин лет отгадка эта эльфи, которая теперь воистину стала Лесной, не поможет. Хотя не исключено, что за такой срок и дойдет до нее сам собой правильный ответ, который мы с Хармом уже знаем.

Домой! Вот оно, главное слово для любой живой твари, будь ты хоть пес, на девять десятых сделанный заново из мертвой материи, хоть Ночной Властитель человеческой крови. Домой!!!

Таков мой неотменимый и необсуждаемый приказ.

Часть третья

СОКРОВИЩЕ ДОМА ПОЙНТЕРОВ

1
Все не так, ребята...

Лестница здесь — девять шагов до заветной двери,
А за дверями — русская печь и гость на постой,
Двое не спят, двое глотают колеса любви,
Им хорошо, станем ли мы нарушать их покой...

Секс у всех человекоподобных рас, населяющих Анарисс, принципиально схож. А его отсутствие одинаково удручающе. Это я к тому, что месячные у эльфийских див не уступают их годовым. Но если последние выражаются в сотнях и тысячах звонких золотых, то первые — в долгих неделях воздержания. Хорошо, что наступает это безобразие раз в полгода, не чаще.

А если сталкиваешься с подобной напастью впервые за недолгое время супружества, возникают неприятные подозрения: не намеренно ли затягивается вынужденный пост? Тем более что причина к подобным размышлениям есть.

Официальный родственный визит — вот как это называется. Эльфийской точной наукой считаться родством я вряд ли когда-нибудь овладею. Поэтому гостя нашего для простоты именую попросту кузеном, не вникая в сложности его кровной связи с женой.

Тем более что не в ее близости или отдаленности суть. У Инорожденных с инцестом просто: родные по обеим линиям братья и сестры могут заключать брак после частичного изменения наследственности, родители с детьми — то же самое плюс магическая операция расторжения родства, меняющая память. Остальные без ограничений.

Так что кузены даже ближайшей степени родства друг для друга — законная добыча. Не говоря уже о столь запутанном. И если бы только это было причиной моих опасений...

Ни разу за все время брака Хирра не прикладывала столь чудовищных усилий к изменению своей внешности. Она у меня вообще довольно аскетична — для эльфи, конечно. То есть все силы и средства применяет лишь для того, чтобы оставаться в рамках раз и навсегда избранного стиля, не отклоняясь ни на шаг. Любой дрейф в сторону воспринимается моей высокородной как преступление. Что сам я навсегда запомнил по истории с костюмчиком для верховой езды цвета лайма.

Другое дело, что стиль этот сам по себе сногсшибателен и для женщины любой иной, не эльфийской, крови обозначения аскетического никак не заслуживал бы. Это уже расовая особенность, так они устроены, первые дети Отца. Если и есть слово, равно характеризующее Инорожденных любого цвета, то это «неудержимость». Во всем, начиная как раз с облика.

Сейчас это свойство получило приложение совершенно в ином направлении, нежели прежде. И оценить пределы, до которых дойдет стремление жены злостно изощряться над собой, я бы не взялся...

Утверждая меня в мрачных мыслях, гулко прозвенел обеденный гонг. Еще одно нововведение, которого прежде слыхом не слыхивал. В буквальном смысле слова.

Теперь успеть бы еще понять, где стрясется очередной прием. Иначе то, что у нас теперь вместо обычных обедов, обозначить не получается. Каждый раз на новом месте, сообразно положению звезд. Равно как и костюмы присутствующих. Во всяком случае, двоих главных действующих лиц того балагана, в который превратился у нас заурядный ритуал принятия пищи.

Уразуметь правила, по которым подбираются цвета и фактуры ткани, лично я не в состоянии. Вообще это дело не мужское, а эльфийское. В самом худшем смысле слова. Если вспомнить самого повелителя звезд, Безымянного Бога, так особенно. Тот, помнится, и вовсе изначально не страдал устойчивой принадлежностью к какому-то одному полу, а со временем обрел способность менять его по собственному желанию. Проще сказать, был сам себе противоположного пола.

Так что потворствовать капризам одного из Побежденных Богов нормальному мужику нет никакого резона. Тем более меканскому ветерану, даже возведенному по прихоти Судьбы в эльфийское достоинство. Что, конечно, нисколько не облегчает жизнь. А в выборе тряпок этих переклятых — особенно.

Как мне теперь одеваться, скажите на милость? Как Инорожденному? Смешно! С другой стороны, выглядеть, как разбогатевший цеховик или приказчик, не менее глупо. То, что носят ипподромные игроки, шулера и прочий высший класс дорассветных, мне глубоко отвратительно. Магистратская мантия не подлежит обсуждению, а что под ней, я никогда не задумывался.

Так и получается, что я продолжаю ходить в военном. Только во все более качественном и навороченном.

В данном случае это в четыре цвета закамуфлированный комплект капитана-заклинателя рейнджеров, весь в карманах для боевых амулетов и креплениях для прочей сбруи. Круче этого нет уже ничего. Дальше идут эполетно-лампасные варианты для всяких полковников, генералов и маршалов.

Увы, в сравнении с одеянием кузена даже это никак не смотрится...

Гонг пробил во второй раз. Ладно, сейчас выяснится, чем темный принц на пару с моей высокородной на сей раз ошарашат. И кажется, я нашел трапезную, где это должно случиться. Иначе зачем бы тут над дверями гирлянды черных роз и сияющее подобие Полуденной Звезды из бриллианта полуфунтового калибра, подсвеченного кристалликом светосброса в тлеющем режиме?

Угадал. Высокородный родственничек уже на месте, прихорашивается по-бабьи. Даром что ростом семь футов с парой дюймов сверху. Хорошо хоть цвет волос у него серебряный изначально, от рождения, без всяких «ведьминых сливок». Крашеного парня в доме я бы не вынес. И так каждый раз передергиваюсь при виде его платиновой пудреницы с чайное блюдце размером.

Впрочем, это еще не так страшно. Цизальтинцы из Союза Племен тоже физиономии себе разрисовывают, Воины-Жрецы тесайрские, опять же. И оттого хуже не дерутся, наоборот, самые жуткие бойцы. Распаляют они себя подобным обра-

зом, словно дают на лице подпись, всякому видную, — не подкачать в решительный момент. Так что Инорожденному Ночи самое дело пепельного цвета кожу серебром да чернью оттенять. Вполне понятный закос.

В остальном темноэльфийский модник сегодня смотрелся подозрительно скромненько. Просто угольно-черный силуэт без единой искры, бездонным провалом под плащом цикламенового цвета. Единственное украшение — фибула, рассыпающая бесчисленные бриллиантовые блики. Стильно, ничего не скажешь...

Но мою женушку и в этом переплюнуть никто не сумеет. С третьим ударом гонга, ни секундой раньше, к трапезе пожаловала Хирра. В таком виде, что я чуть мимо стула не сел, позабыв об этикете. Уж на что она над собой измывалась все это время, но дойти до подобного моей высокородной пока еще не удавалось.

Запредельно изысканное платье из трех разных материалов — плотной синей парчи, облегающей тело бесчисленными складками, черно-муарового жесткого газа, прихотливо собранного в пышные гроздья, и поверх всего — прорезной, тисненной серебром тончайшей пепельной замши, обрисовывающей объемы... Все это великолепие было еще и принципиально асимметричным, от турнюра с разрезом сбоку и шлейфа до рукавов и воротника.

Перерисованное заново лицо превращено в серебряную маску с перламутровым отливом и блестками, на которой глаза, губы и скулы нанесены резкими штрихами. С обладательницей этого лица я незнаком и не горю желанием познакомиться.

Воплощенное безумие на голове, пронизанное росчерками драгоценностей и металлизированных прядей, описать нельзя даже нецензурно. Единственное, что можно сказать, — сие сооружение также было асимметричным, а отдельные локоны спадали на шлейф.

Вдобавок эта прическа и каблуки разных по длине высоких сапог из прорезной черно-лаковой кожи с серебром и стразами добавляли еще фута полтора к ее исходным шести с половиной. Что делало мою Инорожденную жену подчеркнуто недоступной. Произведением искусства. Не женщина — башня из слоновой кости...

В общем, непонятно, чего хотелось больше — то ли встать по стойке «смирно» и есть начальство глазами, то ли вылить ей на голову бочку дегтя и поинтересоваться самочувствием. Темноэльфийская дива, Ночная Властительница в масштабе один к одному, демоны всего негодного ее побери!

Рефлекторно я щелкнул каблуками и вытянулся. Гость, напротив, склонился в церемонном поклоне, затем шагнул навстречу невозможной в своем великолепии Хирре и опустился на одно колено, протягивая к ней обе руки ладонями вверх.

На его ладонях крохотным заревом встало сияние, и из ниоткуда проявилась синяя лилия, невыразимо изящная в своей невозможности. Роскошная, как моя жена, и стильная, как этот ее родственничек. Да что там — как весь их род, весь цвет Ночи, вся их раса любимых детей Отца, Перводракона, Повелителя Небес...

Кузен склонил голову еще ниже, хотя я не думал, что это возможно, поднес лилию Хирре и не вставал, пока та не приняла дар. Место для цветка нашлось в безумной прическе моей высокородной, причем так, что с первого взгляда делалось ясно — только его там и не хватало.

Мне вот ни разу не приходило в голову поднести жене что-то подобное. А у этого экзотические синие цветы — фирменный стиль. Телепосыльные-то чары — фокус простенький, но сами лилии... Блин, откуда он их берет?!

После столь ударного впечатления мне уже не были доступны ни суть застольного разговора, ни вкус самого обеда. Накатило совершенно угнетенное состояние. Ничего не хотелось, и ничто не могло отвлечь от великолепной пары. Глаза бы мои всего этого не видели! Впору пожалеть, что их у меня нынче снова два, и ни один из них не собачий...

Двое совершенных существ синхронно встали, завершая трапезу. Ритуал прощания ничуть не уступал церемонии приветствия, вот только на прощание прекрасную и эфемерную иллюзию из радужной пленки сплела в воздухе уже сама Хирра. Вызвав тем очередной приступ величественного поклонения родича. Оба словно в танце плыли. Как движущаяся картинка в книжке сказок. От хрупкости и изящества всей сцены хотелось взвыть.

Нет, уйду я от них. Нет больше никакого терпения. В подпол, в подвал забьюсь, где мне и место...

А это, кстати, идея!

Не насчет того, где мне место, а насчет подвалов. Оптимальный способ занять себя на время официального родственного визита. Ремонт устрою. Заодно и разберусь, где что, в собственном хозяйстве. А то до сих пор даже в жилых покоях и главных службах с трудом ориентируюсь, и это едва ли треть всех помещений замка...

На следующий день, хотя на грани нарушения клятвы продолжала балансировать Хирра, отправляться ниже земли пришлось мне. Сорвался прямо с официального, как и все в последнее время, завтрака, отговорившись необходимостью, и пошел исполнять принятое с вечера решение — разбирать замковые подвалы.

На них заклятие непыльности наложено не было, так что накануне пришлось заказать два контейнера мелких зеленых гоблинов — для растаскивания завалов и сноса руин, буде таковые накопились за тысячелетия существования замка Стийорр.

Шум на подъемном мосту замка как нельзя вовремя отвлек от раздумий, в последнее время традиционно мрачных. Прибыли фуры с заказанными гоблинами. Неуклюжие экипажи разворачивались во дворике предмостья.

Зеленявки посыпались из плетеных кузовов, словно лущеный горох из ларя. Разве что по брусчатке двора не запрыгали, как те горошины. И куч выше, чем в три своих роста, не образовывали, галдя от любопытства. Поставщики, зная такую их повадку, споро развернулись и, получив оговоренные деньги, лишней минуты не задержались в замке, оставив меня наедине с полуторасотенной оравой.

Ситуацию следовало немедленно брать в руки. Показать, кто здесь хозяин, покуда орда не расползлась окончательно. А то они, как всякие неквалифицированные работяги, рады заказчику на шею сесть. Опрокинутой пирамидой, наподобие Обратного Зиккурата, жемчужины Заброшенных гробниц Тесайра...

Средства к тому были. Конечно, я и сам мог справиться — армейский опыт не только подчинению учит. Командно рявкнуть, так, чтобы все само собой разобралось по ранжиру, я

умею. Только зачем попусту глотку драть, напрягаться, если у меня для этого Харм есть? Две с небольшим тонны бронированного авторитета с семидюймовыми клыками разведочного кадавра серии Mk.VI. Никому мало не покажется!

Все так же неподвижно стоя в дверном проеме со скрещенными на груди руками, я тихонечко свистнул, полагаясь на чуткие уши своего пса-кадорга. Знакомый лязг и стук по полу металлических ног в каучуковых «калошах»-протекторах раздался не более чем полминуты спустя. По прошествии еще полудюжины секунд я ощутил на своем затылке дыхание живого носа Харма. Попутно любуясь естественной и непосредственной реакцией гоблинов, которые увидели то, что увидели, и ни граном меньше.

Зеленявки почти мгновенно смолкли и столь же быстро вернулись к пребыванию на плоскости без дальнейших попыток изобразить океанскую прибойную волну в Хисахе. Уровень звука и высота акробатических построек у них падали синхронно, словно светящийся зеленью кожный узор эквалайзера на шее певчего крикуна.

Уже хорошо. Теперь можно начинать настоящий разговор без излишних затрат на упорядочение шумной оравы.

— Кто у вас колпак носит? Подь сюды! — озвучил я свое первое требование, окинув неровный еще строй максимально тяжелым взглядом.

Колпачник, или тим-лидер — это одновременно максимальный и минимальный, а попросту единственный представитель гоблинской мужской иерархии. Нужен он для того, чтобы держать остальных в узде без лишних усилий и не тратить времени на бесконечные указания каждому отдельному зеленявке. Он у них вроде программного слова у кадавра по сравнению с простейшими кодами заклятия, кои всего лишь фиксированные по времени воздействия избранных стихий и способов их соединения.

Так и гоблины, роевые по сути существа, — лишь овеществленные возможные действия. Без интерпретатора команд здесь не обойдешься. Каковой и был моментально представлен моему вниманию, выдавленный средой из своих рядов.

Передо мной воздвигся исключительный гоблин — полных три фута в высоту и немногим меньше в диаметре. Кол-

пак на нем тоже был преизрядный: поля оного спадали на плечи, и из-под сего выдающегося образца шляпного искусства видны были только уши, нос, брезгливо надутые губы и обвислые щеки.

Вообще-то индивидуальность следует ценить. Особенно в столь однородной массе, какую представляют собой мелкие зеленые гоблины. Но конкретно эту индивидуальность приветствовать как-то не хотелось. А уж когда околпаченный открыл рот, все остатки моей возможной доброжелательности испарились со свистом.

Гоблинам и так-то свойственно огрублять гласные. Этот же экземпляр добрых две трети их произносить оказался вообще не способен. Без искажений у него шел только верхний ряд — «и», «ы», «у», а все остальные в произвольном порядке заменялись на «я» или то же «у», но сильно придавленные. На фоне получавшейся звуковой каши особенно дивно звучало излюбленное гоблинское обращение «милый».

— Чяво нудо, милый? Чяво шум пуднимяшь?!

Ага. Это он спрашивает, значит, в чем я нуждаюсь и чем обеспокоен. Самое время, вот только форма малость подкачала. Как-то не хватает в ней уважительности и внимания к требованиям заказчика. Списать на перепуг это не удастся. Скорее на исключительную тупость и самомнение, сквозь которые не может пробиться даже воспитательный эффект присутствия Харма.

Перспектива грядущего сотрудничества с таким вот исполнителем моих сокровенных пожеланий в области домашнего переустройства что-то не вдохновляла. Мне тут еще жить после того, что наработают зеленявки под столь чутким руководством.

Видимо, кое-что из моих размышлений в полную силу отразилось на лице и позе, ибо гоблины, сгрудившись, без команды подались на шаг назад, а пес-кадорг, напротив, глухо заворчал и выдвинулся из-за плеча, встав вровень со мной. Именно в таком порядке все было, не наоборот. Так что собственные способности к обеспечению дисциплины и правопорядка мне недооценивать не следует.

— Да вот, смотрю, годитесь ли вы для серьезной работы... — размеренно, с ленцой пояснил я и так уже понятное всем, кроме колпачника.

Гоблин в ответ только еще пуще надул и без того жирные щеки:

— Ня хучяшь, ня бяри! Никту ня зястявлят, милый!

До него не дошло. Что же, подпустим страху, чтобы наверняка пробило.

— Кого я не беру, тот ему, — кивнул я головой на Харма, — достается.

Пес, умница, рыкнул тоном ниже. Вследствие этого трепет рядовой массы зеленявок начал ощущаться прямо через брусчатку. Как град по крыше, только более глухо, поскольку по земле передается, а не по кровле, под которой пусто.

— Кту ж тябя ня угудил? — сделал колпачник с трудом опознаваемую попытку к примирению. — Тяву яму и скурми, ня жялку!

— Да есть тут один...

Его самодовольное непонимание начало прямо-таки умилять. Впрочем, не до такой степени, чтобы спустить все на тормозах. Что ж, если добром не понимает, объясню напрямую. За Меканом не заржавеет, а таким вот свое место знать надобно.

Я навис над ним, грозно возвышаясь во весь свой пяти-с-половиной-футовый рост, словно настоящий эльфийский властитель, и во весь голос осведомился:

— Ты сам-то на что годен, МИЛЫЙ? А то мне затычка для сливной трубы в главном нужнике понадобилась! Как раз подойдешь по диаметру.

Не знаю, что его добило больше — предположение, что кроме главного нужника у меня в хозяйстве сыщутся второстепенные, или заковыристое словечко «диаметр». Но колпачник наконец-то явственно увял и даже попытался несколько сдуться.

Не то чтобы это у него получилось с ходу. Тут тренировка требуется, длительная медитация на отказ от чувства собственной важности. Но само по себе стремление ценное. Если б сие было хоть сколько-нибудь продолжительным.

Пусть не до прежних размеров, но надутый гоблин все же слегка расправился по новой. Настолько даже, что сделал последнюю вялую попытку настоять на своей необходимости.

— Кяк жя уни бяз мяня? Уни бяз мяня ня мугут, ничяву ня мугут!!!

Ага, как же. Не знай я зеленявок накоротке, мог бы и поверить. В их среде всегда кроме явного лидера наличествует неформальный. На то, чтобы выявить его на смену текущему, я и рассчитывал, начиная весь этот базар.

— Харм присмотрит! — снизошел я до ответа.

Поименованный пес-кадорг, будучи обрадован возложенной ответственностью, с лязгом встал, сделал шаг к орде и гавкнул. Гоблины чисто рефлекторно выстроились в каре и вздвоили ряды.

С правого фланга, четко печатая шаг, наконец-то вышел особо морщинистый, даже в чем-то щетинистый экземпляр. Вообще-то зеленявкам шерсти по уставу не положено, но этот, видимо, просто обтрепался до бахромы.

Бахромчатый дошел до колпачника и четким движением, как эполеты с разжалованного, оборвал тому поля колпака, натянув их до самых локтей. Открылись испуганные свинячьи глазки экзекутируемого. В них светилось искреннее непонимание.

Теми же отточенными движениями Махровый развернул Надутого лицом к выходу и дал ему пинка. Несмотря на то что сей жест выглядел так же церемониально, низвергнутый правитель с ходу набрал немалую скорость, а к концу подъемного моста даже закувыркался.

Изъятую тулью колпака Махровый засунул за пояс, тем же парадным шагом проследовал ко мне и отрапортовал, кося глазом на Харма:

— Так что мы все поняли, командир. Рады стараться!

Что примечательно, этот говорил почти без отклонений. Да и в остальном вызывал несомненное доверие. В свете данной кандидатуры грядущий ремонт представлялся все более достоверной затеей.

Теперь справимся.

Сутки спустя правильность принятого решения подтвердилась окончательно. За первый же день разбора многовекового хлама я умотался так, что обращать внимание на родственные антимонии сил уже не осталось. Да и спал в результате безмятежно, как упокоенная душа.

Так что с утра я отправился вгрызаться в завалы истори-

ческого мусора с неослабевающим энтузиазмом. Попросту проигнорировав очередной официальный завтрак вместе с очередной синей лилией и очередными Судьба знает какими церемониями.

Насколько все понятнее и лучше тут, внизу! Гоблины снуют, покорно исполняя приказы, подкрепляемые потявкиванием Харма. Грязь и мусор отступают под напором их армии, демонстрируя ясный и вполне измеримый результат предпринимаемых действий. Залы, казематы и кладовые не столь даже мрачного, сколь удручающего вида превращаются во вполне пристойные помещения. Любо-дорого посмотреть!

Закрепить успех до скончания веков были призваны амулеты непыльности, заказанные оптовой партией. Демоны с ними, с деньгами, ушедшими на долгосрочные и недешевые заклятия. Зато не придется переделывать работу через сотню-другую лет. Хотя конечно, какое мое-то дело.

Все одно — оставлять за собой недоделки профессия отучила. Недоклятый кадавр хуже переклятого. В том смысле, что последний — чисто словесное преувеличение, а вот первый вполне реален. И по поведению своему совершенно непредсказуем, что доказал в свое время Берди Передразник, решивший пообедать в середине процесса наведения чар на Косильщика Лужаек. С тех пор среди нас, наладчиков, данное наименование сделалось нарицательным для любого масштабного бунта маготехнологий.

От меня подобного отношения никто не дождется. В конце концов, не для себя, так для потомков своих делаю. Или хотя бы Хирре на долгую память, если не сложится...

Чем все же хорош ремонт, это тем, что подобные мысли выбивает начисто. Остаются только простые и понятные рассуждения, что и как сделать здесь и сейчас, не загадывая на долгие века вперед.

Так бы все и шло к вящему удовольствию, но тут гоблины, по обыкновению, первыми запущенные в следующее помещение, принялись быстренько выбираться обратно с нервным ропотом, беспокойно оглядываясь и сбиваясь в кучки.

— Э, малахольные! Склянок к обеду пока не было!!! — подпустил Махровый в свой окрик небоходское словечко. — Никто вас с работ не снимал!

Суровый тон тим-лидера на подчиненных не подействовал — наоборот, зеленявки закончили эвакуацию с удвоенной торопливостью. Сбились в кучу посреди зала, малость примолкли и принялись тихонечко всей гурьбой отползать к лестнице наверх. Необъяснимая паника нарастала.

Махровый, наскакивая на соплеменников то с одной стороны, то с другой, кое-как сдерживал бегство, но при этом даже не пытался выяснить его причину. Не до того ему было, болезному, — и так сверх всяких сил надрывался. Словно диванный мопс, в одиночку пытающийся гнать стадо рогачей. Тут настоящих-то овчарок целой своры недостало бы...

Однако хватило и одного настоящего пса. Пусть даже кадавризированного на девять десятых. С лязгом усевшись в створе лестницы, Харм отрезал ораве пути к отступлению, не решив проблему окончательно, но обеспечив мне время для маневра. Пришлось врезаться в толпу, чтобы попытаться сбить накал истерии вопросом: «Что там еще такое?!» Но гоблины в ответ лишь истово мычали, так что добиться толкового ответа не удалось.

Видно, придется выяснять самому. Разумеется, со всей возможной осторожностью, держа наготове мячик тестера магии. Равно как и все недавно обретенные способности.

На первый взгляд в низком продолговатом зале ничего опасного не обнаружилось. Та же пыль и хлам, вроде мебели и портьер, вышедших из моды незадолго до первой механской войны и при этом не заслуживающих звания антиквариата ни по изначальной ценности, ни по степени сохранности. Труха, в общем.

Найти причину внезапной паники в этом засилье разрухи и запустения было весьма затруднительно. Если бы та сама себя не оказала, вяло зашевелившись.

Скелет это оказался. Не в шкафу, и не в каком-то другом вместилище, более приличествующем останкам, а на самом виду. Незамеченный поначалу лишь оттого, что пыли, грязи и какой-то бурой патины на нем было ничуть не меньше, чем на всем прочем.

Сейчас-то, конечно, некрупный, скорее всего, человеческий костяк не заметить было уже невозможно. Кроме внезапно обретенной подвижности, его отличало еще и серебристо-

голубоватое сияние, окутавшее фигуру. Так что с мертвяком, даже почти совсем истлевшим, уже не спутаешь.

Хотя тут, во владении Стийорр, расположенном далеко от города, где я в полную силу задействовал Фиал Света, могли и обычные зомби сохраниться. Реликвия выжгла их лишь в зоне прямой видимости. Тогда ни земля, ни стены не послужили защитой неупокоенным. Спасало лишь удаление от места действия артефакта... к сожалению.

Так что сейчас мы, скорее всего, имеем дело с обычным привидением. Которое прихватило скелет, исходя из личных извращенных склонностей к черному юмору. Или попросту прибрало костяк, и вовсе того за собой не заметив.

Интересно, кто это? Любопытство пересилило страх даже в гоблинах — зеленявки снова потихоньку просачивались в помещение, но все же из разумных соображений предпочитали держаться позади меня. В отличие от них, Харм замешкался по ту сторону проема не от трусости, а опасаясь причинить вред мелкоте, лезущей в тесноватую арку едва ли не по головам собратьев.

Свечение тем временем оформилось во вполне опознаваемую фигуру. Мужчина-Инорожденный в старомодном кафтане с длинными разрезными рукавами почти до пола, ничем не походящий на покойного моими нечаянными стараниями отца Хирры. Чему я мог только радоваться. Встреча с духом прежнего владельца замка Стийорр в мои планы никак не входила — слишком многое пришлось бы объяснять...

Впрочем, этот, призрачный, вообще не был похож ни на кого из прежде виденных мной Ночных. Наверное, дело было в том впечатлении, которое он производил, несмотря на ужасающий облик, приданный шагом за Последнюю Завесу.

Эльф этот, само собой, был темный, но при этом какой-то наивно-трогательный. Мягкий и по-детски капризный, жеманный до девчачести. Вот же демонов вырожденец, позор Ночи, стыд Побежденных Богов...

В довершение всего скелет был ему ощутимо мал и болтался внутри, не доставая ногами до пола.

Сгустившись в достаточной степени, потузавесный эльф, похоже, и сам обрел возможность видеть присутствующих, что оказало на зеленявок изначально деморализующее воз-

действие. Но еще более нетривиально воспринял увиденное сам виновник переполоха.

— Вы... кто? Вы... мертвецы?! — истерически завизжал он, уставившись на нас. — Я не люблю мертвецов! Я боюсь мертвецов!!! Уходите! Кыш! Кыш!!! — призрак замахал руками, длинные рукава поплыли по воздуху.

У гоблинов за моей спиной сдали нервы. Как иначе объяснить то, что они ринулись в арку столь синхронно, что накрепко закупорили собой проем? Видны были только дрыгающиеся зеленые пятки. Один из них, впрочем, не струсил. Или просто счел, что у меня за спиной более безопасно. Кто бы это мог быть? Есть только одна кандидатура...

Коротко глянув через плечо, я убедился в своем предположении: это Махровый. Зажмуриться-то он зажмурился, и уши прижал так, что кончики под подбородком сошлись, как платок у фермерской дочки. Но не смылся. Колпак обязывает, даром что при мне он его за поясом прячет.

Остальные гоблины в арке наконец преодолели свое внутреннее сопротивление — или просто догадались одновременно выдохнуть. Так или иначе, со звуком откупориваемой бутылки размером со слона, они вылетели в предыдущий каземат. Харма при этом, видимо, снесло потоком. Дробный стук многочисленных ног отдавался, похоже, не только в пол, но и в стены. Сильны зеленявки. Если чего покруче показать, то и по потолку забегают, что твои гекопарды...

Призрак угрожающе надвигался, глухо бормоча что-то, напоминающее изгоняющие нечисть заклятия вперемешку с уже знакомым «кыш». Выглядело это не слишком убедительно. На то, чтобы обратить в бегство умертвие не слишком храброй канарейки, задушенной хозяйским дракончиком, его напора, возможно, хватило бы. Можно было не обращать особого внимания. Вот только с эктоплазмой, составляющей любое привидение, во всех случаях дела лучше не иметь. Иногда может сработать, как «ведьмин студень», который, собственно, из растительной эктоплазмы и гонят.

Самым разумным было бы отступить вслед за подчиненными. Но как-то не хотелось делать этого перед столь несерьезным противником. Да и вообще проблемы решать надо, а не откладывать в длинный ящик. Тем более эта проблема как раз из такого ящика. Длинного, белого, с погребальными ру-

нами на крышке — именно такие в ходу у Инорожденных, если я не ошибаюсь.

Что там неупокоенный дух упоминал о своем страхе перед мертвецами? Да сам-то он кто? Или сей усопший эльф вообще не в курсе? Пожалуй, этим стоит воспользоваться...

— У тебя! Внутри! Скелет!!! — ткнул я пальцем в сторону привидения, изо всех сил вытянув руку вперед.

Призрак испуганно отшатнулся, неестественно вытянул и изогнул шею, заглядывая внутрь себя. Увиденное, похоже, потрясло его, ибо, выпрямившись снова, этот достойный представитель потузавесного мира закатил глаза под череп и упал в обморок, отхлынув назад облаком голубого тумана.

Простояв долгую секунду, оставшийся без поддержки скелет осыпался грудой костяной трухи. Махровый разожмурился и осторожно выглянул из-за моей спины. Зрелище его не то чтобы ошарашило, но вполне удовлетворило. Обычно привидение можно изгнать или рассеять, но вот чтобы вырубить — об этом современная наука умалчивает. Так что у зеленявки нехилый запас прочности. Или невежества...

— Ну ты здоров, командир. Эк ты его! Скелет у его, вишь, внутри! — Гоблин довольно потер ладони.

— У тебя тоже! — не подумав, буркнул я. Сам не отошел еще...

Махровый посмотрел мне в глаза долгим, невыразимо укоризненным взглядом. И тоже хлопнулся в обморок. Он что, не знал?! Врут, стало быть, что гоблины своих мертвецов подъедают. Все-таки крысам отдают. Или это только городские? Совсем одичали, то есть цивилизовались...

Как бы то ни было, теперь у меня на руках, можно сказать, двое в отключке. И кого из них первым откачивать? Вопрос, конечно, риторический — и так ясно. Хотя с эльфом потузавесным при случае потолковать надо бы.

Подхватив Махрового под мышку, я потопал восвояси, оставляя поле боя за поверженным противником. Прямо как в битве при Усино, когда обе стороны удержали позиции и положили приблизительно поровну своих и врагов, а те, кто догадался первыми смыться под покровом ночи, объявили себя победителями.

Ну, у меня оснований для этого куда больше. К тому же

другая сторона в той битве тоже наутро присудила победу себе.

Спустя три зала и одну лестницу вверх мне надоело тащить гоблина. С виду одна кожа да кости, а вот же, увесистый оказался. За счет скелета, кстати, — костяк просторный и тяжелый, словно ртутью внутри залит. Как такое за собой не замечать можно?

Вот сейчас в чувство вернется, заодно и выясним. Хорошо, особых усилий к тому прилагать не придется. По дороге зеленявка уже малость растрясся и пытался ворочаться. Сейчас еще пару раз встряхну, совсем отойдет. Даже оплеухи не понадобятся. Не любитель я бить подневольного.

Махровый и вправду, будучи поставлен на ноги, только пару раз качнулся, головой замотал и тут же выправился. Во взгляде всплыла осмысленность, как пузырь в болоте. И на том спасибо — от мелкого зеленого гоблина редко можно требовать большего. Отпустив зеленявку, я выпрямился, отряхнул ладони и задал вопрос, уже надоевший за недолгое бегство:

— Ты чего отрубился, дурья башка? Раньше про скелет не знал, что ли?

Внутренне я все еще был готов к очередному приступу немотивированной чувствительности зеленокожего. Но тут он меня не подвел.

— Обижаешь, командир. Не дети малые. Хрящи, косточки там... мозговые, — гоблин плотоядно облизнулся.

Рано я радовался за успехи цивилизации в среде городских зеленявок. Все у них с похоронным ритуалом в порядке. Похвальная приверженность традициям, вот только причин поведения подчиненного никак не объясняет.

— Тогда чего же лапами дрыгнул?

— Думал, заклятье у тебя такое. Чтоб раз — и копыта врозь. — Махровый казался донельзя довольным собственной догадливостью. Впрочем, тем, что жив, он был доволен куда больше.

Его можно понять. Мне и самому как-то уже хватит приключений на сегодня. Хотя до заката еще добрых полдня осталось.

Отчасти из-за того, что полезных занятий на сегодня больше не предвиделось, отчасти из-за голода, на который меня пробило после приключений, обедом в отличие от завтрака я не пренебрег, невзирая на всю его официальность и родственность. Если честно, я надеялся, что уж если не жена, так хоть кузен ее осведомлен о привидениях и борьбе с ними побольше моего.

В конце концов, это же их родовой призрак. Темноэльфийский...

К обеду Хирра в очередной раз переменила платье, но отнюдь не общий, до предела вычурный стиль. Да и рассеянная ее невнимательность ко мне никуда не делась. Зато родственничку своему серебряногривому — все, что хочешь. Слово за словом плетет кружева вокруг отвлеченных понятий. Ни смысла, ни чувства, зато красиво и время занимает. Вроде как у купцов городских разговор о погоде.

Ковырять вилкой копченую драконятину под их совместное журчание мне быстро надоело. Деликатес хренов... Не дракон, понятно, а кузен. Хотя ныне закопченный в дыму гинкго змей, некогда ползучий и экзотически безлапый, тоже та еще редкость. К нашему Властительскому столу и то не цельным подается. Только полдюжины фунтов из двадцатиярдового хвоста, что сразу за головой начинается.

С эльфийским ростом и аппетитами это не так уж и много. Так что лучше, конечно, поторопиться. Если других дел нет.

У меня они были. Поэтому, едва перебив одолевший было голод, я отложил в сторону прибор и попытался вклиниться в высокоинтеллектуальный родственный разговор со своей низкой темой. Не то чтобы совсем уж приземленной, но в сравнении с отвлеченностью беседы несколько излишне прикладной.

— А вот в разрезе привидений... — попытался я зайти хотя бы не в лоб, а со стороны, чтобы общий тон не перебить.

Взгляд, которым наградили меня родственные друг другу темноэльфийские души, истолковать было несложно. В смысле: «Оно еще и разговаривает?» Их отлаженный разговор запнулся на ровном месте. Я ощутил себя одновременно донельзя неуместным и до крайности раздраженным.

В некотором замешательстве Хирра попыталась обойти

заминку. Подумав долю секунды, она сделала вид, что моя реплика пришлась как нельзя более к месту.

— Очень интересное замечание. Действительно, говоря о понятиях высокого строя обобщений, не упомянуть о призраках просто невозможно...

Кузен кивнул, подмурлыкивая что-то свое сообразно теме. Разговор полился в прежнем направлении, а я мрачно уставился в тарелку. На сей раз с заливной хрюквой. От которой, по сути, сам сейчас мало чем отличался. Орет что-то в камышах дурным голосом, как та птица бесклювая, и пусть себе орет. Существам разумным от этого ни горячо, ни холодно.

Следующую попытку вступить со своей сольной партией в их высокоумственный, истинно академический балаган я сделал, только покончив с хрюквой. Как на тарелке, так и в себе.

— В нашем замке призрак, — заявил я в результате четким твердым голосом.

На сей раз некоторый прогресс все же был достигнут. Состоял он в том, что самостоятельность темы моего заявления была замечена.

— Призрак... — Хирра озабоченно уставилась в пустоту, вся без остатка занятая какой-то совершенно иной мыслью. — Ах да, призрак. Не беспокойся, это нормально. В замках всегда бывают призраки...

Ну да. Как же. Куда ж мы без призраков? Правило хорошего тона — иметь в хозяйстве привидение, соответствующее статусу хозяев дома. Упаси Судьба, если вышедшее из моды или непрестижное, от захудалого поставщика...

— Простите, если навел вас на мысли, столь мрачные для короткоживущего смертного, — истинно по-рыцарски поспешил кузен на подмогу моей высокородной. — Если позволите, мы сменим тему, чтобы не досаждать вам...

Вот так. Воспринять происходящее серьезно кровные родственнички в запале семейного воркования оказались уже попросту неспособны. Кузен с вежливо-высокомерной предупредительностью, а Хирра еще и с оттенком грусти и смутного раздражения. Последнее я научился распознавать в жене давно и стараюсь попусту не вызывать.

Не из боязни последствий для себя. Очень уж ее жалко, когда вконец замотается. А сейчас моя высокородная, как

никогда, была близка к крайней степени морального истощения. Это было видно не вооруженным магией глазом. Наверное, душа по равному общению вконец стосковалась, вот и не может вынести ни малейшей ему помехи.

Ладно, не буду ее до предела доводить. Сам как-нибудь справлюсь. Хотя от попыток достучаться до жены остался не слишком приятный осадок. Как-то слишком явственно это показало врожденную разницу между нами, которую не поменяли ни завещание ее отца, сделавшее меня Властителем, ни Меч Повторной Жизни, превративший в Инорожденного почти полностью, кроме срока жизни и расовых признаков.

Да что там Владение и титул, что врожденная магия, если то, что сблизило нас с Хиррой, сыплется сквозь пальцы пылью! Без возможности найти взаимопонимание даже по столь насущной и одновременно сиюминутной теме, как явление семейного, кстати, призрака...

В таком разрезе все дальнейшее тонуло в полной неопределенности. Ясно было одно — опыт темноэльфийского рода в борьбе с привидениями мне сейчас не подмога. У жены найдутся дела поважнее, чем духов по подвалу шваброй гонять.

Кто бы сомневался...

Наутро гоблинов, после вчерашнего, пришлось собирать по всему замку едва ли не чайным ситечком. Хорошо, Харм постарался, заглаживая давешнее нечаянное бегство. А то его тогда удалось обнаружить лишь на выходе из яруса, с отчаянно виноватым выражением на морде.

Махровый тоже не подкачал, причем по сходной причине. Только он стремился оправдать отсутствие не храбрости, а сообразительности. Ошибка со «скелетным заклятием» уязвляла его самооценку как тим-лидера. Теперь зеленокожий рвался в бой и своих подчиненных гонял, как ураган пылинки.

Настрой такой оказался не лишним. За памятной по вчерашней встрече комнатой открылась целая анфилада помещений, забитых хламом едва ли не до потолка. При этом пыль в них явно не знала покоя, будто неведомая сила только что перебаламутила мусор и обломки. Призрак, несомненно, устраивал завалы на пути отхода.

Кто его надоумил, спрашивается? Подобные познания в тактике как-то не стыковались с темпераментом потузавесного эльфа. Великоват боевой энтузиазм для столь изнеженного создания. Хорошо хоть проявляется в отступлении, а не в атаке.

Ну да нужда и не таких уму-разуму учила. Во всяком случае, на тесайрском фронте, в топях болотных. Бывало, после первого боя некоторые тихони сами себе удивлялись, не говоря уже о прочих, кто рядом с ними случился. Так что теперь от малахольного приходится ждать всего, чего угодно. Любых пакостей.

Галерея явственно заворачивала, выходя на свес, выступающий чуть в сторону от скального основания замка. Стоки в толще пола открывались в никуда, в туманную пустоту, не радуя надежной тьмой канализации. До земли под нами оставалось тысячи полторы ярдов.

Ничего, эльфы строят крепко, хоть и вычурно. Опасаться не приходится. Гоблин в сток не пролезет, даже если решетку выломать, не говоря уже обо мне самом. А иного пути вниз нет и не будет, даже если файрболл восемнадцатифунтовый тут подорвать. Так что завораживающий гул пустоты под ногами — только иллюзия.

В очередном каземате, почти на самом дальнем вылете дуги, даже стоков было не видно из-за того, что пол там был завален какими-то полуистлевшими ширмами, панелями, щитами. Неровный настил напоминал торосистый лед на припое Огротундры с картинки из учебника географии.

Гоблины споро засновали по гнилым подмостьям, с хрустом разъезжавшимся и оседавшим даже под их весом. Зеленявки поминутно скользили и съезжали, как хисахские ездоки на прибойной доске. Скрип, треск, гвалт и смешки не умолкали. То и дело кто-нибудь исчезал из виду, с головой провалившись в завал.

Очередной такой случай не привлек бы внимания, если бы со стороны пропавшей с глаз полудюжины зеленокожих не потянуло сквозняком. Ширма на краю осевшего участка закачалась, встала вертикально, соскальзывая вниз так, что ее дальнее ребро пришлось определенно ниже пола. Долю секунды она еще была видна, а затем и вовсе пропала. Случившийся рядом гоблин заглянул вниз и с горестным взвизгом отпрянул от края.

На непрочном настиле как-то сразу сделалось особенно неуютно. Все застыли, боясь лишний раз пошевелиться. Но растревоженный завал продолжал оседать, сползая к открывшейся прорехе. Целый пласт со сгрудившимися на нем зеленокожими просел и опрокинулся набок, открывая чистый участок пола на краю огромного люка.

В два прыжка я добрался до надежного места, с трудом затормозил у невысокого бортика и ненароком заглянул вниз. Гоблины, чуть отстав от более тяжелого мусора, падали, медленно кружась, как осенние листья, и один за другим скрывались в туманной дымке. Их заунывный вой даже не был похож на предсмертный крик живого существа.

Над проемом материализовался давешний призрак. Усопший эльф размахивал длинными рукавами так, что их полупрозрачная оторочка едва ли не елозила по носу у оказавшихся на краю люка. Вчерашнее избавление от скелета явно придало ему лишнюю порцию подвижности. Хорошо хоть не материальности — пробивающиеся снизу лучи света то и дело обозначали прорехи в полупрозрачной плоти. Шарма зрелищу, понятно, это не добавляло.

Спокойствия от этого явления тоже больше не стало. Зеленявки заметались, оскальзываясь на бортике. Пара сорвалась было снова, но тут же вскарабкалась обратно. Хватит уже жертв на сегодня...

Но и тех оказалось довольно, чтобы полностью и окончательно подорвать наступательный пыл гоблинов, невзирая на их численное превосходство. На сей раз они хотя бы не пытались пройти в дверь разом. Теснились около нее наготове, более, чем страхом, исходя жаждой мести.

К сожалению, для мести у них недоставало ни наличных средств, ни возможности их обрести. Потузавесный эльф победно вился над люком. Ох уж эти высокородные! При жизни от них одна морока, а после смерти — и того хуже.

Своих в мирное время терять — вообще последнее дело. Поэтому зеленокожих я понимал вполне отчетливо. Самого озверение задело краем, но не настолько, чтобы голова кругом шла. Поэтому мне было ясно, что надо не пытаться ответно навредить почти неуязвимому привидению, а сделать както так, чтобы оно отстало от нас по своей воле. Хотя бы под ногами не путалось...

До этого во всех раскладах оказалось далековато. Явно сочтя свой триумф недостаточным, призрак вновь перешел к угрозам.

— Убирайтесь! Если вы не уйдете, я... я вызову некроманта!!! — потузавесному эльфу показалось, что он нашел-таки на нас управу.

Кто бы ему объяснил, что этак с ним самим управиться способнее будет! Самоослепление эгоизмом немыслимого порядка не давало Инорожденному проникнуться вполне очевидным фактом собственной смерти. Как бы все-таки донести до него столь нежелательную весть?

Ах, вот оно. Эльф же до крайности внушаем! Этим можно воспользоваться, есть один способ. Конечно, на привидениях и иных духах его вряд ли кто-то пробовал, но раз уж этот малахольный давеча в обморок грохнулся с перепугу, то, может, с ним и сие получится...

В кармане быстро сыскался плоский круглый медальончик полированного серебра с самовертящейся спиралью. Как-никак, профессиональный инструмент — стопорить кадавров с помощью гипнодиска на первых занятиях учат. Не умеешь — ртутный статир тебе цена, как маготехнику. Пусть и не всякого кадавра усыпляющий амулет остановит, но снасть полезная, потому всегда при себе.

Раскрутить в оправе центральную часть медальона — секундное дело. Выставив перед собой руку с амулетом, мерцающим стробонакачкой, я забормотал слова усыпляющего заклятия:

— Сомно... Сомно... Рекреато...

Потузавесный эльф с готовностью уставился на круглую штуковину. Не прошло и полуминуты, как он начал раскачиваться в такт. Все, готово.

Призрак опять, как в прошлый раз, закатил глазки и слегка оплыл, но человеческих очертаний не потерял. И то хорошо — как общаться с облаком светящегося тумана, я не представлял. Хуже было то, что, потеряв сознание, он начал плавно опускаться, грозя исчезнуть в люке. Если бы при этом он вовсе сгинул, ничего еще, но ведь вернется же...

Едва удалось дотянуться, подставляя ветхую ширму. Потузавесный эльф невесомо расположился на ней с явным комфортом, как пирог на противне. Теперь никуда не денется...

Хорошо, что для хождения сквозь стены, пол и потолок нужно волевое усилие, на которое усыпленный призрак сейчас не способен. Упускать его в мои планы никак не входило. Еще неизвестно, какую смертоносную пакость он приготовит на следующий раз. Лови его потом заново!

Понукая гоблинов, не слишком-то довольных моим миролюбием, ширму с привидением удалось оттащить на безопасное расстояние от края люка. Так-то лучше, а то в шаге от бездны серьезный разговор обычно не клеится. А тут надо с полной ответственностью подходить, это вам не кадавр разлаженный, у которого распознающие контуры на простенькую фобию пробило.

Собравшись с мыслями, я начал с обычного:

— Когда я хлопну в ладоши, ты проснешься и будешь все помнить. А сейчас отвечай на все мои вопросы. Без страха и сомнений.

— Да... — вяло отозвался загипнотизированный.

Пошло дело. Теперь главное — правильно сформулировать эти вопросы. Иначе можно до самой Мировой Погибели провозиться без толку. Вот, кстати, вопросик, как раз подходящий для начала...

— Ты знаешь, что умер?

— Да... — отозвался призрак. И еще пояснил, стервец: — Сейчас да, а обычно — нет...

Вот такой пример вытеснения. У кадавров тоже так бывает, когда подпрограмма, не дающая штатного завершения, выдавливается из основного тракта обработки. Память занимает, прокручивается, но результатов не выдает. А если пробьется к ней что-нибудь, помехи на поведение наводит, а то и окончательно крышку с котелка сносит.

Да и живые, естественным образом разумные тем же способом с ума сходят. Так что впрямую тут не получится, надо в обход идти.

— Почему ты остался по эту сторону Последней Завесы?

— Победившие Боги отчего-то недолюбливают самоубийц...— вздохнул призрачный эльф. — Если не можешь принести на их суд надежную историю смерти, и на порог не пустят. А у меня вообще никакой. По их понятиям — полный симулянт...

— А ты действительно убил себя? — удивился я.

Совсем не в духе этого духа, если можно так выразиться. По идее, он, пальчик поцарапав, должен вопить от ужаса и в обморок грохаться. На то, чтобы оказаться способным причинить себе нечто в самом деле смертоубийственное, ему духу бы не хватило, как ни посмотри.

— Нет... не знаю, — подтвердил мои заключения призрак. — Просто не помню...

— Почему? — Похоже, ответ на этот вопрос будет ключом и ко всем бедам самого горе-покойника, и к нашим с ним злоключениям.

— Я боюсь мертвецов... — Сперва показалось, что он завел прежнюю песню, но это было только вступление к довольно осмысленному монологу. — Боюсь смерти, трупов, скелетов, похорон и кладбищ! Привидений и призраков, еженедельных поминальников и Приснодня!

— Приснодеда тоже боишься? — не удержался я от подколки.

— Тоже! — обиженно буркнул потузавесный эльф. — Вдруг он меня с жертвенным поросенком перепутает и скинет с колокольни?! А я высоты боюсь!!!

Не свалиться от смеха в люк удалось с величайшим трудом. Чего он, спрашивается, не боится?! Есть ли такое по ту ли, по эту ли сторону Последней Завесы?

Все же, скорее всего, причиной гибели малахольного послужил не Приснодед. И рухнул он не с колокольни. Хотя шанс, что именно свалился, довольно велик. И мертвецы, чую, здесь не зря столь часто поминаются...

— Ты не помнишь свою смерть потому, что она связана с мертвецами? — безжалостно ударил я в самую точку.

— Да... — удивленно признал призрак и возрадовался. — Да!!!

— Мертвец что-то сделал тебе? — Надо быстро заклинать, пока руны не выгорели.

— Нет... — вновь огорчился тот, но тут же нашел утерянную нить: — Я увидел мертвеца... Увидел скелет и умер!

Кажется, пошло на лад. Прогресс явный. До развязки остался один шаг.

— Что это был за скелет? Где ты его увидел? Что после этого случилось? — рассыпал я вопросы файрбольной шрапнелью. Хоть один, да накроет попаданием.

— Обычный скелет... На лестнице висел, на шнурке. Его моя маленькая кузина там подвесила, чтобы меня напугать.

Ага. У Хирры, похоже, была достойная предшественница. Равно как и у ее нынешнего гостя. Для самой-то жены рановато — лет на тысячу не дотягивает, если судить по наряду убиенного. Но почерк семейный. А скелет, верно, тот самый, что призрак в себе таскал, — обрывок истлевшей веревочки при нем присутствовал, помню.

Меж тем на злосчастную жертву родственной шутки продолжали нисходить откровения.

— Она меня не любила, всегда дразнила и изводила... А тут ей в хрустальном шаре привиделось что-то жуткое... Даже отец не смог успокоить — совсем сорвалась с цепи... На маскараде при всех назвала меня детским именем... Стало стыдно, и я убежал... Взрослые молчали, а Хирра смеялась вслед...

Вот так номер! Чуть не выронив гипнодиск, я с трудом перевел дух. Значит, не из столь уж давних времен сей неупокоенный рохля, а старинное одеяние — лишь маскарадный костюм. И за Последнюю Завесу этого нюню спровадила собственноручно моя жена, тогда еще только будущая, однако уже в полной мере одержимая Волчьей Жаждой....

После такого, разумеется, гостей, да и слуг в доме в помине не было. Отец остался наедине со смертельно опасной дочуркой — и основал Охотничий Клуб, чтоб хотя бы направить в приемлемое русло растущую активность прирожденной убийцы народов. Причем что, точнее, кого увидала в магическом приборе гадавшая на суженого Хирра, лично мне яснее ясного... Вот как, однако, раскрылся ее Цветок Судьбы!

После столь важной, но лишь для одного человека, подробности призрак наконец-то перешел к действительно серьезным обстоятельствам своей гибели.

— Когда я спускался в подвал... как всегда, поплакать... скелет сорвался прямо мне в лицо! Я очень испугался, отпрянул... — вот она, кульминация! — Оступился. Упал вниз. И умер!

На последних словах я негромко, но очень четко хлопнул в ладони. Поплакать он, видите ли, в подвал ходил регулярно. Здоровенный парень, лет четыреста. Вот до чего распущенность эльфийская доводит...

Ненароком, а может быть, и специально приконченный

племянницей зануда-Инорожденный очнулся, имея все необходимые ответы на вопросы Победивших Богов. Осознав это, он пустился в пляс.

— Я упал с лестницы и сломал шею! Ура!!! — призрак запрыгал, воздев руки и кружась. Рукава вились за ним спиралью.

Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так радовался подобному событию. Тем более танцевал — это со сломанным-то хребтом! Нет, у потузавесного бытия явно есть и свои положительные стороны. Вот только пробовать их раньше времени что-то не хочется. Как бы ни разорялся по сему поводу партайтодтфарер Нохлис, ныне, кстати, как раз покойный.

Ничуть не менее упокоенный ныне эльф буквально таял от счастья, пропадая на глазах. Его долгий путь по ту сторону Последней Завесы наконец подошел к завершению. Последний шаг длиной более трех сотен лет...

Внезапно в голову мне пришла мысль, проверить которую следовало немедленно, покуда призрак окончательно не покинул мир.

— Слушай, — напоследок запоздало окликнул я исчезающего счастливчика. — А как тут насчет сокровищ? Ты же призрак, должен вроде знать...

Тот на мгновение замешкался, прервав процесс отбытия, задумался и неуверенно проговорил:

— Наверное... Посмотри на нижнем ярусе... На девятнадцатом, кажется, или около того. Там была такая странная штуковина. Я всегда не мог понять, к чему она...

Во всем, что не было его личным капризом, этот Инорожденный не был уверен окончательно. Даже в собственной смерти. Из чего и произрастал корень всех его бед по обе стороны Последней Завесы.

Будем надеяться, что обещанная им «штуковина» окажется сюрпризом иного свойства.

Орда зеленявок, с неодобрением наблюдавшая за сеансом программного анализа призрака, с его изгнанием сочла свою жажду мести утоленной. Энтузиазм вернулся к ним в утроенном размере, так что добраться до указанного яруса оказалось просто.

Собственно, он был следующим, прямо за галереей, и вообще одним из последних неразобранных. Заглянув в очеред-

ной, с виду вроде обычный каземат, я присвистнул и отослал гоблинов. Здесь в них нужды не было. Харма же на всякий случай поставил в дверях. Обещанный клад опасений с виду не внушал, но лучше уж подстраховаться.

Перепутать с чем-либо «штуковину» было невозможно. Не припомню, чтобы вообще когда-либо видел нечто подобное. Но под определение сокровища увиденное вполне подходило. Тщательная проверка не показала наличия ловушек, поэтому к трофею я подошел без опаски.

Вот, похоже, и главный приз всей этой генерально-маршальской уборки с маневрами и ретирадами. Здоровенный, в мой рост кристалл горного хрусталя или еще чего-то в том же роде, весь серебрящийся паутиной внутренних трещинок, за которыми в глубине угадывалась какая-то фигура.

Никакой паутины и грязи на кристалле не было и в помине. Заклятие непыльности — единственное на все подвалы, что уже наводит на мысли. Серьезная вещь, похоже. Что-то этот хрусталь призван сохранить чуть ли не до конца времен, до самой Мировой Погибели. Заботливо и надежно. Стийорры на магию никогда не скупились.

Что ж, причин выяснять из дурного любопытства, что да зачем тут хранится, у меня пока нет и впредь не предвидится. Хотя на заметку этот сюрприз взять надо. Жаль, у Хирры сейчас не выяснишь, что же это такое я обнаружил. В свете открывшихся обстоятельств лучше лишний раз не напоминать ей о давнем эпизоде из биографии, чтобы не добить окончательно. И так она вымотана до предела — уж если призрака мимо ушей пропустила...

Одно хорошо: в случае чего, инструмент для распаковки заархивированной фигуры искать не придется. Сбоку к хрустальному монолиту был заботливо привешен здоровенный моргенштерн, на рукояти которого красивой вязью вырезано: «Разбить в случае необходимости».

Как-то пока я особой необходимости не ощущал.

Оставшаяся пара нижних ярусов особого времени не заняла. Собственно, за то время, пока я возился с сокровищем, зеленявки почти уже справились с уборкой и восстановлением. Дальше ремонтировать было нечего. Разве что скальное

основание замка. Но оно в починке не нуждалось с самой закладки, когда все трещины, даже намечающиеся, были заплавлены мощным строительным заклятием.

Так что делать мне было больше нечего. И все то, от чего я три дня прятался по подвалам, навалилось по новой всей тяжестью семейных неурядиц и грядущей необходимости объясниться.

Решение исподволь созрело за эти три дня. Хирре я не враг, и если ей так лучше — пусть...

Только слов, чтобы высказать это, у меня пока не было. Так, чтобы прозвучало спокойно, убедительно и, главное, не жалко. Жалости не люблю и боюсь пуще боли телесной. Ту стерпишь, и пройдет, а снисхождение, терпи не терпи, навсегда в памяти останется. И не только в моей, что хуже всего.

Гоблинов я распустил на обед — разом отмечать завершение работ и устраивать поминки по своим. Причем лишь по части тех, кто доселе считался погибшим. Совершенно неожиданно вернулись четверо из провалившихся в ловушку призрака — побитые, покарябанные, у каждого переломано по паре конечностей, но выжили как-то. Видно, им кроны деревьев по дороге попались. Многоярусные, с кустистым подлеском и мягкой травкой понизу. Иначе не объяснишь.

А сам рёшил развеяться после духоты подвальной. Пускай думы злые встречным ветерком выдует. Заодно, может быть, и слова нужные найдутся по дороге. Наедине с собой такое лучше выходит.

Даже скакун тому помехой будет. Да и неохота к стойлам у главных ворот подниматься, еще встречу кого... То есть ясно, кого именно. Но пока к этой встрече я еще не готов.

Так что если уж выбираться из замковых подземелий, то на самый верх. К причалу донжона, где помимо флайбота гостя в крытом ангарчике пребывает похоронная ладья рода Стийорров. С того самого полета над городом в ночь, когда пришел конец Охотничьему Клубу, никак руки не дойдут перегнать ее в нижние ангары...

Уж там-то я точно никого не встречу. Кузен официальный восвояси собираться и не думает, а к прогулкам на воздушных судах не склонен. В отличие от меня, многогрешного, которому именно сейчас не помешает такая прогулка.

Катафалк из ангара я вывел, как и ожидалось, без помех. Летающая погребальная ладья медленно плыла над плитами причального балкона, словно увозя в последний путь первые счастливые месяцы нашего с Хиррой брака. Постепенно разгоняясь, набирая ход, делая прошлое невозвратимым...

— Сто-о-о-ой!!! — разнеслось над каменной гладью пристани.

Оглянувшись через плечо на этот отчаянный вопль, я увидел совершенно неописуемое зрелище: придерживая одной рукой высоченную прическу, а другой подбирая асимметричный подол, за катафалком на немереных каблуках огромными прыжками неслась моя темноэльфийская дива. При этом ей явно не хватало третьей руки, чтобы отбрасывать с лица правый рукав и косую челку ниже подбородка. Да и корсаж, выпустивший на волю левую грудь, тоже не мешало бы поддернуть...

Хотя это уже кому как. Лично мне сие зрелище, при всей его комичности, нравилось. Настигнув летающую лодку у самого края причального балкона, моя высокородная классическим прыжком в высоту перелетела через борт спиной вперед — только шлейф мелькнул в воздухе широкой дугой.

Немилосердно сминая парчу, газ и замшу немыслимого платья, веером рассыпая драгоценности, она прокатилась по палубе между ютом и возвышением для гроба. В последний момент успела — под днищем катафалка открылась тысячеярдовая пропасть, окружающая скалу, на которой стоит замок.

Перед возвышением заднего помоста Хирра выпрямилась во весь свой немалый рост, ухватившись обеими руками за колонку штурвала. Наши лица едва ли не впервые за все время оказались на одном уровне. Набегающий поток воздуха хлестко швырял мне в лицо пряди ее чудовищной прически, так что приходилось жмуриться, как нашкодившему псу под хозяйским веником.

— Нам надо поговорить! — решительно заявила моя высокородная, слегка отдышавшись.

Вот ведь насколько синхронно. Значит, действительно нужда пришла. Ничего не поделаешь...

— Не надо, — надеюсь, горечь в моем голосе была не так уж заметна. — Я все понимаю. Иногда число Низких клятв нуждается в расширении...

— Это ты о чем? — жена непонимающе распахнула темные глаза без белков.

— О твоем кузене... — с растущим недоумением пояснил я.

— Если он так тебе нравится, ты на нем и женись! — Лицо Хирры страдальчески скривилось. — Только живите где-нибудь отдельно!!!

Так. Оказывается, официальный родственник не мне одному надоел хуже горького батата. Настроение стремительно поперло вверх.

— Выстави его из дома, наконец! — жалобно попросила женушка. — Мне, как кровной родственнице, это непозволительно. А ты, как первовладелец собственности, вполне можешь!

— Хоть сейчас! — радостно проорал я, закладывая вираж. — Сию секунду!!!

Хирра отцепила опутавший голову шиньон и с видимым облегчением кинула его за борт катафалка. Туда же полетели отломанные в прыжке каблуки. Похоже, ей этот официоз при всей его эффектности тоже не доставлял удовольствия. Ну и демоны с ним! Главное — мы возвращались в свой дом. Снова вместе!

Никуда нам теперь друг от друга не деться. Беги, не беги, все пути приведут обратно. И это не клятвы эльфийские — сама Судьба связала нас накрепко, так что обе наши нити жизней сплелись по ее воле воедино. В прочный шнур, который никому не порвать!!!

Мысли мои приняли такой высокий строй, что даже самому слегка боязно стало. Как бы на землю вернуться из-под самых небес... Да не в буквальном смысле — катафалк уже подходил к створу ворот ангара. В другом совсем...

Но в этом, как всегда и во всем прочем с момента соклятия, мне помогла жена.

— Кстати, я уже все... — как-то вскользь обронила Хирра, когда летающая лодка вплыла под своды замкового дока.

— Что — все? — не понял я, продолжая парить думами в горних высях. В ответ моя высокородная лишь кокетливо опустила двухдюймовые накладные ресницы. Ах, в этом смысле все.

Похоже, период вынужденного воздержания завершается!

Откладывать проверку этой догадки я не стал. И убедился, что не только дурные мои ожидания сбываются в ошеломляющих размерах.

Далеко ходить не пришлось. Все произошло прямо тут же, в доке, на чехлах от какой-то жутковатой алхимустановки, назначение которой я так и не смог определить. Да и не до того как-то было. Каюсь, чехлы оказались несколько более замасленными, чем я ожидал. Но это уже нас не волновало.

После краткого, но бурного финала нашего примирения Хирра удалилась к себе — сносить под корень остатки официального великолепия вперемешку с машинным маслом. Ушла босиком, неся в руке короткий левый сапожок, а длинный правый перекинув через плечо.

Я же еще некоторое время приходил в себя на вдрызг облюбованных нами чехлах. Шевелиться и даже думать совершенно не хотелось. Но делать было нечего, пора исполнять обещанное. Хотя сейчас выдворение надоевшего родственничка перестало казаться такой уж простой задачей...

Поиски темного принца увенчались успехом довольно быстро, куда скорее, чем мне сейчас хотелось бы. Семь с лишним футов изящной снисходительности трудно не заметить. Даже в гигантских помещениях замка такой не потеряется.

Родственничек обнаружился на выходе из Шестичасовой оранжереи, со своеобычным цветком синей лилии, задумчиво поднесенным к точеному носу под серебряной челкой. Так вот он их откуда берет, оказывается. Просто переносит телепосыльными чарами в нужный момент. А я-то думал...

Помявшись пяток секунд перед высокородным кузеном, я мотнул головой в сторону одного из периферийных баров, как раз подведенного к нам неумолимым вращением замка.

— Пошли, что ли... Поговорить надо.

— Почту за честь, — темноэльфийский принц учтиво кивнул в ответ, пропуская меня, как хозяина, вперед.

Я, не знаю уж, с какого перепуга, попятился, пытаясь высказать гостеприимство. Хорошо, что двери в замке по ширине редко уступают деревенским воротам, а то мы попросту заткнули бы их собой в попытке протиснуться одновременно, как давеча гоблины в подвалах. Но обошлось. Похоже,

родственничек не меньше меня хотел попасть в помещение. Только воспитание сдерживало.

Перед стойкой я ненадолго впал в ступор. Разнообразие емкостей, содержащих напитки, немало тому способствовало. Даже жалко, что заклятие непыльности лишало все это великолепие очарования старины. Что-то владетельные строители замка тут недодумали. Но и без того зрелище открылось потрясающее. Болотные умруны! Здесь были бутылки, кувшины и бочонки даже с хисахскими ярлыками! Да что Хисах — на нескольких бурдюках пламенела треугольная печать Мага-Императора Теса Вечного!!!

Пить вино традиционного противника мы не стали. Мне приглянулся не слишком маленький бочонок без ярлыка, зато в изобилии снабженный всяческими печатями и пломбами — от восковых и сургучных всех цветов радуги до серых свинцовых. Решительно хлопнув ладонью по соответствующей ему пластине ограждения стойки, я выдвинул избранный бочонок поближе.

Для эльфа, смерив того взглядом, я подобрал хайбол едва ли не в фут высотой. Себе нашел стакашек помельче, но тоже не из самых маленьких. И решительно повернул краник на дне бочонка, кроша печати.

Вид полившейся жидкости лично у меня вызвал сомнения в ее пригодности к питью и принадлежности к опьяняющим напиткам. Нет, с цветом и запахом все было нормально: при всей темно-вишневости исключительно прозрачное содержимое бочонка пахло тонко, сладко и жгуче. А вот по консистенции это напоминало даже не мед или сироп, а скорее джем. Выползающая из крана колбаска уютно укладывалась на дне стакана и лишь там оплывала, сливаясь с предыдущими витками.

Я опасливо покосился на официального кузена: не покажет ли он хоть взглядом, что избранное угощение неподобающе? Но тот взирал на содержимое стакана с неподдельной заинтересованностью. Я бы даже сказал — с нездоровым интересом.

— Ну, будем... — ничего оригинальнее мне в голову не пришло.

На вкус полутвердое вино оказалось неподражаемо — запах не обманул. Собственно, запах и был вкусом, переноси-

мым по воздуху. Жгуче-сладкое, но при этом не приторное, оно было удивительно легким и при этом перекатывалось во рту так же легко, как будто оставалось жидким. Никакой липкости.

В голове приятно шумнуло. Теперь перспектива неприятного, но необходимого разговора казалась не столь ужасающей. Надо только повод поубедительнее придумать, чтобы не подкопался.

За время, пока я размышлял над мотивировкой отказа от дома, родственничек с изумительной быстротой всосал весь свой стакан и с ходу захорошел, подметая стойку серебряными локонами и глупо улыбаясь. Положим, стакан этот был пообъемнее иной бутылки. Но все равно об устойчивости эльфов к выпивке у меня были совсем другие представления. Во всяком случае, сразу демонстрировать третью стадию алкоголизма они как бы не должны.

Ладно, так даже легче. Любой повод проскочит. Даже самый идиотский.

— Понимаешь, я тут с подвалами закончил, — обстоятельно, как подобает рачительному хозяину, поделился я. — Надо бы к верхним помещениям переходить. Так что извини, но придется съехать. Ремонт — дело хлопотное...

— Понима-аю... Что-о, я-а та-ак ей надое-ел? — В пьяном виде кузен, вместо того чтобы спотыкаться на согласных, тянул гласные.

Конечно, объяснение у меня придумалось так себе, но я искренне надеялся, что оно проканает. Как выяснилось, зря. Даже законченный алкоголик-эльф остается эльфом. Со всей проницательностью Инорожденного.

— Ага, — выдохнул я виновато. Все мои увертки оказались ни к чему. — Прости уж...

— Я-а всех достаю-ю... — обреченно махнул рукой высокородный. — Привы-ык уже-е...

— Да что ты, — довольно вяло попытался я разубедить горе-родственничка.

Тот, ясное дело, не поверил. Все той же проницательности хватило с избытком. Только рукой махнул да сам себе налил по второй без всякого стеснения. Я-то и половины своего бокала не прикончил за то время, пока он опрокидывал первый хайбол, пинты на три с виду...

Однако продолжение речей темноэльфийского неудачника заставило меня махом вбросить в себя остаток выпивки и так же решительно нацедить следующую порцию.

— На-адоеда-аю все-ем, никто-о меня не-е лю-юбит... Одна-а у меня-я на-адежда-а была-а — на-а Хи-ирру... Ду-умаал, помо-ожет с это-ой тоско-ой по-око-ончи-ить... — Старые предположения нехорошо шевельнулись на сердце, но следующими же словами кузен прогнал прочь всю мою ревность. — И-и с жи-изнью э-этой... ик!!!

Финал откровения несколько смазала икота, которую мы незамедлительно запили. Осторожно, насколько получалось в достигнутом состоянии, я поинтересовался:

— А с чего ты решил, что она тебя прикончит?

Соображение уже явно изменяло мне. Репутация моей высокородной супруги в глазах прочих Инорожденных должна была подтолкнуть к подобному выводу кого угодно. Или нет... знай кто-то о Волчьей Жажде, Хирру из предосторожности удушили бы в колыбели. В крайнем случае — в той самой детской, памятной мне по внеплановому сеансу связи с Таругской петли...

Что-то я совсем запутался. Это от вина или с обалдения? Впрочем, Инорожденный родственничек сам поспешил развеять мое недоумение. Вольно или невольно, вследствие не единожды помянутой сегодня проницательности — или всего лишь от пьяной склонности к болтовне...

— Не-е бе-еспоко-ойся, об э-этом только-о в семье-е знаали... По-осле-е маскара-ада-а, на-а кото-оро-ом Хи-ирра брата моего-о с ле-естницы-ыыы... — Данную тираду эльф почти пропел, словно арию в академическом балагане.

Так вот в чем дело! Прямо скажем, семейное сходство налицо. Зануда, плакса... И в придачу убийца. Наказала же Судьба потомством род Стийорров! Впрочем, в последнем случае сама же дело и поправила. Посмотрим, как сейчас справится...

— Тут вот какое дело... — попытался подойти я издалека. — Нынче в этом Хирра тебе не в помощь...

— Ка-ак же?! — от удивления кузен даже гласные тянуть перестал. Почти. Зато я чуть не начал делать это сам, подбирая слова.

— Н-нет. — Лишь бы не принял за издевку мои собственные запинки! — Она теперь... не по этой части. Конец Волчь-

ей Жажде пришел. Вместе с Охотничьим Клубом... Я их всех... одним махом! — И только рукой вдогон махнул, показывая, как лихо расправился с величайшим после Меканских Войн бедствием современности.

Высокородного такое несусветное хвастовство проняло. Не знать о финале Охотников он просто не мог. Сопоставив, он проникся, проникшись, уверовал, а уверовав — расстроился окончательно:

— А-а... А-а то-огда-а ка-ак же?! — Темный эльф оборвал конец фразы отзвуком полузадушенной икоты.

— Н-ну... живи! Уж если Хирру попустило, то и тебе всяко облегчение будет. Только не сдавайся... Собой будь... как сейчас. Вот... — Я собрал ускользающие мысли в один несколько неопрятный клубок, решительно вытянув из него за хвост главную: — И пей п-поменьше!

Пораженный глубиной этого откровения, кузен лишь кивнул бессознательно, в очередной раз прометя по стойке серебром волос. Даже икота прошла сама собой. Не иначе, счел услышанное безошибочным рецептом величайшего целителя эльфийских хворей, справившегося даже с принципиально неизлечимой Волчьей Жаждой...

Чем Судьба не шутит — может быть, и подействует моя микстура, наложенная на такую силу самовнушения. Тоже, кстати, семейную. По крайней мере, по мужской линии.

Сработает так сработает. Лишь бы не прямо сейчас. Хорошо сидим, жаль будет так с ходу обрывать удачное застолье. То есть застоечье, в смысле фуршет. Правда, без закуски, но какое это имеет значение...

— А-а пи-ить меньше-е, что-о, пря-ямо се-ейчас? — опять угадал темный эльф.

— Н-не. Можно завтра, — обнадежил я собутыльника, то есть собочоночника. — Н-но завтра — все!!!

— Все-е, — подтвердил гость семьи. — За-автра-а... Точно... Все-е!!!

Решимость в этих его словах обнаружилась нехилая. Даже излишне, на мой взгляд. Полегче бы надо.

— Н-ничего. Н-не п-парься... — Мой язык тоже стал изрядно заплетаться — похоже, из солидарности. — Т-ты классный м-мужик!

— Ты-ы тоже-е...

Наверное, хлопать его по плечу все-таки не стоило. Пьяный темноэльфийский принц рухнул от легчайшего толчка. Хорошо, под ним вовремя оказался высокий барный стул. Подо мной тоже. А перед нами обоими — мелкий зеленый гоблин. Причем хороший знакомец — Махровый.

Я насторожился: как-то среагирует высокородный на столь неподобающую компанию? Но тот растянул губы в блаженной улыбке и свободной рукой потрепал гоблина по плешивой макушке.

— О-о! Зеле-ененький! Уже-е! — обрадовался высокородный. — Мне-е они-и всегда-а ка-ажутся, после-е перво-ого же-е стака-ана!!!

Разочаровывать его я не стал. Но вот Махровый не понял и полез в бутылку. Не в буквальном смысле, конечно — хотя тут нашлась бы парочка баклаг как раз по его размеру.

— Ничего я не кажусь, хай-сэр! — обиделся гоблин.

— А к-как д-докажешь? — поддел я зеленого. Из солидарности с родственником.

— А вы мне налейте. — Глазки Махрового масляно заблестели.

Все-таки и в буквальном смысле в бутылку полез! Ну да нам не жалко для хорошего... э-э... гоблина! Вон, и стакан откуда-то выпорхнул...

Разлили. Хлопнули. Прониклись.

— А в-вот у м-меня они, — поделился я с присутствующими, кивнув на зеленявку, — уж-же д-двоятся!

— У-у меня-я то-оже... — согласился официальный кузен.

Оба гоблина просительно протягивали пустые стаканы. И Махровый, и второй, помельче, со сломанной рукой. Надо было срочно повторить.

— У т-тебя сколько? — поинтересовался я у родственничка, считая гоблинов по головам.

— Четы-ыре... — шевеля губами, подвел итог высокородный.

— У м-меня т-тоже! — обрадовался я. — П-повторим — у к-кого больше б-будет!

Еще повторили. Гоблины снова удвоились. Их было то ли восемь, то ли уже тридцать два. Меня замотало разливать, и я поставил на кран Махрового. Его тут же захлестнул девятый вал зеленявок с бурунами пустых стаканов. Пошла попойка.

До самого рассвета мы так и мерялись гоблинами, удваивая раз за разом. Алкоголизм Инорожденных в сочетании с их же устойчивостью к выпивке давал неописуемые результаты: упившись с первого стакана, высокородный оставался в том же состоянии, сколько ни вливай следом. Мне такая роскошь была недоступна. Но на ногах, в отличие от него, я все же удержался.

Командуя оравой настоящих и кажущихся гоблинов, мне удалось организовать отправку восвояси отрубившегося кузена. Флайбот со стандартной функцией кадавра-автопилота он еще сумел вызвать сам. Зеленявки еле ползли и то и дело роняли темного эльфа.

— З-заноси, зан-носи! Да не н-ногами, г-головой!.. Не к востоку, только не к в-востоку!!!

В целом все это очень напоминало доставку оградами мегалита при постройке Заброшенных гробниц Тесайра на картинке из школьного учебника. Наконец погрузка родственника успешно завершилась, и флайбот отбыл. Гоблины сгрудились на причале и долго махали ему вслед.

Махровый подошел ко мне и подергал за рукав:

— Как дальше будем, командир?

— Что? — не понял я. — А-а, все. С-свободны... Р-ремонт закончен. Подойди за р-расчетом...

— Уже оплачено. При доставке, — с явным сожалением и душевными муками выдал честный гоблин.

— А-а... Ну, тогда чаевые, — я выудил из кошеля на поясе пару золотых и вложил в морщинистую лапу. — Н-на опохмелку!

Почему-то я предчувствовал, что после сегодняшнего такая нужда возникнет. У меня-то все под боком, а им, бедным, озаботиться придется как следует...

— Спасибо, хозяин, — с неожиданным достоинством поклонился гоблин. — С тобой хоть под смертью ходишь, да не под глупой. Зато сыт и богат, как ни при ком!

Я только мягко махнул рукой в ответ. Махровый неожиданно улыбнулся, пожал протянутую ладонь и растворился среди своих. Гоблины гурьбой поползли вниз, к воротам, а от них прямо к городу, не дожидаясь фур доставки. Наверное, у них были еще какие-то планы на утро.

Мне оставалось лишь доползти до первого же пригодно-

го для сна лежбища. Таковое оказалось в привратницкой. Осквернять собой нашу общую с Хиррой спальню я бы не стал, даже сумей туда добраться. В таком-то состоянии...

2
Пикник на завалинке

Час на часах. Ночь, как змея, поползла по земле,
У фонаря Смерть наклонилась над новой строкой,
А двое не спят, двое сидят у любви на игле,
Им хорошо, станем ли мы нарушать их покой...

Что примечательно, после вчерашнего, против всех ожиданий, похмелья не было принципиально. Ни в одном глазу, в отличие от сна. Провалялся я даже не до полудня, а на добрых пару часов дольше. Да и тогда вряд ли проснулся бы, если б повод не наличествовал. В виде смутно напоминавшего коечто из прошлого звона гостевого колокола у ворот.

Зря я его тогда починил. С тех пор нужды в звонке как-то не было — кузен, спроваженный вчера, пожаловал к причалу донжона на флайботе, с письменным уведомлением за три дня и многословными согласованиями по раковине дальней связи. Да и то от него, если не неприятностей серьезных, как от первой нашей посетительницы, то уж мороки мало не показалось. При всей предупредительности...

А уж если кто прямиком в ворота ломится, хорошего ждать и вовсе нечего.

Звон повторился. Правда, без дурной нахрапистости, отличавшей хай-леди ау Риер, — скорее, задорно, однако вполне настойчиво. Словно звонивший был готов провести под дверями вечность, занимаясь своими делами, но время от времени все же пробуя на зуб терпение хозяев. Повадка явно эльфийская, вот только чья? Дня или Ночи? Кого еще принесла нелегкая?!

Хоть и зарекся я собственноручно открывать двери перед кем попало, любопытство пересилило. На всякий случай заклятие невидимой стены в проеме между собой и внешними

воротами активировал, но тем и ограничился. Благоразумие ко мне не липнет, в отличие от самых нелепых приключений.

Створки ворот разошлись с медлительным достоинством. Совершенно несообразно обнаружившейся за ними посетительнице.

На пороге, лучезарно улыбаясь, стояла дедушкина внучка. Келла, если я правильно запомнил. Правда, узнать ее было трудновато. Медовая грива оказалась заплетена в бесчисленное количество косичек, хвостиков и кисточек, унизанных бусами, бисером и прочим стеклярусом, а кофейная мордашка раскрашена цветными полосами, наподобие боевой росписи тесайрского воина-жреца.

Одета эльфочка оказалась еще примечательнее. Так не высокородной выглядеть пристало, а пацану городскому. Или вернее уж фермерскому. Футболка, выгоревшая едва ли не до белизны, шорты защитные с ремешками и пряжками да сандалии-тесайрки. Пыльные пальцы ног наружу торчат.

Что примечательно, никакого экипажа за ней не просматривалось. Равно как верхового зверя или воздушного корабля. Неужто пешком пришла? Ни за что не поверю, чтобы эльфийская дива по своей воле куда-то без комфорта и церемоний отправилась. С одной только ковровой сумкой через плечо, обшитой понизу истертыми шелковыми кистями.

Хотя тут, конечно, дело другое. Древнейшая Кровь... От нее, похоже, вообще чего угодно ждать можно. Даже без поправки на возраст гостьи.

Эльфь-подросток — самая жуткая комбинация молодой женщины и взбалмошного ребенка, известная природе. Жизненный опыт трех древних старух, полностью созревшее тело взрослой и бешено кипящая кровь малолетки. Плюс отлично усвоенная способность выбирать между этими тремя ролями, так что ни с какой стороны не придерешься.

Ладно, ни к чему раньше времени пустые страхи разводить, как поросят в инкубаторе. Может быть, не пешком пришла Древнейшая, а пожаловала через портал, телепосыльными чарами. На не самое уже безопасное для них расстояние...

Нет, лучше будем считать, что пешком. Для большего спокойствия. Хотя, чую, чего-чего, а спокойствия ждать с этой вот посетительницей не приходится. Как с горстью файрбольной шрапнели, в костер насыпанной. Когда угли летают, как

жуки-фонарники, котелок джигу пляшет, а от частого грохота уши закладывает.

Сейчас, такое ощущение, тоже заложило. Рот эльфочка открывает, а ничего не слышно. Как у немопляса уличного, что без слов изображает кого и что угодно. Только немоплясы лица белят, а не во все цвета радуги раскрашивают.

Ах да! Это же «невидимая стена» в воротах звук не пропускает. Спохватившись, я прошелся пальцами по самоцветам контроля, врезанным в обрамление арки. По воздуху пробежала рябь, истаивая зеркальными искрами, и защита ушла, пропустив только хвостик последней фразы этой Келлы.

— ...погостить немного!

Ага. Так вот, запросто. Интересно, как только многопрадед ее на такую простоту посмотрит? Отчего-то я сомневался в том, что он осведомлен о ее идее погостить у самого одиозного Властителя из Тринадцати Высоких Родов, коими составлен правящий в Анариссе Концерн.

Тем временем Древнейшая эльфочка перешагнула порог, уважительно взглянув на тлеющие остаточным свечением самоцветы контуров защиты.

— Серьезно живете... — хмыкнула она и запоздало осведомилась: — Можно?

В ответ я только плечами пожал да руками развел, как тот же самый немопляс-пантомим. Мол, чего уж спрашивать, заходи, если пожаловала. Не гнать ведь...

Такой формы согласия дедовой внучке вполне хватило. По крайней мере еще на пару шагов, чтобы поравняться со мной. Попыток самостоятельно пройтись по замку, что примечательно, она не предпринимала — в отличие от первой на моей памяти гостьи. И на том спасибо.

Делать нечего, пришлось отправляться ко входу в покои вместе. Разве что не под ручку. Впрочем, этот недочет эльфочка исправила в парадных дверях. Разница в росте между нами — всего полфута — позволила сделать это, даже не нагибаясь. К чести ее будь сказано, все произошло настолько естественно и незаметно, что я и руку отнять постеснялся. А надо было...

Хотя бы потому, что именно в столь трогательном единении мы и предстали перед глазами моей жены Хирры. Она молча стояла на верхней площадке парадной лестницы, у под-

ножия которой я застыл как вкопанный. Келла, разогнавшись, по инерции аж прокрутилась вокруг, провернув меня на каблуках. Затем закинула голову, глядя прямо в глаза моей высокородной, и заливисто рассмеялась.

Взгляд от лица супруги не мог оторвать и я, даже крутясь на пятках. Еще бы! С вечера загулял, всю ночь пропадал неизвестно где, а продрав глаза, заявился на порог родного дома в обнимку с девчонкой-растрепой!

Любая женщина человеческой крови, увидав такое, с ходу закатила бы грандиозный скандал — не разбираясь, просто в порядке профилактики. Да тут и разбираться не надо особо, все улики налицо. Приговор-то у законных жен скор бывает, и снисходительностью не отличается. Коґда попросту дыба семейная, а когда и пожизненное злоключение.

— Ты не подумай... — попытался я объясниться самым глупейшим образом. — Я ничего... То есть мы... То есть между нами...

В общем, обозначил себя виноватым во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях сексуального свойства. В корне несовместимых с клятвами — что с Высокой, что даже с не предполагающей подобных строгостей Низкой.

После такого спокойный ответ жены придавил меня на месте, как мухобойка комнатного дракончика:

— И очень зря! Мужчине с женщиной лучше знакомиться в постели. Во избежание ненужных иллюзий.

Главное, тон при этом был исключительно доброжелательный, без малейшей иронии или, того хуже, издевки. Скорее с оттенком легкого сожаления: мол, некоторые условности не соблюдены, но вполне простительные. Да и наверстать всегда можно...

После этого в голове у меня завертелось немыслимое количество самых разнообразных вопросов касательно эльфийского семейного устройства и обихода. Из которых наружу прорвался только действительно самый важный, ключевой:

— А как же клятвы?

— Вы же с ней обручены, — пожала плечами Хирра. — А это все равно, что уже сокляты. До официальной церемонии или разрыва помолвки.

Не думал, что меня может прибить больше, чем уже стукнуло. Это что же, слова эльфийского деда-Древнейшего име-

ли силу официального обручения?! Ничего себе... Некоторых вещей лучше не знать — ради более спокойной жизни. Коей впредь, похоже, не предвиделось...

— Ничего, мы исправимся! — безмятежно, совсем походя бросила дедова внучка. — Я надолго...

Что такое «надолго» по меркам Инорожденных, я предпочел не задумываться. Надеюсь, не до ее совершеннолетия, обещающего наступить в ближайшие лет восемьдесят. Только что от одного гостя избавились, и на тебе!

В любом случае теперь основной задачей становилась необходимость достойно обустроить Древнейшую. Похоже, эта мысль пришла нам с женой практически одновременно, потому что вопрос Хирры прозвучал даже раньше, чем сложился у меня.

— Для тебя не будет неподходящим полуденный сектор? — обеспокоенно поинтересовалась моя высокородная, с трудом избежав обращения на «вы».

— Не-а, — совершенно беспечно ответила гостья. — Сойдет!

— Дедушку сама известишь, что добралась? — продолжала волноваться жена.

— Лучше ты, — дипломатично попросила эльфочка, очевидно решив не испытывать наше доверие чрезмерно. Или предоставляя иметь дело с сердитым родичем взрослой хозяйке дома. В то, что многопрадед ау Ирийорр осведомлен о начинающемся визите, отчего-то все никак не верилось. Ни насколечко...

Ну вот, вроде утряслось. Хотя лично меня все еще не отпускало изумление по поводу вскрывшейся неспособности эльфей к ревности. Какие причины для замешательства имелись у Хирры, я уразуметь не мог. Но игнорировать их, судя по всему, было трудновато. Едва держалась женушка. Не одна она, впрочем...

Последнему на сей раз испытанию наши нервы подверг Харм. Пес-кадорг притрусил откуда-то, гулко стуча опорными площадками лап, упрятанными для сохранности пола в каучуковые протекторы. Не иначе, любопытство привело: что за шум, а драки нету?

Вот тут у меня сердце захолонуло. За самого Харма-то я был спокоен. Пес воспитанный, порядок знает и на гостей

бросаться не приучен. Даром что из семи металлов, движимых пятью стихиями, на девять десятых заново сделан.

Чего я опасался, так это не его реакции на гостью, а наоборот. Как-никак, разведочный кадавр-зооморф — зрелище, не во всякой эльфийской семье настолько привычное, как в нашей с Хиррой. Оттого и боялся, как бы Древнейшая не испугалась да со страху чего не отмочила сообразно своим магическим способностям. Размеры которых, как я помню по их совместному визиту с дедом, Арбитрами и недоброй памяти светлоэльфийской стервой, недооценивать не стоит...

Опасения оказались совершенно напрасными. Завидев кадорга, гостья заулыбалась вовсю восторженно, совсем по-детски, и рванула не от него, чего я боялся, а к нему, навстречу. С радостным воплем: «Ой! Песик! Хороший, ласковый!»

Реакцию Харма я предсказать бы не смог. Не смогу и забыть, хоть придись на мой век Мировая Погибель. В ответ на приветливые слова эльфочки кадорг весом в пару длинных тонн с жутким лязгом грянулся об пол, высекая снопы искр, перевернулся кверху лапами и заскулил довольно, подставляя бронированное брюхо.

Хорошо, конструкция головы у него такова, что боковые выступы защищают хрупкий живой череп. А то тут и пришел бы конец псу, и без того кадавризированному посмертно. То, что окончательно умер бы он в состоянии прямо-таки щенячьего восторга, в расчет брать как-то не хотелось.

Виновница всеобщего замешательства и умиления присела на корточки перед блаженствующим кадоргом, осторожно подсунула руку ему под голову и принялась чесать за ушами. Умница Харм тут же перестал ерзать, подвергая гостью опасности, и застыл неподвижно, онемев от наслаждения. Только лапы, задранные к сводчатому потолку, чуть подрагивали.

В общем, не подвел пес. Внес заключительную ноту во все это благолепие. После чего выяснять, сколько продлится визит и насколько многопрадед Древнейшей осведомлен о нем в действительности, стало как-то совсем невместно. Оставалось только проводить эту самую Келлу в отведенные ей покои полуденного сектора. Всем семейством, под ревнивым присмотром Харма, тут же вставшего на охрану гостьи от всех

мыслимых и немыслимых опасностей, доступных собачьему разуму.

На него мы с женой и оставили гостью. В обычном будуаре, снабженном мини-буфетом с сэндвичами под заклятием нетления и прохладительными напитками, и, увы, довольно аскетической купальней — по эльфьим, конечно, меркам. Всего с тремя ваннами и бассейном. Приходить в себя и чистить перышки в ожидании вечернего приема. Который, похоже, если и обещает поразить, то уж никак не официозом и добропорядочностью...

К ужину Келла спустилась опять-таки в шортах и футболке. Правда, другой расцветки и не пыльных с дороги, но важен сам факт. Никакими платьями и тем более ритуальными плащами радовать нас она, похоже, не собиралась. И то хорошо. От эльфийских церемоний с протоколами меня при предыдущем госте в рогачий рог скрутило. Дедова внучка попроще будет...

Хирра изначально вполне уразумела это и измываться над собой наподобие выходов к предшествующему визиту не стала. Никакого парада, обычный вариант. Кстати, тоже брючный. Обо мне и говорить нечего. Уж если официального кузена, не меняясь, пережил, то уж девчонку простецкую, без всяких претензий, — и подавно.

Стол, правда, ломился не меньше, чем при темноэльфийском принце. Жена с ног сбивалась, по дюжине раз перепроверяя, все ли подано именно таким образом, как ей представляется нужным, и гоняя кадаврострюардов так, что один в конце концов сошел с нарезки и врезался в колонну.

Дребезг раскатившейся серебряно-платиновой посуды не утихал добрых полминуты. Мы пребывали в ступоре лишь немногим менее. Точнее, в остолбенении застыли я с Хиррой, а Древнейшая многоправнучка скорее ожидала разрешения броситься в погоню за разбегающимися по полу масленками, солонками, перечницами и прочими приправосодержащими емкостями. Хорошо, что вся наша утварь заклята на непроливаемость. То есть содержимое способно покинуть тару только в штатном режиме. Хотя бы хлопот по подтиранию луж к прочему бедствию не прибавится...

Однако, не дождавшись от нас позволения открыть сезон, Келла сочла возможным проявить самостоятельность.

— Можно-я-помогу!!! — выпалила она скороговоркой уже в броске за убегающим соусником. Совсем без спросу хозяйничать в чужом доме все-таки не решилась.

Волей-неволей жена присоединилась к гостье. В результате та устроила из происшествия целое спортивное состязание типа загонной охоты, носясь по полу с азартными взвизгами и временами на четвереньках. Хирру при этом с ног она сбила всего два раза, и оба — ну совершенно нечаянно. Во всяком случае, если судить непредвзято и верить чрезвычайно искренне звучащим извинениям.

— Ой! — Начиналось каждое из них одинаково, а дальше скороговорка опять сливалась в неразличимое: — Извини-я-ненарочно-случайно-нехотелабольшенебуду...

Моя высокородная в каком-то потерянном состоянии раз за разом поднималась, балансируя подобранной утварью в обеих руках. Ее ответные извинения при этом тоже сминались, словно рассыпанные по полу салфетки.

— Конечно-конечно, ничего... страшного... Ой! — Это исконно девчоночье ойканье трогательно объединяло обеих.

Нельзя сказать, что на мою долю досталось меньшее количество хлопот. Ибо аккурат в это же время я усмирял и пытался вразумить сбрендившего кадавра. Раньше эта модель, подобная человеческому облику и размером, и всем сложением, кроме разве что четверорукости, мне не попадалась. Не был я зван в богатые дома таких вот налаживать. Да и семейств, держащих в доме прислугу из семи металлов, движимых пятью стихиями, в Анариссе раз-два и обчелся.

Стюард по очереди заламывал все четыре руки в кажущемся отчаянии и размеренно колотился в колонну медным лбом, а при попытке перезагрузить его на три точки мячом-тестером лишь замирал на десяток секунд. Казалось, что сейчас все поправится, но после автопрогона встроенного теста кадавр начинал дурить сызнова. Разве что колонну менял на другую.

Вдобавок по дороге он еще разок уронил Хирру и под конец сам кувырнулся через подвернувшуюся под ноги дедову внучку. Хорошо хоть ничего не отдавил ни той, ни другой, а то у меня оба раза сердце нехорошо захолонуло...

Келлу происходящее повергло в полный восторг, а мою высокородную окончательно деморализовало. Мысленно плюнув, я смирился с бессилием маготехники перед капризами Судьбы. Не вышло так не вышло. Пришлось вырубить кадавростюарда на месте, после чего за ноги оттащить куда-нибудь в уголок понеприметнее, дабы не мозолил глаза вконец замотанной жене. К счастью, удалось кое-как затолкать его в стенную нишу...

Результатом случившегося было лишь то, что совместными усилиями мы довели хозяйку дома до полного замешательства, так что главное украшение стола она таки позабыла подать загодя. О деликатесе Хирра вспомнила лишь тогда, когда все уселись и даже успели освоить первую перемену блюд — заодно с первой переменой ни к чему не обязывающих светских разговоров, которые Келла поддерживала без труда. Правда, с постоянным легким смешком, выказывающим истинное отношение к этикету. Но эльфь без церемоний — нонсенс, то же самое, что Приснодень без Приснодеда. Так что откровенного выхода за пределы застольных тем пока не было.

Внезапно жена с напряженным лицом осеклась на полуслове, коснулась серебряным коготком челки, чуть не хлопнув себя по лбу, ахнула и обратилась ко мне, почему-то с виноватым видом:

— Дорогой, я не успела распорядиться... Не мог бы ты подогнать сюда одну уникальную вещь? Я хотела отметить нашу встречу по-настоящему редким вином.

Почему бы и не отметить? Особенно если это будет что-то вроде вчерашнего полутвердого муската. Самая подходящая идея...

Нехорошее подозрение с отчетливостью начало проявляться у меня только при следующих словах моей высокородной:

— Стюардам доверить не могу, хотя там целый бочонок. Но он маленький, сервировочный столик выдержит. И недалеко совсем. В утреннем секторе, в девятичасовом баре. Ты его, наверное, и не знаешь еще...

Как раз этот бар я знал. Из личного опыта. Причем весьма свежего...

— Бочоночек такой... с печатями? — осторожно поинтересовался я, еще надеясь, что пронесет.

— Ну да, — кивнула жена. — Как положено, с двадцатью восемью, и с клеймом Хтангской династии.

Не пронесло. Точно помню — печати были. Как раз двадцать восемь, все цвета радуги по четыре раза. Их-то я тогда без труда посчитал, в отличие от мелких зеленых гоблинов. Наверное, оттого, что, в отличие от зеленявок, печати в глазах не мельтешили и не прыгали. Хотя бы поначалу...

— Понимаешь, мы его... того, — обреченно признался я. — С кузеном твоим...

Хирре ответ пришелся, как кистень промеж ушей — те аж вразлет оттопырились от шока или желания получше разобрать прозвучавшее.

— Как, весь?! — переспросила она, видимо еще не веря услышанному.

Оставалось только кивнуть покаянно. Следующий вопрос жены оказался риторическим и был призван несколько оттянуть ужас осознания.

— Вдвоем?!

— Не совсем... — окончательно замялся я. — Там еще гоблины были... Кажется...

Над столом повисла звонкая тишина. Ничем особенным, против моих ожиданий, не завершившаяся. Узнав, бочонок ЧЕГО и в какой компании мы прикончили, Хирра добрую минуту молчала, а потом сказала только: «Всякое вино должно быть когда-нибудь выпито». И перевела разговор на другую тему, быстренько, но с явно видимым усилием.

Сегодня у нее, похоже, вообще день духовных испытаний. В основном на способность к смирению, демонстрируемую в пределах, с трудом представимых для меня самого. Жена при гостье ведет себя не как хозяйка дома, а как сказочная падчерица при мачехе и чужеюродных кузинах заодно!

Что за дракончика, спрашивается, я вывел из гоблинячьего яйца? В смысле притащил в дом за ручку. Неужели оправдались мои давешние предположения насчет того, что Древнейшие как Дню, так и Ночи страшнее, чем те друг другу?!

Да нет вроде бы. На кого-кого, а уж на пугало вселенское Келла эта ничем не смахивает. Разве что прической. А так девчонка как девчонка. Вроде целительской, маговой, или там

преподавателя в Высшей Бурсе дочки. В общем, из семьи, что живет небедно, чисто, но не со своих денег, а на заработки от какой-нибудь умственной работы с постоянным контрактом. Таких в Анариссе — пруд пруди.

Тут напряг скорее на личностном уровне. По симвотипу нестыковка. Моя высокородная-то Пэт-Оинт после Меча Повторной Жизни. Не самое сильное сочетание легких аспектов — стойкое, но пассивное. Обратное, к примеру, и то сильнее...

Вот, кажется, причина скованности хозяйки перед гостьей! Потому что та, похоже, как раз Оинт-Пэт.

Везет же мне на эти аспекты. Только данное их сочетание в женском варианте страшнее, чем свечка в муравейнике. Или файрбол в гоблинятнике, что в принципе одно и то же. Правда, в муравейник мне не залезть при всем желании, зато пылающим гоблинятником дедова внучка без труда способна сделать мой собственный замок. В смысле, наш с Хиррой.

Ничего, может быть, еще и обойдется. Не каждый день замки Тринадцати горят, не вдруг Высокий Род рушится. Почитай, с Войны Сил такого не было. И сейчас ждать вселенских бед особо незачем. Совсем тихо, конечно, уже не будет, но ничего выше хулиганства среднего калибра эльфь Древнейшей Крови в самом расцвете переходного возраста, надеюсь, не выдаст.

В конце концов, напустит лягушек нам с Хиррой в постель и успокоится.

— Да не парьтесь вы! — прервала гостья наше общесемейное, но разнопричинное зависание. — Дедушка мне давал хтангское пробовать. Ничего особенного. Вот твердый коньяк последнего урожая поместья Дройн — это да. Там настроение чувствуется...

Познания несовершеннолетней гостьи в алкогольных напитках глубокой древности поразили нас с женой в равной степени, но опять по-разному. Меня — самим фактом, а Хирру — вследствие того, что она, похоже, знала, откуда этот «дройнский коньяк». Не с горы же Дройн? Там ничего расти не может с самой Войны Сил, главное сражение которой как раз на нее и приходилось.

Ага. До меня тоже дошло.

Специально усилить впечатление дедова внучка, наверное, не стремилась. Но следующей репликой угодила ровно в точку.

— А вообще я пить не люблю, — первая фраза заставила расслабиться, но вторая возродила худшие предположения: — На трезвую голову больше натворить можно.

На чем разговор как-то окончательно увял по причине полной невозможности одной из сторон поддерживать его. Единой в двух лицах — моем и жены.

Самой же виновнице нашего тотального замешательства это было по фигу. Наоборот, удобно — ничего больше от еды не отвлекало. Лопала без всякого стеснения она так, что за ушами даже не трещало, а попросту звенело. Все вплетенные в гриву колечки и бисеринки пели оду тинейджерскому аппетиту эльфочки.

Не скажу, что мне кусок в горло не лез, но обдумывание способа совладать с темпераментом гостьи уже однозначно занимало меня больше, чем идущий к концу ужин. Хорошо, что способ таковой, похоже, существовал: не пытаться контролировать поведение высокородной оторвочки, а просто перенести ее разрушительный порыв вовне. Куда-нибудь подальше от замка, в безопасное место, за сохранность которого отвечает кто угодно, только не Властитель ау Стийорр.

Для начала на пикник какой-нибудь, развеяться. Потом по анарисским лавкам прошвырнуться можно будет. Отдать, так сказать, город на разграбление денька на три. И пусть Магистрат плачет...

А там, может быть, набегается и притихнет. Или домой засобирается. Не на сотню лет же эльфы друг другу в гости ездят!

Разве что на дюжину.

Наутро от странной стеснительности жены и следа не осталось. Не в последнюю очередь из-за тех усилий, что я приложил ночью. Причем не совсем в той области, о которой можно с ходу подумать, хотя и в той тоже...

В общем, на следующий день Хирра явно чувствовала себя любимой и единственной настолько, насколько это вообще возможно, и распоряжаться приготовлениями к запланиро-

ванному мной пикнику могла без сучка и задоринки. Идея вынести разрушительные порывы гостьи вовне замка жене определенно понравилась. В результате она до такой степени разошлась, гоняя нас с Келлой от кухни и кладовок с походным снаряжением до стойл скакунов, что я уже сам предпочел бы втихую смыться.

Да только все равно к делу приставили.

— Так, всех праздношатающихся кадавров отключить допуста! — деловито распорядилась моя высокородная. — Чтобы ни один суслик тут в наше отсутствие не шелохнулся!!!

Стало быть, не прошло для нее бесследно вчерашнее. Только отдуваться за него придется ни в чем не повинным подобиям живых существ из семи металлов, движимых пятью стихиями. На истинную виновницу сего рука не поднимается...

Если, конечно, мои подозрения верны. А то сами собой кадаврострюарды с нарезки так легко не сходят. От противоречивых приказов у них предусмотрена блокировка. Так что распоряжение жены мне только на руку, чтобы не откладывать проверку этого моего предположения на неопределенный срок.

По счастью, дедова внучка оказалась далековато и от обеденного зала, и от кухни — Хирра услала ее подбирать коврики и пледы, чтобы пребывать на природе не прямо на голой земле, а с полным комфортом. Нашла на свой вкус самое безопасное занятие.

Четверорукого, сиротливо коротавшего ночь в нише, под моим руководством оттащили на кухню собратья по ремеслу. Даром, что ли, лишнюю пару конечностей к ним приделывали — задал стюардам программу «переноска крупноразмерного блюда», и отволокли, как миленькие. Едва успел остановить, прежде чем излишне услужливые кадавры пристроили собрата в посудомойку.

Вырубить их своевременно было делом несложным. А остальные кадавры в замке и не активировались. Для надежности я заблокировал их с кухонного терминала и только тогда приступил к серьезному разбирательству. Вчера не до того было как-то, об эльфях куролесящих заботы больше. Что о жене в страдательной позиции, что о гостье — в хулиганской. Чую, что охотой на разбежавшиеся столовые приборы та не ограничилась...

Так и знал! В управляющих цепях — следы внешнего заклятия!!!

Не сильного — с легкого амулета прилетело, куда слабее эльфийского жезла. Келле тот жезл еще по возрасту не положен, до совершеннолетия ей добрых восемь десятков лет. Зато прочей мелкой дребедени у нее вчера в одной только прическе было — на роту кадавров хватит. Цивильных, конечно, без боевого экранирования. Так кто же ставит армейскую опцию защиты на бытовую маготехнику!

Моя высокородная появилась на кухне как нельзя вовремя, дабы ознакомиться с выводами из сего расследования. Выслушав подробный отчет с доказательствами, долгую минуту она молчала и лишь после этого нерешительно вымолвила:

— Я с ней поговорю. Только... ты не мешай, пожалуйста. — И совсем смущенно добавила: — А то девочка застесняется...

Эта?! Застесняется?! Да никогда. Скорей уж сама Хирра остережется высказать гостье претензии. Что в моем присутствии, что в одиночку. Но еще больше расстраивать жену, переча ей, я не стал. Уйти надо — уйду, без обид и лишних поисков причины.

Тем более повод долго искать не пришлось — самому давно хотелось отправиться подбирать оружие для развлекательной пальбы по пустым крынкам и корзинкам от снеди. Или для возможной охоты — угодья-то богатейшие. А то и для самообороны, чем Судьба не шутит. Мало ли что стрястись может, лучше в запасе что-нибудь посерьезнее иметь...

А если честно, то среди диковинок ныне заброшенных арсеналов моей высокородной и ее покойного отца сыскалось несколько таких, что опробовать их в замковых тирах не представлялось возможным. Либо слишком опасно, либо никакого удовольствия при соблюдении всех мер предосторожности.

Среди последних лидировало оружие, не уступавшее печальной памяти хтангскому полутвердому вину ни по редкости, ни по возрасту.

Ручная баллиста верхового строя Священного Воинства Хтангской династии. Назвать эту могучую метательную машину каким-нибудь конным арбалетом было бы явным преуменьшением. Не конный — драконный. В смысле, вполне

годный на означенного магического зверя, не говоря уже о каком-нибудь слоне.

Вертикальный лук с асимметричными плечами в два с лишним моих роста. Даже эльфу только для стрельбы с седла. Верхнее плечо легкое и свободное, в дюжину футов, с пристегнутым в месте крепления тетивы вымпелом, нижнее — жесткий и короткий, в ярд, кованый рычаг, поджатый мощной метательной планкой наподобие стрелометной. С вычурно-прорезным, как сечение хисахской морской раковины, эксцентриком на конце, увеличивающим силу натяжения тетивы.

И все это посажено на ложу, предназначенную для того, чтобы класть ее на плечо, а не упирать в него, причем где-то посередине резного древка, так что тетива за спиной оказывается. Хорошо, что как раз перед ней защитный ограничитель поставлен, а то при первом же выстреле может располовинить.

Хотя лук при этом примерно над плечом и оказывается, для уравновешивания натяжной ворот вынесен до предела назад. И для удобства перезарядки тоже, а чтобы упирать передний конец ложи в землю, не сходя с седла, на нем имеется стальная оковка с шипом-шпорой и подобием сошки.

О прицеле и говорить нечего — не на друзе кристаллов базируется, а на цельном хрустальном шаре магического видения, да еще с набором оптических систем из миражных линз, проявляющихся под лучом слабосильного тлеющего светосброса. Который еще и в качестве целеуказателя использовать можно через пару зеркал.

В общем, мобильная аркбаллиста. Шестифутовый дротик с бронебойным наконечником, в небольшой меч размером, за милю закинет. Но вот по файрболам против армейской ручной — пустяк. Больше, чем полуфунтового калибра, не осилит.

Правда, этой мелочи разом две дюжины в разрезной желоб засыпать можно. Или зарядить набитую ими же тонкостенную трубку с вышибной пружиной и кресалом. Этот снаряд, не в пример рассыпной файрбольной картечи, летит почти так же далеко, как стрела. А хитрый спуск пружины можно выставить на любое время срабатывания, до десяти секунд.

От удара-то она в любом случае сорвется, рассыпав зажженную огневую снасть.

Никакой тир полной силы этого драконобоя не покажет. На открытом воздухе стрелять требуется, на всю дальность. Тем более что сохранности он изумительной, не пожалели средств на заклятие вроде нетления, только для изначально неживого...

Еще дольше бы любовался и в дорогу налаживал, да Хирра наконец свою половину сборов закончила. И как будто не ее ждали, вовсю расшумелась по внутризамковому громкому оповещению.

— Ты где?! Все готово! Одного тебя не хватает! — надрывались ее озабоченным голосом раковины ближней связи в руках у демонеток-путти, украшавших стены.

— Иду, иду... — буркнул я не слышащим, по идее, стенам. Однако, видимо, в функции магинтеркома была заложена обратная связь, потому что громогласные понукания жены мгновенно прекратились. Чтобы они не начались заново, я наскоро прихватил еще пару офицерских стрелометов в наплечных кобурах, уже ставшую привычной после меканской инспекции, и быстро-быстро направился в стойла, к верховым зверям. Хорошо, что при своих исполинских размерах хтангская ручная баллиста достаточно легка. Во всяком случае, переносить ее в одиночку можно без особого труда.

Выводя скакунов во двор, моя высокородная имела деловитый и немного растерянный вид. О результатах ее разговора с Древнейшей проказницей приходилось лишь догадываться. Не спрашивать же при виновнице всех треволнений!

Да и был ли тот разговор? Вряд ли...

Ладно, и без того столько хлопот с этим отбытием! Гекопардов, кроме моего Шипучего и Белой, любимицы Хирры, у нас пока так и не появилось, поэтому гостье пришлось удовлетвориться обычным рогачом, разве что породистым. Пока его седлали, верховой зверь косил огромным влажным глазом и нервно переступал изящными ногами,

Никакого неудовольствия выбором дедова внучка не высказала, а в седло вскочила с явной сноровкой, невзирая на свою склонность к пешим прогулкам, действительную или мнимую.

Напротив, я чуть провозился, навьючивая хтангский метатель на гекопарда поверх самоставящегося шатра — серебристого шелка, где-то на четверых эльфов, приятельствующих настолько близко, что друг друга в одном помещении выносить способны. То есть взвод от непогоды укрыть можно. Сам бы куда меньшим обошелся, но положение обязывает. Гостья все-таки...

Догнал обеих я уже у самых ворот, где поджидал в полной готовности Харм. Вот только пришлось его изрядно разочаровать. Нечего псу-кадоргу с телом из семи металлов, движимых пятью стихиями, с нами на пикнике делать. Еще стопчет, разрезвившись ненароком. Да и вообще в лесу две длинных тонны брони и приводных механизмов, движимые бесхитростным собачьим темпераментом, не способствуют особому спокойствию. Это не джунгли меканские, где без такой поддержки от жилья и на пару шагов отойти страшно.

Спутницы мои с таким подходом согласились — жена с облегчением, дедова внучка с некоторым разочарованием, но упрашивать не стала. И то хорошо. Хоть договориться с ней можно.

— Охраняй, Харм! Охраняй! — скомандовал я кадоргу самым строгим голосом, на какой способен.

«Охраняй» — это он понимал. Военной закваски пес. Так и сел в проеме ворот, провожая нас укоризненным взглядом, покуда створки сами собой не закрылись под действием защитного заклятия.

Погода, на первый взгляд, к прогулкам не располагала. Небо с утра сероватой хмарью затянуло. Но уже решили, собрались, не обратно же поворачивать. Да и эльфи наперебой убеждали, что к полудню развиднеется. Не знаю, может быть...

Втроем мы торжественно проехали по замковому мосту. Келла посередине на высоком тонконогом рогаче, мы с Хиррой по бокам на стелющихся, низких гекопардах. Над моим, на самом верху плеча ручной баллисты, возвышающегося за седлом, еще и вымпел вился. Парадный выезд, блин, хоть сейчас на картинку в светском ежегоднике!

Это ли, иное пришло в голову всем одновременно, только, съехав с моста, мы, не сговариваясь, пустили скакунов в карьер. Кто во что горазд. Жена временами на кроны деревьев вымахивала. Мне с неудобным грузом труднее было, но

все равно на паре скал Шипучий отметился. А дедова внучка заставляла рогача выделывать такое, что впору только дикой горной породе этих зверей, не ездовой. Всласть покуролесили и на серпантине, ведущем от замка, и въезжая в лес.

Лишь отъехав на дюжину миль от дома, мы сбавили аллюр. А там пришла пора подумать о том, чтобы разбить стоянку. Моя высокородная, несколько развеявшись в дороге, все равно с большей готовностью смотрела по сторонам, чем на меня и гостью. Оттого и место для пикника попалось на глаза ей, а не кому-то из нас.

— Смотрите, как уютно! — не сдержала она восторженного возгласа.

Действительно, взгляду открылась исключительно подходящая полянка. С одной стороны скалы от ветра прикрыть стараются, с другой дубовая рощица обещает тень к вечеру. А на проглядывающее солнышко как раз выходит пригорок с плоской вершинкой. Даже если польет дождь, здесь не затопит.

— Ой, здорово как!!! — присоединилась к нашему восхищению Древнейшая. Так искренне, что всякие подозрения захотелось спрятать поглубже и никогда даже не показывать, что они были. Да и помогала в разбивке лагеря она без всякого подвоха. Уж я-то в вопросе разбираюсь — сколько биваков обустроил на своем веку! Правда, эльфийский пикник и тут наособицу вышел.

Самоставящийся шатер полностью оправдал свое наименование — развернулся до рабочего состояния за дюжину секунд. Затем несущие прутья затвердели, слегка пружиня под ветерком. И все — готов для заселения.

С организацией кострища и посадочных мест вокруг него поначалу вышла заминка. Подходящих для сидения коряг поблизости не оказалось, а те, что были, — вековые, и гекопардами с места не стронешь, хоть их парой запряги. Даже с рогачом вместе и нами троими на подхвате. В конце концов, мы не огры на строительстве Заброшенных гробниц, чтобы такие тяжести ворочать.

Выручила моя высокородная, которая предусмотрительно захватила из дому складную мебель. Столик обеденный с хорошую дверь, вчетверо свернутый, три стула и шезлонг. Для чего последний, непонятно, но все равно здорово. На доволь-

но большом гекопарде, да еще в сложенном виде, всего этого раньше было не разобрать.

Тонкие и изящные вещицы смотрелись на траве слегка абсурдно. По качеству выделки им бы стоять на паркете лакированном у городского богатея, цеховика или магистратского. Однако вот же. Для нашего пикника на полянке тоже сойдет.

Место для костра было уже на мне. Саперным тесаком я вырезал круг дерна в ярд и отнес в сторонку, чтобы потом обратно приладить. По краям вбил обухом колышки, рогульки для прута-перекладины. Будет на чем воду вскипятить для чая.

Сучьев для костра Келла набрала. Да все сухих, смолистых, правильных. Это в сыроватом-то утреннем лесу! Далеко, видно, ходила, пока мы возились с распаковкой прочей походной утвари. Ну да костер не к спеху. Еще будет время запалить...

Свалив добычу у будущего кострища, Древнейшая потянулась, да так заразительно, что жена, распрямившись после возни с вещичками, тоже последовала ее примеру. Сам я и то повел плечами, настолько умело дедова внучка послала движение.

Она же и определила план дальнейших действий.

— Ну что, пошли? — кинула она запросто, как само собой разумеющееся. — Пройдемся перед обедом, раз на природу выбрались. Зверей только распрячь надо.

Мы с Хиррой уставились на нее с равным недоумением, хотя и в силу разных причин. Моя высокородная с ее любовью к скакунам и скачкам расставаться с гекопардами вовсе не жаждала. А я и подавно считал изначально странной идею идти куда-то пешком без крайней нужды и цели. На природу, видите ли...

По мне, так лучше на эту самую природу лишний раз без необходимости не попадать. А уж если все-таки угораздило, разбить по-быстрому лагерь, выставить дозоры и затаиться. То есть носа за периметр не показывать. Тихонько распотрошить неприкосновенный запас, а может быть, даже выпить малость, пока не застукали.

Однако желание гостьи — закон. Пешком так пешком. Прогуляемся. Сколько уже исхожено, что по меканским

фронтовым тропам, что по городским улицам в поисках заработка... Лишних пара-другая часов ног вконец не собьет и спины не переломит.

Тем более что к полудню малость развиднелось, вместо утренней неразрывной, хмурой дымки по небу отдельные облачка плывут. Драные да серые, вроде тесайрской портянки, да что с того? Нам их не на стол к обеду стелить, а на небе и так сойдет...

Гекопардов привязывать не стали — всеядные скакуны этого не любят. Седла сняли только и насыпали на двоих короб сухого корма — пусть похрустят. Рогача тоже расседлали и пустили попастись, но его, правда, при этом стреножили. Травоядную тварь привязанность к хозяину не так держит, как одомашненного хищника. Не дурной нрав, так страх внезапный невесть куда загнать может.

По росе Келле в шортах и сандалиях, понятно, способней было, чем нам с женой в длинномерных штанах. Мы выбирали места, где солнце уже слегка подсушило траву, а она носилась вокруг без устали, сшибая росу коленками. Видимо, и вправду может запросто от замка к замку пешкодралом путешествовать. Привычка к тому видна немалая.

Чем хороша прианарисская природа в отличие от той же меканской — буйства жизни нет. И тут всякое место своим обитателем занято, но без той ярости, что в нижнем течении Анар-реки. Растения и твари живые между собой соседствуют чинно, основательно, как гильдейские лавочники. А не как шлюхи на Площади Дилижансов, где вечно гвалт, визг, а чуть что — всеобщая драка в дорожной грязи.

Здесь совсем иначе. Ветерок в хвойных да лиственных кронах едва шелестит, не сравнить с резким шорохом пальмовых опахал. Мошки кружатся в солнечных лучах опять же без особой назойливости. Это вам не москиты меканские, даже обычного калибра, или неотвязный таежный гнус Нагорья...

Хорошо. Всякую бестолочь, за последнее время накопившуюся, с души тихонько сносит. Вроде как листья и травинки по зеркальной глади лесного ручейка, на который мы вышли ненароком. Уже без малого пару часов незаметно по лесу пробродили, а вот ведь —никакой усталости, наоборот, прилив сил. И аппетита. Что несколько не ко времени...

До стоянки импровизированной, стало быть, обратно столько же переть. Разве что немногим меньше, если быстрым шагом, не отвлекаясь на красоты местности. К тому времени брюхо изрядно подведет. А прихватить с собой чего-нибудь на перекус, понятно, никто не догадался. Мы с Хиррой — от обалдения, услыхав о пешей прогулке, а дедова внучка, скорее всего, про это и не задумывалась.

Оказалось, как раз задумывалась. По-своему, по-девчоночьи, но и на том спасибо. Шоколадные батончики с толстощекими огрятами в хисахских тюрбанах и шальварах на обертке оказались очень кстати. Как раз три, по одному на каждого. Мне даже многовато слегка было — батончики-то на эльфей рассчитаны, с их ростом и аппетитами.

Но все равно орехи в мягкой карамели, шоколадом залитые, — это не еда. Тут посерьезнее чего-то надо, посущественнее. Не говоря уже о том, чтобы горячее. А главное, не сласти легкомысленные. Мясо...

Спалив в пламени с кончиков пальцев обертки своих батончиков, да и моего тоже, эльфи перебрались через ручей. Понятное дело, у обеих Огонь в сильных аспектах симвотипа. У одной в базовом, у другой в рабочем. Но и я не заикой заклят — развеял получившийся пепел одним щелчком пальцев, только гривы обеих женщин взметнуло порывом ветра. Жена сморгнула, убирая спутанные волосы с лица, а гостья лишь рассмеялась, закусив прядку.

Так, потихоньку, перешучиваясь, все втроем взобрались на обрыв более высокого берега. Как раз под раскидистый, старый уже каштан, возвышающийся над прочей растительностью — не столько в силу своих размеров, сколько из-за занимаемого положения. За ним открывалась небольшая лощинка, плотно укрытая листвой орешника и рябин.

Запах, которым тянуло из этого овражка, был совсем не лесной, а скорее приличествовал свиноферме. Равно как и огроменная, в полдюжины ярдов, куча, занимавшая аккурат дальний от нас конец впадины.

— Похоже, сейчас с обедом будем! — воодушевленно порадовал я спутниц.

Обе эльфи брезгливо наморщили носики и воззрились на мой энтузиазм с нескрываемым недоумением. В самом деле, как вид открывшегося нам зрелища, так и его аромат мог выз-

вать сколько-нибудь положительные чувства разве что у завзятого копрофага. В тенистой лощинке было не просто грязно, а очень грязно, прямо-таки до невозможности загажено.

Но если грязи не боишься, то и тут с поживой будешь. Такая куча в лесу означает одно — кабанье гнездо. Дикая свинья откладывает яйца в ворох гниющих листьев, да еще обильно удобряет их все время насиживания, так что в отсутствие мамаши перегной греет кладку не хуже инкубатора. Запах, правда, вокруг гнезд стоит соответствующий, и вылупившиеся поросята вид имеют такой, что лучше бы глаза на них не глядели. Оттого и говорят, что свинья из грязи родится.

Зато из кладки даже в полдюжины здоровенных кожистых яиц выходит отличная «взводная» яичница. То есть такая, какой на целый взвод хватит. А если еще подсыпать туда красного перца и травок всяких, да с ржаным огрским хлебом грубого помола, — просто объеденье. Поросячья поджарка из зрелых яиц, «по-фермерски», тоже хороша бывает. Хоть в шкурке скорлупы запекай, хоть на прутиках, хоть на сковородку кроши...

Судя по состоянию этой кучи, поросята вот-вот вылупятся. Свеженькие, сочные и к запаху снаружи не имеющие пока никакого отношения. А яичную шкурку можно отмыть в том же ручье под обрывом.

Выслушав разъяснения, жена с гостьей оценили мое воодушевление, но к кабаньей кладке подходить не стали. Пристроились с наветренной стороны, с любопытством ожидая результата моих действий. И правильно. Нечего им без сноровки в грязюку лезть, только замараются зря. Я-то немалый опыт в разорении свиных гнезд имею...

Спустя десяток минут при помощи пары рогулек и тесака яйца перекочевали в мою полусетчатую бандану. Не пожалел ради предстоящего обеда. Зато в ней добычу и переносить, и промывать удобно. Что и подтвердилось через следующие десять минут, проведенные у ручья наподобие енота-судомойки.

Всякий запах исчез без следа. Можно готовить. Предвкушая жарево, я уже присмотрел местечко для костра. Как раз у поваленного ствола, на котором рядком усесться можно будет. Келлу опять за дровами пошлю, у нее это здорово получается...

Но тут суровая реальность положила финал нашим гастрономическим планам. Внезапно и хотя не окончательно, но с трудом преодолимо.

Возмущенный всхрюк возвестил о явлении нежданной и нежеланной хозяйки разоренного гнезда. Кабаниха, лесная купчиха. Если по размерам судить, так огрской породы, вроде тех дебелых теток из Заанарья, что маслом да сыром торгуют. Супротив домашней свиньи едва ли не вдвое больше. И клыки из пасти торчат, и вверх, и вниз, даром что не самец, а самка.

Не помня себя, мы взлетели вверх по обрыву, в три прыжка достигли каштана и, как уранги лесные, вскарабкались вверх по корявому стволу, спиной чуя смрадное дыхание свинищи, отставшей едва ли на пару шагов. Злобное хрюкотанье разносилось кругом, перебивая даже раскаты грома наклевывающейся грозы.

Как ни жаль иногда жертвенного поросенка на Приснодень, а все же хорошо, что свиньи не летают. И по деревьям не лазают заодно. А то не знаю, как бы мы уберегли от гнева лесной матроны. Кабаниха крутилась вокруг ствола, как сбрендившая секундная стрелка в часах, то и дело вспрыгивая на высоту моего роста. Хорошо, что нижние ветви каштана начинались куда выше.

Все равно щетинистое рыло, клыки и злобные глазки, то и дело мелькавшие всего в паре футов от пяток, никак нельзя было назвать приятным зрелищем. И выхода из ситуации в ближайшем будущем не предвиделось. Не знаю, как свинища могла учуять яйца, добросовестно промытые в ручье, но вот факт — чуяла же!

Не зря свиней на грибной охоте вместо собак держат. Видно, и вправду способны они даже сквозь слой земли унюхать мускулистый трюфель, отчаянно удирающий по своей норе. Выслеживают, загоняют под корни и сами же отрывают вертким гриб всеми шестью копытами и клыкастым пятачком. Тут уж не зевай, отбирай добычу, чтобы дюжина фунтов деликатесной грибной плоти досталась охотнику, а не хрюшке!

Сейчас в роли трюфелей выступали мы трое. Всей разницы, что не под корни, а на ветви загнаны кабанихой. Отсюда хоть рытьем не добудет, зато и не выпустит. Можно бы телепосылом уйти, да соответствующим амулетом никто не оза-

ботился. Симвотипические способности у нас всех тоже не того свойства, чтобы переупрямить свинский темперамент, помноженный на шесть сотен фунтов живого веса.

Впрочем, мысли о подходящих чарах посетили не одного меня. Хирра потащила было из-за пояса магический жезл, но я придержал ее за руку. Еще чего не хватало! Завалит свинищу, что потом с тушей делать? Тут иначе как-то обойтись надо...

Меж тем, вдобавок ко всему прочему, вовсю надвигалась еще одна неприятность. На сей раз не снизу, а сверху, с самых небес, полыхая зарницами и глухо рокоча раскатами общего гнева двоих Победивших Богов — Брата-Грома Тумма и Сестры-Молнии Тиллы. С утра не устоявшаяся в одном состоянии погода окончательно надумала разрешиться грозой.

Выбираться из сложившегося порядка вещей надо было срочно. Каштан, на котором мы нашли убежище от свинского возмущения, оказался самой высокой точкой окрест. Дойди до нас туча, молния его не минует. Если что, все тут сплясшем, как лягушачьи лапки на герисском искровом гриле...

Затравленно озираясь, я завертел головой в поисках пути к спасению. Такового не было. Взгляд наталкивался лишь на встревоженные глаза обеих спутниц. Деваться с каштана было принципиально некуда.

Сидели птички на деревьях, как в старой малоприличной считалке про демонову дюжину гномов и одного халфлинга, отправившихся в путь с неким магом. Жаль, нет при себе куска сыра поувесистее, чтобы кинуть вниз. Да и кабаниха — не лиса, а я не эльф-целитель, откупившийся сыром из табакерки от пирата на необитаемом острове.

Что-то потянуло меня на детские сказочки... А мы тут пока засели в положении отнюдь не сказочном, хуже наместнического, причем с каждой минутой становящемся все определеннее. Гроза ковыляла над лесом, как слепец, нащупывая дорогу белой тростью молнии. Удары небесного посоха сыпались все чаще. И все ближе...

А, чему быть, того не миновать. Главное, извлечь из неминуемого побольше выгод, а неприятных сторон того же самого по возможности избежать. Ударит молния в каштан, ладно. Значит, надо, чтобы нас в этот момент на каштане уже не было. А свинища бы в том не препятствовала.

Быстро, насколько мог, я пополз к концу ближней к лощине и дальней от обрыва ветви. Добрался, докуда тяжесть позволяла не сверзиться, и приспособил куль с вымытыми яйцами на обломанный сук, завязав покрепче. И тут же поспешил обратно под первыми каплями начинающегося дождя.

Кабаниха, сопроводившая меня злобным всхрюком на пути туда, обратно не спешила. Яйца интересовали ее явно больше. Так, глазом на нас косила, прыгая под веткой, но больше старалась добраться до потомства, чем до его похитителей.

Жалко, конечно, добычу бросать, но собственные шкуры дороже. Указав эльфям на ветку, ведущую к ручью, я проорал, силясь перекрыть порывы ветра, шум дождя и близкие уже раскаты грома:

— Как рукой махну, прыгайте! Поняли?!

— Поняли! — за обеих ответила Хирра. Келла только головой мотнула утвердительно.

Грохот разрядов звучал все резче, лупя по ушам гигантским бичом. Оглянувшись, я увидел, как молния ударила в ближайшую к нам верхушку скалы, чуть приподнятую над кронами деревьев. Пора!

Махнув рукой, я сам изо всех сил побежал по ветке за обеими спутницами. Едва удержался при прыжках сначала одной, потом другой, и сам спрыгнул на самом размахе. Едва успел.

Под уклон по мягкой земле катиться было не больно, только вот остановиться никак не удавалось. Близился край высокого берега. Еще немного, и все с обрыва в ручей полетим, как Кэт Баттерс-Многомужница из балаганной пьесы. Это мне что, за многоженство потенциальное, что ли, за не своей волей совершенное обручение с Древнейшей?

Слава Судьбе, затормозили, сбившись в кучу на самом краю — аккурат в тот момент, когда молния нащупала крону каштана. Белый огонь оплел ветви, словно разряд гигантского искропривода. Нас, уже прилично откатившихся от дерева, и то тряхнуло, сведя тела недолгой судорогой. Гривы обеих эльфей за мгновение вздыбились взлохмаченными шарами, а у меня по короткому ежику, похоже, искры забегали.

Кабанихе, которая продолжала бесноваться почти у самого ствола, повезло меньше. Разрядом все ее шестьсот фунтов подкинуло в воздух, где и опалило не хуже, чем на кухне. Смрад горящей щетины донесся даже до нас, лишь усиленный влагой дождя. Когда свинища, выпав из воздуха с некоторым запозданием, всей тушей брякнулась о землю, я думал, что уже все. Отхрюкалась...

Но запас жизненных сил у лесной купчихи оказался немалый. Даже удар искрометного гнева Сестры-Молнии — самой несдержанной из Победивших, которые все, как один, отличаются вздорным характером, — ее не прикончил. Очухалась, вскочила, извиваясь в воздухе сарделькообразным телом и нелепо размахивая всеми шестью копытами, однако вместе с большей частью щетины утратила и боевой настрой.

Покуда мы скатывались к ручью, но теперь уже своей волей, перепуганный свинский визг с немалой скоростью удалялся в противоположном направлении, пока вовсе не стих.

Эльфи, как оказалось, не смогли удержаться от того, чтобы не прополоскать свои гривы, никак не оседавшие и явственно отдающие паленым. Я тоже плеснул в физиономию пару пригоршней прохладной водички и растерся ладонями. После всего полезно.

Опомнившись немного, я все же поднялся обратно на обрыв. Опаленный молнией, каштан слабо чадил под последними каплями недолгого дождика. Большая часть листвы и орехов с него облетела, под ногами похрустывал бурый ковер, кое-где источающий хилые дымки.

А с ветви, которая послужила нам недолгим прибежищем, все еще свисал кулек из моей банданы! Обуглившейся до лохмотьев, дымящей, как огрская печь, но все же относительно целой. Изнутри же сетчатого мешка, перебивая запах гари, шел исключительно вкусный дух готового жарева. Похоже, мы и без костра обошлись...

Я подцепил мешок тесаком и на вытянутых руках потащил вниз, к выбранному загодя местечку. Эльфи с восторгом отнеслись к факту сохранности и нечаянной готовности нашего обеда. От всего пережитого на голод пробило уже не только меня.

Келла еще сбегала, набрала на гарнир прожарившихся каштанов. Каюсь, мне это в голову не пришло, да и руки

заняты были. Зато Хирра по наитию нашла весьма подходящие в качестве тарелок листья лопуха, промытые от пыли вовремя случившимся дождиком. Вилки-рогульки срезала тоже она. Нет у темных эльфов пиетета перед живыми деревьями...

В общем, спустя полдюжины минут мы уже уписывали вкуснейшую поджарку. Как на лучшем искровом гриле сготовленную. Сидели на толстом бревне, сохли и наслаждались. Пусть не там, где собирались приступать к обеду, не так, как думали, и всяко не после того, на что надеялись, отправляясь на прогулку.

Но от того было не менее здорово.

После обеда посидели еще часок, неспешно болтая обо всем помаленьку. Между нашими семьями оказалось куда больше общего, чем я ожидал. Похоже, Древнейшие с изначальных времен жили так, как по чистой случайности наладили быт мы с женой — слегка суматошно, но весело и без особого напряга. Не в пример прочим Инорожденным, чьи житейские выверты по всему Анариссу служат притчей во языцех.

Обратно мы тоже не торопились. Неспешно брели, едва ли не медленнее, чем к каштану. Добрались, когда окончательно утвердившееся в своих правах солнышко ощутимо перевалило на закат. И лучше бы вообще не возвращались...

В наше отсутствие кто-то потрудился над оставленным без присмотра лагерем покруче, чем мы сами над кабаньим гнездовьем. Картина разрушений впечатляла: что стояло, лежит, что лежало, во все стороны раскидано. В основном кусками и осколками. Шатер на остатках изломанных прутьев висит лохмотьями — только серебряное шитье с разлохмаченных краев искорками вьется по ветру.

Но это все ничего, если бы не главное — истрепанные седла обоих гекопардов и какая-то неопрятная куча за бывшим шатром. Над ней уже начали крутиться с пронзительным жужжанием крупные зеленые мухи-плакальщицы. Запасы жратвы на пикник, что ли? Непохоже...

Присмотревшись, я понял, что это. Полуобглоданная туша рогача Келлы. Со следами ТАКИХ зубов и когтей... Нехилая

зверюга потрудилась. Ту же кабаниху за полминуты разделает — все шесть ног врозь и голова на студень.

Все это я успел передумать за какую-то пару секунд, пока стреломет из-под мышки тянул да «козьей ногой» взводителя лязгал. Одновременно с тем тихо, но убедительно бросив короткий приказ спутницам, не менее моего потрясенным зрелищем:

— Ну-ка, девочки, за спину быстро! В «треуголку»!

Коротко обернувшись, я убедился, что меня услышали. Видны были только встрепанные загривки обеих. Хирра, умница, еще и свой стреломет вытащила. Но больше всего меня поразило то, что Келла тоже поняла приказ.

Хотя за две сотни лет можно научиться многому. Откуда мне знать, как выглядят детские игры эльфов? Может быть, их «войнушки» включают в себя полевой устав Меканских бригад.

Так или иначе, перегруппировку эльфи отработали как никогда вовремя. Крона здоровенного дуба неподалеку подозрительно затряслась, как будто там завозился кто-то размером с того же рогача. Только желуди посыпались да листья вырезные полетели. Пожалуй, стрелометом дело не обойдется. Если Хирра опять потащит из-за пояса магический жезл, препятствовать не стану. А то и сам попрошу, пока дело до развязки не дошло.

Жезл с запаленным на нем синим пламенем готового к применению заклятия вплыл в поле зрения с правой стороны. Слева проявился стреломет моей высокородной в руках нашей гостьи. К слову, направленный на дуб вполне умело, с необходимым возвышением. До верхушки отсюда, снизу, ярдов полсотни будет, стрела в изрядный уклон пойдет, если что. А тут ствол как раз по уставу задран, чтобы на нижних ветвях зверюгу подсечь. С пониманием сделано...

Из дубовой листвы высунулась оранжево-алая морда Шипучего, а следом, с опаской, изящная снежно-синяя Белой. Гекопарды, нашедшие в кроне дерева убежище от неизвестного агрессора, почуяли хозяев. Слава Судьбе, обошлось. Пока что.

Добрую дюжину минут Хирре, прилагая весь свой родовой талант обращения с животными, пришлось уговаривать скакунов спуститься. Отчего-то мы больше не внуша-

ли им доверия в качестве защитников. Отходя от страха, не маленькие и сами от рождения не то чтобы травоядные, звери тряслись так, что с дуба не просто листья с желудями — веточки сыпались. Однако слезать все равно не торопились.

Теперь мы с Келлой занимали страхующие углы «треугольки» со стрелометами на изготовку и, сторожко водя стволами, оглядывали разоренный лагерь и опушку, с которой только что вышли. Не знаю, как дедову внучку, а меня при этом занимала одна-единственная мысль. О гекопардах, конечно же. Почему ненадежные ветки показались им более удачным убежищем, нежели высокие скалы, недоступные обычному хищнику?

Ответа не было. По крайней мере, на данный вопрос. А вот прояснить источник неожиданных для эльфийской янгледи Древнейшей Крови воинских умений между делом можно. Как раз самое время, а то от излишнего мандража мы сейчас на пару начнем поливать округу стрелами из всех четырнадцати стволов моей офицерской и Хирриной эльфийской машинок.

— Слушай, ты отчего так со стрелометом привычно, прямо по уставу? И строй держишь, как сверхсрочник...

На лесть взрослого Древнейшая эльфочка повелась с готовностью любого подростка. Или причин запираться у нее не было, опыт еще не подсказывал свои секреты, большие ли, малые, при себе держать.

— С нами так дедушка играл в лесу. Со мной и сыновьями арендаторов. Гонял всех, — Келла сжала кулачок и потрясла им. — У-ух как!

Понятно. Предположение о детских играх оправдывается. Что же до участия в таковых арендаторских сынков... Тоже верное решение. Чем без толку шляться, все при деле будут. Заодно и гвардия для наследницы подрастает, хотя бы на первое время. А дедушка этот не то что Меканский полевой устав, а и кодекс Священного Воинства Хтангской династии может знать наизусть. Причем последний на собственном опыте.

Так что арендаторам семейства Ирийорр можно лишь позавидовать. Малолетняя эльфь — идеальная подружка для игр, передаваемая по наследству от поколения к поколению.

В детстве она играет с тобой самим, потом с твоими детьми — может быть, на год постарше, а следом и с детьми детей. Ну, а с правнуками, наверное, будет уже целоваться в стогу. Правнукам потяжелее придется.

Триста лет детства и юности, до самого совершеннолетия, можно провести на редкость разнообразно, исподволь приучая краткоживущую челядь к будущей хозяйке владения. При соответствующем воспитании, конечно.

У дедовой внучки воспитание как раз соответствующее. Как будто и не Инорожденная совсем, не эльфийская дива — нормальная девчонка из безбедной семьи. А закидоны, вроде пикника этого, на возраст списать можно. Сестренки Джинго покойного, помнится, еще почище дурили. Ну да и сам он с изрядной придурью был...

Жена наконец сумела успокоить и оседлать скакунов. Пока она страховала всех, держа в одной руке магический жезл, а в другой оба повода, мы с гостьей собирали то, что уцелело после налета неизвестного разорителя на лагерь.

Все съестное, включая гекопардий сухой корм, было если не истреблено на корню, то попорчено, разбросано и затоптано. К счастью, ручная баллиста и припас к ней голодного, судя по всему, хищника не заинтересовали. Три складных стула тоже. А вот от стола и шезлонга почти ничего не осталось — раздавлены в блин, да еще когтями подраны в порядке выражения недовольства надежностью. Не иначе, отобедав, разбойник хотел с комфортом расположиться на отдых. Как трансальтийка Марьхен в пещере трех горных медведей из тамошней народной сказки...

Чем ему шатер не угодил, уже не так понятно. Наверное, просто большая штуковина, вяло шевелящаяся под ветром, показалась опасной. Вот и разнес в клочья.

Так что собирать было особо нечего. Перед тем как отбыть с места неудавшегося пикника, я отдал Древнейшей один из своих стрелометов и половину пачек стрел. Ей по руке больше подойдет, чем здоровенная машина моей высокородной. Да и вообще оружие хозяина любит. Эльфочка приняла обмен с пониманием и умело приспособила метатель в одну из петель на поясе.

Образовавшийся мусор спалили в кострище, а остатки туши рогача кинули так. Не стоит оставлять без работы лес-

ных падальщиков. В мертвой плоти животного ничего неестественного нет, так что и прибирать за собой ее особо не надо.

Напоследок Келла, покопавшись в седельной сумке, извлекла довольно большую разборную флейту, серебряную со слоновой костью. Соединила части на щелчке с поворотом, продула и заиграла что-то печальное, зовущее, наподобие «Дальнезападных Снов» или «Полета Дактиля». Не знал, что среди ее талантов и музыкальному место нашлось. Красиво. К чему бы только?

Хирра посмотрела на гостью неодобрительно. Понимаю жену — сейчас не до музыки. Завершив короткую мелодию и отняв от губ флейту, гостья только плечами пожала, чуть виновато улыбнувшись, когда вешала инструмент на цепочке через плечо.

После этих импровизированных поминок по одному из наших скакунов делать на месте его внезапного упокоения было уже нечего. Мы, особо не торопясь, но и не ослабляя внимания к обстановке, вскочили на гекопардов — я на Шипучего с ручной баллистой на изготовку, эльфи вдвоем на Белую.

Вечерело, солнце едва прогревало воздух нежаркими закатными лучами. В тени так совсем уже прохладно стало. Эльфи извлекли из седельных сумок куртки — жена лаковую черную, гостья песочную замшевую в бахроме, наподобие цизальтинской. А мне и в рейнджерской камуфлированной не холодно было. Тем более после того, как прокрутил ворот хтангского метателя, взводя колоссальный лук.

Дурное это предчувствие или хорошее, а в дело его пустить, похоже, придется.

Парой миль спустя путь оказался ненадолго зажат между двумя круто вздымающимися скальными стенами — извилистыми, с двойным изломом, словно руна предопределения. Гнать скакунов поверху никакого резона не было, тем более что у меня в руках тяжелый и неудобный груз, а у Хирры так и вовсе непристегнутый седок за седлом. У гекопардов вообще рефлекс — при незатянутых ремнях безопасности самым тихим шагом идти, а то и вовсе с места не трогаться.

Тень затянула ущелье почти до самых краев, лишь каменные зубцы гребней еще озарены оранжевым вечерним светом. Смотрится здорово, только беспокойно на сердце от всей этой красоты. Самое подходящее место для засады...

Камни дороги гулко стукнули под резким ударом. Стремительный и гибкий блик разорвал тень прямо перед нами. Глухое рычание заставило гекопардов с дрожью прянуть назад. Лишь потом прозвучал окрик моей высокородной:

— Стой!!!

Она натянула повод одной рукой, другую заведя за спину, чтобы поддержать гостью.

— Берегись! — Мой отзыв, едва ли не в унисон, тоже запоздал. Руки уже сами собой тянулись к оружию.

Силуэт крупного животного проступил из тени, как иллюзия из глубин хрустального шара. Жутковатый в своих текучих движениях, абсолютно уверенный в себе. Эта его повадка мне особенно не нравилась. Хищник — а кем еще мог оказаться столь решительный зверь? — обещал оказаться хуже всех моих опасений...

И ведь накаркал, как предвыборный крикун кандидата. Тут тебе разом и засада, и ответ на вопрос, кто разгромил брошенный нами лагерь.

Дорога оказалась перекрыта самым решительным образом. Недавний разоритель нашей стоянки явился во плоти — чешуйчато-перламутровой, поджарой и мускулистой, снабженной всем необходимым: когтями на пружинистых лапах, зубами в пасти округлой морды засадного хищника, изящным хвостом в грозных шипах и вдобавок крыльями. Вот, стало быть, кто это...

Дракон. Кошачьего рода, хоть и летающий. Дракот, стало быть. Дюжина футов, не меньше, от носа до хвоста, и раза в полтора больше в размахе крыльев.

Способность к полету не всякому дракону от общего на всех них отца передается. Эта примета Перводракона наследуется только отпрысками зверюг, что сами собой на подъем легки, в воздухе и без крыльев уверенно себя чувствуют. Кошки почти все таковы, кроме львов и манулов, конечно. А леопарды всякие, пумы, рыси... Так что правильно.

В присутствии хозяев верховые звери вели себя похрабрее. Дрожали только. Однако разошлись к обочинам, пови-

нуясь легкому движению поводьев, чтобы в случае броска дракота не сбиться в кучу. Но на скальные стены лезть не торопились...

Теперь понятно, отчего гекопарды давеча в дубовые сучья поглубже забились. На скале-то дракот их мигом мог сцапать. Как изголодавшийся крикун суслика. Хоть и поменьше будет ростом и весом, да хищник прирожденный, а те-то домашние, всеядные. Из всякоедов только человек опаснее любого хищника.

Что, похоже, придется подтвердить в самое ближайшее время, посредством предусмотрительно, как теперь выходит, прихваченной на пикник ручной баллисты. А я-то думал — потешу эльфей фейерверком из мелких файрболов...

Вот и потешатся. Особенно Келла. Дедова внучка аж со спины гекопарда за седлом жены спрыгнула, чтобы ничего не пропустить. И то хорошо, Хирре маневр стеснять не будет. Словно того и дожидаясь, я перекинул хтангский метатель из-за седла на плечо. Защелкали предохранители, освобождая боеприпас и отпирая спусковой механизм.

Жена тоже привела в готовность памятный мне шестиствольный стреломет. Теперь оба были готовы к поединку со зверем драконьей крови. Все внимание было обращено к нему, и нашу гостью мы как-то упустили из вида, полагаясь на ее способность позаботиться о себе. Как выяснилось, совершенно напрасно.

Вместо того чтобы держаться подальше, несмышленая эльфь медленно шла между гекопардами вперед, к зверю, шажок за шажком приближаясь к тому опасному пределу, когда ни один из нас не сможет прикрыть ее. Да еще руки расставила, словно балансируя, в успокаивающем жесте, обращенном почему-то к нам, а не к дракону кошачьей породы...

Что-то уж слишком она вперед вылезла, не к добру это. И так зрелище не уйдет. Надо бы одернуть, пока не поздно...

Я успел только открыть рот. Сверкающей молнией дракот метнулся прямо к зарвавшейся Древнейшей, ухватил за шкирку, как котенка, и тут же метнулся прочь. Цап — как и не было. Только хлопанье крыльев от каменных склонов отдается, да листва, ветром сорванная, медленно кружит.

Пара стрел, выпущенная моей высокородной, дрожала в земле между нами. Сам я, к счастью, выстрелить так и не ус-

пел. Файрбольная шрапнель таких дел могла наделать в замкнутом пространстве ущелья!

— За ней! — озвучила общую мысль Хирра.

Свою реплику, ничем не отличающуюся, и набор скоропалительно скопившихся ругательств я проглотил вместе с порывом ветра, хлестнувшего по лицу. Мы бросились в погоню, не задумываясь, без страха и размышлений.

Испугаться толком просто не получилось. Скорее разозлился мгновенно, следом кинувшись. Моя высокородная не отставала, и, ненароком бросив на нее взгляд, я узнал давно не виданный оскал охотницы, вставшей на тропу. Я, похоже, выглядел ничуть не лучше. Охотничий Клуб никому даром не проходит...

Гекопарды стелились по склонам, то и дело выхлестывая на гребень, чтобы дать седокам осмотреться. Похоже, наше с женой настроение передалось и им, заглушив страх перед магическим хищником. Однако дракот уже скрылся из виду.

Ничего, далеко не уйдет. Его крыльев только на свой вес с избытком хватает, а с такой добычей и вовсе быстро выдохнется. Эльфь-подросток будет помассивнее почти любой взрослой женщины человеческой крови. Кроме совсем толстух, да те редко такого роста бывают.

Тем не менее зверь, похоже, оторвался. Придержав гекопарда, я поднял руку, предостерегая Хирру от продолжения незадавшейся погони. Долгую дюжину минут мы отходили от преследовательского пыла, дожидаясь, пока гекопарды прекратят взволнованно поводить боками, а у самих перестанет стучать в ушах кровь.

Эх, стемнеет скоро. Без света на след сложновато встать будет. Ничего, по иным приметам пойдем. По запаху. Или... Или на звук?

Откуда-то издалека донеслись знакомые трели. Странный способ подать весть о себе, да и не должен бы тихий звук так далеко разноситься. Видно, вещица не простая, под заклятием.

Впрочем, сейчас не время задумываться над такими тонкостями. Главное, настичь хищника, пока тот торопится и еще не причинил дедовой внучке ничего непоправимого. Что после этого снимет с нас ее многопрадед, кроме головы, шкуры и стружки в тысячу слоев, тоже лучше не думать. Если уж у

обычных эльфов, Дня и Ночи, для этого способов немерено, то Древнейшие, с их на порядок превышающим опытом, должны быть экспертами в этом вопросе.

Меня другое заботило. Почему Келла оружие в ход не пускает? Боится, что ли? Непохоже — умения для этого ей хватит, если по уже проявленному судить. Впрочем, одно дело тренировки, хотя бы и столетние, а другое — реальный страх, когда смерть и увечье — вот они, уже стиснули тело отточенными зубами.

Хотя, конечно, бронированную шкуру дракота обычный офицерский стреломет тоже не факт, что пробьет. Тут разве что мой метатель с гарантией одолеет чешую шестифутовым гарпуном. Впервые с отбытия из дому я пожалел, что мы не взяли с собой Харма. Пес-кадорг заломал бы дракона без труда, если б на земле застиг...

Определив направление по повороту морд гекопардов, отличавшихся чутким слухом, мы с женой, не сговариваясь, послали зверей вдогонку, держа на острый каменный клык, возвышающийся над всхолмленным ковром крон.

Будь я дракотом, только там бы гнездо и устраивал. Еще раза в полтора повыше был бы скальный выход, и запросто можно на нем замок Властителя строить. Что по удобству, что по расположению.

Так дракон и есть Властитель, только не полноразумный. Округу держит не хуже любого высокородного, либо дорассветного бугра, если на городские реалии перекладывать. По отцу, Повелителю Небес, всякий дракон не только шести разумным расам кровный родич, но и богам эльфийским. Аристократ среди живого, которому и разум-то полный, не унаследованный от родителя, без особой нужды.

У подножия каменного столба мы придержали скакунов. Вполголоса, словно похититель Древнейшей мог затаиться поблизости, я вдруг, демоны его знают, почему, спросил Хирру:

— Ты как, не поговорила с ней насчет заклятия на кадавре?

С кем именно, было и так понятно. Не с дракотом же — он, судя по всему, мужского рода.

Моя высокородная разом перестала озираться по-звериному и раздувать ноздри. Вот и ладно, а то чересчур сильна в

ней Охотница — погоня горячит кровь не на пользу делу. Самто едва держусь, а у жены, понятно, такого печального опыта куда больше. Лет на сто с лишним, если точнее. Так что самое время опомниться и действовать обдуманно...

— Да... Как-то не получилось, — чуть виновато кивнула темноэльфийская дива, словно ее поймали на детской шалости. — Но я постараюсь...

— Ладно, не бери в голову, — успокоил я ее. — Не до того теперь...

Граница тени, стирая неровности рельефа, стремительно ползла вверх по склону, подгоняемая солнцем, которое готовилось провалиться за горизонт. Здесь, внизу, уже совсем стемнело. Куда лезть в поисках гнездовища, с ходу и не видно. Тут надо бы какого-то указания дождаться, прежде чем напролом переть. Или все же самим раньше себя обозначить...

Приняв решение, я натянул повод, сажая гекопарда, чтобы седло на холке поднялось повыше. Затем задрал лоток метателя на пол-отвеса к горизонту, над самой вершиной когтя, и выжал долгий, под эльфийскую руку, тугой спуск, чтобы разом сменить боеприпас на более пригодный, осветить местность и подать знак о своем присутствии. Держись, мол, помощь близка.

Тетива ударила резко, с басовым звоном. Эксцентрик на нижнем роге прокрутился, срезая траву не хуже отточенного серпа, вымпел на верхнем стегнул небо прихотливым зигзагом. Огневая трубка ушла вверх по крутой дуге и над самым изломом вершины сработала, выпустив рой разгорающихся точек файрболльной шрапнели. Медленно, по сравнению с жестяным корпусом снаряда, падающие огни разорвались один за другим, с частым грохотом вспухая раскаленными шарами.

Никакой герольд не сумел бы лучше объявить наш выход и передать вызов. Не одни Инорожденные здоровы понты кидать...

В ответ донесся знакомый пересвист успокаивающей, тягучей мелодии. Та же флейта, что и в самом начале. Ну дает дедова внучка! Нашла время музицировать!

Приметив, откуда примерно исходят неуместные вроде звуки, я упер шпору ручной баллисты в каменистую осыпь перед собой и бешено закрутил рукоять взводящего ворота.

Жена тоже пару раз с лязгом качнула «козьей ногой» своего стреломета, сжимая спущенные при предыдущих выстрелах пружины. Снаряды в наши метатели мы вложили почти одновременно. Только у нее это были обычные шестидюймовые кованые болты для эльфийского стреломета, а у меня — пресловутый бронебойный гарпун в дюжину раз длиннее, от которого и неживому шасси Харма не поздоровилось бы.

Вот теперь готовы. Едва заметными шенкелями мы послали скакунов вперед. Те пошли легкой иноходью, без видимого труда ускоряясь по все более крутому откосу. Как тесайрские кавалеристы на эпиорнисах в атаку по трясине, разве что не с шашками наголо, а только с метательным оружием.

Не знаю, как мы обошлись бы без гекопардов, с обычными скакунами, вроде тех же рогачей. Но даже вездеходные верховые звери не всемогущи. Обогнать закат им было не под силу. Когда мы вымахнули на последний перед вершиной крупный уступ, солнце вспыхнуло прощальным лучом и скрылось до следующего дня. Только острие каменного клыка сверкнуло напоследок.

Демонясь, я зашарил по карманам в поисках источника света. Жук-фонарник хорош в замкнутом пространстве, а на открытом, выхватывая из сумрака ограниченный кусок, все прочее погружает в непроглядную темь.

Вот, нашел, кажется. Мячик тестера магии. Если его настроить на постоянное излучение света и отсутствие веса, сработает не хуже фронтового осветителя — такой штуковины вроде файрбола с мелкой легкометаллической пылью в составе огневого тумана, которая в тлеющем режиме может висеть над позициями до часа, заливая все яростным, резче дневного, сиянием.

Ну, такого нам не надо. Я заклял тестер на неяркий синий свет, ничуть не слепящий, но зато озаряющий призрачным голубоватым мерцанием все на долгие десятки ярдов вокруг. Да еще добавил функцию следования, чтобы в суматохе не потерять невесомый ныне источник света.

Флейта запела вновь, как-то особенно требовательно и настойчиво. Совсем вблизи, где-то слева по грани карниза. Ничего, мы уже спешим на выручку.

Звук, вновь оборвавшийся спустя недолгое время, исходил из устья изрядной пещеры. Разделившись, мы зашли с двух сторон — я по ближней стене, Хирра по своду напротив. На счастье, условные знаки штурмовых команд мы оба знаем назубок, так что переговорами зверя не спугнем.

«Вперед до контакта в прямой видимости», — означало движение моих рук над холкой гекопарда. «Принято-подтверждено», — коротко отмахнула в ответ жена.

«Исполняй!» — завершил я наш немой диалог вроде бы правильным знаком. Но в ответ дождался довольно сложного и вдобавок не совсем приличного жеста: «Не болтай... ничем попусту!!!»

Откуда эльфи знать фронтовой жаргон? Хотя... у городских наемников, работавших загонщиками в Охотничьем Клубе, вряд ли в ходу какой-то иной. Вот и нахваталась. Интересно, а смысл выражения-то ей знаком?

Ладно, это и потом выяснить можно. Если вообще нужно будет.

Легким тычком длинного плеча баллисты удалось послать светильник прямиком внутрь расселины, как шар для пикпока в дыру сетки. Уходя вглубь, он словно нанизывал арку за аркой на светящийся след, покуда не выплыл в обширный зал. Сталактиты, сталагмиты, прихотливые промоины в стенах — все засверкало бликами, приняв неестественно-синий оттенок освещения.

Гекопарды разом встали, вырвавшись на оперативный простор. Погоня закончена, перед схваткой неплохо бы оглядеться и отдышаться. Хорошо хоть более подробная разведка перед боем не нужна — цель поисков и так отлично видно. В тупике дальнего угла наконец-то обнаружились и похититель, и его жертва. Причем последняя — в полной сохранности, если не считать замшевой куртки, изрядно пострадавшей от зубов дракота. По большому счету, от той уцелели лишь манжеты, воротник и пояс, все остальное висело полосами, неотличимо от прежней бахромы. Да флейта попрежнему оставалась в руках дедовой внучки, словно у хисахского заклинателя домашних дракончиков.

Вот только двенадцатифутовый хищник — это вам не запросто приручаемая факирами зверушка, а кровь от крови Повелителя Небес. Завидя нас, дракот, который до сего време-

ни лежал в ногах пристроившейся на камне эльфочки, приподнялся и утробно заурчал, не подпуская к добыче. Ничего, недолго ему куражиться...

Сдвинув последний предохранитель со спусковой скобы, я навел хтангскую ручную баллисту на трофей, достойный уникального оружия, и на мгновение кинул взгляд вверх, желая убедиться, что плечо лука, распрямляясь, не заденет свод. В дюжине ярдов выше моя высокородная прикрывала верхний сектор своим стрелометом. Только угольная грива колыхалась на весу.

Оттого, наверное, я и не уловил, когда Келла кинулась между мной и драконом, обхватив того за шею.

— Не тронь котика! Он теперь мой! Не дам! — заорала Древнейшая, прикрывая зверя своим телом, и напоследок выпалила совсем уж несообразное: — Я сама поймала!!!

Ага. Это кто кого поймал, если припомнить. Но мнение моей жены, мягко соскочившей вниз на своей Белой, совпадало с капризом гостьи.

— На драконью флейту? — прозвучало скорее утверждением, чем вопросом.

Дедова внучка в ответ лишь кивнула и ухмыльнулась во весь рот совершенно обезоруживающе. Во всяком случае, я опустил баллисту, когда увидел, что на подобное панибратство с ее стороны дракот реагирует полной покорностью. Не добычу — хозяйку новую защищать кинулся. Только мурлыкнул при этом глухо и уперся широким лбом в плечо.

Драконья флейта... Значит, серебряный инструмент и вправду заклят. Только не на одну лишь сверхдальную слышимость, а еще и на резонансную сонастройку телесных ритмов определенного вида живых существ с таковыми у исполнителя несложных мелодий. Проще говоря, обрекает злосчастных драконов на зависимость от присутствия, самочувствия и настроения потенциальной владелицы.

Надеюсь, во всяком случае, что только драконов. А то у меня при серебристых переливах флейты, помнится, тоже кое-что в душе шевельнулось.

Будем надеяться, что это был лишь музыкальный вкус. Подсесть на зависимость от сумасбродной девчонки Древнейшей Крови в мои планы как-то не входило. Будь мы

хоть дюжину раз обручены прихотью ее странноватого многопрадеда.

Хотя чего-чего, а музыкального вкуса в себе я никогда не замечал...

За мрачными размышлениями оказался упущен момент, когда Келла подняла зверя и без седла уселась ему на жесткий загривок. Что ж, разумно. Ее скакуна как раз новый любимец задрал, так пусть теперь и отдувается. Во всяком случае, я, как никогда, готов был снять с себя всякую ответственность за эльфь, взбалмошную выше всякого мыслимого предела.

Наверное, почуяв это, вслед за нами из пещеры она выехала тихонько-тихонько. А может быть, просто не хотела пугать наших гекопардов, и так натерпевшихся страха от ее нового скакуна. Или не была еще полностью уверена в своей власти над ним.

Так или иначе, весь путь обратно до замка, до самого рассвета, эта странноватая парочка вела себя тише смерти, незаметней времени. Лишь в прямой видимости дома эльфочка подъехала поближе с попыткой подластиться.

— Ты Харма придержишь, пока я их знакомить буду, а? — заискивающе заглянула мне в глаза Древнейшая.

Представляю себе это знакомство... В ответ я только кивнул насупленно. Что уж теперь делать, разумеется, придержу.

— Прости, что доставила такое беспокойство, — продолжала подлизываться хитрюга. Ей это отчаянно не шло. Поэтому, чтобы прекратить неуместное поведение дедовой внучки, пришлось снизойти до шутливого в корне ответа:

— Вы, Инорожденные, сами по себе — одно довольно большое беспокойство.

Реакция Келлы потрясла меня. Куда делась вся предупредительность и жажда понравиться!

— Мы не Инорожденные! Мы Рожденные, как вы, люди, и прочие расы!!! — перебила меня эльфочка, не дослушав безобидной шутки, хлестко, как пощечиной, оборвала.

— Эльфы?! — не понял я. — А как же...

— Только Древнейшие, — снизошла до объяснения она. — Те, кто не отрекся от Породителей. От Отца и Матери, Перводракона и Первофеникса.

— Ну извини... — Промашка дошла с опозданием.

— Ничего. При дедушке смотри не перепутай. — Сменив гнев на милость, Келла коротко отвернулась и добавила: — Я не хочу, чтобы он на тебя обижался...

Это уже что-то новенькое. Причем не только в области титулования эльфийских родов. Дедушкина внучка выглядела слегка смущенной. Аж целых десять секунд.

Впрочем, ничто прекрасное не длится вечно. Келла пронзительно свистнула, пришпорила голыми пятками бронированные бока дракота и унеслась вверх по склону, к замку, оставив потенциального мужа и господина в традиционном замешательстве.

Не скажу, что на сей раз удалось справиться с ним легче, чем в любой из прошлых. Привычка нарабатывалась не в том, чтобы меньше страдать от закидонов Древнейшей, а в том, чтобы скорее находить на них собственные нестандартные реакции. Временами диковатые, а временами даже полезные. Как на сей раз, надеюсь.

Глядя вслед удаляющемуся дракоту с его всадницей, я дал зарок по возвращении заказать летающий бот. И нам безопаснее, и загрызть его трудновато. Хотя неизвестно, кого Келла приманит на следующей прогулке. Не исключено, что исполинскую землекройку.

Эта и замóк загрызет, не подавится...

3
Цена и ценность

Нечего ждать, некому верить — икона в крови,
У штаба полка в глыбу из льда вмерз часовой,
А двое не спят, двое дымят папиросой любви,
Им хорошо, станем ли мы нарушать их покой...

Сутки с лишним после пикника с громом, молнией, а также стрельбой, погонями и одомашниванием магических животных мы отсыпались. С рассвета, когда приехали, и почти до следующего полудня. Я с Хиррой — вповалку в супружеской постели, а Келла — у себя в обнимку с новообретенным

домашним любимцем. Дракот хоть и не пушистый, но все же кошачий, и вольготному сну весьма способствует. Как диванчик из змеиной кожи с подогревом. Да еще со встроенным мурлыкателем для низкочастотного массажа...

Очередные беспокойства начались только на следующее утро. Отоспались ненаглядные наши, что кот драконий, что его хозяюшка. Не на беду, так на полное изматывание нервов. Сразу же после завтрака Древнейшая и ее зверюга на пару принялись осваивать владение Стийорр. Проще говоря — играть по коридорам в догонялки да устраивать в залах пробные полеты. Сколько всего они перебили, я предпочел не задумываться. Просто запустил программу самоочистки помещений на обновление всей утвари раз в полчаса, а антикварные вещи поставил под «защиту от нежелательного вторжения». Ползамка с ходу озарилось свечением сберегающих куполов. Стандартная мера при осаде серьезным противником.

Однако лучше после этого не стало. Скорее наоборот. Теперь мы с женой вздрагивали на пару, услышав очередной звук срабатывания магической защиты: «Бз-з-здуммм!!!» — низкий, басовый гул охранного купола, и лишь потом восторженно-звонкий возглас Келлы: «Ой! Ух ты!!!» И в довершение всего — громовой мяв дракота и чирканье крыльев по стенам, стремительно перемещающиеся по галерее из конца в конец замка. Примерно раз на двадцатый моя древнейшая, страдальчески прижав пальцы к вискам, поинтересовалась:

— Нельзя их куда-нибудь отправить? Подальше...

Жалко ее при этом было до крайности.

— Куда?! — В ответ я мог лишь пожать плечами. — Они и на глазах-то что угодно сотворить способны, а без присмотра... Сама понимаешь.

— Куда хочешь!!! — На Хирру в этом состоянии доводы разума уже не действовали. — Во двор! На улицу! Гулять!!!

Как ни странно, желанья гостьи и хозяйки дома в этом совпали. После обеда, видимо поняв, что в доме больше ничего капитально не разнесешь, дедова внучка вырвалась на оперативный простор — разведывать предмостный дворик, внутренний сад и далее вплоть до шпиля донжона.

Очень скоро сделалось ясно, что снадобье здесь оказалось хуже самой хвори. Приблизительно в тот момент, когда мимо

окна кабинета, где я скрывался от ответственности, вниз пролетело нечто массивное, странной формы, и с далеким грохотом разлетелось в куски на уступах пика, который венчал собой замок.

Сбить кровлю, башенку или скульптуру дракот никак не мог. Темноэльфийские строения тем и знамениты, что после наложения заклятий окончательной сборки срастаются в монолит. Из разных материалов и конструкций — в единое целое. Осадный кадавр, с его многотонным усилием приводных цепей, еще смог бы отломить кусочек, но уж никак не существо из плоти и крови. Кроме исполинской землекройки, конечно...

Ни на самого зверя драконьей крови, ни на его всадницу куски, сыпавшиеся вниз с завидной регулярностью, тоже никак не походили. Как формой, так и размером. Кроме того, судя по грохоту когтей по кровле и восторженным взвизгам, ни тот, ни другая никакого вреда не потерпели.

Спасибо Судьбе, после всех прежних приключений я обзавелся амулетом защитного заклятия наподобие тех, что нынче спасали антиквариат внутри замка. Так что показать нос из окна, чтобы поинтересоваться ходом дел у гостьи, можно было без особой опаски. В крайнем случае, услышу очередное «Бздуммм!» да отчасти увижу вспышку энергии удара, сброшенной в виде света — выше безопасного предела заклятие и ее отсекает.

На мою удачу, Древнейшая как раз перебралась на соседнюю башню. Дракот тут же деловито принялся что-то скрести и разбрасывать лапами. Очень скоро и оттуда полетел тот же мусор.

— Что вы там громите?! — проорал я во всю мощь легких.

Стесняться в выражениях уже как-то не получалось. Но Келла отнеслась к моему раздраженному любопытству с пониманием. Или расстояние сгладило истеричную интонацию моих слов. Так или иначе, отозвалась многоправнучка в высшей степени дружелюбно и радостно:

— Крикуньи гнезда-а!!! Котику их отколупывать нравится-я-я!!!

Ну да, конечно. Что еще могло остаться на крышах, регулярно очищаемых заклятиями? Только эти сооружения из слюны и помета голосистых тварей, что держатся на любой

поверхности крепче всякого цемента. Обычная магия их не берет, а от специального заклятия «Жабьей Песни» у всех обитателей жилища неделю зубы болят и молоко во всем доме киснет...

Так что, по идее, я должен еще и благодарен быть дедовой внучке за развлечение, совмещенное с работой. Сколько труда и терпения сберегла... Вот только почему-то не получалось испытывать эту благодарность.

Скрипнув зубами, я захлопнул ставни стрельчатого окна. Но даже сквозь рассеченное декоративным переплетом огромное стекло было видно, как дракон с отчаянной всадницей перескакивают с башенки на башенку оборонного контура и вьются вокруг крыш, с упоением очищая их от следов времени. От такого зрелища даже голова закружилась слегка. Впору самому заскулить, как Харм.

Пес-кадорг во всех этих играх участия не принимал, опасливо жался поближе к нам с женой, особо не доверяя драконе. И зря, по-моему. С Хармом новый обитатель замка изначально установил вооруженный нейтралитет — слишком уж явственно тот ревновал гостью к новому любимцу, занявшему все ее время.

Особенно это было видно за ужином, когда Древнейшая без стеснения лупила по носу драконьей флейтой лезущего на стол зверя. Без малейших последствий для себя. А тот уже достиг полной кондиции — обожал и слушался одну лишь хозяйку. Хирра сумела найти с ним хоть какой-то общий язык лишь в силу родового таланта. Меня же дракот подчеркнуто игнорировал. Видимо, никак не мог простить хтангскую баллисту. Так я же ее в ход не пустил, чего тут обижаться...

Наутро нам с женой стало ясно, что еще одного такого денька мы не переживем — опустеет замок, прервется династия. Поцеловав Хирру перед тем, как одеться, я невесть отчего виновато прошептал:

— Похоже, пора переходить к плану «Бет»...

— Какому еще плану? — изумилась моя высокородная, от непрерывного нервного напряжения слегка утратившая четкость мыслей.

Пришлось пояснить подробнее. Всего сутки спустя после успешного, слава Судьбе, завершения пикника настало время реализовать вторую идею по организации времяпровож-

дения дедовой внучки — насчет похода по городским лавкам. Чем с новым любимцем наперегонки по коридорам носиться, пускай тот же энтузиазм к торговым рядам прилагает. Там хоть заплатишь, и больше никакого беспокойства. Не свое ведь пострадало...

Как раз и заказанный флайбот с верфи воздушных яхт пригнали. Откладывать задуманное приобретение в длинный ящик я не стал и, пока гостья громила замок верхом на летучем магическом звере, для спокойствия обложился каталогами.

Выбор мой пал на спортивно-охотничью модель повышенной надежности. Вроде армейского штабного ялика с откидным тентом над кокпитом, объемистыми рундуками на юте и крохотной баковой каюткой с резервным терминалом управления для совсем скверной погоды. Чуть тяжелее прочих представителей своего модельного ряда, зато для пассажиров опасности меньше — дуги тента стальные, так что хоть голову не снесет при нештатной посадке. Опять же кадавр-автопилот встроен в корпус незаметной функцией, а не отдельной фигурой, наподобие автокучера в навороченном экипаже. Ничего излишнего...

Конечно, новый флайбот не такой стильный, как похоронная ладья и фамильный крейсер Стийорров. Но для повседневных нужд — лучше не придумаешь. Жена, во всяком случае, одобрила. А гостья так и вовсе пришла в восторг, сразу же запрыгнула на борт и до самого отлета вылезать не хотела. В результате с последним пришлось поторопиться. Так что и получаса не прошло, как мы торжественно отбыли на завоевание Анарисса.

Более всего я опасался, что крылатый зверь увяжется за нами. Но Келла пошептала ему что-то в зубчатые кожистые уши, подула в нос и, почесав переносицу, бросила напоследок — уже в повороте прочь, будучи полностью уверена в послушании:

— Жди, котя!!!

Без малейшего протеста дракон кошачьей породы тут же улегся, свернувшись калачиком на брусчатке двора и утратив весь свой исследовательский пыл. Остался, видимо, налаживать отношения с псом-кадоргом, также выставленным за пределы жилых помещений. Им обоим будет полезно по-

общаться без лишних глаз, не слишком выделываясь перед хозяевами.

Да и во время отлета дракот только проводил немного в воздухе взлетающий флайбот и тут же вернулся обратно. Правду про кошек говорят — похоже, к месту он привязался не менее, чем к хозяйке. Или то, что оная вчера учудила в замке, и было актом привязки к местности?

Зачем только? Неужели и вправду надолго решила осесть?! Впрочем, под впечатлением от приобретения и в предвкушении охоты обеих эльфей за покупками особо задумываться не хотелось. Свои умения дедова внучка доказала с избытком. Захочет, так же переформатирует звериную привязанность под другое местообитание.

Задумываться о чем-либо серьезном сегодня вообще было трудно. Предстоящий день обещал быть исключительно лучезарным, никаких дурных предчувствий. Да и откуда бы им взяться? Последствия пикника меня как-то не насторожили. Одно дело природа дикая, которой я изначально не доверяю, и совсем другое — обжитой, вдоль, поперек и наискось исхоженный Анарисс.

Действительно, ну что может статься с нами в городе?

Торговые ряды подверглись нашему нашествию внезапно и неотвратимо, как Тесайр во Вторую Меканскую. Попомнят лавочники сегодняшний день, славная вышла охота. И без скакунов обе эльфи кидались к прилавкам верховой лавой, едва ли не с визгом и гиканьем — что Древнейшая, что моя высокородная. Видимо, решила оттянуться без оглядки за все переживания минувших дней. Следом продвигался я, словно егерь, добивая измочаленную добычу денежными ударами милосердия. Порой меткий выстрел из кошелька просто чудеса творит...

Охота за покупками получилась то ли облавная, то ли вовсе загонная. Во всяком случае, приказчиков и курьеров мы загоняли порядочно. От прилавков к причалам воздушных кораблей и обратно, за новыми порциями свертков, коробок и футляров.

Кое-что должны были доставить прямо в замок. Не все из закупленного могло влезть к нам на борт просто по размерам.

Я уже и без того опасался, что от очередного парковочного места на крыше какой-нибудь универлавки воздушный кораблик возьмет и не оторвется. Под весом многочисленных трофеев...

За кошелек опасаться мне особо не стоило, да уже и поздно было. С лимитом отведенных на торговое буйство финансов я обошелся просто: стоимость флайбота каждой, поровну. Что себе, то и им. Можно было насыпать и больше — доходы Концерна Тринадцати все покроют. Но надо же и другим покупателям что-то оставить — женщины эльфийской крови оставляли за собой ужасающее опустошение в торговых рядах.

Признаков насыщения они не демонстрировали, даже отбегав по универлавкам и бутикам полную рабочую смену. Во всяком случае, Келла — точно. Хирра-то из подросткового возраста как-никак вышла достаточно давно и до бесконечности поддерживать сумасшедший темп дедовой внучки не могла. Обо мне и говорить нечего.

Та, почувствовав это, предложила разделиться. То ли из сострадания, то ли из нежелания обременять себя балластом. Во всяком случае, повод был подобран вполне нейтральный.

— У меня через неделю день рождения! — заявила эльфочка с совершенно блаженной, доверчивой улыбкой на золотисто-кофейной физиономии.

— И сколько? — совершенно автоматически спросил я. Но пожалеть о вопросе в духе «у женщин возраст не спрашивают» просто не успел.

— Двести двенадцать!!! — добила меня дедова внучка совершенно обезоруживающей откровенностью.

Ну да, она же еще не столько «женщины», сколько «дети». До совершеннолетия, до трехсот лет, осталось немногим меньше восьми десятилетий. Сущий пустяк — два раза по остатку моей человеческой жизни. Лишь тогда эльфь Древнейшей Крови получит собственный магический жезл и полные имущественные права, в принципе возможные для женщины ее расы.

— Надо подарки подобрать! — несколько вяловато, но все же восприяла жена.

— Ага! — кивнула эльфочка, и тут же хитро прищурилась: — Только это поодиночке делать надо. А то сюрприза не будет.

На том и порешили. Однако выпустить ее из поля зрения после всего, имевшего место на пикнике, было просто физически трудно. Как дракоту, на магическую флейту заклятому немилосердно. Будто с кровью от сердца отрывал сумасбродную девчонку. С чего бы это?

Впрочем, нет худа без добра. Как-то впервые за время не обременительного, но исключительно суматошного визита мы с женой остались наедине. Ночи не в счет, да и в супружеской постели я все-таки избегал касаться темы присутствия гостьи в доме. Хоть и убедился уже в удивительном для человека полном отсутствии ревности у женщин эльфийской крови.

Старую мужскую привычку шифроваться враз не переупрямишь, тут столетия нужны, наверное. Да и то неизвестно, переменится ли...

Так что и сейчас Хирра первая начала разговор, который мне самому завести было бы затруднительно. Не с того, с чего я сам начал бы речь, но оттого не менее вовремя. Видимо, так она истолковала мой затравленный взгляд вослед дедовой внучке, беззаботно удалявшейся вдоль торговых рядов.

С сочувственным вздохом моя высокородная взяла меня за руку, успокаивая, и будничным тоном, как само собой разумеющееся, заявила:

— Перестань трястись над Келлой! Ты ей не папочка, а будущий муж.

От такого откровения я чуть под прилавок не сел. Пуще хвори снадобье подобрала женушка, ничего не скажешь. Отшутиться бы, да никакая шутка на ум не идет. Хотя мой ответный вопрос тоже было сложновато назвать серьезным.

— Ты сама-то ей тогда кто?!

Похоже, Хирру на несколько мгновений удалось загнать им в тупик. Однако эльфийская привычка считаться родством помогла подобрать осмысленный ответ.

— Старшая Сестра. Ночная... — перед последним словом она все-таки запнулась. Уж больно непривычно складывалась формулировка, подразумевающая смешение цветов в одной семье. С самой Войны Сил, после драмы уарса Дройн, такого не было. Это я попутно выяснил, когда про твердый коньяк в энциклопедии смотрел. А тут даже не День с Ночью...

— Ага. Сестра-сиделка, — безжалостно усилил я напор. — Сколько ей сейчас на человеческий счет?

— Точно не знаю... Где-то шестнадцать. Может быть, даже пятнадцать еще. Но уж не меньше!

Я обреченно вздохнул. Оставалась надежда, что даже последний Властитель Древнейшей Крови не всегда обязан быть прав и есть еще шанс избегнуть такого счастья. В конце концов, пока что оснований прожить лишнюю сотню лет до предполагаемого замужества дедовой внучки мне никто не гарантировал.

— Может, обойдется еще? Не одни люди ошибаются...

— За пять тысяч лет он ошибался только два раза, — развеял мои хрупкие надежды неожиданно холодный ответ Хирры. — Кто ты такой, чтобы претендовать на третью ошибку? Обычный Ночной Властитель, каких всегда по шесть, всю эту эпоху. Разве что человеческой крови...

Да уж. Уела так уела. Куда уж нам... Оставалось только сменить тему.

— Где, кстати, моя нареченная? Что-то не видать ее...

Хирра завертела головой в поисках подопечной. Тщетно — дедушкина внучка как в воду канула. Тот же результат дал и мой непредвзятый взгляд. И прочесывание пассажа вместе и по отдельности. И даже объявление по громкой связи местного оповещения с просьбой подойти к главному выходу.

Спустя где-то полчаса стало ясно, что проказница Древнейшей Крови пропала окончательно. Оставалась только слабо тлеющая надежда, что дедова внучка в конце концов тоже устала и решила отправиться домой, не дожидаясь нас с женой. Своим таинственным способом, ибо ни у флайбота, ни внутри него она не обнаружилась. Даже в каютке или в рундуках. Причал-то мы проверили первым делом.

Да и вообще вроде бы не в привычках Келлы быть невнимательной к другим. Не достигшая совершеннолетия эльфь любит ставить всех впросак и откровенно хулиганиста. Но не безответственна. К тому же без причины ничего не делает, а для своих шуточек отчаянно нуждается в зрителях и участниках.

Оставался последний шанс поменять это мнение о дедовой внучке. Проверить замок — вдруг все же вернулась? Причем проверить непосредственно, личным присутствием, не

доверяя раковинам дальней связи. На них можно повесить хитрое заклятие автоответчика, а самому при том невесть где быть. Или наоборот, поблизости спрятаться...

Обратный путь по воздуху не принес такой радости, как первый полет. И дело было не в бесчисленных покупках, стремящихся погрести под собой все, включая пилотское место. Неприятные предчувствия, мирно дремавшие всю первую половину дня, пробудились и жаждали крови. И не только моей, если судить по отрешенно вытянувшемуся лицу жены. Что-то подсказывало, что дедовой внучки мы по возвращении не найдем — и это еще не самое худшее...

Предчувствия разом оправдались и не оправдались. Келлы в замке, разумеется, не было, кто бы сомневался. Но Древнейшая Кровь в твердыне Стийорр все же присутствовала — в лице второго и предпоследнего своего представителя.

Многопрадед. Легок на помине. Хуже этого могла быть разве что немедленная Мировая Погибель. Странно, что обычно не отпускающие меня дурные предчувствия именно о нем-то и не предупредили. Не верю, что для нас с моей высокородной нет никакой угрозы от самого древнего в мире эльфа. Или у старшего носителя магия Древнейшей Крови настолько мощна, что обычную интуицию не просто силой переломила, как Венец Доказательств, а вовсе без следа обошла?!

Так или иначе, эльфийский дед уже здесь. Рослая фигура в светлом просторном костюме была заметна издалека. Из вежливости или по какой-то другой причине, но единственный мужчина рода Ирийорр ожидал нас прямо во дворе, не заходя во внутренние помещения. Хотя я с трудом верю, что оборонная система замка не впустила бы его. В конце концов, гостевой статус Древнейшей Крови никто не отменял. Да и во врожденных способностях этой расы я никогда не сомневался — а после сегодняшнего особенно...

Делать нечего, пришлось сажать флайбот тут же. Иначе невежливо получится —мелькнули хозяева в небе, и по своим делам. Сразу на подозрения наводит.

Я едва притер летающую лодку к брусчатке, у самых ворот затормозил. Мне на пилотском месте еще ничего, а Хирру чуть не завалило стронувшейся с места горой фирменных пакетов. Но тихонько задемонилась сквозь зубы она, понятное дело, не от этого.

— Признаваться сразу будем? — обреченно поинтересовалась жена, малость облегчив душу.

— Нет, — подумав, вздохнул я. — Не раньше, чем спросит. Может, обойдется еще...

Темноэльфийская дива не разделяла моего оптимизма, но кивнула, молчаливо соглашаясь поддерживать игру при столь плохой мине. Из многоправнучки, однако, хороший минер выйдет, раз такую «герисскую банку» под наше семейство с ходу подвела...

Дальше тянуть время было глупо, поэтому мы, кое-как проложив дорогу сквозь полуобрушившиеся завалы покупок, выбрались из флайбота. Не припомню, когда еще пара дюжин шагов давалась так трудно, как сегодня. Шли, нервно держась за руки, и только подойдя к гостю вплотную, стали порознь.

Старик эльфийской крови сидел на пороге, прислонившись спиной к притолоке. Под левой рукой у него затих Харм, под правой прикорнул дракот. Прямо идиллия.

Глаза на темном лице, изрезанном морщинами, как древесная кора, были закрыты. Древнейший банально дремал. Похоже, разморило его в ожидании загулявших хозяев и многоправнучки.

Видно, не хотелось ему упускать мягкого закатного света и тепла, исходящего от нагретой за день брусчатки. Все-таки все эти восемь футов роста, врожденная магия, сильнее, чем у любого Инорожденного, мудрость и опыт не в силах отменить неумолимого бега времени. Старость не радость, даже если настигает на исходе пятого тысячелетия долгой и успешной жизни. Сейчас это было как-то особенно видно.

Моя высокородная подошла к нечаянному гостю и мягко тронула его за плечо. Долю секунды ничего не происходило, и лишь затем многопрадед встрепенулся и открыл глаза.

— Простите, ребятки... Разморило старика, — произнес Древнейший эльф, словно продолжил добродушной репликой ненароком прерванный разговор.

— Ничего, хай-сэр! — с готовностью отозвался я. — Добрый день!

Как всегда, это прозвучало несколько неуместно. Хирра, та только шаг назад сделала и присела в глубоком реверансе, изящно склонив голову. Но ей такое от роду прививали, не-

смотря на все ограничения общения, накладываемые «волчьей жаждой». Среда, как ни посмотри...

Многопрадед одним махом ответил нам обоим в сообразном каждому стиле — царственно кивнул моей жене и, улыбнувшись, бросил мне самому:

— И то, день добрый...

Вставая, он слегка запнулся и на мгновение вынужден был опереться на двери. Понятно, конечно, закостенел слегка, не враз разогнешься. На мой взгляд, вполне приличествующая уступка возрасту. Однако моя высокородная тревожно вскинулась, распахнув глаза в немом до поры удивлении.

С чего бы? Иные в этом возрасте и праха не соберут, а Древнейший — вот, вполне еще крепок. Визиты внезапные наносит...

Повод к визиту напомнил о себе не слишком приятным образом. Церемонии церемониями, точнее, полное их отсутствие — отсутствием. А ответ держать, куда его многоправнучка запропастилась, придется. Никуда не денешься.

Еще полдюжины минут, пока все мы заходили внутрь и одолевали парадную лестницу, удавалось без труда делать вид, что все нормально. На ее вершине эльфийский дед остановился передохнуть, вызвав у жены очередной приступ беспокойства, но быстро оклемался и, к нашему общему удивлению, для дальнейшего движения избрал не путь к главной трапезной и предваряющему ее холлу, а к подъемнику донжона, ведущему в парадный зал с алтарем.

Хорошо, что там имелись не только по определению неудобные предметы обстановки ритуально-магического назначения. Несколько мягких кресел, подходящих по размеру даже Древнейшему, оказались весьма не лишними.

Многопрадед занял самое большое из них, а Хирра внезапно сбросила с другого подушку поближе к подлокотнику уже занятого, и присела на нее. Очень изящно, естественным жестом она взяла старика за руку.

Тот улыбнулся, свободной рукой погладил темноэльфийскую диву по блестящим черным волосам. И доверительно сказал давно ожидаемое, но от того не менее тяжкое, а в чем-то и не совсем понятное:

— Мне бы Келлу повидать... Пора пришла.

Вздохнув, он снова закрыл глаза. Пора? Какая пора?! Если он о дне рождения, так тот только через неделю. А для чего еще могло подойти время?

Все равно грех было не воспользоваться передышкой, обеспеченной старческим сном. Тихонько подергав жену за рукав, я кивнул ей, предлагая отойти в сторонку для обсуждения того, как излагать историю с пропажей многоправнучки и предпринимать дальнейшие действия по ее розыску.

— Слушай, как быть? Искать надо...

Моя высокородная двигаться с места решительно отказалась. Сделала страшные глаза, замотала головой, рассыпая гриву, и не сделала ни шагу. А на словах только отрывисто кинула:

— Ты ищи. Один.

Это как же? Конечно, если она решилась взять на себя объяснение с Древнейшим, спасибо. Но странно что-то. И у кресла засела как привязанная...

— Почему? — спросил я, не понимая, и добавил еще, не сдержав промелькнувшего удивления: — Чего ты руку-то его не отпускаешь?

— Если я отпущу его руку, он умрет. В ту же секунду, — ровным и каким-то чужим голосом сказала Хирра, отвечая на оба моих вопроса разом.

— Как же... — оторопело начал было я, но жена оборвала меня, отсылая настойчиво, как будто дело было уже решенное:

— А ты иди. Можешь особенно не торопиться. На трое суток меня хватит без вреда.

Ага. В переводе на общедоступный — два дня в обрез. Насколько я знаю мою высокородную, свою хваленую эльфийскую выносливость она склонна завышать. Да и то, поддерживать ускользающую жизнь — не просто здоровьем делиться, на что любой Инорожденный годен. Значит, придется поторопиться...

Дело и вправду решенное, без лишних слов. Если уж в таком смысле «пора»... найду многоправнучку, где бы ни была. С неба стрясу. С улиц самого Небесного Города Итархина!

Моего соображения еще хватило на то, чтобы перед срочным отправлением притащить жене поднос с сухофруктами, кувшины с водой и вином, таз, полотенца и, пардон,

ночной горшок. А, главное чуть не забыл — раковину дальней связи.

Сам тоже подобрал снаряжение по-быстрому, немногим менее основательно, чем на пикник или в недоброй памяти меканскую инспекцию. То есть без хтангской ручной баллисты и арбалета, а так точь-в-точь. Магподдержкой тоже озаботился, рассовав по карманам разные пользительные амулеты. В том числе и заведенный с некоторых пор мобильный портал аварийного покидания и возврата в замок.

Эх, жаль, что сейчас нельзя так время сэкономить! Это на крайний случай, который дороже жизни встать может. Квадрат расстояния, будь он неладен. Внутригородское сообщение телепосыльными чарами оправдано и экономически, и по безопасности. Достающий же до замка амулет уже обошелся в два десятка раз дороже, и я не решился бы пользоваться им каждый день.

А при попытке катапультироваться откуда-нибудь из Хисаха любого со стопроцентной гарантией размажет по всей протяженности пути, сколько магпойнтов ни вбей в сверхмощный амулет телепосыла.

Придется флайботом обойтись. Едва не взорвался от нетерпения, как файрбол перегретый, покуда срочно активированные кадавры без всякой жалости выкидывали покупки из летающего ялика прямо на брусчатку. Что-то жалобно зазвенело, что-то хрупнуло — демоны с ним, не жалко. Если все обойдется, по новой закупимся...

После разгрузки флайбот заметно прибавил подвижности, но мне все казалось мало. Повод пожалеть, что взял не гоночную модель. И то так со старта рванул, что внутри все просело едва ли не до самых пяток. Замок стремительно проваливался вниз и назад, видимый словно с выпущенной из аркбаллисты «зрячей стрелы» — разведочного спецбоеприпаса с небольшим хрустальным шаром вместо наконечника. Прямое видение магией не замутить, не то что шпионские чары...

Мне бы сейчас такое же свойство! Сразу в корень все увидать, побыстрее разобраться и безошибочным взглядом найти свою цель.

Древнейшую Кровь.

Покуда я одолевал недолгие по воздуху мили до городских стен, в голове малость развиднелось от лихорадки внезапно навалившихся событий. Вернулось какое-никакое соображение, и план предстоящих действий начал обрисовываться. Пусть не в деталях, в общих чертах, но и это уже кое-что.

Основных путей поисков должно быть не более трех. Во-первых, подростковая дурь, во-вторых, месть кого-то лично мне, и в-третьих, свои, эльфийские дела между семейством Ирийорр и всеми остальными, уже Инорожденными. За три с лишним тысячи лет счетов между единственным верным и всеми предавшими себя семействами, наверное, скопилось немало. Последняя в роду Древнейшая эльфь могла оказаться подходящей ценой для расплаты.

Вот только если это и в самом деле эльфийские разборки, то с ними я даже за три тысячи лет, вроде тех, что отделяют наши дни от Войны Сил, не разберусь. Да и моя высокородная предупредила бы, если что. При всей их симпатичности Древнейшие сумели крепко себя поставить среди прочих детей Отца. Связываться с ними в здравом уме не станет ни один эльф, равно принадлежи он Дню или Ночи.

Поэтому пойдем по пути, доступному моему пониманию и способностям. То есть по делам человеческим. Не исключая, впрочем, и вполне допустимого случая самодурства дедовой внучки. Переходный возраст, как ни крути, у эльфов он добрую сотню лет длится.

Проще всего было бы, конечно, поставить на след профессиональных сыскарей. Все равно, по какую сторону закона они Судьбой определены. Дело и у тех, и у других четко налажено. Жаль только, что эта, самая легкая, дорога мне заказана. И в одном, и в другом направлении.

Стражи закона по его букве вроде бы обязаны предпринять все усилия к розыску, уж если к ним обратился один из Тринадцати, правящих городом. Вопрос в том, кто конкретно.

Не то чтобы полиция имела против меня что-то определенное после истории с Лансом и Охотниками. Но связываться с этой почтенной организацией по любому поводу с тех пор как-то самому не хочется. Будь я теперь хоть трижды Ночным Властителем.

Да и хорош был бы новоиспеченный Властитель с заявлением типа: «У меня тут эльфь потерялась. Да нет, не темная, как в прошлый раз, а Древнейшая, единственная в своем роде. То есть последняя в роду...» Перед многопрадедом, само собой, позор на все пять тысяч лет. А перед городскими властями — и вовсе навечно.

Так что легальный путь поисков, почитай, перекрыт крепче, чем лесной засекой. У нелегального же, при всей доступности и кофиденциальности, свои недостатки. Организованная преступность Анариссa именно своей организацией крепка и опасна. Да еще тем, что ставит себя выше всех и всякого.

Дорассветные склонны переназначать цену услуги в одностороннем порядке, наведя собственные справки о предмете торга. Оценщики же у них лучшие, и стоимость столь уникального заказа, боюсь, поднимется вровень со шпилями нашего с Хиррой замка. А то и перехлестнет их, чего доброго. Кроме того, дорассветные склонны выискивать в любой ситуации собственный интерес и следовать только ему, невзирая на договоренности.

Поэтому чем меньше они знают о пропавшей Древнейшей, тем лучше. А то ведь и вправду найдут — быстро, не стесняясь в средствах. И предъявят собственные условия, которые могут оказаться похуже всех страхов, порождаемых моим разбушевавшимся родительским инстинктом.

Остаются только наши. Меканские ветераны. Охотников-то они знатно выкосили, с полным вниканием в вопрос. И здесь не подведут. Жаль, конечно, парней по такому пустяковому поводу теребить, но больше некого. Да и повод может оказаться не таким уж пустяковым...

Решено. Первым делом, как припаркую флайбот, — к Костлявому Патерсону. У него и поспать до рассвета упаду, если не повезет сразу на след выйти. Это здесь, на высоте, вечер еще прощается со стремительно темнеющим небом.

Внизу же, на земле, ночь уже окончательно вступила в свои права. Над стремительно приближающимся Анариссом встало извечное зарево, что не гаснет до самого рассвета. Реклама, яркое освещение домов и заведений, а в тех кварталах, где жители могли себе это позволить, и уличные фонари. Словно куча переливчатых самоцветов в когтистой пригоршне городских стен.

На мое счастье, посадочные огни платных стоянок для летающих судов выделялись на фоне всеобщего света не только ритмичным мерцанием, но и законодательно закрепленным набором цветов — красно-бело-оранжевую гамму не смела повторить ни одна реклама и ни один частный дом.

Да и без столь явного отличия к любой из площадок вел магический маячок. В зеленоватых глубинах штурманского хрустального шара силуэт города оказался шедро осыпан подмигивающими метками. На что, откуда столько? Не поверю, что в Анариссе найдется столько высокородных, гильдейских и магистратских толстосумов, чтобы заполнить воздушными экипажами все эти стоянки.

Однако же понастроили. Выгодно, не иначе, — одна парковка богатея приносит столько же, сколько квартальная подать бедняка. Вот и строят не дома да городские службы, а охраняемые загончики для ценной собственности. Опять же каждая универлавка подороже норовит устроить стоянку на крыше для привлечения выгодных клиентов. Несколько часов назад мы, еще все вместе, отметились вот так не на одной торговой площадке, наряду с иными богатыми бездельниками. Что уж теперь злобиться, нынче я сам из таких...

Однако сейчас все же стоит выбрать платную парковку подальше от людных мест, на случай нештатного отступления. Не совсем, правда, на отшибе — поближе к торговым кварталам, где на призовые деньги за истребление Охотничьего Клуба обосновались четверо уцелевших в этом деле.

Дьякон Джек после всего вошел в немалый авторитет у жрецов и в результате подмял под себя все лавки, где продается или сдается в аренду всякая храмовая утварь — амулеты, коврики, накидки кающихся. Прибрал к рукам традиционно торговавших там огрих и сделался у них цеховым головой. Что-то наподобие святого сутенера божьими милостями. Как-то всегда это выглядит очень похоже — сочетание страсти и расчетливости в служении что богам, что порокам...

Берт Коровий Дядюшка долго колебался между собственной фермой в родной деревне и другими прибыльными занятиями, позволяющими остаться в городе, но в конце концов купил место посредника на Сельском рынке. Чтобы, значит,

и своих, деревенских, в обиду не давать, и самому при хлебном месте быть. Анарисс не отпускает так просто тех, кто попробовал яд его улиц...

Мортимер Четыре Фаланги, вернув рукам прежний вид, остаток вложил взносом в гильдейский цех тонкомагического кадавростроения и, по слухам, недюжинными темпами продвигается к должности мастера.

А Костлявый Патерсон открыл оружейную лавку и торгует всяким иным полезным снаряжением. У него я затаривался перед меканской инспекцией, да и без причины иногда захаживаю. Так что со стороны нет ничего подозрительного в том, что к ночи завалился погулять со старыми друзьями, будучи вконец измучен семейным счастьем... Впрочем, кому тут за мной следить? Это уже перестраховка, чушь всякая в голову лезет.

Решительно встряхнувшись, я постучал в крепкую дубовую дверь заднего хода лавки Патерсона. Как раз дошел за неспешным перебором судеб и занятий остальных.

— Кого демоны на ночь глядя принесли? — несколько сварливо поинтересовался из-за двери знакомый голос.

Что-то коротко лязгнуло. Обольщаться не стоит — не засов. Так, запросто, старый меканец кому попало дверь не откроет. Даже в более-менее зажиточном квартале, где фонари на улицах. Придется назваться, да поубедительнее, если не хочу схлопотать болт между глаз.

— Пойнтер это... Собачий Глаз. Открывай, дело есть.

В отличие от «козьей ноги» стреломета, запоры в трехдюймовой толще дубового бруса, окованного сталью, двигались совершенно бесшумно. Как и защелки глазков — для стрелы и обзорного, замаскированных под сучки.

По тому, как медленно отходила створка двери, было ясно, что она на инерционном тормозе. Пинком не вышибешь — встанет как каменная, зато закрывается быстро. Только так с ней и можно, вежливо да уважительно. Костлявый во всем основателен, это тебе не маг из поговорки, который на себе заклятья экономил...

Против ожидания, старый приятель оказался хоть и при оружии — чему удивляться сложно, — зато не то чтобы совсем одет. Спать рановато, едва-едва стемнело... Что же я его, совсем не вовремя застал?

Видно, вопрос этот слишком явственно отразился на моей физиономии, поскольку Паттерсон усмехнулся и сам сказал:

— Не трепыхайся попусту. Особо ты не помешал, — и, обернувшись к открытой двери на антресоли, крикнул: — Не жди, Ханна! Тут дела...

В ответ в проеме обиженно, как мне показалось, хлопнул фиолетовый огонь телепосыльных чар. Как-то не ожидал я увидеть в доме своего бывшего командира, известного строгими правилами, девицу по вызову. Да еще дорогую, именную, не под обезличивающим заклятием...

Это непонимание тоже было развеяно без лишних вопросов с моей стороны:

— Ханна у меня бабенка солидная. Амулеты телепосыла дешевы, вот и ходим друг к другу без опаски. Нечего зря по улицам таскаться, сплетников тешить...

Значит, правильно я его характер понимал, ничего не поменялось. Что ж, только легче говорить будет. Тем более, что на разговор Костлявый шел охотно, сам реплики подавал.

— Чего пожаловал? Замучила твоя высокородная?

— Если б только она... — вздохнул я, усаживаясь без приглашения на табурет. — Они уже вдвоем за меня взялись!

— Кто?! — удивился Патерсон.

— Да эльфи эти! У нас тут еще одна гостит. Гостила... То есть, надеюсь, еще вернется. Хотя возни с ней — не приведи Судьба и все боги...

— Это как же? — усмехнулся он. — И есть, и нету, с глаз долой — не хорошо, порознь — тоже худо... Так, что ли? Давай-ка излагай по порядку...

По порядку вышло недолго. Даже не так чтобы страшненько, скорее просто смешно — и призрак, и дракот. И нынешняя проблема...

Но Патерсона проняло. Он выбил раскуренную за время рассказа трубку, пожевал губами, на долгую минуту замолчал. И лишь потом сказал:

— Значит, опять всех собираем?

— Выходит, так, — уже уверенно подтвердил я.

— Тогда идем-ка в лавку, — Костлявый отлип от стены, которую подпирал все это время. — Незачем в прихожей толпиться...

Пока что здесь толпились только мы двое, но похоже, скоро действительно будет не протолкнуться. По дороге он прихватил с тумбочки раковину дальней связи, набрал четыре кода вызова одновременно, а когда все четыре огонька на врезанных в перламутр самоцветах загорелись зеленью отзыва и послышался разнобой голосов, коротко бросил:

— Топи Мекана зовут!!!

Значит, по полной форме. Как в прошлый раз. Надеюсь, без потерь — все-таки не тот калибр беды. Да и мы не те уже. Вон, ракушками обросли и прочим полезным хламом. Отъелись.

Но по-прежнему готовы отозваться на старый пароль, слова, ставшие главными в нашей прошлой и нынешней жизни:

«Топи Мекана зовут».

Рассвет я все-таки пропустил — сказалось вчерашнее перенапряжение. Но к моменту закрытия Речного Рынка и начала рабочего дня уже был на ногах и в полной готовности. Самое время самому за дело браться. Иное, что от меня зависело, уже запущено — не остановишь. Меканские парни не подведут.

Что ж, за тылы я теперь спокоен. Если Древнейшая хоть как-то сама проявится, ребята ее не упустят. Со всем тщанием проводят, не теряя уважения. Может даже не заметить. Хотя с умениями, преподанными ей многопрадедом, ручаться за это не стоит.

А самому не худо бы старый след проверить. От Нохлиса-Мертвовода. Потому что если и есть у меня по эту сторону Последней Завесы враги человеческой крови, то искать их надо среди его земляков. В трансальтийских землячествах.

Самое авторитетное среди них — «Фольксдранг», «Народный Порыв». Правда, тут еще как посмотреть — фольксдранговцы морталистов на дух не переносили, хотя Нохлис, покойник, из тех же краев был. Слишком уж разное в жизни или смерти ценится последователями Мертвовода и сторонниками Народного Порыва.

Но это и к лучшему. Совсем ничего не знать про какого-никакого, а своего, альтийца, они попросту не могут. Да и при-

чин скрывать известное у горячих горных парней нет и не будет. Где расположен их курень, я отлично знаю. Недалеко, кстати.

Здание это, похоже, раньше служило гоблинятником. Но даже гоблины уходят оттуда, куда приходят альтийские горцы.

У порога куреня отирался малый в традиционном трансальтийском костюме. То есть в коротеньких штанишках на помочах и пледе через плечо. Из уважения к общественной морали на нем была еще и рубаха, что для тамошних уроженцев нетипично. Молодой еще, стало быть, глуздырь, у «дядек» на побегушках. Значит, и мне с ним церемониться нечего. Сразу обламывать надо, покуда хвост не распустил.

Парень меж тем во весь голос распевал «Выше нет Альтийских гор» с упорством, достойным лучшего применения. Национальный патриотизм окраин можно ценить, но желательно в несколько более удачном исполнении.

— Эй, салага! — Обращение не тамошнее, хотя для него должно быть понятно.

— Чего тебе, дядя? — отозвался поименованный, подтверждая тем правильность обращения. На что откликнулся, то и есть. Причем сам начал это понимать лишь к середине моей следующей реплики.

— Позови кого постарше. Или к самому главному проводи, кто у вас там... Троммельледер, кажется, — изложил я суть, не тратя лишнего времени.

Малый тем временем набычился и попытался смерить меня взглядом, первым делом наткнувшись на тесак и рукоятки офицерских стрелометов под мышками. То, что болталось на поясе помимо них, он и опознать-то не сумел. Для этого опыт нужен, а у него нету.

— Ты кто такой ващще?! — Не понял с ходу, что надо исполнять, а не пререкаться.

— Собачий Глаз Пойнтер. Тот, кто Мертвовода Нохлиса отправил на встречу с избирателями. — Действительно, представиться стоит, впрочем, как и подстегнуть тормозного парня к активности. — И тебя могу следом наладить, чтоб дорогу освещал!

— Чем? — не врубился салага.

— Фонарем! — я показал ему кулак.

Склонность при наличии полного штурмового арсенала угрожать голыми руками глуздырь оценил. Или общий смысл послания до него дошел в конце концов. Так или иначе малый сглотнул, кивнул, подтверждая согласие, и наконец-то направился в глубь куреня. Правда, отойдя всего лишь на полдюжины шагов, он заорал с прежним энтузиазмом:

— Выше нет Альтийских го-о-ор! Выше чести трансальти-и-ийца!

Не имея возможности заткнуть уши, я лишь тяжко вздохнул. Заклятого Лунная Богиня исправит. Но этого и все прелести ее не отвратят от исполнения гимна при полном отсутствии слуха и голоса.

Вернулся этот горе-певец молча, быстро, мелкой трусцой и с обещанным мной фонарем под глазом. В курене не поскупились оплатить этот аванс. Добрый знак. Так бы и все прочее прошло...

— Герр бергфебель просят! — со всей возможной предупредительностью склонился глуздырь. — Позвольте проводить?!

Я лишь кивнул коротко. Раз уж просят...

Путь по коридорам, тщательно подготовленным для организации непроходимых завалов, оказался недолгим. А квадратное в плане помещение, служившее целью похода, напротив, очень чистым и пустоватым. Кроме стола, стула и кланового штандарта, в нем находился только сам глава землячества.

Бергфебель фольксдранга Дитрих Троммельледер по прозвищу «Плюс-минус».

При взгляде на него в голову лезла пара созвучных определений: «рыжий» и «ражий». Причем больше второе, чем первое. От природной огненной растительности недрогнувшая бритва оставила первозданными только лохматые брови. Видно, устрашилась трех золотых колец в каждой из них, пронизывающих мохнатое буйство в попытке хоть как-то сдержать. Все остальное было сведено к двум нешироким полосам: шкиперской бородке, окаймляющей массивную челюсть, нечувствительно переходящую в широкую глотку, и альтийскому гребню вдоль всего черепа, от низкого лба до затылка. Спереди концы жестких, как щетка, волос свешивались едва ли не до конца носа, отчего

кличка «Плюс-минус» получала явно видимое подтверждение.

Обильно-мускулистую, веснушчатую плоть, в отличие от растительности на ней, ничего не сдерживало и не слишком многое прикрывало. Татуировки землячества и традиционно короткие трансальтийские штаны на помочах не в счет. Из вооружения при фольксдранговце тоже ничего особенного не было: столь же традиционная для трансальтийцев праща, обмотанная вокруг пояса чашкой вперед, и богато украшенный бергфебельский клевец-кайло, привешенный к широкому проклепанному ремню в массивных медных оковках.

Может быть, в родных его Альтийских горах все это великолепие и выглядело уместным. Но здесь, в столичном Анариссе, далеком от нагорно-подгорных разборок, смотрелось несколько игрушечно, карнавально. Словно у ряженого, с похмелья не понявшего, что Приснодень уже прошел и гулянка кончилась.

Однако впечатление это пропадало от первого же взгляда в глаза Троммельледеру. Оч-чень серьезный взгляд был у замиренного трансальтийца. И неожиданно умный для остальной внешности. Да и держался бергфебель так, что было видно — все инструменты на поясе в ход он пускал не раз. А при случае и без них обходился, голыми руками.

Ничего, я тоже не заикой заклят. Меканские топи многому учат, и еще неизвестно, кто из нас двоих верх бы взял, доведись всерьез на узкой дорожке сойтись. Маготехник, конечно, не рейнджер под заклятием, да только на фронте разные обстоятельства бывают. Своими руками тоже приходилось, а на подлые приемчики война куда как способнее, чем клановые или межплеменные разборки с их особым кодексом чести...

Так что с альтийцем мы друг друга стоим. Вот только он воин, а я солдат. Умения одни и те же, разница в другом: по своей воле в драку я не полезу, а Дитрих и такие, как он, — запросто. Без шума, гама и потасовки жизни не мыслят. Если не драку с попойкой, так процессию с факелами подавай. Вообще фольксдранговцев пивом не пои, дай только факельное шествие устроить.

Бергфебель не постеснялся уважительно подняться мне навстречу. Это зрелище настолько поразило и так уже затю-

канного малого на посылках, что он без писка поспешил убраться. И просить не пришлось.

— Здравствуй, Дитрих. — Тонкости уличного этикета требовали, чтобы я первым поприветствовал хозяина в ответ на оказанную честь.

— И тебе здорово, коль не шутишь, — ощерился трансальтиец в ответ. — Что не заходишь?

Как будто раньше я у них каждый день гостевал. Безвылазно. В переводе радушие альтийское означает вполне понятный вопрос: «Чего пришел?» Хорошо, что ответ на него у меня есть.

— Сам знаешь, с кем мне теперь дело иметь приходится. Мороки немало...

— И то верно, — Дитрих понимающе кивнул. — Я вот тоже никак не найду времени забежать, за Нохлиса спасибо сказать.

Ага. Это значит, что право на визит и возможные вопросы землячество признает. Можно и к делу переходить.

— Вот и я о том. Сейчас тоже не своей волей в город выбрался, а то бы не свиделись. — Я помолчал, ожидая вопроса, но бергфебель молчал, и пришлось продолжить: — Знакомка у меня одна загуляла, так родичи послали ее найти. Из этих, сам понимаешь... Словом, эльфь Древнейшая...

Фольксдранговца последние слова настроили совсем иначе, чем я предполагал. Давно усевшийся за стол трансальтиец заворочался, переваливаясь с боку на бок, сцепил перед собой могучие лапы, явственно насупился и смерил меня неприязненным взглядом.

— Что-то всем стала нужна эльфь Древней Крови... Тоже, что ли, из этих?

— Каких? — жадно вцепился я в нить подсказки, игнорируя холодность собеседника.

— «Община Сообразного Воздаяния». — Поняв мою неосведомленность в вопросе, Дитрих отошел малость. — Сектанты переклятые...

— Что, хуже морталистов? — не сдержался я пройтись по больному.

— Зануднее не в пример! — усмехнулся Троммельледер. — Толкуют, что в мире всему своя цена назначена. Новым богом пугают, что с каждого по векселям спросит...

Да, нохлисовская братия в сравнении с такими и то живей смотрелась. Даром что мертвяки. Какой-то невыразимой затхлостью несло от подобного подхода, мелочностью трухлявой. Уж если меня с неведомых сектантов так своротило, то уж фольксдранговца с его порывистой натурой вовсе омерзение с ног валить должно.

— Где хоть их сыскать, если иного не присоветуешь? — Уже ясно, что Дитрих мне не в помощь, но хоть что-то, может быть, полезное кинет.

— На углу Брусовой и Тризуба посмотри, — сочувственно подсказал тот. — Там приметный домик с солнышками на воротах, в нем вроде они и хороводятся...

Это, стало быть, в квартале, на который до Концерна еще, почитай, после самой Войны Сил, центр города приходился. Немерено богатый когда-то, а сейчас, пару с лишним тысяч лет спустя, слегка запустелый. И на том спасибо...

Поняв, что цель визита на высоком уровне достигнута, формальные благодарности и прощание мы с бергфебелем слегка смяли. Оба люди занятые, серьезные. Нам позволительно.

Да и лишнюю минуту смущать друг друга высокоавторитетным присутствием не стоит.

Угол Тимбер-лейн и Трайдент долго искать не пришлось, хотя раньше бывать тут мне не приходилось. Вот и «домик приметный», точнее, особняк, по указанному адресу. Да что там особняк — палаццо в лучших традициях Хтангской династии. И с тех же времен, на первый взгляд, заброшенное. Иначе чем объяснить отсутствие ярких красок на специально для того созданных стенах, ныне серых и расцвеченных лишь диким виноградом?

Ни в одном окне ни стеклышка. Ставен или хоть деревянных щитов, прикрывающих внутренность здания от непогоды, и то нет. Хорошо хоть кровля сохранилась. Да еще двустворчатые двери, прямо ворота, как у меня в замке, только другого стиля — массивные, потемневшего дерева, окованные бронзовым узором из солнц, их лучей и бликов под толстым слоем позолоты. За без малого три тысячи лет целиком не вытерлись.

Да нет, не заброшен, выходит, городской замок, раз двери в исправности, ухожены и посетителями не забыты. Оборонные контуры тоже все в целости. Ясно, хоть мяч-тестер магии не кидай. Иные приметы обитаемости становились заметны на второй, более пристальный взгляд — в высоких проемах окон дрожало горячее марево, на проглядывающие сквозь них участки сводов отбрасывали дрожащие ало-оранжевые блики невидимые светильники. Значит, точно есть внутри кто-то. Без жильцов огонь только в горе Дройн горит. Те же тридцать столетий, кстати...

У входа сыскался дверной молоток с бронзовой пластинкой, стертой чуть ли не до дыры, да и сам едва ли не до голой рукояти изработанный. Даже жалко добивать. Но надо. Скрепя сердце я употребил-таки его по назначению и принялся ждать реакции, поочередно разглядывая то хрустальный шарик, врезанный в одну из створок, то раковину ближней связи, вмурованную над входом.

От последней ответа дождался, разумеется, раньше. Перламутровый резонатор внушительно прокашлялся и осведомился баском, важным, но без особого нахальства:

— Как прикажете доложить?

— Собачий Глаз Пойнтер, Властитель ау Стийорр. — И добавил, надеясь вызвать интерес: — В жажде духовных познаний.

Теперь, конечно, придется выслушивать проповедь обезумевшего от собственной богоизбранности духовного вождя сектантов. Но тут главное — вообще прорваться внутрь, что, учитывая время постройки здания, вопреки воле хозяев сделать затруднительно. Даже с моим арсеналом не факт, что это возможно. А разговорить самоупоенного проповедника — задача более реалистичная.

— Пройдите. Хай-леди доложено. Вас примут, — после недолгой заминки елеем в уши пролился ответ.

Вот как! Впереди, значит, сеанс духовной обжираловки не от пергаментного старикана с глазами, горящими фанатизмом, а от не менее, а то и более жуткой старушенции. К тому же косящей под эльфь, если судить по обращению. Что ж, если это хоть на шаг приблизит меня к пропавшей дедовой внучке — пускай.

Тяжеленные двери медленно разошлись, пропуская меня

внутрь. Чуть склонив голову в мнимом благоговении, я решительно шагнул вперед. В лицо пахнуло жаром, как из кузницы.

Вопреки впечатлению заброшенности, внутри палаццо было сильно натоплено. Это летом-то! Согревающее заклятие чувствовалось всей поверхностью кожи, да и без него жару хватало в избытке: всюду открытым пламенем горели архаичные светильники — ни одной гнилушки или жука-фонарника. Но гари и копоти не чувствовалось, а по просторным анфиладам свободно ходил горячий влажный ветер.

Сразу отчего-то вспомнились южномеканские топи на самом краю левого фланга Тесайрского фронта. Только там не было столько камня, и шаги по трясинам никогда не отдавались так гулко, как, например, походка степенно приближающегося дворецкого-халфлинга.

Что там говорилось о склонности набожных натур к скромности? Хозяйка дома вряд ли сумеет явить пример в этой области, если судить по слуге. Для своих четырех футов тот выглядел не просто основательно, а прямо-таки монументально!

Ливрея вся в алом и золотом блеске, с прорезными буфами штанин и рукавов, на груди — цепь с огненным камнем. Бакенбарды в косы заплетены и за уши заложены. Прямо-таки Приснодед, только черных очков и дубинки не хватает. Вместо нее в руках мажордомский посох с факелом наверху, выше меня, не то что самого дворецкого. Не дубина — рогатина, с какой на дракона ходить.

Халфлинг поклонился с неподдельным достоинством и величавым знаком пригласил следовать за собой. Недалеко, к счастью — на второй этаж, в галерею сбоку от центрального зала палаццо. Тем не менее это был не коридор, а вполне самостоятельное помещение, подходящее как для приема, так и просто для весьма жизнерадостного времяпрепровождения.

Ни с образом мрачного фанатизма, ни с иллюзией роскоши, сложившимися в моем воображении, обстановка как-то не вязалась. Пусть мебель аскетична, ковры просты — но меньше двух тысячелетий под заклятием сохранности ни одна здешняя вещь не прослужила. Любой ценитель с ходу отвалил бы за каждую из них целое состояние.

Дикий виноград вился по всем углам и снаружи широкого оконного проема, перегороженного лишь колоннами — как и прочие, без рам, стекол и ставней. Света, воздуха и простоты вообще было слишком много. А про тепло и говорить нечего. Веселое место и спокойное...

Остановившись у дальней двери и трижды стукнув об пол своей опасно выглядящей регалией — только искры взвились столбом, — дворецкий объявил:

— Хай-леди Мирей, высокородная ау Рийнаорр, уарени Хтанг!

Взаправду эльфью оказалась... Даже это было бы еще ничего, но последняя часть титула меня добила. Это что же, сумасшедшая сектантка-затворница в прямом родстве с Предвечными Королями? В переводе с кеннэ окончание притязания «уарени» означает «не занявшая престола». В ее случае — королевского. Мое уарство пониже будет — всего лишь один из Тринадцати, да и то со стороны родов Ночи, сторонников Побежденных Богов. Тогда как род Рийнаорр привел к победе в Войне Сил противоположную сторону, богов Дня. Интересно, кстати, как вообще смотрит Концерн Тринадцати на существование наследной хтангской принцессы?

Видимо, никак, пока та удовлетворяется властью духовной. Или ее подобием — у Инорожденных в ходу и не такие игрушки.

Представив хозяйку, дворецкий счел свою миссию выполненной и удалился не менее величественно, чем делал все иное. Явления же поименованной наследницы Предвечных Королей пришлось дожидаться еще с полминуты.

Наконец рассохшаяся от тепла дверь скрипнула, пропуская вошедшую. На какой-то миг мне показалось, что поиски окончены — настолько явившаяся взору эльфь походила на Келлу сложением, повадкой, да и всеми манерами.

Но в то же время отличия были столь ужасающими, что радость от ложного узнавания в следующий миг сменилась ужасом от перемен, произошедших, казалось, за одну ночь. А еще через миг — облегчением от того, что это все же была не Древнейшая. Прежде всего потому, что все приметы расы недвусмысленно указывали на принадлежность Дню явившейся женщины эльфийской крови, как и следовало из родового имени и титулования. А во-вторых...

Приметы эти терялись в следах столь обширного увечья, какое для долгоживущих смертных с их жизненной силой и способностями к регенерации лично я полагал невозможным. Большая часть тела уарени Хтанг давно — невесть сколько сотен лет назад — была искалечена гигантским ожогом.

Когда-то она, наверное, была невыразимо прекрасна. Во всяком случае, стоило отвести глаза, и память, не желающая принять увиденного, складывала из уцелевших деталей совершенный в своей притягательности образ. Текучие и ломкие одновременно движения изящной фигуры, прозрачно-сияющий взгляд, бархатистая кожа и шелк волос, сияющий бледным золотом пшеничной соломы.

Вот только всего этого ей было отпущено не в той мере, в какой положено от рождения. Глаз и ушей — по одному, пальцев, не укороченных на фалангу-другую и не сросшихся вместе, — и того меньше. Бархат неповрежденной кожи лишь на четверть обтягивал фигуру, полуобнаженную легким саронгом и топом, остальное поблескивало глянцем сплошного шрама. Да и волос хватало лишь на одну забавную прядку-челку наподобие цизальтинского скальпа-оселедца.

Притом ничто из этого так и не смогло сделать ее уродливой или отталкивающей. Как и Келла, на прямой взгляд хтангская принцесса была более способна казаться смешной, нежели величественной или страшной, какой и была без единой скидки на милосердие времени.

Ей с равной вероятностью могло оказаться под полторы тысячи лет или всего-то полтораста. Не случайно я ее за дедову внучку с перепугу принял — симвотип тот же, только перевес на рабочий аспект, не на базовый. Такие не старятся, сохнут только. А эту уже до края огонь высушил.

Как только такое случиться могло? Своя же стихия так покалечила! Это надо было в кратер горы Дройн сунуться, в самое жерло, чтобы огонь переломил врожденную силу управлять им...

Заметив произведенное впечатление, хай-леди ау Рийнаорр криво усмехнулась. Прямо бы не получилось при всем желании — из-за иссеченных рубцами и стянутых на сторону губ. Подошла поближе непредставимо пританцовывающей походкой и бесцеремонно осмотрела всего меня в ответ, нависнув с высоты традиционного для Инорожденной Дня без

малого семифутового роста. И усмехнулась еще разок, изрекая вердикт тому, что видела, низким, хрипловатым голосом с отчаянным тесайрским акцентом:

— А-а, солдатик. Герой-солдатик... У Мирей тоже был герой-солдатик... — Неожиданно она жалобно пропела: — Он пришел с войны, с орденом Луны. Он пришел домой, так хорош собой... — в этом месте она, еще более внезапно, склонилась надо мной и поцеловала в губы.

Не успев отстраниться, я напрягся, ожидая худшего. Но оказалось вполне сносно. Искалеченная эльфь только вела себя как сумасшедшая старая ведьма. На самом деле ей было всего-то лет шестьсот. Чуть постарше меня на человеческий счет.

Вот только Золотая Луна — высший орден Тесайра. Мирей — тоже имечко с той стороны, да и всей одеждой, разговором и повадкой наследница Хтангской династии больше всего напоминала крестьянку из свайной деревни с низовьев Анара, из Мангровой дельты. Как-то пришлось нам стоять у такого болотного поселения во время знаменитого сезонного прорыва под Суфанх-Аном. Потом, конечно, вышибли нас доблестные войска Мага-Императора обратно со священной Тесайрской земли. То есть воды. В смысле, топи болотной...

— Не испугался. — Хтангская принцесса заметила мое замешательство. — Храбрый солдатик, хоть и без орденов-медалей...

На это я мог лишь неуверенно пожать плечами. Вот уж припечатала так припечатала, в самую точку, без предшествующего долгого знакомства. Мне в ответ крыть нечем. Ибо все первые впечатления в рамки приличий не укладываются. Ни с какой стороны не лезут, и озвучить их, не ударив горелую эльфь побольнее, не выйдет.

— Что, прикидываешь, в какой печи меня не дожарили? — Юродивая угадала и эти мои мысли, как раньше суть и биографию.

— Да нет... — Вставить в ее монолог хоть слово было просто необходимо, иначе Судьба знает, до чего она договорится. — Скорее, каким было Сообразное Воздаяние за это вот...

— Чрезмерное, — одним словом ответила сектантка-фанатичка. И пояснила: — Пресекать совершаемое необходимо,

мстить за совершенное бессмысленно. Я по молодости того еще не знала...

Ясно. Что такое «чрезмерное» по понятиям наследницы рода сторонников Победивших Богов, славившегося нетерпимостью к противнику, представить было трудновато. Но возможно. Отчего-то, ответным озарением, виделась земля, опустошенная на долгие мили окрест...

На самом деле меня интересовало другое. И лучше уж самому об этом спросить, не дожидаясь, пока провидица хтангской выделки выдаст вариант пожестче.

— А почему не лечилась? Чтобы крутость показать или сочувствие вызвать? — Уже выпалив это, я запоздало повинился в излишней прямоте: — Извини за вопрос, если что.

Эльфь ответила четко и исчерпывающе, тремя короткими фразами, исключающими уточнения:

— Не для форса. Не для жалости. Могла бы — залечила.

— Как же... — все еще не понимал я. — Регенерация там, подсадка...

— Регенерация доступна только первые сто двадцать лет. Потом тело забывает себя. А пересадка... Что мне подсаживать? И от кого? — Мирей грустно усмехнулась. — Вот так-то, солдатик...

Да уж, уела. Хотя остается еще одна возможность. Лично мной опробованная. Осторожно и в то же время стараясь подстроиться под нарочитую грубость горелой эльфи, я попробовал намекнуть.

— Ну, у меня с год назад рожа покривей твоей была, — начал я издалека. — Только на другую сторону. Знаешь, как ее поправили?

— Кто ж тебя не знает, Пойнтер? — неожиданно рассмеялась хтангская принцесса. — Ты нынче самый ходовой анекдот! Как я в свое время...

Ничего себе новость! Анекдот, значит. Хорошо хоть не похабная частушка. Впрочем, следовало ожидать чего-то в этом роде. История моя, как ни посмотри, обречена была стать расхожей. Хоть объяснять ничего не нужно. И то дело.

— Так устрой себе то же лечение! — продолжил я уже увереннее. — С твоими средствами и древностью рода Меч на алой подушке поднесут, да с поклоном! — Тут я запнулся,

вспомнив о втором условии исцеления, совершаемого Реликвией. — Ну и...

— Не для меня та цена, солдатик, — заметив мою неловкость, понимающе кивнула эльфь, перебив назревающую паузу. — Я свой счет чужими жизнями уже сполна оплатила, ни одной в запасе не осталось.

В этот миг чем-то неуловимым она напомнила мне Костлявого Патерсона. И еще стало понятно, почему люди идут за эльфью высшего из родов Дня, разделяя ее странную веру.

А кроме того, ясно, что о моем деле Мирей надо спрашивать впрямую. Без вывертов и уловок, раз понятие личной выгоды давно покинуло хтангскую принцессу, которой почти все было дано и у которой почти все было отнято одной и той же жизнью. Говорить начистоту.

Словом, выложил я всю историю с Древнейшей, как на исповеди. Вот в таком разрезе духовных исканий разговор вышел... Высказал, между прочим, и то, как ее веру в народе понимают, в ответ получив лишь грустную усмешку, невесть как переданную изувеченным ртом.

— Были тут такие, да только не пришлись ко двору. Все навыворот переделать хотели, неспокойные... Может, про них речь?

— Кто хоть? — похоже, посторонняя оговорка выведет на след даже лучше, чем крайняя откровенность.

— Горожане из обеспеченных. Они все говорили, что без нового бога ничего не выйдет. Пожилая пара, очень трогательная...

Я вцепился в услышанное, что твой пес в деревянную тарелку. Приметы двоих на удивление совпали с образами сектантов, сложившимися в моем воображении. А еще, если припомнить, точка в точку сошлись с обликом тех двоих, что в день памятного мне истребления мертвяков стояли на трибуне Военного Мемориала рядом с Нохлисом. Те самые — сухопарый дедок в кургузом мундирчике и престарелая дама-болонка.

Вот уж кого снова повстречать не думал. А так все сходится — и сектантство, и Нохлиса след. Одна беда — кто такие, неведомо. Конечно, и по приметам сыщутся, но так-то вернее...

— А как зовут, не знаешь? — кинул я вопрос наудачу.

— Отчего же, знаю, пожалуйста. — Удача явила себя хорошей памятью горелой эльфи. — Реймонд Ван Даген и Клодетта Кюссенборгер. Кто такие, не знаю точно...

Ничего себе! Меня словно доской по физиономии хлопнуло. Разве что Мирей, невесть сколько сотен лет как отрешившейся от мирских соблазнов, того не знать позволительно. Имена эти в Анариссе настолько известные, что ими никто и не пользуется. Двоих самых богатых — на деле, а не по налоговым спискам — горожан величают по должностям или, вернее, титулам.

Это же Хозяин Нищих и ГранМадам всея борделей города! Вот уж действительно трогательная парочка...

Внешность безобидных рантье никак не хотела увязаться с репутацией чудовищ похуже исполинской землекройки. Вот на какие денежки партайтодтфарер мертвяков из могил поднимал! Удивительно, что при такой поддержке он весь Анарисс за Последнюю Завесу не загнал. Оттого лишь, наверное, чтобы спонсорам гешефт не нарушать.

Состояние этих двоих на пару сравнимо с моим собственным. Вровень почти с майоратом Стийорр, да и с любым из Тринадцати. А значит, схватка как минимум на равных пойти может, если только консерватизм и отсутствие фантазии не сыграют с дорассветными воротилами дурную шутку.

Только тогда и мне не всеми силами на них двигаться надо, а в одиночку, потихоньку. Как сейчас стою, так и приступать.

Уарени Хтанг почуяла мой охотничий азарт не хуже, чем все остальное, и задерживать не собиралась. Но я сам скакунов придержал, потому что за это время появился еще один вопрос к Инорожденной Дня — как ни странно, касательно ее веры. Совсем по-иному показалась она мне при личном разговоре, чем в пересказе.

— Слушай, а все-таки в чем суть насчет Сообразного Воздаяния?

— Что, зацепило? — светло и бесхитростно улыбнулась хтангская принцесса.

В ответ я только кивнул. Да еще покраснел, словно был пойман взрослой женщиной на детской шалости. Она замолчала надолго, затихла. Я уже решил, что больше она ничего не скажет. Но все же услышал:

— Для меня — в том, что нельзя позволять себе платить цену, о которой придется сожалеть. А для тебя... Сам подумай.

На этом аудиенция как-то естественно подошла к концу. Меня ждала моя погоня. И пуще вопросов о цене и ценности донимала мысль о сладкой парочке богоискателей.

Зачем им сдалась Древнейшая Кровь?

Найти место, где вершат свои подзаконные делишки двое властелинов порока, на старости лет сбрендивших на религии, было не в пример легче, чем все предыдущие звенья той же цепи. Странным оказалось лишь то, что помимо общего жилья их объединяет еще нечто. Раньше я думал, что поселиться рядом их заставила только одна на двоих тяга к показухе и пустой экономии.

Не знал бы точно, где искать, так сочетание хвастливого богатства с мелочной прижимистостью указало бы. Эти по заброшенным кварталам не прятались, хотя в богатом выбрали самое дешевое местечко. В самом конце улицы, рядом с участком, пустующим совсем уж невесть отчего.

Даже в небедной местности область занятий хозяев наложила отпечаток на обиталище. Зачем-то ресторацию устроили на первом этаже своего даже не особняка, а скорее доходного дома. Да и все вокруг гляделось как-то замусоренно, крикливо, с базарным оттенком.

Подтверждая выводы, навстречу попалась огрская арба, груженная здоровенной клеткой наподобие тех, что в зооса-ду для мантикор и прочих редких тварей пользуют. Только не сей раз в ней не магическое зверье было, а самая простецкая уличная животина. Не из полезных, для забавы разводимая порода.

Клоуны — зверье, схожее с разумными существами хуже обезьянского отродья. Набили их в решетчатую тару туго, так что от тесноты те совсем сбесились. Только верещали и щелкали зубами, пытаясь высунуть хари наружу. Вот же твари!

Человекоподобные без разума, не похожие ни на одну из рас мира. И в то же время сходные одновременно со всеми. Как такое может быть, не понимаю...

Откуда вообще их столько взялось? Раньше клоунов держали только при балаганах, да еще на ипподроме, для родео. Еще, говорят, в богатых семьях была такая мода — приводить клоунов на детские праздники, чтобы те забавляли сыночков и дочек ужимками и прыжками. А теперь кривляющиеся фигуры в нелепых балахонах, с разноцветными харями и насаженными на них шарами искусственных носов кривляются под звуки дудок чуть ли не на каждом углу.

А откуда вообще берутся клоуны? Раньше никогда не задумывался. Так или иначе, сейчас там явный кризис перепроизводства. Если уже до предела набитыми клетками вывозят...

Ладно. Не до того сейчас. Надо прикинуть, как на разведку в дом проникнуть.

На первый взгляд, проще всего в ресторацию зайти. Чтобы у таких хозяев заведение было без номеров наверху, никогда не поверю. Вот только, если клиентам есть ход с первого этажа, то есть и кордоны, страхующие их от несанкционированного проникновения куда не надо. И обойти их без шума ой как непросто...

Куда выгоднее было бы с соседнего дома на крышу зайти, да вот беда — нет соседних домов. С одной стороны проспект, с другой — участок заброшенный. Что-то везет мне сегодня на крайние в ряду строения. Так и хожу с угла на угол...

А вот насчет пустого участка — это мысль. Там и контур магической защиты может быть поставлен послабее. По старой памяти, на бывшую когда-то застройку заведен. Стоит попытаться. Правда, надо бы еще и задуматься, почему недешевая земля в престижном квартале пустует.

Но вполне может быть, что как раз из-за соседей...

Поначалу ничто не настораживало ни снаружи ограды, глухо заколоченной деревянными щитами, ни внутри нее. Разве что ощущение покинутости, заброшенности, окончательной какой-то пустоты. С тем, что за забором осталось, не сравнить.

Здесь все иначе было. Не так даже, как в старом центре. Там лишь призрак запустения витал, отголосок, не в полную силу звучащий. А здесь, всего в двух шагах от шумного богатства и крикливых попыток ему подражать, забвение давно и надолго вступило в свои права.

Казалось, ни звука, ни шелеста не пробивается извне за забитую досками узорчатую кованую ограду. Как отрезало все вокруг, будто вовсе не окраина это, а совсем дальняя, заброшенная сторона, до которой от любых обитаемых мест даже воздушным кораблем долгие дни пути.

Тишина и спокойствие, лишенные всякого признака жизни. Даже травинки-былинки не шелохнутся, иссохнув до призрачной легкости. Тронь — распадутся трухой, словно не жили, не зеленели никогда, радуясь солнцу.

Да еще руины, невидимые с улицы...

Остаток дальней стены, острия углов, зубья оконных и дверных проемов, проступающие из кургана песка и щебенки, в которые обратилось все прочее. Все ветхое, дряхлое до предела, и если еще стоит, значит, просто не в силах рухнуть.

А между огрызками стен холодным блеском, словно разлившаяся неотвержденная ртуть, сверкала какая-то ровная гладь. Светившаяся сиюсекундной новизной и презрением к вечности в противовес всему виденному здесь прежде.

Наверное, не лучшей идеей было подходить поближе и заглядывать внутрь развалин через дверной проем. Но отчего-то я не мог удержаться. Да и не ощущалось опасности в чуждом сиянии. Скорее тайна какая-то.

С приближением блеск глади угасал, видимый лишь под небольшим углом. Поверхность наливалась глубиной, пусть теплого тона, но все же слишком темной, неподобающей яркому дню. Будто в руинах открывался бездонный колодец, затянутый тончайшей пленкой или залитый очень прозрачной водой...

Вот только это был не колодец. Да и откуда ему здесь взяться, бездонному-то, в городе, на сотню ярдов вниз изрытому ходами канализации и прочих катакомб? Еще пара примет указывала, что теряющиеся в глубокой коричневой тьме бесконечные стены мелкокаменной кладки не вниз уходят. Или, вернее, не уходили когда-то.

Судя по тому, что полустершийся декор на остатках стен в пленке выглядел опрокинутым, как и марши опоясывающей их изнутри лестницы, не колодец — башню отражала она. Бесконечно устремившуюся ввысь башню, непредставимо высокую даже для полутораярдовой толщи стен у разрушенного основания. Магическое строение, призванное достигнуть

неизмеримых высот, быть может, самого Небесного Города Итархина...

Очень осторожно, едва переставляя ноги, я попятился прочь, вплоть до самой стены доходного ресторационного дома. Все казалось, что, оборачиваясь, оступлюсь, не удержусь и буду обречен вечно падать в призрачную высь...

Как и предполагалось, защита на глухой стене, выходившей сюда, отсутствовала почти начисто. А на самом верху виднелось вполне приличных размеров окошко, ведущее на чердак. Что стена глухая — одно название. Карнизиков, дыр от вынутых балок, полузаделанных проемов и просто неровностей кому-кому, а мне с избытком хватит, чтобы до того окошка долезть. Тем более с тесаком.

Сказано — сделано. Полдюжины минут спустя, отжав клинком жалюзи, я осторожно, постепенно привыкая к полутьме, перенес тяжесть тела на ногу, уже стоящую на скрипучем чердачном настиле. В огромном пространстве под высокой кровлей смутно проглядывали какие-то донельзя странные, переплетенные и переходящие друг в друга формы.

Распознать их с ходу я не сумел, а потому перенес внимание на нечто знакомое, легко понятное — вот только здесь совершенно неуместное. Не будь это новый центр города, один из его престижных районов, я решил бы, что попал на свиноферму. Во всяком случае, в ее инкубатор. Та же духота, те же ровные ряды деревянных полок, где в корзинах с мочалом зреют кожистые свиные яйца. Не узнать трудно — был грех, таскали мы, новобранцы, у фермеров не вылупившихся яичных поросят...

Вот так хозяйственность! Неужто свежатинку к столу прямо здесь выращивают? Чтобы, значит, подать поросенка спустя полчаса после того, как он испустил свой первый и последний в жизни писк. А то и вовсе для уверенности забить на виду привередливого клиента. Бывают такие любители жрать только что живое...

Из любопытства я подобрался поближе и тут заметил следующую несообразность: над яйцами широко раскрыли свои глотки медные раструбы. Такие же вылезали из пола, пронизывая собой все этажи до ресторанного зала, с ответвлениями на каждом этаже. Это было отлично видно, если глянуть в незаделанную щель в чердачном настиле.

Вроде как вытяжка на кухне. Только зачем она здесь, где жар, наоборот, сохранять надо? Я попробовал проследить взглядом направления вытяжных продухов от инкубатора и тут же запутался. Под самой кровлей и везде по чердаку извивались в противоестественном соитии десятки медных труб и стержней. Словно клубок безногих ящериц по весне. Или храмовый орган, в который кинули магическую мину-мясорубку.

Если бы не размеры, давно уже мог понять, что это такое. А тут словно в глазах скакнуло: учебка, лаборатория наложения, бесконечная возня с цыплятами контрольных серий — многолапыми, многокрылыми. У некоторых и хоботы были...

Ретранслятор наследственности. Вон оно как...

Волноводы — медные, с расчетом длины волны, интерферaторами и дифракторами, больше похожими на тюремные решетки и ножи гильотин. А это что еще? Многослойный фильтр из медной сетки с подвижными решетками... Поляризационными, наверное.

Только что на что они тут накладывают? Свинскую жадность и неразборчивость на едоков? Непохоже. В зале вводные раструбы, а в инкубаторе выводные. Не наоборот — тут не спутаешь.

Значит, на входе посетители ресторана, клиенты в номерах, клерки в конторах. И даже сами хозяева в своих покоях. А на выходе...

Я склонился над корзинками, силясь рассмотреть, что не так с кладкой. Даже извлек и разбудил щедро насыпанным сахаром жука-фонарника, давно уже ставшего моим талисманом. Поднес его поближе...

И чуть не отпрыгнул, когда рассмотрел, чьи лица смотрят на меня слеподырыми еще глазами изнутри зрелых яиц. Лица, не рыла или морды, что уж совсем ничему не сообразно было. Из разумных яйца откладывают только мелкие зеленые гоблины и хисахские дракониды. Но эти были точь-в-точь свиные.

Вот только сквозь кожистую скорлупу проглядывали готовые вылупиться клоуны.

Загадки перепроизводства уличных забавников, лишенных разума, и странной чердачной фабрики наложения на-

следственности имели общий ответ. Ясно теперь, что за продукция валом валит, затопляя Анарисс.

На выходе здесь клоуны!

Теперь понятно, почему они похожи на всех разом. Пятна кожи любых цветов, карикатурные признаки рас. Пропорции годовалого младенца — это уже от исходных поросят. Огромная голова на длинном туловище, хилые ручки, вторая пара которых упрятана под широкий балахон. Искусственные носы, прикрывающие рудиментарный пятачок, и ножки, упрятанные в гигантские ботинки для устойчивости...

Зачем только? Кому они нужны оказались, уродцы эти? И так уже больше, чем надо. По мне, и вовсе бы их не было. Свиней в человеческом облике и так хватает. Среди иных рас тоже...

Нет, клоуны — это, так сказать, побочный продукт. Что же тогда основной? Вопрос...

На него, похоже, уже не ответит никто, кроме хозяев. Мое счастье, что они сами дали мне инструмент для незаметных поисков — систему волноводов, пронизывающую все здание, с выходами на каждом этаже, смотровыми лючками, техническими разъемами и даже ступеньками внутри, для чистки и ремонта. В этом я убедился, откинув крышку на одном из не самых широких каналов.

Конечно, там все, почитай, рассчитано на мелких зеленых гоблинов или тварей, подобных им по размеру. Но и я не огр, горным сыром да маслом откормленный. Пролезу как-нибудь. А если кого внутри встречу, ему же хуже. У меня найдется, о чем такого спросить...

Дожидаться «языка» даже и не пришлось. Лестница внизу заскрипела, чердачный люк приподнялся, впуская узкую полосу света. Шагнув за волновод, я смотрел, как крохотное, наподобие гоблина, создание в балахоне, полностью скрывающем фигуру, деловито засеменило вдоль полок, осматривая и переворачивая яйца. На клоуна не похоже, на человека тоже. Даже на зеленявку с изрядным натягом.

Когда мелочь поравнялась со мной, я не слишком сильно, но все же крепко, чтобы с гарантией, двинул ее кулаком сверху по капюшону. Странно всхлипнув, скорее всхрюкнув, создание завалилось на бок, напоследок еще и дрыгнув ножками. Кажется, перестарался...

Оттащив увесистое для своего размера тельце с прохода в место потише, я распутал балахон — и вздохнул одновременно с сожалением и облегчением. Этого «языка» уже не расспросишь — кровь ручьями струилась из ноздрей. Слабоват он оказался на черепушку, толком не заросшую, как у ребенка. Правда, и при жизни создание вряд ли смогло бы что-то сказать, ибо кровавые сопли текли из самого что ни на есть обычного свиного пятачка.

Хотя тут еще неизвестно, как повернулось бы. Уж больно осмысленно вел себя свиненок, непохоже на дрессировку. Разве что на действия животного под вразумляющим заклятием. Но такое заклятие сразу видно, а спешно извлеченный тестер магии ничего не показал.

От тычка мячиком тестера свиненок ненадолго очнулся, посмотрев на меня мутным, полным страдания взглядом.

— Ой, мамочка... Больно... — совершенно отчетливо проговорил он, подтвердив мои худшие предположения, и только после того издох.

Вот, значит, кто еще выходит из здешнего инкубатора, кроме клоунов. И если те наследуют подобие облика разумных, то эти, не меняясь внешне, получают главное — разум. И все-таки на главное, на цель всего проекта, не тянут даже эти уникумы, вставшие вровень с творениями Породителей.

Что же тогда? И при чем здесь все-таки Древнейшая Кровь?!

Этаж за этажом был тщательно осмотрен на предмет производств или сборищ, соотносимых с виденным на чердаке. А главное, владельцев всего вышеперечисленного, таинственных сектантов, божьих одуванчиков — Хозяина Нищих и ГранМадам. Но Судьба, улыбнувшаяся поначалу, теперь настойчиво отказывала в легком успехе.

Раз за разом открывались однотипные картины жилых покоев, иногда занятых лакеями и горничными, иногда пустующих; контор, чью нище-бордельную специфику никак не выдавал вид стандартных, словно в одной форме отлитых клерков; номеров с клиентами и проститутками, изощряющимися, дабы угодить им — иногда весьма странным обра-

зом. И разумеется, ресторационных залов и кухонь, переполненных всеми, помянутыми ранее, и еще многими, не нашедшими себе места выше.

Уже, почитай, до самого низа спустился, а хозяев и следов их религиозной или производственной деятельности все нет. Причем вне дома в это время они пребывать не должны. Все главные конторы и делопроизводства — здесь, а для того, чтобы по точкам ходить, приказчики найдутся. Не хозяйское это дело — при каждом нищеброде и каждой шлюхе лично стоять. Да и лета уже не те...

Остаются подвалы, больше негде. Значит, и верно что-то совсем уж нехорошее задумали двое сектантов, даже обычного их злотворства страшнее, раз до самой глубины падения дошли.

Тут один странный закон Судьбы работает: если ты подпольщик, то и место тебе в подполе. В лучшем случае в подвале. А в худшем — вообще в катакомбах каких-нибудь. И еще хорошо, если не самому же их рыть придется.

Не держит отчего-то земля на себе всяких бунтарей и инсургентов, при жизни ввергает в небольшую личную преисподнюю. Чаще всего по заслугам.

С девятой попытки вместо обычного бардака кухонных кладовых и прачечных открылся совершенный бедлам. Стараясь двигаться потише, я пристроился на перегораживающей трубу решетке у люка и вновь выглянул в смотровую дверцу.

Все здесь. И главные подельники, и их подручные, без права возведенные в полный разум. Десятки свинят суетились в огромном подвале, превращенном в смесь алхимической и наследственно-меняющей лабораторий, держа в руках... в копытах... в общем, в рукопытах умело приспособленные для них инструменты.

Как ни поразительны были успехи тварей, измененных странной магией, меня интересовали не они. Изо всех сил прислушиваясь, я пытался разобрать разговор тех, кто вызвал эти создания к жизни, а может, отчасти и вправду произвел на свет отголоском своей плоти, посланным через волновод ретранслятора. Здесь-то тоже имелся в наличии полный комплект выходных раструбов. Вот, значит, какую «мамочку» звал свиненок. А тут еще и «папочка» имеется...

К сожалению, попал я не на самое начало разговора, поэтому о многом приходилось догадываться. Во всяком случае, перечисление готовности каких-то странных составляющих ничего мне не говорило.

— Ускорители? — деловито осведомилась ГранМадам.

— Что им сделается, — ворчливо отозвался Хозяин Нищих. — Как на кухне над фаст-фудом крутились, так и крутятся. Волновод от них кинуть сюда не проблема, сколько раз уже делали...

— Перводракон? — продолжила старуха.

— За этим не пропадет! — усмехнулся ее подельник. — Свое дело справил, и поминай как звали, охальник крылатый. Охотники рогачиху тут же завалили и все, что надо, забрали в достаточном количестве... — Жутковатый дедок меленько захихикал.

Непонятно, что может свести воедино промышленных масштабов кухонную утварь из недорогих ресторанов, используемую, чтобы блюда до готовности за минуту доводить, и одного из Породителей, Перводракона. Да еще какую-то рогачиху...

Или правда, что Повелитель Небес и поныне плодит драконов от любых подходящих и неподходящих неразумных тварей?

Меж тем перечень пополнился совсем уж несусветным ингредиентом.

— Престол Спокойствия? — так же просто, как и по прочим бытовым и мифологическим составляющим, затребовала отчета ГранМадам.

Это же Вторая Реликвия Храма Победивших Богов! Тут уже, в отличие от реплики о Перводраконе, я масштаб с ходу распознал, ибо сам имею опыт обращения с теми магическими артефактами. Потому и прослушал начало ответных слов отставного вида старикана. Но общий смысл уловил — заказ будет исполнен, причем так, что одной стрелой двух сусликов прибьет. С какого края здесь еще и суслики, я так окончательно и не понял, потому что если с рогачихой Перводракона представить еще можно, то с сусликами, да еще сразу двумя...

Оттого и еще какая-то важная фраза ускользнула. Связка между предыдущей темой и той, что заставила меня напрячься до судороги.

— Значит, можно считать, что Древнейшая, наследница ау Ирийорр, у нас в кармане? — Впервые за все время жуткая старуха довольно улыбнулась.

Лучше бы ей этого не делать...

— Именно так, моя сладенькая, — столь же игриво усмехнулся в ответ Хозяин Нищих. — Сама придет, можно считать!

С этого момента я слушал не отрываясь, до звона в ушах. Хотя главное уже прозвучало — дедову внучку надо перехватить на подходе к этому демонскому гнезду!

— Тогда и вправду все в порядке, — с сомнением, недоверчиво поджав губы, признала ГранМадам. — Кровь, что сильнее крови, породившей нынешних богов, даст мощь призвать их к ответу... И всякому смертному сообразно воздать... не тратя лишнего времени. Слишком долго мы ждали!

— Эт-точно, пампушечка, все в ажуре — ускорители, ретрансляторы, стабилизатор процесса, наследственный материал, — жизнерадостно заверил подельницу старик. — А уж эта ягодка демонову дюжину очков вперед любой другой эльфи даст!!!

«Что бы ни могла дать Келла, все одно это не про ваши гнилые души!» — чуть не выпалил я. Рвущийся окрик удержала лишь привычка молчать вблизи от противника, хоть тебя живожорка ешь. Что и как, кроме уже порожденного, надеялись вывести эти двое, понять пока не получалось, но мне и этого было достаточно.

Одно ясно: планы спонсоров Мертвовода, похоже, оказались помасштабнее его собственных. Тот хоть не лез в дела богов, от которых при любом раскладе толку не добьешься — Война Сил тому примером. А в исполнении подобных ревнителей веры все рискует выйти особенно жутко...

Дальнейшее только укрепляло в таком выводе да немного добавляло красок к образу сладкой парочки, особенно хозяйки всея борделей.

— Не о том думаешь, кобелище, — одернула она подельника. — Потом с ней что?

— Ну, память затрем, и пусть гуляет... — неуверенно протянул старикан. — Как обычно с клиентом, который не туда заглянул...

— Это Древнейшей-то? — фыркнула ГранМадам. — Не смеши клоунов! С обычными-то эльфями не всякий раз срабатывало!

— Тогда что? В мешок да в котел? — насупился Хозяин Нищих. — Как-то...

— Еще скажи — в мясокрутку, твоим клоунам на фарш! — сварливо передразнила старуха.

— Что ты заладила: «твоим» да «твоим»! Нашим! — огрызнулся тот. — Свинята тоже не сплошь твои...

— Деточек не трожь! — сурово оборвала подельника ГранМадам. — Я о деле, пустобрех!

— О деле... — старикан притух. — Если о деле, скажи тогда сама, куда ее все-таки!

— В ускоритель! — зловеще прошипела ведьма. — За неделю дойдет, маразмом память надежнее выкосит. Да и кто ее тогда признает? Многопрадед за свою мамашу примет в лучшем случае! А нам как раз оттока хватит лет до сорока подняться. На обычных-то девках едва по эту сторону Завесы держимся. Хорошо, если месяц с каждой выходит...

Оп-па... Ну, сволочь, она у меня дождется в свое время! С удовольствием прирезал бы эту парочку и всех прочих участников проекта. А еще лучше — расколотил бы в сектантском подвале колбу ведьминого студня на пару галлонов. Но нельзя. Через них идет единственная веревочка к Келле.

А значит, придется потерпеть немного.

Тихо-тихо я пополз к примеченному заранее выходу уже прямо на улицу, стараясь не спугнуть заговорщиков и свою удачу, а заодно перебирая про себя услышанное, чтобы не упустить ничего важного. Но вроде все понял точно. Одно только совсем иначе повернулось в сравнении с прежним.

Зря я полагал Хозяина Нищих средоточием зла в городе. На поверку при всей своей безжалостности старикан оказался не чужд сентиментальности.

Во всяком случае, от некоторых идей подельницы его явственно коробило.

4
Утраты и приобретения

Если б я знал, как это трудно — уснуть одному,
Если б я знал, что меня ждет, — я бы вышел в окно,
А так все идет, скучно в Москве и дождливо в Крыму,
И все хорошо, и эти двое уснули давно...

Спрыгнув с цоколя особняка, я уже привычно оглянулся вправо-влево, засекая возможную слежку. Вверх тоже не поленился посмотреть. А под ноги глянул еще перед тем, как прыгать.

Ничего, обошлось вроде. Ни пятачка, ни копытца, ни свинячьего хвостика. Соглядатаев из потомства «сладкой парочки» не видно, иной какой расы шпионов — тоже. Чисто ушел.

Впрочем, пара-другая цепких глаз и ушей, прорастающих сквозь любые стены, поблизости от этого семейного гнездышка мне бы самому теперь пригодилась. На случай, если не удастся перехватить дедову внучку до времени и придется подлавливать ее непосредственно у ворот заказчика. Конечно, лучше бы до такого не доводить и выйти на нее в городе. Но предусмотреть надо все варианты — слишком высока ставка.

Вот только кого бы к делу пристроить... Для меканских парней калибр мелковат, по такому делу и просить-то стыдно. Да и самих ребят мало, а тут стоило бы для надежности сеть пошире раскинуть. Снять пару-другую артелей «разменных» у дорассветных бугров... Выход, конечно. Но не хочется. По тем же причинам, что и раньше.

А если не дорассветных, то кого тогда? Спамеров?

Да нет, мальцы не хуже взрослых конкурентов натренированы перепродавать клиентов друг другу, накручивая цену. Монополизированный рынок не особо тяготеет к разнообразию услуг и соблюдению договоров. Тут бы подобрать исполнителей столь же массовых и поодиночке дешевых, но не особо склонных задумываться над собственной долей в любой прибыли...

Подростковые банды. Этих на сворку взять трудновато будет, зато по следу пойдут без особых раздумий и торопливой жажды перепродать. Банд много, значит, конкуренция и

боевой дух на уровне. В контракт зубами вцепятся. Словом, лучший вариант.

Одна загвоздка — не знаю, как в иных городах, а в Анариссе эту нишу занимают девчонки от восьми до пятнадцати, чаще всего человеческой крови, которым и дома уже не сидится, и на панель еще не хочется. Позже-то таким все одно либо туда, либо за Последнюю Завесу. Не в белошвейки же!

Солидарность дорассветных и спамеров, несмотря на разницу в поколение, выражается в общем отношении к малолетним оторвам: не мужское, мол, это дело! Девчачья забава — по улицам лохов трясти и рожи друг другу бритвами полосовать. Оттого, наверное, что в здравом уме ни те, ни другие не станут связываться с отмороженными нимфетками. Как правило, у каждой старт карьеры сопровождался изнасилованием, частенько вперемешку с инцестом, и потому отношение к противоположному полу у них соответствующее.

Ну да выбирать не приходится. А на героя и дракон летит. Пары кварталов за спиной не оставил, как в виду замаячили первые девичьи силуэты, одетые и причесанные на один и тот же агрессивно-нелепый манер.

Разрезные почти до пояса юбки с бронзовыми кольцами-утяжелителями на конце каждой из полос, кожаные жилетки на голое тело. Волосы переплетены бисером, стеклярусом и взбиты вороньим гнездом с обязательными цветными прядями, указывающими на принадлежность к конкретной шайке. У этих — алый, желтый и медь «ведьминого меда». Мордочки от кончика носа к вискам тоже разлинованы извилистыми цветными полосами. «Гекопардовые Орхидеи», не первой лиги банда. На столь дорогой улице им и делать-то вроде бы нечего. Во всяком случае, так было, пока я еще жил в городе. Теперь, похоже, ситуация в корне изменилась.

Для проверки я еще прошелся вниз, к воротам Надежды, высматривая цветастых девах. Перемены обозначились еще более четко. Раньше малолетние бандитки шлялись поодиночке или всей стаей, теперь же на каждом перекрестке отсвечивали парочки расфуфыренных уголовниц. Время от времени к ним присоединялась третья, но ненадолго — одна из прежних тут же снималась с места и исчезала, чтобы объ-

явиться в следующей паре. Чем-то мне такой порядок был знаком. Ну да, точно! Это же «скользящая сеть» — прием патрулирования рейнджеров под заклятием.

Да и многовато их как-то, причем не только за счет новых. Кое-кого я помню в цветах других банд. Плюс еще одна закономерность: чем мельче девицы, тем довольнее их мордочки. У некоторых даже глаза восторженно светятся. Соответственно, наоборот — чем крупнее бандитки, тем мрачнее и покарябаннее их физиономии.

Похоже, «Орхидеи» пережили переворот с последующей реорганизацией. Кто-то у них там завелся, причем одновременно с головой, коготками и здоровенной харизмой. У меня промелькнуло некое предчувствие, но оно не было настолько неприятным, чтобы обратить на него внимание.

Пора уже наметить кого-нибудь, чтобы выйти на контакт. Если есть дозор, должен быть и разводящий. И похоже, как раз его, то есть ее, Судьба мне и послала. Этакую светлогривую пышечку, споро притрусившую к только что обновленной двойке, обменявшуюся с рядовыми парой фраз и явно собравшуюся дальше. Судя по длине полос разрезной юбки — ниже колена, — блондинка состояла в банде в немалых чинах. Не сама бандерша, но уж унтер-офицерский состав — точно. Из ключевых, а то и доверенная...

Догнав ее лишь через квартал, я по привычке окликнул девчонку: «Эй, малышка!», но тут же осознал свою ошибку.

Это поначалу, со спины, я принял унтер-бандершу за совсем уж малолетку. Даже мне она была всего лишь по плечо — до пяти футов не хватало пары дюймов. Но округлый полный задик и крутые бедра наводили на размышления, а когда девчонка повернулась, все сомнения рассеялись: спереди она была одарена еще круче, чем сзади. Во всяком случае, любую из ее дынек одной ладонью мне было не охватить. Обеими пришлось бы, и то полная пригоршня с горкой получится...

Впрочем, об этом лучше лишний раз не думать. Мне еще дела с ней вести, а на пристальный взгляд на свои прелести такие реагируют быстро и незатейливо — либо свинчаткой в лоб, либо бритвой по яйцам. Ничего, что оружия на первый взгляд не видно, стандартный комплект на месте: кастень — две шипастые отливки из свинца или латуни с дырками для

пальцев, соединенные цепью в пару футов, — вокруг пояса под юбкой, дюжина заточенных спиц в корсетных швах жилетки, бритва или нож сзади, в кармане-ножнах между лопатками

Так и я не кадавр, заикой заклятый. Только у меня все на виду — к чему скрывать. Мужчина, по своей воле решивший заговорить с одной из «Орхидей», уже достоин пристального внимания. Особенно если у него под мышками торчат рукоятки офицерских восьмиствольников, а на ремнях армейского сетчатого жилета удобно устроились «осиные гнезда», для сохранности обернутые восковой бумагой.

На этот раз я не пренебрег пружинными бомбами. Правда, взял только те, что с парализующим ядом на иглах «снежинок». А вот файрболы совсем на виду развешивать не стал — но ими тоже озаботился. Всего полдюжины, в городе больше не понадобится. Тяжелого кадавра попросту в улицу не протолкнешь, а все остальное таким образом снесет вместе с парой стен в придачу.

Еще одна меченая кость у меня в запасе тоже с ходу не просматривалась. Это из тех способностей, что прорезались после общения с Мечом Повторной Жизни и только усиливались от каждой новой попадавшейся на пути Реликвии. Ощутив вблизи поток одной из подвластных теперь сил, я слегка напрягся, подзывая аспект поближе.

Тем временем, оценив мой арсенал в сравнении с собственным, пышечка решила на «малышку» не обижаться. Только смерила взглядом подчеркнуто и присвистнула.

— Чего надо, дядя?

— Да так, дело есть, — зашел я издалека, как тесайрский перехватчик на наш флайбот.

— На сколько? — Мышление у опасной куколки оказалось вполне конкретное.

— Золотых на дюжину. — Насколько я еще помню по собственному городскому житью, такая сумма вполне обеспечит работой на день вдвое большее число исполнителей.

Блондиночка задумчиво кивнула, соглашаясь, что, таки да, повод к разговору есть. Уже хорошо. Теперь главное — правильно выстроить задачу. Но сие попроще будет: в отличие от спамеров, ограничение контракта которых звучит как «без грязи и мокрятины», малолетние уголовницы на вторую часть

этой формулировки плевали с набережной небесного города Итархина. А к первой моя нужда в них не сводилась. Упаси Судьба...

— Присмотреть надо за одним домом и за товаром, что в этот дом попасть должен, — следом за наживкой пошел крючок. — Возьметесь?

— Смотря за каким... — протянула девчонка. — Ты-то сам кто такой? Из «хватов», что ли, такой любопытный?

Это уже лишнее. До расспросов дела доводить не стоит. Пора ошарашить блондинку по полной, чтобы впредь не задумывалась. Лучше всего — правдой, поскольку я уже убедился, что в городе моя популярность разрослась едва ли не до размеров славы Хогохи Неправедного.

— Подымай хуже! — Я оскалился во весь рот. — Я Потрошитель Пойнтер!

— Да ну! Врешь ведь! — с насмешливым недоверием покачала головой мелкая бандитка.

— Под ноги посмотри, — доброжелательно посоветовал я в ответ.

Травка, пробившаяся между камнями мостовой при моих первых словах, уже вытянулась до колен пигалицы. Бандитка стояла в центре небольшой зеленой кочки.

— Силен мужик! — восхищенно выдохнула блондиночка, осторожно выпутывая сапожки из переплетения стеблей. — Ты же не эльф, чтоб такие фокусы откалывать!

— Ну так! — опять растянул губы я. — В некотором роде...

— И на мага не похож, даже на деревенского колдуна, — продолжала развивать интеллектуальные усилия девчонка.

Много она деревенских колдунов видела, надо думать. Хотя чем судьба не шутит, не исключено, что малявка из заблудших фермерских дочек. Скорость соображения у нее как раз сойдет для сельской местности. Как и фигура...

Плоды упорных рассуждений как раз дозрели в глубинах сознания куколки.

— Ты ж Потрошитель Пойнтер! — Глаза ее восторженно округлились.

— А я тебе о чем! — Мне оставалось только согласиться.

— Тот самый! Знаменитый похититель реликвий! Ты ж, наверное, тоже за Второй пришел! — продолжала восхищенно сыпать белобрысая, пока не осеклась: — Ой!!!

После этого возгласа малолетняя уголовница замолчала, потупившись и смущенно водя носком сапожка по краю травяной кочки. Похоже, она сказала куда больше, чем нужно, и теперь боролась с непреодолимым желанием сунуть указательный палец в рот и вцепиться зубами в длинный ноготь. Хорошо хоть бежать не кинулась. Видно, решила, что от такого не убежишь...

— А кто еще, кроме меня? — строго спросил Великий и Ужасный Пойнтер.

— Ну... Мы вот... тоже... — Теперь слова у бандиточки шли с неохотой. — Но ты ж не будешь... То есть...

Это уже даже не дракон на героя, это прямо-таки второй файрбол в одну воронку. Совпаденьице, однако. Теперь только бы не спугнуть, не упустить удачу. А это трудновато будет — в глазах блондиночки чуть ли не слезы заблестели.

— Это мой контракт! — сорвалась она на обиженный писк. — Я нашла заказчика, и аванс уже...

— Утихни! — прикрикнул в ответ я. — Никто не собирается контракт твой драгоценный перехватывать!

Внезапно снизошло вдохновение, которое, в отличие от дурных предчувствий, посещает меня куда реже. Складно врать, исходя из правды, у меня получается обычно с трудом. Но сейчас слова сами вязались одно за другое.

— Я как раз от заказчика. Проследить за доставкой. Кто исполняет заказ?

— На дело Сама пошла. — Деваха округлила глаза. — Заглавная Сестрица!

Заглавная, значит. Хорошо хоть не прописная... Час от часу не легче. Похоже, придется схлестнуться с предполагаемой реформаторшей девичьей банды. А ей, судя по всему, не вкрутишь мозги так легко, как этой... строчной.

— Слушай... — я изобразил задумчивость. — Как тебя, кстати?

— Пемси! — с готовностью отозвалась белобрысая. — То есть Памела, хай-сэр!

— Отставить, Пемси, — последнее обращение настроило меня на военный лад. — Без чинов!

— Ясно! — Новоявленная подчиненная исправно ела начальство глазами. Без приказа по всей форме она теперь не

успокоится. Что мне как раз на руку. Что ж, за нами не заржавеет.

— Проводи на место, — деловитым тоном отдал я необходимое распоряжение, дополнив не менее важным: — Подробности по пути.

Блондиночка не вытянулась по стойке «смирно» только оттого, что с ходу развернулась, готовая затрусить в сторону Храма, вверх по улице, но от сугубо армейского ответа не удержалась:

— А-йе, хай-сэр!!!

Ну точно как в строю. Умилительно, конечно, но менее опасной унтер-бандершу такая услужливость не делает. Так что теперь одновременно требуется не снижать напора, чтобы не дать куколке задуматься, и разузнать побольше о предполагаемой операции. В разрезе «что/кто-где-когда?». Точнее, уже только «когда» — «что» было ясно с самого начала, «кто» только что вскрылось, хотя от подробностей по данному вопросу я бы не отказался. Ну а насчет «где»... Похищать любую из Реликвий где-либо, кроме Храма Победивших Богов, в котором все они хранятся чуть ли не с самой Войны Сил, было бы особо затруднительно. Не в Огрские же горы отправляться за какой-нибудь из них...

Оставалась еще одна загвоздка, в стандартном перечне вопросов не помянутая. Как? Каким образом непрофессиональная мелкота будет преодолевать толстые стены, многочисленную стражу и охранные заклятия? Штурмом, что ли, оторвы малолетние брать Храм собрались?! Атакой психической в полный рост, под волынки?!

Нет, это раньше у них не хватило бы фантазии ни на что большее. Теперь-то, после «скользящей сети», от бандиток всего ожидать можно. Вплоть до воздушного налета с разборкой кровли. Чую, что эта их новая «Буквица», то есть Заглавная, и не на такое способна...

Спустя дюжину минут, не больше, мы остановились перед воротами... нет, не храмовой ограды. Сарая. Здоровенного такого курятника в самом низу откоса, над которым сам Храм возвышался нагромождением плетеных ульев. Жрец, как известно, недаром так зовется — пожрать они всегда здо-

ровы были, а курятина у них — излюбленное блюдо. Оттого весь этот откос уставлен птичниками так плотно, будто сами птицы его и застраивали. Только не куры, а ласточки какие-нибудь или дикие крикуны, речные.

Помнится, не так давно я сам нанес некоторый урон этим строениям, предварительно пробив заалтарный витраж — когда ноги из Храма уносил после первого в жизни близкого знакомства с Реликвией. С неоформившимся, не настоявшимся еще подобием ностальгии я глянул на обновленную панель из цветного стекла в свинцовом переплете. Теперь, похоже, этот путь придется преодолеть в обратном направлении и, надеюсь, уже без вреда витражу.

Что я там о налетах и прочих мэд-джампах рассуждал? На деле все оказалось проще и тривиальнее. Подкоп. Недорогое безумное решение вполне в духе сумасшедшей дешевки — самих малолетних уголовниц, однако требующее весьма точного расчета от их гениальной новой бандерши, в способностях которой лично я почему-то сомневаться уже не мог.

Проблемы с доступом, заклятиями и стражей, таким образом, снимаются изначально. А кадров под такую задачу банде, теперь самой большой и влиятельной в городе, не занимать. Ограниченный срок исполнения тут уже не помеха, а лишний стимул. Стать вровень с самим Потрошителем Пойнтером — чем не приманка для неокрепшего подросткового самолюбия мелких бандиток!

На входе в сарай обнаружилась парочка таковых, довольно убедительно закамуфлированная под птичниц. А что, удобно. Девчонки-гусятницы и так суетятся здесь в изобилии, пара-другая дюжин лишних подозрений не вызовет.

На меня малолетки попытались вызвериться, невзирая на присутствие Пемси. Та, впрочем, живо загасила их пыл выражениями малость попроще тех, что доводилось слышать от моей высокородной и прочих эльфей. Человеческая кровь дает себя знать — у Памелы нецензурщина носила скорее бытовой, кухонный оттенок. Еще и в том плане, что унтербандерша так не ругалась. Она так разговаривала, со всем спектром интонаций, вплоть до самых ласковых и уважительных.

Оставалось только удивляться, как это в обхождении со мной блондиночка так долго сдерживалась от привычного образа изложения мыслей. Наверное, авторитет давил. Или то, что как раз для изложения мыслей говорок сей никак не годился. Лишь для передачи настроений и побуждения к прямому действию. А может быть, привыкла она уже, что это только для своих, которые и так поймут, что и куда приспособить в привычном круге понятий...

Под такие вот отвлеченные рассуждения мы зашли внутрь и добрались до непосредственного места действия — задней стены курятника, уходившего в глубь склона едва ли на треть. Насесты и кормушки тут были как попало выломаны, а посреди сарая высился внушающий уважение отвал грунта. Куда подевались куры, я особо не задумывался — всю эту ораву, занятую тяжелым физическим трудом, еще и прокормить надо было.

То, что потрудилась банда на совесть, видно было и не вооруженным магией глазом. За кучей земли, перемешанной с соломенной сечкой подстилок и птичьим пухом, открылись исполнительницы титанического саперно-строительного проекта.

Гривы, обычно вздыбленные, у этой компании были забиты землей и слиплись в комья, утыканные куриными перьями. Тряпье было не в лучшем состоянии, а угадать цвет кожи оказалось уже невозможно. Чумазые мордашки выражали крайнюю степень усталости. Во всяком случае, на мое появление вымотанные до предела девицы среагировали чрезвычайно вяло. А своеобычные разъяснения Памелы отвратили их и от этих жалких попыток разобраться с нежданным гостем.

Позади, за спинами копательниц, зиял провал подземного хода. Не такого уж и маленького, как я опасался. Не иначе Заглавная Сестрица отличается изрядным ростом. Или чистоплотностью, не позволяющей протискиваться сквозь узкий лаз, доводя себя до такого же состояния, что и строительницы туннеля. Но скорее всего, ход был рассчитан на размеры предполагаемой добычи. Помнится, Пятая Реликвия оказалась столь здорова, что ее катить приходилось...

На счастье, жук-фонарник в кармане еще даже толком не уснул. На крупинки сахара, щедро брошенные внутрь, он сре-

агировал тут же — завозился, зашуршал и засветился сиянием, вдесятеро усиленным заклятием.

Единственный предлог не лезть в грязную дыру, таким образом, отпал. Делать нечего — окрыленный удачей, я решительно нырнул в лаз.

Да уж, малолетним уголовницам оказалось далеко до речных саперов. Тем, чтобы как-то закрепить стены туннеля, они и не подумали озаботиться. Спустя пять минут пыхтения, холодных капель за шиворот и метания луча по неровным стенам с выступающими корнями и булыжниками впереди показался слабый свет.

Подземный ход вывел не в привычную уже мне сокровищницу, а в крохотное помещение под самым алтарем! Точнее, пустотелый алтарь и содержал внутри себя эту каморку. И как теперь было видно, мог раскрываться изнутри. Ничего себе...

Почти все пространство было занято самой Реликвией и ее потенциальной похитительницей. Престол Спокойствия представлял собой то ли очень узкий стол, то ли непомерно высокую скамью на четырех когтистых лапах с неровно горбатым гребнем посреди, зацело отлитую из потемневшей ныне бронзы. В общем, солидный артефакт, на длинную тонну вполне потянет.

Присевшая перед ним на корточки Заглавная Сестрица и вправду была не так грязна, как остальные участницы грандиозного похищения. Всего-то пара-другая мазков глины на плечах и икрах, да несколько склеенных грязью прядок в безумном вороньем гнезде прически. Длинные полосы разрезной алой юбки для удобства обмотаны вокруг бедер и заткнуты за пояс. Разумно. А то у меня эта часть экипировки уличных хулиганок всегда вызывала сомнения, в отличие от их же жилеток на голое тело — цепляться хвосты, да еще с кольцами, должны за все что ни попадя.

На шорох и сопение за спиной рослая и как-то сливающаяся с подалтарным сумраком бандитка среагировала закономерно, не предполагая подвоха. Еще бы — без дикого шума ее гвардию повязать никто бы не смог, так что опасности не предполагалось.

— Чего тебе, Пемси? — обернулась орудовавшая у Реликвии.

Вот тут уже мне мало не показалось. Что угодно, но только не это...Так вот она, таинственная новая предводительница «Гекопардовых Орхидей»! Гениальная бандерша малолеток не обманула моих ожиданий.

Сумасбродная девчонка-подросток, одетая и причесанная по последней моде уличных девичьих банд. Двухсотдвенадцатилетняя — всего-то — эльфь Древнейшей Крови. Еще до разделения Инорожденных на Ночных и Дневных. Последняя в роду, кстати.

Везет мне на последних в роду...

— Ой!!!

Разнообразием девчоночьи реакции не отличаются. Уж если поймали на запретном, то испуганное ойканье, можно сказать, обеспечено. Только эльфь пришла в себя куда быстрее своей доверенной адъютантши.

— А, это ты...

— Как видишь. — Пожать плечами в этой тесноте было и то затруднительно.

— Зачем пришел? — Дедова внучка обиженно надула губки.

Так все хорошо было, пока глупые взрослые не помешали. Очень знакомая реакция. И ведь теперь еще попробует отвертеться, так что не приструнишь. А говорить, что ее единственный родич и опекун при смерти, в мои планы не входит.

— За тобой, конечно...

— А-а... Дай я быстренько доворую Реликвию, и уже тогда... Совсем немного осталось! Тебе можно, а мне...

Ага. Как я и ожидал. Будто я ее спать на середине вечерней сказки отправляю. Придется пускать в ход тяжелую файрболерию.

— Тебя дедушка зовет. Срочно.

Аргумент подействовал куда сильнее, чем я ожидал — пробил все слои защиты, включая бронепалубу, и разорвался в глубинах магпойнт-камеры. Келла тяжело вздохнула и убрала руки с бронзовых завитушек Престола Спокойствия. Дедово слово непререкаемо. Завидую.

Мне даже стало жалко незадачливую похитительницу Реликвии. Столько усилий за такое короткое время — и все впустую. Мое дело сделано, а ей обидно будет. Еще снова заартачится или отчудит что-нибудь... Надо хоть как-то поддержать самоуважение смуглянки.

— Ты круто за дело взялась. Это я тебе как специалист говорю, — начал я в похвальном тоне, но тут заметил несообразность и не смог промолчать: — Вот только как ты собиралась уволочь из храма эту громадину?

— А ее не надо волочь. Сама пойдет, только сказать надо...

Звонким шлепком ладони я запечатал Келле рот. Не хватало еще, чтобы Реликвия ожила теперь, когда она нам задаром не сдалась!

— Надо будет — скажешь, — свирепым шепотом рявкнул я. — Поняла?

Бандитствующая эльфь хлопнула ресницами и кивнула. Я убрал ладонь.

— Кто тебе выдал слова?

— Заказчик через Пемси передал. Вместе с авансом. — Она искренне не понимала причины моих опасений.

— Напиши их, — потребовал я.

— Где? — Келла удивленно вскинула брови.

— Здесь! — я ткнул пальцем в стену. В вековой пыли отпечатался явственный след.

Поняв, что от нее требуется, дедова внучка сосредоточенно принялась водить кофейным пальчиком по стенке. Ага, так я и думал. Первое и третье слова действительно способны превратить в скакуна любое отродье шкафа и табуретки. А вот второе и все остальные сделали бы пленницей произнесшую их наездницу и указали Реликвии цель движения — памятный навсегда особняк заговорщиков.

— Вот это — забудь! — Моя рука смахнула со стены опасные элементы заклятия.

От поднятой пыли эльфийская дива чихнула — тихо, как кошка. Не думаю, чтобы это послужило причиной дальнейшего. Но совпадение получилось просто оглушительное.

В ответ на тихий звук зияющее жерло лаза выдохнуло раскатистый рокот близкого обвала вместе с упругим толчком воздуха и облаком пыли и брызг. Все подалтарное пространство заполнилось плотной взвесью пыли и праха. Из щелей сквозных узоров, по которым проникал слабый свет, эта дрянь струями хлынула наружу.

Первую дюжину секунд мы не чихали, ибо от обалдения забыли дышать. А уж потом, зажимая носы ладонями, разразились прямо-таки очередями полузадушенных звуков в тем-

пе колесного стреломета. Точнее, двух колесных стрелометов. С полностью сбрендившими стрелометчиками.

На жрецов Победивших, как раз приступавших к шестичасовой службе, все вышеперечисленное произвело неизгладимое впечатление. А уж как понравится наше с Древнейшей местопребывание храмовой страже!

Дорога наружу осталась одна. Совместная с Престолом Спокойствия. Точнее, посредством его. А чтобы грядущее бегство не сделалось фатальным для наших филейных частей, надо было принимать срочные меры.

На счастье, под алтарем сыскались запасные подушки для выноса более мелких реликвий и какие-то длинные, футов на дюжину, полотенца, расшитые золотыми солнышками. Епитрахили, кажется.

Вот этими-то епитрахилями, спешно пробрасывая их под «брюхом» Реликвии, я буквально за несколько секунд и прикрутил пару означенных подушек аккурат к паре впадин на горбатом «загривке», при этом стараясь не дышать. Закончив приготовления, я рванул рычаг, открывающий алтарь, и лишь после этого запрыгнул на место, которому суждено было стать передним, затащив Келлу себе за спину. Как ни странно, при этом в бронзе обнаружились вполне удобные углубления для поджатых ног, как будто неведомый мне создатель изначально предусмотрел возможность парной езды на своем творении. Свободными концами шитых золотом шарфов я быстро прихватил нас обоих за пояса, и только тогда произнес главные слова заклятия, обращенные к нашему будущему скакуну:

— Мутато мотем!!!

Темная бронза под нами встрепенулась, пробуждаясь.

Как раз к этому моменту до жрецов дошло, что именно не так в затверженном за тысячелетия порядке службы. В смысле, поперечно-полосатые осознали наше присутствие и загудели, зароились, как пчелы, на которых до изумления походили в своих оранжево-золотых ризах.

Но мне это все уже не казалось особо важным, потому что на всякий случай за полудюжину секунд до того я попробовал простучать бронзовый загривок перед собой тестером магии. Открывшееся потрясало — после попытки прогнать базовые тесты я понял, что судьба столкнула меня с леген-

дой. С ужасом многих поколений программистов и наладчиков.

Это не кадавр! Это живая вещь!!!

Управлять им, словно санями на спуске с огрских гор, не выйдет. Скорее, придется объезжать его, как норовистого скакуна, приноравливаться, как к живому существу. Здесь и сейчас. На глазах у жрецов, служек, храмовой стражи и остатков паствы, которая, на свое счастье, достаточно быстро разбегалась.

С тех пор, как Собачий Глаз Пойнтер зачастил в храм, у прочих его посетителей это вошло в разряд самых полезных навыков...

Не знаю, как бы я справился, если б не дедова внучка. Покуда Престол Спокойствия нервно гарцевал под нами, разминаясь на алтарном возвышении, она шептала ему какие-то ласковые глупости, понятные только детям и животным, и углаживала ладошками темную бронзу. Оказывается, дракоту можно только позавидовать...

Наконец, когда шипастые посохи храмовой стражи уже были недвусмысленно наставлены на нас, Древнейшая громогласным шепотом сообщила мне на ухо:

— Готово!

Сам я тоже почуял, что бронзовый скакун уже покорно отзывается на движения ног, сжимающих его гребень. Для пробы я послал его в круг по залу, а убедившись в покорности живой вещи, отбарабанил на одном выдохе текст привязки к цели движения — зачем добру пропадать. Чем искать путь к гнезду злобной парочки по всему городу, пусть самонаведение работает...

Служки перед нами разбегались двумя волнами, словно от форштевня хисахской морской фелуки. Перед глазами сменялись немые картины изумления и ужаса — распахнутые в крике рты, вздыбленные бороды, воздетые руки и задранные ризы. Однообразно слегка и не в меру попахивает сумасшествием.

Различить что-то в беснующемся хороводе было все труднее, однако взгляд выхватил еще одну картину из общего безумия. Ветхий храмовый стражник пояснял происходящее кучке малолетних певчих, опасливо сгрудившихся вокруг него:

— Это Похититель Пойнтер. Опять за Реликвией пришел. Не бойтесь, он всегда все возвращает...

Конечно. А как же. Вот только прежде, чем задумываться о возврате, неплохо бы для начала ноги унести. И свои, и бронзовые лапы Реликвии, которой я пока что предоставил свободу следовать по заданному в заклятье маршруту. Для чего было необходимо хотя бы обнаружить выход, причем несколько более годный к бегству, чем традиционное для меня заднее окно.

Впрочем, для этого способа покинуть храм все уже было готово: наученные неоднократным горьким опытом, жрецы сделали главный витраж раздвижным! Причем не просто раздвижным, а срочно, аварийно убирающимся. Стоило повернуть рукоятку у алтаря или сокровищницы, как рычаги с противовесами мгновенно раздернули в стороны огромные створки!

Что-то они все-таки при этом недодумали. Потому что, достигнув крайней точки, створки так треснулись о стопорные упоры, что цветные стекла разлетелись вдребезги. Осколки дождем засыпали полхрама. Я рефлекторно зажмурился, хотя теперь мог хоть каждый день позволить себе срочную регенерацию глаз. Но старый страх так просто не избыть, да и сейчас это особенно не ко времени...

Престол Спокойствия не возжелал размениваться на столь простой выход. Мы легких путей не ищем... И правильно. Курятники, да еще изрядно подрытые горе-похитительницами Реликвий, — дорога к отступлению не из самых надежных. Во всяком случае, не для бронзового самодвижущегося амулета поболее длинной тонны весом.

Примерившись от самого алтаря, Реликвия начала разгоняться, клацая массивными когтями по плитам пола. За нами вздымались фонтаны искр. Нацелилась она, как становилось ясно, прямиком на храмовые врата.

Едва я успел пригнуться, закрывая руками голову, как Престол вышиб створки передними лапами. Спасибо, при этом он привстал на дыбы, оберегая седоков. Келла у меня за спиной только взвизгнула и вцепилась крепче в мою рейнджерскую куртку. Щепа разнесенных вдребезги ворот осыпала нас, попадая за шиворот.

Впрочем, галоп по ступеням Храма Победивших Богов вытряс не только ее — весь мусор из карманов. Едва души из

обоих не вылетели, даром что место изрядно святое, а скакун и того пуще.

Вырвавшись на оперативный простор, Престол Спокойствия развернулся вовсю. Любой гекопард позавидует. Теплокровному ящеру на стену дома все-таки влезать надо, а живой сверх-амулет прямо с улицы на карниз вспорхнул. Одним прыжком.

Точнее, не совсем с улицы — со столба храмовой ограды через весь проезд. И далее распрыгался ничуть не менее — с крыши на крышу, с конька на конек, только балки под тяжестью трещат. Пока что Судьба миловала — ни одна не подломилась.

Направление столь скорого продвижения тоже вполне подходило нам. Реликвия уверенно шла на магический маячок в особняке пары заговорщиков, но была готова в любой момент отрешиться от его зова по первому моему приказу. Не раньше и не позже. Я мстительно ухмыльнулся. Сами накликали меня в данном расположении духа на свою шею. Так или иначе, стоит навестить ГранМадам с Хозяином Нищих в их семейном гнездышке. Только уже на своих условиях...

На памятную мне высокую кровлю Вторая Реликвия пришла, перемахнув проспект, без какой-либо попытки затормозить. Просто растопырила лапы, как падающая кошка, доворачивая в полете, затем поджала их и грянулась в черепицу всем весом, как камень в болотную лужу, — только осколки фонтаном взметнулись. Квадрат массы — закон магический, но иногда и без заклятия, сам собой срабатывает!

Настил чердака ощутимо просел, но удар, смягченный пробитой кровлей, выдержал. Перешибленные балки закачались у нас над головами. В полутьме перед глазами постепенно проступал сложный узор медных волноводов и прочего ретрансляционно-инкубаторного хозяйства.

И не только он. В чердачном сумраке парными алыми искрами разгорались не по-хорошему осмысленно-злобные свинячьи глазки. Лучи света, падая наискось из прорех изрядно разошедшейся крыши, выхватывали из клубящейся пыли рыло за рылом.

Сколько же их! Как торжественную встречу готовили. Вот только по отношению к нам свинята оказались настроены не

слишком празднично. Скорее для хорошей драки. Вон как щерятся и глазки шильцами щурят...

В рукопытах встречающих отчетливо проявились сети, багры и арканы, сводить с которыми более близкое знакомство никак не хотелось. Наступая и перестраиваясь, свиновоинство старательно прикрывало своими массами люки, ведущие с чердака вниз.

— Это кто?! — в безмерном удивлении пискнула из-за спины Древнейшая.

— Представители заказчика, — охотно пояснил я эльфочке — на будущее, чтобы в своих делах не связывалась с кем попало. — Они с тобой и с Реликвией работать собирались. В плане улучшения породы...

Та только ойкнула пришибленно. Ответом послужил злобный всхрюк и визг десятков глоток.

Ладно. Раз так распоросились, то сами напросились. Если уж незамеченными войти не удалось, придется заявить о своем присутствии погромче. За нами пролом в крыше, так что можно себе позволить.

Вновь полностью послушный Престол Спокойствия я повалил на бок, как кавалерист скакуна при обстреле, только брюхом к противнику. Оно у него бронзовое, ничего не сделается. Голову Келлы я зажал под мышкой, чтобы не высовывалась. Самое время...

Туманный шар файрбола заискрил о кресало на плечевом ремне и прицельно отправился в самое сплетение труб ретранслятора наследственности. Разгораясь на лету, он влип в узел интерфераторов, разошелся огненным облаком, заполняя почти весь объем помещения, и грохнул.

Чердак сложился, как карточный домик. Черепица ушла в небо, чтобы в следующие полминуты оросить весь квартал глиняным крошевом. Судя по удаляющемуся визгу, завершавшемуся глухими всхлюпами, немалая часть свиновоинства и яиц последовала ее примеру. Взрывная волна посшибала с труб праздных крикунов — твари загалдели. Некоторые со страху принялись орать лозунги прошлых выборов. А говорят, у них всей-то памяти на неделю...

Реликвию, вместе с нами, лишь проволокло слегка по настилу. Престол Спокойствия поднялся на лапы, отряхиваясь, как оглушенный скакун. Хорошо, я успел уши заткнуть и рот

открыть. Дедова внучка его и не закрывала, а уши я ей локтем и боком зажал. Все равно чувствительно вышло.

Далеко внизу медные трубы прокашлялись пламенем, выплевывая остатки дифракторов и интерфераторов, и взвыли обратной тягой. Зато теперь вышибло чердачные люки, проемы разошлись. Пройдем, не спешиваясь. Расплавленная и покореженная медь волноводов заново застывала прихотливыми потеками и лужами. Едкое облако дыма от тлеющих балок густо пахло жареной свининой.

Оставшиеся в живых и не до конца пропеченные свинята не собирались уступать так просто. А я не собирался дать им ни единого шанса — ни на сопротивление, ни на продолжение жизни. Стреломет в руке залязгал, вбивая болты в опаленные и целые свинские хари, бока и спины. Отработанную машинку я кинул за спину Келле вместе с пачкой стрел, а сам принялся опустошать стволы второго стреломета.

Престол Спокойствия съезжал вниз по лестницам, оскальзываясь на бьющихся в агонии тушах. Позади меня Древнейшая деловито работала «козьей ногой», поочередно взводя разряженные метатели. Когда ни одного работоспособного под рукой не оказывалось, я рубил врага тесаком.

На этажах из покоев и контор высовывались перепуганные физиономии слуг и нищенских старшин, из номеров над ресторацией — проституток и клиентов. Вот ведь что с хозяевами бизнес делает — и сюда, домой притащили источник доходов...

Кто бы ни видел являемую нами аллегорию буйства смерти, всяк торопился убраться с дороги. Только клоуны по дурости продолжали, пошатываясь и хихикая, подворачиваться под ноги Реликвии. О нашем приближении оповещали неумолчный визг, хруст костей под металлическими лапами, тупые удары стрел и смачные — тесака.

Разумным от природы я бежать не препятствовал. Свинята же и не делали попыток к бегству, погибая десятками в неистребимой жажде добраться до нас. Не будь наш скакун бронзовым, давно завалили бы его и погребли под тушами...

Сквозь ресторанный ярус прорваться оказалось легче всего. Мы низверглись по парадной лестнице, круша ступеньки и распугивая клиентов. Особо чувствительные выпали в обморок при виде нашпигованных стрелами свинят,

катящихся вниз с предсмертным визгом и при этом не выпускающих оружия из рукопыт. Не оставлять ни одной твари в живых — этого правила я придерживался неукоснительно.

Скрежеща лапами по кафельной плитке, Престол Спокойствия тяжеловесно довернул в сторону кухонь, словно штурмовой кадавр-зооморф, прокручивающийся на окопе, чтобы завалить укрывшихся в нем. Жаль, своды подвала крепки, так запросто его не завалишь. А то я и попрыгать Реликвию попросил бы ради такого случая.

Пришлось все же последовать более традиционным путем — через подсобки, из которых до подвалов всяко ход проложен. Самим кухням в свете памятного разговора тоже следовало уделить внимание.

Все замеченные котлы размером больше армейской манерки я потоптал бронзовым скакуном, а промышленную мясокрутку с кадавроприводом посредством бронзовых лап Реликвии старательно запинал до состояния груды металлолома. Только приводная кадавренная лапа продолжала дрыгаться в воздухе, немелодично лязгая.

Среди всего этого разгрома, как тараканы, разбегались официанты, повара и поварята. Некоторые бросались в окна, а минимум трое — в мусоропровод. Убедившись, что персонал эвакуировался, я с особым удовольствием засадил по файрболлу в каждый кухонный ускоритель времени. Ничего, обойдутся как-нибудь без фаст-фуда. Здесь он никому не впрок...

В ближайших к кухне помещениях подвала был оборудован ледник со стационарными морозометами. В них бы я не увидел особой беды, если бы не мерзлые туши клоунов, висящие вперемешку со свиными и бараньими. Может быть, показалось, но пара трупов принадлежала когда-то разумным. Поэтому пришлось поработать и над сей разновидностью бытовой техники, обращенной во зло.

Файрболы на этом кончились. Знал бы — больше захватил. И в придачу столько же «герисских банок», изрядное количество мертвящего зелья-дефера и переносной светосброс. Ах да, и еще сорокагалонный баллон «ведьминого студня» вместо соуса ко всему перечисленному.

Очень уж мне местная кухня не по нраву пришлась.

Вышибив дальние, словно в морге, обитые свинцом двери, мы наконец ворвались в желанный подвал. Тот самый, что я видел из вентиляционного канала. Ракурс, конечно, другой, но спутать невозможно. Да и те, кого я жаждал найти, здесь присутствовали.

Хозяин Нищих замешкался в поисках оружия, но ГранМадам среагировала мгновенно. Ухватив со стола какую-то стеклянную колбу, наполненную опалесцирующей янтарной жидкостью, она метнула ее в нас. Рефлекторно я прикрылся рукой, и тонкое алхимическое стекло разбилось о костяшку запястья.

По коже протекло неожиданно горячим, хотя зажженной горелки нигде поблизости не было. Я торопливо потянулся обтереться, но на руке уже не было ни следа какой-либо влаги. Видимо, скатилась мгновенно. Кожа и рукав на первый взгляд не пострадали, а дольше разбираться времени не было. Пора уже приструнить сладкую парочку, а то еще навредят посерьезнее, дай им шанс.

Не скупясь, я швырнул вперед сразу два «осиных гнезда» и поднял Реликвию на дыбы, сжав ногами возвышение. Отравленные «снежинки» прозвенели по оборотной стороне сиденья-столешницы. У Келлы хватило ума последовать моему примеру. А то что бы я делал с бесчувственным телом...

Когда с тяжким звоном Престол Спокойствия вновь опустился на все четыре, таковыми телами были уже оба злодея, способные теперь лишь ворочать глазами да ругаться. Чем и пользовались вовсю, разделив возможности по-семейному: Хозяин Нищих больше зубами скрежетал да буркалами вертел, зато ГранМадам разорялась вовсю, хуже торговки с Речного Рынка. В основном в мой адрес, хотя перепало и многоправнучке, и Реликвии с Храмом и всеми нынешними богами, и идиоту-подельнику. Без фантазии и изящества, зато до невозможности грязно. У Леах и то лучше получалось. Словесный понос старой ведьмы быстро утомил меня, поэтому я лишь сказал устало:

— Замолчи, грымза, а то пасть заткну. Тоже, нашлась селекционерка хренова...

Как ни странно, это настроило ее на более конструктивный, хотя и столь же оскорбительный лад.

— Ты, жалкий возвышенец, разве тебе дано понять?! Мы тщились создать сверхсущество, нового бога, рожденного Древнейшей эльфью от семени Перводракона!

Вот как, стало быть. И ненароком оказаться ему папочкой и мамочкой. Расчет нехилый. Да и сами замашки не из слабеньких. Им что, Победивших Богов мало — хотят еще нового на шею посадить? Или очередная Война Сил так мила, что невтерпеж ее дожидаться стало?

— Лучше бы вместо уродцев ваших хоть одного ребеночка нормального вовремя завели! — казалось, неоспоримо припечатал я эту пародию на Породителей разумных рас.

— Могли бы, так и завели, — неожиданно ответил мне молчавший прежде подельник. — А то, когда могли еще, меня на позапрошлую меканскую, а ее вот в бордель продали. Как снова встретились, годны на то уже оба не были — у меня полживота вырезали да что пониже в полную негодность привели, а Клоди абортами вычистили допуста...

— С кем ты говоришь, Рэй!!! — прервала его ГранМадам, прошедшая, как выходит, все ступени своего ремесла с самого низа. — Разве эти поймут...

Вот тут как раз она промашку дала. Пожалеть — не пожалею, не умею я толком жалеть. А вот понять очень даже понимаю.

Келла сзади сжала мои плечи. Полуобернувшись, я увидел, что в глазах эльфийской дивы Древнейшей Крови стоят крупные слезы. С ней обратный коленкор, стало быть, вышел. Понять, может, и не способна, а вот пожалеть — очень даже. Несмотря на то, как эти двое свои дела за ее счет поправить собирались.

Ну да я им не судья. И она тоже, и все эльфийские боги, как ни посмотри. Разве что грядущий Бог Людей, пришествие которого они пытались подделать так по-свински...

От этой прикладной теологии меня отвлек еще один, видно, последний свиненок, с младенческим хрюкохыканьем полезший из-под стола. Судя по тому, что на вид он от обычной свиньи почти не отличался, разумом должен был, напротив, сравняться с человеком. Или чей там на него образ наложен был при зачатии...

По привычке я вскинул было стреломет. И тут же опустил, увидев, как сквозь паралич от зелья, сквозь полную не-

возможность двигаться и изначальную дряхлость Хозяин Нищих и ГранМадам попытались сползтись, прикрывая последыша. Свиненок повизгивал и жался в ногах у своих породителей. Человеческого в этот момент в нем вовсе не было. А вот не мог я отчего-то убить тварeныша...

— Ладно, этого вам... — буркнул я грубо, отвернув лицо в сторону. — На расплод оставлю!

А чтобы уж совсем увериться в правильности своего решения, принялся крушить оборудование лаборатории, как тесаком, так и ногами бронзового скакуна, покуда не превратил в осколки последнюю склянку и не привел в негодность последний магический прибор.

Завершив разгром, удовлетворенным я себя не почувствовал, но больше сделать ничего не мог. Разве что бросить подельникам на прощание:

— Еще раз попробуете — не помилую. И вас, — я перевел взгляд на трясущегося свиненка, — и его! Поняли?!

Ответа дожидаться не стал.

И так ясно.

После всего этого с дедовой внучкой требовалось, не откладывая в долгий ящик, провести разъяснительную беседу. Чтобы уж совсем за кровожадное чудовище меня не посчитала, а себя за героиню безупречную.

С первым оказалось просто. Достаточно было вкратце пересказать события, участником которых мне довелось быть с сегодняшнего утра. Не раньше — пугать эльфочку и расстраивать ее раньше времени в мои планы не входило. Да еще и чисто человеческая надежда, что, может быть, все еще обойдется, промолчать заставила.

На прямой вопрос: «А как дедушка?» я ответил только:

— Сама скоро узнаешь. Он у нас, тебя ждет.

Как Древнейшая, наделенная особым чутьем, что расовым, что символотипическим, среагировала на мою полуправду, я так и не узнал. Обернуться на полном скаку Престола Спокойствия, чтобы увидеть ее лицо, было просто невозможно.

— Ты лучше подумай, что о своих подвигах докладывать будешь, — с помощью этой реплики я более-менее справился

и со второй задачей. — Про пикник с дракотом, про шоппинг с побегом и про банду эту твою сопливую...

Заострять внимание на том, что главенство даже в самой сопливой женской банде подразумевает еще и абсолютное сексуальное доминирование, я не стал. И без того понятно, что дедушкина скромница за сутки в буквальном смысле поимела едва ли не всю ораву. Уж ключевых-то точно. Причем, судя по внешнему виду некоторых бандиток, не все они оказались в той роли, на которую претендовали. Шестифутовой эльфи Древнейшей Крови с многопрадедовой военной выучкой не составило труда поставить их на место.

А женская однополая любовь, в отличие от мужской, безвредна. Символометрия учит, что мужская натура подобна клинку, а женская — чаше. Два клинка тупят и ломают друг друга, а две или более чаши без труда и вреда вмещают одна другую. Одинаковых-то нет. Даже если какие-нибудь из них не столь чисты, как хотелось бы. Я мысленно благословил физиологию Первых Детей Отца, смертельную для любой заразы.

Собственно, любая эльфь — идеальное лекарство от всего на свете, включая костяную чуму и медную горячку. Но только живая. Те, кто в древности убивал эльфов ради их целебной крови, об этом не догадывались. А так иногда хватает одного прикосновения, не говоря уже о более плотном телесном общении...

Так что по крайней мере одно доброе дело малолетним уголовницам Келла сделала. А синяки и ссадины у недовольных скоро пройдут. Куда быстрее, чем обычно...

Как-то там Хирра? Надо бы поторопиться домой, пока ее целительная сила не истощилась. Удерживать среди живых пятитысячелетнего соплеменника — непосильный труд даже для моей высокородной.

Конечно, Вторая Реликвия — далеко не гекопард. На отвесной стене, к примеру, удержаться не может. Зато прыгает, что тесайрская каучуковая бомба, заклятая на тысячу ударов. Или дикий рогач горной породы. Так что из города мы и на этот раз выбрались без проблем. Стража на городских стенах только проводила взглядами нашего скакуна, перепрыгивающего через стену в не самом высоком месте. Да и что

еще, спрашивается, они могли бы сделать, даже если из Храма уже пришла ориентировка на нас?

Вырвавшись на оперативный простор, я первым делом потянул с пояса раковину дальней связи. Дела в городе закончены, значит, меканские парни нам теперь на подмогу не нужны. Надо поскорей отмашку дать, чтоб попусту время и нервы не тратили.

Так же, как Паттерсон чуть меньше суток назад, я набрал коды одновременного вызова и, перекрывая свист ветра в ушах, проорал в ракушку все необходимое. Сам справился, стало быть. Однако внакладе ребята не останутся.

Вот теперь и в самом деле все. Анарисс скрылся из виду, все, что в нем заключено, можно выкинуть из головы — и задуматься над тем, что ожидает нас впереди. А напоследок посвятить немного времени закреплению у Келлы воспитательного эффекта.

— Ты хоть придумала уже, как многопрадеду все объяснишь?

— А никак! — задорно отозвалась на очередном прыжке Престола Спокойствия эльфочка.

— Это почему же?! — Я более удивился ее беспечности, чем рассердился. И в награду за это дождался нехилого откровения:

— Дедушка сказал, что у вас можно чудить как угодно. Даже нужно будет...

Ну, спасибо, старый, на добром слове. Припомнил бы, не будь ты одной ногой за Последней Завесой...

Зачем вообще, спрашивается, надо было проверять нас на прочность, подвергая такому стихийному бедствию, как его многоправнучка в форс-мажорном режиме?

Разве... Именно что проверяя на прочность.

За неспешным разговором и не заметили, как под бронзовыми лапами Реликвии гулко застучал настил замкового моста владения Стийорр. Ворота распахнулись перед необычным скакуном, опознав хозяина замка. Бронза зазвенела о брусчатку двора.

На пороге нас снова ждали. Но это не были оклемавшийся многопрадед-Древнейший, как я втайне надеялся, и сопровождающая его Хирра, хотя перед парадным входом застыли именно две фигуры, темная и светлая. Вот только обе при-

надлежали мужчинам. Опять Арбитры. Им-то что здесь делать?

Видно, есть что. Похоже, все серьезно и неотвратимо, если высшие чиновники Концерна Тринадцати явились, чтобы сопроводить переход владений и голоса Тринадцатого Высокого Рода от текущего носителя к следующему. То есть следующей...

Остановив гарцующую Реликвию посреди двора, я соскочил с этого скакуна сам и подал руку дедовой внучке. Она сошла с бронзового загривка, величественно придерживая лохмотья разрезной юбки, словно королевский шлейф.

Не знаю, кто из нас троих более поразил Светлого и Темного блюстителей Устава Концерна. Я ли, вооруженный до зубов, забрызганный свиной кровью, грязный и закопченный, как из жерла горы Дройн, Древнейшая в том же состоянии, одетая и причесанная на манер малолетней уголовницы, или Вторая Реликвия Храма Победивших Богов, переминающаяся с ноги на ногу в мало чем отличающемся от нас двоих виде.

Во всяком случае, именно бронзовый скакун был здесь и сейчас лишним. К тому же «Похититель Пойнтер всегда все возвращает». Доброе мнение о себе подрывать не следует. Осознав, что наступило самое время, я обернулся к Престолу Спокойствия, хлопнул ладонью по столешнице и скомандовал, как верховому зверю:

— Домой!

Тому явно не хотелось обратно под алтарь храма Победивших Богов, но я нахмурил брови и сказал серьезнее:

— Домой, домой! — И уже совсем сердито: — Ну, пошел!

Вторая Реликвия нехотя развернулась и затрусила обратно по замковому мосту. Расфуфыренная под городскую бандитку, перемазанная глиной Келла хвастливо взяла меня под руку и прижалась бедром к боку.

Арбитры синхронно, как заводные, расступились в стороны от дверей, пропуская нас внутрь. Оба являли собой аллегорию немого потрясения.

В замке витал неуловимо печальный дух. Даже неутомимая на проказы эльфочка притихла, почуяв растворенное в воздухе ожидание непоправимого. Звери и те что-то такое поняли — Харм молча мелькнул в коридоре и скрылся, не

желая попадаться под ноги, дракот вовсе куда-то забился и носа не казал. Видимо, осознавал важность момента.

Путь до парадного зала окончательно настроил нас на невеселый лад.

Поэтому зрелище многопрадеда, мило болтающего с моей высокородной, расположившейся уже на невысокой кушетке рядом с тем же креслом, подействовало отрезвляюще. Можно было бы совсем расслабиться, если бы не две вещи. Во-первых, Древнейший все так же держал ее за руку, а во-вторых, сам он при этом был абсолютно неподвижен. Настолько, что ветерок, долетавший из распахнутого настежь высокого окна, шевелил его одежду и седые волосы бесцеремонно, как уже у неживого.

Келла, выдернув руку, кинулась к старику. Я боялся, что тот ее не узнает в таком виде и в своем состоянии. Однако признал...

Стоя на коленях и уткнувшись взлохмаченной головой ему в свободную руку, многоправнучка на долгих несколько минут застыла в неудобной позе. Я не пытался прислушаться к тому, о чем они говорили, поэтому был слегка удивлен, когда, поднявшись, Келла напряженно, с сухими глазами вернулась ко мне.

— Подойди. Он хочет говорить с тобой, — сказала она и, обращаясь через мою голову к подоспевшим Арбитрам, добавила: — Вы тоже. Будете свидетельствовать.

Что свидетельствовать? Что такого должен сказать мне Древнейший, что это должно быть признано высшими чиновниками Концерна?

Кажется, я понимал, что именно.

— Изрекая свою последнюю при жизни волю, — непривычно официальным тоном начал Властитель ау Ирийорр, — я прошу, требую и душой заклинаю о свершении Низкой клятвы между моей шестнадцатикратной правнучкой Келлой ау Ирийорр, уарени Итархин, и Собачьим Глазом Пойнтером, Властителем ау Стийорр, уарсом Фусс на пяти Реликвиях.

Ну вот, и ста лет дожидаться не пришлось. Хотя я предпочел бы ждать сколько угодно, если такой ценой можно было бы продлить пребывание по эту сторону Последней Завесы столь уникального творения Перводракона и Первофеникса, как эльфийский дед Древнейшей Крови...

Однако придется удовольствоваться чем Судьба наделила. Тем более что к этой вести она решила порадовать нежданным довеском.

— В случае, если поименованный Властитель исполнит эту мою волю, он унаследует по моей смерти Восьмую Реликвию, Зерна Истины... — Под конец выдоха у старика уже явно не хватало.

Это совсем другое дело. С таким приданым некоторые бы и на дракоте женились, не то что на эльфийской диве Древнейшей Крови. Однако у меня еще остается шанс избежать многопрадедова благодеяния. Выяснением его и следует заняться немедленно, чтобы не тратить зря драгоценные последние секунды Древнейшего.

Молча поклонившись, я взял Келлу за руку и отвел в сторонку. Оставался один, самый главный и единственный вопрос. И задать его я должен был девчонке, которой иначе предстояло не позднее исхода этого дня остаться на свете одной-одинешенькой. Задать наедине, всеми силами пытаясь отстраниться от этого и всего прочего, что может замешаться между нами и сбить тонкий настрой момента.

— Ты-то сама как? Хочешь?

Она удивленно подняла на меня глаза. Мол, как можно перечить дедушке, да еще в такой момент? Да еще с подобным приданым?! Но вдруг поняла. Задумалась, отвела взгляд, прислушиваясь к внутреннему ощущению, и тихо-тихо, словно сама себе удивляясь, сказала:

— Да...

Она подняла на меня по-прежнему задорный и доверчивый взгляд. Только теперь это были глаза взрослой женщины, принявшей первое в своей жизни полностью осознанное решение и готовой отвечать за него перед Судьбой, богами и всеми шестью расами разумных. Уже не дедова внучка. Моя... Моя Древнейшая.

Теперь мы оба были готовы и, взявшись за руки, вернулись к прочим, сгрудившимся вокруг кресла, в котором терпеливо ждал своей судьбы ее многопрадед.

У него еще хватило сил улыбнуться, увидев наше согласие. Затем умирающий прикрыл глаза и лишь отдавал короткие указания, как, не тревожа его, забрать Восьмую Реликвию для совершения обряда.

Правило было соблюдено, Низкую клятву предложил род жены — все равно что сама женщина. Алтарная ниша как раз подошла к девятичасовой, последней перед закатом ветви Семейного Древа Стийорр. Все было готово.

Я протянул руки с зажатыми в них Зернами Истины стоящей у семейного алтаря Келле. Та накрыла мои ладони своими. Тогда я начал читать памятный мне навсегда текст Низкой клятвы.

Древнейшая вторила мне спокойно и четко. Словно не было бывшего и не предстояло предстоящее. Спустя положенное число ударов сердца мы были признаны мужем и женой и уже в таком качестве явились виновнику сего события.

Попытавшись было до наступления неотвратимого мига вернуть Реликвию владельцу, я был остановлен его взглядом. Кроме того, напоследок Древнейшим оказалось припасено для меня еще что-то. Убрав камни в опустевший подсумок из-под файрболов на поясе, мне пришлось склониться как можно ближе, чтобы расслышать:

— Владения Тринадцати нельзя соединять... Поэтому вам с Келлой придется обойтись без Высокой клятвы... Ваш с ней сын унаследует Ирийорр... Он будет Древнейшей Крови... Ему и передашь Зерна Истины... Или его потомку, если долго жить понравится... — Улыбка изогнула края губ умирающего. — Мне вот нравилось...

Это были его последние слова.

Мы застыли вокруг, онемев на долгие минуты. Солнце ушло за стену замка, сумерки сгустились в зале. Во всех остальных помещениях сами собой загорелись гнилушки и кристаллы минимального освещения. И лишь здесь, почтительная к нашей воле или ее временному отсутствию, система управления замка не зажигала светильников. Лишь из коридора прорывались неверные блики, да вышедшая луна расчертила пол узором оконного переплета.

Первой нарушила оцепенение Хирра. Она выпустила руку умершего и встала, пошатываясь. Келла бросилась к ней раньше меня. Устоять им обеим было трудновато, но помощь, что мою, что Арбитров, эльфи отвергли. Была еще одна обязанность, которую они, и я заодно, должны были исполнить самостоятельно. Во всяком случае, по смерти

отца моей высокородной я запомнил объявление траура именно так.

Покуда Арбитры бережно укладывали тело на возвышение погребальной ладьи, загнанной через балкон прямо в зал, мы трое встали в круг, соединив руки.

— Этот день будет траурным тысячу лет — каждый год, — начала ритуал Келла по праву ближайшей родственницы.

— Этот день будет траурным сто лет — каждый месяц, — продолжила Хирра по праву соплеменницы.

— Этот день будет траурным год — каждую неделю, — я уже знал, что завершать ритуал придется мне.

Надеюсь, завершил правильно. Инорожденные забывают слишком медленно, чтобы пережить свою печаль, оставляя ее в прошлом, как люди и иные короткоживущие. Но даже они не живут так долго, чтобы уделять печали все необходимое ей время. Оттого траур Инорожденных рваный, дискретный — отнимает лишь день за один раз. Зато длится столетия...

Перед отбытием Арбитры подошли ко мне откланяться. Теперь они были уважительно-сдержанны. Наверное, от осторожности. Не каждый день видишь Властителя человеческой крови, приезжающего верхом на одной Реликвии, чтобы получить другую, еще сокровеннее, исполнить последнюю волю умирающего и заключить брак. Даже имея долгую эльфийскую жизнь...

Еще до полуночи летающий катафалк замка Стийорр отбыл с Арбитрами и заклятым на нетление телом Властителя Ирийорр в его замок, чтобы приготовить все к похоронам последнего из Древнейших. Хотя нет, предпоследнего...

Последняя в роду Древнейшая эльфь, величайшее сокровище мира, ждала меня в темном зале невдалеке от парадного, где теперь еще долго не сможет оставаться никто из нас.

Тяжело волоча ноги после всего навалившегося за день, я дотащился до дивана, или как там назывался этот мебельный монстр, рассчитанный будто на целое отделение огров, и плюхнулся без сил на кожаную обивку. Жены молча перебрались поближе ко мне из углов, которые занимали до того, прижались и затихли. Поначалу никто не находил ни слов, ни слез. Но час за часом уносил немое напряжение, и скоро они смогли раскрыться.

Мои эльфочки горевали. Устроившись на гигантском диване по обе стороны от меня, обе сначала всхлипывали в плечо, каждая в свое, но постепенно затихли и до рассвета сквозь слезы шептали что-то малопонятное на кеннэ, положив головы мне на колени. Так и забылись, уткнувшись лбами друг в дружку, так что я боялся отпустить руки, ерошившие волосы бедных девчонок.

А когда они проснулись, траур закончился. До следующей недели, месяца, года — и так далее. На всю предстоящую нам теперь совместно тысячу лет.

Это я обнаружил, продрав глаза получасом позже и найдя обеих пьющими кофе с водой по-хисахски за столиком в другом конце библиотечного зала. На сей раз и мне удалось распробовать классический рецепт, не рискуя получить воды в физиономию. Видимо, Келла все-таки помягче Хирры, несмотря на обратное впечатление. Или просто обстоятельства теперь иные...

Утренний ритуал совместного завтрака — самое подходящее место и время для обсуждения планов на день. Во всяком случае, именно так, судя по всему, считала Келла, обращаясь ко мне с вопросом:

— Может, теперь мы опять в город прогуляемся? Мне бы девчонок проведать надо...

Прошлого раза ей, стало быть, мало. Приключения зовут, куда не надо. Темперамент играет под шкуркой, все еще размалеванной в четыре цвета банды «Гекопардовых Орхидей» и изрядно запачканной, выхода ищет. Ничего, сейчас он получит себе приложение сообразно размерам и силе. В целях на порядок более полезных.

— Ну нет! Теперь «мы» будем мыться!

А то так и не удосужилась со вчерашнего. Как кофе пить, так пожалуйста. А как копоть, кровь, глину, краску и металл с себя спросонья снести, так кто, спрашивается, должен? И самому бы тоже не помешало...

К сожалению, мое «мы» младшая жена, как раз не забыв об общности сей нужды, поняла совершенно своеобразно и несколько неожиданно для меня самого.

— Все втроем? — провокационно мурлыкнула маленькая бандитка.

— Ага! Именно! — выведенный из себя ее попыткой увиль-

нуть от темы, взорвался я, кивнув на старшую жену: — Вот она тебя держать будет, а я отскребать! Хирра, тащи «ведьмин самогон»!

Сказано — сделано. Даже самая маленькая ванна в Южной Купальне была более чем избыточна для нашей задачи и вдобавок разделена на три емкости, соединенные невысоким каскадом. Верхнюю мы наполнили густой пеной, среднюю горячей водой, а в нижнюю слили понемногу того и другого, после чего поместили в получившуюся смесь отчаянно вырывающуюся Келлу. С ней я пока еще мог справиться даже в одиночку, но и помощь моей высокородной лишней не была. Жуткое городское тряпье мы порвали в клочья прямо на нашей жертве, а сами так и не успели сбросить одежду прежде, чем окунулись пару раз.

Эльфь Древнейшей Крови пищала, фыркала и трясла ушами, как кошка, попавшая в воду. И при этом умудрялась незаметно раздевать нас с Хиррой. Так что началось-то все по-нашему: металлизаторы и прочую краску с ее волос и тела мы таки ободрали. А закончилось в соответствии с ее планами. В верхней ванне с белоснежной пеной, из которой можно было лепить, как из пуха...

Часом спустя в совершенно довольном и безукоризненно чистом виде мы отдыхали в одном из покоев поблизости. Моя высокородная с моей Древнейшей, в банных халатах, усевшись вдвоем у одного трюмо на полстены, лениво экспериментировали с прическами и гримом друг друга. Харм возвышался у них за спинами, разъявив стальную пасть, и с умилением взирал на это зрелище. Хорошо, что слюнные железы у пса-кадорга отсутствуют.

Дракот, любимец Келлы, обрадованный возвращением хозяйки, носился по коридорам, задрав хвост и отталкиваясь лапами от стен. Полураскрытые крылья сшибали с колонн вазы времен Хтангской династии из твердой воды. Плеск, брызги и лужи отмечали траекторию резвящегося зверя. Хорошо, что на каждой колонне было записано заклятие, восстанавливающее вазу...

Впрочем, мне это было как-то все равно. Состояние приятно звенящей расслабленности отпускать не собиралось. В голове слегка шумело, и настоятельно требовалось поделиться с кем-то сторонним сложившейся ситуацией. Если это

не пресловутая «необходимость», то я уже не знаю, что она такое...

Решительным, насколько это было возможно в моем состоянии, шагом я направился к расчищенным так недавно подвалам.

За дни, прошедшие с момента обнаружения, сокровище, завещанное потузавесным эльфом, разумеется, никуда не делось. Это же не Бродячая Ухоронка, что от одного взгляда на новое место перебирается. В полном комплекте наличествует — и само, и моргенштерн с надписью.

Задумчиво повертев в руках древко, окованное темной сталью, я примерился к кристаллу, чтобы удар пришел не в лицо и не в другое уязвимое место скрытой в нем фигуре, но передал хрусталю всю силу. Раскрутил было шипастый шар, потом передумал и просто врезал по кристаллу с широкого размаха.

Раздался тонкий музыкальный звон. По бесчисленным трещинкам хрусталя от места удара поползли, змеясь, шнуры бирюзового сияния. Сплелись, слились, наполнили кристалл ровным светом...

И взорвали не хуже хорошего файрбола. Я успел лишь рефлекторно прикрыть глаза рукой. Но перед самым лицом куски хрусталя отклонились вверх и исчезли из поля зрения. Удивляясь, я задрал голову. Осколки дождем сыпались на потолок, отскакивая от свода при ударе и снова падая вверх. Собравшись наконец у самого верха, они закружились там ленивым хороводом, словно мусор в уличной луже у слива канализации, только драгоценный и магический. Заглядевшись на них, я пропустил момент, когда фигура, доселе скрытая в кристалле, ожила, зашевелилась и соскочила с постамента на пол.

Это оказался халфлинг. Маленький, чуть больше крупного зеленого гоблина — три с половиной фута в высоту. Пожилой, серьезный и обстоятельный, в приличном темно-сером костюме-тройке с многочисленными цепочками для ключей и всякой полезной мелочи у каждого кармана, но при этом совершенно безо всякой обуви.

Впрочем, он в ней и не нуждался. В противовес гоблинам, этот халфлинг был не обижен шерсткой — от буйной шевелюры и объемистых бакенбард до пальцев босых ног. Помя-

нутые пальцы с ухоженными коготками я и разглядывал в полном остолбенении, что позволило мохноногому, поклонившись, завязать разговор первым.

— Разрешите представиться: Фроххарт Андеркастлс, — предельно вежливо, с достоинством заявил он и лишь затем спросил: — В свою очередь осмелюсь поинтересоваться, кто вы такой.

Собственно, поинтересоваться именем нового — или, точнее, очень старого — обитателя замка первым надо было мне, как хозяину. Но что поделаешь, наверстаю упущенное собственным представлением.

— Собачий Глаз Пойнтер, Властитель ау Стийорр, ау Хройх, уарс Фусс на пяти реликвиях, к вашим услугам, — поклонился в ответ я и с вызовом добавил: — Инорожденный в Мече, Ночной Властитель человеческой крови!

— Если мне будет позволено заметить, достоинство Властителя не в родовитости, а в воспитании, — мягко уточнил мохноногий. — Вы подающий надежды молодой джентльмен, но вам надо еще трудиться и трудиться, чтобы достигнуть известных успехов.

Возразить на это мне было совершенно нечего. Фроххарт, как мне показалось, недовольно огляделся и с явным сожалением заявил:

— Впрочем, это не столь срочно. Простите, но я должен удалиться, чтобы осмотреть замок и составить представление о его нынешнем состоянии...

Отвесив еще один поклон, он направился куда-то наверх, бубня что-то под нос и делая пометки в извлеченном из жилетного кармана блокнотике на золотой цепи. Я остался совершенно один со своим дурацким моргенштерном, шар которого еще покачивался. Если, конечно, грохот и сопутствующие эффекты не дошли до верхних покоев...

Из-за противоположной двери выглянули встревоженные личики моих эльфийских див. Капюшоны пушистых банных халатов были накинуты на головы обеих поверх вороха огромных, но легких металлических бигуди, на которые были накручены их гривы. Расталкивая моих женушек боками, между ними с лязгом протиснулся пес.

Келла не понимала ничего, но ее восторженного любопытства хватило бы на всех присутствующих. Хирра, напротив, с

некоторым узнаванием (впрочем, слегка недоверчивым) переводила глаза с осколков хрустального саркофага, лениво кружащихся под потолком, на моргенштерн в моих руках. Она вошла в комнату первой, продолжая разглядывать артефакты. За ней втянулись остальные.

— Ты нашел его! — наконец изрекла свой вердикт моя высокородная. — Легендарного первого дворецкого Стийорров! Говорили, что он спит глубоко под замком и восстанет от сна, когда его услуги понадобятся больше всего.

У меня услышанное вызвало одну-единственную мысль, которая и вылетела без всякой задержки:

— Стало быть, настали последние времена?

Только замолчав, я понял, насколько угадал с последним предположением. Обвел взглядом присутствующих: темного серебра лицо Хирры, кофейная мордашка Келлы, дружелюбный оскал Харма, моего пса-кадорга. И любопытный нос все еще безымянного дракота, невзначай просунутый в дверь. Все так и есть. Последние времена настали.

Не знаю, как для всего мира, а для меня уж точно!!!

Белое
солнце
Пойнтера

Хасира

1. Дворец султана
2. Казармы стражи
3. Посольские кварталы
4. Академия
5. Проекционная Площадь
6. Сухотаможенная Площадь
7. Сыротаможенная Площадь
8. Казармы Синих Драгун
9. Парадная Пристань
10. Казармы Ветрострелков
11. Площадь Дседе Мваны
12. Площадь Хулии Монтес
13. Площадь Уфии Аль-Риххол
14. Мыс Сорской Фиесты
15. Затопленные кварталы

С благодарностью: Александру Бирюкову — за клинки и интриги Хисаха; Наталье Некрасовой — за рецепт кофе по-герисски; Наталье Орошко — за рецепты кофе по-хисахски.

А еще Наталии Мазовой — за виртуозную шлифовку стиля из книги в книгу....

1
Не дразните спящую собаку

Потому, что искусство поэзии требует слов,
Я — один из глухих, облысевших угрюмых послов
Второсортной державы, связавшейся с этой.
Не желая насиловать собственный мозг,
Сам себе подавая одежду, спускаюсь в киоск
За вечерней газетой...[1]

Секс у всех человекоподобных рас, населяющих Анарисс, принципиально схож. Но все идет к тому, что мне придется вплотную познакомиться с самыми неприятными его разновидностями. Причем будет ли это пассивное мужеложство, овладение моим кошельком в особо крупных размерах или просто мозгодолбство до посинения — степень насилия предвидится равная. То есть крайняя.

На такие размышления наталкивал жалкий листок серо-желтой рыхлой бумаги, пришедший с утренней почтой. Повестка. На шестимесячные сборы в полевых лагерях. Для повышения командной собранности и строевых навыков. Капралу войск магподдержки, оператору-наладчику кадавров второго класса Джеку «Догаю» Пойнтеру в собственные руки. И как я, Властитель ау Стийорр, ау Хройх, уарс Фусс на пяти реликвиях, Инорожденный в Мече, не удосужился вовремя купить офицерский чин! Теперь-то куда дороже дело станет...

Настроение решительно испортилось. Размеры предстоящих отступных были просто непредставимы. К тому же любая сумма окажется не более чем полумерой: богатые се-

[1] Здесь и далее — И. Бродский. «Конец прекрасной эпохи».

мейки платят за сыночков всю жизнь. Военное ведомство Анарисса отличается цепкостью и аппетитом, и если кто-то поставил цель сжить меня со свету, то даже деньги тут уже не помогут.

Нет ничего страшнее, чем армия мирного времени. На войне тот, кто унижает и убивает тебя — враг, и при случае ему удается отплатить той же мерой. Да и зарвавшегося из своих часто находят со стрелой между лопаток: струсил, побежал, подставил спину противнику — вот вам объяснение.

Совсем иное дело, когда отсутствует столь удобный повод для смерти вышепоставленного. Тогда ты в его полной воле. Особенно если тот выше всего на полступеньки, на ничтожный дюйм: один шеврон солдатского или капральского класса, полгода стажа службы. А уж скука мирного времени распаляет накал ленивой игры высшего с низшим сверх любого мыслимого предела...

К тому же можно представить, что ожидает в казарме мужчину, имеющего хотя бы отдаленное отношение к эльфам. Сразу придется ломать полдюжины носов и ребер, чтобы осадить всю кодлу. Если только та заранее не приготовит темную. С кого-нибудь станется заботливо предупредить казарменных «бугров».

Что-то мешало счесть повестку простой случайностью, соринкой, впустую вылетевшей из-под жерновов анарисской бюрократии. Хотя должен сказать, что особого опыта в получении корреспонденции за бытность Властителем я не накопил. Вообще едва ли не впервые уделил внимание этому вопросу — в кои-то веки сам спустился за почтой в приемную, куда поступает все адресуемое в замок телепосыльными чарами, всего-навсего желая уберечь долгожданный номер журнала от стальных зубов Харма. Вред от его кадавризированных челюстей меньше, чем мог бы быть, но все-таки довольно заметен. Обычно пес пользуется возможностью принести корреспонденцию как поводом напомнить о себе с утра пораньше, а сегодня что-то запропал.

И вот тебе... Лучше бы Харм зажевал в клочья проклятущую бумажонку!

Только ничего этим уже не поправишь. Откладывать неприятности, давая им вызреть и налиться недобрыми последствиями — не в моем духе. Стрясшуюся пакость из головы

уже не выкинуть, значит, чем скорее я возьмусь за нее всерьез, тем лучше. Хоть и не тянет заниматься этим прямо-таки до предела...

Даже не взглянув на прочую корреспонденцию, я сунул повестку в карман и потащился к себе. Пока не придумал, как выкручиваться, не хотелось показывать ее кому бы то ни было. Да и чего я дождусь, показав? В лучшем случае — сочувствия и возмущения, в худшем — брезгливого непонимания масштабов беды. И во всех вариантах — беспокойства уже не только для себя. Точнее, для себя как раз удвоенного!

На выходе из приемной меня ожидал еще один сюрприз, не замеченный по пути. Наверное, солнце успело переползти над аркой замковых ворот так, чтобы высветить на сложном плетении кованого железа и черного дерева следы огромных когтей, изрядно покорябавших мощную створку. Изнутри.

Кто-то из наших домашних зверей постарался. Либо Харм со двора просился, либо дракот когти точил. Однако хорошо попорчено, надо будет дворецкому сказать, чтобы прочел литанию восстановления в надвратной башне. Заодно и ржавчина с цепей подъемного моста сойдет. Обычные, регулярные заклятия очистки с ней явно не справляются. Совсем непорядок...

Дракот, легок на помине, спланировал откуда-то к самым воротам на широко раскинутых крыльях. На следы преступления полюбоваться, что ли?

Оказалось — нет. Подходил к створкам магический зверь гордо, задрав хвост самым котовьим образом, об углы терся, скребя серебристой чешуей по камню на высоте моего локтя. А увидав царапины, разом переменил повадку: нюхнул след заинтересованно, зашипел, как кузнечный мех, хвост опустил и уши прижал — видно, почуял что-то нехорошее. Бочком, бочком от ворот попятился, крыльями хлопнул — и долой. Коротким виражом за ближайшую башню, затаился где-то среди шпилей, только и видели его. Нашкодившая животина так не бегает — зверюга словно от дурной заразы драпал.

Да и зачем зверю, самому по себе летучему, ворота драть? Так что не он сие сотворил, похоже...

Впрочем, к скопившемуся на душе грузу поведение дракота ничего особого не добавило. К тому же сказать, что оно оказалось последней странностью этого утра, было бы преувеличением безобразных размеров.

Не прошло и минуты, как я споткнулся обо что-то, мягко проскользнувшее под ногой. Демоны ночного безумия! Неужто опять певчий крикун из фонотеки младшей жены нагадил?

Келла в последнее время совершенно помешалась на собирании музыкальных записей. Крикуны на насестах ее фонотеки плодятся неудержимыми темпами, будто научились нести яйца прямо на месте и непрерывным потоком обучать подрастающее поколение новым песням. Хотя известно, что лицензионных певчих крикунов, в отличие от новостных, стерилизуют — во исполнение законов об авторском праве, чтоб никто не копировал записи бесплатно. Это породило непыльный способ дохода — торговлю нелегальными яйцами. Обычно этим занимаются речные каперы, бессовестно выдавая за «болванки» певчих крикунов перекрашенные яйца обычных новостных, а то и диких, собранные в пойме Анара. Качество звука у них ни в какое сравнение не идет!

И все равно число голосистых тварей в тон-студии моей древнейшей растет как-то слишком быстро. Нет, я не против хорошей музыки и за стреломет при слове «культура» не хватался бы... если бы все они там и оставались. А то Келла взяла моду таскать полюбившегося крикуна на плече, выкрутив ему горловую ленту на максимум, чтобы орал прямо на ухо, раздув резонатор. Сажает на спинку кресла за обедом — лишь бы куски изо рта не выхватывал. И забывает потом где попало, когда мелодия надоест. В результате твари мечутся по всему замку, не в силах найти дорогу в фонотеку — с ориентацией в пространстве у них неважно, — и совершенно немузыкально орут в любое время дня и ночи, когда дракот принимается их гонять. И гадят!

Остановившись, я брезгливо глянул под ноги. Источник бед был угадан правильно, но сама причина заминки оказалась несколько крупнее обычной кучки дерьма — почитай, с целого крикуна размером. Собственно, это и был крикун, который уже никогда не нагадит, не заорет и даже крылом не зашуршит надоедливо. Абсолютно дохлый.

На перепонку его крыла я и наступил. Кто-то исполнил мою давнюю мечту — придушил гаденыша. Причем основательно: слегка изжеванная тушка теперь была немногим толще этой перепонки. Равномерно задушен, по всей площади, если можно так выразиться. В лепешку.

Склонившись к задавленной твари, я расправил ей крыло, силясь рассмотреть расцветку. Судя по узору, ранний альбом Джорджа Саммерса, из самых любимых записей младшей жены. Сдались же ей эти вопли, полные городской безнадеги...

И что теперь лучше? Прибрать певчую дохлятину втихую — или взять младшую жену за шкирку и потыкать в плоды собственной забывчивости и разгильдяйства? Вторая задача явно не по мне, хотя с шестифутовой эльфью древнейшей крови я до сих пор справляюсь без особых потерь для здоровья и достоинства. Да и не сама же она крикуна давила...

А кто тогда, кстати?

В сих размышлениях над трупиком своего музыкального любимца меня и застукала незаметно подошедшая Келла. Как назло, я еще крыло его выпустил и руки за спину спрятал самым виноватым образом. Не отопрешься, словно перед генеральным прокурором Анарисса, все улики налицо.

Долгие полминуты эльфь переводила взгляд с меня на дохлого крикуна и обратно.

— Это не ты... — в конце концов задумчиво изрекла она. И, снизойдя до моего удивления, пояснила: — Челюсть не того размера.

И на том спасибо. При всей моей неприязни к крикунам представить себя загрызающим певчую тварь самым зверским образом я не сумел — фантазии не хватило. Скорей уж дракот постарался из ревности к хозяйке, совсем забросившей его из-за нынешней меломании. То-то он с утра по углам шугается, чуя свою вину. Или...

Или Харм. Что-то подсказывало: это мелкое злодеяние стоит в одном ряду с исчезновением общительного пса — временами даже чрезмерно общительного, — с отсутствием утренней почты на столе, со следами стальных когтей на воротах... И со страхом дракота, который в норме отличается непроходимой наглостью.

Что с этим делать?

Прежде всего — известить Хирру. Не дело, когда исконная обитательница замка пребывает в неведении насчет творящихся в нем безобразий. Опять же моя высокородная сможет дать самый верный совет.

— Хирра, будь добра, подойди к приемной, — попросил я старшую жену, переведя раковину на сеть внутреннего опо-

вещения. — Сейчас, если можно, где бы ты ни была. Мы с Келлой уже на месте. Тут серьезный непорядок намечается...

Не прошло и двух минут, как темноэльфийская дива торопливо зацокала каблуками по лестнице. Едва не столкнув с разгону нас с младшей женой, она остановилась и вопросительно уставилась на меня. Хотя глядеть тут стоило совсем на иное. На крикуна злосчастного, к примеру...

Кратко я пояснил, что заставило побеспокоить ее столь срочно. Против ожидания, к причине этой старшая жена отнеслась вполне серьезно. Пепельное лицо исказила озабоченная гримаса.

— Как по-твоему, отчего это все? – тут же в самый корень нацелила вопрос моя высокородная.

Произнести ответ оказалось труднее, чем дойти до него, неважно, логическим или интуитивным путем. Очень не хотелось озвучивать итог раздумий, делать его общим достоянием, реальностью, а не домыслом. Поэтому только собрав все силы, я смог мрачно выдавить:

— Это Харм. С ним что-то не то.

Хирра только кивнула, соглашаясь. Правда, несколько задумчиво. Значит, моя догадка в самом деле весьма похожа на правду. И не для одного меня болезненна — Келла, округлив на услышанное глаза, даже ойкнула.

— А что теперь? — пискнула она и тут же пояснила направление своего любопытства: — С ним все хорошо будет?

— Не знаю... — Отчего-то мне так не казалось.

— Ну не взбесился же он? — рассудительно попыталась успокоить нас старшая жена. — Здесь и укусить-то некому! Даже москиты не залетают...

И правда. Оттого-то эльфийские властители так высоко строятся — первейшее средство против комаров, мух и прочих крылатых надоед. Кроме крикунов. От них бы что придумать, совсем жизнь хорошо пойдет...

На каких-то полминуты моей высокородной удалось заглушить мое беспокойство и настроить меня на привычный лад. Но проблема за эти полминуты никуда не делась, требуя обсуждения всерьез, без уже готовой сорваться с языка шуточки.

— Мог и взбеситься. Заразу можно навести заклятием.

— Защита замка отразит любую магию, соразмерную ее мощи, — покачала головой Хирра. — И оповестит о нападении.

С моими выводами это совпадало. Но была еще одна возможность, совершенно законная лазейка.

— Почта. Пес имеет с ней дело первым, и заклятие, предназначенное мне, вполне могло разрядиться на него.

Этот страх у меня с самого Мекана — перед сюрпризминами, заклятыми под безобидные предметы. Уж больно дорого одна такая мне встала — на долгую память увечьем да на всю жизнь кличкой, сделавшейся нынче составной частью титула. Такое в одночасье не забудешь, не тот случай. Под каждым листком, конечно, мин не ищу, но при подобных неприятностях мысли почему-то всегда текут в саперном направлении.

К моему удивлению, жены совершенно серьезно кивнули на мое предположение. Хирра — озабоченно, Келла — настороженно, но обе при этом вполне синхронно. Значит, не паранойя. Способ вполне оправданный. Надо будет ввести в защитные контуры замка поправку на все входящие артефакты...

— Надо проверить, — первой вышла из задумчивости моя высокородная. — Где почта за неделю?

— В приемной, на подносе, как всегда, — непонимающе ответил я. — Да еще при мне...

Мои эльфочки вскинулись, как по команде. Оставалось только поспешать за ними обратно в зал приема телепосыльных чар. Это у них темперамент в расследовании такой или все в самом дéле настолько серьезно?

Ответ, как всегда, оказался где-то посередине. К столику с подносом жены приближаться не торопились, а когда я подошел и бросил повестку в кучку корреспонденции, посмотрели на меня как на героя и полного кретина в одном лице. То есть реалистичным взглядом, в порядке вещей, что не могло не радовать.

Я демонстративно обстучал столик мячом-тестером, настроенным на обнаружение любой магии. Инструмент у меня всегда при себе — паранойя обязывает. Даже по подносу его покатал, как яблочко по тарелочке архаичного иллюзора. Пусто.

— Четырнадцатый класс точности след разряженного заклятия не берет, — авторитетно пояснила Келла. — Повыше классность нужна.

— Так тащи, если знаешь, что нужно! — перебила ее моя высокородная. — Я-то в отцовские лаборатории сроду не совалась!

— А я и не знаю, где они у вас... — растерянно ответила древнейшая эльфь, огорошенная напором подруги. — Покажешь?

— Пошли! — уже на ходу бросила ей Хирра, а на меня лишь обернулась: — Присмотри пока здесь да Фроххарта предупреди, если объявится!

Я попытался бдительно уставиться на почтовые отправления — не вышло. Стол как стол, поднос как поднос... Почта как почта: «Коммерческий Бюллетень» Концерна Тринадцати, с алым обрезом подписки пайщика и золотой надпечаткой для члена Совета. Толстая газета, солидная, за неделю порядочная стопка набралась. Ее Харм таскать не любит — скучно, каждый день одно и то же. Куда привлекательнее для него не столь регулярно приходящие музыкальные дайджесты Келлы, толстые литературные журналы Хирры, рекламные каталоги интерьеров, тряпок и прочих бесполезных вещиц для богатых бездельников... И, безусловно, мой любимый ежемесячник «За штурвалом», на сей раз с новой моделью спортивного флайбота на обложке, каждые полминуты выплывающего из облаков над горным склоном. Плюс еще два хрустальных шарика иллюзор-приложений. Опять, конечно, половина рекламы, зато в числе прочего должен быть результат бета-тестинга нового модельного ряда воздушных кораблей малого туристического класса. Теперь и не посмотреть толком со всей этой свистопляской...

Поверх снова устроился желто-серый клочок повестки, уже порядочно измявшийся за утро. Полный диссонанс на фоне прочего товарно-финансового благолепия. Угадайте с трех раз, на чем искать следы недоброго заклятия?

Если, конечно, удар был направлен на меня.

Другие варианты, правда, в голову не шли. Уж больно точно все складывается, как файрболы в одном залпе: недолет с перелетом был — жди накрытия. Чем только накроет в этот раз?

Жены возвратились, нагруженные оборудованием для следственного эксперимента. Впереди Келла тащила ворох всяких мелочей, сложив его в здоровенную бронзовую курильницу тонкоплетеного литья с ручкой, довершающей сходство с садовой корзинкой. Следом шла Хирра с целой охапкой зеленых свечей толщиной в руку и не менее ярда длиной. По дороге они перебрасывались трудновоспроизводимыми

фразами магической тематики. Моя древнейшая так часто оборачивалась на ходу к моей высокородной, что я испугался, как бы она не навернулась со всего маху, споткнувшись о свисающие цепочки и ленты артефактов.

Обошлось. Обе прибыли на место без урона, то есть не уронив ничего, включая себя самих и семейное достоинство — и тут же принялись гонять меня по всей приемной, указывая, где и как расставлять снаряжение. Задача оказалась не из простых, а результат ее исполнения весьма походил на небольшой укрепрайон с полным профилем минирования. Не хватало только на отвес загнутых штырей с треугольными вымпелами острием вниз.

Келла тем временем закончила рисовать зеленым мелом септограмму на полу вокруг журнального столика. Так старалась, что замарала цветной пылью не только ладони, коленки и концы волос, но даже кончик носа. Видно, языком себе помогала при нанесении рун в узловых точках.

Травянисто-зеленые свечи на плоских тарелках из серебряной фольги тоже заняли места в соответствующих узлах сети, которую должны были запитывать и ритмизировать. Хирра уже зажигала их, разминая фитили кончиками пальцев. Конечно, раз огонь — рабочий аспект ее символа, ей и свечи в руки. У младшей-то жены тот же аспект базовый, с нее станется ненароком растопить зеленый воск.

Осталось запустить накачку поисковой сети и загрузить заклятие поиска, насколько я в этом понимаю. Но эльфочки не торопились, а продолжали копаться в амулетах и артефактах, сосредоточенно наморщив носики.

— Калибровать чем будем? — озвучила причину заминки моя древнейшая.

— А Зерна Истины на что! — не глядя, махнула рукой в мою сторону старшая жена. — Забыла, что ли, у кого они теперь?

Это точно. Реликвия у меня завсегда при себе, в поясном подсумке — одном из многих, украшающих офицерский ремень.

— Доставай! — тут же кинулась распоряжаться Келла. — И во-он туда становись, к руне опасения, лицом внутрь круга!

Ну-ну. И на что я им тут пригожусь? Свечку держать? Так те и без меня стоят прочно. Слов этой Реликвии я не

знаю — многопрадед моей древнейшей, помирая, секрета не выдал. Не до того ему было.

— Что говорить-то? — Понимания у меня не прибавилось.

— Ничего. Просто возьми по одному в каждую руку и прислушайся к их силе, — скороговоркой пробормотала младшая жена, сгребая непригодившееся оборудование подальше от стола.

Хирра к тому времени запалила и курильницу, еще одним подносом разгоняя бледно-зеленый дым по всему помещению. Предварительно заклятые силовые растяжки между составными частями поисковой сети обозначились в этом дыму изумрудно светящимися линиями.

Закончив со своими частями общего дела, обе эльфочки вприпрыжку подбежали ко мне, взялись за руки и положили свободные ладошки поверх лилово-черных каменных овалов Реликвии в моих руках. Видимо, они неплохо помогли мне, потому что тепло — не от рук, а откуда-то изнутри Зерен Истины — стало чувствоваться почти сразу.

Так же торопливо, словно боясь упустить хоть каплю этого жара, Келла прочитала простенькое заклятие поиска следа. С таким я и сам справился бы без труда, но не при подобной накачке и юстировке. Свечи принялись мерцать в такт, вокруг ощутимо потемнело, будто дело не к полудню, а к закату или рассвету. Полночь — для темных эльфов, а Древнейшие — хозяева зари, утренней, вечерней ли, не важно.

В наступивших сумерках, словно иллюзии светил в планетарии, стали проступать следы. Не магические, правда, а обычные — отпечатки ног и рук, оставленные всяким, кто заходил в приемную и прикасался к чему-нибудь. Странно, почему меня не удивляет, что все они нежно-салатовые? Рубчатые подошвы моих армейских ботинок, гладкие — мокасин Келлы, каблучки Хирры и отпечатки босых ступней Фроххарта. Круглые, с блюдце, подушечки лап дракота, не только на полу, но и на стенах, со втянутыми, а иногда и выпущенными когтями. Вот стервец!

И, разумеется, следы Харма — четыре из шести лап шасси разведочного кадавра серии Mk.IV, с косой насечкой опорной поверхности и шестью радиальными когтями, как положено. Вот только отпечатки пса были как-то бледнее остальных и появились позже прочих. Проступавшие после них сле-

ды были и того прозрачнее. Похоже, чем они старше, тем слабее светятся.

Подтверждая мои выводы, легким мерцанием проявились отпечатки сапог покойного отца моей высокородной. Затем — чьи-то почти совсем неразличимые следы. Один из них цепочкой вел от входа к дальней стене и далее по ней вертикально вверх, теряясь в переплетении балок высокого свода. Хм, интересно... Надо как-нибудь потом проверить, что там понадобилось странному визитеру...

От этого намерения меня отвлекла досадливо-мрачная, хоть и вполголоса, ругань моей древнейшей. Она изощренно демонилась с полминуты, пока Хирра не прервала ее сочувственным вздохом:

— Перед «типо» надо было «магика» вставить все три раза?

— Угу... — Келла кивнула, обиженно закусив губку.

— Ничего, со всяким бывает, — продолжала утешать младшую жену старшая. — Зато теперь мы знаем, что, судя по свечению, Харм не совался сюда уже три дня.

— Отчего бы, кстати? — отвлеклась от переживаний моя древнейшая.

— Он газет не любит. Скучные они, — вступил в разговор я. — Остальное все только сегодня пришло. А наведенных заклятий, скорей всего, и не было...

— Ну да! — с ходу согласилась опозорившаяся эльфь. — На газеты их хрен посадишь!

Она с облегчением разомкнула наш треугольник, убрав руку с Реликвии. Ладонь моей высокородной, правда, отпустила чуть позже, благодарно сжав напоследок. Сумрак начал потихоньку рассеиваться, светящиеся следы и нити бледнели и гасли. Свечи слитно хлопнули, разом потухнув, их терпкий дымок поплыл длинными струями, не смешиваясь с ровным маревом курильницы.

В этот момент у меня в кармане, вибрируя, запела раковина дальней связи. Почему-то приложив палец к губам, я потянул ее за гладкие бока наружу. Жены непонимающе уставились на меня, даже рты приоткрыв от изумления.

— Властитель ау Стийорр! — слегка резковато представился я. Едва ли не рявкнул, более всего желая, чтобы в ответ из раковины донеслось испуганное аханье осознавшего ошибку и переливы сигнала прервавшейся связи. Увы!

— Арбитр Концерна Тринадцати, — неколебимо-вежливо представился собеседник. — У вас найдется немного времени для личной встречи?

— Да, — несколько оторопело признался я, прежде чем задаться вопросом, для чего это нужно. — Когда ждать?

— Немедленно, если не возражаете.

— Как это? — В самом деле, что еще за спешка?

Однако с той стороны мое недоумение расценили как вопрос о способе прибытия. И хорошо, что так: услышав в ответ «телепосыльными чарами», я успел махнуть свободной рукой в сторону вслушивающихся в мои восклицания Хирры и Келлы, указывая на магическое барахло и выход. Эльфочки на диво сообразительно кинулись уничтожать следы ритуала. Моя древнейшая даже зеленый мел септограммы умудрилась растереть до невразумительного пятна, пока я тянул время.

— Буду в полуденном кабинете внутреннего кольца, — ближайший отсюда, авось успею. — Пошлю дворецкого встретить...

Ответные благодарности и заверения в почтении я дослушивал уже на бегу, обгоняя жен, волокущих по коридору магическое барахло, и едва успев снова выхватить из кучи корреспонденции пресловутую повестку. Фроххарта я вызвал, переведя связь на ближнюю, уже в двух шагах от кабинета, влетел в двустворчатую дверь, плюхнулся за стол и попытался отдышаться.

Выходило отчего-то плохо. Не иначе из-за тематики этого самого кабинета, как нарочно, оказавшегося залом боевой славы Стийорров. Точнее даже, армейской. По углам манекены с мундирами и доспехами, на стенах тяжелые рамы красного дерева с рядами наград. Под ними — наиболее разлапистые из орденских звезд на бархатных подушках, в дутых пузырях прозрачных колпаков, венчающих витые колонны где-то по грудь мне. На углу стола, в таком же пузыре, еще и маршальский жезл времен одной из первых меканских войн.

Вот уж угадал без умысла! Моя фронтовая биография и нынешняя повестка на подобном фоне смотрятся просто изумительно. А речь вполне может дойти и до них...

На этом мои неудачные попытки прийти в себя и не выйти обратно прервал дворецкий. С поклоном распахнув створки дверей, он объявил о прибытии посетителя:

— Высокородный ау Риггор, ау Гуотт, уарс Койг, Арбитр!!!

Еще дюжину раз услышу, глядишь, и запомню. Упаси Судьба, конечно, от столь частых встреч. А если даже запомню, все равно не пойму, который он, Темный или Светлый. Хотя, судя по перечню владений, этот вроде служит Дню, а не Ночи...

Угадал, как и с кабинетом. У вошедшего была бледная кожа и светлые волосы собрата Победивших Богов.

— Чем обязан? — сухо, насколько смог, поинтересовался я, поднимаясь из-за стола. На более пространные церемонии сейчас никакого терпения не хватило бы. А также духа. То есть дыхания. Пока что его было в достатке лишь на короткие отрывистые фразы.

Впрочем, Арбитр предоставил мне дополнительное время для передышки, пространно начав издалека, с международной обстановки. В том плане, что Маг-Император — это голова, Султан Хисаха — опять же голова, а уж родной и близкий всякому анарисцу Концерн Тринадцати — даже не одна, а целая демонова дюжина голов. Включая мою собственную.

По всему выходило, что сей политический треп в духе старых рантье, протирающих зады на верандах открытых кафе, до моего сведения никто, кроме высшего функционера Совета Концерна, довести не мог. Уже интересно...

— Нельзя ли все-таки почетче? — вклинился я в длинный период, повествующий об обстановке на наших южных границах. Демоны с ним, с умником, пусть насладится непонятливостью возвышенца из человеческой расы, Инорожденного лишь в Мече. Лишь бы прекратил мотать тягомотину и перешел к делу. А то у меня нехорошие предчувствия завозились где-то на сердце. Точнее, в нагрудном кармане, где обреталась бумага, доставившая мне с утра столько головной боли...

— Необходимо обсудить один документ, — наконец внял моим внушениям Арбитр. — Очень серьезно надо поговорить.

Неприятные предчувствия начали сбываться. Документ обсудить, значит...

— Этот, что ли? — Двумя пальцами я извлек наружу повестку. Со всей возможной брезгливостью, смею надеяться. Полдня пребывания в моем кармане и относительно неудачный магический ритуал не пошли бумаженции на пользу —

вид у нее был уже весьма непрезентабельным, под стать моему обращению. Но эльф узнал документ безошибочно, что само по себе наводило на размышления.

— Каждый имеет свой долг перед обществом. — Он картинно пожал плечами. Мол, что поделаешь, первейшая обязанность со стороны общества — вовремя о том напомнить. Как нельзя вовремя, особенно в данном случае. Только-только слегка отошел от прежней суматохи...

— И во сколько же общество оценивает сей долг? — указал я на злосчастный документ со всей мыслимой выразительностью. Может, обойдется все-таки? Не поверю, чтобы в славном городе Анариссе что-то за деньги не продавалось. Чай, не в Тесайре живем, где все равны перед волей Мага-Императора. У нас завсегда кто-нибудь равнее прочих окажется, за счет размеров кошелька.

Кроме, конечно, совсем уж исключительных ситуаций... вроде моей. Во всяком случае, именно это дал мне понять собеседник.

— Сами понимаете, деньгами эту проблему не решить. — Эльф тонко улыбнулся, разводя руками. — Не в вашем случае...

— Понима-аю, — протянул я, упираясь кулаком в столешницу. Стало быть, неприятные предчувствия сбылись в полной мере, и все это — умело рассчитанная провокация. Что ж, угодили они точно, отмахаться будет трудно. Ладно, прорвемся...

Однако это было еще не все. Словно почуяв мое состояние, светлоэльфийский сутяга заторопился с продолжением:

— Есть куда более приемлемое предложение. Чин премьер-капитана Рейнджеров, сопряженный с необременительным назначением. — Арбитр, словно фокусник дракончика, извлек откуда-то гербовую бумагу с яркими печатями и золотым обрезом. Выглядел сей документ куда симпатичнее повестки. А если учесть, что премьер-капитан Рейнджеров — даже не бригадир войск магподдержки, а едва ли не полный пехотный генерал...

Впрочем, все это бесплатный сыр. Посмотрим, на что похожа мышеловка.

— Каково же назначение?

— Военным атташе в Хисах. Чисто для проформы, ненадолго — всего на дюжину-другую лет.

Так я и думал. Пытаются сбыть подальше. Нейдет из памяти у Арбитров моя вольтижировка на Престоле Спокойствия, спешат засунуть меня на дальнюю полочку, пока еще чего-нибудь не натворил.

Что ж, их понять можно. Но могли бы намекнуть и деликатнее. Зачем так сразу, повесткой по башке...

— Надеюсь, у меня есть время на размышление?

— Разумеется, сколько угодно. Повестка ведь на двенадцатое, если не ошибаюсь?

Можно подумать, эльфийский сутяга подробно изучал бумажку! Хотя не исключено, что именно он ее и составил. Или хотя бы присутствовал при том — маловат калибр документа, чтобы мараться собственноручно. А может, хватило и простого указания. Вниз, по цепочке исполнителей, до последнего комиссариатского писаря...

Только не сорваться перед *этим*! Не дождетесь! Время подумать есть — так подумаю, не сомневайтесь. Крепко подумаю.

— Благодарю вас. — В глотку бы вогнал ему ту благодарность, но фасон надо держать.

— Не стоит, — тонко улыбнулся эльф. — Наш долг — способствовать росту возможностей совладельцев Концерна...

О да. Смотрите только, чтобы мои возможности как-нибудь не переросли все ваши представления о долге и способах его исполнения. А то ведь дождетесь, не приведи Судьба!

Арбитр раскланялся напоследок, не подозревая об этих моих мыслях. Или напротив, видя их насквозь и свысока посмеиваясь над рычанием загнанного в угол пса. Но мне уже сделалось все равно. Куда важнее сейчас было иное — странные дела, творящиеся с Хармом.

Впрочем, офицерский патент вместе с повесткой я все же прибрал в поясной мини-планшет, сложив вчетверо, а то еще задеваются куда-нибудь ненароком. Если приходится выбирать из двух возможностей, пусть лучше обе будут под рукой. Нечего документам по столам сукно пролеживать, когда в замке не пойми что творится.

Фроххарт на выходе осведомился у высокородного гостя о способе отбытия, предлагая подать флайбот, экипаж или верхового зверя. Но тот вальяжно попросил проводить его к причалу, куда прибудет вызванный им личный воздушный

корабль. Тем самым подтвердив мои наихудшие опасения как относительно миссии эльфийского сутяги, так и по поводу путешествий телепосыльными чарами на дальние расстояния. Хотя, может, ему просто захотелось развеяться в дороге после успешно проведенной операции...

В отличие от Арбитра, сам я покинул кабинет боевой славы предков старшей жены совершенно в ином настроении. Только что законченный разговор занимал не последнее место среди его причин — но отнюдь не первое. Творящееся в замке пока что было куда актуальнее, чем отложенная на будущее угроза, да еще не с самым позорным путем отступления про запас.

Тем более что домашний беспорядок не просто не давал забыть о себе — он набирал обороты, словно заклятое мельничное колесо.

Едва гость успел отбыть, из раковин в руках кариатид-демониц и лапах нетопырей донесся прерывистый, по три удара с долгим перебоем, звон гонга. Система тревожного оповещения о нештатной ситуации. Только о какой, спрашивается?

Ответ последовал на редкость своевременно. Оповещение не живым — человеческим или там крикунячьим, — а мертвым, на медь нарезанным голосом принялось заунывно повторять:

— Огнеопасность! Огнеопасность! Огнеопасность! Оградите себя заклятием и покиньте помещение!!!

Каким заклятием, не уточнялось. Вроде как и полному дураку должно быть ясно, что против огненной стихии. Но оказалось, что с этим можно поспорить. Ибо ни огня, ни дыма вокруг не наблюдалось, а вот воды совершенно внезапно стало в избытке. Все статуи и барельефы, как один, зарыдали горючими слезами. То есть не горючими, а совсем наоборот, пожаротушительного свойства.

Однако мне от того было нисколько не легче. От дождя сверху прикрыться еще можно, но тут хлестало со всех сторон, как в хорошую бурю, когда кажется, что ливень вскользь земле идет. Или в дождевой сезон в Мекане, когда струи так лупят в болотную муть, что кажется, будто и сверху, и снизу вровень поливает. Промок я моментально, и все, что при мне,

заодно сполоснуло — кроме содержимого мини-планшета, заботливо заклятого на водонепроницаемость, в чем, несомненно, усматривался знак Судьбы. Вот только мне на данный момент ни до Судьбы, ни до знаков ее дела не было.

Отфыркиваясь и шипя, я добрался до ближайшей по коридору консоли управления. С трудом протерев глаза от заливающей их воды, чтобы найти и активировать хрустальный шар, я хлопнул по нему ладонью и проорал код отмены.

Водопады, потоки и струи медленно иссякли, напор стихии, толкавшей меня в бока и норовящей вбить в пол могучими ударами, спал. Словно гигант выпустил пойманную мелочь из гибкой ловушки. Чувство внезапной свободы и легкости захлестнуло так же, как прежде — рукотворный ливень.

Однако расслабляться и доверять наступившему затишью не стоило. Хотя бы оттого, что поскользнуться на мокрой плитке пола и шлепнуться со всего маха можно не хуже, чем под ударом водяного бича.

Пенящиеся, как горная речка на перекатах, потоки неслись по коридору, потихоньку исчезая в решетках отводов и щели, которая отделяет вращающуюся внутреннюю часть замка от неподвижной внешней. Но с убылью вод мое раздражение лишь возрастало. Не знаю, кому пришло на ум столь оригинальным образом охладить негодование хозяина твердыни Стийорр по поводу визита — уж не гостю точно. Но когда я до этого кого-то доберусь, мало ему не покажется!

С таким боевым настроем я и вылетел в холл замка, решительно собираясь призвать к ответу любого, кто попадется на пути.

Как оказалось, основания для этого имелись не у меня одного. Практически одновременно с двух сторон в холл ворвались жены, взбешенные до предела. Судя по их внешнему виду, обеим пришлось претерпеть никак на меньше, чем мне, многогрешному, а то и поболее.

Хирра с ног до головы, словно рыба, вывалянная для жарки в молотых сухарях, была обсыпана каким-то оранжевым порошком. Взлохмаченные копной волосы сделались из черных рыжими, кожу как битым кирпичом припудрило, одежда пылила, словно мучной куль. Оранжевые облака срывались с моей высокородной каждый раз, когда она оглушительно чихала.

Но старшей жене еще повезло по сравнению с младшей. Келла равномерно, по всей поверхности, оказалась облита густой ядовито-зеленой пеной. Подобная грубо вылепленной статуе, вся в фестонах и потеках, моя древнейшая ожесточенно фыркала и отплевывалась, то и дело наново протирая глаза.

По всему выходило, что я отделался легче всех — поэтому заготовленную тираду выпалил уже не столь уверенно, как собирался. И вообще заговорил первым лишь потому, что имел для этого больше возможностей.

— Ну кто тут решил, что искупать меня будет хорошей шуткой? Сознавайтесь!

Хирре первой удалось довести до нас свое мнение.

— При чем тут ты? И за что меня накрыли в библиотеке пожарной тревогой? — Она еще пару раз чихнула и добавила, жалуясь: — Этот реагент тушащий только для книг безвреден! А для эльфов — чхи! — наоборот!

— Ага! Меня, значит, есть за что? — вступила с чавкающе-булькающей арией моя древнейшая. — Ладно, я магию поиска провалила, но это же не повод гасить меня в лаборатории магнейтральной пеной!!!

— Так это не ты?! — слаженным трио завопили все мы разом. И, уже не слушая друг друга, принялись галдеть, излагая претензии и домыслы о виновности. Причем я потихоньку снова распалялся, а наиболее пострадавшая Келла, наоборот, стремительно успокаивалась. Едва ли не быстрее, чем сползала с нее магнейтральная зеленая пена...

Наши плодотворные обсуждения прервались самым неожиданным образом. Ставни окон с мгновенным лязгом захлопнулись. В наступившей темноте вспыхнули и замерцали алым колбы аварийных гнилушек. Из коридора снова донеслись удары гонга тревожного оповещения — на сей раз часто, без перерывов.

— Это еще что?! — У меня терпение кончилось уже давно.

— Боевая тревога! — проорала Хирра. — Нападение внешнего противника!!!

— Какого еще, к демонам гоблинячьим? — Я вопил еще громче.

— Такого же, как пожар!!! — подвела итог моя древнейшая, перекричав нас обоих разом и, похоже, с трудом удержавшись, чтобы не сорваться на визг. Но что мне, что моей

высокородной слуховых раздражителей и без того хватало с избытком.

Слаженно, едва ли не единым движением, мы кинулись под лестницу. Хрустальный шар интерьер-контроля обретался именно там, чтобы не мозолить глаза гостям. Келла, оскальзываясь в лужицах пены, поспешила следом. В результате мы со старшей женой едва не столкнулись лбами над искомой сферой, а младшую придержали с разгона уже вдвоем, перемазавшись окончательно, так что не разберешь, кого чем полили и обсыпали изначально. Но если бы это было главной бедой...

На все попытки установить связь хрустальный шар реагировал с завидным равнодушием — ни ответного свечения, ни выхода на цель обращения. Наконец при запросе общего меню услуг ситуация прояснилась, и не сказать, чтобы к добру.

Поняв, в чем дело, я с размаху врезал кулаком по ни в чем не повинной сфере, отменяя запрос.

Вот дерьмо!!! С местной консоли в оборонную систему не войдешь! Только через главный хрустальный шар центрального поста в основании донжона, тремя полными ярусами ниже и на треть оборота к вечеру отсюда. Даже если бегом, минуты две уйдет. И то если никто и ничто не будет мешать — на что надежда слабая, особенно после дивного многообразия пожарной тревоги.

К счастью, против нас, обитателей замка, ни одна из его оборонных функций ни разу не сработала. Ни пока мы суматошно искали проход к главной лестнице из холла, ни пока неслись вниз, к бункеру центрального поста, перепрыгивая едва ли не по целому пролету разом — все подъемники замок заблокировал, хорошо хоть пожарные переборки еще не задраил.

Наконец дюжиной подъярусов спустя вместо обычных проемов выхода на этаж, вовне спирали, обвивающей ось вращения внутренних покоев, открылся проход вовнутрь, в самое основание опоры, увенчанной внутренним двором и родовым древом Стийорров. Кольцевой канал, заполненный шарами исполинского подшипника, остался высоко вверху, над прочнейшими сводами.

Многослойные стальные двери и решетки раскрылись перед нами, словно лепестки Цветка Судьбы замка. Проход в

центральный пост сам по себе тянул на небольшую пещерку. Миновав его, мы сгрудились на пороге, пораженные открывшимся зрелищем.

За жен не поручусь, конечно. Но лично я был здесь второй раз за все время. А работающей оборонную систему и вовсе никогда не видел. Даже в тренировочном режиме.

Сейчас полусферическое помещение было заполнено объемной сетью светящихся линий, которые исходили из огромного, в пару футов, прозрачного шара на подставке, имитирующей скальное основание замка. Сам замок воздвигся над ним полупрозрачной сияющей иллюзией. Яркими точками выделялись стационарные боевые амулеты нехилой мощности: кристаллы залпового светосброса, обшаривающие небо прицельными лучами, сферы камуфляжных иллюзоров, гроздями выстраивающие ложные цели, стальные ежи искроприводов, готовые метать молнии в любую ближнюю цель. Периметр каждого яруса стен опоясывали кадавризированные метатели файрболов всех калибров, вплоть до тридцатидвухфунтового.

Стены и пол терялись в подробных иллюзиях неба и ландшафта, окружающих замок. Даже облака плыли где-то на высоте локтя, точно воспроизведенные в уменьшенном масштабе. А на полпути до стены медленно плыл к юго-востоку крохотный воздушный кораблик, на котором сошлись три луча целеуказателей, то расплывающихся в облаках, то обретающих четкость огненной иглы. Строка дальности, плывущая рядом с иллюзорным флайботом, все время оставалась четкой, лишь меняла цвет по мере удаления цели.

Внезапно до меня дошло: воздушный корабль, в отличие от прочей картины нападения внешнего противника, совершенно реален. Арбитр! Это он завершал свое отбытие из замка Стийорр, рискуя превратить его в шаг за Последнюю Завесу!

Хирра с порога метнулась к шару, во весь голос вопя: «Отмена! Отмена!!!»

На миг даже стало жалко, что сейчас это световое великолепие погаснет. Надо будет потом сюда наведаться, запустить тренировочный режим или воспроизведение великих битв минувшего. Красиво будет...

Как бы не так! В ответ на приказ мембрана под шаром разразилась целой отповедью:

— Неавторизованное обращение! Заклятия будут задействованы немедленно!

Что прорычала в ответ моя высокородная, пришлось бы переводить с кеннэ полминуты. Одними гномами, перемежаемыми самым нетривиальным сочетанием богов Дня и Ночи в одной постельной сцене.

— Код доступа некорректен! — подвела итог ее выступлению оборонная система. — Покиньте помещение!!!

Не заставляя себя ждать, темноэльфийская дива так же споро вымелась за порог, к Келле, едва успев прокатиться под опускающейся решеткой. Мне так подсуетиться не удалось. Испугаться как следует, впрочем, тоже.

— Тебе безопасно, ты Властитель! — успела крикнуть моя высокородная, прежде чем на вход наползла бронедверь. — Придержи ее пока, а я в часовню сбегаю!!!

В часовню? Зачем еще? Лучше объяснила бы, как «придержать» взбунтовавшуюся защиту. Если это вообще возможно...

Пользуясь безнаказанностью, которую посулила мне старшая жена, я подобрался поближе к главному шару. Мелкофасеточный алмазный кристалл, ограненный в форме почти идеальной сферы, до упора налился боевым сиянием и разве что не дрожал в предвкушении битвы. Вполне понятное желание. Вот только развязывать первое сражение новой гражданской войны в мои планы никак не входило. И безучастно присутствовать при этом — тоже.

Поэтому, когда с искропривода двухчасовой башни сорвалась крохотная сиреневая молния, я безотчетно выставил перед ней ладонь, желая преградить путь смертоносному разряду. Как ни удивительно, это подействовало!!!

Молния растеклась по руке, оплетая кисть и на мгновение высветив на ладони родовой знак Стийорров. Голосовое дублирование защитной системы выдало комментарий: «Отзыв залпа». Что ж, спасибо и за это. Если бы так же легко можно было отключить режим отражения атаки! Или пусть бы все на том и кончилось...

Следующую пару минут мне пришлось метаться между иллюзиями замка и воздушного корабля, отбивая удар за ударом, иногда обеими руками сразу. Как игрок в пик-пок с его двумя мастерками или веслом. Никогда не пробовал гонять мяч над столом сквозь дыру в сетке, но вот получилось же с

перепугу, ни один разряд не прорвался к Арбитру. Если он сейчас наблюдает за тем, что творится вокруг замка, — решит, что это я во гневе громы с молниями мечу. А на самом деле все совсем наоборот...

Остановиться на достигнутом не удалось. То ли от полной безрезультатности атак, то ли из-за возросшего удаления цели диапазон применяемого оружия сменился. Целых четыре светосбросных кристалла на башнях, обращенных к кораблю, принялись наливаться сиянием боевой накачки. Это тебе не молнии, плывущие к цели с масштабным замедлением — свет переносится мгновенно, с ним в пик-пок не поиграешь. Придется провожать Арбитра, спрятав иллюзию его воздушного корабля в ладонях. И не факт, что получится...

Три кристалла удалось разрядить, хлопнув по их образам ладонью. Ненаправленный сброс вернул вызванную силу в амулеты хранения. Но четвертый то ли оказался скорострельнее, то ли раньше стал под накачку. Пронзительно сверкающий луч вырвался из торца прозрачной друзы, соединяя полуденную башню с точкой у самого горизонта.

Повезло! На финальном отрезке пути цель прикрыл край плотной, почти грозовой тучи. Луч задрожал и рассеялся в нем, заставив облако засиять, словно исполинская зарница. Несколько мгновений вообще ничего не было видно от плавающих в глазах световых пятен. В крайнем волнении загородив спиной иллюзорный замок, я выхватил раковину дальней связи и одним движением прижал наборные жемчужинки, вызывая Властителя ау Риггора, чья судьба была мне неизвестна. Если жив — попрошу уносить ноги, наплевав на приличия. Лишь бы ответил...

— Арбитр?! — заорал я что было сил.

— Властитель ау Стийорр? — невозмутимо отозвался тот. На сей раз обмен приветствиями пошел в обратном порядке — и без малейшего намека на предшествовавший ему залп. Не заметил, что ли? Да нет, такое трудно пропустить. Полтучи засветило, вдобавок ударной волной должно тряхануть изрядно. Стало быть, демонстративно внимания не обращает. Силен мужик — а ведь, казалось бы, эльф, да еще и светлый...

— Вас что-то беспокоит? — меж тем участливо донеслось из раковины.

Почти одновременно раздалось сообщение оборонительной системы: «Цель покинула пределы досягаемости». Крохотное подобие воздушного корабля Арбитра уплыло в стену, рассеиваясь мерцающим диском. Обошлось, кажется...

— Да нет уже... — хрипло пробормотал я, отирая пот с лица, с трудом нашел дрожащим пальцем жемчужину разрыва связи и для верности прижал ее несколько раз. Потому что с первого все равно не попал.

Бронированная створка двери поползла в сторону. Как нельзя вовремя. Видимо, жены в часовне в достаточной мере очистились духовно, чтобы защитная система допустила их до себя.

— Мы по-быстрому посвящение прошли, — оправдывающимся тоном выдала Хирра. — Скорее нельзя — обряд подтверждения клятв требует...

Значит, угадал. Замок через реликвии часовни принял моих эльфочек как полноправных хозяек. Теперь Хирра не наследница, а Келла — не гостья рода. Серьезные, взрослые дамы. Обе, почитай, уже больше года замужем.

— Могли бы и не спешить, — проворчал я больше для виду. — И без таких торопливых справились...

Жены, однако, не были расположены обижаться на меня. Обе с порога кинулись к шару и принялись углаживать его в четыре ладошки, ласково шепча коды отмены. Под их чуткими пальцами огневые точки гасли одна за другой, меняя теплые тона активности на голубоватый цвет ожидания.

Решив вложить свою долю участия в общее дело, я тоже ткнул пальцем в какое-то световое пятно, особо досадливо сиявшее в самом основании иллюзорного замка.

— Заклятие самоуничтожения снято! — благодарно отозвалась мембрана.

Эльфочки тут же кинулись щекотать алых светляков оборонных чар вокруг того места, отменяя попутно заполнение коридоров летучим ядом, заливку «ведьминым студнем» или огневым туманом и прочие партизанские меры внутренней самообороны твердыни Стийорров.

Наконец Хирра нашла что-то, весьма ее порадовавшее. Пристукнула огненную точку длинным коготком и поделилась с нами своим открытием:

— Я Харма из списка внешних эффекторов вывела! Это с

его кадавровой части сигналы пришли, и на пожарную тревогу, и на боевую!

— Так вот кто устроил нам эти развлечения! — мрачно признал я отчего-то совсем не удививший меня факт. — Ну теперь я за него всерьез возьмусь...

— Ага, — мстительно подхватила Келла. — Не все же на моих крикунов валить!

Я хотел было сказать ей на это, что теперь с псом уже точно не будет «все хорошо». Но раздумал. Ни ее, ни моей вины в том нет и не будет. Пусть за все ответит нечто, превратившее Харма из всеобщего любимца в исчадие неясной природы. Если только в моей власти призвать к ответу неведомую причину сегодняшних бед...

На выходе главной лестницы в обитаемые помещения, к купальням и гардеробам, мы с женами столкнулись с вернейшим из слуг дома, возвращенным к жизни после тысячелетнего перерыва. Невозмутимый халфлинг встретил хозяев на пороге с перекинутыми через согнутую руку полотенцами, отнюдь не лишними в нашей ситуации.

Из всех нас Фроххарт единственный не пренебрег советом охранной системы и оградил себя соответствующим заклятием. Да еще и зонтик на всякий случай над собой раскрыл. Или на этот аксессуар и было наложено заклятие — когда халфлинг сложил зонт, серебристое сияние наподобие мыльного пузыря, колыхавшееся вокруг него, тихо истаяло.

Не знай мы истинного виновника наших злоключений, так бы и накинулись на дворецкого всем скопом. Уж очень выгодно он смотрелся на нашем перемазанном и потрепанном фоне. Разве что без белого цилиндра...

Но к чему кидаться на предполагаемых виновников, если предельно точно обозначил себя настоящий? Теперь главной нашей заботой был Харм. Хорошо хоть уже не главной бедой приютившего его дома...

Кое-как приведя себя в порядок, я тут же принялся за поиски. Жены остались в купальне — им предстояло возиться с последствиями пожарной тревоги дольше, чем мне. Фроххарта я попросил страховать меня с консоли управления в холле, а сам взял хрустальный шар калибром поменьше, с двухфунтовый файрбол.

На него, не без помощи дворецкого, удалось вывести целеуказание для Харма, перехваченное с центрального поста и выведенное в цивильную сеть. Теперь алая точка, обозначающая пса, плавала в глубине хрусталя между призрачными образами стен и перекрытий, пойманная и заключенная в шар — как предстояло теперь поймать самого неполноразумного кадорга.

Надеюсь, к его пользе. Что бы ни творил пес, поверить в его злонамеренность у меня никак не получалось. Тем не менее следовало принять необходимые предосторожности. Как-никак, шасси разведочного зооморфа, служащее ныне телом кадавризированному псу, и помимо его воли способно причинить немало неприятностей.

Может, просто что-то разладилось в сложнейшем магическом приборе, каковым остается всякий, даже самый простой кадавр? Вот и носит Харма по всему замку с непредсказуемыми последствиями. А сам он ни сном ни духом не виноват в творящемся повсюду безобразии...

Жаль, нельзя прямо с центрального поста обездвижить его так же легко, как обнаружить. Но армейскую защиту от магического вторжения с полпинка не обойдешь, даже с мощью целого эльфийского замка. Будь иначе, на фронте тесайрские Воины-Жрецы пачками взламывали бы мозги нашим кадаврам, а анарисские маг-хакеры отвечали им тем же. Уничтожить чудовище из семи металлов, движимое пятью стихиями, куда проще и дешевле, чем перехватить его управление.

Кстати, надо бы озаботиться средствами поимки и обездвиживания пса. Или полного истребления, если уж иначе никак...

Для этого пришлось снова, впервые со времен противостояния Охотничьему Клубу, наведаться в заброшенную игровую комнату моей высокородной. То есть арсенал профессиональной убийцы со столетним стажем.

Увы, долгий путь туда, на добрую четверть суточного оборота замка противосолонь, себя не оправдал. В хозяйстве Хирры нашлось немало средств, пригодных к тому, чтобы отправить за Последнюю Завесу любого из смертных, короткоили долгоживущих — но ничего, что могло бы остановить взбунтовавшееся шасси кадавра, пусть даже и не самой мощной разведочной модели Мк.IV, вдобавок облегченной за счет удаления сегмента боевой нагрузки и лишней пары лап.

Файрболы не в счет — в замкнутых помещениях замка применять их себе дороже. Не в том смысле, что ремонт дорого обойдется — эльфы строят крепко, — а в том, что, в отличие от пострадавшей утвари, ко мне самому заклятие экстренного обновления неприменимо. А действие сгущенного заклятием огневого тумана в замкнутых помещениях поистине ужасает. Хуже только единодушно запрещенные всеми воюющими сторонами боеприпасы, снаряжаемые жидким вакуумом, да тесайрская каучуковая бомба, заклятая на тысячу прыжков.

— Фроххарт, есть у нас ловушки, сети или еще что-нибудь в этом роде? — Волей-неволей мне пришлось снова обратиться к дворецкому, пользуясь связью магических шаров.

— Осмелюсь предложить вам охотничий зал Стийорр, хай-сэр, — не замедлил с ответом как всегда исполнительный халфлинг. — Всего три часа посолонь и ярус вверх.

Оставалось лишь поблагодарить его, сетуя на собственную недогадливость. Правда, даже сообрази я самостоятельно, где искать ловчую снасть, не факт, что сумел бы обнаружить ее без помощи дворецкого. В силу принципиального отсутствия интереса к охоте.

Гоняться за чем-то, что даже не собираешься съесть, ради пустого времяпровождения — не по мне. В Мекане, понятное дело, любая съедобная тварь шла в котел законным приварком, а шкура ее, в зависимости от прочности, размера и мохнатости — либо на заплатки, подметки да голенища обуви, либо на топчаны в блиндажах вместо тощего казенного одеяла. Да и кинься на меня или кого поблизости какое чудовище — при невозможности удрать прибью незамедлительно и без сожаления. Но впустую, без нужды зверье добывать никогда не тянуло...

Пятнадцать минут, за которые я пешком преодолел три часовых сектора от позднего заката до полуночи, под такие размышления прошли незаметно. А аккурат под охотничьим залом, на главном ярусе оказались те самые лаборатории покойного властителя ау Стийорр, в которых жены почерпнули с утра оборудование для магического расследования телепосыльных чар в приемной.

Пожалуй, мне тоже найдется, что здесь позаимствовать. На самый крайний случай, когда других средств не останется — вместо файрбола.

Выйдя из бронированных дверей лаборатории, в которой Хирра с Келлой несколькими часами ранее, как выяснилось, учинили порядочный разгром, я сделался обладателем средства пострашнее огневой снасти и сжиженной мощным заклятием абсолютной пустоты алхимиков. В поясной сумке ничуть не приятной тяжестью обосновалась колба-«пустышка» — заклятая емкость для «ведьмина студня». Сверхагрессивный биорастворитель в столь малом объеме без магии не удержать, да и в больших баллонах, меченных тремя синими косыми полосами высшей опасности для всего живого, на донцах обосновались те же заклятые получечевицы, между которыми мерцает голубым переливом жуткая слизь.

Если ничего не удастся сделать с шасси кадавра, так хоть избавлю Харма от излишних страданий. А если дело все-таки в нем самом — тем более.

Охотничий зал поразил не столько обилием снасти, предназначенной для добычи и ловли самого различного зверья, сколько здесь же хранящимися трофеями бесчисленных охот многих поколений хозяев замка. Рога, головы и цельные чучела превращали огромное помещение во что-то среднее между исполинской мясной лавкой и магистратом, куда всевозможные животные пришли обсудить свои посмертные дела.

Главенство, как в настоящем государственном присутствии эльфам, здесь принадлежало драконам — крылатым и бескрылым, лишенным ног и многолапым потомкам Повелителя Небес от всех видов живых существ, способных к двуполому размножению. Не наделенные полным разумом Властители окрестных гор и долин стали в свой черед добычей истинно высокородных хозяев замка.

Поистине председательствующее место на препарационном столе занимал... дракот. Копия любимца Келлы, такой же ширококрылый, клыкастый и гладкочешуйчатый. По всем признакам последний из трофеев, законченных неведомым таксидермистом, он, казалось, всего лишь спал — настолько умело потрудился над ним автор.

Беспокоить вечный сон собрата домашней зверюги моей младшей жены я не стал. И без того дел нашлось в достатке. Переходя от шкафа к шкафу, от одного оружейного стеллажа к другому, я старательно разбирал надписи, а где тех не было, пытался прояснить назначение содержимого своим умом.

К примеру, в целой полудюжине застекленных шкафов с прорезными поперечинами нагло красовалась снасть на крупного зверя. Гарпуны драконобойные, простые или на две, три, четыре и даже пять раскладных лап, с магическими маячками и замками, призванными удерживать дополнительные острия от срабатывания. На других стеллажах, уже обычных — стрелы для луков и болты арбалетов с тупыми металлическими битками на кончиках, чтобы не портить шкурки мелкой дичи, россыпи свинцовых и каменных пуль для балестр в плетеных корзинках...

В ларях с прозрачными крышками пониже затаились капканы, способные удержать пещерного альтийского медведя или безлапого меканского крокодила, удавки из стальных тросиков на заанарских степных павианов, силки для крикунов... Эх, вот бы этот последний вид снасти мне как-нибудь раньше обнаружить!

Далее под стеклом на полках выстроились магические ловушки, привлекающие внимание зверя и вводящие его в транс, несмертельные разновидности мин — от спутывающих и усыпляющих до настоящих стасис-контуров на сильно разведенном квазихрустале. Тысячу лет в нем добыча не проспит, но следующего охотничьего сезона дождаться вполне способна.

Следующим в ряду, как раз за ловушками, оказался стеллаж совсем уж с несусветной снастью. Копья не копья, кнуты не кнуты... Что-то вроде толстых бамбуковых розог с прочными шнурками на самосматывающихся катушках да коваными крючьями под плоскими тарелками, типа огрских саней для спуска с гор. Еще на тех же тарелках сверху были присажены простенькие трепыхалки, чтобы передавать дрожь крючку. Кого и как ловить с помощью такой снасти, я даже предположить не смог, поэтому потратил полминуты на поиск сопровождающей таблички.

Оказалось — пескорыбу! Водящуюся в изобилии как раз в Девственной Пустыне на границе с Хисахом. Стоит скарабею или гекконичку поискать в норке под барханом дневное убежище от тамошней несусветной жары, как тут же быстрая рябь по склону дюны, лязг челюстей — и все. Никто больше не появится из полуосыпавшегося укрытия...

Взять саму охотницу непросто. Только очень опытный добытчик по ему одному видимым приметам найдет пескорыбу

и достанет ее острием узкой, как игла, спицы. Обычное же ловчее заклятие в иной стихии не действует. Камень, даже перетертый в песок, на Воду по свойствам не слишком смахивает. Вот и приходится прочим, не столь умелым ловцам изощряться, выдумывая специальную снасть — удилища и даже... э... Спиннинги! Вот как называется эта жуть с катушкой и упорами, как у легкого противокадаврового светосброса!

После такого мимо шкафа, полного богато изукрашенных, усыпанных драгоценными камнями мышеловок для дамских домовых охот, я проследовал уже сравнительно невозмутимо. Хотя и в крайней степени обалдения.

По счастью, больше никакие охотничьи снасти или трофеи не пытались превысить меру моего разумения. Потому что ровно за мышеловками открылась самая что ни на есть цель моих поисков — плетенные из всевозможных материалов сети и сачки. Шелковые и газовые на меканских подколибри, веревочные на зверя крупнее, вроде дивнобраза или его лишенного игл родича, попингуя. Свертки снастей рядами висели на крюках, ощетинившись бахромой грузил, чем далее, тем толще и тяжелее.

Под конец пошли сети из того же стального тросика, что павианьи удавки. Самые крупные — с левитирующими грузилами, которые можно выставить на любую высоту, пряча сеть в кроне дерева или под сводом пещер. По команде с раковины дальней связи или хрустального шара такая сеть сама упадет, а то и бросится вперед, на добычу. Потом левитаторы, натужно завывая несущими дисками, потащат пойманную зверюгу в охотничий лагерь. Они же избавляют ловца от необходимости таскать с собой команду носильщиков для транспортировки самих сетей.

Самое то! Вытащив из шкафа пару комплектов, я принялся запускать грузила и настраивать их под свой шар. Заодно попросил Фроххарта продублировать управление на случай, если самому недосуг будет. На пару с ним мы заставили сети развернуться, свернуться, описать круг по залу, минуя все чучела, и по очереди спикировать на дракота, едва не касаясь его аккуратно сложенных крыльев. От поднятого сетями сквозняка кожистые перепонки даже чуть шевельнулись.

Или это мне только показалось. Не до чучел, когда впереди живой противник! Да еще куда более опасный своей не-

предсказуемостью. Я решительно повернулся спиной к препарационному столу...

И чуть не подскочил, услыхав сзади скрежет пятидюймовых когтей по металлу столешницы. Когда я развернулся, рефлекторно заставив сети, привязанные магией к движению ладоней, встать крыльями за обоими плечами, ошибочно принятый за чучело дракот закончил потягиваться и до предела заразительно зевнул, звонко клацнув здоровенными клыками. Посмотрел на меня одним глазом... Другим... Развернул собственные крылья, придирчиво сравнивая их с сетями у меня за спиной. Удовлетворился результатом, встал и лениво потрусил к выходу, полностью игнорируя властителя ау Стийорр, владельца замка и этого зала, а также мужа и повелителя своей хозяйки.

Впрочем, после того, как выяснилось излюбленное место его отдыха, ему можно было спустить и не такое. Силен зверь...

Или настроен философски. К примеру, мне ходить подремать после обеда на кладбище и в голову не придет, даже будь там так же тихо, мирно и свободно от бродячих мертвяков, как здесь. Для неполноразумного существа это собрание шкур и чучел собратьев ничем иным быть не может. Или я вообще ничего не понимаю!

Так или иначе, дракот обеспечил мне необходимую встряску перед тем, как загнать в коридорах замка и схватить в стальные лапы летающих сетей собственного пса, обращенного против меня неясным мановением Судьбы.

Сети, уже развернутые в боевое положение, складывать заново тоже смысла не имело, поэтому я так и двинулся в сопровождении колышущихся полотнищ по коридору противосолонь, навстречу алой точке в глубине хрусталя, символизирующей местоположение мятежного пса. Оно и безопаснее как-то...

Однако за полчаса, ушедших на сближение в глубине магического шара красного и зеленого светляков, обозначавших нас с Хармом, напряжение и готовность ко всему как-то опять подрассеялись. Поэтому первую на сегодня встречу с кадаврированным псом или тем, во что превратила его Судьба, я чуть было вовсе не пропустил. Едва успел поднять глаза от кристалла, болтавшегося на шее в обычном офицерском футляре, на тень в дальнем конце коридора.

Увиденное тут же заставило подобраться по новой. В предгрозовом желтоватом свете, вливавшемся в ряд окон вдоль галереи, вороненый металл шасси легкого штурмового зооморфа почти не давал отблесков. Силуэт кадавра темной массой выдвинулся из-за поворота и застыл, приподняв лапу в пародии на охотничью стойку. Подвижной оставалась лишь голова, медленно-медленно повернувшаяся в мою сторону и также застывшая на минуту — долгую и страшную, как вечность в свите Лунной Богини.

Ибо каждое движение, казалось, кричало — это не мой пес!!!

Уж к чему я привык, так это распознавать алгоритмы движения кадавров. Все стандартные и большую часть модификаций по памяти, с одного шага любого шасси. Бывало, споры на этом выигрывал — на пайку в Мекане, на пиво после... Да и живое больше по манере двигаться привык различать, с черно-белым собачьим-то зрением, которое досталось мне по армейской страховке взамен собственных глаз, потерянных на магической мине-хохотунчике. А столь сложное переплетение живого и неживого, как кадавризированный организм, и подавно ни с чем не спутаю.

Так вот, шасси разведочного Mk.IV, которое последние годы служило вместилищем остаткам собачьего тела Харма, двигалось совсем не так, как обычно заставлял его пес. И даже не так, как было изначально положено этому кадавру. Все-таки «четверке-лайт» отродясь, то есть с самого сборочного цеха тайрисского завода тяжелой маготехники, шесть лап полагается, а теперь их в наличии осталось всего-то четыре...

Удивительно, сколько всего со страху можно вспомнить-передумать за недолгое время!

Так же медленно и неестественно, как прежде, голова кадавра развернулась прочь, в сторону противоположного изгиба коридора. Только после этого я перевел дух и тихонько попятился назад, словно и не искал все это время встречи с тем, чем сделался мой пес. К тому же лишь сейчас я осознал другую странность, все эти бесконечно долгие мгновения неприятно царапавшую самый краешек сознания.

Все это время Харм не открывал глаз.

Тут уж мне стало совсем нехорошо. Обхватив руками плечи от внезапно накатившего озноба, я чуть не поймал сам себя

в сети, все еще следовавшие каждому движению ладоней. Ловчие полотнища закружились вокруг, покорные невольному жесту...

И вместо того чтобы напугать еще больше, привели в чувство. Не с пустыми руками я вышел на пару длинных тонн собранных воедино магией и мастерством семи металлов, покорных пяти стихиям! Дайте мне дюжину секунд, чтобы добраться хоть до одной из коннект-точек — обездвижу как миленького, одним мячом-тестером. А там никто не помешает и в контрольной консоли покопаться, сделав рукотворное тело кадавра совсем безопасным...

Вот только Харму, кажется, этим уже не поможешь.

Разведя почти что обвившиеся вокруг меня сети одним резким движением рук, я снова решительно шагнул в только что покинутый коридор. Разумеется, пса-кадорга в нем уже не было, пришлось снова искать его отметку в хрустальном шаре.

Видно, растянувшееся в момент нашей встречи время после этого стремительно сжалось, как полоска копченого каучука, которой тесайрцы с оттяжки бьют надоедливых насекомых. За недолгие, казалось бы, мгновения, пока я выпутывался из сетей, чуть было не поймавших самого ловца, покорное неизвестной злой воле шасси кадавра успело сменить уровень и теперь неспешно продвигалось этажом выше в направлении ангара воздушных кораблей.

Нечего ему там делать, даже в исправном и полностью вменяемом состоянии! Лишний повод поторопиться с поимкой или истреблением мятежного кадорга, раз уж Судьба больше не властна над его живой составляющей.

Все же крохотная доля надежды еще оставалась, поэтому мешкать я не стал, и не только из опасения за целость флайбота и катафалка. Родовому крейсеру Стийорров двухтонное шасси особого вреда не принесет... а вот замку с его помощью, войдя в бортовую систему — очень даже!!!

Додумавшись до этого, я рванул по лестнице едва ли не вдвое быстрее. А едва влетев в ангар, проорал Фроххарту в шар:

— Отрубай ангар! Крейсер — на нейтральную автономию!!!

Ответа я не дождался, что послужило надежным подтверждением исполнения приказа. Ничего, полчаса без магичес-

кой защиты даже столь стратегически важное помещение замка как-нибудь простоит, не рухнет. Правда, теперь и мне приходилось полагаться только на свои силы, потому что отсеченный от внутренней системы связи хрустальный шар погас.

Ни воспользоваться помощью дворецкого для управления сетями, ни найти Харма, если он вновь ускользнет в беспорядке запчастей и ремонтных артефактов. Зато кадорга, уже занесшего ногу над транцевой аппарелью крейсера, врубившаяся защита откинула едва ли не на дюжину ярдов. Закружившись и чуть не завалившись на бок, четвероногий агрессор глухо зарокотал ходовым котлом, разгоняясь для новой попытки.

Пандус медленно пополз вверх, чтобы закрыть проем под кормовым балконом, между башенками задних стрелковых точек. Остальные люки самозадраились куда быстрее, а габаритные гнилушки все как одна замерцали рубиново-багровым. При каждом броске озверевшего шасси кадавра по магической стене, окружившей зависший в воздухе корабль, пробегала серебристая рябь.

Хорошо, что я успел сообразить и приказал халфлингу ставить на нейтральную, а не на боевую автономию. Иначе крейсер с ходу принялся бы палить по источнику возможной опасности из всего бортового оружия. Или хотя бы из того, что не способно причинить катастрофического вреда замку, то есть из тех же искрометов, к примеру. Кадоргу, понятно, от них не поздоровится, но мне самому пришлось бы не в пример хуже. Несмотря на ограждающее заклятие из неприкосновенного запаса и всю магию Зерен Истины...

Меж тем Харм — или уже не он? — продолжал кидаться на летающее судно с упорством пса, наскакивающего на обычную повозку. Вот только масштаб действия был несколько иной, да и последствия даже без приведения в ход боевой мощи крейсера предполагались нехилые.

Несколько контейнеров с неясным содержимым уже разлетелись детскими кубиками, да и одну из стационарных светофрез кадорг, отлетая, своротил с постамента. Дюймового калибра болты, лопаясь, только взвизгнули жалобно.

Дожидаться, пока внимание обезумевшего подобия живого существа из семи металлов, движимых пятью стихиями и еще неизвестно чем, обратится на меня, всяко не стоило.

Поэтому двумя короткими загребающими движениями рук я послал сети вперед. Одну за другой, чтобы обе успели захлестнуться, не мешая друг другу.

Правая первой накрыла отброшенное очередной раз, ошеломленное ударом четвероногое шасси. Грузила коротко сплясали в быстром хороводе, затягивая горловину, и тут же левая сеть прижала их к самому корпусу кадорга. Вторая затяжка!

Левитаторы взвыли несущими дисками, разогнанными на полную мощность, силясь оторвать добычу от пола. Но на многотонные туши из металла ни они, ни сами сети не были рассчитаны. Глухо ворочающийся сверток раскачивался, отрываясь от каменного пола то одним, то другим концом и гулко рушась обратно. От бешеной возни тросик за тросиком натягивались и лопались с оглушительным звоном.

Ничего, полминуты продержится. Вытащив мяч-тестер из подсумка, я со всех ног поспешил к силящемуся вырваться кадоргу. Примерился, отыскивая наиболее доступное место для того, чтобы всадить парализующий заряд, кинул мяч — мимо!

Второй раз, третий... Сеть уже лохматилась лопнувшими ячеями, словно дивнобраз иглами. Наконец пятый бросок оказался удачным — голубые искры жгутами оплели сеть, вырвавшись из пораженной заклятием коннект-точки. Пес задрожал, задергался и всей массой грянулся об пол, медленно перевернувшись на живот и подобрав лапы.

Теперь можно было не торопиться. Вручную, без посредства шара я отключил левитаторы сетей. Стянул с шеи остодемоневший ремешок футляра с бесполезным пока хрустальным шаром и присел рядышком, прямо на станину свежесвороченной светофрезы — отдышаться перед тем как возьмусь за дело всерьез.

Отдышался. Или хотя бы унял дрожь в пальцах — что осталось, можно было списать на не затихающие внутри обездвиженного кадорга вибрации. Страх тоже почти ушел. Не тот, что за себя, из-за буйства сбрендившей маготехники, а тот, что за пса, с которым уже не будет «все хорошо»...

Кое-как я распутал обрывки сети над собачьей мордой, с трудом отводя в сторону упругие и острые концы тросиков. Сталь противно скрежетала и звякала по бронзе, заставляя морщиться и вздрагивать, но уши Харма не дрогнули, а глаза так и остались закрытыми.

Уже понимая, что сбылось худшее из предчувствий, я положил руку на его голову. Неживой холод остудил пальцы, подводя итог погоне, охоте и всему этому дню. Ничего больше не изменишь, остается лишь принять неизбежное.

Мой старый пес умер во сне. Спокойно и мирно — после долгих лет войны и пограничья в меканских топях. Заснул и не проснулся, хотя система жизнеобеспечения продолжала гнать очищенную кровь по натруженным жилам. А тело кадавра не уставало метаться по замку, повинуясь приказу, пришедшему из беспокойных собачьих снов.

В последний раз я погладил короткую рыже-белую шерстку. Сдвинул защитную панель контрольной консоли, повернул ключ и выставил движки в код отключения. Подобие жизни окончательно затихло в искусственном теле из семи металлов, движимых пятью стихиями. Лапы кадорга расслабленно застыли, перестав скрести пол и подергиваться в путах.

Откупорив запасенную совсем на другой случай колбу «ведьминого студня», я опрокинул его над головным ложементом кадавра. Плоть поползла с черепа, растекаясь прозрачно-голубым светящимся киселем. Когда кость очистилась полностью и сама подернулась синевой, я дезактивировал зелье. Бережно вынул то, что было головой моего не наделенного полным разумом друга, отряхнул голубую пыль. Медленно, словно нехотя, выпрямился, чтобы сойти во внутренний двор. Отключенного кадавра можно загнать в гараж и потом.

Хорошо, что никто не повстречался мне по дороге вниз — ни жены, ни заботливый дворецкий. Дракот все еще не вылез из щели, в которую забился в припадке предусмотрительности. Запах свежей смерти не то что застарелый дух охотничьих трофеев — на совесть отпугнул чуткого зверя. Даже певчие крикуны попрятались, на свое счастье. А то с меня сталось бы положить половину фонотеки в тризне по любимому псу.

Хмурое небо над узким колодцем внутреннего двора соответствовало ситуации. Клочья перехлестывающих через края кровли облаков путались в окаменевших черных ветвях родового древа ау Стийорров, украшенных драгоценностями и покрытых затейливой резьбой. Казалось, капли оседающего тумана соперничали в богатстве и блеске с гранями камней и узоров. Ни одного солнечного луча, чтобы рассудить их спор, не нашлось в этот день. Оно и к лучшему...

Надеюсь, это не будет кощунством. В конце концов, я — Властитель ау Стийорр не в меньшей степени, чем строители этого замка и создатели его сокровенного сада неживой природы. Кто сказал, что нельзя сохранить здесь останки Харма, пережившего первую смерть и настигнутого ныне второй? Промежуток между ними пес провел, более чем наполовину принадлежа миру вещей, а не существ, будучи весьма своеобразным произведением искусства кадавризации.

С этими мыслями я отодвинул решетку, прикрывающую вход в невысокий грот на востоке, под корнями каменного родового древа Стийорров. И обнаружил, что не ошибся с выбором, когда нагнулся к зеву заботливо обустроенной пещерки. Длинные выступы вдоль ее стен занимали черепа, никак не схожие с человеческими. Не охотничьи трофеи, те выставляют напоказ, — останки друзей, которых не примет ни одно кладбище. Тех, кому можно доверить и по смерти стеречь основу семейной святыни, для кого найдется место у самых корней родового древа. Драконы, собаки, кошки...

Пригнувшись, я спустился внутрь, отыскал место на «собачьей» полке и бережно пристроил череп Харма рядом с исполинскими челюстями какого-то дракодава, некогда любезного сердцу одного из прежних владельцев замка. Поправил, чтобы на долгие века пес улегся поудобнее. И пятясь, покинул место упокоения верных друзей любого разумного, будь тот человеческой или эльфийской крови.

Не знаю, достойным ли завершением церемонии было то, что я сделал после этого. А именно — вытащил из планшета патент премьер-капитана рейнджеров и с маху припечатал ладонью место подписи. Под пальцами уже привычно хлопнула вспышка, закурился дымок. Теперь выжженный на документе родовой знак ау Стийорров подтверждал мою причастность к политической игре Тринадцати. Признание себя новой фигурой на этом поле.

В кармане запела, нежно дрожа, раковина дальней связи. Раздраженно я выхватил округлую вещицу и поднес к самому уху. Холодный голос одного из Арбитров — никогда не научусь различать их!

— Концерн благодарен вам за совершенный выбор, Властитель ау Стийорр...

Так же резко я оборвал связь, прижав жемчужину отбоя

полусведенным от бешенства пальцем. На хрена мне их благодарность и прочие цацки, вроде чинов и наград! На этот раз подловили, в следующий буду осмотрительнее. Опасное заблуждение думать, что Собачий Глаз Пойнтер — старый пес, которого не выучишь новым шуткам. В замке был лишь один такой, а теперь и его нет. Меня так легко не убить — ни армии, ни городу, ни всему миру.

Я буду кусаться.

2
Таможня дает прикурить

Ветер гонит листву, старых лампочек тусклый накал,
В этих грустных краях, чей эпиграф — победа зеркал
При содействии луж порождает эффект изобилья...
Даже воры крадут апельсин, амальгаму скребя,
Впрочем, чувство, с которым глядишь на себя —
Это чувство забыл я...

На шканцах встречный ветерок приятно холодил лицо, обожженное ярящимся солнцем. Далеко позади остались величаво проплывшие под днищем воздушного корабля виноградники Токкура и Окавана. А теперь полутора тысячами футов ниже уже третий час ползли пески, кое-где еще затянутые редкой сетью ублюжьей колючки. Говорят, был в Девственной Пустыне такой верховой зверь — ублюд — во времена хтангских рыцарей, да сгинул весь, вместе с ними...

Этак к исходу часа дойдем до самого Герисса, столицы южного пограничья. Уже неплохо. Если бы и дальше можно было таким аллюром!

Вот только как Хисах, так и Концерн Тринадцати к простым путям не склонны со времен самого принца Халеда и того самого Священного Воинства Хтангской династии. Как выяснилось в самый неподходящий момент, заботу о безопасности своих пределов обе стороны распространили в самые непредсказуемые области. Посредством совершенно изощренной дипломатической и юридической деятельности, знание о которой до недавнего времени счастливо меня миновало.

Воистину во многих знаниях многие печали, а в малых — лишь одна беда, зато всеобъемлющая: если что и стрясется, то совершенно внезапно, как в данном случае...

Оказывается, соглашение о добрососедстве между Союзом Городов и Султанатом включает в себя запрет на пересечение границ воздухоплавательными средствами. То есть с комфортом долететь до пункта назначения за сутки-другие не получится. Ни на флайботе, ни, пуще того — Судьба упаси! — на фамильном летающем крейсере дома Стийорр.

Даже подлететь к границе, перетащить воздушное судно через рубеж вручную и затем снова взлететь — не получится! Ввозимое воздухоплавательное средство долженствует быть принято и опечатано в столичном хисахском представительстве, доставлено по земле в пункт назначения, и там только, по мере приемки таможенной службой, задействовано вновь. Причем строго в соответствии с местным кодексом воздухоплавсредств, по которому под каждым летающим судном должен идти глашатай с факелом, возвещающий о его передвижении трубными звуками. Дабы тень оного не пала на жителя или его имущество...

На фига мне такой комфорт?!

Нет уж. До границы, Ветровой Стены, я так или иначе решил дойти воздухом. Часов за дюжину. Причем именно на семейном крейсере Стийорров, назло всем кодексам и соглашениям. Фроххарт доведет его домой без труда. Можно и на автопилоте отправить, есть там такая опция — «возвращение из боя с потерянным или выведенным из строя экипажем». Но живая душа на борту надежнее. К тому же неизвестно, не начнет ли крейсер под означенной опцией отстреливаться по дороге от всего подозрительного.

А повидать такого подозрительного пришлось немало. Сам бы с удовольствием пальнул кое по чему... В основном, конечно, по загородным владениям особо кичливых скоробогачей. Все никак не привыкну, что нынче сам над богатеями богатей, и все эти «фиолетовые камзолы» за честь почитали бы двор у меня подметать, только допусти. Впрочем, даже ради забавы не разрешил бы. Даже если б тот двор не обновлялся регулярно заклятием самоочистки. Не люблю себя над другими ставить — в той же степени, в какой над собой никого не терплю.

Ладно, пойду под навес, к женам и дворецкому, с немалой сноровкой выступающему в несвойственной ему роли флайшкипера. А то мозги окончательно перегреются, начну по варанам пустынным, ни в чем не повинным, из главного калибра лупить. Как дать пить. В смысле, как пить дать, но меня с жары уже на рифмы повело. Вот, оказывается, в чем секрет эпоса о принце Халеде — сочиняючи его, хисахские сказители попросту изрядно перегрелись. Так и колотили все слова в одну точку, словно цапли колодезные или шадуфы над арыками...

Нет, точно пора в тень, да хлебнуть чего-нибудь освежающего без градусов, чтобы вконец не скопытиться к прибытию. В четыре утра вылетели, часам к пяти дня дойдем — хоть и ниже будет солнце, а песок к вечеру только прокалится полной мерой, словно на противне для варки кофе по-хисахски в студенческой кофейне... Опять все мысли о питье!

— Простите, хай-сэр, вам придется обслужить себя самостоятельно. — Дворецкому явно не хотелось отрываться от штурвала при моем появлении.

— Ничего, не беспокойся, — понимаю родственную душу, поутру сам отстоял смену на месте рулевого.

— Я налью! — Хирра оказалась расторопнее Келлы, покошачьи завороженно жмурившейся на гребни дюн у горизонта.

Младшая жена так и не очнулась от своего блаженного транса, пока старшая подавала мне запотевший высокий стакан с почти непрозрачной коричневой жидкостью, поверхность которой прикрывал от пустынной пыли, заносимой даже на этакую высоту, кружок лимона.

Отхлебнув, я удивился непривычно кисловатой, мягкой горечи. По виду-то обычный отвар орехов Ко с листьями Ко, а на вкус скорее...

— Кофе по-хисахски со льдом, лимонным соком и пряностями, — пояснила моя высокородная, улыбнувшись при виде удивленной физиономии мужа и повелителя.

Тогда понятно. Прихлебывая напиток, позвякивающий льдинками под лимонным кружком, я стремительно приходил из слегка помраченного состояния в самое что ни на есть благодушное. Во всяком случае, две благие мысли пришли мне в голову практически сразу. Одна, разумеется,

насчет того, что в пути, да и в самом Хисахе, надо будет иметь запас этого питья, разлитого по самохолодящимся флягам. А вторая...

— Вот что, — обратился я к Фроххарту. — Нас долго не будет, так ты выводи флайботы проветриться на несколько часов, все три. Не то чтобы часто... но регулярно.

Не заметить довольства на обрамленной бакенбардами физиономии дворецкого было невозможно.

— Будет исполнено, хай-сэр. — В его голосе явственно звучала благодарность, выразить которую впрямую не давало своеобразное понимание приличий. — Смею заметить, с вашей стороны очень уместна такая забота... о сохранности ценного имущества.

Точно рассчитанная пауза лучше всяких слов передала истинные чувства верного слуги дома. Может, мне показалось, но даже встречный ветерок побежал над палубой веселее. Хотя силовой ветроотбойник на бушприте, облегчающий обтекание воздушного крейсера встречным потоком и заодно повышающий комфорт экипажа, пропускал лишь малую долю напора. В полную-то его силу на палубе не устоять даже при нынешней семидесятимильной скорости, а воздушный корабль способен выдать и все двести в час...

— Герисс! Смотрите, смотрите! Ветровая Стена!!! — оторвал меня от неспешных размышлений возглас Келлы. Не меня одного, понятно, так что к перилам шканцев, как по команде, рванули все, кроме халфлинга.

Младшая жена даже подпрыгивала от возбуждения, наваливаясь всем телом на хрупкую ограду. Казалось, вот-вот перескочит ее, как фермерский плетень, и побежит вприпрыжку прямо по воздуху. Но не уверен, что у нее вышло бы это, даже со всей магией Древнейших. Поэтому я осторожненько придержал младшую жену за талию, а мгновением позже полуобнял и подоспевшую старшую. Хирра замешкалась, избавляясь от стаканов и ведерка со льдом.

На самом горизонте проступила уходящая в туманную от пыли даль редкая цепь острых неровных зубцов. Чуть правее бушприта в одном из ее пролетов открылась пологая гора, словно поросшая безлиственным лесом, а в другом — широкая россыпь разномастных строений, большая часть которых казалась пока не больше песчинки. Однако были там и коро-

бочки покрупнее, и совсем уж заметная даже отсюда громада, над которой вразнобой плясали синие зарницы.

— Что это? — спросила моя высокородная. К счастью, у меня на этот счет имелась догадка, которую я поспешил озвучить:

— Минный завод. Про «герисские банки» слыхала?

Жена понимающе кивнула.

— Вот тут как раз и стекло из песка плавят, и банки выдувают, и молнии в них закручивают.

— Как консервы! — хохотнула на мое объяснение Келла.

— Ага, где-то так... — ухмыльнулся я, признавая сходство.

Столица южного пограничья росла на глазах. Можно сказать, мы уже на месте. Чуть ли не на час раньше, чем я думал, в чем заслуга исключительно пилотского искусства Фроххарта. И вообще уже сегодня, а не на следующей неделе — именно столько пришлось бы добираться дилижансом.

Ничего, впереди, почитай, столько же — неделя по пескам Девственной Пустыни к побережью, где стоит столица, Хасира-аль-Хисах. И то если ветер попутный будет и никакой оказии по дороге не стрясется...

Дворецкий столь плавно проделывал предпосадочные манипуляции, что я даже не заметил, когда он, снизив скорость, убрал ветровой щит и сложил боттом-мачту. Лишь по мельканию вдруг приблизившихся гребней барханов стало ясно, что до прибытия — считаные минуты.

Халфлинг зашел на посадку мимо армейских причалов, где теснились прибывшие на ремонт единицы анарисского флай-флота и их менее удачливые собратья, предназначенные на разделку. Последних ждала Дровяная Гора — тысячелетиями собиравшаяся свалка судовых остовов. Говорят, где-то в глубине завалов иссохшего, хотя и заклятого на нетление деревянного хлама прячется брошенная перед последним походом Священного Воинства флайпинасса самого маршалиссимуса, третьего уарена Хтанг...

Не знаю. Вряд ли кому удастся проверить эту легенду — слишком много навалено сверху за прошедшие годы. Дровяная Гора, затянутая лесом мачт, виднелась даже отсюда, снизу, призрачным холмом вздымаясь над городом. Пыль, зависшая в воздухе, и жаркое послеполуденное марево не давали толком разглядеть ее очертаний.

Для фамильного крейсера Стийорров, само собой, нашлось местечко поприличнее. У причала для особо важных персон, чисто выметенного от песчаных заносов и очищенного от перекупщиков, с ходу готовых прицениться к частям корабля, пригнанного на разделку или просто залетевшего в Герисс.

Комендант порта самолично пожаловал с визитом — узнать, не нуждаются ли в чем высокопоставленные гости. Узнав же, пригнал на причал целую толпу носильщиков, среди которых я чуть не затерялся. Похоже, все здешнее население носило исключительно армейскую униформу — кто по должности, а кто списанную, так что спутать немудрено. Всей разницы, что комплект поновей да с капитан-рейнджерскими знаками различия...

Чтобы не смешиваться с этой толпой, к таможне я отправился, заметно ускорив шаг. С носильщиками и жены справятся, чай, эльфийские дивы, а не мандрагоры в стакане. Фроххарт отправится в обратный путь тоже без моего пригляда, простившись со всеми нами еще на сходнях.

От порта до таможни сбиться с пути было невозможно — одна улица, да и та прямая, словно пробита воздушным кораблем, не затормозившим вовремя у причала. Может, так оно и было на самом деле — поинтересоваться у коменданта, когда тот любезно указывал дорогу и сожалел, что более ничем помочь не может, я не удосужился. Таможня и сообщение через пустыню действительно не его компетенция. Впрочем, как и верфи, минный завод и иные алхимпромзоны...

Здание таможни капитально отличалось от прочих здешних — во-первых, стариной и приземистыми массивными очертаниями, а во-вторых, материалом, из которого было сложено. Не дерево от разобранных кораблей, не песок, спеченный на заводе тлеющей молнией, а настоящий, издалека привозной камень. Едва ли не тот же, что пошел для заклятых на вечную стражу зубцов Ветровой Стены!

Сразу видно, что пограничная служба здесь, в Гериссе — дело серьезное. По здешнему-то пустынному пиратству и контрабанде понятно, с чего так, но все равно впечатляет. Мало того, что снаружи мощное строение оказалось устроено как неплохой форт и явно приспособлено к долгой обороне в полном окружении, так еще и внутри все чисто, крепко и основательно продумано. Даже мелкие зеленые гоблины здесь были

наособицу — все как один в форменных песочных шортах и с широкими ременными петлями через плечо. Для переноски товара и опознания, наверное — каждый ремень был украшен изрядных размеров крюком и не маленькой же номерной бляхой.

А уж когда в поле зрения показался их начальник и руководитель, причина здешнего порядка и обстоятельности стала ясна, как хрустальный шар без заклятия. За солидным дубовым столом на возвышении главного зала восседал не человек, даже, упаси Судьба, не Инорожденный, а самый натуральный халфлинг!

При росте фута четыре, обыкновенном для его расы, весил властелин таможни фунтов сто пятьдесят, то есть вдвое против положенного. Кроме того, и голова, и отличающие его расу бакенбарды были обкатаны под машинку, топорщась белесой щетиной. Но это лишь придавало свирепости облику чиновника, затянутого в мундир, как надувной каучуковый мяч в кожаный чехол.

— Кастом-мастер первого ранга Антонин «Шнаппи» Серджес, к вашим услугам! — соизволил представиться первым местный авторитет, привставая и чуть кланяясь.

— Премьер-капитан рейнджеров Джек «Догай» Пойнтер. — Форма его представления продиктовала ответ, лишенный излишеств титулования.

— Как же, как же, предупрежден, Властитель ау Стийорр... — Округлая физиономия кастом-мастера расплылась в улыбке весьма дружелюбной, хоть и смахивающей на крокожабью.

Вся моя скромность вкупе с порывом соответствовать краткому и серьезному стилю заведения пропали даром. Назначенное уважение против заслуженного статира ломаного не стоит, а заработать его собственноручно, манерой держаться и отвечать за свои слова мне тут уже не светит.

Впрочем, инкогнито в любом случае не продержалось бы долго. Ибо как раз в этот момент в таможню во главе длинной череды носильщиков, волокущих бесчисленную кладь, вломились мои эльфочки, разом и бесповоротно нарушая чинность и порядок, царившие здесь до их явления, а также изрядно загромождая простор таможенных казематов, прежде казавшийся беспредельным.

Тут уж я вины не ощущал. И без того борьба за объем багажа далась мне исключительно тяжко, так что праздновать победу сил уже не оставалось. Дай женам волю, они бы ползамка с собой утащили. Особенно младшая. Хирру-то опыт Охотничьего Клуба делал полегче на подъем.

И если бы в списке безусловно необходимого главенствовало барахло! Обосновать ненужность вещей проще простого — откуда нам знать, что именно понадобится в незнакомой стране и не лучше ли при наших деньгах обзавестись всем на месте? Специально приспособленным под тамошние условия, удобным, да попросту новым! Соблазн тотального шопинга переубедил бы даже менее сообразительных женщин, чем мои эльфийские дивы, так что тут стараться особо не пришлось. Однако моей древнейшей втемяшилось обязательно взять в дальний путь на чужую сторону всех своих живых любимцев. Дракота и фонотеку.

Это тут же напомнило мне старую байку про дракона, рогача и сено, которых надо перевезти через Анар в лодке, куда помещается лишь один компонент из трех. При том, что я не перевозчик, а Девственная Пустыня — не река. Семью сравнение изрядно повеселило, но виновницу казуса не убедило ни в чем. Особенно Келла упирала на то, что за две дюжины лет без нее дракот либо сдохнет с тоски, либо отобьется от рук и заново одичает. Да и проклятущие крикуны поголовно вымрут от старости, ведь срок годности стандартного носителя — всего-то дюжина лет.

А стасисное заклятие тогда на что?! Дорогая вещь, не спорю. Но я заплатил бы вдвое за потребный для него квазихрусталь, лишь бы в дороге и на месте не болела голова от присмотра за проказливой зверюгой чуть меньше гекопарда. И уж тем более не раскалывалась вдрызг от непрерывного концерта фонотеки, вопящей по клеткам и корзинам.

Подавая пример, мы с Хиррой закляли под хрусталь всю конюшню — обоих наших гекопардов и всех гостевых рогачей, убедив таким образом мою древнейшую в серьезности намерений. Моя высокородная и Фроххарту предложила переждать отсутствие хозяев, как прежде, в стасисе, но дворецкий корректно отказался, сославшись на то, что в наше отсутствие кто-то должен присматривать за замком. Ну для разумного дело хозяйское, как провести изрядный кусок жизни. Пусть для халф-

линга с его трехсотлетним веком пара дюжин лет и не столь чувствительна, как для человека или мелкого зеленого гоблина.

Под такие разговоры младшая жена тихонько вышла, убежденная наконец в необходимости оставить любимцев. По крайней мере одного.

Когда моя древнейшая вернулась, дракот под «хрустальным» заклятием уже спал в ее полуденных покоях, заботливо устроенный на мягких подушках, укутанный от пыли прозрачной кисеей. Конечно, в заклятом виде ему и на битом стекле ничего не сделается. Или в зарослях меканской «колючки», самим легендарным Бруно проклятой в тугую спираль. Но я понимал Келлу, особенно после собственной утраты.

Гораздо труднее было перенести следующую серию ее возражений — от магического сна певчие крикуны-де хрипнут и начинают путать слова. По мне, всем бы им поголовно онеметь, впасть в маразм, а лучше сразу передохнуть. Только угроза, что фонотека, не погруженная в сон, за наше отсутствие придет в негодность с гарантией, заставила младшую жену заклясть голосистых тварей.

Благодаря этому последние сутки в замке прошли вполне сносно.

Однако и оставшаяся поклажа смотрелась несолидно лишь в трюме родового флай-крейсера Стийорров. Будучи же извлечена на свет дня и перенесена в присутственное место славного города Герисса, она выглядела грозно и всепогребающе, вроде лавины в огрских горах.

Впрочем, свирепого в чиновном рвении халфлинга не смутило ни нашествие важных персон, ни половодье клади. Одним движением бровей бросив подчиненных на прием и распределение бесчисленных кофров, со мной он объяснился все так же спокойно и чинно:

— Багаж, понятно, дипломатический, проверять нет нужды. Однако положено составить опись и опечатать. — К своему делу кастом-мастер собирался приступить обстоятельно и со вкусом.

Положено так положено. Во всякой канцелярской деятельности главное — не препятствовать ее движению по накатанной колее. А то она сама воспрепятствует всей остальной жизни. Встрянет категорически и насмерть перекосится, хуже фермерской телеги на мосту.

Здесь, на таможне, последовательное и неумолимое действие канцелярии олицетворяло собой шествие служебных гоблинов. Оравы зеленявок, сообразные размерам клади, цепочкой тащили чемоданы, баулы и корзины мимо стойки, где писарь отмечал их в своем кондуите, а кондуктор снабжал печатью на веревочке. Занятие почтенное, обстоятельное, даже почти солидное — если б только писарь не выкликал пронзительным голосом наименование каждой единицы багажа перед тем, как занести его на бумагу. В свете гоблинской манеры коверкать слова обзывал он ни в чем не повинную тару на редкость уморительно.

— Сюндюх плятенай у рямнях!!! — такого титула удостоился изящный короб белой лозы из хозяйства моей древнейшей.

Услышав, как обозвали образчик ее вкуса, Келла не сдержалась и расхохоталась в голос. Хирра хихикнула, стараясь все же соблюсти приличия, да и я не сумел отделаться от кривой ухмылки на полфизиономии. Чую, теперь злосчастная кладь навсегда останется в нашем обиходе «сюндюхом».

Раз уже вещи младшей жены, вслед за моей нехитрой поклажей и солидным багажом Хирры, подвергаются осмотру с опечатыванием, значит, дело к концу... Большая часть легкомысленных корзинок Келлы пережила таможенные процедуры. Осталась лишь парочка особо крупных, которые местным гоблинам было трудновато ворочать.

Первая из них подалась сравнительно быстро, хоть и с отчаянными усилиями. А с последней, несмотря на все старания, зеленявкам справиться не удавалось. Их попросту не хватало на каждую из сторон, чтобы ухватить поудобнее. Под днищем-то они и сейф здешний уволокли бы, но туда еще подлезть надо. Тут требовались носильщики покрупнее — или левитационное заклятие...

— Заклятие! Заклятие!!! — Похоже, таможенные гоблины самостоятельно пришли к тому же выводу.

А может быть, и нет. Поскольку одновременно с этим восклицанием служилая мелкота прыснула от корзины, точно головастики от камня, брошенного в лужу. Зелеными струйками они втянулись за ближайшие стойки, набились за конторки, а кое-кто даже внутрь отделений залез.

Брошенная корзина тихонько раскачивалась еще полдю-

жины секунд, замерла ненадолго, затем покачнулась снова — и чихнула.

На заклятие, наложенное неизвестным террористом, это не слишком смахивало. Зато на попытку провоза контрабандой кого-то живого — скажем, дракота — очень даже. Неужели моя древнейшая решилась-таки в последний момент все переиграть и нарушить обещание?!

Но Келла смотрела на багаж, внезапно проявивший самостоятельность, с тем же недоумением, что и все прочие. Кроме зеленокожих — те вообще зажмурились и уши заткнули в ожидании магического разряда. Частенько, что ли, с сюрпризами подобного рода дело имеют?

Однако корзина не спешила радовать их столь банальной развязкой. Только еще сильнее ходуном заходила, словно внутри нее и вправду по меньшей мере дракон обретался. Узлами завязанный на все пятнадцать футов длины...

Теперь с места привстал даже Серджес, нависнув над столешницей всеми полутора сотнями фунтов. Он вперился в подозрительный багаж, приподняв одну бровь и грозно насупив другую, прислушался, наклонив для удобства голову, и наконец пробасил нарочито громко:

— А вот мы сейчас наложим на нее самую главную печать... Никакое заклятие не вырвется! — Похоже, в отличие от подчиненных, в магическую бомбу кастом-мастер не верил.

Этот нехитрый способ разрешения ситуации сработал — гоблины выглянули из-за импровизированных укрытий, а взбунтовавшаяся тара, наоборот, затихла. Даже на переговоры пошла.

— Не надо на меня печати ставить! — раздался из-под крышки недовольный девичий голосок. — Я, может быть, только жить начинаю! Путешествовать вот собираюсь!!!

С этими словами корзина снова затряслась, будто в ней завозилась сердитая кошка, и торжественно завалилась на бок. Виновница всеобщего замешательства выползла наружу на четвереньках, с ног до головы обвешанная прозрачными чулками и еще какими-то смутно опознаваемыми предметами обихода младшей жены. Еще бы, не к Хирре же в кожаные баулы ей было лезть. Там бы с ходу задохнулась. Имелась, правда, и еще одна причина выбора хозяйки тары — проехать в Хисах «сусликом» решила не кто иная, как ближайшая кре-

атура моей древнейшей в подотчетной ей банде, Памела. До самой пломбировки багажа дотянула, еще немного — и пришлось бы всю дорогу сидеть под заклятой печатью.

На мой взгляд, печать на ней и так некуда ставить. Хотя при всем при том вполне возможно, что мужской любви пышечка еще не познала. В силу сочетания среды и возраста...

То-то Пемси с первой нашей встречи поглядывает на меня с нескрываемым любопытством. А в последнее время и вовсе с явным обожанием. Из «Гекопардовых Орхидей» она одна, похоже, не прочь воспользоваться той частью клятвы, которая обобществляет сексуальную жизнь всей банды, и претендовать на мужа атаманши, который, получается, помимо двух законных жен чисто формально принадлежит еще пятидесяти девяти оторвам на грани выхода из подросткового возраста.

Жаловаться же Келле на ее подчиненную — последнее дело. Способностью ревновать природа эльфийских див обделила начисто. Поэтому спокойный совет моей древнейшей по данному поводу я вполне могу себе представить. В духе «трахни и забудь». Если б все было так просто...

Между прочим, молодежная женская банда — довольно выгодное предприятие. Особенно когда ею руководит моя младшая жена. До трети доходов уходит на откуп властям и судейским, но оставшаяся сумма вполне способна конкурировать с рентой Концерна Тринадцати... на которую она тоже имеет все права. Как Тринадцатая.

И если сама Келла совмещает на главенствующем посту в банде должности ведущего кадровика и генерального менеджера реорганизации, то Памела у нее — признанный зам по интригам. То есть заточена под то, кому, когда и на что намекнуть для большей эффективности, чтобы дело шло само, не мешая цвести и колоситься выдающейся, под стать фигуре блондиночки, лени. Каковой не уступает только страсть к удовольствиям любого несмертельного свойства.

Оказаться вовлеченным в круговорот всех этих отношений и интересов мне вовсе не улыбалось. Тут разок оступись, топи Мекана мощеной площадью покажутся...

Мысль о том, что Келла сама вместе с остальными вещичками заботливо упаковала в багаж свою унтер-бандершу, я постарался с ходу отмести. Тем более что моя древнейшая была поражена явлением подчиненной ничуть не меньше ос-

тальных, хоть и попыталась скрыть удивление за деловитостью и беспокойством о своем бизнесе.

— Так, стало быть... Отпуск себе устроила? Понимаю... Имеешь право. — От этих снисходительных по форме фраз бедная Пемси виновато сжалась.

Не в словах, даже не в тоне моей младшей жены кроется то, что заставляет любого тут же почувствовать свою вину. В сочетании каком-то неуловимом. Всегда срабатывает, отчего — не пойму. Хотя в данный момент суровость у нее тоже получалась неубедительно. Скорее это выглядело озабоченностью.

— На кого хоть хозяйство кинула?

— Трикси Три Заразы осталась, — с готовностью затараторила пышечка. — С ней не разболтаются!

Как же, помню. Этакая жестколицая щучка, костлявостью мне самому не уступит. Да и символ тот же — «топор». Что с ходу не разрубит, то обухом отобьет до приличествующей мягкости. Взбитая копна прически и разрезная юбка городской бандитки на ней смотрятся, как мочало на армейском стреломете. Но положение обязывает...

— А ты, как вижу, решила прогуляться. — Келлу же положение атаманши обязывало продолжить неспешный разнос. — С ветерком. До Хисаха... и обратно.

— Может, не надо... обратно? — жалобно вздохнула Памела, понимая, что столь восхитительное путешествие может оборваться, толком не начавшись.

— Да куда тут... — пробормотала уже задумчиво Келла и вскинула на меня вопросительный взгляд — мол, ты как? Не против?

Я торопливо закивал, подтверждая согласие. Того, кто на глазах, приструнить легче. А тут, на границе, выпускать инициативную пышечку из виду не стоило. Если не ради нас, то ради нее самой — как еще до дома доберется...

Кастом-мастер прервал наше безгласное общение, причем тоже не слишком членораздельным образом — гулко прокашлявшись. Иного пути привлечь внимание присутствующих у него не нашлось, а вернуть себе инициативу было давно пора.

Словно очнувшись, я вновь увидел таможню. Местные чины все еще опасливо выглядывали из-за стоек и конторок под неодобрительным взглядом шефа. Тот лишь тяжко ворочал головой влево-вправо, словно осадный кадавр, отмечая

короткими укоризненными взглядами особо нерасторопных, да покряхтывал. От неодобрения начальства подчиненные, казалось, готовы были снова попрятаться по щелям.

— Что в дыры забились, как жуки навозные? — буркнул кастом-мастер, не в силах уже сдерживаться. — Скар-р-рабеи... Или работы больше нет?!

Эта возмущенная тирада оказала на таможенных гоблинов поистине чудодейственное влияние. К последней корзине моей древнейшей они устремились, словно фермеры на ярмарке к призовой свинье. Покидали внутрь содержимое, затянули ремни, обвесили бечевкой и провозгласили «сюндюхом» под нервное хихиканье недавней обитательницы сей тары.

Сюндюх так сюндюх. Хоть торбой пусть обзовут, лишь бы подобных сюрпризов там больше не было.

После финального представления особо задерживаться на таможне не хотелось. Ни ради того, чтобы далее смущать почтенного халфлинга эльфийскими закидонами, ни ради собственного удовольствия. Осталось только спросить, где можно найти караван через пустыню, способный переправить наш багаж и нас самих в целости и сохранности.

— Дальше-то куда? В смысле, как бы транспорт в Хисах нанять... — уточнил я предмет интереса.

— Это вам на Фрахтовую надо. Там в любой таверне свободный шкипер найдется. — Малость отошедший от шока, но все еще недовольный Серджес рад был поскорее сплавить высокородных дипломатических надоед. — Лично я вам «Песчаную Акулу» посоветую, там народ понадежнее.

— А добраться туда как?

Таверна — это правильно, а то от местной жары глотка изрядно пересохла. Да и прибавление в составе посольства обмыть надо. В смысле запить, пока вовсе колом в горле не стало.

— Провожатого я дам, — избавил нас от затруднений кастом-мастер. — А пока в документы внести надо вашу... э-э... попутчицу.

— Это к младшей жене, — перенаправил я дотошного чиновника. — Она ее... э-э... компаньонка.

С определением принадлежности Пемси к семье у меня тоже случилась заминка. Не «унтер-бандершей» же или «полустрочной сестрой» именовать ее вслух в госучреждении!

По счастью, Келла без особых заминок сумела урегулировать бюрократические формальности. Опыт проскальзывания между острыми кольями закона у нее накопился всяко больший, чем у меня и даже у Хирры, чью преступную деятельность в свое время покрывал высокородный папочка.

Документ, сфабрикованный ею на пару с кастом-мастером, я, как глава миссии, ответственный за ее состав, подмахнул не глядя. Уж больно не хотелось и дальше терять время. Найти бы фрахт до заката, чтоб не задерживаться еще на сутки...

— За багажом я пришлю, как договоримся. Или как на ночь станем... — Равная вероятность обоих исходов была отчетливо слышна в моем голосе.

— И то верно, — понимающе кивнул чиновный халфлинг. — Если понадобится, наш склад к вашим услугам хоть на неделю.

— Надеюсь, не понадобится! — заверил я его. Но Серджес уже отвлекся, выискивая нам провожатого.

— Ага... Эй, ты! — Его насупленный взгляд выхватил подходящего из подчиненной орды гоблинов. — Подь сюды!

На зов начальства из рядов таможенных разнорабочих выделился зеленокожий самого хулиганского вида — долговязый, фута в три, и с зубами кривыми настолько, что они не умещались во рту целиком, словно клыки у кабана.

— Отведешь хай-джентри в «Песчаную Акулу», понял? — свирепо пробурчал кастом-мастер и тут же отвернулся, изображая крайнюю занятость.

В ответ гоблин лишь кивнул, будучи, видимо, не в состоянии ответить членораздельно. Или проявляя независимость характера, проскальзывающую и в остальной манере держаться. Как халфлинг с ним справлялся, в голову не возьму — разве что всем своим авторитетом давил. Морально не более легким, чем плотский облик чиновника...

Старательно демонстрируя обилие неотложных дел, почтенный господин кастом-мастер не оставил никакой возможности толком с ним попрощаться и поблагодарить за участие и долготерпение. На пожелания удачи и здоровья он лишь неопределенно пожимал плечами да, не оборачиваясь, отмахивался короткопалой рукой.

Из равновесия его вывела только Келла, склонившаяся над солидным халфлингом, чуть не вдвое перегнувшись, и

звонко чмокнувшая его куда-то в бакенбарды. От такого Серджес подпрыгнул на месте, всхрюкнул и вдвое быстрее принялся изображать бурную деятельность, всем своим видом показывая, что нам в здании таможни, в отличие от него, делать совершенно нечего.

Намек был очевидный, не понять его оказалось бы просто невежливо, и мы покинули гостеприимные своды присутственного места, не доставляя более беспокойства их полновластному повелителю.

От таможни до Фрахтовой площади идти пришлось совсем недолго. Держать все время на Дровяную Гору — не собьешься, так что и провожатый особо не пригодился. Разве что сам он оттянулся нехило, деловито вышагивая впереди нашей четверки и всем своим видом выказывая готовность проложить дорогу сквозь любое препятствие. Даже жалко, что по пути ему не попалось ни одной банды бичей или хоть единственного праздношатающегося зеваки, которого гоблин мог бы величественно столкнуть на обочину во всю мощь своих двух с половиной футов, облеченных служебными регалиями кастом-сервиса.

Увы, случая проявить доверенную ему власть и изначально присущую боевитость зеленявка так и не получил. Улицы и переулки, которыми он нас вел, закончились раньше, и во всю невеликую ширь открылась Фрахтовая.

Длинная и не особо широкая, площадь сошла бы за очень короткий проспект, не красуйся в середине ее, вместо статуи или неуместного вблизи всеиссушающей Девственной Пустыни фонтана, грот-мачта флай-линкора. Врытая по нижний марс футов двадцати в диаметре, с разоруженной боевой площадкой и развешанными прямо на вантах табличками указателей.

Похоже, столь странные пропорции Фрахтовая имела потому, что все строения, выходящие на нее, когда-то были воздушными кораблями. Ныне списанные, разоруженные и лишенные подъемного оборудования, они все еще громоздко и грозно выставляли на площадь кормовые надстройки и носовые балконы, превращенные в террасы трактиров и номера постоялых дворов. Корабли, отлетавшие свое, шли на слом

постоянно. Но видимо, не все превращались в груды хлама на Дровяной горе — некоторые попадали сюда, из столетия в столетие добавляя длины площади...

Выскочив с налету на открытое пространство под нависающими бушпритами, таможенный гоблин остановился и махнул рукой в сторону самого приметного входа справа напротив, за мачтой-обелиском. После чего развернулся и, едва не растолкав нас, убрался восвояси.

Впрочем, нужда в нем и без того отпала. «Песчаную Акулу» не составляло труда найти без всякого провожатого.

Спутать это заведение с каким-либо иным было попросту невозможно, ибо треугольную арку обрамляло стилизованное изображение огроменных челюстей. Что примечательно, тоже треугольных, утыканных самыми разными по материалу и происхождению зубами. В качестве таковых выступали любые отдаленно схожие предметы — дубовые и медные костыли с судовых верфей, обломки клинков, гвозди и даже настоящие клыки какого ни попадя зверья. Продраться без потерь сквозь все это разнообразие посетителям позволял только изрядный размер входа, вполне пригодного для того, чтобы даже пара огров спокойно разошлась, не поранившись.

Наша компания тоже проникла внутрь без помех и была проведена половым, несколько обалдевшим от ее состава, в уголок, за свободный столик на помосте для важных персон. Сочтя на том свои полномочия исчерпанными, трактирный слуга отбыл за подкреплением, а мы принялись с виду лениво, но с изрядным любопытством разглядывать зал. Точнее, глазеть остался только я с женами, а Памела, смущаясь, отпросилась поискать кое-что. Что символично, обратившись за разрешением к моей высокородной — нас с Келлой она стесняться и не думала.

— С разрешения хай-леди, я пойду по... — Унтер-бандерша запнулась на полуслове. У нее никак не выходило соединить в одном предложении уличное описание своей невеликой нужды со светским обращением, которого хотя бы с виду требовала Хирра.

— Это называется дамская комната, девочка, — милостиво снизошла до ее страданий их виновница.

— Ага, — быстро кивнула пышечка, взметнув золотистую гривку. — Спасибо, хай-мэм...

Исчезла она при этом мгновенно, не слушая брошенного старшей женой вослед: «Можно без чинов, дорогая!» Почти теми же словами, какими я когда-то оборвал попытку унтербандерши выказывать излишние знаки уважения мне самому...

Сама смутившись, Хирра отвела глаза и с подчеркнутым вниманием уставилась на идущего мимо человека в кожаном халате хисахского небохода и пестрой чалме. Поймав ее взгляд, тот церемонно поклонился и проследовал далее по своим делам. Это не прибавило темноэльфийской диве облегчения, но и не отвратило от избранного занятия, только теперь она разглядывала присутствующих и интерьер украдкой. В отличие от старшей подруги, эльфь древнейшей крови давным-давно беззастенчиво глазела по сторонам, то и дело с коротким смешком делясь с той наиболее остроумными наблюдениями.

Мое же внимание привлекло, как водится, оружие, в изобилии развешанное на спинках стульев или прислоненное к стенам рядом с сидящими. Здесь, на краю пустыни, все было наотличку и совсем иначе, чем у нас, в Прианарье. Потоньше, поизящней — нет нужды пробивать тяжелую броню, которую в неверных и напоенных безумным жаром песках будет носить только самоубийца. Да и само оружие облегчено, насколько можно: узкие, как жала, клинки с кожаной обмоткой без деревянных обкладок, носящие имена пескорыб и ящериц, причудливо сочетали свойства стилетов и топориков, а будучи насажены на древко из бамбукового шеста, сошли бы за цепкие багры-алебарды.

Среди этого изобилия, от драконидских «гекконов» и хисахских «султанских» хас-хасов до вполне местных «пескорюшек» с «песчаными окунями», выделялось главное и наиболее совершенное оружие пустыни.

Сайса — копье песков. Точнее, и копье, и дротик, и короткий меч с очень длинной рукоятью. Смотря что владельцу понадобится. Хоть удилище для странной, немагической рыбной ловли в бескрайних песках. Таскать с собой все перечисленное по отдельности на местной жаре попросту нереально. А к столь универсальному оружию потребна лишь одна дополнительная снасть, превращающая ее в подобие метателя — раздвоенная вилкой сайсометалка с перемычкой, в которую упирается пята шипа на обратном конце чуть изогнутого древка.

Стрелометы в большинстве своем мало отличались от обычных. Разве что предпочтение оказывалось тем моделям, у которых все стволы были длинными, под болт. Да и в зарядных поясах привычных мне пучков надсеченных игл видно не было. Только у явно нездешних армейских, командированных от своих частей на местные склады, и у самых затрапезных бичей виднелись знакомые подсумки. Похоже, на краю Девственной Пустыни этот боеприпас особым уважением не пользуется, равно как и его носители. Так что надо взять на заметку — за Ветровой Стеной сей снаряд не в чести, как, по-видимому, и его любители. Видно, тут это запретное оружие, подлое. Вроде как ручные колбы с мертвящим зельем в Мекане.

Продолжить экскурс в особенности местного оружейного дела мне помешал лысенький толстячок в условно белом фартуке, нервно переминавшийся на коротеньких ножках возле нашего стола. На обычного слугу-полового не похож — не иначе владелец заведения. Не смог не заметить такое пополнение клиентуры, как мои женушки, вот и подлетел самолично, не допуская простых подавальщиков до столь важных персон. Причем рассыпался в приветствиях перед ними же, меня самого не то чтобы игнорируя, а воспринимая так, в порядке дополнения к важным эльфийским хай-леди.

Оно в общем-то и верно — в армейском, со знаками различия или без оных, как я, в зале половина мужчин и треть женщин. Остальные в пустынном на хисахский манер — чалмы, халаты, бурнусы и прочие шальвары. Специфика города себя оказывает: здесь все связаны либо с нашими военными складами, ремонтными верфями и алхимзаводами, либо с транспустынным фрахтом.

— Чего изволят высокородные? — Обращением хозяин также подчеркнул избирательность своего внимания и предупредительности.

Келла хитро прищурилась и быстро перевела взгляд с этого недотепы на меня — как-то будешь выкручиваться, муженек? Сам я только руки сложил на груди да усмехнулся криво, одной стороной рта.

Но первой успела поставить все на свои места Хирра.

— Что будет угодно мужу и повелителю. — Она неглубоко, зато весьма церемонно склонила голову передо мной.

Поначалу трактирщик скользнул взглядом хоть и в направлении поклона, но мимо меня. Однако искомого, то есть эльфа-властителя, в данном секторе не обнаружилось вплоть до самой стены забегаловки, и волей-неволей ему пришлось вернуться к единственному кандидату на прозвучавший титул. То есть ко мне. Недоумение в его глазах медленно сменялось полным обалдением в смеси с виной перед клиентом и досадой на самого себя.

Было даже жалко прерывать столь многогранную симфонию чувств, но что поделаешь — нужда пришла, метлой не отмашешься. К тому же после такого откровения еще неизвестно, не хлопнется ли в обморок хозяин «Песчаной Акулы» от чрезмерного сосредоточения на моей персоне. Лучше уж остановить процесс вовремя, пока у него ходовой котел не разорвало и весь интерес даром не пропал.

Так что я не замедлил воспользоваться завоеванным вниманием, для пущего эффекта по форме подогнав заказ под цитату из одного великого жреца древности:

— Кофе, лед и фрахтовика понадежнее. Фрахтовика мне, остальное им! — Я небрежно махнул рукой в сторону жен.

У трактирщика при попытке уразуметь смысл пожелания клиента глаза от натуги завертелись в орбитах, но суть заимствования он так и не понял. Еще бы. В оригинале там были виселица, профос и стопка джина...

Тем не менее исполнять заказ он потрусил очень споро и настолько усердно, что наемный караванщик у стола образовался едва ли не раньше, чем прохладительные напитки. Жалеть об этом никому из нас и в голову не пришло — настолько колоритен оказался подошедший. Не знаю, из вежливости, как я, или из естественного любопытства, но женушки вскочили, приветствуя прирожденного пустынного жителя человеческой крови.

Роста он был едва ли не эльфийского. Ну не мужского эльфийского, конечно, но немногим ниже моей высокородной и заметно длиннее Келлы. Суровая физиономия вся в складках, словно скала, источенная песчаными бурями. Полоска золотистого меха вокруг тульи потрепанной треуголки довершала образ истинного лиса пустыни. Вот кому пошла бы моя давешняя повязка на один глаз! Разумеется, упаси Судьба любого от такой красоты, но все-таки...

— Разрешите представиться, хай-джентри. — Караванщик лихо чиркнул по треуголке двумя пальцами. — Полмачты Блоссом, санд-шкипер Ветровой Стены второго ранга, в вашем полном распоряжении!

И застыл, то и дело переводя взгляд с меня на эльфийских див. По-видимому, тоже, как и трактирщик, не зная, от кого ожидать вышеупомянутых распоряжений. Пришлось, не медля, внести ясность, представившись в ответ.

— Собачий Глаз Пойнтер с женами. — Я кивнул на Хирру и Келлу. — А ранг мой у них лучше рассказать получится!

Моя высокородная не замедлила тоном выученной секретарши оттарабанить все родовые притязания семьи Стийорров, к которым волей ее покойного папаши я ныне имел самое непосредственное отношение. Молодчина, поддержала игру. Младшая же женушка только бедром вильнула да кокетливо склонила голову к плечу. Бравый караванщик сглотнул, дернулся и чуть не помотал головой, отгоняя наваждение.

Решив добить пескоброда окончательно, я завершил титулование:

— Премьер-капитан Рейнджеров, в настоящее время военный атташе в Хисахе!

— В Хисахе, значит? — Против ожидания, эта тирада оказала отрезвляющее воздействие на Блоссома. — Ну пока что еще не в Хисахе, а здесь, за Ветровой Стеной. Иначе бы меня не приглашали.

Здоров мужик удар держать. Безветренные титулы ему, что горох по барабану. Только Древнейшей и поддался на пару вздохов, да и то вон как быстро оправился. С таким лучше судьбой не мериться, Солнечный Бог и гнев его в душу!

Что ж, так и запишем: до первой попойки с песчаным держать ухо востро. А наутро с общего похмелья не разлей рассол будем. Если, конечно, сыщется в пустыне рассол или пива бочонок. Вот разве что... вдруг Полмачты не пьет? Тогда уж точно жди беды...

Проверить сие следовало безотлагательно, да и самому стоило выпить после всех сегодняшних перипетий.

— Что пить будешь?

— То же, что хай-леди, если позволите. — Блоссом кивнул на запотевшие хайболлы с ледяным кофе, которые как

раз расставлял на столике подавальщик. — Только еще с молоком, но без сахара.

Вот тебе и раз... Похоже, опасения мои в очередной раз не прочь сбыться.

— Тогда и мне того же. — В таком разрезе лучше вести переговоры на трезвую голову.

От наших серьезных мужских заказов трактирщик впал в священный ужас, будто служка в Храме Победивших Богов, спутавший день выноса Реликвии. Забыв о том, что в его распоряжении имеется целое войско подавальщиков, он самолично притащил очередной поднос с парой хайболлов кофе, миской колотого льда и молочником. Скорее всего, просто желал не пропустить ни слова в историческом заключении договора между нанимателем, не пойми каким боком угодившим в высокородные, и матерым песчаным лисом.

Разочаровывать его не хотелось, да и самому не стоило ударять в пыль лицом перед местными авторитетами. Поэтому, добавив в кофе лед, молоко и помешав его соломинкой, я сперва сделал длинный глоток, а уж потом спросил:

— Так во сколько обойдется оказаться по нужную сторону Ветровой Стены?

Питье оказалось в самый раз, чтобы и в герисской жаре разговаривать на холодную голову.

— Очень верно изволили заметить, хай-джентри, насчет правильной стороны. — В глазах сделавшего свой глоток санд-шкипера мелькнула одобрительная усмешка. — Теперь осталось выяснить, как там правильно оказаться. А то ведь можно по-разному...

Я промолчал, понимая, что надо дать ему шанс расхвалить свои услуги, показать «товар» со всех сторон и обозначить иные варианты выбора как неприемлемые. Так оно и вышло.

— К примеру, в одиночку, без воды, шатра и карты и вовсе бесплатно можно за Ветровой Стеной случиться... — Блоссом презрительно ощерился и подвел итог сей глупости: — Только за такого, прости Судьба и хай-леди, идиота, который подобным образом в путь отправится, гроша ломаного никто не даст!

Кто бы спорил! Но мы-то о цене сговариваться собрались, так что этот вариант к обсуждаемым изначально не относится. Пожалуй, слишком издали пескоброд начал, с чрезмерной балаганностью...

— Опять же за полсотни золотых можно сговориться с хисахским проводником, да еще и нанять носильщиков — за половину этой цены каждого. И потихоньку, полегоньку, месяца за полтора, если пустыня и ее люди милуют, прибыть себе в Хисах ко всеобщему удовольствию! — На сей раз сандшкипер глянул всего лишь снисходительно.

Представив себе, сколько носильщиков понадобится для без малого двух коротких тонн нашей поклажи, шатров, полуторамесячного запаса пищи и полевого трансмутатора для претворения песка в воду, я невольно усмехнулся. После печально памятного похода Священного Воинства через Девственную Пустыню это будет вторая по масштабу и бессмысленности авантюра. К тому же тяготеющая к повторению итога первой, поскольку со времен Хтангской династии милость пустыни и ее людей вряд ли стала шире...

— А вот что вы скажете, хай-джентри, на то, чтобы оказаться по ту сторону пустыни к исходу недели? — Хитрый мастер торговаться перешел наконец к главному, серьезному предложению, выгодно представлявшему его услуги на фоне прочих вариантов. — На трех пескобуерах, с любым количеством багажа, с теплыми ночевками и днями на прохладе, в тени парусов!

Да, песчаный лис умел показать товар лицом. Ветер словно уже засвистал в снастях, готовясь нечувствительно выдуть из моего кошелька изрядную долю золота.

Сколько же запросит пройдоха-пескоброд за такое удовольствие взамен тягот пути? Небось в тысячу звонких монет дело обойдется, не меньше...

— И все это... — Блоссом выдержал поистине драматическую паузу. — За триста пятьдесят золотых!!!

Аж поперхнувшись от несоответствия запрошенной суммы ожидаемой, я кое-как залил услышанное длинным глотком горьковатого питья и неожиданно для самого себя брякнул:

— Двести пятьдесят!

Для некоторых эти слова оказались еще большей неожиданностью. Жены чуть не подпрыгнули, причем Келла от удивления даже рот приоткрыла, а Хирра, наоборот, рефлекторно поджала губы. Препираться из-за суммы недельных мелких расходов, карманных, по сути, денег обе посчитали

совершенно недостойным. Только разглядев, как довольно заулыбался трактирщик, который чутко прислушивался к разговору, эльфочки поняли, что в местной игре я сделал правильный ход.

Не торговаться — партнеру уважение не оказать. Да и себя пентюхом несерьезным выставить, транжирой, цену деньгам не знающим. С таким какое может быть обхождение, кроме пренебрежительного!

— Триста тридцать, — вступил в игру санд-шкипер. — Пенька нынче дорога...

— Двести семьдесят, — подхватил я подачу. — За такие деньги снасть из шелка кара-арахн взять можно, уважаемый!

— Триста двадцать! — Полмачты довольно улыбнулся, встретив достойного соперника. — Камень на плато грунтозацепы ест, что твой «ведьмин самогон», а кузнецы в Хисахе дороги.

— Двести восемьдесят! — Главное, поддаваться надо не больше, чем партнер, чтобы приличия соблюсти. — У ювелиров, что ли, их заказываешь, из чистого золота?!

Ясно, что сойдемся на трех сотнях, но цену пришлось сбавлять шаг за шагом — сначала по десяти, потом по пяти, по трем, наконец, по золотому. Попутно рассмотрели все стати трудного пескобродского ремесла и чуть ли не весь буер от осей до клотика оценили заново, едва ли не по щепочке перебрав.

Присутствующие заслушались, как пиесой какой в Хтангском Академическом балагане. Из той же «Халедаты», к примеру, повествующей о жизни легендарного, хотя и вполне исторического основателя Султаната Хисахского, принца Халеда...

Наконец прозвучало сакраментальное число «триста», и мы с санд-шкипером торжественно ударили по рукам. Заробевший трактирщик разбил сделку, став свидетелем ее заключения, и получил с каждого из нас свой золотой.

— Пятьдесят сейчас, сто при отправке, остальное по прибытии, как... — Внезапно Блоссом поперхнулся и застрял на середине фразы, распахнутыми глазами глядя на подходящую Пемси, пропустившую весь торг. Если Келла ошарашила Полмачты, словно хороший апперкот, то ее унтер-бандерша добила бравого шкипера, подобно удару кувалды. Или, учитывая общий стиль и пропорции пышечки, подобно сковородке

в физиономию. Блоссом явственно зашатался, а звон в его ушах, по-видимому, услышали все присутствующие.

Сама же виновница если и заметила произведенный эффект, то особого вида не подала. Только носик-пуговка смешно наморщился, когда она смерила взглядом шесть с четвертью футов бывалого пескоброда. Бóльшим тот не удостоился. Не обращая далее внимания на столь достойный объект, куколка хлопнула ресницами, крутанула округлым задиком и уставилась на меня преданным взглядом.

— ...Хасира покажется, — с натугой выдавил бывалый пескоброд окончание своего предложения.

— Не сомневаюсь, что мы увидим столицу Хисаха в срок, если за дело берется такой бывалый капитан пустыни, — попыталась Хирра сгладить неловкость витиеватым комплиментом в адрес замешкавшегося санд-шкипера.

— Песчаный шкипер, хай-мэм, — поправил тот ее неожиданно сухо, быстро оглянувшись по сторонам. — А то, что вы изволили сказать, за Ветровой Стеной лучше не повторять вслух. Да и здесь не стоит...

— Простите, отчего же? — удивилась моя высокородная.

— Не та Капитан сила, о которой под дурной ветер говорят. — Блоссом небрежно обмахнулся охранительным жестом, явно приходя в себя. — Да и народ не поймет. Людские разговоры дурней дурного ветра...

С этим не согласиться было нельзя. Хорошо, что трактирщик уже отошел, удовлетворенный комиссионными и самим ходом совершенной при нем сделки. Лишний свидетель неудачной оговорке старшей жены, слабине бывалого пескоброда и чрезмерному, на мой вкус, небрежению его вниманием со стороны компаньонки младшей жены был совершенно не нужен.

Особенно если учесть, что лично мне ее совершенно излишнее внимание было абсолютно не в радость...

Свое смущение я попытался прикрыть, одним махом добив стакан кофе, решительно встав и заявив не терпящим возражений тоном:

— Стало быть, с утра мы с санд-шкипером к буерам, а вы втроем — на таможню, за багажом, — суровая отповедь отчего-то получилась адресованной женам, но те приняли ее без возражений и обид. — А сегодня тут делать больше нечего... Эй, трактирщик!

Трактирщик немедленно образовался в поле зрения, все еще со слегка одуревшей физиономией и написанной на ней готовностью исполнить любую прихоть высокородных клиентов.

— Номера есть?

В ответ он закивал, от торопливости сбившись с дыхания.

— Тогда нам с женами лучший! — Тут на глаза мне попалась просительно глядящая Пемси. — А для компаньонки...

— Ой, да я в кресле у вас как-нибудь! — затараторила, перебивая меня, пышечка, опасаясь, видимо, остаться на ночь одна в чужом месте. — В ногах на одеяле... У двери на коврике...

— Кушетку ей, в общем, поставь, — махнул я рукой на ее жалобную настойчивость. — Ужин в комнаты подашь да пришли прежде кого-нибудь с меню, чтобы лишнего не таскать.

На этом, собственно, и завершилось пребывание в общем зале «Песчаной Акулы». Эльфочки успели прикончить свои порции прохладительного, Пемси разом выхлебала здоровенный хайболл, восполняя потерю жидкости по местной жаре, а мы с Блоссомом давно уже были на ногах. Еще раз пожали друг другу руки, условившись встретиться с утра, и разошлись — мы наверх, а он наружу, под незаметно потемневшее вечернее небо.

Одно только напоследок что я, что санд-шкипер сделали одинаково, не сговариваясь — уже не в счет заказа бросили на поднос по серебряной унции «на лед». Измененная холодом вода здесь, в опасной близости пустыни, встает дороговато даже при наличии в хозяйстве трансмутатора и морозомета.

Утро в понимании пескобродов начиналось еще перед рассветом. В пустыне лучше двигаться до полудня, покуда нет особого жара, и перед закатом, когда подступающая ночь приводит с собой ветер. А в середине дня и ночью, пока пески сковывает нестерпимый жар или леденящий холод, необходимо устраивать привалы.

Из уважения к высокородности — если не моей, так жен — Полмачты Блоссом заявился на полчаса позже. По

счастью, Келла еще с вечера рассказала мне о здешних обычаях, и санд-шкипера я встретил внизу, в пустующем по раннему времени зале. У стойки, с парой бокалов того же кофе, что и вчера.

Нельзя сказать, что бодрящий напиток оказался некстати. Наоборот, продрал мозги поутру не хуже, чем охладил разгоряченную голову жарким вечером, да к тому же позволил до отбытия перемочься без завтрака. Не люблю набивать брюхо перед решающим моментом — с фронта такая привычка. Лучше потом, когда станет ясно, что жив и в кишках лишних прорех не прибавилось. По нынешним временам никакого смысла, а пересилить себя не могу.

Идти до места оказалось всего ничего. Фрахтовая располагалась точно посередине узкого города, вытянувшегося от алхимпромзоны до Дровяной горы.

Герисс лежит накрест истинным сторонам света, почти по магическим, между заводскими районами и портами воздушных и песчаных кораблей. К поднятым на сваях пирсам для летучего транспорта мы прибыли вчера, из глубины страны. Понятно, что причалы и ангары судов пустыни располагались по другую сторону города, вплотную к невидимой линии, соединяющей два самых близких зубца Ветровой Стены. И тут помосты для облегчения загрузки были совсем невысоки — вровень с осями полутора-двухъярдовых колес парусников с ободьями шириной в фут.

Пескобуера Блоссома занимали причал в первой, престижной пятерке. Третий, кажется — после яхты коменданта и целого выводка скоростных куттеров почтовой службы.

Крепкие и легкие, с косым вооружением на грот-мачте и высоко задранным, чтобы не зарываться в барханы, бушпритом. Две оси — передняя поворотная, задняя с тормозами на широких колесах, ощетинившихся сталью грунтозацепов. При весьма немаленьких, с двадцатиместный десантный флайбот размерах — никаких высоких бортов и кормовых надстроек, вроде тех, какими красуется восьмиосный трехмачтовый трамп у соседнего пирса. Вообще ничего лишнего, ни в тридцатифутовых корпусах на пятиярдовых осях, ни в сорокапятифутовых мачтах, чьи гики и бушприт чуть ли не удваивали длину судна. Все для скорости и надежности, а что до солидных запросов — в пустыне ходить на двух-трех оди-

наковых кораблях поменьше всегда выгоднее, чем на одном крупном. Лучше один из них при неудачном раскладе пустить на запчасти другому, чем пытаться в той же ситуации соорудить из остова здоровенного парусника уродца, с горем пополам пригодного к передвижению...

Нет, как ни посмотри, ладный фрахтовик Полмачты и при всей своей болтливости дело знает, если судить по подбору кораблей.

Вот только насколько продуманной и неизбыточной была маленькая флотилия санд-шкипера, настолько же нелепым и лишним смотрелся ее экипаж. Ума не приложу, как может управляться с парусами семерка малорослых матросиков, замотанных в разноцветные тряпки для защиты от песчаных бурь!

Тем более что из шести рас разумных бывалый пескоброд выбрал для формирования команды последнюю, наиболее некрупную и традиционно не самую сообразительную. Хотя... исключения возможны всегда. Похоже, с одним из них мне и предстояло столкнуться, подойдя поближе к песчаным судам.

Нет, индивидуальность в среде мелких зеленых гоблинов я всегда отмечал с удовлетворением. Встречаются среди них экземпляры с нехилой фантазией и темпераментом. Но не настолько же!!!

Семь фигур, живописно рассевшихся на ближнем пескобуере, в этом смысле обещали побить все рекорды. В общем, от экипажа самого Полмачты Блоссома меньшего ждать и не стоило. Однако до этих экземпляров было далековато даже моему старому знакомцу Махровому.Тем более что в костюмах зеленокожих весьма недвусмысленно читалась половая принадлежность.

Рабочие особи гоблинов стерильны и особыми изысками в одежде не страдают. Тряпье или кое-как выделанные крысиные шкурки — вот и все разнообразие. Зато тим-лидеры помимо колпака, символа власти, обычно носят самый нелепый набор человеческого старья. Жилетки, манишки, галстуки... Или того хуже — обшлага от кафтанов, отдельные штанины на подтяжках, чаще всего к тому же разные.

Но все это разнообразие, по крайней мере в незапамятные времена, было исторгнуто из недр мужского гардероба. А то, что не без выдумки накрутили на себя подчиненные Блоссома, явно вело свое происхождение из женского.

Неужели это взаправду гоблинские девчонки?

Однако другое предположение отметалось с порога как еще более нелепое. Одиночки из отторгнутых гоблинятником колпачников порой встречаются — но они подчеркивают свою мужскую сущность еще с большим остервенением, если можно так сказать.

А о самках-имаго, вытесненных из правящего сообщества аж за пределы гоблинятника, слышать до сих пор как-то не приходилось. Однако вот они. Как есть, наяву и вживе. Неистощим мир на поводы удивляться...

— Представьтесь, девочки! — подтвердил мои выводы санд-шкипер.

У них еще и имена есть! Не иначе я Мировую Погибель пропустил нечувствительно, и со дня на день жди еще чего абсолютно невозможного. Типа жалостливого тесайрца или бескорыстного эльфа...

Тем временем первая гобliниха соскочила с буера — маленькая даже для своей расы, но удивительно ладная, крутобокая. Впрочем, без малейшего намека на полноту, отличающую правящих в гоблинятнике самок.

— Донна. — Голос ее, неожиданно низкий для такой малышки, заставил меня вздрогнуть. Она присела в книксене, отведя в сторону разрезной подол. Концы пестрой головной шали, кокетливо завязанной узлом над просторным ухом, мазнули по песку. Оружия при ней не наблюдалось, но вязальные спицы за поясом отличались изрядным размером.

— Реджи. — Не дожидаясь, пока та отойдет, высунулась из-за ее плеча вторая гобliниха. Врезалась, как нож в масло, да и имя свое произнесла как-то режуще. Разумеется, за поясом у нее болтался немалых размеров резак. На этой гоблинихе вообще все болталось и раскачивалось с шуршанием и стуком: бахрома туники, длинные бусы, серьги, подвески браслетов и оголовья. Но выдержать заявленный ею самой темп общения у второй не получилось. Без ответа она замерла, приоткрыв рот и хлопая глазами в ожидании.

Пользуясь заминкой, очередная подчиненная Блоссома степенно подошла вразвалочку.

— Милли, если позволите. — Интонация со снижением, какая-то примиряющая. — Не обращайте на Ре внимания, она всегда на всех набрасывается.

Эта свои шали и платки намотала поперек туловища, заботливо подоткнув все кончики, чтобы ничего не свисало и не торчало. Кочанчиком, аккуратно и точно. Даже перевязь с файрболами и метательным кольцом как-то не выделялась из всего этого.

Четвертая гобличиха мячиком соскочила с планшира песчаного судна, в один прыжок преодолела разделяющее нас расстояние и мелко затрясла мою руку обеими ладошками, ухватив быстро и цепко, словно боясь, что я отдерну пальцы.

— Фанни, хай-сэр! — столь же прыгуче представилась она и так же моментально отскочила. Рассмотреть, в чем щеголяла стремительная зеленявка, на такой скорости не удалось. Что-то кожаное, в пестрой чешуе и ярких перьях — вот и все, что получилось заметить. На цизальтинский манер, похоже, в духе пламенных скво Союза Племен. Да и вооружена она была чем-то соответствующим — отточенной лопаткой вроде тех, какими цизальтинки отдирают от стенок тандыра традиционную пиццу или лазанью.

— Сольвейг, к услугам вашей милости. — Очередная соратница Полмачты Блоссома вполне сошла бы за горничную из хорошего купеческого дома. Что по росту — почти с полного халфлинга, — что по обхождению, что по пристрастию к кружевным фартучкам и оборочкам. Как ей удается посреди пустыни держать в порядке всю эту домашнюю роскошь, понять было трудно. Не иначе без хорошего сохраняющего заклятия не обошлось. Или аккуратностью пятая гобличиха тоже не уступает хорошей экономке?

На ту же склонность к чистой работе указывал и большой ампутационный нож, приспособленный вместо тесака на боку, в ножнах из змеиной кожи. Может, оно и к лучшему, что гобличих не нанимают домашней прислугой...

— Лайла, лай-ла... — Поначалу я даже не понял, представляется вновь подошедшая или на редкость фальшиво распевает, пританцовывая и отступая в такт словам сложным шагом то в одну, то в другую сторону. — Рада те видети, господин уже славный, нас в себя почтить пожалуйста...

Что она имела в виду сей тирадой, сразу понять было непросто. Слова шестой гобличихи складывались в речь затейливо, нелепо и без видимого смысла. Вообще, в противоположность предшественнице, эта зеленявка являла собой одну

сплошную беспорядочность, овеществленную каждой чертой и повадкой. По-видимому, самой ей казалось, что это придает ей некое артистическое свойство. Во всяком случае, мягкий берет и не менее мешковатый балахон, кое-как подвязанный толстой веревкой, вызывали ассоциации с обликом жреца искусств, а никак не Победивших Богов. Да и затейливой работы дага с обломанным кончиком, стершейся позолотой гарды и выковырянными из нее камнями придавала зеленокожей вид более претенциозный, чем значительный.

Последнюю, седьмую гоблиниху пришлось подождать. Если я верно понял принцип именования боевых подруг Блоссома, эту должны звать Сибил. Или, пуще того, Сирень...

Наконец столпившиеся передо мной верные соратницы песчаного шкипера расступились, пропуская товарку. Что примечательно, в отличие от остальных, одетую почти по-мужски — в штаны и жилетку. Но облик ее определяло не это, даже не бандана с кокетливой эгреткой в узле над одним ухом и пиратская серьга кольцом в другом, — а рукоять рейнджерского стреломета, выглядывающая из-за правого плеча.

Солидная машина, вроде моей офицерской модели, только нижних стволов на пару меньше и отделка не слишком, а так почти с эльфийский шестиствольник и бьет столь же сильно. Двойные ремни крест-накрест, проклепанные через каждый дюйм, набиты запасными стрелами и еще какими-то штуковинами наподобие сосисок в вощеной бумаге. Но не полицейскими резинками, это уж точно. Скорей что-то вроде малокалиберного файрбола. А вот надсеченных игл нигде не наблюдалось, что лишь подтвердило мои прежние выводы.

— Сигурни, — пискнула крутая зеленявка, неловко ткнув ладонь дощечкой, и, совсем уж стушевавшись, добавила: — Вроде как...

Голосишко у нее оказался совершенно не под стать внешности.

— Вот и познакомились! — завершил церемонию представления Полмачты. — Доверять им можно, как мне самому. Девки ответственные и бывалые, в случае чего не подведут!

Видно, у песчаного лиса уже не было сил молча наслаждаться происходящим. Ничего, я отыграюсь, когда к причалу подойдут женушки и Пемси. Сам вволю полюбуюсь на физиономии обеих сторон в процессе знакомства. Святое правило

любого балагана — позабавились над тобой, позабавься над следующим. А у Блоссома с экипажем, похоже, балаган неплохо отработан. Зато хотя бы не злой, в отличие от многих анарисских забав.

Как погляжу, на ближней окраине Девственной Пустыни пугать горазды, а наезжать всерьез особых охотников нет. Будем надеяться, что за Ветровой Стеной их сыщется не больше. А с другой стороны, может, это оттого что за реальный наезд и отвечать принято по всей программе? Ладно, скоро выяснится...

Жены, компаньонка и по-вчерашнему длинная череда носильщиков с нашим багажом не заставили себя ждать. Не возьмусь сказать, кто на кого произвел большее впечатление — они сами на гоблиних или зеленокожие на двух высокородных и городскую оторву. Мы с Блоссомом замерли, похоже, в равной степени предвкушая столкновение двух противонаправленных действ. Еще немного — ставки бы делать начали, каждый на своих актрис, как в Академическом Балагане Хтангской династии...

Увы, назревающую церемонию взаимного знакомства женской части нашей экспедиции смазало явление совершенно нежданного персонажа. Размашистой походкой, вертя головой, как крикун на редакционном насесте, к стоянке пескобуеров Полмачты Блоссома подвалил какой-то смазливый типчик человеческой крови.

— Эй, есть кто?! — Замечать, кто и что у него прямо под задранным носом, пришелец решительно отказывался. — Эй, вы!!! Где все?

Одет сей деятель был почти с той же нелепой претензией, что и Лайла, но намного богаче. Точнее, сами по себе все части его костюма и снаряжения были добротны и щеголеваты, вот только вместе как-то не складывались, а будучи сведены силой, производили то же гоблинское впечатление. Вдобавок части эти оказались нахватаны вперемешку из анарисской городской моды и местной пустынной с закосом под хисахскую. Да еще призваны скрывать намечавшуюся полноту носителя, смотревшегося оттого по-балаганному ряженым. Словно для пиесы о принце хисахском — не хватает только характерно-бурого грима простака или рисованной серой полумаски мелкого приспешника.

Понятно, незваный гость был о своей особе несравненно более высокого мнения. Если судить по взгляду, которым он, заметив наконец, окинул нас с санд-шкипером и Пемси с гоблинихами, приписывал себе он никак не менее чем визирское достоинство. Только на Хирре всепобеждающая значительность во взоре сменилась не менее всеобъемлющим подобострастием.

А уж Келла заставила разбавить все вышеперечисленное еще и невероятным изумлением. Судя по всему, о существовании на свете Древнейшей Крови пришелец даже не догадывался. Наличие в природе не Дневных или Ночных, а каких-то еще, совсем третьих эльфов повергло его в обвальный ступор.

На миг я ощутил легкое сочувствие к незадачливому чванливцу — в свое время знакомство с Древнейшими обошлось мне немногим легче. Но я-то хотя бы заранее знал о том, что они существуют в природе!

Вывести его из остолбенения взял на себя труд лично Полмачты, представившись не в пример суше, чем мне:

— Санд-шкипер Блоссом, к услугам уважаемого негоцианта. Чем обязан?

Ага, значит, это купчик. Тогда все понятно с самомнением. Заанарский торговый люд по части чванства любым высокородным фору даст. Не говоря уже о халфлингах того же купеческого сословия, которые держатся высокомернее Предвечных Королей...

Догадку бывалого пескоброда подтвердил сам негоциант, расшаркавшись с изяществом слона, забывшего, сколько ног у него было с утра:

— Рональд Джоггер Ас-Саби, поставщик двора Его Великолепия, Султана Хисаха.

— Иначе говоря, Рон Толкач Седьмой-песок-с-ветра, — мельком уронила одна из Блоссомовых гоблиних, пронося мимо какой-то тючок. Фанни, кажется.

Купец едва не взвился, дико озираясь в поисках дискредитаторши. Но сдержался, не показал виду, хотя аж позеленел с лица. Мне промолчать было куда легче. Мало ли у кого какие клички, в особенности профессиональные...

Проглотив полное именование, Рон Толкач ненадолго выпал из разговора — вытащил из кармана богато украшен-

ную раковину и, прижав жемчужину срочного вызова, заорал в нее кому-то невидимому:

— Да! Договорился! Несите к третьему причалу! Да осторожнее, ведьмины дети, не побейте тару!!! — После чего совершенно безумным взором уставился на нас, словно не понимая, что здесь делать кому бы то ни было, кроме него, занятого важными переговорами. Ну и санд-шкипера, наверное...

— Так о чем мы с вами договорились, уважаемый?! — В голосе Блоссома неразделимо смешались неприязнь и отчетливый интерес к возможной выручке.

— А!? Да! Срочный груз в Хасиру, ко двору его султанского...

— У меня уже есть наниматель, — продолжал колебаться песчаный фрахтовик.

— Что? Кто? — Джоггер завертел головой, как давеча, и не сразу углядел нас. — Ах, две хай-леди с сопровождающими...

Меня и, по-видимому, Пемси этот Рон в расчет принимать решительно не хотел. Что не говорило в его пользу, но и чем-то необычным тоже не было. На мгновение купчик притух, но тут же снова оживился:

— Послушайте, ну какой у хай-леди багаж! А у вас три буера — я справки наводил. Никого не потесню, груз небольшой, но не дай Судьба просрочить! А еще подарок Его Великолепию — прыжковый шнур, «каучуковая лиана», заклятая на неразрывность... К тому же я мог бы развлекать высокородных дам во время их прогулки. — Он с наивным расчетом обернулся к моим женам, умильно строя глазки.

После этого мне бы самому взвиться, как дракоту с прищемленным хвостом... Но торговец выглядел ничуть не опасным — скорее загнанным и жалким, при всей своей кичливости. Видимо, непростая это должность — поставщик двора, соответствовать заставляет. Любой ценой доставить груз...

Однако пора пресечь колебания санд-шкипера, а также одним махом облагодетельствовать и поставить на место злосчастного купчика. Чтобы шильцами своими по сторонам не стрелял, что твой тесайрский стрелометчик...

— Толкач дело говорит.

Поименованный таким образом Джоггер не знал, то ли взвиться по новой, то ли благодарить за поддержку. Ничего, главный удар ждал его впереди.

— Он человек благовоспитанный, обхождение знает, — неспешно, размеренно продолжил я и так же резонерски подвел итог: — Все в помощь... Моим женам будет нелегко обходиться в пути одной компаньонкой.

До лихорадочно кивавшего на каждое мое слово купчика наконец дошел смысл сказанного, судя по тому, как отвисла у него челюсть и остекленели глаза. В своем общем остолбенении он до боли напоминал выключенного кадавра.

Умница Келла подбавила эффекта, низко присев передо мной в реверансе и попутно толкнув в бок Хирру, несколько запоздало повторившую то же самое. Рон Седьмой-песок-с-ветра от такого и дышать-то, похоже, перестал и уж явно не расслышал велеречивой тирады младшей жены:

— Благодарим мужа и повелителя за заботу о нашем досуге.

Ей-боги, это стоило сорванного купцом взаимопредставления с гоблинихами!

Полмачты Блоссом сдавленно закашлялся — наверное, от пустынной пыли, принесенной порывом ветра. Семерка зеленокожих не в пример откровеннее сопела в прижатые к носам подолы и концы шалей. Пемси закусила прядку волос и лишь ресницами хлопала часто-часто.

Немую сцену смог прервать лишь первый из носильщиков, доставивших на мол груз уважаемого негоцианта. Не будучи в курсе произошедшего, он попросту бухнул прямо на ногу своему нанимателю то ли низкую корзину, выстланную кожей, то ли оплетенный прутьями бурдюк.

Иного способа вывести Рона Толкача из ступора уже не требовалось. Зашипев и подпрыгивая на одной ноге, тот разом и невпопад заорал:

— Курдюк, удрочище, рогач безрогий!!! Буду рад служить хай-джентри... Куда прешь! По мере сил и возможностей... Осторожней ставь, болван, тару береги!

Теперь изо всех сил держать серьезное лицо пришлось мне. Ибо остальные ржали в голос, не стесняясь торжественности момента.

На мое лаконичное «благодарю» купец совсем затравленно отвечал невнятным многословием, вертясь между носильщиками и корзинами, как угорь, выхваченный из воды ловчим заклятием. Лицо его шло пятнами и полосами, а из слов

удавалось разобрать только многократно повторенное «Со всем усердием».

Наконец низвержение товара на причал завершилось — на каменном молу выстроилось более трех дюжин странных корзинобурдюков. Их владелец под предлогом расчета с носильщиками ретировался подальше и теперь что-то возбужденно орал в раковину дальней связи по ту сторону своего груза.

Это позволило всем малость успокоиться и приступить к делу — погрузке багажа. Кожаные кофры Хирры, плетенки Келлы и мои брезентовые мешки разместились на двух буерах без проблем, но когда черед дошел до странной тары купца, тот опять всполошился:

— Нет-нет-нет! Это нельзя друг на друга!!! Только в один слой, не то замнется...

Его настойчивые причитания про нежный груз были непереносимы, но резонны. Страховка не покроет испорченного, если нарушены условия хранения. Бирки на корзинобурдюках недвусмысленно напоминали об этом на случай забывчивости поставщика.

Делать нечего, пришлось перераспределять уже разложенную тару. В результате спустя еще полчаса все три пескобуера стали напоминать колесно-парусных черепах, тускло поблескивающих кожаными бляшками новообретенных панцирей. Свободной для посадки осталось не больше трети палубы.

Песчаный лис Блоссом — уже не в первый раз — укоризненно посмотрел на меня, намекая, что ввязался в эту авантюру отнюдь не по своей инициативе. Я и сам не мог понять, с чего посодействовал не слишком симпатичному купцу присоседиться к нашему рейсу. Не оттого ли, что пусть на миг, но ощутил сочувствие к нему? А может, в качестве своеобразной жертвы Судьбе — малым неудобством отвести большую беду с нашего пути...

Не знаю, получилось ли у меня внятно изложить сандшкиперу эту смесь суеверия с расчетом, но тот в ответ кивнул, молча пожевал губами и отправился к Джоггеру уточнять цену и завершать сделку по полному обычаю.

Готов поспорить — содрал он с незадачливого торговца втрое. Впрочем, так тому и надо. До столь мелочной заботы о чужом кошельке моя благотворительность не доходит. Свой,

только что произведенный расчет недешево встал, если смотреть по обычным меркам, а не в сопоставлении с богатством эльфийского Властителя...

Наконец все заняли свои места на борту. Мы с Хиррой и три гоблинихи на одном буере, Келла с Пемси и другой тройкой — на втором, а Рон Толкач, сам Полмачты Блоссом и последняя из зеленокожих, Сигурни — на третьем.

Одна из трех санд-сейлорш пристроилась на корме, у румпеля, две остальные споро развернули паруса, управляясь при помощи кадавризированных лебедок, запитанных от простенького алхимкотла. Вот оно как, оказывается! А я-то не мог взять в толк, каким образом мелкие зеленявки способны совладать с тяжеленными снастями.

Утренний бриз наполнил хлопающую парусину, заставив заскрипеть дерево и тросы такелажа. Глухо стукнули стояночные тормоза, уходя под днище, а башмаки ходовых с шипением отошли от ступиц. Медленно-медленно, со скоростью меканского ленивца, который никогда не добирается до конца ветки, потому что та растет быстрее, пескобуера отвернули от пирса.

Гики с лязгом прошли над головами, гулко хлопнули паруса, и дело пошло быстрее. Выстроившись в кильватер, песчаные корабли покатили вдоль причалов под углом к ветру. Кажется, это называется бейдевиндом у настоящих небоходов, мореходов и вот — пескобродов тоже.

Бушприт нашего, шедшего первым пескобуера, был нацелен прямо на постепенно растущий зубец Ветровой Стены. Монолитная скала, пока лишь силуэтом прорисовывающаяся в пыльной дымке, занимала все большую часть горизонта.

Без малого три тысячи лет назад, когда ударная сила светлоэльфийского рыцарства — Священное Воинство Хтангской династии — сгинула в Девственной Пустыне, граница с неясным тогда еще Хисахом осталась беззащитной. А сами Инорожденные Дня, победу которым принесли и гарантировали Рыцари Грома, оказались на грани нового передела итогов только что законченной Войны Сил и вдобавок внешнего вторжения.

Это теперь султанат, основанный Халедом, — наш единственный добровольный и независимый союзник. Тогда пред-

сказать подобное развитие отношений не мог никто, а молодое, быстро крепнущее государство во главе с правителем, который безжалостно расправился со всеми своими противниками, казалось нешуточной угрозой.

Но темные эльфы отнюдь не думали о реванше, морально сломленные поражением в битве богов Дня и Ночи. Равновесие сил победителей и побежденных привело лишь к экономическому и политическому закреплению равенства обеих ветвей второй расы детей Перводракона и Первофеникса. Так были заложены основы того, что теперь, по утрате Хтангской династии в огне Первой Меканской, превратилось в Концерн Тринадцати.

А спокойствие на южной границе обеспечила не потерянная воинская сила, а магия. Светлоэльфийские заклинатели возвели здесь Ветровую Стену, потратив колоссальные средства и последний раз в истории зачерпнув силу от Победивших Богов и Реликвий. Всех, кроме Первой, которой суждено явить свою власть лишь трижды за все время, пока существует мир.

Колоссальные, стофутовые в высоту и лишь вполовину меньшие в обхвате скалы были доставлены в пустыню при помощи несущих дисков, снятых с большей части тогдашних воздушных кораблей. Фундаменты под них до самой материковой плиты сплавили из всего камня, какой собрали на сто миль окрест, но принять заклятия мог лишь самородный гранит из самого сердца огрских гор...

Покуда я припоминал все это, буера подошли к гранитным гигантам вплотную. Низкое утреннее солнце светило почти горизонтально, заставляя темный камень розоветь. Только в глубоких нишах сложного профиля, призванных направлять потоки воздуха, тлели огни накачки. Совсем маленькие искорки, и теплый ветерок из глубины лабиринта, вырезанного в монолите, тоже еле-еле чувствовался.

Необходимы усилия умелого мага Южного Корпуса Пограничной стражи, чтобы превратить этот безобидный поток воздуха в рукотворный смерч, способный смести, разметать, похоронить в песках любую армию вторжения, сбросить с небес любой воздушный флот. Или в устойчивый ветер в паруса торговых пескобуеров, дающий герисским фрахтовикам возможность достигать Хисаха менее чем за неделю.

Необходимость перед отбытием почтить источник заработка и существования, залог удачи и самой жизни в неверных пес-

ках и жестоких каменных плато Девственной Пустыни, стала очевидной. Тормоза зашипели, паруса развернулись по ветру, позволяя буерам замереть в полусотне ярдов от Ветрового Камня.

С другой стороны, встречь солнцу вдоль цепи зубцов, на легконогом рогаче степной породы, со сторожевым драконом в поводу подъехал офицер-пограничник, лихо козырнув моим эльфочкам и мне. Я со всей возможной вальяжностью ответил тем же жестом, жены милостиво опустили головы в полупоклоне-кивке. Памела помахала бравому офицеру рукой и прищурилась кокетливо, а купчик подобострастно согнулся.

Склонившись с седла, так что суб-лейтенантские знаки различия стали хорошо видны, а тяжеленный амулет управления Камнями закачался на массивной цепи, пограничник проехал вдоль строя пескобуеров, приветливо помахивая ладонью гоблинихам. С Блоссомом на последнем из песчаных судов он раскланялся, как и положено со старым знакомым.

— Как обычно? — спросил суб-лейтенант, как видно, чисто для проформы.

— Ага. Полчаса обожди и отпускай... А то у меня новички, — кивнул санд-шкипер и завозился в сумке у пояса. — Лови-ка!

Пограничник небрежно выхватил из воздуха звонко брякнувший золотом кисет. Половина моего задатка... Недешево нынче стоит ветер.

Причем в перечне обоснований цены во вчерашней торговле эта статья расходов упомянута не была. Видимо, считалась настолько в порядке вещей, что не стоила отдельного разговора. Или до заключения сделки не разглашалась, как не вполне законная...

Получив плату, пограничник поскакал дальше, с трудом оттащив за поводок дракона, заинтересованно обнюхивавшего корзинобурдюки Рональда. Сам купец робел оттолкнуть от своего товара чешуйчатую клыкастую морду и лишь шикал сквозь зубы.

Полмачты выпрямился во весь свой немалый рост, оглянулся влево-вправо и оглушительно свистнул, привлекая всеобщее внимание. Однако дальше у него случилась заминка — предмет обсуждения явно предстоял тонкий.

— Вот... Сейчас за Ветровую Стену пойдем... а там свои законы. Надо бы вас предупредить... — Присутствие высо-

кородных, каковых в Гериссе иначе чем неусыпными стражами их же собственной законности и интересов видеть не привыкли, изрядно затрудняло речь санд-шкипера. Не в силах смотреть, как он мнется, пытаясь обойти щекотливую тему, я не выдержал:

— Ты насчет этого? — Вытащив из подсумка связку надсеченных игл к стреломету, я раскрутил стягивающую их проволоку и высыпал в песок иззубренные обоюдоострые лезвия. Поступая так же с парой оставшихся связок, обернулся к Хирре и попросил: — Ты тоже выкинь. Тут колкая сталь не в чести.

— У меня и нет, — просто ответила моя высокородная. — После смерти отца не держу.

Оставалось лишь кивнуть понимающе. Блоссом тоже успокоился, одобрительно ухмыляясь при виде того, как понукаемая Келлой унтер-бандерша опорожняет связки запретного боеприпаса. У блондиночки оказался в хозяйстве кургузый стрелометик самого бандитского вида, с «козьей ногой», сделанной в виде кастетной защиты пальцев снизу, до самой рукояти.

Не дожидаясь приказа, зеленокожая команда санд-шкипера завозилась с такелажем. Тормоза вновь заскрипели, отходя от ступиц колес, паруса наполнились ветром, обещавшим вскоре усилиться по мановению руки пограничного заклинателя. Незачем было заставлять его попусту ждать, пока до новичков дойдут местные запреты...

Всяко быстрее чем за полчаса управились.

3
Пахари барханов

В этих грустных краях все рассчитано на зиму: сны,
Стены тюрем, пальто, туалеты невест белизны
Новогодней, напитки, секундные стрелки...
Воробьиные кофты и грязь по числу щелочей,
Пуританские нравы, белье и в руках скрипачей
Деревянные грелки...

Первая дневка закончилась пару часов тому назад, и под ровным горячим ветром пустыни пескобуера скользили у самых гребней дюн. Жар воздуха при движении ощущался не

особенно, а вот жгучие лучи солнца, казалось, жалили каждый дюйм неприкрытой кожи. Да и пыль, точнее, мелкий песок висел в воздухе, как муть в воде, лез в глаза и в рот, набивался в ноздри, вынуждая дышать через ткань.

Жены с компаньонкой давно замотали лица легкими полупрозрачными шалями, да и мне пришлось снизу прикрыть физиономию запасной банданой. Очками с затемненным стеклом поделилась хозяйственная Сольвейг. Сами гоблинихи, их бравый командир и даже Рон Толкач озаботились средствами защиты еще при отбытии.

Понятно, им всем горячий нрав пустыни не в новость. А мне куда больше привычен влажный жар Мангровой Дельты, оставшейся в трех с лишним тысячах миль по правую руку от нашего маршрута. Только там глотку забивает не пыль, а мелкие москиты да несусветная вонь — все, что река приносит с верховьев, там скапливается перегнивать на ил, как в многосотмильной выгребной яме. Не миражи серебрятся у горизонта в дрожащем мареве, а натуральные речные протоки мерцают меж стволами, бесчисленными, как гребни дюн. Да вокруг не рассохшееся дерево скрипит, а илистые прыгуны кричат противными резкими голосами, рассевшись на ветвях мангров...

Воспоминание было настолько ярким, что показалось, будто в шуме колес и визге снастей я различаю пронзительный рыбий крик. Что за чушь! В этих широтах нормальная рыба должна сидеть на дереве, а где тут на тысячу лиг в округе дерево сыщешь?!

Характерный, с трудом переносимый звук повторился. Причем расслышал его, похоже, не я один. Хирра повернулась ко мне — удивленный взгляд был виден даже сквозь ткань, окутавшую ее голову. Гоблинихи тоже вовсю закрутили носами в поисках источника режущего взвизга.

На других буерах реакция была еще стремительней. Все, у кого были свободны руки, принялись торопливо разматывать бухты прочного, черной паутиной проплетенного линя со странного вида металлическими штуковинами на концах. Даже Келла приняла участие в непонятном издали занятии, азартно включившись в общую возню.

— Пескорюшка идет, хай-сэр!!! — подскочила ко мне Фанни, размахивая руками с той же снастью. — Вон, вон!

В указанном ею с горем пополам направлении действительно мелькнул парус-плавник. Фута в полтора высотой, радужный, рассекающий поверхность песка фонтанирующим бурунчиком. Пока я глазел, плавник сложился, уйдя в быстро текущую по склону бархана дорожку мелко вибрирующего песка, зато два других поднялись чуть в стороне, двигаясь немногим медленнее идущего на полной скорости пескобуера.

Стало быть, верно я угадал. В самом деле рыба. Только не честная, водяная, на которую годится ловчее заклятие, и не мангровая, какую лучше бичом с веток сбивать, — местная, пустынная. Соответственно и снасть на нее потребна совсем иная.

Немудрено, что у бывалого пескоброда она нашлась в избытке. Буера развернули строй и теперь шли уступом, чтобы с каждого можно было закинуть побольше ловчих линей. Сигурни было и мне протянула крепкий шкот с блесной, выгнутой в форме руны ожидания, но встретила вполне дружелюбный, хотя и категорический отказ.

Со времен посещения охотничьего зала замка Стийорр у меня в голове крутилась идея проверить в деле одну из обнаруженных там штуковин. Особенно в той самой стихии, для которой она и предназначена.

Это я о спиннинге для ловли пескорыбы, поразившем мое воображение пуще всех прочих снастей — от свирепых драконьих гарпунов до раззолоченных дамских мышеловок. Не испытать эту охотничью примочку на соответствие своему назначению я попросту не мог. Особенно если случай сам представился.

Далеко лезть за эльфийской снастью для ловли не пришлось. Загодя положил в самый ближний тюк, обмотав одеялами, чтобы не повредить, а то мало ли какой носильщик попадется... Но сейчас эта предосторожность лишь отнимала время, вынудив распутывать плотное сукно на глазах у потрясенных гоблиних и не менее заинтригованной старшей жены. Не объяснять же им всем, что я не поспать среди бела дня после долгой сиесты собираюсь!

Наконец освобожденный от слоев упаковки и собственного чехла спиннинг явился изумленным взорам. Растопырившись сошками, катушками основного и запасного линей, а также рукоятками тормозов и переключения скоростей, эль-

фийская снасть являла собой столь впечатляющее зрелище, что попытки экипажей остальной пары пескобуеров разглядеть ее чуть не привели к столкновению.

Хорошо, что, желая приноровиться к неторопливой повадке пескорыбы, шли они под сильно зарифленными парусами, размеренно и чинно катясь по наветренным уклонам дюн, с небольшим креном, только помогающим уравновесить напор горячего хамсина.

Времени разобраться, как наладить диковинное снаряжение, у меня было предостаточно еще в замке, так что теперь заминки не случилось. Разлапистые сошки крепко уперлись в транец, а пята хитрой эльфийской снасти — в предпоследний шпангоут. Для крепости я еще прокрутил барашек упора, чтобы намертво распереть спиннинг в наборе пескобуера, раздвинул составное удилище во всю длину и отпустил тормоз катушки.

Тарелка с крюком полетела за борт, разматывая стальной тросик, пару раз черпанула краем песка, угрожающе раскачиваясь на краю бархана, но выправилась и уверенно заскользила по «стиральной доске» накатанного ветром склона дюны, загоняя вглубь ловчий крюк. Трепыхалка на ней забилась, изображая больного на всю голову скарабея, решившего сплясать джигу со своим навозным шаром.

Теперь осталось только ждать. Это разительно отличало пустынную ловлю рыбы от любой иной, в которой действие сразу же давало результат. Заклятие — выхваченную магией из воды честную рыбу, удар хлыстом, биткой или наконечником стрелы на веревке — древесную...

Не знаю, какое устройство характера надо иметь, чтобы находить удовольствие в подобном занятии. Ладно бы просто пялиться на прыгающую по неровному песку блесну — так еще и раз за разом слышать восторженные вопли соперников, вытаскивающих добычу!

Первым, понятно, выхватил из песка рыбину, с нехилым энтузиазмом рванувшую наперерез его приманке, Полмачты Блоссом. Второй, что любопытно, оказалась Келла — с помощью того же немудреного приспособления. А дальше дело пошло — тушка за тушкой взлетали на линях, рассеивая песок с дрожащих чешуйчатых боков и бестолково хлопая плавниками.

И лишь на мой сверхнавороченный ловчий снаряд не желала вестись ни одна дурацкая пескорыба!!! С трудом нашарив на удилище рычажок, отключающий трепыхалку длинной леской внутри линя, я остановил бессмысленную пляску блесны, но и это не помогло. Полмили подряд моя снасть сиротливо тащилась за пескобуером, не сумев привлечь ни единой пескорюшки...

Да, со времен хтангского рыцарства отношения долгоживущих со здравым смыслом в приложении к большому количеству песка никак не изменились. Инорожденные в который раз облажались с Девственной Пустыней. Чушь полная этот их спиннинг. Не знают эльфы толка в рыбной ловле...

Внезапно и у прочих поклевку как отрезало. Рыбы, только что азартно атаковавшие любую блесну, кроме моей, неожиданно охладели к столь желанной приманке, порскнули в сторону, на мгновение вылетая из гребня бархана, и затаились, уйдя в песок со сложенными парусами.

Спустя секунду стало ясно, что заставило рыбью мелочь спасаться изо всех сил. Со стороны, противоположной направлению их бегства, наперерез нашему курсу вымахнул плавник почти вдвое большей величины — острый, узорчатый черно-красным по желтому, венчающий весьма солидный холмик мелко дрожащего песка.

— Пескарь пришед есть!!! — Теперь роль комментатора исполнила как всегда невразумительная Лайла, быстренько одну за другой вытаскивая блесны на борт. — Его таки да просто ж не возьмешь, как силен...

На других буерах тоже спешно сматывали удочки. Только санд-шкипер не убрал снасть. Крепко привязал свободный конец линя к последней перед транцем банке и отпустил блесну подальше. Видимо, приманить осторожного хищника — задача потруднее, чем взять глупую стайную рыбу.

Все манипуляции Блоссома с приманкой были отлично видны, поскольку наши пескобуера, прибавив ходу, предоставили ему вести поединок с султан-рыбой в одиночку.

При всей своей хищной премудрости на приманку санд-шкипера, как видно, грамотно заговоренную, пескарь повелся так же запросто, как прочий сегодняшний улов. Вот только вытянуть его оказалось куда сложнее — норовистая рыбина рвала линь из рук, бросаясь из стороны в сторону.

Захлестнув снасть петлей вокруг баллера под румпелем, песчаный лис обеими руками с трудом сдерживал напор добычи.

Самим румпелем орудовала Сигурни, размашистыми виражами ведя пескобуер меж гребнями двух отлогих дюн. Рыбина упрямым зигзагом шла за песчаным судном, то и дело взрывая цветастым плавником колею чуть ли не у самых колес. Долгие минуты казалось, что это будет продолжаться бесконечно, пока не лопнет терпение у ловцов или не перетрется линь...

Наконец на очередном повороте пескарь вылетел за гребень бархана. Здоровущее, едва ли не в мой рост, налитое тело взметнулось над песком, мелко дрожа и разбрасывая облачка пыли. Низкое закатное солнце — когда только успело сползти к самому горизонту! — полыхнуло алым сквозь муть.

Только того и ждавший Блоссом мгновенно скинул петлю с оси руля и размашистыми саженками потащил рыбину к пескобуеру, не давая ей снова зарыться, уйти на глубину. Это ему удалось, и вскорости задранная усатая морда пескаря уже болталась у самого транца, разевая зубастую пасть с закушенной сбоку блесной. Но с ходу вымахнуть жирную тушу на борт так просто не получилось.

Одной рукой с упором на колено Полмачты удерживал добычу, яростно лупившую по песку вибрирующим змеиным хвостом, а другой отпустил петлю линя побольше, коротко оглянулся и точным движением накинул ее на гик загодя убранной бизани, при стоянке служивший грузовой стрелой. Затянул, подергал и быстро махнул рукой — все, мол!

На подмогу рванули все, бросив управление совсем замедлившимся пескобуером. Санд-шкипер, Сигурни и даже Рон Толкач дружно налегли на гик, занося его вбок через ось. Нехотя оторвавшись от песка, тяжеленная рыбина вознеслась на полдюжины футов, медленно вертясь на кукане и сердито хлопая плавником.

Зашипели тормоза колес, стояночный брус пробороздил песок под днищем нашего буера. Стал и второй, хлопая парусом, развернутым плоскостью по ветру. А тот, на котором вместо вымпела развевался плавник пескаря, остановился сам собой. Ветер пронес мимо поднятое нами облако пыли и разметал, размазал по горизонту, стремительно темневшему впереди по курсу.

— Становимся на ночь! — крикнул со своего пескобуера Блоссом, еще не отошедший от азарта рыбной ловли. Перевел дух, стащил очки с глаз, утер физиономию и добавил: — Казаны доставайте, жир топить...

Ага... Вот на что пескарь годен, стало быть. На духовитое рыбье сало — такелаж тировать, оси смазывать... Что ж, чем не прок от жесткомясого хищника. Не съесть же его целиком мы тут собрались!

Чтобы не оказаться припаханными к занятию, отмыться от запаха которого посреди пустыни было бы нереально, мы с женами и компаньонкой под водительством Донны принялись разбивать лагерь. Куда основательнее, чем днем, когда наскоро сварганили обед в тени приспущенных парусов пескобуеров, вставших на тормоза.

Теперь их пришлось поставить подковой наподобие миниатюрного гуляй-города и надежно застопорить кольями, вбитыми глубоко в песок. Паруса давно были спущены и надежно принайтованы к гикам. На открытой же, подветренной стороне подковы выстроились в ряд три жаровни с салотопными казанами.

Развернув циновки и спальные мешки у последней оставшейся жаровни, я на пару с хозяйственной гоблинихой запустил трансмутатор, полными ковшами кидая в него песок, просеянный через сито и прокаленный на огне от органики. В ожидании претворения стихий жены раскладывали принадлежности для заварки благодеяния пустыни — зеленого чая.

Первые капли полученной воды звонко зацокали о днище подставленного котла, перебивая отдаленное шкворчание перетапливаемого рыбьего сала. Пемси на пару с Сольвейг деловито нарезали бастурму и раскладывала по плошкам финики с инжиром. Хлеба в рационе бывалых пескобродов както не предполагалось.

И то верно. Хранить его свежим под заклятием нетления слишком дорого станет, а сухари... Зачем таскать с собой пищу, требующую для усвоения лишнюю порцию воды, там, где ее не всегда в достатке? Копченое мясо и сушеные фрукты в этом смысле дают больше, чем отбирают.

Поняв, что дело пошло само собой и моего участия уже не требует, я отошел от бивачного огня к промысловому. Там

работа тоже кипела без особого участия и руководства с чьей-либо стороны — Реджи вовсю орудовала тесаком, снимая с туши пласты жира, Милли делила их на куски поменьше, а Лайла с Фанни таскали к котлам.

Повертев головой в поисках Сигурни, я обнаружил ее сидящей в «вороньем гнезде» дальнего буера. Бдительная зеленявка медленно крутилась вокруг мачты на поворотной скамеечке со спинкой, не выпуская из рук стреломета. Нелишняя предосторожность, особенно если вспомнить намеки Блоссома на какого-то там Капитана Пустыни...

Где, кстати, сам Полмачты? Ни у одного из огней, да и вообще внутри периметра импровизированного бивака санд-шкипера видно не было. Не будет же он специально прятаться! Тем более что совсем стемнело, и главная луна с Дарой-хом вылезли из-за горизонта холодными больничными фонарями.

При более внимательном взгляде по сторонам бывалый пескоброд обнаружился за пределами лагеря, бодро выходящим из-за соседней дюны. Наверное, прогуливался по вполне понятной надобности, для которой в пустыне не бывает особых заведений...

— Хороша добыча, однако! — кивнул я в сторону неуклонно обращавшейся в скелет туши пескаря, желая как-то объяснить свое излишнее внимание. Жаль, конечно, что не мне досталась, так меньше надо полагаться на эльфийские навороты.

— Разве ж это добыча, командир... — снисходительно растянул губы в улыбке Блоссом. — Пустыня знает, что такое настоящая добыча!

Вместе мы вернулись к нашей жаровне. Вода уже трансмутировалась и даже успела вскипеть — Хирра подала нам пиалки со свежезаваренным зеленым чаем, а гоблинихи наделили мисками с мясом и сухофруктами. Санд-шкипер, присев у жаровни и приняв угощение, равно церемонно поблагодарил и ту, и других, но с темы не сбился:

— Пескарь — оно, конечно, трофей знатный... Опять же пескозмей, если Судьба одолеть пособит, еще почетней будет. Однако есть тут добыча, в сравнении с которой и пескозмей не лучше пескорюшки! — победно глянул он поверх дымящейся пиалы, пристроив ужин на колено.

— Это какой же? — После такого вступления меня тоже разобрало любопытство.

Полмачты важно прожевал ухваченный кус бастурмы, закусил фиником, запил и лишь после того соизволил ответить.

— А вот помните, хай-джентри, — он обвел свободной рукой всех нас, — где мы встретились?

— В трактире! — Пемси первая не выдержала паузы рассказчика.

— Верно, — с охотой согласился Блоссом, но тут же уточнил: — А как тот трактир назывался?

Тут до всех дошло одновременно, оттого сам собой разумеющийся ответ никто не озвучил.

«Песчаная Акула» — вот как назывался трактир на Фрахтовой. И вход его в виде гигантских челюстей, усаженных всевозможными имитациями зубов, тоже никто позабыть не сумеет, если видел...

Однако сие зрелище наводило на простенькую мысль: если б она была на свете, акула эта, то на одноименный трактир озаботились бы поставить ее натуральный зубной набор. А раз нету его там, значит, либо на деле челюсти зверюги намного скромнее, либо и вовсе не бывает их, вместе с самой обладательницей.

Впрочем, в душу самого повествователя о Главном Трофее Пустыни такие подозрения не закрадывались, судя по тому, с каким жаром принялся он расписывать стати сомнительной добычи.

— Вот именно! «Песчаная Акула»! — По накатанности зачина было видно, что рассказ звучит далеко не впервой, да и гоблинихи не столько прислушивались к нему, сколько следили за реакцией новичков, впервые столкнувшихся с излюбленной байкой санд-шкипера. — И доложу вам, зверюга эта такая, что лучше бы с ней никому не встречаться. Буер запросто пополам перегрызет, да что буер, — шняву двухмачтовую! У флейта киль хвостом перешибет, даром что сталью кован!

Ага. А еще Перводракона чихом с неба сдует и горе Дройн жерло заткнет, если ненароком туда свалится. Признанный прием охотничьей, то есть в данном случае рыболовной байки — несусветное преувеличение всех свойств мифической добычи.

— Против песчаной акулы пескозмей, что пескорюшка против пескаря, — продолжал заливаться рассказчик. — Всем песчаным тварям тварь, султан султанов, мечта любого добытчика!

— Это уж вы загибаете! — неожиданно прервал славословие санд-шкипера чудо-трофею возглас Рональда Джоггера, весь день страдавшего песчаной болезнью, а теперь так не вовремя пришедшего в себя.

При всей разнице в подходах к жизни с поставщиком двора его султанского великолепия, в пессимизме мы с ним оказались равны. Вот только, в отличие от меня, купчик, незаметно подсевший к огню и вовсю чавкающий ужином, не сумел сдержать свое недоверие. По причине отсутствия способности хотя бы выказывать, а не то чтобы испытывать уважение к кому бы то ни было, кроме себя, любимого...

Полмачты надолго замолчал, переживая смерть байки, подбитой в полете. А затем сухо и четко, без излишних фигур речи ответил:

— Воля ваша, уважаемый. Не хотите верить — не надо. Только когда-нибудь я эту тварь возьму на гарпун и уж тогда припомню вам эти слова.

Угрозы в сказанном санд-шкипером не было, а вот обида, пусть и не всем заметная, была.

Разговор после этого как-то сам собой затих. Блоссом более не стремился его поддерживать, особенно после буркнутого Толкачом «Посмотрим-посмотрим...», а гоблинихи занялись своими делами. Кто разливал по бурдюкам вытопившийся рыбий жир, кто отскребал казаны и посуду после ужина.

Сигурни же с Донной раскочегарили походную кузницу, точнее, горн с воздуходувкой. Язык мелко бьющегося, почти прозрачного пламени в темноте завораживал, а ровное свечение раскаленного тигля с накрошенными туда осколками невесть где добытой пивной бутылки, казалось, отгоняет прочь леденящие лучи главной луны.

Когда же на конце металлической трубки вишневым пузырём засияла капля расплавленного стекла, оторвать взгляд от нее оказалось попросту невозможно. Донна сноровисто выдула из стекла пузырь с крупную сливу размером, сдавила его деревянными лопаточками и, уже остывающий, разрезала пополам, отделяя от черенка.

Вторую и третью заготовку она обработала, наверное, еще быстрее, покуда Сигурни вовсю орудовала с воздуходувкой. Продолговатые чашечки темно-желтого стекла выстроились на доске в ряд, ожидая, что еще сделают с ними искусницы. Однако те уступили свое место Милли, которая весь вечер возилась с каким-то шитьем шорного свойства, собирая лоскутки и ремешки замши на кривую сапожную иглу.

Кругленькая гобличиха умело заправила стеклянные чашечки в самодельную сбрую, затянула вощеную нить в несколько узлов и спрятала ее концы под крепления ремешков. Встала и встряхнула три пары чуть брякнувших новеньких пустынных очков — для Хирры, Келлы и Памелы.

Здорово! Эльфям с их сложным поляризующим хрусталиком и подвижными зрачками даже без защиты от лишнего света нетрудно подладиться смотреть сквозь полупрозрачную ткань, но так все же лучше. А вот Пемси обычные человеческие глаза такого не позволяют, в результате первый день любопытная пышечка провела почти вслепую...

С благодарностью приняв полезную поделку и отдарившись ценными безделушками, жены и компаньонка принялись готовиться ко сну. Особенно усердствовала последняя, пятясь круглым задиком вперед при перетаскивании своей постели с места на место.

Сейчас никаких помех ее зрению не было, и объяснить, отчего, устраиваясь на ночлег, пышечка с завидным упорством тычется около меня, норовя подобраться то с одного, то с другого боку, оказалось попросту невозможно. Не развлечься же потихоньку со мной она собралась, при тут же укладывающихся женах?!

Хотя кто ее знает... На всякий случай шуганув блондиночку посерьезнее, будто бы тоже не соразмерив в потемках силу шлепка, я отвернулся к жаровне, где дотлевали, рассыпаясь в пепел, набранные за день сачком с песка скарабейные мячики.

На сытый желудок и от усталости долгого дня сон пришел почти мгновенно, так что последняя за день мысль добродушно смазалась, теряя резкость формулировки. А именно: при всей своей суровой работе и соответствующей внешности Полмачты Блоссом оказался самым исключительным трепачом и врун, какого я видел в жизни. Да еще и принадлежащим к категории, подающей свои басни с абсолютно серьезным лицом.

Следующий день пути мало отличался от предыдущего, разве что некоторые из гоблиних перешли с буера на буер... со скуки, что ли? Так длилось аккурат до того времени, в которое вчера раздались крики и показались плавники пескорыб. Сегодня то же время суток опять принесло знакомство с неуместным здесь и сейчас звуком.

По барханам, стремительно бронзовеющим под лучами идущего к горизонту солнца, прокатился нежный звон десятка колокольчиков. Тоже бронзовых, судя по всему.

Полмачты Блоссом мгновенно среагировал на этот невинный мелодичный звук — пригнулся и стал вглядываться в гребни дюн, словно выискивая источник звона. Гоблинихи тоже пришипились, хотя и не так явно. Мои эльфочки затихли за компанию, один Рон продолжал оглашать пустыню стоном и бессвязными жалобами.

Понять санд-шкипера было нетрудно. В Мекане миналягушка тоже славится благозвучным пением в прыжке, только из тех, кому довелось услышать этот звук, жив остается лишь каждый четвертый... Так что ясно одно: добра от песчаных бубенцов ждать не приходится. Одного худа. Какого конкретно, скоро выяснится.

Блоссом подвел свой пескобуер почти вплотную к нашему, выбрался на балансир и перескочил к нам одним размашистым шагом через колесо. Умница Донна тут же отвела судно в сторону, чтобы снасти и оси не спутались, но продолжала идти вровень, готовая снова подхватить санд-шкипера в обратном прыжке.

— Кто-то уже поджидает в караван-ангаре, — негромко поделился Полмачты своими выводами из того, что слышали все. — «Звонки» за добрых три лиги вывесили. Заклятие простенькое, без скрытности, но лучше поберечься...

— Побережемся, — кивнул я, поправляя наплечную кобуру.

— Ни в коем случае! — Блоссом замахал бы обеими руками, если б не цеплялся за ванты, а так лишь решительно замотал головой и, отклонившись назад, проорал, чтобы расслышали на всех трех фрахтовиках: — Оружие убрать, руки держать на виду! Песчаные купцы — люди нервные! Надо сразу показать, что с миром идем!

Что это за купцы такие, если не им проезжего при оружии, а проезжему опасаться рассердить их надо? Не из тех

ли, что каждому продать песка готовы? По мерке, на фут больше роста и три фута вглубь...

Вслух, правда, свои опасения я огласить не решился. Нечего раньше времени девчонок пугать. Или раззадоривать. Да и санд-шкипер неспроста цедит слова, как воду из последней фляжки. Видно, за три лиги хозяева простенького сторожевого заклятия способны услышать не только предупредительный звон.

Подтверждая мои догадки, Полмачты молча вытянул из-за пояса свой стреломет, демонстративно взвел его, не лязгнув, и убрал обратно, заботливо прикрыв рукоять цветастым концом кушака. Вся команда слитно повторила его действия, мы с женами — тоже. Даже Пемси отжала «козью ногу» своего коротенького четырехствольничка, не без некоторой лихости выставляя пружины на боевой взвод. Только поставщик двора его султанского великолепия ничего не предпринял — лишь поднял голову на мгновение, обвел мутным взором близкий горизонт и снова согнулся в приступе песчаной болезни.

Коротким взмахом руки Блоссом подозвал свой пескобуер и так же ловко перескочил обратно. Остаток пути мы проделали в напряженном молчании. Только рулевые вглядывались в свечение зеленого хрусталя путевых шаров, а впередсмотрящие — в гребни дюн, за которыми вот-вот должен был открыться Последний Приют Пустыни с его нынешними, загадочными и грозными обитателями.

Как ни жди, как ни опасайся, а все происходит внезапно. Особенно в пустыне, изрезанной бесчисленными валами песка. Спустя без малого три лиги после предупредительного перезвона с гребня очередного бархана почти мгновенно открылось невысокое вроде здание с плоской крышей. Напряжение как раз стало затухать — нельзя слишком долго опасаться даже полностью неизвестного. К тому же выглядело открывшееся достаточно мирно. Не подчеркнуто невинно, как отлично расставленная ловушка, а обыденно, с долей повседневной бестолковости. Присутствие постояльцев, суетящихся у колодца, не скрывалось специально и не подчеркивалось особо. Так — есть и есть что прятать, чем хвалиться? Это невольно наводило на философский лад.

За караван-ангаром виднелось с дюжину тонких шестов, чуть изогнутых, как удилища, с такими же, как у моего горе-

спиннинга, роликами для троса у конца. Раз уж из песка ловчее заклятие живность не берет, приходится исхитряться. Оно под воду приспособлено, а земля — другая стихия, хоть бы и зыбун.

Жаль, конечно. Тогда бы мышей с крысами без проблем извести можно было, кротов опять же, чтоб садовникам не мешали. Помнится, у полковника-халфлинга в подсобном хозяйстве нашей учебки кроты урожай репы едва ли не половинили. Он однажды озверел, закачал в норы уже сгущенный, но не отформованный в файрболы огневой туман и подпалил издалека стрелой с кресалом вместо наконечника. То есть ему казалось, что издалека. Или кроты и за пределами огорода нехило порылись.

В общем, ни репы, ни хозяйства, ни полковника. С трех бочек добротно заклятого зелья и следа не осталось. Не рассчитал в озверении, или уже по фигу было, лишь бы супостата подземного извести. В тылу от безделья мозги быстро плывут. Теперь уж и не узнаешь, как все было. А только кротам ничего не сделалось, как жили там от века, так и живут. Они бы и под Тесайром уцелели, не приведи Судьба.

Хотя вряд ли. Тесайрцы однажды по именному указу Мага-Императора враз всех крикунов у себя извели. Неделю по всей стране били в барабаны и гоняли крикуньи стаи бамбуковыми шестами, не давая ни на миг опуститься, пока те не передохли от постоянного напряга. Они бы и против кротов что-нибудь удумали. Обрекли бы Лунной Богине полным ритуалом, к примеру, или еще что похуже. Хотя что может быть хуже, даже я представить не в состоянии, со всем моим жизненным опытом...

Будем надеяться, местные рыбари настроены не столь решительно, несмотря на такую основательную снасть. И кого это из крупных пескорыб собрались ловить неизвестные постояльцы пустынного приюта? Неужто пресловутую песчаную акулу?

Да нет, для нее снасть великовата. Вблизи масштаб сооружения становился яснее — приземисто, конечно, но выше меня раза в три. В удочках за ним, стало быть, добрых четыре человеческих роста будет. Или три с лишним эльфийских...

Пескобуер вздрогнул, въезжая на площадку перед строениями. Вместо песчаного шороха из-под колес пошел стуко-

ток грунтозацепов о камень и скрип гальки. Конечно, единственное крепкое место посреди бескрайних песков — пятачок вокруг караван-ангара, выход материнской породы. В иной год, говорят, как океанский риф выступает над морем дюн, порой же, напротив, почти скрывается под песком. А узкий, едва в пару футов шириной колодец пробит светорезом в каменном козырьке, нависающем над подземным озерцом.

Меж тем неторопливая, но нервная суета у этого самого колодца не прерывалась. Редко кто отворачивался от выложенной булыжниками горловины каменной трубы, чтобы окинуть нас коротким взглядом. Даже обидно как-то.

Рыбари попались странные — с виду солидные, но какие-то безалаберные. Вместо того, чтоб воду таскать да уху заваривать, больше кружили вокруг колодца опасливо, то приседая на корточки, то вытягиваясь во весь рост в попытке осторожно заглянуть внутрь. Словно иллюзии светил в планетарии, каждый по своей орбите. И различались на вид приблизительно как тыквы одного урожая на лотке зеленщика перед Приснодне́м. Все в одну масть, черные с проседью, только у младших серебра поменьше, у старших — побольше. И бороды с усами у каждого на свой фасон, от эспаньолок и кисточек до совершенно неоформленных зарослей с небольшими просветами для губ, носа и век. Фуфайки под меховыми жилетами у всех были полосатые, но опять же цвет и ширина полос ни у кого не совпадали.

Только когда пескобуера окончательно встали, когда утихли шум колес, хлопанье спускаемого паруса и скрип тормозов, скребущих по грунту, сделалась ясна причина заминки с водой. Из колодца, усиленное эхом от стенок, доносилось громкое шипение. Раздраженное и исключительно мерзкое. На углубляющее или водопризывное заклятие не похоже — фонтана нет, и светового мусора никакого. Не иначе кто добычу вниз уронил, или какая тварь сама врылась в водоносный слой, а получив по башке кожаным ведром, осердилась до крайности.

Соскочив со своего пескобуера, Полмачты Блоссом вразвалочку, разминая ноги, подошел поближе к рыбарям.

— Что, уважаемые? — вежливо поинтересовался он и, кивнув на колодезную кладку, уточнил: — Даст Судьба сегодня воду?

Проходивший мимо рыбарь постарше прочих лишь горестно вздохнул и развел руками: мол, Судьба сама знает, даст или не даст, а нам то неведомо.

— Кто это там? — упорствовал Блоссом, подтвердив вторую версию заминки с водой.

— Нык, пескозмей, эта... По сыропеси пришел и аккурат под колодцем сел, — смущенно пояснил происходящее стоящий поближе коренастый бородач в синеполосной фуфайке. — Два ведра оборвал уже, водяная сила!

Санд-шкипер понимающе закивал, сам разводя руками: что, мол, поделаешь. Все прочие тем временем тоже сошли на твердую землю, разминая затекшие конечности, и потихоньку стянулись к колодцу. Сзади притрусил Рональд, на глазах обретающий обычную наглость облика. Выслушав историю, многократно повторенную всеми рыбарями на разные лады, но с обязательным ныканьем, он изрек свой вердикт с высоты положения цивилизованного горожанина, разъясняющего очевидные истины немытой деревенщине:

— Гоблиних ему надо покидать. Одну за другой, пока не нажрется и спать не уйдет. Тут вся вода наша будет.

Семерка зеленокожих с недовольным ропотом сгрудилась позади Блоссома, мрачно переводя взгляды с поставщика двора поочередно на нас и рыбарей. Те тоже переглядывались с усмешечками, меряя взглядами городских хлыщей. Хирра и Келла у меня за спиной готовы были зашипеть, заглушая пескозмея. В том же регистре. От Пемси же я ожидал скорее злобного визга. Не ровен час, кинутся на находчивого купчишку...

— Отчего же гоблиних, уважаемый? — вкрадчиво поинтересовался санд-шкипер, засовывая большие пальцы за кушак поближе к рукояти стреломета.

Ох, чую, не довезти Толкачу его срочного груза до Мехмет-Али Двенадцатого. Задним оракулом чую. Да и нам уже имеет смысл показать, на чьей стороне Судьба. «Подельник» — звучит не слишком, но «нежелательный свидетель» — еще хуже. А расклад вполне способен обернуться именно так. Поскольку, не поняв намека, купчик охотно пояснил:

— Нашел, кого жалеть! Этих на любой бирже — статир за фунт. Колодец-то слишком узкий, никто больше не проле-

зет, — и махнул рукой на рыбарей, не додумавшихся самостоятельно до столь простого решения.

Усмешечки тех стали еще дружелюбнее, а движения — плавны и замедлены. Теперь уже и Блоссом спал с лица, сравнявшись цветом со своими подчиненными. И руки из-за пояса убрал быстро-быстро.

Вот тут и настала пора вступить в этот интересный разговорчик, поскольку в последних словах уже имелось рациональное зерно, наводящее на неплохую идею. В меру безумную, конечно...

— Отчего же никто? Я, к примеру, очень даже пролезу, — дыра и вправду невелика, ни санд-шкипер, ни Памела, ни тем более эльфийские дивы не пройдут.

Присутствующие с неподдельным интересом уставились на добровольца, готового к столь самоубийственному трюку. Как на жертвенного поросенка в Приснодень: известно, что не полетит, но вдруг все-таки?

Но в отличие от того поросенка я представлял, что делаю. Во всяком случае, очень хотел верить, что представляю. Правда, никто из окружающих пока не разделял со мной этой уверенности. Рональд вон даже оправдываться стал:

— Как я мог подумать... Столь важную персону... пустынной твари на съедение...

— Это еще кто кого съест! — перебил я его, пока окружающие не прониклись значимостью данной персоны. — Тащика свою «каучуковую лиану». Самое время проверить ее, прежде чем представлять пред светлые очи султана!

Полностью деморализованный Толкач опрометью кинулся исполнять указание, не задумываясь, зачем понадобился заклятый для прыжков с высоты упругий шнур посреди ровной, как стол, пустыни. Пусть даже относительно ровной — с бархана на «лиане» все одно не попрыгаешь...

А я в ответ на заинтересованные взгляды рыбарей обратился уже к ним:

— Эй, парни, гарпун-самолов с защелкой лапы на три-четыре в хозяйстве есть? Покрупнее бы...

— Нык, сыщется, — понимающе кивнул бородач. — Эта, как не быть...

Похоже, он у них за главного — не в последнюю очередь в силу скорости соображения. Теперь — Полмачты:

— Подгони буер, «лиану» за ось заведем для надежности. А вы, девочки, на тормозах станьте и у колес, — это уже гоблинихам.

Теперь забегали и засуетились все, кроме жен и Пемси. Для них, впрочем, тоже дело найдется.

— Хирра, Келла, будете страховать линь гарпуна. Вас зверюга точно в колодец не затянет. Как меня обратно выкинет, тащите его со всей силы.

Заняты будут — перестанут обо мне без толку беспокоиться. А то у моей высокородной в глазах изрядный страх обозначился, да и у Древнейшей сквозь любопытство что-то серьезное проглядывает. Но первой за поданный бородачом линь решительно ухватилась ее унтер-бандерша, слегка меня тем удивив. Впрочем, за нее тоже переживать не стоит: по росту пышечка как раз посередке между мной и гоблинихами, зато в кости широка и фигурой не обижена. В колодец Памелу тараном не забьешь.

Блоссом с командой уже подкатывал тяжело нагруженный фрахтовик вплотную к зеву колодца. Гоблинихи с рыбарями засуетились, расклинивая колеса и заводя за ось концы гарпунного линя и «каучуковой лианы». Принесший ее Рональд как-то затерялся в общей неразберихе. Никто его в упор не видел. Оно и к лучшему.

Солнце меж тем коснулось вершины бархана. Тень от невысокой оградки ветроотбойника протянулась через дворик, затягивая горловину колодца. Доносившееся оттуда шипение во тьме звучало особенно устрашающе. Все примолкли.

Что ж, назвался магом — перед файрболом не кланяйся. Пора отрабатывать свою идею, а то все по новой начнется. Лучше полминуты страха и спокойная ночь, чем дальнейшая разборка и опасения за свои глотки при любом исходе.

Решительно затянув ременные петли «лианы» на лодыжках и поясе, я перекинул через плечи мягко подбитые лямки. Неуклюже присел на край колодезной кладки, приспосабливая к бандане склянку жука-фонарника, как в день первого налета на Храм. Снизу потянуло сыростью, по заклятому на неразрывную упругость шнуру при каждом движении перебегали алые искры.

Бородач подошел с гарпуном наготове, самолично взвел пружину и проверил предохранитель. Четыре отточенных

лапы заведены под кольцо, чтобы раскрыться через полсекунды после удара острия о шкуру. Замедлитель простой, инерционный, не магия — не откажет. Неплоха снасть, надежная, да и размер подходящий. Видно, не один санд-шкипер верит в байки про песчаную акулу.

— Тебя как звать? — потянул я последнюю ниточку между собой и рыбарем.

— Джон-Чухчай... — чуть помедлив, отозвался тот.

— А меня Джек-Догай. Складно выходит, — усмехнулся я. — И сработать надо складно. Как меня наружу выволочет, подсобите змея тянуть. Не раньше только!

— Нык, понимаем, — Чухчай уважительно передал гарпун. — Судьбы тебе в парус, парень...

Не помешает, однако. Но Судьба неторопливых не любит, а значит, ни к чему дальше время тянуть. Оглянувшись, я перебрал всех взглядом: на местах ли, готовы?

Полмачты ободряюще махнул с пескобуера — мол, тормоза забиты. Девчонки мрачно закивали вразнобой, не выпуская линя из рук. Рыбари сгрудились у них за спиной, готовясь к рывку. Ну все, пошел.

Глубоко вздохнув, я вниз головой перевалился через край кладки. Древко гарпуна прижато к груди, плечи сведены. Сырой воздух бьет в лицо, свет фонарника вырывает из тьмы оплавленные наросты на стенках прогрызенной светорезом трубы колодца. Злобное шипение снизу все громче и громче, уже заглушает свист в ушах...

Тупая безглазая голова грязно-белого цвета вынырнула из влажной темноты в фонтане брызг как-то внезапно. Вот только что не было — и уже наискось распахивается щель мелкозубой пасти. Не задумываясь, чисто автоматически, я что есть силы всадил в эту пасть гарпун, вытянув руки вперед, за голову, вжатую в плечи. От удара склянка фонарника сорвалась с банданы и улетела в самую глотку пескозмею.

«Каучуковая лиана» восприняла этот толчок правильно — как сигнал к сокращению, выносящему меня назад, на поверхность земли. И все равно еще добрых полсекунды падение продолжало затягивать меня в необъятную, вровень с шириной колодца, пасть. Казалось, что я уже по пояс провалился в склизкую белую глотку. Вот-вот за пятками сомкнутся

треугольники зубов, способных перетереть камень, и падение вниз станет вечным, необратимым...

Гарпун лязгнул, раскрываясь где-то невыразимо далеко внизу. Жуткое шипение твари сменилось еще более пронзительным верещанием, провожающим мое вознесение обратно, к миру живых. Как не оглох, не понимаю. Не иначе рот успел открыть вовремя, как при аркналете, когда серии файрболлов из многорогих ферробаллист ложатся все ближе и ближе.

Наконец давление на все тело звука, отбрасываемого стенками колодца, рывком ослабло. Стало быть, вылетел наружу, как пробка из бутылки, можно разожмуриться... Только лучше бы мне этого не делать. Потому что выкинуло вверх меня куда выше, чем думалось перед прыжком, и глаза открылись как раз в верхней точке траектории, почти вровень с клотиком мачты пескобуера. Здесь солнце еще не зашло, бронзовый свет на миг плеснул в глаза расплавленным металлом. А внизу уже накатил быстрый пустынный вечер — от ног к земле сквозь сумрак тянулся шнур «лианы», светящийся алым жаром разряжаемого заклятия, скручивался спиралью и потихоньку кольцами укладывался на камень колодезного дворика...

Каюсь, тут я закрыл глаза снова. И не сразу открыл их, даже приземлившись на чьи-то упруго подхватившие меня руки. Живы остались оба, что не могло не радовать, хотя удержаться на ногах неизвестному спасителю не удалось. Точнее, спасительнице. Хирра — только у нее хватило силы и решимости.

Впрочем, Пемси тоже была наготове. Зря. Ее-то раздавил — и мявкнуть не успела бы.

Дрожь не отпускала нас со старшей женой еще долгие секунды — пока не закончился самый длинный поцелуй. Не во всей моей жизни, но в этом путешествии точно. Только после сего удалось ощутить себя достаточно живым. А еще я весь, с головы до ног, был мокрый. Надеюсь, не со страху. Колодец все-таки...

Впрочем, стесняться было некого, хоть мы тут трахайся, хоть справляй естественную нужду. Остальным было не до нас. С нехилым воодушевлением все прочие, не разбирая, кто к какой команде принадлежит, тащили из дыры крепко севшего на гарпун пескозмея. Только Толкач в ужасе забился под

фрахтовик, заранее представив себе облик твари по неумолчному верещанию.

Пескозмей не обманул его ожиданий. На поверхности, в полный рост, он был еще кошмарнее, чем в колодце. И уж точно мерзостней. Знал бы, не сунулся. То раздуваясь в тугой баллон, то вытягиваясь футов до сорока, скотина еще и слабо светилась бело-желтым, гнойным мерцанием. На ее фоне суетящиеся рыбари и гоблинихи смотрелись черными силуэтами из закопченной жести, вроде флюгеров на кровлях Анарисса.

Около нас с Хиррой, только поднимающихся с земли, материализовался Блоссом.

— Как тушу делить будем, командир? — деловито спросил санд-шкипер, впервые без оттенка издевки в обращении. Видно, пескозмей в списке трофеев стоит недалеко от мифической песчаной акулы. А то и вовсе на первом месте, если выдумки не учитывать. Только к чему он годен, гадость такая?

— Его что же, едят?! — не смог я сдержать удивления.

— Конечно!!! – вернул мне мое недоумение Полмачты. — А то с чего бы на него ходить? Вкусней пескозмея в пустыне ничего нет, мясо нежнейшее да хрящи, без единой косточки. Так что дели, раз на гарпун зверя взял!

И подмигнул мне, легким кивком указывая на скромно поджидающего невдалеке Чухчая. Голодная алчность в глазах обоих накалом не уступала свечению пескозмея и остывающего шнура «лианы». Похоже, и вправду добыча тут важней избавления от помехи водозабору...

— Ну так... Поровну, наверное. — На меня отчего-то напала нерешительность, вроде как на Сигурни в обычных условиях.

— Командир сказал — поровну! — тут же во весь голос подхватил чуткий на ухо Чухчай. — Поровну!!!

Все взревели в полном восторге и с удвоенным рвением набросились на тушу, кромсая ее чем попало. Шматы все еще слабо светящегося мяса потащили к навесам — вялиться и внутрь караван-ангара — готовить на ужин. Зрелище вышло не хуже, чем факельное шествие в Приснодень. Блоссом смотрел на меня со смесью уважения и сожаления: дескать, дело хозяйское, но уж он бы знал, на какой кус лапу наложить. А из процедуры выбора и дележки сумел бы устроить спектакль —

куда там Императорскому Академическому балагану Хтангской династии...

Покуда мы с Хиррой распутывали сбрую «лианы», трофей был разделан окончательно. Моя древнейшая со своей унтер-бандершей, похоже, занялись нашей долей. Гоблинихи принялись деловито таскать из освобожденного колодца кожаные ведра с водой, ловко перекидывая их по цепочке до самого караван-ангара. Поскуливая, но не решаясь жаловаться в голос, Рон Толкач сматывал прыжковую снасть при слабом свете вялящегося мяса.

Внутри караван-ангара уже вовсю шла готовка. Обе команды — наша и рыбарья — обосновались у боковых стен, по обе стороны от ворот. Запахи и с той, и с другой стороны доносились превкусные. Похоже, по части кулинарных достоинств пескозмея Блоссому можно доверять. В хозяйстве у него, помимо жаровен и примусов на малокалиберных файрболах, наподобие полицейских кофеварок, сыскались и ковры — не новенькие, но еще ничего, хоть и все разные, — посуда того же свойства и вдобавок низкие столики, вроде подносов на невысоких ножках. За самым большим, шестиугольным, уже ждали довольная Келла и раздраженный донельзя Рональд. Пемси у горелок распоряжалась семеркой зеленокожих, раскладывая мясо. Санд-шкипер, отодвинутый от командования, счел за лучшее тоже перебраться за столик.

Похоже, он не сам такой хозяйственный, а Донна с Милли, которые сейчас трудились на подхвате у адъютантши младшей жены. Не все указания они воспринимали с равным одобрением, но помыкать, похоже, привыкли только Блоссомом, а при свежем человеке робели. Хотя бы и при сопливой девчонке с приличными организационными талантами. Ей бы веры в себя побольше, а иллюзий, пусть и отрицательных, поменьше. И несбыточных желаний тоже...

Мы уже развернулись в сторону своего бивака, когда от дальнего костровища подошел бородатый Чухчай. Остановился в паре шагов, деликатно кашлянул и протянул, обмахнув напоследок рукавом фуфайки, склянку.

— Нык, ваша вроде вещь. Эта... — Потревоженный жукфонарник засиял в его руке ярче прежнего.

— Приберите поскорей, хай-сэр, — незаметно подкатившись, Рональд тут же нашел виноватого во всех бедах. — А то знаю я эту публику...

Улыбнувшийся было сквозь бороду рыбарь снова замялся и неловко сунул склянку в руку моей высокородной. Рона же ухватил под локоток вынырнувший совершенно ниоткуда Полмачты и быстро проговорил что-то ему на ухо. После чего купчик вылупил глаза и, дико озираясь, осторожненько, бочком двинулся к нашему углу. Словно не по твердому камню, а по рисовому чеку с минами-лягушками ступал, когда неизвестно, откуда смерть выпрыгнет, только костяки прежних неудачников над водой едва видны...

Чухчай тоже было развернулся к своим, когда я окликнул его, донельзя раздраженный неловкостью:

— Постой! Еще я своего слова не сказал!

— Какого же слова ждать, командир? — У бородача в этом обращении оказалось поменьше иронии, чем давеча у Блоссома, но тоже достаточно. Что примечательно, сейчас он говорил без ныканья. Серьезный признак, разговор иначе пошел. Порви демоны печенку Рональду Джоггеру Ас-Саби за добрую услугу.

— Спасибо. Памятная вещь для меня этот светильник, важная, а с перепугу про него вовсе забыл.

— Что ж, бывает, — прищурился Чухчай, старательно обходя вырвавшееся у меня «с перепугу».

— И вот еще... Пожалуй к нашему столу. — Идея показалась неплохой. — Все веселей со свежим человеком!

— Нык, благодарствуйте... — опять зачем-то нацепил он свою словесную маску. — Только эта... Не все мне там рады будут.

— Кто это не будет? Толкач, что ли? Купчик султанский? — раззадорился я. — Да кто он такой!

— Нык, опять же, человек уважаемый...

— И для кого это он здесь уважаемый? Для нас с тобой или вон, к примеру, для Блоссома? — Не получив ответа на свой риторический вопрос, я подвел черту: — Те, для кого Рон Толкач Седьмой-песок-с-ветра столь уважаем, пусть и спрашивают у него совета, кого им к очагу звать! Только здесь таких не найдется, верно я говорю?

Не дожидаясь ответа, я решительно положил руку на пле-

чо бородачу и подвел его к нашим коврам и жаровням. Остальные чутко потянулись за вожаком, чинно обсаживая низкие столики со своими пиалами наготове. Пемси юрко засновала между ними, разливая зеленый чай, гоблинихи Блоссома потащили следом плов и змеиный шашлык на прутьях «демоновой метлы», в изобилии росшей под стенами караван-ангара.

Сам санд-шкипер приветствовал новоприбывшего со всей полнотой достоинства и уважения, двумя пальцами поочередно коснувшись кокарды на треуголке, кадыка и груди напротив сердца. Хирра чинно кивнула, приветствуя гостя у моего резного шестиугольника. Келла вдобавок еще и улыбнулась широко, приведя Чухчая в полное смущение. Хотя куда уж ему дальше-то смущаться!

Один только Рон Толкач в непритворном ужасе отполз от столика подальше в темноту, откуда продолжал безумно сверкать глазами. Оно и к лучшему — его сторона осталась пустой, и ничто больше не мешало пламени жаровни озарять наши лица во время ужина.

Запеченное филе пескозмея воистину оказалось угощением, достойным стола самого султана. Что уж говорить о Ночном Властителе ау Стийорр, уарсе Фусс на пяти реликвиях! Шашлык был еще лучше — Милли нанизала вперемешку с кусками мяса финики и инжир, не забыв и о жгучем перце. Запивать это счастье, правда, пришлось зеленым чаем да быстроразводимыми концентратами, разминая полупрозрачные плитки твердого вина в теплой колодезной воде — никто не озаботился прихватить морозомет в пустыню. Зато глинтвейн с пряностями получился ничего. Только вино, и так слабоватое, от нагрева совсем градус потеряло, а душа жаждала чего-то покрепче. Под такую-то закусь, да еще после эпопеи с ее добыванием...

Тем более и посуда подходящая может найтись. Мозговая капсула пескозмея, заботливо отчищенная от содержимого и сухожилий. Пристроив продолговатую костяную дыньку на разделочную доску, я потянул из ножен тесак. Чухчай с Блоссомом проводили алый блик стального лезвия лениво-любопытными взглядами.

Взмах! Теперь на деревянном блюде лежали две равных половинки. Свежая хрящекость, еще полупрозрачная, разош-

лась под лезвием без трещин. Правда, толщина стенок оказалась побольше, чем думалось. При жизни тварь отличалась исключительной толстолобостью... за что и огребла по полной. Ну да ничего, главное, вышли вполне приличные чарочки.

Эх, жаль, Блоссом не пьет. Может, Чухчай исправит ситуацию? От моих манипуляций с фляжкой он, в отличие от санд-шкипера, не отвернулся равнодушно, напротив, уставился на пескозмейные чарочки с удвоенным интересом. В таком случае ему и посуду держать.

Бородач принял костяные полудыньки в объемистые ладони с полным пониманием. А когда я плеснул из винной фляги семидесятипятиградусного джина с можжевеловыми ягодками — на треть для начала, — растянул губы в весьма одобрительной улыбке. Но когда я, отложив флягу, потянулся за своей порцией, он передал мне обе чарки. В ответ на мой удивленный взгляд Чухчай вытащил из-за пояса свою флягу из цельной шкуры радужной пескорыбы, с хвостом и плавниками, и долил в посуду темно-янтарного напитка с запахом фиников. Порции разом удвоились. Ничего себе начало получается...

А, ладно, застолье того стоит! Решительно махнув чаркой небу и земле, я опрокинул ее. Оxx... По крепости пустынная ракия не уступала джину, но пахла сильнее, перебивая в смеси можжевеловый дух. Зато вкус и мягкость коктейля «караван-ангар» остались от джина.

Чухчаю результат тоже весьма понравился. Так я решил оттого, что мы, не сговариваясь, вновь потянулись за фляжками сразу же, как заглотили по куску обжигающего вкусом и жаром змеиного шашлыка, после выпитой чарки сразу ставшего всего лишь приятно-горячим и пикантно-острым.

Тут любопытства не сдержали уже мои женушки и Пемси, которая при всей инфантильности облика в искусстве выпивки не уступала мне самому. Мы с бородачом завозились с посудой, отмеряя бульки в протянутые пиалы. Потихоньку к раздаче подтянулись обе команды, и рыбари, и гоблинихи, всегда готовые «клюкнуть». Хорошо, что фляги меньше трех пинт в пустыне не водятся — хватило всем, еще и с треть осталось...

Только пристроив баклагу на пояс, я заметил, что в суете перепутал и ухватил Чухчаеву. Тот тоже застыл на мгнове-

ние, затем улыбнулся и повесил на пояс мою флягу. Полмачты, отчего-то настороженно вскинувшийся, обнаружив нечаянный обмен, успокоенно опустился обратно на ковер. Поднимая чарки, обе команды радостно взревели — рыбари басовито, гоблинихи повизгливее. Единым махом все опрокинули напиток в глотки и молча накинулись на горячую закусь. Некоторые, впрочем, с покашливанием и растиранием горла. Изрядная смесь получилась, надо будет запомнить рецепт.

После такого глинтвейн уже пошел, как вода, без меры. Что на вкус, что по действию — никакого сравнения с «караван-ангаром». Последствия сего в виде понятных любому позывов не заставили себя ждать. А уж покуда до выхода шел, раскланиваясь со всеми, поднимавшими чарку в мою честь, зов природы совсем ясно обозначился...

Недолго думая, я отправился в поисках укромного местечка прямиком за край караван-ангара, подальше от колодца и спальных мест. В барханы ночью уйти себе дороже — враз потеряешься. Да и днем тоже, невелика разница. И ни мачты наших буеров по ту, ни шесты по эту сторону здания не помогут. Это не ровная, как стол, каменистая пустыня, а форменный песчаный прибой. За парой гребней и Храм Победивших, пожалуй, уже не разглядеть. Весь день вверх-вниз по наветренным склонам проскользили. Хорошо, что Донна оказалась таким классным штурманом — ни разу в лощину не скатились и с гребня не сорвались, и то Толкача укачало. Лучше бы тоже не у всех на виду.

Завернув за угол, за невысокий ветроотбойник, я даже замер на секунду. Вот оно в чем дело: за строением маячили не удилища, а все-таки мачты. Рядком чуть наискось у задней стены выстроились удивительные транспортные средства. Вроде бы тоже пескобуера, только малые, на одного-двоих в норме, хотя при случае и больше унесут. От Блоссомовых фрахтовиков совсем наотличку — всего лишь двухколесные. Переднее колесище под бушпритом, фута в четыре, с дугами внутренних рессор у широкого обода, сидит на поворотной вилке, как у самоката, только вилка та наклонена почти на треть отвеса к горизонту. Круг поворота, небось, добрых три десятка ярдов! Впрочем, под ветром ходить — больше и не надо. Это не на детском самокате под уклон городской улицы лететь, особая верткость ни к чему. Гик быстрей не перело-

жишь, опрокинет. От него и так шкоты к рогам руля выведены через хитрую лебедочку с регулировочным колесом, вроде триммера, чтобы галсы выгадывать при свободных руках.

Удобно, конечно. Хотя к чему, и так машины устойчивые: вместо заднего колеса бочонок, окованный стальными обручами. Перед тем бочонком еще и длинная ось упруго загнута вверх балансиром в обе стороны, с шарами-роликами на концах, чтобы в песок при крене не зарыться. Мощные пружины подвески приделаны прямо к багажному коробу за спинкой водительского кресла, под загнутым книзу, за колесо, гиком мачты. В общем, хороша конструкция — ничего лишнего.

Все лишнее хозяева сами потом уже приспособили. Барахла со всех сторон к пескокатам этим было принайтовано до демонской прорвы: мешки, сумки, рюкзаки и прочая тара, от шкатулок до сундуков. Про корзины и говорить нечего — всех калибров и форм. Даже на рога руля какие-то коврики намотаны и кисеты навешаны. Разве что комода с выдвижными ящиками да шляпной коробки не хватает до полной бредовости.

Самоходная ярмарка, одно слово.

За спиной торопливо захрустел песок. Не так, чтобы с опаской вскидываться, а суетливо и поспешно, совершенно безалаберно. Сразу видно, что еще кого-то из парней нужда наподобие моей прихватила, только куда как крепче. Женщина бы за другую стену пошла...

Лишь бы не Рона Толкача Судьба пригнала! Вот уж с кем на одном поле не садись, да и стоя дел не справляй...

Обошлось. Блоссом это оказался, по негласному мужскому уговору вставший чуть в сторонке, но словно в одном ряду со мной. Как раз у крайнего пескоката.

— Колесо соседское почтить надо, по обычаю, — ухмыльнулся санд-шкипер. — Ребята сейчас как раз у буеров отмечаются...

Я лишь кивнул, возясь с пуговицами. Отчего бы не почтить, если обычай требует... в полном согласии с организмом. Почтил...

Заодно и «доставшийся» мне пескокат рассмотрел поподробнее. Наособицу экземпляр: вместо заднего колеса-бочонка — бронзовый дутый баллон от полевого алхимкомплекса, а балансир прямо сквозь его осевую трубу идет. Мачта вмес-

те с багажным коробом слегка завалены назад, под наклон спинки сиденья, гик и бушприт изогнуты сильней, чем у прочих. Управление парусами ножное, а тормоз, напротив, ручной. Ну да у него и руль из натуральных рогов меканского болотного буйвола в пару ярдов размахом. Как только завезли такую экзотику сюда, в глушь песчаную!

— Это чей же такой? – поинтересовался я. Хотя и так ясно. Не иначе того стеснительного бородача в синеполосной фуфайке, к чьему молчанию остальные «перекати-пустыню» прислушиваются чутче, чем к иному окрику.

— «Бромлей-Торвальдсон», из их мастерских в Гериссе, — по-своему понял мой вопрос Блоссом. — Вторая модель. Классическая...

Сделав вид, что удовлетворен этим ответом, я кивнул. Но Полмачты не успокоился, продолжая живописать экзотическое средство передвижения:

— Да еще специального тюнинга, один риэр-ролл чего стоит! И балансирные роллеры дынькой, опора больше в три раза. Чистейший образец стиля, сам не отказался бы, если б мог себе позволить!

На мой взгляд, «образец стиля» являл собой такую же самоходную барахолку, как и прочие, разве что с претензией. Любовно декорирован всяким хламом и фенечками в духе «песчаной крысы». То ли дело покинутый мной в гараже замка флайбот — ухожен, чист, любовно вылизан до последнего шурупчика! Но на стихию и цвет товарища нет, это я уже давно затвердил. Поглядел бы на нас с санд-шкипером сейчас какой-нибудь любитель лодок, хуже того, яхт океанских — только скривился бы да плюнул презрительно. А ведь и такие найдутся, причем как раз в Хисахе. Придется и с ними как-то общий язык находить...

Меж тем поток славословий санд-шкипера в адрес чуда пескобродной техники иссяк, равно как и иные струи. Застегнув штаны и с полминуты помявшись в нерешительности, Блоссом тихонько, будто нехотя, буркнул:

— Это ты, командир, славно придумал — Чухчая к очагу позвать. А с флягой вообще замечательно вышло. И не думал, что так получится. У нас ведь как говорят: «Клятвы клятвами, а фляжки-то врозь». Теперь вы с ним вроде побратались крепче, чем на Высоком Соклятии...

Причин его тихого восторга я спьяну так и не понял. Конечно, в пустыне никакой обет лишним не будет, любая подмога при случае пригодится. Да и просто парень симпатичный, Чухчай этот. Неброский, но видно, что надежный, слова лишнего не скажет и для себя ничего не попросит, а за своих стоять будет до последнего. Впрочем, сегодня у нас с ним все тихо-мирно обошлось, что не могло не радовать. И дальнейших сюрпризов тоже вроде ничто не предвещало.

Когда мы с санд-шкипером вернулись под крышу, попойка уже шла на убыль, а кое-кто начал укладываться на ночь.

Мое семейство за время отсутствия мужа и повелителя тоже разложило спальные принадлежности — Хирра под стеночкой, Келла чуть поодаль, оставив мне место между собой и старшей подругой. От холодка пустынной ночи все трое уже забрались под одеяла, причем хитрюга Пемси устроилась аккурат между своей атаманшей и жаровней. И то хорошо — хоть ко мне под бок не полезет, как в прошлую ночевку...

Сей мыслью день как-то неожиданно завершился.

Наутро, по счастью, дело обошлось без головной боли. Качество вчерашней выпивки не предполагало, равно как и количество закуси. Плюс бурдючок с водой, заботливо припрятанный Хиррой в изголовье на предмет возможного сушняка. Разве что глаза продирать совсем не хотелось. Хотя пескобороды, похоже, отделались и того легче, если судить по негромкому гомону снаружи караван-ангара. Уже в дорогу собираются, ранние дракошки...

Гоблинихи тоже вовсю суетились в наклонных полосах утреннего солнца, падающих сквозь узкие окна-бойницы — прибирали к отбытию утварь и часть багажа, затащенную с вечера внутрь. Шестигранные столики уже сложили, тюки и подушки унесли, теперь скатывали ковры. Завтрак, по всему видать, предполагался сухим пайком.

Оно и верно — к чему зря тратить время, утренний муссон терять. Сушеных фиников с твердым вином, разведенным до едва заметной розовой кислинки, и на борту пескобуера погрызть можно. Под свежий ветерок и не набравшее полуденной злости солнышко — как хорошо!

Вдохновленный такой перспективой, я не стал мешкать с умыванием и прочими утренними делами. Обогнал даже жен

с компаньонкой, блаженно-неторопливо разлеплявших глазоньки после вчерашнего.

Выстуженная ночным холодом вода быстро и окончательно привела в чувство, добавив бодрости сообразно времени дня. Лезть обратно под крышу не хотелось, стоять на месте — тоже. Так что, посетив уже привычную стоянку пескокатов и перездоровавшись со всеми рыбарями, я продолжил экскурсию вокруг обширного строения.

Низкие заборчики-ветроотбойники, открытые загончики и пристройки непонятного назначения делали караван-ангар поистине необъятным. Не большой дом — маленький город, лишь с первого взгляда беззащитно открытый пустыне. Все постройки сложены на совесть, стену тоньше ярда не встретишь. Даже за простеньким ветроотбойником можно спокойно отлежаться под очередью малокалиберных файрболов. Двухфунтовый его уже развалит, зато центральное строение, пожалуй, выдержит и двадцатипятифунтовик из самоходной аркбаллисты «Архижрец». Планировочка тоже удачная. Если расставить на угловых площадках по ферробалисте, хотя бы шестифунтовой пехотной, держи оборону против полка любого рода войск, кроме Заклятых Рейнджеров. Да и тех с роту, пожалуй, на полдня остановит. К тому же водные хляби им куда привычнее, чем песчаное море...

Носком рейнджерского ботинка с высоким берцем я разгреб песок и камешки на самой удобной для стационарного метателя позиции. И ничуть не удивился, обнаружив заботливо заткнутые деревянными пробками шпуры для фиксаторов треноги катапульты. Похоже, весь необходимый комплект метателей схоронен где-то поблизости. Не прикопан, конечно — в камень скального выхода без хорошего заклятия не зароешься. И не в песок спрятан — в него что канет, уже не сыщешь... Хотя, если на доброй цепи спустить да между отрогами какими-нибудь, дюнный прибой не унесет. Только зачем возиться, когда в пустотах массивной кладки можно по частям спрятать все, что хочешь. Хоть разобранный пескобуер. Наверняка он тут тоже имеется, помимо бесчисленных тайников для контрабанды и «почтовых ящиков» песчаных купцов...

Рассуждать о тайнах и славе пустынного приюта я мог бы еще изрядное время, но тут от главного дворика подошли

Донна с Лайлой — стеснительно, но в то же время гордо. Певчая гобличиха сцепила руки за спиной, хозяйственная что-то прятала под фартуком. И с чего начать, явно не знали обе.

— Ну что там у вас? — попытался я облегчить задачу зеленявкам.

— Вот, — выпростала лапы из-под фартука Донна. — Положено добытчику. Как главный трофей, значит...

Ну-ка, что за рукоделье? В узловатых зеленых пальчиках гоблинихи шуршала и потрескивала снизка тупых массивных треугольников буроватой кости, просверленных простеньким дыробойным заклятием и собранных на прочный шнурок вперемежку с лазуритовыми бусинами такой же грубой выделки. Зубы пескозмея, а синий камень — знак того, что в воде добыт. Трофей из песка, как я понимаю, был бы яшмой обозначен.

Знатная бижутерия. Законный документ, подтверждающий эту невероятную охотничью историю. Рассказали бы — не поверил, что пустынную тварь на гарпун в колодце можно взять, да еще с «каучуковой лианой»! Проще представить себе охоту на крикуна через каминную трубу. Из ферробаллисты какой-нибудь огнебойной...

— А я таки песнь сложила, — вступила Лайла. — О славной тебе охоте, даже пире и вовсе братании! Ее вам сейчас будет спеть или совсем потом, для уже разом всех?

Мысленно представив себе образец поэтического творчества простодушной гоблинихи, я с трудом удержался от желания схватиться за голову. И не сразу сообразил, как пресечь исполнение, не обидев зеленявку:

— Спасибо за труд, девочки. Особо тебе, Донна. — Та забормотала было что-то вроде «чего уж, все старались...», но я продолжал гнуть свое: — И тебе, Лайла, спасибо наособицу. Молодец! Только не время сейчас для песен, собираться пора, пока ветер не упал!

— И то верно, — как мне показалось, тоже с некоторым облегчением подхватила старшая зеленявка. — Пошли, Ля, дел невпроворот. Будет еще случай спеть.

И споро утащила под локоток порывавшуюся оглянуться и бросавшую на меня просительные взгляды первую и единственную гоблинскую стихосказительницу. Похоже, не я один критически настроен относительно ее талантов. Но берегут

не только свои уши, но и ее душу — впрямую никто не выскажется. Разве что Сигурни могла бы. Только ей все эти саги просто по фигу, в силу врожденной глухоты к искусству и глубочайшей конкретности мышления. Во всяком случае, мне представлялось именно так.

Однако шума, гама и неразберихи вокруг хватало и без исполнения эпосов зеленокожего народа. Отбытие рыбарей, выводивших пескокаты из-за караван-ангара под ветер и ставящих паруса, пропустить было попросту невозможно. Хлопала под утренним бризом ткань, метались по гребням дюн тени, скрипели снасти и колеса, глухой перестук тормозов отмечал рывки и подвижки двухколесных буеров, занимающих места в строю.

Наконец все выстроились вслед за «классической моделью» предводителя. Сам Чухчай вывел пескокат на стартовую позицию раньше всех и теперь флегматично поджидал суетящихся парней в фуфайках. Спокойствие его нарушило лишь мое появление.

Блоссом, его гоблинихи и мое семейство как раз подтянулись с обратной стороны строения — проводить нежданных, но очень уместных соседей по ночлегу и соратников в охоте на пескозмея. Так что прощания, почитай, никто не пропустил, кроме Рона Толкача. Купчика с утра видно не было — забился в какую-то щель и носа не казал.

Ну и демоны с ним, с малахольным. В сторожа трусоватому парню никто из нас не нанимался.

Чухчай меж тем лениво спустил ноги с руля, встал и, порывшись в бардачке под сиденьем, извлек флягу порядочных размеров. О содержимом ее и гадать было нечего — ракия! Причем количество печатей и заботливость упаковки явно не предполагали немедленного употребления. Подарок...

Я деловито оглянулся на своих в поисках совета насчет ответного дара. Умница Хирра с готовностью протянула развернутый алый шелковый платок с двумя чарками из мозговой капсулы пескозмея. Как заранее знала, ей-боги!

Процедуру обмена подарками мы с предводителем рыбарей произвели со всем возможным уважением, молча, под почтительный гомон бородачей и зеленявок. Отступили на шаг каждый, поудобнее прибирая обретенные сокровища...

И в один голос рассмеялись.

— Получается, ты теперь при выпивке, а я при посуде! — жизнерадостно хохотнул Чухчай. — Ни мне, ни тебе не попользоваться!

— Это ненадолго! — в тон ему ухмыльнулся я. — Чую, такие парни, как мы с тобой, без недостающего долго не останутся!

— Ага! — мотнул головой бородач. — В точку!!!

Мы оба заржали и обнялись напоследок, что есть силы хлопая друг друга по спинам. Прочие тоже зашумели в голос, размахивая руками и желая друг другу удачи в пути. Даже моих эльфочек зацепило общим настроем — сдержанная Хирра заулыбалась, а и без того буйная Келла начала бесноваться пуще гоблиних. Пемси в подражание своей атаманше откалывала те же коленца, да еще и подпрыгивала...

Впрочем, расставание после таких восторгов прошло на удивление легко и быстро. Чухчай уселся в кресло своего «Бромлей-Торвальдсена», махнул рукой, и вся его команда разом привела паруса к ветру. Заскрипел песок под колесами и катками, пескокаты тронулись с места и пошли, вначале медленно и нестройно, затем все быстрей и быстрей, набирая ход. Паруса ровно загудели, разгоняя двухколесные буера, и вскоре те уже запрыгали по гребням неблизких дюн.

Все потихоньку успокаивались, шумно обсуждая случившееся. Разве что Блоссом до сих пор вел себя на удивление осторожно. Лишь когда мачта последнего из пескокатов скрылась в мареве над быстро нагреваемыми солнцем барханами, санд-шкипер прервал нетипичное для него молчание и тихонько изрек, подводя черту под ночевкой в компании приятных парней и их застенчивого предводителя:

— На тебя, командир, не иначе Судьба в кости ставила. Редко так выходит, чтобы с Капитаном Пустыни при своих разойтись. А чтобы обетом с ним заручиться — так вовсе небывалое дело. У нас, природных пескобродов, с ним свой зарок на кровь, воду и ветер. Но чтобы фляжками поменяться с самим...

До меня с некоторым запозданием дошло. Как «каучуковой лианой» в нос с оттяжкой. Лишь головой покрутить оставалось, проверяя, все ли в ней на местах. И все равно не помогло — только звону больше стало. Страхи Джоггера, только теперь опасливо показавшегося из неведомого укрытия, стали понятны, но уважения к нему не прибавили.

После такого наше собственное отбытие как-то пролете-

ло мимо меня. И столь давно предвкушаемый завтрак — тоже. Даже вкус фиников, разведенного вина и копченого алтайского сыра, заплетенного в затейливые жгуты, толком не разобрал. Только к полудню очухался более-менее, как раз к очередному знаку на пути, совершаемом нами в песках.

Солнце уже лупило со всей дури, не оставляя и клочка тени от парусов. Впору снова очки темные надевать или там щелевые с дырчатыми, вроде горных. А то и сон добирать под навесом. Все одно ничего нового в череде бесконечных дюн не разглядишь...

Если бы!

Над барханами мелькнуло что-то черное, вроде скрюченной головни. Еще одно, еще... Под углом к гребню выстроился, проступая из бархана, как из приливной волны, ряд шестов, к которым были привязаны иссохшие сморщенные трупы. Уже мумии, не тела. У многих песок состругал плоть с костей, открыв оскалы черепов и клети ребер.

На наших буерах все притихли. Опасения и полунамеки на опасности пустыни, нагнетавшиеся последние дни, наконец обрели зримый облик в виде без малого двух дюжин мертвецов, когда-то оставленных врытыми в песок по шею на обломках мачт своих пескобуеров.

— Кто это их? — озвучил я общий вопрос, добавив запоздало: — И кто сами были?

— А, непонятные люди, — широко махнул рукой Полмачты. — Сели на караван-ангаре, решили водяной налог брать. Половиной товара, а то и кровью, чуть что не по ним. Капитан Пустыни их и урыл, чтоб неповадно было.

Вот так застенчивый симпатяга Чухчай и его девятка роллеров! Прямо-таки восемнадцать колес справедливости...

Следующая ночевка не была богата событиями. Даже пескорыбу на ужин не ловили, обойдясь подвяленной вырезкой предыдущей добычи. В сравнении с парой прошлых дней истекших суток как не было. Одна пустота... Именно ее, а вовсе не песка или ветра, больше всего в пустыне...

Впрочем, на отсутствие последних следующим утром жаловаться не пришлось. У самой прибрежной части пустыни разница в скорости прогрева песка и камня при смене времен

дня вызывала особо свирепые порывы шквала. Даже вихри временами закручивались.

То и дело приходилось жмуриться и отворачиваться от летящей прямо в глаза пыли. Рты все уже давно затянули кисеей, а для очков пока рановато казалось. Все одно через полчаса-час ветер стихнет, выровняется. Это пока он заигрался с редкой для здешних мест забавой — парусами трех пескобуеров и одеждой их экипажа и пассажиров. Других-то игрушек, кроме пыли, песка и мелких камешков, обычно где сыскать?

Внезапно шквал опрокинул и смел эти мои мысли так же легко, как куст шар-травы. Налетевший порыв ветра бросил в лицо не песок — что-то шелковистое и длинное скользнуло по щеке и виску, словно погладило мягким кончиком затейливо заплетенной косы.

С запозданием я повернул голову вслед, пытаясь проследить полет источника странных ощущений — только для того, чтобы увидеть, как золотистый гибкий блик оплетает голову Пемси, высунувшейся со своего места на пескобуере. Рефлекторно дернулся, ожидая недоброго от дара песков. Но все обошлось — девчонка уже распутывала длинную, шитую золотом ленту бирюзового шелка с легкими кистями на концах, пришедшую с ветром из сердца Девственной Пустыни.

Словно по команде, караван встал. Со своего буера соскочил Блоссом, следом Хирра с Келлой, ехавшие сегодня вместе. Последним подтянулся Рональд, едва волоча ноги. Песчаная болезнь песчаной болезнью, а на золото у него чутье безошибочное. Тем временем Памела растянула нечаянную находку в руках почти на весь размах, только кисти вились по ветру.

— Откуда такая? — Мне добираться было ближе всех, и первый вопрос остался за мной.

— Пустыня знает, — пожал плечами Полмачты. — Знатная вещица...

— Узор Хтангской династии, — тоном знатока вступила моя высокородная. — Оригинальное плетение, приборные цвета Священного Воинства.

— Это что значит? — жадно встрял Рон Толкач. — Во сколько встанет?

— То значит, что вещице самое малое три тысячи лет, — авторитетно-снисходительно преподнесла ответ Келла. — Под заклятием нетления она до Мировой Погибели не истреплется.

— Ну так, а в звонкой монете? — продолжал настаивать купчик.

— В чужом кармане не считай! — опомнилась наконец унтер-бандерша, огрызнувшись в своей привычной манере. — Сам свою Судьбу лови!!!

Видно было, что подарок ветра пустыни полностью покорил ее. Предполагаемая давность вещи изрядно польстила пышечке, чья жизнь до встречи с моей древнейшей ничем не отличалась от века поденки. Ни наполненностью настоящими делами и предметами, ни предполагаемой продолжительностью. Что-то я не припомню удачно устроенных в жизни «выпускниц» подростковых женских банд...

Стянув шаль с головы, Пемси повязала волосы бирюзово-золотой тесьмой. На мой взгляд, это был скорее поясок или зарукавная лента, но новой хозяйке виднее. В конце концов, эльфийскому рыцарю легендарных времен, которому вещица принадлежала прежде, нынешняя владелица приходилась немногим выше пояса или запястья, так что привычная высота ношения повязки не слишком изменилась.

Рональд Джоггер Ас-Саби меж тем, как оказалось, внял совету и нелепо прыгал на гребне бархана, размахивая в воздухе скрюченными пальцами обеих рук. Ловил свою удачу, покуда ветер не переменился.

И что интересно, поймал-таки! Возникший ниоткуда темный лоскут смачно впечатался ему в физиономию. Но этот дар пустыни расползся под алчными ладонями поставщика двора Его Великолепия прежде, чем тот сумел распознать, что же именно принес ему ветер. Только темные полосы от пальцев остались на лбу и щеках. Вот и гадай теперь, какую судьбу выловил он себе и откуда пришел знак.

Хотя последнее и так ясно.

Когда-то тысяча рыцарей Священного Воинства Хтангской династии отправилась на Хисах через Девственную Пустыню, испытать Судьбу военным походом.

Судьба дала им недвусмысленный ответ — ни один не вышел из песков, чтобы рассказать о том, какое орудие было избрано ею для возвещения своей воли. А ветер тысячелетие за тысячелетием выносит частицы их снаряжения и праха, бросая в лица путникам. Словно напоминание о том, что не следует излишне дерзко искушать свою удачу. Или как

аванс этой самой удачи: от одного убыло — к другому прибыло.

Надеюсь, к Пемси применим второй случай. А для Рона Толкача и первый сошел бы, хоть и нехорошо желать недоброго человеку, вся вина которого — непроходимые жадность и самодовольство.

Кому что достанется, все едино не нам решать. От каждого зависит лишь, как ответить на выпавшее — достойно, недостойно, со всем вниманием или небрежно. Принять чужой выбор или воспротивиться, как поется в самом известном монологе Принца Хисахского...

Никогда бы не подумал, что эти затрепанные по балаганам слова совсем иначе окажут себя на краю Девственной Пустыни, где они и родились. Тем более применительно к реальным людям, а не к искусно раскрашенным актеркам, представляющим магов, воителей и красавиц древности, богов и стихии...

Последние как раз приутихли — утро уступило свои права дню, и солнце поровну раскалило песок глубокой пустыни и камень недалекого плато. Дожидаться нечего, ничто более не удерживает от движения навстречу судьбе. Так что, оставив поиски своей доли, мы снова пустились в путь.

Вот ведь как на балаганный манер мысли перевело! Сам заговорил не хуже Халеда на сцене. Хорошо хоть не вслух. То-то позора было бы, на всю жизнь, сколько бы столетий ни отмерили Зерна Истины. И так по сторонам оглянулся воровато, словно вправду сболтнул...

Если б не эта неловкость, я мог бы и не увидеть того, что случилось в тот же миг. Судьба слишком быстро и неожиданно показала, что богата не только на предупреждения да знаки. Всего в какой-то паре кабельтовых от границы песка и надежного камня!

Совершенно внезапно один из пескобуеров подпрыгнул на пяток ярдов, а обратно опустился, уже разваливаясь на части. Сольвейг, Милли и Фанни порскнули в стороны от груды обломков, их пассажир, Рон, выбирался дольше. Наши буера резко разошлись в стороны, обходя место крушения. Оси скрипели, мачты вело в опасном крене. Глубокие колеи описали дуги вокруг бархана, оказавшегося столь ненадежным.

Уцелевшие два буера, едва не столкнувшись, сгрудились

за разбитым, чтобы подобрать экипаж. О грузе пока речь не шла, сначала надо выяснить, в чем дело.

Полмачты соскочил на песок, вглядываясь в барханы вокруг останков катастрофы. При этом в руках у него был здоровенный гарпун — раза в полтора больше того, что я использовал в колодце караван-ангара. Похоже, опять охота намечается. Спрыгнув с борта следом за санд-шкипером, я уставился на песок.

Вовремя. Прямо по прежнему курсу каравана, теперь уже за кормой, в песке мелькнул серый шипастый гребень, не уступающий в размерах среднему бархану. Для пескозмея великоват, да и не в тон совсем. Неужели...

— Это же песчаная акула! — завопил я с непонятной радостью и повернулся к Блоссому в поисках подтверждения.

— Не иначе, — ошарашенно кивнул тот, а на мой удивленный взгляд пояснил: — Что я, видел ее когда, что ли?

В голосе его не было ни малейшего оттенка стыда, как будто не он до дыр протер нам уши историей про эту самую зверюгу. Ну да сейчас не до старых историй. В ближайшее время мы обзаведемся собственным вариантом рассказа о песчаной акуле. Желательно бы со счастливым финалом. Чтоб осталось, кому рассказывать...

Разворачиваясь для новой атаки, тварь выпросталась из песка во весь размах. Даже пролетела немного над впадиной между барханами, изгибаясь в прыжке, как обычная пескорыба.

Что я там думал, будто мачта пескоката в качестве ловчей снасти на песчаную акулу велика окажется? Для нее и шпиль Храма Победивших Богов маловат будет. Потому что никакая она не акула, а самый натуральный дракон, просто без лап, крыльев и иных поверхностных излишеств. Зато в бронированной шкуре с жесткими гребнями и шипами по всей поверхности. Не иначе Повелитель Неба удостоил вниманием особо игривую пескозмейку — вот и результат. Легенда Девственной Пустыни въяве, на все двадцать ярдов длины и невесть сколько длинных тонн веса. И кто на кого тут будет охотиться, еще вопрос...

Гоблинихи бешено заметались по снастям, растаскивая в стороны уцелевшие буера. Мы все навалились на корму того, который встал против ветра на крутом склоне, стремясь вытолкать его за вершину. Только Джоггер, нелепо размахивая

руками, побежал куда-то в сторону центра пустыни, прочь от спасительных каменистых равнин.

— Вернись, кретин! — проорал ему я, отрываясь от пошедшего наконец под уклон песчаного судна. — Сожрет ведь!!!

Но тот уже ничего не слышал — не столько со страха, сколько из-за шума песка, рассекаемого чудовищем. Плюнув, я рванул за ним, увязая в развороченных барханах. Расстояние между нами сокращалось слишком медленно. Куда быстрее настигала беглеца тварь, волнообразно стелющаяся в песчаных бурунах.

— Стой! Стой, идиот!! Остановись!!!

Новая попытка достучаться до обезумевшего купчика оказалась столь же удачной, сколь несвоевременной. Рональд услышал, обернулся — и тут же замер как вкопанный, завороженно уставившись на неотвратимо приближающуюся песчаную акулу. Та будто текла, мелко вибрируя при погружении в песок и упруго раздвигая его литой округлой тушей. В дюжине футов от намеченной добычи тварь затормозила, растекшись по склону бархана, и подняла голову для атаки.

Пасть раскрылась, выпуская наружу сильно вытянутые вперед, словно щипцы, полукружья зубов на мясистой трубе из плоти. Выдвижная глотка разом вдвое сократила расстояние до лакомого кусочка, и это было еще не все. Между распахнутыми хрящеватыми фальшчелюстями выметнулся мускулистый и длинный, как у попингуя, язык. Только в отличие от охотничьей снасти сравнительно безопасной твари джунглей, этот на конце был снабжен не хватательной подушечкой, а богатым набором крючковатых когтезубов. Каждый в пять дюймов размером, не меньше.

Волна оглушительной вони из этой сложносочиненной пасти докатилась даже до меня. Похоже, песчаную акулу, в отличие от пескозмея, не едят. Если судить по запаху...

Рон Толкач так и не пошевелился, когда язык песчаной акулы обвился ему вокруг шеи. А когда охотничья снасть твари ленивым движением сорвала его голову с плеч, и вовсе уже ничего не мог поделать. Безголовое туловище стояло, пошатываясь, пока ритмично выстреливаемая вперед выдвижная глотка зверюги отхватывала кусок за куском. На каких-то пять глотков пошел купец-зверюге, лишь сапоги остались стоять. Один, правда, завалился набок.

Прожорливая тварь и их подобрала цепким языком — аккуратно, по-гурмански, чтобы песка случаем не ухватить. Брезгует, зараза...

А затем в парадном обеде песчаной акулы наступила очередь следующей перемены блюд. То есть моя. Прыжком уйдя в склон бархана, тяжелая туша в секунды преодолела разделяющее нас расстояние и вынырнула из песка прямо передо мной, на привычной ей охотничьей дистанции. Ну здесь легкой холодной закуски ей не дождаться!

Чисто автоматически я залпом разрядил стволы стреломета в пасть твари. Отдачей руку чуть из плеча не выбило. Да впустую — половина стрел срикошетила от зубов и бляшек панциря, а оставшиеся засели в мясистой трубе выдвижной глотки, не причинив зримого вреда. Только раззадорили зверюгу еще сильнее, не задержав и на секунду.

Безнадежно, зная, что впустую, я зашарил рукой на привычном месте у пояса в поисках огневой снасти. Но файрбола, как назло, в подсумке не оказалось. Вот тебе и поездка в Хисах, мирное добрососедское государство. На обратном пути прихвачу с собой двухфунтовую многорогую аркбаллисту с отсечкой очереди по три. Если он будет, путь этот...

Кто-то подкатился сзади мне под колени, сбивая с ног. Вовремя — зубищи песчаной акулы клацнули, сомкнувшись на том самом месте, где только что была моя башка. Бронированная труба головы наползла на выдвижную глотку, готовясь выбросить ее в новой атаке.

Нежданный спаситель завозился подо мной, отпихивая в сторону. Пемси! Вот так сюрприз!!!

Освободившись, пышечка в упор наставила свой кургузый стреломет на снова разверзшуюся смрадную пасть и клацающий когтезубами, змеящийся язык. Тщетно. Даже будь у нее надсеченные иглы, которые перед отправлением я сам велел ей выкинуть на краю пустыни. Песчаной акуле все едино, что болт, что иглы, расходящиеся в плоти стальными щепками. Файрбол бы, хоть полуфунтовый...

О существовании еще одного боеприпаса, популярного в бескрайних песках и излюбленного той же Сигурни, я как-то позабыл — и очень зря. Как и про то, что Памела давно нашла общий язык с хозяйственными и боевитыми гоблинихами.

Четыре огневых сардельки впечатались в основание языка зверюги, шкворча оранжевым фосфорным пламенем. Легли, как нарочно, руной уничтожения.

От неожиданности и резкой боли тварь рефлекторно сглотнула, втянув выдвижную глотку вглубь, в самую свою сердцевину. Ох, лучше бы она этого не делала! Для нее самой, конечно, не для нас. Особенно не для меня. Поскольку после этой нехитрой операции именно ко мне песчаная акула и потеряла интерес сразу и бесповоротно. Равно как ко всему прочему, кроме песка, в который она незамедлительно ввинтилась, попутно заглотив полбархана.

Не помогло. Обожженная зверюга так металась под поверхностью, что казалось, верхушки дюн заплясали вокруг сгрудившихся пескобуеров. То здесь, то там между барханов прорывались извергаемые ею клубы густого смрадного дыма — и все чаще с лоскутами трескучего, как от масляной лампы, желтого пламени. Похоже, упитанность твари, помогающая перетекать под песком, разжимая и разрывая любые преграды, сыграла с ней злую шутку. Весь этот жир теперь кипел и разгорался, превращая песчаную акулу в подобие ползучей зажигательной бомбы!

Не закончить бы нам всем с ней так, как тому полковнику в истории с кротами и файрбол-фогом. Шансы уже довольно высоки. Как раз сюда заворачивает, вконец обезумев от боли...

Подброшенные вверх пескобуера промели мачтами небо. Ощутимо тряхнуло даже стоявших поодаль, а тех, под кем пронеслась зверюга, попросту раскидало, занеся песком по пояс. Борозда следа, проступившего на поверхности, источала струи донельзя вонючего дыма, завивавшегося в спирали, прежде чем рассеяться.

Уносясь от нас к востоку, стране погибели и забвения, песчаная акула успела проделать еще ярдов сто пути, когда огненные клубы над ней вырвались одновременно из нескольких мест. Движущаяся гряда внезапно остановилась, лениво дымя. Долгие мгновения ничего не происходило... до того самого мига, когда почти сотня футов песка взметнулась, вздыбленная огненным валом. Грохот прокатился, приминая верхушки барханов, тряхнуло еще раз, хотя и послабее, чем при проходе прямо под нами...

И все стихло. Пламя опало, в ушах, изрядно травмированных предшествующей свистопляской, отдавался лишь шорох ветра, играющего снастями двух уцелевших буеров. Казалось, что запах жирной гари ему не унести никогда. Все потихоньку отходили, поднимаясь с песка и отряхиваясь.

Гоблинихи, похватав лопатки и заступы, тут же рванули к еще дымящемуся рву — зубы откапывать, главный трофей нечаянной охоты. Ох, чую, под тяжестью этого ожерелья Памела с места не сдвинется. Насколько помнится, зубов там было немерено. Или это у моего страха глаза велики? Да нет, и вправду всем зубам зубы, пусть и без челюстей. Зато на языке их тоже в достатке...

На полпути орава зеленявок разбилась по три — к каждому краю канавы, для надежности. С какой-нибудь из сторон да нароют добычу. Вот только где же еще одна? Вроде бы песчаной акуле не подворачивалась. Или та гоблиниху походя в песок втерла, даже не заметив?

Поискав взглядом седьмую, я обнаружил ее утешающей Блоссома. Тот сел, где стоял, и уткнулся лбом в кулаки, переживая неудачу в главной охоте всей жизни. Как же, легенду на гарпун взяли! Точнее, на кургузый дамско-бандитский стрелометик. И кто!!!

Меня, в отличие от него, добила кандидатура утешительницы. Нет, не обстоятельная Донна или спокойная Милли. Даже не Лайла. Неумело, но трогательно придерживала своего шефа за трясущееся плечо Сигурни, обычно отличающаяся прямотой и чувствительностью железной мостовой балки. А тут ее единственную проняло тем, каково терять мечту, в которую сандшкипер и сам-то не особенно верил, раз не смог убедить нас в ее реальности. Вот так Си... Уж от кого не ожидал!

Похоже, сегодня вообще день сюрпризов. Еще неизвестно, кто или что выкинет следующий фортель. Лишь от одного больше не следует ждать ни неожиданностей, ни ставших вполне привычными пакостей. Рональд Джоггер Ас-Саби умер, как жил — бестолково. И бесповоротно. Хоронить, и то нечего — что не перемолола зубищами хищная тварь, то сгорело в погребальном костре, который прекрасно вышел из самой зверюги, спасибо Пемси.

Небогатая надгробная речь, и не сказать, чтобы добрая. Ну да о мертвых либо правду, либо ничего. Не окажись ун-

тер-бандерша моей древнейшей столь тверда на руку, и по мне сейчас прозвучало бы что-то подобное. Если бы вообще уцелел кто-нибудь, способный помянуть погибших.

Кстати, а где сама виновница торжества разума над животным миром? Точнее, не столько разума, сколько нахальства в смеси с полным бесстрашием. Видно, от полного же непонимания ситуации... худым оно, сообразно комплекции пышечки, просто не могло оказаться. Да и Хирра с Келлой что-то не спешат убедиться в целости и сохранности законного супруга. Куда все подевались?

А, вот они. Вроде бы виднеются за ближним пескобуером. Всем троим не до меня, жив — и ладно. Что ж, справедливо. Меня-то древним золотом, пожалованным ветрами пустыни, только по лицу мазнуло. Вся слава и блеск достанутся забавной блондиночке, в соответствии с выбором самой Судьбы.

Огибая корму фрахтовика, я прищурился против солнца — как-то уже начали чествовать Памелу Акулью Погибель?

Картина и вправду открылась эпическая. Победительницу чудовищ шумно рвало за высоченным колесом. Обе мои жены суетились вокруг нее, придерживая волосы и золотое шитье хтангской головной тесьмы.

Каждому, кто жаждет славы, стоило бы посмотреть...

4
Дары дипломатии

Этот край недвижим, представляя объем валовой
Чугуна и свинца. Обалделой тряхнешь головой,
Вспомнишь прежнюю власть на штыках и казачьих нагайках.
Но садятся орлы, как магнит на железную смесь,
Даже стулья плетеные держатся здесь
На болтах и на гайках...

Крик вахтенной гоблинихи с «вороньего гнезда» мачты разорвал жарко-волокнистое предвечернее марево над каменной равниной Хисаха, словно струя кипятка — горку расходящегося в чае сахара. Казалось, каждый острогранный осколок булыжника отражает и швыряет обратно вопль:

— Море! Море!! Санд-шкипер, море показалось!!!

Впервые с момента охоты на песчаную акулу Блоссом заинтересованно вскинулся. Прочие шесть его зеленокожих подручных едва ли не разом бросились вверх по снастям, угрожая опрокинуть буера. Только рулевые оставались на посту, но и они довольно завозились на своих скамьях у транцев.

Мы, понятно, тоже оживились, сбрасывая сонную одурь дневной пустыни. Море — значит, Хасира, крепость соленой Воды и раскаленного Камня, столица Хисаха. Огражденная двумя пустынями от любого врага, сберегаемая магией дальнего видения от любого вторжения... И защищенная от любого удара с воздуха поистине идиотским законодательством!!!

Скоро нам суждено увидеть могучие стены, высеченные из береговых скал, и увенчанные негасимыми священными огнями минареты-маяки. Если, конечно, Полмачты Блоссом, в последнее время забросивший все дела, не дал промашки в своих штурманских расчетах.

Впрочем, плохо я думал о санд-шкипере. Даже величайшее разочарование жизни не заставило его относиться к своим обязанностям спустя рукава. Пустыня небрежения не терпит, и с презревшими ее закон расправляется скоро и беспристрастно... что и продемонстрировал не столь давно Рональд Джоггер Ас-Саби, поставщик двора Его Султанского Великолепия Мехмет-Али Двенадцатого.

Всего-то два с половиной дня назад, но после плотной череды предшествующих событий эти дни промелькнули, не оставив по себе никакой памяти. На каменистой равнине само время, похоже, свивается в кольцо наподобие мирового землезмея — один день от другого не отличить.

— Право полрумба! Отдать рифы! — подтвердил свой профессионализм Блоссом, приступив к исполнению санд-шкиперских обязанностей. — На борту осмотреться, прибываем!

Да я и сам уже видел, что прибываем. Над серебряными бликами далекой морской глади, расталкивая боками струение раскаленного воздуха, вставали еле заметные дымки над дрожащими прутиками минаретов. Огонь днем не виден, но и без того чуть справа по носу вырисовывалась темная масса городских стен.

Полчаса, не больше, до столицы легендарного принца Халеда, призрачным островом всплывшей из неизвестности на исходе Войны Сил. Три тысячи лет скалам ее стен, выведенным из моря могучим заклятием, три тысячи лет огням, бессменно пылающим над пробитыми в газоносные слои земли колодцами...

Пожалуй, самое время связаться с посольством на предмет организации встречи. Код вызова я еще перед отъездом заклял в раковину дальней связи и сам затвердил наизусть. Да и жен заставил выучить — другой опоры, иного островка своих пусть в дружественной, но все равно чужой стране нет и не будет.

Однако сейчас данный оазис спокойствия и оплот соотечественников не спешил отзываться. Всегда так — когда нужно, хрена с два дождешься этих чиновников!

Раз за разом я колотил по жемчужинкам, набирая код посольства. Самоцвету повторного вызова уже не доверял — мало ли какой сбой мог накопиться при многократных попытках связи. Посольство по-прежнему не отвечало. Стараясь, чтобы мое беспокойство не передалось другим, я потянулся убрать раковину назад в чехол на поясе. Но моя высокородная все равно что-то почуяла.

— Не отзывается? — сочувственно кивнула она на магический приборчик в моих руках.

В ответ я мог лишь неопределенно пожать плечами.

— Не беспокойся, наверное, встречать выехали. В суете не до вызовов. Недолго уже...

Успокаивающим словам старшей жены хотелось верить. Тем более что последнее ее утверждение опровергнуть было невозможно. С каждым мгновением громада городских укреплений вырастала больше и больше, открываясь во всем своем величии.

Стены Хасиры сложены морскими скалами, что вывел магической песней из волн прибоя величайший поэт всех времен Омар Копьетряс по воле своего повелителя и героя всех его творений — принца Халеда. Оттого нет в них ни регулярности, ни симметрии, но есть какая-то дикая красота. Словно не творение разума, а воля самой природы встала на защиту столицы Хисаха, готовая отразить и отбросить прочь любого завоевателя — от холодного и расчетливого хтангского рыцаря до горячего и порывистого ветра пустыни...

Казематы тяжелых метателей и башенки колесных стрелометов прилепились к уступам каменных громад, как прежде гнезда розовых чаек, а из каждой расселины, казалось, уставился смертельным зрачком залповый светосброс. Система оборонительных чар здесь следует естественному рельефу — а стало быть, совершенно непредсказуема...

Хорошо, в общем, строил Принц Хисахский и все его потомки, на совесть. Наскоком не возьмешь, а на идиота, взявшегося тащить по пустыне тяжелый осадный парк, я и смотреть не хочу, чтобы случаем не подхватить дурость, как заразу.

С воздуха и то тяжко было бы развалить такие укрепления при грамотно поставленной ПВО. А учитывая законы страны, любое массовое незапланированное пересечение воздушными кораблями далекой границы по Ветровой Стене будет воспринято как объявление войны. Причем времени на соответствующие выводы у хисахского генштаба будет предостаточно — сеть простеньких амулетов обнаружения надежно перекроет рубежи...

Впрочем, нам ни к чему всерьез разрабатывать планы вторжения в добрососедский Хисах. Сейчас не первые годы после Войны Сил, когда обезумевший от славы и безнаказанности победителя третий уарен Хтангский двинул на Хисах Священное Воинство. Сгинули в песках эльфийские рыцари, сгинул с ними их полководец, и давным-давно вослед пропавшим исчезла самая идея воевать с южным соседом.

А когда в пламени Первой Меканской отпали заанарские вотчины Инорожденных и на месте болотной да степной окраины встала грозная и недобрая Империя Людей — не врагом, союзником стал Хисах. Единственный из всех независимо, по доброй воле, ибо суверенитет и политическая независимость Огрии и поныне чисто номинальны, а уж диковатые альтийские окраины и такой иллюзии самостоятельности не имеют. Что цизальтинский Союз Племен, что трансальтинский Фольксдранг попросту не доросли быть субъектами международного права.

Маневрировать парусами вблизи скальной громады оказалось затруднительно, а на быстроразборном пандусе, ведущем к воротам, поднятым высоко над землей — и вовсе невозможно. Еще один плюс обороноспособности Хасиры и явный минус удобству торговли... если бы не предусмотри-

тельность хисахских биндюжников. У пандуса караванщиков поджидали буксировочные упряжки. На жаре их погонщики лениво потягивали зеленый чай, развалившись под тентом, а сами звери...

Да нет, не звери. На свирепом пустынном солнышке вместо настоящей упряжной животины жарились кадавры среднего класса местного производства, точнее, одни лишь ходовые части их, собранные попарно в жесткие звенья с мощными буксирными крюками. Разумно — живому существу тут никакого терпежа бы не хватило, а при человеке на козлах распознающий и управляющий контуры маготехническому тяглу не нужны. И то, что взяли таких вот, не самых крупных, тоже правильно. Здоровенные, вроде тяжелых штурмовых или осадных, в ворота попросту не протиснутся, да и внутри города, по дороге к складу, едва ли развернутся.

Блоссом, красивым виражом подкатив к самому навесу, принялся рядиться с биндюжниками, сбивая цену за провоз. Возчики оживленно включились в беседу, попутно вываливая на приезжего ворох местных новостей и выспрашивая дальние, из-за Ветровой Стены. Законное дело и для тех, и для других — вволю почесать языки после долгого пути или не менее монотонного ожидания путников. Вот она где, высокая-то дипломатия...

Наконец, спустя не более получаса, ритуал взаимопредставления был закончен, и высокие стороны разошлись по своим делам. Биндюжники — подпрягать своих скакунов к пескобуерам, санд-шкипер — руководить этим процессом, гоняя туда-сюда расторопных гоблиних.

Более-менее завершив сей важный труд, Блоссом напоследок подошел к носу нашего судна, попинал буксирный трос, проверяя на прочность соединение, и как бы между делом прошелся вдоль моего борта пескобуера.

— Неладно у вас в миссии, — негромко, в сторону бросил он. — Посол ваш, говорят, нехорошо умер...

Самые неприятные предчувствия заскребли по сердцу, как змеи лапами по стенкам факирского горшка. Вот и причина молчания раковин дальней связи...

— Если обратно сейчас решите — за полцены повезу, — продолжил санд-шкипер совсем неожиданно. — Мне с вас лишнее брать не резон, не по совести!

— Спасибо, конечно... — Я замялся, пытаясь объяснить, почему не могу воспользоваться столь щедрым предложением. — Только нам обратного пути нет. Да и не так уж все плохо — а то еще со стен пристрелили бы!

Первая фраза внезапно прозвучала куда серьезнее, чем ожидалось. И верно — нет назад дороги, нет обратного пути. С самого начала не было, со стрелы, вонзившейся в спинку кровати в дешевой съемной комнате... А то, что костюмы и декорации раз за разом все дороже и экзотичнее — мундир капитана рейнджеров, замок Властителя, теперь вот Хисах — крайности ставок и сути игры не меняет.

Так что начал я, как получается, не с пустой отговорки — для самого себя, по крайней мере. Зато моя финальная шутка оказалась действенным аргументом уже для Блоссома. Он полминуты обкатывал ответ во рту, словно гальку, которую в пустыне сосут, чтоб не пересыхала глотка, затем сглотнул и сказал только:

— И то верно... Что ж, как знаете, — и двинулся далее, завершать свой обход.

Разделять глубину его опасений отчаянно не хотелось. Почему-то здесь, на грани залитой солнцем пустыни и теплого моря, не получалось верить в разные страхи и заговоры. Но, по крайней мере, поставить жен в известность о сложившейся ситуации стоило безусловно. Вон моя высокородная уже смотрит встревоженно — почуяла что или увязала наши с Блоссомом переговоры и загадочное отсутствие дальней связи.

Так что с объяснениями стоит поторопиться... Хотя о предложении осторожного песчаного лиса я уж лучше моим эльфочкам говорить не буду. Во избежание раздоров в семействе Хирра может с ним и согласиться, а вот Келла, несомненно, будет руками и ногами за приключения, даже там, где их нет в помине и не предвидится.

Медленно разворачиваясь, наш пескобуер въезжал на пандус, ведущий к воротам. Скрип песка под колесами сменился лязгом грунтозацепов о каменные плиты. Для объяснений с семьей остались лишь те минуты, что уйдут на неторопливый подъем к воротам. Тяжело вздохнув, я сказал прямо, без обиняков:

— Посол умер. Теперь мне за него отдуваться. Пока еще замена будет... А скорее всего, придется остаться в этой должности.

На скорую замену при стремлении Концерна Тринадцати держать меня где подальше надеяться нечего. Как-то очень удобно умер посол, словно по сговору с высокородным родственничком. Крепки Инорожденные Дня родственными связями, не хуже, чем банды Дорассветных...

— Ничего, справишься, — беспечно подбодрила меня Келла. — И не такое сворачивал!

— Я помогу, если надо будет. — Хирра отнеслась к услышанному серьезнее. — Все, что понадобится...

Удивило то, что обе среагировали одинаково спокойно. Мол, принял решение муж и повелитель – значит так тому и быть. Все само собой срастется, без проблем и препятствий, как сказано. Мне бы такую уверенность...

Долгий-долгий пандус закончился — и постоянная каменная часть, и быстроразборная щитовая. Опорные площадки тягловых кадавров звонко пролязгали по настилу и вновь глухо забряцали по камню, шаг за шагом углубляясь в тень арки ворот. Вот в сумрак нырнул бушприт пескобуера, передняя, поворотная ось, мачта — и следом мы сами въехали в прохладу, от которой успели отвыкнуть за дни пути.

Внутри надвратного скального массива пришлось еще попетлять, поднимаясь на полный круг посолонь между строгими рядами противоштурмовых амбразур, под стоками для раскаленного песка. Умело закручено — праворукому незваному гостю в таком коридоре труднее развернуться, а обороняющимся отходить в самый раз.

Наконец после еще одного отрезка — опять прямого, зато перемежающегося боковыми нишами выкатных заслонов из цельного камня в полдюжины ярдов толщиной и гулкими настилами ловчих ям — путь сквозь надвратное укрепление завершился.

Может, он длился дольше, чем представлялось, может, расстроенные нервы сыграли шутку с восприятием времени — но мне показалось, что, войдя в ворота яркой, в полную силу светлой послеполуденной порой, вышли мы из них уже много ближе к вечеру. Освещение примягчало, потеплело в сравнении с дневной режущей белизной солнца. Что, если среди оборонительных ловушек Хасиры есть и такая — похищающая время у решившихся войти в город? У желанных гостей — немного, с полдня, у нежеланных — всю жизнь,

наподобие недоброй памяти переделанных кухонных ускорителей ГранМадам и Хозяина Нищих...

Признаюсь, о такой оборонной магии я прежде не слыхал, а потому не стал заниматься пустыми домыслами сверх меры. К тому же мы до сих пор не покинули толщу крепостной стены, оставаясь в узком проезде, открытом лишь сверху. Впереди истекала тенью еще одна арка — надеюсь, последняя на пути в город. Может, оттого и казалось, что уже темнеет...

Впрочем, местным уроженцам чехарда с временами дня не мешала заниматься своими делами без малейшего следа вечерней расслабленности. По крайней мере, таможенники ею не страдали никоим образом. С обеих сторон проезда открывались оконца бесчисленных чиновников. У каждого из них имелся свой вопрос, свой документ, который надо было заполнить, и своя печать, призванная закрепить законность прохождения зоны его компетенции.

К счастью, дипломатический статус избавлял от большей части формальностей, по крайней мере, меня с женами и за компанию — Пемси. К нам тут же приставили важного драконида в лиловой тоге госслужащего — немалых чинов, судя по жезлу и богато украшенному футляру для письменного прибора на массивной цепи, свисающей с тонкой жилистой шеи в мелкой чешуе.

Мне и раньше доводилось видеть представителей пятой расы разумных, редких за пределами своей жаркой страны, но до сих пор лишь издалека. Младшие дети Отца-Перводракона приняли наибольшее количество его черт, менее других походя на иные расы. Даже мелкие зеленые гоблины, последние потомки Породителей с набором особенностей вроде цвета кожи, формы черепа и ушей, более близки прочим. Или хотя бы кажутся таковыми при общих с драконидами чертах — и те и другие теплокровные, яйцекладущие немлекопитающие. Зеленявки еще и роевые, самостоятельно в полный разум войти не способны...

Но даже в сравнении с ними разумные драконьей крови смотрятся более чуждо. Наверное, дело в пропорциях и чертах лица. Если у гоблинов и огров они окарикатуренно напоминают человеческие (или там эльфийские с халфлингскими) наподобие обезьянских, то здесь совсем другое. Будто в ту же, привычную для всех рас форму — две руки, две ноги,

голова сверху — попытались втиснуть некую непередаваемо иную суть, не находящую ее естественной.

Чуть отливающая в зелень оливковая кожа сложена из мельчайших чешуек, на икрах, бедрах, лопатках, плечах и предплечьях сливающихся в глянцево-радужный сегментный панцирь, так же как на скулах и надбровьях. Вертикальные прорези ноздрей на чуть выступающем носу способны сжаться в почти невидимые щелочки, как и почти безгубый рот. А главное — прозрачные змеиные веки защищают глаза от песка и ветра, но не от света. Там, где другие закрывают глаза, младшие дети Перводракона закатывают под череп узкие прорези зрачков. В сравнении с этой змеиной повадкой отсутствия волос и молочных желез как-то уже и незаметно.

Тем не менее, несмотря на все это, драконiды не карикатурны и не страшны. Их мужчины обаятельны, а женщины прекрасны. И все они по-своему совершенны... но абсолютно чужды. По крайней мере, внешне...

К счастью, хотя бы одна близкая и понятная черта у прикомандированного к нам драконида имелась в наличии. Дотошность и въедливость, общая для всех таможенников по ту ли, по эту сторону Девственной Пустыни и лишь для начала прикрытая непременной предупредительностью, подобающей при трауре.

— Тысячекратно прошу прощения, эфенди, за то, что должен омрачить печальной вестью радость вашего прибытия, — издали зашел первый из официальных лиц, встреченных в Хисахе. — Полномочный посол Союза Эльфийских Городов, высокородный ау Рийнаорр ау Гуотт, скончался три дня назад.

Драконид почтительно склонил голову, выражая соболезнование. Недолгое, впрочем — основные его обязанности ждали неукоснительного исполнения. Оттого же, видимо, остались нераскрытыми обстоятельства смерти посла. Равно как и причины, по которым эта новость не достигла нас в пути...

Впрочем, кода вызова моей раковины дальней связи никто в Хасире знать не обязан, а лезть за ним в посольство — дипломатический скандал. Пока же новость прокатится по официальным каналам от одной столицы до другой, а главное, внутри обеих из ведомства в ведомство, может пройти куда больше, чем три дня. Полной недели не хватит!

Так или иначе, не в компетенции таможенника было обсуждать столь тонкие международные материи. У него и других дел оказалось в достатке. Поклонившись еще раз, он перешел к первейшему из них.

— Теперь попрошу эфенди и хай-ханум задекларировать предметы магии, ввозимые в Хисах. Вынужден предупредить, что все незадекларированные и сокрытые заклятия будут разрушены в Проходе Последнего Испытания с утилизацией высвобожденной магии в пользу казны.

Ну-ну... Посмотрел бы я, что станется с Хасирой при попытке разрушить заклятие, дающее магическую силу Восьмой Реликвии, которую я ношу в поясной сумке со смерти предыдущего владельца. Точнее, что останется от Южной Жемчужины, если вся эта мощь вырвется на свободу. Только смотреть на такое надо бы не из эпицентра, в который придется удар, а откуда-нибудь с безопасного расстояния. С той же Ветровой Стены, к примеру, или, в крайнем случае, из караван-ангара. Там хоть стены крепкие...

Да и вообще Зерна Истины — вещь в хозяйстве полезная, как еще многопрадед моей древнейшей говорил. Нечего ее этак расходовать, на пустой шум, иллюминацию да воронку в полгорода размером, что прибавит площади и так не маленькому заливу Зодиакального моря.

Так что Реликвию, дающую мне непредставимо долгую эльфийскую жизнь, пришлось безропотно предъявить. И даже не из этих шкурных соображений, а просто потому, что не люблю нарушать закон попусту, без крайней нужды.

Хирра с той же готовностью предъявила свой магический жезл, а Келла с неожиданной подробностью начала перечислять все полезные мелочи, на которых хранила свои заклятия — вроде заколок с бубенчиками, колечек в ушах, ожерелий, фенек и амулетиков, привешенных к модной перекрашенной раковине дальней связи. Потом, правда, махнула рукой и рассмеялась, чуть не заставив узкогубого таможенника улыбнуться в ответ.

— Остальное, что забыла, не жалко! Пропадет так пропадет!

Но профессиональная невозмутимость хисахского чиновника оказалась сильнее даже чар младшей жены. И уж всяко не подействовала на него суета подскочившей с переднего

пескобуера Памелы, которая по примеру и прямому приказу своей атаманши предъявила все побрякушки со сколько-нибудь значимой магией.

Вроде все... Блоссом и гоблинихи с завидной сноровкой прошли ту же процедуру у младших чиновников в окошках по сторонам проезда. Видно, навык образовался за время многочисленных рейсов через Девственную Пустыню. Они с унтер-бандершей моей древнейшей уже заняли места на своем паруснике пустыни, когда наш куратор перешел к следующей части ритуала.

— Иных запрещенных к ввозу предметов магии не имеете? — предупредительно и в то же время дотошно вопросил он. — Заклятий, артефактов, ингредиентов?

При этом змеиные зрачки чиновника пронзительно уставились на наш багаж, опечатанный еще в Гериссе. Что он хотел там углядеть? Разборный воздушный ялик, что ли?! Иной запрещенной к ввозу магии я представить не мог, а спросить побоялся, поскольку в ответ определенно мог напороться на список позиций в триста, часа на два — два с половиной. Предполагаю, что исполнительному драконидуничего не стоило зачитать его наизусть, с развернутым толкованием сомнительных мест и изложением прецедентов.

Догадка оказалась верной. Не дожидаясь вопросов, таможенник сам любезно озвучил малую долю ожидаемого:

— К известному вам, смею надеяться, списку специальным фирманом Его Великолепия от тридцатого апреля сего года добавлены зелья аэробопродуцирующей группы и их заменители, а также трансмутационные катализаторы для претворения воды в воздух. — Тут он снова вопросительно уставился на меня. А я на него — столь же непроницаемо и с видом полного непонимания.

Здесь, в Хисахе, селиться в колодце, как основатель ордена чихающих дервишей Кирага аль-Хасири и его первые последователи, мое семейство однозначно не станет, какая бы жара ни стояла на дворе. Для чего же еще могут понадобиться указанные снадобья, я при всем опыте представить не мог. Что Воды, что Ветра тут, на грани пустыни и моря, предостаточно, и претворять одну стихию в другую нет никакой нужды. Или теперь в Хисахе профессия ныряльщика за раковинами запретной стала?

Никому, кроме поставщиков сырья для ремесла, которым славится Хасира, дыхательные трансмутаторы не нужны. Или я чего-то не знаю об этой области маготехнологии, или султан решил подрубить основу процветания собственной страны.

Ибо основная статья хисахского экспорта — раковины. Всевозможных видов, цветов и размеров, гладкие и шипастые, скромные и претенциозные. Обычно они поставляются еще не заклятыми на дальнюю или ближнюю связь. Владельцы фирм, продающих раковины, предпочитают сами выбирать каналы и способы передачи для большей конфиденциальности. Да и качество связи от этого зависит, что при неимоверной конкуренции имеет значение.

Некоторые выдумщики из фирм связи вообще сажают к дежурным раковинам певчих крикунов либо тех же новостных от ведущих издательств. А то и бордельных шлюшек с хорошо подвешенными языками, шепчущих на ухо непристойности. Что угодно, лишь бы клиента приманить. Не в публичный дом, само собой, а к их исключительно благопристойному товару.

Хисахяне и сами мастера заклинать раковины, но в их работе нет изощренности анарисских умельцев, кладущих немалые усилия на защиту связи от перехвата. Местные стараются добиться лучшего звучания и большего числа каналов для каждой раковины — а это совсем не то, что требуется при коммерческих переговорах. Наивные люди живут в Хисахе. Романтичные...

Примером тому служит широко известная история Халеда, принца Хисахского, по сю пору идущая в виде пиесы по всем сколько-нибудь уважающим себя балаганам.

Принц этот во времена Войны Сил, когда все, кому не лень, занимались весьма прагматичной борьбой за право определять дальнейшую судьбу мира, посвятил себя занятию сугубо романтическому. А именно — мести за отца всем остальным родичам, включая потенциальных. Притом не прибегая к услугам ни одной из воюющих сторон, а обходясь сугубо дружескими связями и личными симпатиями.

В противовес пиесе и сам Халед, и возлюбленная его Уфия, и старая алкоголичка-мамаша уцелели и после всего долго и счастливо жили с верными вассалами. Хотя ради этого им

всем пришлось вдоволь покуролесить, то вместе, то поочередно впадая в фальшивое безумие, прикидываясь мертвыми, странствуя и сражаясь. Балаганные постановки также умалчивают об имевшей место паре изнасилований и обширном членовредительстве в процессе вынашивания и осуществления желанной мести.

Почему-то изображение эффектной смерти в искусстве, что высоком, балаганном, что низком, литературном, считается делом более достойным, нежели достоверность событий. Впрочем, и по этой статье хисахский принц оправдал все чаяния артистической души. Родственничков Халед проредил основательно, как со своей стороны, так и со стороны невесты, не стесняясь в средствах и способах. Помнится, дядю мстительный наследник престола засолил заживо моментальным заклятием иэрийской выделки. По счастливому совпадению, этот самый дядя как раз и оказался главным злодеем-братоубийцей — а также тогдашним султаном Хисаха. Нечаянно, одним ударом принц добился отмщения и трона. Выходит, настоящая, истинная романтика — дело сугубо выгодное!

А трон султана с тех пор так и переходит не по наследству — достается ближайшему свидетелю смерти предшественника. Для того же чтобы обеспечить формальности сего процесса, при дворе имеется должность Блюстителя Престола, единственного, кого это правило не касается.

Сочтя столь длительное молчание с моей стороны подтверждением непричастности к ввозу снадобий, запрещенных фирманом, таможенник завершил ритуал досмотра выдачей соответствующего документа. В мои-то бумаги раньше своего султана ему нос совать не положено, а дело требует законного заверения. То есть печати хоть на каком бланке, если уж верительные грамоты по калибру таможне недоступны.

Впрочем, этот бланк мог дать демонову дюжину очков форы многим виденным мной документам — столько разноцветных надпечаток и сияющих даже днем водяных знаков украшало лист бумаги с увесистой печатью алого сургуча. Словно кусок пламени, застывший вместо того чтобы поглотить свою законную добычу.

Красивый символ. Лармо-Огненная Борода был бы доволен таким знаком уважения от одного из своих многочисленных здешних почитателей. Хисахяне поклоняются огню, да-

ющему единственную возможность для жизни на грани меж пустыней и морем, и его хозяину. А поскольку Лармо, или Лалл, Солнечный Бог — старший из Победивших, то хотя бы религиозных войн у нас с Хисахом нет и быть не может.

— Не смею далее задерживать, эфенди. — Поклонившись, драконид сошел с борта пескобуера, чинно подобрав тогу, и махнул рукой погонщикам. Те без возражений послали вперед свои упряжки из семи металлов, движимых пятью стихиями.

Один за другим парусники пустыни вплывали в тень Прохода Последнего Испытания. При всей серьезности именования ждать от него взаправдашнего подвоха не получалось. Ну посидим в темноте еще минутку, прежде чем отправиться с прилегающей к стене Сухотаможенной площади в посольство принимать дела, столь внезапно рухнувшие на меня...

Однако спокойно сидеть пришлось куда меньше. Спустя недолгие мгновения после того, как за нами захлопнулись ворота камеры снятия несанкционированных заклятий, темнота наполнилась звуками. Негромкими, но настойчивыми и весьма действующими на нервы: шорох, хруст, какие-то мягкие шлепки... Тут не успокоишься!

— Это ты?! — не выдержав, напряженно-обвиняющим тоном спросила Хирра. Не знаю, кого уж именно, но так или иначе принял вопрос на свой счет не я один.

— А я думала, ты! — Удивление Келлы было отнюдь не наигранным.

— Нет, хай-мэм, не я, честно-честно, как под духом!!! — закрутила Лайла несусветное оправдание.

В ее медиумические способности отчего-то верилось слабо. Как и в необходимость лязга «козьей ноги» рейнджерского стреломета Сигурни, привыкшей встречать подобным образом любую непредсказуемую смену обстановки. Тем или иным способом отметились все — и на нашем буере, и на переднем, невнятным гомоном подтверждая общность повода к беспокойству.

Один я продолжал молчать самым виновным во всем образом, хотя имел никак не меньший повод вставить свой вопрос в эту череду. Если, конечно, правильно определил причину всеобщего беспокойства по собственным ощущениям — то легкие прикосновения, то увесистые шлепки по ткани, ук-

рывающей тело от пустынной пыли. Будто одежду то ли обшаривают незаметно, как уличный спамер, то ли охлопывают слегка, словно штурмполисмен, ищущий улики. Может, это какая-то местная разновидность таможенной магии, на столь странный манер проверяющая груз и персоны путешественников?

Возмущенно-испуганный визг Пемси с переднего пескобуера опроверг эти домыслы!

Очередной шлепок пришелся мне прямо в морду — мокрый и склизкий, будто неразорвавшаяся мина-лягушка. Бывало в Мекане и такое, что эта верная смерть сама в себе перепревала на безопасную бурду раньше, чем придет повод прыгнуть.

Бабий визг мне не к лицу, но сдержать какой-то дикий всхрип не удалось. Да и передернулся изрядно, чуть вовсе с пескобуера не слетел.

Словно того и дожидаясь, впереди распахнулись створки ворот, выпуская караван наружу. Свет ударил в глаза пусть не так болезненно, как ожидалось, но довольно чувствительно. А к нашему с Памелой невольному дуэту прибавился возмущенный галдеж всех остальных... и громогласное квакань!!!

Лягушки, бесчисленные лягушки скакали по двум уцелевшим пескобуерам песчаного лиса Блоссома. Они каскадами низвергались по тюкам и корзинам, волнами расползались от колес фрахтовиков. Мы успели забыть о поставщике султанского двора — а товар Рональда Джоггера Ас-Саби оказался заклят на нетление, и теперь избавленные от незадекларированного заклятия деликатесные земноводные скакали по нам во все стороны!

Келла держала за заднюю ногу жирную квакшу, пойманную в прыжке, и с любопытством разглядывала ее. Лягуха раскачивалась, вяло отмахиваясь свободными лапами. Куда более активно отбрыкивались от осаждающих земноводных унтер-бандерша моей древнейшей, санд-шкипер и его семеро соратниц. Пемси вообще молотила руками по воздуху, как роторная мельница крыльями. Хирра осуждающе взирала на это безобразие, скрестив руки на груди. Одна лягушка сидела у нее на голове, еще две — на плечах, наподобие эполет иэрийского генерала.

Как освобожденные от хранивших их в пустынной жаре и сухости заклятий земноводные обошлись со мной самим, можно было лишь предполагать. Во всяком случае, их присутствие чувствовалось везде. Даже за шиворотом...

В таком вот виде и явились дипломатические посланцы могучего Анарисса с сопровождающими их лицами встречающей толпе хисахян. Полагаю, столь развесистого зрелища жители благословенной Хасиры не видали со времен принца Халеда. Не того, балаганного пафосного героя, песни-пиесы о котором разыгрывают каждый год целую неделю Потерянниц до самого Приснодня, а настоящего. Того, который въехал в их город, сидя на ублюде задом наперед с прутиком «демоновой метлы» в зубах, и основал султанат, нерушимо стоящий уже три тысячи лет...

Жаль, летопись не упоминает, каким именно образом тогдашние обитатели Хасиры встретили своего будущего повелителя. Нынешние, во всяком случае, на несколько мгновений потрясенно смолкли — а потом захохотали так, что лягушки от них обратно к нам запрыгали. Смеялись все: взрослые и дети, праздные зеваки и таможенники, облеченные властью чиновники и последняя шантрапа. Даже чихающие дервиши перестали чихать, чтобы посмеяться вволю. Даже ящеричные обезьяны, казалось, вовсю хохочут, подпрыгивая на куполах храмов.

Пемси, отмахавшаяся кое-как от своей доли лягушек, от такой встречи пришла в полное неистовство. И так травмированная нечаянным испугом, пышечка взвизгнула громче прежнего, подскочила на месте и, хлопнув себя кулаками по бедрам, высунула язык во всю длину. Еще и нос наморщила, зажмурившись — уморительнейшая вышла рожа при всей симпатичности блондиночки. Мало того, чтобы окончательно добить зрителей, унтер-бандерша развернулась к ним тылом и, присев совершенно по-обезьяньи, со всей силы хлопнула себя обеими ладонями по круглому задику. Похоже, после песчаной акулы ей Зодиакальное море было по колено и сам Безымянный Бог не брат.

Безумная пляска отмороженной девчонки среди лягушек, фонтанирующих из корзинобурдюков покойного Рона-Толкача, возымела совершенно оглушительный эффект. Разом перестав смеяться, все хисахяне высунули языки, а все лизард-

манки повернулись задом и повторили ее жест, задрав змеиные хвосты. Большего, по моему разумению, не добился бы и сам Принц Хисахский при своем эпическом въезде в Хасиру.

— Вот так! — Саму виновницу этой массовой сцены увиденное явно удовлетворило и успокоило. Во всяком случае, дальнейших фортелей Памела Акулья Погибель не выкидывала. Да и лягушки на редкость стремительно исчезали по сумкам и корзинкам местных уроженцев. Джоггер мог бы гордиться предугаданным спросом, сумей он хоть сколько-нибудь получить за свой товар. Но ни денег, ни самого купца теперь и в помине не было.

Оно и к лучшему. Либо я сам пришиб бы его за наш торжественный въезд, либо он меня — за разбазаренный товар и сорванный контракт. Хотя, конечно, останься поставщик султанского двора жив, ничего этого и вовсе не случилось бы. Все шло бы своим чередом, без особых неурядиц...

Тут я ошибся. Как выяснилось, Хасира еще не полной мерой отвесила нам своего внимания. Чужакам, попавшим в нее, только предстояло понять всю свою неуместность и странность на местный взгляд.

Взрослым представления с подарками хватило, чтобы занять себя на ближайшее время, не мешая нашему каравану продвигаться к выезду с Сухотаможенной площади. А вот дети, падкие на все необычное, продолжали стайками сновать вокруг влекомых кадавренной упряжкой пескобуеров. Наиболее любопытные и доверчивые даже шли у самого борта, между колес, беззастенчиво таращась на редких по эту сторону Девственной Пустыни эльфей.

Хирра потянулась рукой к одному мальчишке, особенно долго не сводившему с нее завороженного взгляда, желая приласкать. Но тот немедленно отпрянул, равно с сожалением и страхом:

— Ой, не надо, тетенька!!! Я заразы боюсь!

— Какой заразы, малыш? — не поняла моя высокородная.

— Лишая вашего... Вон вы вся повязками замотанная и серая!!!

Хирру такое восприятие привычного ей цвета кожи и манеры одеваться лишь позабавило. Рассмеявшись, темная эльфь поспешила разубедить неискушенного в расовых и культурных различиях ребенка.

— Я с рождения такая. От такого отца. — Тут она горько улыбнулась, вспоминая покойного Властителя ау Стийорр.

Но обстоятельного малыша это явно не убедило. То ли он в эльфов не верил, то ли считал, что от стыда за болезнь красивая тетя что угодно придумает, то ли просто так, на свой детский манер пожелал ей хорошего:

— Вы все равно выздоравливайте...

На прощание он помахал ей рукой, но тут же застеснялся, повернулся и вприпрыжку убежал по какому-то переулку. Отчего-то старшая жена смутилась еще сильней мальчика и спрятала лицо у меня на плече, присев на дно пескобуера. Рука сама потянулась погладить ее по волосам, сбрасывая прикрывавший их всю дорогу тюрбан из полупрозрачного серебристого шифона.

По счастью, здесь случайное слово не рисковало превратиться в дурную славу так быстро и надежно, как это происходит у нас в Анариссе, по причине полного и окончательного отсутствия крикунов. Жарко им здесь чрезмерно или сухо — уж не знаю. Лично мне остается только радоваться...

По крайней мере, их местный аналог — по распространенности и склонности к обсиживанию карнизов и куполов — смотрится куда приличнее. Это лизардманк, ящеричный обезьян. Чешуйчатый зверек фунтов тридцати весом, с огромными глазами под сросшимися прозрачными веками, по-гекконьи цепкими пальцами, змеиным хвостом и синим раздвоенным язычком. Другая тварь, с шерстью и незащищенными глазами, на такой жаре да под пыльными бурями, посылаемыми пустыней, долго не выдержит.

Несмотря на такие погодные неудобья, у разумных жителей столицы Хисаха было не принято прятать свою кожу, по крайней мере, от солнца. Прозрачные бурнусы защищали лишь от пыли и песка, а набедренные повязки позволяли соблюсти приличия. Зато громоздкие украшения носили все, без различия пола и возраста.

Впрочем, скрывать несоответствие облика местной моде за бортом песчаного корабля моей высокородной оставалось недолго. Пора было пересаживаться в наемные экипажи, которые доставят нас в посольство — две фуры для багажа и точеную трехколку для нас самих, с местом кучера над поворотным колесом.

Нечего и говорить, что эти транспортные средства приводились в действие такими же полускакунами искусственного происхождения, как и упряжки биндюжников. Похоже, с крупными животными тут ощутимый напряг — не ящеричными же обезьянами повозки запрягать! А зверюгу больше лизардманка скудная земля на грани моря и пустыни, скорее всего, попросту не способна прокормить.

Сговаривался с извозчиком и городскими биндюжниками привычный к этому Блоссом. А уладив все, подошел вместе с верными гоблинихами получить окончательный расчет.

— Не поминайте лихом, хай-джентри, — пересчитав и убрав деньги, вздохнул санд-шкипер, все еще терзаемый неотступной тоской охотника, упустившего главную в жизни добычу. — Я-то завтра же с обратным фрахтом пойду, отсюда заказы всегда надежные...

— И ты прости, если что, — не понять нужности этих слов было трудно. — Вы, девочки, тоже...

Гоблинихи наперебой загалдели, прощаясь. Келла и Пемси полезли ко всем обниматься, Хирра смущенно подавала кончики пальцев. Полмачты Блоссом последним жестом вскинул два пальца к тулье треуголки и уже собрался бочком выбираться из толпы прощающихся...

— Погоди! — остановил я его. — Прими напоследок коечто, должное прийти тебе по праву.

С этими словами я извлек шнурок с тремя зубами песчаной акулы — одним охотничьим бивнем глотки в десяток дюймов и двумя когтезубами с языка, втрое меньше, по бокам. По моей просьбе Донна соорудила ожерелья загонщиков для всех выживших участников охоты. Для этого моя высокородная сыскала в своем хозяйстве порядочный моток сверхпрочного шелка кара-арахн, а моя древнейшая уговорила унтер-бандершу поделиться зубами трофея. Зубов этих и на трех таких, как она, многовато было, даже если с ног до головы ожерельями обмотать.

Сама Донна, а также Реджи, Милли, Фанни, Сольвейг и Лайла с Сигурни тоже получили от Памелы по когтезубу на сверкающем черном шнурке. После чего расставание завершилось на куда более веселой ноте.

* * *

Путь от Сухотаможенной до посольского квартала был бы изрядно долог даже без попыток возницы послужить за те же деньги экскурсоводом. Все, мимо чего мы проезжали или что хотя бы открывалось в видимости, удостаивалось от него подробнейшего описания, нечувствительно переходящего в восхваление или историческую лекцию. Академический квартал, казармы, порт, при нем Сыротаможенная площадь и Парадный причал... Громада султанского дворца, похожая на исполинский торт-безе, изрядно пропеченный здешней жарой, чтобы подняться воздушной пеной с исполинскими пузырями куполов...

Даже ушедшие под воду кварталы получили свою долю славословий, воспевающих времена Принца Хисахского, который еще застал их над поверхностью моря. Стоило в просвете меж домами мелькнуть завораживающему блеску волн, как вновь и вновь звучали названия затонувших площадей — имена Дседе Мваны, угольнокожей атинской Жрицы Ночи, снизошедшей к страданиям принца в изгнании, Хулии Монтес, иэрийской возлюбленной Халеда, и Уфии аль-Риххол, дочери шута, которая, если верить пиесе, отдала за него жизнь самым трагическим образом...

Если б не изрядная усталость, мешавшая запомнить бесчисленные названия и факты, то к моменту, когда покажутся здания посольства, мы могли бы ориентироваться в городе не хуже местного уроженца. Подумав об этом, я попытался применить кое-что из профессиональных знаний к полученным при исцелении Мечом Повторной Жизни эльфийским магическим способностям.

— Меморо энфорсире Пойнтер! — Вроде бы прошептать стандартное заклятие усиления памяти в собственный адрес удалось незаметно, но глянув по сторонам, я увидел, как губы обеих жен двигаются в том же ритме. Келла еще и над Пемси пошептала, коротко на ухо объяснив ей назначение заклятия. Это отпечаталось в сознании ярко и четко, как сквозь заклятый на увеличение хрусталь. Вообще все события сегодняшнего дня вдруг стали удивительно отчетливыми и ясными — ничто ни с чем не спутаешь и не забудешь, даже если захочется. Сработало!!!

Заодно прояснилась несообразность, преследующая меня от самого выезда из надвратного укрепления. Столь внезапно наступивший вечер никак не кончался, хотя в пустыне переход от дня к ночи всегда бывал недолог. Что-то странное творилось здесь со временем...

Или с солнцем?!

Сумерки длились слишком долго, и слишком неизменным был золотистый цвет закатного неба. Оставаться в неведении и дальше я не мог. В спросе невелик позор, тем более для чужеземца, по определению не сведущего в местных особенностях.

— Что тут, всегда вечер?

— Вроде того, эфенди, — с готовностью отозвался возница, как раз не имевший иных поводов почесать язык. — Это затенитель.

— Что?! — Объяснение не выглядело особо понятным.

— Тень такая... Заклятая, — замялся самодеятельный гид. — С темного стекла или масла оливкового, настоянного на кофе... Я не маг, эфенди, чтоб разбираться!

О да, оливковый оттенок в сумраке отчетливо чувствовался. Не в сумраке даже, а в золотисто-коричневом мягком свете, какой бывает на закате, если воздух наполнен тончайшей пылью. Немудрено было спутать!

Хотя нет, время дня отлично угадывалось по длине теней. И наполненность, объем светового потока никуда не девались. Оттого впечатление от дня-вечера было на редкость двойственным...

Ярое пустынное солнце, проходя сквозь затенитель, теряло свою злость. К проблеме защиты от безжалостных лучей светила в столице подошли куда как радикально — на улицах Хасиры всегда властвовала вечерняя заря.

Сразу же стали понятны мнимо беспечные одеяния коренных обитателей. Зачем кутаться в плотную ткань, когда весь город накрыт прозрачным куполом золотисто-кофейного цвета — не материальным, понятно, а иллюзорным. Настоящий-то свод такого размера либо рухнет под собственной тяжестью, либо окажется совершенно светонепроницаемым от обилия несущих конструкций.

— Видите башню, эфенди? Это там, на Теневой площади. — Опростоволосившийся перед чужаком возница решил

покрыть недочеты магического образования избытком географического.

Не заметить означенную башню было трудно. Более высокого строения в городе просто не было, даже дворец султана был ниже на добрую треть. Как раз с этой высоты в титанической постройке камень начинали оплетать, а потом и вовсе сменяли металлические балки. Косая сеть кованых брусьев на вершине раскрывалась чашей площадки, увенчанной шестью зубцами тень-проекторов — по одному на каждый сектор столицы, полуобнявшей бухту Зодиакального моря... если я верно интерпретирую объяснения возницы, врезавшиеся в память благодаря заклятию. Как он раньше-то не снизошел до раскрытия главной достопримечательности родного города? Видно, почитал само собой разумеющейся ее всемирную известность.

К счастью, больше ничего столь же сногсшибательного нам не попалось до самых ворот посольства. Хотя сами ворота стоили немалого внимания и в своем роде были достопримечательностью не хуже прочих. Грозный облик украшавшей их пары каменных птицеклювых драконов полностью соответствовал их назначению. Изваяния, как и остальные декоративные элементы, были сделаны из «оживающего» камня и входили в систему обороны территории посольства.

Пройти внутрь мог только тот, кто знал код отмены тревожного сигнала. Так что настала пора изрядно покопаться в солидном сейф-портфеле, обтянутом драконьей кожей. Сей атрибут дипломатического статуса был выдан мне под клятву и три расписки перед самым отъездом и до сих пор повода к применению не находил.

Не песчаной же акуле в пасть его кидать было...

Хотя от количества охранных чар, наложенных на тяжеленную штуковину, и той могло не поздоровиться. Особенно если учесть, что все они связаны лично со мной особым ритуалом — длительным и не совсем приятным. Процедура «знакомства» с сейф-портфелем включала потерю полустакана крови и нешуточное усмирение магической вещи, пробующей хозяина на слабину. Зато теперь дипломатический багаж признавал меня за такового и допускал порыться в своем сверхсекретном нутре без опасности быть искалеченным стальными челюстями.

Хрустальный шарик со сложным заклятием-ключом пребывал в особом отделении, специально предназначенном для магических артефактов. Извлекая его, я завозился и едва успел остановить возницу, дуриком завернувшего прямо в ничем не прикрытый проход между птицеклювыми:

— Стой! Стой!!! Осади назад!

По счастью, он послушался вовремя. Еще пара ярдов, и отключение оборонных функций пришлось бы проводить очень быстро. Спешно. Моментально.

Словно почуяв это, жены сыпанулись с трехколки и предусмотрительно отбежали назад к фурам. Свою унтер-бандершу Келла стащила с сиденья едва ли не за шиворот, а Хирру от того, чтобы проделать то же самое со мной, удержала лишь вера в мои же профессиональные способности. Так что свои спасательные инстинкты она переключила на возницу, одним махом выдернув того с облучка.

Очень медленно я выпрямился в покачивающемся на рессорах кузове и протянул левую руку с ключом вперед, над сиденьями, к медной холке кадавра-скакуна. На долгих полминуты накрыл хрусталь правой, активируя его через контактные точки. Когда шар снова открылся приглушенному дневному свету, его собственное сияние могло затмить солнце, ослабленное магическим светофильтром.

Свет в хрустале мерцал в странном ритме, чередуя серии коротких вспышек с длинными, медленно угасающими. Тени от них причудливо заметались по резному камню, создавая иллюзию движения.

Нет — камень шевелился на самом деле. Рывками, неуловимо меняющими положение тел, каменные драконы стронулись с мест, распростерли крылья, склонили длинные шеи, вытягивая их вперед, словно в попытке обнюхать пришельца и его магию.

Мерцание слилось в дрожащий свет, в котором движения птицеклювых стали плавными и осмысленными, как у любого живого существа. Чуть тяжеловатыми, правда, но Камень — стихия нелегкая, от нее изящества ждать нечего. Заканчивая ритуал знакомства с новым хозяином, каменные драконы низко склонились предо мной и вернулись к прежним позам.

Сияние ключа прервалось. Раз, другой, третий... Мерцающие вспышки отнимали заемную жизнь у стражей ворот так

же охотно, как недавно давали ее им. Когда хрусталь потух окончательно, ничто уже не напоминало о былой подвижности каменных чудовищ.

На сем сегодняшние чудеса завершились. Но нашей компании и того хватило дальше некуда. Во всяком случае, Хирре с Пемси и мне, многогрешному. Даже безразмерное любопытство и жизнелюбие Келлы выглядело слегка потертым.

Единственное, на что мы еще оказались годны — снять печати с дверей пустующего особняка и ввалиться туда вместе со всеми пожитками. Затаскивать их внутрь биндюжники особо не рвались, тщательно отворачиваясь от вновь замерших драконов.

Нашли кого бояться — в моем-то присутствии! Но и после объяснений, а также демонстративных похлопываний стражей ворот по каменным лапам, возчики не решились зайти внутрь самого посольства. Не иначе, из суеверного страха перед послом, который ныне лежал в конференц-зале головой к востоку. Оттого же, видимо, и местный персонал загодя разбежался, едва исполнив необходимые приготовления к отправке домой тела почившего.

В результате посольство осталось в совершенном запустении. Вольнонаемных служащих мы не застали ни на месте, ни у обозначенных в списке домовых раковин дальней связи. Пускаться же в более серьезные розыски ни у кого из нас не было ни сил, ни желания. Моему семейству не привыкать к отсутствию прислуги и мертвым соплеменникам в доме. А после долгих дней пути, нападения песчаной акулы и сегодняшней жаркой встречи ни на что, кроме как помыться и рухнуть спать, никто из нас уже годен не был.

Даже удивиться и порадоваться посольской бане, размерами и качеством не уступающей купальням в замках властителей, и то не сумели толком...

Отличить утро от вечера при здешнем странном освещении было непросто. А необходимость разбирать ужасающее количество багажа угнетала прямо с момента, когда удалось продрать глаза. Да и обстановка в посольстве располагала в основном к лени и безделью, а не к чрезмерным и чрезвычайным усилиям...

Либо предыдущий посол находил вкус в местном колорите, либо вообще не обращал внимания на обустройство особняка. Так или иначе, вся мебель и утварь были здесь на местный манер — низкие столики, диваны и подушки повсюду и ни единого дюйма пола и стен без ковров. Во всяком случае, именно так принято представлять хисахский домашний обиход у нас в Анариссе. Таков ли он в действительности — понятия не имею.

Привычного вида стол и стулья обнаружились только в посольском кабинете, в который я смылся, увильнув от участия в разборке не очень тяжелого, но объемного и на редкость бестолкового багажа жен. Свои несколько брезентовых армейских мешков с запасными комплектами униформы, оружие и амулетный ящик наладчика кадавров я распихал по резным узорчатым шкафам за каких-то пять минут.

Сейф-портфель же пришлось прихватить с собой в рабочую часть посольства. Без него договориться с внутренними контурами защиты дипломатических тайн Концерна Тринадцати не вышло бы, как ни старайся. В конце концов, по армейской специальности я маготехник, а не взломщик какой-нибудь! Мое дело — работать со стандартными кодами и их отклонениями, а не со специально запутанными посредством нехилых усилий штатных шифровальщиков. Да еще и защищенными особыми ловушками на страх шпионам всех мастей.

Нет уж, мин с меня в Мекане хватило по самое не могу и еще пять лет сверху. А во что обошлась мне последняя из них, и посейчас лишний раз вспоминать не хочется. Так что пусть все идет официальным путем, нечего удалью профессиональной размахивать.

Наконец сейф-портфель перестал перемигиваться сиянием хрустальных шаров-ключей с кристаллами центрального поста посольства. Авторизация прошла успешно, теперь ни мне самому, ни женам с компаньонкой в самом здании и во дворе ничто не угрожало. Особенно актуально сие было в отношении последних — кто их знает, куда те сунут свои любопытные или забывчивые по мечтательности носы.

В качестве дополнительного бонуса открылся доступ к записям событий последних дней, сохраненных оборонительной системой в кристаллах, включая смерть посла и последо-

вавшие за ней события. Не самого лучшего качества, но со всей возможной достоверностью.

Долгих полтора часа я потратил на то, чтобы раз за разом отсмотреть ключевые эпизоды.

Вот посол выходит из кабинета и, не ужиная, отправляется на ночлег. Сухая, прямая, как палка, фигура с чуть деревянными движениями, холеное светлоэльфийское лицо с брезгливо поджатыми губами и мрачным взглядом глубоко запавших тусклых глаз. В годах изрядных, за дюжину столетий — раньше старость у Инорожденных себя не оказывает.

Тут он уже ложится спать, вытягиваясь в полных семь футов под легким пологом. А сейчас уже за полдень, если судить по сошедшему на нет световому пятну у окна. В спальню заходит местный слуга — и находит посла в той же позе, что и с вечера. Когда после многократных обращений, сопровождаемых низкими поклонами, господин не просыпается, камердинер, или кто он там, осторожно пытается разбудить его прикосновением к плечу. И, ощутив под рукой смертный холод, пугается и убегает...

Всю ночь посол провел в одной позе, лежа на спине со скрещенными на груди руками. Будто специально подгадал под то положение, в каком вольнонаемные служащие посольства уложат его на главный стол в конференц-зале, устроят на траурном белом пологе, обмыв и обрядив с торопливой опаской и стараясь лишний раз не глядеть в лицо.

Вызванные из местного храма огнепоклонников жрецы столь же стремительно наложили на покойника заклятие нетления, окурили помещение, а специально приглашенный чихающий дервиш дополнительно обчихал тем же дымом все углы, истово раскачиваясь и подпрыгивая в священном трансе. После чего все живые спешно покинули посольство, а охранная система автоматически встала на режим полной изоляции, из которого я и вывел ее трое суток спустя.

С чего все так перепугались, в толк не возьму. Тихо посол за Последнюю Завесу ушел, без признаков насильственной смерти. Разве что не понять, когда именно. Всю ночь пролежал в одной позе, как уже неживой. Однако, что делает с эльфами старость, я доподлинно не знаю, так что, может, это у них в порядке вещей — при жизни костенеть...

Для порядка отсмотрел еще дня четыре перед тем — все так же. Светлоэльфийский дипломат деревянно расхаживал по посольству, перекладывал и помечал какие-то бумаги в кабинете, а после шел спать, раз за разом устраиваясь наподобие покойника при собственных поминках. Ел и пил мало, как-то по обязанности, никуда не выходил. В общем, вел себя совершенно обыденно для дряхлеющего разумного любой расы.

Так что смерть его выглядела совершенно естественной. И поводов к слухам не давала по определению.

Для порядка я еще поднялся на второй этаж, осмотреть ждущий отправки для торжественных похорон труп Властителя ау Гуотт ау Рийнаорр — так его звали. Нынешнему Светлому Арбитру прямой родственник, а Предвечным Королям Хтангской династии — сторонний. Все равно что живой памятник целой эпохе... до недавнего времени живой.

Лежащий головой к востоку в занавешенном траурными белыми полотнищами зале эльф ничуть не изменился с момента наложения заклятия, призванного хранить его плоть от тления. Вот только попал он под него таким, что стало ясно, отчего перепугалась местная обслуга.

Высокородный дипломат смотрелся не свежим покойником, а не один день походившим мертвяком. А то и не один год полежавшим в сухом песке или соли — настолько иссохшим и затвердевшим смотрелось тело.

Эк его за ночь и утро перед магической бальзамировкой просушило... Сразу тянет списать на яд или заклятие.

Воровато оглянувшись, я вытащил мяч-тестер и обстучал им мертвеца. Подробно, не пропуская ни одной части тела, ни одного украшения парадного посольского мундира. На всякий случай и полог со столом проверил, остановившись только после второго захода. Ничего. Ни заклятий, ни ядов знакомых.

Так что суеверия это у местных. Разве что и вправду мертвяком Инорожденный перекинулся?

Этого, правда, никакой тестер не покажет. Только мертвяк ходячий, неупокоенный, тем и отличен, что все время обязан двигаться, пропитание себе искать среди живых. Покоя ему нет по определению, будь он хоть трижды эльф.

Так что пустое. Дома бальзамировщики гримом или заклятием поправят внешность усопшему Дневному Властите-

лю, и займет он положенное место в склепе своего замка, свеженький и хорошенький, как с собственной свадьбы...

От мыслей о посмертной судьбе так некстати умершего посла меня отвлекла Хирра. Для этого старшая жена воспользовалась раковиной дальней связи, чтоб не искать мужа по всему особняку, малоосвоенному за полдня. Хотя ей, с привычкой к нашему замку, не составило бы труда обегать вдесятеро меньшее помещение, навроде городского поместья.

— Тут фельдкурьер из дворца, от султана. С приглашением на прием для вручения верительных грамот.

— Понял, спускаюсь. — Уточнять, откуда спускаюсь, я не стал, чтобы лишний раз не волновать мою высокородную.

Вот же еще досада! При ком я теперь военный атташе? При покойнике?! В каком вообще качестве обязан сегодня предстать перед правителем Хисаха? Это вам не меканский фронт, где командование автоматически принимает старший по званию из выживших. Тут дело тонкое, дипломатическое...

Хотя привычные мне дурные предчувствия твердили, что вряд ли у Концерна есть лишняя неудобная кандидатура для почетной ссылки. Только возни и напряга больше уйдет, а кончится тем же, что и в Мекане, под тесайрским огнем.

Посланцем оказался драконид в фиолетовой тоге госслужащего, к письменному прибору которого, висящему на шейной цепи, была еще прикреплена многолучевая «огненная звезда» золотой султанской пайцзы, дающей доступ во дворец. Двое его сопровождающих остались у ворот — представителям иного государства запрещен вход с оружием на суверенную анарисскую территорию.

Фельдкурьер церемонно поклонился и обеими руками протянул мне свиток бледно-зеленой бумаги. В Хисахе ее делают из водорослей, дешевую — желтого и коричневого цвета, а лучшую — такого вот зеленоватого. Фирман султана на чем попало не пришлют.

— Его Великолепие Мехмет-Али Двенадцатый, мир со всей дюжиной, приветствует представителя Эльфийского Союза Городов и шлет приглашение на сегодняшний прием, желая узнать ваши нужды и чаяния. — В титуловании своего повелителя драконид был безукоризненно точен, а вот именование нашего государства использовал малое, неименное. К чему бы это? В дипломатии ничего так просто не бывает...

Приняв грамоту также обеими руками, я передал ее вставшей за плечом Хирре и, вновь обернувшись к посланцу двора, отдал честь, двумя пальцами прикоснувшись к полям спешно прихваченной по дороге пятнистой рейнджерской треуголки.

— Благодарю Его Великолепие за внимание и приглашение. — В ответ я сократил титул султана. — Надеюсь удовлетворить его жажду познаний.

— Прежде всего Его Великолепие устами Великого Визиря соизволил высказать удивление тем, что страна, не имеющая посла при его дворе, находит необходимым присутствие там своего военного представителя. — Сокращение было принято и использовано в ответной реплике, проясняющей главный предмет любопытства султана. К тому же в недружелюбном высказывании прозвучала значимая оговорка насчет того, кто *на самом деле* выразил сомнение в необходимости моего пребывания в Хисахе вообще и при дворе в частности. В рамках дипломатической игры, где каждое слово имеет свою цену, оставлять ее без ответа непозволительно.

— Передайте Его Великолепию и его второму голосу, что я буду присутствовать... в том качестве, какого потребуют интересы моей страны.

Неожиданно драконид широко, по-ящеричьи, усмехнулся.

— Хорошо сказано, во имя Лармо и его огня!!! — одобрительно крякнул он, прикрыв пайцзу узкой чешуйчатой ладонью, словно та могла подслушать.

— Да не угаснет... — автоматически отозвался я памятной с армейских молебнов формулировкой. Перед большим наступлением жрецы поначалу всегда вылезали шаманить во имя всех Победивших, начиная с Лалла, которого здесь называют Лармо. Лишь потом заводили свою песню волынки, и тяжким громом рвущихся файрболов вступала аркподготовка. Поэтому молитвенные пароли-отзывы врезались мне в память накрепко, как дрессированному псу свисток.

— Наш дух — огонь, наша плоть — песок, наша кровь — морская вода! Мы братья моря, сестры пустыни, избранники Судьбы!!! — отреагировал почитатель старшего из богов Дня уже каким-то местным дополнением. Сугубо хисахским и даже сугубо драконидским, судя по всему. Этакое сочетание стихий и единственной нерожденной богини мира никому,

кроме них, не свойственно. Не случайно старейшины-пророки драконидов носят имена Говорящих — с Песком, с Водой, с Огнем... и с Судьбой.

На это мне сказать было уже нечего, оставалось только молча улыбнуться. Впрочем, и посланец султана — или в большей степени своего народа? — тоже не горел более желанием сообщить мне нечто расплывчато-многозначительное. Так же молча он отнял руку от пайцзы, поднес ее последовательно ко лбу, кадыку и сердцу, как Блоссом в караван-ангаре перед Капитаном Пустыни, поклонился еще ниже, чем прежде, и отступил к порогу. До дверей он почтительно дошел, не поворачиваясь спиной, а дальше отправился без особых церемоний.

Мне, впрочем, тоже стало не до них — надо решать вопрос с дипломатическим статусом, для чего необходимо вернуться в посольский кабинет, к центральному посту с его мощными хрустальными шарами.

Сеанс связи не обманул моих предчувствий. Случившийся у магического шара Темный Арбитр с каменной физиономией выслушал стрясшиеся не ко времени новости, сухо поблагодарил и запросил час на экстренное совещание Концерна. По истечении которого проявился в хрустале уже на пару со Светлым собратом.

Состояло ли экстренное совещание из них двоих, или взаправду удалось собрать прочих ведущих акционеров — хотя бы на удаленную конференцию посредством тех же магических шаров, — результат был один и тот же. Нового посла Хисаху не дождаться, сойдет и военный атташе, произведенный в необходимое достоинство.

Кто бы ждал иного!

Горечь неизбежного отчасти подсластило ранее невиданное зрелище — факсимильное телеписьмо. По штабам, где таким образом пересылаются важнейшие приказы, тереться не приходилось, больше под брюхом у штурмовых кадавров да в пузе осадников обретался, исходя из профессии. А в мирное время и подавно за лигу обходил документы подобной степени секретности. Не бывает от них добра...

Перо само собой скользило по гербовому пергаменту, повторяя движение своего подобия в руках у Светлого Арбитра. Одна за другой ложились каллиграфические строчки, ут-

верждая меня в новом статусе. Затем свою подпись поставил Темный Арбитр, а уж печатями мне пришлось заняться самому. Перенос их со старого документа на новый был оговорен в особой приписке. На чем, собственно, церемония и закончилась.

Напоследок я не смог отказать себе в одной мелочи — внимательно рассмотрел почерк обоих Арбитров перед тем, как скатать свиток и уложить в ларец, в котором его примет султан. Ничего общего с манерой письма на той повестке, с которой все и началось.

Мелкий демон мстительности утих неудовлетворенным.

Надо было готовиться к приему, до которого оставалось часа четыре — пересчитывать дары, присланные Концерном, да наглаживать парадный мундир. Не посольский, понятное дело — откуда тут взять на меня посольский по размеру? — а рейнджерский. В качестве дипломатического сомнительный даже по самым скромным меркам. Хорошо хоть женам о приеме стало известно еще раньше, и времени на сборы у них в достатке. Что-то они придумают, желая поразить местный двор?

Под темнеющим к вечеру небом подсвеченный праздничными огнями дворец казался призрачным, словно облако, плывущее навстречу нашему экипажу. Шестирукая фигура впереди, управляющая упряжкой, смотрелась странной древесной кроной, шевелящейся под неощутимым ветром.

Парадный выезд посольства предполагал живого кучера на облучке, но пришлось обойтись кадаврostюардом, срочно переналаженным под необходимые функции. Лишние полчаса на него убил, будто других дел не было. Насколько это было в порядке этикета, не знаю, но кому-то из нас управлять трехколесной открытой коляской было попросту невместно. Даже Пемси: упускать ее из виду в мои планы не входило, а тащить возницу на прием — это ни в какие ворота не лезет!

Даже в столь грандиозные, как главный въезд султанского дворца. Камень вздымался фонтанами, сплетался тончайшим кружевом, на взгляд легким, словно срез вулканической пемзы. Как это сооружение может сохранять прочность, не представляю.

Всю площадь перед дворцом усеивали ящеричные обезьяны, постоянно бродившие туда-сюда. Перед бронзовыми копытами упряжных кадавров они грациозно расступались, а у бортов экипажей смыкались вновь, словно восхищаясь их пассажирами. Живые кучера, в отличие от нашего кадавростюарда, не стеснялись разгонять их церемониальными хлыстами. Особенно усердствовали драконидьі, брезгливо отталкивая зверьков облегченными подобиями сайс без металлического острия и спицы. Те разбегались с обиженным свистом, крутя в воздухе змеиными хвостами, но к следующему экипажу собирались вновь.

Глядя на такую настойчивость возниц, я начал опасаться, что не сдерживаемые хлыстом ящеричные обезьяны будут нахальничать, но все обошлось. Лизардманки оказались удивительно трогательны и деликатны по повадке. От просительно протянутых лапок и заискивающих взглядов невозможно было отвернуться. Не понимаю, как местные могут относиться к ним с таким неприятием. А драконидьі, похоже, еще и стыдятся своего сходства с чешуйчатыми забавниками...

Тут мне стало не до рассуждений, ибо к маневрированию во дворе и парковке наскоро перепрограммированный мной кадавр оказался пригоден куда в меньшей степени, чем к движению по заданному маршруту. Пришлось застопорить коляску чуть ли не посреди двора и звать грумов с носильщиками, надрываясь во всю глотку. Другие экипажи чинно обтекали наш по сторонам, их возницы шипели, а пассажиры вежливо старались не замечать заминки. Мои жены в ответ тоже изображали ледяное спокойствие, а компаньонка ерзала, как на иголках, но боялась даже пикнуть. Это ей не Сухотаможенная площадь с простым народом — дворец!

Тем более что оснований для столь царственного поведения у всех троих было предостаточно. К приему женская часть дипмиссии подготовилась всерьез, и результаты невозможно было не оценить.

Что такое Хирра при полном параде, я запомнил по визиту ее кузена, и на сей раз масштабов тогдашней вычурности старшая жена не превысила. Даже чуть скромнее, если можно так выразиться, вариант подобрала. Отчасти потому, что по местной жаре не смогла накрутить на себя столько же, сколько в прошлый раз, а отчасти оттого, что человеческо-

драконидской аудитории излишних тонкостей эльфийского вкуса все одно не разобрать.

Так что металлизированные сталью, серебром и платиной локоны в высоченной и пышной угольно-черной прическе, те же цвета грима, двухслойное платье из антрацитовой парчи, затянутой черным шифоном с узором под паучьи сети и с платиновыми же пауками в центре каждой сети, атласные перчатки, туфли лаково-смоляной кожи с такого же стиля пряжками и прочие драгоценности на ту же арахнидную тему — это все не всерьез, для порядка только...

А вот младшую жену в вечернем варианте я видел впервые в жизни, и зрелище того заслуживало. Можно только порадоваться, что всю дорогу Келла вместе с Пемси сидела напротив, на передних сиденьях коляски, позволив вдоволь налюбоваться собой.

В сравнении с пышностью убора моей высокородной стиль наряда Древнейшей смотрелся более строгим и одновременно более легким. Силуэт бледно-зеленого, в цвет водорослевому папирусу высшего класса, платья внизу терялся в сплетении изумрудного и травянистого узора, а вверху распускался почти белыми лепестками фантастического цветка. Рядом с золотисто-кофейным декольте, усеянным зеленым жемчугом, этот цвет не смотрелся траурным. Пряди взбитых хризантемой медовых волос были тонированы всеми оттенками теплых цветов, от золотистого до шоколадного, и пронизаны искрами голубого «морского» золота, которым славится Хисах. Тот же металлизатор на губах и на веках, и тот же металл в украшениях, обрамляющий зеленый жемчуг...

Засмотревшись в очередной раз, я чуть не пропустил момент, когда надо было выходить у парадной лестницы, ведущей в залы приемов. Едва успел выскочить, чтобы подать руку, помогая сойти сначала старшей, потом младшей жене, а затем и компаньонке.

Саму себя оформив подчеркнуто строго, Келла отыгралась на унтер-бандерше. Не слишком сдерживая фантазию, моя древнейшая соорудила из городской оторвы настоящую пустынную принцессу, смешав детали анарисского и тайрисского разбойничьего наряда с дорогими тканями и драгоценностями. Все — в цветах пойманной посреди пустыни тесьмы хтангской династии, бирюзовом и золотом...

Во главе этой процессии, переливающейся холодными тонами, как северное сияние над Огроморем, я и поднялся по мраморным ступеням. Следом слуги в шитых золотом прозрачных бурнусах поверх парчовых набедренных повязок несли дары, предназначенные султану. Даров заметно прибавилось, ибо мне в голову пришла неплохая, как показалось, идея.

На верхней площадке стражники в лиловых туниках почтительно, но твердо преградили нам дорогу скрещенными сайсами. Ненадолго — стоявший позади них правительственный маг человеческой крови, в того же лилового цвета плаще, сделал знак развести оружие в стороны, шагнув навстречу.

— Клянетесь ли вы, эфенди, и вы, хай-ханум, не использовать присущую или необходимую вам магию во вред Его Великолепию? — вопрос формальный, но оттого не менее значимый.

— Клянемся! — в один голос ответили все мы. Даже Пемси, у которой ни той, ни другой в загашнике не водилось. У жен-то присущая всем эльфам, как расе, имеется в полном объеме, а у меня та же от Меча Повторной Жизни, да необходимая — от Зерен Истины, продлевающих мое существование выше человеческих пределов. Так сказать, магия на внешней подвеске, вроде баллона с огневым туманом, дефером или «ведьминым студнем» под брюхом флайбота.

— Примите же свидетельства вашей клятвы! — торжественно возгласил маг.

Поклонившись в ответ, он протянул четыре уже знакомых «огненных звезды» — гостевых пайцзы не простого, а голубого золота на широких сборках цепочек. Свою я, понятное дело, приспособил на шею. Хирра тоже пристроила между иными ожерельями и колье, а вот Келла, разомкнув замок, обернула цепочками талию, а звезду пристроила на бедро.

Подражая атаманше, ее унтер-бандерша тоже привесила пайцзу на пояс. Правительственный колдун аж скривился, видя такое непочтение к артефактам, призванным засвидетельствовать наши добрые намерения в отношении султана и покарать любое отступление от оных. Но возражать вслух не стал и почтительно отступил, приглашая войти. Что мы и сделали, не заставляя ждать герольда, уже приступившего к зачтению наших титулов. На всю семью их полторы минуты

набралось, аккурат чтобы маг у нас за спинами успел проверить и опечатать пайцзами поменьше дары на руках вереницы слуг и служанок.

Некоторые из этих предметов оказались настолько необычны даже для ученого колдуна, что тот не сдержал удивленного возгласа, коим отвлек меня от финала представления. Так что я пропустил, под каким наименованием проникла во дворец Памела. Ничего, впечатление стоило утраты.

Посмотрим, как удивится султан нежданному пополнению официального набора подношений. Обычные-то драгоценные и магические безделушки, наверное, давно ему надоели...

Герольд зачитывал титулы над тридакной ближней связи, разносящей его голос по всему дворцу, поэтому, когда по длинной анфиладе мы прошли к залу приемов, представлять нас повторно не пришлось.

Миновав три занавеса из усаженных хрустальными шариками нитей, мы вступили под своды круглого купола с колоннадой по периметру, поддерживающей галерею. С обоих ярусов, нижнего и верхнего, радиально расходились по шесть коридоров к иным строениям дворца, между каждыми двумя нижними один верхний.

Напротив входа в зал с ведущими на галерею лестницами возвышался тронный помост и на нем два трона. Не для султана и его супруги — по заимствованному у эльфов многобрачию одной женой повелители Хисаха не обходились со времен установившего сей обычай принца Халеда — а для Его Великолепия и Великого Визиря.

Того самого, который с утра усомнился в целесообразности моего пребывания при дворе и в самой стране, да и сейчас не спешил обратить внимание на присутствие в зале дипломатической миссии сопредельного государства. Прибывшие позднее посольства Иэри и Атины уже были представлены султану, а временное представительство враждебного нам Тесайра вообще прошло первым!

Утешало лишь то, что некий порядок в этой пренебрежительной последовательности все же имелся. Хотя бы и обратный алфавитный...

Наконец помощница герольда в дворцовом золоте с ног до головы, включая полностью металлизированную «ведьминым чаем» высокую прическу «ракушкой», разыскала нас в

толпе гостей и пригласила следовать за ней к тронам. Сделать это ей не составило никакого труда — среди пестро разряженных, обвешанных бесчисленными украшениями людей и драконидов мы были... Самыми одетыми.

Нет, ткани на некоторых и побольше нашего случалось. Особенно на тех, кто нацепил по три-четыре абсолютно прозрачных бурнуса разных цветов, расшитых золотом и драгоценностями. Парча набедренных повязок у таких исчезала под украшениями, если вообще имелась изначально.

Кроме всего прочего, эльфийский рост моих жен, еще больше подчеркнутый высоченными каблуками и прическами, не оставлял шанса спутать наше посольство с кем бы то ни было. Сам я, даже в парадном мундире Заклятых Рейнджеров с лампасами и аксельбантами по традиционному камуфляжу, на фоне этого великолепия просто терялся.

Долгий путь между гостями закончился, и суб-герольдесса возвестила о нашем прибытии пред лик Султана Хисахского уже по полной форме именования государства.

— Посольство Союза Эльфийских Городов Анарисса, Герисса и Тайрисса, представляющее также интересы Огрии, Фолькcдранга и Союза Племен!!! — С этими словами она приняла у меня свиток верительных грамот и упала на одно колено, передавая их обитателям помоста.

Сам я почтительно согнулся в поклоне, отрепетированном еще до отъезда из дому, жены грациозно присели в глубоких реверансах, а компаньонка с горем пополам попыталась им подражать. Хорошо хоть позади всех и не особенно разъезжаясь на сверкающем полированным камнем полу.

Подняв глаза от мозаичной плитки, я с плохо скрываемым любопытством уставился на повелителя Хисаха и его вернейшего царедворца.

Надеюсь, свое впечатление от увиденного мне удалось скрыть лучше. Ибо начинать многолетнее пребывание при дворе с вытянувшейся в гримасе неприятия физиономии, по крайней мере, неосторожно. А иной реакции двое, деливших тронное возвышение под присборенным пологом из золотой парчи, не заслуживали в принципе. И кто из них хуже, с одного маху я решить не брался.

Султан Мехмет-Али Двенадцатый, мир со всей дюжиной, в одном лице являл собой все недостатки власти, передавае-

мой по наследству. Малорослый толстяк с вялым невыразительным лицом, заросшим курчавой бородой, и бессмысленным взглядом младенца-переростка теребил кисть расшитого драгоценными камнями пояса, отрывая подвеску за подвеской. Тут же отбрасывая камешки, он уже порядком замусорил помост перед своим троном. Несколько штук завалилось в складки султанских шальвар — перекатывая их, правитель Хисаха нелепо сучил ногами.

Да, достался стране султан. Слюни на ковер хоть не пускает, и на том спасибо...

Но если повелитель выглядел и являлся по своей сути обыкновенным тихим идиотом, то его приспешник, напротив, представлял собой классического лиходея-умника. Злыдня карикатурного, лубочного, балаганного в худших традициях пафосной трагедии.

Высокий лоб с залысинами уходил под лиловый, в черных с золотом узорах, тюрбан со здоровенным эгретом, усеянным алмазами и служившим основанием для целого фонтана серебристых перьев. Глубоко запавшие глаза были еще и подведены, чтобы казаться горящими в своих провалах, серповидные скулы и узкие челюсти придавали Великому Визирю сходство с хищной пресноводной рыбой. Подвижность узкогубого рта под крючковатым носом поражала. В довершение всего, явно желая выказать свою общность с государственным механизмом, царедворец с головы до ног был одет в правительственный лиловый цвет. Будто заявляя тем: «Государство — это я»...

И, словно густая тень, отбрасываемая одновременно господином и слугой, за троном маячила фигура необъятного толстяка в угольно-черном одеянии и такой же чалме. О должности Блюстителя Трона приходилось слышать и прежде, но видеть того, кто призван всю жизнь пребывать в семи шагах от власти, чтобы обеспечить законность ее перехода, было все равно странно.

— Его Великолепие и я, его скромный слуга Музафар, некоторыми также прозванный Великолепным, рады приветствовать посланцев славного Союза Эльфийских Городов в благословенной Хасире! — Вдоволь насладившись оказанным эффектом, Великий Визирь соизволил представиться сам.

— Анарисс в лице нашего посольства пребывает в восхищении столь обильным великолепием, являемым Султаном и вами. — Надеюсь, с обилием я не переборщил. — И просит Его Великолепие принять дары, скромность которых объясняется лишь трудностями доставки через пустыню.

— О! Надеюсь, эти трудности вас не утомили? Однообразие пустыни навевает непереносимую скуку... — Лениво похлопывая свитком верительных грамот о подставленную ладонь, Музафар очень живо изобразил это состояние, намекая, что иного чувства у него и присутствующих мы вызвать не способны.

— Нет, по счастью, нас развлекала охота. — Не ухмыльнуться в ответ было очень трудно. Особенно если вспомнить, как легко и весело было на той охоте... И понять, что Великий Визирь сам подвел меня к теме, которую иначе пришлось бы поднимать очень издалека. Слуги как раз разложили на помосте и развернули все свертки с дарами, кроме последнего. Знаком я придержал его распаковку.

— Полагаю, она была для вас удачной? — с наигранным вниманием поинтересовался царедворец, откладывая бумаги. — Вероятно, даже удалось кого-нибудь добыть? Какого-нибудь... э... зверька? Ящерку там, змейку... лягушку, наконец?

Похоже, история нашего прибытия в Хасиру добралась и до дворца. Именно до тех ушей, которым лучше бы ее не слышать. Лягушки, значит. Что ж... Будет тебе лягушка, пакостник. Вот сейчас и будет, прямо за пазуху.

— Нет, привычные вам виды добычи нам не встретились. — Услышав это, Музафар развел руками, демонстрируя разочарование и еще не зная, что я готовлю ему облом покруче. — Пришлось удовлетвориться иным трофеем... Песчаной акулой.

Зал ахнул. Несомненно, эту легенду знали по обе стороны Девственной Пустыни. Великий Визирь на мгновение замер, но тут же хищно улыбнулся, найдя, как показалось, слабое место в моем хвастовстве:

— Каким наслаждением было бы увидеть хоть часть этого трофея в подтверждение ваших слов!

Подразумевалось, что это невозможно по определению. Тут-то и настал момент для плана, пришедшего мне в голову перед самым выездом. Указав слуге у последнего тюка развернуть его, я во всеуслышание объявил:

— Позвольте же тогда сложить к ногам Его Великолепия драконью долю трофея — мозговую капсулу песчаной акулы, наибольший из уцелевших кусков ее шкуры и ожерелье из священного числа — семи зубов!

Услышав мой повышенный тон, султан недоумевающе хрюкнул, дав возможность Великому Визирю почтительно ему поклониться вместо реакции на сказанное. Затем, выхватив кого-то из толпы взглядом, вельможа подозвал его повелительным взмахом руки. Так цапля ловила бы лягушек в меканской топи, будь она обучена магии.

Опять лягушки... Хватит уже. Явившийся по требованию Музафара старичок в громадном тюрбане на земноводное отнюдь не походил. Скорее на очень дряхлое насекомое, вроде богомола, будь тот вегетарианцем. Никакого оттенка хищности в ломком тельце и узкой физиономии маразматичного кузнечика.

— О Джамал-ага, мудрейший из смотрителей Залов Удивления дворца! Султан повелел, — Великий Визирь склонил голову перед своим малодееспособным повелителем, — принять дар наших оригинальных гостей, дабы поместить на приличествующее ему место!

И мило улыбнулся, невинно-невинно приглашая почтенное собрание от души посмеяться над неотесанными гостями и их смехотворным подношением. Зал участливо расхохотался, не подведя мастера церемоний, одной репликой превратившего кровавый успех в насмешку.

Каюсь, не лучшая оказалась идея — наряду с официальными дарами поделиться и славой невиданной добычи. Одно дело, когда посреди Девственной Пустыни смертельно опасная тварь истекает дымом и пламенем, разлетаясь в клочья от удачного выстрела. И совсем другое — варварского вида связка пятнадцатидюймовых клыков, треснувшая от жара ноздреватая сфера с хорошую дыню размером и рулончик опаленной шкуры, более походящей на плотницкий наждак для обдирания балок, нежели на трофей благородной охоты.

Однако конечный адресат даров отнюдь не был склонен разделить иронию высшего придворного. Старичок с неподдельным восторгом уставился на неаппетитный трофей и, не сдержавшись, разразился ответно-благодарственным словом. Несколько безадресным, на мой вкус, но оттого не менее искренним.

— О счастливейший миг! Дело всей моей жизни увенчалось успехом! Существование Дракоморфа Десерти, сиречь Акулы Песчаной, получило научное подтверждение!!!

Источник его радости немного не соответствовал нашему восприятию, но тем не менее оказался вполне понятным. Ученый дедок попался, осечка с ним вышла у Музафара Великолепного. Тот даже скривился малость, готовясь мановением руки удалить не в меру восторженного придворного антиквара. Но тот уже вошел в такой раж, что, не обращая особого внимания на распорядителя приема, с трудом отыскал нас рассеянным взором в двух шагах от себя и обратился напрямую:

— Осмелюсь просить благородных посланников поведать, кто поразил чудовище? Каковы были обстоятельства сего потрясающего события?

Тут, словно опомнившись, старичок повернулся к Великому Визирю, ожидая его позволения продолжить столь будоражащий его разговор. Видимо, в надежде позабавиться неумелым хвастовством солдафона, добывшего невиданную тварь, Музафар соизволил одобрить инициативу подчиненного.

Пришло время отыграться. Обернувшись к Келле, я одними уголками губ улыбнулся и величественно кивнул. Она, в свою очередь, низко склонила передо мной голову и, выпрямившись, невыразимо царственным жестом подозвала Пемси, мявшуюся в отдалении за нашими спинами. Та тоже не подкачала — выйдя на авансцену, упала на одно колено перед своей атаманшей, по-тесайрски упершись ладонью в пол. Ожерелье из бесчисленных зубов песчаной акулы брякнуло, едва не вонзившись в мозаичный камень, концы головной тесьмы Хтангской династии мазнули по плиткам. Встав, она развернулась к трону, прошла три шага танцующей походкой и три раза глубоко присела в книксене — перед султаном, визирем и смотрителем поочередно.

— Нык, дело так было, эта... — начала пышечка дозволенные речи, отчего-то на пустынном жаргоне Чухчая. Не иначе желая подчеркнуть несообразность чудовищного трофея, кукольно-комичной внешности охотницы и ее военного-бордельного стиля приветствий.

Но Музафару уже было все равно, хоть она на кеннэ докладывай, с танцами и битьем в бубен. Его с ходу доконало

одно то, что между ним и спрашивающим наличествовала лишь одна ступень поклонения, а между мной и отвечающей — аж целых две. Похоже, оружие возмездия было избрано совершенно правильно.

Поэтому не пришлось удивляться, что следующий вопрос антиквара царедворец прервал снисходительным:

— Подробности сего поистине удивительного деяния вы можете обсудить в приватной беседе, о мудрейший, — и взмахом руки позволил тому удалиться. Делать нечего, пришлось отпустить Памелу — с теми же сложностями, через голову Келлы. Что интересно, она моментально подхватила дедка под руку и уволокла куда-то на галерею. Видимо, хвастаться понравилось.

Тем временем Великий Визирь соизволил вновь перенести огонь тяжелых метателей на меня.

— Воистину удивительны должны быть трофеи, которые военный посланник блистательного Анарисса берет на гарпун самолично, если эту, э-э... — тут он сделал вид, что не может припомнить, — песчаную акулу он оставляет жемчужине своей свиты.

— Не добываю того, что не собираюсь съесть, — согласился я, поигрывая своим ожерельем из треугольных зубов. — Пескозмей, к примеру — совсем другое дело. А несъедобное, для забавы, можно и жениной компаньонке уступить. Пусть девочка развеется...

Пескозмей — это здесь понимали. Достойный деликатес. По залу прокатился вздох с оттенком голодного сглатывания. Увесистый болт опять лег в цель, аж мишень задрожала. То есть Музафар затрясся. Надеюсь, в этот миг Судьба отвернулась и пропустила мимо ушей мое вранье, а то еще обратно через пустыню идти. Не будь Пемси, и я сейчас, может, не стоял бы здесь. По крайней мере, в целости и сохранности...

— Что ж, приятно видеть подобную умеренность в развлечениях столь высокого сановника Концерна Тринадцати. — Царедворец быстро справился с раздражением, явно питаемый мыслью о новой пакости. — И у нас есть скромный дар, сообразный вашим склонностям при выборе трофеев и свиты.

Тут Музафар Великолепный хлопнул в ладони у левого уха, еще раз — у правого и наконец прямо перед собой.

В одной из галерей позади трона заколыхались шнуры занавесей в хрустальных каплях подвесок. Кто-то шел сквозь

них, раздвигая осторожно и точно. Шаги эти отдавались вдоль галереи легко, но как-то слегка жестковато, словно идущая — почему-то не оставалось сомнений, что это женщина — двигалась не своим стремлением, а внешней волей.

Гибкая фигура, укутанная полудюжиной, не меньше, полупрозрачных покрывал, вплыла в зал и остановилась перед троном. Невольно все расступились, давая место новоприбывшей. Мы и то отошли на пару шагов, хотя ничего устрашающего или неприятного в ней не ощущалось — просто чувство дистанции, требующее неукоснительного соблюдения.

— Танцуй! — как-то капризно прозвучал приказ Великого Визиря.

— Слушаюсь, мой повелитель. — Странный голос со свистяще-шипящими нотками прозвучал спокойно, но напряженно. Будто по струне, еще дрожащей от прежнего аккорда, провели листом осоки, длинным и острым, иссохшим на ветру до звонкого хруста. Словно собственное эхо заключал в себе этот голос, создавая ощущение необыкновенно слаженного дуэта, исходящего из одних уст.

Что-то в этом роде я уже слышал — кажется, на той же таможне...

Без особого требования публика, затихшая так, что все вышесказанное было отлично слышно, расступилась еще шире, образуя перед троном круг. Не слишком широкий, футов сорок, так что нам с женами пришлось отступить ненамного.

Из центра круга танцовщица чуть ли не нам под ноги пустила извлеченный из-под покрывал хрустальный шар. Остановившись в паре футов от носков моих парадных штиблет, он засиял огоньками активных точек и зазвучал, дав музыку начинающемуся танцу.

Та полилась спокойно и свободно — струнные, вроде иэрийской гитары, и мягкий духовой инструмент, скорее всего, гобой. То чередуясь, то сплетаясь, они вели мелодию, ритм которой больше всего напоминал морской прибой. Излюбленная тема ожидания, льющаяся из каждой хисахской раковины, заклятой на дальнюю связь.

Сбрасывая первое, фиолетовое покрывало, женщина обошла круг, протягивая руки в пространство, точно в поиске чего-то недостающего, вернулась в центр пустующей площад-

ки и закружилась там, все так же пытаясь плавными, гладящими движениями нащупать в воздухе нечто невидимое.

Безуспешность и этой попытки стоила ей следующего покрывала — синего. Теперь танцовщица не сама пыталась найти, а звала, заманивала нечто, по ее мнению, однозначно существующее и необходимое, показывала каждым движением всю ласку и осторожность, с которой примет неведомое, согласись то прийти на зов.

Вновь пожертвовав очередным, голубым покрывалом в долгом взмахе обеими руками — почти броске, — танцовщица, похоже, достигла своей цели. Нечто явилось — это было видно в каждом ее движении. Нежное, бесформенное и любопытное, оно вилось вокруг постепенно проступающей сквозь ткань гибкой фигуры, поддаваясь на осторожную ласку и постепенно доверяя себя призвавшей.

Та почувствовала свой успех и власть, медленно переступая теперь вокруг довольной и покорной добычи — сама охотница, но не убийца. Скорее наездница, готовая усмирить и обучить пойманного скакуна, сделав его верным помощником в деле. Естественно, еще одно покрывало, зеленое, было совершенно лишним при этом и отлетело в сторону небрежно и легко.

Любое обучение начинается с игры, а лучшей формой для первых игр разумных и неразумных существ был и будет мяч. Сноровисто и быстро танцовщица придала полностью подвластной ей добыче необходимую форму и пустилась в игру, заставляя ту повиноваться каждому движению танца.

Иллюзией это было или реальностью, но раз за разом мне казалось, что невидимый мяч проминает округлым боком прозрачную ткань желтого покрывала. Все шире и свободней он кружил в руках своей всевластной повелительницы, взлетая и вновь возвращаясь по мановению ее руки, пока в очередном прыжке не увлек за собой покрывало, сорвав его!

Могу поклясться, что в танце этом не было ни крохи колдовства, ни один прибор не показал бы ничего — хоть брось сейчас тот же мяч-тестер прямо в круг, как клинок в загулявший вихрь...

Это была магия без заклятий, амулетов и зелий. Магия без магии.

Обучение сущности завершилось, настала пора пустить ее в дело. Размашистыми движениями пропуская меж ладо-

ней невидимое, женщина вытянула и изогнула его, заострив на концах. Теперь это было оружие, и в движениях танца отчетливо угадывались приемы работы с сайсой, удары, блоки и колющие выпады.

Теперь оранжевое покрывало танцовщицы вилось в воздухе, как бешеное пламя на пожаре, следуя за взмахами невидимого оружия и отчетливо проминаясь под его древком. Когда прозрачная ткань широкой огненной полосой словно стекла с лезвия, ударив в пол перед тронным помостом, я удивился, как ковры на нем не вспыхнули.

Должно быть, так Тилла-Молния сражалась в поединке богов, давшем начало Войне Сил. Огненная стихия явственно читалась в каждом движении танцовщицы, вновь решившей сменить форму и назначение подвластной ей сути.

Размеренные шаги и жесты обрели еще большую легкость, а то, что было игрушкой и оружием, стало чем-то иным. Сразу угадать, что это такое, не получалось — что-то плоское и небольшое, сложенное из отдельных частей. Причем с новой ипостасью своего невидимого инструмента женщина обращалась куда более бережно и как-то... наравне, как с осознавшим себя партнером.

Что это, я понял, лишь когда первый лист несуществующей книги вырвался из пальцев танцовщицы. А затем одна за другой невидимые страницы полетели прочь, провожаемые гладящими взмахами рук. Она не пыталась их удержать — напротив, с охотой отпускала в полет, научив всему, чему могла, и теперь освобождая.

И все-таки казалось, что каждый лист уносит частицу самой создательницы своих новых сил и качеств. Закружившись в прощальном хороводе, они сорвали последнее, алое покрывало, обнажая ее суть и раскрывая тайну.

Точности выражений и таланту в преподнесении подарков Великого Визиря можно было лишь позавидовать. Мои склонности в выборе трофеев и свиты оказались одинаково полно отражены в образе танцовщицы. Женщина, дракон и змея в одном лице — драконидка!

Умеет же злыдень, когда захочет...

Увы, даже столь потрясающему моменту было не дано завершиться безупречно.

— Иза'манка! Иза'манка!!! — вдруг радостно заагукал сул-

тан, разъявив рот и указывая на танцующую драконидку толстым пальцем с непропорционально узким и длинным ногтем.

Словно подрубленная сравнением с ящеричной обезьяной, та опустилась на колени, завершив танец круговым движением рук. Но даже высочайшая глупость Его Великолепия не смогла испортить впечатление. Мы застыли, не в силах отвести взгляда от гибкого чешуйчатого тела, прикрытого лишь украшениями. И спорю, не многие в зале захотели поддержать монаршью «шутку» приличествующим смешком. На миг застыв неподвижно, теперь женщина драконьей крови медленно поднималась.

Что ж, танец оказался истинным даром нам, а талант танцовщицы — даром Судьбы ей самой, ее стране и расе. Не думал, что когда-нибудь за что-нибудь смогу быть благодарен Музафару Подколодному, то есть Великолепному, но вот же...

— Дарю эту наложницу вам, о блистательный, — прервал во мне борьбу раскаяния с неприязнью означенный гад. — Дабы уравновесить сверкание вашей свиты второй жемчужиной под пару удивительной охотнице.

Не было у фермера печали, высидел фермер крикунов. Это как? Это что? То есть делать теперь что? Мне делать? С ней делать?! Уй-я...

В поисках поддержки я завертел головой, обращаясь попеременно то к Хирре, то к Келле. Но выражение лиц у обеих было не менее ошарашенным, чем у меня самого, как полагаю. У моей древнейшей — еще и с оттенком раздражения. В отличие от моей высокородной, которая скорее склонялась к сочувствию, но опять же не ко мне, а к даримой драконидке. Так что помощи тут не дождешься. Приехали... В Хисах.

— Возможен ли такой дар? — очень осторожно поискал я пути к отступлению. — В чьей он воле?

— Я не в своей воле силой принятых обетов, — ответила мне танцовщица раньше, чем Великий Визирь. — Нет ничего зазорного в том, чтобы принять меня, мой повелитель.

Чисто машинально я кивнул, соглашаясь. Музафару осталось только зубами скрипнуть: как же, без него все разрулили. Похоже, он надеялся не столько навредить мне, сколько самому избавиться от змеиного язычка наложницы. И то она ему все удовольствие спортила. Но все равно, несмотря

на чувствительные тычки и пропущенные удары, первый раунд этого кулачного боя за ним. Поскольку меня можно уносить. В нокауте.

Однако это было еще не все. Напоследок драконидка решила отвесить прежнему хозяину какую-то особо замысловатую, похоже, ей одной понятную словесную плюху. Уже подходя ко мне, она обернулась и бросила через плечо:

— Я Исэсс, Говорящая с Судьбой, — заодно и представилась. — И для тебя, Великий Визирь, у нее тоже найдутся слова: Бирюза будет править Хисахом, приняв власть из руки, отмеченной Повелителем Неба!

Лучше бы, конечно, она сообщила свое имя и титул непосредственно нам. Да еще без отягощения совершенно излишними прорицаниями смутного характера. По залу, во всяком случае, прокатился пораженный ропот. Разумеется, адресат пророчества не замедлил среагировать.

— Простите, забыл предупредить: бедняжка совсем помешалась на легендах «Халедаты» и еще более древних преданиях, — Музафар с лживым сочувствием пожал плечами. — Так и видит, что из пустыни выйдет Священное Воинство, осеняемое крылом Перводракона...

Вместо ответа на эту шпильку Исэсс снова упала на колени и уперлась гладким округлым лбом в мою бессознательно выставленную ладонь. Вконец оторопев, я не мог даже пошевелиться. Ни тогда, ни несколькими секундами позже, когда драконидка так же внезапно подняла лицо. Ее узкие ноздри раздувались, вертикальные зрачки взволнованно расширились почти до кругов. Прозрачные веки, искусно подкрашенные по краям, затрепетали и полностью открыли глаза. Внезапно из приоткрытых губ женщины драконьей крови выскользнул узкий раздвоенный язык и в долю секунды неожиданно сухим прикосновением обшарил мне кисть руки.

— Так это ты! — Пораженная, она распрямилась, вставая. — По слову и завету...

Хорошо, что сие прозвучало уже потише. Продолжения спектакля зал, похоже, не вынес бы. Тем более что зрителей прибавилось — в общую массу снова влилась Пемси со своим престарелым почитателем научного свойства и стайкой каких-то юнцов в зелено-голубых чалмах. Видимо, студиозусы местные, ученики вышеозначенного придворного антиква-

ра и научного консультанта в одном лице. Их головные уборы пришлись исключительно в цвет хтангской тесьме унтербандерши, моментально ставшей здесь, похоже, весьма популярной.

Драконидку это явление добило вконец. По всей зеленовато-серой коже Исэсс побежали радужные волны, как у хамелеона в меканских топях. Еще на полдюжины шагов к моим женам, гордо выпрямившись, ее хватило, затем ноги подкосились, и чуть не толкнув недовольно отпрянувшую Келлу, танцовщица уткнулась прямо в грудь Хирре. Той оставалось лишь заботливо подхватить мою новую спутницу.

Меня бы кто поддержал, а то, не ровен час... Одна Памела всегда наготове, но ей бы лучше об этом забыть!

Великому Визирю увиденное, судя по всему, тоже даром не прошло. Во всяком случае, на юнцов, их седобородого вожака и обретенную теми живую реликвию в лице не к добру мной помянутой компаньонки младшей жены он покосился крайне недобро. Счастье, что Пемси этого не заметила, увлеченная иными, восхищенными взглядами. А то у нее, по старой привычке уличной бандитки, гирька на цепочке, бритва или заточка в руке не задержались бы. На такие взгляды «Гекопардовые Орхидеи» привыкли реагировать просто и незамысловато. Разбирай потом международный скандал...

Так или иначе, обошлось. Скандал если и назревал, то совсем по иной причине, тем не менее связанной все с тем же Музафаром. Точнее, именно им самим и представленной почтеннейшей публике в монологе, поистине балаганном как по форме, так и по содержанию.

— Теперь, когда все законы гостеприимства и дипломатические формальности соблюдены, я могу обрести счастье, возвестив о настающем для благословенного Хисаха веке мира и безопасности!!!

Что еще за гнусность заготовил истинный повелитель страны, лишь одной ступенью великолепия отделенный от султанского титула? Обычно обещания всяческих благ призваны подсластить неприятности как минимум не уступающего им масштаба. Долго он еще паузу собирается держать?!

— В ответ на благую волю Тесайра, давшего гарантии миролюбивого поведения Иэри и Атины, Хисах расторгает все военные союзы и выходит из иных существующих соглаше-

ний! — осчастливил наконец присутствующих Великий Визирь.

Вот тебе и новость... Длинную тираду, повествующую преимущественно о взаимоотношениях богов Дня и Ночи, их аватар и демонов с гномами как в постели, так и вне таковой, пришлось проглотить. В порядке соблюдения дипломатического протокола, в рамках которого запрещено убивать государственных чиновников высшего ранга принимающей стороны.

Как не раз уже, канцелярщина принесла облегчение там, где не смогла ругань. Какие союзы и соглашения?! Кроме того дипломатического пакта, что связывает Хисах и Анарисс, других эта страна не заключала никогда и ни с кем!

Мгновенно стали понятны утренние намеки Музафара насчет нежелательности моего пребывания здесь в качестве военного атташе. Уж не знаю, что мог Хисах не поделить с Иэри и Атиной, лежащими по ту сторону Мангровой Дельты, принадлежащей Тесайру. Море разве что...

Впрочем, какой бы раздор на деле ни связывал страны, разделенные Зодиакальным морем и заливом Ротеро, поручителя своей безопасности они выбрали худшего из возможных. Поверил рогач дракону... Обязательства Империи Людей — это что-то сроду небывалое, вроде гнома на анарисских улицах. Не ругательного, а настоящего. Маг-Император и его прихоти — вот закон страны, лежащий по ту сторону нижнего течения Анара, закон непредсказуемый и жестокий.

Меж тем Великий Визирь упивался мигом своего политического триумфа. Выпрямившись во весь свой немалый для человека рост, он широко развел руки и тоном Приснодеда, принесшего детям подарки на Приснодень, возгласил:

— В ознаменование исторического решения, принятого Его Великолепием, завтра будет проведен парад!

Аплодисментами это заявление встретили все присутствующие, кроме нас и немногочисленных военных чинов. Отмечать сверхкапитуляцию и фактический отказ от суверенитета торжественным прохождением войск — в этом было что-то глубоко извращенное. Как примут сие армия и флот, видно было сразу, и на парад не ходи.

Хотя нет, такого удовольствия злокозненному царедворцу я не доставлю.

Не знаю, как для кого, но лично для меня остаток вечера оказался окончательно смят. То есть всмятку размазан этим набором событий и совпадений. На дальнейшие реплики окружающих я реагировал исключительно вяло, включая последовавшее вручение приглашений на ранее помянутый парад. До того, чтобы исключить дипломатическую миссию Анарисса из числа приглашенных, Музафар в своей злокозненности еще не дошел.

Наконец главный герольд возвестил окончание приема. Подождав немного, чтобы не угодить в давку спешащих отбыть, мы прошли к своему экипажу, предупредительно выведенному грумами чуть ли не к самым воротам. Видно, наше прибытие столь впечатлило их, что на сей раз расторопные служители дворца решили подстраховаться.

Обратный путь особо не запомнился, разве что почему-то запало в память ощущение от узкого прохладного бедра драконидки, сидевшей между нами с Хиррой. Не к Келле же ее сажать на сиденье напротив!

Молчаливое неприятие, излучаемое младшей женой в адрес наложницы, осталось неизменным и во время позднего ужина, завершившего день. Зато я за едой помаленьку начал отходить от свалившихся мне на голову событий приема. Соображение пришло в норму, происходящее вокруг перестало теряться в какой-то дурной дымке.

Прежде всего, конечно, мое внимание привлекла наложница, исключительно аккуратно и воспитанно обходившаяся со столовыми приборами. Мне так освоиться никак не удавалось, несмотря на то что не первый год обретаюсь в темноэльфийском замке в качестве Ночного Властителя... Но куда больше, чем манеры, взгляд неотвязно притягивал сам облик представительницы пятой расы разумных, впервые предоставившей возможность толком рассмотреть себя вблизи, в неформальной обстановке. Во дворце и даже в дороге между нами все время оставалась дистанция, и только здесь, дома, она как-то начала исчезать.

Раскрывшееся поражало. Не чуждостью — схожестью женщин разных рас. Несмотря на узорчатую чешую, отсутствие грудей, вертикальные зрачки и раздвоенный язык, драконидка казалась очень привлекательной, не в последнюю

очередь из-за текучих, исключительно женственных движений. Впрочем, любая эльфь не уступит ей по этому параметру. Особенно Древнейшая.

Украдкой я окинул взглядом старательно рассевшихся по дальним углам стола Келлу и Исэсс. Все-таки верно сказала одна из Великих Жриц древности: кошка — та же змея, только в шубке...

Сколько вижу младших детей Отца, столько поражаюсь, что при всех своих особенностях дракониды вполне успешно смешивают кровь с любыми другими разумными. С обычным наследованием расы вперекрест с полом.

Вообще все известные мне существа, обладающие разумом, способны иметь общее жизнеспособное потомство. Похоже, демиург мира сего был сексуальным маньяком почище меня!

Жаль, из-за неприязни моей древнейшей к наложнице мне не светит проверить, как именно преломилось это в прежде незнакомых мне столь близко творениях. Келла — Оинт-Пэт, «Шпага», а Исэсс, по всему видать — Плог-Оинт, «Копье». Против тарана нету обмана, вот и срывается то и дело. Символ зачастую сильнее разума, так что замирения между младшей женой и наложницей ждать не приходится.

А единственный путь обойти Высокую Клятву, связывающую нас с Хиррой, состоял в формальном вступлении драконидки в «Гекопардовые Орхидеи». Это хотя бы уравняло бы ту в правах на мужа атаманши с Пемси и остальным составом женской подростковой банды. Да только что о том рассуждать — под свою руку атаманша-«подзахватная» «захватчицу» не примет никогда...

Что ж, обойдемся. Тем более что главная ценность этой наложницы не в постельных танцах, при всей ее привлекательности и моем любопытстве. Хотя жаль, конечно...

Встряхнув головой, я вернулся к текущему моменту из весьма далеких от него размышлений. Насущная же необходимость требовала заняться изменениями в посольстве, связанными с появлением новой обитательницы. Причем рассчитывать в этом случае можно было лишь на помощь старшей жены — по вполне понятным причинам.

— Не поможешь Исэсс выбрать комнату? — Попросить мою высокородную немедленно было лучшей идеей. — А я

пойду ей статус «гостя дома» обеспечу, чтобы защита случайно не сработала, — и пояснил уже самой новой обитательнице посольства: — Дипломатия — дело секретное, так что полный статус, прости, дать не могу.

— Понимаю, мой повелитель. — Драконидка на мгновение подняла прозрачные веки, показывая неприкрытые глаза. — У меня тоже есть тайны, доступ к которым для тебя невозможен.

Ничего себе! Вот так подарочек, с нехилым сюрпризом в запасе...

— А как насчет моих прав на тебя в качестве твоего повелителя? — шутливо спросил я, сбрасывая мгновенное изумление.

— Я в твоей воле, мой повелитель, но не в твоей собственности, — не заставил ждать себя ответ, исчерпывающий в своей холодной точности.

— Поня-я-ятно... — протянул я, тщательно отворачиваясь от торжествующего взгляда младшей жены, обрадованной тем, как быстро раскрыла свою суть с ходу не глянувшаяся ей женщина драконьей крови. Для меня, впрочем, не злую, хоть и пугающую жесткостью. Разница между правлением и владением действительно не маленькая. Причем наложница немедленно поспешила одарить нас еще одним ее прочтением:

— Ты можешь изменить мою судьбу, но не мою душу.

— Не собираюсь делать ни того, ни другого, — попытался я закрыть тему.

— Второе не в твоей власти, первое же — не в твоей воле, мой повелитель, — еще более четко отрезала пророчица пятой расы разумных. — Тебе суждено менять судьбы!

Что тут скажешь? Похоже, ответ, абсолютно точный и столь же неприменимый к делу, как в сказке об астрологе и сломанном воздушном корабле, драконидка способна дать на любые слова. К демонам змеиным посылая все иерархические предрассудки, поставившие меня над ней.

Урок стоил того, чтобы его запомнить. Повелитель — всего лишь тот, кто отдает приказы. В это звание никак не входит готовность окружающих эти приказы исполнять. Что, похоже, и продемонстрировала мне в полный рост хисахская наложница. Во все ее пять футов два дюйма, что для драконидки весьма немало...

В отличие от той же Келлы, первый опыт общения с этим подарочком Великого Визиря не дал мне возможности понять, как к нему следует относиться. То есть к ней.

Вот как относиться к Музафару, видно сразу — не поворачиваться к этому высокоталантливому царедворцу не то чтобы спиной, а вообще любым местом, на котором нет защитного заклятия или хотя бы боевого панциря времен Хтангской династии.

Упускать его из виду слишком надолго тоже, впрочем, не следует — никогда не угадаешь, какую гадость припасет он на следующий раз. Исключительной вредности тип, да еще и символьно — Оэт-Пинт, «Кнут». Наподобие моей высокородной до очищения Мечом Повторной Жизни, сменившим ей цвета аспектов. Только в мужском варианте сей символип не в пример пакостнее...

Ну и демоны с ним, все до единого! Или нет, уже не все. Одну демоницу в пестрой змеиной шкурке Великий Визирь сбагрил нам в посольство. Видно, и его довела. Поверить, что столь тщательно соблюдаемая взаимная неприязнь между подарком и дарителем разыграна специально для нас, грешных, как-то не получалось. Для легенды, прикрывающей введение шпиона в мое окружение, все это смотрелось слишком искренне и тонко.

Впрочем, почему обязательно шпиона? Провокатор во вражеском стане — тоже немало. А провокация может обладать любой долей искренности. Наоборот даже: чем чистосердечнее, тем лучше. Управлять ненавистью легче, чем неприязнью, и уж куда проще, чем спокойным равнодушием. Равнодушного не соблазнишь на лету исполнением простейшего желания. Сначала надо посеять и взрастить в нем это желание, прежде чем собирать урожай жажды...

Так или иначе, с наложницей придется держать ухо востро. Да и самому поберечься, чтобы не дать своим чувствам к Музафару Великолепному сделать себя управляемым.

Или хотя бы слишком предсказуемым, что не многим лучше.

5
Тысяча и одни сумерки

Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
К сожалению, трудно. Красавицы платье задрав,
Видишь то, что искал, а не новые дивные дива.
И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
Но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут —
Тут конец перспективы...

Начало парада было назначено на полдень. До пристани за полчаса добраться можно, если я правильно припоминаю пояснения гида-извозчика. На месте тоже минут за пятнадцать обернуться со всеми церемониями, плюс стандартный запас на все про все...

В общем, за час до того я уже спустился к воротам подготовить выезд. Все-таки хорошо, что в местные легкие повозки запряжены не живые скакуны, а кадавры. Настоящих-то верховых зверей в пустыне не прокормишь, да и от жары им урон слишком велик. А с искусственными их подобиями из семи металлов, движимых пятью стихиями, я всяко общий язык найти смогу по старой армейской закваске.

Переквалифицированного в кучера кадавростюарда тоже удалось натаскать на славу. Во всяком случае, в ворота он теперь попадал с первого раза и способен был маневрировать по двору, не пытаясь протаранить ни ограду, ни особняк, ни попутно задавить меня самого.

Единственное, что слегка отвлекало от привычной работы — доносящееся даже сюда с Теневой площади истошное агуканье султана, с утра пораньше начавшего осваивать прыжковый шнур, преподнесенный в числе прочих даров. Почти неразличимая с такого расстояния фигурка на светящейся нити, прикрепленной к краю верхней площадки Проекционной Башни, плясала и подпрыгивала, как йо-йо с бородой, воплями распугивая с соседних крыш ящеричных обезьянов.

Хорошо хоть те же лизардманки не мешали мне своим любопытством и навязчивостью. Окажись у них крикунячья манера тащить все блестящее при лапах столь же ловких, как руки драконидов с двумя противолежащими остальным паль-

цами, за целость инструментов и амулетов пришлось бы беспокоиться почем зря.

Правда, вокруг посольства ящеричных обезьянов почему-то и в помине не было. Боялись, что ли, мертвого посла не меньше местного персонала?

Так что сборы в путь особо не отняли ни времени, ни внимания — во всяком случае, у меня. Вот в ожидании женской половины семьи и свиты пришлось немного потоптаться у экипажа. Но это в порядке вещей, у любой расы и сословия так положено от начала времен.

Дорога тоже, в противовес дню прибытия, оказалась на редкость обыденна и пустынна. Немногочисленные прохожие спешили в том же направлении, что и мы, и не обращали особого внимания на кортеж посольства с анарисскими флажками на задранных кончиках задних крыльев открытой повозки. Конечно, это вам не торжественный въезд с гоблинихами и лягушками...

Чем ближе к морю, тем чаще улицы пересекали изящно изогнутые арки трубопроводов из пропитанных измененной смолой или заклятых на нетление бамбуковых стволов. Выкрашенные в зеленый цвет — для морской воды, в синий — для горючего газа, добываемого из-под морского дна со специально построенных платформ.

И те, и другие трубы чаще всего вели к очередному храму Лармо-Огненной Бороды. Алтари здешних жрецов в первую очередь были опреснителями, а минареты — маяками. Жители Хисаха не только романтику полагали выгодной политикой, но и религию предпочитали видеть жизненно необходимой.

Кружевное плетение труб зависло в воздухе достаточно высоко, но, проезжая под ним, так и тянуло наклониться. Или глаза опустить, что ли...

Поэтому море, сверкнувшее бесчисленными солнечными бликами в промежутке между домами, я увидел совершенно внезапно. Тут оно обещало показаться во всю силу — уже не призрачной полоской, едва видимой из-за крепостных стен при въезде в город, неотличимой от миража, нереальной...

«В избытке повидав огонь свободный, вихрь в небесах и гор высоких пик, лишь с танцем женщины из всех стихий природных сравню впервые видный моря блик!» — похоже,

не лгут слова Принца Хисахского, впервые въехавшего в Хасиру после проведенной в изгнании юности. Во всяком случае, танцы у нас вчера были такие, что не каждое столетие увидишь, а море, даже мельком показавшееся, уже зацепило что-то внутри не слабее...

Пробиться от государственной стоянки к месту проведения парада оказалось не в пример сложнее. Принявший нас стражник в лиловой тунике минут десять водил нас от одного кордона к другому, сличая врученный ему пергамент в посольских печатях со всеми доступными образцами документов. Я уже начал нервничать, прикидывая, что отведенного в запас времени не хватит до начала церемонии.

Но тут очередной начальник, по умственному уровню способный разобраться в нашем статусе, громогласно наорал на нерасторопного служаку и уже лично направил к трибунам. Даже подсуетился так, чтобы идти пришлось не мимо рыбных складов, как прочей публике, а совершенно особым путем, чистым и благоуханным. Это он сам так выразился про туннель, может, и не воняющий рыбой, но оттого не менее темный и длинный. Султанских путей только в символометрии и ритмодинамике нет, а в жизни они существуют в изобилии. Только никто не гарантирует, что в силу предназначенности избранным они окажутся намного легче и привлекательнее прочих...

Наконец на выходе из туннеля сверкнул резкий, ничем не приглушенный сполох дневного света. Как оказалось, на вторые сутки пребывания в защищенной кофейной тенью Хасире глаза уже отвыкли от южного солнца, палящего в полную силу. Похоже, именно границей порта заканчивалось действие проецируемого на город светофильтра. Да еще тут, за пределами затенителя, морская гладь возвращала добрую половину лучей беснующегося светила белесому от жары небу.

Но все равно так и хотелось рвануть поближе к воде, к солено-горькому запаху волн и намеку на прохладу свежего воздуха. Однако от моря, солнца и порывов ветра нас отделяла еще одна неприятная процедура. По этикету, прежде чем отправиться к отведенным посольству местам, следовало засвидетельствовать почтение султану. То есть, по сути дела, Музафару Злокозненному, без чего лично я обошелся бы с превеликим удовольствием.

Понимая, что как ни вертись, перед этаким злыднем никакой повод к придиркам не утаишь, нервничать я не переставал. Все время перебирал темы, по которым мог бы осрамиться при случае, а перед тем, как окончательно сунуться на вражью территорию, придирчиво оглядел семейство и свиту, проверяя экипировку. Вроде бы все в порядке...

Наряды обеих моих жен являли собой сложную комбинацию местной и анарисской моды. То есть пока все было сооружено еще из привезенных с собой вещей, но с явной оглядкой на климат и давешнего наивного малыша. Судя по всему, из открытых вечерних платьев, посредством ножниц и заколок. Результат более всего напоминал купальники со шлейфами с претензией на минимальное приличие при максимальной роскоши.

Компаньонка, по чисто человеческой слабости, на столь открытую демонстрацию себя обществу не решилась и честно парилась в привычном для нее жилеточно-юбочном варианте.

Единственное, что все трое сделали одинаково — подобрали волосы повыше, чтоб загривки не напекло. Келла — в своеобычные два хвоста над ушами, Пемси — в один высокий, перехваченный давешней бирюзовой лентой, а Хирра — в завернутую набок «ракушку». Одна Исэсс осталась, как была, лишь в украшениях и прозрачной ткани с ног до головы. Драконидке в этом смысле изначально легче по врожденному отсутствию какой бы то ни было гривы.

Меня, в отличие от эльфов-мужчин, зачастую носящих прически длиннее женских, хотя бы эта проблема не донимала. Только бандану на свой обычный ежик не черную, а белую повязал, чтобы голову световым ударом не расшибло. Да комплект униформы подобрал не в меканской джунглевой или там тайрисской таежной, а в герисской, пустынной расцветке камуфляжа.

Видно, и вправду придется послужить родному городу, приведя должность в соответствие с формой. Уж больно много частей экипировки элитного полка Заклятых навесил я на себя за последнее время. Оно и понятно — удобнее еще ничего не придумали. Вот только любое удобство имеет свою цену...

Потому и на парад заявился в том же самом капитан-рейнджерском. Аттаще, посол, военный или дипломатический

чин — хрен разберет, кто я теперь и как должен выглядеть. Как будто из-за дурацких церемоний я влезу в официальный балахон или здешние их несерьезные тряпочки. Ага, ждите!

Мехмет-Али Двенадцатому, как обычно, все было по сараю, кроме мельтешения цветастых ветрячков, украшавших стойки султанской ложи. Верховный главнокомандующий завороженно тянулся пальцами к ярким игрушкам, не обращая на визитеров никакого внимания. Зато Музафар придирчиво оглядел нашу команду, встретив мою униформу долгим неприязненным взглядом, и ничего не сказал. Впрямую не сказал, а обиняками, само собой, подпустил порцию сожалений.

— Вижу, никак не оставите прежних привычек? Боюсь, здешняя жара отучит вас от них одним жестоким уроком... — На последних словах он сладко зажмурился. Но долго пребывать в довольстве ожидающими кого-либо страданиями не мог даже этот законченный себялюбец. — Или вашей коже есть что скрывать? — продолжил доискиваться он, не вытянув паузы и в дюжину секунд. Данное предположение заметно оживило Великого Визиря, вызвав целый каскад домыслов: — Язвы, лишай... Самодвижущиеся непристойные картинки?! — Последняя идея, похоже, наиболее вдохновила его, даже пальцы сами собой зашевелились, разбрасывая по сторонам радужные блики от камней в кольцах.

Какие такие картинки? У меня все прилично, как по уставу положено — клановый знак против сердца да армейские номера под языком, на крестце, загривке и всех конечностях. Чтобы в случае чего собрали правильно, ничего чужого не припутав. Целители там... Или похоронная команда.

Тотема Стийорров на черепе, под волосами, и то нет — его накалывают лишь урожденным Властителям и их высокородным дивам, еще в детстве. Вон у Хирры кончики крыльев на висках проглядывают, и на затылке раздвоенный хвост торчит из-под высоко подобранных волос. Может, это и навело Музафара на мысль?

Если так, то фантазия у царедворца работает неслабо... Даже не знаю, что ему на такое ответить и отвечать ли вообще. Вопросик-то из серии: «Перестали ли вы шарить по чужим кошелькам? И если да, то у кого — только у случайных любовников?» Тут любой ответ — самооговор. Только не все понимают это с ходу.

— У моего повелителя нет порочащих его мет! — внезапно вступилась драконидка за честь новообретенного семейства.

Ей-то откуда знать? Проверить вроде случая не было. В баню вместе не ходили, во всяком случае — не до того вчера было, чтоб по всей форме знакомство устраивать. Когда кому удобнее, тогда и ополоснулись после нелегкого дня.

Или жены наболтали, с ходу за свою признав? Быстры они на доверие...

Но на опровержении вельможных домыслов наложница не остановилась, перейдя в контратаку.

— Ему нет нужды украшать себя неподобающим образом! В отличие от некоторых прежних моих хозяев... — Многозначительная пауза должна была ясно показать, чью манеру совершенствовать свой облик она считает недопустимой.

Но Музафару подобные подколки были что слону трехведерная клизма — лишь провоцировали многократно больший поток гадостей.

— Жаль, жаль, что некоторые не разделяют вкусы своих прежних хозяев... Тогда новых они встречали бы куда более соблазнительными. — Он ощерил в улыбке острые зубы, на мгновение плотоядно показав меж ними кончик ярко-красного языка. — У меня все еще припасена специально для тебя пара обворожительных узоров...

В ответ драконидка только зашипела совершенно по-змеиному. Еще бы!!! С ее чувствительной кожей самая мысль об игле должна быть противна, а предлагать стойкую краску той, что меняет цвета невольно, следуя переживаниям, — издевательство, понятное даже мне.

— Впрочем, ты никогда не умела ценить боль и то, что она дает разуму, — напоследок подпустил семидюймовую зазубренную шпильку утонченный царедворец. Естественно, в самую цель. Исэсс была на полном серьезе готова кинуться на Великого Визиря. Настолько, что я столь же всерьез начал прикидывать, как будет удобнее ее перехватить. В голову, правда, не шло ничего, кроме идеи швырнуть в драконидку Пемси — увесистая пышечка способна остановить и не такой бросок, если придать ей соответствующее ускорение...

По счастью, Хирра успела потушить опасный порыв раньше и меньшими жертвами. Просто обняла наложницу за пле-

чи, нашептывая что-то неслышно-успокаивающее, и как та ни дергалась, увела прочь, в назначенную нам ложу. Разница в росте у них почти полтора фута, так что дергайся не дергайся, шипи не шипи отрывисто — ничего не поможет. Хотя тут моя высокородная, похоже, взяла не физическим напором, а моральным. Мягким и сочувственным, но оттого не менее непреклонным.

Мне с оставшимся составом делегации тоже пора было честь знать. Запоздало испросив разрешения удалиться за всю компанию — так, кажется, именуется это в проклятом дипломатическом этикете, — мы с Келлой и ее унтер-бандершей, счастливо избежавшей судьбы кегельного шара, откланялись. Хватит с нас Музафаровых провокаций с утречка пораньше. Наслушались уже злобной дури...

Впрочем, насчет жары он оказался абсолютно прав. На набережной, вынесенной за край проецируемого светофильтра, мощь южного солнца, смягченная в Хасире заклятием, буйствовала вовсю. Пришлось прикрыть трибуны от палящих лучей по-простецки, без всякой магии.

Натянутые над ложами и рядами скамей тенты отчаянно хлопали, словно подбадривали аплодисментами духовой оркестр, силившийся перекричать свежий морской ветер. По верхушкам волн курчавились ослепительно-белые хлопья пены. Время от времени фонтаны брызг прибоя выхлестывали над парапетом радужными веерами и рассыпались мельчайшими брызгами, оставляя в воздухе отчетливый привкус соли.

По мне, в подобную погодку не морской парад проводить, а разве что летучих катранов с мола ловить. И так чуть не выше тентов виражи закладывают.

Но султану с Великим Визирем закон был явно не писан, поэтому иностранным делегациям предстояло наблюдать либо величайший конфуз хисахской армии, либо ее победу над стихией и здравым смыслом вопреки всем стараниям верховных военачальников.

На что из этого лично мне хотелось полюбоваться больше, сам не знаю. Не лежит у меня душа к парадам со времен собственного солдатства. Показуха эта хорошо если одним дурным потом дается, а то ведь, по крайней дурости усердствующих, и кровью обернуться может.

Искать отведенное нам место пришлось долгонько даже с назначенным провожатым. Тот, похоже, больше пугался возложенной на него ответственности, нежели стремился исполнить свои обязанности наилучшим образом. Если б я не цыкал на него поминутно, несчастный просто сполз бы по стеночке в тихий обморок, оставив нас в совершенном бессилии перед проблемой ориентации. Не заблудиться среди бесчисленных трибун, ярусов и навесов было бы просто чудом

В конце концов искомая ложа обнаружилась как раз между апартаментами, отведенными представительствам Иэри и Тесайра. Желто-красно-желтые «матрасы» на флагштоках с одной стороны, пламенеющие треугольники Теса Вечного — с другой. Атинская бело-зелено-белая «фуфайка» тоже полоскалась по ветру невдалеке. Весь гадюшник, только скрежета змеиных когтей по стенкам горшков не слышно.

Наша анарисская косая «дыба» цветов Дня и Ночи реяла над этим враждебным разнообразием гордо, но исключительно одиноко. Сочтя свою роль исполненной, робкий провожатый пискнул что-то извинительное и с явным облегчением исчез.

Зато у ложи нас ожидал сюрприз. Даже ленточкой перевязанный, точнее, ярко-синим шелковым кушаком со стальными крючьями «кошачьих лап» на концах вместо кистей. Рослый бритоголовый парень очень серьезного вида, в форменных шортах хисахской армии, легких сандалиях и портупее акульей кожи, с клинком-гекконом и легким трехствольным стрелометом под длинные подводные болты-гарпуны. На плечевом ремне его амуниции красовался гербовый щиток части с золотым силуэтом касатки на синем же фоне и офицерский шеврон — одна тонкая и две толстых полоски.

— Бинбаши Джума аль-Сахисси, ваш персональный комментатор, эфенди. — Представляясь, он за неимением каблуков щелкнул задниками сандалий. — Прикомандирован от военного ведомства.

Бинбаши... На анарисский счет — суб-полковник. Это если по общеармейскому ранжиру, по рейнджерскому-то чуть-чуть не вровень с моим премьер-капитанским званием. А младше меня лет на пять...

— Штабной? — Неприязнь к любителям покупать невыслуженные звания не смогло перебороть даже собственное скоропалительное произведение в чин.

— Нет, эфенди, — понимающе, как мне показалось, полуулыбнулся тот. — Юнга-воспитанник полка Синих Драгун. С двенадцати лет в строю, участвовал в восемнадцати приграничных конфликтах. Пожалован юзбаши в день совершеннолетия. Чин бинбаши получил вне очереди три года спустя за взятие двух кораблей трэйрской береговой гвардии. При прежнем Великом Визире...

Поня-ятно... Маху я дал. У нас-то, почитай, с бунта Суганихи Кровавого юнг, воспитанников и прочих мальчиков-барабанщиков в армии не держат. Не вынесет малолетка тягот меканской топи, да и некоторые широко известные склонности Инорожденных офицеров превратили эту должность в посмешище.

Тут же подобного быть не могло никоим образом. Как по отсутствию эльфов, так и по совершенно иной причине — в хисахской армии служат без различия пола, сословного и расового происхождения. Мужчины и женщины, бедные и богатые, люди и дракониды поровну. Всеобщая воинская повинность, как в том же Тесайре, только на год, а не на пять лет, да и сборы каждый сезон, не реже. Офицеры и унтера, понятно, на постоянном контракте. Похоже, как раз из подобных воспитанников, всем обязанных армии...

Только что же это за пограничные конфликты такие, в которых пара кораблей на размен уходит? Цельными флотами мелкие разборки учиняют?!

Примерно в таких выражениях я от ошарашенности и поинтересовался у боевитого комментатора международной обстановкой. Напоследок еще спросив для полного блеска:

— Неужели драгуны корабли в верховом строю берут?

— Наш полк сегодня участвует в прохождении, эфенди, так что сами увидите, — уже открыто усмехнулся на сей вопрос бинбаши и перешел к сути основной темы: — Существуют неразрешенные споры о разделе акватории с такими доминионами Тесайра, как Иэри и Атина. «Кефальные войны», если вам доводилось слышать...

Не доводилось, а то поменьше задавал бы идиотских вопросов. В спешке перед отправкой на должность я как-то больше внимания уделил отношениям южных соседей с нами родимыми. Да и то по большей части в историческом разрезе — от принца Халеда до нынешних дней. Подробным знаком-

ством с современными врагами нашего верного союзника я как-то не счел нужным озаботиться. Вот и результат...

— Кроме того, остаются независимые пираты, угрожающие нашим рыбным промыслам и газодобывающим платформам, — завершил свой политинструктаж сахисец, если я верно понял его фамилию.

Пираты на буровых платформах — это серьезно. Если тлеющий светосброс, прожигающий породу, успеют развернуть из надира в горизонт, никакому кораблю мало не покажется. Перережут трубы из заклятого на нетление бамбука — и все, конец городам у моря. Без топлива погаснут огни на алтарях, замрут опреснители там же, под сводами храмов. В жилах Хасиры и Сахисса течет голубая горючая кровь, без которой нет воды, нет пищи, нет жизни!

Три тысячи лет Хисах добывал газ из-под окраин пустыни и залива, без счета закачивая в скважины морскую воду. Тридцать веков опускался берег, лишенный опоры — весь старый порт ушел в волны. За это время под Хасирой собралось второе море, ничуть не спокойнее того, что бьет в волноломы Розовой бухты, из года в год испытывая творения разума...

Сочтя объяснения достаточными, а процедуру представления завершенной, Джума-сахисец коротко поклонился моим женам и компаньонке, галантно предлагая им пройти в ложу. Зато с наложницей его обмен приветствиями затянулся едва ли не настолько же, насколько со мной самим. Только совершался без слов — взглядами, улыбками, незаметными знаками наподобие вольнокаменщицких.

Не скажу, что это так уж удивило. А драконидке изрядно прибавило доверия в моих глазах. Боевой полковник человеческой крови и придворная танцовщица драконьей, к тому же пророчица своего народа — довольно странная пара, только если не принимать во внимание их общую напряженность в отношениях с верховной властью. Иначе с чего бы равного мне по званию приставлять к делу, для которого и последний мичман сгодится! Одним «уважением», желанием уязвить новопроизведенного офицера соседством с кадровым сей факт не объяснить. Будь так, с Музафара по злокозненности сталось бы и мушира-маршала приставить ко мне с пояснениями. Похоже все-таки, что для Джумы это такое же проявление опалы, как для Исэсс. Особенно если вспомнить его ого-

ворку про получение внеочередного чина при прошлом Великом Визире.

Кажется, нынешний просто решил собрать всех змей в одну корзинку, чтобы они там друг другу лапы поотгрызали. Или чтобы спалить их разом было способнее.

Вот только тут он, похоже, просчитался...

Оркестр, все это время соревновавшийся в шумности с морем и ветром, внезапно затих. Понимая, что парад вот-вот начнется, я стремительно занял место в ложе, только волей Судьбы не оттоптав попутно ног никому из жен и свиты. Успел как раз к хисахскому гимну, который в любом случае из уважения полагалось прослушать стоя.

Исполнение его было отчаянно перегружено звоном гонгов и тарелок, уханьем барабанов и взревыванием всей духовой составляющей оркестра. При этом сама мелодия удивительным образом терялась, сносимая в море резкими порывами ветра.

Под сие невразумительное звукоизвержение открытая часть причала перед ложами и трибунами заполнялась уже успевшими примелькаться мне носителями лиловой униформы древнего образца. Не успел я вяло подивиться, от кого должно защитить зрителей столь несусветное количество неуклюжих стражников исключительно человеческой крови, как приставленный к нам бинбаши начал исполнять свою обязанность, объясняя происходящее.

— Парад открывают блистательнейшие из воинов Хасиры, Сводная Лиловая Стража Великого Визиря! — Фраза не выбивалась из оркестрового шума ни стилем, ни вразумительностью. — Доблесть и верность достойнейших из достойных не знают предела, слава их самумом гремит по пустыне и смерчами вьется над морем!!!

Может, мне показалось, но «самум» в пустыне значит то же самое, что «пурга» в Огротундре. Брехня, в общем, притом по определению невразумительная. Не знаю, как там со смерчами у моряцкого народа, но можно предположить, что смысл сходный. Нельзя было не заметить, что комментатор выдает все эти славословия с видом откровенно скучающим и в чем-то ехидным.

Заученно тарабанить превосходные степени в адрес личной гвардии Музафара бинбаши продолжал еще добрых пару ми-

нут, все время, пока лиловые нестройными рядами ползли мимо трибун из конца в конец причала, салютуя сайсами как Судьба на душу положит. Уловить смысл в бесконечном нагромождении «всепобеждающих», «наисовершеннейших» и прочих «столпов порядка и спокойствия» я и не пытался. Стражники они и есть стражники. В бою от них толку ноль, а главный враг любому — свой же, одной с ним земли уроженец.

Примерно так же оценивали прохождение Лиловой Стражи и зрители — все, кроме султанской ложи. В противовес вялым хлопкам трибун оттуда неслись надрывные аплодисменты и подбадривающие крики, среди которых явственно слышались истерические взвизги Великого Визиря и гнусавое мычание Верховного Главнокомандующего.

Что показательно, ложи Тесайра, Трэйра и Атины присоединились к этой горе-овации. Похвала врага боеспособности твоих солдат дорогого стоит, не так ли?

Наконец последний из блюстителей законности исчез в дальнем конце причала, едва не уронив сайсу. Оркестр выпутался из вариаций на тему гимна, из-за которых так и не удавалось уяснить, можно ли уже присесть или так и надо стоять столбом из соображений международного этикета.

Ветер, по крайней мере, над плац-причалом, на мгновение стих, а затем ровно и сильно задул вдоль над каменными плитами. Приобретенным после возведения в эльфийское достоинство аспектным чутьем я уловил, что со стихией поработал маг, и не один. Наметанный фронтовой взгляд тут же выхватил четверых — хисахские армейские заклинатели Ветра и Воды встали попарно по краям трибун, укрощая ветер в начале прохождения войск и отпуская на свободу в конце.

Кому понадобились столь странные условия для демонстрации своей выучки, стало ясно спустя полминуты. Не пескобуера, даже не пескокаты — двухколесные доски на ветровом ходу, легкие настолько, что могли нести лишь одного вооруженного человека или драконида.

Проход, змейка, разворот в последней четверти причала с опорой на ногу... Первые четверо сложили желтые шелковые паруса на скрепленных вперекрест, как ножницы, гиках, когда следующие только выехали на импровизированный плац. Когда и эта четверка остановилась, предыдущая уже закончила разбирать свой транспорт.

Крестовины колес заняли место на поясах солдат пустыни в качестве метательных звезд, широкие ободья стали элементами панциря. Сами доски превратились в узкие и длинные щиты, гики — сайса полегче полицейской и длинный лук — легли в крепления вдоль них, а паруса плащ-палатками упали с плеч четверых мужчин и женщин человеческой и драконьей крови.

— Шестьдесят Второй Желтый Ветрострелковый полк имени Харуды Хисахской! Носители традиций, в которых она воспитывала своего сына Халеда!!! — очень своевременно прокомментировал бинбаши преображение мобильной легкой пехоты.

Судя по облику части, над которой шефствовала легендарная мать Принца Хисахского, воспитывался он в правилах одновременно строгих и игривых и должен был приобрести равносильную склонность к стильности и аскетизму.

Ветер играл переплетенными желтым шелком фейками на головах людских пар и длинными лентами того же приборного цвета у драконидских. Форменные шорты и портупеи были отделаны тесьмой такого же оттенка, как и колчаны длинных тростниковых стрел с желтым оперением. Парадные бляхи и знаки различия на ремнях портупей сияли начищенным золотом, хотя весь остальной металлический прибор снаряжения был либо выкрашен светло-бурой матовой краской, как щиты, либо обшит форменной песочной тканью.

— Именно к этому полку обращался принц перед легендарной Битвой Приснодня! — В представление ветрострелков Джума-Сахисец вложил истинные чувства, и набивший оскомину монолог Халеда сегодня и сейчас в устах одного из его наследников вновь обрел не балаганную убедительность и силу. — «Пусть будет тот забыт, кто нынче встал не с нами! Кто в старости не сможет рассказать — да, я был там! И Приснодень встречал на поле боя! И служил нам Приснодревом костер из вражьих тел!»

Слыша это здесь, где дыхание Девственной Пустыни смешивалось с соленым выдохом Зодиакального моря в порыве вековечной страсти, породившей близнецов Сахисс и Хасиру, верилось — вот слова, третье тысячелетие подряд заставляющие сердца их бойцов биться сильнее, прогоняя из жил холод страха.

Строй заполнил середину причала и отсалютовал зрителям. Восторг тех оказался неподдельным, зато со стороны султанских апартаментов и дипломатических лож реакция была не более чем формальной. Мы с женами и свитой не последовали примеру прочих иностранных представительств и не стали чрезмерно сдерживать восхищение сыгранностью сей сцены, чем явственно заслужили одобрение военного комментатора, похоже, лишь служебной инструкцией принужденного воздерживаться от личной оценки проходящих частей.

Количество слов, которое Джума тратил на представляемые им рода войск, явно было обратно пропорционально его симпатии к ним. А также их реальной боевой ценности, насколько я вообще мог оценить местную специфику своим сторонним взглядом. Было ли сие личной особенностью бинбаши или своеобразным следствием предписанной ему политики освещения военных достижений для иностранного посла — неясно. Но не заметить такую несообразность было невозможно по определению.

Вослед ветрострелкам, быстрым шагом покинувшим причал, прошли средства их доставки и огневой поддержки. Штурмовые, с качающимися щитами для прикрытия десанта, или груженные файрболлами и фосфорной огнеснастью пескобуера с катапультами и аркбаллистами были оснащены кадавровыми лапами, приспособленными для скрытного передвижения при безветрии, а в походном положении поджатыми по бортам между колесами. Пескокаты с той же особенностью конструкции ощетинились малокалиберными светосбросами и колесными стрелометами.

Со времен Принца Хисахского военная техника его излюбленного полка явно шагнула вперед. Узкоспециально, конечно, под один-единственный театр военных действий, но впечатляюще. Другое дело, что ни зооморфных штурмовых, ни прямоходящих осадных кадавров среди средств усиления полка не было и в помине. Неверные склоны дюн и зыбуны попросту не способны удержать тяжеловесные подобия зверей и разумных из семи металлов, движимых пятью стихиями.

Впрочем, войска южного союзника оказались сильны не только в песках. Множество бурунов, приближающихся справа из-за скальной каймы бухты, возвестило о том, что следу-

ющее прохождение совершится не посуху, а в морской стихии. Отчетливо были видны белые шапки пены, но никаких судов, разрывающих волны, не просматривалось. Только какие-то шесты вроде копий торчали прямо из бурунов, отбрасывая блики металлическими наконечниками. Но на то, чтобы этак распарывать гладь воды, их одних явно не хватило бы, а заклятие невидимости, наложенное на корабль, так грубо не работает.

Оркестр сменил развеселый флейтовый строй игривой песенки «Не пей, не пей, Харуда!», ставшей неофициальным маршем полка имени жизнелюбивой мамаши Принца Хисахского, на мрачную духовую мелодию в более низких тонах. Четверка магов в желтых плащах уступила места собратьям в синих, за которыми собиралось приглядывать вдвое большее число правительственных колдунов в лиловом. Возможно, потому, что флотские заклинатели подняли перед трибунами магический щит, надежно отделяющий зрителей от причала и моря.

Вот только у Музафара, похоже, была причина сомневаться в надежности этой защиты... или ее создателей. Его собственная трибуна оказалась скрыта щитом вдвое большей мощности.

Такое вступление не могло не заинтриговать.

Приблизившиеся к причалу буруны шли частой сетью — на «усах» одного крепко сидела пара следующих, и так далее. До причала оставалось ярдов триста, когда их строй плавно развернулся вдоль парапета, и пенные шапки взорвались спинными плавниками морских зверей — белых дельфинов и касаток.

Перед каждым плавником в легком седле с привязными ремнями, вроде как для гекопарда, сидел всадник... Точнее, у дельфинов всадник, а у касаток погонщик, потому что еще дважды по трое десантников прижимались по сторонам на узких скамьях упряжи, охватывающей крутые бока зверя. У всех в зубах зажаты дыхательные трансмутаторы, а их скакунам те же магические приборы были вставлены в дыхала через гнезда в сбруе.

Издали заметные копья-багры несли кирасиры боевого охранения на одетых в ту же объемную, нулевой плавучести броню панцирных дельфинах. Чтобы сдергивать команды с

судов-нарушителей да паруса с прочими снастями рвать, как я понимаю. А с касаток — высаживать абордажные команды с отточенными «гекконами» да «пескорыбами» в руках и своеобычными стрелометами в портупее. Тут и шелковые синие кушаки с «кошачьими лапами» на концах при штурме высокого борта не лишними будут.

Теперь ясно, как в верховом строю корабли берутся!

Короткого взгляда на бинбаши аль-Сахисси хватило, чтобы убедиться в справедливости моей догадки. С нескрываемой гордостью тот представил однополчан:

— Тридцать Четвертый Синий Драгунский!!! — большего к наименованию своего полка ему не позволили добавить то ли перехваченное дыхание, то ли высочайшая инструкция. И лишь когда оркестр в очередной раз перевалил с мрачного зачина звучащего марша на не менее заунывный рефрен, Джума скорее протяжно продекламировал, чем пропел, четко уложившись в размер:

В бой, вперед, рог зовет, Синие Драгуны!
В бой, вперед, смерть нас ждет в глубине лагуны!

Верховые в строю попеременно, в шахматном порядке погружались и всплывали, салютуя оружием трибунам — сначала проходя мимо причала в одном направлении, а затем, развернувшись, во встречном, пронизывая собственный строй. Мокрая кожа скакунов и всадников отбрасывала блики, голые черепа последних сверкали, искрясь под солнцем.

Тут тоже было поровну солдат драконьей и человеческой крови. Правда, похоже, что именно в подражание драконидам люди морских видов войск брили головы. В том числе и для удобства — по сотне раз в день в соленую воду и обратно, никакой магией не насушишься... То, что морских зверей оседлало где-то поровну жилистых смуглых парней и не менее крепких наголо обритых девах, уже не удивляло.

Когда, пройдя туда и обратно вдоль причала, полк стал удаляться, я было подумал, что его участие в параде завершено. Но не тут-то было — в отдалении от берега верховые звери драгун совершили перестроение, закрутившись каруселью наподобие тесайрских дактилей-штурмовиков над целью. Только не в воздухе — в воде, и не пикируя, а наоборот, высо-

ко прыгая как раз напротив трибун. Колесо из кремово-сероватых тел морских животных с сидящими на них экипажами стремительно приближалось, пока не встало впритык к берегу. Очередной прыжок касатки, казалось, должен завершиться на каменных плитах облицовки мола.

На самой вершине траектории ее полета погонщик выпустил из метателя файрбол, а один из шестерых десантников взвился в долгом прыжке. Пришел на обе ноги на самый край причала раньше, чем осели брызги от падения зверя назад в воду, перекатился и, встав на колено, выдернул из-за спины стреломет. Лязгнул спуск, болт задрожал, увязнув в магическом щите, только что рассеявшем разрыв файрбола. Второй болт, третий... На каменные плиты соскакивал уже четвертый солдат. С этого момента высадка пошла параллельно по всему молу, чуть ли не дюжиной потоков.

Касатки выпрыгивали одна за другой, сливаясь в несколько цепей мокрых кремовых спин. При каждом прыжке на причал спрыгивал один драгун, а остальные делали залп. Высаженные на предыдущем круге стреляли по готовности между прыжками сотоварищей. Мелкокалиберные файрболы вспухали огненными клубками, тормозя в воздухе перед трибунами, болты вязли в магическом щите часто, как щетина в щетке.

Наконец последние драгуны соскочили со своих верховых зверей. В ту же секунду касатки, ведомые погонщиками, разом отвернули от берега, а остальной полк встал и выстроился в три шеренги, салютуя трибунам. Оркестр драматически замолчал и потом снова, в ускоренном темпе проигрыша, врезал припев: «В бой, вперед, рог зовет, Синие Драгуны». Флотские маги свернули щит. Стрелы, зависшие в воздухе, с сухим треском барабанной дроби осыпались на причал финальным аккордом.

Трибуны спустя бесконечно долгое мгновение абсолютной тишины взорвались аплодисментами. Мои эльфочки тоже со всей силы хлопали в ладоши, а Пемси еще и подпрыгивала от восторга. Каюсь, и я, не сдержавшись, присоединился к общему порыву. Все-таки сильны в Хисахе балаганные традиции, умеют местные лицедеи аплодисменты сорвать, что бы ни делали...

Единственной трибуной, безмолвствующей во время шквала всеобщего восхищения, была султанская. Агуканья

Верховного Главнокомандующего просто не было слышно, а его свита явно напоказ хранила брезгливо-печальное молчание. Пусть не самому Мехмет-Али Двенадцатому, так вернейшему из его слуг увиденное явно не доставило удовольствия. Во всяком случае, никакого сравнения с неказистым проходом лиловых.

Зато прикомандированный комментатор уже никак не мог сдержать охватившего его воодушевления, вложив в пару фраз все, что испытывал. После этого усомниться в его симпатиях и антипатиях стало совсем невозможно.

— Полк формировался в Сахиссе, в котором традиции морских драгун сильны как нигде. Даже в наше... — тут он явственно проглотил рвущееся наружу слово, — э-э... сложное время.

Повод гордиться земляками и однополчанами у бинбаши был немалый. Равно как у Великого Визиря — не доверять и бояться боевых частей с немалым опытом и собственным мнением о том, как надо строить отношения с извечным противником и его заанарскими хозяевами.

По команде, развернувшись правым плечом вперед, строй превратился в колонну и под какой-то маловразумительный мотивчик, наигрываемый оркестром, скорым шагом покинул причал, чтобы не отвлекать зрителей от финального акта. Покуда внимание публики занимали морские драгуны, за стеной разрывов и фонтанами брызг на позиции вышел флот.

— Оранжевая Эскадра адмирала Тока Двадцать третьего, — не задержался с комментариями Джума. — В учебном бою с отрядом роторных фрегатов Береговой Гвардии.

До шеренги кораблей было далековато — лиги две, уж не знаю, как это у них по-морскому считается. Но даже отсюда было видно, какие громадины неотвратимо напирают на волны, вцепившись в ветер многочисленными лапищами парусов. Хисахские морские корабли оказались не в пример здоровее наших, воздушных — раза в два, а то и поболее. Родовой крейсер Стийорров на их фоне просто потерялся бы.

Внезапно один за другим, повинуясь неслышным и невидимым сигналам, водоплавающие гиганты окутались серебристыми полусферами магических щитов. Паруса их безвольно обвисли, лишившись ветра, тяжелые корпуса осели, зарываясь в волны.

Слева, из-за увенчанной скалами отлогой косы показались странные вертящиеся столбы. Словно простые, не магические, а ручные трещотки, на них вертелись жесткие полотнища роторных парусов, выклеенных из фанеры на измененной смоле. Это вооружение несли корабли многим меньше, зато и маневреннее линейных. Засада получилась эффектной — роторные фрегаты обходили замедлившийся строй с обеих сторон, как хотели, готовясь к залпу.

Ждать его пришлось не слишком долго. Над бортами фрегатов взвились чашки катапульт, откинулись аркбаллистные порты, и на линейный флот обрушился бесчисленный рой огневой снасти. Пылающими росчерками по небу две группы кораблей связали алые трассы файрболов и желтые — фосфорных бомб.

Невидимые купола щитов обозначились гроздьями разрывов. Каждый из потерявших ход гигантов превратился в подобие пышного букета из алых, оранжевых и золотистых астр, утыканный аспарагусом дымов. Стекающие с магической преграды потоки жидкого огня побежали прочь по волнам.

В конце концов после почти минутной бомбардировки боезапас у нападавших иссяк, и они принялись разворачиваться для отхода, выставив в свою очередь щиты — хиленькие, односторонние, не в полный рост, чтобы не перебивать ветер. За что и поплатились незамедлительно.

Приоткрыв свою защиту, тихоходные морские чудовища прямо-таки вывалили на удирающего противника поток огня — различить в нем отдельные трассы было попросту невозможно. Да еще и светосбросом добавили, правда, в сравнении с их чисто огневой мощью смотревшимся не столь основательно. Наш семейный крейсер по этой части дал бы фору по крайней мере паре кораблей, вдвое превышающих его размером, а замок без труда задавил бы всю эскадру. Видно, драконья доля мощных кристаллов так и идет на буровые платформы...

Незадачливые фрегаты буквально смыло этим пылающим потопом, снесло бесследно, не оставив ни щепочки. После того, как зарево на их месте угасло, открылась абсолютно пустынная поверхность моря с мутными разводами гари и лениво перебегающими последними языками пламени.

Тем не менее на несчастный случай в ходе учений это не смахивало. Масштаб не тот, слишком все балаганно — вот и опять трибуны лишь на мгновение затихли... Чтобы взорваться аплодисментами, когда загодя удравшие фрегаты проявились у самой косы, торопливо втягиваясь за скалы. Заклятие невидимости было сброшено ими специально для зрителей, как иллюзия пребывания под огнем прежде оказалась наложена и развеяна для условного противника.

Но скрыться от погони нападавшим не удалось даже при помощи столь хитрого магического маневра. Сбросив щиты повсюду, кроме лобового сектора, тяжеловесная эскадра медленно набирала скорость, целясь прямо на песчаный перешеек, густо усыпанный каменными зубьями скал. После увиденного я верил, что у них может найтись средство как-нибудь убрать преграду.

Разумеется, все оказалось много проще. По бортам парусных гигантов у самой ватерлинии побежали цепочки багровых огней, и корпуса их явственно приподнялись, тяжко выдираясь из цепких объятий волн. Морской флот Хисаха все-таки оказался в чем-то сродни анарисскому флай-флоту — во всяком случае, какие-никакие слабенькие несущие диски и тяговики на водоплавающих кораблях стояли. Для преодоления мелей, наверное.

Потоки воды срывались с бортов, солнце играло на меди обросших ракушками днищ. Один за другим кили линейных кораблей отрывались от водной поверхности — последний как раз тогда, когда первый уже проплывал в опасной близости над нагромождением скал в самом низком месте перешейка.

Когда же замыкающий ордер корабль перевалил через косу, из-за ее оконечности куда более живо выпорхнули давешние роторные фрегаты. Так же невысоко зависнув в воздухе, они намного медленнее пересекли поле зрения, скрывшись за грядой скал справа. Способность идти против ветра без всяких тяговиков давала им преимущество над всеми известными мне типами морских кораблей, но делала совершенно беспомощными в воздухе — жесткие роторы оказались дурными парусами.

Мысль мне понравилась, обозначив первый прок от моего пребывания по сю сторону Ветровой Стены и Девствен-

ной Пустыни и настроив на правильный ход дальнейших рассуждений.

Сильный флот. Нет ему равных в море против подобного ему противника. И армия хороша — при той же оговорке. А отсутствие воздушных сил, равноценных не то что нашим, а даже тесайрским, хотя бы в какой-то мере объясняет несусветного идиотизма законодательство в отношении летающих кораблей.

И все же столь явственный пустынно-морской акцент вооруженных сил союзника несколько удивлял. Слов нет, отличные войска. Вот только катастрофически ориентированные на действия в пределах самого Хисаха. Сугубо оборонительные.

Нам, в наших извечных разборках с Тесайром, они ни в коем случае не подмога.

В общем, бесполезный союзник, избравший сторону Анарисса исключительно потому, что его извечные враги и конкуренты в рыбно-газовых промыслах находятся под покровительством Тесайра. Другое дело, если и сам он подпадет под влияние заанарских ненавистников всего эльфийского, в одну упряжку с всегдашними соперниками...

Тогда все эти морские да пустынные молодцы-девицы заодно с тесайрскими Воинами-Жрецами живо превратят нашу южную границу в такой же огненный занавес, как рубежи, пролегающие по Анару. Камням Ветровой Стены впервые со времени своего создания придется потрудиться в полную мощь...

Именно на этот вариант развития событий, похоже, и нацеливался Музафар Великолепный. Иначе зачем все эти разговоры о «гарантиях» и «мирном сосуществовании» с Иэри и Атиной? А также третирование собственной армии в угоду недополицейским силам...

Что надо сотворить, чтобы подобный вариант не осуществился, пока не было ясно. Но сделать все, чтобы он так и остался среди бредовых наваждений, я постараюсь обязательно. Сидеть сложа руки, когда кругом все рушится, всяко не сумею!

Сколь бы мрачным ни был сей вывод, уверенности в понимании ситуации он лишь прибавил. Значит, была причина отправить беспокойного пса Пойнтера подальше с эльфийского двора — не просто так, не в долгий ящик политическо-

го забвения с погребальными рунами на крышке. Все правильно рассчитали Арбитры и прочие девять акционеров Концерна Тринадцати с правом решающего голоса...

Ощутить себя на своем месте, приставленным к важному делу, оказалось неожиданно приятно. Это скрасило и прощание с бинбаши, и визит вежливости в султанскую ложу с почерпнутыми у Джумы дежурными славословиями, и обратную дорогу до стоянки экипажей уже вместе со всеми, мимо рыбных рядов.

Нет, военный атташе из меня вышел бы неплохой. Вот только опять приходится этим делом не в своем качестве заниматься, а в посольском. Которое требует больше тонкости и сторонних ходов, чем точности и напора...

Вчера, да и сегодня утром что-то удержало меня от немедленного подробного отчета Концерну по международным инициативам Хисаха. А теперь и подавно окрепло желание сначала разобраться, с чего они вообще возникли и кому это выгодно, кроме явных общих врагов. Если окажется, что кроме Музафара — никому, можно будет задуматься о том, нельзя ли переиграть ситуацию к лучшему. Тогда-то и настанет время привести в действие всю махину эльфийского государства. А шелохнись оно неловко раньше времени, нам здесь увернуться вряд ли удастся...

Поняв, что и ради чего собираюсь делать или не делать до поры до времени, я испытал немалое облегчение. Теперь можно и обратно, ни к чему дольше оттягивать возвращение в посольство. Остальные повозки уже разъехались.

По очереди помогая спутницам забраться в экипаж, я совсем уже собрался усесться следом, когда засуетилась устроившаяся на переднем сиденье Памела.

— Ой, а можете меня к Академии подбросить? — попросила она, умильно глядя и сложив губки бантиком.

— Чего тебе там? — Сдержать недоумение у меня не получилось. Пемси и академия — сочетание столь же нелепое, как «тесайрский эльф». Не может быть, потому что не может быть никогда. Вроде сытого мертвяка.

— Ну надо очень... Меня встречать будут... Договорились уже... — заныла пышечка.

— Да ладно, довезем, — поморщившись, оборвал я ее нытье. — Только объясни зачем?

— Про акулу рассказывать! Песчаную... — охотно объяснилась блондиночка. — И вообще про Анарисс...

Про акулу так про акулу. В этом вопросе городская бандитка при всей своей малообразованности сейчас главный источник и авторитет. А вот про Анарисс она им расскажет, чую, немало интересного. Будь я натуральный эльф, особенно светлый — они постоянно озабочены видимостью приличий, — в корне пресек бы эту лекцию по культурному обмену.

Но не мне блюсти чистоту образа родного города в глазах заграничной ученой братии. Сам не из самых чистых мест вышел и лакированным картинкам сроду не доверял. А по научной нужде точность нужна, а не приукрашенность, так что пусть вещает.

Только чтобы доставить ее в Академию, придется в очередной раз перенастраивать кадаврострюарда, который у нас за кучера. Легче самому на козлы сесть при всей невместности.

Оглянувшись по сторонам, я так и сделал, приказав незадачливому кадавру, исполняющему функции возницы, занять место в повозке. Да еще все шесть рук заставил его сложить покомпактнее, чтобы Исэсс с Хиррой не пришлось тесниться.

Все равно остальные высокие гости уже отбыли, так что не перед кем особо позориться. Изрядно покосившись на чутких рессорах, коляска отвалила от стоянки и ни шатко ни валко отправилась по маршруту, впечатанному в память заклятием усиления, в Академический квартал.

Пожалуй, это было самое зеленое место города. Пусть вся зелень росла в громадных горшках с принудительным поливом от каменных арыков и акведуков в пару футов высотой, но по сравнению со знакомой частью Хасиры от стены до Посольского Квартала и это было что-то. В посольстве садик предполагался, но небрежением предшественника был заброшен и иссох, а до дворцового сада султана мы как-то пока не добрались, хотя и видели его при въезде на прием.

Ограда академии смотрелась чисто символической — трехфутовый бордюр из кубических каменных блоков, с воротами из кубов на фут больше, увенчанных плоскими чашами с горящим даже среди дня огнем. За ними начиналась площадь, полого восходящая низкими, но широкими ступенями, на которой располагались приземистые и солидные здания колледжей, увитых все той же зеленью.

Памела не обманула — у ворот ее действительно поджидали. Да кто — академики, натуральные, и не один, а целых трое!

Кроме вчерашнего дедка-богомола, в комитет по встрече входил еще тучный полуседой здоровяк, увешанный секстантами и прочими морскими инструментами на массивных цепях, и быстроглазый коренастый крепыш в тех же годах, обритый наголо наподобие армейского чина. Оба человеческой крови, что примечательно, по крайней мере, на мой взгляд.

Студенты же в бирюзовых чалмах почтительно толпились в сторонке, с не меньшим оживлением обсуждая наше приближение. Среди них людей и драконидов было равное число — в молодости дурь распространена поровну, без различия расы и сословия.

Чем только взяла этих ученых мужей городская оторва самое большее с начальным образованием? Одной смазливой мордашки тут маловато будет, нужен притягательный артефакт посильнее.

Ладно эти старые умники-заумники, которым кому демон в ребро под седину в бороде, кому отеческие чувства за неспособностью к прочим в голову вступили. Студиозусы-то с чего запали на простецкую пышечку? У них по возрасту затмению в мозгах еще не время, на заучившихся до потери соображения тоже не похожи. А куколок и поаппетитнее полноватой для своего роста унтер-бандерши по Хасире бродит немерено, причем одето на них не в пример меньше. Кроме набедренных, грудные повязки носят лишь те, кому необходимо поддерживать их содержимое. Остальные еще и к соскам украшения привешивают, словно других мест им не хватает, вроде ушей, ноздрей и бровей. Пемси при всей своей преступной буйности анарисского разлива по сравнению с местными домашними девочками — скромница!

Наверное, на эту самую хваткость тертой жизнью натуры в неистрепанной, симпатичной упаковке и ведутся что старые, что малые умники, закосневшие в своих отвлеченных занятиях. Реалистичности и привычки мгновенно реагировать им по жизни не хватает, а тут такого добра хоть тресни, на целую академию с избытком хватит!

— Рады видеть представителей свободного Анарисса, служащего нам примером гармоничного развития! — не дожи-

даясь, когда коляска остановится, зычно возгласил здоровяк, смахивающий на перекормленную касатку.

Оставалось только кивнуть ему, приложив два пальца к треуголке. Ну-ну. Нашел образец гармонии...

Хотя чужое издали всегда кажется лучше своего устроенным. Покуда сам не проживешь внутри красивой картинки изрядный кусок жизни, не поверишь, что за очарованием дальнего и незнакомого может скрываться свое непотребство. А то и привычное.

— Действительно, давно пора отбросить навязшие в зубах сказки про Халеда и жить своим умом! — присоединился к первому ученому мужу британоголовый, дотерпев-таки до момента, когда экипаж встал и Пемси соскочила с него, не дожидаясь помощи. — Тут будет полезен любой успешный опыт... А те, кто стоит на его дороге, безусловно враждебны при всем их так называемом великолепии!

На это у меня и вовсе ответа не было. Не пожимать же плечами неприязненно. Свое хаять каждый готов, не задумываясь, отчего оно именно такое, как привилось и удержалось здесь, не сменившись иным за тысячелетия. Мне, к примеру, слова «Халедаты» раз за разом становятся понятными и значимыми именно тут, на ее родине.

Хотя насчет носителей так называемого великолепия — нельзя не согласиться.

Хорошо хоть ветхий научный дедок не изрек никакой благодурости, а лишь поклонился нам и, галантно взяв под руку заробевшую пышечку, провел ее в ворота. Там уже поджидала подобравшаяся поближе галдящая толпа студиозусов. Зелено-голубые чалмы окружили золотистую голову Памелы и повлекли польщенную таким вниманием девчонку вглубь, к скамьям в тени увитых зеленью навесов. Словно морские валы одинокую лодку...

Махнув рукой к треуголке на прощание, я тронул скакунов с места в рысь, спеша увести коляску прочь. Оставаться не слишком-то хотелось из-за чувства неловкости за свою страну, принаряженную, будто мошенник, выставляющий себя святошей.

— Это, что ли, та бирюза, которой суждено править Хисахом? — не удержавшись, спросил я через плечо сидевшую позади драконидку, указывая на удаляющуюся ученую братию.

— Судьба знает, мой повелитель, — беспечно, как показалось, ответила она. — Истинная бирюза окажет себя в свете без теней...

Вразумительным это заявление я бы не назвал, но и глупым — тоже. Глупость и безумие разные вещи, а прорицание, которому посвятила себя Говорящая с Судьбой, издревле сродни безумию...

Впрочем, не нам первым хотелось бы пройти по тонкой грани между высоким безумием и низкой глупостью, не слишком склоняясь к одной из сторон.

На третий день нашего пребывания в Хасире вечные сумерки за окном уже никого не обманывали. Утро наступило, а значит, настала пора исполнить одну задумку, пришедшую в голову еще вчера, когда мы с женами и наложницей наконец-то освоили посольскую баню, вдоволь поплескавшись после утомительного парада.

Вчерашний день достаточно прояснил отношение армии и образования к переменам, затеваемым Музафаром. По различным причинам и с различными целями военные и ученые выказывали свое неприятие настолько явно, насколько им позволяла ситуация. Последние так и вовсе ничуть не сдерживаясь.

Осталось выяснить, как сие воспринимает прочий народ. Не занятый службой или магическими изысканиями, чиновниками всех стран снисходительно именуемый простым. Если б все было так просто...

Сети осведомителей от покойного посла я не унаследовал. Да и записей каких-либо тоже — во всяком случае, за ближайшие две-три сотни лет. В последнее время высокородный ау Гуотт явно запустил агентурную работу, пренебрегая ею по старости или из лени. А может, проведя в Хисахе без малого тысячу лет, он уже не нуждался в сторонних источниках, растворясь в среде и держа все необходимое в памяти. Во всяком случае, насквозь местные интерьеры в большей части помещений посольства можно было истолковать и так.

Но мне явно было далеко до такого совершенства, да и времени в запасе имелось не в пример меньше. Что-то подсказывало — разбираться в ситуации надо быстро, пока флай-

бот в небо не отчалил. То есть не произошло необратимого изменения нынешней политической ситуации под воздействием позавчерашних нововведений Великого Визиря.

Способ получить необходимую информацию, не полагаясь на отсутствующих агентов или сомнительную избирательность магических шаров, существовал. Исконно местный, хисахский, введенный в употребление самолично принцем Халедом.

По преданию, используя магию сродни оборотному заклятию Рейнджеров, Принц Хисахский, уже ставший султаном, каждую пятницу покидал дворец, чтобы неузнанным бродить по улицам своей столицы. Вроде бы его наделила этой способностью Джейд аль-Сфери, дочь полубезумного эльфа-целителя, который на далеком трансзодиакальном острове вдвоем с ассистентом-трансальтинцем Хромастралем практиковал магические ритуалы, обменивающие сутью разумных и неразумных тварей.

С дочкой у папаши вообще нехорошо вышло: в результате эксперимента днем она была немыслимо хороша, однако обладала неполным разумом и повадками животного, а ночью, напротив, выглядела полным чудовищем, но отличалась редкой трезвостью соображения. На характере, понятно, это все отражалось не самым лучшим образом.

Так что влюбленность Джейд в Халеда, выброшенного на остров после кораблекрушения, обернулась тому дюжиной лет в виде слоноподобного чудища. Злосчастный принц провел их в плену у дочери мага, которая к тому времени уже погубила изувечившего ее жизнь отца и свела с ума ассистента. Как Халеду удалось выбраться с острова и насколько бесследно прошло для будущего султана знакомство с неотработанной на то время магической технологией, история умалчивает. Рассказ о том, как, вернувшись домой неузнанным, Принц Хисахский перебил любовников матери, претендовавших на хранимый ею престол, вряд ли можно признать достоверным. Даже несмотря на все тот же слоноподобный облик, справиться в бою с этакой оравой один смертный не мог. Скорее всего, в список погибших попали все те, кого Харуда насмерть заездила за двенадцать лет отсутствия сына.

А вот то, что одновременно с прогулками неузнаваемого султана в Хасире прославился Джума-Потрошитель, на про-

щальный «подарок» Джейд аль-Сфери указывает куда точнее. Загадочные преступления неуловимого Пятничного Убийцы на удивление точно совпадают с отлучками из дворца Халеда, прославившегося мудрым и добросердечным правлением...

В отличие от Принца Хисахского, мне не требовалось никакой магии для того, чтобы оставаться неузнанным на улицах его города. И так никто в упор не узнает, даже если захочет. На Сухотаможенной разве что... Так туда я просто не пойду, да и Пемси наверняка запомнилась пескобродам и таможенникам куда лучше.

Так что осталось подобрать что-нибудь наиболее неброское из одежды, позволяющее сойти за тамошнего завсегдатая из герисских фрахтовиков. Если учесть, что те частенько ходят в обносках нашей армейской формы, задача не из сложных. Тропический комплект без знаков различия в хозяйстве найдется, и гадать нечего...

Для достоверности образа я еще прихватил солнечные очки Хирры, перетянув ремешок под свой размер и пристроив их на ту же белую бандану, для порядка присыпанную песчаной пылью. Сами жены с наложницей и вернувшейся затемно компаньонкой уже накрепко засели в бане, там же принимая курьеров из лавок с заказами, оформленными через дальнюю связь.

Беспокоить их я не стал, оставив записку о своих намерениях побродить по городу. Отчасти чтобы не вытаскивать от прохлады бассейна обратно в жару, отчасти не умея совладать с неизбежным беспокойством Хирры и желанием Келлы самолично участвовать во всех авантюрах. И если второе удалось бы придавить невозможностью для Древнейшей эльфи пройти неузнанной по улицам Хасиры, где и обычных-то эльфов нет, то что делать с первым, я не знаю по определению. Неукротимость старшей жены сменила направление, но не мощь напора...

Выскользнув за ворота посольства, первые ярдов сто я прошел, отчаянно борясь с желанием оглянуться, но потом как-то освоился и перестал ждать обеспокоенного окрика сзади. Потихоньку начал озираться по сторонам, ловя приметы чужого города. Не из экипажа, следующего по заданному маршруту с немалой скоростью, а по своей воле, пешком, спо-

койно, с возможностью в любой момент остановиться или свернуть.

Разумеется, определенная цель у меня была. Потереться на базаре, послушать... Зайти в чайхану-другую, а там и перекусить посерьезнее. А для этого надо бы двигаться к порту — главное торжище там, где главное богатство, а все сокровища Хасиры ведут свое происхождение из моря.

Пересечь меньшую часть города, протянувшегося неширокой полосой вдоль бухты, особого труда не составило. К рыбному базару, начинающемуся на рассвете, я в любом случае опоздал — распродать и развезти скоропортящийся товар надо до того, как упадет жара. А вот губочные ряды оставались столь же обильны, продажа раковин тоже была в самом разгаре.

Жемчужные лавки и газовая биржа, определяющая, сколько сегодня стоит дневной выход с той или иной платформы и какой храм или мануфактура его заберут, меня не интересовали. Данные по их ценам всегда можно взять в серьезной, «желтой» прессе. Это «коричневой» и «зеленой» нельзя доверять — первой оттого, что экономит она не только на бумаге, используя самую дешевую, но и на качестве новостей. А вторая на самой дорогой печатает только угодное султану. То есть Музафару, великолепному прежде всего в умении переврать любой факт к своей выгоде.

Губки, насаженные на колышки длинных бамбуковых шестов, поражали разнообразием. Все цвета, все размеры, все степени мягкости. Здесь были такие, что не оставят следа на мягчайшем воске, и такие, которыми только балки при строительстве обдирать. Малоподвижные при жизни в иной стихии, теперь на воздухе они плясали и колыхались под малейшим ветерком, вились яркими гирляндами, нанизанные на шнуры, дрожали при каждом прикосновении продавца или покупателя к шесту.

Но в сравнение с раковинами, занимавшими вчетверо больше рядов, не шли даже губки. Ибо бывшие обиталища моллюсков, расходящиеся отсюда почти по всему миру, чтобы обеспечивать дальнюю и ближнюю связь, еще и звучали. Пробные образцы из партии бормотали и пели под временным заклятием, а по остальным продавцы осторожно постукивали костяными палочками, чтобы продемонстрировать чистоту звука.

К тому же не в пример однообразным по форме губкам раковины отличались совершенно непредсказуемыми очертаниями. Встречались рогатые, шипастые и совершенно гладкие, аккуратно свитые, словно паучьи коконы, и свернутые кое-как, будто бумажные фунтики для жареного арахиса у захудалого лоточника. Попадались гладкие и округлые, словно яйца неведомых существ и шершавые, конические, будто сверла исполинских буравов. Про размеры нечего и говорить — от гигантских тридакн в человеческий рост на грубых козлах до крохотных, с монету, россыпью в ларях. Из первых выйдут офисные многоканальные центры, из вторых — армейские звукодатчики или подслушивающие устройства для частного сыска.

Цвета же этой роскоши и вовсе не поддавались сколько-нибудь адекватному описанию. Я мимолетно пожалел о временах, когда у меня был один глаз, да и тот собачий, не различающий красок — и тут же испугался, как бы многообразие расцветок не повредило нынешнему зрению.

Однако при всем этом изобилии торговля шла не слишком бойко. Даже наоборот, похоже, что именно благодаря ему она шла на редкость вяло.

Вот ведь нестыковка — раковин на базаре навалом. Причем таких, каких никто раньше не видал. Избыток даже наблюдается, будто их таскают из моря все кому не лень. А дыхательное зелье для ныряльщиков под запретом. Только по фирману-лицензии от султанского двора, под расписку, при патруле стражников. Да еще с такими поборами, которые непонятно, как оправдать — с ныряльщиков, с продавцов, с покупателей! Воистину, снизу Хисах размывает прибоем наступающее море, а сверху иссушает налогами Султан Мехмет-Али Двенадцатый, мир со всей дюжиной...

Чем-либо иным, кроме раковин и губок, вовсе не торговали, хотя по количеству и названиям рядов было ясно, что раньше число и ассортимент товаров были куда шире. Куда все делось? Может, к вечеру торговля развернется?!

Отчего-то не верилось...

Пробродив по затихающему базару добрую пару часов и окончательно запутавшись в проблемах местной торговли, я понял, что пора возвращаться в город, и отойдя на полдюжины кварталов, завернул в первую же попавшуюся чайхану.

Собственно, и заворачивать особо не пришлось. Просто взойти на невысокий помост под навесом, перешагнув оградку едва в фут высотой, выбрать пустующую циновку и дождаться чайханщика. Тот особо и не заставил себя ждать.

— Что угодно будет в это время дня, уважаемый? — Ну да, для завтрака поздновато, для обеда рано.

— А что найдется? — вопросом на вопрос ответил я. Эх, колбаски бы...

— Суп из кальмаров, паэлья с моллюсками, морской салат, устрицы...

Понятно. Спорю, попытку спросить отбивную здесь не поймут. Разве что шашлык. Но и тот рискует оказаться из какого-нибудь осьминога...

Не то чтобы я не доверял рыбе, но наедаться с утра не собирался в принципе. Тем более духовитыми морепродуктами, запах которых не могли перебить даже по-южному обильные пряности. Поэтому решил для начала обойтись кофе. В конце концов, приехать в Хисах и не попробовать главный здешний напиток таким, как его готовят на родине, — если не преступление, то несомненная дурость.

— А кофе есть? — озвучил я пришедшую в голову идею.

— Конечно, эфенди. — Вопрос, как показалось, удивил чайханщика и заставил его слегка изменить тон. — Подать?

— Давай, — вздохнул я. Хоть так подсластить разочарование...

На удивление, готовили заказ долговато. Заново смололи порцию зерен, заварили, словно наготове не было. В широкую низкую пиалу положили кусок тростникового сахара, выжали на него несколько капель сока из пронзительно-желтого лимона и залили свежесваренным напитком. А на блюдце к нему насыпали коричневых воздушных меренг.

На вкус кофе оказался очень крепким и горьким, лишь отчасти смягченным легким присутствием сахара и кислинкой лимонного сока. Кончился он тоже как-то внезапно — порции здесь оказались невелики.

Расплатившись, я вышел с явным желанием попробовать еще несколько вариантов местного напитка. В каждом заведении должен быть свой рецепт, или я ничего не понимаю в торговле!

В следующей чайхане за пару кварталов от первой кофе

готовили так же неспешно и молчаливо, сам он оказался с винным привкусом муската и тертым шоколадом, а из сладостей подали уже белые меренги, воздушные и круглые, как купола султанского дворца.

Хорошо, что данное мне Мечом Повторной Жизни эльфийское здоровье способно без вреда перенести любую дозу стимулятора даже посильнее, чем кофе. Да и маленькие порции напитка уже после четвертой пиалы показались мне благодеянием. Все равно за день всех местных рецептов не перепробовать, даже выбирая заведения, отстоящие друг от друга подальше, чтобы не нарваться на похожие варианты...

Все, последнюю на сегодня, седьмую порцию — и баста. Да и ту только для счастливого числа... Вон в той симпатичной чайхане на углу.

Как и прежде, я зашел под навес и занял приглянувшуюся циновку. Дожидаться чайханщика долго не пришлось, а вот кофе тот опять готовил неспешно. Зато в противовес всем предшественникам он оказался словоохотлив и не считал нужным держать дистанцию, заняв время ожидания расспросами. Причем любопытство хозяина заведения было сугубо трактирщицкого свойства, профессиональное.

— С посольством прибыл, парень? — Глаз у него оказался наметанный, не скроешься.

— Ага. — Мне оставалось лишь кивнуть головой. Плакала вся моя конспирация ртутными слезами. Оно и закономерно — ну какой из меня Принц Хисахский!

— То-то, смотрю, тряпок на себя навертел! — понимающе усмехнулся чайханщик. — Как на чесоточном повязок!

Однако... Все наше, а особо эльфийское великолепие одежд для местного глаза где смех, а где и позор, вроде как струп на коже заразнобольного. Выгладила хисахян местная природа ветром и солнцем, словно камни-голыши, одела лишь в пустынный загар...

— Да еще кофе спрашиваешь с утра! — продолжал делиться истоками своих выводов проницательный держатель заведения.

Вот так промашка... Когда же его, спрашивается, пить, если не утром? Не на ночь же горячащего напитка хватануть, чтоб сны бодрее снились! Не пойму я хисахян, все у них навыворот...

Невразумительного мычания с моей стороны хватило, чтобы поддержать разговор. С моих личных примет чайханщик переключился на посольство в целом.

— Говорят, как в город ваши въехали, дождь из лягушек пошел! — Своей интонацией он как будто просил подтверждения слухам, за эти дни, без сомнения, перевравшим и перепутавшим все, что стряслось с нами с момента прибытия в Хасиру. Но первая несусветица хотя бы имела под собой реальные корни.

— Не дождь, а фонтан. И лягушки с собой привезенные были, из купеческого товара. — Поначалу я честно постарался опровергнуть неточности.

Пустое дело — на каждое слово правды у словоохотливого содержателя заведения находилась в запасе куча новых домыслов.

— Посольство-то большое пришло... Одних эльфей, говорят, дюжина!

Так уж и дюжина... Всего-то две. Хотя иному моей высокородной с моей древнейшей и за глаза больше всякой меры покажется.

— Нет, всего пара. Послы жены, — развеял я его иллюзии максимально кратко, не желая давать пищу дальнейшим пересудам. Но здесь, в благословенном Хисахе, они и так не собирались помирать с голоду. Наоборот даже...

— Это эльфы правильно наш обычай блюдут! — уцепился чайханщик за единственный клочок информации. — Многосемейность и духу, и телу равно приятна!

Ну, положим, не всегда и не всякому. Хотя мне в этом смысле откровенно повезло. Между нами говоря, не Инорожденные позаимствовали у жителей Хисаха многобрачие, а совсем наоборот. В обиход его ввел лично принц Халед, переняв как раз у расы вторых детей Перводракона и Первофеникса. После Войны Сил, оставившей от населения мира едва ли треть, обычай сей оказался весьма пользителен Хисаху. В отличие от иных склонностей тех же эльфов, вроде мужской однополой любви, к росту народонаселения никак не ведущей...

— Когда как, — не сдержал нахлынувшего я. — Иной раз беспокойство одно от жен.

— О да, — закивал, соглашаясь, адепт многобрачия. — Оттого-то при них всегда дуэнья-телохранительница. Из-под

смертного приговора взята, с плахи. Страхолюдина девка, голыми руками дракону пасть разрывает!

Только по последней примете я и сумел распознать в этаком пугале симпатичную пышечку Пемси. А то разбойная огриха какая-то выходила по всем прочим чертам, притом больная на всю голову слоновьим бешенством или чем похуже.

— Да нет, не голыми. И не страхолюдина. — Я усмехнулся, вспомнив смазливую кукольную мордашку малолетней бандитки. — Совсем невеличка. Огневой снастью зверюгу достала.

— Ты, что ли, сам видел? — недоверчиво поинтересовался горе-сплетник, осознав наконец факт моей явно большей осведомленности.

— Если б не она, здесь бы не стоял. Огневую снасть запалить любой может, тут не рост, а кураж важен, — веско подвел я итог его домыслам. Но, как оказалось, опять не всем.

Покачав для порядка головой и удивленно поцокав языком, чайханщик ненадолго приуныл — до следующей несусветной новости, касающейся все той же многострадальной дипмиссии Эльфийского Союза Городов.

— А еще говорят, секретный посол прибыл! Который то ли есть, то ли его вообще нету!

Это как же меня нету?! Я очень даже есть!!!

То есть как посол теперь уже наличествую в полной мере. А до того, конечно, как военный атташе ехал... При прежнем после, который нынче дожидается отправки домой, лежа головой к востоку в конференц-зале миссии под заклятием нетления. Вот и получается, что у Анарисса в Хисахе посол то есть, то нет, то опять появится... Или пропадет пропадом, чтобы объявиться в самом неподходящем месте, вроде мирной чайханы. В этом последнем случае правоту местной народной молвы приходилось признать безоговорочно. Поняв это, я против своей воли усмехнулся.

— Врут все! — отрезал я и на скептический прищур рассказчика завернул ему в ответ самую безумную байку: — Ничего не прибыл, а с самого начала здесь был! Таился в посольстве заклятым в камень, а как прежнего посла отравили, объявился. Покуда не покарает убийцу, будет бродить ночами по городу и у всех спрашивать... — Тут я склонился самым заговорщицким образом, поманив чайханщика пальцем.

А когда тот нагнулся, повторил: — Спрашивать... — и трагическим шепотом озвучил роковой вопрос: — «Что ты кладешь в кофе?!»

— Корицу и имбирь! — чисто автоматически ответил тот, округлив от ужаса глаза и чуть не выронив как раз подаваемую мне чашку. Но мигом опомнился и заухмылялся самым прохиндейским образом, принимая плату. Подловить такого записного болтуна, заставив надолго выйти из образа — задача почти невозможная. Но то немногое, что мне удалось сделать, похоже, поставило нас вровень. Больше хисахянин не пытался гнать самум недотепе-чужеземцу. — Тебя не проведешь, парень. — Он покачал головой, демонстративно отвернувшись к перетираемым кружкам.

— Да уж, — кивнул я и сделал шаг к примирению: — Сам посуди, на что отправлять сюда этакого страховида?!

— А на то... «Неладно все в Хисахском Султанате. Порядок в нем пора переменить!» Вот и прислали. — Серьезно или нет на сей раз ответил чайханщик, я судить не брался. Во всяком случае, для продолжения уже сорвавшейся шутки на дне этих слов таилось многовато горечи.

Неладно у них... В Хисахе три тысячи лет как неладно. Почитай, со времен самого принца Халеда, слова из балаганного монолога которого так ловко ввернул местный уроженец.

Хотя, если судить по нынешнему султану, а пуще того — по его Великому Визирю, порядки здесь действительно нуждаются в серьезной перемене. Для того, к примеру, чтобы исключить наследование власти существами, столь скорбными Судьбой, как Мехмет-Али Двенадцатый, мир со всей дюжиной. Увы, чужеземными послами этого не исправишь, каких секретных-пересекретных ни присылай.

Даже таких, как я...

Так что ответить мастеру пиалы и джезвы на столь многозначительные предположения в адрес собственной персоны мне было решительно нечего. Только хмыкнуть и пожать плечами самым неопределенным образом. Но взгляд на предстоящую мне здесь миссию эти домыслы малость поменяли, не скрою.

Похоже, хитроумный Концерн Тринадцати не опасного смутьяна в тихий уголок сплавил, а самобойное кресало в

бочку со сгущенным огневым туманом решил кинуть. Или, уважительнее говоря, человека, способного действовать — в ситуацию, требующую несомненного вмешательства. Верно я им не просигналил вовремя о здешних переменах...

Лишь в одном прокололись неведомые стратеги родного Анарисса: творить невесть что выше собственных сил я начинаю лишь под внешним давлением. А здесь, в далекой стране, под защитой посольской неприкосновенности, зацепить меня просто не за что...

Пытаясь отвлечься от не слишком приятных мыслей, а заодно сменить поднадоевшую тему разговора, я пожаловался:

— Что у вас тут, куда ни зайду, все рыба да рыба?

— Э, парень, это ты еще Аква-кале не видал, — хитро прищурился пройдоха. — Вот там, я понимаю, рыба...

Руками при этом он, как наши рыболовы, шире своего роста развести не пытался, но и по одному взгляду было видно — всем рыбам рыба. Навроде меканского комара, выше всяких разумных представлений.

Однако чайханщик попросту не понял сути моего вопроса. Похоже, кроме даров моря, другой пищи в Хасире нельзя было достать ни за какие деньги. Кроме султанского двора, разумеется. Там и не такую экзотику, как бифштекс, попробовать можно. Разве что лягушек нельзя — и то лишь благодаря моему разгильдяйству.

Меж тем, не преуспев словесно, верный патриот Хисаха решил поразить бывалого иноземца иначе. То есть враками уже не пустыми, а сдобренными неким местным деликатесом, видимо, так истолковав мои жалобы на рыбное засилье. Во всяком случае, извлек он из-под низкого расчетного столика, отчего-то оглядываясь, именно латунную коробочку с какими-то сладостями.

Прикрыв ладонью, так что я не мог толком рассмотреть коричневый ярлык, чайханщик еще раз оглянулся и самым заговорщицким тоном произнес:

— Вот. Зимелах с корицей. Фирменный... У меня лучший в городе! Попробуй в полдень у моря — понравится!!!

Что еще за странности? Мелких сладостей типа этой в любой чайхане без счета к каждой чашке кофе сыплют... Или этот вариант столь же распространенной, как рыба, хисахской пищи не так прост, как кажется?

— С дурью, что ли? — нехорошо прищурился я на коробочку. Склонность к одурманиванию себя здесь, где сила солнца отъедает полдня невыносимым накалом, по идее, должна быть развита. Чем еще время занять, пока жара не спадет? Да и конопли на пеньку тут выращивают вдоволь...

— Зачем так говоришь? Обидеть хочешь? — отчего-то мое предположение оскорбило чайханщика. — От этого наоборот, всякая дурь прочь выходит! С заклятием — это да...

Заклятия, конечно, тоже дурманные бывают. Если прибавить к тому же «сомно» пару-другую слов, удовольствия от просмотра сновидений будут полные штаны. Поутру, когда глаза продерешь. А если поусердствовать и еще загнать в рифму «веселящую» магию, то однажды можно и вовсе не проснуться.

Но отчего-то чувствовалось, что здесь действительно не тот случай. Да и мне ли бояться — любую отраву, которая не прикончит сразу, эльфийское здоровье переборет без проблем. А на крайний случай при мне еще одна Реликвия имеется...

— Не хочешь, не бери! Кто бы заставлял! — Хисахский доброхот всерьез разобиделся и потянул коробочку к себе.

— Ладно, извини. Привык у нас всего опасаться. — Я едва успел накрыть ладонью ускользающее лакомство «с заклятием». — В Анариссе какой только пакостью не торгуют...

Польщенный выгодным сравнением своего города с эльфийской столицей, чайханщик отмяк и отпустил коробочку, правда, почему-то опять оглянувшись.

— Почем, кстати? — сообразил поинтересоваться я.

— За свободу денег не берут! — гордо вскинулся хисахянин. — Бесплатно, во имя Бирюзы!!!

Не наркоторговля, так политика... Ох, чую, влип я со своим любопытством по самое не могу! Выплыву, как обычно, куда денусь, но мог бы и не забираться в местную топь... Точнее, зыбучие пески, сообразно пустынной специфике.

— Прячь! Прячь скорее!!! – вдруг зашипел дилер местного вялотекущего заговора. — Стража Великого Визиря!!!

Точно, в чайхану ввалилась пара мрачноватых мужиков с сайсами в руках, понукаемые самого вьедливого вида драконидом в лиловой чиновничьей хламиде. На лицах — ни следа расслабленного предвкушения, с каким только и подобает заходить в данное место. То есть точно по рабочей необходимости...

От одного их вида рука с коричневой жестянкой политически неблагонадежных сладостей сама собой нырнула в карман. Куда там городским служилым родного Анарисса — что стеновой страже, что полиции! Эти демонову дюжину вперед дадут всякому по ощущению рутинной, бессмысленной и бесцельной опасности. Штурмполисмены наши, конечно, погрознее будут, но в них хотя бы не чувствуется натужного проворота Колеса Судьбы, бездумно отмеряющего казнимому следующую пытку.

Оставаться в чайхане дальше как-то расхотелось, да и полдень уже был недалек. Надо успеть добраться до моря, да не просто до воды, а до такого местечка на берегу, где такой вот помехи не будет. Стало быть, точно не в порту и не на Парадной набережной. Чуть ли не через полгорода тащиться, на дальний мыс, замыкающий бухту — ближний сложен совершенно непроходимыми скалами.

По дороге стало заметно, что не я один решил прогуляться на морской берег под самое жаркое время суток. Чуть ли не весь город снялся с места и повалил в том же, не слишком удобном направлении. Причем большая часть народа спохватилась куда раньше и уже виднелась впереди плотной толпой.

Невольно я прибавил шагу. Берег пошел вверх, не круто, но заметно. Глядя в открывающиеся к морю переулки по левую руку, все чаще я замечал, что развалины заброшенных домов уходят прямо в волны. Раньше, до того, как дно опустилось, город спускался под обрыв, на который вела моя дорога.

К тому времени, как я добрался до мыса, народа на нем слегка убавилось, хотя навстречу мне никто не попадался. Должно быть, издали показалось, что просторная площадка забита до отказа. Или с обрыва вел еще один спуск, незаметный отсюда.

Солнце однозначно перевалило через зенит, поэтому тратить время на разглядывание местности и народа по сторонам я не стал. Все вокруг и так занимались одним и тем же — прогуливались, болтали, хрустели печеньем из таких же коробочек или более прихотливых футляров, призванных, видимо, защитить снадобье от сырости.

Некоторые зелья чувствительны к этому, а также ко времени приема. Не мешкая больше, я принялся за свою жес-

тянку. Открыть ее оказалось делом непростым — откидная крышка с простеньким замочком-засовом была посажена на мастику из мягкого каучука, по жаре отчаянно липнущую. Добрых пару минут я пыхтел над коробочкой, норовящей выскочить из рук. Пальцы соскальзывали, а ножом я боялся попортить тонкую латунь. Хорошо, что моего шипения под нос при этом никто не слышал — незаметно я забрел на совсем малолюдный край обрыва.

В конце концов крышка подалась, и внутри открылся рядок симпатичных коричневых брусочков в сахаре и корице. Печенье и печенье. Решительно я взял один брусочек, разгрыз и проглотил, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Ничего. Обычная сладость, чуть горьковатая от обилия корицы. От обманутых ожиданий я почувствовал себя глуповато.

Ну попробовал. В полдень. У моря. И что?!

Чтобы злиться не на себя, а на иной предмет, я принялся закрывать коробочку столь же плотно, как раньше. Дозировать усилие так, чтобы не раздавить хрупкую вещицу, было очень трудно. Каучуковая мастика сопротивлялась сжатию так же, как растяжению.

Наконец хлипкий проволочный засов скользнул за лепесток крышки. Можно было перевести дух и спокойно оглянуться по сторонам.

Пока я возился с непокорной крышкой коробочки, обрыв, недавно столь людный, совсем опустел. Кроме меня, на нем осталась только женщина с ребенком на руках. Куда делись остальные, я так и не понял — не в воду же попрыгали!

Может, и в воду... Во всяком случае, молодая мамаша, не переставая уютно курлыкать над малышом, укутала ему голову краем своего покрывала и вдруг попятилась к краю обрыва. Спокойно так, деловито, словно то, что последует за очередным шагом назад, не вызывало ни страха, ни сомнений.

Или просто не видит? То есть не замечает — затылком видеть могут только фальшивые слепцы с паперти Храма Победивших Богов да некоторые Заклятые Рейнджеры. У одних глаза хитро перекляты в другое место, у других просто на один больше, чем от роду положено. Но хисахская мамаша явно не относится ни к одной из этих разновидностей...

Все это я додумывал уже на бегу, повинуясь извечному мужскому инстинкту спасения: сначала выдернуть из опасности, а уж потом разбираться, что к чему. Не знаю, что толкает ее на этот последний, отчаянный шаг, но все можно поправить, кроме смерти близких, а самого близкого, кто есть у каждой матери, она сейчас унесет с собой за Последнюю Завесу!

Не успел я на какую-то долю секунды. Медленно, как казалось, а на самом деле стремительно и необратимо женщина уже опрокидывалась спиной вперед в многофутовую пустоту. Затормозив отчаянным усилием на самом краю, я протянул к ней руку... И не смог ухватить даже край прозрачной накидки.

Более всего поразил ее прощальный взгляд сквозь цветные линзы прямо на глазах — довольный, спокойный, умиротворенный и чуть рассеянный. Лишь тень удивления мелькнула в нем — зачем? Кто хочет помешать уже приведенным в действие последним замыслам?!

Недалеко, всего в дюжине футов внизу плеснула глубокая вода. Только пятно пены долю секунды расплывалось по пологому скату волны, и все — ни следа канувшей в море пары жизней!!!

Ничего, это еще не конец!

Не раздеваясь, даже сандалии не скинув, лишь стянув пустынные очки с банданы на глаза, я прыгнул следом, влетел стоймя в прозрачную толщу воды, в вихре пузырей проваливаясь все глубже, и завертел головой в поисках утопленницы. Вот она! Всплывать за лишним глотком воздуха не стал — не до того!!!

Женщина стремительно погружалась в ореоле струящейся ткани, сноровисто гребя стройными ногами. Ребенок у нее на руках затих — малыши воды не боятся. А я все не мог догнать упорную самоубийцу и детоубийцу заодно, барахтаясь по-лягушачьи.

Что поделать, не приучен я плавать. Водичкой из Анара в черте города хорошо тараканов выводить — столь гадостна, а в Мекане в воду попасть — оказаться на полпути к Последней Завесе. В нижнем течении та же река настолько насыщена недружелюбной к разумным жизнью, что по своей воле в нее сунется лишь полный кретин.

Именно полным кретином я и чувствовал себя за полтысячи миль от недоброй дельты великой реки, в теплой прозрачной воде хисахского залива Зодиакального моря. В груди жгло, глотку стиснуло, даже глаза ломило — про уши нечего и говорить. Похоже, в погоне за сохранением чужой жизни я упускаю свою... Если уже не упустил. Изловчившись достать край накидки утопленницы, я задрал голову, силясь разглядеть, насколько глубоко забрался.

Слишком глубоко. Солнечные блики, проскальзывающие между полотнищами волн, плескались в непредставимой высоте. Будто на тент ипподрома с арены смотришь.

Это ли зрелище, или предел, подошедший моей выносливости, заставили остатки воздуха вырваться наружу стремительно уносящимися ввысь пузырями. Понимая, что нельзя, ни в коем случае нельзя впускать воду в легкие, я еще долгие секунды нашаривал на поясе Зерна Истины в надежде заставить их сработать наподобие телепосыльного амулета...

Под пальцы с дурной настойчивостью лезла коробочка с зимелахом. В конце концов воля к сопротивлению иссякла, и я вдохнул воду... Закашлялся, давясь, выдохнул, вдохнул снова... И задышал, как ни в чем не бывало!

Хисахянка, покрывало которой я все еще не отпускал, выругалась как-то неразличимо-квакающе и покрутила у виска пальцем. Ребенок на сгибе другой ее руки засмеялся столь же скрипуче-булькающей трелью, глядя на мою ошарашенную рожу. От одного этого можно было с ума сойти. Меня же в сей абсурдной картине больше всего потрясло то, что малыш оказался столь же изукрашен узорами хны и обвешан украшениями, как и его мать. Даже в крохотных ушках мерцали сережки, усаженные яркими камешками.

Пробулькав в ответ что-то извиняющееся, я отпустил женщину. Та только вильнула искрящейся в воде полосой ткани, исчезая. Как золотая рыбка из прудов Переливчатых Медуз — вуалевым хвостом.

Уразумев, что помощь тут была по определению лишней, я дернулся было всплывать... а потом раздумал. Уж если намек чайханщика про «полдень у моря» раскрылся таким странным образом, имеет смысл как следует разобраться в этой стороне жизни хисахской столицы. Тем более что пределы города, как становилось видно, мне покинуть так и не удалось.

Медленно опускаясь на дно, я выхватывал взглядом из зеленого полумрака то обломок стены, то покосившуюся башенку. Когда-то Хасира простиралась вширь по всей бухте, заходя под обрыв, вздымавшийся тогда над окраиной на добрую сотню футов...

Три тысячелетия выкачивания газа из огромной линзы под побережьем заставили берег опуститься, скрыв под волнами древние улицы. Настанет срок, и весь город уйдет в море следом за уже затопленными кварталами, превратившись в таинственную легенду вроде сказаний о Принце Хисахском. Может быть, именно здесь, по заросшим ныне водорослями плитам мостовой, ступала его нога...

Однако улицы затонувшей окраины не пустовали и сегодня. Яркие прозрачные ткани призрачными шлейфами струились за жителями хисахской столицы, на время сиесты ушедшими в тень волн и прохладу морской воды.

Для меня стала ясна еще одна из причин одеваться столь легко. А заодно и необходимость в избыточном на первый взгляд количестве тяжелых металлических украшений — все это разнообразие служило недурной заменой балласта ныряльщиков за раковинами. От которых, по-видимому, и пришло дыхательное зелье, ныне подпольно распространяемое в зимелахе.

У меня балласта такого рода не наблюдалось, а веса одежды, сандалий и пояса едва хватало, чтобы компенсировать плавучесть тела, положительную даже без воздушного пузыря в легких. Приходилось то и дело подгребать, чтобы не воспарять над мостовой при каждом шаге, пока я не догадался набить карманы камнями.

Освоившись со своим телом в столь странном положении, я двинулся по улице, тысячелетия не знавшей света и воздуха, но отнюдь не пустовавшей. В противовес верхней Хасире, обескровленной избытком солнца сиесты и стражи султана, нижняя отличалась людностью и оживленностью.

Никакой поспешности в движениях плотная среда не позволяла, но это шло только на пользу подводной прогулке. Особенно удобно было неторопливо прогуливаться вдоль бесчисленных лотков в неожиданно частых и изобильных, не в пример сухой части города, торговых рядах. Продажа любого товара, которому не повредит морская вода, шла вообще

без помех, а то, что могло не выдержать соприкосновения с сыростью и разъедающей солью, было укрыто в воздушных пузырях, удерживаемых простенькими заклятиями.

Разнообразие подводного базара в сравнении с бедностью надводного поражало. Единственное, что оставалось неизменным — мяса нельзя было сыскать и здесь. Но с этой особенностью местного рынка я уже успел смириться. Для китов в здешних водах слишком жарко, а дельфинов с касатками бить — все равно что боевых рогачей да гекопардов переводить на шашлык.

Удивляла иная особенность базара. А именно — как предприимчивые жители двуликой столицы умудрялись торговаться, сговариваться о цене и просто общаться здесь, под водой, где любые слова превращаются в неразборчивое бульканье? Особенно трудно договориться, на мой взгляд, относительно предметов отвлеченных, вроде тех же украшений.

Как ни посмотри, склонность хисахян к побрякушкам выглядела поистине неудержимой. Пусть и сыскалось ей рациональное объяснение — страсть эта переходила всякие границы разумного. Мало было той бижутерии, которую уже навешали на себя жители Хасиры — торговля украшениями бойко продолжалась. Во всяком случае, лотки с многообразными побрякушками попадались чаще всего. А на них отчего-то главенствовали цветные линзы, заменявшие здесь очки для ныряния, и всевозможные серьги. Даже на ребятишках обоего пола красовались вычурные сережки, как на том малыше, которого на руках внесла в море мать, принятая мной за самоубийцу.

Очередной бродячий ювелир подвернулся, когда я уже отчаялся разобрать подводную речь. Поэтому, когда он обратился ко мне, расхваливая свой товар, оставалось лишь пожать плечами и показать указательным пальцем себе на ухо — мол, не слышу, что ж поделаешь.

В ответ лоточник неожиданно понимающе закивал, повторил мой жест, затем поболтал ладонью перед губами, очень похоже изображая дурно подвешенный язык, опять легонько похлопал себя по ушам, словно выбивая невидимые пробки, и отрицательно покачал головой — в смысле, что ни говори, все равно не слышно.

Такое понимание моих проблем не могло не пробудить заинтересованности. Может, бойкий лоточник также подска-

жет и способ справиться с ними? Тем более что именно это, похоже, он и хотел изо всех сил довести до моего сведения, тыкая себя в грудь и поочередно указывая то на мои, то на свои, украшенные особенно увесистыми серьгами уши.

Понять, что он мне втолковывает знаками, я так и не сумел, поэтому просто решил довериться знающему человеку. Тот, отчаявшись объясниться, под конец своих манипуляций просто зажал мне мочку уха каким-то странным пинцетом с прорезями на широких лапках. Что ж, если поможет, можно и потерпеть подобную фамильярность...

Мгновенная боль — и я рефлекторно вывернулся из рук доброхота-обманщика.

— Ну ты, чудила! Осторожней! — не сдержался я, потянув руку к уху.

— Сам чудила!!! — вполне различимо ответил ювелир. — Тебе помочь хотят, а ты дергаешься, как маленький!

Правда, нормально слышал его я только пострадавшим ухом. В другое по-прежнему вливалось неразборчивое бульканье. А в саднящей мочке рука нащупала серьгу-кольцо самого пиратского образца.

Да... Добровольно прокалывать себе уши, словно эльфийский модник, которому некуда девать очередные полфунта золота, я бы вовек не дался. А уж продолжать это после того, как попался столь по-глупому, и вовсе не стал бы. Но довод в пользу повторения нечаянной операции оказался убедительным — в ушах от разнобоя, если можно так сказать, двоилось, отчего голова потихоньку начинала идти кругом.

Делать нечего — согласно покивав на обидчивую тираду лоточника, я подставил ему и другое ухо. Ожидаемая боль показалась сильнее, но после второго прокола внезапно окончательно прошла в обоих ушах. Видно, на серьги наложено заклятие обезболивания и скорейшего заживления — предосторожность, необходимая в едкой морской, да и в любой другой воде.

Естественно, первый же вопрос, который пришлось обсудить, получив способность распознавать подводную речь — цену оказанной мне услуги. За понимание в Аква-кале, в отличие от свободы, платить все-таки полагалось, но не очень много — три динара, в нынешнее царствование лишь крытых голубым «морским» золотом.

Обретя звук, подводная Хасира разом превратилась из волшебной картинки, словно пришедшей из глубин хрустального шара, во вполне обыденную реальность. Вопли рыб в ветвях коралла и развалинах перемежались с криками зазывал у лавок и гвалтом толпы, резкие хлопки и щелканье морских зверей — с музыкой инструментов, мало похожих на обычные. Вряд ли издали бы на воздухе хоть один звук странные, будто в жабрах, щелястые трубы. Металлические штыри струн на диковинных арфах произвели бы лишь немелодичный лязг, а наполненные воздухом, маслом и спиртом сосуды ударных в лучшем случае породили бы омерзительный дребезг.

От обнаружившегося избытка, можно сказать, половодья звуков спасало лишь одно — четко различимы они были лишь в плоскости серег-реверберátоров. Стоило отвернуть голову чуть в сторону, и слышимое тускнело, теряло краски, становилось едва различимым. Если б не это, вынести шумовой напор подводного базара было бы попросту невозможно.

Спасаясь от неистовства торговли, ничем не сдерживаемой здесь, вне хищного внимания Великого Визиря, я свернул в переулок. В стороне от площади было потише, лишь ребятишки возились с морской живностью и играли в ракушки. На всех них в придачу к сережкам красовались еще и ожерелья с амулетами против отравы — среди подводных тварей немало тех, кто защищает себя при помощи яда.

Целый косяк переливающихся, как зеркальца, крохотных рыбок неотступно следовал за яркой метелочкой на конце гибкого прута вроде удилища, предназначенного для ловли их собратьев совсем в иной стихии. Дети лет пяти-шести по очереди чертили в воде узоры этой снастью, заставляя рыбешек повторять каждое движение приманки. Сверкающий поток свивался и развивался замысловатыми узлами, разом менял направление, рассыпаясь и вновь собираясь, когда та под звонкий смех переходила из одних рук в другие. Неумелые пока буквы и цифры, магические символы и просто красивые загогулины на мгновение обретали плоть, слагаемую бессчетными серебряными росчерками, и вновь исчезали в неверной зелени воды.

Покуда ребятня помладше играла со сверкающими рыбками, двое мальцов парой лет старше дразнила в сторонке

небольшого осьминога, тыкая в него острыми прутиками. Рассерженный моллюск переливался всеми цветами радуги и сердито скрипел, пытаясь забиться в щель между камнями, слагающими древнюю стену. Не получалось — строители времен принца Халеда работали на совесть.

Наконец осьминог нашел себе убежище и стремительно втек в стену, утаскивая за собой мясистые щупальца. Напоследок он выпустил струю столь же переливающейся, как сам, опалесцирующей в воде жидкости. Ребятишки смешно забарахтались, отмахиваясь от расплывающегося в воде облака и отчаянно чихая. Пройдя все цвета радуги, муть сделалась темно-фиолетовой и потихоньку рассеялась. Впрочем, немалая часть краски осела на мордашках незадачливых ловцов.

Кое-как оттершись, мальчишки переключились на другое занятие. Обнаружив на полуобвалившейся арке здоровенную красивую раковину, они подплыли к ней и принялись отдирать от древнего камня. Когда после долгой и неравной борьбы добыча подалась, один стал медленно спускаться с ней в руках, подгребая лишь ногами, а другой быстренько сплавал и достал из какой-то щели сетку, где сверкали еще три шипастых красавицы.

Из этой сценки я понял, откуда на надводном базаре избыток раковин. А подводный базар очень четко объяснил, откуда наверху недостаток иного товара. Пожалуй, с положением и настроениями народа по поводу властей все ясно. Можно и наверх отправляться. Но не хотелось...

Сколько времени прошло в изумрудном сумраке морской сиесты, сосчитать я не мог. Может, минуты, а может, и часы — стеснения в дыхании я не испытывал, да и вокруг никто особо не беспокоился. Если кто сворачивал торговлю, то неспешно и основательно, в надежде на припозднившегося клиента. Те, кто просто гулял или иначе проводил жаркое время дня, и вовсе продолжали свои занятия, лишь изредка поглядывая на иссеченное волнами «небо», прикидывая, насколько близок вечер.

Среди них стали заметны тройки с широкими лентами, повязанными на руках выше плеча. Цвет их сквозь воду был неразличим; но когда такая команда оказалась поблизости, выяснилось, что ленты бирюзовые. Тем более что один из троих был как раз из вчерашних студиозусов — конкретно его я

не помнил, но распознавать парней из Академии за пару раз научился отлично.

Вторым был мужичок ремесленного вида вдвое постарше, а третьим драконид, выглядевший в воде едва ли не естественней, чем на суше. Эх, надо бы сюда с Исэсс сходить как-нибудь...

Судя по всему, троица следила за порядком и подгоняла замешкавшихся под водой поскорей собираться назад на берег. Вот и еще одни претенденты на пророчество о бирюзе, что будет править Хисахом, явившись в свете без тени...

Меня, праздно таращившегося на них, блюстители подводного порядка тоже не обошли вниманием.

— Что, первый раз под водой? — Драконид раньше других заметил мою неуклюжесть в здешнем обиходе.

— Ага! — закивал я. — В пустыне такого и представить нельзя!

— Это точно, — снисходительно согласился студент. — Здесь вам не там!

— Конечно! — снова кивнул я.

— А скажи-ка, мил-человек, ты из каких сам будешь? — бдительно поинтересовался бирюзовоповязочник постарше.

Чужого хисахяне видят наверняка, так что выдавать себя за местного уроженца резону не было. Но и в истинном варианте выступать не хотелось, какой бы популярностью ни пользовалась у местной фронды Памела Акулья Погибель. Оставался, правда, еще один вариант...

— С караваном почтенного Ас-Саби пришел, из Герисса. — Вот и пригодится покойный купчик. Тем более что вранья в моих словах при таком раскладе не было ни капли — так ведь и пришел, как сказано!

Пробыть довольным собой мне удалось недолго. Неверным человеком был поставщик двора при жизни, подвел меня и посмертно.

— А, Рона-лягушатника подручный... — с пониманием кивнул вопрошавший и вдруг сделал из этого весьма неприятный для меня вывод: — Небось такой же блюдолиз султанский, как хозяин!

— О да! Наши лягушки султану не нравятся, подавай привозных, чтоб морем не отдавали! — встрял студент особенно не вовремя.

— Шпик музафаровский! — сделал очередной шаг в цепочке неверных обобщений его напарник.

Дожидаться, пока он дойдет до совсем уж радикальных выводов, я не стал и рванул прочь со всей возможной для подводного бытия скоростью. Но в воде особо не побегаешь, поэтому шага с третьего пришлось улечься горизонтально, оттолкнувшись со всех сил, и плыть, загребая руками и ногами, как та лягушка, которой я был обязан нынешними неприятностями.

На мое счастье, прочие участники заплыва додумались до этого несколько позже, а в воде двигались еще более неуклюже, чем я сам. Правду говорят, что нет пловца хуже, чем бывалый моряк. Так что пустившийся в погоню добровольный патруль с ходу отстал ярдов на пять и теперь пытался компенсировать неудачу, бешено молотя по воде всеми конечностями.

Долго так продолжаться не могло — при всей неуклюжести под водой местные уроженцы ориентировались не в пример лучше и запросто могли загнать меня в какое-нибудь неудобье. А там и прикончить или хуже того — оставить дожидаться прекращения действия дыхательного зелья, чтобы остаться как бы вовсе ни при чем, когда сама природа покарает предателя. Нечего, мол, дуракам, счета времени не знающим, под воду соваться.

Подстегиваемый такой перспективой, я выкинул камни из карманов и с удвоенным усилием рванул к поверхности — оглядеться, в какой стороне берег. Преимущество в скорости позволяло сделать это без особой опаски. Снизу не обойдут, не окружат, если долго головой вертеть не буду.

Измятая ветром грань воды и воздуха была все ближе, переливаясь тысячами бликов свободного от затенителя солнца. С разгона я прорвал ее, вылетев чуть не по пояс, рефлекторно выдохнул воду... И тут же понял, что больше вдохнуть ее не сумею — действие заклятия прекратилось.

По счастью, обрыв, с которого началась сегодняшняя экскурсия в подводные кварталы Хасиры, был совсем недалеко. Выкашливая остатки воды, я кое-как погреб к спасительному берегу, а отдышавшись, нырнул осмотреться, как там погоня.

Патрульные — если это вообще были они — кружили далеко внизу и позади, а потом и вовсе исчезли. Конечно, чу-

жак изгнан и больше под воду не сунется, значит, упрятать его втихую в какой-нибудь подвал не выйдет. Догонять же и топить всерьез, сразу насмерть, будет накладно, грязно — и страшно. На полное-то душегубство у простых горожан по мирному времени рука все-таки не поднимется...

И то хорошо. Мне под водой, да и в воде сегодня тоже больше нечего делать. Выбираться пора. Вот уже скалы, вызолоченные заходящим солнцем, совсем близко, только дотянись.

Дотянуться оказалось легко... А ухватиться не за что. Ветер и волны выгладили поверхность ноздреватого камня, водоросли же сделали его скользким, словно хорошо смазанная сковорода. Чуть ли не полчаса я карабкался, срывался и снова пытался взобраться по едва заметным неровностям.

Тщетно. Да еще и прибой каждый раз норовил чувствительно приложить каким-нибудь новым местом о непокорный камень. Чтобы передохнуть, я снова отплыл подальше и вовсю завертел головой, выглядывая, нет ли где подъема поудобнее.

Нет. Насколько можно было видеть, берег повсюду возвышался равно гладкой и неприступной стеной. А пристань или пологие пляжи по сторонам скального выхода, на которые как раз выбирались иные участники закончившейся подводной сиесты, были слишком далеки. Доплыть до них даже не устав так, как сейчас, я не сумел бы.

К тому же к вечеру море заметно посвежело. Ветер срывал брызги и пену с гребней подросших валов, приятное раскачивание на волнах превратилось в резкие скачки вверх-вниз. Тут вообще не до плавания, лодке — и той сейчас не доверился бы.

Впрочем, где та лодка... Амулетов телепосыльных чар, левитационных заклятий или несущих дисков в хозяйстве тоже как-то не случилось. А без магии, похоже, из воды не выбраться. Одно неясно, какая тут магия потребна из простых и доступных. Разве что...

Ловчее заклятие.

Произносить его, находясь в воде, да еще в свой собственный адрес, мне раньше, разумеется, не доводилось. Пару раз волна захлестывала рот на половине слова, приходилось начинать все сначала, отплевываясь и фыркая. Никогда простенькое сочетание трех слов не казалось мне таким длинным. Особенно собственное имя.

— Экстракто акуа Пойнтер!!! — выкрикнул я наконец, почти уже не надеясь на результат, нырнул на мгновение снова, но тут же опять оказался на поверхности. Куда быстрее, чем все предыдущие разы. Подействовало!

Вполне ощутимая тяга потащила меня вверх и к берегу. Просто замечательно, если бы при этом та же сила не старалась выкрутить все тело, словно мокрую тряпку. В конце концов, заклятие должно извлекать добычу из воды, а не выжимать воду из нее! Или и то и другое сразу? Не хотелось бы стать первым, кто проверит сие на собственном опыте.

В воздухе дело пошло еще хуже — меня завертело, как мяч для пик-пока, а в довершение всего со всей силы хлопнуло о плоскую вершину далеко выступающей в море скалы. Так вот что чувствует рыба, извлеченная из родной стихии! Лучше уж сразу на сковородку!!!

Биться на камнях и разевать рот я перестал уже через пару минут. Исключительно по причине отсутствия хвоста, плавников и прочих излишеств рыбьего свойства, вроде жабр и плавательного пузыря. Окажись он у меня в наличии, так легко бы не отделался — точно б лопнул. И так все внутренности перекрутило и сплющило. В общем, всерьез приложился...

Оттого, видимо, не отжав одежды и толком не почистившись, я поднялся, покряхтывая от ощутимой ломоты во всем теле, и рванул в город со всей возможной в таком состоянии скоростью. Одним духом миновал пригороды и торопливо затрусил к центру, в посольский квартал.

Свет реального заката, проходя сквозь призрачную тень, превращал сумерки в нереально светлую ночь с темно-кофейным небом над почти по-дневному светлыми улицами. Сейчас, в противовес полдню, они отнюдь не пустовали. Хорошо хоть не до такой степени, чтобы расталкивать встречных-поперечных. Вечерняя столица Хисаха отличалась неспешностью течения дел и передвижения жителей. На этом фоне всеобщего благодушества я, наверное, был заметен, как жирная муха лягушачьему глазу, видящему лишь подвижные предметы.

На счастье, патрулей по дороге не встретилось. Либо стражники тоже не дураки отдохнуть после трудов праведных, либо сторожить им в это время дня уже некого. Все, кому надо, проскользнули, как рыбий косяк через слишком редкую сеть — туда, обратно, и были таковы!

Повседневная жизнь столицы сопредельного государства теперь предстала в совершенно непредсказуемом свете. Не в сиянии искаженного магическим фильтром солнца, не в сполохах бесчисленных храмовых огней, а под пронизывающими лучами понимания истинного положения дел.

Похоже, за три тысячи лет султанат изрядно утратил прочность и единство, сообщенные ему во время оно принцем Халедом.

Посольство прежде всего встретило меня нормальным освещением, более привычным глазу, нежели зеленые сумерки морского дня и кофейные — наземного вечера Хасиры. Гнилушки в оранжевых колбах давали куда более теплый свет.

После недолгой пробежки по коридорам я обнаружил разом всех нынешних обитателей здания. То есть обитательниц. В предбаннике. Точнее, в холле с бассейном, предшествующим парной.

Мог бы и сам догадаться, где искать, без лишней беготни — непривычным к жаре эльфям это помещение полюбилось с первого же дня на новом месте. Сейчас все четверо, включая драконидку и унтер-бандершу, обретались не в бассейне, а на ближней его стороне, где площадка пошире была занята массажным столом и парой туалетных столиков с трельяжами для лучшего обзора. Дело-то к ночи, жара уже спала — можно и чем полезным заняться.

Картина в мягкой вечерней палитре, оживленной бликами от прохладной ароматной воды, разворачивалась на редкость колоритная: мои жены с компаньонкой усердствовали в приведении себя к канону хасирской моды.

Первой, очевидно, решилась Хирра. Как в силу симпатии к Исэсс, так и по причине общей покладистости. В чужой алтарь со своими клятвами не ходят, а тем более в чужую баню. Хисах — это надолго, значит, лучше сразу привыкать к здешним порядкам. Так что к вечеру нынешнего дня моя высокородная уже обрела все местные признаки добропорядочного шика. Ворох прозрачных покрывал искристо-пепельного отлива не скрывал четких линий и точек хны на коже темного серебра. Всего где-то на треть площади тела — узор, подобающий жене государственного чиновника высшего ранга.

Келла, похоже, раскачивалась дольше и доверилась только рукам старшей подруги. Хотя у драконидки опыта в таких делах, конечно, побольше, допустить ее до себя моя древнейшая не захотела. Но темная эльфь не подкачала — художественного чутья у нее не отнимешь, к тому же она явно успела потренироваться на Пемси. Пышечка, правда, на полное преображение не решилась, украсив росписью лишь руки, ноги и совсем немного — физиономию. А обнажиться до набедренной повязки, как жены, хотя бы и под прозрачной накидкой, не захотела совсем. Вот уж от кого не ожидал стыдливости...

Впрочем, она же человек. А я уже привык к эльфям и их своеобразному пониманию благопристойности. Которая не в облике, а в образе. Действий в том числе, но чаще — мыслей.

Словом, унтер-бандерша сохла на пуфике, растопырив свежераскрашенные конечности, рядом с приготовленными для нее самой и ее атаманши покрывалами — в отличие от драпировок Хирры, бирюзово-синими, как стрекозиное крыло. Сама Келла нежилась пузиком вниз на низенькой кушетке, перекинув обильную медовую гриву через плечи вперед, на скрещенные под подбородком руки. Моя высокородная колдовала над узором у нее между лопатками. Под чутким руководством наложницы, ненавязчивым оттого, что почти беззвучным. Змеиный язычок Исэсс имел свои преимущества.

В разгар этой сцены я и вломился. Влетел, запыхавшись, весь в засохшей соли и приставших водорослях. Да еще с совершенно пиратскими плоскими кольцами реверберatorов в обоих ушах. Точь-в-точь песчаный купец. Только ятагана в руках не хватает. Или буздыгана какого-нибудь...

Первой из присутствующих опомнилась и среагировала на данное явление моя высокородная. Обеспокоенно выпрямившись во весь свой шестисполовинойфутовый рост и склонившись надо мной, она принялась легкими скользящими движениями обирать с моих плеч прилипший морской мусор и стряхивать соль, при этом что-то успокаивающе приговаривая.

— А? Что?! — По уже появившейся подводной привычке я завертел головой, нащупывая направление.

— Когда идут купаться, серьги снимают, милый! — Хирра как раз заботливо вынула означенные украшения из моих

многострадальных ушей. Наложенное на них обезболивающее заклятие тут же перестало действовать — свежие ранки, разъеденные морской водой, принялись саднить во всю мочь. Чуть пополам не согнулся от боли.

— Эти как раз наоборот одевают, милая! — зачем-то прошипел я в ответ, схватившись обеими руками за уши.

Обменявшись этим гоблинским обращением, мы оба немного успокоились. Во всяком случае, я точно пришел в себя. Славный пример семейного общения получился для Исэсс. Памела-то уже привычная, хотя отучиться от именования старшей жены по полной форме так и не сумела.

— Где обнову подцепил? — вложила свою долю в формирование образа семьи моя древнейшая.

— В Аква-Кале, на площади Уфии аль-Риххол, — с ухмылкой ответствовал я. Пусть погадает, где это.

— Не гони, — неожиданно быстро просекла она подначку. — Таких названий и на карте нынешней нет! Только на старых да в балаганных пиесах поминается Балконная Площадь!

— Она давно ушла под воду, — сочла необходимым добавить моя высокородная.

— Будто я не знаю! — В присутствии Исэсс младшая жена неосознанно срывалась на недовольство.

— Точно, — пресек я назревавшее препирательство по пустякам. — Еще как ушла. Но местные измыслили свой способ гулять по ней. На основе зелья ныряльщиков за раковинами... — Слово за слово я изложил им историю своего путешествия как по затопленной, так и по оставшейся на поверхности частям города, преподнеся полную картину народных настроений вплоть до попытки расправы над мнимым шпиком Великого Визиря.

Вопреки ожиданиям, именно этот эпизод в наибольшей степени обеспокоил моих эльфочек, от которых я прежде всего ждал поддержки по вопросам более серьезным. Политическим, дипломатическим, стратегическим... Историческим, в конце концов. Все-таки одна родилась раньше меня без малого на две, а другая — почти на три сотни лет. Если не на своей памяти, то хоть по книгам могли бы прикинуть, что такого необычного могло произойти здесь за последнее время. Отчего содеялось «неладно» в султанате?

Сам-то я читать не по работе начал лишь с тех пор, как поселился в замке Стийорр. Больше в высокородном звании все равно делать нечего — к охоте, игре на деньги и прочим принятым у Инорожденных способам проведения долгой жизни я не склонен. Может, лет за сто и превзойду все науки, а пока, по невежеству, любой подмоге рад.

Но вместо этого жены наперебой принялись корить меня за неосторожность.

— Как ты мог! Где б мы тебя искали, если что?! — Моя высокородная разволновалась настолько, что даже перестала наносить узор на кожу подруги.

— Да-а... Это ты выдал, конечно, — при всем восхищении неодобрительно покачала головой та. — Нельзя ж так напролом лезть!

Как будто от моего симвотипа — «топор», Олог-Пинт — чего другого ожидать можно! Со злости я опять рубанул сплеча, пресекая никчемное беспокойство:

— Да хватит! Цел же домой пришел! Жив и здоров. И не о том речь. Тут не за свою шкуру трястись надо... — На мгновение я замолк, подбирая слова. — За то, как бы всем нам не отлилось больше, чем отпить сможем, не захлебнувшись. Большая буза идет...

Обеих эльфочек эта тирада заставила задуматься, хотя и не убедила с ходу. Исэсс же лишь таинственно улыбалась с видом змейки-линейки, заглотившей мыша с добрую сардельку размером, хотя при несомненной осведомленности в вопросе тоже не спешила встать на мою сторону. Но тут помощь и понимание вдруг пришли со стороны, с которой я их ждал менее всего.

— Вот! А я что говорила?! — Пемси качнулась на своем пуфике вперед и уперлась руками в колени, не боясь смазать подсыхавшую хну. — В академии тот же коленкор... Бузят все, даже прохвессора!

— Профессура, — чисто автоматически дернулась поправить Хирра тоном заботливой репетиторши при барышне-недоросле. Но унтер-бандершу моей древнейшей было не так просто сбить с панталыку. Лишь на мгновение запнувшись и обалдело хлопнув ресницами, та продолжила:

— И эти тоже, хай-мэм! Все как есть бунтуются и Визиря этого Великолепного видеть в упор не хотят!!!

В порыве обрисовать картину надвигающегося всеобщего мятежа блондиночка не жалела красок — как словесных, так и тех, что были наложены на ее кожу. Раскрасневшись в запале спора, Пемси утерла мордаху запястьем, а затем еще и ладонями по коленям хлопнула с размаху. Результат не заставил себя ждать — поперек физиономии и на предплечье пролегло по ржавой полосе, придавая пышечке самый разбойничий облик, а на бедрах расползлись бесформенные пятна хны.

— Хотят не хотят, а на стороне властей стража и правительственные колдуны, — попыталась вразумить оголтелую унтер-бандершу старшая жена, в то же время жестом указывая той на необходимость почиститься.

Но вконец исчумазившаяся блондиночка в мятежном запале была попросту не способна заметить содеянное. Осторожное замечание старшей жены лишь пуще раззадорило ее.

— Да я! Да мы!! Музафара с его стражей и колдунами одной рукой свернем! В рога... курчавые, вот!!!

Что-то новенькое в ее словесном обиходе завелось, не иначе, у соратников подцепила. По неистребимой привычке к уличной оргдеятельности.

Представить, в какой вид собрался привести Великого Визиря здешний бунтующий молодняк во главе с профессиональной бандиткой умильно-кукольной наружности, я при всем опыте не сумел. У рогачей, какой бы породы они ни были, их главное украшение максимум витым бывает; у морских наблювалов, отрыгивающих амбру, тоже бивень витой, да еще прямой к тому же. А курчавые рога... Подобной жути даже демонам в книжках про Войну Сил не пририсовывают.

Так что сие — точно местное избредие. Если только не наследство ублюдов, пропавших пропадом вместе со Священным Воинством. Диковато же те, должны были выглядеть, если это предположение соответствует истине... Рога с копытами и горб! Да еще и двуногие, вроде ездового эпиорниса, если верить легенде. Нехилое сочетаньице!

Впрочем, наличие мелкого криминального авторитета во главе ученой молодежи смотрится еще более нехило. Хуже только кабинетный умник, оседлавший волну бандитского погрома — как недолгий преемник Суганихи Кровавого, сумевший натравить остатки его «славных побирушек» на всех, у кого в хозяйстве была хотя бы одна свинья.

Действительный Магистр Тайрисской Бурсы Леон ван Хроге и поныне памятен не своими сочинениями по теологии права, а попытками соорудить на их основе практическую систему, действующую посредством огня и веревки. Триста лет спустя Маг-Император Тес Вечный, наставником которого, по преданию, был сам Хогоха Неправедный, обустроил Империю Людей на заапарских вотчинах, с кровью отбитых у эльфов, именно в духе учения леонистов...

Не мешало бы, кстати, поинтересоваться, как нынешние умники мыслят себе будущее Хисаха без Музафара. А то как бы не получить на границах второй Тесайр хуже первого. Хотя как раз именно Великий Визирь желал союза с нашим злейшим врагом, и его политические противники вроде бы должны иметь по этому вопросу прямо противоположное мнение.

В общем, не спросив, не выяснишь.

— А потом что? Когда всем, кому надо, по рогам достанется?

Как ни странно, ответ на этот вопрос у Памелы имелся, причем довольно четкий:

— Прежде всего надо султана отменить!

С этим нельзя не согласиться. Мехмет-Али Двенадцатого именно что отменить надо. За полной негодностью к употреблению в каком бы то ни было качестве.

— Казнить, что ли? — через плечо поинтересовалась у своей подчиненной Келла с явно недружелюбной ноткой в голосе, слегка напряженном от поворота головы, пережимающего горло. Оттенок сей прозвучал на грани слышимости, но вполне различимо.

— Не-а, просто так сделать, чтоб вообще султанов не было! Никаких!!! — не заметив того, пояснила свой посыл Пемси.

До такого даже ван Хроге не доходил, не говоря уже о Тесе Вечном, который сам себя отменять отнюдь не жаждет! Хотя это смотря чем султана заменить... В Анариссе вон по утрате Хтангской династии в смуте Первой Меканской взамен поставили над всем Концерн Тринадцати.

— А как тогда?! — недоуменно вступила в разговор Хирра.

— Все, как у нас! — торжествующе провозгласила пышечка. — Свободно избираемая власть народных представителей!!! Для беспрепятственной торговли и мирного развития!

Тридцать три раза! Это магистрат-то в Анариссе весь из

себя народный-свободный?! Не смешите дохлого клоуна! И торговля у нас такая беспрепятственная, что в «Коммерческий Бюллетень» сводки налогов, пошлин и прочих протекционистских поборов Концерна просто не вмещаются. А уж про мир я бы вообще молчал, с семнадцатью Меканскими войнами за последние полтысячелетия!

Однако сама девчонка до такого бы не додумалась. Явно с чужих слов вещает, «прохвессуры» местной наслушавшись. Знать бы еще, кто тем ученым бунтовщикам этакого бреда нашептал...

Не второй Тесайр — второй Анарисс собрались соорудить они из подручных средств в совершенно неподходящей для того местности. Производить в которой что-либо для свободной конкуренции слишком дорого встанет. Здесь вода и пища стоят втрое дороже, чем по ту сторону Девственной Пустыни, не говоря уже о расходах по защите работников от жары днем или холода ночью да тратах на перевозку сырья и готового товара! В таком варианте развития событий Хисаху грозит быстрая утрата самостоятельности — и будет у нас вместо союзника еще один протекторат вроде Транс-Альт или Огрии, из которого можно без меры выжимать ресурсы для очередной войны. Нечего и говорить, что Тесайр не будет смотреть на это, раззявив пасть, а прижмет Иэри и Атину так же, как мы местных...

Так что следующая Меканская если и будет уступать по масштабам Войне Сил, то только из-за нежелания богов лично ввязываться в нее. По причине невозможности заставить одну из сторон сражаться за кого бы то ни было из себя. Восьмеро братьев и сестер Дня и Ночи в Империи Людей объявлены эльфийскими предрассудками, а единственно достойным обожествления неопровержимо признан один Маг-Император. Что и закреплено соответствующим документом, принятым на всенародном референдуме лет четыреста назад!

Объяснить все эти, мигом пронесшиеся в голове соображения не то что непокорным умникам, а даже их куда менее образованной провозвестнице я бы не взялся. Но за меня всю работу сделала младшая жена, правда, зайдя совсем с другой стороны, чем мог бы я.

— И что, у нас много лучше, чем здесь? Кому же? Тебе и Строчным сестрам на улице, дорассветным, спамерам, бед-

ноте городской, ремесленникам, фермерам, купцам мелким, армейским чинам? Отцу твоему на больничной койке?

— Не-е... — Пышечка замерла, приоткрыв рот и осознавая, чего жаждет для местных жителей, спокойно и зажиточно бытующих в тепличных условиях замкнутой торговли. — Не лучше... Только суеты больше!

— В Анариссе только нам, эльфам, хорошо живется, — продолжала Келла развенчивать заблуждения подчиненной. — Оттого он и Союз Эльфийских Городов, что весь под наши нужды сбит... Кого ты на загривок хисахцам посадить хочешь? Магистратских собственных, наших да Концерн?! Они же все только мошной мериться да в Мекане воевать годны! До Мировой Погибели!!!

Вразумлять от тяги к бунту едва ли не дословной леонистской проповедью — на это способна только Древнейшая Кровь. Я чуть челюсть не отвесил, заслушавшись. Все вроде то же, что и сам думал, но совсем на иной манер подано... Точь-в-точь так, чтоб даже уличной девчонке без труда уразуметь. Не зря Инорожденные, что Дня, что Ночи, Древнейших боятся, как демон свечки.

Ведь подействовало! Весь задор Пемси смялся, она словно очнулась, озираясь по сторонам растерянно-смущенным взглядом. И наконец-то заметила, как извазюкалась в не успевшей застыть хне. От этого она засмущалась еще сильнее, обняла плечи руками, вконец размазывая остатки узора, и уже совсем готова была впасть в ступор.

— Ты вот что: с Исэсс сходи, отмойся, и пусть она тебя по новой распишет, — заботливо пришла ей на помощь моя высокородная. — А нам тут кое-что важное обсудить надо.

Что еще может быть важнее грядущей всемирной войны?! Меня так приложило удивлением в смеси с любопытством, что я едва смог дождаться, когда поникшая унтер-бандерша вместе с драконидкой удалятся в один из кабинетов бани. А тут еще старшая жена напоследок решила снабдить наложницу какими-то полубеззвучными инструкциями. Как будто та сама с привычным делом не разберется!

Наконец мы остались втроем, в узком семейном кругу. Нука, что за тема припасена для меня женушками напоследок? Не Мировая же Погибель?!

Оказалось, хуже. От темы, которую женская половина

семьи признала более важной, чем назревающий в Хасире переворот со всеми его последствиями, я чуть на стенку не полез. Огрскую, гимнастическую, из толстых горизонтальных шестов.

— Когда ты наконец переспишь с Пемси? Мы устали ждать! — с ходу взяла рогача за ноздри Келла. — Перестань делать из этого проблему! Трахни и забудь!

Именно те слова, которые я так боялся услышать. И что на них отвечать?

Вообще-то Низкая клятва даже в принципе не предполагает супружеской верности. В отличие от Высокой, допускающей измены лишь с соклятыми одним из двух этих способов или иным образом. Тут, увы, не подкопаешься — клятва банды «Гекопардовых Орхидей», наложенная на младшую жену, вполне подходит, чтобы включить ее унтер-бандершу в число допущенных к телу. Вот только к чему это моим эльфочкам?

Хирра, связанная со мной именно Высокой клятвой, несколько разъяснила положение, развив мысль моей древнейшей:

— Почему ты не успокоишь девочку? Памела влюблена в тебя по уши. С первого же дня, и час от часу все сильнее! На все готова, чтоб ты ее заметил! Видел же, как она сейчас выделывалась...

А, вот оно что! Заботливость моей высокородной порой переходит всякие границы. Как когда-то — злонравие. Мне, впрочем, от смены ее нравственной полярности временами не легче, как в данном случае. И объясниться тут будет ой как непросто.

— Именно поэтому. Вы, эльфи, не представляете, что такое женщина человеческой крови. Это одно сплошное средоточие ревности и собственнических чувств, — после всех сегодняшних мятежных проповедей завелся я с одного рывка. — Точнее, наоборот: сначала собственничество, а затем проистекающая из него ревность!

Келла испуганно округлила глаза, быстро переводя взгляд с меня на старшую жену. Та добрую минуту напряженно молчала, потом коротко бросила:

— А, ты же не в курсе. Моя мать была человеческой крови. Я ее почти совсем не помню. Первые тридцать лет жизни

всегда как-то сливаются... — Она резко поднялась, отложив кисти, и направилась к дверям. Лишь выходя, обернулась и бросила с порога: — Впрочем, тебе лучше знать людей.

Младшая жена проводила старшую долгим взглядом, затем посмотрела на меня не менее продолжительно, но совершенно иначе. Под таким взглядом начинаешь чувствовать себя даже не дурнем неотесанным, каковым я никогда быть не переставал, а каким-то совсем уж закорюком небывалым из древнего бестиария, вроде того же ублюда.

— Ну и что я теперь делать должен?!

Искать у нее сочувствия виновнику всего, конечно, не следовало. На мой невольный вопрос эльфь древнейшей крови ответила кратко и по существу:

— Ты?! Да иди ты в баню!!!

Возразить на это было абсолютно нечего. Самое время, а то соль вконец шкуру разъест. И на что, спрашивается, я тогда окажусь годен? Уж всяко не на решение двух в полный рост выросших передо мной вопросов — политического и сексуального.

И еще неизвестно, с каким из них будет труднее справиться...

6
Да здравствует султан!!!

То ли карту Европы украли агенты властей,
То ль пятерка шестых, остающихся в мире частей
Чересчур далека, то ли некая добрая фея
Надо мной ворожит, но отсюда бежать не могу,
Сам себе наливаю кагор — не кричать же слугу —
Да чешу котофея...

Наутро мочки ушей, лишенные благотворного влияния заживляющего заклятия, стали размером с орех и при этом не столько болели, сколько зудели немилосердно. Чтобы вернуть их в норму, обеим моим эльфочкам пришлось изрядно поработать, напрягая весь отпущенный их расе целительский талант. Каждая вцепилась острыми коготками в свое ухо и принялась тихонько намурлыкивать какой-то заговор на почти неразличимом в скороговорке кеннэ.

Лишь поначалу это было больно, а потом все более и более приятно. Вроде щекотки под кожей, расходящейся от пораженных мест все шире и шире. К сожалению, когда все стало совсем замечательно, собственно лечение прекратилось. А что началось, расписывать можно долго и со вкусом, если бы не отсутствие привычки болтать пустое про собственных жен! Тем более когда есть возможность заняться этим на деле...

Результатом же собственно лечебной процедуры явилось, увы, полное зарастание таким трудом обретенных дырок под серьги для подводного слуха. Но в общем-то и ладно — больше в морские кварталы Хасиры соваться мне резона не было. Особенно после случившегося там напоследок острого приступа местного гостеприимства в смеси с народно-освободительным подъемом. Все и так ясно.

Еще хорошо, что для полноценного общения в воде не пришлось язык прокалывать, а то и последствия сего, и процесс исцеления выглядели бы еще своеобразнее. Хотя у морских драгун и кирасир языки как раз проколоты. Видимо, для того чтобы со своими верховыми зверями разговаривать неслышным пересвистом...

Развлекаться с утра пораньше постельными танцами мы могли себе позволить сколько угодно. Ни Памелы, ни Исэсс с рассвета в посольстве не наблюдалось. У обеих нашлись дела в городе, и слава Судьбе.

Но когда что та, что другая не пожелали объявиться дома даже к полудню, какое-то беспокойство начало закрадываться в душу. По крайней мере, у меня — жены-то без всяких сомнений приступили к сооружению не то позднего завтрака, не то раннего обеда. Сиестника, в общем, как по времени, так и по составу съестного. Полегче, послаще и чтобы все хрустело!

В процессе расхищения ими посольских запасов мы плавно переместились на кухню, попутно сполоснувшись малость и одевшись хотя бы в той степени, в какой это предполагает хисахский обычай. То есть минимально, зато с претензией — Хирра с Келлой в эти их прозрачные бурнусы поверх набедренных повязок, а я в парадный вариант тропического камуфляжа Заклятых Рейнджеров. Повседневный после вчерашнего весь закостенел от морской соли, так что его и тронуть-то было страшно. Натягивать обычное обмундирование не по-

зволяла жара, а одеваться в местные тряпочки — стыд и срам. Хотя сидеть на кухне в мундире золотого шитья со шнурами и позументами, но при этом босиком тоже против всякого приличия, тут хоть позор меньший. Не пристает ко мне эльфийское бесстыдство, что позволяет парню в женское рядиться или в такое, что с бабьим спутать невелик грех. А то и вовсе едва ли не нагишом расхаживать без банной или постельной необходимости...

Впрочем, добравшись до содержимого буфетов и морозильных шкафов, мы разом позабыли обо всех приличиях. Причем набрали мы там не только выпечки и прочих орехов, но и более серьезного пропитания. Жажда жрать приходит вслед первому куску, как говорят в Тесайре. Им там, конечно, виднее, хотя при Маге-Императоре с его пайковой системой особо не разъешься. Ту же иэрийскую сырокопченую колбасу, думаю, не каждый праздник выдают.

Нет, все-таки умеют коптить мясо по ту сторону Мангровой Дельты! Что фаршем в оболочке из кишок или пергамента, что куском. Бастурма хороша, а уж колбасы таковы, что нетрудно поверить, будто Харуда, мать Принца Хисахского, была отравлена заклятым рубином из батона иэрийской салями, поднесенной в перерыве смертельного поединка ее сына с побратимом. Столь остра и столь вкусна колбаска, что в ней не только кристалл — рой бешеных ос, не заметив, проглотишь...

Бред, конечно. Почтенная матрона умерла своей смертью двадцать лет спустя после того поединка. Разумеется, если смерть от излишеств при употреблении горячительных напитков, иных дурманных и возбуждающих снадобий, а также обилия молодых любовников может быть признана естественной.

Так ли, иначе, но поначалу слышать что-либо, кроме хруста сметаемых разносолов и треска за ушами, мы были не в состоянии. И лишь отвалившись от стола в блаженной расслабленности, поняли, что для сиесты на улицах Хасиры както не по-хорошему шумно. Прерывисто, всплесками, накатывались крики, какой-то гвалт и гомон, быстро проносящийся мимо гул шагов, будто народ за стенами решил в самую жару развлечься альтийской лаптой.

В отличие от внутренних покоев и бани, кухня в посольстве выходит прямо на улицу. Тут все куда лучше слышно...

У моей древнейшей любопытство пересилило сытую лень раньше прочих. Вскарабкавшись прямо по буфету на галерейку-антресоль к узкому окну-бойнице, она осторожно выглянула, но тут же отдернула голову и, нахмурившись, обернулась к нам.

— Ой! Там стреляют!

— Кто? — Осоловение вмиг слетело с моей высокородной.

— Куда? По нашим окнам?! — У меня беспокойство приняло привычную форму. — Слезай сейчас же!!! — Я только что не подпрыгнул, протягивая руки к эльфи, не желавшей так быстро покидать наблюдательный пост.

— Да нет, это стражники... — отмахнулась та. — Им положено. По кому-то за углом лупят, как альтийцы по горному медведю!

Ну горный медведь зверь такой, что по нему и из колесного стреломета не грех садануть длинной очередью, на весь короб болтов. С файрболом на него не ходят исключительно из-за того, чтобы шкуру не портить. А то на такого зверя и противокадавровая снасть сгодится безо всякого излишества. Не всякий дракон шале-бэру дорогу перейти решится. Дракот тот же — исключительно по наличию крыльев и возможности вовремя смыться...

Вот только откуда в столице Хисаха взяться тому медведю? Келла уже слезла вниз по тому же буфету, я же, напротив, забрался на галерейку, воспользовавшись специальной лесенкой в углу. Очень-очень осторожно выглянул в окно...

Дзынг!!! Стрела отколола кусок штукатурки и отлетела, закувыркавшись. Легкая, из обычного стреломета, не стражничий гарпун и тем более не болт армейского арбалета. К тому же вскользь, вдоль улицы. Не по нам стреляли...

По нам — не по нам, но это все я додумывал, распластавшись на галерее плашмя, пригнув голову ниже невысокого подоконничка. Больше попаданий не было, можно бы уже и приподняться...

Но тут, словно демон из коробки для бетеля, над краем помоста появилась обеспокоенная мордаха младшей жены, изрядно напугав и рассердив меня своей способностью лезть куда не надо. Только ее здесь не хватало!

Не тратя лишних слов, я сделал страшные глаза и хлопнул эльфь древнейшей крови ладонью по темечку. Та ойкну-

ла и рефлекторно втянула голову в плечи. Не хватало еще ей словить стрелу или каменной крошки в глаза!

Со старшей женой такой способ бы не прошел, да и я уже немного успокоился. К счастью, Хирра по старым навыкам времен Охотничьего Клуба под обстрел не полезла — наоборот, отошла почти на середину кухни, чтобы я мог ее видеть, и оттуда окликнула:

— Ты чего?

Сам виноват. Молча под стрелой улегся, по меканской фронтовой привычке. Что угодно можно было подумать, до самого неприятного варианта произошедшего. Иллюстрацией сего послужила не столько обиженная, сколько обескураженная физиономия моей древнейшей, появившаяся в поле зрения рядом с моей высокородной.

— Ничего! Под болты пусть не лезет... — Оправдание получилось оскорбительнее обиды, так что у жен были все основания надуться. Однако обе поняли все как надо и лишних обид с разбирательствами не устраивали.

Я же пришел в себя настолько, что решился на вторую попытку выяснения внешней обстановки. Тем более что криков и лязга стрелометов снаружи не доносилось, все больше топот и команды. Что предполагало наличие хотя бы видимости порядка...

Увы, порядком под нашими окнами и не пахло. Хотя стражи такового наличествовали там в немалом числе. Впрочем, от них даже на параде не было особого толку, а сейчас тем более. Кроме того, наблюдалась еще одна странность — в строю лиловых сегодня была едва четверть людей, а дракониды в форменных туниках двигались как-то разлаписто и в то же время скованно. Будто не в своей воле, под заклятием. Еще более нестройно, чем позавчера, воинство Музафара Великолепного протрусило мимо наших окон, после чего улица окончательно опустела, а шум отдалился.

Приподнявшись на колено, я еще некоторое время опасливо оглядывал окрестности. Однако ничего более не происходило, и дальше тратить время на предосторожности не имело смысла.

— Что там? — Беспокойство в голосе Хирры никуда не делось.

— Да не разберешь, — скривился я раздраженно. — Бес-

порядки какие-то наверняка... Непонятно, как народ раньше не взбунтовался! Я ж вчера рассказывал...

Младшая жена понимающе кивнула, а старшая нахмурилась. Вчера у нее были причины не прислушиваться к моим словам или хотя бы не задумываться над рассказами об Аква-Кале, обращенном в море лице Хасиры...

Оказалось, сегодня мою высокородную тоже беспокоит совсем иное.

— Исэсс и Памела в городе! С ними же что угодно случиться может!!!

Да... Что та, что другая мастерицы попадать в приключения. Унтер-бандерша Келлы — по должности, а танцовщица-драконидка — по призванию. И если обеих при нынешнем раскладе все еще нет дома, пора серьезно задуматься. Дело могло закончиться не тривиальным походом на базар, а чем-нибудь похуже.

От этих мрачных мыслей меня отвлекла новая картина, открывшаяся через окно-бойницу кухни. Удручающая и в то же время безопасная настолько, что я подозвал полюбоваться своих эльфочек:

— Девчонки, быстро сюда!

Ждать что ту, что другую не пришлось, мигом подобрались поближе: Келла — привычно, чуть ли не одним прыжком, по буфету, Хирра — вслед мне по лесенке. Обе поспели как раз к кульминации печального зрелища.

Из-за того же угла, за которым скрылась колонна стражников, вывалился один из них — драконид с длинной стрелой, украшенной желтыми перьями, в правом боку. Судя по оперению, ветрострелки поработали. То есть это не просто народный бунт, а еще и военный путч до кучи. А что, Иэри с Атиной отсюда недалече, а там это национальный род смены власти и второе главное развлечение после карнавала на Потеряницы. Причем едва ли не более популярное — карнавал только раз в году, хоть и всю неделю перед Приснодням, а путч хоть раз в месяц устраивать можно. Как новая хунта в войсках соберется, так и готово зелье в горшке, только крышку держи!

Относительно состава местной армейской оппозиции у меня сомнений не было. Парад отчетливо выявил предпочтения властей среди родов войск и ответную реакцию тех. Нечего спорить, на чьей стороне сыщется бинбаши Джума аль-

Сахисси и его верные головокруты. Если Исэсс с ним, то беспокоиться нечего.

Или наоборот, очень даже есть чего. В зависимости от того, как обстоят дела у повстанцев.

Тем временем раненый стражник доковылял почти до наших окон. Пойти помочь, что ли, — хоть и лиловый, а все живая душа...

Моя высокородная настойчиво подергала меня за рукав, судя по всему, с тем же намерением. Но никто из нас не успел ничего сделать — драконид зашатался и рухнул на мостовую. Захрипел, забился в агонии, затих... И вдруг снова встрепенулся. Только теперь это было не похоже ни на предсмертные судороги, ни на движения мертвяка, восстающего от смертного оцепенения. Тело убитого извивалось и подпрыгивало на каменных плитах, словно мешок, внутри которого бесновались семь-зверей-в-одном-лукошке из алтийской сказки. Древко стрелы сломалось, желтые перья полетели по ветру.

Внезапно по телу тлеющей волной пробежало зеленое свечение срывающегося заклятия, и все кончилось так неожиданно — сперва мы и понять не смогли, что произошло. Мертвец словно разорвался натрое. Две его части споро прыснули в сторону, а одна осталась лежать неподвижно.

С обломком стрелы в боку на мостовой валялся лизард-манк!!! А два его собрата, встряхиваясь и пошатываясь, медленно разбредались в стороны. На одном еще болтались остатки лиловой туники. Ящеричный обезьян брезгливо встрепенулся и сбросил замаранное бирюзовой кровью тряпье...

Вот стало быть, каким образом пополнил ряды своих сторонников Музафар Великолепный! В оригинальности и сметке злыдню не откажешь. Такую бы энергию да на что-нибудь полезное, цены бы ему не было!

Мои эльфочки выглядели не столько обескураженными, сколько обеспокоенными. Серьезность положения дошла до всех. Теперь бы еще понять, что делать — чую, за воротами посольства не отсидишься, пока снаружи кто-то из своих.

Много времени на размышления по сему поводу нам отведено не было. Даже до кухни долетел гул надвратного гонга, в который кто-то дубасил, не жалея сил и конечностей. Будто тот самый шале-бэр лапищами по стальным створкам дверей лупцует...

От такого грохота мы все трое ссыпались с галерейки, минуя лестницу, и рванули к выходу смотреть, что за незваный гость к нам ломится, больше в изумлении, чем с опаской. Одна Келла прихватила с кухни разделочный секач с кольцом под палец и медную сковороду на длинной бамбуковой ручке. Чуть бок мне этим арсеналом не пропорола, когда мы втроем сгрудились у обзорного шара, вмурованного над дверями.

Лихорадочный стук не прекращался. Кто там?! Не «медведь-с-преведом» же из той сказки про лукошко, в самом-то деле?

Изображение в шаре прояснилось. А вот и не медведь! Наоборот даже — дракон. Точнее, драконидка. Хотя тут не скажешь, кого лучше повстречать при сегодняшних обстоятельствах — горного шале-бэра, дракона какого или женщину драконьей крови...

Особенно эту. Неизвестно, кого и в каком настроении могла привести на хвосте Исэсс!

Впрочем, это я уже ворчливостью страдаю. От облегчения, не иначе — за хисахскую наложницу я отчего-то опасался куда больше, чем за бывалую и пройдошливую унтер-бандершу. Особенно если учесть, что в сегодняшних событиях танцовщица и так увязла по самые ушки, прикрытые перепонками.

Так что, открывая двери, я был готов ко всему: к тому, что следом за ней ввалится отряд израненных заговорщиков, ворвется толпа преследователей... Но то, в сколь странном виде и неожиданной компании явилась драконидка, поразило меня настолько, что впору было припоминать все известные заклятия против мороков и иных магических обманов зрения.

Прежде всего, на женщине драконьей крови, обычно источающей оппозиционные настроения, как кухня аромат съестного, теперь мешком болталась фиолетовая тога госслужащего. Вместо украшений же наличествовал только дорогой письменный прибор на шейной цепи, приличествующий чиновнику высокого ранга, да еще с дворцовой пайцзой в доказательство лояльности носительницы.

На такое же положение указывало наличие почетного эскорта, а отнюдь не конвоя, из полудюжины стражников в полной выкладке, с сайсами и гарпунными стрелометами на штат-

ных перевязях. Вот уж этому роду должностных лиц, тем более вооруженных, на территории посольства делать откровенно нечего! Дипломатический статус подобного в корне не предполагает и приравнивает к вооруженному переходу границы воинскими частями!

Этакое несообразие и меня самого сбило на совершенно несвойственную мне манеру выражаться. Вертевшийся на языке вопрос — «Каких демонов?!» — облекся исключительно в протокольную форму:

— Какова причина вашего визита на территорию суверенного Анарисса в составе подобной делегации?

Узкогубый рот драконидки разъехался в хищной улыбке, словно она ждала именно этих слов, а не приличествующих случаю укоров и выражений беспокойства за ее судьбу.

— Расследование государственного преступления, совершенного его представителями! — не менее официально заявила танцовщица-оборотень, без приглашения переступив порог и повелительным жестом заставив свиту следовать за собой. С каждым словом она продвигалась вперед на шаг, покуда стражники неодолимо втекали в двери у нее за спиной.

Только крайней степенью изумления можно объяснить, что вместо того, чтобы пресечь незаконное вторжение на суверенную территорию Анарисса, мы с женами под градом обвинений лишь отступали в глубь приемной, устланной коврами и уставленной низкими диванчиками с грудами подушек.

— Султан Мехмет-Али погиб в результате покушения, организованного вами! — торжествующе изрекла драконидка. — Мне не удалось предотвратить это преступление против Хисаха, потому что вы подбросили орудие убийства раньше, чем я проникла в ваше логово!!!

Какое орудие? Какое логово?! Чтобы этакий бред нести, уже не провокатором надо быть, а вконец сбрендить. От подобной несусветицы у меня глаза на лоб полезли. Жены зашипели на два голоса, угрожающе выдвигаясь из-за моих плеч. При этом сковородкой нечувствительно завладела Хирра, оставив Келле только секач. Теперь Исэсс не позавидуешь, даже невзирая на полдюжины стражников позади.

Как они прошли мимо птицеклювых драконов на воротах? Что вообще с защитой посольства? Неужели взломана?!

Меж тем приведшей вооруженных чужаков в приютивший ее дом овладела какая-то тупая каменная одержимость, не слишком похожая на обычные вспышки ее огненного темперамента. Не обращая ни на что внимания, танцовщица, наложница и провокаторша в одном лице продолжала возглашать нелепые и тяжеловесные обвинения:

— Сегодня в десять часов утра, милостиво соизволив развлечься прыжками с проекционной башни при помощи упругого шнура, подброшенного среди даров от лица убитого вами Рональда Джоггера Ас-Саби, достойнейшего поставщика двора, Его Великолепие, наш светоч мудрости и доброты, разбился насмерть!

Громоздкость фразы и несоответствие высокопарных характеристик светоча его реальным умственным и моральным качествам из уст ранее вполне объективной и вменяемой драконидки поразило настолько, что смысл произошедшего сперва попросту ускользнул от меня. Неужели Музафару надоело прикрываться ширмой недееспособного повелителя и вздумалось посултанствовать самому, приведя баланс великолепия в титуле к желаемому максимуму?! Или и вправду несчастный случай спровоцировал его на срыв, а недовольство сменой власти заставило вывести на улицы усиленную магией стражу?

Сложить все эти возможности в цельную картину как-то не получалось. К тому же постоянно отвлекала еще одна несообразность в облике женщины драконьей крови, не давая сосредоточиться на чудовищных словах. Обычно ее треугольное личико то напряженно заострялось до лезвиеподобия, то довольно расплывалось почти в кошачьей округлости — сейчас же выглядело неподвижно застывшей маской. И еще коечто, деталь, малозаметная, но режущая взгляд...

— Глаза! У нее третье веко сросшееся! — Язык сработал раньше соображения. — Это тоже подделка, лизардманк под заклятием!!!

Словно по команде, обе эльфи без вопросов кинулись на лжедраконидку с ее свитой, при этом моя древнейшая — явно не без удовольствия. Давно случая ждала, видимо. Когда настоящая Исэсс успела ее так достать, в толк не возьму...

Клубок тел прокатился по коврам, взметнув фонтан подушек. Пара из них порвалась, между колоннами зала закру-

жились перья. Похоже, заклятие давало лизардманкам недюжинную силу — настоящие драконидыпротив двух эльфийских див и пары вздохов не продержались бы.

К тому же выводу пришла и моя высокородная. Выпростав шись на мгновение из общей свалки, она пропыхтела:

— Сними с них магию!

— Как? — И рад бы женушкам подсобить, только маг из меня...

— Зернами!!!

Тут Хирру прервали, втянув обратно в кучу-малу. Но мне и этого намека хватило. Зерна Истины — мощнейшая Реликвия — годится не только на то, чтобы жить тысячи лет, не будучи Инорожденным. Хотя именно ради этого я эти полезные камешки и имею завсегда при себе...

Сосредоточиться в гвалте и суматохе оказалось непросто. Однако теплое биение силы Реликвии я ощутил даже раньше, чем дерущиеся снесли одну из декоративных витых колонн. Продолжая одной рукой удерживать на поясе подсумок с Зернами, вторую я вытянул в сторону стремительно накатывающегося клубка тел и торопливо, совершенно без приличествующего случаю пафоса, проорал:

— Дисмутато магика!

Куча-мала словно взорвалась изнутри зелеными вспышками смены жизнеформы. Обретшие свой истинный вид лизардманки с испуганным шипением и свистом прыснули во все стороны. Лишь несколько тел остались лежать неподвижно, пачкая ковры бирюзовой кровью.

Женушки по инерции пролетели оставшиеся полдюжины футов и повисли на мне растрепанными чучелами. Перья из порванных подушек, кружась, медленно оседали на взлохмаченные гривы обеих. Лизардманки, забравшиеся со страху на уцелевшие колонны и оконные решетки, жалобно пересвистывались. Даже несмотря на потери, их было заметно больше, чем явившихся выдворить нас лжедраконидов. Похоже, заклятия Музафара лепили одну подделку из двух-трех обезьянов, на вес...

— Как ты просек подделку? — не отдышавшись толком, поинтересовалась Хирра.

Подобрать слова сразу не удалось, и за меня ответила Келла, тоже как следует не переведя дух:

— У змеищи всегда контур глаз дорисован так, чтобы третье веко подчеркнуть. Прямо по прозрачному, напоказ, чтобы никто с ящерной обезьянихой не спутал...

По ее мнению, подразумевалось, что разницы никакой нет и никогда не было. Даже в такой внимательности к драконидке сквозит неприязнь. А чего я хотел? Символический «захват» — не соломина в бокале, враз не переломишь...

А где, кстати, сама Исэсс? Если Великий Визирь подсунул нам копию, значит, был уверен, что оригинал его планы не нарушит. Реальный повод поволноваться за драконидку. И если б это была единственная причина для беспокойства...

Сколько еще таких вот патрулей вышло на улицы Хасиры? Кого уводят они из домов? Куда отправляют?!

И еще Пемси невесть где шляется! Нашла время!!!

Не сговариваясь, мы с Хиррой и Келлой кинулись по комнатам — доставать оружие. Моя высокородная — излюбленный ее родом тяжелый шестиствольник и «Черную Игуану», традиционный темноэльфийский клинок. Сам я ухватил традиционную пару офицерских стрелометов, саперный тесак и обязательную после встречи с песчаной акулой полудюжину файрболлов. Да еще наведался к центральному посту, как и предполагалось, тихонько оживавшему после снятия злокозненной магии по всему особняку, перевел режим охраны в состояние «алого зрачка» и отдельно накрутил нервы сейф-портфелю, заведя на него резервные функции. После чего с максимальной осторожностью поспешил к женам.

В отличие от нас с моей высокородной, моя древнейшая не привыкла держать в запасе особого арсенала, за исключением обязательного для каждой «Гекопардовой Орхидеи» кастеня — пары гирек-кастетов, соединенных цепью фута в два. Зато она, как никто, умела разжиться всем необходимым на месте. Когда я, слегка запыхавшись, вылетел обратно в вестибюль, Келла как раз раскручивала над головой позаимствованную у одного из лжестражников сайсу. Оружие, крупное и тяжеловатое для невысокого человека или драконида, пришлось в самый раз не достигшей совершеннолетия шестифутовой эльфи Древнейшей Крови. Гарпунометы незваных гостей она тоже оприходовала — по три на каждое бедро в импровизированной сбруе из стражничьих перевязей.

Вооружившись до зубов, мы вылетели из ворот посольства, смахивая на аллегорию гнева троих богов Дня, идущих на помощь сестре. Вот только ни один из нас не имел отношения к Победившим, да и состав был противоположный — не сестра с двумя братьями, а муж с обеими женами. Спешили найти мы тоже никак не кровного родича, а сразу двух специалисток попадать в неприятности, одну человеческой, другую драконьей крови... На бога не хватит, хоть роту таких слей воедино.

Только тому, кто встанет у нас на пути, сей тонкой разницы не уловить. Снесем, не задумываясь, лишь клочья чешуйчатой шкуры полетят да кровь бирюзовая брызгами!!! Или не бирюзовая... Все едино, кто бы ни захотел перекроить то, что сшито принцем Халедом — кровью и жизнью ответит за свое желание!

Однако первым навстречу нам попался не очередной супостат, а одна из разыскиваемых потенциальных жертв «переворота сверху». Увы, не та, за кого я начал беспокоиться уже всерьез, а и без того сравнительно благополучная Памела Акулья Погибель.

Увидав нас в столь воинственно-растрепанном виде, ушлая блондиночка затормозила, как флайбот в магическом щите, так же задрав корму и растопырив снасти... то есть руки. Да еще и рот открыла от удивления. И ресницами захлопала часто-часто, переводя взгляд с перьев, торчащих из причесок жен, на оружие в их руках.

— Ой... А чего это вы? — Как будто творящееся в городе, где она пропадала с утра, не служило достаточным объяснением любой дичи и нелепости. — И ты тоже...

Моя исцарапанная рожа также удостоилась ее внимания — на сей раз с оттенком взволнованной заботы. Любвеобильную деваху следовало вывести из этого состояния любой ценой. Лучше всего, конечно, прямым призывом к какому нибудь простому и понятному действию... Что ж, начнем приводить в чувство внутреннюю политику Хасиры без долгого планирования операции, используя неуемную энергию унтер-бандерши и ее же местную популярность.

— Пемси! Дуй в академию, бери студентов! — приказал я отрывисто. Кому еще разводить молодежь, души в ней не чающую!

Пышечка кивнула, встряхнув золотистой гривкой и с обожанием уставившись на меня. Чтобы довести до ее сознания смысл приказа, пришлось еще резко махнуть рукой, указывая направление. Только после этого та подхватилась и бойко затрусила прочь.

Будем надеяться, успеет, прежде чем лиловые прочешут общаги... Вот только одними юнцами в таком деле не обойтись. Надо собрать под свою руку всех недовольных, чтобы иметь шанс против единого кулака Великого Визиря. И помнится, в хисахской армии есть полк, способный повести прочих к верному выбору стороны в этой схватке.

— Келла! Поднимай Синих Драгун!

В противовес своей креатуре младшая жена среагировала мгновенно, но слегка по-шутовски: отобранной у стражника сайсой прокрутила в воздухе парадный прием, завершившийся странным подобием книксена, и махнула у челки двумя пальцами свободной руки, словно вскидывая их к несуществующей треуголке. После чего рванула к портовым казармам так, что только пятки засверкали.

Мы с Хиррой остались в одиночестве, если не считать лизардманков, с трудом отходящих от шока снятия магии. Мимо, поскуливая и баюкая сломанную в драке лапку, проковыляла ящеричная обезьяна. За ней тянулась дорожка из бирюзовой капель.

— Что мне оставил? — невесело улыбнулась старшая жена.

— Исэсс... — вздохнул я.

Не Келле же доверять искренне непереносимую ею драконидку! У той и с драгунами возни будет хоть отбавляй — по-хорошему начинать чистку в столице, не обложив казармы непокорной части лоялыными силами, вообще не имело смысла.

— А сам с султаном разбираться пойдешь?

Во-первых, не с султаном, а с Музафаром. А во-вторых, и поважнее дела найдутся.

— Нет. Пойду снимать магию с лизардманков.

Хирра согласно кивнула. Да, это сейчас нужнее всего — возвращать ящеричным обезьянам их истинный облик, чтобы никто не обманывался тогой и жезлом чиновника или туникой и оружием стражника. Сколько успею, столько порушу заклятий.

Решительно, не оглядываясь, я зашагал в глубь города, над которым впервые за три тысячелетия погасли огни храмов.

На улицах славного города Анарисса неприбранный труп — редкость. До первого полицейского патруля свободен — а там всяко самого в повозку, пару-другую попавшихся под руку подозреваемых в упряжку, и вперед, в участок на экспертизу. Мертвеца штурмполиция ценит как веский повод смениться с дежурства.

Так что вид трупа, оставленного стражами порядка без внимания здесь, в мирном и спокойном Хисахе, неприятно поражал.

Да что там внимание правоохранителей! Сама смерть невысокого крепкого мужчины человеческой крови воспоследовала от встречи со стражниками, если судить по стрелам-гарпунам с лиловыми правительственными древками, утыкавшими грудную клетку и бедро справа. Видно, взять не смогли, вот и пристрелили — вокруг, кроме бурых потеков обычной крови, виднелись и лужицы бирюзовой, а в отдалении валялся дохлый ящеричный обезьян.

Причина смерти человека крылась в бирюзовой же, цвета драконьей крови повязке на его руке выше локтя. У лиловых был повод усомниться в его благонадежности и праве находиться на улицах надводного города со знаком бунтующего подводного.

Нехорошо с мертвеца вещи брать, но тут другое дело. Знамя за убитым подхватить — честь, при всей опасности этого деяния. А мне эта повязка и того нужнее. Со стражниками-то в любом случае не по пути, а вот сойти за своего у местных повстанцев без нее трудновато будет.

В тот самый момент, когда я захлестнул бирюзовую ленту на коротком рукаве тропического рейнджерского комплекта, убитый шевельнулся и приоткрыл закаченные глаза. Злой знак или добрый, а что-то недоделанное при жизни удержало его в посмертии, на радость Лунной Богине.

Что именно, мне предстояло узнать, не сходя с места. Хриплым и непослушным с непривычки голосом свежий мертвяк обратился к первому и единственному свидетелю своего неупокоения:

— Торрропиисссс... Ссспешшшиии... Сстрражжники перрекррыыыли доррогу от обррыва... Сбррассывают народ в воду... — К концу фразы он разговорился до удобопонимаемости.

Сбрасывают так сбрасывают. Зимелах заклятый, почитай, у каждого обитателя Хасиры в запасе имеется. Не здесь вынырнут, так в другом месте, где обычный выход...

— Отбиррают... Все ссснадобья отбиррают, на веррную гххибель... — Обострившимся посмертным чутьем зомби уловил мою невысказанную мысль.

Стало быть, плохи дела. Хоть все бросай и сам беги на берег бухты. Вот только, увы, у меня есть дело поважнее. Если выведу лизардманков из-под магии, всем легче будет — оставшихся, природных стражников толпа сама сомнет...

Ничего — с женами свяжусь, объясню, какая-нибудь да пробьется к бухте. А то пока я до Теневой дойду, сколько народа переведут, клоуны балаганные!

Поняв, что его послание дошло и будет передано, зомби откинулся назад, теряя осмысленность. Не спорю, веская причина была у него задержаться по эту сторону Последней Завесы, да только расплата за исполнение жажды сильнее смерти всегда одна и та же — живоедом по земле ходить, пока кости не рассыплются трухой. Незавидная судьба для того, кто не просто жизнь — спокойное посмертие за чужие жизни отдал.

Убитый стражниками и сам это понимал даже в потемках неупокоения, ибо внезапно ухватил меня за запястье цепкой костенеющей рукой.

— Нне бррросссай так... Дддобббей... Нnне ххххочууу... — Речь его уже плыла, а в глазах разгорался зеленый мертвяцкий огонек.

Делать нечего... Я без сомнений потянул тесак из ножен. Примерился получше — зомби отвернулся и зажмурился совсем еще по-человечески — и снес ему голову с одного удара. От несоразмерного усилия жутко заломило руку, но совесть не позволила мне затягивать мучения неупокоенного.

Как-то так всегда выходит, что тем, кого я уважаю, удается оказать только эту, последнюю услугу. Начиная с Ланса...

Воровато оглянувшись, я сложил упокоенному мной руки накрест на груди и пристроил голову на место. Хорошо лег, к

востоку, стране смерти и безнадежности. Это мне прямо напротив — на запад, к башне проектора, видной в городе отовсюду. Да поскорее!!!

Уже на бегу я вытащил раковину из чехла на поясе и прижал вторую жемчужинку сверху. Над Келлой я по привычке трясусь — единственная и последняя в своем роду, да и в семье младшая, — потому первым номером в списке срочных вызовов у меня всегда Хирра. Вот только сейчас обратиться к младшей жене правильнее будет. Если она добралась до казарм Синих Драгун, то за ней сила побольше, чем за той же Пемси со студиозусами или моей высокородной, что вообще в одиночку наложницу ищет...

— Да! Слушаю!!! — сразу отозвалась раковина звонким голосом моей древнейшей. Спокойствием в интонации, с которой были произнесены эти слова, и не пахло — одна напряженность.

— Ты в казармах?! Добралась?! — Ее беспокойство разом передалось и мне.

— Добраться-то добралась! Только выбраться не могу! — Нервная натянутость в голосе Келлы потихоньку сходила на нет.

— Что, арестовали? — по своей привычке предположил я худшее.

— Нет! Стражники казармы обложили, арсенал отрезан! — Слова эльфочки сняли с моего сердца порядочных размеров камень. — А тяжелое вооружение еще вчера в Сахисс морем отправили!

Ладно, все среди своих, а не в руках сбрендившего царедворца, возжелавшего высшей власти. Драгуны анарисскую эльфь в обиду не дадут, если слово бинбаши Джумы аль-Сахисси что-то для них значит. А его позавчерашние восхищенно-почтительные взгляды в сторону моей младшей жены не заметить было трудно...

Вот только если непокорные узурпатору части не в силах сдвинуться с места, то на выручку согражданам на обрыве прийти по-прежнему некому.

— Если пробьетесь, идите к морю! — все равно на всякий случай проорал я, уже порядочно запыхавшись от бега. — Отбивать народ с морской сиесты, их стражники топить собрались!!!

— Поня-я-ятно... — уже мрачно и зло протянула Келла и разом оборвала связь.

Так... Кого вызывать следующей? Памелу со студиозусами тоже могли запросто блокировать в академии, а Хирра... что она сможет одна?

Спустя мгновение мне стало не до столь сложных вопросов. За очередным поворотом полдюжины лиловых деловито теснили тяжелыми сайсами троих повстанцев. Точнее, одного ветрострелка с разряженным гарпунометом и двоих горожан — драконида при бирюзовой повязке и человека без всяких отличительных знаков. Пустынное копье песчаного солдата было куда легче стражничьего, а цивильные вообще отмахивались каким-то бамбуковым дрекольем из ближайшего забора.

Один убитый человек и два дохлых лизардманка уже открыли счет этой баталии, обещавшей в ближайшие полминуты еще больший урожай трупов. Ветрострелок с драконидом держались неплохо, даже заработав пару-другую рваных царапин, а вот по всем признакам постороннему горожанину приходилось туго. Двигался он с трудом и все время клонился на правый бок, по которому тянулась длинная, хотя и неглубокая рана.

Быстро окинув взглядом окрестности на предмет засад или иных неожиданностей, я выдернул из портупеи собственный стреломет. Короткие болты анарисской выделки хоть и полегче местных гарпунов, зато руку не так мотают при выстреле. Так что четыре верхних ствола я опустошил за три секунды, пустив «погулять» только одну стрелу. Первый стражник с ходу полыхнул зеленым и разбежался ящеричными обезьянами, оставив одного из них валяться трупом, а двое других изрядно сбавили напор, озабоченные засевшими в мясе стрелами больше, чем добиванием повстанцев.

Эх, жаль, что надсеченные иглы в нижних стволах, оказавшиеся в посольском стреломете вопреки всем здешним установлениям, в свалке бесполезны — своих задену, а орудовать «козьей ногой» да переводчиком огня и вовсе некогда. А тут еще двое лиловых — легкораненый человек и один из незадетых драконидов — сами взялись за метатели.

Тут стало совсем не до размышлений. Я сумел-таки разрядить два нижних ствола в сторону отшатнувшегося от своих стражника, осыпав его стальным дождем, а дальше пришлось положиться на тесак. Обухом по стволу стреломета,

отбивая готовый сорваться с шептала гарпун, острием в живот ближайшего противника! Рванул на себя бестолково забившееся тело — и тупой удар вражьей стрелы пришелся в обмякающую чужую плоть! Изумрудное тление срывающегося заклятия промелькнуло перед глазами быстрой полосой, и «мой» драконид рассыпался на ораву верещащих лизардманков, оставив меня без прикрытия. Стряхивая обезьяний трупик с тесака, я демонился так, что позавидовала бы торговка рыбой с Альфорт-рынка.

Но торопиться, собственно, было уже некуда. Пока я геройствовал, как последний идиот, двое здоровых повстанцев порубили оставшихся лиловых. Даже раненый не остался в стороне, с каким-то привизгом домолачивая своим бамбуковым дрыном валявшегося со стрелой в боку стражника. Оттаскивать его как-то никто не брался.

Втроем с ветрострелком и бирюзовоповязочником мы, тяжело дыша, стояли над последним оставшимся в живых вражеским драконидом, ожидая, когда агония завершится распадом на составляющих его обезьянов. Вот-вот засветится зеленым — и делать ничего не надо...

Умирающий затих, но остался прежним. Ничего не произошло. Он действительно был драконьей крови.

Хисахский солдат сложно выругался, помянув все созвездия зодиака в одном постельном танце, а драконид с бирюзовой повязкой отшатнулся, злобно зашипев и скрестив противолежащие пальцы свободной руки в отрицающем жесте. Наверное, не будь его рот сухим от рождения, так и плюнул бы на труп.

— От дурной рассыпной стрелы помер — по вине и смерть! — подытожил свою тираду ветрострелок.

Ох, не любят наш анарисский боеприпас по обе стороны пустыни. Знал бы — выкинул посольские запасы еще дома, без всякого сожаления... И может, сдох бы сейчас на улице, как этот предавший свою кровь представитель четвертой расы разумных. Себе изменять не дело даже в мелочах...

— Откуда сам такой? — перенес внимание с оружия на его владельца словоохотливый солдат.

— Из Анарисса. — Скрываться без толку, в парадном-то мундире рейнджерского премьер-капитана, даже не будь у местных чутья на чужаков. — Посольство разгромили...

— Что, ваше тоже?! — с ноткой язвительности ответил

вопросом драконид. — После смерти султана разнесли все посольства, кроме вашего!

— Стражники?! — Теперь уже я удивленно встретил вопрос вопросом. К чему Музафару громить потенциальных союзников? Или это провокация, призванная объяснить необходимость столь масштабного усмирения непокорных?! Ничего не понимаю...

— Нет. Наши, — настала очередь замешательства повстанца, с трудом пришедшего к аналогичным выводам. — Или кто-то вроде наших...

Ага. Вот и я о том же.

Но разобраться в тонкостях политической интриги здесь же, на месте, нам было не суждено — с перекрестка, откуда я сам вышел минуту назад, вывалила целая орава стражников. С дюжину, наверное, и с тремя людьми в тех же лиловых туниках во главе. То есть с настоящими стражниками, не сегодняшнего обезьянского призыва...

Похватав бесхозные гарпунометы и сайсы, мы рванули к противоположному концу улицы, на ходу лязгая взводящими рычагами, затем резко тормознули, возвращаясь за горожанином, в исступлении мычавшим над трупом стражника, и дали деру вдвое быстрее. Едва-едва успели засадить гарпуны в стволы трофейного оружия...

К тому моменту, как мы, уже вчетвером, добрались до дальнего переулка, лиловые одолели полдороги до нас. Пару раз они останавливались, чтобы выпустить залп — стрелы свистели по сторонам, то и дело звякая наконечниками о стены и камни мостовой. И тут навстречу нам из помянутого переулка вывалились еще столько же стражников!

— Ложись!!! — заорал я, как под аркналетом, и первым со всего маху покатился под ноги встречным.

Ветрострелок выполнил команду не задумываясь, драконид — чуть замешкавшись, а мирный житель в своем помрачении просто скопытился, лишившись подмоги. Аккурат в этот миг преследователи, закончив тщательно прицеливаться, разрядили свои стрелометы. Рой гарпунов прожужжал над нами и с глухим стуком встретил строй преграждавших дорогу. По тем, кто уцелел, высадили из всех стволов мы трое, а ближайшему подсек ноги сайсой и вцепился в глотку вконец сбрендивший горожанин.

Дальнейшее слилось в дюжину секунд непрерывного безумия. Каждый в одиночку прорывался сквозь зеленые сполохи срывающихся с мертвецов заклятий, кроша противника направо и налево. Фонтаны бирюзовой и алой крови хлестали в небо, смешиваясь в облако тошнотворных брызг.

Каким чудом не задело никого из нас троих — вряд ли знают даже боги. Подхватившись, мы с удвоенной силой бросились прочь от настигающих преследователей, уже не делая попыток оторвать сумасшедшего от очередного трупа.

Навстречу из переулка снова послышался топот. Но, кажется, нас и это не смогло бы остановить. Похоже, каждый из нас уже перешел грань безумия... Хвала Судьбе до Мировой Погибели, это оказались свои — бирюзовые, не лиловые. С налету, с сайсами наперевес мы едва не врезались в кое-как вооруженную ораву людей и драконидов — кто со знакомыми повязками на руках, кто в песочной форме солдат пустыни.

Нашей троице хватило дурного куража, резко затормозив, кинуться обратно на лиловых. По счастью, командир новоприбывших в чине аштегмена понял сложный взмах руки нашего ветрострелка и крикнул своим бежать на подмогу. Беззвучный язык жестов в каждой армии свой, и хисахская не исключение.

На дюжину стражников, добивавших психа над трупом среди стаи разбежавшихся из-под заклятия лизардманков, мы вылетели с таким напором, что в считанные секунды смяли всех, не исключая ящеричных обезьянов и недавнего соратника, утратившего разумный облик. Лиловые даже выстрелить не успели ни разу.

Зато теперь все наши были отменно вооружены трофеями... и пьяны от крови. Попадись нам сейчас отряд втрое больше численностью — кинулись бы на него, не рассуждая. Хорошо, никого поблизости не случилось....

Отсутствие противника давало время еще на одну попытку наладить связь. Если не армейские, то уж студенты обязаны прийти на помощь запертым на обрыве горожанам. Не теряя времени даром, я потянулся к карману, куда впопыхах сунул раковину дальней связи, кинувшись на помощь троим повстанцам — казалось, всего несколько мгновений назад...

Д-демоны всего негодного!!! Пальцы наткнулись на острые осколки и труху. Раковина не пережила безумной свалки

последних минут — удары, падения или просто неловкий толчок превратили хрупкий артефакт в кучку бесполезных обломков.

Что теперь делать? Связи нет, а наш отряд слишком мал, чтобы делить его надвое. Одна надежда на Синих Драгун и Келлу...

Словно в ответ на мои мысли со стороны портовых кварталов донесся глухой рокот, и над дальними крышами медленно вспухли бурые клубы догорающих файрболлов крупного калибра. Какая-то из противоборствующих сторон добралась-таки до арсенала!

Вдобавок вдалеке полыхнуло гнойной зеленью мертвящего заклятия большой мощности. Часто затакали разрывы послабее. Над морем взметнулись жгуты смерчей, явно поднятые магами морских драгун. Напротив них с берега в небо уткнулись воронки песчаных вихрей — правительственные колдуны тоже не заикой закляты оказались. Торнадо схлестнулись, вышибая из города кучи мусора и раздувая пламя. Над портом разгоралось желтое фосфорное зарево и плыл ядовитый дым.

Да... На мятежные части надежды нет. Им бы на месте с противником совладать, а не сквозь весь город пробиваться на противоположную оконечность бухты!

Происходящее в порту послужило сигналом к действию для моих случайных соратников. Испробовав крови и победы, повстанцы просто не могли стоять без дела. Сегодняшнее утро превратило вчерашних мирных жителей и солдат в единое целое — вооруженный народ. Тот, что воюет великой храбростью и великой кровью.

При этом в ожидании приказа к действию все как один уставились на меня.

Ну да... Золота и шнуров на парадном рейнджерском комплекте на полгенерала хватит. К тому же даже номинально премьер-капитан выше суб-лейтенанта, или, по-здешнему, аштегмена. Не говоря уже про рейнджерскую надбавку к рангу. Значит, в самом деле некуда от командирства деваться. Придется...

Выхватив взглядом из толпы унтеров, я подозвал их вместе с офицером. На пару дюжин разношерстного сброда набралось трое младших командиров — тот самый ветрострe-

лок в чине усман-чавуша, драконид-таможенник с лычками своего ведомства типа сержантских и коренастая, наголо бритая женщина из Синих с нашивкой бачавуша кирасир. Этому званию у нас и аналога нет, энсайн да мичман не то совсем, а вот у тесайрцев что-то в этом роде называется «старший прапорщик».

— Почему не со своими? — не сдержал я вопрос к столь экзотической представительнице унтер-офицерского сословия.

— В увольнении была, юзбаши-эфенди! — мрачно отрапортовала крепышка, наскоро пересчитав мое звание по местному курсу.

— Славно почку погуляла? — поддел ее оказавшийся легким на шутку ветрострелок.

— Заткнись, ботало ублюжье, — незло огрызнулась бритая. — Детей у меня двое. Проведать ходила...

— Отставить болтовню! — оборвал их перепалку офицер. — Ждем распоряжений, эфенди!

— Погоди, успеем сегодня навоеваться, — перебил я его, снова обратившись к женщине: — На кого детей оставила?

— На бабку, — усмехнулась та. — Она уж пятый год как в отставке, но еще крепкая. Отмашется при случае!

— Что, обе девочки? — с пониманием улыбнулся я, утирая рукой вспотевшую рожу.

— Сыновья, — с явным сожалением призналась боевитая бабенка. — Какую династию рушат, стервецы!!!

В глазах ее тем не менее плясали довольные огоньки. Удалось зацепить за живое...

— Ничего, приживешь еще дочку! — обнадежил я кирасиршу и негромко прибавил: — Если сегодня на рожон без толку лезть не будешь...

Теперь беззлобно хохотнули все. На рожон, то есть на острие сайсы, никто раньше времени не собирался. Оно и хорошо, очертя голову на кого ни попадя кидаться — последнее дело. Нам сейчас тихо идти надо, ввязываясь в бой только по крайней необходимости, чтобы с гарантией добраться до Теневой площади.

Тут все мои усилия чуть не пошли насмарку. С противоположного конца улицы опять показался отряд стражи — поменьше нашего раза в два и всего с двумя людьми в соста-

ве. Видя превосходство противника, лиловые не спешили вперед. Только поэтому никто не кинулся на них с ходу, и спустя секунду мне удалось перехватить инициативу.

— Всем стоять! Держите строй, прикройте меня! Первыми не стрелять!!!

Покуда армейские, не задумываясь, доводили до прочих необходимость исполнения приказа, я выхватил из подсумка Зерна Истины. Уж им-то ничего не доспеется, это не хрупкая ракушка!

Сила Реликвии наполнила меня еще быстрее, чем прежде. Формулировка заклятия, снимающего заклятие с лизард-манков, слетела с губ чисто автоматически:

— Дисмутато магика!!!

Волна дрожащего, будто от жары, воздуха сорвалась с моих рук, вытянутых в сторону лжедраконидов. Под ее напором те затряслись, словно сгорая в зеленых сполохах срываемых заклятий. Мгновение этой бешеной пляски, несказанно удивившей их соратников — и все фальшивки распались клубками ящеричных обезьянов. С обиженным верещанием зверьки прыснули в стороны, улепетывая со всех сил. Осознав всю глубину случившегося, двое стражников-людей кинулись следом.

Моих соратников сделанное поразило ничуть не меньше. Не ожидали, и ожидать не могли, даже будь они в курсе, что принятый мной из рук Концерна Тринадцати чин полностью именуется «капитан-заклинатель первого класса».

Тут, правда, магия не от офицерского патента — познания из моей настоящей армейской профессии, а мощь от одной Реликвии, направляемой телом и разумом, измененными другой... Но это объяснять долго и ни к чему. Хотя кое-что объяснить все же придется.

— Заклятие можете снимать... с этих? — остро и въедливо, чуть задержавшись на том, как поименовать лжесобратьев по расе, поинтересовался таможенник. — Тогда почему дрались?

Остальные ждали ответа с не меньшим напряжением.

— Могу только в прямой видимости. И подготовившись. Если на проекционную башню заберусь — со всего города сниму. С тамошней-то накачкой...

Люди и дракониды радостно зашумели. В беспросветье намечавшейся гражданской войны забрезжила перспектива.

— А мы тебе тогда к чему? — поинтересовался более скептически настроенный аштегмен.

— До башни еще дойти надо. Должен же кто-то прикрывать. — Объяснить очевидное мне самому было трудновато. — Видел же, моя магия не вдруг раскачивается...

— А-а, — понимающе наклонил голову офицер ветрострелков. — Тогда конечно. Доведем. Хоть все ляжем, а дойдешь.

Оптимизма в его словах не было — только уверенность. Что ж, и то ладно. Какой, к акульим демонам, сайсу им в жабры, оптимизм на залитых кровью немых улицах!!!

— Лучше бы, конечно, не все. — Я осторожно попытался перебить настрой на обреченность. — Тут для живых дело найдется...

Договорить мне не дали. Очередная порция стражи, вывалившаяся из переулка поближе, по численности была примерно равна нам и уже не колебалась. Гарпуны залязгали по камню вокруг так часто, что думать и договаривать стало совсем некогда — увернуться бы.

Так что снова к силе Реликвии я обратился, уже привалившись спиной к цоколю какого-то особняка, выступавшему ровно настолько, чтобы прикрыть двоих. Вторым был таможенник, который, упав на одно колено, орал на своих людей, приказывая отходить к переулку напротив и чуть позади нас. Трое уже были не способны услышать этот приказ, а другой переулок занимали ветрострелок с кирасиршей и их подчиненные. Аштегмен со своими прикрывал отходящих, отстреливаясь из-за тумб и каменных кадок для растений.

Наконец ток силы наполнил ладони. Дождавшись мига, когда приутих лязг стрел, я быстро вывернулся из-за укрытия и с диким криком шарахнул заклятием вдоль улицы. Драконид не устоял, скопытившись на четвереньки, и покатился. Сам я тоже не удержался и хряснулся о мостовую так, что не сразу смог понять, от удара у меня в глазах полыхнуло зеленым или так выгорело сорванное с лизардманков заклятие.

Все-таки второе. Кроме тех болтов, что просвистели как раз там, где была моя голова секунду назад, больше не прилетело ни одного. Зато между дальними домами заметно прибавилось ящеричных обезьян.

Имело смысл как можно скорее убраться с этой невезучей улицы. Хорошо еще, что держать курс на высящуюся над

городом громаду было нетрудно. Изредка особо путаный проход между кварталами уводил совсем в сторону, но даже тогда не составляло проблемы снова встать на верный путь. Кажется, во всем городе не было такого места, где мощь титанического строения не проглядывала в дрожащем мареве послеполуденной жары.

Перекрестки, повороты, переулки, бульвары с арыками, дважды в день подводящими воду к буйной зелени... Побоища отряд на отряд, короткие схватки со случайными патрулями, перестрелки издали, когда гарпуны свистят и лязгают редко-редко, внезапно появляясь ниоткуда и лишь изредка, случайно находя цель...

От зеленых вспышек рассеиваемой магии уже рябило в глазах — неважно, снимала заклятие мощь Зерен Истины или пролитая бирюзовая кровь. Треть шедших со мной с самого начала уже погибла, зато вдвое больше прибавилось. Сколько дохлых лизардманков осталось валяться за нами, никто не считал. Да и настоящие стражники не всегда ударялись в бегство, когда их подельники рассыпались стаями ящеричных обезьян.

Не сразу пришло понимание, что проекционная башня уже не столько впереди, сколько прямо над нами. Но когда дошло, что до цели осталась пара кварталов, один бросок — все рванули вперед с удвоенной скоростью. Как же — дошли! Еще немного, и улочка, на которую мы вывернули с налета, вольется в саму Теневую площадь...

Вот только другим концом эта улочка вонзалась в изгиб проспекта, далее без отклонений уходившего к обрыву на окраине. В прямой видимости на нем лиловых вроде не наблюдалось, так что у моего отряда имелся шанс успеть на берег раньше прочих.

— Стой! — Я по фронтовой привычке поднял руку с раскрытой ладонью, но меня и тут поняли. Взглядом я выловил в строю давешнего мрачноватого аштегмена. Иных офицеров не прибавилось, значит, дальше вести ему.

— Помнишь, я говорил, что как дойдем до места, еще дело будет? — Вопрос был скорее попыткой привлечь внимание, перевести из жесткого боевого режима в более вменяемый.

В ответ офицер ветрострелков кивнул. Значит, сработало, поймет, что скажу.

— Почитай, дошли — вон башня. Оставишь мне пятерых для страховки, а остальных поведешь туда. — Я махнул рукой вдоль проспекта. — На берег Морской Сиесты.

— Что там? — заглянул в самый корень аштегмен.

— Стража народ топит, — так же коротко ответил я.

— Что раньше не сказал? — исподлобья уставился на меня хисахянин. Понятно, что он чувствует... Только ведь не ради выгоды да безопасности я молчал!

— Не сниму заклятие — не сладите с ними. Прикинь, сколько там, раз толпу держат? А без вас не дошел бы...

Аштегмен кивнул согласно, но оттого не менее зло, поколебался долю секунды, а затем подвел черту под услышанным:

— Будь по-твоему. Только смотри дойди! Не дойдешь — сам твои кости на мельницу снесу!!!

Подразумевалось, что остаться в живых, не добравшись до башни, мне и вовсе непозволительно. Законный подход. Только не дождется моих костей здешняя мельница. Хотя помощь лишней не была и не будет...

Быстро пройдя вдоль строя, офицер ветрострелков выбрал пятерых — не худших, но таких, у кого дыхалка не выдержит долгого бега до обрыва — постарше, легкораненых... К примеру, та же кирасирша ко мне не попала, да и вообще ни одной женщины, человеческой ли, драконьей крови. Пусть баба такой силы, как мужик, в удар не вложит, зато выносливость у них не в пример лучше. А на то, чтобы спуск стреломета или арбалета нажать, а потом взвести его воротком или «козьей ногой», особой силы не надо.

Поэтому я не удивился, что избранные пятеро по собственной воле распрощались почти со всем боезапасом в пользу женской части уходящих. Почитай, при одних сайсах и родовых клинках остались.

Проводив взглядом быстро удаляющиеся спины недавних соратников, мы не сговариваясь, развернулись к цели. Башня, казалось, застила полнеба. Вшестером идти к ней по опустевшей улице было как-то совсем неуютно. Словно по лесу в одиночку.

Звуки, которые прежде не пробивались сквозь ритм движения отряда, неприятно царапали слух — далекие отголоски грохота разрывов, воя и звона заклятий, доносящиеся от

казарм и академических кварталов. А еще скрип болтающейся ставни, шорох листвы бульварных акаций и пересвист песчаных вихрей по плитам мостовой...

Должны же еще где-то таиться местные жители! Не могли все до единого сорваться на морскую сиесту или, вроде нас, бродить по улицам в поисках спасения или мести. Может, сейчас за нами следит не одна пара глаз — тех, кому не хватило духу выйти на улицу или, наоборот, посчастливилось укрыться от преследователей под защитой крепких стен...

Во всяком случае, впереди определенно замаячило впопыхах сооруженное укрытие. Все, что на улице можно было снять или сдвинуть — вывески, навесы, столики и топчанчики с открытых террас ближайшей чайханы — было свалено в длинную кучу поперек бульварного расширения улочки, как раз при самом выходе на площадь. По-глупому сделано, лучше бы вдвинулись глубже в проходы и перегородили разрывы между островками зелени бульвара. Там вообще небольшой укрепрайон насыпать можно, если потрудиться...

Впрочем, если это враг, и так сойдет. Кто сказал, что заклятие накладывает на ящеричных обезьян в том числе знания основ фортификации? А если свои, то городского дурня никогда не поздно уму-разуму подучить, чтоб более умело берег свою единственную жизнь.

Почему-то опасаться нелепой преграды после всего сегодняшнего уже не получалось. Ни у меня, ни у прочих — опьянение кровью дошло до фазы полной потери чувствительности. Как бы только похмелье не оказалось смертельно горьким...

Но пока ничто не могло поколебать уверенность в собственной безопасности. Только молчание с той стороны слегка напрягало. Пора бы уже себя обозначить...

— Эй, кто там?! — не сдержавшись, проорал рядовой ветрострелок, единственный из доставшихся мне военных.

— Твоя смерть во славу султана, желтый песчаный червяк! — злобно отозвалась баррикада.

Мимо просвистела стрела, уйдя куда-то в глубь улицы. Мы сыпанулись по укрытиям, кому куда ближе было. Лично мне — за каменную скамью с резной спинкой, венчавшей микрооазис бульварного островка зелени, а вот ветрострелку пришлось забиться за приподнятый на склоне акведук ары-

ка. С той стороны пришла еще пара-другая болтов, и все опять затихло.

Вот и расплата за беспечность. Хорошо хоть хуже не обошлось... Пока.

Ладно, не прошли в лоб — попробуем рассеять противника мощью Реликвии. Ставший привычным процесс вызова силы я проделал едва ли не вдвое быстрее обычного, а набранный ее запас швырнул с особой лихостью, широкой дугой по всему фронту баррикады, чтобы никого не миновало.

Ответом был залп гарпунов, выбивших из резного камня подобие барабанной дроби. Ни одной изумрудной вспышки! Люди или дракониды — гарнизон башни был подобран не из заклятых стражников. Похоже, не так все просто с Теневой.

Эх, зря я отряд отпустил... К тому же, выходит, едва ли не на верную смерть. Не дело все так оставлять, надо хотя бы попытаться помочь.

Едва успев отскочить обратно, я протянул руку к ближайшему бойцу:

— Раковина есть?!

Тот на мгновение запнулся, роясь в поясной сумке, но довольно быстро нашарил искомое и кинул мне. Оставалось лишь припомнить коды вызова жен — нарезаны на медь под быстрое соединение они были только в моей собственной раковине. А как дозваться до Пемси, я и вовсе не представлял. Хотя от ее студиозусов на том же берегу был бы немалый толк...

Вспомнив наконец, я лихорадочно защелкал ногтем по жемчужинам набора и потянул ракушку к уху, пригибаясь под свистом стражничьих болтов-гарпунов.

— Хирра? — Орать под вражеским обстрелом было странновато, но сейчас я сам себя не слышал, не то что перелива мелодии отзыва.

— Да... Кто это? — раздался в раковине напряженный и почти неузнаваемый голос моей высокородной. Ну да, там же сейчас горит алым рубин «чужого вызова», а голос мой в таком раскладе узнать не проще, чем ее собственный. Даже труднее — судя по звукам, доносящимся из зева ракушки, с той стороны тоже стреляют, а орут куда громче и на разные голоса.

— Я... — Тут же сообразив, что «я бывают разные», как в цизальтинской сказке про медведя, пришедшего в гости, я

запнулся в поисках неопровержимого подтверждения своей личности, но ничего не придумал и просто гаркнул: — Пойнтер это...

— Ах да, кому же еще... — признала-таки жена мужа и повелителя.

— Слушай, ты где?

— На Сухотаможенной. Хочу во дворец прорваться, Исэсс поискать. Тут со мной местные, отбившиеся от стражников, и пескоброды.

Ничего себе поиски! Брать штурмом укрепленную резиденцию со стихийным ополчением успешно выходит только в подметных лубочных картинках, прославляющих Суганиху Кровавого. Причем как раз у самого Суганихи, которого рисуют вчетверо больше прочих размером, а его «бравых побирушек» — вдвое. Но на деле-то он народ с дрекольем на стены бросал исключительно ради отвлечения оборонявшихся, а сам с бандой своих лесных мошнорезов тем временем лез в осажденные замки Властителей через канализацию. Так и стало Высоких Родов тринадцать вместо семнадцати, покуда остальные не объединились, предварительно заткнув фановые трубы...

Даже при наличии набранной с сопки по лиственнице команды боевиков повторить подвиг легендарного бунтовщика моей высокородной не светило. Для нее было другое дело, куда более реальное и срочное.

— Бросай все и беги на верхнюю окраину, к обрыву! Музафар поставил кордоны на берегу! В город никого не выпускает, а несогласных сбрасывает в воду без дыхательного зелья! Всех туда веди! Чем больше, тем лучше!!!

— Поняла... Отмашка! — после мгновенного молчания отозвалась моя высокородная, ввернув словцо, некогда подхваченное от меня. Эх, где те времена и те прохладные ночные улочки...

Сунув раковину к себе в карман – на этот раз уже в нагрудный, — я полез в подсумки за последним аргументом. Файрболы — пусть считаная полудюжина, да и те малокалиберные, полуфунтовые, но после случая с песчаной акулой всегда в портупее обретаются. Значит, пришла пора для них, раз ни магия, ни иное оружие не может очистить нам дорогу.

— Пойдем на прорыв, — обратился я к своей пятерке, под-

кидывая на ладони шар из огневого тумана. — Стрелы остались?

— Три, — коротко отозвался кто-то слева.

— Пять! — добавил тот ветрострелок, что засел за тумбой у арыка.

— Восемь... — почему-то виновато признался тот, у кого я одолжился раковиной. Запасливый... Что дурного?

— Нет вообще. — Этот голос был мрачен.

— Тоже! — Оба «пустых» были справа.

Туда, на звук, я и кинул предпоследнюю пачку болтов. Судя по ответному лязгу взводящих рычагов, не мимо. Половину последней пачки передал налево, а оставшимися стрелами набил собственный метатель, с натугой водя «козьей ногой».

— Все зарядили? — выждав дюжину секунд, спросил я и, дождавшись отклика, отрезал: — Как рванет — вперед, и стрел не жалеть по всему, что шевелится!!! Готовься!

Файрбол заискрил о кресало на плечевом ремне и алой дугой ушел к заслону...

Грохнуло, снеся изрядный кус баррикады, вверх взметнулось чье-то тело. Мы поднялись в рост и рванули вперед сквозь рой беспорядочно сыплющих гарпунов, опустошая в ответ стволы своих стрелометов. Файрбол за файрболом автоматически, как из колесного метателя, летели у меня из рук в сторону любой достойной цели. Кажется, третий развалил малую аркбаллисту на складной треноге, притаившуюся за вывеской чайханы...

В опустошенном горячкой боя сознании мелькнуло: они ждали большой отряд! Наш, именно с этой улицы — кто-то из уцелевших стражников-людей навел, предупредив о фатальной для заклятых лизардманков магии!!! А не стреляли сразу, потому что нас мало было, не соответствовали описанию!

Под эту мысль последний шар сгущенного заклятием огневого тумана так и остался зажат в сведенных судорогой пальцах. Больше никого и ничего, требующего его разрыва, перед нами не было. Раненые и обожженные кричали, прося помочь, помиловать, добить — или вовсе без слов. Но у нас не было на них ни жалости, ни злобы, ни времени. Пусть не будет других застав на пути, слишком долго мы шли...

Рука с неиспользованным файрболом никак не попадала в подсумок, а при попытке сунуть огнешар в карман наткнулась на раковину дальней связи. Отходя от напряжения, я поискал взглядом ее владельца, чтобы вернуть с благодарностью.

Тот валялся в дюжине шагов позади со стрелой в глотке. Умели целиться ящеричьи дети, или кто они там были...

Еще один — ветрострелок — остался в самом начале нашего пути, свесившись в пустой арык. Мой и без того крошечный отряд сократился до троих: двух драконидов, один из которых был обожжен близко легшим файрболом, и пожилого мужика человеческой крови и ремесленного вида. И вот сюрприз — это был тот деятель, что вчера обозвал меня под водой султанским шпиком!

Сегодня, правда, сей обладатель весьма засаленной бирюзовой повязки не пытался искать измену в своих рядах. То ли не признал, то ли анарисский парадный мундир ему глаза застил явной чуждостью да золотым шитьем. На большое начальство особо не поорешь, не позамахиваешься...

— Помнишь меня? — спросил я зачем-то, оглядывая открывшуюся дорогу на площадь. — Вчера, в сиесту?

Тот только кивнул мрачно да плечами пожал. Мол, обмишулился, с кем не бывает...

— С караванами не одни купцы да приказчики ходят. — Понимающе усмехнуться получилось с трудом. Уж больно много мертвецов появилось за истекающие сутки на улицах благословенной Хасиры. Не по нашей с ним вине, но при деятельном в том участии. За каждый шаг к Теневой площади людям и драконидам из три тысячи лет не воевавшей столицы Хисаха приходилось расплачиваться своими жизнями...

Радовало лишь одно — путь этот был почти завершен. Один бросок с очищенной от врага улицы к подножию проекционной башни — и, можно считать, задача решена. Только чтобы вписать ответ в заготовленную строчку прописи уличного боя, придется поставить на карту и этих троих. Это им самим было понятно, но я был обязан произнести вслух, чтобы не осталось неясностей:

— Войдем в башню — я наверх, а вы вход держите. Хотя бы минут пять... Сдюжите?

Дракониды тут же кивнули, поправляя на боках ритуальные клинки-«гекконы», лишь тот, что был ранен, скривился.

Пожилой ремесленник подумал пяток секунд, кусая губу, и тоже согласно мотнул головой. Значит, шанс точно есть, если даже этот тугодум решил, что совладает...

Сама пробежка до входа в башню обошлась легко. Пара шальных болтов, прилетевших из дальних улиц, только впустую чиркнула по узорным плитам площади, выбивая фонтаны искр. Широкие двери оказалась не заперты, даже стекла в них толком не выбиты. Посягать на основу комфорта своего города не поднялась рука ни у одного обитателя Хасиры.

Однако внутри царил пусть не разгром, но какое-то запустение. Одних бумаг раскидано было столько, что хватило бы на канцелярию изрядного министерства. Персонал, похоже, разбежался, но где-то высоко наверху продолжали тихонько гудеть алхимреакторы, а то и вовсе трансгрессоры — откуда мне знать, с какой базовой стихии берут здесь накачку для проекционных артефактов...

Обожженный драконид встал у дверей на стреме, двое прочих вместе со мной потащили скамьи и столы, складывая импровизированную баррикаду напротив входа. Здоровенный архивный шкаф, еще не вконец опустошенный, едва своротили, а за второй такой же, но запертый, и взяться побоялись. И так не враз пробьешься целым отделением.

Отчаянно скрепя сердце, я отдал последний и единственный файрболл здоровому драконiду. У старшего руки не под то заточены, ему с сайсой да кухонным секачом способнее — размах не тот. А самому наверху огневая снасть и вовсе без надобности. Мне там все целым и работоспособным потребно!

Я не соврал аштегмену, что Зерна Истины помогут послать магию, разоблачающую поддельных стражников, повсюду в прямой видимости. Только собственной силы ни мне, ни Реликвии на это не хватит. Однако накачку подведенной извне стихией сверхмощный артефакт способен претворить в заклятие любой представимой действенности.

Вот почему именно Проекционная Башня — зданий, с которых виден весь город, хватает и без нее. Но ни в одном из них не найдется заодно парка алхимреакторов, способных дать необходимую мощь Реликвии.

Как использовать такую силищу, не погорев на этом, как лопнувшая гнилушка, я размышлял все бесчисленные пролеты лестниц, ведущих наверх, в артефактный зал и проекционную...

Тяжело дыша, я привалился плечом к краю дверного проема. Унять колотящееся в груди сердце и ходуном ходящие колени никак не удавалось. Все-таки высоковата оказалась для меня Проекционная башня, даже со всеми кондициями, набранными за сытую жизнь последних лет. Или это нынешняя спешка подвела?

Неважно. Спешка не спешка, сбилась дыхалка или в порядке, а на долгий отдых времени нет. Не у меня — у тех, кто заперт на обрыве, и тех, кто спешит им на помощь. А стало быть, если пока в руках ни сил, ни точности, надо хоть оглядеться с пользой, чтобы взяться за дело сразу же, как приду в себя.

Утерев пот непослушной рукой, я задрал голову, осматривая цель своего безумного забега вверх по бесконечным лестницам.

Артефактный зал поражал масштабами. Оплетенная трубами и волноводами полудюжина алхимреакторов тихонько, по-деловому гудела, перегоняя принятый на спроецированный светофильтр солнечный свет в искровую энергию, а ту снова в накачку для проекторов. Впрямую перевести не получалось как из-за особенностей приема, так и по причине разности вибраций исходного солнечного и гармонизированного проекционного света.

Каждый алхимреактор был минимум в четыре моих роста, а светосбросные кристаллы, которые они питали, лишь вдвое меньше. Как, а главное — зачем затащили этакие махины на подобную высоту, поначалу понять было сложно. Однако, прикинув, сколько должен стоить, а главное — весить силовой волновод толщиной с человеческое туловище для каждой пары, я понял, что держать тяжелый артефакторий на земле, подальше от проекционного уровня, было попросту маготехнически нереально.

Во всем этом изобилии радовало одно: самого амулета, задающего параметры светофильтра над городом, здесь не оказалось. Не иначе этажом выше расположен. Туда вел еще один пролет, точнее, винтовая лесенка между кожухами двух алхимреакторов.

Как я одолел этот последний марш лестницы, лучше не задумываться. А то придется песнь слагать, наподобие «Смерти Халеда», которую исполняют с перерывом на обед,

чтобы актеры и зрители, чего доброго, с надрыва взаправду не померли. Такую же долгую да жалостливую...

Последние ступени выходили на открытый ярус с невысокой оградой и шестью — по числу алхимреакторов — треугольными зубцами, скрывавшими эмиттеры накачки и проекционную артефактуру. Почти невидимые в ярком даже под куполом затенителя дневном свете, мерцали энергетические шнуры, вырывающиеся из жерл эмиттеров, чтобы сомкнуться в центре площадки.

Невысокий постамент, в основание которого вонзались покоренные магией молнии, венчал эталонный светофильтр. Словно стократно увеличенная капля почти прозрачного свежесваренного кофе, упавшая мимо пиалы и теперь сияющая на полированной столешнице драгоценным камнем.

Именно что стократно...

Оценив предстоящий объем работы, я мимолетно пожалел об отданном файрболе. Размерами и массивностью светофильтр не уступал крепко памятному мне Зерцалу Видения. Запросто не сковырнешь — только отвинчивать полдня, да еще сворочу ли вообще в одиночку...

Осторожно, бочком пробираясь между опасно изгибающимися шнурами накачки, я вплотную подошел к фокусу проектора. Едва не ушиб бедро о маховик регулировки оптических осей, затормозив в последний момент.

Вблизи задача представлялась еще более трудновыполнимой. При редкостно массивном основании сам светофильтр оказался не выточен из слитка, а сделан из половинки стеклянного пузыря, выдутого чечевицей, наподобие пустынных очков! В самом толстом месте пузырь доходил едва ли до четверти дюйма толщины.

Снять его, не повредив, да еще под накачкой, один человек был просто не в состоянии. Файрбол же превратил бы в совершенстве отполированную деталь даже не в осколки, а в мельчайшую пыль!!!

Словно в ответ на эти мысли гул алхимреакторов накачки перекрыло раскатистым рокотом далекого разрыва. Над казармами к северо-западу встал еще один столб дыма, стремительно разрастающийся в толщину.

Увиденное и услышанное еще раз напомнило — времени раздумывать нет. Обойдутся жители хисахской столицы без

затенителя день-другой, пока ремонтная команда затащит сюда сменный эталон...

Не тратя понапрасну драгоценные секунды, я извлек из ножен верный саперный тесак, стараясь не задеть клинком опасно близкие шнуры накачки. Примерился, хватит ли длины рук, и со всей силы вдарил рукоятью по самой середке светофильтра. Звон тончайшего стекла слился с гудением раскручивающихся вхолостую алхимреакторов. От жерл их эмиттеров по стенам поползли сиреневые молнии.

Но безумие, назревавшее здесь, было детской забавой по сравнению с тем, что творилось на улицах трехтысячелетнего города. По закону магии подобия повторяя судьбу светофильтра, на благословенную Хасиру исполинскими призрачными осколками рушилось ее кофейное небо...

Потоки бешеного солнечного света пролились на беззащитный ныне город, ослепляя и ошарашивая всех, кто сражался на его древних улицах. Фальшивые гвардейцы и чиновники терли глаза со сросшимися прозрачными веками, под ударом всесильной стихии забывая о воле своего повелителя. Лизардманки — существа изначально ночные, света не любят, что и собрало их в таком количестве под сенью ныне бездействующего затенителя.

Но одно — привести в замешательство зверье, заклятое на временное подобие драконидам, и совсем другое — полностью лишить его силы и облика разумных существ. Именно это было главной целью, ради которой многие умерли на опустошенных страхом и бесчинством улицах.

Вытащив Зерна Истины из подсумка, я взял их в обе руки и решительно свел те в фокусе проектора. В горячке было очень трудно сосредоточиться и призвать силу Реликвии. Но и это вышло — слишком часто пришлось заниматься этим в последние часы.

Внутреннее тепло выплеснулось из продолговатых камней, оплело сдвинутые вместе кулаки, потекло вверх к локтям. В тот миг, когда по лучам, задающим подходы проекционных шнуров к фокусу, метнулись сиреневые молнии, Зерна Истины вышли на рабочий режим. Так что я едва успел проорать крепко памятное «дисмутато магика» с необходимым теперь дополнением:

— Суб урби омним!!!

А вот отскочить так и не сумел, и сияние пущенного в ход заклятия рвануло во все стороны прямо через меня. И так, конечно, на тесной проекционной площадке никуда не скроешься, но теперь я оказался не жертвой сверхсильной магии, а ее элементом, частью заклятия, задавая раскрытие вырвавшейся на свободу мощи.

Что происходило снаружи, отсюда толком видно не было, да и не до того мне оказалось. Но пропустить решающий момент краха злого чародейства Великого Визиря не удалось бы лишь полностью слепому, глухому и вдобавок лишенному мало-мальского чутья...

За краем площадки, сквозь облако света, залившего ее, открылось бегущее прочь от основания башни кольцо призрачного сияния. Разряжающиеся заклятия вспыхивали в нем изумрудными искрами и таяли. Похоже, наложены они были не на одних лизардманков — повсюду на пути освобождающей от магии волны клубился переливчатый зеленый туман. Значит, от выхода из домов жителей в этот день удерживал не только страх, а защита посольств исчезла не сама собой.

Сияние докатилось до горизонта и пропало. Все. Дело сделано, заклятие, направляемое Зернами Истины, очистило Хасиру...

Мощь разогнанной до предела накачки, не встречая более на пути противостоящей магии, казалось, сорвалась с цепи. Даже ничтожной обратной связи по цепям подобия хватило, чтобы прочувствовать все ее безумие, текущее сквозь самую глубину сознания вовне, на улицы и дома, в обнаженное впервые за тысячелетия небо.

На мгновение от клонящегося к закату солнца город заслонила иная тень — моя. Протянулась во всю длину, разрослась, касаясь горизонта... Но тут же, не выдержав перегрузки, проекционные шнуры заплясали особенно буйно и лопнули с оглушительным звоном, болезненно отдавшимся в голове. Внизу вой алхимреакторов рывком начал поднимать тон, доходя до непереносимости, и вдруг оборвался каскадом гулких ударов, словно пьяный огр-барабанщик в праздничном шествии на Приснодень прошелся дубиной по гигантским литаврам.

А затем все смолкло. Только потрескивали вокруг и внизу, остывая, приведенные в негодность сверхмощные артефакты. Как всегда, при моем участии без разрушений не обошлось.

Хорошо хоть сам цел остался. На что шансов было не так уж много, особенно если учесть порядок бесновавшихся здесь стихий. Теперь бы еще выбраться из башни без помех — и на берег, к своим. Судя по тому, что я отправлял туда всех, с кем удалось связаться, именно там сейчас самое безопасное место.

Пошатываясь, я оторвался от постамента безнадежно разбитого эталона и дрожащими руками кое-как убрал Зерна Истины на место. Потихоньку, еле-еле, на каждом шаге заново осваиваясь с телом, добрел до проема, ведущего вниз. Но начать в подобном состоянии спуск по крутым ступеням я не решался. Этак еще прибуду к основанию лестницы куда быстрее, чем хотелось бы — кувырком и с переломанными костями.

Долгую пару минут я приходил в себя, навалившись на перила грудью и тяжело дыша. Было тихо-тихо, лишь от алхимреакторов тянуло дымком и горелым металлом. Внизу неровно мерцал разгорающийся огонек — надо будет загасить, когда спущусь, а то еще пожар тут начнется, не приведи Судьба...

Наверное, из-за этой тишины и мнимого спокойствия завершенного дела я и смог расслышать лязг стрелометного выстрела. Одного, другого... ответный звон стражничьего гарпуна о стену. Полая труба башни работала, как резонатор, донося издали звуки завязавшегося боя.

Только этого не хватало! Нет, для того чтобы собраться и прийти в норму, встряска новой опасностью оказалась лучшим средством. Вот только расплачиваться за это чужими жизнями — слишком дорого. Надо бы поскорее на подмогу спускаться...

Снизу из люка донесся глухой грохот файрбола и толкнуло теплым воздухом. А после ничего слышно не было — ни криков, ни стука стрел. Судя по всему, моя славная троица не смогла удержать вход. Легкого им шага за Последнюю Завесу...

Что ж, подождем гостей дорогих. Спешить уже некуда, а им отсюда только способнее будет вниз лететь. Топот по лестнице гулко отдавался от стен, возвещая о приближении стражников или кого еще. Уж всяко не фальшивых драконидов, из лизардманков переклятых — от этой напасти город моими стараниями избавился.

Обратный путь к постаменту эталона я одолел уже вполне приличным шагом, лишь неловко прохрустев скользящими подошвами на осколках светофильтра. Изготовился поудобнее за широкой тумбой, справа, чтобы рабочая рука посвободнее была. Проверил стреломет — ни одного болта при штурме баррикады не израсходовано. Одними файрболами обошелся. Лучше бы, конечно наоборот...

В пролете люка взметнулся лиловый шелк, поймав две стрелы, рефлекторно высаженных мной при первом же движении. Покуда я перекидывал стреломет вслед выброшенному вперед плащу, из проема на настил площадки вымахнул мой предстоящий противник. Ничего не скажешь, лихо подловил...

Навык неизвестного бойца неприятно поразил меня. Разглядев же, кто явился по мою душу, я удивился еще сильнее.

В «Халедате» или там сказках сестер Грипп достаточно замочить главного негодяя, чтобы все его подручные разбежались, а построения разрушились. В жизни же обычно выходит как раз наоборот — сначала разогнать боевиков, раздолбать все опорные точки, а потом уже долго и методично вылавливать измельчавшего злыдня для последующего истребления. Или для правосудия, что на мой вкус не в пример хуже: долго, муторно и с неочевидным исходом.

Так что Музафар показал себя злодеем эпического масштаба, лично заявившись на финальную разборку. С немалым энтузиазмом — вон как запыхался, покуда одолевал лестницу. Ну так в маготехнике, как и в символометрии, султанских путей нет. Нечего сановным лицам по маякам и проекционным башням лазить, подъемников для них там не предусмотрено. Они только для тяжелых силовых артефактов построены, вроде алхимреакторов и котлов накачки, оттого чистотой и заметностью для вышеозначенных сановников не отличаются...

Впрочем, мне ненаблюдательность высокомерного злыдня только на руку. Может, усталость ему прицел собьет, да и вообще малость выровняет наши шансы. Я-то, в отличие от него, с детства в воинских искусствах не упражнялся — все умения от капрала Айронхэндса из учебки да с трех лет последней меканской войны.

Как раз аналогичных навыков у Великого Визиря, а ныне узурпатора нет и в помине. А насчет остального... Сейчас по-

смотрим, что понимают в Хисахе под воинскими искусствами для благородного сословия! Жаль только, что на мне так круто сказались последствия ритуала — меня все еще ощутимо мутило и подтрясывало.

Утешало то, что Музафар не стал тут же развивать прорыв, позволивший ему выбраться на площадку, минуя мои первые стрелы, а припал на колено за эмиттером напротив, тяжело дыша и сторожко выцеливая меня своим гарпунометом, посолиднее даже стражничьего. При этом он посекундно оглядывался на лестничный пролет за спиной, будто поджидал кого-то...

Если погоню — хорошо, если подмогу — плохо! Заслышав на лестнице какой-то новый шум, я в который раз за день потянулся к силе Реликвии, прикидывая, удастся ли поставить щит на Зернах Истины. Но это упорно не выходило. После проекции на город сверхмощного заклятия собственная сила Реликвии словно дремала, мягко ускользая в полусне от попыток пробуждения, как спящая кошка, от любого прикосновения сворачивающаяся в клубок.

Покуда я безрезультатно пытался воззвать к магии единственного артефакта, уцелевшего на вершине башни, неведомый преследователь Великого Визиря настиг его. На площадку, пыхтя и отдуваясь в тщетных попытках сохранить достоинство, выбрался Распорядитель Престола. Полы его торжественно-черного одеяния развевались, а тюрбан слегка съехал набок.

Да... Если это и подмога узурпатору, то невеликая.

У каждого «Кнута» есть свой предел — то количество людей, которым он способен заменить возлюбленных, семью, пищу и воду, которых способен послать за себя на смерть и любое преступление. Судя по всему, Музафар свой лимит израсходовал — потешный престолоблюститель не в счет. А вот запасы злобы у него оказались поистине неисчерпаемы, так что здравый смысл утонул в них без бульканья. Иначе Великий Визирь не явился бы сюда самолично для финальной битвы в стиле балаганных героев...

Вот сейчас в позы встанем и начнем друг друга обличать почем зря. Особо сложным стихотворным размером, с иносказаниями. Кто кого нахрапом пересилит, того и верх будет...

Ага, ждите!!!

Похоже, такое развитие событий показалось очевидно невозможным даже толстяку в черном, потому что, поклонившись по очереди нам обоим — своему господину и мне, его непримиримому противнику, — он неспешно растворился в воздухе. Убрался под несложное заклятие невидимости, только для глаз. Те же дракониды и лизардманки с их тепловым чутьем, к примеру, без труда могли бы его различить...

Однако ни тех, ни других здесь не имелось. А нам с Музафаром было не до того, чтобы выискивать магическим видением зрителя, не пожелавшего изображать восторженную публику и случайную мишень. Хотя тут как повезет. Иногда стрела и вслепую ложится куда не надо, точнее, чем с магическим прицелом на трех хрустальных шарах...

Словно дождавшись лишь появления пусть даже столь куцей и индифферентной аудитории, Великий Визирь метнулся из-за одного эмиттера за другой, обходя меня по краю площадки. Еще две стрелы ушли впустую — одна свистнула над загривком вовремя пригнувшегося злыдня, другая прозвенела о закопченный металл станины сгоревшего артефакта. Пришлось живо поворачиваться, чтобы постамент оказался между нами и при этой, и при следующих перебежках Музафара. Битое стекло эталона так и хрустело под ногами, пару раз чувствительно впившись в задевшее настил колено. Демоны побери шорты тропического комплекта!!!

Самое же неприятное было то, что со второго броска узурпатор принялся стрелять из своего гарпуномета незнакомой конструкции — одноствольного, с кадавризированной «козьей ногой», после каждого выстрела самостоятельно взводившей мощную метательную пластину в рукояти. Причем в отличие от моих болтов, раз за разом уходивших «на пасеку», его стрелы-гарпуны, начиная с третьей, столь же регулярно чиркали меня по коже, оставляя чувствительные царапины. Пристрелялся, гад...

После пары-другой перебежек Великий Визирь менял направление, проскакивая сразу две опоры эмиттеров. Шансы на то, чтобы зайти мне в спину, у него были нехилые — приходилось тянуть время и оставаться на виду дольше необходимого, силясь угадать следующий шаг противника.

Ох-х!!! Не угадал...

Выдернуть болт из левого плеча, стремительно утекая на корточках за постамент, было трудновато. Хорошо хоть свой выстрел сэкономил, опершись при ранении стволом стреломета в пол, чтобы не завалиться на острые стекляшки.

Эту игру Музафар у меня выиграл. Значит, пора менять правила...

Не пытаясь более скрыться, я рванул от центра площадки к ближайшему эмиттеру, высадив одну из трех последних стрел в почудившееся или реальное шевеление у станины напротив.

Впустую. Гарпуномет Великого Визиря лязгнул слева, из-за укрытия, отстоящего на треть круга. Мимо... Нет, еще одна царапина.

Озверев, я бросился ему навстречу, выцеливая лиловую фигуру в промежутках между станинами. Предпоследняя стрела... Последняя!

Не попал. Хисахский узурпатор изогнулся в немыслимом, почти танцевальном па наподобие балаганного и картинно пропустил под рукой мой последний выстрел. А на выходе из этого пируэта саданул из своей машинки чуть ли не мне в лицо.

Чтобы увернуться от одинокого ствола его оружия, казалось, нацеленного мне прямо между глаз, я до предела откинулся назад, подогнув колени, потерял равновесие, пытаясь опереться на раненую руку... Резкая боль пронзила плечо, и я грохнулся на спину на самом краю площадки, чудом не разбив голову об ограждение и выпустив опустевший стреломет. Кувыркаясь, тот полетел вниз, чтобы через три сотни футов вдребезги разлететься на плитах Теневой площади.

Я понял, что рискую вскоре повторить судьбу своего оружия. Затылок холодило не столько реальным ветерком, сколько ощущением жуткой бездны прямо под загривком.

Музафар, видя это, подходил уже без особой опаски. Стреломет, конечно, в сторону не отводил, но на мои лихорадочные попытки вытянуть тесак смотрел презрительно. Остановившись же так, что я не мог ни дотянуться до гада клинком, ни кинуть им в него с достаточной силой — сбоку, со стороны раненой руки, — вдруг вообще выстрелил в сторону, не глядя всадив стрелу в настил.

Это не оказалось ни безумием, ни попыткой разрядиться. Со злобной усмешкой Великий Визирь поднял ствол на пол-

отвеса и, прижав большим пальцем рычажок над рукоятью, остановил перезарядку. Кадавризированная «козья нога» замерла, взведя пружину стреломета, но недослав очередной болт с подающей звездочки.

Вместо него в казенник скользнула стрела, с изяществом фокусника извлеченная Музафаром из необъятных шелков его просторного одеяния. Длинная, под стать холеным ногтям перстнястых пальцев, и отравленная даже на вид, то есть вся в шипах, зазубринах и желобках, источающих вязкие капли. Настоящий гарпун на песчаную акулу в миниатюре.

— Это только для тебя, о презренный сын собаки! — выпалил он с торжеством. Воистину, без таких выражений великий злодей просто не канает.

— Чтоб сукиным сыном быть, не обязательно родиться в конуре и вдоволь собачьей жизни нахлебаться, — пробурчал я в ответ. Не так цветисто и длинновато вдобавок, но для полевых условий сойдет. Гордо молчать на заявы вроде Музафаровых жизнь меня так и не научила. Правда, и к лучшему. Покуда мы с Великим Визирем обмениваемся словесными залпами, стреломет он в ход не пустит. С тесаком-то, да еще лежа, против того много не навоюешь — пока замахнусь, чтобы метнуть клинок, самовзводящаяся машинка меня болтами нафарширует...

Рука, словно безвольно разжавшись, отпустила бесполезный сейчас клинок и потянулась к кармашку, вшитому в отворот шортов над коленом. Покуда до местного суперзлодея доходил смысл моей отповеди да покуда он наливался праведным гневом, мне удалось согнуть ногу так, чтобы клапан кармашка сам скользнул под пальцы. Жаль, застежка туговата, нечасто туда лазить приходится. А долго возиться сейчас не с руки...

Мое «оружие последнего шанса» — однозарядный стреломет-слипган без лишних деталей, практически один только стволик со спусковым рычажком. Остался он мне в наследство от весьма неоднозначной памяти лейтенанта штурмполиции Ланса Обезьяньей Лапы. Лучшего друга, которому я собственноручно отсек голову после того, как тот поставил меня на линию всему Охотничьему Клубу.

Впрочем, история это длинная, куда длиннее даже монолога Великого Визиря, выданного в ответ на мое заявление.

Занятый борьбой с застежкой и воспоминаниями, я упустил его почти полностью, ухватив лишь самый финал сего шедевра высокопарного сквернословия:

— ...И да отсохнут они и скрутятся в рога курчавые!!!

Пожелание впечатляющее. Интересно только, какие части моего многострадального тела он имел в виду?

Умный же вроде мужик: вон на какую интригу соображения хватило. Да и в перестрелке оба раза подловил меня грамотно. А как припрет его — становится в позу и начинает нести бредятину наподобие крикуна, новостного или храмового. Или нет, еще хуже — предвыборного, пойманного дичком и заклятого на агитацию с пропагандой без всякого выключателя, пока с голоду не сдохнет.

Токовать узурпатор закончил, но переходить непосредственно к расправе над поверженным противником не спешил. Очевидно, ждал аплодисментов, ответных проклятий, мольбы о милости или уж не знаю чего еще. Однако при этом оружие не налицедействовавшийся вволю злыдень держал твердо, не отводя в сторону.

Теперь главное — подловить Музафара, отвлечь хоть на мгновение. Мой «последний шанс», он же единственный. Второй попытки не будет, раз уж от предшествующих болтов офицерского стреломета Великий Визирь увернулся с некоторым даже изяществом, а до меканских приемов работы с тесаком дело и вовсе не дошло.

Классно все-таки суперзлодей местного значения маятник качает! Хоть и трепло редкостное, как многие из встреченных мной по обе стороны Девственной Пустыни...

Значит, надо достать Музафара в последний момент перед его собственным выстрелом. Причем без риска получить царапину, как от полудюжины миновавших меня стрел, или дыру в левом плече, как от единственной попавшей. Яд на «акульем гарпуне», которым Великий Визирь снарядил свою пижонскую машину, не оставлял выбора.

Стало быть, впереди — поединок нервов, когда надо дожидаться рокового мига выстрела. Или самому спровоцировать на него экспрессивного злыдня, но так, чтоб промазал...

Терпением Музафар не отличался и в нормальной обстановке, а тут вообще был готов взорваться, как порядком разгоревшийся файрбол. Вот только в отличие от него, у меня

сейчас плоховато было с выдумкой на оскорбления и подначки. Поэтому, недолго думая, я сказал как есть чистую правду:

— Извини, не повторишь? А то я прослушал, отвлекся...

Подобного небрежения собой до предела взбудораженный самолюбец вынести не смог — завизжал каким-то не мужским, обезьянским визгом, подпрыгнул на месте и нажал на спуск стреломета. Ядовитый гарпун со звоном вонзился в брус настила, пришпилив к нему мою рубаху слева — едва успел дернуться в сторону, когда у Его Великолепия сорвало крышку с котла.

Отбросив в сторону впустую лязгнувший «козьей ногой» стреломет, он с рычанием выхватил из-за пояса ятаган и кинулся на меня. Теперь, и только теперь я выдернул из кармашка свой «последний шанс», для надежности навел Великому Визирю прямо в солнечное сплетение и прижал спусковой рычажок.

Пружина, скрытая в неказистой трубке, оказалась едва ли не от эльфийского шестиствольника — мощней обычной раза в два. Легкий слинган толкнуло назад так, что он чуть не ободрал мне пальцы, силясь вырваться из руки.

С непривычки моей к подобному оружию болт ушел выше и пробил сановную глотку, войдя снизу в основание черепа. Музафар захрипел и умер в замахе для последнего удара, от неожиданности сделав лишний шаг. На долгое мгновение он завис прямо надо мной, качнулся и медленно завалился вперед через ограждение. Лиловый шелк его одеяния простроился над моим лицом, исчезая в бездне.

Рефлекторно я повернул голову, провожая взглядом поверженного узурпатора. Падал Великий Визирь, недолгий султан, неплохой боец и отчаянный позер уже молча. Какой шанс я вынудил его упустить! Одних проклятий сколько бы влезло в долгие секунды падения!!! А последний, исполненный ненависти взгляд...

Теперь летописцам придется самим все придумывать.

Звук удара тела о плиты долетел до площадки несерьезным хлопком. Темное пятно внизу не шевелилось и с трехсотфутовой высоты выглядело совершенно безобидно. Все. О Музафаре Великолепном можно больше не беспокоиться — пора позаботиться о себе самом.

С предельной осторожностью я попытался выдернуть глубоко ушедший в настил отравленный гарпун. Крепко засел,

зараза, всеми зазубринами зацепился. Только яд по ткани размазал... Пришлось отмахнуть тесаком порядочный кус тропической рубахи вместе с одним из дурацких аксельбантов.

Теперь ничто не задерживало меня на злосчастной для узурпатора башне. Оглядевшись по сторонам в поисках невидимого престолоблюстителя, я проорал:

— Все, конец твоему подопечному! Пошли отсюда!

Никто не отозвался, громоздкая фигура в черном не проявилась. Опасается, что ли, или вообще сбежать успел? А, не все ли равно! Демоны с ним, с Распорядителем Престола!

На ходу осваиваясь со сквозняком в прорехе на боку и силясь попасть тесаком в ножны, я подошел к проему лестницы. Еще за несколько шагов оттуда потянуло жаром, а заглянув в пролет, я едва успел отдернуть голову обратно, когда из глубины лестничных маршей с гулом выплеснулся огонь.

Покуда мы с Музафаром выясняли личные отношения и определяли дальнейший политический курс Хисаха, огонек, вырвавшийся на свободу из контура алхимреактора, разгорелся в полномасштабный пожар!

Путь вниз оказался отрезан, да и здесь, на площадке, припекало все ощутимее. Дым валил из всех щелей, то и дело с хлопком выпускающих языки огня, а лестница гудела, как заправская доменная печь, выбрасывая туго скрученные жгуты пламени на добрую дюжину ярдов вверх.

Становилось отчаянно неуютно. Явно не хватало амулета телепосыльных чар в кармане... Может ли Реликвия работать в таком качестве? Проверять это хотелось в последнюю очередь.

Тем более что на дальнем краю площадки обнаружилось средство попроще и понадежнее. Если, конечно, подойти к его использованию с умом...

Прыжковый шнур, подаренный ныне покойному султану не менее потузавесным Роном Джоггером. И весьма пришедшийся по душе адресату — позавчера радостное агуканье Мехмет-Али Двенадцатого разносилось над городом несколько часов. И свой финал Его Великолепие нашел тоже посредством подарка, что, по замыслу Музафара, должно было бросить тень на Анарисс.

По счастью, для совершения сего злодейства подручные Великого Визиря ограничились разрегулировкой натяжения

шнура, не доведя дело до явной порчи. Теперь мне предстояло по-быстрому пересчитать настройку прыжковой снасти под свой вес. Задача не из легких даже тогда, когда пятки не припекает пожар, разгоревшийся под проекционной площадкой. Сто тридцать фунтов со всем снаряжением на триста футов башни... так...

Надеюсь, я все сообразил правильно, поскольку времени на пересчет и повторную наладку шнура уже не осталось. Язык пламени выхлестнул из какого-то люка уже в нескольких ярдах, отрезая путь на другую сторону площадки.

Извиваясь, как пескозмей на камне, я влез в прыжковую сбрую. Бесчисленные пряжки отнимали секунду за секундой, а в дыму, валившем из-под настила, уже мелькали клочья огня. Наконец с подготовкой было покончено, осталось только перевалиться через край.

Подтянуться на руках по перекладинам ограждения удалось лишь со второй попытки — левое плечо дико саднило, а правой руке мешал тесак, подвешенный на темляке к запястью. Позже вытащить его уже времени не найдется, да и улететь в падении может, а без него весь мой план летит к демонам копченым через три мандрагоры! Уж если едва удалось более-менее свободно упаковаться в привязные ремни, то выбраться из них на весу, раскачиваясь на шнуре, даже переставшем играть со мной в йо-йо, — задача вообще невозможная!!!

Еле-еле удалось перевалить через край стянутые сбруей ноги. Бросать окрест последний взгляд было просто некогда, оценивающий вниз — тем более. Скоро сам там буду, нечего прикидывать. Не с обрыва в речку, на сваи или камни, невидимые под водой, — на ровную, даже выметенную с утра площадь отправляюсь. А случись там не ко времени какой-нибудь идиот с сайсой — ему же хуже. Зашибу без всякого намерения, в силу сугубо магического закона о квадрате скорости...

Воздух взревел в ушах, унося прочь жар минувшей схватки, набирающего силу пожара и клонящегося к закату солнца. Стена башни полетела вверх, а площадь — навстречу, окружающие ее дома стремительно росли, пытаясь вновь скрыть горизонт.

Лететь вниз оказалось неожиданно приятно. Ощущение абсолютной легкости пьянило в обход разума, твердящего об

опасности. Теперь понятно, почему покойный султан впадал в столь неистовый восторг от прыжков...

Правда, за все приходится расплачиваться в свой срок. Особенно за удовольствие. На последней сотне футов шнур неумолимо развернул меня вниз головой и, растягиваясь, заставил вновь почувствовать собственный вес. Сначала отчасти, затем полностью, а потом многократно!!!

В то мгновение, когда тяжесть торможения навалилась сильнее всего, а падение почти прекратилось, я изогнулся, едва пересилив непослушное тело, и за долю секунды до того, как до предела растянутый прыжковый шнур стал вновь сокращаться, одним махом перерубил многожильный плетеный ремень, идущий от сбруи к узлу крепления измененного каучука.

В нормальном состоянии я вообще не знаю, кто способен на такое. Разве что огр какой-нибудь. Но то ли отчаянность момента, то ли накачка от магических артефактов помогли совершить небывалое.

Недолгий миг триумфа моих возможностей промчался слишком быстро. Точнее, это я сам пролетел оставшихся ярда три до земли, выпав из воздуха, в котором на долгую долю секунды завис, словно под заклятием левитации. И даже не до земли — до узорных плит Теневой площади, падать на которые оказалось ой как неприятно!

Все же я как-то уберегся от того, чтобы сломать себе шею или еще что-нибудь полезное — мягким клубком пришел на камень, да еще и прокатился. Дух, конечно, вышибло подчистую, двигаться снова получилось не сразу, но все-таки цел остался. Не лопнул, как бурдюк, и внутри тоже ничего вроде не порвалось...

Перевернувшись на спину, я в каком-то оцепенении смотрел, как в алом мерцании сбрасываемого напряжения каучуковый шнур с оттягом врезался в самое основание порядком выгоревшей проекционной площадки, выбив фонтан искр и головешек. Может, от этого толчка, а может, оттого что несущие конструкции уже разрушил огонь, но верхушка башни покосилась и стала рассыпаться, торжественно заваливаясь на сторону. Не прямо на меня, конечно, но все равно имело смысл убраться подальше.

Непослушной еще рукой я нашарил выпавший при падении тесак — хорошо, что темляк прочно захлестнул запяс-

тье — и, чудом не порезавшись, принялся быстро-быстро распарывать прыжковую сбрую. А затем в том же темпе рванул подальше от башни, прямо на четвереньках, не разгибаясь и не поднимаясь под градом обломков и головней, разбрасывающих при падении снопы искр.

Балки и целые глыбы принялись рушиться, когда я удрал таким манером довольно далеко. Так что даже успел привстать и обернуться, когда о плиты площади тяжело грянулся один из алхимреакторов, озарив окрестности лиловой вспышкой разряжающегося впустую заклятия.

По коже прокатило колющей волной, сухим жаром толкнуло так, что глаза заслезились. Воздух словно исчез на мгновение, чтобы потом вновь со всей силы хлопнуть по ушам, как вблизи от разорвавшегося файрбола. У самого места удара артефакта о землю дрожащее дымное марево пошло трещинами, оплыло, как кусок желе, да так и застыло.

Хорошо, что удалось слинять оттуда вовремя. С жизнью магия такого порядка явно несовместима. Сложное и дорогое заклятие, такое не враз наложишь даже при наличии всех ингредиентов. Да и маг хороший нужен.

Долго теперь жителям Хасиры не видать привычного неба над головой. Покуда не отстроят заново проекционную башню со всеми артефактами...

Последним во все это безобразие шлепнулся пылающим клубком прыжковый шнур, мерзостно дрыгаясь, как издыхающий моллюск, шкворча и распространяя жуткую вонь горелого каучука. Трещиноватое марево не выдержало столь бесцеремонного вторжения и потихоньку перетопилось обратно в воздух, очищенный огнем от всякой магии. Закономерный финал аферы Великого Визиря. Очень показательный и в чем-то даже иносказательный.

Увы, заговор, даже с отсеченной головой и выпущенной из жил бирюзовой кровью лизардманков, так быстро не дохнет. Еще ничего не кончено, и надо бы повнимательнее оглядываться по сторонам, чтобы ненароком не попасть под раздачу...

Впрочем, на первый взгляд вокруг не просматривалось никого, кроме противников политико-экономических нововведений свежеупокоенного злыдня. Все, кто осторожно выглядывал из улиц и переулков на Теневую, либо носили цвета повстанцев, либо принадлежали к перешедшим на их сторону родам войск.

Исключение оказалось единственным. Как по дистанции, так и по принадлежности к сторонам конфликта. В предписанных его статусом семи шагах от меня обнаружилась тучная фигура Распорядителя Престола. Как он умудрился вовремя смыться с башни, где нашел закономерный финал его повелитель? Не иначе с помощью телепосыла или комплекта спасательных чар наподобие тех, что используют аэромобильные части при высадке с малых высот.

Нет чтобы мне пособить выбраться!

Хотя это не входило в его обязанности. В них входило лишь следовать за султаном до самой его смерти и перехода власти к ее ближайшему свидетелю. В случае с Мехмет-Али Распоследним — к его убийце. То есть к ныне не менее покойному Великому Визирю...

— Султан умер, да здравствует султан! — С этими словами толстяк склонился передо мной до самой земли. Словно глобус в своем подвесе провернулся — ножки на месте остались, а макушка тюрбана уставилась прямо мне в пузо, как если бы Распорядитель Престола надумал меня боднуть, да не посмел из глубочайшего почтения к избавителю Хасиры от узурпатора. Так и завис, словно кадавр на ошибке пускового заклятия...

Умер твой султан, умер. Давно уже. И тот, кто его прикончил, тоже отправился следом за Последнюю Завесу — исключительно благодаря моим усилиям... Хотя и по прихоти Судьбы едва ли не в большей степени.

Так что теперь важнее выяснить, кто именно «да здравствует». Вымерять шаги от эпицентра неаппетитной кляксы по ту сторону догорающей башни до ближайшего кандидата в наследники. Правда, упал столь неприглядно покойный Музафар уже мертвым — это мог бы увидеть каждый, кто удосужился задрать голову, да и сам толстун, не озаботься он излишне своим спасением...

— Султан умер, да здравствует султан!!! — нестройным хором отозвались морские драгуны, ветрострелки и горожане, случившиеся на Теневой в сей знаменательный миг. А также несколько чиновников и стражников, затесавшихся среди переклятых лизардманков из чувства лояльности повелителю — неохотно в силу корпоративной солидарности, но без малейшего признака неповиновения. И все они, друзья и враги, по-

вторили церемонный поклон распорядителя — с меньшей или большей степенью изящества, уж как у кого вышло... Только направление у всех было общим. На мою персону.

Вывод из сего доходил до понимания на редкость медленно.

Это они МНЕ?!

Ну да, учитывая способ перехода власти в Хисахе. Видно, недооценил я кое-чьи возможности проследить за последними мгновениями жизни Музафара Великолепного.

Я посмотрел на толстяка-распорядителя с большим, чем ранее, уважением. Завидная верность профессии — всю жизнь ходить в семи шагах от власти, чтобы обеспечить ее передачу с рук на руки... Тяжелая работенка.

Впрочем, мне теперь впору не о чужих трудностях беспокоиться, а о своих собственных, которые свалились на меня покруче, чем Музафар с башни тень-проектора. Править целой страной в мои планы никак не входило, особенно если учесть, что я был послан в нее с дипломатической миссией. Но теперь волей-неволей придется свыкнуться с новым положением...

Стало быть, теперь я — Султан Хисаха, мир с нами обоими. В смысле, и со мной, и с Хисахом.

Очень своевременное пожелание. Еще бы довести его как можно быстрее до всех участников событий...

7
Долги в наследство

То ли пулю в висок, словно вместо ошибки — перстом,
То ли дернуть отсюдова по морю новым Христом.
Да и как не смешать, с пьяных глаз обалдев от мороза,
Паровоз с кораблем? Все равно не сгоришь со стыда —
Как и челн на воде, не оставит на рельсах следа
Колесо паровоза...

Путь к берегу Морской Сиесты, который проделали сегодня столь многие, давался мне нелегко. Все тело ныло от удара о плиты, плечо, кое-как стянутое неумелой повязкой, все еще кровило, пусть дыра от стрелометного болта и не столь велика, как от арбалетного. Но миновать этой дороги на исходе дня, сделавшего меня Султаном Хисаха, было не суждено.

Причем не мне одному, как видно. На обрыв мы с младшей женой ворвались одновременно, я — во главе всех, кого удалось собрать по пути с Проекционной, она — не менее чем с полутысячей Синих Драгун. Но оба мы опоздали.

Нет, не фатально, не настолько, чтобы дать сторонникам ныне покойного Музафара завершить свое злодеяние. Мирного населения, пойманного на желании провести морскую сиесту своеобычным образом, здесь не было совсем не потому, что его отправили под воду без дыхательного зелья. Просто освобожденные жители Хасиры разбежались быстрее, чем прибыла очередная порция спасителей.

Так что теперь на обрыве оставалась лишь горстка успевших сюда раньше нас. Те, кого привела моя старшая жена, и те, кого послал я сам. Во всяком случае, аштегмена, таможенника, ветрострелка и кирасиршу взгляд выхватил из общей массы без труда.

Все они, знакомые и незнакомые, сгрудились неподалеку от входа на обрыв, смотря в одну сторону. Туда, где аккурат посреди целого поля трупов в лиловых туниках застыли две фигуры — коленопреклоненная и стоящая.

Поначалу я не узнал их, не разобрал даже, что обе они женские. Едва державшаяся на ногах драконидка бережно прижимала к груди голову эльфи высокого рода. Понять, что это Хирра, никак не получалось...

Хотя кому же еще здесь быть! Других живых Инорожденных на тысячи лиг вокруг и в помине нет. А Келла — вот она, с другой стороны подходит, пытаясь осторожно переступать через бесчисленных мертвецов и дохлых лизардманков.

Получалось у нее плохо. С невиданной жестокостью измолоченные тела лежали плотным ковром, не всегда сохраняя целостность. Будто осадный кадавр-антропоморф сплясал здесь джигу, наотмашь крутя над землей пятнадцатифутовым джунглерубом... И не скажешь, что тут поработал всего-то наследственный темноэльфийский клинок — «Черная Игуана», длиной впятеро меньше, с кончиком, загнутым наподобие фермерской косы, чтобы легче срывать головы с плеч. Его-то и не могла до сих пор выпустить из сведенных пальцев моя высокородная...

То, что творилось на обрыве по приказу Великого Визиря, принудило Хирру нарушить данное самой себе обещание не проливать более крови.

А меня заставило понять, что такое на самом деле Инорожденная Ночи, одержимая Волчьей Жаждой. Впервые с момента исцеления старшая жена в полную силу проявила навыки, отточенные за сотню лет Охотничьего Клуба. Ни один из стражников, сбрасывавших с обрыва женщин и детей Хасиры, не ушел от ее белоснежного, смертельного гнева...

Исэсс, сама истерзанная, едва могла поддерживать темную эльфь, впавшую в оцепенение от сотворенного. Кровь из ран драконидки, бережно обнимавшей мою жену, неразличимо мешалась с бирюзовой кровью лизардманков, покрывавшей ту с ног до головы жуткой глазурью, расцвеченной алыми ручейками обычной крови. По обилию последней я испугался, не ранена ли и сама Хирра.

Нет, ее шок шел только изнутри. Душа разрывалась между безусловной правотой деяния и дикой для себя ценой этой правоты.

Моя высокородная подняла ко мне страшную бирюзово-алую маску, на которой лишь слезы промыли пару дорожек. Ее лицо жалобно кривилось в беззвучных рыданиях, глаза молили о снисхождении... или нет, требовали воздать ей по заслугам, убить, изгнать, навсегда покинуть преступившую всякую меру во зло другим. Что угодно сотворить, лишь бы избавить ее от себя, такой, какой она себя сделала...

Я мог только одно — шагнуть к ней, стоящей на коленях, встать рядом, выпрямившись во весь рост, и прижать голову жены к груди. Гладить по запекшимся в кровавой корке волосам и шептать, что никогда, никогда ее не брошу, что все правильно... Не хорошо, а правильно.

Сколько мы так простояли втроем, я понять не мог. Общее оцепенение нарушила Келла, которая за это время сорганизовала народ соорудить импровизированные носилки из трофейных сайс и туник и выхватила из рядов морских драгун пару магов в синих бурнусах, по уставу знакомых с исцеляющими заклятиями.

Нежно, бесцеремонно и сердито она растащила нас — никто другой просто не взялся бы за это. Прежде всего, конечно, Хирру, собственноручно погрузив ее в успокаивающий сон. Сам я не догадался, хотя такое заклятие уже и без амулета потяну — навострился с благоприобретенными эльфийс-

кими способностями, а после сегодняшней магической накачки и вовсе легко бы сумел...

Перед тем как отдать Исэсс в руки целителей, младшая жена коротко оглянулась на меня и что-то прошептала той на ухо. Драконидка удивленно сверкнула узкими зрачками, но затем безропотно приняла то, что проделала с ней недавняя ненавистница. А Келла вдруг припала к глубокому порезу на груди наложницы, слизывая сочащуюся кровь, затем молниеносно чиркнула себя меж ключиц лезвием кухонного секача и приложила ранку к губам драконидки. Поднялась, закрыла обе раны ладонями и чуть слышно прошептала:

— Приму твою жизнь с первой кровью, сестра.

Я пораженно узнал слова присяги «Гекопардовых Орхидей».

— Отдам свою жизнь с последней кровью, сестра. — Откуда хисахская танцовщица узнала традиционный отзыв?! Хотя откуда, как не от самой же атаманши несколько мгновений назад!

Вот те на... К чему был со стороны Келлы этот знак невиданного доверия и уважения, несомненно, заслуженного женщиной драконьей крови, я так и не разобрался. Ибо, передав Исэсс армейским магам, мной младшая жена занялась самостоятельно.

Не слушая возражений, эльфь древнейшей крови обеими руками вцепилась в продырявленное стрелой плечо и принялась вылизывать и выкусывать из раны засохшую кровь и приставший песок. Фыркая, шипя и мотая головой, как сердитая кошка, она высосала всю грязь, сплюнула и стала зализывать изрядную дыру от болта.

Терпел все это я исключительно потому, что не имел возможности вырваться, но все же косился в ту сторону скептически. Стрела — не булавка, чуть ли не насквозь руку пробила... Это не простая царапина или ссадина, которые лечебная по своей природе эльфь мастерица закрывать. Равно как и получать, лазая где попало в силу неуемного темперамента!

Закончив с процедурой, Келла надолго прижалась лбом к ране, что-то неразличимо шепча на кеннэ. Слабее жечь от этого не стало — только глуше, не так остро, как тогда, когда она только взялась за меня.

Наконец младшая жена отпустила мою многострадальную руку и, шатнувшись, как пьяная, отступила в сторону. Удер-

жаться от взгляда на итог ее стараний я не сумел... Вместо раны красовался свежий шрам. Сверкал розовой кожей и отчаянно, смертоносно чесался.

На мой потрясенный взгляд эльфь древнейшей крови лишь плечами пожала смущенно. Мол, вот так все и есть... Знал, кого за себя берешь!!!

— Куда сейчас? — как ни в чем не бывало спросила она.

— В посольство. Надо же их в спокойное место, — кивнул я головой на носилки со старшей женой и наложницей. — Сам вперед пойду, проверю и подготовлю, а вы следом...

— А потом? — требовательно продолжила моя древнейшая.

— Во дворец. Заканчивать это безобразие... — Я изо всех сил старался не расчесывать затянутую ее усилиями рану.

— Ясно... Пошли! — Приняв услышанное, Келла без промедления приступила к своей части дела. Пока она отбирала носильщиков и конвой, я взмахом руки подозвал аштегмена ветрострелков.

— Ну что, подыскал по дороге мельницу для моих костей? — вспомнил я последние слова угрюмого служаки.

— Целых три... о султан, — показал тот осведомленность о случившемся в его отсутствие. — Только ни к чему они...

Что ж, хоть объяснять ничего не придется. Таким не словами — делами надо свое право доказывать. А уж если доказал, то пока сам не порушишь достигнутое иным, дурным делом, верен тебе будет выше всякого предела.

— Тогда бери людей, и за мной!

В начальствовании главное — четко понимать, чего самому делать не надо. Командовать всеми одновременно, сверху донизу, нельзя прежде всего. Подчиненных можно любить, уважать, пить с ними горькую и помирать вместе, но в их дела, отдав приказ, вмешиваться совершенно непозволительно. Это я крепко по Мекану запомнил — лучшие офицеры у нас таковы были. Оттого и шли солдаты за ними во все стихии, под смертное заклятие и парадные волынки...

И уж если Судьба сделала меня офицером и джентри, а теперь еще и Султаном Хисахским, учиться правильно распоряжаться народом просто необходимо.

Поэтому, отдав приказ, за весь долгий путь к посольскому кварталу назад я больше не оборачивался. И без того знал — следом идут лучшие из лучших, проверенные утрен-

ней мясорубкой на улицах родного города и признавшие перемену власти. Ну и забежавшие вперед дозорные из тех же ветрострелков по флангам виднелись...

Посольский квартал встретил нас особым, настороженным запустением. Недавние коллеги из дипломатических миссий, пережившие утренний погром, еще не знали о том, что тот был провокацией, и не спешили показываться на глаза изрядной толпе, неотличимой от погромщиков. Путь к особняку с драконами на воротах был свободен, если не считать куч мусора и дохлых лизардманков.

Остановившись за дюжину ярдов до ограды и дождавшись, когда встанут идущие за мной, я подозвал аштегмена ветрострелков, уже освоившегося в качестве командира моей лейб-гвардии:

— В посольство местным нельзя, один пойду. Расставь людей вокруг.

— Ясно, о султан. — Привычную краткость офицера порядком корежило сановное обращение.

— Без чинов! — поморщившись, я отменил неуместное титулование. — И вот что... Найди мне какой-никакой стреломет. На всякий случай...

— Сейчас. — Тот обернулся, высматривая, у кого изъять подходящее оружие. — Может, все-таки...

— Нет, внутрь можно только мне, моим женам и наложнице. — Очухались драконы на воротах после снятия магии с города или нет — не знаю, но рисковать не стоит. — Остальным нельзя, что бы внутри ни происходило...

Может, это и слишком самонадеянно, но засады внутри я не ожидал. Файрбол одного калибра дважды в одну воронку не ложится.

Казалось, что я оставил здание посольства не в полдень этого дня, неодолимо катящегося к финалу, а неделю назад. Возвращаться в пустой дом, да еще со свежим покойником, никогда не представлялось мне особо веселым действием, а уж в разоренном гражданской войной городе — особенно...

Отчего-то через приемную с разгромленными диванами и перебитой фальшколонной я прошел именно в конференц-зал, где пребывал ныне покойный посол. Не в свои покои, не на женскую половину — приготовить все к прибытию Хирры и Исэсс, даже не в посольский кабинет к сейфу с ключе-

выми заклятиями ко всей магии связи и охраны — а к безучастному ко всему предшественнику.

Который и оставил мне разгребать весь этот политический хлам!

Как будто Инорожденный Дня, так не ко времени отправившийся за Последнюю Завесу, мог встать и уйти за время моего отсутствия. Или быть похищенным прежде хрустальных шаров посольских кодировок и драгоценностей для парадных выходов дипломатических чинов и их супруг.

Никуда бывший посол не делся. Все так же торжественно пребывал на главном столе, затянутом ради такого случая траурным белым покрывалом. Разве что окна конференц-зала, лишенные магической защиты, не уцелели в сегодняшней перестрелке. Сквозняк от вечернего бриза запорошил пол, стол и покровы покойника какими-то бумагами.

Отбрасывая смятые листы носком полотняного ботинка, я медленно прошел к столу и, особо не церемонясь, присел на его край, в ногах у так не вовремя отправившегося за Последнюю Завесу предшественника. Сбросил пару бумаг ленивым движением руки, вздохнул и сказал ему зачем-то:

— Вот и все, надо нового преемника искать, — подразумевая, что сам при себе послом быть никак не сумею. — Смена власти в Хисахе произошла...

Реакции на свое заявление, понятно, я никак не ожидал. Тем большим оказалось мое удивление, когда внезапно уже, почитай, неделю лежащий головой к востоку эльф зашевелился, расцепил сложенные на груди руки, вытягивая их перед собой, и начал приподниматься, желая сесть.

Нервы после прошедших суток и так были ни к демонам, так что я чуть было не всадил в него стрелу по фронтовой привычке. В мекапских болотах свежий, при тебе в первый раз поднимающийся мертвяк — зрелище обычное. Был твой приятель, незнакомый солдат или вовсе тесайрец просто трупом, да что-то не так повернулось в его посмертии — вот и готов зомби. Способ против такого тоже новизной не отличается: хорошенько взболтать мозги неупокоенному, и вся недолга. Стрелой в лоб пользительно, надсеченной иглой в глазницу или хотя бы рукоятью тесака по башке. Просто в куски порубить тоже можно, да уж больно неаппетитный результат получается.

Однако тут действовать столь прямолинейно, увы, не выйдет. Высокородный все-таки — родственничкам его вряд ли понравится, если их дражайшего неупокойника так грубо приведут к должному знаменателю. То есть к естественному положению дел, когда у него не останется позывов почем зря разгуливать и живых покусывать.

Впрочем, с причиной возврата посла из-за Последней Завесы я промахнулся. Ибо голод неупокоенного терзал отнюдь не плотский, а сугубо информационный. Деревянно выпрямившись, эльф заорал отнюдь не «Кр-р-ровии!!!» или там «Кор-рмиии м-меняяя, см-мер-р-ртныыый!!!», а совсем напротив:

— Тр-ребую отчета по пр-роведенной опер-рации...

Мертвяцкое утробное прискрипывание в его речи было почти незаметно, высокородный как-никак...

От такого выражения посмертной воли, разом несусветного и несутемного, я ненадолго впал в ступор и, не задумываясь, выпалил единственное, что пришло в голову:

— Какой такой операции?!

Похоже, в своем посмертии Инорожденный Дня растерял положенную ему как дипломату и шпиону бдительность — ответ на мой вопрос прозвучал незамедлительно.

— Операции «Самум». По созданию режима благоприятствования нашим внешнеполитическим инициативам в отношении Тесайра. — Это неупокоенный эльф оттарабанил единым духом, как будто не мертвяк какой, а крикун предвыборный. Разве что крыльями не захлопал, демонстрируя цвета кандидата или партийного блока.

Впрочем, цвет всей этой демагогии был виден насквозь, через любой словесный туман — бирюзовый, в тон приборному сукну Священного Воинства. Независимость Хисаха с самых времен последнего похода хтангских рыцарей много кому не дает покоя. Особенно из числа тогдашних, да и нынешних сторонников Победивших Богов, позиции которых изрядно пошатнулись вследствие исчезновения цвета светлоэльфийских родов в безвестности Девственной Пустыни.

Трехтысячелетней выдержки жажда мести и реванша, замешанная на пятисотлетней потребности переломить безвыходность патовой ситуации с Тесайром, способна творить чудеса без всякой магии. Не то что мертвых поднимать — воды Зодиакального моря расступиться заставит...

Как же должна была допекать та жажда полномочного посла в Хисахе, Властителя ау Гуотт ау Рийпаорр — родича как тогдашнего маршалиссимуса Священного Воинства Хтангской династии, так и нынешнего Светлого Арбитра, спровадившего меня в Хисах! Ох и подставил меня светло-эльфийский законник, переменись ему цвет под присягой!!!

Тем временем припекаемый глубинным жаром мести высокородный мертвяк продолжал изливать застарелые обиды:

— Как ведущий хисахолог тысячелетия, я неоднократно рекомендовал более масштабное воздействие на внутриполитическую ситуацию в Хасире. К моим советам не пр-р-прислушивались! — Работай его легкие, неупокоенный дипломат задохнулся бы от возмущения, а так просто слегка прирыкнул по-мертвяцки. — Поэтому мне пр-р-ришлось самостоятельно, в одиночку разработать и провести операцию, используя мизерную долю доступных мне средств, таясь от своих так же, как от врагов!

Ух ты! Кто нашим и вашим услужить готов — агент двойной, а кто и тем и другим вредит ради личной корысти, получается нулевой, что ли? Или вовсе отрицательный, а то и мнимый — в математических основах программирования кадавров я никогда не был силен.

— В результате я потратил слишком много времени... Надо было столько сделать... Развратить власть... разобщить людей и драконидов... настроить народ против государства... опорочить завоевания их предков... заразить образованную верхушку чуждыми идеями... Спровоцировать соседей... Привести ситуацию на грань распада страны... Всей моей жизни не хватило, чтобы завершить необходимое!

Вот значит, как... Оказывается, все сегодняшние бедствия произрастают из одного корня. Затаившегося к тому же у меня под ногами, в самой сердцевине единственной опоры в чужом краю. Во вред всему миру, а прежде всего — дружественной нам стране, достойной уважения прежде всего за то, что хотел отнять у нее неупокоенный эксперт.

— Х-х-халед и все, что он постр-р-роил, должно было пр-р-ропасть пр-р-ропадом! Стать басней, пустословием, балаганным кривлянием!!! — не утихал тот, особенно разъярившись при упоминании легендарного основателя местного государства.

Разделить его неистовство я никак не мог. Не по нраву мне как-то, что высокородный мертвяк собирался превратить Принца Хисахского из мудрого правителя, даровавшего своему народу независимость, совсем уж в балаганного персонажа. Причем с моей же помощью.

— Вокруг уже забыли, с чего все началось... Забыли дядю и его Священное Воинство, их героический последний поход и коварство Хасиры, скрывшей причастность к гибели цвета светлоэльфийского рыцарства... — Тут откровения дипломата-диверсанта совершили неожиданный поворот, приобретя личную окраску. — Их помню только я, помню, как они уходили в переклятую пустыню, чтобы растоптать непокорство! Я был слишком мал, чтобы идти с ними...

Прямо пожалел бы урода, если б не сегодняшнее. Очень трогательно все сложилось, особенно дядя к месту пришелся. Оказавшийся самолично третьим уареном Хтанг, братом основателя одноименной династии и предводителем Рыцарей Грома. Вот тебе и расшифровка родового притязания «ау Рийнаорр» в полном именовании дипломатического мертвяка...

Только одна нестыковочка получается — чтобы видеть маршалиссимуса Священного Воинства уходящим в поход, ныне неупокоенному эльфу надо было родиться во времена Войны Сил. А за Последнюю Завесу он отправился буквально накануне нашего прибытия в Хисах.

Три тысячи лет от одного события до другого — ровно вдвое больше, чем отпущено жизни Инорожденным без продлевающей ее срок уникальной магии. Зерна Истины, единственно способные дать подобный эффект, существуют в одном экземпляре и находятся как раз у меня. Да и до того пребывали в руках более надежных, чем цепкие лапы отмороженного мстителя...

На счастье, позыв к откровенности у бывшего посла еще не прошел, и ответ на эту загадку в свой черед прозвучал под сводами конференц-зала.

— Уже полторы тысячи лет, как я мертв... Я убил сына и выдал себя за него, изменив облик заклятием... а потом внука, и снова занял его место... Тысячу лет я жр-ру лизар-р-рдманков вокр-р-руг посольства — теперь твар-р-ри боятся здесь показаться! Чтобы продолжить дело дяди и свер-р-ршить месть пр-р-роклятому выкор-р-рмышу Хаар-р-руды-

ыыы!!! — Неистовство превратило высокородного дипломата в обычного мертвяка, мычащего и рыкающего от неутоленной жажды чужой жизни.

Чтобы привести в действие свой безумный план, ему требовался всего-навсего неосведомленный, но деятельный исполнитель на своем посту. Так что перед нашим прибытием Инорожденному зомби всего лишь стоило снять с себя заклятие, благодаря которому он извел весь свой род...

Вот теперь все окончательно ясно с нашей дипломатией в регионе. Уж на что Инорожденные Ночи привычны использовать смерть как способ, как технический прием, и то до такого ввек бы не додумались. Как раз оттого, пожалуй, что знают толк в этом деле и подобную мерзопакость себе не позволят чисто из чувства самосохранения и профессиональной чести. Светлый же эльф в своем стремлении к мести умудрился учинить гнусность, достойную восхищения самого Безымянного Бога, повелителя всех обманов и подлостей в мире!

Сдержаться я не смог и в голос выругался — длинно, изощренно и с отменным чувством, то и дело поминая гномов, которые таких доброхотов международного масштаба должны бы погребать каждый день на новом месте еще три тысячи лет подряд!

Видимо, зря я выразил свое неприятие столь явно, потому что неупокоенный интриган-сыноубийца прервал свой монолог. Профессиональная скрытность и недоверчивость светлоэльфийского агента влияния наконец-то пробились сквозь посмертное помрачение. С натугой вывернув закаченные глаза зрачками в щель полураскрытых век, он догадался-таки спросить:

— Кто ты, смер-ртный? Какое твое пр-раво спр-р-раш-шивать? — В разгорающемся гневе опять явственно проступили мертвяцкие интонации.

Знать хочет? Пусть знает!

— Джек Собачий Глаз Пойнтер, Властитель ау Стийорр, ау Хройх, уарс Фусс на пяти реликвиях! — Добавлять «к вашим услугам» я не стал, чай, не халфлинг на побегушках.

Хватит, услужил я уже ведущему хисахологу тысячелетия. Помимо своей воли, но изрядно, как выходит. Теперь разрулить последствия по любым меркам дорого встанет, с проделанным не сравнить...

— Человек?! — Несообразие облика и титула дошло до высокородного куда быстрее, чем мое отношение к происходящему.

— Инорожденный в Мече, — прояснил я нестыковку и добавил мрачно: — А что, не предупредили?

— Нет. — Удивление сработало не хуже гнева, делая речь мертвяка-эксперта неразборчивой. — Кандидатур-ра не р-рассмматр-ривалась...

Похоже, тут светлый Арбитр уже не меня втихую подставил, как Ланс когда-то, а напротив, родственничка. Не иначе высокородный интриган за три тысячи лет под разными личинами ему самому, если не всему Концерну Тринадцати, плешь проел, даром что эльфы принципиально не лысеют...

То-то меня отправили сюда Колесом Судьбы работать! Как ведущий фактор нестабильности тысячелетия — заразу заразой лечить. В смысле на месте встрять в ситуацию и повернуть ее к наиболее естественному разрешению.

Вот и повернул!

Теперь гнев — уже на себя, так некстати оказавшегося марионеткой-буратино в руках дохлого шарманщика, сдвинутого на хтангском рыцарстве — захлестнул меня окончательно. Это ж надо было так глупо попасться!!!

Виновник всех моих хисахских треволнений этой перемены настроения умудрился не заметить. Как прежде — все перемены, случившиеся в мире со времен, когда Священное Воинство отправилось в поход через Девственную Пустыню. Дивная избирательность восприятия...

Напротив, переварив кое-как новость о моем происхождении, посмертный политолог воспрял если не духом, то новыми инициативами:

— Неплохо, неплохо, молодой человек... Без инструкций и руководства со стороны... — тут он запнулся на мгновение, подбирая слова, — стар-ршиххх товар-рищей...

Выкрутился, хоть и снова мертвечиной от голоса потянуло. Мне же эта формулировочка живо напомнила недоброй памяти на все шесть дюжин лет отсутствия высокородную ау Риер. Похоже, сдвиг на потребности всего на свете в их руководстве у всех светлых эльфов единый...

— Пр-ри напр-равляющей деятельности со стороны опытного наставника... — По мере охватывающего мертвяка во-

одушевления утробный рык сходил на нет. — ...вы будете способны неплохо послужить делу...

Ага, вот прямо-таки горю желанием и далее проворачивать делишки застарелого политдиверсанта! Я представил себе жизнь парня вроде меня, ежедневно осчастливленного руководством всезнающего и притом изрядно замороченного на своих пунктиках мертвяка... Нет, мы уж как-нибудь сами!

Столь неусыпная инициатива окончательно истощила мое терпение. Мандрагора с ними, с родственничками высокородного неупокойника! Перетопчутся без торжественных похорон с личным присутствием виновника торжества!

Ничего не говоря, я просто вынул из подсумка Зерна Истины. Развел руки широко в стороны, рявкнул: «Темпоре мутанто!» — и свел кулаки с зажатыми в них округлыми камнями так, чтобы голова величайшего со времен Войны Сил криптоаналитика оказалась между ними. Серебряное сияние, просочившееся меж пальцев, оплело руки до локтей и соединило их подобием герисской дуги, пронизывающей череп злокозненного даже в своем посмертии светлого эльфа.

Тот затрясся мелко, потянул закостенелые руки к вискам, словно при головной боли, но не донес — уронил бессильно, лишаясь последнего подобия жизни. Судороги и спазмы становились все размашистее, пока мертвец не забился неудержимо, как моя высокородная в ночь оживления. Но эта Реликвия, в отличие от Меча Повторной Жизни, жизнь не возвращала — напротив, отнимала даже то отдаленное ее подобие, которое еще оставалось у высокородного ау Гуотт ау Рийнаорр. Надеюсь, в отличие от того случая, она ничего не отбирала у нас наравне и не передавала мне ничто из отнятого у владетельного мертвяка.

Словно черная чешуя посыпалась с бьющегося в судорогах трупа. Истлевающие на лету хлопья прахом осыпались на стол, на пол, вихрями закрутились по углам конференц-зала. На темную метель, на глухую мглу изошел долгоживущий собрат Дня, еще при жизни напитавшийся мраком старых счетов и закостенелой мести за выдуманную вину тех, чье прегрешение состояло лишь в желании жить по-своему. Без руководящей и направляющей роли каких бы то ни было эльфов, хоть самых разосветлых!

Лишенный связи скелет высокородного зомби распался, обугленные кости хрупкими головешками упали в горку праха

на столешнице, череп брызнул осколками, как чайная чашка из драгоценного черного фарфора. Кончилось все, истлело...

Убрав Зерна Истины на место, я утер рукой лицо. На ладони отпечатались полосы сажи, как у Рона Ас-Саби после его столкновения с наследием Рыцарей Грома. Упаси нас Судьба от таких аналогий, конечно...

На зубах при вдохе тоже заскрипело. В воздухе висела серая муть, туман из сажи и пепла. Как всякий политик, Властитель ау Гуотт ау Рийнаорр оставил после себя до невозможности много грязи. Терпеть ее впредь я был не намерен — ни здесь, в посольстве, ни во всем Хисахе!

В руках, казалось, сам собой закрутился зарождающийся вихрь. Хлестким движением от себя я швырнул его над столом. Хлопья сажи, мусор, обрывки документов закружились, срываясь с места, взлетели к потолку. Выбитые окна не стали преградой для рукотворного смерча, и всю эту дрянь вынесло прочь, чтобы утопить в Зодиакальном море.

Больше в посольстве мне делать нечего. Пора бы поспешить в султанский дворец, пока его еще кто-нибудь занять не догадался. С предсказуемыми выводами в отношении моей персоны соответственно местным традициям перехода власти...

Небо над Хасирой, лишенное затенителя, было еще светлым и даже более золотым, чем обычно, но улицы уже затянула тень, чуть отступавшая лишь на открытом пространстве. Лизардманки усеивали площадь перед султанским дворцом, рассевшись группками не меньше дюжины, умильно склонив головки и сложив передние лапки в молитвенном жесте. Но теперь я в этих тварях уже не обманывался.

Впрочем, разгонять их пинками я тоже не собирался. И без того добровольных разгонщиков в дороге прибилось предостаточно, это если не считать становящегося своеобычным блюстителя трона. По мере выхода с суверенной территории посольства толстяк в празднично-черном с готовностью нарисовался рядом по новой. Потом придумаю, куда его девать, а пока придется потерпеть раздражающее присутствие сообразно новому чину.

Султан, блин. Всея Хисаха. Хоть агукать начинай, как недоброй памяти прапредшественник. Или зубами скрежетать, как злыдень, весьма недолго занимавший ту же долж-

ность непосредственно передо мной. Уж если я с двумя женами, одним дворецким, дракотом и бессчетными крикунами справиться не могу, то как тогда, спрашивается, совладаю с целым государством?

Эх, мне бы заместителя толкового в наместники, вроде Пемси при Келле...

Может, младшая жена поделится? В таком качестве пышечка подойдет мне куда больше, чем на правах неизбежной любовницы при попустительствующих супругах. Заодно и от блюстителя трона избавлюсь, приставив его к безусловно смертной исполнительнице султанских обязанностей...

Но так далеко загадывать пока было рановато. Поднявшись на ступени парадного входа, я тихонько обратился к своей здешней династической тени:

— Как во дворце, много верных Музафару?

— Службы султана верны сану, а не лицу, — с достоинством ответствовал главный среди служителей.

В словах его имелся определенный резон. Хотя бы уличных сторонников внутрь можно не тащить. Это не к тому, что сопрут чего или поломают — дело при переходе власти вполне законное. А вот в саму власть случайных свидетелей, особенно утвержденных в своем праве опьянением победы, лучше не допускать. Некрасиво получиться может...

Тем более что не все еще завершено и на улицах города. С фальшивой стражей покончено, но остатки настоящей и колдуны все еще отбиваются у казарм и держат в блокаде Академический квартал. Вот туда я и отправлю жаждущих славы, подвигов и сопричастности победе. А пока они добираются пешим ходом, попробую привести к присяге отмалчивающийся на рейде флот и проверю, как обстоят дела на газовых промыслах.

Может, и обойдется без дальнейшей крови. Хотя лично я не могу представить, как без нового витка кровопролития разобраться с тем, что открыл мне ныне окончательно покойный посол, наследный хтангский рыцарь и эпический мститель в одном лице.

Тихонько поручив аштегмену с его людьми оцепить дворец и послать гонцов в посольство с просьбой к женам перебираться сюда, я обратился к прочей прибившейся по дороге толпе в духе лучших монологов Халеда.

— Вашей помощи ждут Синие Драгуны! — Отправлять народ на подмогу студиозусам, пока сам не разберусь, что с теми делать, я все-таки не решился. — Ударьте вражьим выкормышам с тыла! Хасира вас не забудет!!!

В ответ с азартом раздались приветственные вопли, и толпа, размахивая родовыми клинками драконидов и людей, трофейными стражничьими сайсами и гарпунометами, а также импровизированным оружием вроде сковород на длинных ручках, ломанулась в сторону порта.

Даже без волынок дело обошлось. Я и не подозревал за собой подобных организаторских способностей. Или это дух мятежа сам по себе облегчает срыв с места? Спорю, еще вчера этих же горожан вряд ли удалось бы парой фраз отправить на превосходящего противника...

Так или иначе, теперь никто более не претендовал на то, чтобы наравне со мной войти во дворец по праву победителя. Лизардманки не в счет, тем более что они-то как раз стремились покинуть чуждые и негостеприимные для них покои. В чем им только помогали люди и дракониды обоего пола, одетые в традиционное для дворцовых слуг золото и вооруженные не более чем метелочками из перьев.

Блюститель трона представил и поручил меня первой же группе золотых, чтобы тут же накрыться своим простеньким, только для глаз, заклятием невидимости и удалиться. Тактичность его службы, оказывается, состояла в том, чтобы присутствовать и, пуще того, показываться лишь в моменты ее исполнения и во время протокольных мероприятий вроде вручения верительных грамот иностранными послами. Все остальное время душеприказчик престолонаследия пребывал наготове, способный явиться к султану по зову специального амулета в момент, когда жизни того угрожает опасность...

— Эй, послушай! — напоследок обратился я к исполнительному толстяку. — Где тут Центральный Пост... ну главный пункт связи и наблюдения?

— Попросите проводить вас в Зал Тридакны, Ваше Великолепие. — Учтивый ответ прозвучал уже из пустоты. Передавать его кому-либо из слуг не понадобилось. Расслышавшая совет блюстителя девчушка в золоте и хне с ног до головы низко склонилась передо мной, приглашая следовать к намеченной цели.

Покуда я спешил за бойко семенящей служаночкой, перед глазами перслились все оттенки золотого и оливкового на ее фигуре — зеленоватые от особого сорта хны и вызолоченные «ведьминым чаем» пряди волос, узоры той же хны по всему телу и золотое шитье бурнуса, а также бесчисленные украшения, составлявшие, похоже, всю прочую одежду. Хотя нет, набедренная повязка на субретке все же имелась. Понятно, что из золотой парчи, но была-таки...

Наконец за очередной анфиладой провожатая с тем же низким поклоном отступила в сторону, пропуская вперед своего новообретенного султана и при этом всем видом показывая, что ей самой там делать нечего. Но я еще придержал торопливую субретку, отдавая необходимые распоряжения:

— Оцеплению до особого распоряжения выдавать еду с дворцовой кухни, но без вина! И переписать всех для дальнейшего пожалования. Прибудут мои жены с наложницей — предоставить им покои и все необходимое. Прочий распорядок по дворцу без изменений.

Та склонилась передо мной в глубоком книксене, прометя по полу прозрачной тканью в золоченом узоре, и привычно оттараторила:

— Слушаю и повинуюсь, о султан!

Это самое «о» в обращении начало задалбывать меня уже со второго раза. Зато исполнять мой приказ она начала практически сразу, выхватив из бесчисленных подвесок на поясе золоченую снаружи крохотную раковину ближней связи и с ходу вызывая кухню, кастеляна и главную горничную.

Удовлетворившись тем, как осуществляются административные функции во дворце, теперь принадлежавшем мне, я шагнул под высокую стрельчатую арку входа, другой рукой раздвигая своеобычный занавес из бус. С порога открылось зрелище, уверившее меня в попадании именно туда, куда я и стремился.

Название залу не случайно дала тридакна. Огроменная, в три фута раковина возвышалась на помосте в глубине продолговатого помещения. Заклята на двести сорок каналов связи — жемчужины выбора усеивают всю верхнюю створку. А звук от нее способен наполнить зал целиком. Царственная вещь, однако.

Кроме нее, на том же возвышении присутствовали шесть магических шаров придворного калибра. То есть если и не с

блюстителя трона в обхвате, то не многим меньше. Надеюсь, активация у них стандартная и не придется звать на помощь штатных криптомагов.

Для пробы я пробежал пальцами по ближайшему, сдвинув подвешенный на экваториальной оси стеклянный колпак. Бирюзовые, под цвет здешних политических амбиций активные точки с готовностью засияли под рукой.

Ага, работает... Хрустальная сфера с готовностью показала один из секторов города. Первичная настройка именно такова, хотя среди стандартных наличествует раскрытие того же сектора за пределы стен Хасиры, от ближней к ним местности до самого отдаленного пограничного района. Поняв, как все устроено, я активировал прочие пять сфер, чтобы создать полный обзор.

Призрачное подобие города окружило тридакну, высящуюся как раз на месте султанского дворца. Вот посольский квартал, по которому носит хлопья копоти еще не успокоившийся вихрь, вот Сухотаможенная площадь в обломках разбитых пескобуеров, вот порядком разгромленные казармы Синих Драгун у Парадной Пристани, вот почерневший от огня и дурной магии остов Проекционной Башни, вот голый и неприкаянный обрыв с неразличимым отсюда рваным бирюзовым ковром трупов... Всюду разгром и запустение, мусор, ветер и дым. Шаг за шагом, все наши дела и вехи за бесконечный день Бирюзовой Революции.

Хотя нет, круг не замкнут. Надо сделать еще один шаг, еще один очаг загасить, втоптав в песок тлеющее лиловое пламя мятежа.

Академический квартал. Именно туда стянулись остатки отброшенных по всему городу сторонников Музафара, которых не остановила даже его смерть. И тем более не остановила она его противников, готовых во имя своей завиральной идеи перемолоть собственную родину на костяную муку. Во имя беспрепятственной торговли и мирного развития...

Чистые ребятишки и старые умники, искренне или с расчетом желающие обновления древнего Хисаха. Враги моего врага, но мне не друзья. Однако и не враги тоже. До нынешней секунды...

Если они останутся в живых, резня на улицах кончится не сегодня. Не завтра, не через неделю — при царствующем

султане, даже таком, как я. Только тогда, когда древняя и гордая страна превратится в подобие кадавра-буратино, пляшущего под чужую шарманку на забаву почтенной публике.

О да, достаточно быстро они поймут, что к чему, и те, кто сохранит яростный идеализм среди окружающей беспринципности, радикально изменят свое мировоззрение... Но будет поздно. Рухнувшей стране их прозрение уже не поможет! Ибо состояние с низкой энергетикой устойчивее состояния с высокой — это азы маготехники, известные любому недоучке...

Тысячелетиями высокородный мертвяк расплачивался молодыми жизнями за свою застарелую месть. Видно, в привычку вошло — вон какой счет незакрытым оставил.

Что ж, если оплатить его выпало мне, так тому и быть. Поставлю подпись под величайшей интригой тысячелетия, подобью баланс: так, мол, и так, закрыто и окончено. Пересмотру не подлежит.

Пальцы сами собой пробежали по усеянной жемчугом створке тридакны, перенося код вызова эскадры из ныне доступного мне, как верховному главнокомандующему, свода информационных и магических ключей к государству. Почти мгновенно огромный, с кулак, изумруд индикации налился сиянием отзыва. Порядок на флоте пребудет тверд, хоть мятеж, хоть смена власти бушуй на неверной зыбкой земле...

— Капудан-паша Ток двадцать третий ожидает приказаний истинного султана! — Формулировка, недвусмысленно указывающая на политические симпатии как самого флотоводца, так и представляемой им силы, доселе немо нависавшей над городом.

Истинного, говоришь... Других не держим.

— Говорит Джек Пойнтер по прозванию Собачий Глаз, Властитель ау Стийорр, ау Хройх, уарс Фусс на пяти Реликвиях, Султан Хисаха по праву Последнего Присутствия! — На мгновение я замолк, давая возможность капудан-паше проглотить и начать переваривать мой невдолбенный титул, теперь украшенный еще и местным бантиком, а затем продолжил бесстрастно-деловым тоном: — Остатки банд уничтоженного узурпатора захватили центр сопротивления в академии. Приказ по флоту — бомбардировать академический квартал. Отомстим за пролитую кровь! Вечная память нашим соратникам, погибшим за Хисах!!!

Пока еще живым... Полным надежд на будущее своей страны, на освобождение от гнета старых легенд и имен, некогда поднявших из небытия на грани двух пустынь — песчаной и водной — невозможную страну-сказку... Пока. Еще. Живым. Но об этом бравым морякам знать не обязательно. Даже просто не нужно.

Достаточно того, что об этом знаю я.

— Слушаю и повинуюсь, о султан. — Флотский был по-хорошему краток.

Не прошло и минуты, как рев раздираемого воздуха возвестил о начале обстрела. Памятное по параду огненное облако сорвалось с бортов застывшей на рейде эскадры и медленно поплыло к дымящему академическому кварталу. Спустя долгие секунды пылающий поток пролился на непокорный очаг сопротивления, зажигая в нем новое пламя.

Клубящаяся черно-оранжевая туча поглотила строения и пальмы, нападающих и обороняющихся, глухую тиранию и продажную свободу — оба неверных пути, по которым мог бы пойти Хисах.

Все сгорело без следа. Лиловые тоги, бирюзовые повязки, стражники, колдуны, студенты, их духовные лидеры, шкура «дракоморфа десерти», сиречь песчаной акулы...

И Пемси.

До меня дошло, кому я подписал, не рассуждая, смертный приговор.

Услужлива человечья натура — с легкостью вымарывает из памяти все, что может помешать осознанию собственной правоты. До поры до времени держит ненужное в загоне, лишь ненадолго выпуская на волю злые воспоминания — через незаметные щелки, по никчемным зацепкам, с каждым разом все надежнее забивая эти лазейки, чтобы ничто не смогло нарушить покой самодовольства.

Неужели и мне теперь всю жизнь так же прятать от себя вину?!

Невольно завертелась и чуть не добила вконец совсем пакостная, мелкая мыслишка: вот оно, окончательное решение вопроса с назойливой обожательницей. Само сложилось как нельзя лучше. Кто теперь поверит, что, отдавая приказ, я меньше всего думал о девчонке, оседлавшей прибойную волну мятежа? И кому вообще будет до нее дело спустя годы,

когда кровь и грязь этих дней застынет благородной патиной истории?

Мне будет.

На шаги, раздавшиеся по гулким коридорам султанского дворца, я обернулся почти с радостью. Во всеобщем разброде толком не налажены ни охрана, ни обслуживание, но оно и к лучшему. Сейчас я был бы рад даже насмным убийцам, недобиткам «лиловым», да что им — Лунной Богине и всем демонам ее, лишь бы не оставаться наедине с собой и непотребством, только что сотворенным мной из высших политических соображений.

А всем вышеперечисленным лучше бы сейчас самим опасаться меня...

Однако увиденное заставило меня отшатнуться, будто и взаправду передо мной въяве предстала владычица неупокоенных. Или хотя бы одна из душ ее свиты, вечно воющей в ночном небе песнь могуществу своей повелительницы. Во всяком случае, считать незваную гостью пребывающей по ту сторону Последней Завесы я имел все основания.

Однако Судьба сыграла со мной немыслимую шутку. В ставку верховного командования, закопченная и потрепанная, но несомненно живая, влетела Памела Акулья Погибель!

Моя древнейшая, приходящаяся ей атаманшей и непосредственной начальницей, едва поспевала за несущейся во весь опор пышечкой, сдав на руки слугам совсем расклеившегося ученого дедка-богомола, наиболее безопасного из местных умников. За ними всеми разве что шлейф дыма не плыл, и отнюдь не по причине попадания под огонь эскадры — от него никто не ушел, да и слишком быстро появились уцелевшие, чтобы поспеть от академквартала после залпа.

Нет, распалилась вдохновительница бирюзовой революции сама собой и совершенно по иному поводу. В роль вросла, будто всю жизнь командовала не мелкой бандой, а минимум полком.

— Ты что тут сидишь?! Где помощь, где армия, флот?! Ребята там насмерть стоят, из последних сил! — не удержав взятого тона, Пемси сбилась на хрип, но не замолчала. — Ты вообще представляешь, что там творится?

Ага... Можно подумать, будто одна она провела этот день на улицах воюющего с самим собой города. Пожалуй, из нас четве-

рых, явившихся в Хисах не ко времени, ей за стенами академии выпало меньше всего. В сравнении с Хиррой, преступившей себя ради других, Келлой, выжившей в магической мясорубке осажденных казарм, да и мной самим, в конце-то концов!

Но сейчас наш счет сравняется. Потому что я представляю, что творится на месте столь своевременно покинутой ей академии. А маленькой блондиночке еще только предстоит узнать, что те, за кого она так переживает, уже не нуждаются ни в чьей помощи и участии по эту сторону Последней Завесы.

Молча я отступил на шаг, открывая хрустальный шар, заполненный пламенем и черным жирным дымом.

— Там уже никого нет. Музафаровы колдуны взяли Академию. А флот накрыл их файрболами. По моему приказу. Никто не уцелел...

Пемси рванулась вперед, будто хотела нырнуть в магическую сферу. Алые и оранжевые блики заплясали по ее лицу, отражаясь в глазах, скользя по скулам, мерцая на полуоткрытых губах. Девчонка онемела и оцепенела, в самое сердце пораженная тем, что открылось ей.

Что ж, это ее расплата. За славу и обожание, за место во главе мятежа...

За предстоящее ей наместничество.

Где-то в глубине души я понимал, что сейчас перекладываю свою вину на чужие плечи. Но смотреть на дело иначе уже не мог. Даже сквозь радость оттого, что хотя бы двое из обреченных мною на смерть избежали уготованной им судьбы.

Все-таки крохотное облегчение. А то я уже начал ощущать себя какой-то исключительной сволочью. Хуже Охотника...

Молчание длилось недолго. Отойдя от первичного остолбенения, пышечка впала в совершеннейшее бешенство. Бессловесное, но оттого не менее понятное — в визге, от которого закладывало уши, явственно читались обвиняющие нотки. Оборванные только звонкой пощечиной, после которой моя древнейшая крепко взяла подчиненную за плечи, совсем негромко выговаривая:

— Пемси! Пе-емсиии... Памела Фелиция Дженкинс! — Не знал, что Келла способна так неожиданно оборвать чужую истерику. — Ну ты что?! Не у себя в подворотне орешь! Тут тебе не улица и не отцовский гарнизон.

Кое-что в услышанном потрясло меня совсем наособицу. На сей раз откровение касалось уже не младшей жены, а ее унтер-бандерши — забавной девчонки, которую я привык не воспринимать всерьез. Пемси и Пемси, от Памелы уменьшительное, имечко не из редких.

Зато фамилия ее у меканских парней всегда на слуху была, а у меня в особенности. Не забыть, как ни старайся, при ком меня вчистую из строя списали!

Памела Фелиция Дженкинс. Вот как, оказывается... Генеральская дочка, по табелю о рангах — вровень с магистерской супругой, не многим ниже городской эльфи без наследственной ренты. Папаша ее, помнится, командовал сектором фронта, где я от роду доставшиеся глаза оставил. На позиции «Отметка 77», как сейчас помню. Днем-другим позже и вовсе бы ног не унес. Даже праха горелого от той позиции не осталось.

Дженкинс на том, в самом начале перехваченном тесайрском наступлении изрядно поднялся — до высшего для человека чина премьер-генерала. Жаль, не сумел насладиться достигнутым в полной мере. Волна атакующих докатилась-таки до его командного пункта. Когда на третий день тяжелейших боев новопроизведенного полководца отрыли из-под рухнувшего наката личного бункера, он уже был изрядно повредившись в уме.

Так, говорят, и по сей день держит до последнего оборону в обитой мягким комнате. Только свет в ней никому не дает гасить — темноты с тех пор отчего-то боится и луны главной видеть в упор не может. Корчи от нее делаются у премьер-генерала...

Все равно пенсия и наградные — дай Судьба кому другому, вся семья безбедно жить может. Законная жена из богатого купеческого рода, бездетная баба с вечно поджатыми губами... а также военно-полевые наложницы и дети их, в недолгом озарении разума официально Дженкинсом признанные и введенные в фамилию.

Памела как раз из таких, дочь одной из личных связисток. Могла бы в храмовом колледже для благородных девиц подвизаться, солнышки жрецам на стихарях вышивать да манеры благородные усваивать, а вот же — пошла в банду. От наследственности не сбежишь, выходит: папаша-то в ее годы три квартала кулачных бойцов держал, до того как об-

разумиться и в офицерскую школу податься. Видно, и дочурке пришла пора в разум войти, своевременный поворот карьере учинить...

Что ж, стало быть, со всех сторон кандидатура подходящая. Высокого происхождения и немалых личных качеств. Будет на кого Хисах оставить. Да и мне спокойнее будет вдали от ее несытого обожания и жесточайшей преданности.

Откладывать разрешение столь важного вопроса в длинный ящик с погребальными рунами на крышке не стоило. Сейчас же и надо обозначить нужду страны в деловитом управлении. Пусть даже нечестным приемом, цепляясь за память тех, кого сам же угробил в последнем бою однодневной гражданской войны.

— Они погибли, но ты-то жива! И во имя тех, кто сегодня дрался на улицах против узурпатора, должна принять в свои руки их дело! Удержать страну, сохранить власть...

— Это как же? Султан у нас вроде бы ты?! — Пемси, по крайней мере, съехала с обличительного тона. Сделала ли она это благодаря усилиям эльфи древнейшей крови или попросту от изумления, уже неважно. Келла тоже смотрела на меня с неподдельным интересом, ожидая разъяснений. Но вполне одобрительно, что только придало мне сил.

— Ага, а атаманша у вас в «Орхидеях» вроде как она, — кивнул я на младшую жену. — Однако вся текучка на тебе. Государство — та же банда, только масштаб побольше. Ничего, справишься!

— Не буду! Других ищи за тобой углы прибирать... в больших масштабах!!! — Обида за своих еще не оставила бойкую пышечку. — Или сам справляйся!

— Мне здесь не остаться в любом случае. После того, что на Проекционной Башне учинил... — с удрученной ноткой в голосе прибавил я. Кстати, так оно и есть. Радость избавления от гражданской войны продержится недолго, а вот недовольство жителей, лишенных привычной защиты от бешеного солнца, вряд ли даст мне спокойно султанствовать. — Наместник нужен надежный, из своих... Наместница то есть.

— Это верно! — с неожиданным жаром поддержала меня Келла. — В Хасире нам теперь нельзя задерживаться. Ты с ней обручился сильнее, чем кровью. Город твой дух себе в покровители забрать хочет, как с Халедом было...

Вот тебе и помощь... Привычки выдумывать пустое у моей древнейшей никогда не было. Даже ради самого крайнего случая, вроде нынешнего. Получается, и это — правда?!

Удружил я себе, ой удружил...

Не знаю, что именно убедило унтер-бандершу в серьезности положения — моя донельзя удрученная рожа или слова младшей жены. Но возражать и препираться Пемси прекратила, теперь лишь испуганно переводя распахнутые глаза с нее на меня и обратно.

Эльфь древнейшей крови не могла не почуять коренной перелом в состоянии подчиненной. И мягко, по-своему, словами легкими и непринужденными, как дружеские касания, дожала дрогнувшую девчонку.

— Это нужно, маленький, — сказала она тихо-тихо, будто по секрету признаваясь в чем-то, никому доселе не известном. — Мне нужно... Больше всего на свете.

Поначалу Пемси в ответ лишь смотрела жалобно, не замечая выступивших слез, но с каждым словом все заметнее кивала, соглашаясь, вторя услышанному, принимая его как единственно возможное для себя. До тех пор, пока сама не прошептала:

— Да, да, да... Я стану наместницей... Раз тебе надо.

— Надо. Во исполнение твоей клятвы банде! — так же тихо, но непреклонно сказала Келла. — Первой кровью и жизнью!!!

— Жизнью и последней кровью... — ошарашенно пролепетала отзыв унтер-бандерша, прежде чем осознала суть повеления атаманши. После чего, похоже, утратила последние остатки воли и способности к соображению заодно. Во всяком случае, когда Келла, полуобняв за плечи, отвела ее к выходу из зала и сдала очень своевременно возникшим откуда-то драконидкам в золотых бурнусах горничных, упрямая блондиночка даже не попыталась обернуться и вырваться.

Так и пошла покорно навстречу неминуемой после уличных боев бане, коронационному убору, трону и городу, который хотя бы не жаждет забрать ее душу себе в покровительницы...

Все-таки страшновато бывает смотреть, что мы, эльфы, делаем с людьми.

Что хотим, то и делаем. Даже не замаранные дурными раздорами между Днем и Ночью, как моя младшая жена, или но-

вопроизведенные, лишь осваивающиеся с эльфийским долголетием да магической мощью, вроде меня самого!!!

В таком вот расположении духа и застала моя древнейшая мужа и господина по возвращении от высоких стрельчатых дверей зала. Смерила меня долгим, все понимающим взглядом. И тихо-тихо, совсем буднично и равнодушно подвела итог всему сотворенному нами в Хисахе:

— Что смотришь? Надо было сразу от ворот назад поворачивать, как Блоссом говорил. После-то чего уж...

Пораженно я вскинул взгляд на ее спокойное холодное лицо. Эльфь древнейшей крови поймала его и без всякой задней мысли пояснила:

— У меня очень хороший слух.

Перебивать ее и уточнять, что меня поразила не осведомленность, а сделанный из нее вывод, я не стал. Скорее даже не сам вывод, а та безучастность, с которой сумасбродная и порывистая эльфочка заявила о своей готовности отказаться от приключений еще в самом их начале. И даже не сама эта готовность — желательность, предпочтительность такого выбора, прозвучавшая в ее словах...

Младшая жена приоткрылась совсем с незнакомой стороны. Какой-то взаправдашней древностью дохнуло от нее, силой и сутью более властной, чем преходящий узор личности. Словно волны от легкого ветерка и круги от капель на прозрачной чистой воде разгладились, показав холодную глубину, в которой, как ни старайся, не угадаешь дна.

Моя древнейшая... Шутливое прозвище обернулось совсем нешуточной стороной.

Полностью вступившая в свои права ночь не добавляла происходящему оптимизма. А вдобавок ко всему разговор, как выяснилось, оказался вовсе не закончен. Просто перерыв в нем несколько затянулся. Как раз в той мере, чтобы коренная тема назрела во всем своем великолепии:

— Зачем ты так... с Пемси?

Похоже, эльфь древнейшей крови действительно еще не все прояснила для себя в случившемся, предоставив мне самому решать, с какого из многозначных смыслов вопроса начать ответ. В результате выбирать оказалось особенно не из чего.

— Это оказалось легче, чем трахнуть и забыть, — ни с того ни с сего вернул я жене ее же столь недавние слова.

Как оказалось, в самую точку. Теперь Келла посмотрела на меня еще дольше, чем тогда, когда вернулась, проводив грядущую наместницу всея Хисаха и мою несостоявшуюся любовницу к уготованной ей судьбе. И приговор услышанному ли, сделанному ли взвесила еще точнее и короче:

— Ты жестокий человек, Пойнтер.

Не понимаю, как ей удалось произнести все слова с одинаковым напором. Таким образом, осталось неясным, что более возмутительно: то, что я жестокий, или то, что я человек? Или то, что жестокий человек — именно я, Пойнтер.

Дурное оцепенение, охватившее меня после отдачи приказа по флоту, постепенно отпускало, перегорая в простую усталость и боль во всем теле. Давно пора, а то уже больше часа минуло с тех пор, как моя младшая жена, эльфь древнейшей крови и бескомпромиссная судия всему сотворенному нами под гостеприимным небом Хасиры, ушла, более не потратив на меня ни слова.

Что ж, хотя бы в баню не послала, как в предыдущий раз. Но вот сейчас именно туда мне и стоило бы пойти. Причем куда с большими основаниями, чем вчера... То есть уже позавчера. Занимающийся дымный рассвет вскоре неодолимо превратится в утро — начало нового дня в столице, небо над которой уже не будет прежним. Да и сам город встретит наступавшее время суток совсем иным.

Впрочем, гарь и кровь с улиц скоро смоют... Просто в отношении себя самого эту полезную операцию я могу проделать намного раньше. И не как попало, а посредством дворцовых бань, славящихся роскошью и полным магическим самообслуживанием, гарантирующим безопасность и приватность пользователя. Именно что-то в подобном роде мне теперь и требовалось. Надо же поиметь хоть какую-то пользу от своего нечаянного султанства!!!

Лишь бы не заснуть, разомлев в теплой воде. А то список покойных правителей Хисаха может самым неожиданным образом пополниться аж трижды за одни сутки. Причем в этом случае определение преемника будет наиболее затруднительно...

Однако реальность быстро показала, как несостоятельны подобные опасения. Что-что, а сон в сравнительно быстро найденных банных покоях дворца мне не грозил никоим об-

разом. Не столько из-за безлюдного чудо-сервиса, сколько из-за компании, которая меня там поджидала.

То есть не то чтобы именно компании — одна драконидка за целую компанию никак не сойдет. Но полным одиночество на пару с Исэсс тоже не могло быть. Даже на бескрайних просторах султанских терм с хамамом, огрской сауной и иными парными в многочисленных пристройках округлого зала со сводом не ниже, чем боковой притвор Храма Победивших Богов...

Драконидка нежилась на невысоком ложе в глубине зала, поодаль от бассейна. Очевидно, целители из не примкнувших к Музафару или из городских, срочно введенных во дворец, изрядно над ней потрудились — ни шрама, ни синяка на шероховатой мелкочешуйчатой коже. Все полосы крупных чешуек на икрах, бедрах, спине, плечах и затылке сияли радугой омытого дождем неба.

Услышав мои шаги, наложница, выглядевшая царственно даже в полной наготе, повернула голову на звук. Блик скользнул по чешуе от шеи до самой переносицы, словно огонь по запальному шнуру к бочке с огневым зельем, и разорвался радужным сиянием распахнувшихся почти до круглизны вертикальных зрачков.

Драконья кровь оказала себя в ней так явственно, что я чуть не отшатнулся.

— Где тут лучше шкуру от колоти отодрать? — спросил я чуть грубовато, желая скрыть смущение. — А то третий час султанствую грязный, как боров на гнездовье.

— Следуй за мной, мой повелитель! — неожиданно вместо совета Исэсс встала, решив сама указать мне лучшее место.

Делать нечего, пришлось идти, скользя взглядом по ее бликующей коже с головы до пят. Изящная походка танцовщицы была разом кошачьей, драконьей и донельзя женственной, но притом не возбуждающей, а напротив, успокаивающей и примиряющей со слиянием в ней столь несообразного.

Для приведения меня в норму наложница избрала тесайрскую баню с метелками-опахалами из пальмового листа, круглыми сандаловыми бочками для мытья и такими же, только многократно уменьшенными шайками, чтобы поддавать пару на раскаленные камни. Да еще с низкими топчанами для пенного массажа и целыми кипами полотенец в плотно затворяемых шкафах.

Пропустив меня вперед, Исэсс и сама зашла следом, легкими движениями рук приводя в действие амулеты парной. За это я был ей только благодарен, но на сем деловитая драконидка не остановилась. Покуда многочисленные горелки раскаляли булыжники и грели воду, женщина драконьей крови без малейшего стеснения принялась раздевать меня, начав с оружейной сбруи, но на ней, понятно, не остановившись...

Сопротивляться особо не хотелось. В конце концов, пока мы с младшей женой и ее унтер-бандершей разруливали политические проблемы Хисаха, распоряжаясь наследием Музафара и его противников, наложница хоть как, но все-таки отдохнула после исцеления. А мне шевелиться уже окончательно расхотелось. Поэтому все прочее, что драконидка проделывала надо мной сначала в наполненной горячей водой бочке, а затем и на топчане, застланном мягкой теплой пеной, я воспринимал без особых попыток соблюсти самостоятельность.

Надо отдать Исэсс должное — банщицей она оказалась не худшей, чем танцовщицей. Собственно, ее мыльное священнодействие было подобием того же памятного первого танца, просто сегодня место несуществующего предмета, покорного гибким рукам наложницы, занимал я сам. Только успевал поворачиваться, раз от раза все больше запаздывая с необходимым движением.

Пар и вода, пена и касания скользящего в самозабвенном трансе массажа гибкого тела завораживали и убаюкивали, рождая странное ощущение — будто столь близкая телесно женщина драконьей крови на самом деле пребывала где-то в неизмеримой дали. Наедине с собой, глухая и слепая ко всему, что вне ее...

От этого и меня потихоньку покидало напряжение как минувшего дня, так и всех прочих, ему предшествующих. Подступающий сон все более властно затягивал, скрывая, отсекая ненужное и лишнее.

Прежде чем заснуть, я все-таки сумел уловить момент, когда пар и влага сменились сухостью свежего воздуха и бесконечных, бесчисленных махровых полотнищ. Вновь же обрел сознание спустя многие часы. Почитай, к полудню дело уже шло, если судить по свету, врывавшемуся в помещение без помех затенителя.

В ворохе мягкой, пушистой ткани мы двое переплелись так, что спросонья не получалось толком разобраться, где чьи руки и ноги. Хотя нет, гладкая и сухая змеиная шкурка драконидки позволяла без труда распознать ее прикосновения. Не спутаешь, как не спутать вчерашний вечер и сегодняшнее утро.

Но главное, что отличало пробуждение от погружения в сон — то, что почти неподвижная и внешне бесчувственная Исэсс на сей раз присутствовала здесь во плоти и высших ее желаниях. Едва заметными и внешне невинными движениями немо, незримо звала и требовала совершенно недвусмысленного внимания.

Ее страсть не разгоралась медленно, как у иных женщин, а словно прорывалась наружу из глубин, где была скрыта все это время, не угасая притом ни на секунду. Только танец, прорицание и соитие открывали дорогу наружу ровно гудящему пламени внутренней сути Говорящей с Судьбой.

Безумному и всепоглощающему огню, равному по мощи трехтысячелетнему пыланию горы Дройн...

Спустя время, которое никому из смертных не дано измерить, мы оставили друг друга, чтобы окончательно пробудиться от сна наяву так же, как от предшествующей ему дремоты. На коже драконидки, приводящей себя в порядок поодаль, все еще затихала пляска радужных узоров высшей степени переживания. Как в хрустальном шаре, заклятом на преобразование музыки в цвет.

Если судить по переливам цветов, внутренняя мелодия танцовщицы была прекрасной и абсолютно сумасшедшей. Огонь, раздуваемый Ветром, обретает мощь, несоизмеримую с обыденными мерками возможного и допустимого...

Вослед ей я тоже сполоснулся по новой и оделся в униформу, очищенную и обновленную за ночь заклятием. Казалось, в наступившем дне не осталось ничего от прошедшего — грязь, кровь и копоть минувших суток исчезли, растаяли в неверном жарком мареве наступающего полудня, чтобы стать еще одной легендой Хасиры. Присоединиться к Халеду и Харуде, Слеподырому Билли или Омару Копьетрясу, вплавившемуся в собственную историю, как мушиный дракончик в кусок янтаря, вынесенного прибоем на берег...

— «Так мир в ничто проходит перед нами, из ниоткуда

облик свой явив». — На этот раз я не сумел сдержать памятные любому посетителю балагана слова из «Халедаты».

— «Сэхх а-суу та, эсс хаох э-суу таххэ», — словно перевела услышанное на неведомое мне наречие женщина драконьей крови. Наверное, на свой родной язык. Красиво и лаконично. Кстати, на кеннэ эта строка звучит так же кратко, а переводится еще короче: «Из ничего в ничто сверкнул зарница-мир».

— На редкость созвучно переводу на староэльфийский. — Опять я не смог не поделиться наблюдением. Что-то пробило меня на болтовню. Совсем размяк...

— Не просто созвучно. Это одни и те же слова, — легко, как само собой разумеющееся, бросила Исэсс в ответ на мою блажь.

— Как это? — Такое попросту не укладывалось в голове.

— Чередование длящихся и прерывистых звуков одинаково, только сами звуки разные. Сиххэ драконидов — то же самое, что кеннэ эльфов.

— Странно... — Вместить все мое изумление в одно слово было невозможно.

— Что в этом странного? — Похоже, для всезнающей провидицы не было ничего удивительного в факте тождественности языков двух столь разных рас. — Народам Отца дан язык Отца, как народам Матери — ее язык.

— Это чей тогда — Матери? — Я так и не понял, что она имела в виду. — Человеческий, что ли? Так на нем вообще треплются все, кому не лень.

— Нет, огрский и гномский. Вы, люди, разговариваете на языке своего грядущего бога, — терпеливо продолжила объяснения драконидка. — Просто ваше наречие удобнее для всех прочих рас. В пользовании им нет преимущества или уступки ни одному из породителей.

Яснее ничего не стало. Как же тогда мелкие зеленые гоблины? Их собственное наречие, «хоба'азух», вообще ни на что не смахивает. Ни на кеннэ-сиххэ, ни на огрское воркотание — о гномском судить не могу, так как вообще никогда его не слышал, как и любой другой житель Анарисса.

Что же получается, зеленявки тоже говорят на языке своих грядущих богов?

— Чем замечательны межрасовые браки и связи, — попытался я скрыть свою растерянность от вставшего за шуткой, — это тем, что многое узнаешь от женщин иной крови!

— Заметь, все мы у тебя иной крови, — остро заточенный, словно раздвоенный скальпель, язычок драконидки продолжал терзать меня.

— Да как-то уж так всегда выходит! — Мне осталось только пожать плечами с усмешкой. — Даже и не знаю, отчего бы...

— Ты боишься женщин своей расы, мой повелитель, — спокойно заметила Исэсс.

— Почему это еще? — не раздумывая, вскинулся я, хотя где-то глубоко внутри уже знал, что наложница, как всегда, права. Впрочем, ответ и на сей, невольно вырвавшийся и чисто риторический вопрос не заставил себя ждать:

— Тебе кажется, что все они могут быть только жалкими, как женщины твоего детства, или жадными, как женщины твоей юности.

На такое осталось лишь невразумительно крякнуть, проглатывая возражения. Как она меня, однако... И ведь еще не закончила, оказывается!

— Но это не так. Любая из нас может быть жалкой и жадной. — Достойная дочь Хисаха скромно потупилась, опустив прозрачные веки. — И вовсе не того следует бояться...

Подозреваю, что спроси я — она объяснила бы, чего на самом деле следует. Так же холодно и четко, в свободном запале чистейшей логики, примененной к столь неподходящему предмету. И возразить было бы нечего, пришлось бы принять к сведению и впредь страшиться пуще белого траурного шелка Последней Завесы и любви Лунной Богини. Но вместо этого я задал совсем другой вопрос:

— А чего боишься ты?

— Ничего. И никого, — с легкостью отозвалась драконидка. — В том числе и тебя, мой повелитель. Ведь я Исэсс — Говорящая с Судьбой!

И открыто улыбнулась тонкогубым змеиным ртом. Спрашивать, отчего бы это надо бояться именно меня, такого свойского парня, было уже совсем бессмысленно. Особенно после вчерашнего, о котором и знать никто не знает...

Похоже, в моей жизни нечувствительно объявился новый страх, даже ужас. Перед неумолимыми ответами хисахской наложницы.

Не знаю, чего мне захотелось — уязвить ее в ответ или просто показать, что не все так просто. Но только утаивать

знание о сути пророчества, которому драконидка отдала всю свою холодную страсть, больше не было резона.

— Уверена, что с самой Судьбой? Эльфы живут долго... А помнят еще дольше. И достаточно лживы, чтобы подменить Судьбу своими интересами, а пророчества — оперативными разработками. Бирюза будет править Хисахом, да? Бирюза — не только цвет твоей крови, но и приборный цвет Хтангского Священного Воинства, шедшего отобрать независимость вашей родины! А весь этот заговор и кризис, который привел к нему, выпестованы предыдущим послом за долгие столетия!!!

— Неважно. — Против ожидания, это откровение не потрясло Исэсс. — Судьба говорит со мной своими знаками. Что или кого она изберет, дабы объявить свою волю — все равно. И тем более все равно, что думает по этому поводу сам несущий ее послание.

Вот тут, признаюсь, мне сделалось по-настоящему страшновато. Оттого, что при таком раскладе я со своим нечаянным султанством и всем прочим участием в этой афере оказывался не более самостоятельным и самоценным, чем высокородный мертвяк с его замшелой местью. Руна в письменах Судьбы, песок с жерновов времени...

Бездумный исполнитель пророчества в глазах женщины драконьей крови, чью неистовую в своей жажде страсть разделял столь недавно. Не думаю, чтобы между нами могла случиться плотская близость, предшествуй сей разговор немому приглашению друг друга к постельному танцу...

И вряд ли она когда-нибудь случится между нами вновь.

Нас навсегда разделила отстраненность более высокого свойства, чем чуждость драконидского облика или непостижимость женской натуры. Может, устройство личности символотипа Плог-Оинт, основанное на холодном расчете Ветра и творящее безумной правотой Огня?

Не знаю...

— Главное не то, что Судьба течет сквозь тебя помимо твоей воли, — сочла нужным пояснить Исэсс, почуяв, что ее слова задели что-то в моей душе. — Главное — находить в этом радость!

Ничего нового о себе она мне этим не сказала.

Не понять, что разговор между нами завершен, как кончено и все иное, провидица пятой расы разумных не могла.

Тронуло ли ее это, нет — не мне судить. Быть может, принимая знаки Судьбы как должное, она и в происшедшем нашла для себя радость?!

Не мне судить.

Исэсс улыбнулась — чисто, открыто и совершенно безумно. Встала и пошла к выходу, пересекая полосы солнечного света из высоких окон, отводя рукой легкую, как дым, кисею занавесей. Свет, отраженный и рассеянный полупрозрачным мрамором, мягко обтягивал плавными бликами ее удаляющуюся гибкую фигуру.

Лишь на пороге женщина драконьей крови обернулась и бросила, как всегда, спокойно и легко:

— Прощай, мой повелитель!

Меня хватило лишь на то, чтобы кивнуть в ответ. Будто не навсегда расстаемся, а расходимся до утра, как старые супруги по разным спальням. Чтобы встретиться назавтра, как за день до того, и через день, и так день за днем до самой смерти в один и тот же час...

Но набат этих бесконечных дней, которые нам предстояло провести не вместе, не мог заглушить странного чувства освобождения. Словно отпустило то, что не давало покоя все это время, с первого взгляда в змеиные зрачки и до последнего — в чешуйчатую спину драконидки.

Прощай, Исэсс. Прощай, сказка жаркого полдня. Прощай, Хисах.

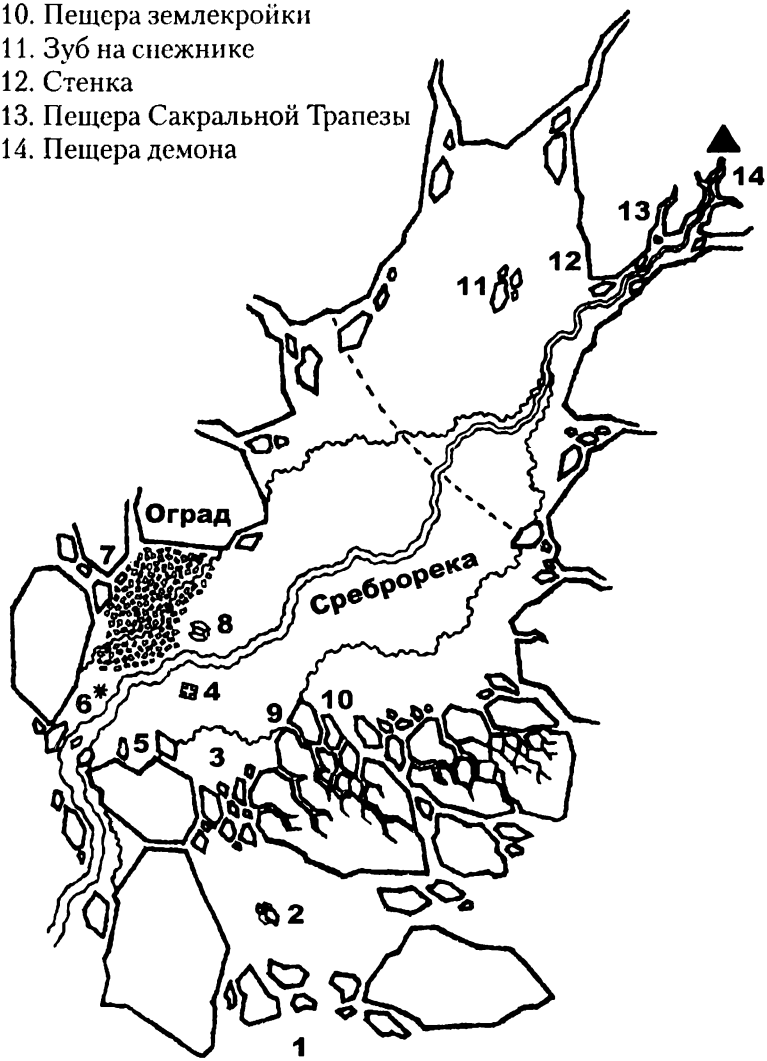
О многом теперь придется тосковать вдали, многое покинуть здесь, на грани Юга. Навсегда останутся в стране меж пустыней и морем Исэсс и Памела, моя политическая невинность и сексуальные мифы, победы и ошибки, удачи и неудачи. Да мало ли что еще — кофейно-золотое, вечно вечернее небо, мелодичный пересвист лизардманков на сводах храмов, полуденный сумрак морской сиесты...

И лишь об одном я буду жалеть безраздельно и свободно, без оттенка облегчения. Кофе по-хисахски готовят во многих местах.

Но кофе по-настоящему — только в Хисахе.

Пойнтер
в гору
не пойдет

1. Место высадки
2. Отель «У утопшего водолаза»
3. Место торжественной встречи
4. ОргТинг
5. Место пира
6. ОграДрево
7. Гостевая землянка
8. Сакральный Стадион
9. Пещера мемориала
10. Пещера землекройки
11. Зуб на снежнике
12. Стенка
13. Пещера Сакральной Трапезы
14. Пещера демона

С бала на корабль

...Спину ломит, голова болит,
То ли клещ засел энцефалит,
В голове болит последний зуб —
Мы болеем за один и тот же клуб...[1]

Секс у всех человекоподобных рас, населяющих Анарисс, принципиально схож. Игры, коими он предваряется, — тоже. Во всяком случае, карнавал с переодеванием встречается даже у мелких зеленых гоблинов, хотя им, кроме крысиных шкур и рогожи, и нарядиться-то чаще всего не во что. Но и те в Приснодень нацепляют на себя все, что под руку попадется, не пренебрегая фирменными пакетами из универлавок и консервными банками. Особенно потрясают воображение колпаки на всех зеленявках без изъятия — раз в году каждый сам себе тим-лидер!

Понятное дело, ежегодный маскарад по тому же поводу в главном зале Магистрата, на который загнала меня нынче Судьба, выглядит куда приличнее. Никаких тебе пакетов и банок — сплошь дорогие ткани да натуральные драгоценности, меха и перья, пух и прах до предела и далее. Причем показное богатство с реальным находится в обратной пропорции — пуще всего разодеты гильдейские купцы и купчихи. Так и толпятся всюду, мишурой обвешаны, словно ходячее Приснодрево. Хоть сейчас поджигай, не дожидаясь полуночи.

Где-то посередке парада самомнений расположились цеховые маги и прочие представители свободных профессий.

[1] Здесь и далее: *Васильев А.* Гандбол.

Этим коммерческая жилка велит делать из себя витрину собственного успеха, однако требовательность потенциального заказчика к хорошему вкусу сих ремесленников высшего разряда несколько сдерживает их страсть к показухе. К тому же магички чаще всего косят под городских эльфей, а те все до единой в штанах, так что особо не развернешься. Да и вообще таких уже поменьше будет — денежный успех в этой прослойке редок, пусть порой и повыше купеческого.

За ними магистратские с судейскими, совсем почти пристойные, если не считать обязательных цепей с перстнями. Отчего-то чиновников глаз выхватывает в любой толпе — даже маскарадный костюм они умудряются носить с видом одновременно солидным и скучным, привычка к мантии фантазию ограничивает. Зато уж супруги их оттягиваются за всю семью, вровень с купчихами. Смешнее бывает только наоборот, если жена в Магистрате, а муженек у нее в фаворе...

Венчают опрокинутую пирамиду зримых признаков богатства эльфы обоего пола. Эти и вовсе могут ограничиться одним-двумя прибамбасами — стоимостью в полгорода. Или, напротив, позволить себе подчеркнуто дешевое изобилие, если оно подобает избранному костюму. Абсолютно достоверному, если не считать несоответствия природным сословию, расе, а зачастую и полу носителей. У них с этим просто, а меня до сих пор коробит...

В общем, снизу вверх консервативность и показное богатство падают, зато демонстративность и эпатаж только растут. Уж кто-кто, а я могу утверждать это с полной ответственностью — мое семейство, выведенное в свет ради праздника, служит тому лучшим примером. Пусть даже из всех нас лишь Хирра отнеслась к маскараду с подобающей серьезностью.

Сейчас на ней был костюм хисахской танцовщицы, состоящий из семи прозрачных шалей и трех фунтов вычурных серебряных украшений. Вдобавок сквозь все это отливала сине-бирюзовым фальшивая чешуя, наклеенная на бедра, плечи, лопатки и скулы. Линзы с вертикальными зрачками завершали образ невозможной в принципе полуэльфи-полудраконидки.

В этом причудливом образе старшей жене не удалось только одно — весь вчерашний день моя высокородная убила на заклятие, которое раздвоит ей язык и позволит удивить всех

двухголосой речью. Но выходило либо одно, либо другое. С раздвоенным языком она вообще была не в состоянии членораздельно управиться. В конце концов темная эльфь в буквальном смысле плюнула на магию и нацепила на клыки коронки-реверберато́ры.

Келла поступила проще, заявившись в полном облачении атаманши «Гекопардовых Орхидей», с мордашкой, расписанной разноцветными полосами в тонах банды. Присутствующие сливки общества нашли этот облик очень милым и оригинальным... за исключением генерального прокурора и маршала штурмполиции. Они не хуже меня знали, что сей костюм полностью соответствует реальному статусу.

Тут уж ничего не поделаешь, и помочь беднягам я никак не мог, даже если бы хотел. Ибо успел отлично усвоить основное правило при обращении с младшей женой: если вы не обеспечите ей интересную жизнь, она обеспечит ее вам. И не факт, что второй вариант перенесет без потерь кто-либо, кроме нее самой.

Что до меня, то я вообще не заморачивался, пришел, в чем обычно хожу — подобранных в комплект по принципу максимального удобства и качества элементах армейской формы. Для здешних обитателей это было в диковинку и вполне сходило за маскарадный костюм. Да и сам я, Собачий Глаз Пойнтер, Ночной Властитель человеческой крови, если задуматься, персонаж довольно-таки карнавальный. Так что нечего париться...

Тем более что знакомых, чье мнение по данному поводу можно было бы принять близко к сердцу, ни у одного из нас попросту нет. У Хирры — вследствие ее биографии, отмеченной кровожадным диагнозом Волчьей Жажды и вытекающей из оного карьерой в Охотничьем Клубе, игравшем с Судьбой на жизни тех, кому доведется стать Добычей.

Опять же пропасть между древнейшей кровью, последней представительницей которой осталась Келла, и всеми остальными эльфами отнюдь не сократилась за три с лишним тысячилет после разделения на Дневных и Ночных и последовавшей за тем Войны Сил. Что тоже не располагает к широкому кругу общения.

А я до недавнего времени ни к одному из присутствующих даже на кухню зван не был — кадаврострюардов налажи-

вать в соответствии с основной армейской и единственной мирной специальностью. Отчего, понятно, связями в высшем обществе тоже не обзавелся.

Даже найдись какой-нибудь знакомец у одного из нас троих, нет никакого шанса, что кандидатура эта окажется известна остальным. Нет таких, и быть не может по определению. Разве что Арбитры, верные блюстители интересов каждого акционера Концерна Тринадцати. Как-никак, к числу последних, как представители Высоких Родов, принадлежит вся наша троица. Да и прочих поводов свести знакомство с эльфийскими законниками за последнее время сыскалось немало.

Так что, увидев деловито раскланивающиеся мужские фигуры в строгих серых тройках, я ничуть не удивился. Они да я сам — единственные опоры постоянства и естественности в этой бредовой мешанине, где соседствуют костюмы всех народов и эпох. Оттого и ответил на приветствие едва ли не с радостью. Приятно видеть хоть что-то незыблемое, даже если это хищность записных сутяг.

Похоже, у пары эльфов я вызвал в чем-то близкие чувства — тем тоже было спокойнее видеть Собачьего Глаза Пойнтера в обычном качестве. Во всяком случае, если судить по вопросу, прозвучавшему после обмена приветствиями.

— Вижу, не изменяете привычному стилю даже в Приснодень? — поинтересовался кто-то из них. Кто именно, я так и не понял. Обратился ко мне один, но голос и интонации явно принадлежали другому.

Впрочем, уверенно расслышать что бы то ни было в окружающем гаме и гвалте было непросто. Поэтому я только ухмыльнулся понимающе и пожал плечами, обращаясь сразу к обоим.

— Со мной-то все ясно, — решил я поддеть их по-свойски. — А вы почему не в масках? Должность не позволяет?

Арбитры довольно ехидно переглянулись и совершенно несерьезно хихикнули.

— Это я Светлый, — поясняя, отвесил полупоклон серокожий и черноволосый.

— А я Темный! — развел руками бледный и золотогривый.

Ну дают парни! Краска или заклятья, но поработали оба здорово. Если учесть, что их и в норме-то можно различить только по цвету, в юморе Арбитрам не откажешь.

— И верно, как же еще... Оттягиваться тоже нужно, — вздохнул я, с немалым трудом признавая всесилие Приснодня и свое одиночество в попытках сохранить естественность. — Хоть раз в году от всего отдохнуть!

— Не могу согласиться, — покачал головой тот из них, кого День Последней Перемены превратил в долгоживущего собрата Побежденных Богов. — Интересы Концерна первичны...

— И мы должны неотступно блюсти их, без перерыва на отдых и праздники! — подхватил второй, примеривший на себя личину победителя Войны Сил. — Собственно, вас мы тоже обеспокоили по делу.

Ага. А я-то губы раскатал, расслабился, думая, что эта парочка летучих акул правосудия может появиться на горизонте без веской причины, к тому же сулящей одни неприятности. Во всяком случае, весь мой опыт взаимодействия с законом только о неприятностях и говорил — от первых подростковых приводов в участок через навеки памятную армейскую повестку до всех визитов этих же самых Арбитров в замок Стийорр...

Теперь вот на выходе подловили, в самый Приснодень. Воистину, «закон без отдыха не спит, над смертным неотлучно бдит», как поется в марше Штурмполиции. Где они поймают меня в следующий раз? В нужнике? В купальне? В супружеской постели?!

Ладно, о следующем разе задумываться рановато, с этим бы разобраться. Для чего следует хотя бы выслушать казенных сутяг. Желательно поподробнее, чтобы не упустить какую-либо лазейку из ловушки, расставленной на меня Судьбой с их помощью.

— Дело это касается одной молодой особы, — не стал тянуть копченый каучук изначально Светлый, а сегодня Темный Арбитр. Светло-Темный, стало быть. То есть наоборот, Темно-Светлый — по законам символометрии внешний уровень обозначается в начале. Иллюзия прежде истины себя оказывает, и иначе не бывает никогда, хоть и родится истина прежде ее искажений...

Изрядно замаскированная истина в облике иной, ничуть не менее реальной — теперь я еще лучше оценил шутку Арбитров с обменом цветами — учтиво отступила, давая дорогу какой-то исключительно расфуфыренной иллюзии. Женско-

го пола и высокого эльфийского рода, если судить по едва ли не семифутовому росту. Ни то, ни другое был не в состоянии скрыть наряд иэрийской плясуньи Гильдии Огненного Петуха, состоящий в основном из оранжевых и алых перьев.

Насчет принадлежности этой Инорожденной Дню или Ночи теперь, после сногсшибательного фокуса ее покровителей, я бы не рискнул загадывать. Хотя многочисленные участки обнаженного тела, выставленного напоказ весьма откровенным костюмом, были по-светлоэльфийски кремовыми, без оттенка иного тона. Да и круто вьющаяся копна волос отдавала не засмным золотом «ведьминого чая», а природной подлинностью того же металла.

Данный набор сразу же неприятно напомнил о первой из смертных сестер Дня, с которой мне довелось свести близкое знакомство. Даже чересчур близкое, на мой вкус — без него можно было бы и вовсе обойтись. Это я про Леах, чтоб ей совсем не вернуться из отлучки, невольно организованной мной самим...

А когда эльфь, некстати вызвавшая в памяти Инорожденную стерву, сняла полагающуюся к костюму маску из тех же перьев, сомнений в ее принадлежности Цвету и вовсе не осталось. Какая, к демонам гоблинячьим, Ночь?! Истинный День в блеске его, каковой как никто умела явить собой недоброй памяти высокородная ау Риер!

Именно она это и оказалась. Собственной персоной. Точь-в-точь такая, какой пожаловала в первый раз на порог нашего с Хиррой замка. Без единого изъяна, причиненного нашей совместной инспекцией в Мекан, из которой ей не довелось тогда вернуться.

А сейчас, значит, довелось?!

Вот тебе, гоблин, и Приснодень! Пять дюжин лет в виде дерева, заклятого одним из Первосуществ... Так быстро пролетели, что ли? Непохоже — не настолько давно я в эльфы заделался, чтобы счет годам потерять. Хотя и такое бывает, говорят. Как тысячу перевалишь, так в этой прорве полвека теряется бесследно.

Или на болотном острове непорядок какой? С Великим Всем что-то не так?! Это ж, почитай, Мировая Погибель подступила незаметно!!!

Ничем иным не получалось объяснить появление Лесной раньше положенного срока отсидки... то есть отстоя под ко-

рой в меканских джунглях. Впрочем, даже миновавшего времени биомагического заключения, похоже, хватило, чтобы изрядно поменять натуру зловредной эльфи. Общую легкомысленность облика совершенно не в тяжеловесном стиле высокородной еще можно списать на карнавал, но вот взгляд...

Мечтательности, непосредственности и мягкости в нем, как я понимаю, от роду не водилось. А сейчас глаза светлоэльфийской дивы сияли, как два новеньких ртутных статира. Или нет, как хисахские «морские» динары из голубого золота...

Стоп. У Леах же глаза серые были, если не ошибаюсь? Хоть и недосуг мне с ней было в гляделки играть... Нет, точно, у той сталью отдавали, у этой же — талой водицей горных снегов. И не линзы, блеск живой — уж я-то не спутаю. Тогда как же... то есть что же... то есть *кто* же это?

— Позвольте представить вам янгледи Алир ау Риер ау Рийосурр, уарени Инерс, — оттарабанив сперва наши с женами титулы, как всегда, к месту развеял недоумение Темный, то есть на самом деле Светлый Арбитр.

Значит, Алир, а не Леах. Сестрица, что ли? Близняшка, видно, если с ходу не отличишь даже в маскарадном костюме. Вот только почему «янгледи»? Она же сотни на полторы лет старше Хирры, если с сестрой единоутробная...

— Младшая полусестра небезызвестной вам уари Инерс, находившаяся под опекой той до замужества, — прибавил свою весьма не лишнюю часть разъяснений ныне Светлый, а по сути Темный Арбитр.

Что такое «полусестра» и насколько младшая, разберемся позже. Главное, степень родства угадана верно. А детское титулование взрослой по всем признакам Инорожденной получило вполне понятное объяснение. Хотя в свое время я был изрядно удивлен дремучестью законодательных норм совершенно отвязанных во всем прочем первых детей Отца.

Как оказалось, эльфийская дива довольно ограничена в возможных статусах. Она может жить девицей в родительском доме, быть замужней, разведенной или вдовствующей. А также пребывать под опекой до замужества или совершеннолетия с последующим выбором одного из статусов, включая вдовство. Последнее осуществляется выдачей замуж за

умершего по договоренности с его родом. Некоторые обедневшие семьи недурно зарабатывают на приданом-отступном «рисовых вдов».

Старшая ау Риер, помнится, избрала как раз последний вариант. А младшая вот, даже оставив совершеннолетие далеко позади, предпочитает отсиживаться под опекой. Под чьей только, в отсутствие более самостоятельной сестрицы?

Дождавшись завершения представления, более инфантильная представительница рода ау Риер сделала глубокий книксен — на редкость умильно, слегка стеснительно и чуть-чуть неуклюже. Ничего общего с упругими, четкими движениями сестры. И повадками тела разница между ближайшими родственницами не исчерпывалась — те же черты лица наполняла совершенно другая мимика. У Леах брови вразлет то и дело грозно опускались к переносице, а у этой... Алир норовили подняться трогательным домиком.

Да и вообще младшая ау Риер производила впечатление милой беспомощности. Насколько вообще может казаться беспомощным создание шести футов восьми дюймов роста и весьма нехилого телосложения. Вся она была какая-то плюшевая, словно огромная мягкая игрушка, впрочем, не в ущерб женственности.

Окончательно признав, что это не злодейка, вернувшаяся чуть ли не из-за Последней Завесы, а всего лишь ее копия, вполне безобидная на вид, я перевел дух. Нет, это не Лесная. Так, Опушечная...

Но оказалось, что успокаиваться рано. Проскользнувший стороной вопрос о нынешнем опекуне великовозрастной янгледи встал во весь свой рост. Точнее, был безжалостно поставлен Арбитрами, чьи цвета окончательно смешались в какое-то серое пятно. Или это уже на меня сумеречное состояние нашло от всех перипетий?!

Так или иначе, именно один из высших чиновников Концерна Тринадцати объявил официальный повод к знакомству с очередной представительницей и так уже досадившего мне светлоэльфийского рода:

— По истечении года странствий высокородная Леах ау Риер, — тут он впал в перечисление титулов отсутствующей стервы, — признается не исполняющей обязанности опекуна и нуждается в замене в сем качестве.

Что ж, вполне справедливо, хоть и «странствует» горе-опекунша на редкость малоподвижно. Но знать это положено не всем. Особенно судейским и кровным родственничкам!

— Совет Концерна должен назначить нового опекуна, — который это из Арбитров, и не поймешь. — В соответствии с выбором опекаемой.

Не завидую тому, кому достанется такой подарочек на Приснодень. Хоть на первый взгляд сестры и несопоставимы по вредоносности, еще неизвестно, какие демоны водятся в этой тихой заводи.

Задумавшись о судьбе счастливчика, обреченного отныне возиться со здоровущей безответственной девицей, я чуть не пропустил следующую и главную фразу этого монолога:

— Высокородная Алир ау Риер предпочла избрать своим опекуном вас!

Даже в шуме толпы это прозвучало погребальным гонгом.

Оригинальность выбора светлоэльфийской дивы шибанула меня не хуже, чем снаряд из катапульты промеж ушей. Досочувствовался — как выяснилось, самому себе! Теперь, что же, придется вплотную распробовать всю прелесть этой... Опушечной? И главное, в толк не возьму, с чего такая честь!

Или это изощренная месть за сестрицу, которую не без моего участия пристроили отдыхать в виде дерева на пять дюжин лет? Не так уж безобидна плюшевая эльфь, если до такого додумалась...

— Почему... — и не подозревал, что вопрос этот вслух выдаю, пока сам не расслышал. Тот еще хрип удавленный получился, любой висельник позавидует. А жены за спиной и на то способны не оказались — молчали, как пескорыбы на сковородке. Во всяком случае, с их стороны ничего не доносилось, а оглянуться в такой ситуации у меня не хватило решимости. Боялся, что если обернусь — побегу.

У самой потенциальной подопечной, напротив, никакой помехи разговору не наблюдалось. Поскольку ответ на невольно вырвавшийся вопрос выдала именно она, причем на редкость быстро и беззаботно:

— Ты справился, где сестра не смогла. Значит, ты лучше, — и хлопнула ресницами, так доверчиво-доверчиво.

— Что ж ты, никого больше не знаешь? — из последних сил попробовал я вяло воспротивиться.

— Наоборот, — кокетливо улыбнулась Опушечная. — Я всех знаю. Кроме тебя. Потому и выбрала.

Переваривая этот изрядный комплимент то ли себе, то ли — в обратном смысле — всем Инорожденным, я окончательно замолк, поэтому вступление в разговор старшей жены воспринял как долгожданную помощь.

— Может ли дом Стийорр ответить отказом?

Ох, спасибо. Самому бы с этого начать...

— Разумеется! — с готовностью отозвался Темно-Светлый Арбитр. — Это ваше право!

— О да! Это послужит поводом к самому перспективному судебному процессу со времен отторжения заанарских вотчин! — с явственно деланным энтузиазмом раскрыл причину восторга коллеги Светло-Темный. — С ресурсом расследования минимум лет в семьсот!

Солидарность по Цвету оказалась в нем сильнее профессионального рвения. Или наоборот, жажда пристроить к нам в дом беспризорную девицу важнее, чем повод вовсю проявить свои сутяжьи способности.

Так или иначе, перспективы отказа мое семейство теперь осознавало яснее ясного. В отличие от перспектив согласия...

— В таком случае не вижу причин препятствовать, — заботливо информировала Хирра всех, а в первую очередь — мужа и Властителя.

Еще раз спасибо. Знать, как реагирует на это она, мне сейчас позарез необходимо. А Келла что думает по этому поводу?

— Я тоже не против, — лениво протянула моя древнейшая. — Раз такое дело...

Чего в словах предводительницы банды «Гекопардовых Орхидей» было больше — истинного безразличия или скрытой угрозы, — лично я определить не брался. Но ее бойцовые оторвы с улиц славного города Анарисса, несомненно, сделали бы верный вывод. У них к такому тону привычки всяко больше, чем у законного мужа...

Разумеется, инфантильная до предела светлоэльфийская дива подобным опытом обладать не могла. Поэтому, приняв слова младшей жены за чистую монету, Алир кинулась ей на шею с объятиями и поцелуями. Затем попыталась проделать то же самое и со старшей, но смущенно затормозила на пол-

дороге. Закоренелая вражда между Днем и Ночью ее остановила, что ли?

Не удержавшись, я все-таки обернулся — бежать так и так уже некуда. Все, как всегда, за меня решили.

Вопреки ожиданиям, выражение ошарашенного недовольства оказалось как раз на лице у Келлы, поправляющей смазанный грим. Хирра, напротив, имела вид скорее растроганный, с оттенком сочувствия. Причем не ко мне, что уже примечательно...

Ограничившись застенчивым реверансом перед извечной противницей Дня, светлая эльфь обернулась ко мне.

— А ты что скажешь? — поинтересовалась она, умильно склонив голову и отставив ножку. Конечно, я же остался единственным, кто не огласил своего решения. Хотя именно мое слово — главное.

Слово это мне уже заботливо нашептывали в оба уха Арбитры. Уяснив формулировку, я кивнул им, поочередно полуобернувшись, и отступил назад, чтобы видеть всю братию. И лишь после этого выдал с полным осознанием того, на что себя обрекаю:

— Клянусь принять и содержать Алир ау Риер ау Сниотта, уарени Инерс, как деву рода и крови Стийорров, до тех пор, пока кто-либо не заявит и не подтвердит права на нее Высокой или Низкой клятвой! Клянусь в этом до конца ее или моей жизни... С завтрашнего полудня!

Не знаю, чем я руководствовался, выторговывая эту отсрочку, и допустимо ли вообще было изменять текст соклятия подобным образом. Однако Арбитры синхронно кивнули, подтверждая услышанное. Отныне мои слова стали законом, определяющим жизнь нашей семьи невесть на сколько сотен лет вперед.

Жены и новообретенная подопечная тоже вели себя, как будто все в порядке вещей. Хирра, как у нее водится, еще и улыбнулась одобряюще. Правда, при иллюзии раздвоенного языка и фальшивых клыках смотрелось это... как-то противоположно. Не знай я обычной версии этой ее улыбки — испугался бы.

Сейчас же страшиться надо было исключительно без малого семи футов светлоэльфийского девичьего восторга, с ликующим взвизгом прыгающего мне на руки. Особенно если

с координацией движений у источника этого ликования дела обстоят весьма так себе. Не рассчитав прыжка, здоровенная эльфь без труда сбила меня с ног. Так мы и рухнули на пол — я снизу, а Опушечная, обвившая руками мою шею, сверху. В полете она успела пару раз быстренько чмокнуть меня, перемазав оставшимся на губах разноцветным гримом Келлы, но мне очень быстро сделалось не до того.

Жены поспешили на помощь, разгребая получившуюся всего из двоих изрядную кучу-малу. Арбитры же сочли момент наиболее подходящим для того, чтобы ретироваться. Понять их было несложно — я и сам с удовольствием оказался бы подальше отсюда. Семейство у нас и без того странноватое, а если еще добавить к его странностям необоримую ласкучесть новенькой — никому мало не покажется.

Наконец объединенными усилиями жены отрыли меня под заносами разноцветных перьев и золотых локонов подопечной. Сама она, весом далеко не перышко, поднялась на ноги без особого труда, что заставило заподозрить некоторую наигранность неловких движений. Хотя похоже, что Опушечная и сама не осознает, когда действительно не в силах управиться с собой, а когда пользуется тем же для достижения желаемого.

Что ж, зато с немалой долей уверенности проясняется ее символип — Пинт-Оэт, «Нунчаки», с сильной Водой в рабочей функции. Бывают, конечно, и исключения, но чаще всего у близнецов либо одна и та же базовая функция при разных рабочих, либо наоборот, либо так вот — полное дополнение. А если символип один и тот же, тогда пол разный...

Не худший вариант. Во всяком случае, к явным злодеяниям не расположенный, разве что к тайнам да интригам. Но это еще ничего, интриги у всех эльфов дело обычное. В данном случае следует ожидать лишь изощренной нелепости и нездорового гигантизма таковых. Главное теперь — не упускать из виду их потенциальный источник.

Впрочем, такое из виду не упустишь, даже если очень постараешься. После падения подопечная тут же принялась охорашиваться, самозабвенно возясь со своим нарядом. На провокационное предложение младшей жены выпить за знакомство она и внимания толком не обратила — мотнула головой с виноватой улыбкой и опять ушла в себя. В результате встрях-

нувшаяся, как кошка, Келла поспешила куда-то смыться в одиночку. Рядом осталась одна моя высокородная, заботливо помогая мне подняться после легкой контузии светлой эльфью.

Оно и к лучшему. Мне срочно требовалось обсудить с кем-то свои действия, как уже совершенные, так и только предстоящие. Хирра тут лучше всех подойдет, а заодно решим с ней, как дальше быть.

Как водится, старшая жена пришла мне на помощь, сама начав разговор.

— Хорошо, что ты отложил до завтра вступление клятвы в силу, — так и есть, ее одобрение по данному поводу мне не почудилось. — Успеем покои подготовить.

— Где мы поселим-то эту... Опушечную? — Услышанное сразу настроило на деловой лад.

— В утреннем секторе, — сразу же решила моя высокородная, чуть улыбнувшись меткости прозвища. — Где-нибудь между восемью и одиннадцатью часами.

Пусть так. Мы с Хиррой делим закатный сектор, Келла, когда не с нами, обживает полуденный. Полуночный после смерти отца моей высокородной заброшен. А утренний лично мне памятен только баром, где мы с темноэльфийским кузеном и оравой мелких зеленых гоблинов незаметно усидели целый бочонок драгоценного полутвердого муската полуторатысячелетней выдержки. Как после этого Хирра не утопила меня в бочке чего-нибудь подешевле, до сих пор не пойму.

Ну, хотя бы подобного урона от новой обитательницы ждать не следует. Насколько я уразумел, бары младшую ау Риер не привлекают. Знать бы еще, в чем состоит ее настоящий интерес...

Вполне возможно, что вредить нам она не намерена ни сном, ни духом. Но лучше уж лишку остеречься, чем после жалеть... Пару лет, почитай, как от собачьего взгляда избавился, а до сих пор редко кому решаюсь в глаза смотреть. Распознай я сразу, что это не Лесная явилась из небыли спросить за свою судьбу, был бы сейчас куда спокойней.

Хорошо, что, заметив за собой такие вещи, исправлять их никогда не поздно. Прямо сейчас могу, начиная как раз со старшей жены. Тем более что хотелось хоть как-то выпустить наружу благодарность ей за поддержку, чтобы не утонуть в ней вовсе — и так едва из ушей не хлещет.

Не в силах противиться порыву, я поднял руку к лицу моей высокородной, уже не стесняясь никого в шумном, занятом собой зале. Погладил крутой, по хисахской моде, завиток волос на виске, нежно провел кончиками пальцев по скуле, украшенной фальшивыми чешуйками. Сглаживая нашу разницу в росте, темная эльфь заботливо склонила голову, подставляя под ласку ухо.

Да, редко выпадает в повседневной жизни шанс вдоволь насмотреться друг на друга. Все время не до того, и лишь потрясение, опасность, реальная или надуманная, как сейчас (надеюсь!), заставляет приглядеться друг к другу, как в первый раз. Или в последний...

Во всяком случае, сейчас, как оказалось, мой внимательный взгляд на жену был необходим в первую очередь ей самой, чтобы исправить мелкую несообразность в безукоризненном по достоверности маскарадном костюме. Что забавно, касалось это как раз ее глаз, яркими самоцветами линз превращенных ныне в подобие змеиных, драконидских.

— У тебя зрачок покосился, — улыбнувшись, я сказал это совершенно беззаботно, походя. Вот только кажущейся легкостью этой фразы не обманешь ни себя, ни ее. Таким тоном обычно говорят совсем другие слова. И слов этих не четыре, а всего три...

— Ой, спасибо! — Хирра, поняв все сказанное и не сказанное, не стала поправлять линзу, а просто сморгнула. — Так?

Теперь оба ее зрачка были абсолютно правильными вертикальными щелями, как у кошки или настоящей драконидки. А затем, без всякого усилия извне, начали расширяться, пока не стали абсолютно круглыми, словно у той же кошки в полночь. Сжались снова — теперь в горизонтальные щели, и наконец, в четырехлучевые звездочки, медленно завертевшиеся в темной радужке под цветной линзой. Я зачарованно глядел в глаза своей жены, с которой прожил уже без малого пару лет и о способностях которой, как оказалось, не знал еще многого и многого...

— Ты правда не замечал? — улыбнулась эльфь, наблюдая за моей физиономией.

— Ага, — замотал я головой и невпопад добавил: — Особенно звездочки...

— Это еще что, — вздохнула моя высокородная, как показалось, даже с некоторой завистью. — У Келлы они восьмиконечные. Когда она на тебя украдкой смотрит...

Ну да, эльфы же, как и дракониды, — дети Отца, да еще старшие, должны были перенять родительскую черту. Как я не догадался! Чуть кулаком в лоб себе не засветил с досады. Но еще пуще было обидно за собственную лень и отсутствие любопытства к жизни жен. Хорош...

Однако сама Судьба не позволила мне утонуть в собственном раскаянии. Завершая наш нелепый разговор, за окнами вспыхнули Приснодревеса — все разом, в единый миг во всем городе, по команде бесплатно раздаваемых амулетов. В зрачках жены, оказавшихся столь загадочными, заплясали тысячи бешеных огней, надежно скрывая ее истинные чувства.

— Что же вы стоите?! — ухватила нас обоих за руки подбежавшая Келла. — Не обойдете Приснодрево кругом, пока оно горит — в зачерствелом году останетесь! Как маленькие прямо...

Противопоставить извечной правоте этих слов было нечего, а противостоять напору моей древнейшей — и вовсе невозможно. Отиравшуюся невдалеке подопечную тем более не пришлось тащить в хоровод силой — сама тут же прицепилась к семейной веренице, будто только того и ждала. Так же, как и ко всей нашей жизни пристала ни с того, ни с сего...

Впрочем, на эти брюзгливые мысли уже не осталось ни времени, ни желания. И заметить не успел, как выскочили наружу, только горячий воздух ударил в лицо, а уши заполнил треск сгорающей мишуры. Все лишнее вылетело из головы в один миг, когда древний обычай захватил нас и повел посолонь вокруг полыхающего дерева. Раз, другой, третий!!! Затем вокруг другого пышущего жаром ствола, уже с кем-то еще, а после и в общей цепочке — змейкой между стоячими кострами, с каждым шагом все надежнее переходя из вчера в сегодня, из прошлого в настоящее. Тысячи огненных столбов плотным частоколом отделили закончившийся год от наступившего, пуская былое на ветер роем искр...

Наутро от прошедшего года и памяти не осталось. Тем более наступило это утро едва ли не в районе полудня, когда мы с женами соизволили продрать глаза. Хорошо, что на пер-

вый день праздничной недели в принципе не может быть запланировано никаких дел...

Демоны дурных совпадений!!! А новая-то обуза — Опушечная, Дневная эльфь, угодившая под опеку нашего безусловно Ночного семейства! Ведь с минуты на минуту на замок сверзится!

Быстрый взгляд на заклятые фигурки златокузнецов, искусно кующих секунду за секундой в углу нашей спальни, подтвердил худшие опасения. На выходящем из-под их молотов кольце циферблата явственно обозначилась половина двенадцатого.

Растолкать жен удалось быстро — достаточно было шепнуть на ухо каждой: «Янгледи ау Риер прибывает!!!» Из постели наша троица сыпанулась, как салажата по первой побудке, едва ли не на четвереньках разбегаясь по ванным. Одевались тоже на ходу, перебрасываясь через всю спальню найденными предметами одежды, подходящей друг другу. Вид Хирры, прыгающей на одной ноге в попытке быстро натянуть сверкающие лаковой кожей узкие штаны, вряд ли когда-нибудь изгладится из моей памяти.

Все же успели. И доклад Фроххарта, торжественно явившегося объявить о визите, встретили в полной боевой готовности и достаточном разумении. А то так бы и не узнали, что, против обыкновения, гости решили пожаловать не к причалу донжона на воздушном корабле, а понизу, к парадным воротам.

Еще бы! Если, по крайней мере, одна из явившихся намерена остаться здесь надолго, стало быть, прибыла не налегке, с вещами и запасами, а их у высокородной сонаследницы одного из Тринадцати правящих домов — не всякий воздушный корабль поднимет. Да и принимать драгоценный скарб Инорожденной Дня с главного входа сподручнее, чем через парадный зал, по лестницам донжона тащить. Пусть даже вниз, а не вверх...

Мы всем семейством, втроем, встали в ряд в воротах — дворецкий, открывший их, куда-то предусмотрительно делся. Я в середине, жены по краям. Редкой цепочкой, не способной противостоять мощи назревающего вторжения. Да и то в этой преграде я оставался самым слабым звеном — обеим эльфочкам впору было прихватить меня за руки, чтоб не сбежал под напором надвигающейся громады.

По ту сторону подъемного моста тоже выстроилась троица, только там мужчин было двое, а женщина лишь одна. А позади Арбитров и той, кому предстояло сделаться моей подопечной, чуть ли не к горизонту уходила вереница возов, платформ и фур, возглавляемая парой повозок ядовито-зеленого цвета с ярко-оранжевой надписью: «Стабби, Стэди и Сыновья. Доставка вовремя». Внутри кузовов негромко гомонили гоблины-грузчики — меньшим количеством зеленявок, чем два стандартных контейнера по длинной тонне, солидная фирма по перевозке обойтись не надеялась.

Насчет горизонта я, конечно, преувеличил. Но до ближнего поворота дороги тяжело груженый караван доходил определенно.

Первыми нарушив общую недвижность, Арбитры синхронно сделали шаг вперед, на мост. В тот же миг мои жены шагнули им навстречу — шаги четверых по настилу слились в странную дробь, словно провожающую меня на казнь. Ровно посередине моста, не дойдя друг до друга нескольких шагов, они встали — моя высокородная напротив Светлого, моя древнейшая лицом к лицу с Темным.

— Дом Стийорр готов исполнить свое слово? — задал ритуальный вопрос кто-то из эльфийских сутяг. Расстояние не давало понять, который именно. Но в том, что ответила ему именно Хирра, сомневаться не приходилось.

— Дом Стийорр верен себе и Ночи! — Ее волосы заплескались по ветру, взметнувшись от резкого рывка надменно запрокинутой головы.

Так же не поймешь кем заданный, как и первый, с середины моста прилетел следующий вопрос:

— Дом Ирийорр готов засвидетельствовать свершаемое? — Формулировка отличалась, признавая иные права за наследницей, введенной в права совершеннолетия замужеством.

— Дом Ирийорр верен себе, Повелителю Небес и Хозяйке Недр! — звонко и не менее гордо ответила Келла.

Может, мне показалось, но имена Отца и Матери в ее исполнении заставили отшатнуться на полшага верных сыновей Дня и Ночи, признающих себя Инорожденными в источниках своей силы. Даже моя темноэльфийская дива качнулась не то в испуге, не то в тоскливо-сладкой истоме, потеряв

равновесие на долю секунды. Хотя уж она-то должна бы притерпеться в быту к неискаженной силе древнейшей крови...

Наваждение прошло так же внезапно, как нахлынуло, словно легкий утренний ветерок, закрутивший медовые прядки последней из рода Ирийорр, унес все отголоски древних раздоров и непростительных ошибок. Так же одновременно, как прежде, все четверо на мосту развернулись спиной к перилам. Лица обеих жен обратились ко мне, физиономии Арбитров — к сопровождаемой ими высокородной янгледи. Это движение несло зов, в прочтении которого нельзя было ошибиться, которому нельзя было противостоять...

Мы оба — я и подопечная — миг в миг шагнули навстречу друг другу.

Может, и были в моей жизни дороги длиннее. В том же Мекане полдюжины ярдов от окопа до окопа под тесайрскими файрболами и градом стрел из залповых катапульт кажутся вечным странствием. А иногда и оказываются началом дороги в вечность, наполненную воем неупокоенных душ.

Но чтобы несколько шагов от порога собственного замка по собственному подъемному мосту вгоняли в страх до такой же степени — этого я себе представить не мог. Не в демонскую даль, не в неизвестность — к исполнению формального, по сути, ритуала, договора, предзаключенного походя, в суете и бестолочи Приснодневного карнавала...

Нет, не пустая вещь — эльфийские клятвы. Если уж сейчас так пробрало, что же будет, если нарушу обещанное?! Лучше не проверять!

Текст клятвы, вводимой в действие, я оттарабанил, не особо вникая в нее и не отрывая глаз от мостового настила. Лишь договорив последние слова, я поднял взгляд на ту, кому они были предназначены.

Инорожденная Дня стояла потупившись, тихо, словно мышка. Похоже, ей происходящее тоже давалось не так уж легко. Да и одета по сравнению со вчерашним она была не в пример скромнее. Правда, в противовес моим женам, единодушно явившимся на ритуал в штанах, она сочла происходящее достойным платья. У эльфей сие считается признанием высшей степени серьезности момента.

На мгновение я испытал что-то вроде благодарности к светлоэльфийской диве... И тут же пожалел об этом. Ибо, сде-

лав шаг навстречу мне, на «нашу» сторону моста, достойная полусестра Леах запнулась о подол и со всего маху навернулась, дословно повторив итог нашего вчерашнего знакомства. То есть нечувствительно сбила меня с ног и с комфортом расположилась сверху. Ничего себе привычки образуются у подопечной!

Покуда жены уже с некоторой сноровкой разгребали нашу с ней кучу-малу, Арбитры сочли свою миссию окончательно исполненной, невозмутимо пробубнили фразы, приличествующие прощанию, и под шумок смылись в хвост процессии к предусмотрительно оставленному там экипажу.

Нам же четверым, включая дворецкого, предстояло заняться приемом и размещением барахла, привезенного новой обитательницей замка. Саму ее к этому делу совершенно явно подпускать не стоило. Во избежание...

Фуры втягивались во двор порциями по три-четыре — все разом не влезли бы, как ни старайся. Текущие от них зеленые ручьи гоблинов-носильщиков сливались в полноводную реку, катящуюся через парадный вход и далее, до указанного дворецким и женами места размещения новой обитательницы замка. Багаж подопечной в этом потоке плыл величаво, как осенние листья по настоящей реке, так же кружась и задевая любые препятствия.

Состав этого высокородного скарба совершенно неожиданно потряс меня до глубины души. Ну, четыре фуры с гардеробом — это я понимаю. Эльфийская дива все-таки, не мандрагора в горшке. На что Хирра равнодушна к нарядам, и то у нее гардеробная всего в два раза меньше зала городской ратуши.

Но семь возов плюшевых мишек... Не только мишек, конечно — тут были мягкие игрушки всех видов и обоего пола, включая тех, у кого как первую, так и вторую принадлежность определить было невозможно. От совсем крохотных, в ладонь, до самых огромных. На фоне некоторых даже сама обладательница сей коллекции терялась как по размеру, так и по плюшевости.

Раньше я думал, что хуже фонотеки Келлы ничего быть не может. Певчие крикуны, конечно, разлетаются, плюются и гадят на ковры, поют без остановки среди ночи, пока не пойманешь, и могут чувствительно укусить. Но они хотя бы не оказывают такого тяжкого коллективного воздействия — по сво-

ей сути крикуны индивидуалисты и не склонны к массированной атаке.

Мягкие игрушки же подавляли своим обилием. Несложные заклятия позволяли им сопеть, ворковать, похрапывать и мурлыкать, а также вяло шевелиться. Они были теплые, они благоухали и светились. Некоторые целиком.

Я нервно сглотнул, представив, как эта плюшевая орда расползается по коридорам замка, погребая под собой мрачное изящество залов и кабинетов. Надо будет проследить, чтобы Алир держала свои покои под надежным запором...

Оглянувшись, я не обнаружил подопечной во дворе. Оно и к лучшему, конечно — вид моей рожи, изрядно перекошенной изумлением, вряд ли мог послужить установлению между нами доверительных отношений. Однако настоятельное требование усмирить нашествие мягких игрушек приходилось отложить, а за его участниками следить с особой тщательностью.

Не откладывая слежку в долгий ящик с погребальными рунами на крышке, я свирепо вперился в фуры. Орава гоблинов как раз выгружала плюшевого дракона с пухлыми стегаными крыльями. Приблизительно в полуторном масштабе, если принять за образец настоящего, например, любимца Келлы.

Означенный дракот, легок на помине, усмотрел в плюшевом гиганте явного соперника и не замедлил ринуться в бой. Спикировав с надвратной башни, он впился в мягкую игрушку зубами и когтями. То, что конкурент чувствительно превосходил храбреца размером, в расчет не бралось.

Гоблины-носильщики порскнули в стороны. Вслед им полетели клочья набивки. Плюшево-драконий ком покатился по двору, сбивая кофры и баулы.

На шум от парадной лестницы вынеслась запропавшая было хозяйка игрушечного монстра. Я едва успел перехватить младшую ау Риер — и то лишь потому, что та была тренирована куда хуже, чем мои жены. Врожденной силы, соответствующей росту, у светлой эльфи хватило бы на меня с запасом. А к дракоту, когда он в таком запале, даже Келла без драконьей флейты близко не подходит. Где она, кстати? Да и Хирре не помешало бы появиться. Без нее я подопечную долго не удержу...

Жены выбежали на мгновенно поднявшийся шум и гвалт полудюжиной секунд позже. Дракот низко рычал и выл, как будто на дворе март, а не начало осени и свежего года, гоблины орали немузыкальными фальцетами, разбегаясь от фур волнами, а поверх всего этого взлетал истошный визг светлоэльфийской дивы.

Верно оценив ситуацию, моя высокородная кинулась мне на подмогу, а моя древнейшая отправилась усовестить своего домашнего любимца. Без особого, впрочем, успеха — уводя подопечную вглубь замка, подальше от печального зрелища кончины ее любимой игрушки, мы услышали взрыв ругани, сменившей трели драконьей флейты, и поистине кошачье шипение эльфи древнейшей крови. Исчерпав разумные аргументы, хозяйка принялась вразумлять дракота в более доступных ему выражениях.

Вскоре Келла присоединилась к нам, на ходу разбирая флейту и сердито стряхивая с плеч клочки плюша и набивки. К этому моменту светлоэльфийскую диву удалось кое-как заглушить и дотащить до диванчика в холле, вне прямой видимости входа, за которым продолжал вершить расправу победитель.

Впрочем, все наши усилия по умиротворению рыдающей Алир тут же пошли прахом. Ибо, покончив с противником, зверь драконьей крови гордо явился предъявить тушку побежденного своей хозяйке и прочим, разделяющим ее общество. Как нельзя вовремя!

Скрежеща когтями по полированному камню, дракот победно волочил от входа останки плюшевого конкурента. За ним следом по полу рассыпались целые горы набивки. Похоже, наполнитель был под заклятием, позволяющим затолкать внутрь плюшевого чудовища столько магопона, что хватило бы на небольшую пропасть. Самую дорогую мебель набивают именно так, почему бы тогда не быть и супермягкой игрушке? Легкие волокна плавали в воздухе, кружась в восходящих потоках...

Этого зрелища оказалось более чем достаточно, чтобы заставить притихшую было светлоэльфийскую диву вновь перейти от жалобного всхлипывания к полновесной истерике.

Раньше я думал; что фонтанчики слез на пару футов способны пускать только специально заклятые куклы в уличных

вертепах. Или клоуны, которым погонщик на сбрую, удерживающую на пятачке фальшивый нос, привешивает трубочки для воды, чтобы из водяных подушек на заду и в цилиндре от каждого пинка или удара по башке выплескивалась порция «слез».

Оказалось, живое существо, да еще эльфийской крови, способно на такое ничуть не хуже. Алир взвыла, зажмурилась, запрокинув голову, испустила очередную пару струек, шумно высморкалась в подставленный Хиррой платок и заревела в три ручья по новой. Я смутно надеялся, что запас печальной влаги у нее наконец-то закончится.

Ни хрена! Эльфь высокого рода продолжала щедро расходовать рабочую стихию. Конца-края не предвиделось импровизированному наводнению, невзирая на все утешения моей высокородной и через силу выдавленное извинение младшей жены. Вот что делает бегучая Вода в сильном аспекте симвотипа...

Единственным, кто нашел способ справиться с неостановимым потопом, оказался Фроххарт. Окинув поле позора и разгрома ястребиным взором, халфлинг отлучился, казалось, лишь на полминуты, но обратно вернулся уже с сервировочным столиком, в мгновение ока успев соорудить целую батарею внушительных бутербродов с колбасыром, оливками и салатом. Каждый — из длинного заанарского батона, разрезанного пополам.

Поначалу я с сомнением воспринял как уместность самой идеи, так и количество заготовленных припасов. Этим добром можно было закормить насмерть целое отделение таких, как я. Выпеченный по-тесайрски длинный и узкий белый хлеб короче полутора футов не бывает, а тут их целая дюжина...

Но глядя, как светлая эльфь, все еще всхлипывая, поглощает уже второй бутерброд трехдюймовыми кусками зараз, я изменил свое мнение. Приправами подопечная тоже не пренебрегала, вперемешку со слезами вовсю размазывая по заплаканной мордашке майонез, кетчуп и демонски жгучую алтийскую аджику. Последнюю, видимо — для остроты переживания.

Все же справиться в одиночку с полувзводной порцией вкуснятины оказался не в силах даже немеряный аппетит долгоживущей сестры Победивших Богов. Тут не на одну та-

кую хватит, так что переживать нечего. Я сглотнул голодную слюну и, готовясь тут же отступить при новом взрыве истерики, осторожненько поинтересовался:

— Можно?

Опешная в ответ только закивала горестно, что-то мыча набитым ртом.

— Разумеется, хай-сэр. Вы же в доме хозяин, — заботливо перевел дворецкий ее гостеприимную невнятицу.

С этим не поспоришь, даже оголодай я от этой возни и беспокойства чуток меньше. Вкусившись в бутерброд по самое не могу, я с удивлением краем глаза увидал Хирру, присоседившуюся к трапезе подопечной с другой стороны. Похоже, не одного меня на жратву пробило. Теперь только Келла осталась не охвачена всеобщим жором.

Исправляя это упущение, Алир поискала взглядом обидчицу, не особо стремившуюся попадаться ей на глаза. То есть владелицу истинного оскорбителя и надругателя светлоэльфийских див — дракота. Та обнаружилась невдалеке с видом озадаченным и сомневающимся, но уж никак не менее голодным. Широким взмахом, не переставая жевать, подопечная пригласила младшую жену к кормушке. Та поколебалась долю секунды, но дольше ждать себя не заставила.

Еще один бутерброд из чрезмерной для меня доли Инорожденная Дня, тяжело вздохнув, бросила отиравшемуся невдалеке дракоту. Виновник всех ее несчастий ухватил добычу посередке — даже для его пасти кусок оказался великоват — и, победно задрав хвост, потащил в угол. Перед тем как с урчанием приняться за уничтожение трофея, хищник драконьей крови точным движением «убил» его, прокусив «позвоночник» сразу за «черепом».

Ума не приложу, как он решает, с какой стороны у бутербродов, колбас и окороков голова? Но ведь выясняет как-то, словно стратегический светосброс, никогда не промахивающийся по своему собственному эпицентру. На моей памяти зверь, по крайней мере, ни разу не ошибся — после такой операции перечисленные виды добычи сопротивляться и бежать уже не пробовали. Великая загадка магии...

Не запить приоткрывшуюся тайну мироздания было попросту невозможно. Да и сухомяткой не проживешь, будь ты хоть трижды эльф. Хорошо, что предусмотрительный дворец-

кий позаботился и об этом. Хирра аристократично потягивала сухое белое вино, Келла — свое любимое полусладкое красное. Даже Алир захлебывалась уже не слезами, а каким-то вовсю расплескиваемым морсиком. Интересно, что он для меня приготовил?

Вместо ответа на ищущий взгляд заботливый халфлинг извлек с нижней полки столика кувшин со светлым пивом. Именно то, чего мне сейчас не хватало!

На все семейство снизошло нежданное умиротворение.

Отставив стакан с оплывающим по стенкам узором пены, я внезапно усмехнулся. Похоже, происшедшего хватило, чтобы подопечная из откровенно инородного предмета в составе семьи сделалась пусть не полностью своей, но, по крайней мере, не столь раздражающей. Уже не заноза или ссадина, а так, шишка на ровном месте.

Мимо нас вновь потекли гоблины с последними пожитками Алир. При этом кучу клочьев плюша и магопона зеленявки почтительно обходили. Что уж говорить о нас и самом драконе — траектория движения носильщиков прихотливо изгибалась, обегая далеко стороной все поименованные препятствия.

Само собой вышло так, что мы не стали пересекать дорогу и так порядком перепуганной ораве зеленокожих, отправившись к месту назначения кружным путем, противусолонь, навстречу собственному вращению внутренних покоев. Наклонные лучи заходящего солнца рассекли коридор длинными тенями. Вот ведь — среди этих треволнений, почитай, целый день делся куда-то совершенно незаметно...

Как следует озаботиться вселением новой обитательницы в замок ввиду общей усталости и обалдения ни у кого уже толком не получилось — подвели ее к предназначенным покоям, загодя наскоро ошарашенным заклятием обновления, и пожелали спокойной ночи. Я — довольно невнимательно, Хирра — одновременно напряженно, в духе отношений между Ночью и Днем, и с извиняющейся за всех интонацией, а Келла... ну, не враждебно, конечно, но тоже сдержанно, хотя и с ехидцей. Все-таки именно ее зверь одержал убедительную победу над главной ударной силой плюшевого вторжения.

Сил, чтобы доплестись до своих покоев, не осталось уже ни у кого. Поэтому мы с женами всем скопом забились в бли-

жайшую по ходу поворота внутренней части замка спальню в секторе Келлы. Сотни три футов мы еще кое-как прошли ногами, а потом сели на пол, сбросив на него подушки с ближайшего дивана, и полчаса чинно ехали до самых дверей, находившихся в прямой видимости.

Младшую жену оторвать от этих подушек было уже невозможно, поэтому мы со старшей попросту оттащили ее до постели на самой большой из них, как на волокуше, за кисти по углам и еще немного за уши, чтоб не брала подобного в привычку. Еще почти час провалялись без сна, по очереди доползая до умывален и стаскивая одежду, и лишь после того забылись в некотором одурении...

Стемнело окончательно, даже дракот затих, напоследок пронесшись по коридорам за собственной тенью в традиционных вечерних догонялках. Сунул было морду в дверь, растолкав створки чешуйчатыми челюстями, но понял, что хозяевам не до него, и тихо ретировался. Казалось, на сегодня конец всякому беспокойству...

Но отдохнуть этой ночью как следует нам, похоже, было не суждено.

Дверь скрипнула. Пожалуй, это была единственная и самая слабая уступка требованиям безопасности, какую я вытерплю в любой из своих спален. Уж больно не люблю всяких растяжек, мин и магических ловушек. С самого Мекана, когда посредством такой вот боевой и охранной магии лишился прежних, от роду данных глаз.

С нашим семейным темпераментом и биографиями довольно и скрипа — на всех троих действует не хуже армейской побудки. Тем более что звук соответствующий, прямо-таки симфония. Марш «Три Погибели», с цимбалами и тамбуринами.

Понятно, никто не вскинулся, но насторожиться — насторожились. Выучка и у меня, и у обеих жен порядочная: Хирру отец натаскивал, Келлу многопрадед. А меня — Маг-Император Тесайра со всей своей ратью и меканскими топями в придачу. И лично премьер-капрал Айронхендс в учебке частей магподдержки, который считал, что, конечно, за линию фронта на манер рейнджеров под заклятием «на все руки неумехам» не ходить, однако иметь кое-какие навыки из арсенала тех же заклятых означенным дурохлопам необходимо, — дабы гроши, потраченные на их обучение, даром не пропали.

В общем, сон как рукой сняло. Сквозь щель двери из коридора вполз, скользя по ковру, луч оранжевого света. А следом, футах в четырех над полом, выплыл и его источник — мягко сияющий плюшевый бамбр почти в мой рост, со свисающими лапами и волочащейся по ковру кистью хвоста.

Говорил я, что надо держать под замком покои подопечной! Вот, дождались — мягкоигрушечное воинство в атаку пошло. Ползучих я хоть своими глазами видал, но чтобы летучие объявились... Это уже ни в какие ворота не лезет. Даже небесного города Итархина.

Парой секунд спустя заблуждение рассеялось. Игрушечный монстр явился смущать наш семейный покой отнюдь не своей волей — прямо за ним обнаружилась хозяйка и предводительница плюшевого войска, обхватив светящегося зверя обеими руками и зябко ежась в абсолютно прозрачной ночнушке.

Что ей посреди ночи-то понадобилось от нас всех? Или только от меня?

Это выяснилось практически мгновенно.

— Можно? — Алир вместе со своим чудовищем уже стояла у кровати.

Я ошалело кивнул, думая, что светлоэльфийская дива просит позволения присесть на краешек. Но она восприняла разрешение куда как непосредственнее и забралась сразу с ногами, на четвереньках подбираясь поближе к нам. Плюшевого бамбра подопечная волочила с собой. За ухо, кажется.

Эльфийская кровать — понятие внушительное. Даже у городских Инорожденных. А уж Властительская... Под стать замку, чтоб лишних слов не тратить. Хотя обычно я излишеств не понимаю, но в данном случае полностью согласен. Достойное лежбище. Не то что втроем, как мы с женушками, а и целым взводом, пожалуй, улечься можно. Так что физически подопечная нас не стеснила. А вот морально...

Прежде всего, под ночнушкой или пеньюаром, отороченным каким-то пухом, ничего не было. К этому мне не привыкать — эльфи любого цвета начисто лишены стеснительности. Но одно дело, когда они походя шляются нагишом, не замечая за собой, а другое — когда в том же виде лезут в чужую супружескую постель.

Заняв стратегически беспроигрышное положение за валом подушек, приютивших наши несчастные головы, Опу-

шечная надежно прикрыла собственные тылы бамбром и завозилась, устраиваясь поудобнее. С ее поворотливостью и непередаваемым изяществом движений это действо неотвратимо разбудило меня и обеих жен до конца.

Закончив устраиваться, светлая эльфь просунула мордашку между парой подушек, словно кошка, пытающаяся пролезть в полуприкрытую дверь. Непроизвольно мы с Келлой малость раздались в стороны, давая место новоприсутствующей. Хирра, напротив, прижалась ко мне с другого бока, обняла и положила подбородок на плечо. Она теперь всегда готова поддержать и встать на защиту, как когда-то — загнать и добить...

— Я без спального стража не могу, — виновато прошептала подопечная, осознавая некоторую неуместность своего ночного визита. — Боюсь, демон приснится...

Демон — это да. Это серьезно. Особенно сходец, из свиты самого Безымянного Бога. Были у Звездного такие специальные ребята, заточенные под проникновение в грезы светлоэльфийских див. Причем не ради простого смущения-совращения, а в совершенно конкретных целях — если не подучить замороченную сунуть полуфутовую шпильку под ребро мужу, брату или отцу, воителю Дня, то обратить ее в бездонный, на всю полуторатысячелетнюю жизнь, источник сил и обаяния своего сюзерена.

Из самых смазливых парней подбирался контингент — балаганных актеров, тогда еще допускавшихся на сцену, повес, а то и любителей однополой любви на эльфийский манер. На приманку остановленной навсегда молодости, красоты и успеха у любой избранницы или избранника. По мне, так бабья это награда, да и сама судьба не мужская... Ну да кто богов Ночи с их делами разберет!

Вот только, сколь помнится, одним из условий мирного договора по окончании Войны Сил стал запрет на возведение смертных в аватарское или демонское достоинство. Всех уже прошедших ритуал обречения ожидало магоредуцирование или смерть.

Договор этот обе стороны соблюдали неукоснительно, так что никаких демонов на три тысячи лиг и три тысячи лет в округе не предвиделось. Однако объяснить это явственно подрагивающей от страха Алир я бы, пожалуй, не взялся.

— Какие демоны? Успокойся, маленькая, — полусонно промурлыкала Хирра с моего плеча, протягивая руку, чтобы успокаивающе погладить трусиху по голове. — Нет никаких демонов...

Чую, хорошая мать из нее выйдет со временем. «Маленькая» сразу же перестала трястись во все свои без малого семь нелегких футов и действительно начала было успокаиваться, но тут все испортила Келла:

— Да ну тебя! Нашла чего бояться — демонов! Ты хоть одного-то видела?!

Подопечная разом закостенела в неудобной позе, теряя обманчивую расслабленность и спокойствие. Медленно повернула голову к младшей жене, выпутывая золотые локоны из пальцев моей высокородной. И тихо-тихо, серьезно-серьезно проговорила:

— Видела.

Что-то такое леденящей тенью мелькнуло в ее глазах, сверкающих в свете гнилушки ночника, что я сразу и безоговорочно поверил — видела. Хирра тоже окончательно вывалилась в явь, подобравшись одним коротким движением — не иначе, почуяла отголосок магии, присущей ее роду. Даже мою древнейшую проняло.

— Как видела? Во сне? — поинтересовалась она у светлой эльфи уже менее нахрапистым тоном.

— Нет! — энергично замотала головой в ответ та. — По жизни!!!

Воспрянувшее недоверие Келлы не успело вылиться в слова. Быстро-быстро, перебивая саму себя и дыша навзрыд, подопечная принялась за самый сбивчивый рассказ, слышанный мной в жизни:

— Он... Он был ледяной и красивый, как кукла... Самая лучшая, работы мастера Нгаладель — у нас с сестрой были, Ле свою стерла в порошок заклятием на празднике совершеннолетия... А она, которая с ним, тоже кукла, но уже сломанная, хотя ходит... Это четыреста лет назад было, — всхлип прервал ее речь. — Дядя... Лис ждал нас в кафе, обещал угостить мороженым, без сюрпризов, честно-честно... Я долго собиралась, плакала, Леах побила няню... Мы не успели... Только подошли... Она горела, как хворост, а он смеялся... Дядя сам был как мороженое — белый-белый, с клубничным сиро-

пом из трещин... Таким красным-красным... А потом разбился на куски!!!

Дыхание ее прервалось. Алир зарылась в подушки, уткнувшись носом в машинально подставленную мной ладонь — без слез и соплей, только часто-часто дыша и чуть вздрагивая. Отчего-то этой, совсем не демонстративной, как днем, истерике, страшной, как сухая гроза, верилось безоговорочно. Был демон, и смерть, и страх до костей, на всю жизнь оставивший великовозрастную светлоэльфийскую диву испуганной девочкой...

Стало быть, не так уж строго соблюдается Договор Дня и Ночи.

Моя древнейшая тоже виновато протянула кофейную руку к кремовому плечу подопечной. Теперь все мы втроем сочувственно углаживали золотоволосую эльфь, пока та не затихла, перестав дрожать и всхлипывать. Наконец она подняла голову и слегка извиняющимся тоном подвела итог главному воспоминанию детства:

— Демон убил дядю Лиса. Ну, это мы с Леах так его звали. Совсем маленькие тогда были, а он всегда с нами играл...

— Понимаю, — отозвался я. Круто отпечаталась в ее судьбе потеря доброго дядюшки...

— Нет. Он был веселый, но не добрый, — тихо и при этом весьма серьезно пояснила Алир, словно угадав мои мысли до последнего слова. — И все равно очень жалко...

Видимо, только этих слов не хватало ей, чтобы сбросить цепенящий холод воспоминания. Разом успокоившись, светлоэльфийская дива повернулась на бочок, сворачиваясь клубком, прижала к себе своего светящегося плюшевого паладина и мгновенно засопела в безмятежном сне.

Нам заснуть по новой было посложнее. Хотелось сплотиться вокруг этого беззащитного клубочка размером чуть менее моего собственного роста в жажде согреть, защитить, прогнать всех демонов — прошлых и будущих. Провести в бессонной страже всю ночь, всю жизнь, всю вечность... Умом я понимал, что недостатки и комичные стороны подопечной никуда не делись, однако противостоять этому стремлению было почти невозможно.

Да и если совсем честно, при всей сногсшибательной и вполне осознанной взрослой сексуальности янгледи Алир ау

Риер ау Сниотта, уарени Инерс имела весьма серьезные причины, чуть что, проситься к старшим в постель, садиться на коленки и лезть на руки...

Наутро, спустившись из трапезной, потребовалось проболтаться на воздухе добрых пару часов, чтобы хоть слегка прийти в себя. За завтраком очухаться не удалось, поскольку причина ночного, вчерашнего, позавчерашнего, в общем, всего свежегоднего напряга никуда не делась. Это я про подопечную так. А как же иначе?!

К столу Алир ау Риер пожаловала в том же прозрачном пеньюаре с пуховой оторочкой ворота, рукавов и подола. Ядовито-розового колера, как на свету оказалось, и с вышитыми алой нитью цветами. Под которым, естественно, ничего более надето так и не было. Ну да ладно, с тотальным отсутствием стыдливости у эльфийских див я уже смирился. Да и ничего принципиально нового в увиденном для меня давно уже не было. Даже в размерах.

Трогательно семеня, Опушечная обошла огромный стол, чтобы приветственно чмокнуть каждого из присутствующих. От вчерашних обид не осталось и следа. Поворковав умильным тоном с обеими женушками, светлоэльфийская дива направилась в мою сторону, чтобы в свою очередь погрузить законного опекуна в мягкое облако розового душистого пуха и тепла своего тела.

Да... Диагноз окончательно ясен — сладкая девочка. Утипути-сю-сю-сю... В клинической форме. От тугих завитков ярко-золотых кудрей до пушистых тапочек в виде сусликов. Тоже розовых. С зелеными носами.

Слава Судьбе, хотя бы к болтовне новая обитательница замка с утра пораньше склонна не была. Все больше к внимательным взглядам и улыбкам, разгадывать которые лично меня не занимало. Хорошо хоть время от времени эти знаки молчаливого понимания прерывались долгим погружением светлой эльфи в себя. Да еще мечтательными взорами, устремленными в пространство по совершенно непредсказуемым направлениям.

Без этих тайм-аутов вынести безмолвный допрос семьи ее новым членом было бы совсем невозможно. И так едва до конца завтрака дотерпел, а затем сорвался во двор, сослав-

шись на несуществующие дела. Пусть жены сами с ней разбираются.

Время уже к полудню, солнышко вовсю припекает. Надо бы Шипучего оседлать да проехаться до ближайшего леска потенистее. Не по замку же в такую погоду шататься, тем более по предмостному двору. Может, и женушки с подопечной развеяться захотят, а то тоже, наверное, изнывают со скуки, переделав все мыслимые дела. Главное, не забыть заказать нового спального зверя. Только не драконьей породы, чтобы еще раз не вводить в соблазн дракота...

Совсем уже развернувшись с предмостья к стойлам верховых животных, я остановился как вкопанный. А перед тем еще и подпрыгнул, если совсем честно. Однако, будучи застигнут подобным образом, заскачет любой. Многое может случиться с человеком, а паче того — с Инорожденным у себя на дворе, и ко многому из этого я всегда готов... Но уж чего я никак не ожидал, так это услышать на собственном пороге трубный глас. Причем не какого-нибудь завалящего офицерского свистка или боцманской дудки речников, а самого что ни на есть боевого рога, заклятого на усиление звука.

Скорее рефлекторно, чем осознанно я подал замковым воротам приказ раскрыться. Нет, чтобы спросить сначала грозным голосом, как предыдущий властитель, покойный папочка Хирры! Любопытство подвело. Или общее обалдение. И вообще открывать двери — дело Фроххарта. Где его носит, спрашивается?

Получить ответ на сей вопрос мне было не суждено. Ибо обнаружившееся за воротами зрелище начисто вытеснило все посторонние мысли. Ничего подобного я не видал со времен картинок к сказкам сестер Гримп — так переименовала сказительниц клановая ребятня, поскольку их произведения обычно давали в руки только тем, кто болел и не мог сотворить с семейной ценностью что-нибудь непотребное.

Но одно дело — самая дорогая и красивая в доме книжка с цветными движущимися картинками, и совсем другое — всамделишный эльфийский рыцарь. Не Хтангской династии, конечно, более поздний: в валериановском доспехе и всего с тремя седельными вымпелами на гибких древках вместо семи. Да и на рогаче выезжать стали только после облегчения клинков.

Все равно парень промахнулся на полторы тысячи лет. Снаряжение дедовское. И щит с двойным изломом чисто турнирный, а шлем, наоборот, для пешего боя — открытый, с тремя цветными хвостами и эпиорнисовыми перьями. А меч вообще современный, со стандартным наложением магических функций. Неувязочка, однако...

Но самого гостя из прошлого — то ли эльфийского рыцарства, то ли моего детства —несоответствия явно не смущали. Подняв увитый лентами рог к губам, он снова протрубил свой сигнал. Я поморщился — от стен предмостья звук отражался, еще более усиливаясь.

Всадник замер, ожидая реакции. Только приклятый к лентам и вымпелам ветерок трудолюбиво развевал полосы ткани и шелк кистей. Как есть книжная картинка.

Правильный вопрос к незваному гостю у меня никак не складывался. То есть суть его была предельно ясна: «Чего надо?» Но нельзя же так в лоб, по-простецки. Тут обхождение требуется... В который раз я пожалел об отсутствии наследственного дворецкого Стийорров. Он всегда находил наилучшую форму для обсуждения щекотливых дел. А тут явно событие подобного свойства. Это как фронтовое чутье на файрбол, что летит прямо в задницу.

Не дождавшись членораздельных приветствий, рыцарь было потянул свою дуду обратно в рабочую позицию. Только так ему и удалось вывести меня из ступора. Еще раз услышать ЭТО... нет, лучше уж прослыть косноязычным невежей на все дальнейшие века!

— Э! Стой! Не надо! Хватит!!! — изо всех сил замахал я поднятыми над головой руками, словно матрос-лидер у причальной мачты для воздушных кораблей.

Эльф оказался понятливый и пусть нехотя, но опустил рог. Значит, сам пока еще не оглох от своего громового дудения. И на том Судьбе спасибо...

— Могу ли я видеть хозяина замка?! — выдал всадник в ответ.

На повышенных тонах — все же такое надругательство над слухом даром не проходит. Или незваный гость пожаловал в замок уже изрядно взвинченным, раз так разорался с самого порога?

— Можешь, можешь, — я успокаивающе опустил руки.

— Когда?! — перебил меня визитер требовательным окриком.

Все-таки точно у него какие-то напряги лично на меня. Вот только опознать в лицо Властителя ау Стийорр эльфийский рыцарь с картинки не сумел. То есть не имел прежде такой возможности — не он, так я запомнил бы этакое чудо в перьях и вымпелах...

Значит, не по моей вине недобрый гость разоряется на хозяина, раз доселе не удосужился лично свести знакомство. Утешение невеликое, зато, может быть, удастся поладить дело миром. Однако продолжать вести беседу в примирительном тоне у меня как-то не получилось.

— Да хоть сейчас! — буркнул я эльфу злорадно. — Собственно, уже видишь.

Сказать, что от такого сообщения злонамеренный визитер опешил, было бы изрядным преуменьшением. Даже скакун его на задние ноги присел, восприняв реакцию всадника. Тому же словно молотом в забрало шлема вдарило, разве что звон вокруг не пошел.

— Не знал, какой я крови? — немилосердно добил я высокородного.

К моему немалому удивлению, тот отрицательно замотал головой:

— Почему же? Знал... Только не думал как-то...

«Что я по старой дурной привычке сам попрусь двери отворять?» — кое-как сдержавшись, но все-таки про себя, а не вслух подумал Властитель ау Стийорр, Джек, прозываемый Собачий Глаз Пойнтер... Ненадолго печального опыта с полусестрицей Алир хватило, вот и попался снова на том же.

Покуда я справлялся с собой, эльф тоже очухался и продолжил в прежнем агрессивном ключе:

— Значит, воистину вы... — и далее все мои только что вспомянутые титулы, не исключая смутно понятного «уарса Фусс» напоследок. Где тот Фусс, и как вступать в права владения сим феодом? Никогда не интересовался. И не горю желанием узнать — без того забот хватает...

— Воистину, — исподлобья оглядел я настойчивого гостя с головы до ног.

Дождавшись прояснения ситуации, тот наконец-то соскочил со скакуна, снял шлем и стянул замшевую подшлемную

маску. Как и предполагалось, гость оказался Инорожденным Дня — это угадывалось по его нелепой велеречивости. Сюрпризом было другое — абсолютно детская физиономия! Да и ростом он был с Келлу — те же шесть футов. В общем, сопля соплей. Лет сто восемьдесят.

— Тебя-то как зовут, малый? — поинтересовался я в ответ на его задиристое любопытство. И тут же понял, какого дал маху. У эльфов мужчина носит имя лишь до совершеннолетия. Оно так и называется — «детское». А затем уже взрослым именуется по владениям или притязаниям на оные, порядок которых в одном поколении неповторим, так что с распознаванием проблем нет. Проблемы как раз с обладанием владениями...

Эльфенок набычился, пошел разноцветными пятнами, однако снизошел до ответа на мой в корне оскорбительный вопрос.

— Тинк, — бросил он и тут же вскинулся, гордо добавив: — Но в ближайшем будущем — Властитель ау Рийосурр.

Кузен подопечной, стало быть. Явился с родственным визитом, не откладывая в долгий ящик с погребальными рунами на крышке. Везет мне на родственные визиты. И на кузенов. Поневоле порадуешься, что Келла осталась круглой сиротой, хоть и грех так думать.

В конце концов, у нее в родственниках сам Перводракон. А ну как в гости явится, не приведи Судьба... Нет уж, лучше мы к вам. В небесный город Итархин. Обещание все равно невыполнимое — легендарную вотчину Повелителя Небес хрен сыщешь, но так все же как-то спокойнее.

— И в насколько ближайшем? — поддержал я разговор вопросом. Ну не получается у меня с ним помягче!

— Тебе не дожить, — совсем мрачно буркнул мелкий паршивец.

Ай-яй-яй, как невежливо. К тому же малыш явно не в курсе относительно Зерен Истины. С ними у меня нехилые шансы зажиться на свете подольше его самого. Или он имел в виду, что я и сегодняшнего дня не переживу? Среднему эльфу вполне хватит самоуверенности на такое заявление. А этот ничего выходящего за пределы нормы пока не выказал.

— Ну и что мы с тобой делать будем, Тинкербелл? — вздохнул я — и ненароком опять угодил в больное. Кто его звал

«колокольчиком» — мамаша или заботливые нянюшки? Так или иначе, эльфенок окончательно взъярился.

— Будем биться! — выдохнул он, вращая глазами.

Я вздохнул еще тяжелее. Ну биться так биться, зачем же этак орать? Я ж не дракон какой-нибудь, вроде Горного Змея...

— Это что, вызов по всей форме?! — лениво протянул я, ставя на место зарвавшегося пацана. — По какому только Кодексу — Концерна или Хтангскому?

Зря я понадеялся, что с него хватит одного упоминания серьезных сводов дуэльных правил. Самомнение Инорожденных — такая штука, что его впору скакунам на ипподроме в кормушки подсыпать перед решающим заездом, чтоб резвее бежали. Да и то тут же это снадобье запретят из-за излишней силы и вреда для здоровья. Что наследнику ау Рийосурр, похоже, предстоит доказать на деле.

Лишь бы не со смертельным исходом... Заполучить в кровники влиятельный светлоэльфийский род из-за гибели этого мальчика-колокольчика в мои планы никак не входило. И без того положение аховое — от Реликвии к Реликвии, проходящей через мои руки, напряженность отношения к семейству Стийорр отчего-то растет.

Никак не объяснишь этим эльфам, что я никоим образом не собираюсь соперничать с основателем Хтангской династии. Тот ведь и прославился тем, что воедино собрал Реликвии под своей рукой, желая даровать победу Дню в Войне Сил. Все без изъятия применил, включая Первую — Жезл Свершений, призванный лишь трижды изменить мироздание целиком. Это как раз был первый и пока единственный за всю историю случай. Оттого, наверное, что согласно пророчеству Хогохи Неправедного третий будет как раз под самую Мировую Погибель, едва ли не вследствие сего и грозящую произойти.

Так что не настолько уж безобидны Реликвии, при всей снисходительности древней магии к смертным. Что с того, что я уже перебрал половину из них? Это не повод дальше держаться на короткой ноге с заклятиями высшего порядка. Мне переменять судьбу мира как-то вовсе без надобности...

Покуда я предавался отвлеченным рассуждениям, хмуро уставившись на эльфенка, тот переварил мою осведомленность в дуэльных правилах.

— По Хтангскому!!! — сообщил он звенящим от напряжения голосом. Кто бы сомневался, при его-то страсти к историческому доспеху! — В соответствии с уложением «О поединках... между равными».

Последняя пара слов далась малолетнему бретеру очень трудно. Не пристает к Инорожденным расовая терпимость, хоть плачь. А я, при всем полноправии в качестве Ночного Властителя, по рождению был и остаюсь человеком. Пусть даже Меч Повторной Жизни дал мне личные магические способности вровень с эльфийскими, а Зерна Истины наделили почти беспредельно долгой жизнью...

Нет, опасные штуки эти Реликвии. Впредь держаться бы от них стороной, а то еще какая-нибудь так отольется, что потом тысячу лет жалеть будешь.

— По Хтангскому так по Хтангскому, — кивнул я, соглашаясь, и уже вполуха выслушал стандартную формулировку вызова. В архаичном уложении куда больше запутанных мест и разночтений, так что и возможностей уладить дело без смертоубийства остается достаточно. А это оставалось основной задачей грядущей дуэли. Хотя осадить зарвавшегося мальца просто необходимо. Ради своего дальнейшего спокойствия.

Завершался вызов, по обыкновению, объяснением причины к поединку, которая чуть было вовсе не выбила меня из колеи:

— Сим вступаюсь за честь, волю и свободный выбор высокородной Алир ау Риер ау Рийосурр, похищенной и заточенной вами!

— Зачем похищенной?! — удержаться от этого вопроса я не смог.

Эльфенка такое нарушение ритуала тоже изрядно сбило с панталыку.

— Ради нежеланного ей брака, — пискнул он в абсолютной растерянности.

— С кем еще?! — снова переспросил я, ибо услышанное не добавило ясности в ситуацию.

— С вами, — еще более ошарашенно просипел тот и тут же приосанился, запетушившись: — Я сам жажду назвать ее нареченной!

От неожиданно вырвавшегося признания новоявленный жених густо покраснел, засмущался, но тут же оправился. Уже

не цыплячьим писком, а вполне приличным ломким баском он пробурчал:

— Защищайтесь, хай-сэр! — и потянул из ножен меч.

Перевести дух и осознать смысл претензий мне удалось не сразу. Вот бред-то! Откуда только он взял такую дурость?! Еще кто кого похитил и заточил, если вспомнить все прелести этой плюшевой интервенции... Прозвучавшее погрузило меня в столь глубокий ступор, что я почти не обратил внимания на острие клинка, замаячившее у меня перед самым носом, — попросту отвел рукой задумчиво, не потянувшись за тесаком.

Оно и к лучшему, потому что иначе дуэль считалась бы начатой. Исход же ее предсказать несложно — Мекан фехтовальные финты выделывать не учит. Только убивать с одного удара. И длина клинка высокородному не в помощь, с его-то классической стойкой. Спустить первый удар по тесаку, проскочить под мечом, упав на колено, и снизу, в основание бедра, или в живот — куда дотянусь...

На счастье, в затуманенном всеми пережитыми нелепостями сознании забрезжил выход из этого тупика:

— Эй, погоди-ка! Выбор оружия-то за мной...

Эльфенок в запале кивнул, соглашаясь. Есть такое положение в каноническом дуэльном кодексе Хтангской династии. А значит, и возможность отделаться от надоедливого недоросля, не навлекая родовую месть ни убийством малолетнего дуэлянта, ни отказом от вызова по всей форме. Похоже, в этом самом кодексе сыщется и форма поединка, вполне безопасная для обоих участников.

Разумеется, я не имел в виду классическую дуэль на песнях. Помнится, на исходе Войны Сил варлорды Дня и Ночи учинили меж собой такую разборку. Орали круглосуточно, музыкального инструмента загубили — не счесть. И в конечном счете без смертоубийства у них там не обошлось. Ну так они были мужики серьезные, не гляди, что эльфы, и вообще без малого аватар с демоном.

Нет, нам такой вариант не подойдет. Во-первых, меня родители, Судьба и все боги разом и слухом обделили, и голосом не слишком порадовали. Орать «ложись» во время аркналета только и хватает. А во-вторых, нужен способ, гарантирующий, что эльфенок выживет при любом раскладе. Да и

мне самому неохота отправляться за Последнюю Завесу от какой-то случайности. Правда, тут, кроме всего прочего, важно не перегнуть палку с безопасностью, чтобы избранный вид дуэли не оказался оскорбительнее повода к вызову. Типа поединка на кремовых тортах, который хорош только для нежных барышень, да и то при условии, что найдется, кому с них крем слизывать.

Оскорбительнее... Вот, нашел! Это годится безоговорочно, да и выглядит вполне серьезно, исторические прецеденты подтверждают. Настоящее испытание силы воли, как ни погляди.

— В таком случае я требую поединка на оскорблениях в соответствии с кодексом Хтангской династии! Сугубо личных, не затрагивая род и способности к деторождению! — на последнем-то поле я бы его обыграл вчистую, если не по опыту, то по врожденному цинизму. А тут надо сохранить хотя бы иллюзию серьезной разборки...

Теперь настала очередь моего горе-противника отключиться стоя. Хоть кругом его обойди да над ухом пальцами пощелкай. Только меч, все еще по-дурацки отведенный в сторону, слегка подрагивал.

Наконец эльфенок справился с новостью, убрал оружие в ножны и, щелкнув каблуками, полупоклоном выразил согласие с условиями дуэли. После чего довольно сноровисто избавился от шлема, доспехов и перевязи, лишь перевесив дагу на пояс, перехватывающий стеганую поддоспешную куртку. Надо отдать ему должное — сравнительно быстро очухался, и полуминуты не прошло. Видимо, неспособность оперативно отреагировать на смену ситуации присуща далеко не всем Инорожденным.

Сам я тоже сменил позу и вытянулся по стойке «смирно» перед тем, как по армейской привычке козырнуть в ответ, поднеся два пальца к краю банданы. Причем с удивлением обнаружил, что мне ответственность момента далось немногим легче — тело изрядно занемело от напряжения.

Теперь все формальности были соблюдены, все преимущества отыграны. Право первого удара принадлежало инициатору поединка. То есть первого слова. Хорошо хоть не первой ночи — я представил себе условия *такой* дуэли и откровенно передернулся. Сколько девок перепортить пришлось бы...

Хотя с хтангского рыцарства станется. Даже отдаленный их последователь заметно приободрился, отнеся мою реакцию на собственный счет, набрал полную грудь воздуха и приступил к своему монологу. Время, потраченное на его подготовку, прошло не зря — тирада вышла внушительная.

Под градом его многословия мне оставалось лишь посмеиваться. Казалось, границы цитат видны невооруженным взглядом, то есть слышны без слуховой раковины, словно стыки дубового рельса под колесами шахтной вагонетки. Проклятия и обличения вились в воздухе цветисто, как вымпелы, разве что в косички не заплетаясь. По всему видать, книжек высокородный прочитал много. Если б еще только правильных...

Наконец на пятой минуте поток литературных оскорблений иссяк. Или дыхание сбилось у малолетнего ухажера великовозрастной кузины. Весь выговорился, до пустых легких, до звона в башке, меня при этом не только не задев, но даже не позабавив толком.

Все равно такие старания следовало вознаградить. Причем адекватно — фольклором моего детства. Разумеется, со всеми ограничениями условий поединка. Но уличные мальчишки сильны не одной нецензурщиной, в обращении к иным сторонам жизни они тоже изрядно поднаторели.

Прищурившись, я выдал довольно стандартный перебор всех статей противника, от умственных до кишечных. Недолго, всего на пару минут, и без особой грязи, скорее с сострадательной интонацией: дескать, уродилось же такое на свет Дня, что с ним теперь поделаешь-то?

Эльфенка этим вполне невинным сводом пороков телесного, умственного и духовного здоровья откинуло назад, будто хорошим пинком в грудь. Прямо к лестнице, ведущей на стену внешнего контура замка. Пришлось поспешать следом, чтоб совсем с глаз не скрылся.

То, что телесная часть приписанных хворей и уродств вообще не свойственна его расе, Тинкербелл упустил. Как видно, от общего обалдения и отсутствия какого-либо опыта в реальном препирательстве. Даже перейдя к ответному слову, он продолжал отступать — по ступеньке вверх на каждую фразу. То ли его подбрасывало отдачей от громогласных обличений моих злодейств, мыслимых и немыслимых, то ли он

попросту бессознательно хотел забраться повыше. В общем, держал дистанцию из последних сил.

Лестница под малолетним задирой кончилась слишком внезапно. Очередной прыжок назад и вверх подбросил светлоэльфийского наследника уже над пристенной галереей. Очередной ступеньки там не оказалось, а умение держаться за воздух в число родовых талантов рода Рийосурр, судя по всему, не входило. Так что, отболтав в недолгом полете положенное число нелепых взмахов руками и ногами, противник ощутимо приземлился на пятую точку, порадовав меня едва ли не девчачьим ойканьем и слезой, сорвавшейся с кончика носа при быстром-быстром отползании назад без малейших попыток встать на ноги. Обличающий монолог при этом както смялся и затух. Таким образом, слово перешло ко мне, так сказать, естественным порядком.

Для следующего словесного залпа я с удобством расположился как раз на последних ступеньках лестницы, слегка нагнувшись и опершись локтем на колено выставленной вперед ноги. Направленный на эльфенка палец, похоже, гипнотизировал того не хуже диска-амулета с самовертящейся спиралью.

На сей раз я шарахнул по горе-дуэлянту не связным оскорблением, а россыпью подколок, мелких, но эффективных, наподобие файрбольной картечи. От каждого попадания тот менял положение, подбирая долговязые конечности и трепыхаясь в попытке воздвигнуться вертикально.

Воодушевленный успехом, я не заметил, что сам прищелкиваю пальцами вослед особо удачным оборотам, как мальчишка, изображающий пальбу из стреломета. На это Тинк среагировал инстинктивно, почти что правильным уклонением от обстрела. Что ж, подыграем, раз само собой вышло...

Короткими перебежками я преследовал отступающего противника, грамотно укрываясь за выступами стены и станинами оборонных артефактов. На виду появляться стоило лишь для того, чтобы выпалить очередную подколку да прищелкнуть пальцами, отмечая поражение цели.

Цель малость освоилась и принялась отвечать, но слабовато, захлебываясь и явственно теряя контроль над собой. Обмениваясь словесными «стрелами», мы таким образом прошли почти что цельный часовой сектор периметра, как раз между часом и двумя. Столько, собственно, и было на деле —

солнце перевалило за шпиль замка и пошло склоняться к горизонту.

Что-то мы заигрались, пора кончать дело, а то мне уже реально стало казаться, что пущенные в меня слова кованными болтами отлетают от зубцов стены над ухом, с отчетливо слышимым звоном выбивая из камня не менее отчетливо видимые искры. Этак еще стигматы заработаю, если эльфенок хоть раз удосужится не промахнуться...

Напоследок расшалившись, я даже исполнил полный перекат с выстрелом из нижней точки. Попадание почти прижало наследника ау Рийосурр к стене двухчасовой башни. Так что, когда я, выпрямившись, шагнул из-за прикрывавшей меня в конце траектории станины шестидюймового светосброса, он лишь тяжело дышал и затравленно озирался в поисках выхода. Хода в башню за контрфорсом малец со своего места просто не видел.

Оно и к лучшему. Здесь и положим предел поединку, нелепому в той же мере, как и повод к нему. Да собственно, как и дама, честь которой взялся защищать светлоэльфийский недоросль!

Стоп. Похоже, я сам завелся. Не от смехотворных для кланового парня оскорблений — от беготни этой дурацкой и досады на уходящее зря время. Охолонуть надо, а то так припечатаю высокородного напоследок, что и вправду не выживет, от одних слов скиснет вконец или руки на себя наложит. Натура-то впечатлительная, сразу видать...

Так и не дождавшись от малолетнего дуэлянта ответа на последний выпад, я понял — пора. Вразвалочку подошел вплотную и тихо-тихо, спокойно-спокойно, без всякого выражения сказал несколько фраз, в которых и оскорбительного-то ничего не было. Просто вся правда о том, кто он такой, зачем все это ему сдалось и как это выглядит со стороны.

Инорожденный Дня пошел малиновыми пятнами, которые сложились в волнистые полосы, поползшие по нему, как помехи по хрусталю разлаженного иллюзора. Задышал часто-часто, сглотнул и плачущим голосишком выпалил в ответ:

— Да как ты смеешь?! Сукин сын!!! Сам... сам дурак! — здесь до эльфенка дошло, что он дал-таки маху.

— Ага... — милосердно поставил я точку в дуэли, ставшей

по-настоящему жестокой. — Допущено генезиальное оскорбление. Что у нас там было в условиях поединка?

Грядущий властитель Рийосурр и уже несостоявшийся избавитель, а также потенциальный жених Алир только носом шмыгнул обреченно. Но высокородная кость словом сильна, так что положенную формулировку малолетний рыцарь выдал без напоминания, сам:

— Признаю свое поражение согласно Кодексу перед Предвечными Королями, перед победителем — высокородным ау Стийорр, и перед всеми Инорожденными... — говорить следующее ему не хотелось до предела, но положение обязывало. — В подтверждение чего готов исполнить любое желание победителя... не нарушающее клятв моего рода и присяги Предвечным Королям.

Желание... будет ему и желание. Попозже малость. А пока уже неплохо. Все претензии аккуратно сложились и убрались на положенное им место. Какое — уточнять не буду, чтоб еще больше не травмировать и без того подавленного мальца. Особенно перед тем, что ему сейчас предстоит. Кивнув в знак согласия, я напустил на себя максимально строгий вид и требовательно спросил:

— А еще?

— Нанесшая оскорбление сторона должна понести соответствующее тому наказание по законам оскорбленного рода, — совсем понуро проговорил Тинкербелл.

— По законам, значит... — мрачно выделил я эти слова и резко оборвал: — Снимай штаны!

Малолетний дуэлянт возмущенно вскинулся, заливаясь краской по мере того, как мой ремень вытягивался из петель комбинезона.

— Если эльф — так сразу штаны снимать?! — из последних моральных сил попытался он протестовать в силу своего понимания событий.

— Снимай, снимай, — развеял я его сексуальные иллюзии, сложив ремень вдвое и похлопывая им по ладони. — Не сомневайся. Это ж по законам моего рода будет, а не твоего!

Эльфенок обреченно отвернулся, возясь с застежками небесно-голубых кюлотов в серебряном позументе. Его нежно-розовые ягодицы могли бы смутить кого угодно — кроме меканского ветерана, намеренного преподать высокородно-

му недорослю урок клановой морали. Пусть постигает законы города, которым ничтоже сумняшеся правит его раса...

Разница в росте оказалась критичной и здесь. Чтобы перекинуть через колено непонятливо барахтающегося паренька, пришлось поставить ногу на край крепостной стены между зубцами. Так что после первого, примерочного шлепка ремнем ошарашенное ойканье эльфенка кануло в тысячеярдовую пропасть, к подножию шпиля, на котором выстроен замок. Может быть, мне показалось, но эхо вернулось только тогда, когда наказуемый вполне освоился и вовсю вопил: «Мамочка! Ай-ай-ай! Я больше не буду!!!» И как все сразу соображают, что надо орать, чтобы полегчало...

Отвесив достаточно, я отпустил шмыгающего носом мальца, напоследок строго добавив:

— Чтоб триста лет я тебя не видел и не слышал! А то сегодняшнее Приснодням покажется!!! — и уже отходя малость, пояснил: — Таково желание победителя, согласно Кодексу!

Тот лишь кивнул, утирая сопли кружевным рукавом, и без особого приглашения отправился собирать доспехи, чтобы нагрузить ими скакуна. Может, еще и выйдет из парня толк. Во всяком случае, затыкаться вовремя он научился с ходу, не требуя повторного урока.

Напоследок, правда, эльфенок опять не удержался — протрубил-таки в рог, отчаливая со двора. Из мелкой вредности или скрытого протеста — сказано же было: «Чтоб не слышал»! Я чуть не вскинулся поймать его и досыпать еще, но вовремя сдержался. Неизвестно же, с чего он тут дудел. Может, так и полагается на прощание...

Едва я малость отошел от визита борца за свободный выбор эльфийских див и начал подумывать про обед, как кто-то опять принялся ломиться в дверь, правда, на сей раз возглашая о своем появлении не звуком трубы, а как положено — колоколом. Ворота у нас закляты так реагировать на присутствие перед их створками любого представителя разумной расы. Хотя после утреннего визита в разумности иных из них я был готов усомниться. Ну, если это опять женихи Алир, я церемониться не буду! Выдам за первого же, без сомнений и сожалений.

Но это оказались не женихи. Даже совсем наоборот — священнослужители. В количестве, заведомо превышающем необходимое для свадебного обряда. И что меня все на матримониальную тему сносит! Совсем эльфенок голову заморочил, нельзя же так...

Во главе делегации на низеньком безрожке в оранжевой попоне восседал незнакомый толстяк. Из-под скромного плаща проглядывало облачение, до боли напомнившее мне раззолоченную ризу архижреца. Неужто в Храме власть сменилась? Уж больно непохож этот деятель на памятного мне бородача. Даже если того побрить и раскормить раза в полтора, пришлось бы еще во столько же раз и складывать — старик ростом здоровее был.

В некотором ошеломлении я дал команду на открытие ворот прямо с хрустального шара местного терминала. Вереница безрожек втянулась между створками. Слишком поспешно, на мой вкус. Да и непонятно, почему жрец такого ранга пожаловал не в носилках или экипаже, при полной свите на полдороги, а в сопровождении дюжины без одного служек в таких же неброских плащах.

Любопытство выгнало меня на балкончик над предмостьем. Посетители как раз заканчивали выпутываться из стремян, и было видно, что для них это дело явно непривычное. Зато мое явление они заметили сразу и с немалым энтузиазмом. Уж не знаю, что могло вызвать такой бурный всплеск эмоций, но визитеры немедленно замахали руками и принялись кланяться, указывая своему предводителю в сторону балкона.

Такое внимание стоило ответного участия. Приглашающим жестом я указал в глубь замка и сказал единственное, что пришло на ум:

— Заходите, отцы.

После чего и сам поспешным шагом отправился встречать делегацию земных претворителей воли Победивших Богов. Как раз успел к моменту, когда жречество у подножия лестницы скидывало плащи на руки невозмутимому Фроххарту. Того уже почти не было видно под ворохом сукна. Золотая риза высшего храмового иерарха засверкала во всей красе. По крайней мере, насчет смены власти у долгополых я не ошибся...

Первые же слова нового архижреца несколько развеяли

туман непонимания относительно вида и поспешности незваных гостей, но при этом заинтриговали еще больше:

— Мы прибыли тайно! Простите великодушно за то, что не предупредили!

Что ж, хотя бы не с претензией по поводу моего предшествующего вольного обращения с реликвиями. Тогда не только не извинялись бы, но и вовсе не набрались бы смелости сунуться в наш замок. Разве что во главе небольшого войска, на которое храмовая стража никак не тянет. Да и не всякой армейской части по зубам Владение Стийорр. Быть может, справилась бы пара батальонов Заклятых Рейнджеров при поддержке полудюжины магов и достаточном парке осадных кадавров — при отсутствии гарнизона и активного сопротивления, даже только с моей стороны. Ибо защитным системам, даже эльфийским, своего ума не вложишь. Только и способны, что отражать удары и уничтожать скопления противника в зоне досягаемости...

Однако на этом неожиданности не закончились. Совершенно несообразно с достоинством архижреца и комплекцией толстячок, просительно сложив лапки на груди поверх золотого оплечья, проблеял:

— Вы наша последняя надежда!

Совсем непонятно...

Так бы и стоял я в прихожей, заинтригованный по самое никуда, но тут на подмогу пришел мой незаменимый дворецкий, уже успевший распихать куда-то плащи с капюшонами — без сомнения, со всей аккуратностью и приличествующим уважением к сану их носителей.

— Осмелюсь предложить господину и святейшествам продолжить обсуждение столь важных дел за обедом, — изрек Фроххарт с поклоном. — Стол накрыт в главной трапезной.

И когда халфлинг успел распорядиться кухней? Не иначе, пока я вместо него ворота открывал. Магически ускоренное приготовление блюд — вещь исключительно полезная, хотя и находятся гурманы, морщащие носы при виде фастфуда. Но на мой вкус — никакой разницы.

— Очень, очень своевременно! — на глазах оживился совсем было поникший архижрец. — Признаться, в дороге мы изрядно издержались... то есть, простите, изголодались.

Как же — целый час, наверное, ехали. При такой комплекции смертельное дело жиры растрясать. Совершенно не-

позволительное. Ну да мне не жалко, не своему здоровью во вред обжираться. Сам-то все еще помню, как живот от голода подводит...

К обеду пожаловала и женская половина дома. Хирра скромно и величественно, с оттенком наследственной враждебности, вышла в черном брючном костюме официального кроя, отличающемся от мужского лишь точной пригонкой по фигуре. Келла же со свойственным ей пофигизмом заявилась в футболке и широких шортах, а свою медовую копну собрала в два хвоста над ушами. Пай-девочка, да и только. Сегодня у нее не предвиделось инспекционного рейда в город, так что обличье атаманши «Орхидей» осталось невостребованным. Оно и к лучшему — сегодняшних посетителей лишний раз пугать не стоит. Жрецы и без того явно в полной кондиции.

За обеих жен оттянулась подопечная. К обеду Алир спустилась в не менее эффектном одеянии, чем к завтраку. Судя по всему, утреннее неглиже предлагалось счесть за проявление милой непосредственности, домашним вариантом чисто для своих. Обеденный же наряд явно был основательно продуман. Весь на одну тему. Не зря я сразу же обозвал новую обитательницу замка «Опушечной» — в самую точку попал.

Общий принцип — прикрыть поменьше, показать побольше — никуда не делся. Честно сказать, не поклялся бы, что на сей раз на ней вообще был хоть лоскуток ткани. Правда, и обратное утверждать не взялся бы. В затейливом узоре стеблей, листьев и цветов, оплетающих Алир с головы до пят, настоящие растения совершенно свободно чередовались с их подобием из цветных нитей, драгоценных металлов, наложенных прямо на кожу красок и иллюзий. Видимо, позавчерашняя хисахская танцовщица в исполнении Хирры поразила ее в самое сердце. Ну так то карнавал, а то домашний обед с посланцами Храма, да еще тайными!

Умильно приседая с полупоклоном перед каждым священнослужителем, подопечная безошибочно подошла под благословение только к архижрецу, хотя руку в осеняющем жесте к золотым локонам, перевитым цветами, тянули многие. Облеченный высшим саном толстячок не оказался исключением. Еще и в лоб звонко чмокнул напоследок, совершенно расплывшись от довольства. Пожалуй, заявись она совсем голышом и заберись на стол с ногами, прямо в главное блюдо,

иерарха не шокировало бы и это. Любимое дитя Победивших, что с такой возьмешь...

Ладно, главное, что хоть жрецы малость успокоились. А то с такого волнения, в каком они сюда пожаловали, кусок может не впрок пойти. Теперь же обеду было уделено достойное внимание. Все-таки Фроххарт мастер. Не в смысле поварского искусства — с соответствующими заклятиями и я не хуже пир отгрохаю, однообразнее, правда, на порядок и с явственным ветчинным акцентом. А в смысле — стюард... или метрдотель, не знаю, как это называется точно. В общем, тот, кто меню составляет. Сомелье, что ли?

Сановные отцы причмокивали, закатывали глаза к потолку и прямо на глазах приходили в добродушное состояние. Из интереса я попробовал то, что вызвало у них особенные восторги. Ну конечно же, курятина! Хотя на взгляд и не скажешь. Похоже, со времен прежнего хозяина Храма вкусы его подчиненных не изменились. Или даже со времен прежних повелителей замка Стийорр, которым Фроххарт служил дворецким в прошлое свое пришествие. Хотя... в ту пору жрецов традиционного противника тут наверняка не принимали!

Сейчас же всеобщее благодушие, не различая сторон давно закончившейся Войны Сил, расползалось по трапезной теплыми волнами, разве что вихрями по углам не крутясь наподобие тополиного пуха. Из такого цизальтинская малышня скатывает игрушечных белых мышат-тополино, оживляемых несложным заклятием да капелькой собственной крови. Красноглазые мышки живут столько, сколько помнит и любит их маленький хозяин или хозяйка, и рассыпаются от любого недоброго слова...

Но в данный момент такого слова здесь не приходилось ждать ни от кого. Даже у моей высокородной после третьей перемены блюд как-то притупилась наследственная предубежденность против жрецов Дня. Да и я худо-бедно отошел от предыдущего нашествия с его сугубо ругательной спецификой. Халфлинг-дворецкий просто гений, что подсуетился с этим обедом — на сытое брюхо серьезные дела обсуждать не в пример способнее. Ничего обидного не сорвется попусту с языка, натруженного должным образом, да и друг в друга с голоду не вгрызешься лишний раз.

Похоже, архижрец ощутил аккурат то же самое и в тот же самый момент, поскольку, запив очередной кус изощренно

приготовленной птицы добрым глотком красного вина, разведенного на храмовый лад смородиновым соком, он старательно утер жирные губы салфеткой, откашлялся и произнес:

— Благословен дом, где найдется хозяин хлебосольный и гостю усердно внимающий!

Это, видимо, надо счесть за благодарность и намек на переход к основному разговору. У храмовых все на святокнижный манер, не разберешь, где верная цитата, где подделка под нее. Святые отцы любую свою мысль могут облечь в витиеватые словеса. Некоторые временами сами путаются, где их высокая потребность, а где низменная божья нужда...

Но нынешнего гостя все-таки отличала некоторая доля реалистичности. Ибо следующая его фраза никакими книгами, тем более святыми, не пахла в принципе.

— А все горе на свете — от пидоров!!! — изрек он и в подкрепление своим словам даже ладонью по столу прихлопнул.

Ну, не все, конечно. Девки, например, залетают не ко времени как раз от правильных мужиков или хотя бы от сопляков той же ориентации. Но в целом мысль верная. И очень человеческая какая-то. От жреца эльфийских богов, с Ипорожденными же по преимуществу и имеющего дело, сие прозвучало слегка неожиданно. Тем более что и сам толстячок не выглядел особо мужественным, несмотря на должную долю маслянистости в глазах при каждом взгляде на ту же Алир.

— Может, от них же и Мировая Погибель случится.

Как выяснилось, в своем обличении любителей мужской однополой любви архижрец еще не дошел до конца. Правда, с Мировой Погибелью — это уже явный перебор. До такого преувеличения даже покойник Нохлис в предвыборных речах не доходил, хотя как раз от него если не всему свету конец, то небольшая местная погибель в пределах Анарисса произойти могла запросто.

— Вы только не думайте, что я это попусту. — Очевидно, тень сомнения в глазах слушателей обозначилась слишком явственно для облеченного саном рассказчика. — Собственно, потому и к вам пожаловали, что с вашим опытом вы единственный, кто может справиться...

Интересно, с чем? С Мировой Погибелью? Или с ее первопричиной в интерпретации верховного священнослужителя?!

— В конце концов, никто из ныне живущих более вас с Реликвиями дела не имел! — выпалил архижрец в заключение своей тирады.

Теперь еще и Реликвии... Они-то здесь к чему?! Воедино этот сумбур у меня как-то не складывался. И не только у меня — жены пришли в форменное остолбенение. Только подопечную и дворецкого оно миновало — одну по причине ничем не замутненного лучезарного любопытства, другого в силу профессиональной невозмутимости и выдержки.

Видя такую реакцию, толстячок счел необходимым пуститься в подробности. По его рассказу выходило, что одна из Реликвий, ежегодно выносимых в храме в поминальные дни — не более чем подделка! Для надувательства паломников она годилась, но в серьезном ритуале не стоила ртутного статира. Особенно в столь важном, как регулярная юстировка баланса Стихий, изрядно расшатанных в ходе Войны Сил, когда что День, что Ночь желали установить свою власть во всем мире, в том числе и буквально, навеки закрепив в правах соответствующее время суток... Без столь ответственного и сверхмощного ритуала Мировая Погибель — дело решенное в считанные годы, а Реликвия эта, Длань Справедливости, к нему необходима, как ключ к замку от погреба, который только и может дать доступ к колоссальным силам, способным своевременно поправить пошатнувшееся здоровье мира.

Срок для этой самой юстировки подошел уже давно — почитай, последний раз ее проводили где-то в начале Второй Меканской войны. Собственно, тогда же Реликвия и была утрачена. Точнее, похищена и увезена в Огрогоры. Что конечно, уже лучше, чем ежели бы она пропала безвозвратно, но требует определенных усилий по розыску и водворению на место. Каковую обязанность доблестные служители Победивших Богов собираются возложить как раз на Собачьего Глаза Пойнтера, в силу собственной малоподвижности, а также моего неоценимого опыта в обращении со сверхмощными магическими артефактами в экстремальных и просто походно-полевых условиях.

Эхе-хе... Никогда не знаешь, где и как настигнет ответственность за безобразие, которое вроде бы сошло с рук! Сделаться ведущим в мире специалистом по доставке и применению Реликвий в мои планы никак не входило. Тем более

практикующим... Ума не приложу, к чему ограм этот артефакт в их горах, фьордах или тундре! Моржей пугать, что ли?!

— А как-нибудь иначе... пробовали? — опасливо поинтересовался я. — Дипломатическим путем...

— Увы, нет, — печально развел руками архижрец. — Огр-Тинг тянет. Дескать, не смеет так распорядиться единственной гарантией выживания народа. А права на государственное вмешательство согласно договору у нас нет. Да и увольте, война не поможет — в горах щелей столько, что если они ее припрячут, можно искать до самой Мировой Погибели. Все оставшиеся годы... Так что — только частным порядком.

Понятно... Но все-таки почему с этой проблемой приперлись именно ко мне?! В глазах жен, на которых я оглянулся в поисках поддержки, читался тот же вопрос. У Хирры с оттенком наследственной отстраненности — дескать, это ваши Дневные делишки, так и разбирались бы с ними в своем светлом кругу. А у Келлы и вовсе с некоторым пренебрежением — мол, что за горе-маги, которые не удержали столь ценный компонент ритуала, а теперь не могут при крайней необходимости сваять артефакт-отмычку!

Только подопечная не по-хорошему напряглась, всерьез переживая страх от угрозы, будто направленной на нее одну прежде всего мира...

А у меня, помимо всего того же, что у прочих, в голове крутился еще один совершенно дурацкий вопрос — при чем тут эти... тьфу, лишний раз поминать не хочу, кто именно... В общем, среди крутых огрских мужиков их уж точно не водится!

Не зная, каким еще аргументом переломить наше нежелание ввязываться, архижрец помялся, покрутил салфетку в руках, впустую приоткрыл и снова закрыл рот, решаясь...

— Длань Справедливости похитили отнюдь не огры! — наконец выложил он все кости на стол, поняв, что без откровенности не обойтись. — Они лишь отобрали ее у истинного вора — зеркального демона, в обход договора возведенного в сие достоинство Безымянным Богом и Лунной Богиней.

Двойной демон сильнейших богов Ночи! Час от часу не легче. А памятуя двуполость Повелителя Звезд и его способ возведения смертных во внечеловеческое достоинство, становится ясно, какое отношение имеют к Мировой Погибели эти самые, неупоминаемые...

— С тех пор триста лет никто не видел похитителя. Скрылся в горах, затерялся, — мелко тряся щеками, толстяк торопился смягчить впечатление. — Но огры считают Реликвию единственной защитой от его возврата.

— Почему? — задал я законный вопрос. К тому же мне не давала покоя еще одна нестыковка: — И отчего он не применил Реликвию сам?!

— Длань — ключ к стихии Огня. А демон ледяной, он просто не может ею воспользоваться, — при этих словах Инорожденная Дня в ужасе прижала ладонь ко рту. Да и мне это кое-что напомнило.

Значит, вот как сошлось — Мировая Погибель, моя судьба не пропускать на своем пути ни одной Реликвии, и детские страхи новой обитательницы замка Стийорр... Неужто взаправду не отвертеться от похода в Огрогоры?! Некстати вспомнилась полуденная мысль о верховой прогулке. Вот и напророчил себе прогулочку, как Хогоха Неправедный — собственную смерть...

— Что еще? — обреченно выдохнул я. Пусть уж до последнего выкладывает.

— Только одно известно, — архижрец смущенно отвел глаза, старательно пытаясь не глядеть на светлую эльфь. — При жизни он был любовником высокородного ау Риер ау Сниотта, уарса Инерс, дяди присутствующей здесь...

— Это же он... Тот самый! — душераздирающе вскрикнула Алир, не дав ему договорить. Ледяной синий огонь ужаса заплескался в ее глазах. Светлоэльфийская дива заметалась в своем кресле, словно желая забиться в щель между подушками, цветы и украшения полетели с нее во все стороны. Наконец, опрокинув сиденье, подопечная вылетела прочь и метнулась к успокаивающе протянутым рукам моей высокородной. На миг две эльфи, темная и светлая, сплелись в единении, невиданном со времен раздора меж их богами.

Но сил Ночи не хватило, чтобы убаюкать страхи Дня. Теряя себя перед всесокрушающим, с детства неотступным ужасом, Алир цепенела, на глазах утрачивая признаки жизни. С остановившимися, наполненными страданием глазами она зябко сжималась, кажется, даже не дыша, точно умерла уже, похоронена, истлела в прах и растаяла вместе со всем миром во всеобщей гибели.

Вот оно как... Раньше я и понять не мог, что это такое — Мировая Погибель. Как это так, когда всему конец, без выхода, без надежды, без единого проблеска. А тут какая-то забубенная эльфь в одиночку показала мне весь ужас всеобщего завершения. Не поверить в это было уже невозможно, словно умер вместе с ней... Нет, хуже — убил, сам, собственноручно затянул в могилу от света, радости, жизни. Будто я и есть тот самый первый в мире вековечный умрун, которым служки в Храме Победивших Богов пугали друг друга невесть сколько дней, месяцев и лет назад!

Может, потом я сам себя буду проклинать в компании с более здравомыслящими супругами, но сейчас творящееся было просто невыносимо.

— Да... ну... раз так... — Слова не желали складываться ни во что разумное, будто тоже истлевая под напором подступающего небытия. Переборов себя непередаваемым усилием, я собрал их по кускам, словно окаменевший костяк вымершего чудовища доразумных времен, и сложил-таки во что-то жизнеподобное. — Ладно, в общем... Поеду, — вытолкнул я из себя и сам чуть не сложился вчетверо, ожидая реакции жен. Теперь они будут в полном праве попрекать меня за несусветную глупость. За податливость на девочкины мокрые глазки. Сами-то, хвала Судьбе и всем богам, ни разу такими приемчиками не пользовались, считая ниже своего достоинства брать мужа на слезу. Лучше уж попытались бы хоть разок — тогда сегодня у меня имелась бы к этому какая-никакая привычка. Не повелся бы на простейшую женскую уловку.

Или нет. От такого ни один мужчина не застрахован, как ни посмотри. Это ж каким злыднем пустодушным быть надо. Или какой лживой тварью и несусветной дурой должна оказаться плачущая, чтобы вызвать не всесокрушающую жалость — презрение. Даже Леах при искреннем раскаянии не окончательно теряла шанс на сочувствие...

К немалому моему удивлению, немедленной реакции не последовало. Хирра все так же не могла оторваться от подопечной, а Келла... на лице моей древнейшей отражалась любопытнейшая смена выражений — от прежнего скептического недоверия через недоумение к лукавому воодушевлению. Младшая жена явно сумела преобразовать для себя ситуацию в повод поразвлечься. Ей бы все приключения...

Значит, если я не хочу получить все, что мне реально причитается за дурную слабину, придется взять на «прогулку» в огрские горы хотя бы ее. Только чую, этим помехи храмовой миссии не ограничатся: где одна, там и другая. Одна надежда, что мою высокородную удастся удержать дома ради присмотра за подопечной. На одного Фроххарта я ее оставить не решусь, при всех талантах дворецкого...

Рано радовался. До той как раз дошло, что резона помирать заживо больше нет. Без малого семифутовая заплаканная растрепа распрямилась, расправляясь из позы зародыша, как бобовый росток под кухонным ускорителем времени для фаст-фуда. Из глаз у нее продолжало литься в три ручья, но теперь это были слезы радости.

— Ой, правда?! — ко мне на шею она не кинулась только оттого, что выпутаться из объятий старшей жены, когда та обеспокоена, не так-то легко. — И этого... противного... прогонишь совсем?!

Недурное иносказание для предстоящей мне с высокой вероятностью процедуры изгнания двойного, хорошо выдержанного демона из огрских гор... Все-таки инфантилизм младшей ау Риер — в своем роде исключительное достижение. Сравнимое разве что с ее же эмоциональностью, разнообразной и обильной, как гейзеры долины Ирва.

Архижрец, разумеется, не мог столь же бурно выражать удовлетворение от такого стремительного улаживания своей миссии, но уже без всякого стеснения расплылся в облегченной улыбке. Его спутники, почтительно примолкшие до сего момента, теперь ощутимо загалдели, забренчали бокалами, смешивая вино и сок, чтобы отметить успех.

Нам бы и чего покрепче не помешало бы...

Фроххарт с изрядно запотевшим графином возник у моего правого плеча едва ли не раньше, чем эта мысль — в голове. Халфлинги что, и без заклятий могут угадывать чужие желания? Или это уже личный талант дворецкого, развитый нехилым опытом до трудно представимых пределов?!

Трансальтинский горный шнапс заплескался по алмазным стопочкам. Моя высокородная встретила это почти с тем же энтузиазмом, что и я, а моя древнейшая — скорее снисходительно. Подопечная же привычно игнорировала алкоголь, стремительно приходя в норму без всяких стимуляторов. Свя-

щеннослужители обратили к своему шефу вопросительные взгляды, но тот лишь благодушно махнул рукой — мол, по такому случаю можно.

Что-то рановато все распраздновались. Опрокинув стопку, я привычно поморщился и поискал взглядом традиционный в таких случаях ломтик сала. Нашел, конечно, оприходовал, но благодушествовать не торопился и после того.

— Как понимаю, Длани Справедливости годятся все слова Огня? — решил я напоследок поинтересоваться кое-какими частностями, полезными в предстоящей экспедиции. Не то чтобы я сомневался в ответе — скорее сделал это для проформы, уже не надеясь вернуть разговор на деловой лад.

— Да-да-да! — с готовностью застрекотал архижрец, быстро-быстро кивая головой, словно все еще не мог прийти в себя от моего согласия на эту авантюру. — Разумеется, кроме «Омнифульгоре»...

Конечно, «Всесожжение» в исполнении сверхмощного магического артефакта — это уже чересчур. На полную Мировую Погибель не потянет, само собой, но менее чем второй горой Дройн не обойдется. Помнится, и первая-то явилась следствием именно данного заклятия в исполнении этой же Реликвии. Полных три тысячи лет уж, как не гаснет, — магическая «искра» попала на хорошие залежи угля. Впрочем, прожарить землю вглубь до пласта и растопить эту глубинную печь тоже немалая сила потребна. Так что поостерегусь впредь словами бросаться...

Видимо, после этого ценного предупреждения сочтя свою миссию окончательно исполненной, сановный толстяк суетливо засобирался прямо из-за гостеприимного стола. Едва губы утереть успел после финального кусочка куриной грудки в панировочных сухарях, да уделил минуту, чтобы разъяснить причину своей торопливости:

— Уж простите великодушно — поездка тайная, до заката мы должны обратно на месте быть.

О да, помню: «Истекает пора честных дел!» Как будто то, что они тут творили, пока солнце за горизонт не скатилось, было так уж честно... Ну да Победившие Боги им суд и мера. Хотя покровителем дел сутяжных искони были близнецы Аройх и Дароих, повелители младших лун. А они, как ни крути, Боги Побежденные...

Так что задерживаться до ночи, когда властвуют проигравшие Войну Сил братья и сестра правящего пантеона, у тех, кто служит победителям, действительно нет оснований. Тут им за все отлиться может, и хорошо, если дело обойдется всего лишь провалом этой их балаганной секретности. Может и похуже что стрястись, вроде стаи бродячих драконьих выродков или ватаги тех же мертвяков, недобитых Фиалом Света в силу удаленности от города...

— Не смею задерживать. — Пусть суховато прощание, зато очень подходит к моему привычному армейскому щелчку каблуками.

Жрецам, впрочем, и этого вполне хватило. Чай, не с солярным ходом вокруг городских стен пожаловали, под гонги да колокола, вот пускай и обходятся без особых церемоний.

Вслед за своим предводителем они сытыми мячиками выкатились из-за стола и, на ходу раскланиваясь, поскакали к выходу. На сей раз порция любезностей досталась не только Алир — моя древнейшая, да и моя высокородная на равных удостоились торопливых благодарностей и комплиментов. Разве что с благословениями к Хирре не подходили, памятуя о приверженности Ночи ее рода. Впрочем, темная эльфь, изрядно ошарашенная выходкой нашей подопечной, пребывала в благостном расположении духа и без раздражения принимала знаки внимания от служителей заклятых врагов ее семейства. Слегка рассеянно — это да, но без предубеждения и демонстративного поджимания губ, как в начале обеда.

Вот что творит стихия Воды с людьми... то есть с Инорожденными! Совсем размякла, хоть у самой тот же аспект в символипе базовый, только не дробной весенней капелью, а тонким ручейком — когда теплым лесным, а когда и жгучеледяным, талым. А тут одной бури в стакане хватило, чтобы самой чуть в слезный ливень не удариться...

Внизу Фроххарт деловито раздавал плащи добравшимся до прихожей гостям. Спорю, он уже и безрожек запряг, выведя их из стойл на предмостный дворик. Вот уж кому что День, что Ночь, что иные времена суток не помеха честной службе. Впору позавидовать — все, что только нужно, готов всегда справить к месту и вовремя. Зато и лишней работы на него никто не наваливает... не в пример хозяину!

Так или иначе, теперь за недосмотр предков, упустивших Реликвию из обычно цепких храмовых ручонок, предстоит отдуваться не ему и не скрытно покидающим замок жрецам, а лично мне. Да еще заодно с двумя, а то, чую, и всеми тремя эльфийскими дивами, от которых, конечно, толку и помощи немало, но и беспокойства не меньше. От двух из трех, во всяком случае. От третьей-то прямо наоборот — одно беспокойство, а какой с нее толк, я попросту в разум взять не могу.

Пока что, по крайней мере.

Тем не менее как-то само собой получилось, что именно я и Алир не спустились со всеми в холл. Жены, не откладывая в долгий ящик с рунами на крышке, уже обсуждали с дворецким перспективы отбытия, а мы, не сговариваясь, с разных сторон прошли по внутренней галерее к окнам, выходящим на северо-запад, немногим в сторону от цели предстоящего нам путешествия.

Только мне, стало быть, выпала напоследок краткая иллюзия передышки, свободы от обязательств. Да еще вечно беззаботную светлоэльфийскую диву ничуть не беспокоили грядущие странствия. Хотя, как я понял, за всю свою почти полутысячелетнюю жизнь она ни разу не покидала город дальше, чем на однодневный пикник.

Уже приведя себя в более-менее приличный вид, подопечная следом за мной шагнула на внешнюю галерею, в закат, сквозь косые тени оконных переплетов. Облокотилась на парапет, выгнувшись и слегка потянувшись, и уставилась прямиком на потускневшую за день, затертую в обращении медную монету солнца. При этом все же немного прищурилась и сжала зрачки в горизонтальные щели — с недавних пор я начал замечать такие вещи.

Рогачиха рогачихой тонкорунной, а туда же. И ведь не прогонишь, не цыкнешь, чтоб знала свое место. Себе дороже обойдется бороться с последствиями, оттирая с души собственную тоску от не заслуженной другим обиды... Вот такой подарочек принес в семью Приснодед на радостях, что почтили его праздник по высшему разряду, в шумной толпе, а не в тесном семейном кругу, как то происходило обычно.

— И что теперь с тобой делать?! — не сдержал я горестного вздоха. Само собой вырвалось, как рефрен всего предшествующего.

— Что хочешь! — безмятежно, будто все идет, как должно, ответила светлая эльфь. — Хочешь — держи при себе до смерти, хочешь — замуж отдай. А хочешь — вовсе убей.

— Это как?! — тут уж и пытаться удержать вопрос не стоило. — Я же клялся...

— Принять, содержать и отдать под более сильную клятву, — с готовностью подтвердила подопечная. — Про то, чтобы в живых оставлять, там ничего не было.

Вот тебе и на... Как же я упустил-то? У самого из головы вылетело в карнавальной неразберихе, или Арбитры не полный текст клятвы дали? Да нет, у них с этим строго — не посмели бы. Да и жены вряд ли смогли бы не заметить...

Значит, все в порядке вещей?!

— Ты же в полных родительских правах, — спокойненько, как само собой разумеющееся, пояснила Алир, подтверждая эту невеселую догадку. И под конец добила совсем: — А вдобавок еще и сам на мне жениться можешь без обряда расторжения родства.

Последние слова наконец-то отрезвили меня. Ну уж нет! Этого от меня никакому отродью семейства Риер не дождаться, что бы ни нес кузен тот сопливый! Особенно этой... Опушечной — после того, что ее сестрица Лесная учинила. Я себе не враг, да и женам ненаглядным такого родства в подарочек не подброшу. Чем они-то перед Судьбой провинились, чтобы долгие столетия терпеть подобное бедствие?!

Хотя и убивать беззаботную распустеху, конечно... слишком уж. Честно сказать, заслужить такое она попросту не способна, что ни твори впредь в том же духе. Раз уж даже ее куда более опасная родственница не дождалась от меня этого в свое время, с куда большими основаниями...

В младшей же ау Риер невозможно было найти и тени злонамеренности старшей. А что к светлоэльфийской диве, как Хогохой Неправедным приклятые, притягиваются всякие нелепости нехилого масштаба вплоть до демонов и Мировой Погибели — так не ее в том вина.

Сама по себе Алир оказалась совершенно безобидной.

...Чуть курнул — и сразу бледный вид,
Чуть немного выпил — так тошнит,
Чуть пошел работать — сразу труп,
Мы болеем за один и тот же клуб.

С чего все сопредельные страны так опасаются нашего воздушного флота, в толк не возьму. Но с Огрией, пусть и весьма номинально суверенной, договор на тему охраны воздушного пространства оказался подписан не менее дремучий, чем до недавнего времени с Хисахом. Разве что глашатая с факелом, идущего перед летучим кораблем, не предусматривалось. Просто все имущество, на которое падала тень воздухоплавсредства, предлагалось уничтожать, почву снимать на фут в глубину, а жителей подвергать обряду очищения. Причем все вышеперечисленное, включая компенсацию утрат и страданий что телесных, что душевных — за счет судовладельца.

Понятно, что после такого желающих слетать в Огрогоры проветриться как-то не находилось. Даже нам в годовой доход встало бы, при всей ренте одного из Высоких Родов. Умно кто-то из огров в незапамятные времена постарался отвратить скупердяйный Концерн Тринадцати от грядущих посягательств на небо своей родины...

Однако с флайботами ограничения хоть как-то понятны и привычны. Но вот понять, отчего с последнего перевала перед долиной Оград придется расстаться и с возможностью передвигаться верхом или в экипаже, не получалось в принципе. Это уже какое-то изощренное издевательство получается — совершенно не в огрском духе. Первые дети Матери куда как прямолинейнее в своих деяниях и мыслях.

Так что добираться придется верхами — не карету же в горы тащить! Да и то верные скакуны смогут послужить нам лишь до входа в священный оплот огрского народа. Хорошо, что на перевале обещалась гостиница не гостиница, но уж точно какое-то наемное жилье, где можно переночевать и оставить гекопардов.

Возможности отсутствия там мест для верховых животных я даже не допускал. Раз гекопардам дальше дороги все одно нет, так и так нас дождутся — не в стойлах, так в номе-

рах! Хоть все помещение под них сниму, заодно обезопасив себя от визитеров следом!

Раздражение от затянувшегося верхового путешествия давало себя знать. До северных гор добираться всяко не ближе, чем до Герисса, а тащить скакунов на воздушном крейсере Стийорров дальше Гатукана я сам зарекся. Привычные к беготне по стенам и потолкам, гекопарды мгновенно облазили весь корабль, суя носы и хвосты в самые неподходящие для того места вроде несущих дисков и ходового котла алхимреактора, не говоря уже о светосбросных башнях и турелях колесных стрелометов. Шипучий ночью приноровился дрыхнуть, свернувшись вокруг эмиттера главного искропривода, и с утра слегка мерцал и трещал разрядами, как сердитый кот. А в полуденную жару вся компания шестилапых перебралась в тенек под днище, меланхолично дремать на боттом-мачте, мешая управлению парусами. Еле зазвали зверей к вечеру на палубу, чтобы сложить нижние снасти при посадке...

Если с ехидным норовом своего верхового зверя и упрямством Белой, любимицы старшей жены, я был хоть как-то знаком, то повадки новеньких гекопардов, взятых для младшей жены и подопечной, оказались истинным сюрпризом. Черри-бренди — вишневая масть в оранжевых треугольничках, совсем как этикетка соответствующего напитка тайрисской выделки — своим любопытством могла довести до неистовства любого, кроме своей не менее любознательной хозяйки. Зато розовый — каким же еще ему быть! — в зеленую крапинку Морсик не уступал своей обладательнице назойливо-ласковой приставучестью.

Так что в совокупности наши верховые звери сделали бы честь любому балагану, являя собой чуть ли не весь набор амплуа персонажей классической труппы. Даром что гекопарды на сцене не выступают. Да и кто вообще пустит туда представителей мужского пола?

Разыгравшись, зверье не сразу осознало, что шутки кончились, даже ощутив под лапами острые камни огрского нагорья вместо гладкой деревянной палубы. Под седлами и вьюками и то порывались поиграть друг с другом в чехарду. Пришлось Хирре призвать скакунов к порядку с помощью родовых умений, чтобы те немного успокоились хотя бы к отлету воздушного крейсера.

Днище корабля, уплывающее в нависшие над самой головой горные облака, гекопарды проводили уже вполне вменяемыми грустными взглядами. Отчего-то и нам самим было ненамного веселее начинать путь к перевалу.

Выше границы альтийских лугов вступила в свои права ранняя осень, внизу только намечающаяся. Здесь же хрусткий иней на камнях не исчез к середине дня, словно уже подступила самая грань зимы. Это неприятно напоминало, что любая задержка может заставить нас зимовать за этим перевалом, в огрских домах — если то, что строят огры, вообще можно назвать домами. Понятно, что никто из присутствующих сего никак не жаждал.

Попарно — двое спереди, двое чуть поотстав, — мы втянулись в неширокую расселину, сквозь которую дорога обещала вывести к обещанному жилью. Отчего-то это напомнило мне совсем другое ущелье, где в свое время Келла нашла себе домашнего любимца.

Впрочем, здесь, в Огрогорье, никаких крупных хищников не предполагалось. Ни местных, ни привозных — после хисахского опыта, оказавшегося вполне успешным, младшая жена безропотно согласилась оставить дракота дома под «хрустальным» заклятием. Тем более что на сей раз мы планировали отсутствовать не пару дюжин лет, а самое худшее одну зиму — если снег упадет раньше положенного и запрет нас за перевалом.

Под эти мысли расселина как-то незаметно закончилась, выводя нас на покатый склон, за которым не было уже ничего, кроме неба. Более высокие отроги граничного хребта вздымались далеко по сторонам, а впереди виднелась лишь верхушка одинокой скалы. Потихоньку поднимаясь, мы выбрались на сравнительно плоское место, с которого этот ориентир открывался во всем своем великолепии... хотя скорее уж этому зрелищу подходило определение «во всем безобразии».

Точнее, бесформенности и нелепости — постройка, облепившая подножие скалы и пронизавшая ее расщелины, была не столько уродлива, сколько совершенно хаотична и лишена всякого единства стиля. Флигели, пристройки, галереи, веранды, террасы, крытые и открытые переходы, лестницы с яруса на ярус переплетались и нависали друг над другом, прихотливым клубком оплетая монолитный камень скальных зубцов. Каменные, кирпичные, фахверковые и деревянные

стены, черепичная, тесовая и соломенная кровля, дранка и плетеные циновки — все было перемешано в совершенно непредсказуемую мозаику, разрываемую то зеркальным тонированным стеклом, то витражом, то панелью из бутылочных донышек, а то и вовсе рамой, попросту, по-деревенски, затянутой рогачиным пузырем.

Определить, какая из сторон строения является фасадом, оказалось бы затруднительно, если б не вывеска, с которой как раз в этот момент возился какой-то невысокий седоватый человек в кожаных штанах и меховой жилетке поверх свитера грубой вязки. Опасно балансируя на малярной стремянке, он отодрал широченную доску с вырезными краями, спустил ее вниз и принялся приспосабливать на то же место другую.

На мой взгляд, старая вывеска была даже покрепче и поярче новой. Зато на порядком потертой доске буквы смотрелись не в пример более разборчиво. Без всяких излишеств и кричащих цветов в духе минувшего Приснодня.

Остановившись поодаль у изрядных размеров почтового сундука на кряжистом столбике, мы почтительно наблюдали за священнодействием. Во всяком случае, я только наблюдал, а вот Келла посчитала необходимым вмешаться.

— Левый угол выше! Поправьте! — прокричала младшая жена запросто, не делая никакой попытки представиться.

— Спасибо, хай-мэм, — невозмутимо отозвался человек, не оборачиваясь. — Так?

— Еще немного, — милостиво соизволила дать указание бесцеремонная эльфочка. — Вот... Хорошо!

Адресат ее советов сноровисто приколотил вывеску парой гвоздей и степенно спустился со стремянки. Теперь надпись стала полностью видна, оказавшись не менее удивительной, чем само озаглавленное ею строение. Черные буквы с заглавной красной на желтом фоне сложились в нечто совсем несообразное — Отель «У утопшего водолаза».

Какие в горах водолазы, затруднялся представить даже я. Горные, не иначе... раз есть озеро с водопадом, почему бы при нем не обретаться профессиональным ныряльщикам? Горные речки от ледников у самых вершин намывают много чего, способного осесть в холодных глубинах. Золото, самородные магические кристаллы, да мало ли!

Человек, складывающий стремянку, заметил наше обалдение и поспешил торжественно разъяснить загадку.

— Там! — произнес он неестественно низким и глухим голосом, указывая наверх зажатым в руке молотком. — Вон там это произошло. На той вершине.

Острие скалы, служившей основанием сему нелепому отелю, никак не могло содержать в себе горное озеро. На нем и чашку воды поставить было некуда. Но данная несообразность прояснилась из дальнейшего монолога местного гида.

— Он упал сюда, хай-джентри, вывалившись из низких туч, и разбитое стекло его маски было обращено к небу, с которого он пришел. Это убило бы любого, но он был уже мертв, когда скала переломала его кости. Здесь, среди гор, где ручей не способен погубить даже жалкую травяную крысу, он утонул! Сотни длинных тонн воды пролились следом, и океанские рыбы бились на камнях, разевая зубастые рты!!!

Картина, явленная моему воображению, по своей абсурдности вполне соответствовала нынешнему виду скалы и застройки на ней. Видно, с тех самых времен дело и не задалось...

Теперь все понятно. Не иначе дыхательное заклятие кончилось по пути из ближайшего отсюда океана, вот и утоп бедняга. Так что никаких чудес — обыденная смерть, просто в необычном месте, посредством редкого сочетания стихий.

— Чего изволите, хай-джентри? — уже нормальным голосом спросил человек, утирая рукавом вспотевшую от натуги физиономию и засовывая молоток за пояс. — Обед, комнаты, ванну с дороги?

На последнее, применительно к названию отеля, я бы не решился, а первые два предложения очень к месту. Дело к вечеру, завтрак был давно, а спускаться с перевала на ночь глядя, даже в тихую погоду — последнее дело. Так что обед и комнаты никак не помешают. Примерно так я и выразился, напоследок еще спросив:

— Стойла и корм для скакунов найдутся?

— Найдутся! Все найдется, — усмехнулся в ответ трактирщик или кто он там. — Знали бы — не спрашивали...

— Что знали? — тут же вступила со своим любопытством Келла.

— Чего не спрашивали бы? — опасливо поинтересовалась следом Алир.

Только Хирра ничего не спросила, но почему-то мужчина обратился по большей части именно к ней.

— Разрешите представиться, хай-джентри: Свен Яндексон по прозванию Все-Найдется! — ответил он с почтительным полупоклоном. И уже потише, словно стесняясь, прибавил: — Раньше или позже...

В ответ старшая жена осыпала его многообразием наших титулов, что уже вошло у нее в привычку при всяких незапланированных знакомствах, и под конец прибавила:

— Будьте любезны распорядиться послать за нашим багажом.

— Простите, хай-мэм, распорядиться особо некем, — развел Свен руками, едва не упустив стремянку. — Один я здесь, так что не взыщите за заминку, пока сам справлюсь...

Отставив лестницу, на все руки трактирщик распахнул дверь приглашающим жестом. Опровергая его слова о полном одиночестве, из глубины дома донеслось какое-то цоканье, и на порог выскочил крупный пушистый зверек — по колено хозяину в холке, фута три длиной, еще столько же — роскошный хвост, да с фут просторные, украшенные кисточками уши.

Вот уж кого менее всего думал увидать в огрских горах! Фокскви́ррел — не здешний обитатель, в тайрисской тайге водится. Ловят его на любопытство, ради пышной шубки, а в богатые семьи продают живьем на забаву детям. Зверек привязчив и, в отличие от настоящей лисы, довольно чистоплотен. Во всяком случае, вылизываться и охорашиваться способен едва ли не круглые сутки.

Рыжий мех в серых пятнышках и сейчас отчаянно искрился, любопытные глаза на острой мордочке блестели огромными черными маслинами, а усы вокруг подвижного черного носа горделиво топорщились. Зверек откровенно красовался перед гостями, показываясь со всех сторон, пока не разглядел, кого принесла Судьба на порог его дома. Соскочившие с гекопардов эльфийские дивы поразили неполноразумного модника в самое сердце. Забыв о всяком достоинстве, фокскви́ррел со всех лап кинулся к моему семейству.

Похоже, домашний любимец Свена влюбился в обеих жен и подопечную с первого взгляда. Он терся об их ноги, трогательно закинув голову и заискивающе ловя взгляды, беспар-

донно запрыгивал на почтовый сундук и перила крыльца, призывно выгибая спинку высокой дугой, а под конец, обнаглев, уже впрямую просился на ручки. Разумеется, вскоре он был углажен в три пары рук — даже Хирра рассеянно снизошла до щекотания серо-рыжего загривка. Без особого применения родового таланта, поскольку здесь этого не требовалось — фокскввиррел и так был на все готов ради внимания красивых эльфей. Любимый хозяин оказался бессовестно забыт, меня же самого зверек откровенно игнорировал.

Оно и к лучшему. Для него самого в первую очередь. Не терплю, когда под ноги подворачиваются праздношатающиеся бестолковые тушки — могу и пинком подсобить с дороги убраться. Только стоит это проделать, и обиженного писка не миновать, не от самого зверька, так от безудержно тетешкающей его Алир или, хуже того, от самого Яндекссона... А нам здесь гекопардов оставлять.

Трактирщик, легок на помине, оттащив в холл первую пару горных рюкзаков, как раз вернулся за второй и последней.

— Шпиннэ, не приставай к гостям! — шутливо, больше для порядка, прикрикнул он на домашнего любимца, заметив, как зверек вьется под ногами у хохочущих эльфей. Тут уже и я не сдержал усмешки. Остроумия Свену не занимать, раз назвал своего фокскввиррела именем купца из трансальтийской сказки про снежную дочь Судьбы и Приснодеда, отданную на воспитание в простую семью. Сей персонаж тоже, помнится, отличался редкостным неравнодушием к женскому полу и сопутствующим тому непостоянством...

Семейство в сопровождении галантного Шпиннэ сразу проследовало в холл, а я на пару с Яндекссоном отвел гекопардов за дом, в теплые крытые стойла, где им предстояло дожидаться нас долгие дни, недели, а может, и месяцы. До самой весны, под вой зимних буранов, хруст наледи под'ярым горным солнцем да грохот отдаленных лавин...

От мрачных мыслей не помогло отвлечься даже довольно трудоемкое расседлывание скакунов. На серьезные замки с магическим кодом помимо обычного ключа были заведены не только привязные ремни, но и подпруги седел, предназначенные, чтобы удерживать седока на крутых виражах, а то и вниз головой. Отключать систему безопасности на каждой пряжке оказалось довольно муторно. Тем более что нервный

Морсик то и дело дергался, переступая с лапы на лапу, а любопытная хулиганка Черри норовила принять в процессе живейшее участие, засунув морду едва ли не под самое брюхо, прихватывая пастью свободно болтающиеся ремни и толкая носом под руку. Старые гекопарды были привычнее ко всему и переносили операцию по избавлению от седел куда более флегматично.

Из стойл в холл мы возвращались уже не по прежней дороге, а под крышей, по изрядно запутанным переходам. Стены сближались и расходились, меняя материал, пол под ногами то повышался, то понижался. Один раз пришлось протискиваться по зябкому коридору чуть шире плеч, прорубленному прямо в скале.

Лишь его один не загромождали шкафы, сундуки и коробки. Все прочие проходы, галереи и коридоры были отчаянно забиты всяческим барахлом в поистине удивительных сочетаниях. Резные трансальтийские сундуки соседствовали с изящными плетенками нашей, анарисской работы, с суконными баулами вроде исполинских кисетов, обшитых понизу грубо выделанной рогачиной кожей, а сверху прикрытых замшевой дождевой полостью с узорами Союза Племен, и с низенькими цветастыми комодиками, сооруженными где-то в Гериссе на хисахский манер.

С пугающей равномерностью все это разнообразие перемежалось солидными безликими шкафами конторского образца и буфетами, заставляющими вспомнить о домашнем быте чиновников тех же контор. Сходство с присутственной мебелью усиливали кодовые замки на дверцах, вроде сейфовых — с тремя вращающимися кольцами, каждое из которых усеяно рунами. Их можно было перепутать только с круглыми тренировочными мишенями наподобие охотничьих, также в изобилии развешанными повсюду.

Похоже, здесь для каждого найдется свой уголок. Последний домашний приют, так сказать. Чтобы любой мог преклонить голову в знакомой обстановке перед решительным шагом в чуждую и неприветливую Огрию, от которой вокруг наблюдался только изрядный простор большинства помещений. Уютно, конечно, и по-своему неплохо устроено. Только очень уж захламлено, на мой вкус. Боюсь, что по возвращении мы собственных гекопардов не отыщем в этой супербарахолке...

Наконец мы со Свеном выбрались из загроможденного до предела лабиринта коридоров к главному входу. Прямо напротив такового холл был украшен камином даже не огрского, а какого-то уже совершенно непредставимо грандиозного размера. Достаточно сказать, что межэтажная площадка парадной лестницы, охватывающей гигантское сооружение с двух сторон, располагалась на каминной полке, при этом не занимая ее полностью.

Тем временем семейство поднялось по паре лестниц в верхний холл. Пылающий внизу камин эльфей не привлек — не так уж и холодно было пока снаружи. Мы присоединились к ним, миновав теплый камень лестниц, картину на площадке, изображающую летящего дракона и трех зевак, и собрались в не особо большой комнатке прямо над вывеской. Резной верхний край ее виднелся в окне, забранном на тайрисский лад частым переплетом.

У окна располагался столик, окруженный пухлыми замшевыми креслами. Жены и подопечная с комфортом расположились там, не рискуя утонуть, я осторожно присел на краешек, а трактирщик подошел к очередному шкафу казенного образца, украшавшему и это помещение, и полминуты возился с кодовым замком, подбирая комбинацию, пару раз сбиваясь и начиная все снова. Ума не приложу, зачем так беречься здесь, в захолустье, вдалеке от города с его дорассветными охотниками до всего чужого? Огр при случае дверцы такого шкафа щелчком вынесет! Да и что прятать-то понадобилось с такими предосторожностями?!

Наконец дверцы шкафа распахнулись, явив его внутреннее устройство. Точнее, полное отсутствие такового — просто проем, выходящий в другую комнату, забранный полками, на которых теснились различные бутыли и прочая посуда.

Из особо пузатой, чуть ли не в галлон, бутыли Свен наполнил четыре здоровенных кружки, насыпал в каждую пряностей из полудюжины разных пакетиков и поставил взбалтываться под крышки барной «трясогузки». Вдобавок ко всему еще и разогрев запустил, зажегши в сетчатых чашках под донцами кружек горошины сгущенного огневого тумана, вроде файрболльной шрапнели. От быстрой тряски огоньки мгновенно разгорелись и заплясали в своих сетках, словно жуки-фонарники над болотом. Наложившись на собственный

ритм «трясогузки», этот огненный танец сплелся в совершенно завораживающую огненную паутину — так быстро метались огоньки. Глаз не отвести. Даже жалко стало, когда все закончилось и Яндекссон, осторожно прихватив горячие кружки попарно за деревянные рукояти, подал питье на стол.

— За счет заведения, хай-дженгри! Огрская медовуха с пряностями.

Рука сама собой потянулась за угощением. Не оттого, что дармовое, а из любопытства: если с огрской национальной кухней любой в Анариссе знаком по шурум-буруму, то до их выпивки добираться раньше как-то не приходилось. Пахло на редкость завлекательно. И то, что хозяин не налил себе, не внушало опасений — ему же еще работать. Хотя при такой частоте клиентов не сопьешься...

Хирра с Келлой тоже с готовностью ухватили кружки. А вот Алир даже не сделала попытки потянуться за своей.

— Я не пью... Простите, — умильно потупилась светлоэльфийская дива.

— Да какие тут градусы, хай-мэм!!! — замахал на нее руками трактирщик. — Одна видимость! И то все выпарилось при подогреве...

Аргумент на подопечную подействовал или вкусный запах из кружки пересилил предубеждение, но только сперва осторожно; а потом со все большим энтузиазмом она принялась поглощать содержимое посудины.

Оно того стоило. На редкость легкая и вкусная штука, которая как-то по определению не вязалась с ограми. Скорее уж с тайрисским пасеками, с которых тут вел происхождение не только этот напиток, но и кличка фоксквиррела, да и сам этот зверь. Чую, несмотря на вполне местное имя, трактирщик немалое время провел на таежных рубежах у самых альтийских гор.

Что заставило его поменять одни горы на другие, а затем обратно, я задумываться не стал, но осведомленность свою во вкусах народов мира выразил в ироничном вопросе:

— Так уж и огрская? Что-то вкус больно альтийский...

— Вас не проведешь, хай-сэр, — усмехнулся Свен. — Огрский только мед. А рецепт с самого Нагорья.

— А гвоздика, имбирь и корица — из Хисаха! — подытожила наш разбор Келла, со времени нашей последней поездки пристрастившаяся к тамошней кухне.

В ответ Яндекссон только развел руками, сгреб со стола опустевшие кружки и повернулся к шкафу, чтобы убрать их до мытья на нижнюю полку. Разомлев от удовольствия, я проследил взглядом за исчезающей посудой...

И внезапно сообразил, что сквозной шкаф должен бы выходить на лестницу, по которой мы сюда поднимались, и глухую стену за ней. А в нем явственно виднелись кухонный стол и окно, в котором светило склоняющееся к закату солнце. Такое же, как в том окне, у которого стоял стол. Да и снаружи комнаты никаких дверец что-то не было заметно.

Обернувшись, трактирщик застал меня ошалело вертящим головой от одного окна к другому.

— Подальше положишь — поближе возьмешь, хай-сэр! — пояснил он с негромким смешком, сходу распознав причину моего изумления. — У меня все шкафы-буфеты-гардеробы и прочие сундуки телепосылом связаны, чтоб по гостинице лишнее не таскать.

— Это что же, у вас все они в один соединены? — вдруг задала вопрос Алир, пока я переваривал услышанное.

— Точно так, хай-мэм, — обрадовался Свен понятливости высокородной клиентки. — Раз и навсегда, открытым каналом. Этакий гипершкаф и выходит...

— А не опасно? — вступила в разговор Хирра, явно остерегаясь того же, что пришло на ум и мне самому.

— Нет, хай-мэм, — трактирщик словно ждал вопроса. — Чтобы кто попало не лазил куда не надо, адресные кольца только на командных шкафах, а все адреса у меня. Клиентам доступны только их собственные и общие ссылки.

Ну, положим, грамотный специалист-маготехник такую систему расколет запросто... Да где ж здесь такого взять, кроме меня? А я возиться с этим... гипершкафом не собираюсь по определению. Пусть Яндекссон наслаждается своим творением — видно же, как он гордится остроумным применением дешевого и надежного на небольшой дистанции телепосыла.

Демонстрируя возможности любимого детища, трактирщик с заговорщицким взглядом захлопнул дверцы шкафа и молодецким жестом крутанул наборное кольцо. С видом балаганного мага распахнул створки...

За ними ничего не оказалось. Ни другого помещения, ни

полок, ни вешалок. Только серо-фиолетовый туман. Причем увиденное оказалось сюрпризом и для самого Свена.

— Сбоит иногда... — пожал он плечами с явным смущением и захлопнул дверцы. — Набирать надо тщательнее. Но вы не бойтесь, хай-джентри, если что пропадет — возмещу!

Ну да, возместит он... Вздумай кто из нас положить в засбоившую таким образом гостиничную тумбочку пусть даже не Реликвию, а обычный магический жезл с заведенным на него пакетом дорогостоящих заклятий — возмещать стоимость утраты трактирщику придется до самой Мировой Погибели. Я уж не говорю про фамильные драгоценности!

Похоже, тот и сам все это понимал, но отказаться от замечательной магической игрушки был не в состоянии. Из чего и проистекало отчетливо заметное чувство неловкости.

Видимо, чтобы окончательно доконать создателя гипершкафа, на дверцу выполз таракан. Трехдюймовый, с того же размера усищами, да вдобавок ярко-желтый в алый горошек, словно «божий рогачик» или лидер тяжелобомбардировочной эскадры, обязанный прокладывать курс остальным воздушным кораблям соединения! К первому таракану присоединилась пара соплеменников калибром поменьше, уже не столь психоделической расцветки. Не иначе, ведомые первого звена тараканьей ТБЭ.

Окончательно смешавшись, Яндекссон замахнулся на незваных гостей явно привычным жестом.

— Эти еще лезут не пойми откуда! — пробурчал он. — Причем нет чтоб обычные — все такие вот... Простите, хай-джентри.

Впрочем, в этот момент у меня появилась причина для беспокойства помасштабнее трех тараканов, с достоинством удалившихся в ближайшую щель.

От оконного стекла явственно потянуло холодком. По частому переплету мелькнула быстрая тень — не такая, как от облака или птицы. Даже дракон, тесайрский дактиль или боевой нетопырь иначе оказывают себя при пролете. Все одно крылатые твари... а тут словно змея по небу проползла стремительным извивом. Только рама глухо стукнула и шатнулась в оконном проеме под бесплотным ударом.

Вслед за мной повернули головы к окну и все остальные.

Снаружи не было ни гор, ни неба. Лишь стремительно клубящаяся белизна, словно все вокруг затопило кипящим молоком. Стекла в мгновение ока едва ли не целиком затянул морозный узор, изукрасивший их ледяными подобиями небывалых в горном климате меканских пальм.

Лавина?! Непохоже... Ни звука, да и снесло бы нас давно, будь это сход многотонной массы снега с какого-нибудь из окрестных пиков. К тому же, окажись такое возможно, гостиница здесь просто не стояла бы. Тогда что же это?

В окно снова с оттяжкой, словно плетью, ударил снеговой заряд. Это от него, точнее, от его предшественника пронеслась непривычная длинная и гибкая тень. Словно хисахская танцовщица взмахнула полупрозрачным газовым покрывалом.

Буран это оказался, обычный горный буран. Вовремя мы под крышу забрались, и хорошо, что успели завести в теплые стойла гекопардов. Неожиданно, конечно, да и рановато что-то, но вполне в порядке вещей. И как только подкралась непогода столь внезапно — ни облачка же не было на десятки миль вокруг! Когда с воздушного крейсера Стийорров высаживались, сверху было хорошо видно.

Расслабившись, я отвернулся было, но тут же натолкнулся на обеспокоенный взгляд Яндекссона. Трактирщик уставился за окно с нескрываемой тревогой, словно ожидая куда худшего, чем раннее похолодание, от которого с легкостью защитит что главный суперкамин, что прочие его собратья, разбросанные по номерам. В крайнем случае, подкроватную жаровню с вытяжкой можно углями засыпать...

Неужели дело серьезнее, чем показалось? Лавина не лавина, но что-то сравнимое с ней по вредоносности... такая беда в Огрогорье водится только одна. И как раз против нее-то я и направлен бороться — не силой, так хитростью.

Силой тут и не навоюешь. Вон какая мощь в буранном напоре — стекла в раме дребезжат, да и весь отель скрипит и подрагивает под натиском снежной стихии. Даже с Дланью Справедливости наизготовку я бы всерьез задумался, как справиться с таким. Даром что сия Реликвия заточена под работу со стихией, противоположной Камню, — а что есть лед, как не вода, затвердевшая до каменного состояния?

— ОН это... — внезапно охрипшим голосом подтвердил мою догадку Свен.

Значит, точно ледяной демон в гости пожаловал. Собственной персоной. Как знал, что мы явились по его душу, скованную ритуалом обречения. Неплохо работает у стервеца заднее чутье — еще бы, при его-то склонности к однополой любви!

Алир тихонько пискнула и прижалась к Хирре, по уже образовавшейся привычке ища защиты именно у нее. Келла, напротив, любопытно приникла к окну, пытаясь высмотреть в снежной круговерти наперсника Побежденных Богов, пятую сотню лет скрывающегося среди ледников Огрогорья. Яндекссон наблюдал за ее попытками с опасливым трепетом, а я — с куда более прозаической тревогой: так и нос застудить недолго, либо приморозить к стеклу кончик языка, как всегда в важные моменты чуть высунутый изо рта младшей жены. Этой особенностью древнейшая кровь не уступала пятой расе разумных, вторым детям Отца. Вот ведь драконья порода...

— Может ли демон забраться внутрь? — обеспокоенно поинтересовалась моя высокородная у хозяина заведения, не переставая успокаивающе поглаживать подопечную по золотым локонам.

— Никак, хай-леди, если сам не впустишь, — заверил мою старшую жену обстоятельный трактирщик. — Огонь от печных труб Ледяного далеко держит, а двери-окна, пока на запоре, для него вроде как не видны.

Особенность эта у нежити и впрямь приметная — восприятие у возведенных в демонское достоинство меняется изрядно. За новые виды зрения, слуха и чутья, за магическую и телесную мощь с бессмертием зачастую приходится платить некоторыми простыми способностями, вроде восприятия различий между цельными и составными предметами, движения не по самой простой траектории или возможности пересекать текучую воду, горящий огонь и прочие завесы стихий, противолежащих той, что образует демона.

Остается надеяться, что окна-двери в гостинице накрепко затворены, а стекла и филенки в них целы. Впрочем, судя по осведомленности хозяина заведения, нечего опасаться, что нежити оставлена какая-то лазейка.

Так же внезапно, как налетел, буран улегся, явив взорам пронзительно-синее горное небо, дальние пики и гладкую снежную равнину, подступившую к самому подоконнику.

В самом буквальном смысле слова — искрящийся снег расстилался прямо от середины нижнего ряда стекол, подползая языками к переплету, отделяющему следующий ряд. Это на втором-то этаже здания, рассчитанного на одиннадцатифутовый огрский рост!!!

Одно утешало — при всей замечательной видимости никакого демона вокруг не обнаруживалось. Даже наоборот — если б не снег, можно было бы забыть о всяком присутствии ледяной нежити на много миль окрест. Ни следа облаков, клубящихся над самой головой, и прочих признаков непогоды, возвещающей постепенный подход зимы. Солнышко так жжет, что глазам больно, хоть надевай в помещении предусмотрительно захваченные темные очки...

Свен потянулся задернуть занавески, но вдруг замер не дыша. Мы перевели взгляды с него на нестерпимо сверкающие морозные узоры на стеклах и остолбенели так же основательно.

Напротив, вплотную к окну, стояли голые ноги, отчетливо видимые сквозь незамерзшие островки стекла. Из-за огромного размера — больше даже самого большого огрского — они были видны лишь чуть ниже колена Узкая изящная ступня в пару с лишним футов, тонкие лодыжки и стройные икры соответствующего размера. Чуть тяжеловаты для женщины, но слишком легки для парня, даже эльфа...

Еще ноги были светло-синие. И вроде как полупрозрачные!

Ну вот, накликали — пожаловал-таки демон, самым недвусмысленным образом. То есть как раз на редкость двусмысленным, даже если не брать в расчет двойственность его натуры и удвоение магических возможностей прижизненным обречением сразу двум сильнейшим из Побежденных Богов...

Ноги развернулись и отошли прочь от окна, потихоньку открывая все, что расположено выше колен. Совершенно обычное тело без всяких шипов и панциря — вроде человеческого или скорее эльфийского, только футов пятнадцати ростом и яркого, насыщенного светло-синего цвета. Вдобавок на истинно по-эльфийски бесстыжем демоне не было ни единой нитки одежды. Так он и шествовал голышом по сахарно-хрусткому даже на вид снегу, не оставляя следа и не производя ни звука. Выглядело это на редкость дико — однако вполне логично.

А чего я ждал? Что ледяная нежить будет от собственного холода в тулупе хорониться? Да еще бороду отрастит, навроде Приснодеда, чтоб рожу не морозить — это при известных-то склонностях...

Отойдя на пару дюжин ярдов, далеко за почтовый сундук — единственное, что нарушало целостность снежного поля, — демон счел, что настала пора показаться во всей красе. Остановился, потягиваясь, и картинно развернулся, небрежно откинув за плечо волосы, стелющиеся по воздуху без всякого ветра.

При виде сюрприза, преподнесенного нежитью, лично мне захотелось протереть глаза: наш демон оказался демоницей!

А, нет, все-таки демоном...

Телосложение пятнадцатифутовой фигуры и черты лица не позволили бы отнести их владельца ни к одному из полов, если бы не четко различимые признаки обоих. Первичный — все-таки мужской, но уж вторичные — однозначно женские, причем такие, словно сила тяготения по отношению к ним не действует и не действовала никогда. И не так уж они велики, вполне пропорциональны росту. В отличие от признаков расовых. Похоже, ставший демоном смертный хотел доказать всему миру, что был и остается эльфом. В связи с чем в это утверждение как-то не верилось.

Зато все остальное выглядело весьма убедительно, включая синее сияние в провалах глаз, ноздрях и хищной прорези узкогубого рта. К тому же, в отличие от одежды, украшениями обоеполый не пренебрегал. Ртутное сверкание металла и дрожащие блики незнакомых самоцветов оттеняли налитую полупрозрачную синеву кожи и нежную голубизну по-эльфийски длинных волос. Стильно смотрится, сволочь...

Как ни воротило с души, но пришлось рассматривать демона во всех подробностях, чтобы не пропустить Длань Справедливости, способную с легкостью затеряться среди прочих цацек, которые тот на себя навесил. Хотя вроде бы та должна сама собой принимать размер, соответствующий владельцу, и никак не может сойти за особо замысловатую подвеску. Перчатка все-таки, пусть и магическая, меньше руки оказаться не способна.

Даже за пару минут самый придирчивый взгляд так и не обнаружил на обнаженном теле нежити минимум полутора-

футовой (в данном случае) Реликвии. Никакой Длани Справедливости при демоне не оказалось. Так что хотя бы в этой части храмовая вводная верна.

И все равно, с Реликвией или без, обоеполый оставался самой опасной тварью из всех, с кем мне приходилось сталкиваться. Тесайрский Воин-Жрец и то послабее будет, хотя намного разнообразнее в своих возможностях. Мощь нежити ограничена ее природой, но в пределах таковой попросту непредставима. Никому из живых не посоветую испытывать ее без сообразной защиты или надежного пути к бегству.

Хорошо, что все мы здесь невидимы и неслышимы для демона, по крайней мере, если сами не пожелаем обозначить свое присутствие. А на такое сумасбродство никто из присутствующих не способен — ни привычный к соседству с нежитью Яндекссон, ни напуганная ею на всю жизнь Алир, ни магически грамотные Хирра с Келлой, ни тем более я. Разве что...

Шпиннэ. Что-то давненько не видно приставучего фокскваррела. С самого возвращения в холл на глаза не показывался. А при его любопытстве и тяге ко всему новому, не сдерживаемым полным разумом, можно ожидать любой дурости. Еще спалит глупый зверек нашу ухоронку, не дай Судьба!!!

Не успел я повернуться к Свену с вопросом, надежно ли упрятан его любимец, как тот сам показался на глаза. Вполне безопасно для нас всех, но крайне неудачно для себя самого. Мелькнув серо-рыжей молнией, фокскваррел выскочил на снег из полузанесенного почтового сундука! Уж не знаю, как ему это удалось — загодя там спрятался или пролез через гипершкаф. От ушлого тезки ухаря-купца из трансальтийской сказки можно ждать и не того...

Похоже, трактирщик дал имя своему любимцу не по одной склонности к прекрасному во всех проявлениях. Увы, на этот раз любопытство и тяга к красоте подвели зверька, притянув к существу не в пример опасней, чем эльфийские дивы. Утратив всякое соображение, фокскваррел завороженно побрел к демону, увязая в глубоком снегу. Не справился с заносом, провалился и дальше передвигался смешными прыжками, словно мышкуя.

Вот только добычей на этот раз был он сам. Голубой демон заметил крохотную искорку Жизни на бескрайнем снежном пологе и заинтересованно повернулся к зверьку. Хищ-

ная усмешка исказила безупречный рот, на миг превратив его в дугу, сияющую, словно разряд «герисской банки».

Не вняв этому предупреждению, Шпиннэ продолжал стремиться навстречу опасности. Допрыгав почти до самых ног нежити, он уселся в снегу столбиком, умильно сложив перед собой лапки и задрав хвост совсем по-беличьи. Мордочку зверек тоже со всей силы вытянул вверх и тихонько затявкал, пытаясь обратить на себя внимание. Такого фокскввиррел не позволял себе даже с моими женами и подопечной...

Усилия бедолаги Шпиннэ достигли цели. Вдоволь помучив его деланым безразличием, пятнадцатифутовый пере-эльф сделал вид, что наконец-то заметил несдержанного поклонника и «заинтересованно» склонил голову. Обрадованный зверек встал на задние лапки, а передними забавно замахал в воздухе.

Подобное преклонение заслуживало достойной награды. Демон нагнулся, подставил ладонь, и фокскввиррел с готовностью запрыгнул на нее. По одному этому можно было оценить размеры нежити — у той же Хирры зверек едва умещался на всем предплечье.

Другая рука миньона Побежденных Богов медленно-медленно протянулась к мордочке злосчастного Шпиннэ и вроде бы осторожно пощекотала того по горлу. Фокскввиррел замер в блаженстве... или полностью утратив волю от взгляда и прикосновения ледяного красавчика.

Продолжая завораживающе-медленное движение, демон приблизил точеное лицо к острой мордочке и подул зверьку в нос. На долю секунды дыхание того стало видимым, клубясь облачком серебристых искр — а затем прервалось раз и навсегда. Так что короткий поцелуй-укус в самый кончик носа Шпиннэ, похоже, уже не ощутил. Демон выпил жизнь зверька в мгновение ока, наловчившись за столетия своей не-жизни... Каким бы каламбуром это ни звучало.

Опустошенный фокскввиррел покачнулся на полуторафутовой ладони и, кувыркаясь, полетел вниз — как игрушка, не меняя позы, мгновенно окостенев и утратив всякое подобие живому. Демон холодно и звонко расхохотался, будто ртутные бубенцы зазвенели в промороженном воздухе. Изящным движением провернулся на месте, взмахом руки подняв снежный вихрь... И пропал в нем, растворился без следа, отведя нам глаза ловкой игрой со стихиями.

Ничего иного ждать от могущественной нежити и не стоило. Демон, он демон и есть. Не скажу, чтобы раньше видел каких-нибудь демонов или аватаров где-либо, кроме как на страницах наставления по нематериальной части, но этот конкретный представитель класса высших магических существ мало отличался от учебных образцов, явленных специальными иллюзиями.

Из головы как-то совсем вылетело, что, по крайней мере, одна из моих спутниц имеет куда больший и отнюдь не иллюзорный опыт встреч с боевыми миньонами богов. В отличие от меня, Алир вела знакомство с демонами издавна. Причем именно с этим самым представителем их породы...

Нынешнее напоминание о самой первой и единственной доселе встрече оказалось слишком зримым — нежное душевное устройство светлоэльфийской дивы не вынесло увиденного. Сама, как перепуганный зверек, слепо заметавшись по комнате, подопечная в поисках убежища опрометью бросилась в шкаф! Только створки хлопнули со всей силы и отскочили вновь, приоткрываясь...

За ними все так же клубился серо-фиолетовый сбой соединения. Алир ушла по глухой ссылке, унеслась в никуда, пропала пропадом!

Все застыли в полном ошеломлении. Хирра — с оттенком сожаления, виня себя за то, что не уследила, а Келла — просто в глубочайшем удивлении, не замутненном никакими посторонними переживаниями.

— Думаю, надо поискать ее в отеле... — неуверенно предположил Свен, будучи потрясен никак не менее нашего и чувствуя некую долю ответственности за случившееся.

Думает он... Тут не думать, тут прыгать надо!

Слова у меня редко расходятся с делом, и тормозить на поворотах я все никак не научусь. Поэтому, не теряя времени, я кинулся в шкаф следом за пропавшей, не дожидаясь, пока настройка сменится случайным образом. Даже сказать напоследок ничего не успел, полуобернувшись к остальным. Изумленные лица жен и трактирщика мелькнули напоследок и пропали за туманом портала.

В противовес прошлому опыту переход был не мгновенным, а продолжительным, словно полет по странному кори-

дору, составленному из многократно повторенных стенок шкафа. Да и само движение напоминало затянувшийся прыжок в стоячую теплую воду вроде той, что бывает в пруду или в дождевой бочке, какая стояла в клановом дворе. Ну и намудрил же Яндекссон...

Никакой воды, понятное дело, не было, но ощущение оказалось настолько сходным, что вдохнуть повторно я заставил себя, лишь «вынырнув» в обычное пространство внутри какого-то шкафа. Платяного, по всей видимости, поскольку, кроме меня, внутри наличествовали какие-то пальто и шубы. Больше никого и ничего в этом гардеробе не обнаружилось.

На месте подопечной я бы тоже не стал сидеть в пропахшем лавандой шкафу. Так что, надеюсь, она найдется снаружи без всяких осложнений.

Расталкивая мохнатые бока шуб, я распахнул дверцы — и остолбенел. Гардероб открылся не в какую-нибудь комнату или чулан, а в самый настоящий лес! Густую хвойную тайгу вроде тайрисской, да еще изрядно засыпанную снегом, словно в самый разгар тамошней суровой зимы. Вдобавок, после пусть склоняющегося к закату, но все-таки дня за окнами отеля, здесь и сейчас была безлунная ночь!

Разглядеть что-то в непроглядной тьме было бы совершенно невозможно, если б не еще одно обстоятельство, едва ли не диковиннее прочих: посреди леса возвышался городской фонарь странного вида — во-первых, железный, во-вторых, освещающий окрестности не гнилушкой, а совершенно дикой горелкой типа хисахского храмового маяка. Ума не приложу, кто мог потратиться на столь нелепо-дорогостоящий осветительный прибор, пожалев денег на простенькое заклятие!

Нечего и говорить, что никакой Алир здесь не было. Ни самой, ни каких-либо следов — уж в глубоком снегу отпечатки ног не особо легонькой эльфи остались бы с гарантией.

Да... Ситуация повернулась совершенно неожиданной стороной. Похоже, неполадки с гипершкафом не в пример серьезнее, чем уверял Свен. Адресация телепосыльных чар сбита куда основательнее, если помимо пространственной ошибки дает еще и временную. Сколько я вообще провел в этом странном прыжке? Еще хорошо, если только до вечера просидел в междушкафье...

Задумываться над тем, какое количество времени займет и куда может привести следующий шаг, как-то не хотелось. В голову настойчиво лезла всякая чепуха вроде того, что следующим гостям Яндекссон будет вещать уже про меня: «Там! Там он вошел в гипершкаф и унесся по бесконечным ссылкам в таинственное никуда!»

Ну уж нет! Вернуться стоит хотя бы ради того, чтобы никому и никогда не довелось слушать подобную бредятину. Причем не в одиночку, а с виновницей переполоха и всего этого неожиданного путешествия по ссылкам. Иначе какой из меня тогда опекун?!

Решительно развернувшись, я шагнул обратно в шкаф, отводя шубы обеими руками. Новый переход по ссылке дался куда легче: «вода» уже не давила, и дышать кое-как получалось. По крайней мере, до прибытия на место — новое вместилище оказалось тесновато и вдобавок набито какими-то бумагами и шуршащими пакетами.

Кое-как ворочаясь, я выпростал руки и толкнул дверцу перед собой. Совершенно неожиданно она открылась не вбок или хотя бы вниз, как откидной столик, а вверх, подобно крышке механической мышеловки. Да и на защелку какую-то стала очень похожа. Сравнение меня не обрадовало.

Впрочем, это снаружи я поостерегся бы лезть в такой ящик. А уже находясь внутри, что и делать, как не вылезать? Хотя бы чтоб осмотреться, а то из тесной коробки с бумагой ничего особо не видно, кроме белизны повсюду.

Выталкивая конверты и пакеты, я ухватился за края ящика и, распрямив ноги, выкатился наружу физиономией прямо в снег и далее кувырком под горку. Недалеко, к счастью, укатился — за пяток ярдов от почтового сундука, который красовался перед фасадом отеля «У утопшего водолаза».

На сердце изрядно полегчало. После визита демоны знают куда я и не надеялся так легко выбраться обратно. Без Алир пока что... Ну да главное — сам цел, а подопечная найдется. Не так, значит, иначе, раз уж дуриком, по горячим следам, не удалось...

Увязая в снегу, я затопал к окну второго этажа, откуда мы наблюдали за явлением ледяного демона, размахивая руками и крича во весь голос: «Эй! Я здесь! Э-эй!»

Из дома никто не отозвался, и ни одной тени не мелькнуло за мутными стеклами. Это не могло не насторожить, и пос-

ледние ярды я брел уже тихо, опустив руки и осторожно вглядываясь в темноту за окном. Подобравшись вплотную, я нагнулся и прикрыл глаза от света, пытаясь разобрать, что там, внутри.

Ничего не видно. Делать нечего, постучусь...

Сначала легонько, костяшками пальцев в стекло, потом уже всерьез, кулаком по переплету, а там и вовсе рукоятью тесака в раму — пару минут я молотил без малейшего результата. В отеле ничего не шелохнулось, ни единого звука не раздалось в ответ. Даже эхо, казалось, вязло в глухой темноте за окном.

Набираясь решимости, я оглянулся. Ямки моих и только моих следов темнели на снегу, залитые неожиданно густой, черной тенью. Было светло, но не по-дневному, а как-то странно, как сразу же после захода солнца, которого и вправду не было видно. Над перевалом низко нависало странно мерцающее, ярко-лиловое небо.

Ладно, краски в горах порой могут быть и не такие — воздух здесь другой, так что и цвета сдвигаются, и миражи случаются самые несусветные. Удивляло, скорее, другое — ни намека на мертвого фокскваррела или хотя бы отпечатки его лап. Демон-то следов не оставлял, это сразу было видно, но куда делся несчастный Шпиннэ?!

Ощущение жгучего одиночества и давящей на уши пустоты нахлынуло мгновенно и неодолимо. Как-то сразу стало понятно, что никого живого здесь нет... Не по вине демона, а изначально, по странному устройству этого во всем остальном идеального подобия знакомого мне места.

Словно желая отогнать эту догадку, я со всего маху врезал рукояткой тесака в стекло. Осколки посыпались внутрь без звона, словно затянутые неведомой силой. Разбитое окно зияло зубастой пастью...

Да хватит самого себя запугивать!!!

Обколов стеклянные острия обухом, я порылся в подсумке на поясе, обнаружил мяч-тестер и послал его внутрь комнаты, выставив настройки на самовозвращение в руку. Засияв оранжевым светом готовности, магический прибор уплыл вглубь, лениво отскочил от одной стены к другой, ударился о третью и, замкнув траекторию, вернулся ко мне.

В его неярком свете я не увидал внутри помещения ничего страшного. Та же самая комната, только пустая и без следа

пребывания кого-либо из нас. По-быстрому считанные с мячатестера показания тоже не возбуждали особых подозрений. Пусто, и все тут...

Не тратя больше времени на излишние страхи, я полез внутрь, перекинув ноги через подоконник и осыпая пол снегом. Снаружи все равно становилось холодновато, оставаться там без нужды не хотелось. Морозец без труда проникал сквозь куртку и свитер, да и теплого белья под рейнджерский горный комбинезон я не озаботился надеть.

Внутри по сравнению с открытым пространством сразу сделалось тепло. Вроде бы от разбитого окна должен быть сквозняк — однако ничего подобного. Воздух здесь был стоячий, неживой, и тепло нежилое. Как от перегнившего мусора, только без вони.

Оттого ли, или по иной причине, но по отелю я решил передвигаться, проверяя дорогу все тем же мячом-тестером в режиме арканоида. Только с оранжевого переклял его на простой желтый свет и яркости прибавил. Задействовать местную систему освещения как-то не хотелось, как и вообще добавлять жизни любой здешней магии.

Что за бред!!! Никакой же опасности нет — что ж я чуть ли не на стенку лезу?!

Причем на обычные дурные предчувствия это ощущение совершенно не походило. Те, наоборот, забастовку объявили, как иэрийские матросы из-за гнилой солонины. Зато то и дело накатывает какой-то нездоровый, гнилой страх, какого в жизни никогда не знал. Даже на фронте — там все понятно: стрела так стрела, файрбол так файрбол, кадавр так кадавр, да и прочая боевая магия дело обыденное. Мертвяки, и те в порядке вещей, не больше и не меньше прочего способны навредить.

Тот страх, который оборотная сторона осторожности, мне хорошо знаком. А вот этакий, беспричинный и безысходный, никогда не приходилось испытывать. И что с ним делать, ума не приложу. Только обрывать внутренним окриком, если совсем вырвется из-под контроля...

На десятой минуте опасливого продвижения по внутренностям отеля стало ясно, что страхи мои оправданы хотя бы отчасти. Подобного количества коридоров просто не могло поместиться в оригинальном «Водолазе». И уж тем более в

нем ни к чему были межэтажные подъемники, да еще очень странно украшенные — не столько богато, сколько изощренно. Будто кто-то задался целью положить на каждый работы по цене больше, чем материала...

Похоже, от места, покинутого через гипершкаф, здесь я оказался не ближе, а едва ли не дальше, чем в зимнем лесу с идиотским фонарем. Во всяком случае, ощущение чуждости было сходное, а кое-где и посильнее, чем там. Особенно у страннообразных светильников, в которые вместо нормальных гнилушек были вкручены колбы с какой-то нестерпимо сияющей паутиной.

Когда они загорелись сами собой, я аж присел от неожиданности. Ошарашил мячом-тестером все стены и сами светильники, при этом раскокал одну колбу, которая взорвалась с резким хлопком, пустив к потолку струйку едкого дыма.

Ничего. Никакой магии, просто переизбыток искрополевой формы стихии Огня. Прямой, как палка, точнее, как фламмер — с таким же ровным ритмом смены направления течения искры, создаваемым, похоже, простеньким механическим устройством где-то далеко отсюда.

При свете, даже при таком необычном, шляться по коридорам стало как-то веселее. По крайней мере, до тех пор, пока я не натолкнулся на двусторонний топор, крепко всаженный в косяк наполовину прорубленной двери. Заглядывать внутрь как-то не особо хотелось...

Понять, что я обхожу изуродованную дверь, прижимаясь к противоположной стенке, удалось, только натолкнувшись плечом на очередной светильник. Противный дребезг заставил дернуться, но одновременно отрезвил. Опять дурной страх подкатил незаметно, чуть было себя не заставил забыть!

Чтобы пересилить никчемный испуг, надо было сделать хоть что-то. Отлепившись от стены, я шагнул к пролому, нагнулся под наклонно торчащую рукоять топора и подобрал с пола лежащий под ним листок бумаги.

Ничего особо ужасного не произошло. Топор не вырвался из косяка, чтобы врубиться в мою беззащитную спину, его владелец тоже не соизволил пожаловать за своим имуществом. Да и ничего иного не случилось из того, что я себе напридумывал, покуда бесконечно долгую секунду разгибался под овеществленным знаком своего символтипа. Даже затыл-

ком о рукоять не долбанулся, хотя был к тому близок, как никогда.

Поднятая с пола бумаженция пристала к потной ладони и изрядно смялась — пришлось порядком потрудиться, чтобы прочесть написанное на ней. На счастье, фирменные бланки отелей вроде этого печатают не на худшей бумаге, и листу, украшенному затейливым вензелем, не особо досталось даже от моих рук. Хорошо также, что шрифт записки оказался печатным — вроде типографского, только чуть более неровный. Однако никак не удавалось взять в толк, зачем многократно набирать на печатном станке и оттискивать на бумаге одну и ту же фразу, какой место лишь в дневнике заучившегося студиозуса, истомленного экзаменами.

В самом деле, кем еще может быть этот самый Джонни, для которого слишком много работы и никакого отдыха?!

После идиотской печатной записки шагать по бесконечным коридорам отеля стало как-то веселее. От всех очередных встречных страшилок ожидалась теперь такая же бессмысленно-глупая развязка. Так что и полузатопленная стоялой зеленой водой купальня, из единственной ванны в которой свисали какие-то черные лохмы, и мерцающая дробным мелкополосным сиянием плоская световая панель на громоздком черном ящике в одном из номеров уже не столько испугали, сколько позабавили.

Словно поняв это, чужой отель сменил тактику. С галереи, на которую вывел коридор, открывался вид на танцзал, заполненный парами, кружащимися под неслышимую музыку. Танцоры человеческой на вид крови были разряжены экстравагантнее, чем эльфы, и едва ли не более дорого, чем торговое сословие родного Анарисса. Во всяком случае, мне такого видать не приходилось ни наяву, ни в книжках.

Кроме того, все они были полупрозрачными и временами проходили сквозь остатки поломанных и разбросанных повсюду предметов обстановки. Не демоны, конечно, но призраки уж наверняка. Только их мне и не хватало для полного счастья!

Удрав от одной нежити, попасть в лапы к другой, пусть менее опасной, но тоже малоприятной, никак не входило в мои планы. Пятясь, чтобы привидения меня не заметили, я втянулся обратно в коридор и привалился к стене, на которой красовалась латунная табличка с затейливой гравиров-

кой. Если судить по ней, то название и владелец отеля за неполный час сменились уже в третий раз!

Как-то сразу стало ясно, что Алир здесь искать нечего — даже десятая доля всех здешних пугал довела бы впечатлительную эльфь до нервного столбняка. Так что мне тоже пора перестать тешить свое любопытство и стремление идти наперекор любым опасностям, истинным или мнимым. Пора выбираться из отеля, кому бы тот ни принадлежал — Яндекссону, Фостеру или Уллману, нанимателю неведомого Джонни...

Особых проблем с этим не предвиделось. Дойти до ближайшего командного шкафа, и вперед, в лабиринт ссылок!

Расхождение планов с реальностью началось у первой же площадки подъемников, один из которых раскрыл створки прямо передо мной. Рефлекторно глянув внутрь, я отпрыгнул с середины коридора едва ли не к дверям на лестничную клетку напротив. Нежить пыталась отрезать мне путь обратно!!!

В коробе подъемника обнаружилась самая странная компания призраков, какую мне приходилось видеть. Все — человеческой крови, разряженные самым диковинным образом, особенно маленькая девочка на переднем плане. Однако ее няня и еще какой-то пожилой мужчина выглядели не менее нелепо, а остальных я не успел рассмотреть толком, хотя они тоже казались одетыми в карнавальные костюмы, словно сбежали с уже трое суток как минувшего Приснодня.

Может, мне показалось, но все эти привидения в упор меня не видели! А это, при всей полезности, уже не лезло ни в какие ворота. Чтобы люди не видели призраков, еще может быть, но чтобы наоборот — никогда! Все заклятия, призванные отвратить нежелательное внимание потузавесных, не стоят и ртутного статира...

Но времени проверить данный удивительный факт не оказалось. Подъемник внезапно провалился вниз, так и не закрыв створки — ни те, что на коробе, ни стационарные на площадке. Едва ли не против воли я глянул ему вослед и тут же отшатнулся: коробка подъемника летела, все ускоряясь, вниз по шахте немыслимой глубины, вроде того отраженного колодца-башни, что открывался в развалинах заброшенного дома рядом с особняком ГранМадам и Хозяина Нищих.

Когда я заглянул в проем повторно, снизу так же быстро поднимался вал клубящегося огня. Тут уж я не отшатнулся —

отскочил и присел под стеной в готовности тут же драпануть. Но не пришлось: створки подъемника наконец захлопнулись, отсекая призрачное или настоящее — демоны разберут — пламя.

Последнее, что удалось рассмотреть в шахте, уже подсвеченной снизу алым жаром, — странного вида железный ящик, весь заросший нехорошего вида плесенью, вроде меканского гриба-мозгляка, что селится в управляющих цепях подбитых и брошенных на нейтральной полосе кадавров. Отчего они иногда встают чудовищными мертвяками, но чаще просто скребутся и возятся в своем маготехническом посмертии, словно настоящие неупокоенные.

Это все я восстанавливал в сознании, потихоньку удирая на четвереньках из того коридора и дальше, не разгибаясь, под вбитым в косяк топором, мимо записки, которую кто-то или что-то старательно уложило на место. Только за ней сообразил подняться на ноги и слегка сбавил темп, зато принялся поминутно оглядываться. До самой комнаты над холлом, в которой остановился перевести дух.

На редкость нехорошим местом оказался этот вроде бы отель, частью приходящийся на заведение Яндекссона, а частью на совсем странные строения, каким во всем мире места нет и не было никогда...

Стоп. А ведь заклятия чудовищной дороговизны, призванные открывать врата в иные миры, величайшие маги прошлого и настоящего городили как раз на основе телепосыльных чар! Чаще всего безрезультатно, а если уж с каким-нибудь полезным выходом, то исключительно на основе коридоров из противонаправленных или вложенных один в другой порталов. Вроде поставленных друг против друга зеркал.

Стало быть, творение Свена Все-Найдется оказалось не в пример более дешевым, хотя и ничуть не более предсказуемым аналогом мощнейших и ценнейших алхимустановок. Нечаянным решением задачи, над которой бились поколения магов. Вот куда пропадали вещички из гипершкафа...

Вот откуда лезли экзотические тараканы!!!

Степень опасности места, в которое меня занесло по дурости, прояснилась более чем достаточно. Лезть в здешние шкафы мне что-то решительно расхотелось. Лучше уж прогуляюсь обратно к почтовому сундуку... Все больше вероятность, что выкинет в более-менее знакомые места, а не демо-

ны знают куда. Вообще, бездумно кидаться следом за впавшей в панику светлой эльфью было не лучшей идеей, но теперь поздно сожалеть. Искать ее надо и выбираться обратно, по возможности не забираясь в такие вот узлы схождения невесть каких миров и событий.

Осознав обстановку и приняв решение, действовать стало намного проще. С подоконника я вылез наружу, не оглядываясь, что было довольно тяжело. Зато добраться до сундука удалось и вовсе без труда, хотя поди пойми, отчего я шел обратно, тщательно наступая точно в ямки собственных следов...

Наплевав на рассыпанную по снегу почту, я вскарабкался на край сундука, заполз внутрь, согнувшись в три погибели, и провалился в очередной полет по ссылке. Надеюсь, гипершкаф отправит меня следом за подопечной. Можно было бы сразу догадаться, что она и носа отсюда не высунет, опасаясь повторить судьбу фоксквиррела!

Теперь при перемещении не только дышать было легче, но и без особого труда получалось разглядеть вокруг некое подобие коридора. Трек перехода оказался словно составлен из бесчисленных внутренних стенок сундука, почти неотличимых друг от друга, но потихоньку становящихся досками какого-то другого шкафа. Менялся размер, число планок, да и цвет.

Новый пункт назначения оказался сделан из широких и плоских дощечек, выкрашенных белой глянцевой краской. Не особенно новых — местами чешуйки краски отстали и облупились, да и блеск давно сделался тусклым и неровным. На высоте моей груди шкаф пересекала толстая круглая палка, на которой болталось несколько вешалок.

По этим приметам мое нынешнее местопребывание представляло собой гардероб, причем детский, если судить по размеру и высоте расположения простенькой цветастой одежды. Что-то частенько меня выносит всякими необычными способами на разные странные детские. Из меканской «зоны неисходимости и смутного приема» — в игровые покои моей высокородной, из гипершкафа — сюда...

По крайней мере, детская, скрывавшаяся за дверцей-жалюзи гардероба, определенно не была темноэльфийской. Белая краска и игривые расцветки не в духе этой ветви Инорожденных, да и размер одежонки, скорее, человеческий.

Осторожно, чтобы не напугать неведомого малыша или малышку, я приоткрыл створку шкафа. Рассохшееся дерево предательски скрипнуло, заставив на миг затаить дыхание. Ничего, обошлось. Продолжая приоткрывать дверцу, я выглянул наружу.

Никого. Во всяком случае, на первый взгляд. Впрочем, никаких знакомых примет тоже — по стилю детская чем-то неуловимо напоминала самые чужеродные части отеля. Отличаясь, конечно, как и у нас небогатое жилье отличается от роскошного постоялого двора, но определенно находясь в рамках того же подхода к реальности, что и там. Тщательная выделка из бросового материала и множество нелепых бессмысленных приспособлений — к примеру, плоские световые панели на торцах каких-то ящиков, одного на столе и еще одного на тумбочке.

Сейчас, впрочем, не светились ни они, ни искровые светильники с металлическими нитями вместо гнилушек в колбах. В помещении царила полутьма, недобро разбавляемая багрово-лиловатым светом, льющимся из-за штор. Красного в нем было намешано не в пример гуще, чем синего — значительно больше, чем в небе над отелем.

Уже не опасаясь спугнуть обитателя чудной с виду детской, я выбрался из гардероба. Удачно так, под взмах занавески, приподнятой порывом ветра, так что если б кто и находился в комнате, то списал бы скрип и движение дверцы на сквозняк. В случае, если бы не заметил меня самого, что весьма затруднительно. Как когда-то в хрустальном шаре посреди темноэльфийских покоев, так и здесь я смотрелся довольно дико — в горном рейнджерском комбинезоне, с подсумками на поясе и плечевых ремнях, полными всяческой маготехники, и отчаянно встревоженным выражением на роже. Да еще с тесаком у бедра и офицерским восьмиствольным стрелометом в наплечной кобуре. Как есть анарисский оккупант с тесайрского агитплаката «Защити свою семью!» среди детской мебели и разбросанных игрушек — мячей, плюшевых мишек и каких-то странных цветных тележек без приспособлений для запряжки тягла.

Угадать, какого пола ребенок обитает в этой странной детской, по всем этим вещам никак не удавалось. Если мальчик, то очень уж чувствительный и игривый, насколько можно

было судить по обилию мягких игрушек и пестроте тряпок, а если девочка, то, наоборот, слишком задиристая и склонная к опасным играм, наподобие любой темной эльфи. На это указывало количество игрушечных тележек и диковатого вида спортивного инвентаря вроде крикетной биты почему-то круглого сечения.

Озираясь, я старался ухватывать приметы чужого мира, накрепко впечатывая в память стопки книг и тетрадей, разбросанную одежду и поистине бесчисленные плюшевые игрушки, раз за разом напоминавшие о главной цели моих поисков. То есть об Алир...

Стоп! Вон та разлапистая перчатка, вроде бы тоже имеющая отношение к местной разновидности крикета, лежала на стопке учебников, когда я смотрел на нее в прошлый раз!!! А теперь валяется на кровати...

Может, их здесь две? Поспешно я осмотрелся заново, но не обнаружил никакой дублерши порядком истрепанной перчатки со свисающей шнуровкой. Наоборот, еще несколько вещей поменяли свое местоположение, покуда я на них не смотрел. Со стола на ту же кровать сами собой перепрыгнули две толстых тетради в ярких обложках, а плюшевый медведь напротив двери определенно сдвинулся и развернулся носом в угол!

Пока я следил за ним, каждую секунду ожидая предательского броска в мою сторону, одна из тетрадок вновь пропала с кровати. Зато проявился пустой разноцветный пакетик из-под каких-то сластей, в какие их пакуют для рекламы в крупных универлавках. Откуда?!

За всем этим надо было внимательно понаблюдать, по возможности ничего не теряя из виду. Пятясь, я осторожно отступил в угол, противоположный тому, что занимал медведь. Ему я по-прежнему не доверял.

Через пяток минут стало ясно, что вещи именно исчезают в одном месте и возникают в другом, будто незримый хозяин или хозяйка перекладывает их, на время наделяя своей невидимостью. Сравнение оказалось самой надежной догадкой — так оно, похоже, и было!

По коже у меня невольно прокатился морозец. Получалось, что все это время я был на виду у неведомого ребенка, не имея возможности наблюдать за ним в ответ... Хотя нет,

если бы меня видели, жизнь в детской не продолжалась бы столь беззаботно. Стало быть, я в той же степени незрим?

Проверять это, перенося вещи с места на место или пытаясь привлечь к себе внимание иным способом, я не стал. Даже несмотря на то, что обитатель комнаты успел угомониться и больше не устраивал импровизированный полтергейст.

Кто его знает, может, со стороны мои действия выглядели бы точно так же, бесследно и необъяснимо... А может быть, и нет. Во всяком случае, даже передвигаться из «безопасного» угла обратно к гардеробу я старался как можно более осторожно. Впрочем, приоткрытые окно и дверь надежно скрывали эти маневры: каждое мое перемещение по комнате сопровождалось порывом ветра.

Внезапная догадка настигла меня на полдороге к спасительному шкафу: похоже, я сам и был этим сквозняком, сообразно базовой стихии символа. Только так и мог я проявиться в чуждом мире — отголоском сил, слагающих самую суть существа...

Здесь, среди невидимых и неощутимых для меня хозяев, призраком был я сам!!!

Вот отчего нигде не видать ни единой живой души, вот почему свет в окна льется какой-то странный, вокруг отеля пропал снег, а ближние хребты скрылись в мерцающем тумане... Еще не факт, что они вообще присутствуют в здешнем варианте. Куда же меня занесло, спрашивается, раз между нами обозначилась такая нестыковка? И как отсюда выбраться, чтобы не сделаться бестелесным чужаком в своем собственном мире?!

Одно ясно — выбираться обратно надо поскорее. Если бы подопечная сюда добрела, то тут бы и застряла, в таком-то раздолье плюшевого населения. Шагу нельзя ступить, чтоб на кого-нибудь не наткнуться.

Последним на пути назад под ноги подвернулся плюшевый зверек с длинными ушами, такой нелепый, что даже среди игрушечных монстров Алир не удалось бы найти похожего. Не знаю, зачем, но вопреки всем предыдущим предосторожностям я подобрал игрушку и сунул в карман. Будет чем успокоить перепуганную эльфь, когда наконец удастся ее обнаружить...

Сочтя дальнейшее пребывание в запредельно чужой детской излишним, я забрался обратно в гардероб, из которого так и не сумел появиться пугалом для неведомого ребенка.

Но не нырнул сразу в полупрозрачный туман, клубящийся на месте задней стенки, а уселся, подогнув ноги и привалившись спиной к боковине.

Похоже, многократные полеты из шкафа в шкаф порядком меняли восприятие не только миров, но и самого этого странного рода телепосыльных чар. Теперь из сумрака портала доносились какие-то звуки, неразличимые за отдаленностью. Сквозь дымку можно было разглядеть приведшую сюда ссылку, и не ее одну. Как оказалось, прочь от гардероба вело сразу несколько треков разной степени призрачности. Какой из них выбрать? И как?!

Пора заканчивать с бессистемными прыжками по ссылкам. Необходимо как-то составить план лабиринта, чтобы не передвигаться по нему вслепую, как червяк по червоточине. Отчего-то простейший способ — обойти весь гипершкаф, занося узлы и связывающие их треки в офицерский хрустальный шар, с недавнего времени обретающийся при мне в поясном чехле вместо второй фляги — не казался мне особо перспективным. Послать бы вместо себя еще кого-нибудь...

А это мысль! Достаточно настроить пребывающий при мне столь же неотлучно мяч-тестер на нулевую плавучесть в воздухе, отражение от любого материального объекта, каковыми, несомненно, являются створки шкафов, и запоминание координат таких столкновений. Плюс автовозврат в случае вылета за пределы системы или начала повторного обхода.

Сделать задуманное оказалось едва ли не проще, чем перечислить все необходимые функции. Пальцы сами собой набили кодировку и отправили невесомый мяч в полет. Освещая призрачный коридор оранжевым свечением готовности, тестер унесся прочь.

Назад он вернулся слишком быстро, и не один. Сразу пара оранжевых шаров метнулась навстречу друг другу по противолежащим трекам, пересекающим основной подход к моему местоположению. Что примечательно, ни один из них не появился из того коридора, в который я отправил прибор. Из того самого он вылетел следом и, стукнув о жалюзи прямо перед моей физиономией, отскочил в какую-то совершенно неразличимую ссылку.

Это было еще ничего. А дальше началось такое... Казалось, сотни мячей-тестеров носятся одновременно во всех направ-

лениях, отскакивая от иллюзорных стен коридоров-ссылок и вполне реальных дверец шкафов, буфетов и полок за ними. При этом оранжевые шары, похоже, еще и разгонялись, превращаясь в росчерки наподобие тлеющих в полете малокалиберных файрболов.

Поняв, что еще немного, и поймать отправленный в разведку прибор окажется попросту невозможно, я выставил руку на пути наиболее частого пролета рыжих вспышек. Первые три пронизали мою ладонь без малейшего вреда для нее или себя, и лишь на следующий раз пальцы сомкнулись на чем-то материальном. Довольно условно, впрочем — чувствовалось, что сожми я руку посильнее, и мяч протечет сквозь нее, продавится светящимся оранжевым желе.

Внезапно ладонь толкнуло еще одним ударом, следующим... Прибор заметно потяжелел, а число светящихся росчерков вокруг поуменьшилось. Один за другим призрачные мячи с налета сливались с наиболее реальным из них, зажатым в моей руке. Наконец последний, особенно назойливый и быстрый оранжевый блик настиг своих более покладистых собратьев, и огненное мельтешение вокруг меня прекратилось.

Окончательной материальности мяч так и не приобрел — похоже, какая-то часть его копий вылетела за пределы гипершкафа или затерялась в глухих, никуда не ведущих ссылках. Впрочем, слить в хрустальный шар данные с оставшейся части прибора это не помешало. Тонкая огненная струйка сама собой потянулась в глубь хрусталя сквозь активные точки, когда я запустил интерфейс треккера.

Постепенно внутри шара нарисовалась пространственная модель схемы гипершкафа. То, что не влезало в объем, выделялось цветом, а линии сами собой стремились занять наиболее эффективное положение в соответствии с законами топологии.

Увы, не всегда это было возможно. Зачастую наиболее простые пути вели в обход долгими и запутанными маршрутами, а некоторые разомкнутые треки достраивались призрачным мерцанием умножающихся в неизвестные пространства схем-копий. Похоже, именно так открывалась дорога во все те странные места, в которых мне пришлось побывать за последнее время...

Интересно, куда занесла меня нелегкая в этой путанице истинных и мнимых путей? Пробежавшись пальцами по ак-

тивным точкам, я заставил собственное местонахождение обозначиться алым огоньком...

Так и знал!!!

Крохотное жаркое пятнышко засияло далеко в стороне от основных трактов реальных ссылок, почти на самом краю одного из мнимых лабиринтов. Мало того что мир чужой, так теперь еще и мое собственное бытие приближается к состоянию призрака уже не относительно, а абсолютно!!!

Проверяя худшие предположения, я ввел запрос на граничные условия перехода с трека на трек. Ага... Как я и думал, с более вероятного на менее вероятный перескочить ничего не стоит, а вот обратно — демона с два! Требовалась подкачка энергии в точно определенный момент, да еще с весьма нетривиальным сочетанием стихий. Иначе забросит вообще Безымянный Бог знает куда, на новую траекторию, неявно связанную с предыдущими...

Положим, с этим справиться не так уж сложно. Зерна Истины, с их почти неисчерпаемым потенциалом преобразования даровой энергии в управляемую, всегда при мне, а уж откалибровать воздействие имеющимся карманным арсеналом маготехники не составит почти никакого труда. Дело в другом: такой переход необратимо меняет состояние мнимого трека вплоть до полного его исчезновения.

По-хорошему, конечно, так и так надо бы рубить за собой все эти свисающие хвосты глухих ссылок, чтоб еще раз не сверзиться случайно при очередном проходе. Да и непорядок это — оставлять неприбранную неполадку, раз можешь поправить. То, что на сей раз для этого приходится залезть не в брюхо очередного кадавра, а, почитай, в самые мозги его, то есть в шины передачи данных стационарной системы изрядной мощности — не так важно. Тут топологию сети подправлю, там ссылки поточнее переведу, несколько стандартных решений из профессионального опыта к делу приспособлю. Заработает, как надо, и порядка прибавится. Разница-то невелика...

Все хорошо, только есть риск отсечь в каком-нибудь мнимом лабиринте Алир, которую ее способности попадать куда не надо уж наверняка завели в самую глушь. Надо прежде ее найти — или самому скатиться в потенциальную яму полупризрачного существования, чтобы с гарантией приступить

к сворачиванию паразитной сети глухих ссылок с самого низа. Что из этого легче, с ходу и не решишь...

Пожалуй, без нужды лезть в глубины условного небытия не стоит. Каждый шаг в этом направлении лишь умножает мнимые лабиринты, проваливаться в которые можно до бесконечности. Не факт, что меня вытянет обратно даже вся мощь неотлучно находящейся при мне Реликвии, а уж шансов окончательно потерять подопечную в этой призрачной паутине куда больше, чем найти.

Значит, надо искать ее как-то иначе... Снова, что ли, запустить мяч-тестер по коридорам? Или попробовать обработать уже имеющиеся данные...

С полчаса, наверное, я корпел над хрустальным шаром, норовя выудить из имеющейся картины намек на присутствие светлоэльфийской дивы. Искал по всем стихиям и их сочетаниям, получая то полную пустоту, то до пары дюжин фантомов, соответствующих живому существу. Если учесть, что часть откликов поисковой системы приходилась на мое собственное местоположение, результатам этим можно было доверять. Только какой из светлячков выбрать, куда отправиться по ненадежным ссылкам гипершкафа? Мне-то надо наверняка!

Не хватало какой-то малости, крохотного намека. Вот если бы...

Магия соответствия!!! Если удастся найти при себе какую-нибудь вещицу, принадлежавшую подопечной, она укажет на ау Риер-младшую с абсолютной точностью.

Я лихорадочно обшарил карманы, подсумки на поясе и планшет. Ничего. Ни единой мелочи, ни крохотной частицы наряда, случайно приставшей при регулярных объятиях и столь же систематических падениях на меня равно ласкучей и неуклюжей эльфи. Хоть бы бусинка, хоть бы перышко...

Не могло же совсем ничего не прицепиться — последний раз Алир чмокнула меня в щеку буквально за пятнадцать минут до того, как сгинуть в шкафу!

Стоп. До меня дошло. Погасив шар, я поднес его к лицу, подсвечивая с другой стороны фонарником. Порядком смазанный отпечаток розовой помады и сейчас красовался у меня на левой скуле — стереть было недосуг, а приключения в гипершкафу не затронули реального состояния тела.

Осторожно-осторожно прокатив мяч-тестер по следу губ подопечной, я тут же снова запалил хрусталь в руках и торопливо перегнал на него образ светлой эльфи, задав уточняющий параметр поиска. Не прошло и пары секунд, как среди огоньков-фантомов два засияли особенно ярко — мой собственный и еще один.

Со мной все ясно — помечен светлоэльфийской дивой надежнее, чем магическим жезлом, который она отказывается получать по крайнему инфантилизму. А вот второй светляк, как раз напротив моего и, по счастью, повыше в иерархии мнимых треков, несомненно, обозначал местоположение виновницы всех треволнений. На мою удачу, она накрепко засела в узле схождения довольно большого количества ссылок, не делая попыток сдвинуться с места.

Рассчитать маршрут безопасного, в смысле потери отсекаемых лабиринтов, передвижения туда оказалось вообще плевым делом. Спустя пару минут я уже проскочил пару призрачных коридоров, с удовольствием наблюдая через шар, как позади гаснут сегменты мнимых лабиринтов, делая схему гипершкафа не в пример аккуратнее и точнее прежнего.

По дороге, правда, не обошлось без еще одного казуса. Уже на выходе из самых запутанных треков в более-менее близкую к базовой структуру гипершкафа за распахнутыми для контроля створками очередного терминала обнаружился новый свидетель моего явления из ниоткуда.

Поначалу показалось, что с той стороны шкафа висит зеркало, потому что увидел я самого себя — только порядком траченного временем, словно Зерна Судьбы не справились со своим делом. Неужто попытка выбраться «против течения» из сумасшедшей поделки Яндекссона так основательно меня потрепала?

Да нет, это был я, но все же другой. И одет иначе, и движений моих двойник, в отличие от зеркального, не повторял — вылупился на меня обалдело и глаза протер, чего я, по занятости рук маготехникой, никак не мог проделать. Соответственно и смотрел на меня этот другой я не из шкафа, а из обычного дверного проема. Сравнительно обычного, потому что истлевшего до такой древности эльфийского владения прежде мне видеть не приходилось. Да и навскидку определить, Дню или Ночи принадлежит странный интерьер, я не

мог. Одно ясно — эльфы строили, больше некому, при такой-то легкости и вычурности.

Потратить на эту загадку больше времени было невозможно, потому что почти одновременно мы с моим двойником попятились и осторожно прикрыли за собой ветхие створки дверей и дверец. Уже уносясь прочь по очередной ссылке, я расслышал, как я-тогдашний со стуком распахнул створки шкафа и заорал что-то неразличимое вослед мне-нынешнему. Что именно, разобрать было уже невозможно, да и не хотелось особо выслушивать того типа, в которого я превратился в этом варианте.

Меня подопечная ждет не дождется. Не в прямом смысле, конечно — откуда Алир знать, что я без особого понятия ринулся следом за ней? Но это не повод перестать спешить на помощь бестолковой эльфи, затерянной в пространстве ссылок.

Наконец до места, где она оставалась все это время без малейшей попытки двинуться куда-то еще, остался всего один трек — очередной темный коридор со стенками, постепенно превращающимися из внутренностей одного шкафа в интерьер другого. Из темноты, открывшейся, когда я шагнул внутрь, донеслись какие-то жалобные хнычущие звуки. С нарастающим удивлением я узнал в этих причитаниях детскую песенку. Дрожащий женский голос, всхлипывая, старательно выводил куплет за куплетом:

...Молли училась сто лет колдовству,
Корни варила, сушила траву,
Тратила годы напрасно;
Как ни противно ее естеству,
Жизнь провела, как во сне наяву,
Кончилось это ужасно...

Ничего себе выбор репертуара! Серьезно, видимо, прижало исполнительницу, раз ищет себе утешения в таком вот образчике традиционных детских страшилок.

Услышанное лишь заставило меня быстрее кинуться вперед. Недолгий полет по ссылке совершенно неожиданно завершился не в пустом, а напротив, в весьма плотно набитом пространстве. С грохотом я врезался в какие-то банки, короб-

ки и прочие жестянки весьма разнообразной формы. Родни-ло их одно — сыпучее, шуршащее и шелестящее содержимое. А еще все это разнообразие исторгало целые облака острых, жгучих и пряных запахов. Глаза защипало, в ноздрях отчаянно зачесалось и, распахнув створки терминала, оказавшегося, несомненно, буфетом, я неудержимо расчихался.

Всхлипы и пение испуганно затихли. Их источник, впрочем, так и не обнаружился — кроме коробок со специями, в приютившем меня отделении буфета ничего и никого не было. Выбравшись на четвереньках наружу, я утер слезящиеся глаза и принялся озираться в поисках Алир.

На первый взгляд здоровенная, явно рассчитанная на присутствие огров кухня была совершенно пуста. То есть хламато в ней было предостаточно, но никаких эльфей среди бесчисленных котлов и кастрюль титанического размера не наблюдалось.

Озадаченно заглядывая едва ли не под каждую крышку, я побрел вокруг длинющей то ли плиты, то ли мраморной столешницы на массивном каменном основании. Безлюдная кухня выглядела не просто заброшенной, но вдобавок еще и разгромленной, будто то ли повара, то ли их хозяева, то ли, напротив, очень голодные и неаккуратные бродяги устроили на ней небольшую гражданскую войну, используя в качестве оружия местные припасы.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении обнаружилась и воткнутая в здоровенный окорок слегка изогнутая драгунская сабля. Среди рассыпанной муки, раскрошенных караваев и разлитых соусов смотрелась она на редкость абсурдно — как любое оружие в насквозь цивильном, да еще и грязном помещении.

Загажено везде было исключительно — в дальний угол кухни, где, судя по всему, был кондитерский отдел, я и сунуться-то побоялся. Особенно разглядев титаническую, едва ли не больше эльфийского сексодрома, тележку для парадного торта под лесенкой, ведущей наверх, на галерейку с невысокой аркой выхода. Развалины последнего кондитерского титана еще возвышались на своем ложе, окруженные болотом раздавленных и расплескавных тортов помельче.

Осторожно обогнув дальний край плитостола, я машинально заглянул еще в одну, самую здоровенную во всей кух-

не кастрюлю. И едва успел отшатнуться — у посудины начисто отсутствовало дно, а из темноты уходящего вглубь туннеля явственно тянуло холодком трека, определенно ведущего в весьма призрачный лабиринт. На это у меня уже чутье образовалось, да и хрустальный шар, осторожно поднесенный к дыре, подтвердил догадку.

А чего еще можно было ждать? То, что светлую эльфь занесло в самый узел схождения нескольких лабиринтов различной степени реальности, предполагалось заранее. Собственно, и кухня-то эта хорошо, если хоть малой частью принадлежит Свену и его постоялому двору. Куда в большей степени — иным местам, временам, а скорее всего, и мирам. Совершенно другим отелям, замкам, дворцам... Так что надо смотреть в оба, чтобы не провалиться невесть куда. И виновницу этого безобразия тоже искать осторожно — еще сверзится куда не надо как раз накануне счастливого избавления.

Словно в ответ на это соображение в противоположном углу, как раз там, где я сам явился в сей кухонный кавардак, что-то скрипнуло. Может, показалось, но как раз у того буфета, из которого я выбрался наружу.

Со всей осторожностью я рванул обратно, старательно огибая лари и корзины. Задержался только у одной, из которой торчало какое-то пестрое тряпье с золотым шитьем и позументами, совершенно в духе семейства ау Риер. Но это оказалась всего-навсего пара ливрей, пошитых на совсем уж мелких придворных неизвестного властителя. Пажей каких-нибудь... На редкость кричащей расцветки тряпье, с вышитой на месте герба какой-то птицей в кольце, смахивающей на крикуна.

Разочарованно отбросив изрядно запачканные шмотки, я продолжил путь к буфету. По мере приближения казалось, что за витражными створками верхнего отделения кто-то отчаянно затаился, боясь выдать свое присутствие даже взглядом. Конечно, где же еще прятаться, как не там! Нижнюю-то полку, с пряностями, лично я для укрытия не выбрал бы.

Решительно, не ожидая явления из буфета ни призраков, ни хищных грибов, я распахнул дверцы. Открывшееся зрелище при всей гротескности не могло не обрадовать: среди банок варенья, коробок, пакетов и кульков прочих сластей на самой верхней полке, согнувшись в три погибели и крепко

сжав обеими руками полусгрызенный уже круг альтийского чак-чака, сидела зареванная светлоэльфийская дива.

Разглядев меня толком, Алир опустила кус хрустящей сласти, которым машинально прикрыла лицо, когда открылись створки буфета, робко улыбнулась и спустила ноги с полки, собираясь вылезти.

— Ой... Это ты! — Перепуганно-плаксивое выражение на ее рожице стремительно сменилось радостным облегчением.

Предчувствуя, чем закончится очередная инициатива подопечной, я отступил было в сторону, давая ей дорогу, но явно недооценил неуклюжесть эльфи. Зацепившись каблуком за край открытой полки-столика, она суматошно замахала руками в воздухе и, описав красивую дугу, торжественно сверзилась на меня. К счастью, около шкафа было сравнительно чисто, а падение смягчили мешки с кофейными зернами, мукой и еще чем-то хрустким... Наверное, с сахаром. Распихивая их, я сравнительно быстро и без особых потерь выбрался из-под трепыхающейся Алир, отряхиваясь и тихонько стервенея...

С ее вечными падениями на меня надо заканчивать. А то это уже превращается в несмешную шутку из шоу клоунов, которых дрессировщик то и дело незаметно дергает за путы, заставляя лететь кувырком. В следующий раз буду увертываться порасторопнее, и пусть распустеха шлепнется со всего маху — авось пары раз ей хватит, чтобы отучиться чуть что пикировать на меня, как тесайрский двуглавый штурмовик. Только тот в полете еще верещит мерзко на два голоса, в обе глотки.

Меж тем Алир безмятежно выпросталась из мешков и встала передо мной на четвереньки. При виде ее лучезарной улыбки злые мысли как-то сами собой пропали пропадом. Долго обижаться на носительницу сильной Воды во второй функции нельзя, все одно рабочая стихия смоет любое раздражение быстро и без следа.

— Так здорово, что ты пришел! — с умильной улыбкой продолжила подопечная заглаживать свои прегрешения. — Я совсем уже отчаялась... Тут так странно. Страшно не очень, зато тоскливо ужасно... И бесцельно все, будто что ни делай — ничего не получится...

Описание лабиринтов и мест, в которые они вели, было по-своему точным. Тут, на этой кухне, картина тоже на ред-

кость безрадостная, а уж в окна, за которыми мерцает тусклый розоватый свет, выглядывать и вовсе не хотелось. Похоже, чем глубже в небытие, тем краснее небо.

Смутившись отчего-то, я не нашел ничего лучшего, как извлечь из кармана порядком помятого длинноухого плюшевого зверька и неловко сунуть его светлоэльфийской диве, превышающей меня в длину на добрых полтора фута. Побыстрее, пока ее опять не затянуло в тоску и страхи, под самое алое небо невозможных миров...

Подарку эльфь обрадовалась как маленькая — вцепилась обеими руками и принялась тетешкать, разглаживая короткую плюшевую шерстку и расправляя невозможные уши. От реальных бед и тревог она оказалась оторвана надежно и бесповоротно.

Чем Инорожденные сильны и слабы одновременно, это тем, что любому своему занятию отдаются со всей возможной полнотой и рвением, вне зависимости от его осмысленности для стороннего наблюдателя. Что в данном случае и к лучшему.

Не я выбрал для великовозрастной подопечной стремление к вековечным детским забавам, даже не она сама — демон постарался. Изувечил обеих сестер чрезмерным страхом, каждую на свой лад — старшую превратил в стерву, оголтелую выше всяких эльфийских пределов, а младшую в не менее грандиозного масштаба сюсюкающую размазню!

Увы, сейчас это было мне только на руку. Не тратя лишнего времени на то, чтобы успокоить или порядком разъяснить, куда нас занесло и как будем выбираться, я просто добился от Алир беспрекословного выполнения всех моих указаний. Краткого намека, что в противном случае она останется одна и очень скоро повстречает демона или еще кого похуже, вполне хватило, чтобы слегка отвлечь подопечную от игрушки и вложить в нее правила предстоящего передвижения.

Таковых было немного — держаться за меня покрепче, ничего не бояться и делать все, что скажу. Начиная с крайне нежеланного для нее возвращения в пропахшее пряностями нижнее отделение буфета... По сравнению с этой задачей все остальное представлялось уже не столь тяжким.

Правда, совместное восхождение из глубин условного небытия оказалось труднее, и не только потому, что переходить

по ссылкам приходилось в обнимку. В знакомых вроде бы узлах мнимых лабиринтов за дверцами терминалов обнаруживались совершенно непривычные места, причем по большей части того же смехотворного свойства, что и гротескная кухня, на которой обнаружилась подопечная.

Похоже, личность передвигающегося по ссылкам изрядно влияла на сбрендивший гипершкаф. Так что маршрутом путешествия мы и взаправду оказались обязаны душевным качествам донельзя инфантильной, неуемно эмоциональной и слегка комичной светлоэльфийской дивы.

На редкость неприятная догадка прошла сторонкой, холодком зацепив сознание: получается, что все те страховидности, через которые пришлось пройти в фантомном отеле, притянула моя натура? Крепко же засели во мне Мекан и страхи городского дна. Не первый уж год сытой властительской жизни выбить не может...

Раз за разом из-за наших девиаций приходилось останавливаться и вносить поправки в картину лабиринтов в хрустальном шаре, а один раз даже заново запустить мяч-тестер, чтобы скорректировать сбоящую схему.

Алир фейерверк мечущихся по ссылкам фантомных копий маготехнического прибора изрядно позабавил. Эльфийская дива смеялась во весь голос, хлопала в ладоши, озаряемая оранжевыми вспышками снующих туда-сюда мячей, и взвизгивала, когда призрачные искры пронизывали ее насквозь.

Оно и к лучшему, что простодушная эльфь отвлеклась от сути происходящего. Задача по возвращению в то «здесь и сейчас», которое было нам единственно необходимо, решалась не так просто, как казалось сначала. Пришлось ввести в новую схему гипершкафа оба наших образа, и только тогда магический шар сумел стабилизировать маршрут возврата.

Тестер в процессе сверки утратил реальность наполовину, растеряв по глухим ссылкам недопустимо большое число копий, так что попытка осталась одна — со следующей магический прибор уже будет невозможно поймать. Он и без того норовил просочиться меж пальцами и втечь в заклятый хрусталь.

Ничего, если все сошлось верно, до выхода от предстоящего нам очередного фонаря осталось два перехода по ссыл-

кам со все более возрастающей реальностью. Растолкав Алир, от скуки задремавшую у меня на плече, я разъяснил ей положение и приготовился к старту. Ну... Судьбы нам в парус...

Раз! Фонарь в который раз лезет в глаза своим нелепонатуральным светом. На снегу появились отпечатки ног, копыт и почему-то санных полозьев...

Два! В хрустальном шаре один за другим гаснут мнимые лабиринты. Схема реального гипершкафа уплотняется, стремительно становясь неотличимой от классического ядра управляющей цепи кадавра...

Три! Образ в хрустале моргнул и засиял ровным оранжевым светом. Путешествие в никуда сквозь нигде и никогда закончено.

Дверцы шкафа перед нами были такими обычными, такими знакомыми... Хотя посмотреть на них изнутри мы оба еще ни разу не удосужились.

Открыть створки никто из нас не решался. Уж больно крупная ставка ждала снаружи — возвращение домой из странного небытия или провал попытки, повторить которую будет весьма нелегко... Повернув голову к подопечной, я молча кивнул на дверь. В ответ она сделала страшные глаза и так же немо замотала головой, отказываясь от предложенной чести.

Делать нечего... Неожиданно для самого себя я поднял руку и постучал по дверце. По ту сторону стремительно началась и закончилась какая-то тихая зловещая возня, после чего два напряженных женских голоса задали на редкость обыденный вопрос:

— Кто там?!

Принадлежали голоса Хирре и Келле. Не тратя лишних слов на ответ, Алир радостно взвизгнула и выскочила из шкафа, едва не выбив створки. Следом полез я сам, пытаясь сохранить солидность и не слишком поспешно выбираться наружу. Застрять в нормально отлаженном гипершкафу, конечно, теперь уже не грозило, но проверять это самостоятельно не было никакого желания.

На счастье, старшая жена не успела пустить в ход свой магический жезл, а младшая — шестиствольный стреломет старшей. Как они удержались от соблазна применить то и другое, когда в ответ на законный вопрос на них кинулось из шкафа пыльное чучело, лично я не понимаю. Однако в дан-

ный момент обе вполне миролюбиво обнимались с подопечной, пережившей поистине чудесное спасение.

Завидовать ей особо не стоило, поскольку следом уже все трое кинулись на меня с той же самой целью. Хоть с ног не сбили на сей раз, и то благо.

За спинами беснующихся от радости эльфей виднелась поникшая фигура Яндекссона. Добрый малый то ли все никак не мог пережить ужасной погибели любимца, то ли чувствовал себя виноватым в нештатном поведении гипершкафа, доставившего всем немало беспокойства.

Успокоив и перецеловав жен — заодно и светлоэльфийской диве, к вящему ее удовольствию, ненароком досталось, — я выбрался из их объятий и подошел к Свену.

— Ну что, хозяин?

Ожидая худшего, тот сгорбился еще сильнее, но тут же был совершенно огорошен следующими моими словами:

— Принимай работу!

Неожиданность заставила трактирщика выпрямиться с удивлением в глазах. Не давая ему расслабиться, я извлек магический шар и снова вывел схему треков, связывающих все емкости в отеле.

— Вот, повозиться пришлось, конечно... Зато теперь все адреса сходятся, пропаж и провалов больше не будет. Захочешь расширить сеть, подключай новые шкафы вот к этому, этому и этому узлам... Понял?

Яндекссон с готовностью закивал, заметно оживая прямо на глазах, и принялся водить пальцем по хрусталю, вникая в схему своего творения, которое никогда не видел изнутри. В отличие от меня...

Надо будет материализовать ему схему на каком-нибудь носителе попроще, иначе все равно забудет. И загрузить его еще одним полезным делом, чтобы отвлечь от демонова визита и его последствий. Похоже, судьба злосчастного водолаза никому из нас больше не угрожает — кого дурной телепосыл не унес, тот уже не утонет. Так что здешней ванны можно не бояться. По крайней мере, у нас с подопечной после экспедиции по шкафам, буфетам и гардеробам появилась неотложная потребность почиститься, а что до Хирры с Келлой, то они никогда не упустят возможности искупаться за компанию. К тому же после бурной церемонии встречи ванна не помешает и обеим женам.

Вконец зачарованный новым устройством гипершкафа, трактирщик с готовностью закивал на требование разогреть воды. Правда, хрустальный шар из рук он выпустил только после объяснения, что тот нужен мне для снятия копии схемы. Так что, покуда готовилась баня, пришлось сдержать данное самому себе слово и перегнать светящуюся паутину ссылок в подходящий по размерам кусок янтаря, очень кстати сыскавшегося на каминной полке в холле.

Превратившиеся в нити пузырьков треки пронизали толщу янтаря и радужные крылья осиного дракончика, невесть сколько веков назад заключенного в смолу. Символично получилось — неизвестно, что на самом деле гнездится в коконе треков, все еще способных открыться в иные миры. Что может вылупиться из задумки, соединившей вместе мощность канала телепосыльных чар со стройностью организации управляющих цепей кадавра...

От размышлений меня отвлек автор первичного варианта нового слова в маготехнике, вошедший с докладом о готовности ванны. Пожалуй, лучше ему не знать обо всем этом. Догадается — его удача. А не поймет, куда на самом деле открыл дорогу с моей помощью — и не надо. Непомерная это ноша для человека — проталкивать новое в закостенелый мир. Не всякий возьмется...

Баня в отеле тоже оказалась устроена на альтийский манер — здоровенная дубовая бочка или скорее шайка в десяток футов окружностью и всего в пару глубиной, заполненная горячей водой. Мы всем семейством поместились в ней без всякого труда и, по-эльфийски, без особого стеснения. Алир умоталась настолько, что даже не делала попыток особенно приставать к комунибудь, безропотно подвергаясь стирке. Кипятка и холодной воды про запас было в достатке в бадьях поменьше, а прочие мыльные принадлежности мы догадались прихватить с собой, не особо надеясь в этом отношении на огров.

Вскоре все разнежились в теплой воде с пеной и под мерцание гнилушек даже не заметили, как за окнами окончательно стемнело. День сошел на нет, без особого толку, но и без того вреда, который мог принести. Все равно сегодня отбыть в Оград уже не получилось бы — снег у входа придется разгребать не один час. Завтра с утра и возьмемся, если только демона опять не принесет...

Туман с рассвета обещал потепление и как-то сразу давал понять, что повторного визита ледяной нежити ожидать не следует. Свен, пришедший звать к завтраку, подтвердил догадку, объяснив, что демон заявляется в гости не каждый год, а чтобы два раза подряд — и вовсе никогда не бывало. Так что из проблем осталась только необходимость как-то выбраться наружу и расчистить выход. Снег хоть и подтаял, осев на целый этаж, но все еще надежно закрывал дверь.

Догрызая поджаристые охотничьи колбаски с горошком на сале, я вроде бы придумал способ справиться с задачей. Высаживаться из окон с риском слететь на проступающие из-под снега камни отчаянно не хотелось — чай, не аэромобильщик какой со спасательным заклятием наготове, могу и поломаться изрядно, несмотря на глубокий снег. При этом успешно опробованный вчера путь наружу наличествует в прямой видимости и сравнительно безопасной доступности. Через гипершкаф, по хорошо запомнившемуся маршруту...

Похоже, что первым делом Яндекссон увязал заклятием именно почтовый сундук, чтобы в такие вот заносы не ходить во двор, проверяя, не пришло ли что-нибудь. Ибо дальний, мощный телепосыл близко к жилью лучше не подводить. У нас вон и то отдельный зал для приема почты и гостей расположен в изрядном отдалении от жилых покоев. Хотя после вчерашнего я был готов усомниться, какой телепосыл опаснее — расстроенный ближний или точный дальний. Тут не знаешь уже, чего больше остерегаться.

Во всяком случае, дела собственных рук мне еще бояться не приходилось. Если себе не веришь, какой же ты тогда профессионал? Так что, отойдя от вчерашнего, сегодня я был готов снова лезть в гипершкаф без особых опасений. А насчет того, как справиться с завалами снега, тоже имелись соображения...

Присутствующие с искренним недоумением уставились на то, как после завтрака я уже самым привычным образом забираюсь в шкаф. Вместо ответа на немой вопрос в глазах жен, подопечной и трактирщика я лишь махнул рукой в окно, на почтовый сундук:

— Пойду проветрюсь...

Игра слов оказалась как нельзя более точной. Именно Ветру, как стихии, символически подвластной мне со вре-

мен возведения в эльфийское достоинство, и предстояло поработать над освобождением отеля от снежных заносов.

В реальности почтовый сундук оказался так же набит почтой, как и в фантомном лабиринте под лиловым небом. Уберечься от того, чтобы не вывалить на снег конверты, пакеты и все прочее, не удалось и на этот раз. Но теперь я потратил время, чтобы прибрать корреспонденцию Яндекссона обратно в сундук. Негоже пропадать в предстоящей свистопляске тому, с чем Свен будет коротать долгие вечера после нашего отъезда.

Выпрямившись, я потянулся и покрутил головой, озирая фронт работ. Обширный, да — но и сила, которую я собираюсь приложить к последствиям визита ледяного демона, тоже не маленькая. За прошедшие годы у меня было в достатке времени, чтобы натренироваться в управлении рабочей стихией симвотипа.

Позади послышался скрип, какая-то возня, кряхтение — и из почтового сундука вывалился Яндекссон, попутно вытолкнув по второму разу свои письма и спам. Конверты, пакеты и прочая дребедень и без того порядком подмокли в тающем снегу, так что повторное валяние уже не могло им особо повредить.

Свен поднялся на ноги, отряхивая рукава свитера и кожаные штанины. Силен мужик, если не побоялся лезть в нутро гипершкафа после всего, что было, при этом не обладая моими профессиональными навыками, благоприобретенными магическими способностями и поддержкой Реликвии заодно с прочим маготехническим арсеналом... Однако в его храбрости уже не было никакой особой заслуги. Гипершкаф работал надежно, а со снегом я намеревался справиться сам, без посторонней помощи. Так что трактирщик пожаловал зря...

Оказалось, не зря. У Яндекссона сыскался свой резон присоединиться ко мне там, где никто другой не услышит нашего разговора.

— Послушайте, хай-сэр, — сейчас обращение, как к старшему, прозвучало со стороны пожилого человека особенно нелепо. — Насчет огров...

Насчет огров послушать никогда лишним не будет. Особенно отправляясь к ним с весьма серьезной перспективой

застрять на зиму. Так что я навострил уши, отбросив мысль о неуместности присутствия хозяина «отеля» в качестве незваного гостя.

— Понимаете, хай-сэр, огры — они не дураки... — Трактирщик подбирал слова с трудом, от его обыденной бойкости не осталось и следа. — Тормозные изрядно, медленные — это да, но не дураки. Не только выпить-пожрать да подраться, а вообще...

— Ну, это лишний раз объяснять не надо, — в ответ мне оставалось только усмехнуться. — Я же хоть и Властитель, но не эльф по рождению. Соображение имею. Как-никак в клане, на улице вырос, грузчиков артельных да строителей не из окошка видал. Опять же на фронте у нас санитары все больше из огров были... — полузабытым жестом я потянулся к повязке на глазу, намекая на близкое знакомство с целительским персоналом.

Только где теперь та повязка? Там же, где и прочие следы меканского житья-бытья на физиономии и иных частях тела. Меч Повторной Жизни, сделавший меня Инорожденным на свой необычный лад, обновил плоть столь надежно, что пришлось заново набивать все армейские татуировки — учетные номера и коды совместимости везде, где положено. Клановый знак я тоже возобновил, хотя от того клана уже не осталось ни следа, ради памяти о родной крови. А еще для того, чтоб не забывать, кто я такой: городской парень, меканский солдат, демонски везучий сукин сын...

Но Свен моего жеста не заметил, поскольку тут же облегченно закивал на услышанное. По себе помню, как нелегко дается всегда разговор с вышестоящим. Особенно, если сказанное невозможно вбить ни в форму рапорта, ни в облик прошения. В своей обыденности начальство по большей части не способно уразуметь то, что выходит за пределы привычных способов обращения. Это надо либо талантом к руководству обладать, призванием, либо самому крепко помнить подневольное бытие, чтобы уметь расслышать подчиненного. Тем более, если тот намерен сообщить что-то действительно важное, расходящееся с традиционными представлениями начальства о реальности.

. Трактирщика же в зависимое от меня положение поставила его привычка к «подай-принеси». Сам виноват, что те-

перь мяться приходится, слова подбирать. Самому и выходить из затруднения — все зависящее от меня уже сделано.

На счастье, Свен кое-как справился с заминкой и снова перешел к делу.

— Вижу, вы человек ... — определение далось ему с трудом, но не Инорожденным же меня в глаза звать, особенно после уже услышанного, — ...бывалый. За все хватко беретесь... раз, и готово. А с ними так не пройдет...

Даже сойдя со скользкой темы моей манеры справляться с неприятностями, Яндекссон продолжал запинаться и тянуть фразы. Теперь-то с чего? Вроде бы ни одного огра в прямой видимости нет, чтобы с оглядкой на них говорить!

— Огры обхождения требуют... Уважения и понимания совершенно особого. Чтобы там по-своему повернуть, сначала надо вникнуть в их дела, обычаи. Иначе никак... — тут трактирщик опять было завяз, но набравшись духа, сам обрубил тему парой фраз: — Короче, в подробностях не обскажу, сам не знаток. Но слово мое помните крепко!

Выпалив это, он замолк, насупился, да еще и руки на груди скрестил, будто я собрался тянуть из него эти подробности рыболовным заклятием. При всем при том с явственным облегчением, будто важное дело сделал в совершенстве. Всем угодил и себе не повредил...

Вот в чем дело! Свен не передо мной робел все это время, а огров оговорить боялся. Точнее, сказать слишком много, выдать не свои тайны чужаку — которому тоже кое-чем обязан. Такая вот задачка, вроде как притча про дракона над двумя хрюшками — если разом за обеими погонится, ни одной не поймает, а если за одной, то другую упустит. Помнится, в конце притчи дракон так задумался, что забыл хлопать крыльями и выпал на землю из воздуха. Данный вариант нам в качестве решения никак не годится...

Впрочем, сию секунду ничего решать и не требовалось. Только как-то разбить неловкую паузу и перейти к делу.

— Спасибо и на том. Бывалому человеку хватит! — усмехнулся я, ввернув только что услышанную характеристику, и тут же согнал ухмылку с лица. — Ладно, нечего наперед загадывать... Пора снегом заняться, а то до полудня не уйдем. Отойди-ка мне за спину, чтоб не задело ненароком!

Требование это Яндекссон выполнил с завидным провор-

ством, не заставляя ждать понапрасну. Вовремя — воздух уже привычно заструился в ладонях, ожидая, пока я придам ему форму, пригодную для того, чтобы убрать снег от «Утопшего водолаза». Вскоре вокруг бушевала рукотворная метель, немногим уступавшая вчерашнему демонову бурану. Вблизи, по крайней мере...

В стремлении превзойти вероятного противника я даже слегка переусердствовал — ставни отчаянно застучали, с ближней кровли слетела пара кусков черепицы, а сменная доска с наименованием отеля пустилась в отчаянную пляску, грозя сорваться с фасада и взлететь. Пришлось чуть умерить напор вихря, чтобы не уворачиваться от здоровенной доски или щепок, в которые та грозила обратиться. Пара трещин, заметных даже отсюда, делала такой исход весьма вероятным.

Впрочем, силу потока воздуха уже можно было вполне безболезненно уменьшить — большая часть снега разлетелась далеко в стороны и теперь медленно оседала, клубясь искристыми облаками.

Неожиданно что-то толкнуло меня в ногу. Взглянув вниз, я заметил мельтешение серо-рыжего меха и чуть не свалился, подпрыгнув со страху на добрый фут. Мертвый Шпиннэ потерся о мое колено!!! На самом деле, конечно, до смерти замороженный демоном зверек не сам пришел ласться к тому, кого избегал при жизни, — это порывы моего рукотворного ветра пригнали тушку к ногам, как комок шерсти.

Наклонившись и перевернув трупик, я понял, как такое стало возможно. Фокскваррел оказался на удивление легким, словно пустым внутри. Он будто бы и не замерз, а иссох, не теряя объема. Как кусок мяса или фрукт, замороженный в абсолютной пустоте алхимиков абсолютным же холодом. Такое сочетание стихий, точнее, их отсутствия, если не врут, бывает лишь совсем высоко в небе, там, где обретаются звезды, планеты, а также иные полезные ориентиры для построения гороскопов и прочих алхимических алгоритмов.

Что ж, теперь ясно, какой частью своей силы наградил демона Властитель Звезд. Остается вопрос, что дала ему Лунная. Кроме сисек размером не меньше воронки с винокурни — они-то вчера и невооруженным глазом были отлично видны...

Ответ на этот вопрос пришел неожиданно и с той стороны, откуда я никак не ожидал.

— Сжечь его надо. А то встанет — хуже, чем мертвяк, — деловито заметил Яндекссон, взглянув на мою находку.

— Чем хуже? — растерянно переспросил я, ибо представить этакое было трудновато.

— Мертвяк пожрал, и ладно, а демоновым чучелам не нужно вообще ничего, кроме покорности господину. Весь дом извести может, если оставить. Или того хуже, за вами увяжется.

Только неупокоенного соглядатая нам и не хватало в этой экспедиции... Отняв руку от по-прежнему шелковистого, но совсем уже не греющего меха, я совершенно по-иному взглянул в мутные стекляшки глаз фокскввиррела, словно различая в белесой пелене искры снежного пламени взгляда его нового хозяина.

Вот, значит, в чем состоял подарок Лунной Богини...

— Сожжем, раз надо. Только это не по моей части, — поделился я с прежним хозяином зверька. — Кого-нибудь из жен попрошу, это их дело огнем орудовать.

— А не забоятся? — озабоченно поинтересовался Яндекссон. — Вон как одну со страху кинуло...

— То не жена, а подопечная. Она вообще... — внезапное раздражение от его ошибки оказалось меньше, чем ожидалось.

— Как знаете. Не забоятся, так пожалеют, и в плач, — продолжал сомневаться трактирщик. — Женщины все-таки, хоть и Инорожденные. А он к ним так ластился...

На это я лишь махнул рукой, не желая пускаться в объяснения, кто такие Хирра с Келлой и сколько вполне полноразумных тварей, не чета какому-то домашнему любимцу, отправилось за Последнюю Завесу на их глазах. Да еще многие при живейшем участии обеих. Хотя счет старшей жены здесь не в пример выше, и дай Судьба, младшая его никогда не превысит.

Поняв мой жест как приглашение к дальнейшей работе, Свен Все-Найдется живо запрыгал по выступившим из-под снега камням к входу, расчищенному, но пока не освобожденному от ледяных наростов. Предстояло еще изрядно повозиться, чтобы открыть двери.

Снаружи лед кое-как удалось обколоть обухом тесака, но из щелей между створками и косяком столь же легко его выбить не получалось. Портить заточку острия я не хотел, поэтому нам с Яндекссоном уже вдвоем пришлось налечь на

двери, расшатывая их. Ледяное крошево со звоном посыпалось на камни.

Освободив наконец створку и с натугой открыв ее, я поискал взглядом свое семейство. Все на месте — Хирра заботливо держит за плечи нервно подрагивающую Алир, а Келла сидит в сторонке и делает вид, что ее это совсем не касается. Оно и к лучшему. У древнейшей эльфи Огонь в символтипе посильнее будет, даже без поправки на расовое превосходство. Все-таки базовая функция, не рабочая. Управиться с ней труднее, зато если уж жахнет — никому мало не покажется, даже без Длани Справедливости.

Кивнув, я тихонько подозвал младшую жену к выходу и, вытащив за дверь, указал ей на нелепо валяющийся кверху лапами трупик фоксквиррела.

— Спалить его надо.

— Чтобы плаксе нашей на глаза не попался? — понимающе кивнула эльфь древнейшей крови.

— Есть причина и посерьезнее — встать может. Тогда бед не оберешься...

— А-а... — приняла к сведению вводную Келла.

Теперь можно быть спокойным. А то с последних слов Яндекссона о своем домашнем любимце меня неотступно преследовало видение взвивающейся в воздух иссохшей тушки, слепо клацающей зубами в поисках живой плоти.

На счастье, ничего из этого не осуществилось. Трупик безропотно занялся огнем под руками младшей жены, не делая попыток впиться в источающие пламя ладони. Келла едва успела отскочить — настолько быстро разгорелся иссохший зверек. На миг пламя встало столбом, и в его гуле мне почудился далекий-далекий вой. Но и тут — только почудился. Демон не мчался выяснить, что сталось с его жертвой и возможной марионеткой. Даже если пламя передалось по закону подобия и обожгло его, за долгие века обхождение живых с его невольными посмертными прислужниками должно стать для него привычным.

Так это на самом деле, или я уговорил себя ради спокойствия, не знаю. В любом случае сейчас на нас свалилась не в пример меньшая, зато очевидная напасть — невыносимая вонь паленого меха, которую оставил по себе потихоньку рассыпающийся на угольки фоксквиррел.

Но средством справиться с сей неприятностью располагал уже я. Собрать ветер в ладонь было просто — сегодня это уже приходилось проделывать. Да и напор требовался куда как меньший. Поток воздуха ударил в лицо младшей жене, отвернувшейся от импровизированного погребального костра и зажавшей пальцами нос, спутал ей медовую гриву. Опустив руку, Келла рассмеялась и замотала головой, отбрасывая волосы назад.

Снег легкой поземкой поднялся вокруг ее колен, занося угли и пепел. Скоро от кострища, как и от печального повода к нему, не осталось и следа. И словно дождавшись этого, над перевалом выглянуло по-горному яркое полуденное солнце. Подтаявший наст и снежная пыль в воздухе заискрились, свет больно ударил по глазам, заставляя щуриться. День вступил в свои права — пусть с запозданием, но весьма вовремя.

Теперь, пожалуй, пора отправляться в путь, чтобы к вечеру если не достичь Ограда, то хотя бы спуститься до уровня альтийских лугов. Даже без снега ночевать на каменной осыпи лишний раз не хотелось.

Собираться, по счастью, не пришлось — кроме банных принадлежностей да сменного белья, вчера из рюкзаков ничего не извлекали. Одежда же за ночь сама собой почистилась соответствующим заклятием. Лишнего времени на сушку и стирку в дороге нет, а с нашими доходами можно и не скупиться на магию.

Так что уже минут через десять мое семейство стояло в холле отеля, перед прогорающим в очередной раз суперкамином, полностью готовое к выходу. Попытки Алир затянуть процесс сборов были пресечены наиболее опытной в походном деле Келлой. Имевшей меньший опыт развлекательных путешествий Хирре помогла не отстать от младшей жены легкость на подъем, приобретенная в Охотничьем Клубе. У меня же самого еще не выветрились армейские нормативы на скорость сборов. Мекан прежде всего учит все свое при себе держать, а оставленное считать утраченным навсегда.

По счастью, здесь этот фронтовой закон не действовал, и шанс увидеться с покидаемыми в отеле гекопардами у нас оставался. Пусть столь же неверный, как и на успех в походе за Реликвией. Выходило, что огры не зря хранят ее как последний шанс противостоять демону, мощь которого вчера была явлена в более чем достаточной мере.

Для порядка, чтобы уважить Свена, требовалось перед дорогой еще помолчать, присев по альтийскому обычаю, а то и выпить на посошок. С первым затруднений не возникло — отчего бы не посидеть, глядя на прогорающие алой россыпью угли камина? Со вторым тоже прошло бы гладко, если б не решительный отказ Алир, которой вчерашней кружки медовухи, похоже, хватило на всю оставшуюся жизнь.

Но никто ее и не неволил. Прощание и так грозило затянуться, так как Яндекссон принялся благодарить меня за наладку и маготехобслуживание его излюбленного детища.

Мне оставалось лишь усмехнуться про себя. Крышку гипершкафу я, конечно, поправил... Только сюрпризов это должно лишь добавить. Во всяком случае, если трактирщик-изобретатель магических нововведений догадается, на что способно творение его рук. Шанс на это остается, даже невзирая на все мои усилия по отсечению дорог вовне нашего мира...

Наконец все перипетии отбытия завершились, включая многословные и уже ничем не сдерживаемые напутствия и советы Свена Все-Найдется относительно норова гор и огрского гостеприимства. Припасы проверены, ремни рюкзаков подтянуты, солнцезащитные очки извлечены и подогнаны — не хватало только заработать снежную слепоту в самом начале пути.

Впрочем, собственно горного снаряжения мы с собой не взяли. Дорога в Оград этого не требовала, а лезть куда-то в горы дальше долины и выше перевала я не собирался. Так что крепкая обувь, запас теплой одежды и белья на смену — и не более того. Мерой выкладки тут стала даже не грузоподъемность привычных ко всему гекопардов, а наша собственная выносливость. Да и та не до предела, чтобы подвижности вконец не терять — полсотни фунтов мне, на десяток больше каждой из эльфей (в соответствии с их ростом и силой, а не отсутствием галантности).

Первые полтысячи ярдов подтвердили правильность расчета — семейство бодро шагало без намеков на одышку и потерю темпа. Это при том, что пока еще мы шли вверх — отель располагался не на самом гребне перевала, а чуть пониже, в ветровом кармане. Иначе его давно сдуло бы, несмотря на скалу, к которой прилепились строения.

Почти подобравшись к гребню, я остановился и обернулся. Не по своей воле, и не один — эльфочки тоже дружно повернули головы на звук.

Сзади доносились глухие удары, то гулко отдающиеся от камня, то вязнущие в порядком подтаявшем снегу. Разглядев, в чем дело, мы не сговариваясь, все разом расхохотались. Фигурка на фасаде отеля была почти неразличима, но и так было ясно, чем занят его хозяин и единственный работник.

Яндекссон заканчивал прибивать очередную вывеску!

Казалось бы, вполне правомерное действие после того урона, какой я причинил предыдущей, расчищая снег. Но даже отсюда было видно, что сменная доска, прихотливо изрезанная узором из сердечек и толстеньких морских животных с бутылками в лапах, разваливалась не иносказательно, а совершенно буквально! Приколотив одну часть, трактирщик полез вниз по стремянке за другой, упавшей.

— Чего это он? Попрочнее не мог найти?! — не сдержал я изумления.

— Так скоро же Ламантинов день! — не меньше удивилась моей неосведомленности светлоэльфийская дива. — Праздник всех разлученных!!!

А, вот к чему водоплавающие звери... По легенде, именно ламантины носят по морям бутылки с записками тем, кто не может встретиться. Немудрено, что приуроченная к этому дню вывеска разлучена сама с собой на отдельные части.

— Свену, наверное, до того одиноко, что он хоть так отметить хочет, — не унималась жалостливая эльфь. — Он ведь совсем один тут... А теперь и Шпиннэ нет. Надо будет, как вернемся, уговорить кого-нибудь переехать к нему!

Готовность подопечной помочь всем в силу собственного разумения, похоже, перевешивала даже ее же способности к попаданию в глупые ситуации. А уверенность в том, что можно найти кого-то, согласного «переехать» на самую что ни на есть окраину человеческих поселений, за которой начинается первородная Огрия, сквозила недюжинным романтизмом.

Как ни странно, в осуществимость этой бредовой идеи вполне верилось. Видно, крепкую дружбу свела светлая эльфь с самой Девой-Радугой, хозяйкой всех надежд мира. Известно же, что инфантильностью и безалаберностью та не уступит этой своей смертной сестре. Так что для того, чтобы вернуться поскорее, теперь появился еще один повод. Не оставлять же лишний день Яндекссона в вынужденном одиноче-

стве... А то он выдумает еще что-нибудь похуже гипершкафа! Оно нам надо?

Глупая жалостливость подопечной оказалась здесь посильнее иного умного расчета. Как ни верти, при всех своих недостатках и странностях она оказалась не столь уж бесполезна и бессмысленна, как казалось на первый взгляд.

Возможно, у Алир найдутся и положительные стороны...

3
Гол в свои ворота

Словом, мы все больны гандболом,
Мы все больны гандболом
И за гандбол умрем!!!

Не прошло и трех часов с выхода из трактира, как каменная осыпь, кое-где еще затянутая остатками снега, закончилась очередной преградой. От альтийских лугов, как и по ту сторону перевала, каменистый склон был отделен лабиринтом скальных зубцов. Пару раз с непривычки мы утыкались в тупики — сначала со снежными заносами в укромьях, а потом и с зеленью, затаившейся от ветра там, где камни смыкались поплотнее.

Наконец после особенно крутого спуска по каменным ступеням все выбрались на открытое пространство. Спорю, что не самой хоженой и легкой дорогой, но возвращаться и искать путь поудобнее никому не хотелось. Особенно после того, что мы увидели на совсем не по-осеннему зеленой равнине.

Каменная лестница выводила на совершенно плоское плато, чуть возвышающееся над остальной долиной, во всяком случае, на первый взгляд дело обстояло именно так. Рассмотреть подробнее не позволяла плотная стена огров. Похоже, все население долины выстроилось по краям плато в торжественном молчании, заставив нас на миг замереть перед тем, как двинуться навстречу судьбе.

Неровная мохнатая линия выглядела исключительно угрожающе. Даже издали чувствовалось, что первородные дети Матери смотрят на нас сверху вниз, с высоты своего роста, почти вдвое превосходящего мой собственный. Отрешиться от этого ощущения не выходило, как бы ни хотелось.

Украдкой я оглянулся на жен и подопечную. Келла слева от меня шла на огрский строй непринужденно-легкой, танцующей походкой, словно не замечая ничего по сторонам. Так, говорят, эльфы во времена Войны Сил ходили в психическую атаку. С клинком в одной руке и длинным мундштуком для дурманной сигариллы — в другой.

Как оно на самом деле было, не знаю. В наше время все больше под волынки да по болоту наступать приходилось, а там особо не растанцуешься. Да и вообще подобных сравнений при моей древнейшей лучше не делать, памятуя отношение ее семьи к Инорожденным. Даже спустя тысячелетия древнейшая кровь не может простить прочим ныне живущим эльфам отступничество от Породителей и природного естества в угоду иллюзорной независимости. Обернувшейся, как ни посмотри, той самой Войной Сил...

Хирра по правую руку от меня такого спокойствия не проявляла, даже деланого, напоказ. Как старшая, она отчетливо волновалась за нас всех, разрываясь между привычной необходимостью прикрывать своих и настойчивой тягой уделить побольше внимания жмущейся к ней подопечной. Несмотря на вражду между родами, длящуюся с не раз уже помянутой Войны Сил, инфантильная светлая эльфь быстро и надежно заняла место в беспокойном сердце темной.

Алир действительно пристроилась вплотную к моей высокородной, но не в страхе, как могло бы показаться, а в зачарованном ожидании нового, небывалого и невиданного. Того, что могло бы наполнить ее непознанными до сих пор чувствами и переживаниями, придать смысл и востребованность долгой однообразной жизни вечного ребенка под нескончаемой опекой. Как ни уютно в комфортной и безопасной детской, ничего настоящего в ней не дождешься...

Пожалуй, впервые она дала повод испытать к себе нечто вроде уважения. Если, конечно, я правильно прочел обуревающие светлоэльфийскую диву предчувствия и ожидания на ее лице, открытом предвечернему солнцу.

Линия встречающих вроде бы приближалась, а вроде бы и отступала, продавливаясь перед нами и явственно огибая незваных пришельцев. Уразуметь, как это получается, я оказался не в силах и лишь безучастно отметил момент, когда толпа, собравшая, почитай, все население Ограда, сомкнулась

за нашими спинами, все так же не подпуская нас ни на шаг ближе к живым стенам кольца.

Поняв это, я остановился так резко, что семейство не успело затормозить и с налета выстроилось в одну линию вровень со мной. Теперь неподвижны были все — мы, огры, окружавшие долину горы. Казалось, даже облака застыли, прервав свой неторопливый полет из любопытства или уважения к значительности момента. Пронзительно-голубое, в цвет ледников, горное небо опрокинутой чашей недвижно зависло в точности над моей головой, готовясь принять все, что должно совершиться в этот момент. Возможно, важнейший для продолжения существования мира.

Аккурат напротив нашего маленького строя кольцо расступилось, пропуская абсолютно седого огра, которого прожитые годы сумели согнуть лишь до десяти футов, не справившись с кряжистым сложением. Чрезвычайная даже для расы первых детей Матери плотность и грузность фигуры делала старика похожим на скалу, движимую неведомым заклятием вроде того, которым из Огрогор на самый рубеж Хисаха были выведены глыбы, слагающие ныне Ветровую Стену.

И словно от той скалы, источенной временем и напоенной могучей магией, от огрского старейшины веяло незримой силой. Массивный золотой знак на цепи немногим тоньше якорной, свисающий с могучей, словно дубовый пень, шеи, ничего не мог добавить и без того вполне явному величию. Лично я под таким согнулся бы в тридцать три с лишним погибели и никакого благородства осанки показать не смог.

Огладив сперва бороду, затем цепь со знаком, а следом и пузо, не уступающее стоведерной бочке, огр обстоятельно прокашлялся, кряхтя и булькая. Звуки были такие, будто с ближайшего склона начала сходить лавина, да угодила в болото и утонула в нем вся без остатка.

— Р-р-рады пр-р-ринять дор-р-рогих гостей! Пр-р-редупр-р-реждены о пр-р-рибытии! — наконец торжественно произнес старейшина, подготовившись таким образом к выступлению. Его раскатистое «р-р-р» надежнее прочих признаков отличало огрскую речь от говора прочих разумных рас.

Предупреждены, стало быть... Интересно, кем и как? Скорее всего, Яндексон «постар-р-рался» ради добрососедства... Хотя, может быть, и Арбитры произвели внушение типа арк-

подготовки, чтобы местные не «зар-р-рывались». От нашей анарисской дипломатии всего ожидать можно — это я готов подтвердить, как ее ярчайший пример и представитель. Со времени моего возвращения из Хисаха заглядывать в тамошние новости я побаиваюсь — столько всего наворотил в добрососедском государстве в порядке реализации этой самой дипломатии. (Это я все никак султанство свое нечаянное не переживу...)

А теперь, стало быть, опасный пес Пойнтер спущен на Огрию. С игрой на охотничьих рожках и грохотом трещоток. Если судить по масштабам встречи...

— Благодарю за прием, — ответить что-то было необходимо. — Жаль, радоваться особо не придется. По трудному делу прибыли...

Лучше сразу ухватить рогача за то, за что надо. Разводить с ограми церемонии — последнее дело. Слишком много слов тратить — все равно что впрямую вруном сказаться, а хозяев дураками выставить. Чего, понятно, худшему врагу желать не стоит.

Видимо, в предупреждение, полученное здешним руководством, входил и этот пункт.

— Пр-р-ро затр-р-рудности с утр-р-ра поговор-р-рим, — продолжил старичина и бровью не поведя. — А пр-р-рямо с дор-р-роги пр-р-раздновать пр-р-р-росим!

— Пр-р-росим!!! — присоединился к нему поистине громоподобный хор всех присутствующих огров.

Тут уже было полное впечатление, что горы рухнули в припадке гостеприимства. Только по фронтовой привычке к близким разрывам файрболов я не свалился от звукового напора, а семейство выстояло исключительно по причине полного остолбенения. Да еще из уникального эльфьего упрямства, в котором что Инорожденные, что древнейшая кровь любому безрожке дадут демонову дюжину очков форы!

Раз уж так просят, грех не отпраздновать. Осталось лишь развести руками с поклоном и отправиться следом за громадным стариком в сопровождении прочих первых детей Матери. Из-за того, что большинство из них было одето в меха, шествие напоминало сход мохнатой лавины. Разве что грохота было поменьше: из уважения к дорогим гостям огры сдерживали силу своего обычно громового говора, и спуск в до-

лину сопровождался лишь негромким бурчанием, смысл которого до нас не долетал.

Путь вниз оказался недолгим и не таким уж трудным, поскольку в самой долине не было ни резких перепадов высоты, ни острых скал. Валуны слона в три-четыре — это да, имелись в наличии. А крупнее — ничего: то ли ледник, то ли Среброречка все загладили и обкатали в незапамятные времена.

Наиболее крупные валуны пошли на два огромнейших сооружения, к ближайшему из которых мы и направлялись. Дальнее было даже здоровее ближнего, а пространство на милю между ними занимали какие-то то ли погреба, то ли землянки. Вот и весь Оград — других построек в долине не наблюдалось на всем ее протяжении. Только старое русло Среброречки, в котором по нынешним временам не набралось бы воды и на то, чтоб крикуна утопить.

Когда-то, когда река еще была полноводной, на ближнем конце долины она срывалась вниз величественным водопадом. Теперь жалкая струйка терялась в камнях, не доходя до обрыва добрых сто ярдов. Даже непонятно, как выжил здоровенный ветвистый баодед на полдороге между строениями Ограда и обрывистым краем долины. Хотя, может, это и не баодед был, а обанария или даже вовсе хрясень какой-нибудь. Лоскутьев, веревок и ленточек с него свисало всяко не меньше, чем с любого бечевочного мангра в дельте Анара, но толщиной ствол не уступал тому же баодеду или консервному дереву из Пыльных Прерий. Или это воздушные корни и ложные стволы, сросшиеся воедино?

Так или иначе, вид это украшение небогатого растительного мира Огрогорья имело порядком потрепанный, иссохший и даже какой-то пыльный. Живая листва пробивалась где-то на трети ветвей, и лишь сей факт вынуждал причислять громадное растение к еще живым, поскольку в местном сухом и холодном климате ствол может простоять сотню лет, даже полностью утратив признаки жизни.

— Огр-р-родр-р-рево Сакр-р-ральное!!! — отметив мое внимание к полумертвому растительному исполину, пояснил старейшина. — Пр-р-риношениями покр-р-рыто!

На мой взгляд, «пр-р-риношения», в смысле хлам этот канатно-полотняный, и были не менее чем вполовину виной плачевного состояния Огродрева. Одной многовековой засу-

хой тут дело не обошлось, не иначе тряпки с веревками его придушили.

Впрочем, традиция наряжать живые деревья хуже, чем Приснодрево, очищенное от коры и перевернутое вниз вершиной, держится во многих деревнях от Мекана до Альтийских гор. Таким образом селяне ублажают местных духов, относительно которых современная магия никак не сойдется во мнениях, существуют они или нет.

Однако у тех, кто побывал в Мекане, сомнений на эту тему не водится, а у меня, по причине личного знакомства с Великим Всем — и подавно. Все нерожденные боги из таких поднялись, в том числе и Породители разумных рас. А здесь, в северных горах, обрела имя и личность сама Судьба, которую огры избрали себе в покровительницы. Это они неглупо сделали...

Так вот кому посвящены приношения на Огродреве! Уж Судьбе-то даже я шнурка с шеи не пожалел бы. Дерево и новое вырастет, если нынешнее паломники задавят или пополам переломят щедростью поклонения величайшей из нерожденных!

Под такие размышления мы добрели до ближайшей постройки, культовой или административной — по виду не разберешь. При взгляде на это сооружение как-то сразу верилось, что Заброшенные Гробницы в Тесайре строили именно огры.

До того же Опрокинутого Зиккурата или Ворот Лжи ему, разумеется, было далеко. Всего-то каменная площадка, вознесенная на неполный человеческий рост да украшенная четырьмя почти кубическими столбами, расставленными квадратом с промежутком чуть шире собственной толщины. Но дух величественных и невразумительных строений эпохи, предшествующей Войне Сил, угадывался однозначно.

Перед самым помостом, обходя его слева, старейшина притормозил, и мохнатая лавина остального населения Ограда мягким топотком обтекла нас, забрав еще левее и столпившись впереди, у дальней стороны помоста. Старик тем временем вовсе застрял и, остановившись, огромной ручищей указал нам на сооружение. Дескать, пожалуйте, гости дорогие, специально для вас местечко приготовлено.

Для нас так для нас. Обогнув следом за всеми помост, я во главе семейства подошел к промежутку меж каменных

кубов и, стараясь сохранить достоинство, взобрался наверх по очень кстати оказавшимся там ступеням в полтора фута каждая. Женам и подопечной то же действие удалось куда изящнее из-за изначальной эльфьей длинноногости и большего роста.

Это ли величественное зрелище или что иное вызвало в толпе взрыв ликования — неясно. Ситуацию не прояснило даже замечание старейшины, поднявшегося следом.

— Добр-р-рая пр-р-римета, в Пр-р-раведный Пр-р-роем пр-р-рошли!!! — обрадовался он не пойми чему.

В какой же еще, если весь народ перед этим выстроился? Не особый труд прогуляться лишнюю пару дюжин ярдов, чтобы сразу занять правильное место, не блуждая зря среди каменных кубов. Еще неизвестно, какой там магии намешано или прибилось от многовековых суеверий. Этак войдешь не в тот проем или вообще не с той ноги на помост ступишь, а выйдешь обратно невесть где, невесть кем и невесть с каким проклятием в довесок. После гипершкафа хорошо, что я обычных дверей и порогов не начал опасаться. А мог бы, не будь столь уверен в своих профессиональных способностях...

Здоровенный старик, присутствие которого сразу сделало несколько тесноватым даже столь праведный проем, меж тем степенно указал на каменную скамью, посередке разделенную надвое встроенным подобием кресла из грубо обработанных плит. Кто-то заботливо застелил и его, и сиденья по сторонам чем-то вроде ковра толщиной дюйма в полтора, с грубым узором, которым только огрят по ночам пугать.

Если б не выбивающиеся нитки и прочие признаки плетения, это произведение ткацкого искусства можно было бы принять за шкуру, снятую с какого-нибудь полярного дракона. Из тех, что нерп подо льдом гоняют да белых медведей в полыньи сдергивают, а чтобы добыть воздух для дыхания, айсберг насквозь рогом пробивают. Перводракон их породил то ли от касаток с кашалотами, то ли от еще какой зверюги немыслимой хищности. Самая знатная добыча в Огрофьордах, если раньше не зажует вусмерть дюжины две охотников на каяках из нерпичьих шкур...

Так или иначе, на каменном сиденье ранней, да не теплой горной осенью лишней не будет что такая шкурища, что ее заменитель ручной выделки. Хирра с Келлой уже заняли ме-

ста по правую руку от кресла, а колеблющуюся и с опаской взирающую на псевдошкуру Алир усадили между собой, притянув за обе руки.

Я тоже заколебался перед тем, как усесться, но по другой причине. На скамье, занятой семейством, места уже не было, а устраиваться в одиночку на оставшейся не хотелось. Кого бы из жен перегнать на нее для компании?

Но перегонять никого не пришлось. Вместо того чтобы устроиться на сообразном его размерам почетном месте, старейшина в одиночку занял всю свободную скамью, не оставив мне сомнений в необходимости карабкаться на сиденье огрского трона. Хорошо хоть в ширину тот не уступал солидному дивану... В конце концов, запрыгивать на невысокие плетни спиной вперед я умею, пусть и не на ферме вырос. Дольше топтаться перед креслом было совсем нелепо — и так уже дождался от заботливого огра повторного приглашения:

— Пр-р-рисядем, в ногах пр-р-равды нет. Пор-р-ра к делу пр-р-риступать...

— Других старейшин ждать не будем? — огляделся я, удивленный отсутствием традиционной орды чиновников принимающей стороны.

— Каких др-р-ругих? Меня одного р-р-разве мало?! — искренне удивился огр.

Воистину, его и одного хватало с избытком. Но неужели правительство целого народа может ограничиваться всего-навсего одним старейшиной? Это получается мироустройство даже не времен Войны Сил, а совсем уж сказочное, легендарной поры рождения разумных рас...

— Др-р-ругих стар-р-рост не дер-р-ржим. Спр-р-равляюсь сам, — подтвердил мою догадку старик, на удивление не обидевшись. — Огр-р-рТинг всенар-р-родный изр-р-редка собир-р-раем, когда совсем тр-р-рудно...

Надо же... Старейшина да тинг, созываемый время от времени — вот и все правительство. Более серьезной государственности у огров в помине нет по причине полного отсутствия склонности к созданию таковой. Действительной или тщательно изображаемой — пока неясно.

Внезапно меня осенила мысль, еще более удивительная и неприятная. Огрская манера справляться с оргвопросами означала, кроме всего прочего, еще и то, что придется иметь дело

разом со всеми, с целым народом, как с одним его представителем. Без уверток и путаницы, напрямую, без всякой возможности тихонько договориться с верхушкой в обход всех прочих. И то, что я уже поминал насчет церемоний и прочих двусмысленностей, усиливается во столько раз, сколько первых детей Матери собралось на торжественную встречу...

Словно в подтверждение моих мыслей, ОгроСтароста объявил:

— Пр-р-редставьтесь нар-р-роду, гости дор-р-рогие!

Отчего же не представиться? Ввиду серьезности случая я не стал перекладывать эту обязанность на Хирру, которая обычно служит герольдом нашего семейства, а сам зачитал внушительный список владений и титулов, привешенных к моему несложному имени и кличке, тоже сделавшейся составной частью сего безобразия. Затем и жен с подопечной обозначил перед огрским обществом в соответствии с тем порядком, по которому я тут выхожу ответчиком за всех. Здесь, в горах, все устроено в противоположность придворному этикету: не нижестоящий за вышепоставленного говорит, а наоборот, главный — за всех своих.

— Хугге Гр-р-ромовило, Огр-р-роСтар-р-роста, — в свою очередь представился старейшина сообразно тому же правилу. В сравнении с нашим эльфийским многословием это прозвучало куда более внушительно, даже без поправки на громогласность огра, которой, похоже, он и был обязан прибавкой к имени. Процесс представления получился очень торжественным и кратким...

Если бы не то, что, следуя помянутому уже горному этикету, ОгроСтароста взялся представлять поименно весь свой народ!!!

Только теперь я понял, отчего принимать приветствия положено сидя. Выстоять на ногах предстоящие нам часы вряд ли было возможно без урона здоровью, даже с учетом краткости огрских имен. Но раз уж заведен такой порядок, в подтверждение моим размышлениям об устройстве здешнего общества — надо вытерпеть все до конца.

Оглянувшись украдкой на семейство, я с некоторым облегчением отметил, что жены и подопечная тоже прониклись важностью момента и приготовились к долгой процедуре личного знакомства с населением огрской столицы, после чего

смирился с происходящим. В конце концов, другого способа поближе узнать изрядную долю целого народа не придумаешь.

Один за другим обитатели горной долины подходили и представлялись в меру фантазии и способностей. Все пять с небольшим тысяч. Степенные отцы семейств и совсем еще несерьезные молодцы, матери с выводками укутанных в меха огрят, кокетливые девицы ростом едва ли не вдвое выше меня...

К исходу четвертого часа церемонии у меня рябило в глазах от разнообразия приветствий. Перед гостями прошли парадом любопытство, опасение и безразличие, все возможные варианты отношения. Кто кланялся с достоинством, кто, приплясывая, взмахивал войлочной шапкой, а кто и просто отходил, буркнув свое имя в сторону. От неловкости, наверное — огры, они чем крупнее, тем застенчивее.

Наибольшим ростом и стеснительностью обладал тринадцатифутовый здоровяк в кожаном кузнечном фартуке. Ни одну из пары кувалд у него за поясом лично я бы и с места не сдвинул, а жены смогли бы своротить разве что втроем с подопечной. Имечко, едва пробившееся сквозь растительность, покрывавшую почти всю физиономию кузнеца, очень ему подходило — Тугге Полторы Бороды... огрских полторы, а человеческих — с дюжину, наверное. При взгляде на голову местного мастера горна и наковальни становилось понятно выражение «мохнатый шар».

Запомнился он не только поэтому, но и потому, что Огро-Староста с сожалением откомментировал исключительный даже для огра размер кузнеца:

— Какой игр-рок был, пока Пр-равило не пер-рер-рос... Тепер-рь нельзя ему на поле, а пр-режде...

Что за игра и каково ее Правило, я с налету не понял. Да и не слишком стремился понять, уносимый в далекие сонные дали неторопливой процессией имен и приветствий. Так и не знаю, к примеру, пригрезились или на деле обозначили знакомство со мной Вавве Горный Поток, Ухха Дробило, Динген Сын Сыновей, Мугге Длинные Штаны и прочие достойные представители огрского племени...

Убаюкивающие прозвища горного народа гудели, словно ветер в скалах, угрожающе и тяжко, как вроде и положено бы. Тем не менее чего-то в них не хватало, какого-то лейтмотива, ставшего уже привычным за недолгое пребывание здесь...

А, вот, понял! Даже проснулся от нежданного озарения.

— А почему в именах нет «р-р-р»? — тихонько спросил я, с трудом дотянувшись до уха ОгроСтароста.

— Чтобы отличить их от остальных слов! — обернувшись, он посмотрел на меня как на полного несмышленыша. — Имена, они самые важные, им нельзя с др-р-ругими словами мешаться!

Понятно... Правда, в изложении ОгроСтароста отголосок вполне корректного закона символометрии звучал, как детская тайна. Игрушечный секрет, передаваемый друг другу с большими от страха глазами и доверяемый первому встречному под самую страшную клятву. С угрозой в случае ее нарушения неотвратимыми бедствиями, которые могут прийти лишь в незамутненно-зверское сознание вчерашнего младенца...

Мне вот, однако, доверили это сакральное знание и без подобного ритуала. Обнадеживает. Может, все-таки удастся столь же легко справиться и с нашей миссией. Как конфету у ребенка отобрать — так обычно говорится.

Все бы хорошо, только один из великих магов древности как-то сказал, что придумавший эту поговорку никогда не пробовал осуществить ее на деле. То есть вырвать сладость, игрушку или полузадушенного домашнего дракончика из цепких и жестоких детских ручонок.

Умиляться детством и его законами можно только извне, обладая короткой памятью и завидной способностью к самообману. Главные черты начала жизни — не умильность и доброта, а безответственность и неспособность задуматься над последствиями. По мне, лучше уж холодноватая расчетливость взрослого...

Так что с ограми, при всей их непосредственности, имеет смысл держать ухо востро. Они могут быть страшны не злыми намерениями, а совсем напротив — невинностью. Раздавят походя и не заметят, что насмерть, как тот ребенок дракончика, лягушку или иную живую мелочь. Размеры перворожденным детям Матери в этом очень способствуют.

Тут, кстати, вообще вскрывается интересная зависимость — похоже, внутренний возраст расы впрямую завязан на рост ее представителей. В обратной пропорции: чем в длину длиннее, тем инфантильнее.

Мы, люди, молоды, но хотя бы достигли совершеннолетия. Эльфы — вечные подростки, с этими их страшными клятвами и прочими жестокими забавами. Двенадцатифутовые огры, по всему выходит — сущие дети, не старше пяти лет.

И упаси нас Судьба от каких-нибудь двадцатифутовых младенцев!

Что интересно, в обратную сторону это правило тоже работает. Невысокие драконидs со своим несокрушимым жизнелюбием навсегда застыли в ранней зрелости. Халфлинги типа Фроххарта похоже, поголовно сорокалетние. Мелким зеленым гоблинам по всем приметам за полтинник.

Интересно, кто же тогда отвечает за старость? Гномы, наверное. Больше вроде некому. Если только они вообще существуют где-то, кроме ругани, да еще при этом намного меньше ростом, чем гоблины...

Последней в ряду представляемых оказалась Гахха Лубяная Сковородка, круглолицая огрюшка ростом даже меньше меня, с трогательной щербинкой от выпавшего молочного зуба в пару пальцев шириной. Младшая дочка в семействе... Из головы надежно вылетело, как звали только что отошедшего папашу шириной едва ли не больше, чем ростом.

Ничего, понадобится — снова взбодрю память заклятием, как в Хисахе во время экскурсии по городу. Поименное знание местного населения, пожалуй, даже полезнее будет, так что откладывать процедуру не стоит.

А чего еще не стоит откладывать, так это обеда или, применительно к времени дня, ужина. Интересно, такой пункт в программе приема имеется или сокращен наряду с прочими административными излишествами?

Разумеется, мимо «тр-р-рапезы», как выразился Огро-Староста, основательный и серьезный горный народ пройти не мог. Разве что идти за угощением пришлось далековато — столы на все население долины оказались накрыты между двумя отрогами у самой скальной стенки, надежно укрытые от ветра, а от стад тонкорунных рогачей защищенные легкими загородками.

От прочих опасностей угощение, расставленное по грубым доскам импровизированных столов, охраняли псы — немногочисленные, но при этом основательные, как сами огры, в толстых мохнатых шкурах, не уступающих полярно-драко-

ньим, и закормленные, похоже, до состояния, когда ни хозяйские разносолы, ни стада уже не способны их заинтересовать. Или дисциплинированные донельзя... Так или иначе, на нас, гостей, мохнатые сторожа глядели чуть свысока, безразлично и спокойно, без малейшей попытки облаять или прогнать — либо доверяя хозяевам, приведшим чужаков, либо вовсе не имея привычки нападать на разумных. Только на хищников, угрожающих стаду или жилью.

Почему-то при встрече с этими псами мой старый страх перед прямым собачьим взглядом проявиться не пожелал. Время вылечило? Или Харм, легкого бега ему за Последней Завесой и удачи в новом рождении, отучил от стыда перед его соплеменниками? В любом случае стражу огрского пиршества удалось миновать не опуская глаз.

Прочие приличия тоже удалось соблюсти без изъяна — недолгая прогулка после многочасового сидения пошла только на пользу. Какое место занимать за столом, я теперь тоже знал, а больше никакого этикета у огров в заводе не было.

В отличие от кулинарных талантов, как выяснилось вскоре после того, как народ с одобрительно-предвкушающим гулом расселся за столы следом за почетными гостями и Огро-Старостой. Как бы жутко ни выглядело то или иное блюдо, на вкус оно оказывалось неизменно приятным — не особо изысканным; но свежим, сытным и не испорченным избытком пряностей. Все составляющие являли здесь свой истинный вкус без уловок эльфийской кухни.

Откровение это касалось и привычных по анарисскому фаст-фуду видов огрской пищи. То, что выдают за шурумбурум городские лоточники, с настоящим огрским кушаньем и рядом не лежало. А если лежало, то очень долго и на жаре.

А ведь есть еще такое сакральное блюдо, как калды-балды-шурпы...

По счастью, в Огрогорье не прижилась обязанность опробовать каждый разносол или съесть все, что тебе положат, как заведено в купеческих домах Заанарья. В силу своей основательности огры, похоже, полагали, что за столом себя никто не обидит и во вред здоровью не переусердствует.

Пожалуй, снимись мы с мест и уйди тихо, по-эльфийски, прямо посреди ужина, озаряемого факелами ввиду уже позднего времени, никто бы и не заметил. Останавливало одно —

где именно радушные хозяева отвели нам место для ночлега? Ясно, что не под столом и не среди каменных кубов на каменном же помосте. Не во второй же грандиозной куче камней, расположенной поодаль?

— Утр-р-рудились пор-р-рядком? — словно почуяв эти мои размышления, тихонько прогромыхал мне на ухо Громовило, сидевший рядом по обязанности старосты. Шепот у огра все время получался под стать имени.

— Есть немного, — признал я. Процедура представления и застолье даром не прошли, не говоря уже о пешем переходе под грузом и утреннем разгребании снежного заноса.

ОгроСтароста воздвигся из-за стола степенно и медленно, как утес, вырастающий из вод горной реки. Я проделал то же самое с куда большей поспешностью, а Келла так чуть ли не выпрыгнула со своего места. Хирра встала не раньше, чем аккуратно вытерла платочком губы и пальцы. Но дольше всего пришлось извлекать из-за стола Алир: подопечная никак не могла выбрать, какой из многочисленных пирогов и кренделей прихватить с собой на сон грядущий. Все одновременно в руках у нее они не помещались, а отказаться хотя бы от одного из корявых на вид, но безусловно вкусных творений огрских хлебопеков светлоэльфийская дива никак не могла.

Наконец запасливая эльфь надела на шею самый основательный калач с ягодной начинкой косого брюха и пузыристо блестящей корочкой, припорошив мукой роскошную гриву, а остальную добычу — ветчинный пирог размером с добрую половину тележного колеса и стопку жутковатого вида не знаю чего, пахнущего медовыми пряниками — зажала под мышками.

На оставшийся перед ней узловатый крендель Алир смотрела столь жалостно, что его с тяжелым вздохом прихватила для подопечной старшая жена. Младшая тут же, видимо, из чувства протеста, вцепилась в длинную, извилистую, как молния Тиллы, сырокопченую колбасу и прокрутила ее в воздухе наподобие разбойничьей дубинки.

Экипировавшись таким образом, семейство было готово к долгому и непредсказуемому пути на ночлег. Один я стоял с пустыми руками, пока Хугге, сочувственно покачав головой, не вручил мне стянутый со стола бочонок с пивом, посчитав, видимо, что столько жратвы всухомятку не пойдет почетным гостям на пользу.

После этого собственно дорогу запомнить было уже трудновато, даже несмотря на то, что ОгроСтароста прихватил с собой факел. Проклятый бочонок был небольшим лишь на огрский взгляд, на деле вмещая галлонов шесть, и это помимо собственного веса. Так что тащить его пришлось в обнимку, постоянно преодолевая соблазн положить набок и катить ногами.

По счастью, в дороге мы не раз останавливались, чтобы приложиться к содержимому бочонка — исключая Алир, конечно, но не исключая хозяина-проводника. В его глотку нефильтрованное и оттого почти непрозрачное светлое пиво лилось с плеском, напоминающим об утраченной Сребрече-ке. Поэтому к концу пути пивная тара полегчала едва ли не вдвое, а учитывая прилив сил от выпитого, стала и вовсе легче перышка.

Порядком проплутав между невысокими, мне лишь по пояс, каменными стенами многочисленных землянок, мы остановились у одной из них, на первый взгляд не отличавшейся от прочих. Разве что на отшибе от остальных и, кажется, повыше по склону. Точнее во тьме, до краев залившей долину, разобрать не удавалось — темно-синее небо в непрозрачной дымке не пропускало света звезд. Только над нескончаемым застольем вдали виднелась сеть мерцающих в той же дымке огней.

Каким-то женским чутьем определив, что именно требуется для устройства на ночлег, жены и подопечная проскользнули вниз по каменной лесенке за массивную дверь постройки и принялись ожесточенно возиться внутри. Во всяком случае, прежде чем зажечь свет, полившийся из окон теплыми полосами, они явно что-то там своротили с немалым грохотом.

Мы же с Хугге присели на холодке передохнуть и обождать, пока эльфочки завершат свои труды. Конечно, не без того, чтобы еще хлебнуть напоследок. Прямо на плоской крыше устроились, я — свесив ноги, а огр — высоко задрав колени. Приложившись по очереди к бочонку, поставили его на землю между нами, отдышались и одновременно вновь запрокинули головы в поисках хотя бы одной искорки света в чернеющем небе.

Ничего. Ни лун — тройное новолуние со дня на день, ни звезд. Вообще ни единой прорехи в дымке, до которой, каза-

лось, рукой подать. Как под одеялом уже, только глаза закрой, и сон заберет без остатка, до утра, до нового света...

— Хр-р-рм... Кгхм!!! — ОгроСтароста зачем-то громко прокашлялся, прогоняя подступившую дрему, и встряхнул меня за плечо. Осторожно, конечно, на свой огрский манер, но так, что весь сон вытрясло без остатка. После этого сказанное им я расслышал уже самым лучшим образом:

— Знаю, зачем пожаловал... И кто таков, знаю.

Отсутствие «р» в прозвучавших словах лишило их привычной огрской раскатистости и тем заставило прозвучать как-то зловеще. Словно каждое стало прозванием некой грядущей беды, подчиняясь местному правилу имен. Настрой безмятежного вечера разом сменился — не на утро оказался отложен важный разговор, как сказано было...

Или уже утро наступило, осеннее, темное? Что за полночь перевалило — несомненно, под выпивку время быстрее идет. Отчего в Мекане некоторые старались вообще не просыхать, коротая войну под бульканье фляжки. Одни из таких, не протрезвев, за Последнюю Завесу отправились, других доконало похмелье наутро первого мирного дня, а кое-кто и поныне глаза заливает, уже без различия времени. Так что не способ это. И мне протрезветь не помешает, чтобы получше вникнуть в услышанное...

— Оно понятно, конечно, — Хугге Громовило был тих настолько, насколько вообще позволяла его природа. — Судьба ведет так, что в стор-р-ронку не свер-р-рнешь...

Вернувшееся в его речь взрыкивание малость успокоило, превратив сказанное из мрачного пророчества в обычный разговор. По форме, но не по смыслу.

— Только ведь не можем мы так пр-р-росто отдать Р-р-реликвию... Пр-р-ридется с фор-р-рмальностями.

Самое слово «формальности» в огрском исполнении звучало равно нелепо и устрашающе. Вроде мощного светосброса, зажатого в драконьей пасти — то ли впустую хрупнет на зубах, то ли рванет в мелкое крошево, то ли от случайного нажатия на спуск исполосует лучом все до горизонта.

— Огр-р-рТинг завтр-р-ра пр-р-риговор-р-рит, что тебе сделать пр-р-ридется, — уточнение оказалось не лишним.

Авось еще обойдется... Народ в целом не способен придумать что-нибудь особо заковыристое, так что задача будет про-

стая. Насколько исполнимая — это уже другое дело. Но хотя бы не специально заморочепная, затрудненная, как те формальности, к которым привычны у нас в Анариссе.

Воодушевление от такого вывода малость перехлестнуло через край. Во всяком случае, пытаться хлопнуть по плечу совсем уж задумавшегося ОгроСтаросту явно не стоило. Даже подпрыгнув, я не дотянулся до вздымающейся ввысь фигуры. Приземлился обратно на крышу, крякнул и успел только помахать рукой в ответ на прощальный взмах удаляющегося старика. Тот, видно, счел, что большего недолгое расставание до завтрашнего утра и не требует.

В этом сановный огр, несомненно, был прав. Пора и мне на боковую...

Голову наутро ломило так, будто на нее по очереди падали все здешние булыжники с высоты всех окрестных гор. При попытке выбраться из-под мехового одеяла и ополоснуть физиономию я только сверзился с топчана, найденного вчера на ощупь, и перебудил семейство.

Умывание не помогло, поэтому пришлось от кадушки с водой перебраться поближе к бочонку с пивом. На счастье, весь запас мы вчера не истребили даже при поддержке ОгроСтаросты. Удержать в себе первые несколько глотков оказалось нелегко, но затем дело пошло на лад и даже появилась мысль о завтраке.

Слава Судьбе, стараниями Алир мы не испытывали недостатка в съестном. Запасливость подопечной можно было только похвалить. Наскоро умывшись, она сама и Хирра с Келлой присоединились ко мне. С вечера запасы сохранились наилучшим образом — до утра не дожили только пряники, или что это там были за печеные уродцы с медовым запахом. Но склонность светлоэльфийской дивы к сладкому уже стала для нас привычной.

В результате к остатку пива, кое-как унявшему ломоту в голове, сыскалась вполне приличная закусь. Пивовары из огров, похоже, не лучшие, раз даже присутствие лечебных по своей сути эльфей лишь ослабило мое похмелье. Им-то самим вчерашнее бесследно сошло с рук, прежде всего, по причине меньшего количества выпитого.

Впрочем, попытка позавтракать нелегко далась не мне одному. Наибольшее неудобство всем нам причинило совершенно неожиданное затруднение — вся мебель в доме была огрской, а стало быть, непомерно большой. Топчаны мне по пояс, на каждом из которых свободно можно улечься вчетвером; стол, заглянуть на который получалось, только подпрыгнув; кресло-качалка величиной с легкого штурмового кадавра...

Более-менее подошел мне по размерам один-единственный стульчик. Точнее, сиденье и спинка у него соответствовали моему росту, а высота в целом была даже побольше прочих — пришлось едва ли не на пять футов карабкаться вверх по здоровенным поперечинам. Зато относительно столешницы мое тело оказалось в нормальном положении.

Отчего оно так, я бы долго не догадался, если б мои эльфочки заботливо, по-женски, не просветили мужа и повелителя. Оказывается, я узурпировал детское креслице!

Ну и ладно. Дырка для горшка в сиденье крышкой прикрыта, и то счастье. Женам же с их эльфийским ростом на обычных здешних стульях приходилось елозить подбородками по столешнице, как малышам, посаженным родителями за взрослый стол. Так что кто еще оказался в положении малолетнего...

Завтрак был в самом разгаре, когда высоко над столом, в кровле, что-то зашуршало, и на стол с пронзительным «пиу!» мягко шлепнулся серый пушистый клубок. На мгновение все мы замерли, а потом Алир взвизгнула:

— Мышь!!!

В ответ на это со стропил на стол, на пол и на нас посыпался целый дождь пушистых серых шариков. В надежде спастись от мохнатого пищащего дождя светлая эльфь попыталась запрыгнуть на спинку своего стула и повисла на ней, опасно балансируя. В отличие от нее, жены реагировали спокойнее, просто прикрывшись руками, а сам я, словно битой для крикета, отмахивался от нежданных пришельцев колбасой.

Понятно, что сами мохнатые гости были напуганы еще пуще подопечной. Серые пушистые шарики размером в кулак, с треугольными ушками и ярко-зелеными, словно весенняя листва, огромными глазами метались по комнате, скребя невидимыми коготками и нежно попискивая. На мышей они не походили, скорее на котят, подобравших хвосты и лапки так, что не видно.

В тот момент, когда последний серый клубок забился в щели между слагавшими стены камнями, входная дверь скрипнула и распахнулась настежь. Тут нервы не выдержали уже у всех — Алир грохнулась-таки со спинки стула на топчан, а все остальные, включая меня, просто подпрыгнули.

Огрюшку с пятиведерным чайником горячей воды такая встреча потрясла. На наше счастье, по присущей ее народу флегматичности орать она не принялась — только рот открыла и ресницами захлопала быстро-быстро. Причем тут же опомнилась, когда Келла хладнокровно выпутала из медовой гривы и предъявила для опознания притаившийся у нее на плече серый клубок.

— Это кто такие? — моя древнейшая повертела неизвестную тварюшку в пальцах и спустила на пол.

— Флафы, — по-огрски невозмутимо ответила девчонка, взгромождая чайник на табуретку высотой мне по плечо. — Они всегда... — что «всегда», осталось невыясненным по немногословию, присущему даже столь юной представительнице горного народа.

Клубок тем временем высунул узенький, словно ивовый лист, и такой же зеленый язычок, подобрал им почти невидимую соринку и с явным облегчением удрал следом за собратьями. Похоже, с мышами неизвестных зверьков роднила только манера шуршать по углам.

Появившийся кипяток позволил завершить завтрак парой кружек кофе — пусть не столь изысканного, как сделавшийся привычным по Хисаху, но после сегодняшней ночи и утра явно необходимого. А заодно и сполоснуть руки после всего.

Обрадованные наличием горячей воды, жены и подопечная явно нацелились на более расширенный вариант утреннего туалета. Я предпочел выйти пройтись и обдумать предстоящие дела, не желая смущать не столько семейство — эльфийское отсутствие стыдливости уже сделалось для меня привычным, — сколько взявшуюся исполнять обязанности горничной огрскую девчушку, на человеческий счет не перевалившую лет двенадцати.

Снаружи поутру было холодновато. Все-таки осень в горах — не то, что на равнине, это внизу будет стоять теплынь еще добрый месяц, а здесь изморозь сойдет с камней только к полудню. Так что приходилось двигаться побойчее, да еще

вертеться с боку на бок — холодом тянуло только снизу, а сверху припекало яркое горное солнышко.

Жаль, недолго ему состязаться с утренними заморозками на равных. Окрестные горы уже почти затянуты снегом, а с самого высокого пика на дальнем краю долины снежный язык протянулся вниз чуть ли не до зелени альтийских лугов. Не ледник — какой ледник на остром гребне! Просто в этом месте зима будто продвинулась намного глубже, почти полностью вступив в свои права.

Внезапно я понял, отчего это произошло. Демон не зря показал свою власть у постоялого двора... Если все-таки придется с ним разбираться, логово могущественной нежити не надо будет искать долго.

Впрочем, задумываться об этом было пока рановато. Лучше толком осмотреться вокруг, на что вчера не нашлось времени. Чтоб хотя бы место собственного обитания не потерять.

Насчет последнего я, конечно, малость пережал. Заблудиться среди строений, неожиданно невысоко поднимающихся над землей, было почти невозможно, а то из них, где нашло приют наше семейство, спутать с прочими и того труднее — в остальном как две капли воды похожая на остальные землянка располагалась выше всех по склону.

Роскошная хибара... Словосочетание это при всей противоречивости наиболее точно обрисовывало любую огрскую постройку. Все здесь было сделано добротно, всерьез и надолго, но как-то чрезмерно просто. Не бедно даже, а скупо, без намека на малейшее излишество. Словно в самом начале заселения мира разумными — «когда Отец летал, Мать пела...»

Приговорка эта времен бунта Суганихи Кровавого продолжалась вопросом: «Кому до эльфов было дело?»

А здесь и сейчас, в самом сердце Огрогор, эльфом, до которого всем дело, оказался я, грешный. Ничего себе образчик породы! Жены и подопечная в этом смысле показательнее, но порода по самцу считается. По обезьяну — обезьяна, по мышу — мышь, по эльфу — эльфь... Так что за всех Инорожденных разом теперь отдуваться мне, а не женской половине семейства.

Это ведь именно в их окоп файрбол. Леонистский лозунг гласил, что во времена явления первой расы разумных ничего лишнего, вроде богатств с богачами, законов с законника-

ми, магии с магами и прочих изощрений, на которые сильны эльфы, не было и в помине. Жизнь от этого, понятно, происходила слаще меда и легче перышка. Глядя на быт огров, в полной неприкосновенности сохранивших первозданные привычки, отчего-то даже верилось в такую благодать. Особо легкой жизнь в суровой простоте горного климата, разумеется, быть не может, но от городской суеты она свободна без сомнения.

Другое дело, что на столь скудном основании ничего сложного и не выстроишь. Начиная с помянутого города — столица Огрии больше напоминала село, разросшееся до гигантских размеров. Только вместо магистрата тут ступенчатый помост с колоннами и навесом, памятный по вчерашнему празднеству, а на месте, подходящем для храма, виднелось здоровущее сооружение из оплывших за тысячелетия огроменных плит. Вроде трибун на хисахском Парадном Причале или у нас на Ипподроме, только двумя дугами напротив друг друга. Между ними имелась продолговатая площадка, залитая давно застывшей каменной смолой, окруженная неглубоким ровиком, обнесенная невысокой каменной оградкой с каменными же воротами по обеим коротким сторонам. Ярдах в двадцати от каждых ворот на поле имелся ряд каменных зубцов типа противокадавровых надолб.

Понятно, что все это выстроено с поправкой на огрский размер. То есть скамьи на трибунах мне выше пояса, а специальных лестниц с шагом поменьше и вовсе не предусмотрено. Плюс щели между плитами такие, что так до конца и не заплыли камнем за все тысячи лет с самой Войны Сил. Или того дольше — с огров сталось бы возвести этакую постройку раньше первого жилья, для порядка или того, что они под ним понимают.

Прямо из этих самых щелей в стенах пробивались некие странные кусты. В округе таких, во всяком случае, больше видно не было. Да и вообще нигде до того они мне не встречались. Только тут, в долине, на огрских домах, а уж на этой постройке — особенно густо.

Редкие пучки толстых прямых стеблей в маслянисто поблескивающей плотной коре темно-вишневого цвета торчали неровными метелками и вдобавок были украшены редко посаженными травянисто-зелеными почками. Надо бы разуз-

нать, что это за образец декоративной флоры. Паразит или дань огрским представлениям об украшении жилища?

Как нельзя вовремя мимо по своим делам проходил пожилой огр, углубленный в себя настолько, что никак не отреагировал на приветственный возглас и даже на более громкий окрик. Дальше драть глотку на холодке мне не особо хотелось. Однако привлечь его внимание другим способом оказалось несложно: всего-то забежать вперед и помахать руками, как матрос-лидер, выводящий флайбот из ангара. Даже пинать не пришлось. И то хорошо. А то внимание было бы не столь дружелюбным.

Правда, и без того означенное дружелюбие ограничилось остановкой, медленным поворотом головы и взглядом исподлобья. Да еще прислоненной к уху ладонью, показывающей явную слабость слуха ее обладателя.

Стараясь подоходчивее разъяснить предмет своего любопытства, я усердно потыкал пальцем в толстые стебли с почками и как можно более раздельно и громко проорал:

— Что? Это? Такое?

Огр наградил меня взглядом, достойным магистра психиатрии, созерцающего самый тривиальный случай слабоумия в своей жизни.

— Флафы, — ответил он в одно слово, после чего отвернулся и отправился своей дорогой, по-видимому, сочтя ответ исчерпывающим. Даже не добавив, к примеру, «они везде».

Ну да, флафы. Если что-то скребется в углу, бегает по стенам и по полу, падает с потолка прямо на физиономию — флафы. Если другое что-то растет прямо из стен дома — тоже флафы. Наверное, для огров сплошные флафы все, что не они сами, не их жилье и утварь. Любая помеха размеренной жизни горных громил именуется флафами. Кроме гор, неба, воды и погоды, для каждой разновидности которых есть свое отдельное слово. Они, собственно, и составляют суть огрского бытия...

Похоже, мы с нашей экспедицией обещаем стать для них самыми грандиозными флафами столетия. Если, конечно, не сумеем досадить огрскому племени настолько, что удостоимся-таки отдельного определения. В силу регулярности и размера доставляемых неприятностей...

Обойти всю долину за одно утро, конечно, не удалось бы — тут и целого дня может оказаться мало. Но познакомиться с

ее обитаемой частью я смог. Хотя из-за огрских масштабов и отсутствия многоэтажных зданий Оград раскинулся едва ли не шире куда более крупного города.

Отчего-то горный народ не строил для жилья ничего выше землянок. Да и те поднимались над поверхностью каменистого грунта лишь до небольших окошек, прорубленных у самого потолка.

Вдоволь подивившись причудам местной архитектуры, я было направился обратно, но на полдороге встретил небольшую процессию, состоявшую из ОгроСтароста, моего семейства и присланной с утра огрюшки. Та, чрезвычайно гордая, торжественно несла обратно все тот же здоровенный чайник, судя по всему, уже пустой.

— Пр-р-рисоединяйся, Пойнтер-р-р, — приглашающе махнул лапищей громадный старикан.

— Зачем это? — отчего-то недоверчиво спросил я в ответ.

— Огр-р-рТинг тр-р-ребует, — не особо вразумительно пояснил ОгроСтароста.

Ну, если требует, видимо, есть основания. К тому же перед всенародным огрским собранием можно поставить тот самый вопрос, что привел меня в эти горы. Не тратя времени попусту, без особых церемоний, как и положено с первыми детьми Матери. Сказано же было вчера — «о затрудностях с утра поговорим».

По местоположению и составу ОгрТинг ничем не отличался от вчерашней церемонии встречи, то есть проходил на том же самом помосте в окружении всего населения долины. Трудновато два дня подряд бросать дела ради странных чужаков...

Впрочем, на сей раз причиной всеобщего собрания, похоже, были не мы, судя по тому, что почетное место посередине Праведного Проема занял самолично старейшина огрского народа. Нам знаком было указано оставаться на месте — прямо перед проемом, ровно посреди между ступенями помоста и толпой огров.

Подняв обе руки вверх, ОгроСтароста призвал присутствующих к тишине. А затем раскатисто, так что нас чуть не вмяло в строй позади, возгласил:

— Сакр-р-ральная Игр-р-ра!!!

Ответным многотысячеголосым криком нас, в свою очередь, чуть не бросило на помост. Явно эта игра будет здесь

основным событием года — или я ничего не понимаю в горном народе. Громкость у него — основной показатель важности происходящего, как и разрушительность последствий. А уж определение «сакральная» гарантировало уникальность и масштаб предстоящего действа. Да еще и непосредственное обращение такового к Судьбе.

Все перечисленное давало возможность предположить, что Сакральная Игра неспроста объявлена на второй день нашего присутствия. Мимо нас она не пройдет, каким-нибудь боком да затронет...

Прямое доказательство этой догадки не заставило себя ждать. Порывшись в поясной сумке, ОгроСтароста извлек что-то металлическое, повертел в толстых, как ливерные колбаски, но куда менее гладких пальцах, расправляя пластинки и звенья...

И поднял над головой Длань Справедливости!!!

Не узнать Реликвию, даже не видав ее прежде ни одного раза, было невозможно. Просто никаких других изящных металлических перчаток явно эльфийской, а то и вовсе древнейшей работы в Ограде быть не могло. Поскольку огр не надевал ее, размер перчатки оставался соответствующим руке эльфа... Или человека.

Восторженный вопль толпы опять шарахнул по ушам, заставляя что-то сжаться внутри. Народ приветствовал талисман, одним своим присутствием хранивший долину от демона, отнятый у того и обращенный против похитителя. А теперь необходимый мне... нам... Анариссу... всему миру!

— Пр-р-риз Сакр-р-ральной Игр-р-ры! — громогласно объявил держащий Реликвию старик. — Пр-р-ринадлежит Избр-р-раннику Судьбы!!!

Вот как... Оказывается, уникальный артефакт выставляется на кон. Ритуально — или взаправду? Если последнее, то есть шанс заполучить Реликвию вполне законным путем, без интриг и прочих подозрительных придумок.

— Пр-р-ринимаю пр-р-ретендентов! — подтверждая эту мысль, возвестил ОгроСтароста. — Кто пр-р-редъявит пр-р-рава?!

Мне определенно не показалось, что при этом он скосил взгляд в нашу сторону и подмигнул.

Вот, стало быть, каковы обещанные вчера «формальности»

при передаче ценнейшего артефакта. Неплохо потрудились посланники Анарисса, доводя до сведения горного народа нашу потребность в Реликвии. Пусть и не вынудили отдать ее запросто, но явно что-то подвинули в огрских головах.

Упустить такой шанс было невозможно, пусть даже я не понимал толком, во что ввязываюсь...

— Я!!! Я предъявляю право! — заявил я во весь голос, подняв обе руки. Что еще надо добавить по ритуалу, я не знал, но понадеялся, что сказанного хватит.

— Подтвер-р-рдишь в Игр-р-ре?! — полувопросом-полунамеком помог мне старейшина.

— Да, — согласился я. На большее моих сил и соображения не хватило.

ОгроСтароста удовлетворенно кивнул. Народ позади не то чтобы взревел, но зарокотал с оттенком удивления и каким-то странным восторгом пополам с предвкушением. Кажется, Сакральная Игра не настолько уж ритуальна. Настроение толпы указывало на ожидания скорее спортивного, нежели религиозного типа.

Похоже, любое действие отвлеченного характера огры сводят к наиболее грубым и зримым его сторонам, а то и вовсе лишь изображают условно. При этом весьма старательно, но не особо подробно. Вот и сейчас завершение ритуала вызова прошло скорее с азартом заключения ставок ипподромного тотализатора.

Под одобрительный гул всех собравшихся огров старейшина одного за другим выкликнул четверых игроков, по числу моего семейства. Это заставило меня задуматься — во что же я втянул своих эльфочек?

Имена предстоящих соперников я в силу этого как-то упустил. За исключением Надда Короткого Колеса, оказавшегося абсолютно кубическим экземпляром огрской породы — вширь и вглубь едва ли не больше, чем ввысь. Фигуры остальных игроков тоже отличались сходной основательностью, что вызывало вполне определенные подозрения относительно их боевых качеств.

Вежливо раскланиваясь и осторожно пожимая руки мне самому и женской половине семейства, эти обтянутые мехами кубари закрутили, завертели и окончательно сбили всех нас с толку. Во всяком случае, ни от жен, ни от подопечной я

не дождался ни единого замечания по поводу моего внезапного порыва помериться с оградами удачей и силами в игре, искони привычной горному народу.

Как-то внезапно все закончилось. Толпа разбрелась еще в процессе взаимного представления команд, а когда наших будущих соперников увел Тугге Полторы Бороды — видимо, служивший тренером огрской сборной по собственной невозможности играть, — рядом остался один ОгроСтароста.

— Игр-р-ра послезавтр-р-ра, — сообщил он нам необходимую информацию.

Хотя бы не сегодня после обеда, спасибо и на том. За пару дней чистого времени можно разобраться в любых правилах, да и потренироваться. В спортивной форме жен я не сомневался, а подопечную, возможно, удастся пристроить к какому-нибудь делу, где ловкости не требуется. Только сила втрое меньше огрской, но чуть ли не вдвое больше моей собственной...

Запал оптимизма как-то сник, когда до меня дошло, что самым слабым звеном в предстоящем состязании оказываюсь я сам. С главной задачей не то чтобы выиграть, а просто уцелеть.

— Как там с игровым членовредительством дело обстоит? — не смог удержать я в себе мрачные размышления. — А то еще прикончите ненароком...

— Огр-р-ры нар-р-род добр-р-рый. Никого не пр-р-рикончат, — добродушно прогрохотал староста. — Пр-р-роигр-р-раете — сами обр-р-ратно в Анар-р-рисс отвезут. Пр-р-рямо с поля, на площадь Тр-р-риумфа.

Ну что ж, больница как раз на этой самой площади, так что шанс выкарабкаться в случае проигрыша остается. Правда, у меня мелькнуло какое-то смутное воспоминание о ежегодном огрском безобразии на этой самой площади, но детали никакие не всплыли. Только что-то вроде присловья: «Огры гуляют — перья летают»...

К чему это, припомнить так и не удалось. Хотя, судя по размерам и силе разгулявшихся огров, а также по основной для них работе на стройках, тут не перья, а доски летать должны. Или уж вовсе балки с кирпичами.

Впрочем, после сегодняшнего откровения насчет правил перехода Реликвии от владельца к владельцу от населения

Ограда можно ожидать вообще чего угодно. Фраза, в которую сложился этот вывод, сама собой получилась по-местному грохотливой и взрыкивающей: «Огр-р-ры — нар-р-род непр-р-редсказуемый...»

Дома — сегодняшнего заседания ОгрТинга хватило, чтобы нечувствительно начать считать землянку пусть временным, но домом — я, не теряя времени понапрасну, полез за хрустальным шаром. Другого источника сведений о Сакральной Игре здесь не найдешь. Самих же огров расспрашивать с одной стороны, муторно, с другой, не по чину как-то. Обстоятельность горного народа не позволит к началу игры дойти и до середины разъяснений, а весть о том, что гости взялись играть, не зная правил, уничтожит всякую надежду на успех предприятия. Так что лучше стороной разузнать или хотя бы попытаться выяснить, чем славна Сакральная Игра.

На счастье, связь из гор была устойчивая, не то что из меканских болот, а сведения о предмете нашего интереса в эльфийском Анариссе имелись. Любознательность Инорожденных-книжников, проистекающая то ли от многовекового безделья и стремления заполнить жизнь занимательным хобби, то ли от природного любопытства, сослужила нам хорошую службу.

Для удобства работы шар пришлось утвердить в глиняной миске подходящего размера. Специальных подставок для этой цели у огров в хозяйстве не водилось, а офицерский кожаный чехол закрывал слишком многое. Блюдечко же, хоть и самое маленькое, все равно оказалось значительно больше портативной четырехдюймовой сферы, и от любого тычка та принималась кататься с боку на бок, а то и кувырком, словно «яблочко» по тарелочке архаичного иллюзора.

А желающих ткнуть в какое-нибудь световое пятно кончиком ногтя сразу же оказалось предостаточно. Когда внутри сияющего хрусталя замерцали схемы и послышались нарезанные на медь голоса пояснений, жены с подопечной сразу же подтянулись к столу.

Из всех, правда, только у нас с Келлой оказались навыки командной игры. Самому дворовый волейбол крепко памятен, а моей древнейшей по многопрадедовой милости вооб-

ще пришлось переиграть с детьми арендаторов чуть ли не во все существующие игры, от альтийского керлинга до тесайрской лапты. Хирре с ее привычкой руководить отрядом загонщиков во времена Охотничьего Клуба тоже пришлось объяснять не так много.

Зато с Алир мы намучились. Высокомерие Инорожденного семейства, наложенное на столетия чрезмерной заботы многочисленных нянюшек, дали совершенно неописуемый результат: для светлоэльфийской дивы оказалась в новинку сама идея играть не «во что-то», а «с кем-то»!

— Ну хоть со старшей сестрой вы играли?! — поинтересовался я, доведенный до пределов изумления такой дремучестью.

— У Леах одна игра была, — грустно вздохнула Опушечная и словно на память воспроизвела: — «Я кого-нибудь побью, а ты будешь плакать...»

Семейка, однако! Хотя после эпизода с демоном от них чего угодно можно ожидать.

Объяснить подопечной само понятие команды оказалось более-менее возможно лишь потому, что на поле выходило по четверо игроков с каждой стороны — двое битников, отбойник со щитом и воротарь. Как раз по числу членов моего семейства... Оставалось распределить роли в соответствии с тем, что удалось понять об игре и ее правилах. За это я взялся самолично.

— Мы с Келлой поменьше, значит, возьмем биты. Хирра, тебе — щит. А Алир на ворота поставим, там никакой активности не нужно. Лови все, что прилетает, и только...

На том, что прилететь могут не только мячи, но и двенадцатифутовый огр либо кто-нибудь из нас от удара вышеупомянутого огра, я заостряться не стал. Будем надеяться, что защита и нападение в нашем исполнении не подкачают. Шансов на выигрыш и проигрыш предоставляется маловато — кому два раза прилетел в ворота мяч, тот и проиграл. Ибо в Сакральной Игре, как и в жизни, Судьбу испытывают трижды...

Вплоть до самого вечера мы смотрели записи игр. Не на Сакральном Стадионе, понятное дело, а на площадках, устроенных по его подобию, с деревянными воротами и сваями вместо каменных надолб в штрафной зоне. Похоже, играли в это везде, где поселялось восемь взрослых огров. То, что я

раньше не удосужился видеть данное подобие Сакральной Игры, объяснялось тем, что площадки всегда были вынесены за городскую черту. А я к фермерскому бытию не склонен со времен первой учебки, располагавшейся как раз в сельской местности. За стены что города раньше, что поместья меня так просто не выгонишь, а если уж выбираюсь, то исключительно по поводу серьезному и не слишком приятному. Вроде нынешнего.

Хотя пока жаловаться мне особо не на что. Вот послезавтра, если огры нас побьют, могут появиться причины. Да и в случае победы без травм вряд ли обойдется. Надо с утра приложить усилия к тому, чтобы обзавестись битами, щитом, да хоть немного потренироваться двое на двое...

День, прошедший в тренировках, не запомнился ничем, кроме усталости и неуемного аппетита, нажитого в процессе беготни. Биты и щит по мерке огры сделали прямо при нас — обрезать и выгладить наждаком пару жердей толщиной в запястье да сплести из прутьев круг вроде донца для корзины дело нехитрое.

Чтобы добровольные помощники не слишком досаждали нам советами, для практики мы избрали площадку за небольшим отрогом, почти у самого водопада. Точнее, места, где тот был до иссушения Сребpоречки демоном, заморозившим верховья.

Ограм, впрочем, было чем заняться и без нас — чуть ли не все население долины скопилось за стадионом и вокруг него. Наверное, чистили, мыли и готовили сакральное сооружение к главному матчу. До самой ночи возились со здоровенными бочками на колесах, даже в темноте что-то делали при свете факелов. Хорошо, что в здешних горах достаточно каменной смолы для такого освещения...

Утро дня Сакральной Игры мы встретили не столько вымотанными телесно, сколько до предела напряженными душевно. Во всяком случае, я не мог думать ни о чем, кроме того, что на кон поставлена судьба Реликвии, призванной исправить летальные повреждения в мире. Да еще о том, что у меня в этой игре меньше всего шансов остаться целым. Просто по росту и силе.

За час до полудня надо было идти на Сакральный Стадион. Посыльных-провожатых по этому поводу не полагалось, так как на смену законам гостеприимства в действие вступил ритуал самой игры, согласно которому к месту ее проведения полагалось являться самостоятельно, без напоминания, и в полном молчании.

ОгроСтароста, тоже молча, встретил нас и предстоящих соперников у ближних трибун и повел направо, в обход каменного строения. По случаю исполнения судейских функций в матче старикан вооружился булавой, на пару футов превышавшей его собственный рост и увенчанной медным шаром с две моих головы размером.

Выходить на площадку игрокам предстояло не через обычный, всегда открытый вход для зрителей, а с противоположной стороны. До поры до времени тамошний проход скрывали исключительных размеров створки ворот, вроде тех, какими жители атинских джунглей отгораживаются от мифического гиперуранга. Что снаружи, что изнутри исполинского строения, двойным комплектом.

Сейчас эта преграда была убрана, и за ней открылась каменная арка с проемом высотой в дюжину футов, неуловимо напомнившая Ворота Лжи с картинки в учебнике, только без особой извращенности формы, которая и дала тем наименование. Простая, как обычная виселица, — два столба с перекладиной, но не из дерева, а из камня, сплавленного для прочности заклятием. Разве что низковата для этих целей, лишь мелких зеленых гоблинов и можно вешать.

— Пр-р-равило... Кто по р-р-росту не пр-р-ройдет — к Игр-р-ре не допускается! — любезно сообщил ОгроСтароста.

Вот, стало быть, сквозь какое ограничение не пролез Тугге Полторы Бороды, лишенный права участвовать в Сакральном времяпрепровождении своего народа. Слава Судьбе, а то только его сегодня и не хватало бы на поле. И без того неизвестно еще, как справимся...

В отличие от огрской команды, толпившейся перед воротами довольно робко, мы прошли в проем без сомнений и затруднений. Трудности начались потом, когда площадка для Сакральной Игры, странно поблескивавшая за фигурами тех, кто стоял впереди, предстала перед нами во всей красе.

Поле, по-прежнему на добрый фут заглубленное в землю,

окруженное неглубоким рвом и обнесенное невысоким валом, теперь почти вровень с краем оного было залито свежей каменной смолой. Вот чем занимались хозяева целые сутки перед матчем!

Все три эльфочки у меня за спиной зашипели на разные голоса: две агрессивно, а одна обреченно. Догадываюсь, кто именно...

— Ты знал?! — обе моих женушки, каждая со своей стороны, абсолютно синхронно вцепились мне в уши острыми коготками.

— Если б знал — сказал бы!!! — смиренно прорычал я, пытаясь высвободиться.

Алир была близка к обмороку. Да и я ожидал чего-чего, но не этого. Скорее, уж чего-нибудь способствующего членовредительству, а не наоборот, пусть и столь оригинальным образом. Вот как, оказывается, огры борются с игровым травматизмом...

Не спорю, эффективно. Расшибиться насмерть шансов никаких, если за край не выкинут. Вот только отмываться после этого действа придется не просто всерьез, а свирепо и беспощадно. Та еще баня получится — хуже, чем сама игра.

Неожиданно я усмехнулся. Не думал, что подобная неожиданность заставит позабыть о страхе перед грядущей потасовкой. Однако предыгровой мандраж исчез начисто, уступив место какому-то неуместному ехидству. Едва сдерживаясь, чтобы не захихикать, я тихонько поделился с женами и подопечной внезапно пришедшим на ум соображением.

Те посмотрели на меня, как на окончательно и бесповоротно сумасшедшего. Конечно, чего еще ждать... На здоровенных и самоуверенных от природы эльфей это «лекарство» не подействовало — они-то, в отличие от меня, изначально не испытывали страха перед увечьем. Зато предстоящая всем грандиозная пачкотня с последующим тяжким отмыванием виделась женщинам эльфийской крови истинным бедствием, еле сопоставимым по цене с призом, выставленным на кон Сакральной Игры, и его значением в деле спасения баланса стихий, слагающих мир.

Пожалуй, даже угроза Мировой Погибели не заставит их выйти на поле и пройти все, что должно, насколько бы сакральным и ритуальным ни было предстоящее купание в чер-

ной липкой жиже. Смола была проста, безусловна и сиюминутна, как и все прочее в родной стране огров, а конец всего сущего — отдален и по большому счету не слишком реален...

Куда более мрачным тоном я высказал вслух и последние выводы. Просто оттого, что не сумел удержать их в себе при всем нежелании добавлять женам и подопечной невеселых мыслей.

К моему удивлению, после этих слов готовности на лицах обеих Инорожденных и единственной древнейшей оказалось куда больше, чем можно было ожидать. Особенно у последней — Келла словно переняла у меня самого жесткую ухмылку, оглядывая расстилавшуюся перед нами черную, жирно блестящую гладь игровой площадки.

— Что стоим? — неожиданно перехватила она и прочие составляющие моей обычной роли, от необходимости командовать до грубоватого тона. — Все, что нас не убьет, надо попробовать хоть раз! Представьте, что это обычная ванна из взбитых сливок с медом, и вперед!

До последнего сравнения я бы не додумался. По простому незнанию косметических процедур, привычных высокородным обитательницам замка Стийорр, да и прочих эльфийских замков и городских поместий.

На Хирру, а пуще того на Алир этот пример оказал поистине чудодейственное впечатление: одна перестала хмуриться, напряженно всматриваясь в смоляное поле, а вторая даже заулыбалась, очевидно, припоминая приятный опыт подобных купаний:

— Ага, и с клубникой...

За время нашего замешательства команда соперников успела пройти на противоположную сторону поля, а ОгроСтароста и помогающий ему Тугге Полторы Бороды — занять места на возвышениях ровно посередине трибун. У каждого в распоряжении оказался бронзовый гонг, на котором без проблем можно было бы зажарить все мое семейство, надумай кто-то использовать измятые многочисленными ударами чаши в качестве сковородок.

Не ожидая более никаких примет и сигналов, судьи с размаху саданули по гонгам булавами. Будь я лавиной, от громового дребезга непременно сошел бы, не с гор, так с ума. И так ноги словно сами собой вынесли на поле что нашу команду, что соперников.

Следующим деянием судей было вбрасывание мяча. Посредством той же булавы, используемой наподобие крикетной биты, ОгроСтароста отправил увесистый кожаный шар точнехонько на середину поля.

Тут уж хочешь не хочешь, а пришлось со всех сил нестись туда, торопясь, чтобы команда противника не успела завладеть мячом раньше. По причине легкости нам удалось достичь цели первыми, но удачи эта поспешность не принесла — подоспевшие огры смели нас в мгновение ока, немилосердно окунув в смолу старшую жену, а меня самого, видимо, спутав с мячом, отправили в недолгий полет до самой штрафной зоны.

Младшая жена чудом увернулась от первой атаки и даже сумела как-то обрушить одного из битников. Второй же без проблем добрался до надолб, где я безуспешно пытался придать себе вертикальное положение, и с победным ревом врезал битой по подброшенному мячу. Тот прогудел мимо меня черным файрболлом и звонко впечатался в выставленные перед собой ладони подопечной, разбросав вокруг веер брызг.

От полученного удара та перекувырнулась в воздухе и вверх тормашками влетела в ров за воротами. Всплеск был такой, что упавший между опорами мяч вынесло волной обратно в штрафную.

Позади наших ворот тут же объявилась пара донельзя серьезных огрят, укрепивших в специально выдолбленном камне шест со связкой жертвенных лент и шнуров. Это было видно в подробностях, ибо как раз в тот момент я добрел до рва, опустил в смолу и так уже грязную руку, пошарил там и извлек на поверхность отчаянно барахтающуюся и фыркающую Алир.

— Мяч из рук не выпускай! Что бы ни было — не выпускай!!! — проорал я прямо ей в ухо, одновременно кое-как обтирая ее физиономию. — Вчера же все выходило, как надо!

— Помню... не буду... — закивала эльфь, обтекая черным блеском. — Я... смолы испугалась...

— Больше бояться нечего! — не сдержал я ухмылки. — Сильнее не измажешься.

— Ага, — печально вздохнула та, признавая неопровержимую справедливость сказанного, и затрепыхалась, вставая на ноги. Что ей, что Хирре, что мне самому дальнейшие купа-

ния уже не грозили ничем принципиально новым. Не врежься я в надолбу, сам закончил бы свой полет в том же рву.

— Удар Судьбы принят! — возгласили со своих возвышений судьи, подводя итог первой атаке хозяев поля и нашему разговору. После забитого мяча они снялись со своих возвышений и, степенно обойдя поле посолонь, поменялись местами.

Гонги грохнули и загудели снова, объявляя о продолжении игры. Выбить мяч удалось далеко за середину поля, но это не помешало огрской команде повторить разгромную атаку. Отличий было немного — на сей раз с головой в смолу загнали Келлу, а я летел уже не до надолбы, а до самых ворот. Зато в обнимку с мячом, который на сей раз в них не попал.

Третья и последовавшие за ней столь же сокрушительные атаки завершились для хозяев поля столь же безуспешно. Мы с женами наловчились гасить огрский напор без особых последствий, а подопечная освоилась на своем месте.

Мяч и теперь с завидной регулярностью сносил Алир в ров за воротами. Пару раз она, похоже, решала вообще не выныривать, но мы с Хиррой и Келлой попеременно извлекали ее и выставляли обратно в штрафную зону. К чести Опушечной, мяча из рук она при этом не выпускала, так что ни один гол нам больше не засчитали.

Наши же ответные удары, когда их удавалось провести сквозь массивную, но отнюдь не медлительную защиту, с легкостью ловил и отбивал воротарь противника. В таких же, как наши, воротах огра было ощутимо больше — как в силу относительных размеров, так и по наличию несравнимого с нашим опыта.

Единственный раз, когда мы сумели воспользоваться ситуацией, открывшей нам путь, случился оттого, что, поскользнувшись, я въехал под ноги ближайшему к воротам битнику. Хирра кинулась вытаскивать мужа и повелителя из-под здоровенного огра, приведя за собой отбойника со вторым битником, капитаном огрской команды, усугубивших кучу-малу. Воротарь подался из ворот в нашу сторону, ожидая подвоха.

Мяч удалось по-бильярдному выпихнуть в сторону оставшейся без присмотра Келлы. Та не подвела и врезала битой так, что только брызги полетели. Слишком поздно заметивший это огр не успел ни развернуться, ни закрыть проем своим телом.

Деловитые огрята укрепили за воротами противника такой же шест в лентах, как и за нашими. Судьи опять поменялись местами, готовые возвестить продолжение игры. Счет сравнялся. Теперь от последнего гола зависит, кому владеть Дланью Справедливости, а кому ехать в Анарисс в смоляной бочке...

Ребра ломило не по-хорошему, в глазах темнело. Цена единственной успешной атаки оказалась такова, что надеяться на ее повторение не приходилось. Да и не поведутся огры дважды на одну уловку. Разве что на какую-нибудь другую...

Тут-то, как никогда вовремя, мне в голову пришла великолепная идея. Я поднял биту над головой, пару раз звонко чавкнув по ней ладонью — тайм-аут.

ОгроСтароста и Тугге, подтверждая, хрястнули булавами по гонгам. Огры недовольно побрели на свою половину поля. Моя команда не более веселым шагом направилась в мою сторону. Но добралась-таки, хоть и не слишком спешила.

На меня, тяжело дыша, уставились три блестящих смоляных статуи. Эльфочки устало согнулись, упираясь ладонями в колени широко расставленных ног. Самое странное, что даже в таком виде я легко различал, кто есть кто. Причем не по разнице в росте — она в этих позах не читалась.

Ничего, «ведьмин самогон» все смоет. А пока есть дела поважнее, чем жалость с чистоплотностью.

— Не раскисать, барышни кисельные! — взбодрил я команду. — Меняем диспозицию!

Три эльфи вскинулись, больше от обиды, чем от энтузиазма, но слушать не перестали и даже не перебили. Уже хорошо.

— Мы с Келлой устраиваем бардак в центре поля, так, чтоб они забыли, где закат, где восход. Хирра! Ворота теперь только на тебе! Держись у штрафной, бей щитом в зубы, если подойдут!!!

— А как же я?! — обиженно всхлипнула Алир, растирая смолу по рожице тыльной стороной ладони. — Я что, не справилась?!

— Справилась, справилась, — я погладил по плечу готовую расплакаться эльфь. — Все хорошо, маленькая. Просто для тебя есть особое задание...

Воровато оглядываясь, я все же решил перестраховаться. Чтобы не подслушали — ставка слишком высока.

Положим, насчет «маленькой» я переборщил — к уху даже нагнувшейся Алир мне пришлось тянуться вверх. Но наградой стало хитро-довольное выражение на ее мордашке, проступавшее сквозь смолу по мере того, как светлоэльфийская дива вникала в тонкости моего плана. Кажется, с выбором я не ошибся. Хотя Хирра была бы надежнее, но тут поменять их местами просто невозможно.

Глядя на нас с Опушечной, мои женушки тоже приободрились. Поочередно дотягиваться до каждой из них мне было уже неудобно, да и время поджимало. Поэтому я, взявшись за просмоленные гривы, просто пригнул головы обеих пониже, сунулся между ними и парой фраз пояснил ситуацию. Блестящие черные маски лиц растянулись в улыбках. Келла кивнула сразу, Хирра попозже, вдобавок покрутив пальцем у виска. Но возразить ей было нечего. Это наш последний шанс...

Пару минут после тайм-аута все шло по-прежнему. Хотя нет, не совсем — от перспективы поражения, прежде казавшегося абсолютно невозможным, огрская команда прямотаки озверела. Но нам неистовство игроков противника было только на руку.

Вдвоем с Келлой снести дальнего битника оказалось почти не сложно. Завалить отбойника, подбежавшего помочь, тоже не составило труда. Вот когда поближе подобрался второй битник, он же капитан, тогда все началось всерьез — огры набрали критическую массу и сделались по-настоящему опасны. Даже те, что не сумели подняться в полный рост.

Моя древнейшая змеей вилась между громоздкими фигурами, перекатываясь через согнутые спины, заклинивая битой ноги и старательно не попадаясь под руки огрским игрокам. В свою очередь, я, действуя битой, как рычагом, старался уронить каждого, кто пытался выбраться из кучи малы. В результате, конечно, чаще падать приходилось мне, зато ни мяч, ни кто-то из противников не покидали центра поля.

Когда же предводитель огрской команды все-таки добрался до мяча, остановить его стало просто невозможно. Огр взревел так, что звук отразился от трибун, и попер напролом. Но было уже поздно...

Отлетая от очередного взмаха его биты, я успел заметить, как за спиной воротаря команды соперников из рва выплес-

нулась Алир. При следующем взгляде в проеме уже никого не было. На всякий случай я повертел головой, желая убедиться, что это не наши ворота. Нет, у штрафных надолб наших Хирра как раз отправляла назад очередной мяч. А за внезапно опустевшими воротами огров смола бурлила, как похлебка в котле.

Огрского капитана, сделавшего свое дело, надо было срочно сбить с ног, что и было проделано, невзирая ни на какие обстоятельства. Видно, поэтому я прозевал, когда мне в плечо пришел щит огрского отбойника, и сам полетел кувырком. Опомнившись же, увидел в ближайших воротах только одну гибкую, без малого семифутовую женскую фигуру, и понял, что пора действовать.

Оглушительно свистнув, я одним прыжком выбрался из свалки. Следом за мной черной молнией выскользнула Келла. Хирра у штрафной нырнула в смолу, пряча голову и щит за надолбой. Огры остолбенело озирались.

У одних ворот в полной готовности выстроились мы с Келлой, угрожающе подняв биты. За нашими спинами нервно переминалась Алир, роняя сгустки смолы с широко расставленных рук. Во рву за воротами продолжалось неясное бурление. Команда противника оглянулась.

Ворота у них за спиной были пусты. Полуденное солнце застыло точно над головами.

Преодолев замешательство, огры с ревом кинулись в атаку. На нас.

Пожалуй, я в подобной ситуации сделал бы такой же вывод...

Особенно уклоняться нам с Келлой было нельзя — ради достоверности. Поэтому пришлось потерпеть, пока битники противника прошли сквозь нас, словно штурмовые кадавры сквозь заросли колючки. Нападающие просто втоптали нас обоих по уши в игровое поле. Своему я хотя бы заклинил битой ноги, уронив его с титаническим всплеском. Уцелевший битник с радостным хохотом размахнулся и отправил мяч в ворота.

Немыслимо изящным, почти танцевальным движением Алир отступила в сторону с поворотом, словно хисахский заклинатель быков с его веером, пропускающий рогача под рукой. Мяч парил, бесконечно долго преодолевая линию ворот. Наконец он плюхнулся, наполовину снеся вал, ограждающий поле.

Так же медленно моя подопечная вышла из ворот. А из рва за ними воздвигся огрский воротарь.

Если бы трибуны обвалились, меня это ничуть не удивило бы. Но они уцелели. Судьи бешено молотили каждый в свой гонг, оставляя ясно видимые вмятины, однако перекрыть рев толпы были не в состоянии. Огрская команда сгрудилась у своих поверженных ворот, за которыми вознесся второй шест с вымпелом поражения.

Мы собрались в центре поля. Келла слегка прихрамывала, ее бита была сломана. Хирра даже не стала искать свой щит. Алир, к несказанному удивлению, бросилась мне на шею.

И в этот момент все присутствующие кинулись на нас. Я даже испугаться не успел, застыв с повисшей на мне светлоэльфийской дивой, просмоленной, как хороший канат. Женушки тоже прижались к нам по бокам. Вал приближающихся зрителей накатил огромными прыжками, подхватил нас и вознес на гребень. Победу признали!!!

Лично меня волна восторга горного народа смела бы на месте, если б не подопечная, которая приняла первый удар на себя и трогательно оберегала опекуна от дружелюбных хлопков по плечам и костоломных объятий. Похоже, соображения у нее было куда больше, чем обычно казалось, и в действительно ответственные моменты оно шло в ход без запинок и оговорок.

В общем, выяснилось, что в определенных условиях на Алир можно положиться.

4
А паразиты — никогда!

...Знай, мой друг, — ты мой эквивалент,
Может, клей понюхаем «Момент»,
Будем нюхать, сколько захотим,
Ведь мы болеем за один и тот же team...

В течение следующего дня мы всей компанией оттирали смолу. Извели бочку «ведьминого самогона», пару ведер огрского ядрового мыла и неописуемое количество горячей воды... Мыловары из огров такие же, как пивовары — то есть

аховые. А уж их щетки и скребки явно рассчитаны на слонов. Как мы остались при своих шкурах, непонятно, но драть продолжало еще долго после того.

В конце концов «ведьмин самогон» сделал свое дело. Или хотя бы все возможное — теперь серый цвет кожи перестал быть исключительной прерогативой Хирры, да и гривы Келлы и Алир приобрели отчетливый пепельный оттенок. То одна, то другая брезгливо подносила прядь волос к наморщенному носику, недовольно фыркала и с отвращением отбрасывала локон. А мне запах смолы так даже нравится...

Тряпье сожгли, снаряжение прямо с пира унесли в музей Сакральной Игры. Оказалось, имеется под трибунами такой — дивный рассадник огрской культуры... Хотя, может быть, это и есть их храм. Тут не разберешь, по причине полной зачаточности вышеупомянутой культуры. Во всяком случае, поклонение огров означенным реликвиям, на мой вкус, куда больше напоминает раж болельщиков, нежели религиозный экстаз.

Отбытие на площадь Триумфа проигравших, сопровождаемых почти всей деревней, мы таким образом пропустили. Сожалеть об этом не приходилось, разве что посочувствовать Свену Все-Найдется. Ему же эту процессию пропускать через перевал, с одной стороны, не слишком обижая придирками, с другой — не давая навредить чистенькой гостинице.

Изрядное число населения долины отправилось праздновать хотя бы до этого последнего домашнего приюта, и раньше чем через пару недель назад не ожидалась. Оно и к лучшему. Авось удастся тишком удрать с трофеем, по дороге не столкнувшись в долине ни с кем из отсутствующих.

Конечно, не слишком хорошо оставлять огров наедине с засевшим в горах демоном, но предстоящая неотложная починка мироздания как-то важнее. По сравнению с Мировой Погибелью единичная нежить не самого серьезного пошиба вообще не канает.

Ничего, если за сотни лет демон не довел местное население до ручки, то и теперь все обойдется. Не побежит же кто-нибудь лично докладывать нежити, что основное оружие против ее мощи исчезло? К тому же, помнится, именно эти самые огры когда-то и отобрали Реликвию у демона... Другое дело, что неизвестно, какой ценой они это совершили и готовы ли повторить единожды сотворенное.

От этих размышлений и самоуговоров предоставить горный народ его судьбе меня отвлекло гулкое буханье кулаком в дверь. Несомненно огрское — да и чьим еще ему быть здесь, в Ограде, за сотни лиг до иных населенных мест? Отель «У утопшего водолаза» не в счет — его владелец не покинет свое заведение, покуда Мировая Погибель не заставит.

В ответ на вежливое приглашение Хирры заходить дверь распахнулась, и ОгроСтароста целиком заполнил собой ее проем. В общем-то, кроме него, больше некому. Однако зачем бы? Организовать церемонию прощания наподобие встречи?! Так не в огрском духе излишние церемонии, да и не со всеми теперь попрощаешься...

Громадный старик уселся на ближайший к двери топчан и долго, гулко прокашлялся. Он готовился к какому-то важному заявлению настолько основательно, что Келла даже поднесла ему ковш воды, думая, что старейшина всерьез поперхнулся. Многопрадеда он ей напомнил, что ли?

Протянутую посудину пожилой огр отвел рукой, вежливо кивнув заботливой эльфочке. Громовую аркподготовку, впрочем, тоже прекратил.

— Как Р-р-реликвию пр-р-рименять собир-р-раетесь? — обратился он ко мне с проникновенным вопросом.

— Забрать бы ее для начала, — вздохнул я. — После игры как-то недосуг было, а потом и вовсе не до того.

— Это запр-р-росто. — ОгроСтароста запустил лапищу в поясную сумку, и знакомый набор металлических пластин и звеньев коротко блеснул, прежде чем лечь на стол. — Это без пр-р-роблем.

Отчего-то никто не осмелился протянуть руку к мощнейшему артефакту. «Пр-р-роблемы» явно предвиделись в качестве довеска к Реликвии. Наподобие колбасных обрезков в мясной лавке — самые лакомые куски, которые можно съесть по дороге, не дожидаясь, пока прочее пойдет на клановую сковороду размером с колесо огрской арбы.

— Тут др-р-ругой вопр-р-рос, — перешел старейшина к описанию «самого вкусного». — Тепер-р-рь-то что?

— Ну... Проститься да в обратный путь, — осторожно, но честно признался я.

— Пр-р-ридется повр-р-еменить. — Услышанное подтвердило мои худшие предположения.

— Это отчего же? — моя осторожность пропала в мгновение ока.

— Огр-р-ры — нар-р-род гостепр-р-риимный. И щедр-р-рый, — издалека завел длинную тираду старый хитрец. — Дор-р-рогих гостей кор-р-рмить не разор-р-рятся. Запр-р-росто можем пар-р-ру лет продер-р-ржать гостя в гор-р-рах...

В сказанное верилось. Вот только застревать в Ограде не то что на пару, а даже на один год в наши планы никак не входило. Ни в те, что посвящены предотвращению Мировой Погибели, ни в личные.

— А побыстрее? — надавил я. Раз дипломатия не огрское призвание, лучше объясниться напрямую.

— Побыстр-р-рее тоже можно, — не стал отрицать очевидное старейшина. — Только потр-р-рудиться пр-р-ридется. Пр-р-раво на Р-р-реликвию в Игр-р-ре подтвер-р-рдили, тепер-р-рь каждую его стор-р-рону отр-р-работайте...

Ага, понятно... Владение, использование, распоряжение. Вполне обыденное приложение магического закона собственности. И если общую заявку мы выиграли позавчера, то все ее составляющие еще только предстоит заслужить. Перед всем горным народом.

Способы, которыми это придется сделать, представлялись моему взору довольно ясно. Вот только торопить события не было никакой охоты. Поэтому лучше послушать, что скажут гостеприимные хозяева, точнее, их полноправный представитель.

— Что сделать-то надо? — наводящий вопрос не прямая провокация, но требует уже более точного ответа, чем расплывчатое предложение поработать.

— Огр-р-рТинг пр-р-р-риговорит, — охотно, но столь же расплывчато изрек старик.

ОгрТинг так ОгрТинг... Понятно, что не втихую отправят исполнять всенародные чаяния, а при свидетелях. Полезно как нам самим — в случае, если успешно справимся и явимся требовать свое, так и оргам — в противном случае. Весь народ подтвердит, что мы взялись за дело добровольно...

— А когда ОгрТинг соберется? — спустила с цепи неуемное любопытство Келла, измучившись невозможностью встрять в разговор.

— Да вот сейчáс и собр-р-рался уже, — усмехнулся в седые усы ОгроСтароста. — Пока мы тут р-р-разговар-р-ривали!

— Так чего мы ждем?! — младшая жена соскочила с оседланной ею спинки топчана. — Пошли!

Все у нее просто... Но возразить на порывистое предложение эльфи древнейшей крови было нечего ни мне, ни Хирре, ни Алир, ни тем более заварившему все это безобразие огру. Все, на что оказались годны мои эльфочки, это малость потянуть время, прихорашиваясь перед выходом. Да и то не избытые до конца последствия купания в смоле порядком смазали эффект — слишком долго вертеться даже перед небольшими походными зеркалами они оказались не в силах.

Так что уже через десяток минут все мы подошли к становящемуся привычным помосту с кубическими колоннами. Праведный Проем тоже никуда не делся, и место в нем опять же занял ОгроСтароста, предоставив нам выслушивать волю горного народа у подножия помоста, между ним и изрядно поредевшей толпой. Похоже, кворум, или как там называется полнота собрания для правомерности принятых решений, огров не волновал. Сколько пришло, столько и пригодится в государственном деле, а кто не явился, сам себе переклятый кадавр.

Сегодня преимущество среди собравшихся составляли огрихи и огрята, не настолько увлеченные Сакральной Игрой и последующим празднованием на выезде, чтобы отправиться прочь из долины. Что они могут приговорить к исполнению, мне не приходило в голову даже приблизительно.

Толпа тихонько галдела и рокотала, время от времени выпуская из своих рядов выборных, сторонкой обходящих нас и докладывающих свои соображения на ухо главному представителю. Тот величаво кивал, то улыбаясь, то хмурясь, и знаком отсылал высказавшихся обратно. Некоторых, особенно настойчиво буравящих его уши шепотом, гулким, как осыпь гальки, и таким же неразборчивым, ОгроСтароста спроваживал, похлопывая по спине здоровенной ладонью, — почти спихивал, если честно говорить.

Спустя почти полчаса, когда моему семейству и в особенности мне самому уже надоело торжественно переминаться с ноги на ногу, старейшина горного народа встал и поднял обе руки к небу. Сегодня оно с утра было затянуто дымкой, скрывающей вершины гор. Осень ненавязчиво напоминала о себе, призывая поторопиться с отбытием домой.

Выдержав паузу, достаточную для осознания важности момента, громадный старик нарушил тишину, чтобы изречь приговор столь странного сегодня всенародного собрания:

— Пар-р-разит Огр-р-р-рад подгр-р-рызает... Пр-р-рогнать надо!

Требование, достойное сообщества домохозяек! Только кого это они «паразитом» припечатали? Не демона же! Во-первых, он, скорее, хищник, хоть и магический, а когда-то даже без изъяна разумный, во-вторых, что-что, а «подгрызание» целой долины в арсенал способностей могущественной нежити однозначно не входит. Не его стихия Камень, если судить по богу, который первым из двоих возводил смертного в демонское достоинство.

Тогда от какой же напасти приговорили нас избавлять Оград хозяйственные огрихи? Кандидатов на уничтожение в долине наберется не слишком много.

— Это кого прогнать? — не понимая, переспросил я и предположил в шутку: — Флафов, что ли?!

— Флафы — дар-р-р самой Судьбы!!! — сердито, как показалось, оборвал мое ерничанье ОгроСтароста. — Землекр-р-ройка у нас...

Земле... кто?! Эта самая, которая исполинская? Ничего себе у огров паразиты! Тектонические, можно сказать. Без всяких скидок — скалу вроде той, на которой стоит замок Стийорр, исполинская землекройка способна подгрызть за месяц. Хорошо, что при строительстве основание замка было ограждено соответствующим заклятием, делающим камень... неприятным на вкус, иначе не выразишься.

Но все горы таким образом не заклясть. Даже отдельную долину — если б и нашелся подходящий маг, способный взяться за столь нудную и монотонную работу, ингредиентов для такого заклятия не напасешься. Прежде всего тех, которыми пропитывают породу для создания «пояса несъедобности». Да и жить в непосредственной близости от обработанного таким образом камня не слишком приятно.

В любом случае для огров это не выход. То есть задача остается в пределах обозначенных условий, и вывернуться каким-нибудь нетривиальным способом не получится. Сказано «прогнать землекройку» — придется прогонять. Или истреблять на месте, если та не пожелает удирать при виде нас.

— Понятно, — что еще можно сказать, раз так сложилось. — И как ее прогонять, спрашивается?

— Р-р-реликвия у вас, — огр с видимым равнодушием пожал плечами. — Р-р-решайте.

Вот как, значит? Пока у самих в руках была та же самая Длань Справедливости, горные здоровяки как-то терпели тектонического паразита. А как появился Избранник Судьбы — официальное звание капитана команды, победившей в Сакральной Игре, — так сразу терпежу не осталось. Поня-я-ятно...

Но разозлиться на горный народ всерьез как-то не получалось даже при всем понимании ситуации. Демон, пересохшая река, теперь вот землекройка... Своими силами совладать с неприятностями, испокон века валящимися на них, у огров не получалось в силу почти полного отсутствия способностей к магии, и возможность приспособить кого-нибудь со стороны к устранению их текущих проблем всегда казалась им лучшим выходом. Иначе зачем бы им идти под руку Анариса после Войны Сил и все три тысячи лет хранить верность эльфийскому государству? Словно дети, доверившие взрослым их скучные взрослые дела....

Вот только эльфы не настолько взрослые, чтобы отвечать за кого-либо в полной мере. Даже за самих себя. Так и выходит, что оправдывать оказанное доверие придется мне — человеку, пусть и возведенному во Властительское достоинство, а вдобавок приобретшему немало иных черт, свойственных Инорожденному. Но оставшемуся человеком хотя бы настолько, чтобы понять происходящее и не отвернуться от тех, кто не может помочь сам себе, какой бы рост и силу ни отпустила им Судьба, покровительствующая первой расе разумных...

— Ладно, прогоним, — произнес я в тщетной попытке приободриться. Других слов как-то не нашлось, но и этих хватило с избытком.

«Пр-р-рогонят, пр-р-рогонят!» — зарокотало в толпе. Когда волна бормотания достигла края толпы, стоявшие там просто развернулись и пошли прочь. За какие-то полдюжины минут на ОгрТинге не осталось никого, кроме моего семейства и ОгроСтаросты. Громадный старикан тоже задержался ненадолго, но он, в отличие от прочих, хотя бы попрощался с нами по причине более глубокого личного знакомства.

Все просто, без особой торжественности и ритуалов. Ко-

нечно, это не Сакральная Игра, чего уж там... Обычная санитарная обработка, просто масштабы тектонические. Все тут, в горах, поражает воображение масштабами, даже паразиты!

На обратном пути через Оград я совершенно новым взглядом увидел землянки, так поразившие меня поначалу. Теперь понятно, отчего огры при собственном немалом росте не тянут ввысь жилые строения — напротив, норовят зарыться поглубже, словно гномы какие. Выше, чем себе по пояс, ничего не возводят, зато вглубь закапываются в полный рост. И накат на свои землянки оттого же кладут из бревен чуть ли не втрое большей длины, чем нужно — чтоб не соскользнули внутрь, когда снова затрясет от близкого обвала.

Зато кровля легкая, моховая — даже в щель просыпавшись, не зашибет. Подушки мха сращены вместе подходящим заклятием, а сверху заплетены лозой и этими, как их... флафами. В результате постройка получается не только теплая и уютная, но и совершенно безопасная при любых последствиях гороподгрызания. Если что и рухнет на голову, так не насмерть, а по огрской твердолобости и вовсе нечувствительно.

Так что, заходя в наше временное жилище, я с пониманием посмотрел на потолок, сплетенный из узких циновок. Не по недомыслию и скаредности, а по уважительной причине так строено. Да и двери без запоров не от простоты, а чтобы выскочить в любой момент.

Отсутствие воровства при столь свободном доступе в жилище, непривычное по насквозь пронизанному преступностью Анариссу, тоже вполне объяснимо — всенародная круговая порука прочнее любого замка и засова. А уж такую уникальную вещь, как Реликвия, все время нашего отсутствия сиротливо пролежавшая на столе, и вовсе некому взять. Чтобы посягнуть на трофей Сакральной Игры здесь, в Ограде, надо вконец утратить рассудок. Даже я, вроде как завоевавший право на Длань Справедливости, и то протянул к ней руку с некоторой опаской.

Но полулатная, полукольчужная перчатка не собиралась ни хватать меня за пальцы, ни убегать по столу наподобие магической руки Геца-Мечника. Во-первых, потому что была на полторы тысячи лет древнее того сбрендившего кадавро-

протеза, задушившего своего первого хозяина и немало последующих владельцев. А во-вторых, потому что несла магию совершенно иного рода, превращавшую не волю владельца в собственное движение, а наоборот, движение наполняющей ее руки, подкрепленное соответствующим приказом — в поток подвластной стихии. То есть Огня, причем вне зависимости от того, имелся ли таковой в символе владельца Реликвии. Только полностью перестроенный стихийный метаболизм демона лишил его возможности пользоваться похищенным артефактом.

Оставалось пожалеть, что нежить не настолько одержима жаждой самоуничтожения, чтобы металлическая перчатка прикончила ее так же, как ее упрощенное кадавризованное подобие — своего хозяина-эрдскнехта. Тот, судя по всему, так ненавидел себя за что-то, что протезу, не снятому на ночь по пьянке, ничего не оставалось, кроме как исполнить неосознанный приказ. После чего в моей профессии появилось понятие «гец-блокировка».

Хотя история Белого, Алого и Черного капитанов наемничьей армии, сначала выступившей с Суганихой, а после громившей Ван Хроге за деньги эльфийских Высоких Родов — вообще дело темное. Кто из них с кем чего не поделил и каким заклятием отдарился, опрокидывая друг друга в безумие и утрату человеческого облика, теперь толком не разобрать. Только песня от них и осталась, вроде кавалерийского марша:

Мы Геца Черного отряды — хэйя-охо,
Нам ни свои, ни враг не рады — хэйя-охо!
Копья ввысь! Берегись!
Пламя, во всю силу разгорись!!!

Впрочем, демоны демонами, история историей, а от исполинской землекройки нас не избавит сама собой даже сверхмощная Реликвия. Придется повозиться, сначала отыскивая тектонического паразита по ущельям и пещерам, а потом... прогоняя. Что бы ни стояло за этим понятием.

На сей раз хотя бы тратить время на тренировки было незачем. Да и на исследование предмета тоже. Все равно современной магии об исполинской землекройке, кроме факта

существования и способов предотвращения ее интереса к местам обитания разумных рас, ничего толком не известно. Размер предположительно от двадцати до пятидесяти ярдов, а то и больше. Водится в горах — хисахских, иэрийских... Только в Альтах не водится оттого, что гномы ее всю повывели.

Вот остатки того поголовья, похоже, как раз и подались сюда, в Огрогоры. Хоть и холодновато здесь для землекройки, которая отчего-то любит тепло. Даже странно для такой здоровенной твари — при своих размерах она должна быть сама себе и дом, и печка. Да что там дом — особняк или небольшой замок с плавильной вагранкой для внутреннего обогрева.

Если, конечно, тектонический паразит устроен так же, как и прочие сложные животные. А то может статься и наоборот — чем твари проще, тем больше от среды зависимы, да и размером здоровее. Взять тех же панцирных слизней, с которыми не каждый слон в ряд встанет, хоть всеми шестью ногами упрись... Зимой в тех же Альтах они вообще замерзают, а по весне оттаивают.

Так что землекройка может оказаться вообще кем угодно, начиная с гигантского землезмея и заканчивая любым иным видом холоднокровного дракона. Надо заметить, что относительно ее облика выжившие свидетели никак не сходятся, ибо видели исполинскую зверюгу лишь по частям. А кто целиком сподобился, похоже, никому уже ничего никогда не расскажет.

Впрочем, о песчаной акуле тоже до нас рассказать некому было. Так что шанс совладать с неведомой тварью схожего характера у нас имеется. Тем более что Длань Справедливости в хозяйстве будет понадежнее фосфорного боеприпаса или файрбола, даже не всякий светосброс сравнится с ней по мощности. Разве что стратегический.

Захватить с собой последний я не догадался — хлопот не оберешься снимать его с фамильного крейсера рода Стийорр да спускать в долину. А вот файрболы прихватил — некрупные, фунтовые да полуфунтовые, но на любую живую цель хватило бы с избытком. Кроме исполинской землекройки...

Покуда я подбирал арсенал под задачу, женская половина семейства осторожно интересовалась Реликвией. В руки взять Длань Справедливости осмелились только жены, а примерить — и вовсе одна моя древнейшая. Подопечная смотре-

ла на нее, как на совершенно сумасшедшую, готовая при малейшей искре спрятаться за спинкой ближайшего топчана.

К моему немалому удивлению, Келла не использовала шанс напугать светлую эльфь до обморока. Очевидно, мощь Реликвии внушала ей уважение, не позволяющее пользоваться той для дурных шуток. Это не Престол Спокойствия угонять через подкоп под храмом...

Может, дело в том, что со времен эскапады с Третьей Реликвией эльфь древнейшей крови повзрослела? Стала серьезнее, ответственнее...

Ага! Не дождетесь!!!

Заметив осторожные маневры янгледи ау Рнер, младшая жена исказила кофейную физиономию устрашающей гримасой, медленно вытянула в сторону трусихи руку, облеченную Дланью Справедливости, и со звонким лязгом щелкнула пальцами. Не сказав ни слова и не задействовав таким образом Реликвию, но на редкость убедительно во всем остальном.

С оглушительным взвизгом Алир свалилась с топчана и обрушила на себя стоящий за ним стул. Хирра чисто автоматически, ни секунды не раздумывая, отвесила Келле подзатыльник, взметнув фонтаном медовую гриву хулиганки. Младшая жена сначала обалдело встряхнула головой, затем долго и нехорошо посмотрела на старшую, заставив ту изрядно смутиться...

Все же в серьезный конфликт наподобие утраты эльфами небесного города Итархина с последующей Войной Сил инцидент не перерос. На смущенный лепет моей высокородной: «Прости, я не подумала...» моя древнейшая только вздохнула и, почесав в затылке металлической перчаткой, в свою очередь примирительно буркнула:

— Да ладно... За дело получила.

Мы трое, включая опасливо выглядывающую из своего укрытия Опушечную, завороженно уставились на струйки дыма, ползущие из-под сверкающих полировкой фаланг Реликвии.

До объекта нашего пристально-обалделого наблюдения его причина дошла не сразу. А когда дошла, очередь взвизгивать и метаться по землянке настала уже для самой виновницы происшествия. На счастье, кадушки с водой она достигла одним прыжком и незамедлительно выплеснула себе на го-

лову целый ковш. Шипение при этом мне уже определенно не послышалось. Правда, шипел не столько огонь в подпаленной гриве — до открытого пламени дело, к счастью, не дошло, — сколько сама владелица попорченной прически. И еще немного шипения и чада издавала обуглившаяся рукоятка ковша, которую распалившаяся древнейшая ухватила Длань Справедливости...

В общем, справедливость как таковая в результате и восторжествовала. Реликвию я от греха подальше прибрал в один из многочисленных подсумков на поясе. Алир, осторожно-осторожно держась за обгоревшую ручку ковша, мелкими глоточками запивала нервную икоту. Хирра же, в свою очередь, посредством своих маникюрных ножниц и моей бритвы сооружала из потерпевших немалый урон волос Келлы подобие короткого каре. Вроде того, каким сама обзавелась на предмет неузнаваемости во времена наших совместных странствий по Анариссу.

На сей раз хотя бы в дело не пошли ни «ведьмины сливки», ни другие алхимические металлизаторы. Да и неузнаваемости никакой не получилось — ехидная мордаха младшей жены и в обрамлении коротких прядей быстро приобрела прежнее задорное выражение.

Хм... А у моей высокородной явный талант к цирюльному делу! Результат ее деятельности пришелся весьма по душе не только всем нам, но и самой жертве внезапно проявленного искусства. Моя древнейшая придирчиво осмотрела себя в зеркало и осталась весьма довольна. Даже не стала восстанавливать длину подрезанных волос соответствующим заклятием. На чем примирение между женами и вступило в окончательные права.

Можно было с чистой совестью готовиться к выходу. Правда, не всем — половине семейства придется подождать на месте. То есть Алир и, как ни странно, Хирре. Во-первых, потому, что при всех своих навыках моя высокородная более пригодна к работе в городе или верхом, а здесь придется нарезать немеряные мили пешком, во-вторых же... Из всех нас светлая эльфь отчего-то более всего доверяла темной. Так что, если необходимо оставить дома наиболее бесполезного в нашей странной экспедиции члена семейства, придется пожертвовать и одним относительно полезным. Тем более что для

лазанья по норам и пещерам действительно больше подходим мы с Келлой.

К тому времени, как пришла пора выбираться из землянки, старшая жена согласилась с моими аргументами. Пусть не сразу, но сумела переломить свое основное беспокойство обо мне самом. Но с младшей женой обменялась такими взглядами, что я и то уразумел: если кто-то из нас ненароком погибнет без ее забот — домой пусть не приходит. Ни мертвяком, ни призраком, ни в следующее перерождение.

Если справиться с темной эльфью удалось сравнительно легко, а светлая сама с облегчением восприняла предназначенную ей роль, все еще не отойдя от перепуга, то древнейшая упорно не поддавалась доводам разума. Причем не в принципиальном вопросе, а в совершенно дурацком — требовании одеться поосновательнее. Менять излюбленные шорты со множеством ремешков и карманов на длинные штаны и надевать куртку поверх свитера с кожаным оплечьем и налокотниками Келла решительно отказывалась, а навязанные Хиррой длинные шерстяные чулки крупной вязки спустила на икры, завернув в несколько слоев.

Прямо как маленькая. В угаре перебранки женской половины семейства я внезапно ощутил, что вместо младшей жены и подопечной, обе из которых на столетия старше, у меня есть две маленьких дочки, одна капризная, другая упрямая как безрожка. Чувство было на грани безумия, поэтому я просто хлопнул по столу ладонью и сказал:

— Сейчас один пойду!

На удивление, это сработало — хнычущая от неостановимой нервной икоты Алир затихла, а жены умолкли. Моя древнейшая сама выдернула у моей высокородной предложенную штормовку, завязала рукава у себя на поясе и первая выскочила за дверь. Тут уж ни сказать, ни сделать было нечего.

Вздохнув, я развел руками, отвернулся, чтобы не видеть грустный взгляд Хирры, и вышел следом. Догнать Келлу удалось только у самых скал, начинающихся по левую руку от плато, ведущего к перевалу. Таким образом, получилось, что и место начала поисков выбрала она.

Впрочем, не все ли равно, откуда начинать? Занятие предстояло нудное и рутинное не только по цели, но и по сути своей. Требовалось обойти долину по окружности, загляды-

вая в каждую расселину или пещеру, пока тектонический паразит не обнаружится. Ибо ждать, когда землекройка вылезет сама, было бы еще дольше и скучнее.

За остаток дня после ОгрТинга удалось обследовать едва ли пятую часть окружающих скал. Крупных пещер в них не было вообще, а среди расселин тоже не нашлось свежих следов. Разве что пара погрызов чуть ли не столетней давности, поверх которых уже надежно лег «каменный загар». В одном случае целый скальный зуб, объеденный с одной стороны, осел и навалился на соседа.

Вечером мы с Келлой вернулись вымотанные донельзя и на редкость недовольные. Друг на друга не бросались, и то ладно. Хотя некий зуд сорваться и что-нибудь отчудить в младшей жене определенно чувствовался. Но я не велся на провокации — хватит на сегодня опасных развлечений.

К тому же причины недовольства были настолько очевидны, что так просто не отмахнешься. Что-то не так было либо в предмете, либо в самом способе поисков. Такими темпами мы долину всю неделю обшаривать будем...

Хирра с Алир, судя по всему, провели время куда плодотворнее, во всяком случае, если судить по довольной мордашке подопечной и слегка развеявшейся от напряжения, в котором я ее покинул, старшей жене. Их прогулки по Ограду и окрестностям явно доставили праздной половине семейства куда больше удовольствия, чем наши — нам. Оставалось только позавидовать и, наскоро перекусив, рухнуть спать...

Наутро настроение не поправилось, а к полудню, после пары миль каменных отрогов и очередной пещеры — сухой, тесной и удручающе пустой — сделалось окончательно мрачным. На сей раз следов переклятой твари не было и в помине, даже таких древних, как вчерашние, которые одни не позволяли отрицать существование тектонического паразита.

А то второй день уже гоняемся за этой землекройкой. Которая то ли есть, то ли разом привиделась всем оградам с всенародного бодуна. В порядке оправдания разгрома, самочинно устроенного с пьяных глаз...

Мысль эта развеселила ненадолго. До следующей пещеры, которая, в противовес предыдущей, оказалась куда более просторной. Бока обдирать не придется, и то хорошо...

Да и пустым назвать этот грот было нельзя. В паре дюжин ярдов от входа на специально выровненном, не иначе, полу по обе стороны рядами выстроились каменные стелы. Даже с огрской силой потребовалось немало труда и времени, чтобы притащить сюда монолиты из гранита в цвет запекшейся крови, обтесать их наподобие огромных утюгов, поставленных на попа, и выдолбить сердцевину каждого неглубокой, но объемистой нишей.

Ниши эти были видны издали, но что их заполняет, стало ясно, лишь когда мы с Келлой поравнялись с первой парой гранитных утюгов. Сначала я даже не понял, что именно громоздится в них, навеки спаянное окаменевшей пылью... А когда понял, не поверил.

Полный доспех и оружие древнего образца — чуть ли не времен Войны Сил! — по размеру, толщине и тяжести рассчитанные на взрослого огра...

На моей памяти, да и вообще чуть ли не с тех легендарных времен первые дети Матери в боевые части не шли! В санитары исцелпунктов, транспортные, строительные части — сколько угодно, они и в мирное-то время чаще всего пробавляются работой на стройках. Конечно, помахать при случае шестифутовым джунглерубом или хотя бы голыми руками вломить прорвавшемуся на позицию врагу никакой огр не отказывался. С соответствующими размеру и силе последствиями. Но чтоб самим в бой рваться — такого у горного народа не водилось. Между собой разве по пьяни подраться, и то не до смерти.

Теперь становилось понятно, почему.

Где-то на второй сотне обелисков, заросших вековой пылью, я сбился со счета. А из полумрака пещеры, с трудом рассеиваемого сиянием жука-фонарника, с унылым однообразием выплывали новые и новые стелы.

Моя древнейшая и то примолкла, отстав на полшага в пути по этой бесконечной галерее то ли могил, то ли памятников. Пустые глазницы шлемов провожали нас тяжкими взглядами, оскалы забрал надрывались немым криком. Казалось, владельцы сняли свою броню лишь вчера, но на деле удивительная сохранность древнего снаряжения объяснялась довольно просто: сухой и холодный воздух пещеры пощадил металл, а деревянные части заставил окаменеть под слоем мельчайшей пыли.

Наконец впереди замаячил тупик. Представлен он был опять же каменным утюгом с нишей, только на сей раз, для разнообразия, пустой. То есть пыль там имелась в не меньшем количестве, но кроме нее, ничего не было — ни древнего снаряжения, ни следов демонами драной неведомым способом землекройки.

Что ж, будет где присесть отдохнуть перед обратной дорогой. Размеры выдолбленного в граните проема как раз позволяли усесться рядком с младшей женой, даже не особо прижимаясь друг к другу. Хотя, с поводом или без, Келле дай только возможность понежиться в тепле, столь необходимом здесь, в глубине горы, по соседству с весьма внушительным то ли некрополем, то ли мемориалом...

К моему величайшему удивлению, эльфь древнейшей крови все так же молча устроилась поодаль, даже не попытавшись стряхнуть пыль, песок и мусор с каменного уступа, давшего ей приют.

Оно и правильно — что за сотни лет слежалось, лучше не растрясать. Потом не продышишься. А отряхнуться лишний раз не велик труд, да и вообще лазить по скалам и пещерам — занятие изначально не слишком чистоплотное.

Уже не опасаясь замараться больше положенного, я опер ся рукой о запыленный гранит позади себя... И ощутил, как что-то сдвинулось под пальцами в окаменевшем сору. Ниша оказалась не настолько пуста, как показалось на первый взгляд.

Небольшой предмет с легким хрустом вышел из гнезда, образованного слежавшейся за бесчисленные годы пылью, и оказался не слишком широким цилиндрическим обручем, где-то дюйм на четверть в сечении. С одной стороны он чуть расширялся, переходя в коротенькую плоскую пластинку.

Заинтересовавшись, я вытащил находку поближе к свету и попытался отряхнуть ее рукавом. Освобождаясь от многовековых напластований, непонятный предмет тускло заблестел золотой резьбой. Из сквозных отверстий посыпались спрессованные временем комочки пыли.

Вот отчего штуковина не тянет на полный вес золота... Неожиданно тонкой, уж никак не огрской, а определенно эльфийской работы браслет никак не соответствовал по массе своему полному размеру, но при этом и впечатления хрупкости не производил. Пожалуй, если его толком промыть и от-

чистить, еще сильнее полегчает — на пластинке, к примеру, гравировка от всех моих манипуляций лишь наметилась, не открыв толком узор.

— Что это? — вышла младшая жена из не свойственного ей оцепенения, разглядев, с чем я вожусь.

— Да тут лежало, поглубже чуток, — махнул я рукой, указывая назад.

Махнув по воротнику свитера концами порядком укороченной гривы, эльфь древнейшей крови в считанные секунды обшарила всю нишу позади нас. Однако никаких новых находок этот поиск не принес — мой трофей остался единственным.

Понимая, что неудержимое любопытство Келлы лучше удовлетворять своевременно, я без слов протянул ей браслет.

— Померяй, если хочешь.

— Не-а... — Эльфь завертела вещицу в пыльных пальцах, острыми коготками выцарапывая сор из резьбы и гравировки. — Мне не налезет... А вот тебе как раз!

Неожиданно она ухватила мою руку и, сжав все пальцы щепотью, насадила обруч на самые костяшки. Дальше, понятно, дело не пошло — браслет-то неразъемный. Даже если он и подходит по размеру к моему запястью — оснований не доверять глазомеру младшей жены у меня нет, — через основание большого пальца его не перетащить.

Как ни странно, у самой Келлы не возникло сомнений в возможности поместить браслет на должное место. Она как-то повернула мой большой палец с резким хрустом и мгновенной болью, дернула, потянула — и металл скользнул дальше.

Рефлекторно выдернув руку, я обхватил другой ноющее запястье, устраивая поудобнее неожиданно оказавшийся на нем браслет. Золото приятно холодило разгоряченную кожу, вот только пластинка мешала сгибать руку, так что пришлось повернуть ее вниз, к ладони.

Снимать украшение, пришедшееся к месту и достаточно строгое, чтобы не резать глаз, не особо и хотелось. Но порядок требовал — незачем выносить отсюда не принадлежащую мне вещь. А повторную боль и перетерпеть можно.

Покрутив запястьем у носа младшей жены, чтоб та как следует рассмотрела дело рук своих, я сказал настолько серьезно, насколько мог:

— Налюбовалась? Теперь сними!

— Можно, конечно... — протянула Келла, явно довольная увиденным. — Но оно тебе надо? Палец ломать придется.

— Как же... — в услышанное не хотелось верить. — А когда надевала, не надо было?

— Можно было и тогда! — младшая жена широко ухмыльнулась. — Но ведь обошлось! А теперь уже не обойдется.

Отчего-то этой ухмылке верилось больше, чем самому серьезному тону. Со сломанным пальцем Длань Справедливости не задействуешь, так что накануне разборки с исполинской землекройкой, да еще с демоном в перспективе, позволять себе это нельзя однозначно.

Ладно, доберемся до дома, там осторожно срублю браслет светорезкой, потом заварю и как-нибудь придумаю, как вернуть на место. А пока можно его манжетой прикрыть или тряпицей какой обмотать, чтобы сустав не застудило.

— Пошли, что ли? — бросила моя древнейшая, словно ничего не произошло, соскакивая вниз. — Хватит уже попы морозить!

У меня не нашлось слов в ответ. Со вчерашнего дня младшая жена расшалилась совершенно несообразно ситуации, едва ли не хуже, чем при многопрадеде. Из мести за купание в смоле, что ли? Так среди подвергшейся этому испытанию женской половины семейства самой недовольной выглядела отнюдь не она. Особо соскучиться от безделья тоже некогда было. Дома, в замке, бывали дни куда скучнее, да что дни — недели...

В размышлениях на эту тему прошла проверка еще двух, а то и трех миль периметра долины. Здесь для разнообразия нашлась пара погрызов посвежее, еще не схватившихся налетом старины. Рядом с одним обнаружились следы — сначала щебень, а затем и дерн альтийского луга были пропаханы широкой полосой, будто там прошла колонна тяжелых штурмовых кадавров.

Оживление от находки живо вымело все посторонние мысли. Хотя чему, спрашивается, тут радоваться? Близкой и немалой опасности, что ли?!

Так или иначе, по этому следу мы с Келлой, не сговариваясь, рванули рысцой, петляя между оторвавшимися от склона каменными зубцами и поминутно ожидая, что наткнемся

на тектонического паразита, мирно лакомящегося каким-нибудь булыжником размером с городской особняк.

Но такой удачи — или неудачи, как посмотреть — нам не выпало. Развороченная полоса привела нас к очередной пещере, громаднее всех предыдущих. От ее входа такие следы разбегались веером — какие постарше, уже заросшие травой, а какие и поновее.

Тектонический паразит оказался не устаревшей сказкой и не надуманным поводом поближе познакомить нас с окрестностями долины. Землекройка наличествовала здесь и сейчас, и ее логово, гнездо, лежбище, или как там оно называется, мы и обнаружили только что. Причем следов свежее того, который привел нас сюда, не было. Значит, шансов на то, что тектонический паразит у себя дома, немало. Деваться ему некуда, если только у пещеры нет других выходов.

Перед решительным штурмом обиталища легендарной твари мы с младшей женой на минуту притормозили, переводя дух и обдумывая варианты действий. С последними было негусто — отправиться в глубь пещеры, обнаружить землекройку и выманить ее наружу. А там можно будет отогнать ее за перевал или прямо к бывшему водопаду, не беспокоясь о том, захочется ли тяжеленной твари возвращаться. По отвесной стенке в полмили паразит вряд ли полезет, даже если уцелеет при падении.

Проверив свой арсенал, я кинул Келле запасной мяч-тестер и объяснил, как выставлять его на различные световые режимы. Теперь, если разделимся, без освещения не останемся. Подумал, не добавить ли пару файрболов и кресало для них... и решил, что лучше не надо. В пещере всяко лучше не пускать их в ход, а то завалит ненароком или расплющит ударной волной, усиленной замкнутым пространством. Оставлять же боеприпасы моей древнейшей в ее нынешнем состоянии чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Еще Сакральный Стадион взорвет ради шутки...

Словно почуяв мои мысли, эльфь криво усмехнулась и прибрала артефакт в длинную и узкую брезентовую торбу, которую сегодня с утра зачем-то прихватила с собой. Я искренне надеялся, что в нужный срок там найдется что-нибудь перекусить. Время как раз было самое обеденное, но старая привычка не ходить на серьезное дело с полным брюхом отбивала всякие мысли о еде. Ну или почти всякие...

Тянуть время и отвлекаться на мелочи дальше было невозможно. Распахнувшийся шире некуда зев пещеры никак не выглядел самым привлекательным местом для прогулок, но выбора не было — надо идти.

Все опасения и ожидания пропали пропадом уже после нескольких десятков шагов, уступив место привычной скуке. Никто не бросался на нас из тьмы и даже не шумел среди безжизненных камней, выглаженных то ли водным потоком, то ли боками землекройки.

Спустя сотню ярдов пещера начала ветвиться, и для того, чтобы не заблудиться, пришлось активировать хрустальный шар в режиме трекера. Хуже того, из-за твердой поверхности внизу было совершенно невозможно понять, в каком именно ответвлении скрывается тектонический паразит.

Проблему выбора сняла Келла. Руководствуясь то ли неведомым чутьем древнейшей крови, то ли тем, чего в данный момент хочется ее левой ноге, эльфь, не задумываясь, сворачивала налево и направо. Необходимость поспевать за младшей женой, то и дело не вписываясь в повороты, изрядно раздражала.

Наконец перед особо заковыристой развилкой, ходы которой расходились не только в стороны, но и вверх, и вниз, Келла притормозила. То ли встала в тупик перед столь многообразным выбором, то ли слегка выдохлась. Лично я от подземной беготни вымотался так, что, не раздумывая, плюхнулся на подходящий камень чуть в стороне.

Эльфь выбирала место для отдыха более тщательно и удовлетворилась только небольшим карнизом, продолжавшимся ходом правее и выше. Каменный уступ оказался высоковат даже для нее, и, запрыгнув на него, моя древнейшая уже не доставала до пола пещеры. Там она поерзала, устраиваясь поудобнее, и принялась беззаботно болтать ногами. Ничто ее не берет! Будто не за чудовищем на охоту, а так, погулять вышли.

Это или все прочее, накопившееся за последние сутки, заставило меня внезапно сорваться, перелив раздражение в грубость:

— Не надоело девчонку сопливую изображать?

— Не-а, — в ответ младшая жена только сильнее заболтала ногами. Самым издевательским образом, как мне показалось, сверкая в сумраке пещеры голыми коленками.

— Я же помню... В Хисахе ты... — сделал я еще одну попытку пробиться к ее совести.

— Так то в Хисахе! — перебила меня Келла. — А тут не Хисах, — и пояснила, смилостивившись: — Здесь настоящей опасности нет. Которая не для шкуры...

С этим не поспоришь. В отличие от южной страны, Огрия хоть душу на излом не пробует. Следует быть благодарным и за это...

— Ну да, — вынужден был согласиться я скрепя сердце. — Раз так, отчего бы не порезвиться? Некоторые вон всю жизнь играются...

Понять, кого я имею в виду, было несложно. Уж никак не огров с их напрочь серьезными играми, что на Сакральном Стадионе, что на ОгрТинге.

— «Некоторые» не «играются»!!! — против всякого ожидания отрезала моя древнейшая, поняв сказанное так же. — И чем раньше ты это поймешь, тем лучше... для всех! Она по жизни такая!

Вот уж от кого не ожидал столь резкой реплики в защиту подопечной! Всю дорогу Келла держит дистанцию по отношению к ней — и вдруг такое...

Но младшая жена еще не закончила меня удивлять. Решительно соскочив с карниза, она направилась в глубь пещеры, на ходу собирая знакомую мне составную флейту из черненого серебра. Насколько мне помнится, драконы при звуках этой флейты теряют волю.

А кем еще быть землекройке, кроме как драконом? Песчаная акула — и та оказалась им, родимым, даром что ни лап, ни крыльев. А тут с лапами все в порядке, даже явный перебор, если судить по следам. Насчет крыльев того же не скажешь, ну так зачем они под землей, крылья-то? Хотя, если судить по тому, как бодро рванула вглубь пещеры Келла, некоторые вполне успешно управились бы тут и с крыльями. Кто-нибудь наподобие летучих хомяков или еще каких протопырей слепорожденных.

Правда, в отличие от них, для ориентации в каменном лабиринте у младшей жены имелось острое эльфийское зрение и мой мяч-тестер, заклятый на освещение, не слепящее глаза в замкнутом пространстве. Так что беспокоиться за мою древнейшую не стоило — в случае чего магический приборчик по-

зволит вернуться по своим следам, как мне самому хрустальный шар.

Вот только с глубинными страхами ничего не поделаешь — сердце захолонуло ли от собственного внезапного одиночества, то ли от опасений за младшую жену. Последние отблески света тестера как раз исчезли за поворотом. А еще через полминуты, отражаясь от стен, по коридору донеслись напевные звуки драконьей флейты. Конечно, чем искать невиданную тварь в бесконечном каменном лабиринте, лучше выманить ее надежными чарами. Меня же при этом предупреждать совсем не обязательно...

Как и в прошлый раз, этот род своей магии Келла предпочла пустить в ход в некотором отдалении от мужа и повелителя — то ли не желая сбить настройку приманиваемой добычи на себя любимую, то ли, чтобы за компанию с очередным драконом не скрутить и меня до совсем уж собачьей привязанности простым, но мощным заклятием.

Звуки, искаженные многократным эхом, совсем не околдовывали. Скорее усыпляли — в ожидании, пока сработает магия флейты, я едва не задремал, присев на камень напротив слишком высокого для меня карниза. Трели сплетались, срывались каскадами и глохли в холодном воздухе пещеры, превращаясь во что-то странное, похожее на шелест дождя. Примешивающиеся к этим звукам раскаты далекого гула казались громом, получившим уместную партию в этой подземной грозе. Они даже не особенно мешали сну...

В отличие от пронзительного женского визга, удесятеренного эхом. От такой побудки я мгновенно свалился с камня, продрал глаза еще в полете и уже из такого положения увидел, как младшая жена во весь опор выносится из жерла пещеры.

Гул и грохот, несущиеся вслед удиравшей эльфи, издавала, несомненно, исполинская землекройка, явившаяся на зов. Вот только подчиниться ему она отчего-то не пожелала.

Объяснений этому долго ждать не пришлось. Пролетая мимо меня, как файрбол из катапульты, эльфь древнейшей крови проорала:

— Эта сволочь — насекомая! На нее драконья флейта не действует!!! Только злит!

Так... Планы меняются. Теперь зверюгу придется не выводить тихо-мирно за пределы долины, а по возможности гро-

бить на месте. Тут не до церемоний! А прежде всего надо хотя бы унести отсюда ноги.

Темная шевелящаяся масса надвигалась из глубины пещеры столь стремительно, что удирать я кинулся, не помня себя, прямо на четвереньках, и уже на втором повороте догнал ничуть не запыхавшуюся Келлу. При этом не особенно увеличив разрыв с преследователем.

Что ж, по крайней мере, себе на хвост мы землекройку посадили надежно. Неясно только, как теперь дальше дело пойдет. Такими темпами лично я выдохнусь намного быстрее, чем тектонический паразит. До открытого места добраться бы, не потеряв дыхания...

Словно в ответ на это желание впереди туманным пятном замерцал свет. Выход из пещеры неожиданно оказался ближе, чем запомнилось. Хорошо еще, что я таким аллюром, на полусогнутых, не до самого перевала добежал, за собой не заметив, а то с перепуга станется.

Свет впереди разрастался, отчаянно слепя глаза. На склон перед пещерой мы вылетели, не тормозя, и некоторое время перебирали ногами в воздухе, как зверюшки из детских развлекательных иллюзий, что через магический шар проецируют в балаганах на полотнище или облако дыма. Но в отличие от иллюзорных бегунов мы довольно быстро снова зацепились ногами за землю и рванули дальше с утроенной скоростью, уже без боязни врезаться в стену на крутом повороте.

Порядком отдалившись от зева пещеры, я оглянулся, не особо сбавляя ход.

Решение не тормозить оказалось верным. Словно пробка из перегретой бутылки с токкурской шипучкой, исполинская землекройка перла из пещеры, ощупывая воздух перед собой венцом то ли лап, то ли жвал, снабженных острейшими когтями-заступами. Зрелище было устрашающее и одновременно в чем-то неприличное, будто гора сама силилась избавиться от паразита, тужась со всей мощи. Выглядело это столь же омерзительно, сколь и устрашающе.

Высунувшись до половины наружу, тварь закачалась, оглашая горы противным скрежещущим то ли визгом, то ли ревом, и тяжело перегнулась, отыскивая поверхность ходовыми лапами. Грянувшись о склон, она зацепилась за него когтями и поползла вниз, на нас. Когда ее задняя часть выр-

валась из пещеры, тушу чуть занесло — показалось, что вот-вот она пойдет юзом и покатится под уклон.

Обошлось. Вздумай чудовище катиться, уйти от него не удалось бы никак. Но спускаться под гору кувырком, по-сусличьи, неповоротливой и тяжеловесной зверюге тоже не особо хотелось — она несколько замедлила ход, желая обрести большую устойчивость. Так что, пока склон не сделался более-менее пологим, нам даже удалось слегка перевести дух, не останавливаясь совсем, но сбавив скорость почти до шага.

По горизонтальной поверхности исполинская землекройка тоже продвигалась весьма споро. Венцы проходочных лап при этом потешно загребали воздух. Однако все-таки она слегка сбросила темп, поскольку утратила возможность распределять вес на большее число ходовых лап. Стен, за которые можно цепляться в пещере, здесь не было.

Не было и опасности выжечь весь воздух при ударе огненной стихией. Пора опробовать Реликвию, заполученную такими трудами. Только бы не выронить магическую перчатку при попытке надеть ее на бегу...

Келла одобрительно усмехнулась, видя, какой сюрприз готовится нашему преследователю. Справившись наконец с выкованными из упругого металла звеньями, я натянул артефакт на руку. Остановился, чтобы немного отдышаться, развернулся к накатывающей массе и поднял навстречу ей Длань Справедливости.

Приноровиться к новой Реликвии, тем более не свойственной мне стихии, было трудновато — пришлось долгие секунды нащупывать путь к ней, затаив дыхание и помогая другой рукой. Наконец искомая комбинация была найдена.

— Фульмо! — выдохнул я, судорожно глотнув воздуха. Посмотрим, как тебе это понравится, зараза!

Невесомый пузырь пламени размером с сорокаведерную бочку соткался в выставленной вперед ладони и величаво уплыл к надвигающейся землекройке. По мере приближения к переднему торцу тектонического паразита он уже не смотрелся столь внушительным, но, влепившись в самую гущу проходочных лап, разорвался, словно файрбол. В отличие от привычной огневой снасти, основным поражающим фактором действия Реликвии оказалась не ударная волна, а сама стихия Огня, сконцентрированная и облеченная заклятием в форму.

Пламя расплескалось о лобовую броню, охватило венец проходочных лап вокруг нее... И истаяло, не причинив исполинской твари почти никакого вреда! Только на паре самых крайних лап отгорели и рассыпались когти, да еще копотью подземная тварь, и без того не блещущая чистотой, обросла порядочно. Язычки пламени еще перебегали по каким-то махрам и кореньям, приставшим к панцирю. Тем не менее после полученного удара землекройка и не думала остановиться или хотя бы сбавить ход, лишь завизжала еще оглушительней и припустила вперед почем зря, так что удирать пришлось почти так же споро, как в пещере.

Конечно, совершенно неуязвимой тварь не была, и удар Реликвии задел ее пречувствительно. Но, увы, не настолько, чтобы уничтожить, остановить или хотя бы напугать.

Этак я ее неделю буду жарить без дополнительного горючего. Оторваться же на расстояние, которое сделает безопасным более мощный удар, у меня просто не получится. Да и устану я много раньше, чем она прогорит до потери боеспособности. Стало быть, надо поискать дополнительный источник разогрева. В лес какой-нибудь заманить, на дровяной склад, в овин с сеном, на худой конец...

Только нет в Ограде ни лесов, ни построек такого масштаба. Первых — по причине высокогорной долины, вторых — из-за самой землекройки! Только ОгрТинг и стадион, залитый свежей, не схватившейся еще каменной смолой...

Вот оно! Перейдя на рысь, я поравнялся с младшей женой и прохрипел ей:

— Дуй к Сакральному Стадиону и кинь у ближнего конца пару мешков поплотнее... А я повожу ее пока...

Келла, не тратя дыхание, согласно кивнула и наддала так, что только пятки засверкали. Задуматься, а тем более переспросить, зачем мне сдались мешки при огрском спортивно-культовом сооружении, ей и в голову не пришло. Во-первых, ситуация требовала беспрекословного исполнения приказов, а во-вторых, намного интереснее самой посмотреть, как выкрутится из нестандартной ситуации муж и повелитель!

Чтобы отвлечь постепенно разгоняющуюся зверюгу от младшей жены, я завернул чуть в сторону — попетлять, потянуть время, а потом поточнее навести землекройку в створ между трибунами. Только бы эльфь древнейшей крови ока-

залась порасторопнее — долго нарезать зигзаги по долине я не готов.

По счастью, уже на третьем рискованном повороте знакомая фигурка двинулась в обратный путь от Ограда к каменной громаде стадиона. Лапы землекройки, пытающейся изогнуться быстрее, чем я отбегу на сторону, взрывали землю, разбрасывая камни и клочья дерна. Занос у твари был почти как у летающего линкора, пытающегося маневрировать у самой земли над небольшой деревенькой.

Поминутно оглядываясь назад, чтобы проверить направление, я по длинной дуге доворачивал к открытому концу стадиона. Тектонический паразит не отставал, мерно топоча ходовыми лапами и мерзко лязгая проходочными. Хорошо хоть не орал больше...

Келла уже поджидала меня у перекладины Правила, держа столь необходимые мешки. Снова соваться на поле без них не особо хотелось — лишней одежды у меня здесь нет, и так уже пришлось пожертвовать одним комплектом, — а в бахилах выше колен, если не навернусь, остается шанс обойтись без повторной стирки.

Увидев, что до цели мне осталось полсотни ярдов, младшая жена сбросила мешки на землю и бегом кинулась налево, куда-то за трибуны. Оно и к лучшему, нечего в решительный момент зря маячить. У землекройки должна быть одна цель — я, и чтобы никаких шансов свернуть...

Было нелегко прыгать на одной ноге, поочередно надевая мешки и стягивая их горловины выше колена, перед неудержимо приближающейся зверюгой. Едва хватило выдержки вступить на поле Сакральной Игры не сумасшедшим галопом, а более-менее поспешным шагом.

Покуда я пересекал штрафную зону и одолевал первые десятки ярдов смоляного болота, землекройка с налету вломилась на стадион. Слегка не вписавшись в створ, она снесла боком Правило, как бита крикетные воротца, и выметнулась на западную трибуну. Камни, слагавшие громадное строение, неохотно поддавались дикому напору, но не могли устоять перед чудовищной мощью тектонического паразита.

Пока землекройка крушила западную трибуну, я рваной рысцой пересек остаток поля. Самые лучшие места сносит,

зараза! Впрочем, мне на этом поле уже не играть, к вящему удовольствию жен и подопечной.

В три прыжка отдалившись от края поля, я стянул бахилы и зашвырнул их обратно в смолу. Подземное чудовище наконец-то вползло в штрафную зону противоположных ворот. Ну сейчас мы ему вкатим мячик — мало не покажется. Пусть только заберется поглубже...

Выдохнув до звона в ушах, я поднял руку, облеченную Дланью Справедливости, выставил ее к полю в отвращающем жесте, слегка хлопнул пальцами другой руки по основанию ладони и, вдохнув снова, крикнул:

— Фульгоре!

Полотнище огня сорвалось со стальной перчатки и с гулом ударило в тупой бронированный лоб твари. Перебирая всеми имеющимися в наличии лапами, многотонная зверюга изо всех сил попробовала затормозить. Это удалось ей плохо, зато фонтаны смолы получились просто замечательные. Пролетая сквозь огненную струю, мелкие брызги испарялись с взрывными хлопками, а более крупные шлепались обратно, окружая исполинскую тушу цепью огней. Наконец основная масса смолы достаточно прогрелась.

Тяжким выдохом прогудела вздымающаяся стена огня. Землекройка скрежещуще завизжала, как рвущаяся стальная балка с трех слонов в обхвате. Огненное кольцо рванулось к краям поля — я едва успел откатиться к трибуне, когда клочья пламени пролетели над низким валом, окружающим игровую площадку.

Непрерывно визжащее чудовище крутилось в самом центре поля, пытаясь найти выход из огня. Вал звука катился по окрестностям, пригибая пламя и вызывая осыпи на склонах. Голова прямо-таки раскалывалась от этого визга. Вот ведь живуча гадина, сверх всякой возможности... Ее движения навели меня на еще одну мысль.

— Фульгоре турбем! — повелительно заявил я, для верности хлопнув в ладоши еще разок и махнув рукой круговым жестом. — Константо!

Столбы огня вокруг землекройки задрожали, заметно наклоняясь. От края поля, где я стоял, к центру побежала огненная спираль, которая, словно перевясло сноп, собрала струи пламени в тугой клубок вокруг исполинской твари.

Спустя секунду над ней поднялся тысячефутовый огненный смерч.

Больше землекройка не кричала. А спустя долгих пять минут прекратила двигаться.

За этим, впрочем, я наблюдал с самой верхней трибуны — находиться вблизи поля давно уже было невозможно. Даже здесь жар бил в лицо, а в спину заметно давил поток воздуха, порожденный тягой. Отступая, я забирался все выше и выше по зрительским скамьям.

Кто-то перемахнул через внешний край трибун в соседнем секторе. Со страховочной галереи, что ли? Я повернул голову в ту сторону, щурясь от огненных бликов. Келла. А следом за ней — Хирра и, что совсем удивительно, Алир. Видать, неподалеку от стадиона сегодня гуляли.

Женушки уселись по бокам от меня, подопечная пристроилась в ногах. Уютно...

— Сейчас бы попкорна с маслом. Хорошо бы пошел, — шутка вылетела сама, не спрашивая моего мнения о своем качестве и уместности. Но эльфочки подхватили игру без сомнений. Или всерьез проголодались, кто от ожидания, кто из-за всей этой беготни от тектонического паразита...

— Лучше сосиски пожарить, — усмехнулась Хирра, которая всегда была практична в отношении еды.

— Или зефир разогреть, — ухмыльнулась более романтичная Келла.

— Тянучки, тянучки!!! — восторженно захлопала в ладоши непроходимая сластена Алир. Немного помолчала и совсем неожиданно добавила: — А может, просто посидеть, посмотреть на огонь. На него можно долго смотреть. Почти бесконечно...

Что такое «бесконечно» для эльфийской дивы, я побоялся даже представить. Просто замолчал и повернулся к самому большому в моей жизни костру.

Так мы и сидели. Только копоть хлопьями кружилась в воздухе, оседая на нас, трибуны, окрестные луга... Землекройка постепенно прогорала, рассыпаясь холмом пламенеющих углей и раскаленного шлака. Солнце зашло, и над вершинами показались первые созвездия: Водонос, Заклинатель, Дева Радости...

Все-таки, похоже, подопечная — неплохая девчонка. Для светлой эльфи, конечно.

Зря я каждую секунду ждал от Алир пакостей.

5
Доброе слово и огру приятно

...А когда последний наш умрет,
Закопайте прямо у ворот,
На поминках разогрейте суп,
Ведь мы болели за один и тот же клуб...

Сакральный Стадион дымился третьи сутки. С «константо» я, конечно, малость пережал. Хватило бы и «пролонго» — эффект тот же, а гасить всем поселком не пришлось бы. А то огры весь песок с пересохшей Сребpоречки перетаскали, чтобы засыпать медленно выгорающие многолетние напластования каменной смолы.

Русло в результате значительно углубилось, недвусмысленно намекая на необходимость возвращения реки на свое ложе. Хорошо хоть из-за всеобщей замороченности пожаром ни у кого не нашлось времени на то, чтобы собрать ОгрТинг и озаботить нас очередным заданием.

Другое дело, что и кормить дорогих гостей, спасителей Ограда от исполинской землекройки, все это время никто не удосужился. Так что, подъев запасы Алир, по большей части состоявшие из страшненьких на вид, но весьма вкусных огрских сладостей, мы волей-неволей отправились на пожарище — присоседиться к общему котлу и по возможности помочь, чем можем.

Хотя, конечно, аспекты магии у нас для этой цели не самые подходящие. Мой Ветер и Огонь обеих жен тут никоим образом не в помощь, равно как и наша с подопечной Жизнь. А общая для всей женской части семейства Вода — что бегучая у светлой эльфи, что спокойная у темной с древнейшей — в суховатой долине просто не найдет в достатке подконтрольной стихии. Огры вон, не будь дураками, свои колодцы берегут и даже не пытаются тушить пожар водой оттуда.

Реликвии, имеющиеся в наличии, для такого дела тоже не годятся. Длань Справедливости — понятно почему, а Зерна Истины заточены под работу с уже имеющейся магией путем усиления и трансформации в пределах заданной стихии. Так что стесняться неучастия во всеобщем огнетушении нам нечего.

По счастью, к тому моменту, как мое голодное семейство добралось до дымящихся трибун, основные противопожарные мероприятия уже закончились, и огонь под полудюжиной котлов, в каждом из которых с легкостью поместился бы я сам, пришлось разжигать заново. Серьезный народ огры, ничего наполовину не делают!

Ожидая, пока сготовится варево, мы уселись неподалеку рядом с ОгроСтаростой, который раздавал миски и ложки тем, кто явился на пожар без них. Кроме нас, пожалуй, и никто — к возможности пожрать при любом удобном случае горный народ подходит серьезно и никогда не выходит из дому без собственной посуды. Помимо гостей запасные ложки-плошки достались только самым маленьким огрятам да паре растерях постарше.

Стучать посудой с голоду моему семейству не позволяло эльфийское воспитание, а просто так дожидаться, пока будет готово, не было терпежу. Избавление от скуки пришло совершенно неожиданно: сначала те самые огрята, а потом и кое-кто из взрослых, не занятых приготовлением пищи, принялись играть в бабки — фермерскую игру вроде кегель, только без шаров. Битой в ней служит такая же «кегля» из кости рогачьей ноги, залитая внутри свинцом. При здешнем обильном поголовье стад мясо-молочной породы материала для игрового инвентаря должно быть в избытке.

Поначалу жены с подопечной лишь заинтересованно следили за ударами, выбивавшими заявленные костяшки из сложных построений, а потом понятно, кто из них не удержался и влез в игру. Разумеется, Келла! Ничтоже сумняшеся, младшая жена отпихнула боком неуклюжего паренька на голову выше себя, позаимствовала у него биту и принялась кидать, попутно объясняя пострадавшему от ее темперамента, как пускать кость с проворотом, чтобы выбивать намеченную мишень вперед из двойного строя.

Впрочем, не она одна снизошла до простецкой забавы. Хирра, показывая заинтересованной Алир, как что делается, тоже несколько раз бросила свинчатку, уже более вежливо одолженную у огрихи постарше, обучавшей игре свой выводок малолеток. А после того как сам ОгроСтароста, отставив в сторону стопку не розданных мисок, встрял в черед с двумя здоровяками, оставаться в стороне стало и вовсе невместно.

К тому времени, как я присоединился к игре, старикан выбил вчистую первого парня и добивал второго. С моим участием это дело особо не затянулось, и проигравший вслед за предшественником отошел в сторонку. Еще бы! В учебке, когда нечего делать, редко получалось коротать время иначе. Азартные-то игры в казарме были запрещены, а тут вроде здоровый спорт на открытом воздухе... со своей системой ставок, о которой начальству знать совершенно незачем. Берт Коровий Дядюшка тогда очень здорово это придумал с фермерской забавой...

К нашему с ОгроСтаростой поединку, идущему примерно на равных, в качестве зрителей подтянулось мое семейство. Судя по всему, обе жены отчаялись втемяшить свое мастерство нерадивым ученикам — моя древнейшая огрскому увальню, а моя высокородная Опушечной. Неуклюжая во всяком деле светлоэльфийская дива хвостиком поспешала за старшей подругой.

Подоспели они к самому решительному моменту — из особо сложной фигуры «рогач в стойле» были выбиты все более-менее простые костяшки, остались одни заковыристые. Такие не выцепишь иначе, чем крученой битой, да не просто крученой, а чтоб выбивала в сторону.

С неожиданной ловкостью громадных пальцев Хугге Громовило закрутил свинчатку порхающим волчком и выбил «ухо» рогача. Кость вылетела, не сбив ни одной другой, а бита запрыгала по гальке в полудюжине ярдов позади «стойла».

Теперь оставалось только одно — выбить «глаз» многострадального «рогача» и закрыть кон. Или проиграть, что не грозило никакой опасностью, но чего почему-то на редкость не хотелось. Не то чтобы гордость взыграла, просто разгорелся не пойми откуда взявшийся азарт...

Примеряясь, я покачал рукой с зажатой в пальцах битой. Еще раз... Чуть ослабил и без того порядком сбившийся черный шелковый платок Хирры на правом запястье под расстегнутой манжетой камуфляжной куртки. Вчера она выдала его без вопросов, под утверждение о необходимости беречь руку от растяжения, застуды и травмы Реликвией. Конечно, любой из моих эльфей раз плюнуть залечить и то, и другое, и третье, но правило «береженого Судьба бережет» еще никто не отменял.

Особенно если уже не уберегся... Отчего-то не хотелось рассказывать старшей жене о последствиях самоуправства младшей в огрском мемориале. Виновница происшедшего тоже не спешила поделиться своими достижениями, так что, к немалому моему удивлению, этот дурацкий секрет остался в полной сохранности.

На предполагаемую меткость броска такие мысли хорошо повлиять не могли. Поэтому я выбросил из головы все постороннее, глубоко вздохнул и сильным размахом отправил кость в полет, закрутив ее резким движением кисти. Казалось, в пути кость жужжала, а по воздуху за ней тянулся черный дымок...

Да не дымок, а платок!!!

От рывка шелк соскользнул с запястья и улетел следом за битой. Манжета куртки при этом задралась чуть ли не до локтя, открывая злосчастный браслет во всей красе. Хорошенько отмытое и оттертое вчера золото сверкнуло под некстати выглянувшим солнцем, притягивая все взгляды.

Сухой щелчок свинчатки по «глазу рогача», вылетевшему со своего места чуть ли не вертикально вверх, прозвучал в абсолютной тишине. А самого удара — редкостного, невозможного по удаче — похоже, никто, кроме меня, и не увидел. ОгроСтароста, Хирра, Алир, даже Келла — все уставились на браслет с разнообразными выражениями лиц, но при этом совершенно одинаково онемев.

Да... В игре-то я победил, а по жизни, кажется, доигрался...

Первым нарушил молчание старый огр, надвинувшийся на меня утесом.

— Зачем взял? — слова его, короткие и тихие, прозвучали страшнее, чем обычный раскатистый рык.

— Да я и не брал... Оно само как-то... А снять не могу, — начал оправдываться я, сам чувствуя нелепость сказанного, но отчего-то не желая выдавать устроившую это безобразие младшую жену.

Впрочем, ОгроСтаросте, за какие-то мгновения вдруг сделавшемуся чуть ли не вдвое старше, казалось, не было никакого дела до истинности моих слов.

— И не снимешь, — тихонько пророкотал он, печально глядя словно в глубь себя. —Пр-р-режний владелец, уходя, палец себе отр-р-рубил, чтоб отр-р-речься...

— От чего отречься? — Нехорошие подозрения зароились у меня в голове гудящими облаками.

— Это пер-р-рстень Огр-р-рПр-р-ротектор-р-ра, пр-р-редстоящего пер-р-ред Анар-р-риссом за весь нар-р-род, — устало пояснил ссутулившийся огр. — Тепер-р-рь ты — Огр-р-р-Пр-р-ротектор-р-р...

Так... Мало мне султаната Хисахского, теперь еще и Огрия. Отличие только одно — здесь мне хотя бы не надо искать заместителя. Старейшины способны сладить с народом без всякого ОгрПротектора — справлялись же тысячелетия со времен Войны Сил, покуда браслет, то есть перстень, лежал в пещере...

Худшие мои подозрения оправдались в полном масштабе. Причем осознали важность момента все присутствующие — Хирра с Алир застыли, словно громом прибитые, только что не дымясь, а Келла затихла, словно змейка-линейка, прикинувшаяся веточкой, судя по всему, поняв, что своими неудержимыми шалостями втравила мужа и повелителя в слишком серьезное дело. Насколько глубоко — оставалось только предполагать. Хотя один вопрос необходимо прояснить сразу же.

— Что ж мне, теперь руку себе рубить, чтоб из долины выйти?

— Да иди куда хочешь, как пр-р-раво на Р-р-реликвию отр-р-работаешь, — отмахнулся старик. — Летто Полпер-р-ревязи до того, как отр-р-рекся, на вашу эльфийскую войну за День пр-р-ротив Ночи ходил, пер-р-рстня не снимая...

— Отчего же тогда он его с пальцем-то отрубил? — не сумел я сдержать вопрос, хоть и произнес его тихо-тихо.

— Оттого, что один с той войны пр-р-ришел, — горько бросил огр. — Из всех. А в ОгроГвар-р-рдии тр-р-ри тысячи в стр-р-рою стояло... Никого не убер-р-рег.

Пределы ответственности ОгрПротектора за народ прояснились. Уж чего-чего, а гнать огров на войну лично я никак не собираюсь, некогда сам возвратившись с нее не в полном комплекте. Равно как и морить подотчетный народ каким-либо иным способом. Так что за целость окольцованной конечности можно не опасаться.

Заодно стало понятно, что за доспехи лежат в пещере. Действительно с самой Войны Сил. Вот она, цена огрского миролюбия — в те стародавние времена вся численность народа первых детей Матери была немногим больше нынешне-

го населения долины. Так что незадачливый огрский полководец разом положил за эльфийские разборки чуть ли не всех взрослых мужчин своей крови. После такого не знаю, что себе рубить надо.

Хотя кто теперь разберет... В те времена все народы, кроме гномов, подвели себя к такому же пределу по большому счету лишь ради того чтобы мир остался прежним. Это начиналось все за победу Дня или Ночи на вечные времена, а завершали войну те, кому больше жизни хотелось удержать в должных пределах разбушевавшиеся времена суток. Даже основатель династии Предвечных Королей и его победоносный брат-маршалиссимус бились за то же, а отнюдь не за победу своих богов.

Поэтому не мне судить последнего огрского полководца, сгинувшего по пути в Хисах вместе со своим вышестоящим начальством и всем Священным Воинством Хтангской Династии. В конце концов, здесь и сейчас, в Огрогорье, отвоевывая право на Реликвию, нужную для планового маготехобслуживания мира, я заканчиваю их работу.

Эта мысль почти примирила меня со случившимся. Во всяком случае, придала некий смысл непредвиденному попаданию в ОгрПротекторы за счет какой-никакой, а все-таки преемственности в целях. Приняв случившееся, можно было строить планы на будущее.

— Что теперь делать-то? — вопрос получился расплывчатый, под любой ответ. Но слов, которые прозвучали, я никак не ожидал услышать.

— Завтр-р-ракать, — слегка раздраженно буркнул старый огр. — Как р-р-раз свар-р-рилось...

Причем недовольство в голосе старейшины проистекало никак не из факта моего нечаянного узурпаторства. Скорее из непонимания непутевым новичком-ОгрПротектором первичности таких простых и очевидных истин, как необходимость своевременно пожрать.

В своем сдержанном негодовании ОгроСтароста был прав. Забыть о том, ради чего, собственно, мы сюда и пришли, было совершенно непозволительно. Тем более раз уже все готово! Серьезные разговоры могут и подождать, когда дело доходит до раздачи у котла. У огров это процедура основательная и серьезная, едва ли не более, чем все прочие.

Свою порцию как почетные гости, победители в Сакральной Игре и прочая мы получили почти что первыми — сразу после плачущего карапуза мне по плечо и его мамаши, отчаявшейся успокоить изголодавшееся чадо. После этого оставалось лишь отойти в сторонку и хорошенько поработать ложками, не мешая прочим желающим.

То, что столь своевременно «сварилось», скорее, было годно для обеда, чем для завтрака — острая, густая и наваристая похлебка из фасоли с копченой рогачиной. Горячая, вкусная и в совершенно невообразимом количестве. Да еще с ржаным огрским хлебом, от души нарубленным толстыми, с палец, ломтями. Не с человеческий, понятно, а с огрский, перстень с которого мне вместо браслета впору...

На сытый желудок все обстоятельства, и уже имевшие место, и предстоящие, не несли в себе зримой угрозы. Так что ОгрТинга, который должен назначить нам новое задание, я ждал даже с нетерпением. Лучше поторопиться с исполнением следующих огрских прихотей. Отдых, конечно, лишним не бывает, но затягивать его на всю зиму не хотелось бы.

Ждать пришлось куда меньше, чем можно было предположить. Только-только всем народом успели миски песком оттереть и сполоснуть, как подоспело очередное всеобщее собрание. Так, для простоты и удобства, раз уж все равно сошлись вместе.

Шествие к помосту с кубическими колоннами в связи с послетрапезной ленцой растянулось минут на пятнадцать. Да еще столько же подтягивались отставшие, кряхтя и отдуваясь. Едва удалось преодолеть соблазн усесться на ступени перед помостом, ожидая, покуда все соберутся.

Наконец к месту собраний стянулось все наличное население Ограда. Куда больше, чем в прошлый раз — большинство уходивших за перевал, чтобы погулять по поводу Сакральной Игры, уже вернулось. Не до самого же Анариса провожать проигравших, надо и тамошней огрской диаспоре оставить развлечение.

Надеюсь, больше от всенародного собрания можно не ждать санитарно-хозяйственных заданий тектонического масштаба. Состав сменился, мужская половина населения вернулась к домашним очагам. Так что дела нам с семейством теперь предстоят серьезные, в полный огрский рост.

Процедура опроса народных ходатаев не слишком отличалась от прошлой, только на этот раз старейшине горного народа не пришлось спихивать с помоста никого из просителей. Угрюмые мужики, выходившие к скамье, в своих пожеланиях были кратки, а по размерам иногда превосходили своего единоличного представителя. Один за другим они поднимались на помост, гулко и неразборчиво взрыкивали ему на ухо и тут же без промедления отходили прочь.

Такое единодушие не оставляло сомнений в том, что предстоит совершить очередному Избраннику Судьбы, нечаянному ОгрПротектору и все тому же Собачьему Глазу Пойнтеру ради доверившегося ему народа. Однако форма, в которую ОгроСтароста облек просьбу избавить своих собратьев от вековой напасти, оказалась совершенно неожиданной:

-- Ср-р-ребр-р-рор-р-речку вер-р-рните... Пр-р-редел пр-р-ришел Огр-р-раду.

При всей громовой торжественности сказанное прозвучало настолько грустно и обреченно, что даже я почувствовал долю стыда. За разгромленный Сакральный Стадион, за пожар, который нечем тушить, кроме песка...

Мировая Погибель внезапно проступила здесь, на окраине обитаемых земель, зримой неопровержимой приметой. Среброречка, заморозивший ее демон, Реликвия — все собралось в неразделимый клубок. Мир нуждался в исправлении весь, от баланса стихий до последней мелочи.

— Верием.

В это слово мне удалось вложить все передуманное за недолгие секунды. И еще то, что «Пойнтер всегда все возвращает на место». Огры могут не знать истории с Храмом, ведущей меня от Реликвии к Реликвии, но это ничего не меняет. Даже того, что на сей раз возвращать придется взятое задолго до меня — Длань Справедливости, Среброречку... А также спокойный сон без ночных визитеров и задержавшихся на столетия детских страхов одной светлой эльфи.

Может, мне и показалось, но, услышав единственное слово согласия, громадный старик словно слегка распрямился, расправил сведенные многолетним грузом плечи. Видимо, истребленной с изрядным перебором в средствах землекройки ему хватило, чтобы поверить — верием.

Хотелось бы мне быть уверенным уже не в собственной

готовности идти до конца, а в исполнимости обещанного, в той же мере, как все вокруг — от ОгроСтаросты до последнего огренка. Жены с подопечной, и те не выказали никаких сомнений в успешности предстоящей экспедиции против могущественной нежити. Последняя, не иначе — по непониманию перспектив...

— Что смотришь? — сочла необходимым объяснить свое спокойствие моя древнейшая. — Знал же, что этим кончится...

Урона моему победоносному образу она этими словами не нанесла. Так же, как и в прошлый раз, огры быстро разошлись по своим делам, оставив нас наедине со своим старейшиной. А он, похоже, успел привыкнуть к выходкам моего семейства с поистине непостижимой скоростью. Так что уточняющая реплика моей высокородной тоже пропала втуне:

— Демона все равно пришлось бы устранять. Это было ясно с самого начала.

Так уж и с самого... Хотя нет, по крайней мере, с момента появления обоеполого у отеля стало невозможно отрицать необходимость истребить его без раздумий и жалости. Оставлять такое в тылу у беззащитного отныне горного народа — преступление.

— Ой... — младшая ау Риер, услышав про нежить, оказалась способна только на этот короткий писк. До Опушечной с некоторым запозданием дошло, что гостеприимные хозяева отправили нас прямиком на укрощение ужаса всей ее жизни.

Вопреки ожиданию, это не повергло ее в полное потрясение, к которому я успел привыкнуть за последнее время. Сейчас, как и при первых шагах в долину, на лице подопечной отражались противоречивые чувства. Страх, конечно, был, куда же без него, но и облегчение пополам даже не со злорадством — какое может быть злорадство у совершенно плюшевой по характеру светлоэльфийской дивы, — а с внезапным задором. Вот уж от кого не ожидал...

Впрочем, непредсказуемость всегда была главным козырем второй расы разумных. О себе самих, своих возможностях и свойствах эльфы имеют весьма смутное представление. Вплоть до того, что иногда кажется, будто они даже не в курсе, к какому полу принадлежат. Мальчики, девочки — мандрагора разберет... Как подростки, которым они соответствуют по расовому возрасту. Но если те со временем понимают,

что к чему, то у первых детей Отца эта проблема зачастую остается на всю жизнь.

В отличие от огров, которые этим вопросом по-детски вообще не парятся и с упоением разыгрывают роли, отведенные им Судьбой, не менее младенчески непосредственно и с явным удовольствием предаваясь любым взрослым забавам.

Кстати, Алир настолько пришлась им ко двору именно потому, что с истинно огрским упорством упражняется в роли Маленькой Девочки с Большой Буквы. Да и ледяной демон не нашел понимания по той же причине. Уж очень он не укладывается в местные представления со своей демонстративной двуполостью...

Пожилой огр, до сих пор лишь бросавший пристальные взгляды то на одного, то на другого члена моего семейства, решил прервать затянувшееся молчание. Гулко закряхтев и откашлявшись, он произнес:

— Что пр-р-ригодится, все ор-р-рганизуем... Только попр-р-росите.

Это дело, конечно. Чтобы отправиться в горы чуть ли не на десяток тысяч футов, припасов и снаряжения нужно много, и не всем я озаботился при отбытии из замка Стийорр. Однако сейчас стократ важнее как можно более подробно выяснить все о предполагаемом противнике. То есть о демоне — его особенностях, привычках, склонностях... Кроме само собой разумеющихся.

Ответ на столь расплывчато сформулированный вопрос Хугге Громовило дал развернутый и емкий, но, увы, не обнадеживающий. Зловеще-глухое звучание лишенных привычной раскатистости слов только усиливало эффект безысходности.

— Он фальшивый. Не эльф, не человек, не женщина, не мужчина... Никто. Мутная жажда в дур-р-рном облике, — на последних словах у него прорвалось-таки характерное огрское воркотание.

Понятно. Куда уж конкретнее. О могущественной нежити ОгроСтароста считал нужным знать только то, что можно сказать почти о любом демоне, да то, что и так открыто каждому взгляду. Оттого, наверное, что нечего забивать себе голову всякими гадостями. Завидная позиция. Нам она, конечно, не в помощь, но сама по себе достойна уважения. Сродни старой заповеди: «Не твори зла, не прощай зла, не оправдывай зла».

Вот только успешно обороняться от демона путем нежелания даже знать лишнее о нем можно только при огрском простодушии... И огрской же многочисленности, умножающей на общее количество отчаянную верность Судьбе каждого из них. С командой из трех эльфей идти на ледяную нежить надо бы при большей осведомленности. Жертвовать собственной шкурой или кем-то из семьи в обмен на недополученную вовремя информацию я не собирался.

Ладно, если не получилось досконально выяснить характеристики врага, попробуем хотя бы определиться с его местопребыванием. Одними догадками тут не обойдешься, хотя на логово нежити ясно указывает заниженная граница снегов на одном из пиков у конца долины.

— Вер-р-но, там он... Исток Ср-р-ребр-р-рор-р-речки замор-р-розил, — этот вопрос старейшина смог осветить куда подробнее. — По р-р-руслу добр-р-раться запр-р-росто можно. Там пещер-р-ры пр-р-ромыло. Он в вер-р-рхней, а у последнего повор-р-рота —наш гр-р-рот для Сакр-р-ральной Тр-р-рапезы...

Что-то у огров, за что не возьмись, все сакральное. Деревья, игры, теперь вот трапеза тоже. С последней вообще непонятно — куда уж еще сакральнее, если вспомнить все, что мы здесь перепробовали. До чего может дойти кулинарная мысль горного народа по столь исключительному поводу, я не мог даже представить.

Впрочем, сейчас выяснять это было не столь необходимо. Куда важнее наметить маршрут, рассчитать припасы и подобрать снаряжение соответственно избранному пути. Чтобы и лишнего в горы не тащить, и без необходимого на полдороге не оказаться.

Тут тоже все оказалось ясно и определенно. По крайней мере, треть дороги можно было легко срезать по довольно пологому снежнику, а дальше выбор вариантов подъема был еще шире. Хоть по тому же руслу, хоть по его скалистым берегам, хоть по чуть ли не отвесной каменной стене.

Для надежности я вытащил из чехла магический шар и проложил курс в нем по объемной карте. Здесь всю власть сразу забрала младшая жена — из всего семейства она одна имела реальный опыт скалолазания. Из нас в учебке готовили маготехников, а не горных егерей, так что лазить мне при-

ходилось только по искусственной стенке, да еще марш-броски проводить по холмам не выше пары тысяч футов.

В результате процесс прокладки маршрута выглядел на редкость красочно: ОгроСтароста и Келла полчаса напропалую спорили по поводу тонкостей пути, то склонившись над хрусталем, то тыкая пальцами в сторону пика. Мне оставалось лишь переносить их совместные решения на образ долины, отраженный в артефакте.

Когда этот трудоемкий процесс был завершен, мы разошлись заниматься не менее важными делами: я с семейством — проводить ревизию и доукомплектование снаряжения, а старейшина — организовывать нам всенародное содействие. Насколько эффективно это у него вышло, пришлось убедиться почти сразу же.

Большую часть оставшегося дня мы проторчали в кузнице, пытаясь добиться, чтобы скалолазная сбруя для нас достигла приемлемых размеров и массы. Существующие образцы более походили на орудия пыток, кандалы и колодки, хотя конструкция их была неплоха и вполне функциональна. Во всяком случае, лучше армейского снаряжения — там все гробит дешевизна, а тут не жалели ни работы, ни металла. Последнего можно бы и поменьше...

Кузнец мрачно сопел, хмурился и раздраженно ворчал. Отделаться от нелепого с его точки зрения заказа не было возможности — распоряжение ОгроСтароста. Но он так и норовил отвертеться, с трудом ворочаясь между горном и наковальней в кузнице. Это был тот самый Тугге Полторы Бороды, которому не позволялось участвовать в Сакральной Игре из-за чрезмерного — добрых тринадцати футов — роста. Хорошо, что таких вот, добрых, а то бы мы так легко не отделались. И так пару раз на его ведерной физиономии даже сквозь полторы бороды явственно читалось желание послать надоед куда подальше. Например к ювелиру.

Спасло нас лишь то, что такового у огров не было и впредь не предвиделось — все украшения ковал сам Тугге. Таких же циклопических размеров, как можно было заметить по огрпротекторскому перстню, сделанному пусть не им, но тоже по местной мерке. К примеру, сквозь здешнюю серьгу-кольцо с подвесками я свободно мог просунуть голову.

Наконец подходящие по размеру и весу когти, крюки и ледорубы были готовы. Кузнец взирал на изделия своих рук

с явным неодобрением. Его было можно понять — в сравнении с его лапами смотрелось это несерьезно. Особенно впечатлял альтеншток, который Тугге держал двумя пальцами, как булавку. Весьма брезгливо, между прочим. Ну да главное, результат достигнут.

Отличные, прочные и легкие веревки из шелка кара-арахн от самого старейшины огрского народа притащил прямо к кузнице отчаянно смущавшийся огрский паренек — едва ли не тот же самый, которого младшая жена обучала тонкостям игры в бабки. Канаты были явно не местной выделки, а привозные из Токкура или Окавана. После этого о снаряжении можно было больше не беспокоиться и приступить к подбору экипировки.

Соответствующей обувью я, на счастье, озаботился заранее. Прочные горные ботинки с высоким берцем, на шнуровке с ремнями. На всякий случай пять одинаковых пар — размер ноги у меня с женами и подопечной, учитывая разницу в росте, примерно один. А на толстых шерстяных носках и вовсе не отличить. Что случилось бы, обратись мы к местному сапожнику, я боялся и подумать.

Лучше, конечно, было бы взять шесть, а то и семь пар, учитывая обстоятельства. Алир ведь тоже в горы пойдет, ничего не поделаешь. Да и на кого ее тут оставить? Весь Оград передерется за право принять под опеку любимую победительницу Сакральной Игры. После финального гола огры воспринимали Алир с почти священным восторгом. Будь их воля, на главной площади ее поставили бы и поклонялись. А гражданская война среди горного народа в мои планы никак не входит.

На сей раз я уже не мог позволить себе обойтись без кого-то из моих эльфочек. Даже без Алир, со всеми ее особенностями, не говоря уже о Хирре, которую никак не получится снова отрядить приглядывать за подопечной. И вовсе не потому, что после всех художеств Келлы ей больше нет доверия — просто неизвестно, как обернется дело с нежитью. Если справиться с демоном не удастся, собирать семью по всей долине будет некогда. Да и в горах вместе легче, даже при общем невеликом умении в области скалолазания. Опять же на ночлеге теплее... Одним самоставящимся шатром, как всегда, взятым в дорогу вместе со спальными мешками, тут не обойдешься. Кстати, понадобится еще и одежда потеплее той, что уже запасена.

Соваться к местным скорнякам я не решился по тем же причинам, что и к сапожникам, хотя недостатка в мехах тут не предвиделось. В огрский тулуп мы без проблем поместимся все вчетвером. Идти, правда, трудновато будет, и то лишь по ровному месту, а выше селения таковое отсутствует в принципе. Хотя в качестве палатки такая шуба должна быть хороша...

Нет, завернуть за парой-другой шкур все же придется. Дырки для головы прорежем, ремнем в поясе перехватим, и сойдет. Пончо не пончо, жилет не жилет — в зависимости от размеров «шкурки». Да еще придется натянуть зараз всю запасную одежду. Главное, тепло получится.

Конечно, вид у нас при этом будет — прямо-таки «Бегство эльфов из Нагорья». Особенно учитывая расовую принадлежность моих женушек, подопечной и формально мою собственную. Чисто картина отступления при полном разгроме, только трофейного котелка не хватает. Но огрский казан я не потяну — на нем хорошо с горы кататься, да и то лучше не в одиночку. Впрочем, пугать своим видом у истоков Среброречки будет некого. А если кто и найдется, то лучше пусть мы доведем его до дрожи в коленках, чем он нас.

Однако проблема с теплыми вещами тут же решилась сама собой, причем самым неожиданным образом. По пути из кузницы к нашей резиденции, аккурат у помоста ОгрТинга, нас поджидала делегация огрских старух самого недружелюбного, на первый взгляд, облика. Бабки вызывали неодолимое желание зарыться куда-нибудь поглубже и закрыть глаза. Тесайрский штурмовой кадавр в сравнении с ними разом терял половину убедительности.

Правда, ни малейшей вины пожилых дам в этом не было. Возраст и вообще-то никого не красит, а в сочетании с огрской внешностью, и без того довольно устрашающей, да вдобавок суровой горной жизнью годы оказались способны на настоящие чудеса. Увы, весьма недобрые — куда там всем ретрансляторам наследственности Хозяина Нищих и ГранМадам...

— Собир-р-раетесь? — раскатисто поинтересовалась наиболее жуткая карга, согбенная старостью до жалких девяти с половиной футов. — Хор-р-рошо...

— Спасибо на добром слове, — больше всего мне хотелось пройти мимо, не отвечая, но положение обязывало.

— Мы тут тоже бар-р-рахлишко подобр-р-рали, — выкатилась на передний план старушка покруглее и подобродушнее. Ничего себе бабуся, если не считать того, что вся усеяна бородавками размером от горошины до батата, как меканская трясинная жаба в масштабе дюжина к одному. У жабы, правда, из бородавок хоть щетина не торчит.

Однако здоровенный узел с «бар-р-рахлишком» извлекла из-за спины не она, а первая старушенция, от которой по виду я как-то не ожидал ничего, кроме удара сковородой размером с колесо полицейской повозки.

— В гор-р-рах пр-р-родр-рогнете, непор-р-рядок! — произнесла она, улыбаясь. Лучше бы, конечно, она этого не делала. Единственный зуб больше моего кулака размером, источенный временем, словно руины могучей крепости, наводил жуть.

В бережно разворачиваемом узле показался мех — зрелище, полностью поразившее моих спутниц. Женушки и подопечная скопом бросились мимо меня к старухам, по дороге непринужденно сваливая на мои плечи связки скалолазной сбруи. Так что секунду спустя, обвешанный бренчащим железом с головы до пят, я напоминал праздничное Приснодрево.

Меж тем эльфийские дивы под сенью огрских бабусь вдохновенно рылись в мехах, выбирая и меряя шубки. На мое удивление, обновы сидели на них как влитые, разве что рукава оказались коротковаты — еле выходили за локоть. Да и по цвету удивительно подходили: дымчато-темная, волнистая шерсть муфлона — Хирре, янтарный с кофейными ремнями и пятнами мех рысей — Келле, белоснежный, мелко вьющийся пух снежной козы — Алир.

Для меня тоже нашелся полушубок из ровного пепельно-серого меха. Волчью шкуру зря представляют себе клочковатой и неряшливой — здоровый волчара всегда налитой, тугобокий, в такой вот богатой шубе. В общем, польстили моей собачьей натуре...

И не заметил сам, как с плеч слетели связки снаряжения и канатов. Полушубок длиной до верхней трети бедра удобно облегал тело, невзирая даже на укороченные рукава, пах кожей и чем-то еще, очень домашним. Никакой вони плохо выделанной шкуры или нечистого тела. При всей своей страхолюдности огры столь же тщательны, сколь и чистоплотны.

Плечи и локти всех шуб украшали кожаные накладки, рукава и подолы — плетение из кожаных ремешков. Петли для пояса тоже были из толстой кожи, а кисточки на воротниках шиты алой шерстяной нитью. Затейливая работа. Не ожидал здесь такое встретить.

— Благодар-р-рствую, — заурчал я от удовольствия совсем по-огрски. Теперь напряга от старушенций уже не ощущалось. Тем более что сюрпризы этим не ограничились.

— Не побр-р-резгуйте пр-ринять в дор-р-рогу, — снова перехватила инициативу кругленькая бабуся, протягивая кулек поменьше. Как по сигналу, остальные старушенции наперебой принялись совать нам свертки со съестным. Огрский пеммикан, бесчисленных сортов галеты с различными орехами и приправами, фляги наливок в мохнатых чехлах, и главное — изрядные плитки твердого меда в промасленной бумаге.

Темный и прозрачный, чуть жирноватый на ощупь, мед напоминал восковые слитки. Собственно, твердый мед так и получают — без изъяна для остальных свойств меняют твердостью с воском под несложным и не самым долговечным заклятием. Через пару лет, в крайнем случае, если сорт дорогой, спустя дюжину первоначальное положение вернется: мед растечется, а воск застынет. Если первый не будет раньше съеден, а второй не сгорит в какой-нибудь лампаде. Обычно огры пропитывают жидким воском мебель и другую деревянную утварь. Что им лишнюю дюжину лет подождать, пока схватится...

Ну и, конечно, не обошлось без пирогов. Какая бабка отпустит в дорогу без пирога, хоть на первый день! Судя по всему, после этого дня горы нас не выдержат — рухнут под тяжестью. Это огрским внучатам те пирожки и плюшки на один зуб, а я больше двух таких в сутки не осилю. Ну, и эльфочки мои способны умять штуки по три.

Но обижать никого не хотелось. Теперь мы свободно сможем хоть перезимовать в горах. Во что только класть все это богатство?

Оказалось, огрские бабушки позаботились и об этом, вручив нам четыре объемистые котомки на плетенном из лозы каркасе, с поясным ремнем помимо обычных плечевых, да еще и на нем с парой подсумочков, как у рейнджерского рюкзака. Все из прочнейшего, мгновенно сохнущего брезента, а

сверху — лопасть от дождя из шкуры речного котика. Короткая бархатистая шерстка на крепчайшей коже переливалась всеми оттенками шоколадно-коричневого. На острых камнях порогов ничем менее прочным котикам не обойтись...

Под грузом припасов мы дотащились домой как раз к заходу солнца, запалили светильник с жидким воском и для начала уменьшили количество съестного. Заодно и распробовали. На вкус куда лучше, чем на вид, как всегда у огров.

Затем чуть ли не до полуночи укладывали снаряжение и припасы. Железо поделили поровну, хотя я и порывался облегчить ношу женского большинства экспедиции. Зато фляжки они почти все навесили на меня, даже на шею приспособили бочоночек, как снегоройному псу. Себе оставили всего по две каждая — с наливкой и под кофе, в меховойлочном чехле, заклятом на самогрев. А драконья доля твердого меда как-то нечувствительно оказалась в котомке Алир.

По углам переписки вались флафы, торопясь поделить дневной урожай пыли и мусора, огоньки светильников потрескивали, приседая в такт. Спать захотелось неодолимо. Тем более что завтра надо выйти пораньше...

Наверное, только подступающим сном и можно было объяснить увиденное, но вдруг мне почудилось движение на торчащей из стены ветке с красной корой. Как будто серые пуховки на ней зашевелились сами собой, без ветра — какой ветер может быть в закрытом жилище!

Моргнув, я пристально уставился на самый большой комок серого пуха. Ничего... Никакого шевеления.

Целых полдюжины секунд все было спокойно. А потом мохнатый шар на ветке так же пристально уставился на меня парой ярко-зеленых глаз, открыл крохотный ротик и сказал: «Пиу!»

Что удержало меня от повторения утреннего подвига Алир с прыжком через стул, не знаю. Не исключено, что военная привычка замирать, чтобы враг не заметил или не сработало заклятие мины. А спустя несколько долгих секунд пришла отгадка — вот отчего мелкая домовая живность и столь же привычная для огрских землянок растительность носят одно и то же название!

За это время новорожденный... то есть свежевылупившийся... в общем, созревший флаф успел соскочить с ветки одно-

именного куста на пол, встряхнуться и отправиться по своим делам. Куда-то за топчан, где пыли побольше.

Пораженный этим зрелищем, я обернулся к семейству. Жены и подопечная встретили меня столь же ленивыми и сонными взглядами, каким минуту назад был мой собственный.

— Вы видели? — уточнил я. А то от усталости и не такое пропустить можно...

— Не раз уже, — вяловато отозвалась Келла. — Ты что, раньше не знал?

Вот тебе и откровение. Семейство уже в который раз оказывается расторопнее и понятливее мужа и повелителя. А поделиться со мной тем, что им известно, эльфочки столь же регулярно забывают. Хорошо хоть только в таких вот мелочах...

Почему так? В чем причина подобной догадливости пополам со скрытностью?! Сколько я ни думал, в голову ничего не приходило. Лишь уже засыпая, последним проблеском сознания я уловил ответ на этот горький вопрос, столь же нелепый, сколь и окончательный, как всегда бывает во сне:

ЭТО ПОТОМУ, ЧТО ИХ МНОГО, А Я ОДИН!

Четвертый, а то и пятый час подъема по снежнику ничем не отличался от предыдущих. Так же палило с безоблачного неба солнце, заставляя жалеть об избытке теплой одежды, так же сухо хрустел под ногами рассыпчатый фирн, обтекая колени волнами поземки и не давая забыть, от чего защищает этот избыток. Темные очки, вывезенные из хисахских пустынь, не менее надежно оберегали глаза от снежной болезни, превращая безжалостное искрение снежного склона в мягкое золотистое мерцание.

Мы шли друг за другом цепочкой, при каждом шаге вгоняя ледорубы в наст и страхуясь репшнуром. На малом, в треть отвеса уклоне такой предосторожности хватало с избытком, хотя Келла и ворчала, что многопрадед за такое отправил бы ее катиться до самого подножья на собственном заду.

Сменившись после целого часа утомительного протаптывания дороги, теперь я плелся в хвосте, позади даже Опушечной, стараясь точно попадать ногами в ямки следов, оставленных идущими впереди. Длинноногим эльфям и то неудобно было переставлять громоздкие горные ботинки, а их муж и повелитель вообще проваливался чуть ли не выше колен.

Ритм шага затянул так, что я чуть не ткнулся носом в рюкзак подопечной. Та остановилась перевести дух, сладко потягиваясь, повертела головой, озирая склон, да еще обернулась, желая поделиться впечатлениями. Нашла время!

— До чего я детские шубки люблю! — Алир зарылась носом в мех воротника. — Они и пахнут по-домашнему, сладким молоком!

Я на мгновение сбился с шага, словно в лоб снежком вдарило. Вот оно в чем дело! Теперь ясно, откуда у огров одежка по нашему размеру. И почему рукава «три четверти», тоже ясно — у детенышей ведь иные пропорции, чем у взрослых, к какой бы из разумных рас они ни принадлежали. Тонкой выделки полушубки, любовно сшитые и украшенные вовсе не в расчете на незваных гостей — для деток да внуков бабуси старались...

А нам вот не пожалели. Но невзирая даже на это, вспоминать добрых старушек к ночи хотелось бы пореже.

Как-то тепло стало. Хотя куда уж теплее — дело далеко за полдень, солнце от снежника жарит так, что даже сквозь очки глаза слепит. Пора бы и на ночлег становиться, если я правильно помню наставления младшей жены. Снег под нестерпимо палящим солнцем уже порядком размяк, так что скоро придется разбивать лагерь...

Келла, пробивавшая тропу во главе нашей недлинной цепочки, обернулась на оклик не сразу. На вопрос о стоянке она только кивнула, пустив блик от своих очков, и ткнула ледорубом куда-то в горизонт, задранный едва ли не на пол-отвеса:

— Справа, под зубом!

Вопреки моим ожиданиям, до зуба этого мы дошли за каких-то полчасика. Рванули со жгучего солнца в тень — и чуть не выскочили обратно, будто в прорубь окунувшись. Холод, незаметный на свету, разом продрал по разгоряченной коже открытой части лиц, да и по одежде словно ледяные струи прокатились. Привыкнуть к реальной температуре яркого горного денька удалось не сразу.

Хорошо, что не сразу повалились отдыхать, сначала занявшись разбором поклажи и обустройством лагеря. А то с разбегу пропотели бы и выстудились так, что не поможет и хваленое эльфийское здоровье. Ни врожденное у женской половины семейства, ни благоприобретенное у меня самого.

Мы успели распаковать вьюки с шатром и лежаками, но еще не дошли до жаровни и светильников, когда это полезное занятие пришлось прервать. Совсем рядом, как показалось, раздалось громкое и басовитое «Ах-вах?» — с явной вопросительной интонацией. Мы с Хиррой и Келлой, как по команде, выдернули из-за пазухи стрелометы и развернулись от скалы, вертя головами во все стороны, в том числе и вверх. Алир за нашими спинами с испуганным ойканьем села на снег.

На всякий случай я потащил было из подсумка файрбол, готовясь в случае необходимости тут же чиркнуть им о запальную пластину на поясе. Туманный шарик упруго пружинил под нервно сведенными пальцами.

Младшая женушка заметила этот судорожный жест и в ту же секунду цепко схватила меня за запястье:

— Не вздумай! Лавину сорвешь ударной волной — сами не отроемся!!!

Я послушно спрятал файрбол обратно, но, подумав, извлек из-за пазухи и надел на свободную руку Длань Справедливости. Против огненосной перчатки Келла не возражала — термоудар Реликвии не сопровождался в обязательном порядке сотрясением воздуха, да и вообще его можно было дозировать.

Новых тревожных событий не было уже полминуты. Наконец издали донеслось затихающее «Вай-мэ-вай-мэ-вай-мэ...», и все смолкло окончательно.

— Может, птица какая? — попыталась разрядить напряжение моя высокородная.

— Может... — неуверенно согласилась младшая жена. Судя по интонации, она и сама не знала.

— Ага. Горный слонодой какой-нибудь, — не удержался я от комментария, поскольку меня тоже утомило состояние «на щелчке». Эльфийские дивы разом хихикнули.

— Скорее снежная сова, — уже спокойнее уточнила Келла. — Они здоровенные бывают и орать могут еще громче.

— А почему не видно, как она пролетела? — встряла Алир.

— Наверное, по ту сторону зуба была, — разочаровал я ее.

— Жалко. Так посмотреть хотелось... — протянула подопечная.

Но мы уже попрятали оружие и принялись дальше разбивать лагерь. Вздохнув, светлая эльфь присоединилась к

общей работе. Шатер, понятное дело, самоставящийся, развернулся сам, но крепить его, чтобы за ночь не снесло ветром, пришлось вручную. И калибровать заклятие, согревающее воздух внутри — тоже. Причем последнее как раз мне, покуда хищные эльфочки в силу своей огненной природы возились с жаровней и приготовлением не то позднего обеда, не то раннего ужина.

Знаю я, как они его готовят. Три куска в голодные после долгого подъема рты, один в общий котел. На драконью долю из которого сами же после и будут претендовать, нимало не смущаясь. Поневоле пожалеешь, что в отличие от женщин человеческой крови, сдерживающих себя в еде из страха располнеть, эльфи о подобном самоограничении даже думать не способны. Сколько съедят, столько за день и набегают, как сумасшедшие белки, без намека на прибавку в весе.

Когда я выбрался на вечерний холодок из налаженной и даже начавшей прогреваться палатки, снаружи стремительно темнело, и угли в жаровне источали оранжево-алое сияние. В котелке, как ни странно, оказалось в достатке и бекона, и крупы, не говоря уже о травах и пряностях. Похоже, жены с подопечной все-таки оставили чем поживиться мужу и повелителю...

Конечно, это не классическое калды-балды-шурпы, ну так и мы не огры. В любом случае варево получилось вкусное и сытное, так что разморило нас после ужина мгновенно, с непривычки-то к подъему, обустройству да и просто горному воздуху. Едва наскребли сил вычистить и убрать жаровню с посудой перед тем, как заползти в шатер.

Наконец, блаженно вытянувшись, все улеглись — мы с Хиррой, как старшие, по краям, Келла с Алир в серединке. Обе пару минут барахтались в шутливой борьбе за место у меня под боком. Младшая жена, как более миниатюрная и верткая, в конце концов победила, перевернулась на спину и закинула руки за голову, упершись ладонями в стенку палатки. Я бы на такое не решился — заклятие согревает воздух в шатре, но не его собственную ткань.

Поодаль раздалось уже становящееся привычным «Ахвах!».

— Все-таки кто это? — поинтересовалась угревшаяся между женами подопечная.

— Ну сова же какая-нибудь. Снежная... — уже полусонно отговорился было я.

— Не-а! — решительно перебила меня Келла. — Это Белый Скалолаз. Мы с дедушкой его видали разок. Он всех, кто первый раз в горах, на слабину пробует.

— Как это? — заинтересованно завозилась Хирра на своем краю.

— А так! — авторитетно заявила моя древнейшая. — В горах что главное?

Мы все замялись, подыскивая правильные решения. Хирра неуверенно предположила, что теплая одежда и ночлег, я — что надежность снаряжения. Алир заикнулась про запасы еды, при этом поправляя под головой котомку с твердым медом.

— Эх вы! — снисходительно оборвала наши домыслы Келла тоном бывалого скалолаза. — Главное — готовность поделиться всем этим с товарищем!

Мы пристыженно умолкли, сознавая свой эгоизм и ничтожество.

— Вот на жадность Белый Скалолаз новичков и проверяет, — продолжила младшая женушка, довольная достигнутым эффектом. — Кого жаба задушит, тех поутру уже не откачать...

— Какая еще жаба? — опасливо поинтересовалась подопечная. Противное земноводное волновало ее не в пример больше неизвестной горной сущности мистического свойства. К тому же белой, а значит, сколько-нибудь да пушистой, в отличие от скользкой зеленой жабы. Может, даже больной...

— Фигуральная. Ну, алхимическая там, абсолютная. Или геральдическая, какую на гербах рисуют, — отмахнулась рассказчица. — Неважно, в общем...

— А что важно? — не сдавалась светлая эльфь.

— Молчи и слушай, вот что!!! — рассердилась в очередной раз прерванная Келла и, лишь переведя дух, продолжила: — Пошли однажды в горы гном, эльф и человек...

Зачин у истории оказался не то чтобы из новых. И довольно прозрачно намекающий на окончание истории, в которой молодцом обычно оказывается представитель расы сказителя — человек, огр, халфлинг... Разве что в эльфийском варианте пока не доводилось слышать подобных побасенок.

И конечно же, никто и никогда не рассказывал историю так, чтобы победителем оказался гном. Оно и ясно — уж кого-

кого, а гномов, развлекающих уличным фольклором представителей остальных рас, у нас в Анариссе представить попросту невозможно. Исконные враги всего эльфийского знают свое место под горой и не стремятся покидать пределы нецензурщины.

Что ж, посмотрим, как проявит себя это правило в истории моей младшей жены. Пока все шло своим чередом — эльф дурил, не сомневаясь в своем праве, человек изворачивался почем зря, гном пакостил изо всех сил.

Как при таком раскладе они выжили в горах хотя бы день, понять было невозможно. На то и анекдот, конечно, но в реальности десятой доли тех безумств, что творили эти трое, с гарантией хватило бы угробить взвод патентованных везунчиков, на самой Судьбе женатых. При этом ни один из героев не тянул на предполагаемого зачином «молодца», по умолчанию пользуясь чрезмерной симпатией сочинителя — доставалось всем поровну, что уже было странно...

Гном, понятное дело, отбросил снегоступы первым, зажилив жратву. Патологическая скупость считалась главным признаком этой расы — не знаю, как на деле, но в подобных побасенках всегда. Следующим, к моему недоумению, оказался эльф, потративший всю магию на себя любимого. Что само по себе не было удивительно, но оставляло на роль победителя человека — это в эльфийском-то рассказе!

Теперь мне стало по-настоящему интересно. Хирра тоже слушала внимательно, не пропуская ни слова. Даже приподнялась на локте, с любопытством заглянув в лицо рассказчицы.

Примолкшая было Алир снова втянулась в диалог, но теперь ее вопросики не выбивались из канвы повествования, наоборот, помогали — ответы на них расцвечивали историю все новыми подробностями. Тем более что на сцене как раз грозил появиться главный персонаж — Белый Скалолаз, невесть когда оставленный своими товарищами замерзать на самой высокой горе и с тех пор жаждущий согреться. Хоть изнутри, хоть снаружи...

Вот он беззвучно скользит, нарезая круги вокруг лагеря, вот с резким скрежетом проводит ледяным когтем по стенке палатки... Вот отворачивает входной полог...

— А какой он? — немедленно повелась на подначку подопечная.

— Весь белый, как Последняя Завеса, — абсолютно серьезно пояснила Келла. — На снегу его вообще не видно, а на палатке — только силуэт, как выворотная тень. Если такая тень тебя накроет — считай, все!

От услышанного светлоэльфийская дива сжалась в комочек, безуспешно пытаясь стать много меньше своих без малого семи футов. Хирра, не удержавшись, коротко оглянулась на стенку шатра позади, разметав черную гриву по меху воротника. Я и то зябко поежился, борясь с таким же искушением.

Человек, не будь дурнем, после двух наглядных примеров особо не жадничал и без колебаний отдал все теплые вещички. В конце концов, при нем оставался костер, палатка, да и барахло неудачливых сотоварищей — с мертвого-то духу взять нечего...

Все, да не все. Припрятал краткоживущий кое-что не по жадности, а из нежных чувств — вещицу, связанную собственноручно невестой...

Поэтому, когда неугомонный призрак вернулся, я не испытал особого удивления. Настоящий шок поджидал всех нас дальше, вместе с кульминационным завыванием младшей жены, пытающейся изобразить вой рассерженного духа:

— Отдай мне твой теплый шарфик!!!

Одновременно ледяные пальчики Келлы легли на наши с подопечной глотки. От неожиданности я только молча дернулся так, что шатер затрясся. Зато Алир завизжала громче сирены воздушной тревоги. Даже модуляции были те же, что у сигнала «флайботы противника над позициями».

За дальней от меня стенкой палатки что-то тяжело подпрыгнуло и гулко опустилось в снег с испуганным «Ах-вах!!!». Могучие лапы бешено заскребли наст, разворачивая неуклюжую тушу, и неизвестный ночной посетитель поспешно унесся вверх по почти что отвесному склону. Жалобное ваймэканье постепенно затихло где-то в выси.

Отброшенный беглецом снег сугробом привалил сторону шатра рядом с Хиррой. Освободить ее изнутри было затруднительно, да и любопытство не позволяло остаться в палатке. Втроем мы высыпали наружу и кинулись сгребать комья снега с провисшей ткани. Через полминуты к нам присоединилась и моя высокородная.

Никого вокруг не было видно с самого начала, но ярдах в четырех в ту же сторону обнаружилась исполинских размеров яма, а в ней — не меньшего масштаба куча помета с соответствующим запахом. От ямы вверх по склону вели следы: два маленьких вместе, два больших по сторонам, и снова так же.

— Ну и кто это был? — озвучила повисший в воздухе вопрос старшая женушка. — Белый Скалолаз?

— Н-нет... — ответила Келла, слегка запинаясь. — С-снежный г-горилл... Дедушка рассказывал, что они очень любопытны и ходят к палаткам страшилки подслушивать...

— Ага, как же! — обиженно перебила ее Алир. — Опять ты все выдумываешь!

Тут уже мы с Хиррой не выдержали и заржали. Младшая женушка неуверенно присоединилась к нам спустя десяток секунд, слегка отойдя от шока. Подопечная дулась дольше, но через полминуты и она включилась в общее веселье.

Предел наступившему благодушию положил я, кивнув на кучу и спросив:

— Шатер переносить будем или это убирать?

Энтузиазма на лицах явственно поубавилось.

— Место слишком удачное, да и провозимся опять пару часов, — подвела итог Келла после короткой перепалки. — До выхода отоспаться не успеем...

С моими выводами это совпадало, так что оставалось только кивнуть, соглашаясь.

— А кто убирать будет? — на редкость вовремя встряла Алир.

Вопрос повис в воздухе. При этом уставились все вместе почему-то на меня. Может, ждали решения, хотя, скорее всего, дело было в другом. Хорошо, моя высокородная догадалась прийти на помощь, указав подопечной:

— Ты и будешь! Как основная причина происшествия.

— Одна? — надула губки светлая эльфь.

— Нет, — тут уж у меня нашлось что добавить. — Вместе с главной виновницей!

И указал на совсем оживившуюся было Келлу. Та опять слегка сникла, но не возмутилась. Видно, у многопрадеда тоже было в порядке вещей приспосабливать ее к разгребанию последствий собственных шуточек. Спросила только:

— Чем убирать-то? Лопат мы с собой не брали...

— Отломи наледь с солнечной стороны зуба, на ней и утащите. Только смотри, на подветренную сторону и не ближе сотни ярдов.

— А вы? — совсем уж с плачущей интонацией предприняла последнюю попытку разжалобить всех Алир.

— А мы по вашей милости и внутри найдем чем заняться! — прекратила дискуссию Хирра.

Вероятно, когда она, гордо развернувшись, уводила меня под руку внутрь, то имела в виду приведение в порядок снаряжения в изрядно перетрясенном шатре. Но я понял ее совершенно неправильно и, как оказалось, не зря. Заняться нам действительно нашлось чем, к превеликому удовольствию обоих. Неделя воздержания в тесной «резиденции», постоянно на глазах подопечной, дала себя знать. А младшая женушка сама виновата, что при сем не присутствует.

В общем, когда наши горе-ассенизаторши в облаке морозного пара ввалились в палатку, порядка там прибавилось не сильно, а мы с моей высокородной спали без задних ног. Недолго думая, усталые девицы распихали нас боками в стороны и почти мгновенно заснули сами. Только Келла попыталась растормошить меня напоследок, явно в целях урвать долю того, что досталось старшей жене. Но ничего не вышло.

Или это была Алир? Сквозь сон не поймешь...

Наутро, перед неблизким рассветом, виновницы вечернего переполоха вели себя как ни в чем не бывало и делили работу по сворачиванию ночевки, не притормаживая друг перед другом, как обычно. Даже перебрасывались шуточками, чего я раньше никак не мог заметить за ними. Остатки напряжения между подопечной и младшей женой окончательно испарились.

Келла явно полностью смирилась со светлоэльфийским присутствием в семье. Не иначе, совместная работа по разгребанию завалов пошла на пользу. Тем лучше. Один из величайших духов, явивших себя смертным в прошлом, помнится, сказал: «Совместный труд для моей пользы облагораживает». Похоже, он был прав.

Кроме того, стала понятна причина непрерывного хулиганства моей древнейшей в последнее время. Оставлять роль

самой младшей в семье, связанную с немалыми поблажками и снисходительностью, ей отчаянно не хотелось, вот и дурила напоследок! Конечно, с почти младенческой инфантильностью Опушечной подростковый задор младшей жены в сравнение не идет. Волей-неволей приходится взрослеть...

Еще три с лишним часа спустя подъем по снежнику, успевший стать привычным за вчерашний день, закончился. Перед нами встала самая серьезная преграда. И самый серьезный выбор за время пути.

Налево вознеслась трещиноватым каменным щитом почти отвесная стенка, заканчивающаяся карнизом с крохотным на вид участком обратного уклона. Направо — пологое и слегка извилистое русло пересохшей, точнее, замороженной в своих истоках Среброречки. Над ним нехорошим ледяным взглядом сиял пустой глаз пещеры, в которой, судя по всему, и обитал демон.

Выносить это незримое внимание даже здесь, вдалеке от темного ока, притворно прикрытого ресницами ледяных сталактитов, было почти невозможно. Во всяком случае, мне — совсем непереносимо. Поэтому решение в не успевшем начаться споре вынес я, опередив всех заявлением:

— Пойдем стенкой. Во-первых, для демона незаметно, во-вторых, быстрее, чем по руслу.

При слове «быстрее» Келла скептически покачала головой, но ничего не сказала. Конечно, тренировка у нас всех и близко не сопоставима с ее навыками. Но три дня по руслу Среброречки на глазах у ледяной нежити в сравнении пусть даже с целыми сутками ползком по вертикальной стенке где-то в сторонке не кажутся выигрышем и с такой поправкой.

Хирре с Алир по большому счету было все равно. Похоже, они считали равно непроходимыми и обледенелое русло, и выглаженную ветром каменную стену. На наши приготовления к подъему обе взирали с тоской приговоренных к каторге по ложному обвинению. Взбодрить бы неопытных скалолазок, да неясно, каким способом...

Как всегда в сложных ситуациях, касающихся общения, а не оперативных действий или принятия сиюминутных решений, выход нашла младшая жена:

— Значит, не хотите по стенке?

В ответ темная и светлая эльфи кивнули на редкость синхронно, будто тренировались не один день.

— Понимаю, — неожиданно согласилась с ними моя древнейшая. — По реке идти легче. Зато и в гости к здешнему хозяину попасть проще.

— К демону, что ли? — обиженным тоном начала было подопечная, но закончила за нее эту фразу не менее возмущенная старшая жена: — Так к нему мы и идем!

— Не, я про горилла вчерашнего, — спокойно, с ленцой пояснила Келла. — У него на реке логовище в скалах. Неподалеку от демоновой пещеры, как у крапивника гнездо под орлиным.

— И что же он ест там, в скалах? — недоверчиво попыталась возразить Алир.

— Там он не жрет, — зловеще ухмыльнулась эльфь древнейшей крови. — Только гадит, чтобы территорию пометить. А кормиться ходит вниз, к лугам. Или рогачиную падаль из-под лавин выкапывает и к себе тащит...

Нарисованный ею образ обиталища снежного горилла, загаженного и заваленного полусгнившими костями, покоробил даже меня. А уж старшая жена с подопечной от услышанного готовы были без веревок и костылей на стенку лезть, лишь бы не сводить поближе знакомство с обезьянскими обычаями.

Осталось лишь направить в нужное русло внезапный энтузиазм по-женски брезгливых эльфей. У них едва хватило терпения выслушать инструктаж и переналадить снаряжение под вертикальный подъем, сменив репшнур на толстую, ухватистую основную веревку и подогнав кольца.

Первые футов сто семейство, казалось, преодолело за считанные минуты. Дальше дело пошло медленнее, точнее, более размеренно. Но главное получилось — стенку мы уверенно одолевали. Может, даже сумеем управиться до заката...

Поднять всех троих по очереди на следующий уступ, похоже, было трудновато только мне. Чем замечательны эльфийские дивы, так это тем, что физической силы Судьба отпустила им куда больше разумения. Не как ограм — вдесятеро, а так, всего разика в два.

Но если к тяготам и усталости меня надежно приучил Мекан, то к постоянному нервному напряжению привыкнуть я не мог и не смогу уже нигде и никогда.

Что оказалось по-настоящему тяжко вынести, так это полную беззащитность, открытость любому взгляду на ровной,

без единой расселины скальной стенке. Случись демону выйти прогуляться, мы ему, как засахаренные яблочки на нитках с Приснодрева, сами в руки упадем!

Каждый удар молотка, забивающего очередной костыль, заставлял нервно вздрагивать и озираться. В прозрачном и редком горном воздухе звук разносился легко — казалось, эхо возвращается от каждого пика на горизонте. Может, и правда лучше было втрое дольше тащиться по высохшему руслу? Там при случае хоть можно побегать, уворачиваясь, или спрятаться...

На счастье, час за часом, ярд за ярдом каменного отвеса проходили без намека на постороннее присутствие. Либо ледяная нежить туговата на ухо, либо гребень над стенкой надежно перекрывал путь нашему шуму. А может, демону и вовсе не было никакого дела до того, что творится вокруг его логова. Четыре сотни лет ничего не происходит, так чего нового ждать от гор, огров и запуганного до полусмерти снежного горилла?

Так или иначе, любой из этих вариантов был нам на руку. Без лишней спешки мы подобрались к карнизу, завершающему подъем, задолго до того, как солнце зацепилось за вершины напротив. Во всяком случае, жгло оно еще изрядно, даже камень стенки раскалился, несмотря на ровный пронизывающий высотный ветер.

Чтобы перевалить через карниз, понадобилось особенно тщательно исполнять распоряжения Келлы. Младшая жена сделалась на удивление немногословна и сосредоточена, без малейшей склонности к обычным шуткам. Последняя дюжина футов обратного уклона, похоже, потребовала от нее напряжения всех сил и использования всех навыков.

Страховала всех внизу Хирра по причине сочетания наибольшей физической силы и тренированности. Подопечная хоть и крупнее моей высокородной, но с ее поворотливостью за ответственные дела в горах лучше не браться.

Так что следующим после моей древнейшей иззубренный край карниза перевалил я сам, как самый легкий и не самый неуклюжий в семействе. Привстал на четвереньки, отдышался малость и, встав на колено, спросил у Келлы, вытянувшей меня наверх:

— Ну как, тащим Алир?

— Погоди, — отмахнулась та свободной рукой. — Дай передохну немного...

— Мне тоже не помешает, — согласно кивнул я и, уже слегка придя в себя, добавил с усмешкой: — Что, отвыкла? Давненько таких неумех по скалам водить не приходилось?

— Да вообще никогда! — теперь ухмыльнулась уже младшая жена и пояснила: — Меня по горам водили — это да. Как поклажу таскали. А сама в первый раз!

Видимо, физиономия у меня изрядно вытянулась, потому что эльфь древнейшей крови рассмеялась и, поднимаясь на ноги, хлопнула меня по плечу, успокаивая:

— Ну не совсем как поклажу... Примерно так, как мы сейчас Опушечную потащим.

Если так, то еще ничего. Подопечная перебиралась через карниз, в силу возможностей помогая себе и нам руками и ногами, что на поведение тюка или рюкзака никак не походило и даже не особо мешало процессу. С ее грацией все могло быть намного хуже.

Хирра, предоставленная самой себе, выбралась наверх, не дожидаясь, пока мы с Келлой отдышимся после вытягивания Алир. Едва успели подскочить, чтобы помочь ей перевалить через карниз. Причем главной удачей было то, что подопечная, не отойдя толком от финальной стадии подъема, не успела принять участия в этом занятии.

От расслабленного валяния на камнях, показавшихся такими мягкими после изматывающего восхождения, нас отвлекла только наползшая тень от далекого пика, за который скользнуло солнце по ту сторону долины. Через пяток минут тень эта убралась, но намек на то, что ночь не за горами, не понять было невозможно. Медленно-медленно, нехотя мое семейство поднялось, готовое к поиску и обустройству места для ночлега.

У меня уже давно появились кое-какие соображения относительно него. Однако уточнить лишний раз никогда не помешает, поэтому я обратился к эльфочкам, еще не надевшим рюкзаки:

— У кого карта ближе? Надо бы свериться насчет пещеры...

— Демонской? — округлила глаза подопечная. Жены тоже взглянули на меня с некоторым непониманием. Лезть в логово врага на ночь глядя, устав до предела, они полагали не лучшей идеей.

— Да нет, огрской ритуальной. Где они калды-балды-шур-

пы сакральное готовили в старые времена, — развеял я их непонимание. — Малость пониже и в стороне от русла...

— Тогда ничего, — подвела итог общего облегчения Хирра. — Держи.

Поданная карта подтвердила мои прикидки — до малой пещеры отсюда оставалось ярдов триста, причем не на виду основного створа Среброречки. До места ночевки можно было добраться без всякого риска, что демон нас заметит, и пренебрегать этим, тратя время впустую, не следовало.

Под светлым вечерним небом мы гуськом спустились на берег высохшего русла, делавшего первый изгиб как раз у вожделенной пещеры. К ней, наоборот, пришлось немного подняться, но после почти вертикальной стенки покатая щебеночная отмель уже не казалась серьезным препятствием.

Тем не менее даже небольшое усилие подкосило нас окончательно, и, добравшись до цели похода, мы опять повалились без сил у каких-то солидных брусовых станин, на которых покоилась странного вида округлая лодка. В полутьме расписные борта щерились зубьями острых треугольников и глазели неровными кругами.

Задуматься о том, зачем волочь в гору столь нелепую посудину, никто из нас уже не был в состоянии. Сил хватило только на то, чтобы проверить пещеру мячом-тестером, затащить внутрь рюкзаки, расстелить лежанки и запалить жаровню. Вход закрыли шатром, полураскрытым в виде плоского щита, а для вентиляции вполне хватило расселины в потолке. Прилагать усилия против вторжения демона сквозь нее было довольно глупо, но на всякий случай там тоже удалось приспособить запасное одеяло, способное послужить заслонкой. В случае опасности сделать пещеру замкнутой и, следовательно, не существующей для нежити удалось бы за несколько секунд.

После этого сил не хватило даже на сносный ужин. Подопечная так и заснула с последней припрятанной плиткой твердого меда в руке, ненамного обогнав нас всех...

За ночь, показавшуюся бесконечно длинной, не стряслось ни каких-либо незапланированных визитов, ни скалолазских баек младшей жены, ни прочих случаев погрома и мародерства. Только проснуться было трудновато, даром что жаров-

ня заклята так, чтобы не давать угарного газа. Словно давило что-то вблизи от демонского логова, замораживая кровь и мысли. Хоть в спячку впадай, как альтийский шале-бэр.

С этим срочно надо было что-то делать. Свернув закрывающий вход шатер, я впустил в пещеру свежий морозный воздух, выполз наружу чуть ли не на четвереньках, набрал полную пригоршню свежего снега, припорошившего за ночь камни склона, и растер им физиономию. Полегчало.

Прихватив целую горсть чудодейственного средства, колкого и хрустящего, я занялся лечением обеих женушек. Взвизги и неуклюжие со сна попытки отмахиваться не помогли, пришлось просыпаться. Разбуженная нашей возней подопечная в ужасе наблюдала за экзекуцией — особенно когда та закончилась, и кровожадные взгляды Хирры с Келлой обратились на нее саму. Поняв, что ей также не миновать общего способа побудки, Алир по доброй воле выбралась наружу, опустилась на четвереньки и, глубоко вздохнув, зарылась физиономией в пушистый снег. Выпрямилась, стоя на коленях, и посмотрела на нас таким укоряющим взглядом, роняя снежинки с хлопающих ресниц, что не рассмеяться было невозможно.

На этом процедура побудки, совмещенная с умыванием, сама собой закончилась, и настало время завтрака. Охоты к нему было не больше, чем к ужину, несмотря на то что горный холод и постоянный расход сил требовали их восполнения. Так что все буквально запихнули в себя кое-как обжаренный бекон с хлебом под обжигающий, но толком не сварившийся кофе. Здесь, намного выше линии снегов, вода закипала быстрее, а нагревалась меньше, чем на равнине.

После завтрака пришла пора для чрезвычайно важного и неотложного занятия — требовалось перебрать снаряжение и решить, что взять в решительный поход на демона, а что, не раздумывая, бросить здесь, в пещере, с перспективой не вернуться за ним просто потому, что придется удирать другим путем. К оставлению были приговорены все спальные принадлежности, самоставящийся шатер и большая часть запасов пищи, кроме суточного сухого пайка. Зато все скалолазное снаряжение, костыли и веревки поровну распределились между нами. Жаровня и запас угля к ней тоже должны были остаться здесь — не демона же нам на обед готовить!

Но почему-то в последний момент я все же рассовал по свободным подсумкам несколько мешочков с антрацитом. У меня было смутное предчувствие, что какое-никакое топливо может пригодиться, даже когда под рукой Реликвия, повелевающая огнем.

Сложив рюкзаки у дальней стенки пещеры, мы встали в проеме входа, глядя на вершины гор, расцвеченные утренним солнцем. Присесть перед выходом не получалось — выстуженные за ночь камни не располагали к этому, так что отправляться к логову нежити пришлось с ходу.

Оставшиеся до бывшего истока Среброречки три сотни ярдов по высохшему каменистому руслу дались едва ли не труднее, чем вчерашний подъем по почти отвесной стенке. Не по затрате сил, а душевно. С каждого шага тянуло развернуться и что есть сил припустить обратно. Женская половина семейства, готов поспорить, была настроена столь же нерешительно...

Украдкой я оглянулся на жен и подопечную. Против ожидания, у них не оказалось времени на столь серьезную борьбу с собой. Точнее, стороны в этом конфликте изначально распределились между Опушечной с одной стороны и моими древнейшей и высокородной — с другой. Светлую эльфь, спотыкающуюся и не отрывающую взгляда от носков горных ботинок, подруги вели под руки, нашептывая ей на оба уха какие-то успокоительные слова. Из сказанного до меня донеслось весьма вдохновляющее «подумаешь, демон — Джек и не таких уделывал!» со стороны младшей жены и «подвигов от тебя никто не требует, держись в сторонке и не попадай под удар» от старшей. То, что для младшей ау Риер подвигом был каждый шаг навстречу главному страху детства, в расчет как-то не бралось.

Да и демонов в списке поверженных мною противников до сих пор не было замечено. Все больше смертные, долго или коротко живущие...

За этими размышлениями цель нашего похода выросла перед нами совершенно внезапно. Только успели вывернуть из-за скалы, прикрывающей последний изгиб русла — и вот, уже пришли, можно сказать.

Если снизу, от основания стенки, пещера демона смотрелась злобно прищуренным оком, то вблизи выглядела совсем как ощеренная пасть. Ледяные сталактиты и сталагмиты зас-

тыли в хищном оскале, словно зубы-иглы глубинных рыб. Как только сам демон умудряется пролезть сквозь этот частокол... Рыбкой пролетает, не иначе.

Но нам такой способ не подходит. Как по неспособности к полету, так и по неизведанности того, что скрывается за естественным укреплением на входе в логово нежити. Может быть, там почем зря натыкано таких вот ледяных столбов, чтобы незваные гости напарывались на них при попытке залететь или запрыгнуть.

Значит, надо проделывать проход. Причем явно не тесаком — мало того что звон от ударов поднимет демона как пить дать, так еще и упаришься, перерубая даже один-единственный сталагмит. Придется задействовать Длань Справедливости, настроив ее на минимальную мощность.

Металлическая перчатка в поясном подсумке порядком выстыла и жгла пальцы резким холодом. Даже подумать о том, чтобы натянуть на руку леденящие звенья, было страшно.

Видя мои колебания, Хирра с готовностью протянула свою перчатку из тонкой замши. В ответ я только покачал головой — между рукой и магическим артефактом не должно быть ничего постороннего. Иначе зачем бы мне снимать собственную перчатку, потолще и потеплее, чем у старшей жены?

Содрогаясь, я надел артефакт и, сжав зубы, подождал, пока звенья обожмутся по руке. Против ожидания, довольно скоро ощущения стали довольно сносными. То ли металл нагрелся быстро, то ли пальцы онемели.

Сейчас проверим...

Вытянуть вперед сведенные вместе указательный и средний пальцы, поджав все остальные, удалось без труда. Теперь пламя пойдет поуже, чем с открытой ладони, а остальное делается уже словами.

— Фульгоре минор... — произнес я, задрав пальцы к небу на пол-отвеса, как мальчишка, изображающий рукой игрушечный стреломет. С пальцев сорвался сияющий фонтан. Даже с ограничивающим дополнением к заклятию огненная струя получилась в мой рост, так что пришлось осторожно, шаг за шагом уменьшать ее размер:

— Миноре, миноре... Минорум...

С каждым шагом пылающий фонтан уменьшался на фут, а с последним — на целых два. Однако сила пламени, становя-

щегося все более ярким, нисколько не убыла. Реликвия на моей руке превратилась в странное подобие паяльной лампы — огонь перебегал по стальной перчатке, оплетая ее все более густой сетью коротких языков, и срывался с вытянутых вперед пальцев гудящим белым лезвием длиной фута в полтора.

Свет от него шел такой, что пришлось вновь опустить на глаза солнцезащитные очки. Причем не только мне, но и стоящим поодаль женам и подопечной — нестерпимо сверкающие блики побежали по льду во все стороны.

Отрегулировав Реликвию, я развернулся к преграде и принялся за работу. Когда бешеное пламя коснулось льда, вверх с шипением рванулось облако пара, а вниз заструился ручеек пропитанной копотью воды. Разрез ширился на глазах, и вскоре пронзающее ледяной столб пламя засияло сквозь полупрозрачную толщу текучими световыми волнами. При каждом движении мерцающая сеть отблесков непредсказуемо скользила по граням и изгибам ледяного частокола.

Одного я не рассчитал, залюбовавшись этим великолепием и втянувшись в работу. Проплавленный на две трети сталагмит со звонким хрустом надломился по разрезу, заставив режущий его язык пламени расплескаться по поверхности, выгрызая неровную яму. Облако пара, ударившее чуть ли не в лицо, заставило меня отшатнуться и пропустить тот момент, когда начал заваливаться весь подрубленный ледяной столб.

К счастью, валился он не на меня, а внутрь пещеры. Или к несчастью, как посмотреть. Шесть футов льда с глухим грохотом рухнули в темноту и разлетелись там на тысячи звенящих осколков. Эхо, многократно повторяя этот потоп звуков, выплеснулось из зева пещеры, а его отголоски, отражаясь от стен, унеслись куда-то вглубь.

Да... Лучшего способа объявить демону о своем присутствии и не придумаешь. На долгих полминуты все мы застыли, ожидая немедленного явления могущественной нежити. Последние отзвуки падения ледяной колонны умолкли, однако хозяин потревоженного логова так и не явился. Обошлось...

Хотя, если рассудить здраво, при местных обвалах и лавинах нежити делать больше нечего, кроме как трепыхаться на каждый стук. Так что зря я опасался — шумом, если он не будет постоянным, мы демона не проймем. Подумаешь, грохнуло... Мало ли от чего рушатся в горах ледяные глыбы — сол-

нышко к полудню пригрело так, что основание подтаяло, или наоборот, от мороза лопнула льдина.

Скорее уж, обратить на себя внимание краткоживущего, лишенного смерти, но взамен наделенного чутьем на магию, могла приведенная в действие Реликвия. Однако, судя по отсутствию реакции, этого тоже не произошло. Наверное, неподвластная демону стихия еще и не слишком заметна для него.

Погасив пламя стандартным словом прерывания, снимать Длань Справедливости я не стал. Во-первых, надо оставаться наготове, а во-вторых, трудновато будет снова заставить себя надеть выстуженную Реликвию. Только на руке металлическая перчатка остается неподвластна ни холоду горных высот, ни собственному пламени.

Ручейки талой воды от основания срезанного сталагмита на глазах схватывались льдом. Через дюжину секунд вокруг было уже совершенно сухо... и отчаянно скользко. Так что в проход, образовавшийся в ледяном частоколе, я шагнул, обеими руками опираясь на соседние ледяные столбы. Постоял полминуты, чтобы глаза привыкли к полутьме, и сделал еще шаг, освобождая путь моим эльфочкам.

Разумеется, первой примеру мужа и повелителя последовала Келла. Врожденное любопытство моей древнейшей не переборешь ничем, ни демонам, ни богам такое не под силу. За ней последовала Алир, заботливо подталкиваемая Хиррой. Без этого, судя по всему, светлоэльфийская дива незаметно так, потихоньку осталась бы снаружи.

На удивление, в пещере оказалось не так уж и темно, так что не понадобилось пускать в ход ни бережно хранимого за пазухой жука-фонарника, ни мяч-тестер. Голубоватый свет лился отовсюду, отражаемый бесчисленными гранями ледяных кристаллов. Видно, в потолке пещеры немало щелей, а то и вовсе изначально она могла быть расселиной, заросшей льдом.

Логово нежити оказалось столь же извилистым, как русло вытекавшей из него реки. То сужаясь до щели, сквозь которую приходилось протискиваться поодиночке, то раздаваясь в огромный зал с гладким, как каток, полом, ледяной грот вел все глубже и глубже. Следов присутствия владельца в нем пока не наблюдалось.

Очередной ледяной покой, размером с половину ратуши в длину и ширину, но в высоту немногим менее полудюжины

ярдов, оказался весь уставлен причудливыми ледяными колоннами. Так, по крайней мере, показалось на первый взгляд.

На второй выяснилось, что не все застывшие фигуры состояли изо льда. По крайней мере, изначально.

Затянутые инеем до искристой белизны, в зале замерли люди, эльфы, халфлинги, но больше всего — огры. Немало жизней положил горный народ за свою Сребороречку и пещеру Сакральной Трапезы, прежде чем отступиться на долгие годы... А затем передоверить свою борьбу чужаку, претендующему на Реликвию, которая оберегала огров доселе.

И если судить по замороженным фигурам представителей иных рас, наша команда в этом отнюдь не первая. Из века в век Храм стремился вернуть Длань Справедливости и наказать похитителя, и поток желающих исполнить волю наместников богов Дня не иссякал.

Вот только, если судить по результатам, никому из них не удавалось заполучить Реликвию, управляющую Огнем, еще до визита к боевому миньону богов Ночи. Иначе здесь бы она и осталась вместе с самым первым неудачливым демоноборцем. Это давало некоторую надежду на то, что нам удастся не разделить судьбу предшественников.

Зачарованно глядя по сторонам, мы миновали середину зала трофеев ледяной нежити, выставленных для устрашения всякого, кто попытается бросить вызов ее власти. Хотя, может быть, демону просто было лень убирать трупы...

Неожиданно от оставшегося позади входа донесся негромкий звук. Морозный хруст и мелодичный звон осыпающихся ледышек — будто кто-то провел по арфе рукой в промороженной насквозь рукавице.

Нечего и говорить, что мы мгновенно развернулись в ту сторону. Напрасно, наверное, потому что впереди раздался такой же звук. Слева, справа, все ближе и ближе...

Звон и хруст окружил нас плотным кольцом, заставив суматошно вертеть головами. Скачущие по гладко замерзшему полу ледышки россыпью прыгали у самых наших ног. А затем стало ясно то, во что изо всех сил не хотелось верить, даже глядя на это в упор.

Роняя струйки сыпучего инея, мертвые демоноборцы сдвинулись со своих мест. Сухо похрустывая и шурша иссушенной и промороженной заживо плотью, те, кто был когда-то против-

никами ледяной нежити, ныне встали на ее защиту. Замедленными, резкими движениями они стягивались со всех концов зала к тем, кто осмелился нарушить покой ледяного чертога.

Первой из нас, к моему стыду, опомнилась Хирра. То ли боевой опыт на сотню лет больше моего собственного, то ли материнский инстинкт, пробудившийся от присутствия Опушечной, заставил ее молниеносно вытащить тяжелый шестиствольник и в пару секунд изрешетить болтами ближайшего противника.

На здоровенного огра это не произвело никакого впечатления. Кованые стальные стрелы, торчащие из обеих глазниц, горла и груди, совершенно его не стесняли. Только болт, пробивший локоть руки с джунглерубом, мешал ей сгибаться. Ответный удар из-за этого прошел мимо, а дальше началось...

Глухо рыча, отмороженные мертвяки кинулись в атаку всем скопом, мешая друг другу. Алир с тихим писком уселась на пол, а мы с женами принялись почем зря отмахиваться ледорубами и клинками.

Впрочем, спустя пару секунд я перебросил свой саперный тесак Келле, сообразив, что в моем распоряжении имеется более эффективное оружие — Длань Справедливости. Огненный клинок, сорвавшийся с пальцев правой руки, разрывал демоновых зомби в горящие ошметки. Увы, остальных это не останавливало...

Держать мертвяков на большем расстоянии, чем длина клинка, женам не удавалось, даже используя симвотипические способности к вызову Огня, а я в одиночку никак не мог держать круговую оборону. Надо было срочно что-то придумать... А если вот так?

Сунув ледоруб за пояс, свободной рукой я вытащил из подсумка горсть каменного угля, прихваченного не пойми зачем. Умерив пламя Реликвии, я кинул на ладонь кусок покрупнее и, на мгновение сжав кулак, швырнул разгоревшийся уголь в самого напористого из противников — темного эльфа с двумя прямыми мечами.

Результат превзошел все ожидания. Раскаленный добела кусок антрацита прожег заросшую инеем меховую куртку, влетел внутрь грудной клетки мертвяка и зажег его изнутри! На миг зомби превратился в фонарь с решетками ребер, затем пламя вырвалось наружу и охватило его целиком. В счи-

таные мгновения противник обратился в кучу углей и золы, рухнувшую вниз, только мечи о лед звякнули.

Я перебросил моим эльфочкам пару мешочков угля, и работа закипела. Их магической силы вполне хватало на фокус с антрацитом, и впервые с начала схватки мы получили перевес над противником, а заодно и свободу передвижения. Моя древнейшая за шиворот вздернула Опушечную на ноги и потащила к дальнему концу зала. Моя высокородная огнем и клинком прокладывала им дорогу, а сам я прикрывал отход.

Кажется, делясь боезапасом, я излишне расщедрился — а может, мне просто досталось больше противников, — но при очередной попытке нашарить кусок угля со дна подсумка удалось извлечь только какой-то сор и угольную пыль. Впрочем, очередному зомби и этого хватило с избытком. Раскаленная угольная крошка изрешетила человека, чем-то похожего на меня самого, краем зацепив еще и вылезшего из-за него халфлинга. Оба занялись одновременно и осыпались на пол единой прогоревшей кучей.

На счастье, соседний подсумок был еще полон. Не глядя, я запустил туда пальцы и привычным жестом кинул извлеченное на ладонь, одетую Реликвией. И только уже сжимая кулак, разглядел, что именно пустил в дело. Файрбол!!!

Времени размышлять не было. Сделанного не воротишь, поэтому я со всей силы отбросил разгорающийся шар огневого тумана как можно дальше, в самую гущу оставшихся мертвяков, и одновременно заорал со всей силы:

— Ложись!!!

Падая сам, я в силу возможности толкнул жен и подопечную, еле успев зажать уши рукавами. Файрбол разошелся облаком, заполняя половину пещеры, и со всей силы саданул мгновенным разрывом. Злосчастные зомби полетели по углам огненными клочьями, ледяные колонны — облаком острых осколков. Нас снесло и закрутило ударной волной, а потом обратной тягой кинуло вперед прямо на кучу прогоревших углей. Пещеру ощутимо тряхнуло, с потолка посыпались отточенные колья сталактитов.

Уворачиваясь от осколков и цельных ледяных столбов, мы барахтались в золе среди обгорелых костей. В голове оглушительно звенело. Поднявшись на ноги первой, Келла встряхнула головой, как кошка, выбивающая воду из ушей.

— Предупреждать надо! — рявкнула она на меня, не соразмеряя силу звука.

— Дорогой, неужели нельзя было справиться... не столь радикально?! — не менее громко и тоже с укором произнесла Хирра. Одна Алир ничего не сказала, только принялась жалобно завывать в голос. Думая, видимо, что едва слышно поскуливает...

Не надеясь объяснить порядком оглохшим женам и подопечной причины внезапного применения боеприпаса, я лишь махнул рукой и не менее громко заорал:

— Само так вышло... Под руку файрбол попал!

Как ни странно, объяснения хватило. То ли женская половина семьи удовлетворилась им, то ли, не расслышав толком, решила, что достаточно самого факта оправдания. Мало ли что в мире нельзя знать с полной определенностью...

Одно теперь можно было сказать недвусмысленно — демона мы известили о своем присутствии лучше, чем валериановские рыцари на турнире с громогласными сигналами фанфар и оравой герольдов.

Так что, поднявшись и кое-как отряхнувшись, в следующую за залом мертвяков часть пещеры я вступил на редкость неуверенно, выставив перед собой Длань Справедливости в полной готовности, чуть что, задействовать ее во всю мощь.

Не пришлось. Ледяной коридор оказался совершенно пустым — ни новой порции мертвяков, ни иных преград и ловушек. Последнее я проверил специально, запустив мяч-тестер скакать от стены к стене и от пола к потолку, нащупывая нам дорогу.

Похоже, могущественная нежить страдает излишней самонадеянностью и единственную линию обороны своего логова организовала на дармовщинку — из кого попало. То есть из тех, кто сам пришел... или был выпит и вымерожен во время вылазок вроде той, которая стоила жизни фокскwиррелу трактирщика.

Отчего-то представилось тупое упорство, с которым лишенные собственной воли марионетки демона карабкаются по горным склонам на его безмолвный зов. Картина заставила зябко передернуться. Поэтому делиться своими домыслами с женами и подопечной я не стал, а лишь сказал негромко:

— Все чисто. Идем дальше...

За просторным и гулким коридором виднелся еще один зал с невысоким, в два моих роста, потолком. Видимых источников

освещения в нем не было, но при этом почему-то оказалось едва ли не светлее, чем во всех прочих местах логова нежити. Скорее всего, причина этого крылась в изобилии естественных зеркал — повсюду стоймя громоздились огромные плоские льдины, отполированные морозом до невозможной гладкости. Некоторые из этих торосов были обрамлены столь причудливо, что казались произведением рук или магии разумного существа, а не случайной игрой стихий. Драгоценные россыпи искрящихся ледяных кристаллов мерцали, словно звезды, а блики в глубине морозных зеркал переливалось северным сиянием.

Мяч-тестер, предваряющий наш путь, ударился об один из торосов, отскочил и неспешно отправился через весь зал к следующему. Преодолев ярдов двадцать, он почти достиг своей цели — роскошного зеркала от пола до потолка, — но на расстоянии вытянутой руки от него внезапно остановился.

Завороженно мы смотрели, как магический прибор гаснет, подергивается инеем и превращается в гладкий круглый снежок. Длилось это меньше полудюжины секунд, но в нашем сознании растянулось чуть ли не до бесконечности. А затем тестер упал и с хрустальным звоном разлетелся на мелкие кусочки. Как будто всесильный холод на грани абсолютного превратил мяч в хрупкое стекло, в дутый пузырь наподобие тех, что украшают Приснодрево перед тем, как его подожгут в полночь последнего дня года...

Позади раздался слитный лязг извлекаемого оружия, да и сам я шепнул слово, заставившее Длань Справедливости на руке окутаться языками пламени. Невидимый противник был страшнее, чем все мертвяки, вместе взятые.

Однако совсем незримым готового напасть демона назвать было нельзя. Что-то мелькнуло неверным отблеском в зеркальной глубине тороса, перед которым еще крутился в воздухе иней — отражение без вызвавшего его предмета, тень отсутствующей фигуры.

Синий силуэт ростом в пятнадцать футов стоял по ту сторону сверкающей поверхности как раз так, чтобы поймать в опущенную ладонь плывущий в воздухе предмет. Нежить устроила свою засаду не здесь, а за зеркалом, во тьме, наполненной мерцающими точками звезд.

Словно почуяв, что его уловка разгадана, демон голубоватым сиянием соткался по эту сторону льда. Сначала изящ-

ная рука, схватившая и остановившая тестер, затем точеные губы, уничтожившие магический прибор леденящим дуновением, а потом и вся фигура обоеполой нежити в украшениях из ртути и неведомых кристаллов.

Вдоволь дав нам проникнуться эффектом собственного присутствия, демон прищурил миндалевидные провалы глаз, заполненные белым огнем, и нехорошо усмехнулся.

За спиной раздался сдавленный писк, а затем мягкий шлепок и какая-то возня. По всем признакам Опушечная при виде воплощенного ужаса своей жизни выпала в обморок. И винить ее в слабости мог бы только тот, кто никогда не видел явления могущественной нежити, вызванной к существованию бессмертными, на чью долю выпало проиграть Войну Сил.

Демон стоял в десятке ярдов от нас, точь-в-точь такой, как перед окнами занесенного по второй этаж отеля, только еще страшнее, ибо на сей раз от боевого миньона богов Ночи нас не отделяла даже столь иллюзорная защита, как оконное стекло.

Опомнившись, я протянул вперед руку с Реликвией и шибанул по нежити роскошным огненным фонтаном в дюжину ярдов длиной и фута три в обхвате. Тщетно — прежде, чем пламя достигло его, демон провалился в зеркало, из которого вышел. Огонь лишь заставил растечься ручьями по полу узорную кристаллическую «раму» зеркала, а саму льдину заплакать обильными слезами.

На полу пещеры скопилась немалых размеров лужа, по поверхности которой внезапно пробежала рябь. В глубине мгновенно замерзшего ледяного зеркала мелькнула синяя рука, с силой хлестнувшая по воде, и тут же лужа взвилась в воздух, осыпав нас градом острых брызг, замерзших в полете.

К счастью, рефлекторно пытаясь прикрыть глаза рукой, я закрутил перед собой огненное полотнище, вновь превратившее ледяные стрелы в воду, а самые мелкие осколки — в пар. Все семейство хлестко обдал горячий душ — и почти мгновенно струйки, капли и брызги воды застыли в меху шуб, на шерсти шапок и в волосах эльфочек ледяными щепками, бляшками и крупинками.

Спустя секунду я почувствовал легкое подергивание за рукав свободной руки. Скосив глаза, я увидел эльфь древнейшей крови, пытающуюся привлечь мое внимание. Обернуть-

ся к ней, одновременно не упуская из виду ледяное зеркало, было трудновато.

— Ну что такое? — не смог я удержать раздражения.

— Огнем больше нельзя, — тихим шепотом проговорила Келла. — Растопившейся водой демон мигом прихватит нас к месту или одежду намокшую заморозит хуже колодок...

А ведь она права. Самое мощное оружие в очередной раз оказалось неприменимо. Файрболы — из-за опасности обвала, Реликвия — по причине возможного промаха... Тогда какого хрена я вообще потратил столько сил на добывание Длани Справедливости?! Как совладать с нежитью, если все, что мы можем противопоставить ей всерьез, нельзя использовать?

Словно прочтя эти мои мысли, младшая жена терпеливо и сочувственно произнесла:

— Надо его на открытое место выманить, тогда уже бей чем хочешь!

Выманить... Легко сказать, вот только демон как-то не выманивается. Наоборот, завлек нас самих в самую глубину горы. Причем если сейчас отступишь, нет никакой гарантии, что в следующий раз противник не подготовится основательнее. Или вовсе не сменит лежку.

Нет, бить нежить надо здесь и сейчас. Второго шанса освободить Среброречку из ледяного плена у нас может не оказаться. Тем более что по своей воле обоеполый из зеркального зала не уйдет. Здесь ему раздолье, как отцу моей высокородной в тенях — откуда захочет, оттуда и выскочит...

До меня дошли одновременно две вещи: во-первых, следить надо не только за тем торосом, из которого демон уже выходил, но и за всеми гладкими ледяными поверхностями подходящего размера. А во-вторых, количество таких поверхностей надо бы подсократить.

Оба вывода оказались как нельзя более своевременными. Демон попробовал было снова выбраться из ближайшего к нам зеркала, но порядком изрытая огнем и неровно замерзшая поверхность льда не позволила проникнуть сквозь нее. Поклубившись бесформенным облаком мерцающей синевы, нежить втянулась обратно — и тут же повторила попытку сквозь другое зеркало. К счастью, по очередной вспышке голубого сияния я успел заметить, сквозь какое именно, и высадил по льду весь боезапас стреломета.

Глубокие царапины и выбоины изуродовали ледяную гладь раньше, чем демон сумел обрести форму, отрезав ему и этот путь нападения. Обрадовавшись, что догадка верна, я обернулся к женам и подопечной и во весь голос заорал:

— Из разбитого зеркала ему не выйти! Круши их все!!!

Эльфочки поняли меня с полуслова. Даже Алир, похоже, вполне очухалась и была готова помочь нам. Они на пару с Хиррой, а мы с Келлой порознь принялись громить сверкающие льдины. Стрелометы, клинки, ледорубы — все пошло в дело. Перебегая от одного полированного тороса к другому, мы еще на ходу намечали надкол парой кованых болтов, а затем довершали дело градом ударов, выбивающих ледяную крошку.

Поняв, что за всеми нами не успеть, нежить заметалась от зеркала к зеркалу, пытаясь вырваться и помешать варварскому избиению ее дверей в этот мир. Пару раз струи леденящего дыхания обоеполого искристым маревом пронеслись прямо у меня перед лицом.

Затем началось полное безумие. То ли временно освобождая воду от оков, то ли призвав непокоренные истоки Среброречки, демон исхлестал пещеру леденеющими в полете струями, распорол ее валами застывшего в воздухе прибоя, порвал бесчисленными пиками ледяных столбов. Каждый раз, когда ему удавалось высунуть наружу хотя бы руку, количество преград возрастало. Пробираться, прорубаться, проламываться между этими ледяными баррикадами становилось все труднее, но никто из нас не останавливался. Острые края осколков рвали одежду и кожу, рушащиеся куски льда множили ушибы и ссадины, но зеркало за зеркалом продолжало превращаться в исковерканные корявые плиты.

Все кончилось внезапно. Не осталось ни одного целого зеркала, чтобы выпустить нежить на свободу... И чтобы дать возможность расправиться с ней — тоже. В запале боя мы несколько увлеклись и поторопились.

Так что теперь предстояло решить вопрос, как добраться до демона, от которого мы так решительно отделались. Оставлять его так нельзя — раньше или позже он сработает себе подходящий выход.

Пока, пользуясь временной передышкой, жены с подопечной затягивали мелкие ранки и считали прорехи в одежде.

Если с первым занятием проблем не возникало, то второе явно наводило тоску на женскую половину семейства.

— Посчитайте лучше, сколько лет нам удачи не видать, — ободрил я эльфочек единственной пришедшей на ум шуткой. — Если количество раскоканных нами зеркал на семь помножить...

— Эльфы столько не живут, — оборвала мое ерничанье Хирра, перевязывая руку.

— Вам вообще не жить! — неожиданно произнес ей в ответ высокий металлический голос обоеполого. — Мрази!!!

Навредить не может, так ругается. Хороший признак. Сбавив тон до шепота, чтобы нежить не подслушала, я поделился этой мыслью с Алир, которая от демоновых слов принялась ощутимо подрагивать.

Ухищрение не помогло — каким-то образом запертый за разбитыми зеркалами синекожий гад понял мою реплику.

— Не надейтесь, я все слышу!!! Шептуны нашлись!!! — взвыл он. В мириадах осколков льда дрожали от ненависти белопламенные провалы бесчисленных глаз и ртов.

— Что, вправду слышишь? — прошептал я вообще беззвучно, только двигая губами.

— Слышу-слышу, солдатня неумытая!!! — не заставил демон ждать ответа.

Тоже мне чистоплюй выискался... Шлюха неподмытая.

Этого я, правда, не сказал даже совершенно неслышимо. Только подумал. Потому что в тот же момент Келла чуть ли не в голос сообщила:

— Ни фига он не слышит. По губам читает, — говоря это, она старательно прикрывала рот ладонью.

Полное молчание со стороны нежити подтвердило эту догадку. Действительно, не слышит, а попросту выпендривается.

— У нас арендатор глухой был, так понимал нашу речь, по губам читая, — продолжила младшая жена, поясняя свою догадку. — А мы все об этом знали... Когда с его детьми сговаривались, что интересного сделать, всегда приходилось рот прятать!

Поняв, что его обманывают, обоеполый испустил долгий вибрирующий вой и принялся бессвязно, но злобно ругаться. Похоже, в его детстве тоже был похожий эпизод, и уловка с прикрыванием рта оказалась ему вполне знакома. Впрочем, это отнюдь не было поводом отказываться от столь полезной практики.

Тем более что у меня, кажется, появилась идея, как одним махом вытащить демона наружу и гарантированно угробить, не прилагая особых усилий. Осторожно заслонив Дланью Справедливости нижнюю часть лица, я негромко поинтересовался:

— Так, красавицы мои, у кого зеркало при себе?

Реакция эльфочек меня изрядно разочаровала. Жены смущенно потупились, не делая и попытки поискать по карманам.

— Я в лагере оставила... — виновато пожала плечами моя высокородная.

— А я вообще не знаю, где! — Келла, как всегда, оказалась радикальнее.

Только подопечная возилась с застежкой ворота, одновременно стараясь одной рукой прикрывать рот. Если учесть, что она, единственная из всех, молчала, это казалось несколько излишним. Но Алир предпочитала перестраховаться в таком жизненно важном вопросе.

— У тебя? — спросил я, уже не веря в свою удачу.

Светлая эльфь энергично кивнула, не отнимая руки от лица. Ну вот, а то пришлось бы отправляться на руины нашего становища в попытках отыскать хоть какое зеркальце. А неизвестно, что успеет придумать демон, если дать ему достаточно времени. Во всяком случае, испытывать судьбу, оставляя синекожему пространство для перегруппировки, отчаянно не хотелось.

Теперь главное, чтобы отражающий слой оказался обычным, не серебряным. А то плакала моя затея ртутными слезами. Над нашими заледенелыми трупами, если особенно не повезет.

— Обычное? — уточнил я и заорал, увидев, что та готова распахнуть с трудом выбравшуюся из-за пазухи здоровенную пудреницу дутого золота: — Только не открывай!!!

Подопечная вновь кивнула, на сей раз испуганно.

— Ага, обычное, — наконец соизволила она заговорить сквозь варежку. — Серебро я не люблю, холодит очень.

Хирра явственно фыркнула, выражая неудовольствие вкусами подруги. Конечно, моей высокородной, с ее пепельной кожей и угольно-черными волосами, серебряные зеркала в самый раз. А для светлоэльфийской дивы и золотое напыление на стекле не стало бы слишком теплым. Зелье ихором не испортишь.

— Сейчас все в полукруг, и оружие на изготовку, — выдал я заготовленную инструкцию. — Сделаем вид, что сели в засаду на Ледяного.

— А на самом деле? — засомневалась моя древнейшая. — Его же ни одна зараза не берет, а огнем здесь все равно нельзя!

— Ничего, — успокоил я младшую жену. — Сейчас увидишь, в каком случае мороз сам себе злобный враг. Тебе понравится...

Старшая жена уже с пониманием улыбнулась, взводя стреломет. Ей мой замысел оказался ясен с самого начала — не зря темные эльфы слывут повелителями неживой природы. Древнейшие же, как и любые универсалы, редко склонны вникать в такого рода частности. Мне же свойство металла, на котором построен этот план, известно из ходячей байки про горных егерей, в которой их взводного чуть не повесили за пропажу ценной посуды...

Втроем мы наставили оружие на углубление в центре пещеры. Алир спряталась за спину Хирры, зябко прижав ко рту ладошки в пестрых вязаных варежках. Я и сам с удовольствием забился бы в уголок потеплей — уж очень неуютно было в сердце владений ледяного демона. Тысячи глаз, горящих синим пламенем, следили за нами из каждого осколка, тысячи чувственных ртов кривились в хищной усмешке.

Прижав защелку и с силой завертев, я пустил золотую вещицу по гладкому льду пола. Уже остановившись, пудреница крутилась долгий десяток секунд, прежде чем тяжелая крышка смогла откинуться.

Сноп синего света вырвался из круглого зеркальца, открывая путь местному властелину холода и смерти. Текучим движением демон вывинтился из узкой оправы, попутно одним мановением руки воздвигая в зале целый лес ледяных сталагмитов. Мы раскатились в разные стороны неуклюжими клубками меха, а вырастающие из пола ледяные острия нагоняли, пытаясь пронзить или поймать. Настичь нас им не удалось, но в результате я и Келла оказались почти рядом с демоном, а Хирра с Алир остались по другую сторону ледяной стены.

К счастью, это было последнее, на что ему хватило времени.

Вздымаясь над пудреницей с приличествующим случаю демоническим хохотом, Ледяной не замечал, что его голубая плоть сереет и осыпается прахом. Абсолютный холод мгно-

венно разрушил олово амальгамы, превратив сверкающий металл в серый порошок, легко слетающий со стекла. Зеркало погибло, когда демон проходил сквозь него — и погубило своего убийцу.

Не понимая, что происходит, бывший некогда смертным завертелся, рассыпая тусклый прах, и взвыл, тонко и глухо, выбрасывая облако серебристого газа. Синее сияние в глазах, ноздрях и пасти меркло. Перед смертью к могущественной нежити на миг вернулось подобие прежнего облика. Так я и знал — не был он при жизни эльфом...

Наконец последняя горсть ледяного пепла упала на лед, почти полностью скрыв пудреницу Алир. Зеркало в ней стало простым стеклом, но, повинуясь неосознанному позыву, я разнес и его, насквозь пробив ледорубом золото футляра.

В кучке праха, оставшейся от нашего демонического врага, стекляшка еле брякнула. И все же мне показалось, что я услышал, как в бесконечной выси и абсолютном холоде, где-то в небе вечной ночи, чисто, прозрачно зазвенело еще одно зеркало. Последнее. Треснуло и разлетелось на мириады осколков, возвращая звездам и их хозяину заемную силу бесконечного равнодушия.

— Домой вернемся — все зеркала в замке перебью! — не отдышавшись толком, прохрипел я. — В них лишь... этого... теперь видеть смогу!

— Только попробуй! — выдохнула протест моя древнейшая вместе с облаком морозного пара. — Демон тебе тогда Приснодедом покажется! С подарками!!!

И нешуточно вцепилась коготками мне в ухо. Из-за каких-то дурацких стекляшек, перед которыми еще не навертелась вволю, видите ли! В традицию вошло у жен в огрских горах, чуть что, уши мне накручивать. А если я начну? У самих простор для уходрания знатный, только возьмись...

Меж тем Келла добралась и до второго уха. Вовсю отворачивает, щиплет, да еще и растирает вдобавок, так что даже чувствительность стала потихоньку возвращаться. Жечь начало... Зря я на нее пенял. Это не в дисциплинарном порядке, а в качестве целительской помощи.

— Зеркала-то чем виноваты? — удовлетворившись результатом настолько, чтобы оставить мои уши в покое, эльфь и с поводом к обидам разобралась спокойнее. — Днем — День

отражают, ночью — Ночь. Такова их магия — умножать и оборачивать представшее, да меж собой передавать сквозь единое зазеркалье...

Ага. Прямо по поговорке — «Что к зеркалу поставишь, тем дом и ославишь». Но вообще-то младшая жена права. Стекло не виновато. Каковы в дому пороги, таковы в дому и боги. За собой следить лучше надо, чтобы из зазеркалья всякая пакость не лезла.

— Ладно... Только из спальни уберу, — кивнул я понимающе, но все равно сердито. — А то заснуть не смогу. Ближайшие триста лет.

— Ну, триста лет еще потерплю, — покладисто согласилась Келла.

— Ох, не знаю, выдержишь ли, — уже слегка поддел я мою древнейшую. — Как ни проснусь, всегда вижу одно: твой задик. Все остальное уже в трельяж засунуто.

— Дурак, — с достоинством ответила младшая жена. — И уши холодные.

— Не, — осторожно потрогал я означенные органы слуха. — Уже горячие!

— Мне лучше знать! — бойко парировала она и ловко увернулась от шлепка по помянутому задику. Как раз к этому моменту Хирра с Алир проломились к нам сквозь лес сосулек и недоуменно уставились на нас.

— На нее голубой кровью плеснуло! — ловко вывернулся я. — Растереть надо!

Старшая жена с подопечной восприняли диагноз весьма серьезно и навалились на Келлу, невзирая на ее возмущенный писк. Я принял в потасовке посильное участие, щекоча и растирая «потерпевшую». Правда, большую часть времени приходилось уворачиваться от Алир, пытавшейся проделать то же самое со мной самим.

Так мы могли бы пробарахтаться еще с полчаса, если б не капель, становящаяся все заметнее, и не струйка воды на полу пещеры, со все большим энтузиазмом пролагающая путь от лужи к луже.

Первой ситуацию оценила Хирра.

— Смотрите, вот она, Сребroречка! — воскликнула моя высокородная, зачерпнув ладонью талой воды.

— И верно... — восхищенно замерла подопечная, уставившись на крепнущий ручеек переливчатыми, как он сам, глазами.

В глубине пещеры с мягким грохотом рухнул пласт льда. Поток воды окреп, превращая свой нежный перезвон в шум, заглушающий слова.

— Ходу отсюда! — подвел я итог возрождению главной водной артерии огрских гор. — Пока не смыло!!!

Скорость, с которой воды Среброречки освобождались от власти демонского мороза, наводила на мысль о какой-то магической реакции. Обычно так просто холод своих позиций не сдает, а при подобных масштабах еще и может зажить своей жизнью. Ледник или тундровая вечная мерзлота легко заводятся, а вот исчезают с большим трудом и оставляют по себе немалый разор.

По колено в воде мы выскочили из пещеры, едва успев отскочить в сторону от вырвавшегося наружу потока. К выходу из расселины пришлось брести уже по пояс в холоднющей воде, изо всех сил цепляясь за стенки. Похоже, ледяная пробка в логове демона замыкала выход целому озеру по ту сторону пика.

Спасаться приходилось уже всерьез. Залезть выше по отвесным скалам было попросту невозможно, так что оставалось только спускаться к лагерю, борясь с течением. Хорошо, что тот был разбит не особенно далеко, да и отмель затопило не сразу.

Однако к моменту нашего прибытия от лагеря уже ничего не осталось. Весь скарб и горное снаряжение, кроме того, что было при нас, унесло, наверное, в первые же секунды. Только Сакральное Корыто по-прежнему возвышалось на своих подпорках, гулко отзываясь на шлепки волн в округлое брюхо. Одна из станин, подмытая водой, опасно накренилась.

Не сговариваясь, мы рванули к предмету священной утвари, более похожему на лодку, в которой сейчас весьма нуждались, вскарабкались по станинам со всех сторон и перевалились через край посудины аккурат тогда, когда рухнула подмытая подпорка.

Свободный конец Сакрального Корыта запрыгал на волнах, заставив нас посыпаться на дно. Другой его край, ерзая, все быстрее и быстрее сползал с уцелевшей станины по мере того, как поднималась вода в расселине. Уровень, обозначенный старым руслом, она превысила уже втрое и останавливаться на этом не думала.

Неизбежное свершилось спустя полминуты, когда мы более-менее освоились с болтанкой и уселись на дне. Посудина сорвалась с подпорки и, набирая скорость, понеслась вниз в хлопьях пены и комьях шуги, болтавшихся на поверхности мятежной Сребpоречки.

Никоим образом не приспособленное к скоростному сплаву корыто тут же закрутило, чудом не приложив о стены ущелья. Во всяком случае, от одной стены к другой его мотало с размахом, словно сумасшедший маятник. Никого не укачало исключительно потому, что длилось все недолго — полминуты, не более.

За это время жены загнали поглубже подопечную, которая все порывалась сиганyть прочь из посудины, крутившейся, словно стакан с игральными костями. Взамен с самого дна ими был извлечен черпак на длинной ручке — тоже, видимо, сакральный — и в единодушном порыве вручен мне. В качестве весла, как я понял, что само по себе было весьма и весьма неглупо.

Если б я еще знал, что делать с оным веслом...

— Почему я?! — переорать шум воды было почти невозможно, тем более с вопросительной интонацией.

— А кто еще?! — слаженным дуэтом отозвались эльфийские дивы сквозь спутанные пряди мокрых волос. — Ты муж, ты и рули!!!

Возразить на это было нечего. Умей хоть одна из них обращаться с лодкой на горной реке, тут же взялась бы за дело без лишних слов. А раз такого опыта нет ни у кого, включая Келлу, которую многопрадед вроде бы обучил всему на свете, значит, браться за дело надо мне. Как мужчине и главе семьи.

Перво-наперво мне удалось заставить громоздкую посудину завертеться в противоположную сторону — одним движением импровизированного весла, сопровождавшимся фонтаном ледяных брызг. Чтобы принудить это трижды сакральное корыто держаться сколько-нибудь прямо, пришлось напрячься изо всех сил, действуя менее размашисто, но куда более резко.

То и дело все мои усилия шли насмарку, когда течение подносило посудину к стенкам или торчащим посреди русла скалам. Отпихиваясь от камня черпаком и ледорубами, мы едва могли уберечь борта от серьезных повреждений. Щепки

все равно летели при каждом столкновении, но от трещин или опрокидывания Судьба пока миловала.

Таким манером мы преодолели, пожалуй, уже тысячу футов по вертикали, а сколько в длину — и не сосчитаешь. Стены ущелья неслись мимо быстрее, чем при скачке на бешеном гекопарде. В висках ломило, перед глазами плыли огненные точки. Зато удалось более-менее приноровиться к управлению спуском по извилистому горному потоку.

Увы, ненадолго. За очередным поворотом наклон и ширина русла сменились. Теперь оно было более пологим, однако прибавилось торчащих скал, не говоря уже о покрытых водой порогах. Приходилось не столько править сплавом, сколько метаться с борта на борт, со всей силы отгребая от очередного препятствия.

Днище с устрашающим хрустом скребло по камням, мои эльфочки орали в голос, предупреждая об очередной опасности, вода грохотала, как аркналет. Брызги осыпали нас столь часто, что вся одежда давно промокла, и холод не ощущался только из-за чрезмерного перенапряжения.

Впрочем, кое-кому пришлось не в пример хуже, чем мне и семейству. Далеко впереди и ниже по течению белым пятнышком в бурунах кувыркался снежный горилл. Каждый из смачных шлепков мохнатой туши о скалу или порог вызывал порцию отчаянных воплей. Временами обиженный рев обезьяна перекрывал даже грохот потока, несущегося по некогда пересохшему руслу.

Не иначе исконный обитатель Огрогор попал под раздачу из-за своего любопытства, последовав за нами к прежде избегаемому логову ледяного демона. За что теперь и расплачивался незапланированным купанием вкупе с сеансом совсем уж экстремального массажа.

И то, и другое не во вред вонючей туше. Нечего по ночам кучи у палаток наваливать и за эльфями подсматривать. Алир вон до сих пор подпрыгивает и визжит при каждом горилльем вопле. Келла, та только демонится сквозь зубы, а Хирре и вовсе не до того — знай успевает отпихиваться от скал альтенштоком.

Мне с Сакральным Черпаком за ней не угнаться. Тем более что предыдущие столкновения не пошли этому орудию на пользу. Использовать здоровенную ложку из ветхого дерева

при горном сплаве явно никогда не предполагалось, так что к моменту выхода на большую воду в руках у меня оставался только черенок, да и тот словно драконом обгрызенный.

Внутренний счет времени у меня изрядно сбился — дни пути посуху, превратившиеся в часы сплава по неистовому горному потоку, сжались в моем мозгу вообще до минут. Поэтому долина Ограда распахнулась перед нами совершенно внезапно, в непривычной после грохота Среброречки тишине, под потемневшим предвечерним небом, налившимся тяжкими тучами. После кончины ледяного демона они были чреваты не бураном, а всего лишь ливнем, но и это было бы для нас слишком. И не только для нас...

Что там ущелья и каменистые отмели выше по течению — вырвавшись из пятисотлетнего плена, вода затопила долину от края до края!!!

Течение несло нас стороной от прежнего русла, прямо через Оград — как раз между закопченной тушей Сакрального Стадиона и торчащими из волн, как огрызки, столбами Праведного Проема. Больше ничего на поверхности толком не виднелось — обычай невысоко строиться сослужил хозяевам долины дурную службу.

Кое-как, иногда по колено в воде, огры спасались на плоских вершинах своих жилищ. Флафы же — на вершинах самих огров, забравшись тем на плечи и головы. Наиболее отчаянные набились хозяевам в карманы и жалобно попискивали оттуда, сверкая сквозь сумрак лиственно-зелеными огоньками глаз.

Это был единственный звук, провожавший нас на протяжении сей водной феерии. Своеобразный морской парад победителей ледяного демона и освободителей Среброречки отнюдь не вызвал в зрителях приветственного энтузиазма — лишь укоризненные взгляды вслед.

Понять их было можно. Лишь немногие сумели спасти вещи, так что ущерб порядку в хозяйстве придется устранять до самой зимы. К чести огрских бабусь, они все стояли на крышах, обвешанные узлами больше их самих. Флафы покрывали эти кули серыми пушистыми снежными шапками, окончательно уподобляя огров горным вершинам...

Приближающийся шум возрожденного нашими стараниями водопада заставил настроиться на более конкретный лад.

Пора бросать якорь или причаливать к чему-то попрочней, пока не затянуло совсем близко к обрыву. Лететь вниз добрых три тысячи футов, чтобы в финале шваркнуться о едва прикрытые водой скалы, как-то не хотелось. Ни левитационных заклятий, ни телепосыльных чар в запасе у нас не было, да и находящиеся в моем распоряжении Реликвии не заточены под полет. Так что надо спасаться подручными средствами, пока не поздно. Оград мы уже почти миновали, не имея возможности зацепиться хоть за что-нибудь. Хоть из ледорубов якорь связывай!

Беда в том, что утяжелить его нечем. Пустая связка крючьев скользнет по дну без всякой пользы, а глубина тут выше не только моего роста, но и длины любой из женушек и подопечной. Так что собственным весом импровизированный якорь в расщелину не загонишь.

Оставалось надеяться на последнее препятствие на пути к водопаду. На наше счастье, Сакральное Огродрево устояло под первым ударом освобожденной воды и теперь высилось над бурливыми волнами прямо впереди по курсу. Даже грести особо не придется...

Все бы хорошо, вот только в деле спасения от магически-рукотворного потопа у нас имелся неслабый конкурент. На Огродреве, залитом водой почти по самую развилку, огромным неряшливым комом мокрой белой шерсти висел снежный горилл. А после всего того, что он от нас претерпел, начиная с первой ночевки в горах, рассчитывать на его дружелюбие нам не приходилось.

Впрочем, темпераментом, сообразным его росту чуть ли не в полтора огра и вытекающей из этого силище, горный обезьян явно не обладал. Завидев нас, горилл обреченно зажмурил глаза, горестно вздохнул и разжал лапы. Фонтан брызг взметнулся выше ветвей огрской святыни. Вынырнув в дюжине ярдов от нас, обезьян без оглядки поплыл прочь гигантскими саженками. Кажется, к водопаду. Похоже, ему было все равно куда, лишь бы подальше от виновников своих несчастий...

Ладно, нам же проще, раз не надо освобождать Огродрево специальными мерами. Кое-как загребая руками в ледяной горной водичке, мы с Хиррой и Келлой подогнали лохань к неохватному стволу и зацепились за кору ледорубами. Алир же просто ухватилась за свисающие с ветвей амулеты и поло-

щущиеся в воде ленты. Получилось не менее крепко и подало неплохую мысль.

— Размотай репшнур! — бросил я через плечо младшей жене.

Та с готовностью принялась за дело, пока мы втроем удерживали наше плавучее пристанище. Заводить петли шнура в холодной воде под днище нам пришлось уже вдвоем, поочередно с обоих концов лохани. Перекинуть трос через ветки было уже легче, а там дело совсем на раз пошло — стянуть импровизированный подвес вверху в единый узел, да еще парой витков прихватить борта нашего плавсредства. Для верности мы и там навязали по паре узлов.

— Все, отпускайте! — проорал я, перекрикивая шум совсем уже близкого водопада.

Старшая жена с облегчением выдернула ледоруб из глубокой щели в коре. А вот янгледи ау Риер словно не услышала сигнала к отбою и продолжала раскачиваться, вцепившись в гроздь священной мишуры, свисающей с ветви Огродрева. Пришлось Хирре самой отдирать цепкие лапки подопечной от бисерного плетения шнуров и разноцветных лент, а затем, раза в три дольше, ласково уговаривать светлую эльфь не бояться и успокоиться. Ну да она у меня теперь мастерица на это, как прежде была специалисткой по устрашающему позерству. Направление сменилось, а убедительность никуда не делась.

Келла поспешила присоединиться к подруге в деле утешения инфантильной светлоэльфийской дивы. Мне тоже по большому счету больше было нечем заняться. Оглядев напоследок водное пространство, заполнившее собой чашу горной долины, я устало сполз на дно лохани к эльфочкам, сбившимся в сырой мохнатый клубок. Нечего и говорить, что они сразу же затянули меня внутрь, в тепло, к всхлипываниям Алир, тут же вцепившейся в меня мертвой хваткой, как давеча в огрские амулеты. После этого она мгновенно успокоилась и без промедления заснула, лишь на какие-то минуты обогнав в этом остальных...

Раскачивание Сакрального Корыта, подвешенного к ветвям ничуть не менее Сакрального Огродрева, убаюкивало не хуже колыбели, поэтому нечего удивляться, что глаза я продрал лишь на следующее утро. Да и то, мог бы, пожалуй, проспать еще столько же. Даже не представлял, что настолько

умотался с этим демоном и последующим скоростным сплавом по вернувшейся из небытия Сребpоречке.

Что ж, у Анара снова одним притоком больше — как полтысячи лет назад, когда заварилась вся эта история. Вон как шумит, рокочет в свежем утреннем воздухе, не давая провалиться обратно в блаженную дремоту...

Стоп. Это не поток шумит — столько воркотанья и рыка не способен произвести ни один водопад. Это огры.

Кто-то из эльфийских див настойчиво тряс и толкал меня в бок, стараясь вывести из сонного оцепенения. Но я и сам уже окончательно проснулся, с трудом ворочаясь после долгой ночи, проведенной в сыром неудобье. Во всяком случае, открыть глаза оказалось не в пример легче, чем подняться.

Уразумев это, Хирра с Келлой с двух сторон подняли мужа и повелителя, одним духом вздернув над бортом лохани и при этом, похоже, усадив прямиком на подопечную, недовольно завозившуюся подо мной спросонья. Неловко повернувшись, она сбросила меня, так что я чуть наружу не вылетел. Зато наконец проснулся... Точнее, был разбужен. Получилось это у жен и подопечной на редкость легко и непринужденно — силы и выносливости эльфям не занимать. Еще бы с разумением повезло в тех же масштабах...

Хотя кому-кому, а мне грех жаловаться. Иные, даже не из расы любимых детей Отца, могли бы спрятаться, а то и слинять втихую. Но мои жены не из таких!

Впрочем, потихоньку смыться тут было нереально. Огры окружили свое священное древо плотным кольцом, кое-кто — по колено в воде. За ночь половодье спало, но просыхать долине предстояло еще не одну неделю. Теперь же она, казалось, до краев была заполнена головами и плечами местных жителей, как прежде волнами.

Все население Ограда собралось, как в первый день для ритуального знакомства. Лишь бы не для ритуального прощания, которое сделает этот день воистину последним для моего семейства, а то рожи у собравшихся как на подбор мрачные. И основания к тому у них немалые — поражение в Сакральной Игре с последующим всесожжением стадиона и заключительным общим потопом кого угодно выведет из равновесия. Или хотя бы заставит усомниться в благосклонности Судьбы, которую огры числят своей богиней.

Как бы нам не позавидовать смоле и перьям проигравших Сакральную Игру...

Нет, до такой степени мы ограм все-таки не досадили, раз они соблаговолили дождаться нашего пробуждения. Да и теперь не вся толпа двинулась вперед в порыве самосуда — только ОгроСтароста вышел, желая выразить народное недовольство.

Не знаю, как мне удалось не втянуть голову в плечи в ожидании заслуженного порицания. Эльфям в этом отношении было легче, как по врожденному гонору высокородных, так и оттого, что главная роль в учиненных безобразиях, как ни крути, принадлежала не им.

Совершенно неожиданно вместо громогласного обвинения или ругани из уст насупленного старика прозвучала уже приевшаяся за предыдущие разы ритуальная формулировка.

— Огр-рТинг тр-ребует! — было видно, что не прибавить к этим словам парочку особенно раскатистых выражений стоит ему немалых усилий.

Требует так требует. Быстро оправились. Не ожидал, что они придумают третье задание раньше, чем через неделю. А то нам крайне не мешает передохнуть после этой горно-сплавной эпопеи, да и огры, глядишь, отошли бы малость от наших благодеяний...

Лишь бы последнее испытание не оказалось необходимостью привести в порядок все, что мы наворотили. Тогда точно раньше весны не выберемся. Причем хорошо, если весны следующего года. С нашим размахом можно и дюжину лет провозиться...

ОгроСтароста сделал еще один шаг вперед, оглянулся влево-вправо, словно ища поддержки у всех собравшихся, и старательно выговорил:

— Пойнтер-р! Сделай огр-рам добр-ро! Убир-райся, пр-росим покор-р-рно!!!

Чего-чего, а особой «покор-р-рности» в словах ОгроСтароста не наблюдалось. Скорее наоборот, «р-раздр-р-ражение», просто очень тщательно скрываемое — на огрский лад, так что не заметить невозможно. Но притом все же не откровенное.

На его месте я бы тоже не решился впрямую высказывать претензии чужаку, вооруженному Реликвией, способной уделать исполинскую землекройку вкупе с Сакральным Стадионом, тому, кто только что истребил демона, веками досаж-

давшего местным жителям, и попутно надолго привел их жилища в негодное состояние. Но и добрых чувств к подобному благодетелю я бы тоже не смог испытывать. Так что все законно. Как-то не срастается у нас с ограми — что ни сделай для них с самыми лучшими намерениями, в итоге выходит одна разруха...

Осталось только ответить ОгроСтаросте столь же ритуальной фразой. Сакральной, как все у огрского народа, даже в чем-то сакраментальной:

— ОгрТинг вправе требовать. Принято.

Хотя в моей речи нет рокота и взрыкивания, характерного для первых детей Матери, грохнули эти слова внушительно. Может быть, оттого, что упали в оглушительную пустоту и тишину всеобщего молчания. Нарушил ее только топот огров, безмолвно повернувшихся к нам спиной и разошедшихся прочь.

Последним ушел старейшина. Задержался он оттого, что хотел что-то сказать, да не сумел подыскать слова, потоптался на месте и пошел следом за своими соплеменниками.

Мы остались одни посреди долины, повсеместно испещренной лужами, тускло поблескивающими под свинцовым утренним небом. Дождь, намечавшийся с вечера, не пролился, но серость и сырость никуда не делись. Неподалеку сердито перекатывалась Среброречка, несколько присмиревшая, но так и не вошедшая еще в прежнее русло. На душе отчего-то было так же серо и бестолково.

С чего бы? Все завершилось самым успешным образом. Можно отправляться домой с полной победой и желанным трофеем. А вот же...

Жены и подопечная тоже не спешили радоваться. В мрачном молчании, словно зараза, приставшем к нам от огров, все семейство выбралось из Сакрального Корыта, поочередно соскальзывая на камни по жертвенным шнурам, свисающим с ветвей. Последним спустился я, спрыгнув с не достающего до земли обрывка каната. Верно высоту угадал — днище многострадальной священной утвари огров болталось в футе над моей головой. Больше нам здесь делать нечего.

Даже вещи собирать не придется. То, что оставалось здесь, уничтожил потоп, то, что в лагере, смел он же еще раньше. Так что мы остались при том, что на нас, отсыревшем и зако-

лодевшем. Плюс Длань Справедливости, никак не рассчитанная на бережную просушку и обогрев.

Справедливость вообще вещь опасная и в быту неприменимая. Уж если приложит со всей силы, никому мало не покажется. Даже всяким героям-демоноборцам и прочим избавителям народа от вековых напастей.

Слегка размявшись под такие мысли, я не почувствовал себя сильно лучше — все тело отчаянно ломило после ночи, проведенной в холоде и сырости, а законная неблагодарность огров лежала на душе нелегким грузом. Но теперь, по крайней мере, определенно прибавилось готовности к путешествию назад на перевал, к трактиру Свена и пылающему в нем исполинскому камину.

— Пошли, что ли? — нарушил я затянувшееся молчание.

Жены и подопечная лишь кивнули, встряхнув сырыми гривами. У них не набралось слов даже на согласие. Огонь камина, столь же предвкушаемого ими, как и мной, казалось, неугасимым пламенем горел в глазах промерзших эльфийских див.

Пара с лишним часов пути не отложилась в памяти ничем. Зато возвращение в отель «У утопшего водолаза» позабыть будет невозможно. И вовсе не из-за новой вывески в камуфляжных тонах ко «Дню Побиения» — годовщине той самой битвы при Усино, в которой неизвестно, кто кого побил.

С порога мы ломанулись к камину, не особенно оглядываясь по сторонам — пламя притягивало, как свет гнилушки манит осиных дракончиков. А дальше ничего не было видно из-за клубов пара, повалившихся от нас во все стороны.

В дороге Келла высказала идею обсушиться силой ее базовой стихии, но я не понадеялся на способность младшей жены управиться со своим внутренним Огнем. Старшая же и не предлагала, сама отлично понимая, что не способна на столь тонкое применение магии в таком измученном состоянии.

Пускай внутренняя стихия греет их самих. Нам же с подопечной оставалось лишь надеяться на эльфийскую неспособность к телесным болезням, у нее врожденную, у меня — дарованную Мечом Повторной Жизни... Однако спустя полминуты блаженства у каминной решетки все мы услышали громовой чих.

— Будь здоров! — голоса моих эльфочек слились в чистейшее трио без примеси простудного хрипа.

Воспитание пересилило в них здравый смысл — вспомнить о подверженности иных рас хворям и сопутствующем тому пожелании вспомнили, а о том, что меня сие уже не касается — нет. И все бы хорошо, если бы в тот же миг я сам не выпалил в том же заблуждении и слепой верности привычке, имея в виду неизвестно кого из троих:

— Будь здорова!

— Будьте здоровы! — отозвался с лестницы Яндекссон, подоспевший сверху, из комнаты над холлом, на стук дверей и нашу возню у камина.

В руках у него дымились четыре кружки — судя по запаху, с крепко памятной мне медовухой на пряностях. Как раз то, чего нам не хватало! Только бы не развезло на голодное брюхо...

Кружки мы расхватали, не боясь обжечься, — хорошо хоть ручки были деревянные, как и рычажки крышек, — причем Алир наравне со всеми присосалась к своей.

— Простите, хай-леди, запамятовал, что вам хмельного нельзя, — заметил то же самое трактирщик.

— Сегодня можно, — пробубнила та в кружку, не желая отрываться от горячего питья. — Теперь бояться некого...

— Благодарение Судьбе! — не вполне понимая, к чему это она, ответил Свен, а затем, догадавшись, решил уточнить: — И этого... с Голубого Пика... тоже?!

Он неопределенно, но явно опасливо махнул рукой куда-то вверх и вправо, довольно точно указуя на вершину, покинутую нами сутки назад. Иносказанием трактирщик отчетливо выказал страх перед демоном, который не удавалось побороть так просто, сходу.

— Ага! — теперь уже Келла оторвалась от медовухи, слизывая с губ пенку. — Нету его больше!

— Как так? — Яндекссон боялся поверить доброй вести.

— Совсем!!! — снова включилась в разговор Алир, извлекая довольную мордашку из опустевшей посудины.

— Демон уничтожен окончательно и безвозвратно, — заботливо информировала трактирщика Хирра, до сих пор не проронившая ни звука. — И горный паразит, кстати, тоже.

Где она прятала белоснежный платочек, я так и не понял, но в общую беседу старшая жена вступила, только промокнув

им губы. «Паразитом» же она по-огрски приложила исполинскую землекройку, заставив уже меня ухмыльнуться, отставив кружку в сторону и утерев рот тыльной стороной ладони.

А что, верно — кем еще может быть гигантское насекомое с раскиданными по всему телу трахеями, желудками с микротварями-симбионтами и челюстями, заточенными под перемалывание горных пород, которые эти микротвари перегоняют на пригодную хозяину пищу? Даже по обгорелым останкам чудища любознательной младшей жене удалось немало разузнать о нем.

Словно выпущенный из клетки дракончик, разговор вылетел на свободу и закрутился, добавляя подробностей небывалым новостям. Свен выглядел совершенно счастливым, словно позабыв об утрате своего любимца. Да и был ли нахальный фокскваррел на самом деле? С расстояния прошедших недель события прошлого визита в отель сделались совершенно неразличимы.

Правда, забыв о зверьке, замороженном насмерть ныне столь же не существующим демоном, пришлось бы списать и прочие события, последовавшие за его гибелью. А это было бы не слишком разумно, принимая во внимание, что гипершкаф, хоть и налаженный, остался на своем месте. Да и вообще расслабляться как-то не в моем духе. Даже сейчас что-то царапало край сознания.

Вот что: среди всеобщего благодушия и радостного возбуждения как-то сам собой пропал вопрос, кто же все-таки чихнул...

Впрочем, всерьез задумываться об этом не хотелось ни в горячей травяной ванне, ни за последовавшим плотным ужином. Котлеты на косточках под жареную картошку и ту же медовуху, только уже холодную, как-то не располагают к серьезному беспокойству за свою безопасность. Разве что в плане последующего самочувствия — вряд ли для желудка пройдут даром пять видов перца, от цельных стручков жгучего иэрийского и мелкого порошка красного хисахского до разноцветных мясистых ломтей сладкого альтийского, который пламенные скво Союза Племен кладут в пиццу и лазанью.

После всего перечисленного можно было только завалиться спать, не дожидаясь, пока небо, очистившееся от туч и подсвеченное закатившимся за горную гряду солнцем, погаснет

совсем. И тем более естественно было подняться посреди ночи — облегчиться, привести себя в порядок, да и вообще проветриться.

С последним пунктом и возникли осложнения. Пристроившись на полпути к своему номеру у окна с чуть повернутой для вентиляции фрамугой, я лениво разглядывал разноцветные тени оконного переплета, отброшенные двумя из трех лун. Ждать, пока вернется жажда сна, пришлось долговато — не стоило умываться холодной водой.

Наконец, когда глаза снова начали слипаться, а тени порядком уползли по половицам, я собрался обратно. Встал с подоконника...

Шшшурх! — грузно метнулось прочь что-то за углом. Сон сняло как рукой, и уже через секунду я был у того поворота, из-за которого донесся подозрительный шум. Понятно, что ни следа источника этих звуков там уже не было, как и во всем коридоре.

Соваться дальше в одном комбинезоне на голое тело и босиком я как-то поостерегся. Первая моя реакция тоже была не слишком разумной, но спросонья чего не отчудишь. Помнится, Берт Коровий Дядюшка в таком состоянии сложил вдвое тесайрского дезертира, залезшего в землянку за жратвой, и засунул под койку, чтоб мягче спалось. Бедняга до утра боялся пошевелиться и сам разогнуться уже не сумел, а ведь Берт тогда и вполовину не раздобрел так, как нынче.

В отличие от него я все еще остался легок на подъем, и пока это мне не слишком навредило. А чтобы и дальше пребывать в целости и сохранности, лучше не соваться следом за неизвестным с голыми руками.

Пятясь и поминутно оглядываясь, я отступил к номеру. Жаркая темнота, наполненная безмятежным сопением эльфочек, сбившихся в уютную кучу на составленных вместе кроватях, манила остаться и забыть обо всем. Может, ничего и не было, показалось?

Нет. Нельзя оставлять нерасследованным непонятное вторжение. Тем более в отеле, который однажды уже показал свой норов. Стараясь поменьше шипеть, я влез в сапоги и портупею, затянул ремень и проверил оружие с амулетами. Так же тихонько закрыл дверь и накрепко запер ее — незачем беспокоить семейство раньше времени, но лучше и тут поостеречься.

Уже полностью очухавшись и подготовившись, я отправился на место, где остановился в прошлый раз. Там ничего не изменилось, и даже самый пристальный осмотр при свете жука-фонарника, разбуженного очередной порцией сахара, не дал никаких результатов.

Точнее, на том самом месте не дал. А вот чуть подальше... На половицах остались здоровенные и весьма свежие царапины — воск курчавился по краям легкими стружками. На подковки сапог не похоже... но на когти еще менее. Словно лопатками задрали весь верхний слой полировки.

Мои опасения получили подтверждение. Кто-то или что-то подобралось настолько близко, что могло бы одним прыжком достичь места, на котором я находился. На мое счастье, незваный гость предпочел не нападать, а спасаться бегством, однако зачем-то все же следил за мной.

Быстро перемещаясь от одного следа к другому, я миновал почти весь коридор. И тут меня ожидал самый неприятный сюрприз из всех возможных: последний задир красовался напротив одного из терминалов гипершкафа! Более того, направление соскоба поперек коридора ясно указывало, где скрылся пришелец, — если, конечно, не проскочил с размаху сквозь стену.

На это, впрочем, надеяться не приходилось. Угроза пришла оттуда, откуда я и предполагал — из иных миров, фантомных лабиринтов телепереноса. Видимо, не так уж хорошо я наладил сверхсложный механизм, сочетающий свойства управляющей цепи кадавра и телепосыльные чары.

Необходимо было сделать кое-что, крайне нежелательное, но необходимое — проверить терминал на предмет функционирования... и наличия в нем незваных гостей. Наставив стреломет на шкаф, я осторожно раздвинул створки кончиком тесака. Ничего. Ни призрачного коридора, ни фиолетового свечения сбоя телепосыльных чар. И уж подавно никаких существ с лопатками на ногах. Нормальный терминал, штатно функционирующий...

Убрав оружие, я извлек мяч-тестер и обстучал им весь шкаф, особенно кольца адресации. Снова никакого результата. Точнее, результат положительный, а иногда это не лучше отрицательного или никакого, ибо отменяет единственно возможное объяснение и вызывает к жизни самые невероятные домыслы.

Но если это не пришелец из иных миров, то кто тогда?

Так и не придя ни к каким выводам, я, сторожко озираясь, поплелся обратно к номеру... лишь для того, чтобы обнаружить знакомые широкие царапины не только у самого входа, но даже на двери! Покуда я таскался по коридорам отеля, выслеживая неизвестную тварь, та вплотную подобралась к моему семейству!!!

Слава Судьбе, дверь была цела и по-прежнему заперта. Да и тишина за ней оставалась спокойной, домашней и сонной, без тени напряженности. Более основательно проверять, как там мои эльфочки, я не хотел, чтобы не беспокоить их раньше времени.

И без того найдется чем заняться. Надо проверить, как там гекопарды, да и Свена предупредить, что у него в трактире завелось невесть что. Причем, если как справиться с первым, я еще худо-бедно представлял — местонахождение стойл запомнилось неплохо, — то где в своем заведении обитает сам Яндекссон, не взялся бы угадать и в более спокойных условиях.

Пожалуй, есть один способ, довольно беспокойный, но надежный. На всякий случай код вызова отеля я нарезал в раковине на медь еще до отлета из дому, по справочнику «Рыжий Пергамент». Так что если вызвать местный коммутатор с карманной раковины, хозяина заведения сигнал никак не минует.

Сказано — сделано. После хисахских случаев несвоевременной утраты раковина обреталась в прочной жестянке с замшевой обивочкой. Извлечь ее и в свете фонарника найти код вызова не составило труда.

Эффект это возымело совершенно непредсказуемый: офисные раковины запели по всему дому на разные голоса, перекликаясь по коридорам нежным эхом. В ответ на это обрушилась целая лавина шурханья — неизвестное существо заметалось по галереям и холлам, вихрем скатываясь по лестницам и переходам в поисках местечка потише.

Смею надеяться, на Свена столь радикальный способ оповещения тоже подействовал, ибо выходить в одиночку на существо такого размера и подвижности мне как-то не хотелось. Даже несмотря на столь последовательно проявляемую тем осторожность и нежелание идти на конфликт, да что там — просто отчаянную трусость. Еще неизвестно, на что окажется способен пришелец, если загнать его в угол...

Яндекссон действительно отозвался достаточно скоро, совершенно заспанным голосом пробормотав из раковины стандартное: «Отель "У утопшего водолаза". Чем могу?» Услышанное принесло немалое облегчение и заставило сформулировать просьбу «Помогите!» менее паническим образом.

— Выйди в холл. Только осторожно, да прихвати что-нибудь посерьезнее. — На наличие оружия в хозяйстве трактирщика я почему-то не надеялся, несмотря на мишени, развешанные по всему отелю. — По коридорам кто-то шляется...

— Да-да, сейчас... — растерянно пробормотал трактирщик и отключился.

Чтобы встретиться с ним в условленном месте, пришлось поспешить, так что к финалу маршрута я порядком запыхался. Влетев в незакрытую дверь, я резко затормозил и чуть не брякнулся на карачки. А как еще прикажете реагировать на выставленный в самую физиономию ствол тесайрского ручного метателя под малокалиберный файрбол? Чуть больше нашего полуфунтового, на одну линию в калибре меньше полного дюйма...

Похоже, Свен воспринял мой совет вооружиться поосновательнее крайне серьезно. Где он только нарыл этот трофей, способный за один выстрел вынести тут целую комнату?

Подслеповато щурясь на мерцавший ему в глаза свет жука-фонарника, Яндекссон опустил ствол. Сам он предусмотрительно обошелся без освещения, поджидая меня в стороне от квадратов света не зашедшей еще главной луны, четко рассеченных оконными переплетами.

Отдышавшись, я разогнулся и махнул рукой столь основательно подготовившемуся трактирщику:

— Пошли, что ли...

На удивление без вопросов он последовал за мной во тьму коридора, где мой фонарник, скорее, сгущал, чем рассеивал тьму. Присутствие столь мощной огневой поддержки не столько внушало уверенность, сколько нервировало. Еще выпалит в самый неподходящий момент — беды не оберешься...

— В случае чего без команды не стреляй, — обернулся я к Свену. — А то натворишь дел...

— Там не файрбол, — понимающе отозвался Яндекссон. — Игл надсеченных две пачки и три стрелы бронебойных, кованых.

Нехило!!! Этакий набор рогача свалит с одного попадания, а кого поменьше в клочья изорвет, как летучая мясорубка. Футов на двадцать-тридцать, не дальше, но обычно и этого хватает. В коридорах с дальнобойным арбалетом, снабженным друзой кристаллов оптики, делать нечего.

При такой поддержке передвигаться по отелю можно без всякой опаски. А стало быть, и проверить стойла гекопардов. В одиночку соваться в крупное помещение, в котором неизвестная тварь может затаиться где угодно, не хотелось во всех случаях. Это не коридор, где нападения можно ждать только с двух направлений — спереди и сзади. Да еще из гипершкафа, будь он неладен...

По дороге к стойлам, понятно, терминалов последнего было куда меньше, равно как и раковин внутренней связи, поэтому немудрено, что следы бегства незваного гостя обнаружились на нашем пути в изобилии. В узком месте каменного коридора, пролегающего меж зубцами скал, вокруг которых строился отель, на стенах остались даже лохмы шерсти — длинной, серебристой, легко реющей на сквозняке в лучах света от недовольно скребущегося в склянке жука.

Что-то мне эта шерсть напомнила, но времени разобраться не было — по мере приближения к стойлам я все более энергично тащил за собой трактирщика. Особенно после того, как услышал недовольный взвизг гекопарда, почуявшего невдалеке чужака.

В стойла мы чуть не влетели с налета — остановила только меканская привычка сначала кидать в опасное помещение файрбол, а уж потом заходить туда. Здесь же вместо файрбола пришлось обойтись ярко светящимся мячом-тестером, заклятым на то, чтобы держаться над полом на высоте футов семь и не приближаться к стенам больше, чем на такое же расстояние.

Источник света медленно кружил по комнате, гоняя по стенам и полу длинные тени от столбов, а по потолку от балок. Гекопарды заинтересованно водили мордами, следя за летучим шариком, причем Шипучий — явно с намерением цапнуть и попробовать на зуб. Плотоядная заинтересованность явственно читалась на узкой оранжевой морде.

Среди множества теней ни одной лишней как-то не обнаруживалось. Разве что в овине среди куч сена, запасенного для рогачей, одна, самая большая, казалось, еще и сама тряслась в дрожащем свете тестера.

Да нет, не казалось. Кивнув Свену на копну, проявлявшую признаки самостоятельной жизни, я бочком-бочком, по стеночке, выставив перед собой стреломет, двинулся к стойлам, чтобы отрезать тварь от скакунов. Яндекссон со своим стрелобоем остался в дверях, страхуя пути отхода...

— Погодите-ка, хай-сэр! — вдруг, словно молнией, раскололо напряженное молчание его неожиданная реплика.

Не понимая, в чем дело, я попытался оглянуться на не вовремя подавшего голос трактирщика, в то же время не упуская из виду подозрительной копны, но это привело только к кратковременному приступу косоглазия.

— Да постойте же! — уже более настойчиво выкрикнул мой горе-напарник. — Это Пушок, я его взамен Шпиннэ завел!!! Он тихий совсем, хоть и большой...

Одновременно с его словами копна зашевелилась, и сено полетело во все стороны. Мой приступ косоглазия повторился в обратном направлении, от двери к овину. Услышав свое имя, новый любимец Свена завозился и выпростался наружу, фут за футом вздымаясь к потолку с виноватым поскуливанием.

Завершил свое явление Пушок совсем неуверенным «Ах-вах?», не идущим ни в какое сравнение с прежним бодрым кличем снежного горилла. Каковым он и был, без всякого сомнения. Вот, стало быть, куда прибился бедняга в поисках спасения от наших безобразий. Ничего себе любимец...

И все-таки при виде старого знакомца я опустил стреломет, памятуя о незлобивом характере здоровенного обезьяна, отягченном разве что неуемным любопытством, позволившим освоить гипершкаф, и изрядной нечистоплотностью, от которой, впрочем, сейчас не осталось и следа. Купание в организованном нами потопе явно пошло ему на пользу — теперь горилл вполне соответствовал своей новой кличке. Впервые в жизни чисто промытая шерсть топорщилась серебристым облаком, утыканным соломинками, мерцая и переливаясь в свете жука-фонарника.

Пушок так Пушок. Хотя если уж следовать традициям альтийских сказок, робкого обезьяна следовало бы поименовать Фастольфом в честь отличавшегося такой же храбростью рыцаря-обжоры. Вон как трясется в своем углу, подпирая коренной столб — аж мусор с потолка сыплется. Лишь бы лужу не напустил со страху, под стать давешней куче...

— Ладно... Только все-таки держи его подальше от гекопардов, — так запросто беспокойство не отпускало.

— Конечно, хай-сэр, конечно, — заторопился трактирщик. Откуда-то снова взялось его нелепое подобострастие, а деловой тон и краткость сгинули, как не были. То ли со страху за нового любимца, то ли от привычки принципиально по-разному вести себя на людях и наедине.

Как вообще уживаются в одном человеке недурной выдумщик, сумевший соорудить гипершкаф, чувствительная натура, всегда готовая приголубить беспомощную животину, и обычный... не то чтобы совсем уж лакей и холуй, но не слишком далекий от этого тип? В Фроххарте чувства собственного достоинства куда больше, даром что тот дворецкий по званию и верный слуга по сути своей.

От таких мыслей стало как-то неловко, и задерживаться в стойлах особенно не хотелось. Кивнув Яндекссону на прощанье, я довольно торопливо отправился обратно в номер к оставленному семейству. Подгоняло меня еще и осознание редкой нелепости этой полночной беготни со стрелометами и амулетами наперевес. Хотя и тут был свой резон, оправдывающий чрезмерную бдительность.

Глупо, конечно, вышло. Вот только люди и прочие представители разумных рас, если не отказались от разума по собственной воле, делятся на две разновидности: беспечных храбрецов по ту сторону Последней Завесы и осмотрительных трусов — по эту. Переходить из второй категории в первую у меня не было желания с самого Мекана, где я постиг сию истину. А уж теперь-то, при семье и должности Властителя, и подавно нет никакой охоты пополнять скорбный список тех, кто вовремя не позаботился о собственной безопасности. Что же до громких слов — тот, кто пережил хоть один аркналет, вжимаясь в болотную жижу на дне окопа, на «труса» обижаться не станет...

Тихо-тихо, боясь потревожить сон моих эльфочек, я проскользнул в номер и притворил дверь. Умудрившись ничем не брякнуть, стянул сапоги, содрал с себя оружейную сбрую и комбинезон. Скользнул под одеяло...

— Уже вернулся? — сонно, но вполне отчетливо пробормотала мне прямо в ухо разомлевшая Келла.

— Ага, — раздосадованный тем, что мое недолгое, как ка-

залось, отсутствие было все же замечено, я попытался отделаться скороговоркой: — Все спокойно. Спи, не волнуйся...

— А к нам тут горилл в дверь царапался, — с другой стороны тоже сквозь дрему сообщила Хирра. — Скулил, бедненький...

— Его Алир прогнала, — в свою очередь умиротворяюще протянула младшая жена, кивнув на дрыхнущую без задних ног подопечную. — Стоило ей голос подать, он тут же удрал.

Так они всё знали?! На фоне этого заявления моя ночная спасательная операция начала выглядеть еще более идиотским образом, чем доселе.

— Видел я его, — только и осталось мне бросить в ответ на услышанное. — Больше не вернется...

— Надеюсь, он цел? — строго, насколько это вообще возможно со сна, попеняла старшая жена. — И как тебе не надоест шпынять бедное животное!

Более убийственного приговора моим ночным похождениям нельзя было и придумать. Пробурчав что-то невразумительное, я ткнулся носом в подушку и приложил все усилия, чтобы заснуть. Сказать что-либо в оправдание собственного дурного геройства мне было нечего, а отвернуться к стенке в теплом окружении жен — невозможно.

Наутро от моей досады не осталось и следа, как и от прочих ночных переживаний. Приятное ожидание вызванного с вечера летающего корабля, коротаемое за красочным пересказом Яндекссону всего, что с нами стряслось, сборы и подготовка гекопардов к пути... За всем этими делами можно позабыть и не такое, особенно если очень стараешься.

По счастью, новый любимец трактирщика сообразил не показываться на глаза до самого нашего отъезда. Верховые звери тоже порядком успокоились за остаток ночи и утро, без труда дав взнуздать и оседлать себя. Сегодня даже Столовая Белая ласкалась не хуже приставучего Морсика. Соскучились по хозяйкам, зверюжины...

Спустя полчаса после полудня мы все вновь стояли у входа в отель. Свен тоже вышел проводить беспокойных гостей. Не для расчета — денежные вопросы были улажены еще с утра, — просто попрощаться с последними посетителями перед долгой горной зимой. Перебросится напоследок еще па-

рой слов перед тем, как на треть года, а то и больше снега и бури отрежут отель от остального мира. Почта, даже доставляемая телепосылом без малейшей отсрочки, общению не замена. Тут и гориллу неполноразумному рад будешь...

При всем понимании этих обстоятельств слова как-то не шли у меня с языка. Жены рассыпались в любезностях, прощаясь с Яндекссоном, а подопечная даже чмокнула его в нос напоследок. Сам же я после долгого молчания сумел выдавить лишь несложный вопрос:

— Какую вывеску теперь повесишь?

Отчего-то сомневаться, что прежней осталось недолго висеть, даже в голову не приходило.

— Сообразно календарю, хай-сэр. — Трактирщик и не думал отрицать это. — «Замиренкин день», красную с золотом.

Как же, годовщина бунта Суганихи Кровавого. В праздники она попала явно ради успокоения народа — как раз с Приснодня месяц с лишним, последний хмель уходит, и в голове образуется нездоровая тяжесть. С которой можно натворить чего угодно, если не плеснуть на старые угольки новой порции горючей жидкости. Спорю, так бунт и начался в свое время. Да еще самая длинная ночь в году недалече, когда темнота отчаянно давит на мозги. В трезвом виде такое едва ли перетерпишь...

Ничего, скоро дома будем, а там стены помогут пережить осеннюю тоску. Да и повод для празднования есть — жрецы могут приняться починять мир раньше намеченного. Не на весеннее равноденствие, когда из Огрогор хоть как можно было бы выбраться, даже не на зимнее солнцестояние, а, к чести рода Ночных Властителей Стийорров, в ту пору, когда Ночь имеет наивысшую власть. Есть чем гордиться!

В таком настроении можно и в путь. Ничего, что на считаные часы верхом да неполный день по воздуху. Недобрым зачином можно любую дорогу обернуть в опасную, даже один шаг сделав шагом за Последнюю Завесу.

Слов прощания больше не требовалось — обошлись короткими взмахами рук прямо из седел. Стосковавшиеся по свободе гекопарды нетерпеливо пританцовывали, ожидая возможности сорваться с места.

Негоже было и дальше томить зверей, дожидаясь, пока застучит молоток по сменной вывеске. Легким нажатием стре-

мян я послал Шипучего вперед. Тот рванул так обрадованно, что топот лап остальных скакунов стал слышен только спустя дюжину секунд. Еле нагнали.

Оглянувшись, я с удивлением заметил, что вперед вырвалась Алир на своем добродушном, но в общем-то вяловатом Морсике. Хирра с Келлой предпочли поотстать, вполголоса переговариваясь о чем-то в дюжине ярдов позади.

Когда мы втянулись в ущелье, жены и вовсе начали то и дело пропадать из виду за поворотами каменных стен, зато подопечная поддала ходу и пристроилась вровень со мной. Ее скакуну это давалось не без труда, так что мне пришлось сбавить рысь, чтобы не изнурять зверя без нужды. Морсик ведь — обычный гекопард, не чета скаковому, некогда собственноручно угнанному мной с ипподрома...

Несмотря на уменьшение скорости, моя древнейшая с моей же высокородной так нас и не нагнали. Видно, серьезный разговор меж ними завязался, не для лишних ушей. Особенно не для мужа и повелителя.

Что ж, они имеют на это право. Ничего во вред мне эльфи задумать не пожелают, а до прочего мне дела нет. Тем более что здесь наклевывается свой разговор, если судить по интригующим взглядам, которые искоса бросает на меня светлоэльфийская дива.

— Что это у тебя из чересседельных сумок торчит? — начал я первым, чтобы облегчить ей задачу. — Дрова какие-то...

— Рассада, — с готовностью отозвалась Алир, довольная, как кошка над сметаной. — Я еще перед выходом в горы набрала и у выхода из долины припрятала.

Это да — помнится, на подходе к скалам она приотстала малость, но задумываться над этим тогда, пока над нами еще висела проблема демона, не было ни малейшего желания. Да и клади никакой при подопечной не прибавилось, только кутаться в отсыревшую шубу стала еще сильней. Видно, под ней прутняк и схоронила. А когда и где она сумела его добыть, представить и вовсе невозможно.

— Что, без спросу? — в голове не укладывалось, что робкая эльфь оказалась способна хоть что-то сделать тайком.

— Что ты! Конечно, нет!!! — даже мысль об этом привела ее в священный ужас. — Хозяева еще спорили, у кого сорт лучше, чтобы мне подарить!

Тогда понятно. Огры ради нее готовы были не то что прутьев каких хочешь надергать — жилища свои по камешку разобрать. Тем более что нечто в этом роде случилось с ними и без того. Темно-красная блестящая кора в крупных почках яснее ясного давала понять, какой именно рассадой обзавелась подопечная.

Скоро у дракота появится новая забава: гонять по коридорам шустрые пуховки огрского национального растения, одновременно служащего домашним любимцем. Вот только пыль у нас в замке не водится. Кроме того, отчаянно непрактичная светлая эльфь совершила еще одно упущение.

— Думаешь, эта рассада у нас привьется? — поспешил я указать ей на него. — Флафы же не селятся на высоких строениях...

— А я их во внутреннем дворике высажу, в саду камней, — очень своевременно нашлась Алир и совершенно нелогично пояснила: — Очень огрское местечко...

Хорошо, Хирра не слышала, как обозвали «огрским местечком» святыню стиля ее рода! Хотя мысль сама по себе здравая. Внутренний дворик в сердце вознесенного на каменном шпиле замка действительно имеет некоторое сродство с горной долиной, а гроты и искусственные скалы в нем с определенным допущением можно принять за огрскую постройку.

Что поделать, дома тамошние не красотой крепки, от кучи камней не враз отличишь. Тут вся разница изнутри видна, в хороший буран или дождь. Надежность и уют — качества, которых у них не отнять. Будем надеяться, что ограм удастся просушить и отремонтировать порушенные потопом жилища до наступления серьезных холодов.

Несколько снежинок, закрутившихся в воздухе у нас перед глазами, только усилили угрызения совести. Спустя считаные секунды мы уже ехали сквозь облака танцующих белых точек. Пусть демона больше нет, но подступающую зиму в горах никто отменить не в силах...

Мне показалось, что, доведя меня до столь мрачных рассуждений, разговор угас сам собой. Но у светлоэльфийской дивы оказалось свое мнение на этот счет.

— Джек, а Джек... — совершенно внезапно позвала она меня по имени.

— Чего тебе еще? — даже изумление от впервые услышанного обращения не смягчило моей досады.

— Я замуж хочу! — довольно мурлыкнула Алир, потягиваясь под снегом, редкими пока искрами оседающим нам на волосы и плечи.

Настроение мигом сменилось с просто мрачного на вконец обескураженное. Вот и пойми их, эльфей этих. Вроде бы нормально прижилась в замке, все непонятки разгребли, притерлись друг к другу — и на тебе! Все-таки зацепил ее романтик сопливый.

— За этого... как его? — Я замялся, вспоминая детское имя будущего властителя Рийосурра. — Он же еще совсем пацан!

— Не-а, не угадал! Он скучный, и вообще, — протянула Опушечная, умилительно взглянув через плечо. — Я за тебя хочу!

Оп-па... Дожили. Главное, с чего бы это?

Хотя и так ясно. Похоже, подопечная уверена, что все случившееся я устроил исключительно ради нее. Ведьмину пыльцу в глаза пускал. Развлечения обеспечивал, чтобы не заскучала, бедняжка...

Словно почуяв, как я завожусь, светлая эльфь в долю секунды перебралась со своего седла на холку гекопарда передо мной. Оба зверя тут же встали, обученные беречь не пристегнутого седока. Как она так быстро привязные ремни сбросила, не понимаю! Заранее, что ли?

Покуда я недоумевал, Алир повисла у меня на шее, крепко обняв, ткнулась носом в ключицу — для этого без малого семифутовой диве пришлось свернуться клубочком — и промурлыкала еще более сладко, чем обычно:

— С тобой надежно. Неспокойно, но всегда просто. Даже когда всякие бытовые неприятности...

Так-то. Вот, оказывается, как называется экспедиция в огрские горы, едва не стоившая всем участникам жизни, многолетнего плена или, в самом лучшем случае — позора на весь город. Мелкая помеха в быту. Нет, как оказалось, эльфей я понимаю еще меньше, чем думал. Да и не только эльфей — любых женщин. Вне зависимости от расы и роста с возрастом...

Неожиданно я почувствовал, что совершенно спокоен. Раньше погасить мое внезапное раздражение удавалось толь-

ко Келле. Хирра и то временами бессильна перед этими внезапными порывами — она сильна своей реакцией на мои закидоны. А тут ни то, ни другое, но не менее эффективно. Это оказалось приятной неожиданностью. Проблема предстала в совершенно ином свете.

В конце концов, отчего я завелся? Оттого, что вообразил, будто подопечная решила покинуть семью. А она, напротив, решила остаться подольше. В понимании эльфи — на несколько человеческих жизней. И вдобавок освободиться от условностей, сдерживающих любвеобильный темперамент, таких, как наша с Хиррой Высокая клятва...

Может, во всем этом и есть рациональное зерно.

— Ладно, — с тяжелым вздохом признал я ее правоту и право на подобное предложение. — Только одно условие!

— Какое? — подняла на меня сияющие глазищи Алир.

— Сделай челку, — чуть виновато буркнул я и признался: — Чтоб с сестрой тебя не путать. А то ты на нее похожа — жуть. До сих пор в дрожь бросает.

Не говоря ни слова, светлоэльфийская дива убрала руки с моей шеи и о твернулась, склонив голову. Золотые завитки тут же рассыпались, занавесив ей лицо. Конечно, кому не жалко такого богатства... Под этим импровизированным пологом она то ли всхлипывала, то ли тихо возилась. Ну-ну... Чего будет стоить эльфи моя минутная прихоть?

Что-то щелкнуло, и Алир вновь стремительно повернулась ко мне, улыбаясь до ушей и задрав носик, на который падали наскоро обкромсанные прядки.

— Так? — спросила Опушечная, красуясь свежеподрезанной челкой.

— Примерно... — в некотором обалдении подтвердил я.

Скромно потупившись, светлоэльфийская дива наматывала на палец решительно отхваченные волосы. Внушительный клубочек получается. Ох, чую, в недалеком будущем кто-нибудь в замке обзаведется изящной плетеной вещицей. Лихо у нее вышло, в момент. Хотя, на мой вкус, челка могла бы быть и поровней...

Не менее решительно я обнял и поцеловал бывшую подопечную и будущую нареченную в одном лице. Впервые по своей инициативе. Многое я раньше терял, оказывается.

Когда берешь дело в свои руки, Алир просто великолепна!

Содержание

Собачий глаз 5
Белое солнце Пойнтера 425
Пойнтер в гору не пойдет 739

Литературно-художественное издание

Всеволод
МАРТЫНЕНКО

ПОЙНТЕР
СОБАЧИЙ ГЛАЗ
БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПОЙНТЕРА
ПОЙНТЕР В ГОРУ НЕ ПОЙДЕТ

Ответственный редактор *А. Сидорович*
Корректоры *Л. Комарова, А. Григорьева, О. Смушко*
Верстка *В. Смолянинова*

Подписано в печать 21.12.2011 г.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Петербургская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 62,0. Уч.-изд. л. 45,8
Тираж 3550 экз. Заказ № 5519.

«Ленинградское издательство»
191023, Санкт-Петербург
пер. Апраксин, д. 4, лит. А, пом. 15Н
E-mail: fankon@yandex.ru
Телефон/факс: (812) 363-42-72

Отпечатано по технологии CTP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство»
194044, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, д. 9
Телефон/факс: (812) 495-56-10

Пойнтер

— На нас пал жребий, — на лице черной дивы отразилось презрение к моим умственным усилиям. — Ты — добыча, я — твой Охотник. У меня три чистых попытки. Все три неудачные, так что, — ее совершенная мордашка брезгливо скривилась, — теперь я должна убить тебя своими руками. Или...

— Что — «или»? — безразлично, по инерции спросил я, ни на что уже не надеясь. Мир для меня замер. Такие не бросаются словами. Впрочем, сложить лапки и покорно принимать смерть я не собирался. Она же не знает, что мой стреломет пуст.

Почуяв напряжение, ночная тварь извлекла из складок черного шелка свой стреломет. Как будто теперь что-то могло меня остановить.

Ленинградское издательство
ISBN 978-5-9942-0984-4
9 785994 209844
www.lenizdat.org